ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XXIV

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XXIV

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX Съезда Р.К.П.(б.)
и
II Съезда Советов
С.С.С.Р.

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1·9·3·2

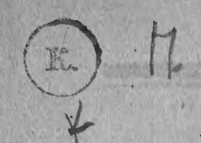
ЛЕНИН

ТОМ

XXIV

1919

39-й экз

К.
17

ЕА3
С653
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
550
32
80320у

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает произведения Ленина за время с марта по конец декабря 1919 года.

Основное содержание тома составляют статьи, документы и речи Ленина, посвященные: вопросам пролетарской диктатуры и хозяйственного строительства в период «военного коммунизма» (соглашение со средним крестьянством, организация форм коммунистического труда — «коммунистические субботники», вовлечение широких масс в советскую работу, использование буржуазных специалистов); мобилизации сил пролетариата и трудящихся крестьян для отпора вооруженной контр-революции (Колчак, Юденич, Деникин), поддерживаемой всемирным империализмом, и преодоления хозяйственных затруднений; руководству Красной армией на фронтах гражданской войны и беспощадной борьбе с «прикрытыми врагами народа» — меньшевиками, правыми и левыми эс-эрами; вопросам международной пролетарской революции (сплочение лучших элементов рабочего класса на платформе борьбы за диктатуру пролетариата и раскола с каутскианцами, разоблачение буржуазной сущности «чистой» демократии Каутских, Гильфердингов и К°, критика «левых» ошибок растущего молодого коммунистического движения) и выработке, обоснованию и защите платформы III Интернационала (тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре) и программы Р. К. П. (б.).

Бо́льшую часть произведений тома составляют устные выступления Ленина — его доклады и речи. Текст их, при наличии стенографических записей, давался полностью по этим записям. В этом отношении текст таких выступлений Ленина, как его доклады и речи 30 марта, 3 апреля, 4 и 30 июня и некоторые другие, — является, по сравнению с первым изданием, значительно дополненным и критически проверенным.

Исправления в стенографических записях носят лишь необходимый редакционный характер. В тех случаях, когда смысл записанного восстановить не представлялось возможным, такие места опускались, что̀, как правило, отмечено в тексте многоточиями.

В том включено 45 произведений, относящихся к данному периоду, но не вошедших в первое издание; из них 8 — публикуются вообще впервые (они особо отмечены в содержании к тому). Кроме того исключено, как не принадлежащее Ленину, напечатанное в первом издании «Заявление участников Циммервальдской конференции, сделанное на I конгрессе Коммунистического Интернационала».

Из писем этого периода в том включено лишь несколько, имеющих особо важное политическое значение. Некоторые из них («Товарищу Серрати и Лаццари», «Товарищу Лорио и всем французским друзьям, примкнувшим к III Интернационалу», «Товарищу Серрати и итальянским коммунистам») до сего времени были напечатаны только в иностранной прессе.

В расположении материалов тома сделано отступление от хронологического порядка лишь в отношении «Проекта программы Р. К. П. (б.)» и речей, записанных на граммофонных пластинках.

Относительно «Проекта программы», законченного составлением не позже средины февраля 1919 г., необходимо отметить, что он вообще выходит за хронологические рамки тома. «Проект» впервые был опубликован в 1930 г., после выхода в свет соответствующего тома Сочинений, в котором он поэтому не мог быть напечатан. Учитывая большое теоретическое значение этого документа, выясняющего к тому же роль Ленина в составлении программы нашей партии, в основном, как видно из него, написанной Лениным, редакция Сочинений сочла целесообразным включить «Проект» в настоящий том, предпослав его материалам VIII съезда, к которым он самым тесным и непосредственным образом примыкает.

Что касается речей, записанных на граммофонных пластинках, то все они помещены в конце марта месяца, по мотивам, изложенным в примечании к ним.

В остальных случаях, когда нельзя было установить точную дату произведения, оно помещалось в конце соответствующего месяца или в конце года.

Декабрь 1931 года.

В. И. ЛЕНИН
май 1919 г.

I КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА [1]

2 — 6 МАРТА 1919 Г.

Напечатано: на немецком языке в 1920 г. в книге: «Der I. Kongress der Kommunistischen Internationale». Protokoll der Verhandlungen in Moskau... Verlag der Kommunistischen Internationale. Petrograd; на русском языке в 1921 г. в книге: «Первый конгресс Коммунистического Интернационала». Протоколы заседаний в Москве... Изд-во Коммунистического Интернационала. Петроград

Печатается: речь при открытии конгресса, доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата и речь при закрытии конгресса по тексту протоколов русского издания, сверенному с текстом немецкого; тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата по тексту «Правды» № 51, 6 марта 1919 г.

DER I. KONGRESS DER KOMMUNISTISCHEN INTERNATIONALE

PROTOKOLL
DER VERHANDLUNGEN IN
MOSKAU VOM 2. BIS ZUM
19. MÄRZ 1919

Обложка книги: «Der I. Kongress der Kommunistischen Internationale» — 1920 г.

1.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНГРЕССА 2 МАРТА.

По поручению Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, открываю первый международный коммунистический конгресс. Прежде всего прошу всех присутствующих почтить вставанием память лучших представителей III Интернационала: Карла Либкнехта и Розы Люксембург. (Все встают.)

Товарищи! Наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом.

Буржуазия испытывает безумный страх перед растущим революционным движением пролетариата. Это станет понятным, если мы примем во внимание, что ход событий после империалистской войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата, что международная мировая революция начинается и усиливается во всех странах.

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Такой формой является советская система с диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата! — до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и аналогичным организациям в других странах, как, например, Shop Stewards Committees*) в Англии [2]). Все это доказы-

*) — Комитеты фабричных старост. *Ред.*

вает, что революционная форма пролетарской диктатуры найдена, что пролетариат теперь в состоянии практически использовать свое господство.

Товарищи! Я думаю, что после событий в России, после январской борьбы в Германии [3]) — особенно важно отметить, что и в других странах пробивается к жизни и приобретает господство новейшая форма движения пролетариата. Сегодня, например, я читал в одной анти-социалистической газете телеграфное сообщение о том, что английское правительство приняло Бирмингамский Совет Рабочих Депутатов и высказало готовность признать Советы, как экономические организации [4]). Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы — в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — в Англии.

Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих, — победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена.

Товарищи! Сердечно приветствуя вас от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, предлагаю приступить к выборам президиума.

2.

ТЕЗИСЫ И ДОКЛАД О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА 4 МАРТА[5]).

1. Рост революционного движения пролетариата во всех странах вызвал судорожные потуги буржуазии и ее агентов в рабочих организациях найти идейно-политические доводы для защиты господства эксплуататоров. Среди этих доводов особенно выдвигается осуждение диктатуры и защита демократии. Лживость и лицемерие такого довода, повторяемого на тысячи ладов в капиталистической печати и на конференции желтого Интернационала в феврале 1919 г. в Берне[6]), очевидны для всех, кто не хочет изменять основным положениям социализма.

2. Прежде всего, этот довод оперирует с понятиями «демократия вообще» и «диктатура вообще», не ставя вопроса о том, о каком классе идет речь. Такая внеклассовая или надклассовая, якобы общенародная, постановка вопроса есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе, которое на словах признают, а на деле забывают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии. Ибо ни в одной цивилизованной капиталистической стране не существует «демократии вообще», а существует только буржуазная демократия, и речь идет не о «диктатуре вообще», а о диктатуре угнетенного класса, т.-е. пролетариата, над угнетателями и эксплуататорами, т.-е. буржуазией, в целях преодоления сопротивления, которое оказывают эксплуататоры в борьбе за свое господство.

3. История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог придти к господству, не переживая периода диктатуры, т.-е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплуататоры. Буржуазия, господство которой защищают теперь социалисты, говорящие против «диктатуры вообще» и распинающиеся за «демократию вообще», завоевывала власть в передовых странах ценой ряда восстаний, гражданских войн, насильственного подавления королей, феодалов, рабовладельцев и их попыток реставрации. Тысячи и миллионы раз объясняли народу классовый характер этих буржуазных революций, этой буржуазной диктатуры социалисты

всех стран в своих книгах, брошюрах, в резолюциях своих съездов, в своих агитационных речах. Поэтому теперешняя защита буржуазной демократии под видом речей о «демократии вообще» и теперешние вопли и крики против диктатуры пролетариата под видом криков о «диктатуре вообще» являются прямой изменой социализму, фактическим переходом на сторону буржуазии, отрицанием права пролетариата на свою, пролетарскую, революцию, защитой буржуазного реформизма как раз в такой исторический момент, когда буржуазный реформизм во всем мире потерпел крах и когда война создала революционную ситуацию.

4. Все социалисты, разъясняя классовый характер буржуазной цивилизации, буржуазной демократии, буржуазного парламентаризма, выражали ту мысль, которую с наибольшей научной точностью высказали Маркс и Энгельс словами, что наиболее демократическая буржуазная республика есть не что иное, как машина для подавления рабочего класса буржуазией, массы трудящихся горсткой капиталистов [7]). Нет ни одного революционера, ни одного марксиста, из кричащих ныне против диктатуры и за демократию, который бы не клялся и не божился перед рабочими в том, что он признает эту основную истину социализма; а теперь, когда революционный пролетариат приходит в брожение и движение, направленное к разрушению этой машины угнетения и к завоеванию пролетарской диктатуры, эти изменники социализма изображают дело так, будто буржуазия даровала трудящимся «чистую демократию», будто буржуазия отказалась от сопротивления и готова повиноваться большинству трудящихся, будто никакой государственной машины для подавления труда капиталом в демократической республике не было и нет.

5. Парижская Коммуна, которую на словах чествуют все, желающие слыть социалистами, ибо они знают, что рабочие массы горячо и искренне сочувствуют ей, показала особенно наглядно историческую условность и ограниченную ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии — учреждений, в высокой степени прогрессивных по сравнению с средневековьем, но неизбежно требующих коренной перемены в эпоху пролетарской революции. Именно Маркс, который лучше всего оценил историческое значение Коммуны, анализируя ее, показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (ver- und zertreten) народ в парламенте [8]). Как раз теперь, когда советское движение, охватывая весь мир, на глазах у всех продолжает дело Коммуны, изменники социализма забывают конкретный опыт и конкретные уроки Парижской Коммуны, повторяя старый буржуазный хлам о «демократии вообще». Коммуна была не парламентским учреждением.

6. Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судейский, военный, полицейский, заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти. Все современные буржуазно-демократические республики, в том числе германская, которую изменники социализма в насмешку над истиной называют пролетарской, сохраняют этот государственный аппарат. Таким образом, подтверждается еще и еще раз вполне наглядно, что крики в защиту «демократии вообще» на деле представляют из себя защиту буржуазии и ее эксплуататорских привилегий.

7. «Свобода собраний» может быть взята за образец требований «чистой демократии». Всякий сознательный рабочий, не порвавший со своим классом, поймет сразу, что было бы нелепо обещать свободу собраний эксплуататорам на тот период и в той обстановке, когда эксплуататоры оказывают сопротивление их свержению и отстаивают свои привилегии. Буржуазия, когда она была революционной, ни в Англии 1649 г., ни во Франции 1793 г., не давала «свободы собраний» монархистам и дворянам, призывавшим иностранные войска и «собиравшимся» для организации попыток реставрации. Если теперешняя, давно ставшая реакционной, буржуазия требует от пролетариата, чтобы он заранее гарантировал, несмотря на то, какое сопротивление окажут капиталисты их экспроприации, «свободу собраний» для эксплуататоров, то рабочие будут только смеяться над лицемерием буржуазии.

С другой стороны, рабочие прекрасно знают, что «свобода собраний» даже и в наиболее демократической буржуазной республике есть пустая фраза, ибо богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. Пролетарии города и деревни и мелкие крестьяне, т.-е. гигантское большинство населения, не имеют ни того, ни другого, ни третьего. Пока дела стоят таким образом, «равенство», т.-е. «чистая демократия», есть обман. Чтобы завоевать настоящее равенство, чтобы осуществить на деле демократию для трудящихся, надо сначала отнять у эксплуататоров все общественные и роскошные частные здания, надо сначала дать досуг трудящимся, надо, чтобы охраняли свободу их собраний вооруженные рабочие, а не дворянчики или капиталисты-офицеры с забитыми солдатами.

Только после такой перемены можно без издевательства над рабочими, над трудящимися, над бедными говорить о свободе собраний, о равенстве. А произвести такую перемену некому, кроме как авангарду трудящихся, пролетариату, свергающему эксплуататоров, буржуазию.

8. «Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии». Опять-таки рабочие знают, и социалисты всех стран миллионы раз признавали, что эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты, а для этого необходимо свергнуть иго капитала, свергнуть эксплуататоров, подавить их сопротивление. Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду. Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения. Защитники «чистой демократии» опять-таки оказываются на деле защитниками самой грязной, продажной системы господства богачей над средствами просвещения масс, оказываются обманщиками народа, отвлекающими его посредством благовидных, красивых и насквозь фальшивых фраз от конкретной исторической задачи освобождения прессы от ее закабаления капиталу. Действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты и в котором не будет возможности обогащаться на чужой счет, не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой.

9. История XIX и XX века показала нам еще до войны, чем является на деле пресловутая «чистая демократия» при капитализме. Марксисты всегда говорили, что, чем развитее, чем «чище» демократия, тем обнаженнее, резче, беспощаднее становится классовая борьба, тем «чище» выступает гнет капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса в республиканской Франции, кровавые расправы наемных отрядов, вооруженных капиталистами, со стачечниками в свободной и демократической республике Америки, — эти и тысячи подобных фактов показывают ту правду, которую тщетно пытается скрыть буржуазия, именно, что в самых демократических республиках на деле господствуют террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется.

10. Империалистская война 1914—1918 г.г. окончательно об-

наружила даже перед отсталыми рабочими этот истинный характер буржуазной демократии даже в самых свободных республиках, как характер диктатуры буржуазии. Из-за обогащения немецкой или английской группы миллионеров или миллиардеров были перебиты десятки миллионов, и в самых свободных республиках установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжается и после разгрома Германии в странах Антанты. Именно война всего больше раскрыла глаза трудящимся, сорвала фальшивые цветы с буржуазной демократии, показала народу всю бездну спекуляции и наживы во время войны и по случаю войны. Во имя «свободы и равенства» вела буржуазия эту войну, во имя «свободы и равенства» неслыханно обогащались военные поставщики. Никакие усилия желтого Бернского Интернационала не скроют от масс разоблаченного теперь до конца эксплуататорского характера буржуазной свободы, буржуазного равенства, буржуазной демократии.

11. В самой развитой капиталистической стране на континенте Европы, в Германии, первые же месяцы полной республиканской свободы, принесенной разгромом империалистской Германии, показали немецким рабочим и всему миру, в чем состоит действительная классовая сущность буржуазной демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно-исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетарского Коммунистического Интернационала, но и потому, что для передового европейского — можно без преувеличения сказать: для передового в мировом масштабе — государства обнажилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т.-е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами, при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии. Люди, которые выражают свое негодование по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимают этой истины, обнаруживают этим лишь либо свое тупоумие, либо свое лицемерие. «Свобода» в одной из самых свободных и передовых республик мира, в германской республике, есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата. И это не может быть иначе, пока держится капитализм, ибо развитие демократизма не притупляет, а обостряет классовую борьбу, которая, в силу всех результатов и влияний войны и ее последствий, доведена до точки кипения.

Во всем цивилизованном мире происходит теперь высылка большевиков, преследование их, заключение их в тюрьмы, как, например, в одной из свободнейших буржуазных республик, в Швейцарии, погромы против большевиков в Америке и т. п.

С точки зрения «демократии вообще», или «чистой демократии», прямо смешно, что передовые, цивилизованные, демократические, вооруженные до зубов страны боятся присутствия в них нескольких десятков людей из отсталой, голодной, разоренной России, которую в десятках миллионов экземпляров буржуазные газеты называют дикой, преступной и т. д. Ясно, что общественная обстановка, которая могла породить такое вопиющее противоречие, есть на деле диктатура буржуазии.

12. При таком положении дел диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии, приведшей к войне и подготовляющей новые войны.

Главное, чего не понимают социалисты, и что составляет их теоретическую близорукость, их плененность буржуазными предрассудками и их политическую измену по отношению к пролетариату, это то, что в капиталистическом обществе, при сколько-нибудь серьезном обострении заложенной в основе его классовой борьбы, не может быть ничего среднего, кроме диктатуры буржуазии или диктатуры пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа. Об этом свидетельствует и опыт более чем столетнего развития буржуазной демократии и рабочего движения во всех передовых странах и в особенности опыт последнего пятилетия. Об этом говорит также вся наука политической экономии, все содержание марксизма, выясняющего экономическую неизбежность при всяком товарном хозяйстве диктатуры буржуазии, которую некому сменить, кроме класса, развиваемого, умножаемого, сплачиваемого, укрепляемого самим развитием капитализма, т.-е. класса пролетариев.

13. Другая теоретическая и политическая ошибка социалистов состоит в непонимании того, что формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения. Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.

14. Диктатура пролетариата тем сходна с диктатурой других классов, что она вызвана необходимостью, как и всякая дик-

татура, подавить насильственное сопротивление класса, теряющего политическое господство. Коренное отличие диктатуры пролетариата от диктатуры других классов, — от диктатуры помещиков в средние века, от диктатуры буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах, — состоит в том, что диктатура помещиков и буржуазии была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, именно трудящихся. Напротив, диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т.-е. ничтожного меньшинства населения, помещиков и капиталистов.

Отсюда, в свою очередь, вытекает, что диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов.

И действительно, та форма диктатуры пролетариата, которая уже выработана фактически, т.-е. Советская власть в России, Räte-System *) в Германии [9]), Shop Stewards Committees и другие аналогичные советские учреждения в других странах, все они означают и осуществляют именно для трудящихся классов, т.-е. для громадного большинства населения, такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках.

Сущность Советской власти состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, не эксплуатирующих чужого труда и прибегающих постоянно к продаже хотя бы части своей рабочей силы). Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством.

15. То равенство граждан, независимо от пола, религии, расы, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не провела и, в силу господства капитализма, провести не могла, Советская власть или диктатура пролетариата осуществляет сразу и полностью, ибо в состоянии сделать это только власть рабочих, не заинтересованных в частной

*) — система Советов. *Ред.*

собственности на средства производства и в борьбе за раздел и передел их.

16. Старая, т.-е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.-е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика.

17. Войско было аппаратом угнетения не только при монархии. Оно осталось таковым и во всех буржуазных, даже наиболее демократических, республиках. Только Советская власть, как постоянная государственная организация именно угнетавшихся капитализмом классов, в состоянии разрушить подчинение войска буржуазному командованию и действительно слить пролетариат с войском, действительно осуществить вооружение пролетариата и разоружение буржуазии, без чего невозможна победа социализма.

18. Советская организация государства приспособлена к руководящей роли пролетариата, как класса, наиболее сконцентрированного и просвещенного капитализмом. Опыт всех революций и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения.

19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т.-е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала первый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть — второй.

20. Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т.-е. равенство и свобода, неосуществим. А к этой цели ведет практически только советская или пролетарская демократия, ибо, привлекая к постоянному и непременному участию в управлении государством массовые организации трудящихся, она начинает немедленно подготовлять полное отмирание всякого государства.

21. Полное банкротство социалистов, собравшихся в Берне, полное непонимание ими новой, т.-е. пролетарской, демократии видно особенно из следующего. 10 февраля 1919 г. Брантинг закрыл в Берне Международную конференцию желтого Интернацио-

нала. 11 февраля 1919 г. в Берлине, в газете его участников «Die Freiheit»*), напечатано обращение партии «независимых» к пролетариату. В этом обращении признается буржуазный характер правительства Шейдемана, ему ставится в упрек желание отменить Советы, которые называются Träger und Schützer der Revolution — носителями и хранителями революции, и делается предложение легализовать Советы, дать им государственные права, дать им право приостанавливать решения Национального Собрания, с передачей дела на всенародное голосование[19]).

Такое предложение есть полный идейный крах теоретиков, защищавших демократию и не понимавших ее буржуазного характера. Смехотворная попытка соединить систему Советов, т.-е. диктатуру пролетариата, с Национальным Собранием, т.-е. с диктатурой буржуазии, разоблачает до конца и убожество мысли желтых социалистов и социал-демократов, и их политическую реакционность мелких буржуа, и их трусливые уступки неудержимо растущей силе новой, пролетарской, демократии.

22. Осуждая большевизм, большинство желтого Интернационала в Берне, которое не решилось формально голосовать соответствующей резолюции из боязни рабочих масс, поступало правильно с классовой точки зрения. Именно это большинство вполне солидарно с русскими меньшевиками и социалистами-революционерами и Шейдеманами в Германии. Русские меньшевики и социалисты-революционеры, жалуясь на преследования со стороны большевиков, пытаются скрыть тот факт, что преследования эти вызваны участием меньшевиков и социалистов-революционеров в гражданской войне на стороне буржуазии против пролетариата. Точно так же Шейдеманы и их партия уже доказали в Германии такое же свое участие в гражданской войне на стороне буржуазии против рабочих.

Вполне естественно поэтому, что большинство участников Бернского желтого Интернационала высказалось за осуждение большевиков. В этом выразилась не защита «чистой демократии», а самозащита людей, которые знают и чувствуют, что в гражданской войне они стоят на стороне буржуазии против пролетариата.

Вот почему, с классовой точки зрения, нельзя не признать правильным решение большинства желтого Интернационала. Пролетариат должен, не боясь правды, посмотреть ей прямо в лицо и сделать отсюда все политические выводы.

Товарищи! Мне хотелось бы прибавить еще кое-что к последним двум пунктам. Я думаю, что товарищи, которые должны нам сделать доклад о Бернской конференции, расскажут нам об этом подробнее.

*) — «Свобода». *Ред.*

В течение всей Бернской конференции не было сказано ни одного слова о значении Советской власти. Уже в течение двух лет мы обсуждаем этот вопрос в России. В апреле 1917 г. на партийной конференции нами был уже теоретически и политически поставлен вопрос: «Что такое Советская власть, каково ее содержание, в чем ее историческое значение?». Уже почти два года обсуждаем мы этот вопрос, и на нашем партийном съезде примем резолюцию по поводу него.

Берлинская «Freiheit» напечатала 11 февраля воззвание к немецкому пролетариату, подписанное не только вождями независимых социал-демократов Германии, но и всеми членами фракции независимых. В августе 1918 г. крупнейший теоретик этих независимых, Каутский, писал в своей брошюре «Диктатура пролетариата», что он сторонник демократии *и* советских органов, но что Советы должны иметь лишь хозяйственное значение и отнюдь не признаваться в качестве государственных организаций. Каутский повторяет то же самое в номерах «Freiheit» от 11 ноября и 12 января [11]). 9 февраля появляется статья Рудольфа Гильфердинга, который считается также одним из крупнейших авторитетных теоретиков II Интернационала. Он уже предлагает юридически, путем государственного законодательства, объединить систему Советов с Национальным Собранием [12]). Это было 9 февраля. 11-го это предложение принимается всей партией независимых и опубликовывается в виде воззвания.

Несмотря на то, что Национальное Собрание уже существует, даже после того, как «чистая демократия» воплотилась в действительность, после того, как самые крупные теоретики независимых социал-демократов объявили, что советские организации не должны быть государственными организациями, несмотря на все это — опять колебание! Это доказывает, что эти господа действительно ничего не поняли в новом движении и в условиях его борьбы. Но это доказывает еще и другое, а именно: должны быть условия, причины, вызывающие это колебание! После всех этих событий, после этой почти двухлетней победоносной революции в России, когда нам предлагают такие резолюции, как принятые на Бернской конференции, в которых ничего не говорится о Советах и их значении, на которой ни один делегат не обмолвился об этом ни единым словом, мы можем с полным правом утверждать, что все эти господа, как социалисты и теоретики, умерли для нас.

Но практически, с точки зрения политики, это, товарищи, доказательство того, что среди масс происходит большой сдвиг, — раз эти независимые, бывшие теоретически и принципиально против этих государственных организаций, вдруг предлагают такую глупость, как «мирное» соединение Национального Собрания с системой Советов, т.-е. соединение диктатуры буржуазии

с диктатурой пролетариата. Мы видим, как все они обанкротились в социалистическом и теоретическом отношениях, и какая огромная перемена происходит в массах. Отсталые массы немецкого пролетариата идут к нам, пришли к нам! Значение Независимой партии германских социал-демократов, лучшей части Бернской конференции, с теоретической и социалистической точек зрения, таким образом, равно нулю; некоторое значение, однако, за ней остается, и оно состоит в том, что эти колеблющиеся элементы служат нам показателем настроения отсталых частей пролетариата. В этом, по моему убеждению, и заключается величайшее историческое значение этой конференции. Нечто подобное мы пережили в нашей революции. Наши меньшевики прошли почти в точности тот же путь развития, что и теоретики независимых в Германии. Сначала, когда они имели в Советах большинство, они были за Советы. Тогда только и слышно было: «Да здравствуют Советы!», «За Советы!», «Советы — революционная демократия!». Когда же большинство в Советах получили мы, большевики, тогда запели они другие песни: Советы не должны существовать на-ряду с Учредительным Собранием; а различные меньшевистские теоретики делали почти такие же предложения, вроде соединения системы Советов с Учредительным Собранием и включения их в государственную организацию [13]). Здесь еще раз обнаруживается, что общий ход пролетарской революции одинаков во всем мире. Сначала стихийное образование Советов, затем их распространение и развитие, далее появление на практике вопроса: Советы или Национальное Собрание, или Учредительное Собрание, или буржуазный парламентаризм; полнейшая растерянность среди вожаков и, наконец, — пролетарская революция. Но я полагаю, что после почти двух лет революции мы не должны так ставить вопрос, а должны выносить конкретные решения, так как распространение системы Советов является для нас, и в особенности для большинства западно-европейских стран, важнейшей задачей.

Мне хотелось бы привести здесь только одну резолюцию меньшевиков. Я просил тов. Оболенского перевести ее на немецкий язык. Он мне обещал это сделать, но, к сожалению, его здесь нет. Я постараюсь воспроизвести ее по памяти, так как полного текста этой резолюции у меня нет.

Иностранцу, ничего не слышавшему про большевизм, весьма трудно составить себе собственное мнение о наших спорных вопросах. Все, что утверждают большевики, оспаривают меньшевики, и наоборот. Конечно, во время борьбы и не может быть иначе, поэтому-то весьма важно, что последняя конференция партии меньшевиков в декабре 1918 г. приняла длинную, подробную резолюцию, которая была напечатана полностью в меньшевистской «Газете Печатников» [14]). В этой резолюции меньшевики сами

вкратце излагают историю классовой борьбы и гражданской войны. В резолюции говорится, что они осуждают те группы своей партии, которые находятся в союзе с имущими классами на Урале, на юге, в Крыму и в Грузии, — и перечисляют все эти области. Те группы меньшевистской партии, которые в союзе с имущими классами шли против Советской власти, осуждаются теперь в резолюции, а последний пункт осуждает и тех, кто перешел к коммунистам. Отсюда следует: меньшевики вынуждены признать, что в их партии нет единства, и что они стоят или на стороне буржуазии, или на стороне пролетариата. Большая часть меньшевиков перешла на сторону буржуазии и во время гражданской войны боролась против нас. Мы, конечно, преследуем меньшевиков, мы их даже расстреливаем, когда они в войне против нас борются против нашей Красной армии и расстреливают наших красных командиров. На войну буржуазии мы ответили войной пролетариата, — другого исхода быть не может. Таким образом, с политической точки зрения все это — лишь меньшевистское лицемерие. Исторически непонятно, каким образом на Бернской конференции люди, официально не объявленные сумасшедшими, могли, по поручению меньшевиков и эс-эров, говорить о борьбе большевиков с ними, но умолчать о своей борьбе в союзе с буржуазией против пролетариата.

Все они с ожесточением выступают против нас, так как мы их преследуем. Это верно. Но они не говорят ни словечка о том, какое участие они сами принимали в гражданской войне! Я думаю, что я должен буду предоставить для протокола полный текст резолюции, а иностранных товарищей попрошу обратить внимание на эту резолюцию, так как она представляет собой исторический документ, в котором вопрос ставится правильно и который дает лучший материал для оценки спора «социалистических» направлений в России между собой. Между пролетариатом и буржуазией существует еще класс людей, склоняющихся то в одну, то в другую сторону; так было всегда и во всех революциях, и абсолютно невозможно, чтобы в капиталистическом обществе, где пролетариат и буржуазия образуют два враждебных лагеря, не существовало между ними промежуточных слоев. Существование этих колеблющихся элементов исторически неизбежно, и, к сожалению, такие элементы, которые сами не знают, на чьей стороне они завтра станут бороться, будут еще довольно долго существовать.

Я хочу сделать практическое предложение, заключающееся в том, чтобы принять резолюцию, в которой должны быть специально отмечены три пункта.

Во-первых: одна из самых важных задач для товарищей из западно-европейских стран состоит в разъяснении массам значения, важности и необходимости системы Советов. В этом вопросе

наблюдается недостаточное понимание. Если Каутский и Гильфердинг, как теоретики, и обанкротились, то последние статьи в «Freiheit» все же доказывают, что они правильно изображают настроение отсталых частей немецкого пролетариата. И у нас происходило то же самое: в первые восемь месяцев русской революции вопрос о советской организации очень много обсуждался, и рабочим было неясно, в чем состоит новая система, и можно ли из Советов создать государственный аппарат. В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим. Например, вопрос об Учредительном Собрании мы раньше теоретически не выставляли и не говорили, что не признаем Учредительного Собрания. Лишь позднее, когда советские организации распространились по всей стране и завоевали политическую власть, лишь тогда мы решили разогнать Учредительное Собрание. Теперь мы видим, что в Венгрии и в Швейцарии вопрос стоит гораздо острее [15]). С одной стороны, это очень хорошо: мы черпаем отсюда твердую уверенность в том, что революция в западно-европейских государствах движется быстрее и принесет нам большие победы. С другой же стороны, в этом кроется известная опасность, а именно та, что борьба будет столь стремительна, что сознание рабочих масс не будет поспевать за таким развитием. Значение системы Советов и теперь еще не ясно для больших масс политически образованных немецких рабочих, так как они воспитаны в духе парламентаризма и в буржуазных предрассудках.

Во-вторых: о распространении системы Советов. Когда мы слышим, как быстро распространяется идея Советов в Германии и даже в Англии, для нас это является важнейшим доказательством того, что пролетарская революция победит. Задержать ход ее можно только на короткое время. Другое дело, когда товарищи Альберт и Платтен нам заявляют, что у них в деревнях среди сельских рабочих и мелкого крестьянства почти не существует Советов. Я прочел в «Rote Fahne» *) статью против крестьянских Советов, но, совершенно правильно, за Советы батрацкие и деревенской бедноты [16]). Буржуазия и ее лакеи, как Шейдеман и К°, уже выставили лозунг: крестьянские Советы. Но нам нужны лишь Советы батрацкие и деревенской бедноты. К сожалению, из докладов товарищей Альберта и Платтена и других мы усматриваем, что, за исключением Венгрии, для распространения советской системы в деревне делается весьма мало. В этом, быть может, и заключается еще практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом. Победа может считаться обеспеченной лишь тогда, когда будут организованы не только городские рабочие, но и

*) — «Красное Знамя». *Ред.*

сельские пролетарии, и притом организованы не так, как прежде,— в профсоюзы и кооперативы,—а в Советы. Нам победа далась легче потому, что в октябре 1917 г. мы шли с крестьянством, со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной. Первый шаг нашего пролетарского правительства заключался в том, что старые требования всего крестьянства, выраженные еще при Керенском крестьянскими советами и сходами, были признаны в законе, изданном нашим правительством 26 октября (старого стиля) 1917 г., на другой день после революции. В этом заключалась наша сила, поэтому-то нам так легко было завоевать подавляющее большинство. Для деревни наша революция еще продолжала быть буржуазной, и лишь позже, через полгода, мы были вынуждены в рамках государственной организации положить в деревнях начало классовой борьбе, учреждать в каждой деревне комитеты бедноты, полупролетариев, и систематически бороться с деревенской буржуазией. У нас это было неизбежно благодаря отсталости России. В Западной Европе дело произойдет иначе, поэтому мы и должны подчеркнуть, что распространение системы Советов и на сельское население в соответствующих, быть может новых, формах абсолютно необходимо.

В-третьих: мы должны сказать, что завоевание коммунистического большинства в Советах составляет главную задачу во всех странах, где Советская власть еще не победила. Наша комиссия резолюций вчера обсуждала этот вопрос. Быть может, другие товарищи еще выскажутся об этом, но я хотел бы предложить принять эти три пункта, как особую резолюцию. Мы не в состоянии, конечно, предписывать путь развитию. Весьма вероятно, что во многих западно-европейских странах революция наступит очень скоро, но мы, в качестве организованной части рабочего класса, в качестве партии, стремимся и должны стремиться получить большинство в Советах. Тогда наша победа обеспечена, и никакая сила не в состоянии будет что-либо предпринять против коммунистической революции. Иначе победа достанется не так легко и не будет долговечна. Итак, я хотел бы предложить принять эти три пункта в виде специальной резолюции *).

---

*) См. настоящий том, стр. 21. *Ред.*

3.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

Тезисы тов. Ленина, касающиеся принципиального отношения Коммунистического Интернационала к вопросу о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, передать в Бюро Интернационала для самого широкого распространения.

На основании этих тезисов и докладов делегатов различных стран, конгресс Коммунистического Интернационала заявляет, что главная задача коммунистических партий во всех странах, где еще не существует Советской власти, заключается в следующем:

1) Выяснение широким массам рабочего класса исторического значения политической и исторической необходимости новой, пролетарской, демократии, которая должна быть поставлена на место буржуазной демократии и парламентаризма.

2) Распространение и организация Советов среди рабочих всех отраслей промышленности и среди солдат армии и флота, а также среди батраков и бедных крестьян.

3) Основание внутри Советов прочного коммунистического большинства.

«Правда» № 54,
11 марта 1919 г.

4.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНГРЕССА 6 МАРТА.

Если нам удалось собраться, несмотря на все полицейские затруднения и преследования, если нам удалось без существенных разногласий в короткое время вынести важные решения по всем животрепещущим вопросам современной революционной эпохи, то это благодаря тому, что пролетарские массы всего мира практически поставили все эти вопросы в порядок дня своими выступлениями и начали их практически решать.

Нам пришлось здесь записать лишь то, что массы уже завоевали в своей революционной борьбе.

Не только в восточно-европейских, но и в западно-европейских странах, не только в странах побежденных, но и в странах победительницах, — как, например, в Англии, — все дальше и дальше распространяется движение в пользу Советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской, демократии, — оно самый значительный шаг вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма.

Пусть буржуазия всего мира продолжает неистовствовать, пусть она изгоняет, сажает в тюрьмы, даже убивает спартаковцев и большевиков, — все это ей больше не поможет. Это послужит лишь к просвещению масс, к освобождению их от старых буржуазно-демократических предрассудков и к закаленности их в борьбе. Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание Международной Советской республики. (*Бурные аплодисменты.*)

ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС

КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Протоколы заседаний в Москве
со 2 по 19 марта 1919 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
Петроград—1921.

Обложка книги: «Первый конгресс Коммунистического Интернационала» —
1921 г.

ЗАВОЕВАННОЕ И ЗАПИСАННОЕ.

Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано.

Основание III, Коммунистического Интернационала в Москве 2 марта 1919 г. было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские, — одним словом, международные пролетарские массы.

И именно поэтому основание III, Коммунистического Интернационала есть дело прочное.

Всего четыре месяца тому назад нельзя еще было сказать, что Советская власть, советская форма государства есть завоевание международное. В ней было нечто, и притом существенное, принадлежащее не только России, но и всем капиталистическим странам. Но нельзя еще было сказать, до проверки на деле, какие изменения, какой глубины, какой важности принесет дальнейшее развитие мировой революции.

Германская революция дала эту проверку. Передовая капиталистическая страна — после одной из самых отсталых — показала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней, не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой, пролетарской, демократии: Советы.

А на-ряду с этим в Англии, в стране-победительнице, в стране, самой богатой колониями, в стране, всего дольше бывшей и слывшей образцом «социального мира», в стране самого старого капитализма, мы видим широкий, неудержимый, кипучий и могучий рост Советов и новых советских форм массовой пролетарской борьбы, — «Shop Stewards Committees», комитетов фабричных старост.

В Америке, в самой сильной и самой молодой капиталистической стране — громадное сочувствие рабочих масс к Советам.

Лед тронулся.

Советы победили во всем мире.

Они победили прежде всего и больше всего в том отношении, что завоевали себе сочувствие пролетарских масс. Это — самое главное. Этого завоевания никакие зверства империалистской буржуазии, никакие преследования и убийства большевиков не в силах отнять у масс. Чем больше будет свирепствовать «демократическая» буржуазия, тем прочнее будут эти завоевания в душе пролетарских масс, в их настроении, в их сознании, в их героической готовности к борьбе.

Лед тронулся.

И поэтому так легко, так гладко, с такой спокойной и твердой решимостью шла работа Московской международной конференции коммунистов, основавшей III Интернационал.

Мы записывали то, что уже завоевано. Мы заносили на бумагу то, что уже было прочно в сознании масс. Все знали, — мало того: все видели, чувствовали, осязали, каждый на опыте своей страны, что закипело новое, невиданное в мире по силе и глубине, пролетарское движение, что оно не укладывается ни в какие старые рамки, что его не удержать великим мастерам мелкого политиканства, ни всемирно-опытным, всемирно-искусным Ллойд-Джорджам и Вильсонам англо-американского «демократического» капитализма, ни прошедшим огонь, воду и медные трубы Гендерсонам, Реноделям, Брантингам и всем прочим героям социал-шовинизма.

Новое движение идет к диктатуре пролетариата, идет, несмотря на все колебания, несмотря на отчаянные поражения, несмотря на неслыханный и невероятный «русский» хаос (если судить по внешности, со стороны), — идет к *Советской власти* с силой все сметающего с пути потока миллионов и десятков миллионов пролетарцев.

Мы это записали. В наших резолюциях, тезисах, докладах и речах запечатлено уже завоеванное.

Теория марксизма, освещенная ярким светом нового, всемирно-богатого, опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу.

Основание III, Коммунистического Интернационала есть преддверие интернациональной республики Советов, международной победы коммунизма.

5 марта 1919 г.

«Правда» № 51, 6 марта 1919 г.
Подпись: Н. Ленин.

ОБ ОСНОВАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д., М. К. Р. К. П.(Б.), В. Ц. С. П. С., ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ МОСКВЫ В ДЕНЬ ЧЕСТВОВАНИЯ ОТКРЫТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 6 МАРТА 1919 Г.

Товарищи, нам не удалось собрать на I съезд Коммунистического Интернационала представителей всех стран, где есть вернейшие друзья этой организации, где есть рабочие, всецело сочувствующие нам. Позвольте мне поэтому начать небольшой цитатой, которая покажет вам, насколько действительно больше у нас друзей, чем мы видим, чем мы знаем и чем мы могли собрать здесь, в Москве, вопреки всем преследованиям, вопреки всему объединению кажущейся всемогущей буржуазии всего мира. Эти преследования дошли до того, что нас пытались окружить точно китайской стеной, и что большевиков высылают десятками и дюжинами из самых свободных республик мира, точно боясь, что десяток или дюжина большевиков способны заразить весь мир, — но мы-то знаем, что эта боязнь смешна, ибо они уже заразили весь мир, ибо борьба русских рабочих сделала уже то, что рабочие массы всех стран знают, что здесь, в России, решается судьба общей всемирной революции.

Товарищи, вот у меня в руках газета «L'Humanité» *), французская газета, по направлению соответствующая больше всего нашим меньшевикам или правым эс-эрам. Во время войны эта газета травила людей, которые стояли на нашей точке зрения, самым беспощадным образом. Сейчас эта газета отстаивает тех, кто во время войны шел с буржуазией «своей» страны. И вот эта газета, в номере от 13 января 1919 г., рассказывает, что в Париже было громадное, как признает сама газета, собрание рабочих и членов партии синдикалистов Сенской Федерации [17]), т.-е. ближайшего к Парижу округа, центра пролетарского движения,

*) — «Человечество». *Ред.*

центра всей политической жизни Франции. На этом собрании выступил прежде всего Брак, — социалист, который в течение всей войны стоял на точке зрения наших меньшевиков и правых оборонцев. Он держался теперь тише воды, ниже травы. Ни слова ни об одном больном вопросе! Закончил тем, что он — против вмешательства правительства своей страны в борьбу пролетариата других стран. Слова покрыты рукоплесканиями. Дальше выступил один из его единомышленников, некий Пьер Лаваль. Речь идет о демобилизации, самом больном вопросе теперешней Франции, страны, которая понесла, пожалуй, больше жертв в этой преступной войне, чем какая-либо другая. И эта страна видит теперь, что демобилизация затягивается, тормозится, нет желания ее выполнить, и что подготовляется новая война, явно возлагающая на французских рабочих новые жертвы из-за того, сколько добычи получат еще французские или английские капиталисты. И вот газета заявляет, что оратора Пьера Лаваля толпа слушала, но его заявления, враждебные большевизму, вызывают такие протесты, наступает такое возбуждение, что собрание не может продолжаться. После этого гражданин Пьер Ренодель не может получить слова, и собрание заканчивается коротким вмешательством гражданина Перика. Это — один из тех немногих представителей французского рабочего движения, который в основном солидарен с нами. Итак, газета вынуждена признать, что собрание не дало говорить оратору, как только он заговорил против большевиков.

Товарищи, мы не могли в настоящее время непосредственно из Франции получить сюда ни одного делегата, и с большим трудом пробрался сюда только один из французов — тов. Гильбо. (Бурные аплодисменты.) Он будет говорить сегодня. Он месяцы просидел в тюрьмах Швейцарии, в этой свободной республике, и его обвиняли в том, что он находится в сношениях с Лениным и подготовляет революцию в Швейцарии. Через Германию его везли в сопровождении жандармов и офицеров, боясь, очевидно, как бы он не обронил спички, которая зажгла бы Германию. Но Германия горит и без такой спички. И во Франции, как мы видим, имеются сочувствующие большевистскому движению. Французские массы, это, может быть, одни из самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс. Они не позволят оратору на народном собрании взять ни одной фальшивой ноты, — его останавливают. Хорошо еще, что, при французском темпераменте, его не стащили с трибуны! Поэтому, когда газета, враждебная нам, признает, что происходило на этом большом собрании, мы говорим: французский пролетариат за нас.

Я приведу еще одну коротенькую цитату из итальянской газеты. Нас настолько пытаются отрезать от всего мира, что мы номера социалистических газет из других стран получаем, как ве-

ликую редкость. Как редкость, пришел к нам один номер итальянской газеты «Avanti!» *), органа Итальянской социалистической партии, которая участвовала в Циммервальде, боролась против войны и которая теперь постановила, что на съезд желтых в Берне, на съезд старого Интернационала, где участвуют люди, вместе со своими правительствами помогавшие затягивать эту преступную войну, она идти отказывается. До сих пор газета «Avanti!» выходит под строгой цензурой. Но вот в этом номере, случайно попавшем к нам, я читаю корреспонденцию из партийной жизни какого-то местечка Кавриаго [18]), — должно быть большого захолустья, потому что его нельзя найти на карте, — и оказывается, что собравшиеся там рабочие принимают резолюцию, выражающую сочувствие их газете за ее непримиримость, и заявляют, что они одобряют немецких спартаковцев, — а дальше идут слова, которые, хотя написаны по-итальянски, но понятны во всем мире: «Sovietisti russi», — приветствуют русских «советистов» и выражают пожелания, чтобы программа русских и немецких революционеров была принята во всем мире и послужила к тому, чтобы довести до конца борьбу против буржуазии и военного господства. И вот, когда читаешь такую резолюцию из какого-то итальянского Пошехонья, тогда можешь с полным правом сказать себе: итальянские массы за нас, итальянские массы поняли, что̀ такое русские «советисты», что̀ такое программа русских «советистов» и германских спартаковцев. А у нас тогда и не было такой программы! У нас не было никакой общей программы с германскими спартаковцами, а итальянские рабочие отбрасывают все то, что они видели в своей буржуазной прессе, которая в миллионах экземпляров, подкупленная миллионерами и миллиардерами, распространяет про нас клевету. Итальянских рабочих она не обманула. Итальянские рабочие поняли, что̀ такое спартаковцы и «советисты», и сказали, что они сочувствуют их программе, — когда этой программы совершенно еще не было. Вот почему так легка была наша задача на этом конгрессе. Нам нужно было только записать, как программу, то, что уже запечатлелось в сознании и в сердцах даже запрятанных в каком-то захолустье рабочих, отрезанных от нас полицейскими и военными кордонами. Вот почему так легко, с таким полным единодушием добились мы того, что по всем главным вопросам мы пришли к единодушному решению, и мы имеем полную уверенность, что эти решения встретят могучий отклик в пролетариате всех стран.

Советское движение, товарищи, вот та форма, которая в России была завоевана, которая теперь во всем мире распространяется, которая одним своим названием дает рабочим целую

---

*) — «Вперед!». *Ред.*

программу. Товарищи, я надеюсь, что мы, которым досталось большое счастье развить советскую форму до победы, что мы не попадем в положение людей, про которых можно было бы сказать, что они зазнались.

Товарищи, мы очень хорошо знаем, что нам пришлось первым принять участие в советской пролетарской революции не потому, что мы были одинаково подготовлены, или лучше подготовлены, чем другие рабочие, а потому, что мы были хуже подготовлены. Именно это обстоятельство обусловило то, что перед нами стоял самый дикий, самый гнилой враг, именно это обстоятельство вызвало внешний размах революции. Но мы знаем также, что Советы существуют у нас и до сего времени, что они борются с гигантскими трудностями, которые обусловлены недостаточным культурным уровнем и тяжестью, павшей в течение более чем года на нас, стоящих на своем посту в одиночестве, когда нас окружают со всех сторон враги и когда, вы превосходно это знаете, невероятные муки, тяжести голода и зверские страдания обрушились на нас.

Товарищи, те люди, которые прямо или косвенно становятся на сторону буржуазии, нередко пытаются обращаться к рабочим и вызвать негодование их, указывая на то, какие тяжелые страдания причиняются теперь рабочим. А мы говорим им: да, эти страдания тяжелы, и мы их не скрываем от вас. Так мы говорим рабочим, и они знают это твердо на своем собственном опыте. Вы видите, что мы боремся не только за победу социализма для нас, не только за то, чтобы дети наши вспоминали о капиталистах и помещиках, как о доисторических чудовищах,— мы боремся за то, чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами.

И этот I съезд Коммунистического Интернационала, который установил, что Советы во всем мире завоевывают себе сочувствие рабочих, показывает нам, что дело победы международной коммунистической революции обеспечено. (**Аплодисменты.**) Буржуазия будет еще неистовствовать в ряде стран, там буржуазия только начинает готовить гибель лучших людей, лучших представителей социализма, как это показывает зверское убийство белогвардейцами Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Такие жертвы неизбежны. Мы не ищем с буржуазией соглашения, мы идем на последний и решительный бой с ней; но мы знаем, что после мучений, терзаний и бедствий войны, когда массы во всем мире борются за демобилизацию, чувствуют себя обманутыми, понимают, как невероятны тяжести налогов, взваленных на них капиталистами, убившими десятки миллионов людей из-за того, кто больше получит барышей, — что час господства этих разбойников прошел!

Теперь, когда слово «Совет» стало понятным для всех, победа

коммунистической революции обеспечена. Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III, Коммунистический Интернационал (Аплодисменты), они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов. (Аплодисменты.)

Напечатано в 1919 г. в брошюре: «Торжественное соединенное заседание В.Ц.И.К., Московского Совета Р. и Кр. Д., Московского Комитета Р.К.П.(б.), Всеросс. Совета Профсоюзов и фабрично-заводских комитетов г. Москвы в день чествования открытия Коммунистического Интернационала». Издательство В.Ц.И.К. Москва.

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом брошюры.

Северная Коммуна

№ 58 (251).

Пятница, 14 марта 1919 г.

Сегодня в номере:

Товарищ Ленин в Петрограде.

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ 12 МАРТА 1919 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Этот зал напоминает мне первое мое выступление в Петроградском Совете *), в котором тогда царствовали еще меньшевики и эс-эры. Мы слишком скоро забыли о недавнем прошлом. Теперь же ход развития революции в других странах освежает в нашей памяти недавно нами пережитое. Полагали, что на Западе, где классовые противоречия развиты более сильно, соответственно более развитому капитализму, революция пойдет несколько иным путем, чем у нас, и власть сразу перейдет от буржуазии к пролетариату. Однако, происходящее сейчас в Германии говорит об обратном. Германская буржуазия, объединившись для противодействия поднявшим голову пролетарским массам, черпает свою силу в бо́льшем опыте западной буржуазии и ведет систематическую борьбу с пролетариатом. У германских же революционных масс нет еще достаточного опыта, который они приобретут лишь в процессе борьбы. Всем памятна революция 1905 г., когда российский пролетариат вступил в борьбу, не имея за собой никакого опыта. В нынешней же революции нами учтен и использован опыт, данный нам революцией 1905 года.

Затем Ленин дает обзор деятельности Совета Народных Комиссаров. Он напоминает о первом периоде революции, когда массы не знали еще, что делать, и не имели достаточно авторитетных и сильных руководящих центров.

Нам хорошо было известно, — говорит Ленин, — что для успеха начатой борьбы необходимо было сплотить возможно теснее все эксплуатируемые массы и все трудящиеся элементы страны, и потому неизбежно перед нами встал вопрос о формах организации. И мы, отлично помня роль Советов в 1905 г., воскресили их, как наи-

*) См. XX том Сочинений, стр. 87 и 99. *Ред.*

более пригодное оружие в деле объединения трудящихся и борьбы их с эксплуататорами. До революции в Германии мы всегда говорили, что Советы — самые подходящие органы для России. Мы тогда не могли утверждать, что они в такой же мере окажутся подходящими и для Запада, но жизнь показала иное. Мы видим, что Советы приобретают на Западе все бо́льшую и бо́льшую популярность, и за них борются не только в Европе, но и в Америке. Повсюду создаются Советы, которые рано или поздно возьмут власть в свои руки.

Интересный момент переживает сейчас Америка, где создаются Советы. Возможно, что движение там пойдет не теми путями, какими оно идет у нас, но важно то, что и там советская форма организации завоевала себе широкую популярность [19]). Эта организация сейчас заменила все прочие формы пролетарских организаций. Анархисты, которые были противниками власти вообще, после ознакомления с советской формой власти признали Советскую власть. Тем самым они не оставили камешка на камешке в теории анархизма, отрицающего какую бы то ни было власть. Два года тому назад в Советах процветала соглашательская идея сотрудничества с буржуазией. Надо было пережить известное время, дабы из сознания масс вымести тот старый хлам, который мешал разобраться им в происходящем. Это могло быть достигнуто только практической работой Советов в государственном строительстве жизни. Теперь в таком же положении находятся и германские рабочие массы, из сознания которых необходимо удалить тот же хлам, но там этот процесс протекает в более резких, в более жестоких и кровавых формах, чем у нас.

Я несколько отклонился от заданной мне президиумом Петроградского Совета темы, но это было необходимо.

Деятельность Совета Народных Комиссаров за прошедший год мы можем понять, только оценив роль Советов в масштабе мировой революции. Зачастую повседневные мелочи управления и неизбежные в деле строительства частности отклоняют нас в сторону и заставляют забывать великое дело мировой революции. И только оценивая роль Советов в мировом масштабе, мы сможем правильно разобраться в мелочах нашей внутренней жизни и своевременно регулировать их. Дело строительства целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы сможем серьезно приняться за дело строительства. Знатные ревизоры из Берна [20]) говорят о нас, как о приверженцах тактики насилия, но, говоря об этом, они совершенно закрывают глаза на то, что проделывает у них буржуазия, управляющая исключительно насилием.

До того, как мы перешли к советской форме управления, мы прожили несколько месяцев, в которые масса подготовлялась к

новой, еще невиданной, форме государственного управления. Мы истрепали правительство Керенского по ниточке, мы заставили Временное правительство проделать министерскую чехарду направо и налево, вверх и вниз, что окончательно доказало массам неспособность к управлению страной претендовавшей тогда на власть буржуазно-соглашательской клики, — и только после этого мы взяли власть в свои руки.

Много сложнее обстоит дело в мировом масштабе. В этом случае одного революционного насилия мало, и революционному насилию должна предшествовать такая же подготовительная работа, как и у нас, но, естественно, несколько дольше. В свое время много трудностей вызвал Брестский мир, и некоторые господа решили использовать этот шаг Советской власти в своих демагогических целях, называя его соглашательским. Но если это назвать соглашательством, то приходится также рассуждать и о соглашательстве с царем, когда мы шли в Государственную Думу, чтобы взорвать ее изнутри. Мы заключили Брестский мир в ожидании наступления тех необходимых внутренних условий в Германии, которые вызвали свержение Вильгельма, и это показывает, насколько правильно был рассчитан наш шаг.

В странах Согласия сейчас наблюдается пробуждение масс, которое их правительства всячески стараются затушить. В этих целях все внимание несознательных еще масс направляется в сторону «патриотизма». Массы кормятся обещаниями и прельщаются выгодами победоносного мира, им обещаются неисчислимые выгоды после заключения мира. Их питают иллюзиями. Но насколько правилен расчет на осуществление этих иллюзий, можно заключить из недавней моей беседы с одним американским, трезво, по-коммерчески настроенным, купцом, чуждым наших интересов. Положение Франции он характеризует следующим образом: французское правительство обещает массам золотые горы, которые якобы будут получены от немцев, но надо, чтобы немцам было откуда уплатить, с должника же, у которого ничего нет, нечего и получить, и все эти иллюзии, основанные на заключении выгодного мира с Германией, потерпят крах, ибо заключенный мир будет миром краха. Это чувствуют даже враги революции, которые никакого другого выхода из создавшегося положения не находят, кроме как свержение капитализма. В этом отношении характерно сейчас настроение парижской толпы, самой чуткой и отзывчивой. В то время, как сейчас она не позволяет открыть рот говорящему против большевиков, полгода тому назад она слушала тех, которые всячески поносили их. Буржуазия оказала нам большую услугу в деле пропаганды наших идей. Своими нападениями она заставила массы задуматься и рассуждать, вследствие чего непосредственно мыслящие массы Парижа пришли к заключению, что, раз буржуазия так ненавидит боль-

шевиков, значит, они умеют с нею бороться. Антанта направила сейчас свое внимание в нашу сторону, она хочет расплатиться из нашего кармана по предъявляемым к ней счетам. Нам приходится считаться с сильным врагом, превосходящим нас в военном отношении, но это не надолго: наступит разочарование в победе, результатом чего будет полный крах всех комбинаций «союзников», если еще до этого они не передерутся между собой. Сейчас все страны испытывают голод, и никакие победы не помогут устранить его. Мы стоим перед сложными задачами, которые поставила нам внешняя политика. В этом случае у нас налицо опыт Брестского мира — самого существенного шага внешней политики Совета Народных Комиссаров. Брестский мир был заключен с сильным врагом, превосходящим нас в военном отношении, и это вызвало разногласия даже в нашей среде, но таким должен был быть первый шаг пролетарского государства, окруженного со всех сторон империалистскими хищниками. Брестский мир подточил сильного и могучего нашего врага. В самый короткий период навязавшая нам грабительские условия Германия пала, того же следует ожидать и в других странах, тем более, что всюду наблюдается разложение армий.

Надо вспомнить то время, когда разложение нашей армии объяснялось нетерпеливостью русских, но, как оказалось, это удел всех стран, вступающих на путь революции. Явный грабеж, которым сейчас занимаются «демократические» правительства в Париже, открывает массам глаза, тем более, что их нелады при дележе добычи, переходящие зачастую в серьезную ссору, перестали быть тайной [21]). При всех неблагоприятных условиях, в которых приходится жить Советской России, у нас есть один плюс, который подчеркивает и буржуазная газета «Таймс». В статье военного обозревателя она отмечает то быстро развивающееся разложение в армиях всех стран, которое неизвестно России. Только в России, по словам газеты «Таймс», армия не разлагается, а строится [22]). Это одна из существенных частей нашего строительства за истекший год. Окруженные со всех сторон врагами, мы защищаемся, отвоевывая каждую пядь Советской России, и каждый месяц нашей борьбы приближает нас все больше и больше к мировой революции. Во всем мире мы первые взяли власть, и сейчас у нас управляют Советы трудящихся. Сумеем ли мы удержать власть? Если нет, то завоевание власти было исторически неправомерно. Но сейчас уже мы можем гордиться тем, что испытание это нами выдержано, и мы, несмотря на неисчислимые муки, власть трудящихся отстояли.

В дальнейшем Ленин останавливается на вопросе о специалистах.

Некоторые из наших товарищей, — говорит Ленин, — возмущаются тем, что во главе Красной армии стоят царские слуги и

старое офицерство. Естественно, что при организации Красной армии этот вопрос приобретает особое значение, и правильная постановка его определит успех организации армии. Вопрос о специалистах должен быть поставлен шире. Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы не утописты, думающие, что дело строительства социалистической России может быть выполнено какими-то новыми людьми, мы пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергаем их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнять необходимую нам работу. Только так и можно строить. Если вы не можете построить здание из оставленного нам буржуазным миром материала, то вы вообще его не построите, и вы не коммунисты, а пустые фразеры. Для социалистического строительства необходимо использовать полностью науку, технику и вообще все, что нам оставила капиталистическая Россия. Конечно, на этом пути мы встретимся с большими трудностями. Неизбежны ошибки. Всюду есть перебежчики и злостные саботажники. Тут необходимо было насилие прежде всего. Но после него мы должны использовать моральный вес пролетариата, сильную организацию и дисциплину. Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контр-революционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом — ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно. Отчасти мы уже этого достигли. От подавления капиталистов мы перешли к их использованию, и это, пожалуй, самое важное завоевание, достигнутое нами за год внутреннего строительства.

Одним из серьезных вопросов нашего культурного строительства является вопрос о деревне. Советская власть предполагает самую широкую поддержку трудящихся. К этому сводилась вся наша политика по отношению к деревне за все это время. Необходимо было связать городских пролетариев с деревенской беднотой, и мы сделали это. Сейчас установлена самая тесная связь тысячами незаметных нитей. Как и всюду, здесь мы встречаемся с большими трудностями, ибо крестьяне привыкли себя чувствовать самостоятельными хозяевами. Они привыкли продавать свободно свой хлеб, и каждый крестьянин считал это своим неотъемлемым правом. Сейчас нужно проделать колоссальную работу, чтобы окончательно убедить их в том, что с тем разо-

рением, которое нам оставлено войной, можно справиться только коммунистической организацией хозяйства, что действовать надо уже не насилием, а только убеждением. Конечно, и среди крестьянства у нас есть открытые враги — кулаки, но в массе беднота и примыкающие к ней середняки идут за нами. Против же кулаков, как отъявленных наших врагов, у нас только одно оружие — это насилие. Когда мы начали осуществлять свою продовольственную политику по принципу предоставления излишков голодающим, нашлись такие, которые стали кричать крестьянину: «Тебя грабят!». Это — наряженные в меньшевистские, левоэс-эровские или еще какие-либо другие шутовские костюмы отъявленные враги крестьян, рабочих и коммунизма, и мы с ними будем поступать впредь так же, как и поступали.

«Северная Коммуна» № 58, 14 марта 1919 г.

ЗАСЕДАНИЕ I СЪЕЗДА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ 13 МАРТА 1919 Г.[12])

1.

РЕЧЬ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ.

Товарищи, я очень рад, что имею возможность приветствовать от лица Совета Народных Комиссаров съезд сельско-хозяйственных рабочих, имеющий своей задачей основание профессионального союза сельско-хозяйственных рабочих.

Товарищи, мы в Центральном Комитете партии и во Всероссийском Совете Профессиональных Союзов не раз уже устраивали совещания совместно с народным комиссаром труда тов. Шмидтом и членами Всероссийского Совета Профессиональных Союзов и другими по вопросу о том, как приступить к организации сельско-хозяйственных рабочих. Нигде в мире, даже в самых передовых капиталистических странах, которые знают уже в течение не только десятилетий, но и столетий историю образования профессиональных союзов, сельско-хозяйственным рабочим не удавалось создать сколько-нибудь постоянный профессиональный союз. Вы знаете, каким препятствием являются здесь условия крестьянской, сельско-хозяйственной рабочей жизни, каким громадным препятствием является то, что сельско-хозяйственные рабочие разбросаны, распылены, поэтому им сплотиться в союз неизмеримо труднее, чем городским рабочим.

В то же время рабоче-крестьянская власть приступила, по всей линии, к постройке коммунистического общества. Она поставила своей задачей не только окончательно смести помещиков и капиталистов, — это дело нами почти уже сделано, — но построить такое общество, в которое бы ни помещик, ни капиталист не мог снова войти. Не раз бывало в революциях, что помещиков и капиталистов удавалось смести, но из кулачья, из богатых крестьян, из спекулянтов в довольно короткий срок нарождались

новые капиталисты, которые, случалось, еще более угнетали рабочих, чем старые помещики и капиталисты. Вот задача, которую нам надлежит решить: сделать так, чтобы не только старые капиталисты оказались сметенными, но чтобы не могли возникнуть и новые, чтобы власть была укреплена полностью, целиком, исключительно за теми, кто трудится, кто живет своим трудом. Как это сделать? Для этого есть один путь — путь организации деревенских рабочих, пролетариев; организация эта должна быть постоянная; только в постоянной массовой организации сельскохозяйственные рабочие смогут научиться вести сами свое дело управления крупными сельскими хозяйствами, ибо, если «сами они этому не научатся, то, — как все давно слыхали в песне «Интернационал», — никто на помощь тут придти не сможет. Самое бо̀льшее, что может сделать власть Советов, Советская власть — это оказать всяческую помощь такой организации. Организации капиталистические всеми силами, всеми средствами законными, различными уловками, полицейскими ухищрениями, придирками, всякими правдами и неправдами этому препятствовали. В самой передовой европейской стране — в Германии, — до сих пор нет свободы союзов для сельских рабочих; там до сих пор остался закон о челяди, и сельские рабочие продолжают существовать на условиях жизни челяди. Еще недавно мне пришлось беседовать с одним видным англичанином, который приехал в Россию во время войны. Он раньше был сторонником капитализма, а затем, во время нашей революции, великолепно развился, сначала до меньшевика, а теперь и до большевика [24]). И вот, когда мне случилось беседовать с ним об условиях работы в Англии, — а в Англии крестьян нет, есть только крупные капиталисты и рабочие земледельцы, — он говорит: «Я не смотрю на это радужно, потому что наши сельские рабочие живут в условиях феодализма, а не капитализма, — настолько они забиты, притуплены, задавлены работой, настолько им трудно объединиться». И это — в самой передовой стране, в которой попытка создания союза сельских рабочих одним из английских сельских рабочих была сделана уже полвека тому назад [25]). Вот каков прогресс в свободных капиталистических странах! У нас государственная власть с самого начала решила оказать помощь организации сельских и других рабочих. Мы должны оказать всяческую помощь. Мне особенно отрадно видеть, что здесь, в Питере, где так много прекрасных зданий, дворцов, имевших совершенно неправильное назначение, товарищи поступили правильно, отобрав эти дворцы и превратив их в места собраний, съездов и совещаний как раз тех классов населения, которые на эти дворцы работали и в течение веков эти дворцы создавали, и которых на версту к этим дворцам не подпускали! (Аплодисменты.) Я думаю, товарищи, что теперь, когда почти все питерские дворцы превращены в

дома собраний и союзов для рабочих городских и, прежде всего, для рабочих сельских, для трудящейся части крестьянства, — я думаю, в этом мы имеем основание видеть первый шаг к тому, что трудящаяся, эксплуатируемая часть населения получит возможность организоваться. Повторяю, Советская власть все, что в ее силах, немедленно и безусловно сделает, чтобы помочь такой организации переделать деревенскую жизнь, чтобы не осталось места для кулака, чтобы не могло быть спекуляции, чтобы товарищеский общий труд сделался в деревне общим правилом. Вот задача, которую мы все себе ставим. Вы прекрасно понимаете, как трудна эта задача, что переделать все условия сельской жизни ни декретами, ни законами, ни указами нельзя. Указами и декретами можно было скинуть помещиков, капиталистов, можно обуздать кулаков, но если не будет собственной организации миллионов сельских рабочих, если они не научатся в этой организации шаг за шагом сами решать все свои дела, не только политические, но и хозяйственные, — а хозяйственные всего важнее, — если не научатся управлять крупными имениями, если не превратят их — раз они сейчас поставлены в лучшие условия, чем другие имения — из образцов эксплуатации, где раньше выжимали кровь и пот из рабочих, в образцы товарищеского хозяйства, то в этом будет вина самих трудящихся. Но восстановить старые хозяйства теперь уже невозможно; добиться того, чтобы у нас было на 100 десятин (если брать по 10 десятин на 10 мелких хозяйств) по 10 хороших лошадей, по 10 хороших плугов, этого добиться нельзя. Такого количества ни лошадей, ни плугов у нас не осталось. Но если работать на крупном хозяйстве в те же 100 десятин товарищеской или общественной запашкой земли или добровольно устраиваемыми сельско-хозяйственными коммунами, то, может быть, на те же 100 десятин понадобится не 10 лошадей, не 10 плугов, а понадобится 3 лошади, 3 плуга. Вот как можно сберечь человеческий труд и достичь лучших результатов. Но к этому ведет только один путь — путь союза городских и сельских рабочих. Городские рабочие взяли власть в городе; все, что создано в городе лучшего в смысле дворцов, помещений, в смысле культуры, все это городские рабочие несут в деревню, зная, что власть городских рабочих не может быть прочна, если не будет прочного союза с сельско-хозяйственными рабочими. Только такой союз, которому вы здесь кладете начало, может привести к прочной переделке. В этот союз добровольно будут вступать и крестьяне-середняки. Конечно, потребуется приложить много труда, — сразу сделать ничего нельзя. Если ваш союз будет основан, будет расти, развиваться, распространяться по всей России, если он будет находиться в теснейшем единении с союзом городских рабочих, то эту трудную задачу совместными усилиями, усилиями миллионов

организованных сельско-хозяйственных рабочих и городских, мы решим и мы выйдем из того разорения, в которое четырехлетняя война бросила все народы и нас; мы выйдем, но выйдем не к старому хозяйству в одиночку, в разброд, — такое хозяйство осуждает людей на темноту, на нищету, на распыленность, — а мы выйдем к хозяйству общему, крупному, товарищескому. Тогда все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, — все должно пойти на службу объединенному рабочему. Рабочие должны стать хозяевами всего, они должны научиться управлять сами и управлять теми, которые до сих пор, как, например, многие агрономы, действовали, как приказчики капиталистов, против рабочих. Эта задача не легка, но в городах для ее разрешения сделано очень много. Первые шаги теперь делаете вы, чтобы решить эту задачу в деревне. Я позволю себе закончить приветствие от имени Совета Народных Комиссаров, еще раз выразив твердую уверенность, что ваш союз, которому вы здесь кладете основание, превратится в недалеком будущем в единый Всероссийский профессиональный союз сельско-хозяйственных рабочих. Он будет настоящей опорой Советской власти в деревне, он будет опорой, передовой армией переделки всей сельской, деревенской жизни так, чтобы никакая эксплуатация, никакое господство богатых над бедными не могли возродиться на почве общего, объединенного, товарищеского труда. Вот мои пожелания, товарищи! (**Аплодисменты.**)

Впервые напечатано в 1923 г. в журнале «Работник Земли и Леса» № 4—5.

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом журнала.

2

ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ.

Тут поданы две записки, которые обе посвящены вопросу о том, дозволяется ли держать мелких животных в советских хозяйствах, отдельные огороды и птиц. Я сейчас запросил текст закона, который обсуждался недавно у нас в Совете Народных Комиссаров и утвержден в Центральном Исполнительном Комитете; закон этот называется «Положением о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [26]). Я не знаю, имеется ли здесь текст этого закона. Я участвовал в его выработке, был докладчиком в комиссии, которую создал Центральный Исполнительный Комитет. Если мне не изменяет память,— законов у нас много, так что всех не упомнишь без справки, у нас много с тех пор выходило законов, — в этом законе есть специальная статья, которая говорит, что в советских хозяйствах работникам советских хозяйств держать отдельных животных и иметь отдельные огороды воспрещается. Я буду просить найти этот закон и навести справку. (Ленину подают текст закона.) Я здесь вижу текст статьи 46: «Никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды». Таким образом, получилась такая вещь, что не все из вас были осведомлены об этом законе. Как мне сказал товарищ из президиума, и у вас в течение съезда велись как раз большие споры по этому вопросу. Это для меня не совсем ясно. Мне дали сейчас номер «Известий», в котором этот закон — «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» напечатан... Зачем эта статья вошла в закон? Чтобы создавать общий труд в общем хозяйстве. А если снова заводить отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было до сих пор. В таком случае, стоит ли и огород городить? Стоит ли устраивать советское хозяйство? Разумеется, если вы обсудите этот вопрос, зная хорошо условия работы в Петроградской губернии, — мне сказали, что ваш съезд собран только из представителей Петроградской губернии, — если вы на основании опыта работ Петроградской губернии, которую вы хорошо знаете, несмотря на все соображения, говорящие в пользу общего хозяйства, придете к выводу, что, допустим, нужно сделать временное исключение для Петроградской губернии, то мы рассмотрим второй раз этот вопрос.

Но только вы нам должны постараться доказать, что это исключение, действительно, необходимо, что в Петроградской губернии есть такие особенности, которых в других местах нет, а то и остальные попросят того же. Затем следует пояснить, что эту меру вы рекомендуете правительству, или настаиваете перед правительством, рассматривая ее как меру временную, потому что, на этот счет едва ли может быть спор, советское хозяйство, заслуживающее названия советского хозяйства, должно строиться на общем труде. Такой труд, когда крестьянин работал на своем участке земли, на своем дворе, со своим скотом, птицей, бороной, сохой и прочим, — мы видели много лет, много столетий; мы прекрасно знаем, что в России и в других странах из этого получается только крестьянская темнота, нищета, господство богатых над беднотой, потому что вразброд одолеть те задачи, которые стоят перед сельско-хозяйственными промыслами, — нельзя. Можно получить только опять старую нищету, из которой один из ста или, может быть, пять из ста выбиваются богатенькими, а остальные живут в нищете. Вот почему сейчас наша задача — переход к общественной обработке земли, переход к крупному общему хозяйству. Но никаких принуждений со стороны Советской власти быть не может; никакой закон к этому не принуждает. Сельско-хозяйственная коммуна основывается добровольно, переход к общественной обработке земли может быть только добровольным, ни малейшего принуждения в этом отношении со стороны рабоче-крестьянского правительства не может быть, и законом не допускается. Если бы кто-либо из вас такие принуждения наблюдал, то вы должны знать, что это — злоупотребление, что это — нарушение закона, которое мы всеми силами стараемся исправить и будем исправлять. Помощью нам должны служить организованные сельско-хозяйственные рабочие; только при их собственной организации можно будет добиться, чтобы таких злоупотреблений не было. Но другое дело — советские хозяйства. Это такие хозяйства, которые не были в руках отдельных мелких хозяев; их Советская власть берет и говорит: мы пошлем туда агрономов, которые есть, все, что осталось из сельско-хозяйственных орудий, дадим этим хозяйствам. Если удастся окончить войну и заключить мир с Америкой, то мы получим оттуда транспорт улучшенных орудий и дадим их советским хозяйствам для того, чтобы в крупных хозяйствах общим трудом производилось бы лучше, чем прежде, дешевле, чем прежде, и больше, чем прежде. Советское хозяйство ставит своей задачей постепенно научить сельское население самостоятельно вырабатывать новый порядок, порядок общего труда, при котором не может снова родиться кучка богатеньких и давить на массу бедноты, как это бывало всегда и не только в деревнях у нас, но и в самых свободных республиках. Вы прекрасно знаете,

как у нас в деревнях осталось много спекулянтов-крестьян, наживших во время войны сотни тысяч рублей, берегущих эти керенки, чтобы снова пустить их в оборот и давить бедного крестьянина. Какое средство борьбы тут может быть? Никакого другого, кроме перехода к общему хозяйству. Сельско-хозяйственная коммуна основывается добровольно, никакого принуждения быть не может; то же самое и относительно общественной обработки земли. Советское хозяйство имеет землю, как землю общенародную, — вы знаете, что всякая собственность на землю была отменена требованием громадного большинства крестьян 26 октября 1917 г., в первую ночь после нашей советской революции. Эта общенародная земля, которая предоставляется под крупные хозяйства, называется советскими хозяйствами. Может ли на советских хозяйствах снова развиваться старое мелкое земледелие? Я думаю, вы все согласитесь, что этого быть не может, быть не должно. Если по условиям хозяйства в Петроградской губернии, по практическим его условиям, которые вы прекрасно знаете и которые мы, конечно, не могли принять в учет, могли их и не знать, — если по этим условиям, обсудив этот вопрос внимательно, всесторонне, вы придете к выводу, что для Петроградской губернии можно сделать исключение, допустить изъятие на известное время, — тогда, чтобы мы переменили наше решение, постарайтесь дать возможно более точные доказательства этой необходимости, и я могу обещать наверное, что мы еще раз рассмотрим этот вопрос, в связи с решением вашего съезда, в Совете Народных Комиссаров, и затем еще раз рассмотрим его в Центральном Исполнительном Комитете. Мы обсудим, не следует ли из статьи 46, которая запрещает устройство собственных огородов, которая запрещает держать мелких животных, птиц и т. д., сделать изъятие для Петроградской губернии на известный короткий срок, при известных условиях. Если мы согласимся с тем, что нужно переходить к общему хозяйству, если вся работа будет направлена в этом смысле, тогда по указанию людей, хорошо знакомых с практикой, мы тем не менее сделаем те или иные исключения, — мы от этого не отказываемся, так как иногда делать исключения необходимо. Мы надеемся, что при такой работе дело пойдет дружно, и нам удастся положить основание действительно социалистическому земледелию. (Аплодисменты.)

Впервые напечатано в 1926 г. в Собрании сочинений В. И. Ленина, т. XX, ч. 2.

Печатается по стенограмме.

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В НАРОДНОМ ДОМЕ В ПЕТРОГРАДЕ 13 МАРТА 1919 Г. [27]).

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Главный вопрос, который интересует большинство из вас, это вопрос о том, как обстоит дело с продовольствием и что предпринято в этом деле Советом Народных Комиссаров. Я позволю себе рассказать вам вкратце об этих мероприятиях. Мы вступили в тяжелое, голодное полугодие, когда все наши внешние и внутренние враги, в том числе правые и левые эс-эры и меньшевики, зная, как тяжело приходится населению, пытаются сыграть на этом, пытаются свергнуть власть Советов и тем самым сознательно или бессознательно вернуть власть помещикам и капиталистам. Мы вступили в такой период времени, когда заготовка хлеба обогнала подвоз его, и образование Советской власти на Украине дает возможность рассчитывать на то, что в наступающем полугодии мы справимся с продовольственным делом лучше, чем в прошлом году, хотя нам придется пережить полугодие еще более тяжелое, чем только что истекшее. Большим плюсом для нас является поворот значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти. Там, где побывали чехословаки, за Волгой и в Уфимской губернии, настроение даже зажиточных крестьян круто изменилось в пользу Советской власти, ибо чехо-словаки дали им жестокий предметный урок. Всего несколько дней тому назад ко мне явилась делегация крестьян от 5 волостей Сарапульского уезда, — тех самых волостей, которые сумели в самое последнее время отправить по 40 тысяч пудов хлеба Москве и Петрограду. Когда я спросил у этой делегации об отношении крестьян к Советской власти, депутация мне ответила: «Да, чехо-словаки нас научили, и теперь никто не отклонит нас от Советской власти». Но и в других местах, в Предуралье, где, кстати сказать, имеются громадные запасы хлеба, крестьяне теперь за Советскую власть. Было время, когда под влиянием меньшевиков и левых эс-эров, — как известно, левый эс-эр Муравьев

чуть не открыл чехо-словакам наш фронт, — крестьяне этих местностей были против Советов. Но бесчинства офицеров чехо-словацкой армии, жестокости над населением, стремление восстановить во всей полноте царские и помещичьи порядки, — все это научило крестьян. В настоящее время во всех этих губерниях кипит такая советская работа, о которой здесь не имеют и понятия, — ибо здесь, в больших центрах, народ уже истомился от долгой голодовки, а там, при сравнительно больших запасах хлеба, вопросы желудка отступают на задний план.

Перехожу к подробностям. В Уфимской губернии запасы хлеба достигают 60 миллионов пудов, и заготовка хлеба идет быстро. Но тут мы столкнулись с колоссальными затруднениями в транспорте. На железно-дорожных линиях: Казань — Сарапуль и Волга — Бугульма имеется до 10 миллионов пудов уже заготовленного хлеба. Но мы не можем его вывезти, ибо налицо недостаток паровозов, вагонов, топлива и непомерное истощение паровозной службы. Чтобы усилить товарную провозоспособность наших железных дорог, нам пришлось прибегнуть к весьма решительной мере: с 18 марта по 10 апреля по всей России будет прекращено движение пассажирских поездов. Прежде чем решиться на такую меру, мы трижды обсуждали ее с товарищами железнодорожниками и с выдающимися специалистами железно-дорожного дела. Только всесторонне обсудив эту меру и подсчитав заранее возможные результаты, мы пошли на это мероприятие. Произведенный подсчет показал, что прекращение пассажирского движения освободит 220 паровозов, хотя и слабых, но все же способных доставить $3^1/_2$ миллиона пудов хлеба. Если же мы рассмотрим данные о провозе хлеба мешечниками, — были недели, когда приходилось разрешать свободный провоз, — то окажется, что за те же 3 недели мешечники могут привезти не более 200 тысяч пудов. Этот подсчет решил вопрос. Разумеется, найдутся кулаки, спекулянты и даже отдельные рабочие, которые поднимут по этому поводу вой и станут говорить, что у них отнимают последнюю возможность провезти даже пудик хлеба; мы знаем, что явятся эс-эры и меньшевики, которые будут играть на голоде и восстанавливать население против Советской власти. Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс. Лучше пойти на лишения, лучше встретиться с враждебной агитацией эс-эров и меньшевиков, но надо посмотреть опасности прямо в лицо и открыто заявить: «Мы не вылезем из продовольственных затруднений, если не примем самых решительных мер, если не напряжем всех усилий для вывоза хлеба». Во многих местах хлеб, предназначенный к вывозу, сложен у станций, прямо на земле, и при весеннем половодье будет смыт и унесен. Нужно торопиться с его погрузкой и вывозкой. Принимая такую решительную меру, мы учли все побочные

обстоятельства. Мы знаем, что перед Пасхой движение рабочих по железным дорогам усиливается, а потому к Пасхе движение будет восстановлено. Мы знаем, что пригородное движение безусловно необходимо для рабочих, а потому оно будет продолжаться и теперь. Мы послали на места самых энергичных и опытных товарищей; заместитель народного комиссара по продовольствию, тов. Брюханов, прекрасно знающий Уфимскую губернию, командирован туда. Ему будут помогать товарищи из военного ведомства, ибо недалеко оттуда находится фронт. На другую железно-дорожную линию Казань — Сарапуль откомандированы также товарищи из военного ведомства. Им дано задание мобилизовать местное крестьянство и напрячь все усилия для вывоза хлеба, хотя бы до Казани, чем мы спасем хлеб и обеспечим подвоз его к столицам и вне-земледельческим местностям. Вот на чем мы основываем нашу надежду победить голод. Расчеты меньшевиков и эс-эров сыграть на народном бедствии будут еще раз разбиты.

В отличие от прошлого года, когда на нас наступали чехословаки, отнимавшие от нас самые хлебородные места, теперь у нас имеются два новых источника хлеба, на которые наши продовольственники не могли рассчитывать осенью прошлого года, когда они составляли свой план снабжения на целый год — это Украина и Дон. Осенью прошлого года германцы еще держали Украину под своей властью. Германские империалисты обещали доставить в Германию из Украины 60 миллионов пудов хлеба и этим подвозом продовольствия уничтожить в Германии зародыш большевизма среди народных масс. Но на практике получилось совершенно иное: вместо 60 миллионов пудов хлеба, немцы привезли с Украины всего только 9 миллионов пудов. Но вместе с этим хлебом они завезли в Германию тот большевизм, который дал там такие пышные всходы. Теперь в Германии большевизм на улицах Берлина борется с социал-предателями, заливающими Берлин рабочей кровью. Мы знаем, что немецкие социал-предатели будут побеждены так же, как у нас был побежден Керенский. (**Аплодисменты.**)

Но кроме Украины у нас имеется еще и Дон. Казаки Краснова держались все время при помощи иностранного золота: сначала германского, потом англо-французского. Но это им не помогло. Наша победа над казаками обеспечена. В настоящее время мы держим в своих руках линию Царицын — Лихая, ту линию, которая соединяет запасы хлеба и запасы угля. Итак, мы имеем два источника запасов — Украину и Дон. На Украине мы имеем дело с братской Советской республикой, с которой мы находимся в наилучших отношениях. Эта республика решает вопрос о помощи нам не по-торгашески, не по-спекулянтски, но руководствуясь исключительно горячим желанием помочь голодающему

северу. Первая специальная обязанность каждого гражданина Украины — помочь северу. Но и на Украине встречаются громадные трудности. Совет Народных Комиссаров неоднократно вызывал для переговоров тов. Раковского и посылал на Украину товарищей из военной среды. Оказывается, что в организационном отношении на Украине дело обстоит теперь еще хуже, чем у нас после Октябрьской революции. Тогда от Керенского достался нам в наследство известный продовольственный аппарат. Конечно, продовольственные чиновники саботировали и являлись в Смольный не для того, чтобы работать с нами, а чтобы торговаться. Но мы ломали сопротивление этих групп и в итоге все же заставили их работать. На Украине совершенно отсутствует продовольственный аппарат. Немцы занимались там только грабежом, — грабили, пока сила была в их руках, и, разумеется, никакой организации, никакого аппарата после них не осталось. На Украине нет продовольственных работников и тех крупных рабочих центров, из которых можно было бы черпать таких работников. Донецкий бассейн подвергнут такому разорению, о котором мы не имеем и понятия. Еще и поныне в глубине Донецкого бассейна бродят казачьи шайки, которые беспощадно грабят местное население. Из всех местностей Украины несется вопль: давайте рабочих! Мы образовали на Украине продовольственное бюро из представителей профессионального движения. Мы переводим более опытных продовольственных работников из Воронежской и Тамбовской губерний на Украину и привлекаем в продовольственные организации наиболее развитых городских пролетариев. Но при всем том на Украине нет ссыпанного хлеба, нет закупочных органов, у крестьян наблюдается недоверие к денежным знакам, а товаров в обмен мы дать не можем. При всех этих неблагоприятных условиях мы дали украинским товарищам задание вывезти в Россию к 1 июня 1919 г. 50 миллионов пудов хлеба. Я думаю, что целиком это задание не будет выполнено, но если будет доставлена только половина или две трети, — и то будет хорошо.

Далее Ленин указывает на то, что наши победы на Дону стали возможны исключительно благодаря усилению партийной и культурно-просветительной деятельности в рядах Красной армии. — Это вызвало психологический сдвиг, и в итоге наша Красная армия завоевала для нас Дон. (Бурные аплодисменты.)

Вообще, наша Красная армия крепнет с каждым днем. Даже буржуазные военные специалисты признают, что в империалистских странах армия разлагается, между тем как наша слагается, крепнет и усиливается. На Дону также имеются большие запасы хлеба. Там также нет продовольственного аппарата, но есть наша дисциплинированная армия, а это уже есть аппарат, посредством которого мы получим хлеб с меньшими затратами и большими результатами.

Должен отметить, что чехо-словаки и казаки продолжают свою тактику — разрушают, что могут. Взорвав железно-дорожный мост через Волгу, они вслед за тем уничтожили все мосты и привели в полную негодность все Заволжские железно-дорожные магистрали. В Совете Народных Комиссаров мы долгое время совещались о том, как восстановить хотя бы две железно-дорожные линии: Лиски — Ростов и Лихая — Царицын. Были приняты решительные меры, и на последнем заседании Совета Обороны, состоявшемся в понедельник 10 марта, выяснилось, что все инструменты и материалы на эти линии уже подвезены и до наступления весенней распутицы они будут восстановлены.

Указав еще раз на ту продовольственную помощь, которую нам окажут Дон и Украина, Ленин восклицает: «Это полугодие — последнее тяжелое полугодие!». (Аплодисменты.)

Международное положение, хотя все еще тяжелое, все же улучшается. Вы все видели и слышали иностранных делегатов III Интернационала, которые в своих докладах и сообщениях подчеркивают, что тот путь, на который мы вступили, — правилен и верен [28]). Большевизм приобрел мировое значение. Это видно из того, что самые передовые буржуазные демократии, так кичащиеся своей свободой, принимают репрессивные меры против большевиков. Богатейшая буржуазная республика — Соединенные Штаты Северной Америки, с ее стомиллионным населением, спешит выслать из своих пределов несколько сот русских большевиков, в большинстве своем не владеющих даже английским языком. Откуда же этот ужас перед большевизмом? В Париже на рабочих собраниях, как сообщают газеты, даже не сочувствующие большевикам рабочие не дают произнести ни слова тем ораторам, которые настроены враждебно к большевизму. (Аплодисменты.) Несмотря на всю ложь, на ту грязную клевету, которую буржуазная пресса Западной Европы ежедневно изливает на большевиков, народ все же понял правду и устремился за большевиками. Пусть буржуазная французская пресса пишет, что большевики — изверги рода человеческого, что они пожирают младенцев, — французские рабочие этой прессе не верят.

Мы достигли того, что слово «Совет» стало понятным на всех языках. Массы поняли, что их спасение в рабоче-крестьянской власти, в Советах. Вот почему в Москве, на съезде III Интернационала, нам так легко было достигнуть соглашения. В самых глухих углах, в каком-нибудь итальянском Пошехонье, собираются батраки и рабочие и заявляют: мы приветствуем германских спартаковцев и русских «советистов» и требуем, чтобы их программа стала программой рабочих всего мира. Я повторю здесь то, что сказал уже в Москве *). Это показывает, что

*) См. настоящий том, стр. 27 — 31. *Ред.*

победа за нами и никаких сомнений в этом быть не может. Несмотря на всю ложь буржуазной прессы, сочувствие рабочих нами завоевано. В то же время империалисты на мирной конференции не могут столковаться и готовы вцепиться друг в друга. Большевистская зараза уже проникла во все страны Европы и Америки. Никакие высылки большевиков не помогут. Если бы Западная Европа отгородилась от нас китайской стеной, если бы даже все русские большевики провалились в тартарары,—это не облегчило бы положения западных империалистов. Народные массы поняли, что с помощью парламента они не добьются улучшения своего положения. Нужна рабочая власть, нужны Советы. Война создала громадную задолженность, а империалисты настолько безумны, что требуют от народов платежей по военным займам. Они говорят народам: «Платите нам миллиарды за то, что мы были так милостивы и позволили перерезать 10 миллионов человек, чтобы решить вопрос о нашей прибыли». Во всех странах империализм скатится в ту же пропасть, в которую он скатился в Германии. (Бурные аплодисменты.)

«Северная Коммуна» № 58, 14 марта 1919 г.

УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ [29])

Напечатано в марте — апреле 1919 г. отдельной брошюрой: «Н. Ленин. Успехи и трудности Советской власти». Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов

Печатается по тексту брошюры

Н. ЛЕНИН.

Успехи и трудности Советской власти

РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ НА МИТИНГЕ
В ПЕТЕРБУРГЕ 13 МАРТА 1919 Г.

1-я — 200-я тысячи

ИЗДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
1919

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Успехи и трудности Советской власти» — 1919 г.

Теперь как раз, когда нам удалось восстановить Интернационал революционный, Интернационал Коммунистический, теперь как раз, когда советская форма движения сама собою стала программой и теоретической, и практической для всего III Интернационала, когда это сделано, — именно теперь уместно вспомнить об общем развитии Советов. Что такое Советы? какое значение имеет эта форма, созданная массами и не придуманная кем-либо?

Только с этой точки зрения можно правильно, мне кажется, оценить и те задачи, которые перед нами поставлены уже, — перед завоевавшим власть пролетариатом, и то выполнение этих задач, которое мы в течение последнего года, имея уже диктатуру пролетариата в России, пытались дать и давали.

Только с точки зрения общей роли Советов, их общего значения, их места во всемирном историческом развитии можно понять, в каком положении мы оказались, почему мы должны были действовать так, а не иначе, и чем надо проверять, глядя назад, правильность или неправильность наших шагов.

А такие более общие, более широкие или более далеко идущие взгляды нам сейчас вдвойне необходимы, потому что партийным людям приходится теперь в России страдать иногда и замечать недочеты, недостатки и неудовлетворительность своей работы оттого, что практическое выполнение неотложных, текущих, очередных, злободневных задач управления, которые на Советскую власть легли и ложатся, часто отвлекает, засоряет внимание, заставляет нас, вопреки всем нашим усилиям, — тут против условий деятельности ничего не поделаешь, — слишком много внимания уделять мелким частностям управления и забывать общий ход развития всей пролетарской диктатуры в мировом масштабе, ее развитие через власть Советов, вернее сказать, через советское движение, через блуждание пролетарских масс внутри Советов — то, что мы все пережили и забыли — и через попытку внутри Советов осуществлять диктатуру.

Вот какие трудности легли на нас, и вот на какие общие задачи, на мой взгляд, надо стараться обратить внимание, чтобы самих себя, по возможности, вырвать несколько из мелочей

управления, ложащихся на каждого человека, занятого практической советской работой, и чтобы понять, какой большой шаг осталось нам сделать—нам, как отряду всемирной пролетарской армии.

Победить в мировом масштабе полностью, окончательно нельзя в одной России, а можно только тогда, когда во всех, по крайней мере, передовых странах или хотя в нескольких из крупнейших передовых стран победит пролетариат. Только тогда мы сможем с полной уверенностью сказать, что дело пролетариата победило, что наша первая цель—свержение капитализма—достигнута.

Она была у нас осуществлена по отношению к одной стране и поставила перед нами вторую задачу. Если власть Советов осуществлена, если буржуазия свергнута в одной стране, второй задачей является борьба в международном масштабе, борьба на иной плоскости, борьба пролетарского государства в среде капиталистических государств.

Положение чрезвычайно новое и трудное.

А с другой стороны, если власть буржуазии свергнута, главной задачей становится задача организации строительства.

Желтые социалисты, которые теперь, собравшись в Берне, собираются осчастливить нас визитом знатных иностранцев, более всего любят бросать фразы вроде такой: «Большевики верят во всемогущество насилия». Эта фраза показывает только, что бросают ее люди, которые в пылу революционной борьбы, когда их целиком давит насилие буржуазии,— смотрите, что делается в Германии,—не умеют свой пролетариат научить тактике *необходимого насилия*.

Есть условия, при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов. Бывали примеры, однако, что это различие не усваивалось всеми, и об этом говорить надо. В Октябре насилие, свержение буржуазии Советской властью, удаление старого правительства, революционное насилие дало блестящий успех.

Почему? Потому, что массы были организованы в Советах, во-первых, и потому, во-вторых, что неприятель—буржуазия—был подкопан, подорван, размыт длинным политическим периодом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилен,—и потому движение в Октябре, если сравнить его хотя бы с теперешним революционным движением в Германии, так легко дало у нас полную, блестящую победу революционного насилия.

Можно ли предполагать, что такой путь, такая форма борьбы, легкая победа революционного насилия осуществима без этих условий?

Так предполагать было бы величайшей ошибкой. И чем крупнее революционные победы, в известных условиях одерживаемые, тем чаще является опасность, что мы дадим себя обо-

льстить этими победами, не думая хладнокровно, спокойно и внимательно над тем, при каких условиях это было возможно.

Когда правительство Керенского, коалиционное министерство Милюкова мы истрепали, можно сказать, по ниточке, испробовали, как их сажать на министерские места во всех комбинациях, заставили их проделать министерскую чехарду справа налево и слева направо, снизу вверх и сверху вниз, то оказалось, что, как они ни садились, они в музыканты не годились, и тогда они полетели, как пушинки.

Похоже ли на это положение то, что стало теперь перед нашей практической задачей по отношению к мировому империализму? Конечно, нет.

Вот почему в области внешней политики вопрос о Брестском мире причинил такие трудности. Массовый характер движения помог их преодолеть.

Но в чем источник ошибок, которые заставляли часть товарищей думать, что мы делаем неслыханное преступление? И теперь есть такие одинокие чудаки среди людей, умеющих владеть пером и воображающих, что они лично кое-что представляют, имеют опыт, могут учить и т. п., и которые и сейчас уверяют, что это было соглашательством с германским империализмом.

Да, такое соглашательство было, когда мы «соглашались» с царем, идя в отвратительную реакционную Думу и взрывая ее изнутри.

Можно ли было рассчитывать, одним применением насилия, свергнуть всемирный империализм без соответствующего развития пролетариата в этих империалистских странах?

Если так ставить задачу, — а мы все время, как марксисты, учили, что ее надо ставить так и только так, — то тут применять политику насилия было бы сплошной нелепостью и вздором и полным непониманием условий, при которых политика насилия имеет успех.

Теперь мы это видим. Мы обогащены опытом.

В то время, как мы в период Брестского мира должны были собирать силы и с мучительнейшими трудностями закладывать фундамент новой армии, Красной армии, в стране, которая разорена и измучена войной, как ни одна страна в мире, в то время, как мы камешек по камешку закладывали в первой половине и в начале второй половины 1918 г. фундамент настоящей социалистической Красной армии, — в это время империализм других стран подтачивался внутренним разложением, нарастанием протеста и обессиливался.

И революционное насилие в Германии одержало победу тогда, когда многомесячное развитие борьбы подточило в этой стране империализм, и то же самое теперь повторяется до известной степени — до известной степени, а не полностью — по отношению к странам Согласия.

Один американец, который наблюдал происходящее в западноевропейских странах очень внимательно, непосредственно, никоим образом не предвзято, говорил мне недавно: «Франции предстоит, несомненно, величайшее разочарование, крах иллюзий; французов кормят обещаниями — вы, мол, победили». Старые патриотические чувства всего французского народа, озлобление на то, как их раздавили в 70-м году, бешеное возмущение тем, как страна за четыре года войны обезлюдела, обескровлена, изнемогает — все это буржуазия использует, чтобы направить по руслу шовинизма: «Мы победили немцев, у нас будут полные карманы, и мы отдохнем». Но трезвый, по-купцовски смотрящий на вещи американец говорит: «Немец не заплатит, потому что ему платить не из чего».

Оттого-то французский народ и кормят обещаниями и сказками, что вот-вот наступит мир, окончательная победа. Но мир — это крах всех надежд на то, что можно из этого кровавого болота вылезти хоть сколько-нибудь живыми, с поломанными руками и ногами, но живыми. Вылезти из этого мира при старом капитализме нельзя, потому что накопилась такая лавина капиталистических долгов, такая глыба разорений во всем капиталистическом мире, причиненных войной, что нельзя вылезти, не свергнув самой лавины.

Даже те, кто не являются революционерами и в революцию не верят и боятся революции, теоретически все же ее обсуждают и будут принуждены ходом событий, последствиями империалистской войны убедиться, что другого выхода нет, кроме революции.

Повторяю, меня особенно поразила оценка положения, сделанная американцем с точки зрения купца, который, конечно, теорией классовой борьбы не занимается и искренне считает это вздором, но который интересуется миллионами и миллиардами и, умея считать, спрашивает: заплатят или не заплатят? — и отвечает, опять-таки с точки зрения совершенно делового коммерческого расчета: «Заплатить не из чего! И даже 20 копеек за рубль не получишь!».

Вот положение, при котором во всех странах Согласия мы видим громаднейшее и повсеместное брожение на почве симпатий рабочих к советской форме.

Например, в Париже толпа, — самая чуткая, может быть, из всех народных собраний других стран, потому что в Париже она прошла большую школу, проделала ряд революций, — там толпа, самая отзывчивая, которая не позволит оратору взять фальшивую ноту, теперь обрывает тех, кто смеет говорить против большевизма; а всего несколько месяцев тому назад нельзя было и заикнуться перед парижской толпой за большевизм, не встретив насмешливых отзывов этой же толпы.

В Париже, между тем, буржуазия всю свою систему лжи, клеветы, обмана пускает в ход против большевизма. Но мы уже

знаем, что это значит, когда в 1917 г. мы, большевики, переживали травлю всей буржуазной печати. У нас господа буржуа немножко просчитались и пересолили, думая, что большевиков они затягивают в сетях лжи и клеветы; да так пересолили, переборщили в своих нападках, что дали нам даровую рекламу и заставили самых отсталых рабочих думать: «Если большевиков так ругают капиталисты, то, значит, эти большевики умеют с капиталистами бороться!».

Вот почему та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унизительного, оказалась политикой единственно правильной.

И я думаю, что не бесполезно вспомнить об этой политике еще раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Согласия, когда они все так же полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс.

Смотря трезво на вещи, мы вынуждены совершенно ясно сказать себе, если мы не хотим морочить головы себе и другим, — а это вредное занятие для революционера,—мы должны сказать, что Антанта сильнее нас, с точки зрения военной силы. Но если мы возьмем дело в его развитии, то скажем также с полной отчетливостью и убеждением, которое основано не только на наших революционных воззрениях, а и на опыте, что это могущество стран Согласия — не на долго; они стоят накануне громадного перелома в настроении своих масс.

Они и французских и английских рабочих накормили обещаниями: «Мы весь мир ограбим, а тогда ты будешь сыт». Вот, что кричит вся буржуазная пресса, вбивая все это в голову неразвитых масс.

Через несколько месяцев они, положим, заключат мир, если не подерутся тут же между собою, на что имеется целый ряд серьезнейших признаков. Но если им удастся, не вцепившись друг другу в волосы и в глотку, заключить мир, то этот мир будет началом краха немедленного, потому что заплатить по этим неслыханным долгам и помочь отчаянному разорению, когда во Франции производство пшеницы уменьшилось больше, чем вдвое, а голод стучится всюду, и производительные силы разрушены, — помочь этому они не в состоянии.

Если трезво смотреть на вещи, то надо признать, что тот способ оценки вещей, который дал такую правильную меру в руки при оценке русской революции, дает с каждым днем и утверждение на мировую революцию. Мы знаем, что ручьи, которые захватят эти льдины Антанты — льдины Согласия, капитализма, империализма,— с каждым днем крепнут.

С одной стороны, страны Согласия сильнее нас, с другой

стороны — им не удержаться ни в коем случае по их внутреннему положению на сколько-нибудь долгое время.

Из этого же положения вытекают сложные задачи международной политики — задачи, которые нам, может быть и даже вероятно, придется решать в ближайшие дни и о которых я недостаточно осведомлен во всей конкретности, но о которых я бы хотел сказать более всего, — именно для того, чтобы опыт в области деятельности Совета Народных Комиссаров, в области внешней политики стоял перед вами, товарищи, в форме ясной и захватывающей.

Самый существенный наш опыт — Брестский мир. Вот что самое существенное в итоге внешней политики Совета Народных Комиссаров. Мы должны были выжидать, отступать, лавировать, подписывать самый унизительный мир, получая через то возможность строить новый фундамент новой социалистической армии. И фундамент мы заложили, а наш могучий и всесильный некогда противник оказался уже бессильным.

К этому идет дело и во всем мире, и это главный и основной урок, который надо как можно тверже усвоить и постараться как можно яснее понять, чтобы не сделать ошибки в очень сложных, очень трудных, очень запутанных вопросах внешней политики, которые не сегодня-завтра станут перед Советом Народных Комиссаров, перед Центральным Исполнительным Комитетом, вообще перед всей Советской властью.

На этом я и покончу с вопросом о внешней политике, чтобы перейти к некоторым из других важнейших вопросов.

Товарищи, что касается военной деятельности, то в феврале и марте 1918 г.—год тому назад—мы не имели никакой армии. Мы имели, может быть, 10 миллионов вооруженных рабочих и крестьян, составлявших старую армию, совершенно разложившуюся, проникнутую абсолютнейшей готовностью и решимостью уйти, убежать и все бросить во что бы то ни стало.

Это явление тогда рассматривалось, как исключительно русское. Думали, что русские, со свойственной русским нетерпеливостью или недостаточной организованностью, не вынесут, а немцы вынесут.

Так говорили нам. А мы видим теперь, что прошло несколько месяцев — и с организацией немецкой армии, которая была неизмеримо выше нашей в смысле культурности, техники, дисциплины, в смысле человеческих условий для больных, раненых, в смысле отпусков и т. д., что и там с ее организацией вышла такая же история. Бойни, многолетней бойни самые культурные и дисциплинированные массы не вынесли, наступил период абсолютного разложения, когда и передовая немецкая армия спасовала.

Очевидно, не только для России, но для всех стран есть

предел. Для разных стран разный предел, но — предел, дальше которого вести войну, ради интересов капиталистов, нельзя. Вот то, что мы наблюдаем теперь.

Немецкий империализм разоблачил себя до конца в том, что он был хищником. Самое важное то, что и в Америке, и во Франции, в этих пресловутых демократиях (о демократиях болтают предатели социализма, меньшевики и эс-эры, эти несчастные люди, называющие себя социалистами), в этих передовых демократиях мира, в этих республиках с каждым днем наглеет империализм, и обнаруживаются дикие звери, хищники, как нигде. Они грабят мир, дерутся между собою и вооружаются друг против друга. Скрывать это долго нельзя. Это можно было скрывать, когда был угар войны. Но угар проходит, мир надвигается, и массы именно в этих демократиях видят, несмотря на всю ложь, что война привела к новому грабежу, что самая демократическая республика есть не что иное, как наряд для хищника, самого зверского, циничного, который готов разорить сотни миллионов людей, чтобы заплатить долги, т.-е. заплатить господам империалистам, капиталистам за то, что они милостиво позволили рабочим резать друг другу горло. С каждым днем для масс это становится яснее.

Вот положение, при котором является возможность таких политических выступлений, как статья одного военного обозревателя в газете самой богатой и самой политически-опытной буржуазии — в английском «Таймсе» — оценивающего события в таких выражениях: «Во всем мире армии разлагаются, но есть только одна страна, где армия строится, и эта страна — Россия».

Вот факт, который вынуждена признать буржуазия, в военном отношении гораздо более сильная, чем советский большевизм. И с этим фактом мы подходим к оценке того, что сделали мы за этот год советской работы.

Нам удалось достигнуть перелома, когда на месте десятимиллионной армии, сплошь бежавшей, не вынесшей ужасов войны и понявшей, что эта война преступна, начала строиться, сотня тысяч за сотней тысяч, армия социалистическая, знающая, за что она борется, и идущая на жертвы и лишения бо̀льшие, чем было при царизме, потому, что она знает, что отстаивает свое дело, свою землю, свою власть на фабрике, защищает власть трудящихся, а трудящиеся в других странах, хотя трудно и тяжело, но просыпаются.

Таково положение, которое характеризует годичный опыт Советской власти.

Война невероятно трудна для Советской России, война невероятно трудна для народа, который четыре года переносил ужасы империалистской войны. Война для Советской России невероятно тяжела. Но в данное время и сильные враги признают,

что их армия разлагается, а наша строится. Потому что, первый раз в истории, армия строится на близости, на неразрывной близости, можно сказать — на неразрывной слитности, Советов с армией. Советы объединяют всех трудящихся и эксплуатируемых, — и армия строится на началах социалистической защиты и сознательности.

Один прусский монарх в XVIII веке сказал умную фразу: «Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны». Старый прусский монарх был неглупым человеком. Мы же теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: мы можем вести войну потому, что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяготы — повторяю, тяготы войны теперь больше, чем при царизме, — зная, что приносят отчаянные, непосильно-тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые «разлагаются» и начали понимать наше положение.

Есть глупые люди, которые кричат о красном милитаризме; это — политические мошенники, которые делают вид, будто они в эту глупость верят, и кидают подобные обвинения направо и налево, пользуясь для этого своим адвокатским уменьем сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком. И меньшевики и эс-эры кричат: «Смотрите, вместо социализма, вам дают красный милитаризм!».

Действительно, «ужасное» преступление! Империалисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задушить ее, а мы стали создавать армию, которая первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы, и с успехом сопротивляется более многочисленному врагу, приближая с каждым месяцем сопротивления в доселе еще невиданном масштабе всемирную революцию, — и это осуждают, как красный милитаризм!

Повторяю — либо это глупцы, не поддающиеся никакой политической оценке, либо это политические мошенники.

Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 г. мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, при чем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистской войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа, миллионеры и миллиардеры, знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас.

Социалистическая республика делает неслыханные усилия, приносит жертвы и одерживает победы; и если теперь, в результате года гражданской войны, взглянуть на карту: что было

Советской Россией в марте 1918 г., что̀ стало ею к июлю 1918 г., когда на западе стояли немецкие империалисты по линии Брестского мира, Украина была под игом немецких империалистов, на востоке до Казани и Симбирска господствовали купленные французами и англичанами чехо-словаки, и если взять карту теперь, то мы увидим, что мы расширились неслыханно, мы одержали победы громадные.

Вот положение, при котором говорить сильные слова, обвиняя нас в красном милитаризме, могут только самые грязные и низкие политические мошенники.

Таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почить на лаврах, в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а самый худший враг рабочего класса. Не бывало ни одной такой революции, даже второстепенной, даже буржуазной, когда речь шла только о том, чтобы от одного имущего меньшинства передать власть другому меньшинству. Мы знаем примеры! Французская революция, на которую ополчились в начале XIX века старые державы, чтобы раздавить ее, называется Великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру; тут и лежит одна из ее больших заслуг.

Революция подвергается самым серьезным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты угнетен, эксплуатируем и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплуататоров, если ты решил довести дело свержения до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплуататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят.

Вот как поставлен вопрос историей всех революций.

Настоящим испытанием нашей революции является то, что мы в отсталой стране, раньше, чем другие, сумели взять власть, завоевать советскую форму правления, власть трудящихся и эксплуатируемых. Сумеем ли мы ее и удержать, хотя бы до тех пор, пока расшевелятся массы других стран? И если мы не сумеем пойти на новые жертвы и удержаться, то скажут: революция оказалась исторически неправомерной. Демократы цивилизованных стран, вооруженные до зубов, боятся, однако, появления в какой-нибудь стомиллионной свободной республике, вроде Америки, каких-нибудь ста большевиков; это — такая зараза! И борьба с сотней выходцев из голодной, разоренной России, которые станут говорить о большевизме, оказывается демократам не под силу! Симпатии масс на нашей стороне! У буржуев одно спасение: пока меч не выпал у них из рук, пока пушки в их руках, направить эти пушки на Советскую Россию и задавить ее

в несколько месяцев, потому что потом ее ничем не задавишь. Вот в каком положении мы находимся, вот чем определяется военная политика Совета Народных Комиссаров за этот год, и вот почему мы, указывая на факты, на результаты, имеем право сказать, что мы испытание выдерживаем только потому, что рабочие и крестьяне, неслыханно истомленные войной, созидают новую армию в еще более мучительных условиях, проявляя новое геройство.

Это — краткие итоги политики Советской власти в области военной. Я здесь позволю себе сказать еще несколько слов по одному пункту, где политика в военном вопросе смыкается с политикой в других вопросах, с политикой хозяйственной, — я говорю о военных специалистах.

Вы, вероятно, знаете, какие споры вызвал этот вопрос, как часто товарищи, принадлежащие к числу самых преданных и убежденных большевиков-коммунистов, выражали горячие протесты против того, что в строительстве Красной социалистической армии мы пользуемся старыми военными специалистами, царскими генералами и офицерами, запятнавшими себя служением царизму, а иногда и кровавыми расправами с рабочими и крестьянами.

Противоречие бросается в глаза, негодование тут является, можно сказать, само собою. Каким образом строить социалистическую армию при помощи специалистов царизма?!

Оказалось, что мы построили ее только так. И если мы подумаем над задачей, которая здесь выпала на нашу долю, то нетрудно понять, что так только и можно было построить. Это дело не только военное, эта задача стала перед нами во всех областях народной жизни и народного хозяйства.

Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика.

Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе. Есть пролетарии, которые закалены так, что способны переносить в тысячу раз бо́льшие жертвы, чем любая армия; есть десятки миллионов угнетенных крестьян, темных, разбросанных, но способных, если пролетариат поведет умелую тактику, вокруг него объединиться в борьбе. И затем есть специалисты науки, техники, все насквозь проникнутые буржуазным миросозерцанием, есть военные специалисты, которые воспитались в буржуазных условиях, — и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических. Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры,

учителя — все они брались из имущего класса; не из воздуха они упали! Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи пройти университета не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника — для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой. У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов.

Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны.

Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма! Вот та трудность, которая стала перед нами конкретно, когда мы взяли власть, когда мы получили советский аппарат!

Это одна половина задачи, и это бóльшая половина задачи. Советский аппарат значит, что трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах.

Так поставлена задача во всех областях — задача противоречивая, как противоречив весь капитализм, труднейшая, но выполнимая. Не потому, что мы воспитаем чистеньких коммунистических специалистов лет через двадцать: первое поколение коммунистов без пятна и упрека; нет, извините, нам надо все устроить теперь, не через двадцать лет, а через два месяца, чтобы бороться против буржуазии, против буржуазной науки и техники всего мира. Тут мы должны победить. Массовым весом своим заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим.

Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм

из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано! И вот из этих кирпичей, под руководством пролетариата, мы должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание. Вот что трудно, и вот в чем залог победы!

Конечно, на этом пути, как новом и трудном, сделано не мало ошибок, на этом пути нас ждало не мало поражений; все знают, что из специалистов определенное число систематически изменяло нам: среди специалистов на заводах, в агрономии, в деле управления мы на каждом шагу натыкались и натыкаемся на злостное отношение к делу, на злостный саботаж.

Мы знаем, что все это громадные трудности, и что их одним насилием не победишь... Мы, конечно, не против насилия; мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеемся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе — либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно. Может быть: или насилие над Либкнехтом и Люксембург, избиение лучших вождей рабочих, или насильственное подавление эксплуататоров, а кто мечтает о середине — самый вредный и опасный нам противник. Так сейчас стоит вопрос. Так что, когда мы говорим об использовании специалистов, то надо иметь в виду урок советской политики за год; за этот год мы сломили и победили эксплуататоров, а нам теперь надо решить задачу использования буржуазных специалистов. Здесь, повторяю, одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!

Скажут: вместо насилия Ленин рекомендует моральное влияние! Но глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества. Вздор! Мы, как партия, как люди, научившиеся кое-чему за этот год советской работы, в эту глупость не впадем и от нее массы будем предостерегать. Использовать весь аппарат буржуазного капиталистического общества — такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины, товарищеской дисциплины среди масс, организации пролетарского воздействия на все остальное население, создания новой массовой обстановки, при которой буржуазный специалист видит, что ему нет выхода, что к старому обществу вернуться нельзя, а что он свое дело может делать только с коммунистами, которые стоят рядом, руководят массами, пользуются абсолютным доверием

масс и идут к тому, чтобы плоды буржуазной науки, техники, плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся.

Задача — громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет! А чтобы решить ее, надо создать такую силу, такую дисциплину, товарищескую дисциплину, советскую дисциплину, пролетарскую дисциплину, которая бы не только физически раздавила контр-революционеров буржуазии, но и охватила бы их полностью, подчинила бы себе, заставила бы идти по нашим рельсам, служить нашему делу.

Повторяю, что в деле военного строительства и строительства хозяйственного и в работе каждого Совета народного хозяйства, и в работе каждого заводского комитета, каждой национализированной фабрики мы каждый день на эту задачу натыкались. Едва ли была хоть одна неделя, когда бы в Совете Народных Комиссаров в этом году, так или иначе, в той или другой форме, не ставился такой вопрос и не решался нами. Я уверен, что не было ни одного заводского комитета в России, ни одной сельско-хозяйственной коммуны, ни одного советского хозяйства, ни одного уездного земельного отдела, которые бы за год советской работы десятки раз не натыкались на этот же вопрос.

Вот в чем трудность задачи, но вот в чем и настоящая благодарная задача, вот что мы должны сделать теперь, на другой день после того, как сила пролетарского восстания раздавила эксплуататоров. Мы раздавили их сопротивление, — это надо было сделать, — но надо было не только это сделать, а силой новой организации, товарищеской организации трудящихся надо заставить их служить нам, надо излечить их от старых пороков, помешать им вернуться к своей эксплуататорской практике. Они остались старыми буржуа и сидят на офицерских постах и в штабах нашей армии, они, инженеры и агрономы, эти старые буржуа, называющие себя меньшевиками и эс-эрами. От клички ничто не меняется, но они буржуа насквозь, с головы до пяток, по своему миросозерцанию и привычкам.

Что же, мы разве выкинем их? Сотни тысяч не выкинешь! А если бы мы и выкинули, то себя подрезали бы. Нам строить коммунизм не из чего, как только из того, что создал капитализм. Надо не выкидывать, а сломить сопротивление, наблюдая за ними на каждом шагу, не делая никаких политических уступок, на которые бесхарактерные люди поддаются ежеминутно. Культурные люди поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. Вот почему они на каждом шагу спотыкаются и делают политические уступки контр-революционной буржуазии.

Коммунист, который говорит, что нельзя впадать в такое положение, чтобы руки пачкать, что у него должны быть чистые коммунистические руки, что он будет чистыми коммунистическими руками строить коммунистическое общество, не пользуясь презренными контр-революционными буржуазными кооператорами, — пустой фразер, потому что, напротив, нельзя не пользоваться ими.

Задача практически сейчас стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контр-революционные поползновения и в то же время учиться у них.

У нас, в лучшем случае, есть наука агитатора, пропагандиста, человека, закаленного дьявольски-тяжелой судьбой фабричного рабочего или голодного крестьянина, — наука, которая учит долго держаться, оказывать упорство в борьбе, что и спасало нас до сих пор; это все необходимо; но этого мало, с этим одним победить нельзя; чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру.

Откуда же это взять? Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе — у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды их культуры.

В этом отношении та борьба, которая возникала в нашей партии за минувший год, была чрезвычайно плодотворна; она вызвала не мало резких столкновений, но борьба и не бывает без резких столкновений; мы же приобрели практический опыт в вопросе, который никогда перед нами не ставился, но без которого коммунизм осуществить не удастся [30]). Задача — как соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих, задача, еще раз скажу, трудная. Здесь все дело в организации, в дисциплине передового слоя трудящихся масс. Если бы в России, во главе миллионов забитых, темных, совершенно неспособных к самостоятельному строительству, веками угнетаемых помещиками крестьян, если бы около них не было передового слоя городских рабочих, которые им понятны, близки, которые пользуются их доверием, которым крестьянин поверит, как своим рабочим людям, если бы не было этой организации, способной сплотить трудящиеся массы и внушить им, разъяснить, убедить их в важности задачи взять всю буржуазную культуру себе, — тогда дело коммунизма было бы безнадежно.

Говорю это не с точки зрения отвлеченной, а с точки зрения ежедневного опыта в течение целого года. Если в этом

опыте много мелочей, иногда скучных, неприятных, то за всеми этими мелочами надо увидеть нечто поглубже, надо понять, что в этих мелочах работы, в столкновениях между заводским комитетом и инженером, таким-то красноармейцем и таким-то буржуазным офицером, таким-то крестьянином и буржуазным агрономом, — что в этих конфликтах, трениях, мелочах есть неизмеримо более глубокое содержание. Мы победили предрассудок, что следует этих буржуазных специалистов выкинуть вон. Мы взяли эту машину, она еще идет плохо, — не будем делать иллюзий: на каждом шагу она спотыкается, на каждом шагу делает ошибки, на каждом шагу сваливается в канаву, а мы опять вытаскиваем ее, — но она пошла, и мы будем вести ее по правильному пути. Так, только так мы вылезем из той трясины разрухи, страшных трудностей, разорения, одичания, нищеты, голода, в которую нас война втянула и империалисты всех стран стараются втолкнуть и заставить застрять там.

И мы начали вылезать. Это — первые шаги.

Год советской работы научил нас эту задачу ясно понимать в каждом отдельном случае заводской практики и практики крестьянской работы и усваивать эту работу. Это — громаднейшее завоевание Советской власти за год. На это потерять год было не жаль. Мы не будем, как в старые времена, теоретически рассуждать вообще о значении буржуазных специалистов и о значении пролетарских организаций, мы будем каждый шаг нашего опыта в любом заводском комитете и в любой земельной организации использовывать. Если мы положили фундамент Красной армии, если у нас есть небольшой фундамент, если есть такие национализированные предприятия, в которых рабочие свои задачи поняли и начали повышать производительность труда при помощи тех буржуазных специалистов, которые на каждом шагу пытаются вернуться назад, а массовые организации рабочих заставляют их идти вперед нога в ногу с Советской властью, — это самое большое завоевание Советской власти. Эта работа не видная, в ней ничего нет блестящего, трудно ее во всем значении оценить, но именно в том-то и сказывается шаг вперед нашего движения, что мы от простой задачи простого подавления эксплуататоров пришли к задаче научить самих себя, научить массы строить коммунизм из капиталистических кирпичей, заставляя капиталистических буржуазных специалистов работать на нас. Только на этом пути мы добьемся победы. И теперь мы знаем, что, идя так, как мы шли до сих пор, мы этой победы, действительно, добьемся.

Товарищи, я перейду к последнему вопросу, который я хотел бы, хотя вкратце, осветить, ввиду того, что я слишком затянул свою речь, — к вопросу об отношении к деревне.

Если я до сих пор говорил о работе военной, о диктатуре,

об использовании буржуазных специалистов, то здесь — новая громадная трудность коммунистического строительства.

Как быть, если власть перешла в руки пролетариата в стране, в которой городского пролетариата — меньшинство, а большинство крестьян, привыкших хозяйничать поодиночке, насквозь пропитанных этими привычками раздробленного хозяйничанья?

Большинство из этих крестьян, однако, так разорены, обнищали и измучены гнетом помещиков и капиталистов, что идут охотно на помощь к пролетариям. Если городской рабочий сколько-нибудь толково, тактично, по-человечески, а не так, как когда человек хочет начальствовать и вызывает законную ненависть, — если сколько-нибудь по-человечески городской рабочий подходит к крестьянину, он встречает в нем самое товарищеское доверие и полную поддержку. Это мы знаем. На этом Советская власть держится в деревне. Она могла держаться лишь при помощи самой искренней поддержки большинства трудящихся. Эту поддержку мы получили потому, что городские рабочие тысячами путей, о которых мы и не подозреваем, пришли в связь с деревенской беднотой.

Государственная власть, которая прежде этому мешала, теперь все делает, чтобы этому помочь. Только благодаря этому Советская власть держится, только в этом залог победы.

Громадные трудности, о которых я только что упомянул, заключаются в том, что крестьянин привык работать в одиночку, свободно торговать хлебом, и ему кажется, что это — законная вещь. Как это я, — рассуждает он, — трудившийся, чтобы получить хлеб, который стоил мне столько пота и крови, и не имею права его свободно продать? Крестьянину это представляется обидой.

Но мы знаем из всего опыта развития России, что свободно торговать — это значит свободно насаждать капиталистов; а свободно торговать в стране, которая измучена голодом, где голодный человек за кусок хлеба готов отдать все, что угодно, даже себя в рабство, свободно торговать, когда страна голодает, — это значит свободно обогащать меньшинство и разорять большинство.

Мы должны доказать, что в стране, которая измучена голодом, первая задача — помочь крестьянству; но помочь можно, только объединив его действия, объединив массы, ибо крестьяне распылены, раздроблены, привыкли жить и работать врозь.

Внешних препятствий для осуществления этой трудной задачи нет; тут то̀, что надо было сделать насилием, сделано; мы от насилия не отказываемся; мы знаем, что есть кулаки среди крестьян, которые деятельно сопротивляются нам, прямо устраивая белогвардейские восстания; это не относится ко всей массе крестьян. Кулаков — меньшинство; и тут — борьба и борьба, их надо подавить, и мы и подавляем, но после победоносного решения задачи подавления эксплуататоров в деревне встает вопрос,

который насилием решить нельзя; в этой области, как и во всех остальных, можно решить нашу задачу только массовой организацией, длительным воспитательным влиянием городского пролетариата на крестьянство.

Осуществим ли мы эту задачу? — Да, мы это знаем из опыта; и только потому, что громадное большинство крестьян доверяет рабочей власти, на опыте этого доверия к рабочим можно строить фундамент, который уже начат, и строить его дальше должно, но строить путем товарищеского воздействия и дисциплины.

Вот задача, которая стала перед нами практически.

Когда мы создавали комитеты бедноты, когда старались провести товарообмен с деревней [31]), мы стремились не к тому, чтобы богатый получил товары, а чтобы в первую голову получил бедняк те немногие товары, которые мог дать город, дабы, помогая бедноте, мы могли с ее помощью победить кулака и взять от него излишки хлеба.

Решить задачу снабжения населения хлебом в громадной стране с худыми средствами сообщения, с разъединенным крестьянством было неимоверно трудно, и эта задача больше всего причинила нам хлопот. Вспоминая все заседания Совета Народных Комиссаров, скажу: не было ни одной задачи, над которой бы так упорно не работала Советская власть, как над этой задачей. У нас громадная распыленность крестьян, раздробленность, в деревне больше всего темноты, привычек к отдельному хозяйству, там смотрят на запрет свободно торговать хлебом, как на обиду, а тут, кстати, конечно, являются политические мошенники, всякие эс-эры и меньшевики, и разжигают крестьян и говорят им: «Вас грабят!».

Есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, когда, между прочим, продовольственники доказали, что мы за последние месяцы дали деревне 42 тысячи вагонов с продуктами, а получили взамен хлеба только 39 тысяч вагонов, — есть мерзавцы, которые все же кричат: «Крестьяне, вас грабит Советская власть!».

В то время, как рабочие надрываются в городах, — а нигде нет такого мучительного голода, как в городах и в неземледельческой России, — в то время, как крестьяне взяли все помещичьи земли и взяли себе хлеб, в то время, как крестьяне в массе, мы знаем это, в первый год Советской власти работали на себя, а не на барина и не на купца, и свое питание улучшили, в такое время, когда страна терзается от голода в городах и неземледельческих местностях, когда все капиталисты стараются подорвать нас голодом, — в это время находятся люди, переодетые в меньшевистские и эс-эровские или другие шутовские наряды, и смеют твердить: «Вас грабят!». Это — агенты капитализма, и никак

иначе, как с агентами капитализма, с ними мы обращаться не будем и не должны!

В такое время, когда Советская власть самую главную трудность видит в вопросе о голоде, обязанность всякого советского гражданина все излишки хлеба отдать голодному. Это так ясно, очевидно, это так понятно всякому трудящемуся человеку, что против этого возразить нельзя. Тут нужен обман, политическое мошенничество для того, чтобы простую, ясную, очевидную истину затемнить, сделать ее непонятной или извратить ее!

На эту истину опирается городской рабочий. Благодаря очевидности этой истины, он делает свое труднейшее дело. До сих пор он говорил крестьянской бедноте: мы вместе с вами составляем настоящую опору Советской власти. Для этого создавались комитеты бедноты, организация товарообмена, обязательное привлечение кооперативов к тому, чтобы они объединили все население. Все декреты в области земледелия, которые издавались, проникнуты этой основной мыслью, все воззвания к рабочим города говорили: объединяйтесь с деревенской беднотой, без этого вы не разрешите самого важного и трудного вопроса — вопроса о хлебе. А крестьянину мы говорили: либо ты объединишься с городским рабочим, и тогда мы победим, либо ты поддашься увещаниям и назиданиям капиталистов и их приказчиков и лакеев в меньшевистских костюмах, которые внушают тебе: «Не давай себя грабить городу, торгуй свободно; кто богат, тот и наживается, а если от голода будут умирать, тебе какое дело», — и тогда ты и сам погибнешь, станешь рабом капиталиста и Советскую Россию разоришь. Только при капитализме так рассуждали: «Я торгую, я наживаюсь, каждый за себя, а бог за всех». Так рассуждал капитализм и породил войну; и вот почему рабочие и крестьяне были нищими, а ничтожное количество — миллиардерами.

Задача в том, как в практической работе подойти к крестьянину, как организовать бедноту и среднего крестьянина, чтобы на каждом шагу бороться с их влечением к старине, с их попыткой вернуться назад, к свободной торговле, с их постоянным стремлением «свободно» хозяйничать. Слово «свобода» — хорошее слово; на каждом шагу «свобода»: свобода торговать, продавать, продаваться и т. д. И находятся меньшевики и эс-эры, жулики, которые это прекрасное слово «свобода» склоняют и спрягают в каждой газете и речи; но все это сплошь обманщики, проститутки капитализма, которые тащат народ назад.

Наконец, главным предметом забот и целью действий Совета Народных Комиссаров, как и Совета Обороны, за последнее время, за последние месяцы и недели, была борьба с голодом.

Громадным злом для нас является голод именно теперь, накануне весны; а весной нам предстоит самый тяжелый период.

Как в прошлом году конец зимы, весна и начало лета были самым тяжелым временем, так и в этом году мы как раз теперь вступаем в тяжелую полосу. Теперь усиливаются снова надежды белогвардейцев, помещиков и капиталистов на то, что они, не будучи в состоянии сломить Советскую власть в открытой борьбе, может быть, сыграют еще раз на голоде.

Да и люди, называющие себя меньшевиками и эс-эрами, правыми и левыми, падающие так низко, что на словах заявляют себя сторонниками рабочего народа, а когда продовольственное положение обостряется, когда надвигается голод, пытающиеся на нем сыграть и натравливающие народные массы против власти рабочих и крестьян, не понимают, что как измена левого эс-эра Муравьева в прошлом году на Восточном фронте стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами, так и теперь всякая такого рода политика, всякая агитация и игра на голоде, которую левые эс-эры ведут якобы для пользы рабочих, есть не что иное, как прямая помощь белогвардейцам. Всякая такая агитация стоит тысячи лишних жертв в войне против белогвардейцев. В прошлом году, когда Муравьев совершил измену, он едва не открыл всего фронта и навлек целый ряд тяжелых поражений.

Поэтому я бы хотел прежде всего и больше всего коснуться самым кратким образом главных фактов.

Если теперь наше положение опять, как и весною прошлого года, в продовольственном отношении ухудшилось, то мы имеем теперь серьезную надежду не только на то, что победим это затруднение, но что лучше выйдем из него, чем в прошлом году. Надежда основана на том, что на востоке и юге дела обстоят гораздо лучше, а восток и юг — главные хлебные житницы России. В целом ряде совещаний Совета Обороны и Совета Народных Комиссаров за последние дни мы точно выяснили, что на дорогах, от Казани до Саратова и на Волго-Бугульминской дороге, от Самары к востоку, за Волгой, скоплено ссыпанного готового хлеба до 9 миллионов пудов.

Вся громадная трудность, вся великая опасность заключается в том, что наш транспорт так болен и нехватка паровозов так велика, что мы не уверены, вывезем ли мы этот хлеб. Такова была главная забота в деятельности нашей за последнее время, и вот почему мы пошли на такую меру, как прекращение, как полная приостановка пассажирского движения с 8 марта до 10 апреля.

Мы знаем, что это тяжело. Найдутся агитаторы, помогающие белогвардейцам, они станут кричать: «Смотрите, народ голодает, а у него отняли пассажирские поезда, чтобы нельзя было везти хлеб». Эти агитаторы есть. Но мы говорим себе: мы при всех трудностях рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас.

Приостановка движения, как нам дали сведения специалисты, освободит 220 паровозов. Эти пассажирские паровозы слабее товарных, менее провозоспособны, но мы подсчитали, что они в состоянии за это время дать до трех с половиною миллионов пудов. А если бы за это время возили хлеб в одиночку мешечники, голодные люди, которые бросаются кто куда, то они вывезли бы, в самом лучшем случае, полмиллиона пудов. Эту правду подтвердит каждый опытный железнодорожный рабочий, всякий, кто был на Заволжской дороге и видел, как хлеб свален иногда прямо на снег. Мешки с хлебом могут погибнуть, хлеб и без того сырой; в особенности будет плохо, когда начнется половодье. Но мы на эту тяжелую меру пошли, уверенные, что правду от громадной массы рабочих не скроешь, что с правильного пути агитаторы левых эс-эров их не собьют, и что эта правда победит.

И такая тяжелая мера, как приостановка пассажирского движения, в состоянии дать несколько миллионов пудов хлеба. Отметая в сторону ложь, клевету и побасенки, будто бы пассажирское движение прекращать вредно, мы должны сказать, что это даст достаточно хлеба при помощи петроградских, московских и иваново-вознесенских рабочих, которые отправляются за ним на юг. Упомяну между прочим, что ни один город не дал так много сил для организации продовольственного дела, как Петроград; все лучшие силы его уже двинуты на работу, и так и должны поступать рабочие передовых городов.

Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей. А руководить ими могут только передовые рабочие. Но лучшие силы уже исчерпались, надорвались и утомились. Их надо заменять, двигая середняков, молодежь. Возможно, что они будут делать ошибки, — не беда; только бы были преданы рабочему делу, воспитаны в обстановке пролетарской борьбы.

Мы приняли уже ряд мер, чтобы на Волго-Бугульминскую дорогу отправить лучшие силы. Вместе с отрядом рабочих туда поехал тов. Брюханов. Отправлены и на другие дороги военные отряды и с ними рабочие, и, повторяю, есть серьезная надежда, что хлеб у нас будет. Будет тяжелое полугодие, но последнее тяжелое полугодие, потому что вместо врага, который крепнет, мы имеем врага, который разлагается, ибо растет советское движение во всех странах.

Таковы основания, по которым мы, рассуждая осторожным образом и много раз проверив расчеты, заявили, что прекращение пассажирского движения даст возможность привезти несколько миллионов пудов хлеба и использовать богатейшие житницы востока и юга. В это тяжелое полугодие мы победим нашего

главного врага, голод, и, кроме того, мы теперь находимся в условиях лучших, чем в прошлом году, потому что у нас есть запасы.

В прошлом году чехо-словаки дошли до Казани и Симбирска, Украина была под пятой немцев, Краснов на немецкие деньги собирал войска на Дону, и юг был от нас отрезан; теперь же Украина освобождается от немецких империалистов, которые хотели вывезти из Украины 60 миллионов пудов хлеба, а вывезли всего только 9 миллионов и в придачу вывезли такую штуку, какую им не переварить — большевизм. На нем и полетели немецкие империалисты, на нем полетят и французские, и английские империалисты, если приобретут возможность двигаться дальше в глубь России.

Мы имеем теперь Советскую Украину. А Советское правительство на Украине в отношении к нам, когда встанет вопрос о хлебе, поставит цену не по-торгашески, не так, как ставит спекулянт и тот мужик, который говорит: «Голодный даст и тысячу за пуд, плюю на государственную монополию, мне бы только нажиться, а если народ голодает, тем лучше, больше дадут». Деревенская буржуазия так рассуждает, кулаки, спекулянты так рассуждают, и им помогают все, кто кричит против хлебной монополии, кто стоит за «свободу» торговли, т.-е. за свободу нажиться богатому мужику и за свободу умереть окончательно с голоду рабочему, который не получит ничего. И украинское правительство сказало: «Первая задача — помочь голодному северу. Украина не может удержаться, если не удержится измученный голодовками север; Украина продержится и победит наверняка, если она поможет голодному северу».

Запасы хлеба на Украине гигантские. Взять все сразу нельзя. Мы послали на Украину наши лучшие продовольственные силы и уже в один голос получили такое сообщение: «Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата». Немцы разорили Украину до такой степени, что там только начинает складываться кой-какой аппарат; там полный хаос. Худшие времена, когда мы сидели в Смольном в первые недели после Октябрьской революции и боролись с разрухой, ничто в сравнении с теми трудностями, которые переживает сейчас Украина. Вопль несется со стороны украинских товарищей, что нет людей, что некому строить Советскую власть, что нет никакого аппарата, что нет такого пролетарского центра, как Питер или Москва, а украинские пролетарские центры — в руках неприятеля. Киев не пролетарский центр, Донецкий бассейн, измученный голодом, не освобожден от казаков. «На помощь к нам, рабочие севера!»

И мы говорим поэтому от лица украинских товарищей питерским рабочим, зная, что они дали более, чем какой бы то ни было другой город: «Дайте еще, напрягите еще ваши усилия! Мы можем теперь и мы должны помочь украинским товарищам,

потому что им приходится строить аппарат Советской власти на месте, очищенном и опустошенном страданиями так, как нигде не терпели и не страдали!»

Мы, в Центральном Комитете нашей партии, обсудив это положение, дали задание — сначала сделать все для постройки аппарата на Украине и взяться за работу, когда будет оружие в руках и будет аппарат, а к 1 июня получить за это 50 миллионов пудов хлеба.

Я нисколько не хочу вас уверять, что эта задача будет выполнена. Мы все знаем, что, сколько задач мы ни брали на себя, мы их не могли выполнить к указанному сроку. Пускай лишь часть этой задачи будет выполнена. А все же знайте твердо, что на черный день, когда голод будет все обостряться у нас, и когда на востоке и юге будет в полном ходу весь аппарат продовольственный, есть возможность получить экстренную помощь с юга и улучшить наше положение.

Кроме Украины, есть еще у нас источник — Донская область. Там победы Красной армии уже сделали чудеса. Несколько недель тому назад на Дону в войне с Красновым, с главным врагом, с офицерами, с казаками, которых миллионами подкупали сначала немцы, а потом англичане и французы, продолжающие и теперь помогать им, — несколько недель тому назад наше положение было тяжелое; а нынче с громадной быстротой мы завоевали территорию области не только до Царицына, но прошли еще к югу от Царицына. Красновские и донские контр-революционеры сломлены, и никакая помощь империалистов им не помогла.

Что же это значит? Это значит, что мы подошли к углю и к хлебу, без которых мы гибнем, так как из-за недостатка угля останавливаются железные дороги и фабрики, из-за недостатка хлеба рабочие в городах и вообще в неземледельческих местностях испытывают муки голода.

Запасы хлеба на Дону, так же, как и на Украине, громадны; там мы, кроме того, не можем сказать, что нет аппарата; в каждой воинской части есть коммунистическая ячейка, комиссары из рабочих, группы рабочих продовольственников; там главная трудность заключалась в том, что белогвардейцы при отступлении взрывали мосты, и поэтому ни одна из двух главных путевых линий не была годна.

Последнее заседание Совета Обороны и Совета Народных Комиссаров мы посвятили вызову специалистов и допрашиванию их о том, как достать материал для починки линий и как починить хотя бы одну из них. На последнем заседании Совета Обороны мы могли удостовериться, что, благодаря громадному напряжению сил, не только были доставлены материалы, но мы имеем от товарищей с мест уверения, что они почти гарантируют нам до половодья восстановление обеих линий. Это восста-

новление транспорта на двух линиях стоит, может быть, многих побед над казаками, и это дает возможность сказать: «Надо продержаться еще несколько тяжелых месяцев, напрячь усилия, дать нам помощь петроградскими, московскими и иваново-вознесенскими рабочими». Кроме востока, откуда трудно что-нибудь подвезти, кроме Украины, где громадные запасы, но нет аппарата, есть Дон, побежденный Красной армиею. Вот почему мы с осторожностью, с трезвым расчетом, проверив все это многократными докладами и сообщениями с мест и выслушав специалистов по продовольственному и железнодорожному делу, говорим, что у нас есть самая серьезная, обоснованная уверенность, что не только мы можем продержаться так, как в прошлом году, но можем и значительно улучшить еще свое положение.

Враг наш разлагается внутренне, ни в коем случае не продержится долго и внешний враг. Товарищи, нас особенно убедило в этом то, что̀ мы услыхали от приехавших сюда иностранных товарищей, с которыми мы вместе недавно основали в Москве Коммунистический Интернационал. В Париже сгоняют с трибуны на народных собраниях ораторов за нападки на большевизм. Да, победа за нами! Империалисты могут еще пролить кровь тысяч и тысяч рабочих, убить Розу Люксембург и Карла Либкнехта и сотни лучших представителей Интернационала, могут наполнять тюрьмы Англии, Франции, Германии и Италии социалистами, но это не поможет! Победа за нами! Ибо что̀ такое Советы, что̀ такое Советская власть — это, вопреки всей лжи, всем потокам вранья и грязной клеветы, рабочие всех стран поняли. И капиталистам всех стран выхода нет. Повторяю, они передерутся в то время, когда заключат мир. Франция готова броситься на Италию, они не поделят добычи, Япония вооружается против Америки. Они свалили на народы неслыханную дань, миллиарды и миллиарды военных займов. Но народы измучены войной везде, везде недостача продуктов, остановка производства, везде голод. Антанта, которая обещает помогать контр-революционерам направо и налево, не может накормить свои страны. Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Иорка перевели слово «Совет» на свои языки, сделали это слово понятным для каждого рабочего, зная, что старой буржуазной республикой помочь делу нельзя, что помочь может только рабочая власть.

И если в России перед Советской властью стоят громадные трудности, то это потому, что на Россию обрушилась военная сила самых вооруженных, самых сильных держав мира. Несмотря на это, Советская власть России сумела завоевать сочувствие, внимание и нравственную поддержку рабочих всего мира. И на основании этих данных, нисколько не преувеличивая их, не закрывая глаз на то, что как в Германии, так и в других странах проливается кровь рабочих и гибнут многие лучшие вожди социализма,

замученные зверски, — это мы знаем и не закрываем глаз на это, — мы утверждаем, что победа за нами, победа полная, потому что империалисты других стран пошатнулись, рабочие же выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе признание рабочих всего мира; везде надежды возлагаются только на устройство Советов, надежду видят только в том, что рабочие возьмут власть в свои руки.

А когда рабочие узнают, что даже неразвитые, в отсталой стране, объединенные рабочие, взяв власть в свои руки, смогли создать силу, которая сопротивляется империалистам всего мира, что эти рабочие сумели взять фабрики у капиталистов и отдать помещичьи земли крестьянам, — когда эта правда просочится в рабочие массы всех стран, тогда можно будет сказать во всеуслышание, с полной уверенностью, еще раз, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе, так как буржуазия пошатнулась, ей обмануть рабочих больше не удастся, ибо советское движение народилось везде, и мы увидим скоро, как мы видели 25 октября 1917 г. рождение Советской республики, как на-днях видели в Москве рождение III, Коммунистического Интернационала, — так мы скоро увидим рождение Международной Советской республики. (**Речь прерывалась и закончилась под продолжительные аплодисменты.**)

ПОСЛЕСЛОВИЕ [32]).

Потратив не мало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.

Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей.

Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны. Но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал.

Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи. Поэтому я и прошу: никогда никаких записей моих речей не печатать.

17. IV. 1919. *Н. Ленин.*

Впервые напечатано в 1922 г. в Собрании сочинений В. И. Ленина, т. XVI.

Печатается по рукописи.

РЕЧЬ ПАМЯТИ Я. М. СВЕРДЛОВА НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К. 18 МАРТА 1919 Г.

Товарищи! В день, когда рабочие всего мира чествуют героический подъем Парижской Коммуны и ее трагический конец, нам приходится хоронить Якова Михайловича Свердлова. Тов. Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции, и именно в этом в еще гораздо большей степени, чем в его беззаветной преданности революционному делу, заключается значение этого вождя пролетарской революции.

Товарищи! На взгляд людей, поверхностно судящих, на взгляд многочисленных врагов нашей революции, или тех, кто и доныне колеблется между революцией и ее противниками, — на взгляд этих людей более всего бросается в глаза та черта революции, которая выразилась в решительной, беспощадно-твердой расправе с эксплуататорами и врагами трудового народа. Нет сомнения, что без этой черты, — без революционного насилия, — пролетариат не смог бы победить, но также не может быть сомнения и в том, что революционное насилие представляло из себя необходимый и законный прием революции лишь в определенные моменты ее развития, лишь при наличии определенных и особых условий, тогда как гораздо более глубоким, постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся. Вот в этой организации миллионов трудящихся и заключаются наилучшие условия революции, самый глубокий источник ее побед. Эта черта пролетарской революции и выдвинула в ходе борьбы таких вождей, которые всего больше воплотили эту невиданную раньше в революции особенность — организацию масс. Эта черта пролетарской революции выдвинула и такого человека, как Я. М. Свердлов, который прежде всего и больше всего был организатором.

Товарищи! Нам, русским, особенно в тяжелые для революции времена продолжительной, иногда мучительной и непомерно

долгой подготовки революции, нам приходилось больше всего страдать от расхождения между теорией, принципами, программой и делом, нам приходилось чаще всего страдать от чрезмерного погружения в теорию, оторванную от непосредственного действия.

История русского революционного движения в течение многих десятилетий знает мартиролог людей, преданных революционному делу, но не имевших возможности найти практического применения своим революционным идеалам. И в этом отношении пролетарская революция впервые дала прежним одиночкам, героям революционной борьбы настоящую почву, настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию и настоящую пролетарскую армию, где эти вожди могли проявить себя. В этом отношении всего больше выделяются именно те вожди, которые сумели, как практически действующие организаторы, завоевать себе такое исключительно выдающееся место, какое завоевал и каким пользовался по праву Я. М. Свердлов.

Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, переживши и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера. В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции. В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера,— человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закаляли революционеров на долгие и долгие годы.

Но этот профессиональный революционер никогда, ни на минуту не отрывался от масс. Если условия царизма и обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятельность преимущественно подпольную, нелегальную, то и в этой подпольной и нелегальной деятельности тов. Свердлов шел всегда плечо к плечу и рука об руку с передовыми рабочими, которые как раз с начала XX века стали заменять собой прежнее поколение революционеров из среды интеллигенции.

Именно в это время передовые рабочие выступили на работу десятками и сотнями и воспитали в себе ту закаленность к революционной борьбе, без которой, вместе с крепчайшей связанностью с массами, не могло бы быть успешной революции пролетариата в России. Именно этот долгий путь нелегальной

работы больше всего характерен для человека, который, постоянно участвуя в борьбе, никогда не отрывался от масс, никогда не покидал России, действовал всегда с лучшими из рабочих и умел, несмотря на ту оторванность от жизни, на которую осуждали революционера преследования,—умел выработать в себе не только любимого рабочими вождя, не только вождя, который шире всего и больше всего знал практику, но и организатора передовых пролетариев. И если некоторые думали—чаще всего так думали наши противники, или колеблющиеся люди,—что эта полная поглощенность нелегальной работой, что эта черта профессионального революционера отрывает его от масс, то именно образец революционной деятельности Я. М. Свердлова и показывает нам, насколько глубоко ошибочным является этот взгляд, насколько, наоборот, именно та беззаветная преданность революционному делу, которую знаменовала жизнь обошедших многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки людей, именно она создавала таких вождей, цвет нашего пролетариата. А если она сочеталась со свойством, с уменьем разбираться в людях, налаживать организационную работу, то только она и выковывала крупных организаторов. Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов,—только через эту практическую школу, только таким путем мог он придти к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс.

Товарищи! Всем, кому приходилось, как приходилось мне, работать изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно было, что только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целесообразной, действительно организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции,—той сплоченной организованной работы, без которой у нас не могло бы быть ни одного успеха, без которой мы не преодолели бы ни одной из тех неисчислимых трудностей, ни одного из тех тяжелых испытаний, через которые мы проходили до сих пор и через которые мы вынуждены проходить теперь.

В той кипучей борьбе, какой является революция, на том особом посту, на котором стоит всякий революционер, если работа даже небольшой коллегии превращается в рассуждение, громадное значение имеет крупный, завоеванный в ходе борьбы, бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс.

Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководящих деятелей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы,—о которой я могу сказать здесь лишь слишком кратко,—выработать в себе замечательное чутье практика, замечательный талант организатора, тот безусловно непререкаемый авторитет, благодаря которому крупнейшими отраслями работы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, которые под силу были лишь группе людей,—целиком и исключительно единолично ведал Яков Михайлович. Только ему удалось завоевать такое положение, что достаточно было в громадном числе крупнейших и важнейших организационных практических вопросов, достаточно было одного его слова, чтобы непререкаемым образом, без всяких совещаний, без всяких формальных голосований, вопрос был решен раз навсегда, и у всех была полная уверенность в том, что вопрос решен на основании такого практического знания и такого организаторского чутья, что не только сотни и тысячи передовых рабочих, но и массы сочтут это решение за окончательное.

История давно уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными. Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал себе абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный, по своим знаниям, организатор работы партии, которая создавала эти Советы и практически осуществляла Советскую власть, совершающую теперь свое тяжелое, мучительное, кровью залитое, но победоносное шествие ко всем народам, по странам всего мира.

Такого человека, который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совмещающего в себе такие способности. Никто из близко знавших, наблюдавших постоянную работу Якова Михайловича, не может сомневаться в том, что в этом смысле Яков Михайлович незаменим. Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям,—эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из круп-

ных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек.

Но пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников. Мы знаем, что на место людей, беззаветно отдавших свою жизнь, положивших ее в этой борьбе, она выдвигает шеренги других людей, может быть, менее опытных, менее знающих и менее подготовленных в начале их пути, но людей, которые широко связаны с массами и которые способны на место ушедших крупнейших талантов выдвигать группы людей, продолжающих их дело, идущих по их пути, довершающих то, что они начали. И в этом смысле мы глубоко уверены, что пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариев, из трудящихся крестьян, которые дадут то практическое знание жизни, тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого миллионные армии пролетариев не могут придти к своей победе.

Память о тов. Я. М. Свердлове будет служить не только вечным символом преданности революционера своему делу, будет служить не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами и с уменьем их направлять, — но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариев, руководясь этими примерами, пойдут вперед и вперед к полной победе всемирной коммунистической революции.

«Правда» № 60, 20 марта 1919 г.

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом «Правды».

РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ Я. М. СВЕРДЛОВА 18 МАРТА 1919 Г.

ХРОНИКЕРСКАЯ ЗАПИСЬ.

Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы. Теперь, когда во всем свете ширится Советская власть и распространяется с молниеносной быстротой идея о том, как организованный в Советы пролетариат борется за осуществление своих идей, мы хороним представителя пролетариата, который показал на примере, как нужно бороться за эти идеи.

Миллионы пролетариев повторят наши слова: «Вечная память тов. Свердлову; на его могиле мы даем торжественную клятву еще крепче бороться за свержение капитала, за полное освобождение трудящихся...».

«Вечерние Известия Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 196, 19 марта 1919 г.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ Р. К. П. (Б.) [33]

Напечатано в 1930 г. в «Ленинском Сборнике» XIII

Печатается по рукописям и по копиям с рукописей

I.

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ Р. К. П.

План: программа состоит из следующих частей:

1. Введение. Пролетарская революция началась в России и быстро растет везде. Для понимания ее надо понять природу капитализма и неизбежность его развития к диктатуре пролетариата. — 2. Капитализм и диктатура пролетариата. Об этом воспроизвести нашу старую, марксистскую, составленную Плехановым, программу, в главной ее части, дабы уяснить и «исторические корни» нашего миросозерцания. — 3. Империализм. Из проекта программы V. 1917*). — 4. Три течения в международном рабочем движении и новый Интернационал. Переделка проекта V. 1917. — 5. Основные задачи пролетарской диктатуры в России. Из проекта XII. 1917 — I. 1918**). — 6. Конкретизация этих задач в области политической (новое). — 7. То же в области национальной, религиозной, педагогической (новое). — 8. То же в области экономической (новое). — 9. То же в области аграрной (новое). — 10. То же в области охраны трудящихся (пишет Шмидт). — 11 и 12. Дополнения о других областях (не написано).

В этом черновом наброске многое не доделано, особенно редакционная сторона, и вместо программной формулировки временно взята иногда комментаторская.

(1) Революция 25. X (7. XI) 1917 г. в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего, при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата, созидать коммунистическое общество. Рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, повсеместное появление и развитие советской формы этого движения, т.-е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, наконец, начало и ход развития революции в Австро-Венгрии и Германии в особенности,

---

*) См. XX том Сочинений, стр. 293 — 296. *Ред.*

**) См. XXII том Сочинений, стр. 368 — 374. *Ред.*

все это показало наглядно, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции.

(2) Правильное понимание причин, значения и целей этой революции требует, во-первых, выяснения сущности, основной природы капитализма и буржуазного общества, неизбежности их развития к коммунизму, а во-вторых, выяснения природы империализма и империалистских войн, которые ускорили крах капитализма и поставили пролетарскую революцию на очередь дня.

* * *

(3) Природу капитализма и буржуазного общества, которое господствует еще в большинстве цивилизованных стран и развитие которого неизбежно приводит и привело к всемирной коммунистической революции пролетариата, наша старая марксистская программа охарактеризовала в следующих положениях:

(4) «Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества.

(5) Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

(6) Тот же технический прогресс дает кроме того предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

(7) Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве.

Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя в свою очередь еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

(8) Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

(9) Но, по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

(10) Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

(11) Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров. Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую

противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, коммунистическая партия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата».

* *
*

(12) Всемирный капитализм дошел в настоящее время — приблизительно с начала XX века — до ступени империализма. Империализм, или эпоха финансового капитала, есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами.

(13) Империалистские войны, — т.-е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей, — неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистская война 1914 — 1917 годов.

(14) И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистской войной, — все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции.

Эта эра началась.

(15) Только пролетарская, социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистскими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контрреволюции, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

* *
*

(16) Победа пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса всех передовых стран. Эти условия неосуществимы без решительного принципиального разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах громадного большинства официальных «социал-демократических» и «социалистических» партий.

(17) Таким извращением является, с одной стороны, течение оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие лозунгом «защиты отечества», защиты грабительских интересов «своей» национальной буржуазии как вообще, так в особенности во время империалистской войны 1914—1918 годов. Это течение создалось тем, что почти все передовые страны, грабя колониальные и слабые народы, давали возможность буржуазии подкупать частицами такой сверхприбыли верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата.

(18) С другой стороны, буржуазным извращением социализма явилось течение «центра», столь же широкое и международное, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся и сгнивший II Интернационал. Действительно пролетарским и революционным является лишь новый, III, Коммунистический Интернационал, фактически основанный образованием коммунистических партий из прежних социалистических в ряде стран, а особенно в Германии, и приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран.

1.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В РОССИИ.

Основные задачи диктатуры пролетариата в России состоят в настоящее время в том, чтобы довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик, заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики;

использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян, давший уже отмену частной собственности на землю и закон о той переходной форме от мелкого крестьянского хозяйства к социализму, которую современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства назвали социализацией земли, для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию;

закрепить и развить дальше Федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий, на основании опыта Парижской Коммуны 1871 г., а равно опыта русских революций 1905 и 1917—1918 годов, переходному периоду от капитализма к социализму, т. е. периоду диктатуры пролетариата;

всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы, парализуя попытки империалистских буржуазных государств вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской республики, перенести революцию в более передовые и вообще во все страны. Рядом постепенных, но неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между производительными и потребительскими коммунами единого хозяйственного целого, каким должна стать Советская республика.

Развивая конкретные общие задачи Советской власти, Р. К. П. определяет их в настоящее время следующим образом:

в области политической

Если до завоевания политической власти пролетариатом использование буржуазной демократии и в особенности парламен-

таризма было (обязательно) необходимо в целях политического воспитания и организации рабочих масс, то теперь, после завоевания политической власти. . . . .

. . . городскому промышленному пролетариату. Это преимущество должно быть неуклонно и систематически использовано для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, раскалывая их на конкурирующие между собой группы, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, вырывать их из-под влияния сельского кулачества и сельской буржуазии, организовывать и воспитывать их для коммунистического строительства.

8) Только благодаря советской организации государства революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный государственный аппарат, а без этого невозможен был бы и приступ к социалистическому строительству. В настоящее время в России уже вполне разрушены твердыни бюрократизма, связывавшего повсюду и всегда государственную власть с интересами помещиков и капиталистов как при монархии, так и в самой демократической буржуазной республике. Но борьба против бюрократизма у нас далеко не закончена. Часть потерянных ею позиций бюрократия пытается вернуть себе, используя, с одной стороны, недостаточно высокий культурный уровень масс населения, с другой — крайнее, почти сверхчеловеческое напряжение сил самого развитого слоя городских рабочих на военной работе. Поэтому продолжение борьбы против бюрократизма является для успеха дальнейшего социалистического строительства безусловно и настоятельно необходимым.

9) Работа в этом направлении, неразрывно связанная с осуществлением главной исторической задачи Советской власти, именно — перехода к полному уничтожению государства, должна состоять, во-первых, в том, чтобы каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению государством, во-вторых . . . .

I.

ВСТАВКА К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРОГРАММЫ.

Вместе с тем Р.К.П. должна разъяснять трудящимся массам, во избежание неправильного обобщения преходящих исторических надобностей, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплуататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права. Едва ли теперь в России этот процент больше чем два, три процента. С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений.

4.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРОГРАММЫ.

Обеспечивая для трудящихся масс несравненно бо́льшую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, советская конституция в то же время уничтожает выясненные уже со времени Парижской Коммуны отрицательные стороны парламентаризма, особенно отделение законодательной и исполнительной властей, оторванность парламента от масс и пр.

Советская конституция сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

Более тесная связь государственного аппарата с массами, при Советах, позволяет создать воо . . . .

5.

ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

В национальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариата, в отличие от буржуазно-демократического формального провозглашения равенства наций, неосуществимого при империализме, состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии. Осуществление этой цели требует полного освобождения колониальных и других находившихся в угнетенном или неполноправном положении наций с предоставлением им свободы отделения, как гарантий того, чтобы унаследованное от капитализма недоверие трудящихся масс разных наций и озлобление рабочих угнетенных наций против рабочих угнетательских наций было полностью рассеяно и сменилось сознательным и добровольным союзом. Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев, поляков по отношению к евреям, со стороны татар — к башкирам и т. п.), содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения.

6.

ВВЕДЕНИЕ В ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ.

В области военных задач и военной работы положение дел в Советской республике сложилось при диктатуре пролетариата следующим образом.

Империалистская война, как давно предвидела наша партия, не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще простым заключением мира буржуазными правительствами. Эта мелко-буржуазная иллюзия демократов и социал-демократов вполне опровергнута ходом событий. Напротив, империалистская война с неизбежностью превращалась и превращается на наших глазах в гражданскую войну эксплуатируемых трудящихся масс, с пролетариатом во главе их, против эксплуататоров, против буржуазии.

Как сопротивление эксплуататоров, растущее по мере роста натиска со стороны пролетариата и особенно усиливаемое победой пролетариата в отдельных странах, так и международная солидарность и международная организованность буржуазии, все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных стран с революционными войнами между пролетарскими странами и отстаивающими господство капитала буржуазными. Ввиду классового характера таких войн, различие между оборонительными и наступательными войнами теряет окончательно всякий смысл.

В общем и целом этот, развертывающийся у нас на глазах, особенно быстро с конца 1918 г., процесс развития международной гражданской войны является закономерным продуктом классовой борьбы при капитализме и закономерной ступенью к победе международной пролетарской революции.

Поэтому Р. К. П. решительно отвергает, как реакционные мещанские иллюзии мелко-буржуазных демократов, хотя бы и называющих себя социалистами и социал-демократами, надежды на разоружение при капитализме и противопоставляет всем подобным лозунгам, которые на деле лишь играют на руку буржуазии, лозунг вооружения пролетариата и разоружения буржуазии, лозунг полного подавления сопротивления эксплуататоров, лозунг борьбы до победы над буржуазией всего мира и во внутренней гражданской и в международных революционных войнах.

Практический опыт более чем годичной военной работы и создания пролетарской революционной армии после неимоверного истощения и утомления войной всех трудящихся масс привел Р. К. П. к следующим основным выводам:

7.

ПЕРВЫЙ АБЗАЦ ПУНКТА ПРОГРАММЫ О СУДЕ.

На пути к коммунизму через диктатуру пролетариата партия коммунистов, отбрасывая демократические лозунги, упраздняет без остатка и такие органы буржуазного господства — как суды прежнего устройства, заменяя их классовыми рабоче-крестьянскими судами. Взяв всю власть в свои руки, пролетариат вместо прежней расплывчатой формулы: «Выборность судей народом» выдвигает классовый лозунг: «Выборность судей из трудящихся только трудящимися» и проводит его во всей организации суда. Избирая в состав суда только представителей рабочих и крестьян, не пользующихся наемным трудом с целью извлечения прибыли, коммунистическая партия не делает различия для женщин, уравнивая оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей. Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг — осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отметая законы свергнутых правительств.

6.

ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

В области народного просвещения Р. К. П. ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие разрушения этого господства, как равно и полного уничтожения деления общества на классы. Школа должна стать орудием диктатуры пролетариата, т.-е. не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс, в интересах полного подавления сопротивления эксплуататоров и осуществления коммунистического строя. Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время:

(1) дальнейшее развитие самодеятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения, при всесторонней помощи Советской власти;

(2) окончательное овладение не только частью или большинством учительского персонала, как теперь, а всем персоналом в смысле отсечения неисправимо буржуазных контр-революционных элементов и обеспечения добросовестного проведения коммунистических принципов; (политики).

(3) проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16 лет;

(4) осуществление тесной связи обучения с детским общественно-производительным трудом;

(5) снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства;

(6) привлечение трудящегося населения к активному участию в деле народного просвещения (развитие советов народного образования; мобилизация грамотных и т. д.);

или ad *) 2?) (7) тесная связь учительского персонала с агитационно-пропагандистским аппаратом Р. К. П.

---

*) — к. *Ред.*

9.

ПУНКТ ПРОГРАММЫ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

По отношению к религии политика Р. К. П. состоит в том, чтобы не удовлетворяться декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви — т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия обещала, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, а также к фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков, организуя для этого самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

10.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ.

Развивая конкретнее общие задачи Советской власти, Р. К. П. определяет их в настоящее время следующим образом:

в области экономической

задача Советской власти состоит в настоящее время в следующем:

(1) Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т.-е. общую собственность всех трудящихся.

(2) Особенно большое внимание обратить на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся и всестороннее повышение их самодеятельности и сознания ответственности. В этом состоит главнейшее, если не единственное, средство окончательно преодолеть капитализм и привычки, созданные господством частной собственности на средства производства. Достижение этой цели требует упорной медленной работы над перевоспитанием масс, и такое перевоспитание не только стало теперь возможным, когда массы увидали на деле устранение помещика, капиталиста и купца, — это перевоспитание фактически идет теперь тысячами путей, через собственный практический опыт рабочих и крестьян. Чрезвычайно важное значение имеет в этом отношении работа над развитием профессионального объединения трудящихся, которое никогда и нигде в мире не шло так быстро, как при Советской власти, но которое должно быть доведено до объединения поголовно всех трудящихся в стройные, централизованные, дисциплинированные, производственные союзы. Никоим образом не ограничиваясь старым шаблоном профессионального движения, мы должны систематически, проверяя каждый шаг результатами практического опыта, превращать союзы, с одной стороны, в органы управления всем народным хозяйством; сближение и тесная связь профессиональных союзов с В. С. Н. Х., с Комиссариатом Труда, затем и со всеми другими отраслями государственного управления должны расти и крепнуть; — с другой стороны, профессиональные союзы должны превращаться еще более в органы трудового и социалистического воспитания всей трудящейся массы поголовно, с тем чтобы практический опыт участия

в управлении охватывал, под контролем рабочего авангарда, более отсталые слои рабочих.

(3) Та же задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками.

Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не делать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контр-революционное его поползновение, а с другой — также беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними. Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо оставить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно за организаторскую работу.

Равным образом необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

(4) Осуществление коммунизма, безусловно требуя наивозможно большей и строжайшей централизации труда в общегосударственном масштабе, предполагает тем самым преодоление той разрозненности и раздробленности рабочих, профессиональной и местной, которые были одним из источников силы капитала и бессилия труда. Борьба с цеховой узостью и ограниченностью, с цеховым эгоизмом, тесно связанная с борьбой за уничтожение противоположности между городом и деревней, представляет большие трудности и не может быть начата в широких размерах без предварительного большого повышения производительности народного труда. Но приступ к этой работе должен быть тем не менее начат немедленно, хотя бы сначала в небольших, местных, рамках и в виде опыта, для сравнения результатов разнообразных мер, которые будут предприняты в разных профессиях и местностях. Поголовная мобилизация всего трудоспособного на-

селения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор.

(5) В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшей затратой труда, распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат.

Особенно важным является для этой цели в настоящий момент переходных и соединяющих различные принципы формаций использование советскими продовольственными органами кооперативов, как единственного массового аппарата планомерного распределения, аппарата, доставшегося в наследство от капитализма.

Считая принципиально единственно правильным такого рода коммунистическое дальнейшее развитие этого аппарата, а не его отбрасывание, Р. К. П. систематически должна продолжать свою политику: обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их, при помощи также профессиональных союзов, в коммунистическом духе, развивать самодеятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху до низу, охватывающий всю Советскую республику, кооператив; наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно обеспечено и чтобы повсюду испытывались на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелко-буржуазных кооперативов старого, капиталистического, типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями.

(6) Сразу уничтожить деньги в первое время перехода от капитализма к коммунизму представляется невозможным. Вследствие этого буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки, эти свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Одной национализации банков для борьбы с этим пережитком буржуазного грабежа недостаточно. Р. К. П. будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег, в первую голову замену их сберегательными книжками, чеками, краткосрочными билетами на право получения общественных продуктов и т. д., установление

обязательного держания денег в банках и т. п. Практический опыт подготовки и проведения этих и подобных мер покажет, какие из них наиболее целесообразны.

(7) В области финансов Р. К. П. будет проводить прогрессивный подоходный и поимущественный налог во всех случаях, когда к этому представляется возможность. Но эти случаи не могут быть многочисленны после отмены частной собственности на землю и на большинство фабрик, заводов и других предприятий. В эпоху диктатуры пролетариата и государственной собственности на важнейшие средства производства финансы государства должны покоиться на непосредственном обращении известной части доходов от различных государственных монополий на нужды государства. Сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке товарообмена, к чему ведет организация потребительных коммун и восстановление транспорта, составляющее одну из главных ближайших целей Советской власти.

Прошу переписать в 2 экз.

(46) Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных на организацию крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий, поощрение с.-х. коммун т. е. добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства, а также, а равно товариществ для общественной обработки земли, организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель; государственная мобилизация всех агрономических сил для энергических мер по повышению с.-х. культуры и т. д.

Рассматривая все эти меры как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда, Р.К.П. стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны, и к дальнейшим шагам в том же направлении.

В виду того, что противоположность города и деревни является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, Р.К.П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и, наряду с вышеуказанными мерами

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА: «АГРАРНЫЙ ПУНКТ ПРОГРАММЫ» — 1919 г.

Уменьшено

11.

АГРАРНЫЙ ПУНКТ ПРОГРАММЫ.

Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются устройство советских хозяйств, т.-е. крупных социалистических экономий, поощрение сельско-хозяйственных коммун, т.-е. добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства, и обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; организация государственных посевов для засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель; государственная мобилизация всех агрономических сил для энергических мер по повышению сельско-хозяйственной культуры и т. д.

Рассматривая все эти меры как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда, Р. К. П. стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении.

В виду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, Р. К. П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и на-ряду с вышеуказанными мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях общегосударственного «Рабочего Комитета Содействия»[84]) и тому подобное.

Во всей своей работе в деревне Р. К. П. попрежнему опирается на пролетарские и полупролетарские слои ее, организует прежде всего их в самостоятельную силу, создавая комитеты бедноты, партийные ячейки в деревне, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелко-собственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика Р. К. П. состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской, коммунистической, политике.

По отношению к среднему крестьянству политика Р. К. П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, а не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки в определении способов проведения социалистических преобразований.

VIII СЪЕЗД Р.К.П.(Б.) [36]

18—23 МАРТА 1919 г.

Напечатано в книге: «VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков)». Стенографический отчет. Книгоиздательство «Коммунист». Москва — 1919 г.

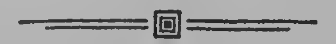
Печатается по тексту книги, сверенному и дополненному по стенограммам

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

VIII С'ЕЗД
РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ).

Москва, 18—23 марта 1919 года.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ.

Книгоиздательство „КОММУНИСТ".

МОСКВА: Сретенка, (уг. Рыбникова пер.), д. 8. Тел. 4-70-48; 3-15-00.

ПЕТРОГРАД: Поварской пер., д. 2, кв. 9 и Тел. 2-27-42.

МОСКВА—1919.

Обложка книги: «VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков)» — 1919 г.
Уменьшено

1.
РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА 18 МАРТА.

Товарищи, первое слово на нашем съезде должно быть посвящено тов. Якову Михайловичу Свердлову. Товарищи, если для всей партии в целом и для всей Советской республики Яков Михайлович Свердлов был главнейшим организатором, о чем сегодня на похоронах высказывались многие товарищи, то для партийного съезда он был гораздо ценнее и ближе. Здесь мы потеряли товарища, который последние дни целиком отдал съезду. Здесь его отсутствие скажется на всем ходе нашей работы, и съезд будет чувствовать его отсутствие особенно остро. Товарищи, я предлагаю почтить его память вставанием. (Все встают.)

Товарищи, нам приходится открывать работы нашего партийного съезда в очень трудный, сложный и своеобразный момент русской и всемирной пролетарской революции. Если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики, — то постепенно мы стали все-таки укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные. Мне кажется, что нашему съезду придется целиком пройти под знаком этой работы строительства и работы организационной. И вопросы программы, которые в теоретическом отношении представляют громадную трудность, больше всего сводятся к вопросам строительства, и специально стоящие в порядке дня съезда организационные вопросы, вопрос о Красной армии и в особенности вопрос о работе в деревне, — все это требует от нас напряжения и сосредоточения внимания на главном вопросе, представляющем наибольшие трудности, но и наиболее благодарную задачу для социалистов: на вопросе организационном. В особенности

надо подчеркнуть здесь, что одна из самых трудных задач коммунистического строительства в стране мелкого крестьянства теперь как раз должна стать перед нами: это — *задача об отношении к среднему крестьянству*.

Товарищи, естественно, что в первое время, когда мы должны были отстаивать право Советской республики на жизнь, естественно, что в такое время этот вопрос в широких размерах не мог быть выдвинут на первый план. Беспощадная война с деревенской буржуазией и кулаками на первое место выдвигала задачи организации пролетариата и полупролетариата деревни. Но дальнейшим шагом для партии, которая хочет создать прочные основы коммунистического общества, выдвигается задача — правильно разрешить вопрос о нашем отношении к среднему крестьянству. Эта задача более высокого порядка. Мы не могли поставить ее во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской республики. Эта задача более сложная. Она требует определения нашего отношения к многочисленному и сильному слою населения. Это отношение не может быть определено простым ответом: борьба или опора. Если по отношению к буржуазии задача наша формулируется словами «борьба», «подавление», если по отношению к пролетариям и полупролетариям деревни эта задача формулируется словами «наша опора», — то здесь задача, несомненно, более сложная. Тут социалисты, лучшие представители социализма старого времени, — когда они еще верили в революцию и служили ей теоретически и идейно — говорили о *нейтрализации крестьянства*, т.-е. о том, чтобы сделать из среднего крестьянства, если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий ей, нейтральный, не становящийся на сторону наших врагов общественный слой. Эта отвлеченная, теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. Но она недостаточна. Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне, основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину *стать на почву прочного союза*, чтобы исключить возможность тех неоднократно случающихся уклонений и неправильностей, которые отторгали от нас среднего крестьянина, тогда как на самом деле мы, как руководящая коммунистическая партия, впервые помогшая русскому крестьянину скинуть до конца иго помещиков и основать для него настоящую демократию, — мы вполне могли бы рассчитывать на полное его доверие. Эта задача не того типа, которая требует беспощадного, быстрого подавления и наступления. Она, несомненно, более сложная. Но я позволю себе выразить уверенность, что после годовой предварительной работы мы с этой задачей сладим.

Еще несколько слов о нашем международном положении. Товарищи, вы все, конечно, знаете, что основание III, Коммунистического Интернационала в Москве является в смысле определения нашего международного положения актом крупнейшего значения. Против нас до сих пор еще стоит во всеоружии громадная реальная военная сила — все сильнейшие державы мира. И, тем не менее, мы с уверенностью говорим себе, что эта по внешности гигантская сила и с точки зрения физической несравненно более могущественная, чем мы, что эта сила — пошатнулась. Это — уже не сила. В ней нет той прочности, какая была раньше. Поэтому наша задача и цель — выйти победителями в борьбе с этим гигантом — не утопична. Напротив, несмотря на то, что мы теперь искусственно отрезаны от всего мира, не проходит дня без того, чтобы газеты не приносили известий о росте революционного движения во всех странах. Мало того, мы знаем, мы видим, что этот рост принимает советскую форму. А в этом залог того, что, осуществив Советскую власть, мы нащупали *международную, всемирную форму диктатуры пролетариата.* И мы полны твердой уверенности, что пролетариат всего мира стал на дорогу такой борьбы, на путь создания таких форм пролетарской власти, — власти рабочих и трудящихся, — и что никакая сила в мире не задержит хода всемирной коммунистической революции ко всемирной Советской республике. (Продолжительные аплодисменты.)

Товарищи, позвольте мне теперь от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии объявить VIII съезд открытым и приступить к выбору президиума.

2
ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 18 МАРТА.

(Бурные, продолжительные аплодисменты; возгласы. «Да здравствует Ильич!», «Да здравствует товарищ Ленин!») Товарищи, позвольте мне начать с политического отчета Центрального Комитета. Представить отчет о политической деятельности Центрального Комитета со времени последнего съезда — это значит в сущности дать отчет о всей нашей революции. И, я думаю, все согласятся со мною, что выполнить такую задачу одному человеку не только не под силу в такой короткий срок, но и вообще одному с такой задачей не справиться. Я, поэтому, решил ограничиться только пунктами, которые на мой взгляд имеют особенно важное значение не только в истории того, что нашей партии пришлось сделать за этот период, но и с точки зрения настоящих задач. Отдаться целиком истории в такое время, какое мы переживаем, вспоминать о прошлом, не думая о настоящем и о будущем, для меня, признаюсь, было бы вещью непосильной.

Если начать с внешней политики, то, само собой разумеется, на первом плане стоят наши отношения к германскому империализму и Брестский мир. И, мне кажется, говорить по этому вопросу стоит, ибо он представляет значение не только историческое. Мне кажется, что то предложение, которое сделала Советская власть союзным державам, или вернее то согласие, которое наше правительство дало на известное всем предложение насчет конференции на Принцевых островах [36], — мне кажется, что это предложение и наш ответ кое в чем, и довольно существенном, воспроизводит отношение к империализму, установленное нами во время Брестского мира. Вот почему я думаю, что коснуться этой истории при теперешнем быстром темпе событий необходимо.

Когда решался вопрос о Брестском мире, строительство советское, не говоря уже о партийном, находилось еще в первой стадии. Вы знаете, что тогда было еще очень мало опыта у партии в целом для того, чтобы определить, хотя бы приблизительно, быстроту нашего движения по тому пути, на который мы стали. Неизбежно унаследованная от прошлого известная хаотичность делала тогда еще чрезвычайно трудным обозрение событий, точное ознакомление с тем, что происходит. А громадная

оторванность от Западной Европы и от всех остальных стран не давала нам никаких объективных материалов для суждения о возможной быстроте или о формах нарастания пролетарской революции на Западе. Из этого сложного положения вытекало то, что вопрос о Брестском мире вызвал немало разногласий в нашей партии.

Но события показали, что это вынужденное отступление перед германским империализмом, прикрывшимся чрезвычайно насильническим, вопиющим, грабительским миром, что это отступление с точки зрения отношения молодой социалистической республики ко всемирному империализму (к одной половине всемирного империализма) было единственно правильным. Тогда нам, только что свергшим помещиков и буржуазию в России, решительно не оставалось никакого другого выбора, кроме как отступить перед силами всемирного империализма. Те, кто осуждал это отступление с точки зрения революционера, стояли в действительности на точке зрения в корне неправильной и немарксистской. Они забыли, при каких условиях, после какого долгого и трудного развития эпохи Керенского, какой ценой громадной подготовительной работы в Советах мы дошли до того, что, после тяжелых июльских поражений, после корниловщины, вполне назрела, наконец, в октябре, среди громадных масс трудящихся решимость и готовность свергнуть буржуазию и материальная организованная сила, необходимая для этого. Понятно, что ни о чем подобном в международном масштабе тогда не могло быть и речи. С этой точки зрения задача борьбы с всемирным империализмом стояла так: действовать и дальше в смысле разложения этого империализма, в смысле просвещения и объединения рабочего класса, всюду начинавшего волноваться, но до сих пор еще не приобретшего полной определенности в своих действиях.

Вот почему единственно правильной оказалась та политика, которую мы предприняли по отношению к Бресту, хотя, конечно, эта политика обострила тогда нашу вражду с целым рядом мелкобуржуазных элементов, которые далеко не при всех условиях и далеко не во всех странах являются, могут являться и должны являться противниками социализма. Тут история дала нам урок, который нужно хорошенько усвоить, ибо нет сомнения, что нам придется пользоваться им неоднократно. Этот урок состоит в том, что отношения партии пролетариата к мелко-буржуазной демократической партии, к тем элементам, слоям, группам, классам, которые в России особенно сильны и многочисленны и которые есть во всех странах, что эти отношения — задача чрезвычайно сложная и трудная. Мелко-буржуазные элементы колеблются между старым обществом и новым. Они не могут быть двигателями ни старого общества, ни нового. В то же время они являются

приверженцами старого не в такой степени, как помещики и буржуазия. Патриотизм, это — такое чувство, которое связано с экономическими условиями жизни именно мелких собственников. Буржуазия более интернациональна, чем мелкие собственники. Нам пришлось с этим столкнуться в эпоху Брестского мира, когда Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были. При этом нам пришлось придти в самое резкое и беспощадное столкновение с мелко-буржуазными элементами. В это время сплотился против нас вместе с буржуазией и помещиками целый ряд таких элементов, которые потом стали колебаться.

Поднятый здесь некоторыми товарищами вопрос об отношении к мелко-буржуазным партиям в значительной степени затронут нашей программой и в сущности будет затрагиваться при обсуждении каждого из пунктов порядка дня. Этот вопрос в ходе нашей революции потерял свою абстрактность, общность и стал конкретным. В эпоху Брестского мира задача наша, как интернационалистов, состояла в том, чтобы дать, во что бы то ни стало, возможность окрепнуть и сплотиться пролетарским элементам. Это и откололо тогда от нас мелко-буржуазные партии. Мы знаем, как после германской революции мелко-буржуазные элементы опять стали колебаться. Эти события открыли глаза многим, кто в эпоху назревающей пролетарской революции судил с точки зрения старого патриотизма, судил не только несоциалистично, но и вообще неверно. Сейчас опять, в связи с трудным продовольственным моментом, в связи с войной, которая все еще продолжается против Антанты, мы опять переживаем волну колебаний мелко-буржуазной демократии. Нам приходилось учитывать эти колебания и раньше, но, — здесь для всех нас вытекает громадной важности урок, — старые ситуации не повторяются в их прежнем виде. Новая ситуация более сложна. Она может быть правильно учтена, и наша политика может быть правильной, если мы вооружимся опытом Брестского мира. Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера. Но, с другой стороны, мы теперь больше знаем и о том, как подымается в Западной Европе революционная пролетарская волна, как брожение переходит там в сознательное недовольство, как оно ведет к организации всемирного советского пролетарского движения. Если тогда мы шли ощупью, если тогда мы гадали насчет того, когда может разразиться революция в Европе, — гадали на основе наших теоретических убеждений в том, что эта революция произойти должна, — то теперь у нас уже есть целый ряд фактов, показывающих, как назревает революция в других странах, как началось это движение. Вот почему по отношению к Западной Европе, к странам

Антанты нам приходится или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира. После брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать. Когда нашему Центральному Комитету пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми, — что в сущности сводилось к аннексии всего, что белыми занято, — этот вопрос о перемирии не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия. По крайней мере мне не пришлось слышать о недовольстве или негодовании ниоткуда. Это произошло потому, что наш урок международной политики дал свои результаты.

Что касается мелко-буржуазных элементов, то здесь задача партии еще не разрешена окончательно. В целом ряде вопросов, в сущности во всех без исключения вопросах, стоящих в порядке дня, мы за истекший год создали фундамент для правильного решения этой задачи, особенно по отношению к среднему крестьянину. Теоретически мы сошлись на том, что средний крестьянин не враг наш, что он требует к себе особого отношения, что здесь дело будет меняться в зависимости от многочисленных привходящих моментов революции, в частности в связи с решением вопроса: за патриотизм или против патриотизма? Для нас это — вопросы второстепенные или даже третьестепенные, но мелкую буржуазию они ослепляют абсолютно. С другой стороны, все эти элементы колеблются в борьбе и делаются совершенно бесхарактерными. Они не знают, чего хотят, и не способны отстаивать свое положение. Тут от нас требуется тактика чрезвычайно гибкая, чрезвычайно осторожная, ибо приходится иногда давать одной рукой и брать другой. Вина в этом падает не на нас, а на те мелко-буржуазные элементы, которые не могут собрать свои силы. Мы это на практике видим теперь, и еще сегодня нам пришлось читать в газетах, к чему стали стремиться немецкие независимые, имеющие такие крупные силы, как Каутский и Гильфердинг [37]). Вы знаете, что они хотели включить систему Советов в конституцию Германской демократической республики, т.-е. сочетать законным браком «учредилку» и диктатуру пролетариата. Для нас это — такое издевательство над здравым смыслом нашей революции, немецкой революции, венгерской революции, назревающей польской революции, что мы можем только развести руками. Мы можем сказать, что эти колеблющиеся элементы имеются в самых передовых странах. Иногда элементы образованные, развитые, интеллигентские выступают даже в такой капиталистически передовой стране, как Германия, в сто раз более сумбурно и крикливо, чем наша отсталая мелкая буржуазия. Отсюда урок для России по отношению к мелко-буржуазным партиям и к среднему крестьянству. Наша задача долгое время будет сложной и двойственной. Эти партии долгое время будут неминуемо

делать шаг вперед, два назад, потому что они осуждены на это своим экономическим положением, потому что они пойдут за социализмом вовсе не в силу абсолютного убеждения в негодности буржуазного строя. Преданности социализму — этого с них и спрашивать нечего. Рассчитывать на их социализм — смешно. Они пойдут за социализмом лишь тогда, когда убедятся, что никакого другого пути нет, когда буржуазия будет разбита и подавлена окончательно.

Я не имею возможности систематически подвести итог опыту истекшего года, я оглядывался на прошлое только с точки зрения того, что понадобится завтра или послезавтра для нашей политики. Главный урок — быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии. Этого требует опыт прошлого, это пережито на примере Бреста. От нас потребуется очень частая перемена линии поведения, что̀ для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. «Как это, — скажет он, — вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эс-эры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..». Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелко-буржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: «Милости просим». Мы нисколько не хотим *) экспроприировать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелко-буржуазной демократии. Мы ей говорим: «Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры».

Я перейду теперь к вопросу внутреннего строительства и вкратце остановлюсь на главном, что характеризует политический опыт, итог политической деятельности Центрального Комитета за это время. Эта политическая деятельность Центрального Комитета проявлялась в вопросах громадной важности в течение каждого дня. Не будь усиленной дружной работы, о которой я говорил, мы не могли бы действовать, как действовали, не могли бы решать боевых задач. По вопросу о Красной армии, который теперь вызывает такие дебаты и которому посвящен особый пункт порядка дня на съезде, мы приняли массу отдельных мелких решений, которые выдвигал Центральный Комитет нашей партии, проводя их через Совет Народных Комиссаров и через Всероссийский Центральный Исполнительный Коми-

---

*) В стенограмме: «Мы не имеем претензии». *Ред.*

тет. Еще больше число отдельных, важнейших назначений, которые делали народные комиссары каждый от себя, но которые все систематически, последовательно проводили одну общую линию.

Вопрос о строении Красной армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически. Когда-то Маркс говорил, что заслугой парижских коммунаров являлось то, что они проводили в жизнь решения, не заимствованные ими из каких-нибудь предвзятых доктрин, а которые предписывались фактической необходимостью [38]). Эти слова Маркса по отношению к коммунарам носили характер известной ядовитости, потому что в Коммуне преобладало два течения — бланкисты и прудонисты — и обоим течениям приходилось поступать вопреки тому, чему учила их доктрина. Но мы поступали согласно тому, чему учил нас марксизм. В то же время политическая деятельность Центрального Комитета в конкретных проявлениях всецело определялась абсолютными требованиями неотложной насущной потребности. Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью. Этот факт сугубо подчеркнет всякий историк, который способен будет развернуть в целом всю деятельность Центрального Комитета партии и деятельность Советской власти за этот год. Этот факт более всего бросается в глаза, когда мы пытаемся охватить одним взглядом пережитое. Но это нисколько не поколебало нас даже 10 октября 1917 г., когда решался вопрос о взятии власти. Мы не сомневались, что нам придется, по выражению тов. Троцкого, экспериментировать, делать опыт. Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался.

То же самое и с Красной армией. Когда, после окончания войны, армия стала разлагаться, многие сначала думали, что это только русское явление. Но мы видим, что русская революция была в сущности генеральной репетицией или одной из репетиций всемирной пролетарской революции. Когда мы обсуждали Брестский мир, когда в начале января 1918 г. ставили вопрос о мире, мы не знали еще, когда и в каких других странах начнется это разложение армии. Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, нащупывая, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли. Господствующий класс никогда не отдаст своей власти классу угнетенному. Но последний должен доказать на деле, что он не только способен свергнуть эксплуататоров, но и организоваться для самозащиты, поставить на карту все. Мы всегда говорили: «Есть война и война». Мы осуждали империалистскую войну, но не отрицали *войну вообще*. Запутались те люди, которые пытались обвинять нас в милитаризме. И когда мне пришлось читать отчет о Бернской конференции желтых, где Каутский употребил

выражение, что у большевиков не социализм, а милитаризм [**]), я усмехнулся и развел руками. Точно была в самом деле в истории хоть одна крупная революция, которая не была бы связана с войной. Конечно, нет! Мы живем не только в государстве, но и *в системе государств*, и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией... Как классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистского класса, — как создать ему своих командиров, как решить задачу сочетания энтузиазма, нового революционного творчества с использованием того запаса буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны?

Здесь перед нами встала задача, которая на протяжении годичного опыта обобщилась. Когда мы в революционной програмне нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практический опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов. Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней, — я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал, потому что он встал только тогда, когда мы взялись за строительство Красной армии. Это значило: построить из угнетенного класса, который был превращен в серую скотину, — армию, полную энтузиазма, и заставить эту армию использовать самое насильническое, самое отвратительное из того, что осталось нам в наследство от капитализма...

Это противоречие, стоящее перед нами в вопросе о Красной армии, стоит и во всех областях нашего строительства. Возьмите вопрос, которым больше всего занимались: переход от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. После декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров и местных органов Советской власти — все они творили наш политический опыт в этой области, — Центральному Комитету, в сущности говоря, приходилось только подытоживать. Он едва ли мог в таком вопросе руководить в подлинном значении этого слова. Достаточно припомнить, насколько беспомощны, стихийны и случайны были первые наши декреты и постановления о рабочем контроле над промышленностью. Нам казалось, что это легко сделать. На практике это привело к тому, что была доказана не-

обходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить. Каждая национализированная фабрика, каждая область национализированной промышленности, транспорт, в особенности железно-дорожный транспорт, — самое крупное выражение капиталистического механизма, наиболее централизованно построенное на основе крупной материальной техники и наиболее необходимое для государства, — все это воплощало в себе сконцентрированный опыт капитализма и причиняло нам неизмеримые трудности.

Из этих трудностей мы далеко еще не вылезли и в настоящее время. В начале мы смотрели на эти трудности совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедывали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас, и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют нас за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца. Но это — смешное обвинение людей мертвых. Как будто можно делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение. И я считаю, что заслугой нашей было то, что мы с неимоверными трудностями взялись за решение вопроса, который до сих пор на половину был нам незнаком, что мы привлекли пролетарские массы к самостоятельной работе, что мы пришли к национализации промышленных предприятий и т. д. Мы помним, как в Смольном мы проводили за раз по 10 и 12 декретов. То было проявлением нашей решимости и желания пробудить опыт и самодеятельность пролетарских масс. Теперь этот опыт у нас есть. Теперь мы от рабочего контроля перешли или подошли вплотную к рабочему управлению промышленностью. Теперь вместо абсолютной беспомощности у нас есть целый ряд указаний опыта, и, поскольку это было возможно, мы подытожили его в нашей программе. Этого придется детально касаться в вопросе организационном. Мы не могли бы выполнить этой работы, если бы нам не помогли и не работали с нами товарищи в профессиональных союзах.

В Западной Европе вопрос стоит иначе. Там товарищи видят зло в профессиональных союзах, так как там этими союзами настолько овладели желтые представители старого социализма, что в их поддержке коммунисты видят мало толку. Многие представители западных коммунистов, даже Роза Люксембург, провозглашают ликвидацию профессиональных союзов [40]). Это показывает, насколько труднее наша задача в Западной Европе. У нас же мы не могли бы продержаться без поддержки этих союзов и одного месяца. В этом отношении у нас есть опыт громадной практической работы, который позволяет приступить к решению труднейших вопросов.

Возьмем вопрос о специалистах, который на каждом шагу встает у нас, который ставится при каждом назначении, который приходится ставить и представителям народного хозяйства и Центральному Комитету партии. В теперешней обстановке Центральный Комитет партии не может работать так, чтобы соблюдать форму. Если бы не было возможности выделять товарищей, которые в своей отрасли работают самостоятельно, то нам совсем нельзя было бы работать. Только благодаря тому, что у нас были такие организаторы, как Я. М. Свердлов, мы могли в обстановке войны работать так, что у нас не было ни одного конфликта, который заслуживал бы внимания. И в этой работе мы неизбежно должны были использовать помощь тех людей, которые предлагали нам свои услуги, облеченные знанием, полученным от старых времен.

В частности возьмем вопрос об управлении военным ведомством. Здесь без доверия к штабу, к крупным организаторам-специалистам нельзя решать вопрос. В частности у нас были разногласия по этому поводу, но в основе сомнений быть не могло. Мы прибегали к помощи буржуазных специалистов, которые насквозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы. Тем не менее, если ставить вопрос в том смысле, чтобы мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это — мысль ребяческая. У нас есть закаленность в борьбе, есть силы, единство, и мы должны идти путем организационной работы, используя знания и опыт этих специалистов. Это необходимое условие, без которого социализма построить нельзя. Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм.

Нам нужно строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество. Это кажется противоречием, быть может, даже неразрешимым противоречием, но на самом деле только этим путем может быть разрешена задача коммунистического строительства. И когда мы глядим на наш опыт, на ежедневное столкновение с этим вопросом, когда мы видим практическую работу Центрального Комитета, то мне кажется, что в основном наша партия эту задачу разрешила. Это представляло громадные трудности, но только так задача и могла быть решена. Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они должны были идти в шеренгах пролетариата, как бы они ни сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу. Мы должны поставить их на работу, как техническую и культурную силу, чтобы сохранить их и сделать из некультурной и дикой капиталистической страны — культурную коммунистическую страну. И я думаю, что

за этот год мы научились строить, мы стали на верный путь и с этого пути не собьемся.

Я хотел бы еще вкратце коснуться вопроса продовольственного и вопроса о деревне. Продовольственный вопрос был у нас всегда самым трудным вопросом. В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелко-буржуазной революции, — наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 г., была в значительной мере революцией *буржуазной*. Мы этого сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами, потому, что оно шло против помещиков, потому, что оно видело, что здесь мы пойдем до конца, потому что мы осуществляли в виде закопов то, что было напечатано в эс-эровских газетах, — то, что трусливая мелкая буржуазия обещала, но чего сделать не могла. Но когда стали организовываться комитеты бедноты, — с этого момента наша революция стала революцией *пролетарской*. Перед нами встала задача, которую мы далеко еще не решили. Но чрезвычайно важно то, что мы ее практически поставили. Комитеты бедноты были переходной ступенью. Первый декрет об организации комитетов бедноты Советской властью был проведен по инициативе тов. Цюрупы, который тогда стоял во главе продовольственного дела. Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты, как пролетарских организаций. И когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 г., началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а *на деле стала пролетарской*.

Мы сейчас еще не решили задачи, которая стоит перед нашей партией, задачи создания форм организации пролетариата и полупролетариата деревни. Недавно мне пришлось быть в Петрограде и присутствовать на одном из первых съездов сельско-хозяйственных рабочих Петроградской губернии *). Я увидел, как мы еще ощупью подходим к этому делу, но я думаю, что оно несомненно будет подвинуто вперед. Я должен сказать, что главный опыт, который нам дало политическое руководство за этот год, состоит в том, чтобы здесь найти организационную опору. Мы к этому сделали шаг, образовав комитеты бедноты, переизбрав Советы и перестроив продовольственную политику, где встречались трудности неимоверные. Может быть, на тех окраинах России, которые сейчас становятся советскими, — Украина, Дон, — придется эту политику видоизменять. Было бы ошибкой,

*) См. настоящий том, стр. 38 — 44. *Ред.*

если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону, стали бы без разбора, огулом распространять их на другие области. Придется пережить не мало своеобразности, мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз-на-всегда, что наш опыт, опыт Центральной России, можно целиком перенести на все окраины. Мы только что подошли к задаче настоящего строительства, мы только еще делаем первые шаги в этом отношении, — перед нами открывается необъятное поле работы.

Я указывал, что первым решающим шагом Советской власти было образование комитетов бедноты. Это было проведено продовольственниками и вызвано необходимостью. Но для того, чтобы наши задачи довести до конца, нужны не такие временные организации, как комитеты бедноты. У нас рядом с Советами существуют профессиональные организации, которые мы используем, как школу воспитания отсталых масс. Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствуем на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. Количество это ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог. Я думаю, что на настоящем съезде мы будем изыскивать практические средства, как нам в промышленности и — еще важнее — в деревне использовать новые и новые силы в массовом масштабе, как привлечь к советской работе рабочих и крестьян, стоящих на уровне середняка или даже ниже этого уровня. Без их помощи в массовом масштабе дальнейшая деятельность, по нашему мнению, невозможна.

Так как мое время почти истекло, я только несколько слов хочу сказать о нашем отношении к среднему крестьянству. Наше отношение к нему принципиально было ясно для нас и перед началом революции. Задача *нейтрализации* крестьянства была поставлена перед нами. На одном московском собрании, где приходилось ставить вопрос об отношении к мелко-буржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к

крупному крестьянству*). В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически. Вы прекрасно знаете, что эта задача трудная. У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла на блок, на союз, на соглашение со средним крестьянством, — мы эту линию можем и должны выравнять и выправить.

Вот в кратких чертах то, что я имел возможность сейчас отметить вам относительно экономической и политической работы Центрального Комитета за истекший год. Я должен теперь перейти самым кратким образом ко второй части порученной мне Центральным Комитетом задачи — к организационному отчету Центрального Комитета. Эту задачу мог выполнить как следует только Яков Михайлович Свердлов, который был назначен докладчиком Центрального Комитета по этому вопросу. Обладая громадной, невероятной памятью, он в ней держал бо́льшую часть своего отчета, и личное знакомство с организационной работой на местах давало ему возможность сделать этот отчет. Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения.

Я могу дать здесь небольшие отрывки из того, что готово из письменных отчетов. Но Секретариат Центрального Комитета, который не имел возможности докончить своей работы, самым определенным образом обещал, что на ближайшей неделе письменные отчеты будут готовы к печати, размножены на ротаторе и предоставлены в распоряжение всех членов съезда. Они пополнят беглые отрывочные указания, которые я могу здесь дать. В том материале отчета, который имеется сейчас в письменной форме, мы прежде всего находим сведения о входящих бумагах:

---

*) См. XXIII том Сочинений, стр. 305 — 323. *Ред.*

за декабрь 1918 г. — 1.483, за январь 1919 г. — 1.537 и за февраль — 1.840. Есть процентное распределение этих бумаг, но я позволю себе не читать этого. Интересующиеся товарищи увидят из отчета, который будет роздан, что, например, за ноябрь месяц мы имеем 490 посещений Секретариата. И здесь товарищи, передавшие мне этот отчет, говорят, что он едва ли может охватить половину того, чем Секретариат ведал, потому что десятки делегатов каждый день принимались тов. Свердловым, и из них большая половина была, вероятно, не советских должностных лиц, а партийных работников.

Я должен обратить внимание на отчет о деятельности федерации иностранных групп [41]). Эта область работы знакома мне постольку, поскольку я имел возможность бегло просмотреть материалы иностранных групп. Их было вначале 7, теперь 9. Товарищи, живущие в чисто - великорусских местностях, не имевшие возможности непосредственно ознакомиться с этими группами и не видавшие отчетов в газетах, благоволят просмотреть выборки из газет, которые я позволю себе не читать полностью. Я должен сказать, что здесь замечается настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала. Третий Интернационал был основан в Москве на кратком съезде, подробный отчет о котором, как и о всем, что предлагается Центральным Комитетом по всем вопросам, касающимся Интернационала, сделает тов. Зиновьев. Если в короткий срок мы могли так много сделать на съезде коммунистов в Москве, то это благодаря тому, что была выполнена гигантская подготовительная работа Центральным Комитетом нашей партии и организатором съезда тов. Свердловым. Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев, и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы и партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской Коммунистической Партии, как одной из ячеек Всемирной Коммунистической Партии.

Дальше в материалах, которые переданы мне, имеются данные о том, как и от каких организаций поступали сведения в Центральный Комитет, и здесь наша российская неорганизованность выступает во всем посрамляющем нас убожестве. Регулярные сведения поступали от организаций 4-х губерний, нерегуляр-

ные сведения из 14-ти губерний, случайные сведения из 16-ти губерний. Названия этих губерний имеются в списке, вы мне позвольте их не читать. Конечно, многое в этой крайней нашей неорганизованности, в крайнем недостатке организованности объясняется условиями гражданской войны, но далеко не все. И покрываться, защищаться и отговариваться этим меньше всего следовало бы. Организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны русских вообще и большевиков в частности, а между тем главная задача пролетарской революции, это — именно *организаторская задача*. Здесь организационный вопрос недаром поставлен на одно из выдающихся мест. Здесь надо решительно и твердо, и еще раз решительно и еще раз твердо, бороться всеми мерами. Без длительного воспитания и перевоспитания мы здесь ничего не сделаем. Тут та область, где революционное насилие, диктатура употребляется для того, чтобы злоупотреблять, и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь. Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует. Но в области организации их применять нельзя. Этой задачи воспитания, перевоспитания и длительной организационной работы мы совершенно не решили и к этому мы должны систематически приступить.

Здесь имеется подробный финансовый отчет. Из отдельных статей крупнейшая — по рабочему книгоиздательству и на газеты: 1 миллион, 1 миллион и еще 1 миллион — 3 миллиона. Партийным организациям 2.800.000, редакционные расходы 3.600.000. Более детальные цифры имеются в этом отчете, который будет воспроизведен и роздан всем делегатам. Пока товарищи могут ознакомиться через представителей от групп. Позвольте этих цифр не читать. Товарищи, представившие отчеты, дали здесь главное и самое наглядное, именно: общие итоги пропагандистской работы в смысле издательства. Издательство «Коммунист» [42]) выпустило 62 названия. Газета «Правда» дала за 1918 г. 2 миллиона чистой прибыли, выпустила 25 миллионов экземпляров. Газета «Беднота» дала чистой прибыли 2.370.000 и выпустила 33 миллиона экземпляров. Товарищи из Организационного Бюро Центрального Комитета обещали переработать имеющиеся у них подробные цифры еще таким образом, чтобы можно было сравнить хотя бы два исходных пункта. Тогда всякому будет видна та гигантская просветительная работа партии, которая первый раз в истории использует современную типографскую крупно-капиталистическую технику не для буржуазии, а для рабочих и крестьян. Нас тысячи и миллионы раз обвиняли и обвиняют за нарушение свободы печати, за отказ от демократии. Демократией обвинители называют то, чтобы пресса была куплена капиталом, чтобы богатые люди могли пользоваться печатью в своих целях. Мы это называем не демократией, а плутократией.

Все то, что буржуазная культура создала, чтобы обманывать народ и защищать капиталистов, мы отняли у них для того, чтобы удовлетворять политические запросы рабочих и крестьян. И мы в этом отношении сделали столько, сколько ни одной социалистической партии не удавалось сделать за четверть века или полвека. Но все же мы сделали неизмеримо мало из того, что следует сделать.

Последний материал, который мне передало Бюро, — циркулярные письма. Их 14, и товарищи, которые не знакомы или мало знакомы с ними, приглашаются ознакомиться. Конечно, в этом отношении деятельность Центрального Комитета была далеко не полна. Но нужно принять во внимание, что, когда приходится работать в тех условиях, в которых работали мы, когда ежедневно приходилось давать политические директивы по ряду вопросов и лишь в исключительных, даже редких случаях делать это через Политическое Бюро или пленум Центрального Комитета,— при таких условиях предполагать, чтобы мы часто могли обращаться к политическим циркулярам, невозможно.

Я повторяю, что, как боевой орган боевой партии в эпоху гражданской войны, мы иначе работать и не можем. В противном случае это будут либо полуслова, либо парламент, а парламентом в эпоху диктатуры нельзя ни решать вопросы, ни направлять партию или советские организации. Товарищи, в эпоху, когда мы используем аппарат буржуазных типографий и прессы, значение циркулярных писем Центрального Комитета ослабело. Мы направляем лишь такие директивы, которых нельзя было печатать, ибо в нашей деятельности, которая, несмотря на ее громадные размеры, была открытой, все же нелегальная работа оставалась, остается и будет оставаться. Мы не боялись упрека в своей нелегальности и в тайности, нет, мы гордились этим. И когда нам пришлось попасть в такое положение, что, свергнув буржуазию, мы стали перед европейской буржуазией, в наших действиях оставалась тайна и в нашей работе была нелегальность...

На этом, товарищи, я заканчиваю свой доклад. (**Аплодисменты.**)

3.

ДОКЛАД О ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЕ 19 МАРТА [43]).

(Аплодисменты.) Товарищи, согласно разделению тем, о котором мы условились с тов. Бухариным, на меня возложено выяснение точки зрения комиссии по целому ряду конкретных и наиболее спорных или наиболее интересующих в настоящее время партию пунктов.

Я начну вкратце с тех пунктов, которые в конце своего доклада затронул тов. Бухарин, как пунктов спорных между нами внутри комиссии. Первый—это характер построения общей части программы. Тов. Бухарин по-моему не совсем верно изложил здесь то, почему большинство комиссии отвергло все попытки построить программу с вычеркиванием всего того, что говорилось о старом капитализме. Тов. Бухарин говорил таким образом, что у него иногда выходило, будто бы большинство комиссии боялось того, что̀ про это скажут, боялось, что большинство комиссии будет обвинено в недостаточном почтении к старому. Нет сомнения, что, при таком изложении позиции большинства комиссии, она представляется весьма смешной. Но это далеко от истины. Большинство комиссии отвергло такие попытки, потому что они были бы неверны. Они не соответствовали бы действительному положению дела. Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет.

Это неверно. Особенно это будет неверно для эпохи империалистской войны и для эпохи после империалистской войны. Еще Энгельс писал в одном своем рассуждении о грядущей войне, что это будет гораздо более свирепое опустошение, чем после тридцатилетней войны, что человечество в значительной степени придет к одичанию, что наш искусственный аппарат торговли и промышленности потерпит крах [44]). В начале войны социал-предатели и оппортунисты хвастались по поводу живучести капитализма и высмеивали «фанатиков или полуанархистов», как они нас называли. «Смотрите, — говорили они — эти предсказания не исполнились. События показали, что это было верно лишь по отношению к весьма небольшой части стран и на весьма

небольшой период времени!» А теперь не только в России и не только в Германии, но и в странах-победительницах начинается именно такое гигантское разрушение современного капитализма, которое сплошь и рядом снимает этот искусственный аппарат и возрождает старый капитализм.

Когда тов. Бухарин говорил о том, что можно попытаться дать цельную картину разрушения капитализма и империализма, мы возражали в комиссии, и я должен возразить здесь: попробуйте и вы увидите, что не удастся. Тов. Бухарин сделал одну такую попытку там, в комиссии, и сам от нее отказался. Я совершенно уверен, что если бы кто-нибудь мог это сделать, то больше всего тов. Бухарин, который очень много и очень обстоятельно этим вопросом занимался. Я утверждаю, что такая попытка удачной быть не может, потому что задача неверна. Мы в России сейчас переживаем последствия империалистской войны и начало диктатуры пролетариата. В то же время в целом ряде областей России, которые были отрезаны друг от друга более, чем прежде, мы переживаем сплошь и рядом возрождение капитализма и развитие его первой стадии. Из этого не выскочить. Если написать программу так, как хотел тов. Бухарин, — такая программа будет неверна. Она будет в лучшем случае воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет. Программа, составленная из разнородных частей — это неизящно (но это, конечно, не важно), — но иная программа просто будет не верна. Из этой разнокалиберности, из этого построения из разного материала, как это ни неприятно, как это ни недостаточно стройно, из этого мы не выскочим в течение очень долгого периода. Когда выскочим, тогда мы создадим другую программу. Но тогда мы будем жить уже в социалистическом обществе. Претендовать на то, что там будет так же, как теперь, было бы смешно.

Мы живем в такое время, когда целый ряд элементарнейших основных явлений капитализма воскрешен. Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо или, вернее, так плохо на себе испытываем. Это ведь есть и в других странах, даже в странах-победительницах. А что значит крах транспорта в империалистской системе? — Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства. Мы знаем хорошо, что такое мешечники [45]). Это слово, кажется, до сих пор иностранцам было непонятно, а теперь? Поговорите с приехавшими на конгресс III Интернационала товарищами. Оказывается, что начинают зарождаться подобные слова и в Германии и в Швейцарии. А ведь эту категорию вы не подведете ни под какую диктатуру пролетариата, а должны будете вернуться к низам капиталистического общества и товарного производства.

Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную. И вовсе не почтение к старому, как вежливо намекал тов. Бухарин, заставляло нас вставлять здесь места из старой программы. Выходило так: писалась программа в 1903 г. при участии Ленина, несомненно программа плохая, но так как старые люди больше всего любят вспоминать прошлое, то из почтения к старому составили в новую эпоху новую программу, в которой повторяют старое. Если бы это было так, то таких чудаков можно было бы осмеять. Я утверждаю, что это не так. Тот капитализм, который был обрисован в 1903 г., продолжает оставаться и в 1919 г. в Советской пролетарской республике, как раз благодаря разложению империализма, в силу его краха. Такой капитализм можно найти, например, и в губернии Самарской и в губернии Вятской, не слишком далеких от Москвы. В эпоху, когда гражданская война разрывает страну на части, из этого положения, из этого мешечничества мы выйдем не скоро. Вот почему иное построение программы было бы неверно. Надо сказать то, что есть, программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она — программа марксистская.

Тов. Бухарин теоретически это вполне понимает и говорит, что программа должна быть конкретна. Но одно дело понимать, а другое дело фактически проводить. Конкретность тов. Бухарина — это книжное изложение финансового капитализма. В действительности мы наблюдаем разнородные явления. В каждой земледельческой губернии мы наблюдаем на-ряду с монополизированной промышленностью свободную конкуренцию. Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Написать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством [46]), то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнажится старый капитализм. Стоять на той точке зрения, будто есть цельный империализм без старого капитализма — это значит принять желаемое за действительность.

Это — естественная ошибка, в которую впадают очень легко. И если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. В действительности развитие таково, что приходится

поступать совершенно иначе. *Империализм есть надстройка над капитализмом.* Когда он разрушается, приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания. Вот почему наша программа, если она хочет быть верной, должна сказать то, что есть. Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма. Его тенденции — только империалистские. Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма. Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этой тенденции. Программа не об этом сейчас говорит. В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый темп развития пролетарской революции во всем мире, и останется фактом на много лет.

Западно-европейские революции, может быть, пройдут более гладко, но все же для реорганизации всего мира, для реорганизации большинства стран потребуется много и много лет. А это означает, что в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была. Неверна будет программа, составленная иначе, чем она составлена.

Мы говорим, что пришли к диктатуре. Это понятно. Но надо же знать, *как* пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед сделать или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. И мы говорим: чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чисто-империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, у нас совершенно не сойдутся концы с концами, и мы много набьем себе шишек. Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянству, — тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать:

«Зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучили!» — это в высшей степени несерьезно.

То же самое я должен сказать по отношению к *национальному вопросу*. И здесь тов. Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право наций на самоопределение нельзя. Нация — значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем не сообразно! Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкинете, у вас получится фантазия. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации, происходящей в недрах нации, на процесс отделения пролетариата от буржуазии. Но посмотрим еще, как пойдет эта дифференциация.

Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки. Казалось бы, это — образец. А что происходит там? Дифференцировался ли германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев. Но как это получилось? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками-независимцами, которые путают все и хотят поженить систему Советов с учредилкой! Ведь вот что происходит в этой самой Германии! А ведь это — передовая страна.

Тов. Бухарин говорит: «Зачем нам право наций на самоопределение?». Я должен повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 г. летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати». Когда мы завоюем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем *). Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен это сделать. Мы вошли целиком в социалистическое строительство, отбились от первого натиска, который грозил нам, — теперь это будет уместно. То же самое относится и к праву наций на самоопределение. «Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение», — говорит тов. Бухарин. Вы, значит, хотите признать то, чего в действительности не достигли ни в одной стране, кроме России. Это смешно.

Посмотрите на Финляндию: страна демократическая, более

---

*) См. XXI том Сочинений, стр. 311 — 312. *Ред.*

развитая, более культурная, чем мы. В ней идет процесс выделения, дифференциации пролетариата, идет своеобразно, гораздо более мучительно, чем у нас. Финны испытали диктатуру Германии, теперь испытывают диктатуру Антанты, и благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации там был облегчен. Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду [47], — что значит в переводе на русский язык «свиноголовый», — представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это надо было сделать, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов. Надо было это сделать.

А вчера разве не пришлось то же сделать по отношению к Башкирской республике [48]? Когда тов. Бухарин говорил: «Можно кой для кого это право признать», так я даже записал, что у него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом тов. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкир? Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только там, где переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, сарты, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке. Можем ли мы подойти к этим сартам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно.

Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение: «С какой стати? Когда мы сами свергли буржуазию, провозгласили Советскую власть и диктатуру пролетариата, с какой стати нам поступать так?». Это действует как бодрящий призыв, содержит указание нашего пути, но если мы будем только это провозглашать в программе, то получится не программа, а прокла-

нация. Мы можем провозгласить Советскую власть и диктатуру пролетариата и полное презрение к буржуазии, которого она стоит тысячу раз, но в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа — непререкаема.

Мы стоим на строго классовой точке зрения. То, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали: «Федеративное объединение государств, организованных по *советскому типу*». Советский тип еще не Советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Идти дальше, на шаг дальше, на волосок дальше — будет уже неверно, и поэтому для программы не годится.

Мы говорим: надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии — к демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение, о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит. Гигантское большинство, наверно девять десятых всего населения земли, может быть 95%, подходит под эту характеристику, ибо все страны — на пути от средневековья к буржуазной демократии, или от буржуазной к пролетарской демократии. Это — путь совершенно неизбежный. Больше сказать нельзя, потому что это будет неправильно, потому что это не будет то, что есть. Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций. В Германии она идет иначе, чем у нас: в некоторых отношениях скорее, а в некоторых более медленным и кровавым путем. У нас такой чудовищной идеи, как сочетание Советов и учредилки, ни одной партией принято не было. Ведь мы должны жить рядом с этими нациями. Сейчас уже говорят о нас шейдемановцы, что мы хотим завоевать Германию. Это, конечно, смехотворно, вздор. Но буржуазия имеет свои интересы и свою прессу, которая в сотнях миллионов экземпляров на весь свет кричит об этом, и Вильсон в своих интересах это поддерживает. У большевиков, дескать, большая армия, и они хотят путем завоевания насадить свой большевизм в Германии. Лучшие люди Германии — спартаковцы — указали нам, что немецких рабочих натравливают против коммунистов: смотрите, мол, как плохо у большевиков! А чтобы у нас было очень хорошо, мы сказать не можем. И вот на массы там действуют тем доводом, что пролетарская революция в Германии означает такие

же беспорядки, как в России. Наши беспорядки — наша затяжная болезнь. Мы боремся с отчаянными трудностями, создавая пролетарскую диктатуру у себя. Пока буржуазия или мелкая буржуазия или хотя бы часть немецких рабочих находится под действием этого пугала: «Большевики хотят насильственно установить свой строй», — до тех пор формула «самоопределение трудящихся» не облегчит положения. Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения наций так и может выйти.

Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то это положение нашей программы абсолютно верно. На этом пути у нас было весьма много зигзагов. Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся. В Финляндии процесс отделения пролетариата от буржуазии идет замечательно ярко, сильно, глубоко. Там все будет идти во всяком случае не так, как у нас. Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы — это будет пустяковиннейшей вещью. Не признавать того, что есть — нельзя: оно само заставит себя признать. В различных странах размежевание пролетариата и буржуазии идет своеобразными путями. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие к нации. У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета Рабочих Депутатов [49]): от польских социал-предателей — 333, от коммунистов — 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А, во-вторых, сейчас дело обстоит таким образом, что большинство польских рабочих более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать. Тут нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс. Мы должны пропагандировать эту дифференциацию. Это мы делаем, но нет ни тени сомнения в том, что нельзя не признавать самоопределения польской нации сейчас. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России. И ра-

бочих там запугивают тем, что москали, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм. Один из лучших товарищей польских коммунистов, когда я ему сказал: «Вы сделаете иначе», ответил мне: «Нет, мы сделаем то же самое, но сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание — сделать Советскую власть лучше, чем у нас. Нельзя не считаться с тем, что там путь идет несколько своеобразно, и нельзя сказать: «Долой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам». Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем. Его нет нигде, кроме России, и надо, предусматривая все стадии развития в других странах, ничего не декретировать из Москвы. Вот почему это предложение принципиально не приемлемо.

Перехожу к дальнейшим пунктам, которые, согласно выработанному у нас плану, я должен осветить. На первом месте я поставил вопрос *о мелких собственниках и среднем крестьянине.* По этому поводу в параграфе 47 говорится:

«По отношению к среднему крестьянству политика Р. К. П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований».

Мне кажется, здесь мы формулируем то, что много раз и основоположники социализма говорили по отношению к среднему крестьянству. Недостатком этого пункта является только недостаточная его конкретность. В программе мы едва ли смогли бы дать больше. Но на съезде приходится ставить не только вопросы программные, и на вопрос о среднем крестьянстве мы должны обратить сугубое и трижды сугубое внимание. Сейчас как раз у нас получено сообщение о том, что в восстаниях, которые начали уже волной обходить земледельческую Россию, ясно виден *общий план,* и этот план ясно связан с военным планом белогвардейцев, решивших на март общее наступление и организацию ряда восстаний. В президиуме съезда имеется проект обращения от съезда, который будет вам доложен [50]). Эти восстания показывают нам яснее ясного, что левые эс-эры и часть меньшевиков — в Брянске над восстанием работали меньшевики —

играют роль прямых агентов белогвардейцев. Общее наступление белогвардейцев, восстания в деревнях, перерыв железнодорожного движения: — не удастся ли скинуть большевиков хоть так? Тут в особенности ясно, в особенности жизненно-настоятельно выступает роль среднего крестьянства. На съезде мы должны не только особенно подчеркнуть наше уступчивое отношение к среднему крестьянству, но и подумать о целом ряде возможно более конкретных мер, непосредственно хоть что-нибудь дающих среднему крестьянству. Этого настоятельно требуют и интересы самосохранения, и интересы борьбы против всех наших врагов, которые знают, что средний крестьянин колеблется между нами и ими, и которые стараются отвлечь его от нас. Сейчас наше положение таково, что у нас есть громадные резервы. Мы знаем, что и польская и венгерская революции нарастают и очень быстро. Эти революции дадут нам пролетарские резервы, облегчат наше положение и в громадных размерах подкрепят нашу пролетарскую базу, — она у нас слаба. Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда именно это случится. Вы знаете, что теперь наступил момент острый, поэтому теперь вопрос о среднем крестьянстве приобретает громадное практическое значение.

Дальше я бы хотел остановиться на теме о *кооперации*, — это 48 параграф нашей программы. В известной степени этот параграф устарел. Когда мы писали его в комиссии, у нас существовала кооперация и не было потребительских коммун, но через несколько дней прошел декрет о слиянии всех видов кооперации в единую потребительскую коммуну. Я не знаю, опубликован ли этот декрет и знакомо ли с ним большинство присутствующих. Если нет, то завтра или послезавтра этот декрет будет опубликован [51]). В этом отношении этот параграф уже устарел, но мне кажется, тем не менее, что он нужен, ибо мы все хорошо знаем, что от декретов до исполнения — дистанция порядочного размера. С кооперативами мы бьемся и возимся уже с апреля 1918 г., и хотя мы достигли значительного успеха, но еще не решающего. Объединения кооперативами населения мы достигали иногда в таких размерах, что на 98% сельское население во многих уездах уже объединено. Но эти кооперативы, существовавшие в капиталистическом обществе, насквозь проникнуты духом буржуазного общества, и во главе их стоят меньшевики и эс-эры, буржуазные специалисты. Их мы себе подчинить еще не сумели, тут наша задача остается неразрешенной. Наш декрет делает шаг вперед в смысле создания потребительских коммун, декретирует, что во всей России все виды кооперации должны слиться. Но и этот декрет, если даже мы проведем его полностью, оставит автономную секцию рабочей кооперации внутри будущей потребительской коммуны, потому что

представители рабочей кооперации, практически знакомые с делом, сказали нам и доказали, что рабочая кооперация, как более развитая организация, должна быть сохранена, поскольку ее действия вызываются необходимостью. У нас в партии было немало разногласий и споров насчет кооперации, бывали трения между большевиками в кооперации и большевиками в Советах. Принципиально, мне кажется, вопрос несомненно должен быть решен в том смысле, что аппарат этот, как единственный, который капитализм подготовил в массах, как единственный, который действует в деревенских массах, стоящих еще на стадии примитивного капитализма, — должен быть во что бы то ни стало сохранен, развит и во всяком случае не отброшен. Тут задача трудная, потому что кооперативы в большинстве случаев имеют в качестве своих вождей буржуазных специалистов, сплошь и рядом действительных белогвардейцев. Отсюда явилась ненависть к ним, законная ненависть, отсюда явилась борьба с ними. Но ее надо проводить, конечно, умело: *нужно пресекать контр-революционные поползновения кооператоров, но это не должно быть борьбой с аппаратом кооперации.* Отсекая этих контр-революционных деятелей, самый аппарат мы должны подчинить себе. Задача стоит тут точно так же, как и по отношению к буржуазным специалистам, это — другой вопрос, который мне хотелось отметить.

Вопрос о *буржуазных специалистах* вызывает немало трений и разногласий. Когда мне пришлось выступить на-днях в Петроградском Совете *), то из тех записок, которые мне подали, несколько было посвящено вопросу о ставках. Меня спрашивали: разве можно в социалистической республике платить до 3.000 рублей? Мы в сущности поставили этот вопрос в программу, ибо недовольство на этой почве пошло довольно далеко. Вопрос о буржуазных специалистах стоит в армии, в промышленности, в кооперативах, стоит везде. Это очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средствами буржуазной науки и техники сделаем его более доступным массам. Иначе построить коммунистическое общество нельзя. А чтобы построить его таким образом, надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех этих специалистов. Мы в программе нарочно развили этот вопрос подробно, чтобы он был радикально решен. Мы превосходно знаем, что̀ значит культурная неразвитость России, что̀ делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира, — как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает

---

*) См. настоящий том, стр. 32 — 37. *Ред.*

бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной,— чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы. Этот вопрос о буржуазных специалистах на настоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Такое решение даст возможность товарищам, которые несомненно прислушиваются к этому съезду, опереться на его авторитет, увидеть, на какие трудности мы наталкиваемся. Оно поможет тем товарищам, которые на каждом шагу сталкиваются с этим вопросом, принять участие хотя бы в пропагандистской работе.

Товарищи представители спартаковцев на съезде, здесь в Москве, рассказали нам, что в Западной Германии, где более всего развита промышленность, где больше всего влияние спартаковцев среди рабочих, что хотя спартаковцы там еще не победили, но на очень многих самых крупных предприятиях инженеры, директора приходили к спартаковцам и говорили: «Мы пойдем с вами». У нас этого не было. Очевидно, там более высокий культурный уровень рабочих, бо́льшая пролетаризированность технического персонала, может быть, целый ряд других причин, которых мы не знаем, создали такие отношения, которые несколько отличны от наших.

Во всяком случае здесь для нас одно из главных препятствий к дальнейшему движению вперед. Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, немедленно и сейчас же поднять производительные силы. Сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз-на-всегда сказать. Конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуто буржуазным миросозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя,—это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не участвовать активно в контр-революции, можно устрашить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большевиков действуют энергично. Это сделать можно, и это мы делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно. Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т.-е. обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а

для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах, — но они двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам уже совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены *морально*, а не только политически отсечены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче. Тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью. Для этого идти на жертвы необходимо. Для этого заплатить хотя бы два миллиарда — пустяки. Бояться этой жертвы было бы ребячеством, ибо это значило бы не понимать тех задач, которые стоят перед нами.

Расстройство транспорта, расстройство промышленности и земледелия подрывает все существование Советской республики. Тут мы должны идти на самые энергичные меры, напрягающие до последней степени все силы страны. По отношению к специалистам мы не должны придерживаться политики мелких придирок. Эти специалисты — не слуги эксплуататоров, это — культурные деятели, которые в буржуазном обществе служили буржуазии и про которых все социалисты всего мира говорили, что в пролетарском обществе они будут служить *нам*. В этот переходный период мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика, это будет самое экономное хозяйничание. Иначе мы, сэкономив несколько сот миллионов, можем потерять столько, что никакие миллиарды не восстановят потерянного.

Когда мы беседовали по вопросу о ставках с комиссаром труда тов. Шмидтом, он указал такие факты. Он говорит, что для выравнивания заработной платы мы сделали столько, сколько нигде не сделало и не может сделать в десятки лет ни одно буржуазное государство. Возьмите ставки до-военные: чернорабочий получал 1 рубль в день, — 25 рублей в месяц, а специалист 500 рублей в месяц, не считая тех, которым платили сотни тысяч. Специалист получал в 20 раз больше рабочего. В наших теперешних ставках колебания идут от 600 до 3.000 рублей — разница только в пять раз. Для выравнивания мы много сделали. Конечно, специалистам мы теперь переплачиваем, но заплатить им лишка за науку не только стоит, а и обязательно и теоретически необходимо. В программе этот вопрос разработан по-моему достаточно детально. Необходимо сугубо его подчеркнуть. Необходимо решить его здесь не только принципиально, но и сделать

так, чтобы все члены съезда, разъехавшись на места, в докладах своим организациям, во всей своей деятельности добились того, чтобы это было осуществлено.

Мы уже добились в среде колеблющейся интеллигенции громадного перелома. Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовываем меньшевиков и эсэров, то в этих колебаниях мы проводим совершенно определенную систему[52]). Через эти колебания идет одна, самая твердая линия: *контр-революцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать.* Меньшевики есть худшие враги социализма, ибо они одеваются в пролетарскую шкуру, но меньшевики — слой непролетарский. В этом слое только ничтожные верхушки пролетарские, а сам он состоит из мелкой интеллигенции. Этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: «Милости просим». При каждом из этих колебаний часть их отходит к нам. Так было с меньшевиками и новожизненцами, с эс-эрами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами, которые долго еще будут путаться в ногах, хныкать, перебегать из одного лагеря в другой — с ними ничего не поделаешь. Но мы через все эти колебания будем получать слои культурной интеллигенции в ряды советских работников и отсекать те элементы, которые продолжают поддерживать белогвардейцев.

Дальнейший вопрос, который согласно разделению тем входит в мою задачу, это — *вопрос о бюрократизме и о вовлечении широких масс в советскую работу.* Жалобы по поводу бюрократизма раздаются давно, жалобы несомненно основательные. Мы в борьбе с бюрократизмом сделали то, чего ни одно государство не сделало. Тот аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который остается таковым даже в самых свободных буржуазных республиках, — мы его уничтожили до основания. Взять хотя бы суд. Здесь, правда, задача была легче, здесь не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий. Мы еще далеко не довели здесь дело до конца, но в целом ряде областей создали из суда то, что надо. Мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно.

Служащие в других областях управления — более заскорузлые чиновники-бюрократы. Тут задача труднее. Жить без этого аппарата мы не можем, всякие отрасли управления создают потребность в таком аппарате. Тут мы страдаем от того, что Россия была недостаточно развита капиталистически. Германия, повидимому, переживает это легче, потому что у нее бюрократический аппарат прошел большую школу, где выжимают все соки,

но где заставляют делать дело, а не просиживать кресла, как бывает в наших канцеляриях. Этот старый бюрократический элемент мы разогнали, перевороши́ли и затем начали снова ставить на новые места. Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты Р. К. П. Таким образом, после того, как их прогнали в двери, они влезают в окно! Тут больше всего сказывается недостаток культурных сил. Этих бюрократов можно было бы раскассировать, но нельзя их сразу перевоспитать. Здесь перед нами выступают прежде всего задачи организационные, культурные и воспитательные.

Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: *этому мешал самый закон*. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, — кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача для нас непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, непомерно, невероятно *тонок*. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем, — гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но этот успех громаднейший. Все признаки говорят за то, что в близком будущем может получиться громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся над работой представителей тонкого слоя пролетариата. Но во всяком случае сейчас наше положение в этом отношении чрезвычайно трудно. Бюрократия побеждена. Эксплуататоры устранены. Но культурный уровень не поднят, и поэтому бюрократы занимают старые места. Их можно потеснить только организацией пролетариата и крестьянства в гораздо более широком размере, чем до сих пор, на-ряду с действительным проведением мер по привлечению

рабочих к управлению. Эти меры вы все знаете в области каждого Народного Комиссариата, и на них я останавливаться не буду.

Последний пункт, которого мне следует коснуться, это — *руководящая роль пролетариата и лишение избирательного права.* Наша конституция признает преимущество пролетариата над крестьянством и лишение избирательных прав эксплуататоров [53]). На это больше всего нападали чистые демократы из Западной Европы. Мы им отвечали и отвечаем, что они забыли самые основные положения марксизма, забыли, что у них речь идет о буржуазной демократии, а мы перешли к демократии *пролетарской.* Нет ни одной страны, которая сделала бы хоть десятую долю того, что сделала за истекшие месяцы Советская республика для рабочих и беднейших крестьян в смысле привлечения их к управлению государством. Это — абсолютная истина. Никто не станет отрицать, что для демократии действительной, а не бумажной, для привлечения рабочих и крестьян мы сделали столько, сколько за сотни лет не сделали самые лучшие демократические республики и сделать не могли. Это определило значение Советов, благодаря этому Советы стали лозунгом пролетариата всех стран.

Но это нисколько не избавляет нас от того, что мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс. Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу конституцию мы точно также не выдвигаем, как образец для других стран. Мы говорим только, что тот, кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот — не социалист. Но если буржуазию, как класс, подавлять необходимо, то лишать ее избирательных прав и равенства не необходимо. Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом, что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала *после* того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выработали конституцию Советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эс-эры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь. Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Дальше стоит задача: от этих преимуществ переходить постепенно к их уравнению. Буржуазию до Октябрьской революции и после нее никто из Советов не изгонял. *Буржуазия сама ушла от Советов.*

Вот как обстоит дело с избирательными правами буржуазии. Наша задача — поставить вопрос с полной ясностью. Мы нисколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть. Наша конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а, напротив, по программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством, неравенства, которое нам придется отвергнуть, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений. Эти ограничения уже сейчас, после каких-нибудь 17 месяцев революции, имеют практически весьма небольшое значение.

Вот те главные пункты, товарищи, на которых я счел нужным остановиться в общем обсуждении программы с тем, чтобы предоставить дальнейшее обсуждение дискуссии. (Аплодисменты.)

4.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЕ 19 МАРТА.

(**Аплодисменты.**) Товарищи, я не мог разделить в этой части вопроса с тов. Бухариным так же детально, предварительно посоветовавшись, как мы это сделали по отношению к докладу. Может быть, в этом не будет и надобности. Мне кажется, что прения, которые здесь развернулись, показали главным образом одно: отсутствие какого-нибудь определенного и оформленного контр-предложения. Много говорили по частям, отрывочно, но никакого контр-предложения не было. Я остановлюсь на главных возражениях, которые прежде всего были направлены против вводной части. Тов. Бухарин указал мне, что он принадлежит к числу тех, которые защищают мысль о возможности соединить во введении характеристику капитализма и характеристику империализма в одно связное целое, но что за отсутствием такового мы должны будем принять проект существующий.

Многие из говоривших выдвигали ту точку зрения,—особенно решительно ее выдвигал тов. Подбельский, — что проект в том виде, как он вам представлен, является неверным. Доказательства тов. Подбельского были в высшей степени странными. Вроде, например, того, что в параграфе первом революция названа революцией такого-то числа. Это почему-то напомнило тов. Подбельскому, что будто бы даже эта революция за номером. Я могу сказать, что мы в Совете Народных Комиссаров имеем дело с очень многими бумагами за номерами и часто от этого устаем, но зачем же переносить это впечатление и сюда? Ну, при чем тут в самом деле номер? Мы определяем день праздника и чествуем его. Как же можно отрицать, что именно 25 октября власть взята? Если вы это попробуете изменить как-нибудь, то это будет искусственно. Если вы назовете революцию Октябрьско-Ноябрьской, то тем самым дадите возможность сказать, что дело сделано не в один день. Но, конечно, она происходила в более долгий период — не за октябрь, не за ноябрь и даже не в год. Тов. Подбельский нападал на то, что в одном из параграфов говорится о *предстоящей* социальной революции. Он изображал на этом основании программу, как чуть ли не какое-то покушение на «оскорбление ее величества»—социальной революции. Мы в социальной революции находимся, а нам говорят о ней, как о предстоящей! Такой

довод явно несостоятелен, ибо у нас в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе.

Нам говорят о том, что мы подходим экономически к революции. Нужно это или нет? Здесь многие увлекающиеся товарищи договорились до всемирного Совнархоза и до подчинения всех национальных партий Центральному Комитету Р. К. П. Тов. Пятаков чуть не договорился до этого. [Пятаков (с места): «А разве вы думаете, что это было бы плохо?»] Если он сейчас бросает замечание, что это было бы недурно, то я должен ответить, что, если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами бы убили себя. Эти увлекающиеся товарищи не приняли во внимание, что в программе мы должны исходить из того, что есть. Один из этих товарищей, кажется Суница, который очень решительно критиковал программу, как убогую и т. д., один из этих увлекающихся товарищей сказал, что он не может согласиться, что должно быть то, что есть, а предлагает, что должно быть то, чего нет. (Смех.) Я думаю, что эта формулировка вопроса по своей явной неверности возбуждает смех законно. Я не говорил, что должно быть только то, что есть. Я говорил, что мы должны исходить из абсолютно установленного. Мы должны пролетариям и трудящимся крестьянам сказать и доказать, что коммунистическая революция неизбежна. Сказал ли кто-нибудь здесь, что этого говорить не нужно? Если бы кто-нибудь попробовал такое предложение выдвинуть, то ему доказали бы, что это не так. Никто ничего подобного не сказал и не скажет, ибо несомненен тот факт, что наша партия пришла к власти, опираясь не только на коммунистический пролетариат, но и на все крестьянство. Неужели мы ограничимся только тем, что скажем всем этим массам, которые сейчас идут с нами: «Дело партии только проводить социалистическое строительство. Коммунистическая революция сделана, осуществляйте коммунизм». Такая точка зрения несостоятельна в корне, теоретически неверна. Наша партия впитала в себя прямо, а еще более косвенно, миллионы людей, которые сейчас разбираются в вопросе о классовой борьбе, в вопросе о переходе от капитализма к коммунизму.

Теперь можно сказать — никакого преувеличения в этом, конечно, не будет — что нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь у нас. Об этом у нас думают гораздо больше, чем в какой-нибудь другой стране. Неужели же партия не должна дать ответа на этот вопрос? Мы должны научно показать, как эта коммунистическая революция пойдет. В этом отношении все остальные предложения половинчаты. Вычеркнуть это полностью никто не хотел. Говорили неопределенно: может быть, можно сократить, не цитировать старой

программы, потому что она неверна. Но если бы она была неверна, как бы мы могли исходить из нее в течение стольких лет нашей работы? Может быть, будет у нас общая программа, когда создастся всемирная Советская республика, до тех же пор мы наверно напишем еще несколько программ. А писать их сейчас, когда существует только одна Советская республика на месте старой Российской империи, было бы преждевременно. Даже Финляндия, которая, несомненно, идет к Советской республике, еще не осуществила ее,— Финляндия, которая отличается от всех остальных народов, населявших прежнюю Российскую империю, большей культурностью. Так что претендовать сейчас на то, чтобы дать в программе выражение законченного процесса, было бы величайшей ошибкой. Это было бы похоже на то, как если бы мы сейчас в программе выставили всемирный Совнархоз. А между тем к этому уродливому слову «Совнархоз» мы сами еще не сумели привыкнуть, с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет ли такой станции. (Смех.) Эти слова мы не можем декретировать всему миру.

Чтобы быть международной, наша программа должна учитывать те классовые моменты, которые экономически характерны для всех стран. Для всех стран характерно, что капитализм в массе местностей еще развивается. Это верно для всей Азии, для всех тех стран, которые переходят к буржуазной демократии, это верно для целого ряда частей России. Вот тов. Рыков, который в области хозяйства факты знает очень хорошо, сказал нам о новой буржуазии, которая у нас существует. Это правда. Она рождается не только из наших советских служащих — ничтожным образом она может нарождаться и оттуда,— она нарождается из среды крестьянства и кустарей, освобожденных от ига капиталистических банков и отрезанных теперь от железнодорожного транспорта. Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что даже в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как и во всяком капиталистическом обществе.

Тов. Рыков говорил: «Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм». Многого об этом мы не знаем, но что это происходит, это несомненно. Во всем мире Советская республика существует пока только в пределах бывшей Российской империи. В целом ряде стран она растет и развивается, но ни в одной другой стране ее еще нет. Поэтому претендовать в своей программе на то, до чего

мы еще не дошли, это — фантазия, это — желание выскочить из неприятной действительности, показывающей, что муки родов социалистической республики в других странах несомненно более тяжелы, чем то, что пережили мы. Нам это удалось легко, потому что мы узаконили 27 октября 1917 г. то, чего требовали крестьяне в эс-эровских резолюциях. Этого нет ни в одной стране. Товарищ швейцарец и немецкий товарищ указали на то, что крестьяне вооружились против забастовщиков в Швейцарии, как никогда, и что в Германии никакого свободного ветерка незаметно в деревне в смысле возникновения Советов из батраков и мелких крестьян. У нас после первых месяцев революции Советы Крестьянских Депутатов охватили почти всю страну. Мы, отсталая страна, их создали. Тут встает гигантская проблема, которую народы капиталистические еще не разрешили. А какая же мы образцовая капиталистическая нация? До 1917 г. мы были недостаточно образцовой нацией: у нас еще были остатки крепостничества. Но ни одна капиталистически построенная нация не показала еще, как этот вопрос на практике разрешается. Мы достигли власти в условиях исключительных, когда гнет царизма заставил с большим порывом произвести коренную и быструю перемену, и мы сумели в этих исключительных условиях опереться на несколько месяцев на все крестьянство в целом. Это — исторический факт. Мы не менее, чем до лета 1918 г., до основания комитетов бедноты, держались как власть, потому, что опирались на все крестьянство в целом. Ни в одной капиталистической стране это невозможно. Вот этот основной экономический факт вы забываете, когда говорите о коренной перестройке всей программы. Без этого ваша программа не будет покоиться на научном фундаменте.

Мы обязаны исходить из того марксистского положения, которое всеми признается, что программа должна быть построена на научном фундаменте. Она должна объяснить массам, как коммунистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, ее сущность, ее сила, что она должна решить. Наша программа должна быть сводкой для агитации, такой же сводкой, какой были все программы, какой была, например, Эрфуртская программа. Каждый параграф этой программы содержал в себе сотни тысяч речей и статей агитаторов. В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянство и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождают этот капитализм постоянно, — если он этого не понимает, то хоть бы он сто раз объявлял себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена, потому что мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически.

Социалистическая революция изменит очень многое даже в некоторых передовых странах. Капиталистический способ производства продолжает существовать во всем мире, часто сохраняя свои менее развитые формы, хотя империализм собрал и сконцентрировал финансовый капитал. Ни в одной самой развитой стране нельзя найти капитализма исключительно в наиболее совершенной его форме. Ничего подобного нет даже в Германии. Когда мы собирали материал относительно наших конкретных задач, то тов. заведующий Центральным Статистическим Бюро сообщил, что в Германии немецкий крестьянин *скрыл* от продовольственных органов 40% своих излишков картофеля. В капиталистическом государстве, где капитализм находится во всем своем развитии, продолжают существовать мелкие крестьянские хозяйства, с мелкой свободной продажей, с мелкой спекуляцией. Таких фактов нельзя забывать. Много ли найдется из трехсот тысяч членов партии, здесь представленных, таких людей, которые вполне разбираются в этом вопросе? Смешное самомнение — полагать, что, так как для нас, которые имели счастье писать проект, все это известно, то и масса коммунистов до всего этого дошла. Нет, им нужны эти азы, им они нужны в сто раз больше, чем нам, ибо коммунизма не может быть у людей, которые не усвоили, не добились объяснения, что̀ такое коммунизм и что̀ такое товарное хозяйство. Мы каждый день, на каждом вопросе практической хозяйственной политики, продовольственной, земледельческой или касающейся В. С. Н. Х., упираемся в эти факты мелкого товарного хозяйства. Но об этом не должно будто бы говорить в программе! Если бы мы так сделали, мы только показали бы, что мы не умеем этот вопрос решить, что успех революции в нашей стране объясняется исключительными условиями.

К нам приезжают товарищи из Германии, чтобы уяснить себе формы социалистического строя. И нам надо поступать так, чтобы доказать заграничным товарищам свою силу, чтобы они видели, что в своей революции мы нисколько не выходим из рамок действительности, чтобы им дать материал, который будет для них неопровержимым. Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств. Я этого ни от кого не слышал, и утверждаю, что ни от кого не услышим. У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны.

Мы на марксистской программе воспитали партию пролета-

риата, и так же надо воспитать те десятки миллионов трудящихся, которые у нас есть. Мы собрались здесь, как идейные руководители, и должны сказать массам: «Мы воспитали пролетариат и мы всегда и прежде всего исходили из точного экономического анализа». Эта задача не дело манифеста. Манифест III Интернационала — это призыв, это прокламация, это обращение внимания на то, что стоит перед нами, это есть апелляция к чувствам масс. Потрудитесь научно доказать, что у вас есть экономическая база, и что вы строите не на песке. Если вы не можете сделать этого, не беритесь за составление программы. А чтобы сделать это, мы должны поступить не иначе, как пересмотреть то, что мы пережили за 15 лет. Если 15 лет тому назад мы сказали, что идем к предстоящей социальной революции, а теперь пришли, то неужели это нас ослабляет? Это укрепляет, усиливает нас. Все сводится к тому, что капитализм переходит в империализм, а империализм приводит к началу социалистической революции. Это скучно и длинно, и ни одна капиталистическая страна этого процесса еще не прошла. Но отметить этот процесс в программе необходимо.

Вот почему теоретические возражения, которые были сделаны, и тени критики не выдерживают. Я не сомневаюсь, что если бы посадить на работу по три-четыре часа в сутки 10-20 литераторов, опытных в изложении своих мыслей, то в течение месяца они построили бы программу лучше, цельнее. Но требовать, чтобы это было сделано в один-два дня, как говорил тов. Подбельский, это — смехотворно. Мы работали не один-два дня и даже не две недели. Повторяю, если бы можно было на месяц выбрать комиссию в 30 человек и посадить ее на несколько часов работы в день, да чтобы не тревожили телефонные звонки и вести о наступлении, то, нет сомнения, они дали бы в пять раз лучшую программу. Но сути дела здесь никто не оспаривал. Программа, которая не скажет об основах товарного хозяйства и капитализма, не будет марксистской интернациональной программой. Чтобы быть интернациональной, ей мало еще провозгласить всемирную Советскую республику, или отмену наций, как провозгласил тов. Пятаков: наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев. Конечно, это великолепная вещь, и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития. Тов. Пятаков с видимым превосходством говорит: «Вы были отсталы в 1917 г. и вы подвинулись теперь». Мы подвинулись тогда, когда вставили в программу то, что стало соответствовать действительности. Когда мы сказали, что нации двигаются от буржуазной демократии к пролетарской власти, мы сказали то, что есть, а в 1917 г. это было то, что вам было желательно.

Когда у нас со спартаковцами будет то полное товарищеское

доверие, которое нужно для единого коммунизма, то товарищеское доверие, которое с каждым днем рождается и может быть через несколько месяцев создастся, тогда оно будет запечатлено в программе. Но пока этого еще нет, провозглашать это — значит притягивать их к тому, до чего они своим опытом еще не дошли. Мы говорим, что советский тип получил интернациональное значение. Тов. Бухарин указывал на английские комитеты фабричных старост. Это не совсем то, что Советы. Они растут, но они еще в утробе. Когда они выйдут на свет божий, тогда мы «будем посмотреть». А сказать, что мы русские Советы даруем английским рабочим, это не выдерживает ни тени критики.

Далее мне следует остановиться на вопросе о самоопределении наций. Этот вопрос в нашей критике получил раздутое значение. Тут сказалась слабость нашей критики в том, что такой вопрос, в сущности играющий в общем строительстве программы, в общей сумме программных требований менее чем второстепенное значение, — что этот вопрос получил в нашей критике значение специальное.

Когда тов. Пятаков говорил, я диву дался, что это: рассуждение о программе или спор двух организационных бюро. Когда тов. Пятаков говорил, что украинские коммунисты действуют согласно директив Ц. К. Р. К. П. (б.), я не понял, в каком тоне он говорил. В тоне сожаления? В этом я тов. Пятакова не подозреваю, но смысл его речи был таков: к чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный Центральный Комитет в Москве! Это — точка зрения детская. Украина отделена была от России исключительными условиями, и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его. Это факт, но факт исключительный. Там даже с языком дело так обстоит, что неизвестно стало: массовый ли украинский язык или нет? Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам, как нации кулацкой и давящей. Это факт. Мне рассказывал финский представитель, что среди финляндской буржуазии, которая ненавидела великороссов, раздаются голоса: «Немцы оказались большим зверем, Антанта — большим зверем, давайте лучше большевиков». Вот громаднейшая победа, которую мы в национальном вопросе одержали над финской буржуазией. Это нисколько не помешает нам бороться с ней, как с классовым противником, выбирая для этого подходящие средства. Советская республика, образовавшаяся в той стране, царизм которой угнетал Финляндию, должна сказать, что она уважает право независимости наций. С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений чисто-шовинистических: «Там,

дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это — такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста.

Мне кажется, что этот пример относительно Финляндии, как и относительно башкир, показывает, что в национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно! Но мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом. Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник». Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но, ведь, это — длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо. У нас есть, например, в Комиссариате Просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться.

Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций. Это нисколько не исключает войн. Война, это — другой вопрос, вытекающий из сущности империализма. Если мы воюем с Вильсоном, а Вильсон превращает маленькую нацию в свое орудие, мы говорим: мы боремся с этим орудием. Мы никогда против этого не высказывались. Мы никогда не говорили, что социалистическая республика может существовать без военной силы. При известных условиях война может представляться необходимостью. А сейчас в вопросе о самоопределении суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, и что более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные. Финляндия шла иначе. Германия идет иначе. Тов. Пятаков тысячу раз прав, что нам необходимо единство. Но надо бороться за него пропагандой, партийным влиянием, созданием единых профессиональных союзов. Однако и тут нельзя действовать по одному шаблону. Попробуйте распространить это на Германию сейчас! Мы завоевали профессиональное движение, а товарищи немцы говорят: «У нас такие желтые вожди сидят во всех профессиональных союзах, что наш лозунг — ликвидация профессиональных союзов». Мы говорим им: «У вас национальные особенности, вы вполне

правы». Если бы мы уничтожили этот пункт или редактировали его иначе, мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить.

Я думаю, товарищи, что программу, предложенную здесь, надо взять за основу, сдать в комиссию, пополнив ее представителями оппозиции, или вернее товарищами, делавшими здесь деловые предложения, и из этой комиссии вынести: 1) перечисленные исправления проекта и 2) те теоретические возражения, относительно которых соглашения быть не может. Я думаю, что это будет самая деловая постановка вопроса, которая самым быстрым образом даст нам правильное решение. (Аплодисменты.)

5.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РАДИО-ТЕЛЕГРАММА ОТ ИМЕНИ СЪЕЗДА ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 22 МАРТА [54]).

ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, БУДАПЕШТ.

VIII съезд Российской Коммунистической Партии шлет пламенный привет Венгерской Советской республике. Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к Вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую Советскую республику.

Да здравствует международная коммунистическая республика!

От имени съезда *Ленин, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Преображенский.*

Впервые напечатано: на венгерском языке 23 марта 1919 г. в газете «Népszava» [55]) № 70; на русском в 1927 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5.

Печатается по тексту «Пролетарской Революции».

6.

ДОКЛАД О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ 23 МАРТА.

(Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, я должен извиниться, что мне не удалось присутствовать на всех заседаниях секции, которую выбрал съезд по вопросу о работе в деревне[56]). Дополнением поэтому явятся речи товарищей, которые участвовали в этой секции с самого начала ее работы. Секция выработала в конце концов тезисы, которые были сданы в комиссию и которые вам будут доложены. Я хотел бы остановиться на общем значении вопроса, как он встал перед нами в итоге работы секции и как он, на мой взгляд, встал теперь перед партией в целом.

Товарищи, совершенно естественно, что в развитии пролетарской революции нам приходится выдвигать на первое место то один, то другой из наиболее сложных и важных вопросов общественной жизни. Совершенно естественно, что при перевороте, который затрагивает и не может не затрагивать самые глубокие основы жизни, самые широкие массы населения, — ни одна партия, ни одно даже самое близкое к массам правительство абсолютно не в состоянии охватить *сразу* все стороны жизни. И если сейчас нам приходится останавливаться на вопросе о работе в деревне и из этого вопроса выделять преимущественно положение среднего крестьянства, — то, с точки зрения развития пролетарской революции вообще, тут не может быть ничего странного и ненормального. Понятно, что пролетарской революции пришлось начать с основного отношения между двумя враждебными классами, между пролетариатом и буржуазией. Основной задачей было — передать власть в руки рабочего класса, обеспечить его диктатуру, свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые безусловно являются помехой в деле всякого социалистического строительства вообще. Мы все, поскольку мы знакомы с марксизмом, никогда не сомневались в той истине, что решающее значение в капиталистическом обществе может иметь, по самому экономическому строению этого общества, либо пролетариат, либо буржуазия. Теперь мы видим многих бывших марксистов, — например, из лагеря меньшевиков, — утверждающих, будто в период решительной борьбы пролетариата с буржуазией может господствовать *демократия вообще*. Так говорят меньшевики, всецело спевшиеся с эс-эрами.

Точно не сама буржуазия создает или отменяет демократию, смотря по тому, что ей выгоднее! А раз так, то не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом. Приходится только удивляться, как быстро эти марксисты или якобы марксисты, — например, наши меньшевики, — как быстро они разоблачают себя, как быстро выходит наружу настоящая их природа, природа мелко-буржуазных демократов.

Маркс всю жизнь больше всего боролся против иллюзий мелко-буржуазной демократии и буржуазного демократизма. Маркс больше всего высмеивал пустые слова о свободе и равенстве, когда они прикрывают свободу рабочих умирать с голоду, или равенство человека, продающего свою рабочую силу, с буржуа, который будто бы на свободном рынке свободно и равноправно покупает его труд и т. п. Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это. Можно сказать, что весь «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что *основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат:* — буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель, как его двигатель, — пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому. Можно сказать, что социалисты всего мира во II Интернационале бесчисленное количество раз клялись и божились перед рабочими в понимании этой истины. Но когда дошло дело до настоящей и притом решительной борьбы между пролетариатом и буржуазией за власть, тогда мы увидели, что наши меньшевики и эс-эры, а также вожди старых социалистических партий во всем мире, эту истину забыли и принялись чисто-механически повторять филистерские фразы о демократизме вообще.

У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как будто более «крепкое», когда говорят: «Диктатура демократии». Это уже совершенная бессмыслица. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с восставшими рабочими. Так было начиная с 1848 г., — во всяком случае не позже, но отдельные примеры можно найти и раньше. История показывает нам, что именно в буржуазной демократии развертывается широко и свободно самая острая борьба между пролетариатом и буржуазией. Нам пришлось убедиться в правильности этой истины на практике. И если шаги Советского правительства с октября 1917 г. отличались твердостью во всех коренных вопросах, то это именно потому, что мы от этой истины никогда не отступали, никогда ее не забывали. Только диктатура одного класса — пролетариата — может

решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат.

Отсюда, однако, ни в коем случае не следует, — это было бы глубочайшей ошибкой, — что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата, — будто и дальше нам можно обойтись без участия средних, промежуточных элементов.

Естественно, что в начале революции, — пролетарской революции, — все внимание ее деятелей устремляется на главное, основное: на господство пролетариата и обеспечение этого господства победой над буржуазией, — обеспечение того, чтобы буржуазия не могла вернуться к власти снова. Мы прекрасно знаем, что в руках буржуазии до сих пор остаются преимущества, связанные с ее богатствами в других странах, или состоящие, иногда даже у нас, в денежном богатстве. Мы хорошо знаем, что есть социальные элементы более опытные, чем пролетарии, которые буржуазии помогают. Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства.

Но это далеко еще не все. Буржуазия, которая больше всего выдвигает принцип: «Где хорошо, там отечество», буржуазия, которая в смысле денег всегда была интернациональна, — *буржуазия в мировом масштабе сейчас еще сильнее нас.* Ее господство быстро подрывается, она видит такие примеры, как венгерская революция, — о которой мы имели счастье вчера вам сообщить, и о которой сегодня приходят подтверждающие сведения, — она уже начинает понимать, что ее господство колеблется. У нее не остается свободы действий. Но сейчас, если учитывать материальные средства во всемирном масштабе, нельзя не признать, что материально буржуазия теперь еще сильнее нас.

Вот почему девять десятых нашего внимания, нашей практической деятельности были и должны были быть посвящены этому основному вопросу — свержению буржуазии, утверждению власти пролетариата, устранению всякой возможности возврата буржуазии к власти. Это совершенно естественно, законно, неизбежно и очень многое в этом отношении было с успехом сделано.

Теперь же мы должны поставить на очередь вопрос о других слоях. Мы должны, — это было общее наше заключение в аграрной секции, и в этом, мы уверены, сойдутся все партийные работники, потому что мы только подытожили опыт их наблюдений, — мы должны поставить на очередь во всем его объеме *вопрос о среднем крестьянстве.*

Конечно, найдутся люди, которые вместо обдумывания хода нашей революции, вместо размышления о том, какие задачи стоят

сейчас перед нами, — вместо этого используют всякий шаг Советской власти для хихиканья и критиканства того типа, что мы наблюдаем у господ меньшевиков и правых эс-эров. Это — люди, которые до сих пор не поняли, что они должны сделать выбор между нами и буржуазной диктатурой. Мы проявили по отношению к ним много терпения и даже добродушия, мы предоставим им еще раз возможность испытать это наше добродушие, но в недалеком будущем этому терпению и добродушию мы положим конец и, если они своего выбора не сделают, мы совершенно серьезно предложим им отправиться к Колчаку. (Аплодисменты.) Мы не ожидаем особенно блестящих умственных способностей от этих людей. (Смех.) Но можно было бы ожидать, что, испытав на себе зверства Колчака, они поймут, что мы имеем право требовать от них, чтобы они сделали выбор между нами и Колчаком. Если в первые месяцы после Октября многие наивные люди имели глупость думать, что диктатура пролетариата это нечто преходящее, случайное, то теперь даже меньшевики и эс-эры должны бы понять, что это есть что-то закономерное в той борьбе, которая идет под натиском всей международной буржуазии.

На деле создались только две силы: диктатура буржуазии и диктатура пролетариата. Кто не вычитал этого из Маркса, кто не вычитал этого из сочинений всех великих социалистов, — тот никогда социалистом не был, ничего в социализме не понимал, а только называл себя социалистом. Этим людям мы даем короткий срок на размышление и требуем, чтобы они этот вопрос решили. Я упомянул о них потому, что теперь они говорят или будут говорить: «Большевики поставили вопрос о среднем крестьянстве, хотят заигрывать с ним». Я превосходно знаю, что аргументация этого рода, и гораздо худшая, находит широкое место в меньшевистской печати. Мы ее отбрасываем, мы никогда не придаем значения болтовне наших противников. Люди, способные до сих пор перебегать между буржуазией и пролетариатом, могут говорить, что хотят. Мы идем другим путем.

Наш путь определяется прежде всего классовым учетом сил. В капиталистическом обществе развивается борьба буржуазии и пролетариата. Пока эта борьба еще не закончена, наше усиленное внимание будет сосредоточено на том, чтобы довести ее до конца. Она еще не доведена до конца. В этой борьбе уже многое удалось сделать. Сейчас международная буржуазия уже не может действовать со свободными руками. Лучшее доказательство этому то, что произошла венгерская пролетарская революция. Поэтому ясно, что наше строительство в деревне вышло уже за те рамки, когда все подчинено было основному требованию борьбы за власть.

Это строительство прошло две главные фазы. В октябре

1917 г. мы брали власть *вместе с крестьянством в целом.* Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась. Как я уже говорил, только летом 1918 г. началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы неполна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты — не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне. Этот этап в основном также закончен. Те организации, которые мы первоначально для этого создали, комитеты бедноты, настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными Советами, т.-е. реорганизовать сельские Советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне. Такие мероприятия, как закон о социалистическом землеустройстве и о переходных мерах к социалистическому земледелию, — который прошел не очень давно через Центральный Исполнительный Комитет и всем, конечно, известен, — подводят итог пережитому с точки зрения нашей пролетарской революции.

Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. И именно потому, что мы это сделали, — на очередь стала задача более сложная: *отношение к среднему крестьянству.* Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное, хотя бы совсем слабое изменение нашей основной политики, — тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота. Я уверен, что таких людей в нашей партии не найдется. Я хотел только предостеречь товарищей против тех людей, которые найдутся вне рабочей партии и будут так говорить не потому, чтобы это вытекало из какого-нибудь миросозерцания, а просто для того, чтобы испортить дело нам и помочь белогвардейцам, — говоря проще, чтобы натравить на нас среднего мужика, который всегда колебался, не может не колебаться и довольно долго еще будет колебаться. Чтобы натравить его на нас, они будут говорить: «Смотрите, они заигрывают с вами! Значит, учли ваши восстания, значит поколебались» и т. д. и т. п. Нужно, чтобы против такой агитации все наши товарищи были вооружены. И я уверен, что они будут вооружены, если мы добьемся теперь постановки этого вопроса с точки зрения классовой борьбы.

Совершенно ясно, что этот основной вопрос является задачей более сложной, но не менее насущной: *как определить точно*

отношение пролетариата к среднему крестьянству? Товарищи, этот вопрос для марксистов не представляет трудности с точки зрения теоретической, которую усвоило громадное большинство рабочих. Я напомню, например, что в книге Каутского об аграрном вопросе, написанной еще в то время, когда Каутский правильно излагал учение Маркса и признавался бесспорным авторитетом в этой области, — в этой книге об аграрном вопросе он говорит по поводу перехода от капитализма к социализму: задачей социалистической партии является *нейтрализация крестьянства* [57]), т.-е. достижение того, чтобы крестьянин остался нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией, чтобы крестьянин не мог оказать активной помощи буржуазии против нас.

В течение громадного периода господства буржуазии крестьянство поддерживало ее власть, было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону.

Еще Энгельс, который вместе с Марксом заложил основы научного марксизма, т.-е. учения, которым руководится наша партия постоянно и в особенности во время революции, — еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное, и это деление для громадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности. Энгельс говорил: «Может быть, даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насилием». А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилие к среднему крестьянству (мелкое — наш друг), — об этом ни один разумный социалист никогда не думал. Так говорил Энгельс в 1894 г., за год до своей смерти, когда аграрный вопрос встал на очередь дня [58]). Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация. *Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем.* Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация.

Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству, — полная экспроприация буржуазии, союз с средним крестьянством, не эксплуатирующим других, — эта основная линия в теории всеми признается. Но на

практике эта линия соблюдается непоследовательно, на местах не научились еще соблюдать ее. Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план. Ни один социалист в мире не отрицал того, что созидание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного земледелия и в странах мелкого земледелия. Это — самая элементарная, азбучная истина. Из этой истины вытекает, что, по мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиваться в известной мере как раз на среднем крестьянстве.

Многое зависит от того, как мы определим наше отношение к среднему крестьянству. Теоретически этот вопрос решен, но мы превосходно испытали, мы по себе знаем разницу между теоретическим решением вопроса и практическим проведением решения в жизнь. Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для Великой Французской революции, когда французский Конвент размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры [59]).

Мы стоим в условиях неизмеримо более счастливых. Благодаря целому веку развития мы знаем, на какой класс мы опираемся. Но мы знаем также и то, что практического опыта у этого класса очень и очень недостаточно. Основное для рабочего класса, для рабочей партии было ясно: свергнуть власть буржуазии и дать власть рабочим. Но *как* это сделать? Все помнят, с какими трудностями, через сколько ошибок мы переходили от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. А ведь это было работой внутри нашего класса, внутри пролетарской среды, с которой нам всегда приходилось иметь дело. А теперь нам приходится определять наше отношение к новому классу, к тому классу, которого городской рабочий не знает. Необходимо определить отношение к классу, который не имеет определенного устойчивого положения. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма, — определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что *это — такой класс, который колеблется*. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник. Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности. Основываясь на нашем более чем годичном опыте, на нашей более чем полугодовой пролетарской работе в деревне, на том, что уже произошло

классовое расслоение деревни, — мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензий счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего мы еще не выработали. В резолюции, которую предлагает вам комиссия, выбранная секцией, и которую вам прочтет один из дальнейших ораторов, вы найдете достаточное предостережение на этот счет *).

С точки зрения экономической ясно, что нам нужно пойти на помощь среднему крестьянству. В этом теоретически нет никакого сомнения. Но при наших нравах, при нашем уровне культурности, при нашем недостатке культурных и технических сил, которые мы могли бы предложить деревне, и при том бессилии, с которым мы часто подходим к деревне, товарищи очень часто проводят принуждение, чем портят все дело. Не далее как вчера мне один товарищ дал брошюрку, называемую «Инструкции и положения о постановке партийной работы в Нижегородской губернии», издание Нижегородского Комитета Р. К. П. (большевиков), — и в этой брошюрке я читаю, например, на стр. 41: «Декрет о чрезвычайном налоге должен всей своей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и *вообще средний элемент крестьянства*». Вот это можно сказать, что люди «поняли»! Либо это — опечатка, — но нетерпимо, чтобы такие опечатки допускались! Либо это — спешная, торопливая работа, которая показывает, как опасна всякая торопливость в этом деле. Либо тут — это самое худшее предположение, которое я не хочу сделать по отношению к нижегородским товарищам, — либо тут просто непонимание. Очень может быть это — просто недосмотр.

На практике происходят такие случаи, как рассказывал один товарищ в комиссии. Его обступили крестьяне, и каждый спрашивал: «Определи, середняк я или нет? У меня две лошади и одна корова. У меня две коровы и одна лошадь» и т. д. И вот этому агитатору, разъезжающему по всем уездам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение его к низшим и высшим группам, — а знать этого с точностью мы не можем.

Тут надо много практического умения, знания местных условий. Этого у нас еще нет. Сознаться в этом вовсе не совестно; мы должны открыто это признать. Мы никогда не были утопистами и не воображали, что коммунистическое общество мы будем строить чистенькими руками чистеньких коммунистов, которые должны рождаться и воспитываться в чисто-коммунистическом обществе. Это — детские побасенки. Строить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс,

*) См. настоящий том, стр. 173—175. *Ред.*

который закален в борьбе против капитализма, может это сделать. Пролетариат, — вы превосходно это знаете, — не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм, и вместе с тем борется против своих собственных недостатков. Лучшая передовая часть пролетариата, которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу, могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской и столичной жизни и в известной степени ее восприняла. Вы знаете, что деревня была осуждена даже в передовых странах на темноту. Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов. Вот что у нас всюду забывают товарищи и вот что особенно наглядно рисует перед нами каждое слово людей с мест, не здешних интеллигентов, не людей ведомственных, — их мы много слышали, — а людей, практически наблюдавших работу в деревне. Вот эти голоса нам были особенно ценны в аграрной секции. Эти голоса будут особенно ценны теперь, — я уверен в этом, — для всего партийного съезда, так как они взяты не из книг, не из декретов, а из самой жизни.

Все это побуждает нас работать в том смысле, чтобы внести побольше ясности в наши отношения к среднему крестьянству. Это очень трудно, потому что *ясности этой нет в жизни.* Этот вопрос не только не разрешен, но и *неразрешим*, если хотят решить его *сразу и сейчас же.* Есть люди, которые говорят: «Не нужно было писать такого количества декретов», — и упрекают Советское правительство за то, что оно взялось за писание декретов, не зная, как их провести в жизнь. Эти люди в сущности не замечают, как они скатываются к белогвардейцам. Если бы мы ожидали, что от написания сотни декретов изменится вся деревенская жизнь, мы были бы круглыми идиотами. Но если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму. Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды. Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь *мы пропагандируем работой.* Это — тоже проповедь, но это проповедь действием — только не в смысле единичных действий каких-нибудь выскочек, над чем мы много смеялись в эпоху анархистов и старого социализма. Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, подпимайтесь, свергайте буржуазию!». Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. *Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу.* Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи, миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской

власти. Это — проба практического действия в области социалистического строительства в деревне. Если мы так будем смотреть, тогда из суммы наших законов, декретов и постановлений мы вынесем чрезвычайно много. Мы не будем смотреть на них, как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас, сразу провести.

Надо избегать всего, что могло бы поощрить на практике отдельные злоупотребления. К нам присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому, что более честные «служилые» элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Эти люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: «Да здравствует Советская власть, но *долой коммунию!*» (т.-е. коммунизм). Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений товарищей с мест. Мы не должны забывать того, какой гигантский вред приносит всякая неумеренность, всякая скоропалительность и торопливость.

Нам нужно было спешить во что бы то ни стало, путем отчаянного прыжка, выйти из империалистской войны, которая нас довела до краха, нужно было употребить самые отчаянные усилия, чтобы раздавить буржуазию и те силы, которые грозили раздавить нас. Все это было необходимо, без этого мы не могли бы победить. Но если подобным же образом действовать по отношению к среднему крестьянству, — это будет таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы. Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплуататоров, победить их и низвергнуть, — задача, которую мы ставили раньше. Нет, по мере того, как мы эту главную задачу решили, на очередь становятся задачи более сложные. Тут насилием ничего не создашь. *Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред.* Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где нигде он не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом, — никто, ни один из самых революционных социалистов не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству.

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача — борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «Если крупное хозяйство,

значит, я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. *Действовать здесь насилием, значит погубить все дело.* Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и не интеллигентских склок и, расплевавшись, разъехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку, и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, *чтобы завоевать доверие крестьянина.* А до тех пор мы — учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они услышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать, — когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян. *Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина.*

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не сметь командовать!* Вот правило, которое мы себе поставили. (Аплодисменты всего съезда.) Вот правило, которое мы постарались изложить в нашем проекте резолюции, ибо в этом отношении, товарищи, мы действительно погрешили не мало. Признаться в этом нисколько не стыдно. У нас не было опыта. Самая борьба с эксплуататорами взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: «Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира, — переворот принял бы более мирные формы». Теперь, отразив бешеный натиск со всех сторон, мы можем перейти к иным методам, потому что мы действуем не как кружок, а как партия, ведущая за собой миллионы. Миллионы не могут сразу понять

перемену курса, и поэтому сплошь и рядом удары, предназначаемые для кулаков, попадают в среднего крестьянина. Это не удивительно. Надо только понять, что это вызывается историческими условиями, которые изжиты, и что новые условия и новые задачи по отношению к этому классу требуют новой психологии.

Наши декреты относительно крестьянского хозяйства в основе правильны. Мы ни от одного из них не имеем оснований отказываться, ни об одном жалеть. Но если декреты правильны, то *неправильно навязывать их крестьянину силой*. Ни в одном декрете об этом не говорится. Они правильны, как намеченные пути, как призыв к практическим мероприятиям. Когда мы говорим: «Поощряйте объединение»,—мы даем директивы, которые много раз должны быть испробованы, чтобы найти окончательную *форму* их проведения. Раз сказано, что необходимо добиваться добровольного согласия, значит нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут. Плохо было бы, если бы они давали себя убеждать одним прочтением декретов и агитационными листками. Если бы так можно было переделать экономическую жизнь, — вся эта переделка не стоила бы ломаного гроша. Нужно сначала доказать, что такое объединение лучше, объединить людей так, чтобы они действительно объединились, а не расплевались, — доказать, что это выгодно. Так ставит вопрос крестьянин, и так ставят вопрос наши декреты. Если мы до сих пор этого добиться не умели, в этом ничего постыдного нет, мы должны это открыто признать.

Мы решили пока только основную для всякого социалистического переворота задачу, — задачу победы над буржуазией. Эту задачу в основном мы решили, хотя сейчас начинается страшно трудное полугодие, когда империалисты всего мира делают последние усилия, чтобы нас задавить. Мы можем теперь сказать, нисколько не преувеличивая, что *они сами поняли, что после этого полугодия их дело абсолютно безнадежно*. Либо теперь они воспользуются нашим истощением и победят одну страну, либо мы окажемся победителями не только по отношению к нашей стране. В это полугодие, когда продовольственный и транспортный кризисы сгрудились, и империалистские державы пытаются наступать на нескольких фронтах, наше положение чрезвычайно тяжело. Но *это — последнее тяжелое полугодие*. Необходимо по-прежнему напрягать все силы на борьбу с внешним врагом, который нападает на нас.

Но, когда мы говорим о задачах деревенской работы, мы должны, несмотря на все трудности, несмотря на то, что весь наш опыт устремлен на непосредственное подавление эксплуататоров, — мы должны помнить и не забывать, что в деревне по отношению к среднему крестьянству задачи стоят иначе.

Все сознательные рабочие: питерские, иваново-вознесенские, московские, которые бывали в деревне, — все рассказывали нам примеры того, как целый ряд недоразумений, самых, казалось бы, неустранимых, целый ряд конфликтов, самых, казалось бы, крупных, устранялись и ослаблялись тем, что выступали толковые рабочие, которые говорили не по-книжному, а на понятном мужику языке, говорили не как командиры, позволяющие себе командовать, хотя они не знают деревенской жизни, а как товарищи, разъясняющие положение, взывающие к их чувству трудящихся против эксплуататоров. И на этой почве товарищеского разъяснения достигалось то, чего не могли достигнуть сотни других, которые вели себя как командиры и начальники.

Вот каким духом проникнута вся резолюция, которую мы теперь предлагаем вашему вниманию.

Я пытался в своем кратком докладе остановиться на принципиальной стороне, на общем политическом значении этой резолюции. Я пытался доказать, — и мне хочется думать, что мне удалось доказать, — что с точки зрения интересов всей революции в целом у нас нет никакого поворота, нет никакого изменения линии. Белогвардейцы и их помощники кричат или будут кричать об этом. Пусть кричат. Нас это не трогает. Мы последовательнейшим образом развиваем наши задачи. Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны с ним жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен этот вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплуататоры, не помещики, а такие же товарищи-труженики, которых он ценит чрезвычайно глубоко, но ценит практически, ценит только их фактическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая — командование, «предписания» сверху.

Спачала помогите, потом добивайтесь доверия. Если правильно будет вестись это дело, если правильно будет поставлен

каждый шаг каждой нашей группы в уезде, в волости, в продовольственном отряде, в любой организации, если каждый наш шаг будет внимательно проверен с этой точки зрения, мы завоюем доверие крестьянина и лишь тогда мы сможем идти дальше. Теперь мы должны дать ему помощь, дать совет. Это не будет приказ командира, а совет товарища. Крестьянин будет тогда вполне за нас.

Вот что, товарищи, содержит наша резолюция, вот что, мне кажется, должно стать решением съезда. Если мы это примем, если это будет определять всю работу наших партийных организаций, тогда мы справимся и со второй великой задачей, которая перед нами стоит.

Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять,—этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие, этому мы еще не научились,—это надо сказать открыто. Но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы себе говорим со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим. (Продолжительные аплодисменты.)

Печатается по стенограмме, правленной Лениным.

7.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ 23 МАРТА.

Товарищи, я никак не могу согласиться с тем, что говорил предыдущий оратор, ибо уверен, что за сегодняшний вечер вы никоим образом работу в деревню не перенесете. Мы в комиссии полагали, что говорим здесь на съезде не для этого маленького зала, а для всей России, которая не только будет вычитывать решения нашего съезда, но и захочет знать, насколько партией разделяется интерес к работе в деревне. Поэтому необходимо выслушать товарищей с мест. Если вы потеряете на это час или полтора, то работа в деревне от этого не пострадает. Поэтому от имени комиссии я убедительно просил бы вас не жалеть этого часа или полутора. Несомненно, многого нам не дадут голоса практиков, которые тут раздадутся, но для всей России, читающей газеты, эти несколько часов нашей работы будут весьма полезны.

8.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К СРЕДНЕМУ КРЕСТЬЯНСТВУ.

По вопросу о работе в деревне VIII съезд, стоя на почве принятой 22 марта 1919 г. партийной программы и всецело поддерживая проведенный уже Советской властью закон о социалистическом землеустройстве и переходных мерах к социалистическому земледелию, признает, что в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним.

1) Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплуатации.

2) Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельско-хозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества с средним крестьянством.

3) Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом, истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, напротив, выигрывает в очень сильной степени от свержения ига капитала, эксплуатирующего его тысячью способами во всякой, даже самой демократической республике.

Вполне правильная политика Советской власти в деревне обеспечивает, таким образом, союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством.

4) Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители Советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств.

Те представители Советской власти, которые позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение, в целях присоединения крестьян к коммунам, должны подвергаться строжайшей ответственности и отстранению от работы в деревне.

5) Всякие произвольные реквизиции, т.-е. не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно преследоваться. Съезд настаивает на усилении контроля Народного Комиссариата Земледелия, Народного Комиссариата Внутренних Дел, а равно В. Ц. И. К. в этом отношении.

6) В настоящий момент крайняя разруха, вызванная во всех странах мира четырехлетней империалистской войной из-за грабительских интересов капиталистов и особенно обострившаяся в России, ставит средних крестьян в трудное положение.

Принимая это во внимание, закон Советской власти о чрезвычайном налоге, в отличие от всех законов всех буржуазных правительств в мире, настаивает на том, чтобы тяжесть налога ложилась целиком на кулаков, на немногочисленных представителей эксплуататорского крестьянства, нажившего себе особые богатства за время войны. Среднее же крестьянство должно облагаться чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него[60]).

Партия требует, чтобы по отношению к среднему крестьянству взыскание чрезвычайного налога было смягчено во всяком случае, не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога.

7) Социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными сельско-хозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельскохозяйственной культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян.

Если настоящая разруха не позволяет провести эти меры немедленно и полностью, то на обязанности местных советских властей лежит изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи, которая поддержала бы его в настоящий трудный момент. Партия находит необходимым ассигновать для этого крупный государственный фонд.

8) В особенности надо добиваться, чтобы действительно проводился в жизнь и притом полностью закон Советской власти, требующий от советских хозяйств, сельско-хозяйственных коммун и всех подобных объединений оказания немедленной и всесторонней помощи окрестным и средним крестьянам. Только на основе такой, фактически оказываемой, помощи осуществимо соглашение с средним крестьянством. Только так можно и должно завоевать его доверие.

Съезд обращает внимание всех партийных работников на необходимость немедленного реального проведения в жизнь всех требований, которые указаны в аграрной части партийной программы, а именно:

а) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.), б) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями, в) улучшение породы крестьянского скота, г) распространение агрономических знаний, д) агрономическая помощь крестьянам, е) ремонт в советских ремонтных мастерских сельско-хозяйственного крестьянского инвентаря, ж) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показательных полей и т. п., з) мелиорация крестьянских земель.

9) Кооперативные объединения крестьян в целях поднятия сельского производства, в особенности в целях переработки сельско-хозяйственных продуктов, мелиорации крестьянских земель, поддержки кустарной промышленности и т. д., должны находить со стороны государства широкую помощь как финансовую, так и организационную.

10) Съезд напоминает, что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством. Так, например, в важнейшем вопросе о строительстве Советской власти в деревне, когда были созданы комитеты бедноты, был опубликован циркуляр за подписью председателя Совнаркома и народного комиссара продовольствия, указывающий на необходимость включения в комитеты бедноты и представителей среднего крестьянства [61]). При упразднении комитетов бедноты Всероссийский съезд Советов вновь указал на необходимость включения в волостные Советы представителей среднего крестьянства [62]). Политика Рабоче-крестьянского правительства и коммунистической партии должна вестись и впредь в этом духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством.

9.

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 23 МАРТА.

Наш порядок дня, товарищи, исчерпан. Позвольте мне теперь сказать несколько слов в связи с окончанием работ съезда.

Товарищи! Нам пришлось собраться в минуту тяжелую не только потому, что мы потеряли нашего лучшего организатора и практического руководителя Якова Михайловича Свердлова. Нам пришлось собраться в особенно трудную минуту потому, что международный империализм,— теперь в этом уже нет совсем сомнений,— делает последнюю, особенно сильную попытку раздавить Советскую республику. Для нас нет сомнений, что усиленное наступление с запада и востока, одновременно с целым рядом белогвардейских восстаний, с попытками разобрать железные дороги в нескольких местах,— что все это представляет из себя совершенно ясно обдуманный и очевидно решенный в Париже шаг империалистов Согласия. Мы все знаем, товарищи, с какими трудностями Россия, перенесшая четырехлетнюю империалистскую войну, должна была снова взяться за оружие, чтобы отстаивать Советскую республику против хищников-империалистов. Мы все знаем, как тяжела эта война, как она нас истощает. Но мы знаем также, что если война эта ведется с повышенной энергией, с повышенным героизмом, то только потому, что в первый раз в мире создана армия, вооруженная сила, знающая, за что она воюет, и в первый раз в мире рабочие и крестьяне, приносящие невероятно тяжкие жертвы, ясно сознают, что они защищают Советскую социалистическую республику, власть трудящихся над капиталистами, защищают дело всемирной пролетарской социалистической революции.

При этих трудных условиях нам в короткий срок удалось сделать очень крупное дело. Нам удалось утвердить, и притом единогласно,— как и все существенные решения съезда,— нам удалось утвердить программу. Мы уверены, что она, несмотря на многочисленные редакционные и другие недочеты, уже вошла в историю III Интернационала, как программа, подводящая итоги новому этапу всемирного освободительного движения пролетариата. Мы уверены, что в целом ряде стран, где у нас гораздо больше союзников и друзей, чем мы знаем, простой перевод нашей программы будет лучшим ответом на вопрос, что сделала Российская Коммунистическая Партия, которая представляет один

из отрядов всемирного пролетариата. Наша программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: «Здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело».

Товарищи, нам удалось также на этом съезде провести другие важнейшие решения. Мы одобрили создание III, Коммунистического Интернационала, который основан здесь, в Москве. Мы пришли к единодушному решению по вопросу военному. Как ни велики казались в начале разногласия, как ни разноречивы были мнения многих товарищей, с полной откровенностью высказавшихся здесь о недостатках нашей военной политики,— нам чрезвычайно легко удалось в комиссии придти к решению абсолютно единогласному, и мы уйдем с этого съезда уверенные, что наш главный защитник, Красная армия, ради которой вся страна приносит такие неисчислимые жертвы,— что она во всех членах съезда, во всех членах партии встретит самых горячих, беззаветно преданных ей помощников, руководителей, друзей и сотрудников.

Товарищи, по организационному вопросу мы решили так легко стоявшие перед нами проблемы потому, что история отношений партии к Советам наметила все эти решения. Нам пришлось только подытоживать. По вопросу о работе в деревне единодушным и быстрым решением съезда мы наметили линию в особенно нужном и особенно трудном вопросе, который в других странах считается даже неразрешимым,— в вопросе об отношении свергнувшего буржуазию пролетариата к среднему многомиллионному крестьянству. Мы все уверены, что эта резолюция съезда укрепит нашу власть. В то тяжелое время, которое мы переживаем, когда империалисты делают последнюю попытку насилием свергнуть Советскую власть, когда острая продовольственная нужда, когда транспортная разруха ставят снова и снова сотни, тысячи и миллионы людей в отчаянное положение,— мы уверены, что в это тяжелое время резолюция, которую мы вынесли, тот дух которым были воодушевлены члены съезда, помогут это испытание перенести, помогут выйти из этого тяжелого полугодия.

Мы уверены, что *это будет последнее тяжелое полугодие.* Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое на-днях мы сообщили съезду — известие о победе пролетарской революции в Венгрии. Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии,

что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России,— если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания. Товарищи, известия, которые получены сегодня, рисуют нам картину венгерской революции. Мы узнаем по сегодняшним сообщениям, что союзные державы предъявили самый зверский ультиматум Венгрии о пропуске войск. Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны,— буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу. (Аплодисменты.)

Если про нас говорили, что мы захватчики; если в конце 1917 г. и в начале 1918 г. не было других слов у буржуазии и у многих ее сторонников по отношению к нашей революции, кроме как «насилие» и «захват»; если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насилием держится большевистская власть; если такую бессмыслицу можно было повторять раньше,— то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи. Даже буржуазия увидела, что не может быть другой власти, кроме власти Советов. Буржуазия более культурной страны увидела яснее, чем наша буржуазия накануне 25 октября, что страна гибнет, что все более и более тяжелые испытания ложатся на народ,— значит, власть должна быть в руках Советов, значит, рабочие и крестьяне Венгрии, новая советская пролетарская демократия должна спасти ее.

Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задушена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата.

Товарищи, за нашей спиной стоит целый ряд революционеров, которые приносили свою жизнь в жертву освобождения России. На долю большинства этих революционных деятелей выпала тяжелая судьба. На их долю выпали преследования царизма, им не дано было счастье присутствовать при победоносной революции. А нам досталось счастье еще более высокое. Мы не только видели победу нашей революции, мы не только видели,

как она среди неслыханных трудностей укреплялась и создавала новые формы власти, привлекающие к нам симпатии всего мира, но мы видим также, что семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Это создает в нас абсолютную, непреклонную уверенность, что как бы тяжелы ни были испытания, которые могут на нас еще обрушиться, как бы велики ни были беды, которые может еще принести нам издыхающий зверь международного империализма,—этот зверь погибнет и социализм победит во всем мире. (Продолжительные аплодисменты.)

Объявляю VIII съезд Российской Коммунистической Партии закрытым.

ПРИВЕТСТВИЕ ПО РАДИО ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 22 МАРТА 1919 Г. [62])

Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно тов. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской Коммунистической Партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решения Московского конгресса III, Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой. С коммунистическим приветом и рукопожатием Ленин.

Впервые напечатано: на венгерском языке 23 марта 1919 г. в газете «Népszava» № 70; на русском в 1927 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5.

Печатается по тексту «Пролетарской Революции».

(1)

Lenin an Bela Kun in Budapest

Bitte mitzuteilen welche reelle Garantien Sie dafür haben daß die neue ungarische Regierung wirklich kommunistisch und nicht nur einfach sozialistisch das heißt sozialverräterisch wird ? (Fragezeichen).

Haben die Kommunisten Mehrheit in der Regierung ? (Fragezeichen). Wann kommt der Rätekongreß zusammen ? Worin besteht reell die Anerkennung der Diktatur des Proletariats durch die Sozialisten ?

Es ist ganz sicher ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ daß eigenartige Verhältnisse ungarischer Revolution bloße Nachahmung unserer russischen Taktik in ihren Einzelheiten zu einem Fehler machen. Vor diesem Fehler

Запись радио-телеграммы В. И. Ленина Бела Куну в Будапешт—1919 г.

Уменьшено

ЗАПИСЬ РАДИО-ТЕЛЕГРАММЫ БЕЛА КУНУ 23 МАРТА 1919 Г.

ЛЕНИН БЕЛА КУНУ В БУДАПЕШТ.

Сообщите, пожалуйста, какие Вы имеете действительные гарантии того, что новое венгерское правительство будет на самом деле коммунистическим, а не только просто социалистическим, то-есть социал-предательским?

Имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдет съезд Советов? В чем состоит реально признание социалистами диктатуры пролетариата?

Совершенно несомненно, что голое подражание нашей русской тактике во всех подробностях при своеобразных условиях венгерской революции было бы ошибкой. От этой ошибки я должен предостеречь, но я хотел бы знать, в чем Вы видите действительные гарантии.

Чтобы знать точно, что отвечаете мне лично Вы, прошу сообщить, в каком смысле я разговаривал с Вами о Национальном Собрании, когда Вы были у меня в последний раз в Кремле.

С коммунистическим приветом

Ленин.

Публикуется впервые.

Печатается по переводу с рукописи на немецком языке.

ОТВЕТ НА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СПЕЦИАЛИСТА.

Я получил сегодня нижеследующее:

«Открытое письмо «специалиста» тов. Ленину.

Прочитал в «Известиях» ваш доклад о специалистах и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы собираетесь ему обеспечить? Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших свои специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти (для меня это не совпадает с понятием о коммунистическом строе). На этих, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом — на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу «интеллигенции», были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городовых, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю «местных властей», и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унизительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати). Вот обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все же эти «мелкие буржуи» не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знание для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастие и горе с вопросом о строительстве новой лучшей жизни, и это помогло и помогает им терпеть и работать.

Но, верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контр-революционерами, саботажниками и т. п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Все же «специалисты», которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, они пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его ни оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди уважающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года.

Если вы хотите, чтобы у вас были не «специалисты» из-за окладов, если вы хотите, чтобы новые честные добровольцы присоединились к тем специалистам, которые и теперь кое-где работают с вами, не за страх, а за совесть, несмотря на принципиальное расхождение с вами по многим вопросам, несмотря на унизительное положение, в которое часто ставит их ваша тактика, несмотря на беспримерную бюрократическую неразбериху многих советских учреждений, губящих иногда самые живые начинания, — если вы хотите этого, то, прежде всего, очистите свою партию и ваши правительственные учреждения от бессовестных Mitläufer'ов (— попутчиков. *Ред.*), возьмитесь за таких рвачей, авантюристов, прихвостней и бандитов, которые, прикрываясь знаменем коммунизма, либо по подлости расхищают народное достояние, либо по глупости подсекают корни народной жизни своей нелепой дезорганизаторской возней.

Если вы хотите «использовать» специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь.

М. Дукельский.

Профессор Воронежского Сельско-Хозяйственного Института. Председатель Центрального Управления Государственными предприятиями кожевенной промышленности».

Письмо злое и, кажется, искреннее. На него хочется ответить.

По-моему, все же-таки у автора преобладает личное раздражение, отнявшее способность обсуждать события с массовой точки зрения и с точки зрения их действительной последовательности.

У автора выходит, что мы, коммунисты, оттолкнули специалистов, «окрестив» их всякими худыми словами.

Не так было дело.

Рабочие и крестьяне создали Советскую власть, свергнув буржуазию и буржуазный парламентаризм. Теперь трудно не видеть, что это было не «авантюрой» и не «сумасбродством» большевиков, а началом всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских государственных

учреждений пролетариата. Если год с лишним тому назад этого не хотело (частью не могло) видеть большинство интеллигентов, то виноваты ли мы в этом?

Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелко-буржуазны. Эти выражения содержат классовую характеристику, историческую оценку, которая может быть верна или неверна, но принимать которую за поносящее слово или за ругань никак нельзя. Озлобление рабочих и крестьян за саботаж интеллигенции неизбежно, и «винить» если можно кого, то только буржуазию и ее вольных и невольных пособников.

Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедывали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы. Я это делал с апреля 1918 г., если не раньше. Не знаю, на какой номер «Известий» ссылается автор, но крайне странно человеку, привыкшему заниматься политикой, т.-е. разбирать явления с массовой, а не с личной точки зрения, слышать, будто отстаивание более высокого заработка есть непременно недостойное или вообще худое желание «купить». Пусть извинит меня почтенный автор, но, ей-богу, это мне напомнило литературный тип «кисейной барышни»[61]).

Допустим, речь шла бы о высоком заработке для особого, искусственно подобранного кружка лиц, т.-е. такой группы, которая раньше, по обще-социальным причинам, не получала и не могла бы получать более высокого жалованья. Тогда можно бы предполагать правительственную цель «купить» эту группу. Но когда речь идет о сотнях тысяч, если не миллионах, которые *всегда* получали лучшее жалованье, то каким образом можно, не впадая в тон бешеного раздражения, придирающегося ко всему, усматривать нечто вроде подвоха или вроде «обиды» в защите мысли о необходимости отстаивать на известное время пониженные, но все же более высокие, чем средний, заработки?

Мало того, что это вообще ни с чем несообразно. Автор сам побивает себя, рассказывая, как о величайшей обиде, об унизительном обращении, про тот случай, когда начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, требовал у профессора, чтобы он обязательно спал с женой в одной кровати.

Во-первых, поскольку желание интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену отдельно, есть желание законное (а оно, несомненно, законное), постольку для осуществления его необходим более высокий заработок, чем средний. Не может же автор письма не знать, что в «среднем» на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось!

Во-вторых. Был ли неправ начальник отряда в *данном*

случае? Если не было грубости, оскорблений, желания поиздеваться и т. п. (что *могло* быть и за что нужно карать), если этого, повторяю, *не было*, то, по-моему, *он был прав*. Солдаты измучены, месяцами не видали ни кроватей, ни, вероятно, сносного ночлега вообще. Они защищают социалистическую республику при неслыханных трудностях, при нечеловеческих условиях, и они не вправе забрать себе кровать на короткое время отдыха? Нет, солдаты и их начальник были правы.

Мы против того, чтобы общие условия жизни интеллигентов понижались сразу до средних — следовательно, мы против понижения их заработка до среднего. Но война подчиняет себе все, и ради отдыха для солдат интеллигенты должны потесниться. Это не унизительное, а справедливое требование.

Автор требует товарищеского отношения к интеллигентам. Это правильно. Этого требуем и мы. В программе нашей партии как раз такое требование выставлено ясно, прямо, точно. Если, с другой стороны, группы беспартийных интеллигентов или партийно враждебных большевикам так же ясно изложат свои требования к своим сторонникам: относитесь товарищески к измученным солдатам, к переутомленным рабочим, озлобленным веками эксплуатации, тогда дело сближения работников физического и умственного труда пойдет вперед гигантскими шагами.

Автор требует, чтобы мы очистили нашу партию и наши правительственные учреждения от «бессовестных случайных попутчиков, от рвачей, авантюристов, прихвостней, бандитов».

Правильное требование. Мы его давно поставили и осуществляем. «Новичкам» в нашей партии мы не даем ходу. Съезд назначил даже особую перерегистрацию [65]). Пойманных бандитов, рвачей, авантюристов мы расстреливаем и расстреливать будем. Но, чтобы очищение шло полнее и быстрее, надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогала нам в этом. Когда она будет составлять группы лично знакомых друг другу лиц, выступать от их имени с призывом лойяльной работы в советских учреждениях, с призывами «служить трудящемуся брату», если употребить выражение открытого письма, тогда муки родов нового общественного уклада значительно сократятся и облегчатся.

27 марта 1919 г. *Н. Ленин.*

«Правда» № 67, 28 марта 1919 г.

О КАНДИДАТУРЕ М. И. КАЛИНИНА НА ПОСТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ В. Ц. И. К.

РЕЧЬ НА XII ЗАСЕДАНИИ В. Ц. И. К. 30 МАРТА 1919 г.

Найти настоящего заместителя тов. Якову Михайловичу Свердлову — задача чрезвычайно трудная, так как совместить в одном лице и ответственного партийного работника, к тому же знающего историю партии, и вместе с тем человека, прекрасно разбирающегося в людях и умеющего выбирать их на ответственные советские посты, — почти невозможно. Совместить в одном товарище все те функции, которые нес на себе тов. Свердлов — на этом при обсуждении кандидатуры в партии сходились все, — было бы невозможно, и поэтому необходимо поручить ведение отдельными функциями целым коллегиям, которые бы собирались ежедневно и руководили отдельными областями. Что же касается председателя, то тут нужно поставить вопрос так, чтобы он выявлял линию партии по отношению к крестьянству.

Вы знаете, что наше отношение к среднему крестьянству, как оно выявилось на партийном съезде, не является изменением нашей общей политики. Задачи по отношению к среднему крестьянству необходимо выполнить после того, как разрешена первая задача — подавление буржуазии. Вопрос об отношении к среднему крестьянству у нас стоит более остро, чем у наших товарищей в Европе, и у нас следует сделать так, чтобы во главе Советской власти встал товарищ, который мог бы показать, что наше постановление об отношении к среднему крестьянству будет действительно проведено в жизнь.

Я думаю, что возможно и должно найти товарища, который целиком поставил бы своей задачей проведение руководящей линии партии по отношению к среднему крестьянству. Мы знаем, что в настоящий момент задача осведомления и оповещения стоит особенно остро. Мы знаем, что при ослабленности транспорта, при существовании гражданской войны, которая ставит иногда не только отдельные губернии, но и целые области в слабую связь с центром, — мы знаем, что при этих условиях задача осведомления и оповещения требует особого внимания.

Мы знаем, что, если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства, мы эту задачу разрешить сможем, и я думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это — кандидатура тов. Калинина.

Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы; сам он крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки. Когда пропагандисты и агитаторы не могли подойти к ним по-товарищески и умело, тогда тов. Калинину удавалось разрешить эту задачу. В настоящий момент все это особенно важно. Конечно, все среднее крестьянство, все лучшие элементы его оказывают нам ту решительную поддержку, которая преодолеет все трудности, которая устранит восстание деревенских кулаков, с идущими за ними в незначительном меньшинстве деревенскими массами. Мы знаем, что нашей главной задачей в стране мелкоземледельческой является обеспечить ненарушимый союз рабочих и среднего крестьянства. Наши земельные мероприятия — полное уничтожение помещичьего землевладения и решительная помощь среднему крестьянству,— эти мероприятия уже дали результаты, и за год число средних крестьян, благодаря им, увеличилось. Но на местах нередко пускались в ход люди, не соответствующие, как администраторы, своим задачам.

Были случаи злоупотреблений, но мы в этом неповинны. Мы знаем, что делали все для привлечения интеллигенции, но нас разделяли политические разногласия. Мы знаем, что эпоха буржуазного парламентаризма кончилась, что сочувствие рабочих всего мира на стороне Советской власти, что, как бы буржуазия ни убивала вождей пролетариата, как она это делает в Германии, — победа Советской власти неизбежна. Весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять. Мы добьемся того, чтобы были удалены люди, примазавшиеся к Советской власти, а это один из поводов недовольства, который мы не боимся признать законным. На борьбу с этим злом мы должны обратить максимум внимания. Мы на партийном съезде твердо решили всем работникам предписать эту линию поведения.

Переходя к социалистическому земледелию, мы должны сказать, что мы мыслим себе его осуществление не иначе, как ряд товарищеских соглашений со средним крестьянством... Мы должны обращаться возможно более к среднему крестьянину.

И мы знаем, что товарищи, которые больше всего работали в период революции и вошли целиком в эту работу, не умели

подойти к среднему крестьянину так, как нужно, не умели сделать это без ошибок, и каждую из таких ошибок подхватывали враги, каждая из таких ошибок заронила некоторое сомнение, затрудняла вопрос об отношении к нам среднего крестьянина.

Вот почему здесь найти товарища, который соединял бы в себе качества, о которых я говорил, очень важно. Нужно помочь ему нашим организационным опытом, чтобы средние крестьяне увидели в лице высшего представителя всей Советской республики своего человека, чтобы наше партийное решение о том, что к среднему крестьянину нужно подойти умеючи, что мы каждый свой шаг готовы просматривать, изучать, проверять с точки зрения того опыта, который у нас есть, — чтобы это решение не оказалось на бумаге...

Мы знаем, что число наших союзников растет, мы знаем, что в ближайшие месяцы оно во много раз увеличится, но сейчас это бремя ложится только на нашу страну, очень разоренную, обнищалую. Это труд слишком непосильный для среднего крестьянина. Нужно подойти к нему и сделать все, что мы можем, нужно дать понять и показать на деле, что решения нашего партийного съезда мы твердо решили проводить в жизнь.

Вот почему кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех. Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним.

Эту задачу нельзя решить сразу, но то решение, которое мы должны вынести, мы не сомневаемся, что оно верно, но мы знаем, что практического опыта в этом отношении у нас мало. Пусть высший представитель Советской республики сам первый, при нашей общей помощи, начнет этот опыт приобретать, собирать всю сумму знаний, проверять, и мы можем быть уверены, что эту задачу мы решим, что Россия станет не только образцом страны, в которой диктатура пролетариата осуществлена твердо и буржуазия беспощадно подавлена — это мы уже завоевали, — но и образцом страны, в которой отношения между городскими рабочими и средним крестьянством, на основании товарищеской поддержки и нового опыта, решаются удовлетворительно, — а это один из главных залогов полной победы пролетарской революции.

Вот почему я позволяю себе рекомендовать вам эту кандидатуру — кандидатуру товарища Калинина.

В сокращенном виде напечатано в «Известиях В.Ц.И.К.» № 70, 1 апреля 1919 г.

Печатается по стенограмме.

РЕЧИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ [66]

Впервые напечатано №№ 1—5 и 8 в 1924 г. в журнале «Молодая Гвардия» № 2—3; № 6 21 января 1928 г. в «Правде» № 18; № 7 публикуется впервые

Печатается по записи с граммофонных пластинок

I.

ПАМЯТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ТОВ. Я. М. СВЕРДЛОВА.

Кто работал изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно, что его исключительный организаторский талант обеспечивал нам то, чем мы гордились с полным правом. Он обеспечивал нам возможность дружной, целесообразной организованной работы, которая была бы достойна организованных пролетарских масс, той работы, без которой не могло бы быть успеха и которая всецело отвечала потребностям пролетарской революции. Память о тов. Якове Михайловиче Свердлове будет служить не только символом преданности революционера своему делу, не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами, с уменьем их направлять, но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариата пойдут все вперед и вперед к полной победе коммунистической революции.

2.

III, КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

В марте текущего, 919-го года, в Москве состоялся международный съезд коммунистов. Этот съезд основал III, Коммунистический Интернационал — Союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах.

Первый Интернационал, основанный Марксом, существовал с 64-го по 72-ой год. Поражение геройских парижских рабочих — знаменитой Парижской Коммуны — означало конец этого Интернационала. Он незабываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение. Он заложил фундамент того здания всемирной социалистической республики, которое мы имеем теперь счастье строить.

Второй Интернационал существовал с 89-го по 914-ый г., до войны. Это время было временем наиболее спокойного и мирного развития капитализма, временем без великих революций. Рабочее движение окрепло и возмужало за это время в ряде стран. Но вожди рабочих в большинстве партий, привыкнув к мирному времени, потеряли способность к революционной борьбе. Когда началась в 914-ом г. война, залившая землю кровью в течение четырех лет, война между капиталистами из-за дележа прибылей, из-за власти над малыми и слабыми народами, эти социалисты перешли на сторону своих правительств. Они изменили рабочим, они помогли затянуть бойню, они стали врагами социализма, они перешли на сторону капиталистов. Массы рабочих отвернулись от этих изменников социализма. Во всем мире начался поворот к революционной борьбе. Война показала, что капитализм погиб. Ему на смену идет новый порядок. Старое слово «социализм» опозорили изменники социализма.

Теперь рабочие, оставшиеся верными делу свержения ига капитала, называют себя коммунистами. Во всем мире растет союз коммунистов. В ряде стран победила уже Советская власть. Еще недолго, и мы увидим победу коммунизма во всем мире, мы увидим основание Всемирной Федеративной Республики Советов.

II.

СООБЩЕНИЕ О ПЕРЕГОВОРАХ ПО РАДИО С ВЕНГЕРСКИМ ВОЖДЕМ КОММУНИСТОВ, БЫВШИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В РОССИИ ТОВ. БЕЛА КУН.

Товарищ Бела Кун хорошо знаком был мне еще тогда, когда он был военнопленным в России и не раз приходил ко мне беседовать на темы о коммунизме и коммунистической революции. Поэтому, когда пришло сообщение о венгерской коммунистической революции и притом сообщение, подписанное тов. Бела Кун, нам захотелось поговорить с ним и выяснить точнее, как обстояло дело с этой революцией. Первые сообщения о ней заставляли несколько опасаться, не было ли обмана со стороны так называемых социалистов или социал-предателей, не обошли ли они коммунистов, тем более, что те сидели в тюрьме. И вот, на другой день после первого сообщения о венгерской революции, я послал радио-телеграмму в Будапешт, прося Бела Кун придти к аппарату, задавая ему вопросы такого рода, чтобы проверить, он ли там присутствует, и спрашивая его, какие реальные гарантии имеются относительно характера правительства, его действительной политики *). Ответ, который дал тов. Бела Кун, был вполне удовлетворительным и рассеял все наши сомнения. Оказалось, что в тюрьму к Бела Кун пришли совещаться для образования правительства левые социалисты. И только эти левые социалисты, сочувствовавшие коммунистам, да еще люди центра, образовали новое правительство, а правые социалисты, социал-предатели, так сказать, непримиримые и неисправимые, совсем ушли из партии и ушли, не взяв с собой никого из рабочих. Дальнейшие сообщения показали, что политика венгерского правительства была самая твердая и в коммунистическом направлении настолько, что если мы начали с рабочего контроля и лишь постепенно переходили к социализации промышленности, то Бела Кун своим авторитетом, своей уверенностью в том, что за него стоят громадные массы, мог сразу провести закон о переходе в общественную собственность всех промышленных предприятий Венгрии, которые велись капиталистически. Два дня прошло, и мы вполне убедились в том, что венгерская революция сразу, необыкновенно быстро стала на коммунистические рельсы. Буржуазия

*) См. настоящий том, стр. 183. *Ред.*

сама сдала власть коммунистам Венгрии. Буржуазия показала всему миру, что, когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может. И лишь только одна действительно народная, действительно любимая народом власть — власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Да здравствует Советская власть в Венгрии!

4.

ОБРАЩЕНИЕ К КРАСНОЙ АРМИИ.

1.

Товарищи-красноармейцы! Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России. Они мстят Советской рабочей и крестьянской республике за то, что она свергла власть помещиков и капиталистов и дала тем пример для всех народов земли. Капиталисты Англии, Франции и Америки помогают деньгами и военными припасами русским помещикам, которые ведут против Советской власти войска из Сибири, Дона, Северного Кавказа, желая восстановить власть царя, власть помещиков, власть капиталистов. Нет. Этому не бывать. Красная армия сплотилась, поднялась, прогнала помещичьи войска и белогвардейских офицеров от Волги, отвоевала Ригу, отвоевала почти всю Украину, подходит к Одессе и к Ростову. Еще немного усилий, еще немного месяцев борьбы с врагом, и победа будет за нами. Красная армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть.

Красная армия непобедима, ибо она объединила миллионы трудовых крестьян с рабочими, которые научились теперь бороться, научились товарищеской дисциплине, не падают духом, закаляются после небольших поражений, смелее и смелее идут на врага, зная, что близко его поражение.

2.

Товарищи-красноармейцы! Союз рабочих и крестьян Красной армии — прочен, тесен, нерасторжим. Кулаки и очень богатые крестьяне пытаются устраивать восстания против Советской власти, но их ничтожное меньшинство. Ненадолго и редко удается им обмануть крестьян. Крестьяне знают, что только в союзе с рабочими одолеют они помещика. Иногда называют себя коммунистами в деревнях худшие враги рабочего народа, насильники, прилипшие к власти ради корыстных целей и действующие обманом, позволяющие себе несправедливости и обиды против среднего крестьянина. Рабоче-крестьянское правительство твердо решило бороться с такими людьми и очистить от них деревню. Средний крестьянин не враг, а друг рабочего, друг Советской

власти. К среднему крестьянину сознательные рабочие и действительно советские люди относятся как к товарищу. Средний крестьянин не грабит чужого труда, не наживается на чужой счет, как кулаки, средний крестьянин трудится сам, живет своим трудом. Советская власть подавит кулаков, очистит деревню от тех, кто несправедливо относится к средним крестьянам, проведет во что бы то ни стало союз рабочих со всем трудящимся крестьянством — и беднейшим и средним.

Этот союз растет во всем мире. Революция близится, нарастает везде. На-днях она победила в Венгрии. В Венгрии установлена Советская власть — рабочее правительство. К этому неминуемо придут все народы.

Товарищи-красноармейцы! Стойте крепко, стойте дружно. Смело вперед против врага. За вами будет победа. Власть помещиков и капиталистов, сломленная в России, будет побеждена во всем мире.

5.

О КРЕСТЬЯНАХ-СЕРЕДНЯКАХ.

Теперь самым главным вопросом, который стоит перед партией коммунистов, который больше всего привлек к себе внимания на последнем партийном съезде, является вопрос о крестьянах-середняках.

Естественно, что первым вопросом задается обыкновенно, что такое крестьянин-середняк.

Естественно, что партийные товарищи рассказывали не раз, как в деревне их спрашивали, кто такой середняк. И на это мы отвечаем: середняк — это такой крестьянин, который не эксплуатирует чужого труда, не живет чужим трудом, не пользуется ни в какой мере никоим образом плодами чужого труда, а работает сам, живет собственным трудом.

Таких крестьян было меньше, чем теперь, при капитализме, потому что большинство принадлежало к совсем нуждающимся, и только ничтожное меньшинство, как тогда, так и теперь, принадлежало к кулакам, к эксплуататорам, к богатым крестьянам.

Средних крестьян становится больше, после того как отменена частная собственность на землю. И вот со средним крестьянином Советская власть твердо решила во что бы то ни стало установить отношения полного мира и согласия. Понятно, что средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо.

Именно поэтому мы должны знать и помнить и проводить в жизнь, что рабочие-коммунисты, появляющиеся в деревне, обязаны искать товарищеских отношений со средним крестьянином, обязаны устанавливать товарищеское отношение с ним, обязаны помнить, что трудящийся, который не эксплуатирует чужого труда, есть товарищ рабочего и с ним можно и должно достигнуть добровольного, полного искренности, полного доверия союза. На всяческие меры, которые предлагает коммунистическая власть, надо смотреть таким образом, что они являются лишь советом, указанием среднему крестьянину, предложением ему перейти к новому порядку.

И только совместной работой, испытывающей эти мероприятия на практике, проверяющей их ошибки, устраняющей

возможные ошибки, достигающей соглашения со средним крестьянином,— только такой работой будет обеспечен союз рабочих и крестьян. В этом союзе — вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе — залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца.

6.

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран? Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что прежде государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. Даже в самой демократической, даже в самой свободной республике, пока остается господство капитала, пока земля остается в частной собственности, государством всегда управляет небольшое меньшинство, взятое на девять десятых из капиталистов или из богатых.

Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как ни клевещут на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему Советская власть, каковы бы ни были преследования сторонников коммунизма в разных странах, Советская власть неминуемо, неизбежно и в недалеком будущем победит во всем мире.

Мы хорошо знаем, что у нас еще много недостатков в организации Советской власти. Советская власть не чудесный талисман. Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма. Но зато она дает возможность переходить к социализму. Она дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством.

Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый.

7.

КАК НАВСЕГДА СПАСТИ ТРУДЯЩИХСЯ ОТ ГНЕТА ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ.

Враги трудящихся — помещики и капиталисты — говорят: рабочие и крестьяне не смогут прожить без нас. Без нас некому будет установить порядка, распределить работу, принудить к труду. Без нас все развалится, и государство распадется. Нас прогнали, но разруха снова вернет нас вспять. Такие речи помещиков и капиталистов не смутят, не запугают, не обманут рабочих и крестьян. В армии необходима самая строгая дисциплина. И, однако, сознательные рабочие сумели объединить крестьян, сумели взять себе на службу старых царских офицеров, сумели создать победоносную армию.

Красная армия создала невиданно твердую дисциплину, не из-под палки, а на основе сознательности, преданности, самоотвержения самих рабочих и крестьян.

И вот — чтобы навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов, от восстановления их власти, — надо создать великую Красную армию труда. Она будет непобедима, если в ней будет трудовая дисциплина. Рабочие и крестьяне должны доказать, и они докажут, что правильным распределением труда, что беззаветной дисциплиной и преданностью в труде на общую пользу — они сумеют наладить сами без помещиков и против помещиков, без капиталистов и против капиталистов.

Трудовая дисциплина, бешеная энергия в труде, готовность на самопожертвование, тесный союз крестьян с рабочими, — вот что спасет трудящихся навсегда от гнета помещиков и капиталистов.

8.

О ПОГРОМНОЙ ТРАВЛЕ ЕВРЕЕВ.

Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям. Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочего, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся — от капитала. Вражда к евреям держится прочно только там, где кабала помещиков и капиталистов создала беспросветную темноту рабочих и крестьян. Только совсем темные, совсем забитые люди могут верить лжи и клевете, распространяемой против евреев. Это — остатки старого крепостного времени, когда попы заставляли сжигать еретиков на кострах, когда существовало рабство крестьян, когда народ был задавлен и безгласен. Эта старая крепостническая темнота проходит. Народ становится зрячим.

Не евреи враги трудящихся. Враги рабочих — капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты; как и среди русских, как и среди всех наций. Капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы. Народ нерабочий держится силой и властью капитала. Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран, в союзе друг с другом, давят, гнетут, грабят, разъединяют рабочих.

Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев. Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям.

Да здравствует братское доверие и боевой союз рабочих всех наций в борьбе за свержение капитала.

ТЕЛЕФОНОГРАММА ВО ВСЕРОССИЙСКУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ 1 АПРЕЛЯ 1919 Г.

По сообщению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, из Петрограда получены сведения о том, что агенты Колчака, Деникина и союзников пытались взорвать в Петрограде станцию водопровода. В подвале были обнаружены взрывчатые вещества, а также адская машина, которая была особой командой взята для уничтожения, но преждевременным взрывом убит командир отряда и ранены 10 красноармейцев.

В отдельных пунктах делаются попытки взрыва мостов и попытки к приостановке железно-дорожного движения.

Делаются попытки разобрать железно-дорожные пути, чтобы оставить без продовольствия красную Москву и Петроград.

Социалисты-революционеры и меньшевики принимают активное участие в призывах к забастовкам, к свержению Советской власти.

В виду полученных сведений, Совет Обороны предписывает принять самые срочные меры для подавления всяких попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам.

Совет Обороны предписывает призвать к бдительности всех работников Чрезвычайных Комиссий и о предпринятых мерах довести до сведения Совета Обороны.

Председатель Совета Обороны

В. Ульянов (Ленин).

«Известия В. Ц. И. К.» № 71,
2 апреля 1919 г.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д.[67]

3 АПРЕЛЯ 1919 г.

Напечатано в 1919 г. в «Стенографических отчетах Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 10

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом «Стенографических отчетов»

1.

ДОКЛАД О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Товарищи! Мой доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики мне приходится начинать с того, что как раз теперешние месяцы, с наступающей весной, мы опять переживаем чрезвычайно трудное положение. Я думаю, что условия войны как гражданской, так и войны с Антантой позволяют нам, во всяком случае, рассуждая даже с наибольшей осторожностью, — я еще об этих условиях буду говорить, когда дойду до международного положения, — позволяют нам даже при наибольшей осторожности рассуждений сказать, что это полугодие, в самую середину которого мы вступили, будет последним тяжелым полугодием, потому что французские и английские капиталисты не в силах будут выдержать повторение такого натиска, который они сейчас развивают изо всех сил, а, с другой стороны, все завоевания, которые наша Красная армия сделала на Украине и на Дону и которые мы имеем возможность закрепить, дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо. Сейчас же, пока борьба не кончилась, пока еще приходится действовать в условиях величайших затруднений при сборе хлеба на Украине, — теперь, в весеннюю распутицу, положение весьма трудное.

Мы не раз говорили, что все силы Советской власти покоятся на доверии и сознательном отношении рабочих. Мы не раз доказывали, что, как ни многочисленен враг, который нас окружает, и шпионы, которых посылает к нам Антанта и которым помогают люди, быть может, и не считающие себя помощниками, но помогающие белогвардейцам, мы нисколько не закрывали

глаза на то, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев, — но мы говорим: пусть! Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что, хотя это и тяжелая правда, но, когда она ясно слышна, то всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственный верный вывод.

Они извлекут, в конце концов, тот единственно возможный вывод, что наше дело близко к победе во всем мире и что, как ни отчаянно тяжело положение трудящихся масс, уставших, изголодавшихся, истерзанных за четыре года империалистской войны, а теперь еще и за два года самой страшной гражданской войны, — как ни тяжело это положение, как ни обострилось оно в данный момент, — мы имеем самые серьезные шансы на победу не только в России, но и во всем мире. И поэтому мы, несмотря на то, что очень тяжелы эти 4 — 5 месяцев, которые нам предстоит пережить, сумеем еще и еще раз эти затруднения победить и показать таким образом врагам, показать соединенным капиталистам всего мира, что их натиск на Россию не удастся.

А они как раз сейчас, несомненно, по заранее обдуманному плану, и с запада и с востока, делают попытки военным путем раздавить нас, чтобы спасти гибнущие банды Краснова. Вчера было известие о взятии Мариуполя. Ростов, таким образом, оказывается окруженным полукругом. Словом, все усилия страны Согласия направляют на то, чтобы выручить Краснова и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар. Они действуют, несомненно, по соглашению с Гинденбургом. Товарищ из Латвии говорил о том, в какое положение попали тамошние товарищи. Бо̀льшая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления, — бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам. С другой стороны, Колчак одержал ряд побед на востоке и, таким образом, подготовляет условия для последнего и самого решительного натиска стран Согласия.

И, как всегда, не ограничиваясь внешним натиском, они действуют внутри страны путем заговоров, восстаний, попыток бросания бомб и взрыва водопровода в Петрограде, о чем вы читали в газетах, в виде попытки разобрать железно-дорожные пути, которая была сделана недалеко от Самары, — это главный железно-дорожный путь, доставляющий нам сейчас хлеб с востока. Часть этого хлеба погибла, захвачена Колчаком. Были попытки разобрать железно-дорожный путь по Курско-Харьковской железной дороге, по которой начался подвоз угля, отвоеванного Красной армией в Донецком бассейне. Когда мы берем все это вместе и рассматриваем, для нас ясно, что страны Согласия, что французские империалисты и миллиардеры делают последнюю попытку военным путем раздавить Советскую власть.

И меньшевики и правые и левые эс-эры, которые до сих пор не поняли, что борьба идет к концу, что вопрос стоит о самой отчаянной, беспощадной войне, — они продолжают проповедывать не то забастовку, не то прекращение гражданской войны. Как бы дело ни обстояло с ними, они помогают белогвардейцам, — я об них буду говорить дальше, сейчас же я хочу только показать, что положение действительно трудное.

Все силы международных капиталистов хотят нам дать этой весной последний бой. К счастью, это силы дряхлеющего, умирающего, безнадежно больного старика — международного капитализма. Но, как бы то ни было, сейчас военные силы, скопленные против нас, чрезвычайно велики. В частности, Колчак двинул теперь все свои резервы, он имеет у себя добровольцев-белогвардейцев, банды очень внушительных размеров, он имеет помощь Англии и Америки оружием и припасами в громадных размерах. Вот почему создавшееся положение требует от нас ясного сознания трудности положения Советской республики.

Мы уверены, что трудящиеся массы поняли, из-за чего идет война. Они знают, что эти несколько месяцев решат судьбу и нашей революции и, в значительной степени, международной революции, что эта попытка капиталистов сломить Советскую Россию потому так обострилась, потому они с таким бешенством нападают на нас, что они знают, что внутри у них стоит тот же враг, — большевистское движение. Оно у них быстро и неудержимо растет.

Что делает наше положение особенно трудным, что заставляет еще и еще раз призвать на помощь всех сознательных рабочих, так это затруднения в продовольствии и транспорте. Транспорт четыре года разрушался империалистской войной, и в стране, столь отсталой как Россия, следы этого разрушения до сих пор не поправлены, и поправить их иначе, как долгими месяцами или, может быть, даже годами самой упорной работы — нельзя. А работать без топлива нет возможности. Лишь в последнее

время мы начали получать уголь из Донецкого бассейна. Вы знаете, что в Баку нефть у нас отбили англичане. Они, захватив часть судов на Каспийском море и завладев Грозным, мешают нам воспользоваться нефтью. Без топлива же ни промышленность, ни железные дороги не могут работать. Приходится напрягать все усилия.

Мы еще раз говорим всем товарищам: на работу по продовольствию и транспорту нужно привлечь больше сил. Работа по транспорту стоит так, что на востоке России, за Волгой, у нас несколько миллионов пудов хлеба, — 10 — 20 миллионов уже ссыпано и заготовлено, но мы не можем его подвезти. Часть этого хлеба мы потеряли благодаря последнему продвижению колчаковских войск, захвативших Уфу и вынудивших к отступлению наши войска. Это потеря — чрезвычайно чувствительная и тяжелая. Работа транспортная требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту? Не можем ли мы заменить мужчин женщинами на здешних работах и двинуть мужчин либо в ремонтные мастерские, либо на помощь железнодорожникам? Как это сделать — виднее рабочим, которые знают, кого и на какую специальность поставить. Это виднее людям практики, которые должны изыскивать новые и новые средства помощи. Мы надеемся и мы уверены, что в последнее время наш Комиссариат Путей Сообщения вместе с Комиссариатом Продовольствия известных успехов уже добились. Товарный месяц прекращения пассажирского движения, как ни клевещут наши враги, улучшение уже дал, но надо напрячь в десять раз больше усилий, чтобы добиться бо́льших успехов. Вчера в «Известиях» были напечатаны цифровые данные. Я приведу главные. В начале марта в Москву прибывало в среднем 118 вагонов с продовольствием в день, из них 25 были с хлебом. В конце марта в день стало прибывать по 200 продовольственных вагонов, в том числе 47 с хлебом. Это значит почти удвоение. Это значит, что такая тяжелая мера, как запрещение пассажирского движения, была принята правильно. Это значит, что мы помогли голодному населению Москвы, Петрограда и всей промышленной области. Но это далеко еще не все, что можно сделать. А дальше, когда распутица станет полной, предстоит гораздо более трудное и голодное время. Вот почему мы говорим, что тут нужна работа самая неослабная и энергичная. Нам нужно, главным образом, рассчитывать не на работников из интеллигенции, которые хотя и пошли к нам на службу, но среди которых все-таки много работников негодных, а на массы рабочих.

Нам нужно считаться и с положением на Украине. В продолжение года, когда вся Украина была под немцами и весь Дон был в таком тяжелом положении, мы испытали слишком много

Сейчас наше положение улучшается. На Украине у нас есть 258 миллионов пудов хлеба, из которых 100 миллионов пудов уже пущены в разверстку, но все дело в том, что на Украине крестьяне страшно запуганы немцами и немецкими грабежами. Я слышал, что крестьяне там до того запуганы немцами, что до сих пор, несмотря на то, что они знают о положении Советской власти здесь, они не смеют взять помещичьи земли. Между тем, уже наступает время весенней обработки земли. Украинские же крестьяне до такой степени испробовали на своей спине все ужасы немецких грабежей, что до сих пор они крайне нерешительны. Нужно сказать, что там все время шла партизанская война. Эта война идет на юге и сейчас. Там нет регулярных войск. Благодаря отсутствию регулярных войск, там до сих пор нет полной победы. Мы двинули туда наши регулярные войска, но этого мало. Нужно работу усилить значительно, и поэтому я должен вам сказать, что каждое рабочее собрание должно ставить определенно вопрос о продовольствии и вопрос о транспорте. Нам нужно в ближайшее время решить вопрос, как помочь положению и как использовать то, что мы можем сейчас использовать.

Мы должны хорошо знать, что только при помощи силы рабочего класса мы можем твердо стать на ноги, можем одержать наши блестящие победы, и поэтому все лучшие силы нашего пролетариата мы должны посылать туда, на фронт. Мы должны посылать на фронт ответственных работников. Если здесь пострадает какое-нибудь учреждение, мы потерпим, конечно, известный ущерб, но мы от этого не погибнем, а если у нас будет недостаток рабочих в армии, мы, несомненно, погибнем. У нас до сих пор армия страдает от того, что она недостаточно сплочена, недостаточно организована, и в этом отношении вся помощь должна быть от рабочих и на них должна быть вся надежда. Только те рабочие, которые пережили всю борьбу, которые могут поделиться всем своим пережитым, всем своим выстраданным, только эти рабочие могут воздействовать на армию и превратить крестьян в сознательных и нужных нам борцов.

Поэтому мы еще раз пришли сюда и решили собрать всех вас и указать на то тяжелое положение транспорта, которое существует в связи с тяжелым общим положением. Мы подчеркиваем, что мы должны еще 3—4 месяца продержаться, и только тогда на нашей стороне будет полная победа, но для этого нужны силы. Где же взять эти силы? Но разве мы не видим, что только рабочие, вынесшие на себе всю тяжесть нашей разрухи, когда борьба сменялась белогвардейскими нашествиями, когда они вследствие этого на себе испытали всю тяготу и приобрели этим большой опыт, — что только эти рабочие, только эти наши передовые отряды могут нам помочь! Мы знаем прекрасно, что они измучены неимоверно, что они переутомлены той

нечеловеческой работой, которая выпала на их долю. Мы все это знаем, но мы все-таки говорим вам сейчас здесь, что все силы надо напрячь, что нужно подумать о том, чтобы все силы собрать для революции, для ее блистательной победы. Сейчас наступает самое трудное, самое тяжелое время, и мы должны поступить как революционеры. Мы должны черпать силы из трудящихся масс.

Вчера состоялось здесь собрание влиятельных деятелей профессионального движения—московского и всероссийского [68]). И на нем все сошлись на необходимости привлечения к работе в настоящий момент середняка, которого мы все до сих пор не считали способным на такую работу. Но теперь совершенно ясно, что для замены утомленных работников нам нужно ставить середняков на работу, но перед тем, как это делать, необходимо, чтобы их инструктировали работники, которые были до сих пор в деле. Мы должны сохранить наши силы, и на время мы должны заменить наших ответственных работников работниками из середняков. Ведь нам нужно двинуть десятки тысяч таких работников. Мы не должны бояться того, что они могут сделать свою работу не так хорошо, как это сделали бы опытные работники. Если поставить их не на ответственные места, то те ошибки, которые они сделают в первое время, не страшны. Для нас важно двинуть их на передовые ответственные посты. Они сумеют там развернуть свою силу и развернуть свою работу, потому что они будут действовать уверенно, они будут знать, что за ними стоят большие опытные работники, у которых уже имеется годичный опыт в России. Они знают, что их более опытные товарищи в критический момент облегчат им задачу. Этот новый слой рабочих сможет вести дело хорошо, если передовые рабочие двинут их на передовые посты. Мы можем это сделать без ущерба, потому что у этого обширного слоя есть пролетарский инстинкт, пролетарское понимание и сознание долга. На них можно положиться и про них можно сказать, что они в трудное время нам помогут. Россия отличалась тем, что в самое трудное время у нее всегда находились массы, которые можно было двинуть вперед, как запас, в котором находились новые силы, когда старые начинали иссякать. Да, передовой рабочий переутомлен, и следующий слой будет вести дело хуже, но это не беда, и от этого не будет ущерба, и мы не погубим дела, если двинем эти новые силы, направим их и не дадим делу погибнуть.

В этих условиях нельзя не упомянуть про эс-эров и меньшевиков. В последнее время Советская власть стала закрывать их газеты и арестовывать их самих. Некоторые товарищи-рабочие, наблюдая это, говорят: «Значит, были неправы те большевики,—к их числу принадлежу и я,—которые вовлекли нас в известную уступку мелко-буржуазной демократии. Для чего мы

делали уступки, если мы теперь должны закрывать газеты и арестовывать их? Разве в этом есть последовательность?».

На это я отвечу следующее. В такой стране, как Россия, где мелко-буржуазные элементы ведут все сельское хозяйство, в такой стране без поддержки мелко-буржуазного слоя мы долго продержаться не можем. Этот слой в настоящее время идет не прямым путем к цели, а зигзагами. Если я преследую неприятеля, который идет не прямым путем, а зигзагами, то и я, чтобы настигнуть неприятеля, должен идти зигзагами. Говоря языком политическим, мелко-буржуазные массы стоят между трудом и капиталом, и эти массы нужно сто раз побить для того, чтобы они поняли, что необходимо уяснить себе одно: возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура рабочего класса. Кто учитывает это, тот знает положение настоящего момента. И рабочие это знают. В их сознание проникло из опыта и целого ряда наблюдений понимание того, что только эти два вида власти и возможны: или полная власть рабочего класса или полная власть буржуазии, — середины нет, третьего пути нет. Рабочий класс давно понял это из стачечной и революционной борьбы. Мелкая буржуазия не может этого понять сразу; сотни жизненных указаний не могут научить и приучить мелкую буржуазию к этой мысли, и она не перестает думать об объединении с крупной буржуазией, так как не может понять, что нельзя обойтись без диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии.

Эс-эры и меньшевики из опыта Колчака учли и поняли, что это не случайность, что при самой бешеной, отчаянной борьбе, при иностранной помощи, демократия ничего не дала. На них действуют две силы, — и кроме этих сил нет ничего — либо диктатура буржуазии, либо власть и полная диктатура рабочего класса, нигде середина не могла ничего дать, и нигде из нее ничего не выходило. Ничего не вышло и с учредилкой. Это испытали на себе эс-эры и меньшевики и мелкая буржуазия.

Когда эс-эры и меньшевики говорили: «Мы уйдем от Колчака и от всех, кто за него и за вмешательство Антанты», они говорили это не только лицемерно. Это не была только политическая хитрость, хотя часть этих людей и рассчитывала на то, что «мы, дескать, большевиков надуем, лишь бы дали нам возможность повторить старое». Мы эту хитрость учли и, конечно, приняли меры против нее, но, когда меньшевики и эс-эры говорили это, — то это не было только лицемерием и хитростью, а и *убеждением* многих из них. Среди них мы имеем не только литературную группу, но и мелко-буржуазные слои техников, инженеров и т. п. Когда в момент объявления меньшевиками, что они против вмешательства союзников, мы предложили им работать у нас, они согласились охотно на наше предложение. Но теперь, преследуя их, преследуя мелко-буржуазный слой, мы вполне правы, так как

этот слой на понимание туп до чрезвычайности. Он это обнаружил в достаточной степени и в период керенщины и в теперешних своих поступках. После того, как они пошли к нам на службу, они говорят: «Мы от политики отказались, мы охотно будем работать». Таким людям мы отвечаем: «Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят». Если люди верят в учредилку, мы им говорим: «Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой». Среди них растет число людей, которые знают, что в политике они оскандалились: они кричали, что Советская власть — уродливая выдумка, которая возможна только в дикой России. Они говорили, что разгон учредилки, это — действие варваров, воспитанных царизмом. И в Европе это повторяли. Теперь из Европы приходят известия, что Советская власть идет на смену буржуазной учредилке во всем мире. Это — уроки, которые преподаются всей интеллигенции, которая идет на службу к нам. У нас работает сейчас чиновников вдвое больше, чем полгода тому назад. Это выигрыш, что мы получили чиновников, которые работают лучше, чем черносотенцы. Когда мы приглашали их поступать к нам на службу, они говорили: «Боюсь Колчака, я — за тебя, но помочь тебе не хочу. Я буду рассуждать, как чистейший парламентарий, как если бы я сидел в учредилке, а ты меня не смей тронуть, потому что я демократ». Мы говорим этим группам, рассказывающим об учредилке: «Если вам угодно рассказывать еще долго, мы вас отведем к Колчаку и в Грузию». (Аплодисменты.) Создается полемика, оппозиция легальной группы. Оппозиции мы не допустим. Нас империалисты всего мира берут за горло, всеми силами военного натиска стараются победить нас, мы должны бороться, тут борьба не на живот, а на смерть. Если ты пришел сюда помогать нам — пожалуйста, а если ты будешь печатать газеты и подстрекать рабочих на забастовки, а от забастовок наши красноармейцы гибнут на фронтах и от каждого дня забастовки десятки тысяч людей на наших фабриках терпят лишения, муки голода, те муки, из-за которых мы волнуемся, — то ты, может быть, и прав с точки зрения учредилки, но с точки зрения нашей борьбы и ответственности, которую мы несем, ты неправ, ты не можешь нам помогать, убирайся в Грузию, убирайся к Колчаку, или ты будешь сидеть в тюрьме! И это мы сделаем.

Товарищи! Я надеюсь, что мы все примем единодушно ту резолюцию, которая в конце собрания будет предложена *) и в которой мы пытаемся дать необходимые указания, которые я

---

*) См. настоящий том, стр. 221—222. *Ред.*

хотел в своем докладе обосновать. Я хотел бы теперь перейти к двум вопросам: к положению крестьянина-середняка и к вопросу международному, который имеет громаднейшее значение.

О крестьянине-середняке мы говорили па партийном съезде и решили, какую линию должна вести наша партия по отношению к среднему крестьянству. Наша партия выбрала на ответственнейший пост, на пост председателя В. Ц. И. К., на пост тем более ответственный, что его до сих пор занимал исключительно талантливый организатор, тов. Свердлов, наша партия избрала на этот пост тов. Калинина, петербургского рабочего, который до сих пор поддерживает связь с деревней. Сегодня в газетах опубликовано, что один тов. Калинин убит эс-эрами, — это не тот Калинин. Это показывает, к каким средствам эс-эры обращаются. Тов. М. И. Калинин — средний крестьянин Тверской губ., и каждый год ее посещает. Среднее крестьянство — это самый крупный слой, который увеличился после нашей революции, благодаря тому, что мы уничтожили помещичью частную собственность на землю. Крестьянство испытало улучшение от нашей революции, потому что оно взяло все помещичьи земли, и от этого число крестьян увеличилось значительно. Если среди него замечается недовольство, то мы говорим, что это недовольство причиняется сверху, и надо знать, насколько оно законно при недостатке наших сил. Вы здесь, в столице, знаете, как трудна борьба с волокитой, канцелярщиной. Мы должны брать старых чиновников, потому что других нет. Их надо перевоспитывать, учить, а это требует времени. Мы можем вливать новых рабочих в продовольственные организации на ответственные посты, но в Государственном Контроле до сих пор сидит непомерное число старых чиновников, и мы страдаем от волокиты, от канцелярщины. Мы стремимся давать новых рабочих, чтобы они участвовали в работе контроля, в Комиссариате Путей Сообщения, рядом со специалистами. Таким образом мы боремся с волокитой и канцелярщиной. Но и здесь, в Москве, каких трудов это стоит! А что делается в деревнях? — Там люди, которые называют себя партийными, нередко являются проходимцами, которые насильничают самым бессовестным образом. А как часто приходится бороться с неопытными людьми, когда они смешивают кулака со средним крестьянином! Кулак — тот, который живет чужим трудом, который грабит чужой труд и использует для себя нужду; средний крестьянин — тот, который не эксплуатирует и сам не подвергается эксплуатации, который живет мелким хозяйством, своим трудом. И у мелкого хозяина ни один социалист в мире никогда не предполагал отнимать собственность. Мелкий хозяин будет существовать долгие годы. Тут никакими декретами ничего сделать нельзя, тут нужно ждать, когда крестьянин приучится считаться с опытом. Когда он увидит, что коллективное хозяйство

гораздо лучше, тогда он будет с нами. Мы должны завоевать его доверие. И тут должна быть борьба с злоупотреблениями, тут должны быть объявлены недопустимыми посягательства на его свободу. Мы можем бороться только силою городских рабочих, так как у них связь с крестьянином громадная, они могут дать сотни тысяч работников. Мы прекрасно знаем, что ни назначение товарищей на высокие посты, ни циркуляры, ни декреты не помогут, а что рабочие каждой группы, каждого кружка должны сами взяться за дело, — у них есть особая связь с деревней.

Я сказал, что у рабочих первым пунктом должно быть: помочь всеми силами на войне; вторым пунктом должно быть: помочь среднему крестьянину связью, чтобы не оставлять безнаказанным ни одного серьезного натиска врага в деревне. Нужно указывать, что городской рабочий несет помощь среднему крестьянину, нашему товарищу, потому что средний крестьянин такой же трудящийся, но только он в иных условиях вырос, он живет разобщенно, в деревенской темноте и выбиться ему неизмеримо труднее. И мы должны знать, что настойчивостью товарищей мы добьемся связи со средним крестьянином. Ничтожное число крестьян будет уходить в кулачество, будет делать восстания, — это мы знаем. И если это существует, то как содействовать, как завоевать доверие среднего крестьянина, как помочь ему против всяких злоупотреблений? Если мы тут сделали мало, то не по своей вине, а благодаря борьбе против буржуазии. Надо это сознать, надо каждому рабочему этот вопрос поставить и сказать: мы, рабочие, в целом имеем связь с крестьянством и эту связь мы используем, мы добьемся, чтобы каждый крестьянин-середняк не только из назначения тов. Калинина узнал о нашей помощи, а чтобы он на деле получил хотя бы маленькую, но помощь, хотя бы маленьким, но товарищеским советом. И крестьянин будет сейчас ценить больше всего такую помощь. Ему надо понять, почему трудность нашего положения мешает нам оказать ему помощь, которая ему нужна, которая лежит в городской культуре. Крестьянину нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему это дать. Только тогда, когда пролетариат окажет ему эту помощь, — крестьянин увидит, что рабочий помогает ему не так, как помогали эксплуататоры. Помочь крестьянину подняться до городского уровня, — эту задачу должен поставить себе каждый рабочий, имеющий связь с деревней. Городской рабочий должен сказать себе, что теперь, весной, когда особенно обострилось продовольственное положение, он должен пойти крестьянину на помощь, и если каждый сделает хотя маленькую долю этой работы, тогда мы увидим, что наше здание имеет не один только фасад, и что наше дело в смысле обеспечения Советской власти будет сделано, ибо крестьянин говорит: «Да здравствует Советская власть, да здравствуют большевики,

долой коммунию!». Он ругает «коммунию», которую устраивают глупо, которую ему навязывают. Ко всему навязанному он относится с недоверием, с закоснелым недоверием. Мы должны идти к середняку, помогать ему, учить его, но только в области науки и социализма, а в области сельского хозяйства мы должны учиться у него. Вот задача, которая выдвигается перед нами особенно сильно.

Теперь мы переходим к вопросу о международном положении. Я говорю, что империалисты Англии, Франции и Америки делают последнюю попытку наступить нам на горло, но она им не удастся. Как ни тяжело положение, но мы с уверенностью можем сказать, что мы победим международный империализм. Мы победим миллиардеров всего мира. Мы можем победить их по двум причинам. Во-первых, потому, что это звери, которые так зарвались в борьбе между собой, что продолжают кусать друг друга, не видя, что они на краю пропасти. А во-вторых, потому, что Советская власть растет беспрерывно во всем мире. Не проходит ни одного дня, чтобы мы не читали об этом в газетах. Сегодня мы читаем радио из Лиона американского бюро печати о том, что эти люди, которые заседали в комиссии из 10 человек, сузили комиссию, и теперь разговаривают 4 человека: Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо и Орландо. Вожди четырех наций, и те не могут договориться: Англия и Америка не согласны отдать Франции прибыль с добычи угля. Это — звери, которые награбили добычу со всего мира и теперь не могут помириться. Эти четыре человека замкнулись в группе четырех, чтобы, боже упаси, не посыпались толки, — все они великие демократы, — но они сами вызывают толки и посылают радио о том, что они не согласны отдать прибыль от угля. Мне рассказывал один французский товарищ, который видел французских пленных, что эти пленные говорят: «Нам сказали, что в Россию надо ехать, чтобы бороться с немцами, потому что немцы задушили нашу страну. Но, ведь, теперь с Германией перемирие, с кем же я еду бороться?». Об этом ему не сказали ни слова. И вот число таких людей, которые задают себе этот вопрос, растет с каждым днем на миллионы и миллионы. Эти люди пережили ужасы империалистской войны, и они говорят: «За что же мы идем воевать?». Если раньше их учили большевики подпольными листками, за что они идут воевать, то теперь империалисты посылают радио-телеграммы: Англия не согласна отдать Франции прибыль от угля. Таким образом, по выражению одного французского журналиста, они делают скачки из одной комнаты в другую, в тщетных попытках разрешить вопрос. Они решают, кому больше дать, и пять месяцев дерутся между собою; они дошли до того, что не владеют собой, и додерутся эти звери до того, что останутся только одни хвосты. И мы

говорим, что наше международное положение, которое в первое время было настолько слабым, что они могли задавить нас в несколько недель, теперь, когда они не могут поделить между собой добычи, потому что они сами себя начали грызть, — теперь наше положение лучше. Они обещают солдатам: победи Германию и получишь неслыханные выгоды. Они спорят, взять с Германии 60 или 80 миллиардов. Вопрос чрезвычайно принципиальный, чрезвычайно интересный, особенно если это сказать рабочему или крестьянину. Но если они долго будут спорить, они не возьмут ни одного. Вот, что всего интереснее!

Вот почему мы говорим себе, нисколько не преувеличивая, даже не как социалисты, а просто трезво взвешивая силы, идущие против нас, что положение Советской республики улучшается не по дням, а по часам. Враги не могут помириться между собой. Пять месяцев прошло с тех пор, как они победили. И они не заключают мира. Французская палата недавно вотировала новые сотни миллионов на военные приготовления. Они сами роют себе могилу, а там у них уже есть люди, которые их в эту могилу опустят и хорошенько закопают. (Аплодисменты.) Это потому, что советское движение растет во всех странах, и венгерская революция показала, что когда мы говорим, что боремся не только за себя, а за Советскую власть во всем мире, что здесь проливается кровь не только из-за голодных товарищей, а за победу Советской власти во всем мире, — пример Венгрии показал, что это не одно только предвидение и обещание, а что это самая живая непосредственная реальность.

В Венгрии революция произошла необыкновенно оригинально. Венгерский Керенский, которого там зовут Карольи, сам вышел в отставку, и венгерские соглашатели — меньшевики и эс-эры — поняли, что нужно пойти в тюрьму, где сидел венгерский товарищ Бела Кун, один из лучших венгерских коммунистов. Они пришли и сказали ему: «Вам придется взять власть!». (Аплодисменты.) Буржуазное правительство подало в отставку. Буржуазные социалисты, меньшевики и эс-эры Венгрии, влились в партию большевиков и образовали единую партию, единое правительство. Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России, когда я с ним разговаривал по радио, говорил: «У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу, потому что массы за меня, и созывается съезд Советов». Это — всемирно-исторический переворот.

До сих пор всем европейским рабочим лгали, говоря про Советскую Россию: «Там нет никакой власти, а просто анархия, это просто драчуны». Недавно французский министр Пишон заявил про Советскую Россию: «Это — анархия, это — насильники, узурпаторы!» [69]. — «Посмотрите на Россию, — говорили немецкие меньшевики своим рабочим: — война, голод, разорение! Этого ли

вы хотите для социализма?» И они запугали этим рабочих. А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе. Венгрии, несомненно, придется пережить тяжелую борьбу с буржуазией — это неизбежно. Но факт тот, что, когда эти звери, английские и французские империалисты, предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее уничтожить, не дать ей родиться. У нас затруднительность положения была в том, что нам приходилось рождать Советскую власть против патриотизма. Пришлось ломать патриотизм, заключать Брестский мир. Это была самая отчаянная и бешеная кровавая ломка. Большевизм — это значит кровавым образом ломать даже патриотизм. В соседних странах буржуазия увидела, кому нужно управлять. Кому же, как не Совету? Это как в старое время, когда короли, царьки и князья видели, что власть их слабеет, они говорили: «Нужна конституция, пускай буржуазия идет править!». А если король ослабевал, он получал пенсию или теплое местечко. То же самое, что переживали короли или царьки 50 — 60 лет тому назад, теперь переживает всемирная буржуазия. Когда английские и французские империалисты предъявили неслыханные требования венгерским капиталистам, последние сказали: «Мы воевать не можем. За нами народ не пойдет, но мы, как венгерские патриоты, хотим дать отпор. Какая же власть должна быть? — Власть Советов». Буржуазия венгерская признала перед всем миром, что она добровольно подает в отставку, и что есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту, — это власть Советов. (Аплодисменты.) Вот почему венгерская революция тем, что она совершенно иначе родилась, чем наша, покажет всему миру то, что по отношению к России было скрыто: именно, что большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента. Это было время, когда рабочих обманывали, закабаляли их капиталистически. На место старого буржуазного парламента идет всемирная Советская власть, которая завоевала сочувствие всех рабочих, потому что она есть власть трудящихся, власть миллионов, которые сами господствуют, сами управляют. Может быть, они управляют плохо, как мы в России, но мы и в условиях находимся неимоверно трудных. В том государстве, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, задачи Советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты. Мы пройдем и через более тяжелый путь. Пускай на Россию пали бóльшие жертвы, чем на другие страны. Это не удивительно, когда нам в наследство осталась старая разруха. Другие страны приходят другим путем, более человеческим, приходят к тому же — к Советской власти. Вот почему пример Венгрии будет иметь решающее значение.

Люди учатся из опыта. Словами доказать правоту Советской власти нельзя. Пример одной России не был понятен для рабочих всего мира. Они знали, что там Совет, — они все за Совет, но их пугали ужасы кровавой борьбы. Пример Венгрии будет решающим для пролетарских масс, для европейского пролетариата и трудящегося крестьянства: в трудную минуту некому править страной, кроме как Советской власти.

Мы вспоминаем пример, когда старые люди говорят: «Выросли детки, детки вышли в люди, можно умирать». Мы умирать не собираемся, мы идем к победе, но когда мы видим таких деток, как Венгрия, в которой уже Советская власть, мы говорим, что мы уже свое дело сделали не только в русском, но и в международном масштабе, и что мы все отчаянные трудности выдержим, чтобы одержать полную победу, чтобы к русской и венгерской Советским республикам прибавилась — и мы увидим, как она прибавится — международная Советская республика. (Аплодисменты.)

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ [70]).

Советская республика в тяжелой и славной борьбе, которую она ведет впереди всех народов, вступает в самый тяжелый период своей жизни. Наступающие месяцы будут месяцами кризиса. Антанта делает последние отчаянные усилия раздавить нас оружием. Продовольственное положение в высокой степени обостряется. Транспорт тяжело разрушен.

Только крайнее напряжение сил может спасти нас. Победа, однако, вполне возможна. Революция в Венгрии является окончательным доказательством быстрого роста советского движения в Европе и его грядущей победы. Мы имеем больше союзников во всех странах мира, чем сами предполагаем. До полной нашей победы необходимо только продержаться еще 4 или 5 месяцев, быть может, наиболее опасных и горьких. И в такие дни безумцы и авантюристы, называющие себя] меньшевиками, левыми и правыми эс-эрами, на словах примыкая к Советской власти и протестуя против военного вмешательства Антанты, агитируют за стачки или за уступки свободной торговле, или за прекращение гражданской войны, забывая, что мы предложили всем мир, и что наша война — справедливая, законная, неизбежная оборона. Очевидно, что эта агитация является самой активной и действительной помощью белогвардейцам, в последнем напряжении готовящим нам беду. Собрание беспощадно клеймит этих прикрытых врагов народа.

Оно заявляет всем меньшевикам и эс-эрам, действительно готовым помогать нам в нашей трудной борьбе, что рабоче-крестьянская власть предоставит им полную свободу и обеспечит за ними всю широту прав граждан Советской республики.

Собрание объявляет, что задачей Советской власти является теперь беспощадная война с теми меньшевиками и эс-эрами, которые, подобно литературным и политическим группам «Всегда Вперед!» [71]) и «Дело Народа» [72]), в действительности мешают нашей борьбе и являются союзниками наших заклятых врагов. Собрание призывает все рабочие организации, всех пролетариев и трудящихся крестьян напрячь все силы для отпора врагов Советской власти, для защиты ее, а равным образом для упорядочения продовольствия и транспорта.

Для этого собрание считает необходимым:

1) Привлечь середняков, т. е. менее опытных, чем передовые рабочие и крестьяне, представителей этих классов на место утомленных передовиков.

2) Еще и еще усилить посылку как передовиков, так и массовых рабочих на продовольствие, на транспорт, на работу в войска.

3) Привлечь возможно больше сознательных рабочих и крестьян для работы в Народном Комиссариате Путей Сообщения, в Государственном Контроле в целях улучшения их работы и устранения канцелярщины и волокиты.

4) Двинуть возможно больше сил из голодных городов на сельско-хозяйственные работы в деревни — на огороды, на Украину, на Дон и т. п. для усиления производства хлеба и других сельских продуктов.

5) Все силы напрячь для помощи среднему крестьянину и пресечения тех злоупотреблений, от которых он так часто страдает, для его товарищеской поддержки. Такие советские работники, которые не понимают этой единственно правильной политики или не умеют провести ее в жизнь, должны быть немедленно смещены.

6) На очереди дня стоит для всех борьба со всяческими проявлениями усталости, малодушия и колебания. Надо вселять бодрость в сердца, призывать к твердости духа, умножать сознательность и укреплять товарищескую дисциплину.

Рабочий класс и крестьянство России перенесли неимоверные тягости. Их страдания еще обострились в последние месяцы. Но собрание заявляет, что воля рабочих не пала, что рабочий класс стоит попрежнему на посту, что он полон уверенности в преодолении всех трудностей, что он отстоит, во что бы то ни стало, победу Советской социалистической республики в России и во всем мире.

ПИСЬМО ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ О ПОМОЩИ ВОСТОЧНОМУ ФРОНТУ.

ТОВАРИЩАМ ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная.

Мы проводим сегодня в Совете Народных Комиссаров ряд экстренных мер помощи Восточному фронту, поднимаем усиленную агитацию.

Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту.

Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное, — там решается судьба революции.

Победив там, *мы кончаем войну*, ибо *из-за границы помощи белым больше не будет*. На юге мы близки к победе. Брать силы с юга нельзя, пока не победим там полностью.

Поэтому *на помощь Восточному фронту!*

И Совдеп и профессиональные союзы должны напрячь все силы, поднять на ноги все, всемерно помочь Восточному фронту.

Я уверен, товарищи, что питерские рабочие покажут пример всей России.

С коммунистическим приветом

Москва, 10 апреля 1919 г. *Ленин.*

«Петроградская Правда» № 81, 12 апреля 1919 г.

ТЕЗИСЫ Ц. К. Р. К. П. (Б.) В СВЯЗИ С ПОЛОЖЕНИЕМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА [73].

Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака.

Центральный Комитет предлагает поэтому всем партийным организациям в первую очередь направить все усилия на проведение следующих мер, которые должны быть осуществляемы как организациями партии, так и в особенности профессиональными союзами для привлечения более широких слоев рабочего класса к активному участию в обороне страны.

1. Всесторонняя поддержка объявленной 11 апреля 1919 г. мобилизации.

Все силы партии и профессиональных союзов должны быть мобилизованы немедленно, чтобы именно в ближайшие дни, без малейшего промедления, мобилизации, декретированной Совнаркомом 10 апреля 1919 г., была оказана самая энергичная помощь.

Надо сразу добиться того, чтобы мобилизуемые видели деятельное участие профессиональных союзов и чувствовали поддержку их рабочим классом.

Надо в особенности добиться уяснения всяким и каждым мобилизуемым, что немедленная отправка его на фронт обеспечит ему продовольственное улучшение, во-первых, в силу лучшего продовольствия солдат в хлебной прифронтовой полосе; во-вторых, вследствие распределения привозимого в голодные губернии хлеба между меньшим количеством едоков; в-третьих, вследствие широкой организации продовольственных посылок из прифронтовых мест на родину семьям красноармейцев.

От каждой партийной и от каждой профессиональной организации Центральный Комитет требует еженедельного, хотя бы самого краткого, отчета о том, что сделано ею для помощи мобилизации и мобилизуемым.

2. В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, надо

осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия, поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной армии, для замены выбывающих из строя и т. п.

Пример таких городов, как Покровск, где профессиональные союзы сами постановили мобилизовать немедленно 50% всех своих членов, должен послужить нам образцом. Столицы и крупнейшие центры фабрично-заводской промышленности не должны отстать от Покровска.

Профессиональные союзы должны всюду, своими силами и средствами, произвести проверочную регистрацию своих членов для отправки всех, не безусловно необходимых на родине, для борьбы за Волгу и за Уральский край.

3. На усиление агитации, особенно среди мобилизуемых, мобилизованных и красноармейцев, должно быть обращено самое серьезное внимание. Не ограничиваться обычными приемами агитации, лекциями, митингами и пр., развить агитацию группами и одиночками рабочими среди красноармейцев, распределить между такими группами рядовых рабочих, членов профессионального союза, казармы, красноармейские части, фабрики. Профессиональные союзы должны организовать проверку того, чтобы каждый член их участвовал в обходе домов для агитации, в разносе листков и в личных беседах.

4. Заменить всех мужчин-служащих женщинами. Провести для этого новую перерегистрацию как партийную, так и профессиональную.

Ввести особые карточки для всех членов профессиональных союзов и всех служащих с пометкой о личном участии в деле помощи Красной армии.

5. Учредить немедленно, через профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, партийные организации, кооперативы и т. п., как местные, так и центральные *бюро помощи* или *комитеты содействия*. Их адреса должны быть опубликованы. Население оповещено о них самым широким образом. Каждый мобилизуемый, каждый красноармеец, каждый желающий отправиться на юг, на Дон, на Украину для продовольственной работы должен знать, что в таком близком и доступном для рабочего и для крестьянина бюро помощи или в комитете содействия он найдет совет, получит указания, ему облегчено будет сношение с военными учреждениями и т. д.

Особой задачей таких бюро должно быть поставлено содействие делу *снабжения Красной армии*. Мы можем очень сильно увеличить нашу армию, если улучшим ее снабжение оружием, одеждой и пр. А среди населения есть еще не мало оружия, спрятанного или неиспользованного для армии. Есть не мало фабричных запасов разного имущества, необходимого для армии,

и требуется быстрое нахождение его и направление в армию. Военным учреждениям, заведующим снабжением армии, должна быть оказана немедленная, широкая, деятельная помощь со стороны самого населения. За эту задачу надо взяться изо всех сил.

6. Через профессиональные союзы должно быть организовано широкое вовлечение крестьян, особенно крестьянской молодежи неземледельческих губерний, в ряды Красной армии и для формирования продовольственных отрядов и продармии на Дону и на Украине.

Эту деятельность можно и должно во много раз расширить, она служит одновременно и для помощи голодному населению столиц и неземледельческих губерний и для усиления Красной армии.

7. По отношению к меньшевикам и эс-эрам линия партии, при теперешнем положении, такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно. Мы не потерпим в своей республике трудящихся людей, не помогающих нам делом в борьбе с Колчаком. Но есть среди меньшевиков и эс-эров люди, желающие оказать такую помощь. Этих людей надо поощрять, давая им практические работы, преимущественно по техническому содействию Красной армии в тылу, при строгой проверке этой работы.

Центральный Комитет обращается ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам с просьбой взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами.

Мы можем победить Колчака. Мы можем победить быстро и окончательно, ибо наши победы на юге и ежедневно улучшающееся, изменяющееся в нашу пользу международное положение гарантируют нам окончательное торжество.

Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны.

Ц. К. Р. К. П. (б.)

Написано 11 апреля 1919 г.
Напечатано в «Правде» № 79, 12 апреля 1919 г.

Печатается по тексту «Правды», сверенному с рукописью.

ПЛЕНУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ [74]

11 АПРЕЛЯ 1919 г.

Публикуется впервые

Печатается по стенограмме

1.

ДОКЛАД О ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В СВЯЗИ С МОБИЛИЗАЦИЕЙ НА ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

Товарищи, вы, конечно, все знакомы с опубликованным сегодня декретом о мобилизации в неземледельческих губерниях, и мне нет надобности в таком собрании долго останавливаться на причинах, вызвавших этот декрет, ибо вам, само собою разумеется, прекрасно известно из газет о том, как внезапно сделалось наше положение чрезвычайно тяжелым в силу побед Колчака на Восточном фронте.

Вы знаете, что давно уже все директивы правительства направлялись к тому, чтобы главные силы устремить на Южный фронт. Действительно, на Южном фронте сосредоточились такие силы красновцев и там настолько прочным было гнездо несомненно контр-революционного казачества, после 1905 г. оставшегося таким же монархическим, как и прежде, что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи. В связи с тем, что союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики, значение Южного фронта для нас тем более усилилось, и поэтому нам не приходится раскаиваться в том, что мы все военные задачи строили таким образом, чтобы преобладающее внимание и преобладающие силы уделялись Южному фронту. В этом отношении я думаю, что мы не ошибались. Потом последние известия о взятии Одессы и сегодняшнее известие о взятии Симферополя и Евпатории показали, что положение там такое, что этот район, игравший главную решающую роль во всей войне, — этот район теперь очищен.

Вы знаете прекрасно, каких неимоверных трудов стоит нам продолжение войны гражданской после четырехлетней империалистской войны, как утомлены массы, как невероятно велики те жертвы, которые приносят рабочие теперь, два года ведя гражданскую войну. Вы знаете, что мы ведем войну с большим

напряжением. Поэтому сосредоточение всех сил на Южном фронте вызвало чрезвычайное ослабление Восточного фронта. Подкреплений туда мы давать не могли. Армия на Восточном фронте несла неслыханные тяготы и жертвы. Она боролась месяцами, и целый ряд товарищей-работников сообщал телеграммами, что выносить такие тяжести воюющим красноармейцам становится неизмеримо тяжело. В результате — перенапряжение сил на Восточном фронте. Между тем Колчак мобилизовал при помощи царской или палочной дисциплины сибирское население — крестьян. Он исключил из своей армии бывших фронтовиков, имея возможность сосредоточить в армии офицеров, как руководителей, и всю контр-революционную буржуазию. Опираясь на них, Колчак осуществил в последнее время такие завоевания на Восточном фронте, которые ставят под угрозу Волгу и заставляют сказать, что нам придется с громадным напряжением сил отбросить Колчака. И дать эти силы придется отсюда, потому что с юга двинуть их мы не можем, — это значило бы оставить там недобитым главного неприятеля.

Общее наше положение, после побед на юге и на Дону, в связи с международным положением, улучшается с каждым днем. Нет ни одного дня, когда бы сообщения не приносили известий об улучшении нашего международного положения.

Три месяца назад английские, французские и американские капиталисты не только казались, но и были громадной силой, которая, конечно, могла бы задавить нас, если бы тогда они в состоянии были свои громадные материальные силы использовать против нас. Это они могли сделать. Теперь мы ясно видим, что они этого не сделали и сделать не могут. Последнее их поражение в Одессе показывает ясно, что, как ни велика материальная сила империалистов, с чисто-военной точки зрения они потерпели в походе на Россию полный крах. Если принять во внимание, что в самой середине Европы имеются Советские республики и что рост советской формы становится неудержимым, то можно сказать без преувеличения, рассматривая положение совершенно трезво, что наша победа в международном масштабе обеспечена совершенно.

Будь дело только так, мы могли бы говорить с абсолютным спокойствием, но если принять во внимание последние победы Колчака, то нужно сказать, что нам предстоит еще несколько месяцев сильного напряжения, чтобы разбить его войска. Нет сомнения, что только старыми методами мы этой задачи выполнить не сможем, а у нас за время полуторагодичного существования Советской власти сложились настолько обычные, может быть, иногда даже рутинные методы, которые в значительной степени исчерпали энергию передового слоя рабочего класса. Мы не закрываем глаз на то, какое крайнее утомление чувствуется в неко-

торых слоях рабочего класса, как тяжела становится борьба, но сейчас расчет гораздо проще и яснее. Даже для не сторонников Советской власти, считающих себя довольно большими величинами в политике, даже для них ясно, что в международном масштабе наша победа обеспечена.

Нам приходится пережить еще полосу ожесточения гражданской войны в связи с Колчаком. Мы решили поэтому, что как раз В. Ц. С. П. С. — самая авторитетная организация, объединяющая широкие массы пролетариата — должен со своей стороны предложить ряд мер наиболее энергичных, которые помогли бы нам в несколько месяцев закончить войну окончательно. Это вполне возможно, потому что наше международное положение улучшается, и в этом отношении мы обеспечены совершенно. Тыл европейский и американский у нас в самом лучшем положении, о чем мы пять месяцев назад не могли и мечтать. Здесь можно сказать, что господа Вильсоны и Клемансо задались целью нам помочь: телеграммы, которые каждый день приносят вести об их раздорах, о взаимном желании хлопнуть дверью друг перед другом, показывают, что эти господа передрались вдрызг.

Но чем яснее становится, что в международном масштабе наше дело выиграно, тем с большим отчаянием и ожесточением борются русские помещики и капиталисты и удравшие за Урал кулаки. Вся эта мало почтенная братия отчаянно борется. Вы, конечно, обратили внимание в газетных известиях на то, до каких пределов дошел белогвардейский террор в Уфе; нет сомнения, что эти белогвардейские элементы, эта буржуазия ставят свою последнюю ставку. И буржуазия до последней степени ожесточена: она рассчитывает самым отчаянным наступлением заставить нас отвлечь часть наших сил с решающего Южного фронта. Мы этого не сделаем, и мы открыто говорим рабочим, что это означает необходимость нового и нового напряжения наших сил на Востоке.

Я позволю себе предложить вам ряд практических мероприятий, которые, по моему мнению, должны вызвать новую группировку сил, новые определенные задачи со стороны профессиональных союзов, и которые я считаю необходимыми при положении, только что обрисованном мною вкратце. На этом нет надобности дальше останавливаться — это всем известно. Это положение дает возможность, самым трезвым образом рассуждая, покончить в несколько месяцев войну и внутреннюю и в международном масштабе. Но напряжение сил в эти несколько месяцев необходимо. Первая задача, которую следовало бы поставить перед профессиональными союзами:

«1. Всесторонняя поддержка объявленной 11 апреля 1919 г. мобилизации.

Все силы партии и профессиональных союзов должны быть мобилизованы немедленно, чтобы именно в ближайшие дни, без малейшего

промедления мобилизации, декретированной Совнаркомом 10 апреля 1919 г., была оказана самая энергичная помощь.

Надо сразу добиться того, чтобы мобилизуемые видели деятельное участие профессиональных союзов и чувствовали поддержку их рабочим классом.

Надо в особенности добиться уяснения всяким и каждым мобилизуемым, что немедленная отправка его на фронт обеспечит ему продовольственное улучшение, во-первых, в силу лучшего продовольствия солдат в хлебной прифронтовой полосе; во-вторых, вследствие распределения привозимого в голодные губернии хлеба между меньшим количеством едоков; в-третьих, вследствие широкой организации продовольственных посылок из прифронтовых мест на родину семьям красноармейцев...».

Конечно, о продовольственном положении я здесь указал лишь вкратце, но вы все понимаете, что это — наша главная внутренняя трудность и что не будь возможности связать мобилизацию с быстрым продвижением в прифронтовые и хлебные местности, с организацией формирования именно там, а не здесь, — не будь этой возможности, мобилизация была бы безнадежна, т.-е. на успех ее рассчитывать было бы нельзя. Но теперь такая возможность есть. Мобилизация направлена больше всего на неземледельческие губернии, на те места, где больше всего страдают рабочие и крестьяне от голода. Передвинуть мы их можем, прежде всего, на Дон — теперь вся Донская область в наших руках; борьба с казачеством велась давно, там есть возможность улучшить питание передовых частей, не только непосредственно, но и путем развития продовольственных посылок. В этом отношении шаги были сделаны и допущены продовольственные посылки в размере 20 фунтов два раза в месяц. Соглашение в этом отношении достигнуто. И, таким образом, те льготы, которые в прошлом году пришлось сделать в виде полуторапудников — их можно будет сравнить с более широким приемом — продовольственными посылками, которые в состоянии будут оказывать поддержку семьям красноармейцев здесь.

Развивая такого рода деятельность, мы соединим помощь фронту вместе с продовольственным улучшением главных земледельческих районов, наиболее страдающих в этом отношении... Понятно, что движение на Дон будет связано с движением в Поволжье, где сейчас неприятель нанес нам такой тяжелый удар, что за Волгой, на востоке, несколько миллионов пудов заготовленного хлеба уже пропали. Там война является ближайшим образом, непосредственно, войной за хлеб. Задача профессиональных союзов — добиться того, чтобы эта мобилизация не прошла в рамках обычного явления, а была бы соединена с профессиональной помощью Советам. В том тезисе, который я прочел, это изложено несколько недостаточно конкретно. Я думаю, что эту всестороннюю помощь следовало бы выразить сначала путем

примерного ряда мероприятий, а затем путем выработки конкретных указаний и практического плана, как именно профессиональные союзы, мобилизуя все силы, должны помочь этой мобилизации, чтобы придать ей характер не только военно-продовольственной меры, а и крупнейшего политического шага, сделать ее делом рабочего класса, сознающего, что мы в несколько месяцев войну окончить можем, потому что в международном масштабе приход наших союзников обеспечен... Этого могут добиться только пролетарские организации, только профессиональные союзы. Перечислить эти практические мероприятия я не могу. Я думаю, что это в состоянии сделать только сами профессиональные союзы. Эту задачу они могут решить, учитывая местные особенности, ставя дело на практическую почву. Наша задача состоит в том, чтобы дать основные политические указания рабочему классу, который должен сплотиться заново и осознать эту истину, которая очень горька, потому что несет новую тяжесть, но в то же время она намечает реальный и практический путь для возможного преодоления трудностей в краткий срок. Усиленным движением рабочих на хлебный юг мы укрепляем тамошние силы, и если войска белогвардейцев и помещиков рассчитывают на то, что они своими победами на востоке заставят нас колебнуть юг, то это им, я думаю, не удастся, и я твердо уверен, что мы не колебнем юга и поддержим восток. Неприятель собрал сибирскую молодежь, избегая фронтовиков — он их боится, и двинул сибирских крестьян. Это — его последняя ставка, последний рессурс. У него нет поддержки, нет живой силы. Союзники не могли оказать ему поддержки. Им это оказалось не под силу.

Вот почему я обращаюсь к представителям профессионального движения с просьбой обратить на этот вопрос самое большое внимание и добиться того, чтобы мобилизация не прошла по-старому. Это должно быть громаднейшей политической кампанией рабочего класса,—не только военно-продовольственной, но и крупнейшей политической кампанией. Учитывая дело самым трезвым образом с точки зрения факторов войны и классовых отношений, никто не сомневается, что это решит дело в несколько ближайших месяцев. Для этого нужно, чтобы профессиональные союзы не ограничивались старыми рамками работы. Действуя в старых рамках, этой задачи решить нельзя. Здесь нужен новый размах. Нужно действовать не только как профессионалистам, но и как революционерам, которые решают основной вопрос Советской республики, который у нас решался в Октябре — вопрос о конце империалистской войны и о начале социалистического строительства. Теперь профессиональные союзы должны действовать так же, как и революционеры — массовым путем, не ограничиваясь старыми рамками, решая практический

вопрос о конце гражданской войны в России. Этот конец совсем близок, но он чрезвычайно труден. Дальше:

«2. В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, надо осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия, поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной армии, для замены выбывающих из строя и т. п....

3. На усиление агитации, особенно среди мобилизуемых, мобилизованных и красноармейцев, должно быть обращено самое серьезное внимание. Не ограничиваться обычными приемами агитации, лекциями, митингами и пр., развить агитацию группами и одиночками рабочими среди красноармейцев, распределить между такими группами рядовых рабочих, членов профессионального союза, казармы, красноармейские части, фабрики. Профессиональные союзы должны организовать проверку того, чтобы каждый член их участвовал в обходе домов для агитации, в разносе листков и в личных беседах».

Мы теперь, конечно, несколько отвыкли от приемов агитации старого времени, когда мы были преследуемой или борющейся за власть партией. Государственная власть дала нам в руки громадный государственный аппарат, посредством которого агитация была поставлена на новые рельсы. Она велась за эти полтора года в другом масштабе, но при той отчаянной разрухе, которую оставила империалистская война, которую гражданская война усилила, и при тех страшных трудностях, когда нашествие обрушилось на целый ряд губерний России, вы знаете, что агитация наша далеко не сделала того, что надо. Она сделала чудеса по сравнению с прежней, но она не сделала всего и не довела этого дела до конца. Громадные массы крестьян и рабочих сейчас крайне мало затронуты агитацией. Поэтому здесь не приходится ограничиваться старыми рамками, ни в каком случае не приходится полагаться на то, что для этого есть теперь государственные советские органы. Если бы мы на это положились, мы бы задачи не решили. Нужно вспомнить в этом отношении старое, нужно обратить большее внимание на личную инициативу, сказать, что, раз эта личная инициатива будет применена в массовом масштабе, мы осуществим теперь больше, чем прежде, именно потому, что теперь рабочий класс, хотя в массе своей и имеет усталых представителей, но тем не менее своим инстинктом схватил сущность задачи. Даже те, которые в своей политической идеологии—меньшевики и эс-эры—боролись зубами против того, чтобы понять положение дела, загораживали себя железными щитами, не понимая действительности,—даже они поняли, что здесь борьба идет во всем свете между старым, буржуазным, строем и новым, советским. С тех пор, как показала себя германская революция на деле; с тех пор, как ее правительство дало только убийство лучших вождей пролетариата при поддержке социал-патриотов большинства; с тех

пор, как Советская власть победила в ряде европейских стран,— с тех пор вопрос практически решен. Вопрос стоит так: Советская власть или старый, буржуазный, порядок. Это практически решено в историческом масштабе. Инстинкт рабочих решил дело; нужно, чтобы он претворился в удесятеренную агитацию.

Мы не в состоянии увеличить продовольствие, когда его нет, удесятерить число профессиональных агитаторов и интеллигентов, когда их нет,—этого мы не можем сделать. Но мы можем сказать широкой массе рабочих: вы теперь не таковы, какими были до вчерашнего дня. Если вы возьметесь за дело методами, которые представляют личную агитацию, ваша многочисленность победит.

Мы добьемся того, что из этой мобилизации выйдет не только обычная мобилизация, а выйдет действительный поход, решащий окончательно судьбу рабочего класса, сознающего, что эти ближайшие месяцы отделяют нас от последнего и решительного боя — не в том смысле, в каком говорится в песне и в стихах, а в самом буквальном смысле слова, потому что мы теперь взвесили свои практические силы не только по отношению к белогвардейцам.

За год войны мы практически взвесили свои силы по отношению к международному империализму. Было время, когда нас душили немцы, и мы знали, что немцы связаны, что одной рукой их держат англо-французские империалисты. Было время, когда против нас выступали англичане и французы; у них были обе руки развязаны. Если бы они в декабре 1918 г. бросились на нас, мы не смогли бы устоять, а теперь мы испытали их еще несколько тяжелых месяцев и знаем, что они прогнили в смысле буржуазного порядка. И лучшие войска их годятся только для того, чтобы отступать даже перед отрядами повстанцев, которые действовали на Украине. Так что мы рассуждаем вполне ясно, и рабочий класс инстинктом почувствовал, что тут предстоит последний бой, что несколько месяцев решат, победим ли мы здесь окончательно, или мы будем продолжать идти через новые трудности...

Из дальнейших мероприятий прочту те, которые здесь намечены:

«4. Заменить всех мужчин-служащих женщинами. Провести для этого новую перерегистрацию как партийную, так и профессиональную...

5. Учредить немедленно, через профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, партийные организации, кооперативы и т. п., как местные, так и центральные *бюро помощи* или *комитеты содействия*. Их адреса должны быть опубликованы. Население оповещено о них самым широким образом. Каждый мобилизуемый, каждый красноармеец, каждый желающий отправиться на юг, на Дон, на Украину для продовольственной работы должен знать, что в таком близком и доступном для рабочего и для крестьянина бюро помощи или в комитете содействия он найдет

совет, получит указания, ему облегчено будет сношение с военными учреждениями и т. д.

Особой задачей таких бюро должно быть поставлено содействие делу *снабжения Красной армии...*».

...Я позволю себе коснуться несколько разных эпох... Первую нашу военную задачу, которая стоит перед нами, мы решали тем же партизанским нерегулярным восстанием, как сейчас на Украине решают тамошние товарищи. Там мы имеем не столько войну, сколько партизанское движение и стихийное восстание. Оно дает ту гигантскую быстроту натиска и крайнюю хаотичность, при которой использовать продовольственные запасы — задача неизмеримо трудная. Старого аппарата там нет никакого. Даже такого, который нам достался в наследство от смольного периода нашей власти — то был очень плохой аппарат, работавший больше против нас, чем за нас. Но почему такого аппарата нет на Украине? Потому, что она не перешла от периода партизанщины и стихийных восстаний к регулярной армии, которая свойственна упрочившейся власти всякого класса, в том числе и пролетариата. Мы это создали после нескольких месяцев неимоверных трудностей.

По вопросу о снабжении у нас создались специальные учреждения. Мы пришли через известное использование специалистов в деле снабжения, ставили их под партийный контроль, и у нас теперь есть повсюду учреждения военные, которые ведают снабжением. Когда наступает момент крайнего напряжения сил, мы говорим: мы не возвращаемся к старой партизанщине, мы от нее слишком страдали, мы зовем к тому, чтобы в существующие организованные учреждения, регулярные учреждения по снабжению Красной армии, чтобы в них вошли представители рабочего класса. Рабочий класс в массе это сделать может. Вы знаете, как много у нас хаотического по части имущества, по части нахождения, направления его и т. д. Здесь помощь по снабжению Красной армии необходима. Нам военные люди говорят, что успешно пойдет дело при мобилизации большого количества солдат, которые сразу и окончательно решат дело на Восточном фронте. Это дело тормозится больше всего из-за недостатка снабжения. При той разрухе, которую оставила империалистская война и гражданская война, это — неудивительно. Но это требует от нас усвоения и понимания нового положения, новых задач. И мало того, что мы год назад перешли к регулярным учреждениям: нужно еще этим регулярным учреждениям помочь массовым движением, массовой энергией рабочего класса. Здесь намечена приблизительная схема того, как профессиональные союзы могли бы это сделать. Сделать это могут только профессиональные союзы, потому что они ближе всего стоят к производству и руководят наиболее многочисленной массой миллионов

рабочих. Эта задача потребует на несколько месяцев перемены темпа работы и ее характера. Таким путем мы в несколько месяцев обеспечим себе полную победу.

«6. Через профессиональные союзы должно быть организовано широкое вовлечение крестьян, особенно крестьянской молодежи неземледельческих губерний, в ряды Красной армии и для формирования продовольственных отрядов и продармии на Дону и на Украине.

Эту деятельность можно и должно во много раз расширить, она служит одновременно и для помощи голодному населению столиц и неземледельческих губерний и для усиления Красной армии».

Я уже говорил о том, как у нас продовольственные задачи связались с военными, и вы прекрасно понимаете, что нам нельзя не связывать этих задач. Нужно их обязательно связывать. Ни одна задача друг без друга решена быть не может.

«7. По отношению к меньшевикам и эс-эрам линия партии, при теперешнем положении, такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно. Мы не потерпим в своей республике трудящихся людей, не помогающих нам делом в борьбе с Колчаком. Но есть среди меньшевиков и эс-эров люди, желающие оказать такую помощь. Этих людей надо поощрять, давая им практические работы, преимущественно по техническому содействию Красной армии в тылу, при строгой проверке этой работы...».

Тут мы должны сказать, что нам в последнее время пришлось пережить особенно тяжелые и неприятные испытания. Вы знаете, что руководящие группы меньшевиков и эс-эров посмотрели на дело таким образом: «Несмотря ни на что, мы желаем оставаться парламентариями и осуждать одинаково и большевиков и колчаковцев». Извините, — должны были мы им сказать, — теперь нам не до парламента. Нас берут за глотку, и мы бьемся последним и решительным боем. Мы шутить с вами не будем. Если вы устраиваете подобные стачки, вы совершаете величайшее преступление против рабочего класса. Нам всякая забастовка стоит жизни тысяч и тысяч красноармейцев. Мы это видим на месте. Приостановить производство ружей в Туле — это значит погубить тысячи крестьян и рабочих; лишить нас нескольких заводов в Туле — это значит отнять тысячи жизней рабочих. Мы говорим: мы воюем, мы отдаем последние силы, мы считаем эту войну единственно справедливой и законной войной. Мы зажгли социализм у себя и во всем мире. Кто хоть сколько-нибудь мешает этой борьбе, с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот — против нас. А если есть люди, — а мы знаем, что среди меньшевиков есть такие, — которые, не будучи в состоянии или не желая понять происходящего в России, еще не убедились в том, что если в России эти «плохие» большевики создали такую революцию, то в Германии революция рождается в неизмеримо бо́льших муках. Тамошняя демократическая республика — что это

такое? Что такое германская свобода? — Это свобода убивать настоящих вождей пролетариата: Карла Либкнехта, Розу Люксембург и десятки других. Этим шейдемановцы оттягивают свое поражение. Ясно, что они управлять не могут. С 9 ноября прошло пять месяцев существования свободы в германской республике. За это время представителями власти были либо шейдемановцы, либо их пособники. Но вы знаете, что у них вражда кипит все сильнее. Этот пример показывает, что возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата; насколько здесь нет середины, видно из того, что сегодня, например, мы читаем в газете «Frankfurter Zeitung» *). Она говорит, что пример Венгрии доказывает, что нам придется идти к социализму [75]). Венгрия доказала, что буржуазия добровольно отдает власть Советам, зная, что страна находится в таком отчаянном положении, что некому ее спасти, некому вести народ по такому трудному пути спасения, кроме как Советам. И тем людям, которые, колеблясь между старым и новым, говорят: хотя мы и не признаем идейно диктатуры пролетариата, но готовы помогать Советской власти, сохраняя свои убеждения при себе, так как понимаем, что в бешеной войне, не рассуждая, нужно бороться, — таким людям мы отвечаем: если вы хотите заниматься политикой, понимая под политикой то, что вы будете свободно критиковать перед усталыми, измученными массами Советскую власть, не замечая, что этим вы помогаете Колчаку, — мы говорим: таким людям — беспощадная война. Эту линию не легко сразу усвоить и провести. Мы не можем держаться к ним одной линии. Мы говорим: угодно вам заниматься вашей политикой — мы вам предоставим место в тюрьме или в других странах, которые начнут вас принимать. Мы такие страны угостим несколькими сотнями меньшевиков. Или хотите, наконец, сказать себе: мы поможем Советской власти, иначе это означает еще несколько лет гигантских бедствий, которые все-таки окончатся победой Советской власти. Таким людям надо всячески помогать и предоставить практическую работу. Эта политика не может быть определена так легко и сразу, как политика, идущая в одном направлении, но я убежден, что всякий рабочий, который наблюдал на практике, что значит тяжелая война, что значит снабжение Красной армии, что значат все зверства, на которые осужден всякий красноармеец на фронте — всякий рабочий эти уроки политики великолепно поймет. Поэтому я обращаюсь с просьбой принять эти тезисы и все силы профессиональных союзов напрячь на то, чтобы претворить их в жизнь как можно энергичнее и как можно быстрее.

---

*) — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

2.

ОТВЕТ НА ВОПРОС О ЗАБАСТОВКЕ В ТУЛЕ.

Я конкретными материалами относительно Тулы не располагаю и так авторитетно сказать, как предыдущие товарищи, об этом не могу. Но я знаю политическую физиономию газеты «Всегда Вперед!». Это — не что иное, как подстрекательство к стачкам. Это есть попустительство по отношению к нашим врагам — меньшевикам, которые подстрекают на забастовки. Кем-то мне был задан вопрос: доказано ли это? Я отвечу, что, если бы я был адвокатом или стряпчим или парламентарием, я был бы обязан доказывать. Я ни то, ни другое, ни третье, и этого я делать не стану, и это мне не к чему. Допустим, что Ц. К. меньшевиков лучше, чем те меньшевики, которые прямо изобличены в Туле, что они подстрекали, — я даже не сомневаюсь, что часть ближайших членов меньшевистского комитета лучше,—но в политической борьбе, когда вас берут за горло белогвардейцы, разве можно это различать? разве нам до того? Факт есть факт. Пусть они не попустительствовали, но оказались слабыми по отношению к правым меньшевикам. Что же толковать? Правые меньшевики агитируют за забастовку, Мартов или другие осуждают этих правых в своей газете. Что же, чему это нас учит? Мы получаем бумажку, в которой написано: я также осуждаю, но... (Голос: «Что же делать?») Делать то же, что большевистская партия — занять свою позицию не словами, а делами. Заграничная агитация, разве она не использует поведения всех здешних меньшевиков, разве Бернская конференция не поддержала всех империалистов, когда они говорили, что большевики — это узурпаторы? Мы говорим: вы заняли такое положение, когда колчаковские банды причиняют удар, от которого тысячи красноармейцев погибли в стране, на которую давят империалисты всего мира. Может быть, через два года, когда мы победим Колчака, мы будем в этом разбираться, но не теперь. Теперь надо воевать, чтобы в несколько месяцев победить врага, который, вы знаете, на что способен. Вы знаете это на примере Иващенково [76]), знаете, что делает Колчак...

3.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ.

Товарищи! Один из ораторов, который был назван оратором от оппозиции, в резолюции требовал, чтобы мы обратились к нашей конституции. Когда я услышал это, я подумал: не смешал ли оратор нашей конституции с шейдемановской? У Шейдемана и во всех демократических республиках обещаны всем гражданам всякие свободы. Буржуазные республики обещали это всем сотни и тысячи лет. Вы знаете, к чему они пришли, эти буржуазные республики, и как они теперь в мировом масштабе провалились. Громаднейшее большинство рабочих на стороне коммунистов, во всем мире создано даже слово «советист», которого в России нет, и мы можем сказать, что в какую бы страну мы ни пришли, скажи мы слово «советист», и все нас поймут и пойдут за нами. В конституции в статье 23 сказано:

«Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Р. С. Ф. С. Р. лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Мы свобод направо и налево не обещали, а, напротив, прямо сказали в конституции, — которая переведена на все языки: и на немецкий, и на английский, и на швейцарский, и на французский,— прямо заявили, что мы будем лишать свободы социалистов, если она используется ими в ущерб интересам социалистической революции, если она прикрывает свободу капиталистов. Вот почему отсылка на эту конституцию была и формально не верна. Мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции. А кто об этом будет судить?— Судить будет пролетариат.

Здесь старались перенести дело на почву парламентской борьбы. Я всегда говорил: прекрасен парламентаризм, но только времена теперь не парламентарные. Видя, что правительство заявляет, что положение трудное, тов. Лозовский говорит: тут-то население и должно предъявить десятки требований. Так поступали все парламентарии в «добрые старые времена», но теперь это не ко времени. Я знаю, что у нас громаднейшая масса недостатков, знаю, что в Венгрии Советская власть будет лучше, чем у нас... Но когда во время мобилизации нам говорят:

предлагается одно, другое и третье — и давайте торговаться — я говорю, что это применение старого парламентаризма негодно, что сознательные рабочие его уже оттолкнули. Не в этом дело...

... Мы основную линию определили, как классовую борьбу с кулаками, с богатыми элементами, которые против нас. Когда это стало обеспеченным, мы говорим: теперь по отношению к среднему крестьянину нужно добиться более правильной установки. Это — очень трудная работа. Ее вы не выполните в момент большой опасности. Вы должны в этот момент помогать Советской власти такой, какова она есть. Мы в эти месяцы не изменимся. Тут никакой середины нет и быть не может. Создавать эту середину искусственными парламентскими приемами, значит становиться на скользкую почву. Когда оратор заявил, что крестьянство все против нас — это одно из тех «маленьких» преувеличений, которые на практике подстрекают левых эс-эров и меньшевиков. Громадное большинство знает, что крестьянство в огромном большинстве за нас. Оно в первый раз получило Советскую власть. Даже лозунгами восстания, которое охватило ничтожные части крестьянских масс, лозунгами восстания были: «За Советскую власть, за большевиков, долой коммунию». Мы говорим: борьба с этим будет очень упорная, потому что интеллигенция подсунула нам саботаж. Мы должны были брать больше худших элементов, чем лучших. Если лучшие элементы интеллигенции отвернулись, пришлось брать худшие.

Тов. Романов предложил резолюцию, которую он сам проводил после того, как товарищи были арестованы. Они заявляют: «Мы требуем для всех свободы...». (Ленин читает резолюцию.) Они на работу потом встали, но нам это стоило нескольких тысяч потерянных дней и нескольких тысяч жизней красноармейцев, рабочих и крестьян на Восточном фронте.

Я рассуждаю трезво и категорически: что̀ лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы — я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют. Когда пришло такое время, что народ утомлен, сознательные элементы должны помочь ему дотянуть эти несколько месяцев. Не мы победили в Одессе. Смешно же думать, что мы победили. Мы взяли Одессу потому, что их солдаты не шли в бой. Я имею телеграмму с Северного фронта, в которой пишут: «Пошлите английских пленных на фронт». Товарищи здесь говорят, что англичане плачут и заявляют: мы не пойдем назад, в армию. Что это значит? — У них войска не идут в бой. Они в десять раз сильнее нас и не идут.

Вот почему, когда нам говорят: вы много обещали, но ничего не исполнили, — мы отвечаем: мы исполнили основное. Мы обещали, что начинаем революцию, которая станет мировой — и она началась, и она теперь так прочно стоит, что международное наше положение блестяще, — это наше основное обещание мы исполнили, и это, очевидно, громадное большинство сознательных рабочих поняло. Они поняли, что теперь только несколько месяцев отделяют нас от победы над капиталистами во всем мире, несколько месяцев, которые решат всю войну. Вы видите, что на юге мы раньше, чем через несколько месяцев, покончим полностью и освободим армию для востока, так что Антанта — и, англичане, и французы, и американцы — провалились, — это факт. В Одессе они имели 10 тысяч войска и флот — вот как обстояло дело. Тут дело не в парламентаризме и не в уступках, — этого мы не обещаем и не берем на себя, — а тут дело в том, что когда народ устал от войны, когда голод тяжело давит, то какова задача сознательного пролетариата, сознательной части рабочих? Допускать ли игру на усталости? — а это становится игрой. Если мы скажем: прекратить войну, — несознательные массы будут голосовать за это, — а сознательная часть говорит: ты можешь окончить в несколько месяцев. Нужно уставших ободрить, поддержать, повести за собой. Сами товарищи видят, что сознательный рабочий ведет за собой десятки усталых. Мы это говорим и этого требуем. В том и заключается диктатура пролетариата, что один класс ведет за собой другой, потому что он организованнее, сплоченнее, сознательнее. Несознательные поддаются на всякую удочку, и они с усталости готовы на все, а сознательная часть говорит: нужно дотянуть, потому что через несколько месяцев мы побеждаем во всем мире. Вот как стоит вопрос. Я позволю себе думать, что для парламентских дискуссий время не пришло: нужно пойти еще на новое напряжение, чтобы в течение этих месяцев победить, и победить уже окончательно.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ АНРИ ГИЛЬБО: «СОЦИАЛИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ» [77]).

Брошюра тов. *Гильбо* чрезвычайно своевременна. История социалистического и профессионального движения разных стран во время войны должна быть написана для всех стран. Эта история показывает яснее ясного медленный, но неуклонный поворот влево, сдвиг в сторону революционного мышления и революционного действия рабочего класса. Эта история вскрывает, с одной стороны, глубоко лежащие корни III, Коммунистического Интернационала, его подготовку, своеобразную внутри каждой нации, в зависимости от ее исторических особенностей. Глубокие корни III Интернационала надо знать, чтобы понять его неизбежность и различие в путях, подводящих к нему разные национальные социалистические партии.

С другой стороны, история социалистического и профессионального движения за время войны показывает нам начало краха буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, начало поворота от буржуазной демократии к демократии советской или пролетарской. Эту величайшую всемирно-историческую смену очень и очень многие социалисты еще никак не могут понять, будучи скованы цепями рутины, филистерским преклонением перед тем, что есть и что было вчера, мещанской слепотой по отношению к тому, что рождает история гибнущего капитализма во всех странах.

Тов. *Гильбо* взял на себя задачу написать очерк истории французского социалистического и профессионального движения за время войны. Ясный и точный перечень фактов наглядно показывает читателю начало великого поворота, перелома в истории социализма. Можно быть уверенным, что брошюра *Гильбо* не только найдет самое широкое распространение среди всех сознательных рабочих, но и вызовет ряд других подобных

*

брошюр, посвященных истории социализма и рабочего движения других стран за время войны.

Н. Ленин.

Москва, 13. IV. 1919.

Напечатано в 1920 г. в брошюре: Анри Гильбо. «Социализм и синдикализм во Франции во время войны». Изд-во Коммунистического Интернационала. Петербург.

Печатается по тексту брошюры.

РЕЧЬ НА ПЕРВЫХ МОСКОВСКИХ СОВЕТСКИХ КОМАНДНЫХ КУРСАХ 15 АПРЕЛЯ 1919 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин вспоминает слова одного германского генерала, который говорил — что если бы солдаты знали, за что они воюют, то не было бы войны. — Другое дело теперь. Перед Красной армией поставлены великие определенные задачи — освобождение рабочего класса. Наша рабоче-крестьянская Красная армия с каждым днем все растет и крепнет. Этот рост обусловливается глубоким сознанием рабочими и крестьянами своих целей, и если теперь мы на Восточном фронте имеем ряд неудач, то, во всяком случае, мы должны остановить Колчака и разбить его, и мы разобьем его. Красновские банды не раз создавали серьезное положение для Советской России, и, несмотря на поддержку всего буржуазного мира, они разбиты и в скором времени будут добиты. Мы смогли достигнуть этого только благодаря сознательности рабочих и крестьян. Принимая красное знамя от районного комитета, вы должны твердо и уверенно нести его вперед. Каждый день приносит известие, что то там, то здесь поднято красное знамя освобождения. На ваших глазах образовалась Советская республика Венгрии, Советская Бавария, Третий, Коммунистический Интернационал, и вы в скором времени увидите, как образуется Всемирная Федеративная Республика Советов.

Да здравствует Всемирная Федеративная Республика Советов!

Да здравствует Красная армия!

Да здравствуют красные командиры!

«Правда» № 83, 17 апреля 1919 г.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ.

Империалисты стран «Согласия» блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению — даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительств.

Но не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собой помогают нам, побуждая их ставить подножки друг другу. Они заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности. Однако главный орган французской буржуазии «Время» («Le Temps») напечатал сообщение об основании в Москве III, Коммунистического Интернационала [78]).

Мы приносим за это главному органу французской буржуазии, этому вождю французского шовинизма и империализма, нашу почтительнейшую благодарность. Мы готовы послать газете «Время» торжественный адрес в изъявление нашей признательности за то, что она так удачно и так умело нам помогает.

Из того, каким образом газета «Время» составила свое сообщение на основании нашего радио, видны с полной ясностью мотивы, руководившие этим органом денежного мешка. Ему хотелось подпустить шпильку Вильсону, уколоть его: смотрите, дескать, каковы те, с кем вы допускаете переговоры! Мудрецы,

пишущие по заказу денежного мешка, не замечают, как их запугивание Вильсона большевиками превращается, в глазах трудящихся масс, в рекламу для большевиков. Еще раз: наша почтительнейшая благодарность органу французских миллионеров!

Основание III Интернационала произошло в такой мировой обстановке, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов «Согласия» или лакеев капитализма, как Шейдеманы в Германии, Реннеры в Австрии, не способны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему. Обстановку эту создала явно растущая всюду, не по дням, а по часам, пролетарская революция. Обстановку эту создало *советское* движение среди трудящихся масс, которое достигло уже такой силы, что стало действительно *международным*.

Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел *вширь*, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создался в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образованию коммунистических партий в ряде наций. Формально III Интернационал основан на его первом съезде, в марте 1919 г., в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала, его призвание: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения, — эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье, «Международное Общество Рабочих» стало *уже теперь совпадать*, в известной мере, с *Союзом Советских Социалистических Республик*.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелко-буржуазную скверну и *начал осуществлять* диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собой невиданную по прочности

базу: несколько *Советских республик*, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение III, Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы, — мало того: на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили, во всем мире, значение Советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «вожди» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» *через* буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: «Вероятен ли равномерный или гармонически-пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?», — ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу

свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контр-революционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата по одиночке и по-разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата [79]). Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х г.г. XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, т.-е. ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Когда Карл Каутский был еще марксистом, а не тем ренегатом марксизма, каким он стал в качестве борца за единство с Шейдеманами и за буржуазную демократию против советской или пролетарской, он писал в самом начале XX века статью: «Славяне и революция». В этой статье он излагал те исторические условия, которые намечали возможность перехода к славянам гегемонии в международном революционном движении [80]).

Так вышло. На время — само собою разумеется, лишь на короткое время — гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Мне приходилось говорить уже не раз: по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества.

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная — для Европы XX века — политическая отсталость царской монархии вызывала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в Октябре 1917 г., и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 г. указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной [81]). Большевики с начала 1905 г. отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В-третьих, революция 1905 г. чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного *действия* масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 г., революции в 1917 г., как буржуазная, Февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против внешнего перевеса капиталистических, передовых стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение, при глубокой и быстро обостряющейся революционной ситуации, такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как *Советы*.

Этот перечень, конечно, не полон. Но им можно пока ограничиться.

Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как *новый тип государства*. Она стоит уже теперь не одиноко.

Для продолжения *) работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое.

*) В печатном тексте: «проведения». *Ред.*

Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Обанкротившийся II Интернационал умирает теперь и разлагается заживо. Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал. Его крупнейшие идейные вожди, вроде Каутского, прославляют *буржуазную* демократию, называя ее «демократией» вообще или — что̀ еще глупее и еще грубее — «чистой демократией».

Буржуазная демократия отжила, как отжил и II Интернационал, делавший исторически-необходимую, полезную работу, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии.

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии. Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

«Свобода» в буржуазной демократической республике была на деле свободой *для богатых*. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но *фактически* пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала *демократию* для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти *большинства* населения, власти этого большинства *на деле*, как Советская власть.

Она подавляет «свободу» эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них «свободу» эксплуатировать, «свободу» наживаться на голоде, «свободу» борьбы за восстановление власти капитала, «свободу» соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих и крестьян.

Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма.

Ни в чем крах идейных вождей II Интернационала, таких, как Гильфердинг и Каутский, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской или пролетарской демократии, ее отношения к Парижской Коммуне, ее исторического места, ее необходимости, как формы диктатуры пролетариата.

В № 74 газеты «Свобода» («Die Freiheit»), органе «независимой» (читай: мещанской, филистерской, мелко-буржуазной)

германской социал-демократии, помещено 11 февраля 1919 г. воззвание: «К революционному пролетариату Германии».

Это воззвание подписано правлением партии и всей ее фракцией в «Национальном Собрании», в германской «учредилке».

Это воззвание обвиняет Шейдеманов в стремлении устранить *Советы* и предлагает — не шутите! — *сочетать* Советы с учредилкой, дать Советам известные государственные права, известное место в конституции.

Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелко-буржуазные демократы, мнящие себя социалистами.

Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе, при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса.

Но гениально-филистерская идея Гильфердинга, Каутского и К° о мирном соединении диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата требует особого разбора, если хотеть исчерпать экономические и политические нелепости, сгруженные в этом замечательнейшем и комичнейшем воззвании от 11 февраля. Приходится отложить это до другой статьи*).

Москва, 15 апреля 1919 г.
«Коммунистический Интернационал[52]*)» № 1, 1 мая 1919 г.*
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) См. настоящий том, стр. 317—324. *Ред.*

Обложка журнала «Коммунистический Интернационал» № 1 — 1919 г.

Уменьшено.

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ МОСКОВСКОГО УЗЛА 16 АПРЕЛЯ 1919 Г.

Товарищи, мы все знаем, что сейчас наша страна переживает тяжелое время. Нам пришлось объявить мобилизацию, чтобы отразить последний натиск контр-революции и международного империализма. В данный момент необходима действенная помощь самих трудящихся масс в деле успешного проведения этой мобилизации.

Товарищи, вы, конечно, все прекрасно понимаете, какие колоссальные трудности ставит война и каких громадных жертв она требует, тем более теперь, когда страна переживает затруднения в продовольственном деле и связанную с войной разруху транспорта. Из-за этого теперь еще более усилились те муки, которые падают на трудящиеся массы, благодаря этой войне.

Но мы имеем все основания думать и утверждать, что у нас положение дел улучшилось, и что мы выйдем победителями из всех трудностей. Мы не обольщаем себя. Мы знаем, что теперь наш враг — капиталисты Англии, Франции и Америки, заведомо действующие вместе с русскими капиталистами, делают последние попытки, чтобы свалить Советскую власть. Мы видим, что представители помещиков и капиталистов давно уже совещаются в Париже. Мы видим, как они с каждым днем и с каждым часом все больше надеются на то, что Советская власть не выдержит. Но в то же время мы видим, что и до сих пор, пять месяцев спустя после победы над Германией, они еще не смогли заключить мира. Почему? Потому, что дерутся между собой при дележе лакомого куска — кому достанется Турция, кому Болгария, как ограбить Германию, какой кусок достанется Англии, какой Франции и Америке, сколько десятков миллиардов взять контрибуции с немцев. Ясно, что они наверное с Германии не возьмут ничего, потому что страна разорена войной, и трудящиеся массы все с большей и большей энергией выступают против гнета буржуазного правительства.

У нас, товарищи, в силу этого является совершенно определенная и твердая уверенность в том, что в настоящее время, в связи с победой Колчака на Восточном фронте, снова вспыхнула некоторая надежда у русских и у иностранных капиталистов. Но если бы Колчаку и удались частичные победы, то все-таки в Советской Российской республике им осуществить своих надежд не удастся.

Мы знаем, что после победы над Германией у союзников остались капиталы, многомиллионная армия, остался и флот, который не знает соперников. Тотчас после поражения Германии у них была полная возможность направить все силы на завоевание Советской Российской республики. То, что они предпринимали на юге России — их высадка на Черном море, занятие Одессы, — все это со стороны союзных империалистов было направлено против Советской власти.

А что же теперь, пять месяцев спустя? Что же, разве у них не было военных сил, миллионной армии, не было флота? Почему же они должны были отступить перед плохо вооруженной армией украинских рабочих и крестьян?

Потому, что происходит разложение в их собственных войсках, о чем говорят те сведения, которые проникли к нам. Эти сведения подтвердились. Нельзя безнаказанно четыре года вести войну из-за дележа прибылей капиталистов. И теперь, после того, как они разбили Вильгельма, на которого свалили все вины, продолжать войну они не в состоянии. Мы знаем, что в военном отношении страны Согласия могли бы быть и, строго говоря, остаются неизмеримо сильнее нас, но в то же время мы говорим: они проиграли войну против нас. Это не только наше воображение, это не только наше увлечение, это доказали события на Украине. Они не могут воевать после того, как все страны истощены войной, измучены ею, когда становится очевидным каждому, что война продолжается только для сохранения власти капитала над трудящимися. Союзники все еще оттягивают неизбежное заключение мира с Россией, для осуществления которого мы делали целый ряд шагов, который мы предлагали даже на самых тяжелых для нас условиях. Ведь мы знаем, что даже тяжелые финансовые условия неизмеримо легче, чем продолжение войны, которая отнимает лучших детей рабочих и крестьян. Империалистские государства знают, что им против нас войну вести нельзя. Они знают, что такое движение Колчака, мобилизовавшего несколько десятков тысяч сибирской крестьянской молодежи. Он не решился взять в войска фронтовиков, он знает, что они не пошли бы с ним, и держит молодежь палочной дисциплиной и обманами.

Вот почему, хотя и обострилось наше положение, мы говорим с полной уверенностью: мы в состоянии эту войну

окончить в несколько месяцев, и союзники должны будут заключить с нами мир. Они опираются на Колчака, они рассчитывают, что продовольственные трудности скинут Советскую власть, а мы говорим: это не удастся. Конечно, наше продовольственное положение не легкое; мы знаем — подходят еще большие трудности, но мы все-таки говорим: наше положение далеко не так плохо, как оно было в прошлом году; тогда, весной, тяжесть продовольственной разрухи и разрухи транспорта была еще более грозная.

В течение первой половины 1918 г. наши продовольственные органы могли заготовить только 28 миллионов пудов хлеба, за вторую половину года — 67 миллионов. Первая половина всегда бывает более трудной и голодной, и в прошлом году, когда вся Украина была под властью немцев, когда на Дону Краснов получал от немцев десятки вагонов военного снаряжения, когда чехо-словаки захватили Волгу, — продовольственное положение было несравненно хуже.

Теперь к Российской Социалистической Советской Республике прибавились другие. Латышская — упрочила за последнее время свое положение; среди немецких войск, наступавших так быстро, началось разложение, и немецкие солдаты говорят, что за восстановление власти баронов они воевать не пойдут. А Украина, которую на короткое время захватили петлюровцы, от петлюровцев очищена вся, и красные войска идут на Бессарабию. Мы знаем, что международное положение Советской республики упрочивается с каждым днем, можно сказать, с каждым часом. Вы все знаете, что и в Венгрии — Советская власть, что там создалась Советская республика, что буржуазия ушла, и на смену ей встали рабочие, когда обнаружилось, что союзники хотят грабить страну.

Теперь, с завоеванием Украины и с укреплением Советской власти на Дону, наша сила крепнет. Мы говорим теперь, что источники хлеба и продовольствия, возможность получить топливо из Донецкого бассейна у нас есть. Мы уверены, что хотя и подходят самые трудные месяцы, когда продовольственный кризис обострился, когда наш транспорт изношен и разрушен, мы, тем не менее, этот кризис переживем. На Украине имеются громадные запасы, излишки хлеба, их трудно взять сразу — там до сих пор партизанщина, там крестьяне запуганы зверским господством немцев и боятся брать помещичьи земли. Первые шаги строительства на Украине трудны, как это было и у нас в тот период, когда Советская власть была в Смольном.

Мы должны не менее трех тысяч рабочих железнодорожников, частью крестьян из северной голодной России, двинуть на Украину. Украинское правительство уже провело декрет о точной разверстке того количества хлеба, которое можно взять сейчас в размере 100 миллионов пудов.

В одном из округов Донецкого бассейна, по полученным сведениям, также имеется 1 миллион пудов хлеба на расстоянии не более 10 верст от железной дороги.

Вот те запасы, те ресурсы, которых в прошлом году не было, которые теперь есть. Это показывает, что если мы напряжем все силы в течение короткого времени, то через несколько месяцев мы можем окончить войну. У нас перевес на юге решающий. Союзники — французы и англичане — проиграли кампанию, обнаружили, что те ничтожные войска, которыми они располагают, вести войну против Советской республики не могут. Ложь, которую они распространяют про нас, рассеивается, сказкам, что большевики насильно свергли правительство и насилием держатся, уже не верит никто, и теперь все знают, что Советская республика крепнет с каждым днем.

Мы призываем вас теперь, так как в этой мобилизации — вся судьба войны. Мы имеем все основания говорить, что она решит дело в нашу пользу, и тот мир, который мы предлагали империалистам, они вынуждены будут дать, потому что слабеют с каждым днем.

Товарищи, вот почему Советская власть решила напрячь все силы, мобилизовать преимущественно рабочих и крестьян неземледельческих губерний. Мы рассчитываем, что мобилизация, при быстром движении на фронтах, даст возможность улучшить и продовольственное положение тем, что уменьшит число едоков в неземледельческих, наиболее голодных губерниях, тем, что на фронте — а мы ведем войну в наиболее хлебородных и сытых местностях — люди, двинутые туда десятками тысяч, получат возможность прокормиться и что, путем развития почтовых посылок, они получат возможность немедленно помочь оставшимся дома семьям, помочь не менее, чем прежде помогали полуторапудники, а даже больше.

С этой мобилизацией связана возможность быстрого окончания войны, с этой мобилизацией связаны наши надежды на то, что движение Колчака будет приостановлено и окончательно сломлено. Мы не хотим трогать наших войск, которые на юге заканчивают победу над остатками красновских банд, чтобы обеспечить себе самые хлебные местности. Мы взяли почти всю Донскую область, а на Северном Кавказе хлеба еще больше, там запасы еще более значительны, и мы обеспечим их себе, если не ослабим Южного фронта.

Товарищи, у нас в первый раз в мире идет война, когда рабочие и крестьяне, зная, чувствуя и видя, что тяжесть войны необъятна, испытав все муки голода в стране, которую, точно осажденную крепость, окружили империалисты, понимают, что ведут войну за землю, фабрики и заводы. Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве

своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда. И мы уверены, товарищи, что эта мобилизация пройдет несравненно лучше, чем прежние, что она встретит поддержку в вашей среде, что кроме тех агитаторов, которые выступают на собраниях, каждый из вас и каждый ваш знакомый превратится сам в агитатора, сам пойдет к своим товарищам, заводским рабочим и железнодорожникам, и объяснит им понятно, ясно, почему нужно теперь напрячь все силы и в несколько месяцев покончить с врагом. Сами массы поднимутся и, поголовно сделавшись агитаторами, создадут несокрушимую силу, которая обеспечит Советскую республику не только в России, но и во всем мире.

«Правда» № 85, 23 апреля 1919 г.

РЕЧЬ О БОРЬБЕ С КОЛЧАКОМ НА КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ 17 АПРЕЛЯ 1919 Г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Ленин в яркой речи зовет московский пролетариат принять непосредственное участие в борьбе с Колчаком. Последнее колчаковское наступление, по словам Ленина, несомненно подстроено империалистскими державами Согласия. — О том, что именно Антанта руководит всеми белогвардейскими движениями на окраинах, свидетельствует телеграмма, полученная вчера от тов. Стучки: оказывается, что немцы в Курляндии остановили наступление, но мирное соглашение с ними для Советского правительства Латвии невозможно потому, что Франция, Англия и Америка требуют от немцев, чтобы они оставались в Курляндии и продолжали войну; генералы готовы повиноваться победителям, но солдаты решительно отказываются воевать. Последняя карта союзников бита. Победы на юге показали, что у союзников нет сил вести с нами войну, или, вернее, что они потеряли власть над своими военными силами. Союзническая авантюра на юге закончилась позорнейшим актом грабежа при бегстве из Одессы. «Просвещенные» союзники, обвиняющие нас в грабежах и насилиях, увели из Одессы без всякого права и основания весь наш торговый флот, обрекая этим на голод мирное население. Это было актом мести за рухнувшие планы империализма. Мы ликвидировали Южный и Крымский фронты и находимся накануне ликвидации Донского фронта. По последним известиям, мы находимся на расстоянии 40 верст от Новочеркасска. Победа наша обеспечена.

Колчаковское наступление, инспирируемое союзниками, имеет целью отвлечь наши силы с Южного фронта, чтобы дать оправиться остаткам белогвардейских южных отрядов и петлюровцам, но это им не удастся. Ни одного полка, ни одной роты не возьмем мы с Южного фронта.

Для Восточного фронта мы соберем новые армии, и для этого объявлена нами мобилизация. Эта мобилизация будет последней, она даст нам возможность покончить с Колчаком, т.-е. кончить войну, и на этот раз навсегда.

Объявленная теперь мобилизация захватывает неземледельческие, исключительно промышленные губернии. При разработке ее плана были приняты во внимание не только военные интересы, но и интересы земледелия и продовольствия. Мы берем людей из голодных губерний и перебрасываем их в хлебные места. В значительной степени эта мобилизация облегчит продовольственное положение в столицах и северных губерниях. Предоставляя всем мобилизованным право двух продовольственных посылок в месяц для своих семей, мы даем возможность рабочему населению получить хлеб от своих родных, взятых на фронт. По сообщению комиссара почт, продовольственные посылки значительно содействуют снабжению городов; за один день пришло 37 вагонов продовольственных посылок. Результаты этой меры будут несомненно более существенными, более ощутительными, чем результаты прошлогоднего опыта с «полуторапудниками»[83]).

Мобилизация задумана и разработана правильно, но для того, чтобы она удалась, она должна быть осуществлена не чиновничьими способами. Надо помнить, что эта мобилизация играет решающую роль, и требуется напряжение всех сил для ее осуществления. Каждый сознательный рабочий, каждая сознательная работница должны принять в ней непосредственное участие. Мало собраний и митингов, нужна личная агитация, надо обходить мобилизуемых, надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны.

Пролетарская революция охватывает все страны мира; если союзники фактически отказались от открытого военного вмешательства в дела России, то это потому, что они не могут совладать со своими армиями, инстинктивно почувствовавшими русскую революцию. Они боятся своих солдат и рабочих, они опекают их от влияния русской революции. Последнее время в странах Согласия не допускают даже газетных известий об успехах большевизма. В Италии создан барьер, через который не проходят даже частные письма из России. Ленин сообщает, что на-днях он получил письмо от известного итальянского социалиста Моргари, бывшего на конференции в Циммервальде весьма умеренным. Письмо это было переслано тайным образом, написано на маленьких клочках бумаги так, как делалось в партийной переписке в царские времена. В этом конспиративном письме Моргари пишет: «От имени итальянской партии шлю самый горячий привет русским товарищам и Советской власти». (Бурные аплодисменты.) В Венгрии, как известно, буржуазное правительство добровольно ушло в отставку, добровольно освободило из тюрьмы Бела Куна,

венгерского офицера-коммуниста, бывшего в русском плену и активно боровшегося в рядах русских коммунистов, принявшего участие в подавлении лево-эс-эровского восстания в июле прошлого года. Этот, подвергавшийся преследованиям, клевете и издевательствам, венгерский большевик теперь является фактическим руководителем Венгерского Советского правительства. По сравнению с Россией, Венгрия является *малой страной*, но венгерская революция сыграет, пожалуй, бо́льшую роль в истории, чем революция русская. В этой культурной стране учитывается весь опыт русской революции, твердо проводится социализация и, благодаря более подготовленной почве, планомернее и успешнее воздвигается здание социализма.

И вот, в такой момент, когда мы с уверенностью можем сказать, что дело международного империализма проиграно навсегда, на нас надвигается опасность с востока, со стороны ожесточенных и отчаявшихся белогвардейских банд Колчака. С этим надо покончить. *Кончая с Колчаком, мы кончаем войну навсегда.* Необходимо напряжение всех сил, поголовное участие сознательного пролетариата в мобилизации. Каждый свободный день, каждый свободный час сознательного рабочего и работницы должен быть употреблен на личную агитацию. Это напряжение нужно нам не надолго, на несколько месяцев, может быть, недель, и будет оно последним и окончательным, ибо победа наша несомненна.

«Петроградская Правда» № 88, 23 апреля 1919 г.

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТОВ-УЧАЩИХСЯ 17 АПРЕЛЯ 1919 Г. [81]

Очень рад вас приветствовать. Не знаю, сколько здесь представлено губерний и откуда вы приехали. Важно то, что молодежь, коммунистическая молодежь организовывается. Важно то, что молодежь собирается, чтобы учиться строить новую школу. Теперь перед вами новая школа. Старой, нелюбимой, казенной, ненавистной и не связанной с вами школы нет уж. Работа нами рассчитана на очень долгое время. Будущее общество, к которому мы стремимся, общество, в котором должны быть только работники, общество, в котором не должно быть никаких различий, — это общество придется долго строить. Сейчас мы закладываем только камни будущего общества, а строить придется вам, когда вы станете взрослыми. Теперь же работайте по мере своих сил, не берясь за непосильную работу, работайте под руководством старших. Еще раз приветствую съезд и желаю вам всяческих успехов в вашем деле.

Впервые напечатано в 1924 г. в брошюре: В. И. Ленин. «Речи и статьи о молодежи». М.—П. «Молодая Гвардия».

Печатается по тексту брошюры.

ПРИВЕТСТВИЕ БАВАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ [85].

Благодарим за приветствие и со своей стороны приветствуем Советскую республику в Баварии от всей души. Очень просим вас сообщать чаще и конкретнее, какие меры вы провели для борьбы с буржуазными палачами Шейдеманами и К°, создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-ти часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях? Самое спешное и широкое проведение таких и подобных мер при самодеятельности рабочих, батрацких и особо от них мелко-крестьянских Советов должно укрепить ваше положение. Необходимо обложить буржуазию чрезвычайным налогом и дать рабочим, батракам и мелким крестьянам сразу и во что бы то ни стало фактическое улучшение их положения.

Лучшие приветы и пожелания успеха.

Ленин.

27 апреля 1919 г.

Впервые напечатано 22 апреля 1930 в «Правде» № 111.

Печатается по рукописи.

x) ввели ли 6тичасовой рабочий день
с двух или трехчасовыми занятиями по
управлению государством,

Благодарим за приветствие и со
своей стороны приветствуем советскую
республику в Баварии от всей души. Очень
просим вас сообщать чаще и конкретнее
какия меры вы провели для борьбы с бур-
жуазными палачами Шейдеманами и Ко,
создали ли советы рабочих и прислуги по участ-
кам города, вооружили ли рабочих, разоружи-
ли буржуазию, использовали ли склады оде-
жды и других продуктов для немедленной
и широкой помощи рабочим а особенно
батракам и мелким крестьянам, экспро-
приировали ли фабрики и богатства
капиталистов в Мюнхене, а равно ка-
питалистические земледел. хозяйства в его
окрестностях, отменили ли ипотека
и арендную плату для мелких крестьян,
удвоили ли утроили плату батракам и
чернорабочим, конфисковали ли всю
бумагу и все типографии для печатания
популярных листовок и газет для мас-
сы,x) уплотнили ли буржуазию в Мюн-

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Приветствие Баварской Советской республике» — 1919 г.

Уменьшено

ПИСЬМО Г. Е. ЗИНОВЬЕВУ.

30 апреля 1919 г.

Тов. Зиновьев!

Беседуя с тов. Емельяновым, я особенно был поражен тем, что такие, лучшие и надежнейшие, питерские рабочие *зря* себя убивают на технику вроде автогужевого дела.

Непростительно! На технику нанять можно, можно и девятистепенных, и незнакомых, т.-е. неизвестных в смысле честности, брать. А таких, как Емельянов, надо *в деревню, в администрацию*, в управление, в уисполкомы, где честных мало, где нужда в честных отчаянная.

Нельзя ли из тов. Емельянова и 5—10 его друзей составить в Питере *инициативную группу* рабочих, для подбора 300—600 питерских рабочих, с серьезнейшими рекомендациями от партии и от профессиональных союзов, для рассылки по 1, по 2 в уисполкомы всей России.

Я бы этот план всецело поддержал. Снять всех таких (по возрасту не идущих на войну) с техники и с *заменимых* постов и перевести на *администрацию* в деревню. Без группы таких, абсолютно надежнейших и опытных питерских рабочих нам с деревней не добиться крупного улучшения.

Привет!

Ленин.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Красная Летопись» № 2.

Печатается по рукописи.

ТРИ РЕЧИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 1 МАЯ 1919 Г.

ХРОНИКЕРСКИЕ ЗАПИСИ.

1.

После приветствия московскому и всемирному пролетариату, Ленин проводит параллель между прошлогодними первомайскими празднествами и настоящими. За этот год политическая обстановка значительно изменилась в пользу Советской власти. В прошлом году 1 мая мы были под угрозой германского империализма. Теперь он сломлен и повергнут в прах.

Изменилась картина празднования пролетарского дня не только у нас. Во всех странах рабочие стали на путь борьбы с империализмом. Освободившийся рабочий класс победно справляет свой день, свободно и открыто не только в Советской России, но и в Советской Венгрии и в Советской Баварии. Сегодня вместе с тем можно с уверенностью сказать, что не только в Красной Москве, в Красном Петрограде и в Будапеште, но во всех крупных пролетарских центрах рабочие, вышедшие не для прогулки, а для демонстрации своих сил, говорят о значении Советской власти и о близкой победе пролетариата.

Переходя к угрозам англо-французского империализма, Ленин говорит, что если англо-французскому империализму пришлось уступить поле борьбы на Украине, где действовали незначительные отряды повстанцев, то перед силами объединенной Советской России, Венгрии и Баварии ему и совсем не устоять. Оставление Одессы и Крыма показывает, что англо-французские солдаты не желают сражаться против Советской России, и в этом — залог нашей победы.

Ленин сообщает полученную от тов. Каменева телеграмму о том, что Севастополь совершенно очищен от французских отрядов. Таким образом, говорит он, сегодня в освобожденном Севастополе развевается красное знамя пролетариата, празднующего свой день освобождения от империалистских банд.

Останавливаясь на колчаковских угрозах, Ленин говорит, что последние сообщения с фронта дают нам возможность утверждать, что победа над Колчаком совсем близка. На фронт отправляются десятки и сотни тысяч бойцов, которые окончательно уничтожат колчаковские банды.

В заключение Ленин выражает уверенность в окончательной победе Советской власти во всем мире и восклицает: «Да здравствует международная республика Советов! Да здравствует коммунизм!».

«Известия В. Ц. И. К.» № 93, 3 мая 1919 г.

2.

Большинство присутствующих, — говорит Ленин, — не переступивших 30—35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы еще далеки.

Указывая на детей, Ленин говорит, что они, участвующие теперь в празднике освобождения труда, в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв.

— Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

«Вечерние Известия Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов»
№ 230, 3 мая 1919 г.

3.

РЕЧЬ С ЛОБНОГО МЕСТА НА ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА СТЕПАНУ РАЗИНУ.

Сегодня мы празднуем, товарищи, 1 мая с пролетариями всего мира, жаждущими свержения капитала. Это Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжко страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу. Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры. Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу, но не за ту свободу, которую предлагает капитал, свободу с банками, частными фабриками и заводами, со спекуляцией. Долой такую свободу, — нам нужна свобода действительная, возможная тогда, когда членами общества будут только работники. Много труда, много жертв надо будет положить за такую свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма.

«Вечерние Известия Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 230, 3 мая 1919 г.

I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ [86]

6 — 19 мая 1919 г.

Напечатано в 1919 г. в брошюре: Н. Ленин. «Две речи на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию». Госуд. Издательство. Москва. 1919 г.

Печатается по тексту брошюры

1.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ 6 МАЯ.

Товарищи, я очень рад приветствовать съезд по внешкольному образованию. Конечно, вы не ждете от меня речи, которая бы могла входить в существо дела, как это делал осведомленный и специально занимающийся вопросом предыдущий оратор, тов. Луначарский. Мне позвольте ограничиться только несколькими словами приветствия и небольшими наблюдениями и размышлениями, которые мне приходилось делать, когда в Совете Народных Комиссаров доводилось соприкасаться сколько-нибудь близко с непосредственной вашей работой. Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась для рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистской войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которое нам досталось. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радушный прием, и мы часто оказываемся виноватыми

в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас книзу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей.

Первый недостаток — это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривлянпе выдавалось за нечто новое, и под видом чисто-пролетарского искусства и пролетарской культуры [87]) преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное. (А п л о д и с м е н т ы.) Но в первое время это было естественно и может быть простительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки, в конце концов, из этого вылезаем и вылезем. Второй недостаток — это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелко-буржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось это наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части. Конечно, в приветственных речах не очень принято говорить о том, что бывает плохого. Я надеюсь, что вы от этих условностей будете свободны и не посетуете на меня, если я своими несколько печальными наблюдениями поделюсь с вами. Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития наличным силам и эти наличные силы — мелко-буржуазные, с тем же лозунгом — «каждый за себя, а бог за всех», с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, кроме как к Колчаку и к старой буржуазной реставрации, не ведет. Когда посмотришь, что делается у нас в области обучения неграмотных, то в этом отношении я думаю, что сделано очень мало, и наша общая задача здесь — понять, что необходима организованность пролетарских элементов. Дело не в смешных фразах, которые остаются на бумаге, а в тех насущных мерах, которые необходимо народу сейчас дать, которые всякого грамотного человека заставили бы

смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных. Это у нас в декрете провозглашено[88]). В этой области, однако, почти ничего не сделано. Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров с другим вопросом, с вопросом библиотечным, я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались — виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг, и мы не можем произвести их в достаточном количестве, — я говорю себе — это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало, и книг мы получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно и то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него ее не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна — это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно законно, — это неизбежная стадия, и когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации, вместо российского бестолкового хаоса и нелепости, — тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в этом и состоит, а буржуазии было достаточно сломать старое и предоставить свободу крестьянскому хозяйству, которое возрождало тот же капитализм, как и во всех революциях прежнего времени.

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили с внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей

пролетарской революции, — организация десятков и сотен миллионов людей. После полуторагодичного опыта в этой области, который мы все проделали, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которых нам приходилось все время страдать.

2.

РЕЧЬ ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА 19 МАЯ.

Товарищи, позвольте мне, вместо оценки текущего момента, которой, кажется, некоторые из вас на сегодня ожидали, дать ответ на наиболее существенные политические вопросы, конечно, не только теоретические, но и практические, которые сейчас перед нами становятся, которые характеризуют весь этап советской революции и которые вызывают больше всего споров, больше всего нападок со стороны людей, считающих себя социалистами, больше всего недоумения со стороны людей, которые считают себя демократами и особенно охотно и особенно широко распространяют обвинения против нас за нарушение нами демократизма. Мне кажется, что эти общие политические вопросы слишком часто, даже постоянно встречаются во всей теперешней пропаганде, агитации, во всей литературе, враждебной большевизму, — если, конечно, эта литература хоть чуточку поднимается над уровнем простой лжи, клеветы и брани, какой характер она носит во всех органах буржуазии. Если мы возьмем литературу, хоть чуточку поднимающуюся над этим, то я думаю, что основные вопросы об отношении демократии к диктатуре, о задачах революционного класса в революционный период, о задачах перехода к социализму вообще, об отношениях рабочего класса и крестьянства, мне думается, что эти вопросы составляют самую существенную основу всех современных политических дебатов и выяснение их, хотя, может быть, иногда и покажется вам несколько отходящим от непосредственной злобы дня, — выяснение их, я думаю, тем не менее должно составлять нашу общую главную задачу. Конечно, в коротком реферате я не могу никоим образом претендовать на то, чтобы охватить все эти вопросы. Я выбрал некоторые из них и о некоторых из этих вопросов и хотел бы побеседовать.

I.

Первый из намеченных мною вопросов, это — вопрос о трудностях всякой революции, всякого перехода к новому строю. Если вы присмотритесь к тем нападкам, которые сыпятся на большевиков со стороны людей, считающих себя социалистами и демократами, — как образец этих людей я могу взять литературные

группы «Всегда Вперед!» и «Дело Народа», — газеты, закрытые, по-моему, по всей справедливости и в интересах революции, газеты, представители которых чаще всего в своих нападках, носящих слишком естественный характер со стороны органов, которые наша власть признает контр-революционными, чаще всего прибегают к теоретической критике, — если вы присмотритесь к тем нападкам, которые несутся на большевизм из этого лагеря, то вы увидите, что в числе обвинений сплошь и рядом фигурирует такое: «Большевики вам, трудящиеся, обещали хлеб, мир и свободу; они не дали ни хлеба, ни мира, ни свободы, они вас обманули и обманули тем, что отступили от демократии». Насчет отступления от демократии будет речь особо. Я сейчас возьму другую сторону в этом обвинении: «Большевики обещали хлеб, мир и свободу, большевики дали на самом деле продолжение войны, дали особенно жестокую и особенно упорную борьбу, войну всех империалистов, капиталистов всех стран Согласия, всех, значит, наиболее цивилизованных и передовых стран против измученной, истерзанной, отсталой, усталой России». Эти обвинения, повторяю, вы увидите в каждой из названных газет, услышите в каждом разговоре буржуазного интеллигента, который, конечно, мнит себя не буржуазным, — вы это услышите постоянно в каждой обывательской речи. Вот я и приглашаю вас подумать над подобного рода обвинениями.

Да, большевики шли на революцию против буржуазии, на насильственное ниспровержение буржуазного правительства, на разрыв со всеми традиционными привычками, обещаниями, заветами буржуазной демократии, на самую отчаянную, насильственную борьбу и войну ради подавления имущих классов, — шли из-за того, чтобы вырвать Россию, а затем и все человечество из империалистской бойни и чтобы положить конец всем войнам. Да, большевики шли на революцию за это, и, конечно, никогда от этой основной, главной своей задачи они не думали отрекаться. И так же несомненно, что попытки выйти из этой империалистской бойни, сломить господство буржуазии, что эти попытки навлекли на Россию поход всех цивилизованных государств. Ибо такова политическая программа Франции, Англии и Америки, как бы они ни уверяли, что они отказываются от интервенции. Как бы ни уверяли в этом Ллойд-Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что это ложь. Мы знаем, что ушедшие и вынужденные уйти из Одессы и Севастополя военные суда союзников блокируют побережье Черного моря и даже обстреливают около Керчи ту часть Крымского полуострова, где засели добровольцы. Они говорят: «Этого мы вам отдать не можем. Если с вами добровольцы не сладят, мы все же отдать этой части Крымского полуострова не можем, потому что вы будете господами над Азовским морем, отрежете

нам путь к Деникину, не дадите возможности снабжать наших друзей». Или развертывается наступление на Петроград: вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносками противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь? Разве не то же самое происходит в Архангельске, в Сибири? Факт таков: весь цивилизованный мир идет сейчас против России.

Спрашивается, впали ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впали в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек? Вот вопрос. Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической, общей форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Возьмем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: «Ну, что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: «В лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невиновного, может быть, в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи с общей цепью революционных событий; либо этот отзыв исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции». Я взял пример Чернышевского, потому что, к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь, в оценке этого индивидуального революционера, расхождения по существу быть не может. Все согласятся, что, если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности, — это либо темнота и невежество безысходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции, угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может.

Я вас приглашаю теперь перейти от отдельного революционера к революции целого народа, целой страны. А разве кто-либо из большевиков отрицал когда-либо, что революция может в окончательной форме победить лишь тогда, когда она охватит все или, по крайней мере, некоторые из наиболее существенных передовых стран? Это мы говорили всегда. Разве мы утверждали, что выход из империалистской войны возможен простым

втыканием штыков в землю? Я нарочно беру именно то выражение, которое мы в эпоху Керенского — и я лично и все наши товарищи — употребляли постоянно в резолюциях, в речах и в газетах. Мы говорили: войну нельзя кончить втыканием штыков в землю; если есть толстовцы, которые так думают, надо пожалеть о людях свихнувшихся, — что же, с них ничего не возьмешь.

Мы говорили, что выход из этой войны может означать революционную войну. Это мы говорили с 1915 г. и потом в эпоху Керенского. И, конечно, революционная война, это — тоже война, такая же тяжелая, кровавая и мучительная вещь. А когда она становится революцией в мировом масштабе, она неизбежно вызывает отпор в таком же мировом масштабе. И поэтому, когда мы теперь стоим в положении, что на Россию идут в поход все цивилизованные страны мира, мы можем не удивляться, если нам за это бросают обвинение в нарушении наших обещаний совсем темные мужички: мы скажем — с них нечего взять. Полная темнота, крайнее невежество их не позволяют обвинять их. Где же, в самом деле, от совершенно темного крестьянина требовать понимания того, что есть война и война, что бывают войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие к его свержению! Для этого надо быть знакомым с классовой борьбой, с основами социализма, чуточку хотя бы с историей революции. Мы от темного крестьянина этого требовать не можем.

Но если человек, который называет себя демократом, социалистом, который идет на трибуну выступать публично, то независимо от того, как он называет себя — меньшевиком, социал-демократом, эс-эром, истинным социалистом, сторонником Бернского Интернационала, — много есть всяких кличек, клички дешевы, — если такой субъект бросает нам обвинение: «Вы обещали мир и вызвали войну!» — то что ему ответить? Можно ли предположить, что он дошел до такой степени темноты, как невежественный крестьянин, что не может отличить войну и войну? Можно ли допустить, что он не понимает разницы между войной империалистской, которая была грабительской войной и теперь разоблачена до конца, — после Версальского мира [89]), только совершенно не умеющие рассуждать и думать или совершенно слепые могут не видеть, что она была грабительской с обеих сторон, — можно ли допустить, что есть хоть один грамотный человек, который не понимает разницы между той войной, войной грабительской, и нашей войной, которая потому приобретает мировой масштаб, что мировая буржуазия поняла, что против нее идет решительный бой? Допустить всего этого мы не можем. И поэтому мы говорим: всякий, кто претендует на звание демократа или социалиста каких угодно оттенков и так или иначе, прямо

или косвенно, пускает в народ обвинения в том, что большевики затягивают гражданскую войну, войну тяжелую, войну мучительную, тогда как они обещали мир, — есть сторонник буржуазии, и мы будем ему так отвечать и будем становиться друг против друга так же, как с Колчаком, — вот наш ответ. Вот в чем дело.

Господа из «Дела Народа» удивляются: «Но ведь мы — против Колчака; какая вопиющая несправедливость, что нас преследуют».

Очень жаль, господа, что вы не хотите связать концов с концами и не хотите понимать той простой политической азбуки, из которой вытекают определенные выводы. Вы уверяете, что вы против Колчака. Я беру газеты «Всегда Вперед!» и «Дело Народа», беру все обывательские рассуждения подобного типа, эти настроения, которых масса в интеллигенции, они преобладают в интеллигенции. Я говорю: всякий из вас, который пускает в народ обвинения такого рода, — это есть колчаковец, потому что он не понимает той элементарной, основной, всякому грамотному человеку понятной разницы между войной империалистской, которую мы разбили, и войной гражданской, которую мы навлекли на себя. Никогда мы не скрывали от народа, что мы на этот риск идем. Мы напрягаем все силы для того, чтобы в этой гражданской войне победить буржуазию и подорвать в корне возможность классового гнета. Нет, не бывало и не может быть революции, которая была бы гарантирована от борьбы долгой, тяжелой и, может быть, полной самых отчаянных жертв. Тот, кто не умеет отличить жертв, приносимых в ходе революционной борьбы, ради ее победы, когда все имущие, все контр-революционные классы борются против революции, тот, кто не умеет отличить эти жертвы от жертв грабительской эксплуататорской войны, — тот является представителем самой крайней темноты, и про него нужно сказать: его нужно посадить за азбуку, и прежде внешкольного образования подвергнуть его низшему школьному, либо это — представитель самого злостного колчаковского лицемерия, как бы он ни назывался, под какими бы кличками ни прятался. А такие обвинения большевиков — это самые обычные и «ходкие» обвинения. Эти обвинения действительно связаны с широкими трудящимися массами, ибо темному крестьянину это понять трудно: он одинаково страдает от войны, ради чего эта война ни велась бы. Меня не удивляет, если я слышу среди темного крестьянства такие отзывы: «На царя воевали, на меньшевиков отвоевали, а теперь еще на большевиков воевать будем». Меня это не удивляет. Действительно, война есть война, она несет с собой тяжелые жертвы без конца. «Говорил царь, что это для свободы и освобождения от ига, говорили меньшевики, что для свободы и освобождения от ига, теперь то же говорят большевики. Все говорят, где же нам разобраться!»

Действительно, темному крестьянину, пожалуй, где же ему разобраться. Такому человеку надо еще учиться элементарной политической грамоте. Но что можно сказать про человека, который обращается с словами «революция», «демократия», «социализм», который претендует на то, чтобы эти слова употреблять, их понимая. Он жонглировать подобными понятиями не может, если не хочет превратиться в политического мошенника, ибо разница между войной двух групп хищников и войной, которую ведет угнетенный класс, восставший против всякого хищничества,— это есть элементарная, коренная и основная разница. Дело не в том, что та или иная партия, тот или иной класс, то или иное правительство войну оправдывали, а дело в том, каково содержание этой войны, каково ее классовое содержание, какой класс ведет войну, какая политика воплощается в войне.

II.

От вопроса об оценке того тяжелого и трудного периода, который мы сейчас переживаем и который неизбежно связан с революцией, я перейду к другому политическому вопросу, который тоже сплошь и рядом всплывает во всех прениях и во всех недоумениях, — это вопрос о блоке с империалистами, о союзе, о соглашении с империалистами.

Вы в газетах, вероятно, встречали имена социалистов-революционеров Вольского и, кажется, второго — Святицкого, которые писали в последнее время и в «Известиях», которые выступили со своим манифестом [90]), которые считают себя уж как раз такими социалистами-революционерами, которых в колчаковщине обвинить нельзя: они от Колчака ушли, они от Колчака пострадали, они, уйдя к нам, оказали нам услугу против Колчака. Это правда. Но присмотритесь к рассуждениям этих граждан, присмотритесь к тому, как они оценивают вопрос о блоке с империалистами, о союзе или соглашении с империалистами. Мне довелось ознакомиться с их рассуждениями тогда, когда их писания были отобраны нашей властью, боровшейся с контр-революцией, и когда приходилось знакомиться с их документами, чтобы как следует оценить их прикосновенность к колчаковщине. Это несомненно лучшие из эс-эровской публики. И в их писаниях я встречал рассуждения такого рода: «Позвольте, от нас ждут раскаяния; ждут, что мы будем каяться. Ни в чем, никогда! Нам каяться не в чем! Нас обвиняют в том, что мы были в блоке, в соглашении с Антантой, с империалистами. А вы, большевики, разве вы не были в соглашении с немецкими империалистами? А что такое Брест? А разве Брест не есть соглашение с империализмом? Вы соглашались с империализмом немецким в Бресте, мы соглашались с империализмом французским, — мы квиты, нам каяться не в чем!».

Это рассуждение, которое я нашел в писаниях названных мною лиц и их единомышленников, я встречаю, когда припоминаю названные мною газеты, когда пытаюсь подвести итог впечатлениям из обывательских разговоров. Это рассуждение вы встретите постоянно. Это одно из основных политических рассуждений, с которым приходится иметь дело. И вот, я приглашаю вас остановиться на разборе, анализе, теоретическом размышлении по поводу этого рассуждения. Каково его значение? Правы ли те, кто говорит: «Мы, демократы, социалисты, были в блоке с Антантой, вы были в блоке с Вильгельмом, Брестский мир заключали, — друг дружку нам попрекать нечем, мы квиты»? Или мы правы, когда мы говорим, что те, кто показал себя не на словах, а делами в соглашении с Антантой против большевистской революции, те суть колчаковцы? Хотя бы они сто тысяч раз это отрицали, хотя бы они лично от Колчака ушли и заявили всему народу, что они против Колчака, они колчаковцы по своим основным корням, по всему содержанию и значению их рассуждений и их дел. Кто прав? Это — основной вопрос революции, и над ним надо подумать.

Чтобы этот вопрос выяснить, я позволю себе привести сравнение, — на этот раз не с индивидуальным революционером, а с индивидуальным обывателем. Представьте себе, что ваш автомобиль окружают бандиты и приставляют вам револьвер к виску. Представьте себе, что вы после этого отдаете бандитам деньги и оружие, предоставляя им уехать на этом автомобиле. В чем дело? Вы дали бандитам оружие и деньги. Это факт. Представьте теперь себе, что другой гражданин дал бандитам оружие и деньги, дабы участвовать в похождениях этих бандитов против мирных граждан.

В обоих случаях есть соглашение. Записано оно или нет, сказано оно или нет, это не существенно. Можно себе представить, что человек отдает молча свой револьвер, свое оружие и свои деньги. Ясно содержание соглашения: «Я тебе даю револьвер, оружие и деньги, ты мне дашь возможность уйти от приятной близости с тобой» (смех); соглашение на-лицо. Точно так же возможно, что молчаливое соглашение заключается человеком, который дает оружие и деньги бандитам для того, чтобы дать им возможность грабить других, и который потом получает частицу добычи. Это тоже молчаливое соглашение.

Я вас спрашиваю, найдется ли такой грамотный человек, который не сумел бы различить обоих соглашений. Вы скажете: это наверно кретин, если действительно найдется такой человек, который неспособен различить то и другое соглашение и который говорит: «Ты дал оружие и деньги бандитам, значит не обвиняй больше никого в бандитизме; какое ты имеешь право после этого обвинять в бандитизме?». Если вы встретите такого грамотного,

вы должны будете признать, или во всяком случае 999 из 1.000 признают, что он не в своем уме и что с таким человеком нельзя рассуждать не только на политические, но даже на уголовные темы.

Я вас приглашаю теперь от этого примера перейти к сравнению Брестского мира и соглашения с Антантой. Что такое был Брестский мир? Разве это не насилие бандитов, которые выступили против нас тогда, когда мы честно предложили мир, предложив всем народам свергнуть *свою* буржуазию? Смешно было бы, если бы мы начали со свержения немецкой буржуазии! Данный договор мы разоблачили перед всем миром, как самый грабительский и разбойничий, заклеймили его и даже отказались сразу подписать этот мир, рассчитывая на содействие германских рабочих. Когда же насильники приставили револьвер к нашему виску, мы сказали: получите оружие, деньги, мы с вами потом расквитаемся иными средствами. На немецкий империализм мы знаем другого врага, которого слепые люди не замечали, — немецких рабочих. Можно ли сравнивать это соглашение с империализмом с тем соглашением, когда демократы, социалисты, социалисты-революционеры, — не шутите, чем крепче, тем звонче — когда они соглашались с Антантой идти против рабочих своей страны? А ведь так стояло дело и так стоит до сих пор. Ведь влиятельнейшая часть европейски-известных меньшевиков и эс-эров за границей и сейчас, и они сейчас соглашаются с Антантой. Подписано это или нет — я не знаю, — наверно не подписано, — умные люди такие вещи делают молча. Но ясно, что такое соглашение есть, раз их носят на руках, дают им паспорта, по всему свету через радиотелеграф рассылают сообщения о том, что сегодня выступил Аксельрод, завтра Савинков или Авксентьев, послезавтра Брешковская. Разве это не соглашение, хотя и молчаливое? И это такое же соглашение с империалистами, как и наше? Его внешний вид так же похож на наше, как похож внешне акт человека, дающего ружье и деньги бандитам, на всякий акт подобного рода, независимо от его цели и характера, — во всяком случае независимо от того, для чего я даю бандитам деньги и оружие. Для того ли, чтобы от них избавиться, когда они на меня нападают, и когда я поставлен в положение, что, если я не дам им револьвер, они меня убьют? Или я даю деньги и оружие бандитам, которые идут на грабеж, о чем я должен знать и в доходе от которого я участвую?

«Я называю, конечно, это освобождением России от диктатуры насильников, я, разумеется, демократ, потому что поддерживаю всем известную Сибирскую или Архангельскую демократию, я борюсь, разумеется, за Учредительное Собрание. Не смейте подозревать меня в чем-нибудь худом и, если я оказываю услугу бандитам, английским, французским, американским империалистам,

то это я делаю ради интересов демократии, Учредительного Собрания, народовластия, единства трудовых классов населения и свержения насильников, узурпаторов, большевиков!»

Цели, конечно, самые благородные. Но не слышали ли все, кто занимается политикой, что политика оценивается не по заявлениям, а по реальному классовому содержанию? Какому классу ты служишь? Если ты в соглашении с империалистами, то участвуешь ты в империалистском бандитизме или нет?

Я в своем «Письме к американским рабочим» *) указал между прочим на то, что американский революционный народ, когда он освобождался в XVIII веке от Англии, когда он вел свою одну из первых и наиболее великих в истории человечества действительно освободительных и одну из немногих в истории человечества действительно революционных войн, он, освобождающий себя, великий революционный американский народ, вступал в соглашения с бандитами испанского и французского империализма, который тогда имел колонии в самой Америке по соседству с этим народом. Он в союзе с этими бандитами бил англичан и от них освободился. Были ли грамотные люди на свете, видели ли вы таких социалистов, социалистов-революционеров, представителей демократии, или как они там еще называются, вплоть до меньшевиков, — видели ли вы когда-нибудь, чтобы они решились публично обвинить за это американский народ, сказать, что он нарушил принцип демократизма, свободы и т. д.? Такого чудака еще не родилось. А теперь являются у нас подобные люди, которые называют себя такими кличками и даже претендуют на то, что они должны быть в одном Интернационале с нами и что это исключительно большевистское озорство, — известное дело, что большевики озорники, — если они устраивают свой Коммунистический Интернационал, не хотят идти в Бернский, хороший, старый, общий, единый Интернационал!

И находятся такие люди, которые говорят: «Нам не в чем каяться — вы соглашались с Вильгельмом, мы соглашались с Антантой, — мы квиты!».

Я утверждаю, что эти люди, если они обладают элементарной политической грамотностью, то они колчаковцы, как бы они от этого лично ни отрекались, как бы лично ни претила им колчаковщина, как бы лично они от Колчака ни пострадали и хотя бы перешли на нашу сторону. Это колчаковцы, так как нельзя себе представить, что они не понимают разницы между вынужденным соглашением в борьбе с эксплуататорами, которое бывали вынуждены сплошь и рядом во всей истории революции заключать эксплуатируемые классы, и между тем, что делали и делают влиятельнейшие из представителей наших якобы-демократов,

*) См. XXIII том Сочинений, стр. 176—189. *Ред.*

представителей якобы - «социалистической» интеллигенции, которые частью вступали вчера, а частью вступают сегодня в соглашение с бандитами и разбойниками международного империализма против *части,* — они так говорят, — против части трудящихся классов своей страны. Эти люди — колчаковцы, и с ними никакое иное отношение не допустимо, кроме того, какое у сознательных революционеров должно быть с колчаковцами.

III.

Я теперь перейду к следующему вопросу. Это вопрос об отношении к демократии вообще.

Мне уже приходилось указывать, что самым ходячим оправданием, самой ходячей защитой тех политических позиций, которые занимают демократы и социалисты против нас, является ссылка на демократию. Самым решительным представителем этой точки зрения в европейской литературе выступил, как вы, конечно, знаете, Каутский, идейный вождь II Интернационала и до сих пор член Бернского Интернационала. «Большевики избрали метод, нарушающий демократию, большевики избрали метод диктатуры, поэтому их дело неправильное», — так он говорит. Этот довод тысячу и миллион раз фигурировал везде и постоянно во всей печати и в названных мною газетах. Его постоянно повторяет и вся интеллигенция, а иногда полусознательно повторяют в аргументации обыватели. «Демократия — это есть свобода, это есть равенство, это есть решение большинства; что может быть выше свободы, равенства, решения большинства! Если вы, большевики, от этого отступили и даже имели при этом наглость открыто сказать, что вы выше и свободы, и равенства, и решения большинства, так тогда не удивляйтесь и не жалуйтесь, что мы вас называем узурпаторами, насильниками!»

Мы этому нисколько не удивляемся, потому что мы хотим больше всего ясности и рассчитываем только на то, чтобы передовая часть трудящихся действительно ясно сознавала свое положение. Да, мы говорили и говорим все время в своей программе, в партийной программе, что мы себя в обман такими прекрасно звучащими лозунгами, как свобода, равенство и воля большинства, не дадим и что мы к тем, кто называет себя демократами, сторонниками чистой демократии, сторонниками последовательной демократии, прямо или косвенно противополагая ее диктатуре пролетариата, — что мы к ним относимся, как к пособникам Колчака.

Разбирайтесь, разобраться надо. Виноваты ли действительно чистые демократы в том, что они проповедуют чистую демократию, защищают ее против узурпаторов, или они виноваты в том, что они оказываются на стороне имущих классов, на стороне Колчака?

Разбираться начнем со свободы. Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существенен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман. И всякий из вас, кто читал Маркса, — я думаю, даже всякий, кто читал хотя бы одно популярное изложение Маркса, — знает, что большую часть своей жизни и своих литературных трудов и большую часть своих научных исследований Маркс посвятил как раз тому, что высмеивал свободу, равенство, волю большинства и всяких Бентамов, которые это расписывали, и доказательству того, что в подкладке этих фраз лежат интересы свободы товаровладельца, свободы капитала, которую он употребляет на то, чтобы угнетать трудящиеся массы.

Мы говорим всякому, кто в момент, когда дошло дело до свержения власти капитала во всем мире, или хотя бы в одной стране, кто в такой исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства, все, кто в такой политический момент обращается со словом «свобода вообще», кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата, — тот помогает эксплуататорам и ничего больше, он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман, как это мы в своей партийной программе заявили прямо. Может быть это лишнее с точки зрения внешнего построения программы, но это самое коренное с точки зрения всей нашей пропаганды и агитации, с точки зрения основ пролетарской борьбы и пролетарской власти. Мы прекрасно знаем, что должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного, — конечно, мы знаем, что он против нас выдвинет знамя свободы. И мы ему отвечаем. Мы считали необходимым этот ответ дать в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Но может быть этого быть не может? Может быть не может быть противоречия свободы с освобождением труда от гнета капитала? Посмотрите на все западно-европейские страны, в каких вы либо бывали, либо, во всяком случае, о каких читали. В каждой книжке освещался их строй, как самый свободный строй, и теперь эти западно-европейские цивилизованные страны — Франция, Англия, Америка — они подняли это знамя, они идут

против большевиков «во имя свободы». На-днях совсем — французские газеты теперь попадают к нам редко, потому что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают, воздух захватить все-таки нельзя, мы перехватываем иностранные радио — на-днях я имел возможность прочесть в радио, которое было послано французским грабительским правительством, идя против большевиков и поддерживая его противников, Франция держит по-прежнему высоко свойственный ей «высокий идеал свободы». Это мы встречаем на каждом шагу, это — основной их тон в полемике против нас.

А что они называют свободой? Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний. В конституции должно быть написано: «Свобода собраний всем гражданам». «Вот это, — говорят они, — есть содержание, вот это есть основное проявление свободы. А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили».

Да, — отвечаем мы, — ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая *узаконяет частную собственность*. Вот в чем суть дела.

Рядом с свободой — собственность, так и написано в вашей конституции. Что вы признаете свободу собраний, это, конечно, громадный прогресс по сравнению с феодальным порядком, средневековьем, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы научить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что если в больших городах бывают большие залы, вроде этой, то они принадлежат капиталистам и помещикам, называются, например, залами «благородного собрания». Вы можете свободно собираться, граждане Российской демократической республики, но это — частная собственность, извините пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: «Мы это перевернем. Это здание из «благородного собрания» мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний». Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Свобода собраний, которая написана в конституции всех буржуазных республик, есть обман, потому что, чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещения для собраний, а лучшие здания — в частной собственности. Сначала отберем лучшие здания, а потом поговорим о свободе.

Мы говорим, что свобода собраний для капиталистов — это величайшее преступление против трудящихся, это есть свобода собраний для контр-революционеров. Мы говорим господам буржуазным интеллигентам, господам сторонникам демократии: вы лжете, когда бросаете нам в лицо обвинение в нарушении свободы! Когда ваши буржуазные великие революционеры в Англии в 1649 г., во Франции в 1792 — 1793 г.г. совершали революцию, они не давали свободы собраний монархистам. Потому и названа Французская революция Великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 г., а что это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца. Так же и мы сумеем поступить с господами капиталистами, ибо мы знаем, что для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их «свободу» отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала, это служит той настоящей свободе, когда не будет зданий, в которых живет отдельная семья и которые принадлежат кому-нибудь в отдельности — помещикам, капиталистам или какому-нибудь акционерному обществу. Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную «свободу». Когда на свете останутся только работники и забудут люди думать о том, что можно быть членом общества не работником, — это будет еще не так скоро, в проволочке виноваты господа буржуа и господа буржуазные интеллигенты, — тогда мы будем за свободу собраний для каждого, а сейчас свобода собраний есть свобода собраний для капиталистов, контр-революционеров. Мы с ними боремся, мы даем им свой отпор и заявляем, что эту свободу мы отменяем.

Мы идем в бой — это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, интеллигентского социализма, когда дело представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картинку социалистического общества, и станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признает необходимость классовой борьбы, говорит: к социализму человечество придет не иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура — слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное, и этаких слов на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплуататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство.

Свобода собраний, — что может быть выше, что может быть лучше этого слова! Мыслимо ли развитие трудящихся и их

сознательности без свободы собраний? мыслимы ли основы человечности без свободы собраний? А мы говорим, что свобода собраний по конституции Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов есть обман, потому что связывает руки у трудящихся масс на все время перехода к социализму, — она есть обман, потому что мы прекрасно знаем, что буржуазия будет все делать, чтобы свергнуть эту власть, столь необычную, столь «чудовищную» в начале. Иначе быть не может в глазах того, кто продумал классовую борьбу, кто сколько-нибудь конкретно, ясно думает об отношении восставших рабочих к буржуазии, которая свергнута в одной стране и не свергнута во всех и которая именно потому, что она свергнута не совсем, с тем бо́льшим озлоблением бросается на борьбу.

Именно после свержения буржуазии классовая борьба принимает самые резкие формы, и никуда не годятся те демократы и социалисты, которые обманывают себя, а потом обманывают и других, говоря: раз буржуазия свергнута, дело кончено. Оно только начато, а не кончено, потому что буржуазия до сих пор не верила той мысли, что она свергнута, и накануне Октябрьской революции шутила очень мило и очень любезно; шутили и Милюков, и Чернов, и новожизненцы. Они шутили: «Ну, пожалуйста, господа большевики, составьте кабинет, сами возьмите власть на парочку недель, — вы прекрасно нам поможете!». Ведь это писал Чернов от эс-эров, это писал Милюков в «Речи», это писала полуменьшевистская «Новая Жизнь» [91]). Они шутили, потому что не брали дела всерьез. А теперь увидели, что дело пошло всерьез, и господа английские, французские и швейцарские буржуа, которые думали, что их «демократические республики» — это броня, которая их защищает, они увидели и осознали, что дело пошло серьезно, и теперь они вооружаются все. Если бы вы могли посмотреть, что делается в свободной Швейцарии, как там поголовно каждый буржуа вооружается, создает белую гвардию, потому что он знает, что вопрос пошел о том, сохранить ли ему свои привилегии, позволяющие держать миллионы в наемном рабстве. Теперь борьба приняла мировой размах, поэтому теперь всякий, кто со словами «демократия», «свобода» выступает против нас, становится на сторону имущих классов, обманывает народ, ибо он не понимает, что свобода и демократия до сих пор были свободой и демократией *для имущих* и лишь крохами со стола для неимущих.

Что такое свобода собраний, когда трудящиеся задавлены рабством капитала и работой на капитал? Это есть обман, и для того, чтобы идти к свободе для трудящихся, надо сначала победить сопротивление эксплуататоров, а если я выдерживаю сопротивление целого класса, то ясно, что я не могу обещать ни свободы, ни равенства, ни решения большинства для этого класса.

IV.

Теперь от свободы я перейду к равенству. Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся вопроса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия, и более болезненного.

Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сначала монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом «равенства». Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк, — так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период Великой Французской революции. Революция шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция пошла дальше. Она говорит, что «равенство», — мы этого не сказали особо в своей программе, но нельзя же повторять бесконечно, это так же ясно, как то, что мы сказали про свободу, — равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим, и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством — это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством — это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал. Можно отнять сразу собственность на богатые здания, можно отнять сравнительно скоро капитал и орудия производства, но возьмите собственность на деньги.

Деньги — ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги — свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги — это остаток вчерашней эксплуатации. Вот что такое деньги. Можно ли как-нибудь сразу их уничтожить? Нет. Еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах, в конституции, и при том положении, когда каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию. И мы не могли отменить денег сразу, мы говорим: пока деньги остаются и довольно долго останутся в течение переходного времени от старого капиталистического общества к новому социалистическому. Равенство есть обман, если оно противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства

есть глупейший и вздорный предрассудок *помимо* уничтожения классов [92]). Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет, — пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социализм в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах. Социализм — это есть первая стадия коммунизма, — но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что, пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу буржуазии. Крестьяне — это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями рабства, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал, как *мелкий хозяин*, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но *собственник и владелец предметов питания.*

И вот тут мы подходим к вопросу, который больше всего вызывает нареканий со стороны наших врагов, который больше всего родит сомнений среди неопытных и невдумывающихся людей и который больше всего отделяет нас от тех, кто желает считаться демократом, социалистом и кто обижается на нас за то, что мы его ни демократом, ни социалистом не считаем, а называем сторонником капиталистов, может быть по темноте, но сторонником капиталистов.

Положение крестьянина таково по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин — полутрудящийся, полуспекулянт.

Это — факт. Из этого факта вы не выскочите, пока не уничтожите деньги, не уничтожите обмен. А для того, чтобы это сделать, нужны годы и годы устойчивого господства пролетариата;

потому что только пролетариат способен победить буржуазию. Когда нам говорят: «Вы — нарушители равенства, вы нарушили равенство не только с эксплуататорами, — с этим я еще, пожалуй, готов согласиться, заявляет какой-нибудь социалист-революционер или меньшевик, не понимая того, что он говорит, — но вы нарушили равенство рабочих с крестьянами, нарушили равенство «трудовой демократии», вы — преступники!». Мы отвечаем: «Да, мы нарушили равенство рабочих с крестьянами и утверждаем, что вы, которые стоите за это равенство — сторонники Колчака». Я недавно читал прекрасную статью тов. Германова в «Правде», в которой были тезисы гражданина Шера [93]), одного из наиболее «социалистических» социал-демократов меньшевиков. Эти тезисы были предложены в одном нашем кооперативном учреждении. Эти тезисы таковы, что надо было бы выгравировать их на доске, повесить во всяком волостном исполкоме и подписать: «Сие есть колчаковец».

Я прекрасно знаю, что этот гражданин Шер и его единомышленники за это назовут меня клеветником и еще похуже. Тем не менее, я приглашаю людей, которые учились азбуке политической экономии и политической грамоте, разобраться внимательно, кто прав, кто виноват. Гражданин Шер говорит: продовольственная политика и вообще экономическая политика Советской власти никуда не годится и надо перейти сначала постепенно, а потом шире к свободной торговле продовольственными продуктами и к обеспечению частной собственности.

Я говорю, что это есть экономическая программа, экономическая основа Колчака. Я утверждаю, что тот, кто читал Маркса, особенно первую главу «Капитала», кто читал популяризацию Маркса хотя бы Каутским: «Экономическое учение Карла Маркса», тот должен будет придти к тому, что действительно в момент, когда происходит революция пролетариата против буржуазии, когда свергается помещичья и капиталистическая собственность, когда голодает страна, разоренная четырехлетней империалистской войной, свобода торговли хлебом есть свобода капиталиста, свобода восстановления власти капитала. Это есть колчаковская экономическая программа, ибо Колчак держится не на воздухе.

Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал над рабочими и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит. Но чем он держится экономически? Он держится свободой торговли, он за нее идет, его *за это* поддерживают все капиталисты. А вы говорите: «Я от Колчака ушел, я не колчаковец». Это, конечно, делает тебе честь, но это еще не доказывает, чтобы у тебя была на плечах

голова, способная рассуждать. Так мы этим людям и отвечаем, нисколько не посягая на честь эс-эров и меньшевиков, которые ушли от Колчака, когда увидели, что это насильник. Но если такой человек в стране, которая борется в отчаянной схватке с Колчаком, продолжает бороться за «равенство трудовой демократии», за свободу торговли хлебом — он и есть колчаковец, он только не понимает дела, не умеет свести концов с концами.

Колчак держится тем, что, взявши богатую хлебом местность, — называется ли он Колчак или Деникин, мундиры разные, сущность одна, — он там разрешает свободу торговли хлебом и *свободу восстановления капитализма.* Так было во всех революциях, так будет у нас, если мы от диктатуры пролетариата перейдем к этой «свободе» и к «равенству» господ демократов, эс-эров, левых меньшевиков и т. д. вплоть иногда до анархистов, — кличек много. Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде — по банде.

Равенство между рабочими и крестьянами нам преподносят «защитники интересов трудового крестьянина», это большею частью эс-эры. Другие, как гражданин Шер, учились марксизму и все же не понимают, что равенства между рабочим и крестьянином на время переходное от капитализма к социализму быть не может, и что тех, кто его обещает, надо признать развивающими программу Колчака, хотя бы они этого не понимали. Я утверждаю, что всякий, кто подумает над конкретными условиями страны, особенно совершенно разоренной страны, тот это поймет.

Наши «социалисты», которые утверждают, что теперь у нас период буржуазной революции, постоянно обвиняют нас в том, что у нас коммунизм потребительский. Некоторые прибавляют — коммунизм солдатский, и воображают себя выше стоящими, воображают, что они поднялись над этим «низменным» видом коммунизма. Это просто люди, которые играют словами. Они книжки видали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли. Бывают такие ученые и даже ученейшие люди. В книжках они читали, что социализм есть высшее развитие производства. Каутский даже и теперь только и делает, что это повторяет. Я на-днях видал одну немецкую газету, которая нечаянно попала к нам, и в ней прочел про последний съезд Советов в Германии. Каутский выступал докладчиком и в своем докладе он подчеркивал, — не он лично, а его жена, так как он был болен, а она его доклад читала, — в этом докладе он подчеркивал, что социализм есть высшее развитие производства и что без производства ни капитализм, ни социализм держаться не может, а немецкие рабочие этого не понимают [94]).

Бедные немецкие рабочие! Они борются с Шейдеманом и Носке, борются с палачами, стараются свергнуть власть палачей,

продолжающих считать себя социал-демократами Шейдемана и Носке, они думают, что идет гражданская война. Убит Либкнехт, убита Роза Люксембург. Все русские буржуа говорят — это было напечатано в екатеринодарской газете: — «Вот как надо с нашими большевиками!». Так и напечатано. Кто понимает дело, прекрасно знает, что вся международная буржуазия стоит на этой точке зрения. Надо защищаться. Шейдеман и Носке ведут гражданскую войну против пролетариата. Война есть война. Немецкие рабочие думают, что находятся в гражданской войне, а все остальные вопросы имеют подчиненное значение. Надо прежде всего прокормить рабочего. Каутский считает это солдатским или потребительским коммунизмом. Надо развивать производство!..

О, премудрые господа! Но как же вы можете развить производство в стране, которая ограблена и разорена империалистами, в которой нет угля, нет сырья, нет орудий? «Развитие производства»! Но у нас не бывает заседания Совета Народных Комиссаров или Совета Обороны, где бы мы не делили последние миллионы пудов угля или нефти и, испытывая мучительное состояние, когда все комиссары берут себе последние остатки и каждому не хватает и надо решать: закрыть фабрики здесь или там, здесь оставить рабочих без работы или там, — мучительный вопрос, но приходится это делать, потому что угля нет. Уголь — в Донецком бассейне, уголь уничтожен немецким нашествием. Вы возьмите Бельгию, Польшу, — это типичное явление, всюду происходит то же самое, как последствие империалистской войны. Это значит, что безработица и голод предстоят на много лет, ибо есть такие копи, которые, когда они залиты, через много лет не восстановишь. И тут нам говорят: «Социализм есть повышение производительности». Книжки вы читали, господа хорошие, книжки вы писали, в книжках вы ничего не поняли. (Аплодисменты.)

Конечно, с точки зрения такого капиталистического общества, которое бы в мирное время мирно перешло к социализму, у нас не было бы более неотложных задач, как поднятие производительности. Только маленькое словечко надо сказать: «Если бы». *Если бы* социализм рождался так мирно, как господа капиталисты не пожелали позволить ему родиться. Маленькая нехваточка вышла. Если бы даже не было войны, то все же господа капиталисты все бы сделали, чтобы не допустить такого мирного развития. Великие революции, даже когда они начинались мирно, как Великая Французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контр-революционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классовой борьбы, а не того мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают

меньшевики, эс-эры, вся эта «демократия». Мирного развития к социализму быть не может. А в теперешний период, после империалистской войны, смешно говорить, чтобы развитие шло мирно, особенно в стране разоренной. Возьмите Францию. Франция — победительница, а там на половину сократилось производство хлеба. В Англии, я видел в английских буржуазных газетах, говорят: «Мы теперь нищие». И в стране разоренной упрекать коммунистов за остановку производства! Кто говорит это, тот либо полный идиот, хотя бы он называл себя трижды вождем Бернского Интернационала, либо предатель рабочих.

В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы *все* спасем и восстановим.

Мы вытерпим многие годы нищеты, возвращения назад, к варварству. Нас отбросила назад, к варварству, империалистская война, и, если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества — рабочего,— мы все вернем, но мы погибнем, если не сумеем спасти его, и поэтому те, кто в этот момент кричит о потребительском и солдатском коммунизме, смотря на других сверху вниз, воображая, что он поднялся выше, чем эти большевики-коммунисты, тот, повторяю, абсолютно ничего не понимает в политической экономии и хватается за цитаты из книг, как ученый, у которого в голове как бы ящик с цитатами, и он высовывает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не описана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует.

В тот момент, когда страна разорена, наша главная основная задача — отстоять жизнь рабочего, *спасти рабочего*, а рабочие гибнут потому, что фабрики встают, а фабрики встают потому, что нет топлива, и потому, что наше производство все искусственное, промышленность оторвана от мест получения сырья. Это во всем мире так. Сырье нужно подвозить русским хлопчато-бумажным фабрикам из Египта, из Америки, самое близкое из Туркестана, а вот подвезите, когда там контр-революционные банды, и английские войска захватили Асхабад и Красноводск, подвезите из Египта, из Америки, когда железные дороги не возят, когда их разорили, когда они стоят, угля нет.

Надо спасать рабочего, хотя он не может работать. Если мы спасем его на эти несколько лет, мы спасем страну, общество и социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство. Так стоит вопрос о социализме, который рождается не из фантазии мирного дурачка, называющего себя социал-демократом, а из реальной действительности, из бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы. Это — факт. Все нужно принести в жертву, чтобы спасти существование рабочего. И с этой точки зрения,

когда подходят и нам говорят: «Мы за равенство трудовой демократии, а вы, коммунисты, вы не даете равенства даже рабочим и крестьянам», — мы отвечаем: рабочий и крестьянин равны, как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику. Только поэтому в нашей конституции и написано, что рабочий и крестьянин неравны.

Вы говорите, что они должны быть равны? Давайте взвесим, рассчитаем. Возьмите 60 крестьян, 10 рабочих. У 60 крестьян есть излишек хлеба. Они ходят оборванные, но у них есть хлеб. Возьмем 10 рабочих. После империалистской войны они оборваны, измучены, у них нет хлеба, топлива, сырья. Фабрики стоят. Что же, они равны по-вашему? 60 крестьян имеют право решать, а 10 рабочих должны подчиняться? Великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства!

Так нам говорят. Мы отвечаем: «Вы шуты гороховые, ибо вы прекраснодушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде».

Мы спрашиваем вас: голодные рабочие в разоренной стране, где фабрики стоят, имеют ли они право подчиняться решению большинства крестьян, если те не дают хлебных излишков? Имеют ли они право взять эти излишки хлеба хоть бы даже насилием, если иначе нельзя? Отвечайте прямо! Тут начинают вилять и вертеться, когда взят вопрос о настоящем существе дела.

Во всех странах промышленность разорена и будет разорена несколько лет, потому что сжечь фабрики или залить копи — штука легкая, взорвать вагоны, поломать паровозы — штука легкая, на это всякий дурак, хотя бы он и назывался немецким или французским офицером, очень способен, особенно если он имеет хорошую машину для взрывов, стрельбы и т. д., но восстановлять — дело очень трудное, на это требуются годы.

Крестьяне есть особый класс: как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб — его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мой пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы. Кто воображает, что переход к социализму будет таков, что один убедит другого, а другой — третьего, тот ребенок в лучшем случае, или политический лицемер, а из людей, которые выступают на политической кафедре, большинство, конечно, относится к последней категории.

Вопрос стоит таким образом, что крестьянин привык к свободной торговле хлебом. Когда мы сбросили капиталистические учреждения, оказалось, что есть еще одна сила, которой держался капитализм, — это сила привычки. Чем решительнее мы сбросили все учреждения, которые капитализм поддерживали, тем яснее

выступила другая сила, которую капитализм поддерживал,— сила привычки. Учреждение можно при удаче разбить сразу, привычку никогда, ни при какой удаче разбить сразу нельзя. Когда мы отдали всю землю крестьянству, освободили его от помещичьего землевладения, когда сбросили все, что связывало его, оно продолжает считать «свободой» свободную продажу хлеба и несвободой — обязательство отдавать по твердой цене излишки хлеба. Что это такое и как это «отдать», негодует крестьянин, особенно, если притом аппарат еще плох, а он плох потому, что вся буржуазная интеллигенция на стороне Сухаревки. Понятно, что этот аппарат должен опираться на людей, которые учатся и в лучшем случае, если они добросовестны и преданы делу, научатся в несколько лет, а до тех пор аппарат будет плох, и иногда примазываются всякие жулики, которые называют себя коммунистами. Эта опасность угрожает всякой правящей партии, всякому победоносному пролетариату, ибо сразу ни сломить сопротивление буржуазии, ни поставить совершенного аппарата нельзя. Мы знаем прекрасно, что аппарат Компрода еще плох. Недавно были произведены научные статистические обследования того, как питается рабочий в неземледельческих губерниях [95]). Оказалось, что он половину всего количества продуктов получает от Компрода, другую половину от спекулянтов; за первую половину платит одну десятую всех своих расходов на продовольствие, за вторую девять десятых.

Половина продовольствия, собранная и доставленная Компродом, собрана, конечно, плохо, но она собрана социалистически, а не капиталистически. Она собрана победой над спекулянтом, а не сделкой с ним, она собрана принесением в жертву всех остальных интересов на свете и в том числе интересов формального «равенства», которым господа меньшевики, эс-эры и К° щеголяют, интересам голодающих рабочих. Оставайтесь с вашим «равенством», господа, а мы останемся с голодными рабочими, которых мы спасли от голода. Как бы нас за нарушение «равенства» меньшевики ни упрекали, а факт тот, что мы наполовину задачу продовольствия решили в условиях неслыханных, неимоверных трудностей. И мы говорим, что если 60 крестьян имеют излишки хлеба, а 10 рабочих голодают, то надо говорить не о «равенстве» вообще и не о «равенстве людей труда», а о безусловной обязанности 60 крестьян подчиниться решению 10 рабочих и дать им, хотя бы даже в ссуду дать, излишки хлеба.

Вся политическая экономия, если кто-либо чему-нибудь из нее научился, вся история революции, вся история политического развития в течение всего XIX века учит нас, что крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа. Он не может идти иначе. Это, конечно, иному демократу, пожалуй, покажется

обидным,—иной подумает, что я из марксистского злопыхательства на крестьянина клевещу. Крестьян большинство, они труженики — и не могут идти своим путем! Почему?

Если вы не знаете почему, сказал бы я таким гражданам, почитайте начатки политической экономии Маркса, его изложение у Каутского, подумайте над развитием любой из крупных революций XVIII и XIX века, над политической историей любой страны XIX века. Она вам ответит почему. Экономика капиталистического общества такова, что господствующей силой может быть только капитал или свергающий его пролетариат.

Иных сил нет в экономике этого общества.

Крестьянин является полутружеником, полуспекулянтом. Крестьянин труженик, потому что потом и кровью добывает себе свой хлеб, его эксплуатируют помещики, капиталисты, купцы. Крестьянин—спекулянт, потому что продает хлеб, предмет необходимости, предмет, который, если его нет, стóит того, чтобы отдать за него все имущество. Голод не тетка; за хлеб отдают и тысячу рублей и сколько угодно, хоть все имущество.

Крестьянин в этом не виноват, но его экономические условия таковы, что он живет в товарном хозяйстве, жил десятки и сотни лет, привык обменивать свой хлеб на деньги. Привычку не переделаешь, деньги уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей, — дело долгих лет. И вот пока остается товарное хозяйство, пока есть голодные рабочие рядом с прячущими излишек хлеба сытыми крестьянами, до тех пор остается известная противоположность интересов рабочих и крестьян, и кто от этой реальной противоположности, созданной жизнью, отделывается фразами о «свободе», «равенстве» и «трудовой демократии», тот пустейший фразер в лучшем случае, а в худшем—лицемерный защитник капитализма. Если капитализм победит революцию, то победит, пользуясь темнотой крестьян, тем, что он их подкупает, прельщает возвратом к свободной торговле. Меньшевики и эс-эры стоят фактически на стороне капитализма против социализма.

Экономическая программа Колчака, Деникина и всех русских белогвардейцев — свободная торговля. Они это понимают, и не их вина, что гражданин Шер этого не понимает. Экономические факты жизни не изменяются от того, что данная партия не понимает их. Лозунг буржуазии — свободная торговля. Крестьян стараются обмануть, говоря: «Не лучше ли было жить по-старинке? Разве не лучше было жить себе свободной, вольной продажей земледельческого труда? Что может быть справедливее?». Так говорят сознательные колчаковцы, и они правы с точки зрения интересов капитала. Чтобы восстановить власть капитала в России, нужно опираться на традиции, — на предрассудок

крестьянина против его рассудка, на старую привычку к свободной торговле, и нужно насильно подавить сопротивление рабочих. Иного выхода нет. Колчаковцы правы с точки зрения капитала, в своей экономической и политической программе они умеют свести концы с концами, понимают, где начало и где конец, понимают связь между свободной торговлей крестьян и насильственным расстрелом рабочих. Связь есть, хотя ее гражданин Шер не понимает. Свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев, расстрел десятков тысяч рабочих,— как в Финляндии,—есть необходимое средство для осуществления этой программы, потому что рабочий не отдаст даром тех завоеваний, которые он приобрел. Связь неразрывная, а люди, которые совершенно ничего не понимают в экономической науке и политике, люди, забывшие основы социализма из-за своей мещанской запуганности, именно меньшевики и «социал-революционеры», эти люди пытаются нас заставить забыть эту связь фразами о «равенстве», о «свободе», воплями, что мы нарушаем принцип равенства внутри «трудовой демократии», что наша конституция «несправедлива».

Голос нескольких крестьян значит столько же, сколько голос одного рабочего. Это — не справедливо?

Нет, это справедливо для той эпохи, когда надо ниспровергнуть капитал. Я знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они у вас из вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода,— вот ваши понятия о справедливости. Это мелко-буржуазные остатки мелко-буржуазных предрассудков,—вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия. А для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала. Свергнуть капитал иначе, как объединенными усилиями пролетариата, нельзя.

Можно ли сразу и прочно объединить десятки миллионов крестьян против капитала, против свободной торговли? Вы не можете этого сделать в силу экономических условий, хотя бы крестьяне были вполне свободны и гораздо более культурны. Этого сделать нельзя, потому что для этого нужны иные экономические условия, для этого нужны долгие годы подготовки. А кто ее произведет, эту подготовку? Либо пролетариат, либо буржуазия.

Крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. *Середины нет.* Он может колебаться, путаться, фантазировать, может порицать, ругать, он может проклинать «узких» представителей пролетариата, «узких» представителей буржуазии. Они-де представляют собой меньшинство. Их можно проклинать, говорить громкие фразы о большинстве, о широком, всеобщем характере вашей трудовой демократии, о

чистой демократии. Слов можно нанизывать сколько угодно. Это будут слова, прикрывающие тот факт, что если крестьянин не идет за рабочим, то он идет за буржуазией. Середины нет и быть не может. И те люди, которые в этот труднейший переход истории, когда рабочие голодают и их промышленность стоит, *не помогают рабочим* взять хлеб по более справедливой, *не* по *«вольной»* цене, не по капиталистической, не по торгашеской цене, — эти люди осуществляют программу колчаковцев, как бы они ни отрицали это сами для себя лично и как бы искренно они ни были убеждены в том, что они добросовестно выполняют свою программу.

V.

Я остановлюсь теперь на последнем вопросе, который я наметил, на вопросе о поражении и победе революции. Каутский, которого я вам назвал, как главного представителя старого, гнилого социализма, не понял задач диктатуры пролетариата. Он упрекал нас в том, что решение по большинству было бы решением, которое могло бы обеспечить мирный исход. Решение диктатурой есть решение военным путем. Значит, если вы не выигрываете военным путем, вы будете побеждены и уничтожены, потому что гражданская война не берет в плен, она уничтожает. Так «пугал» нас испуганный Каутский [96]).

Совершенно верно. Это факт. Правильность этого наблюдения мы подтверждаем. Тут говорить нечего. Гражданская война — более серьезная и жестокая, чем всякая другая. Так всегда бывало в истории, начиная с гражданских войн древнего Рима, потому что войны международные всегда кончались сделками между имущими классами, и только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса.

Я спрашиваю вас: чего же стоят «революционеры», которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением. Революцией называется отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения. Классовая борьба неизбежна. Либо нужно отказаться от революции вообще, либо нужно признать, что борьба с имущими классами будет самой ожесточенной из всех революций. На этот счет среди социалистов, сколько-нибудь сознательных, не было различия во взглядах. Когда мне приходилось разбирать всю ренегатскую подоплеку этих писаний Каутского, я год тому назад писал: Даже если бы, — это было в сентябре прошлого года, — даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы бы ни на секунду не раскаялись,

что мы ее взяли*). И ни один из сознательных рабочих, представляющих интересы трудящихся масс, не раскается в этом, не усумнится, что наша революция тем не менее победила. Ибо революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение. Это может показаться игрой слов, но для того, чтобы показать, что это факт, возьмем конкретный пример из истории.

Возьмите Великую Французскую революцию. Она не даром называется Великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве.

Наша революция для нашего класса, для которого мы служим, для пролетариата, сделала за полтора года уже несравненно больше, чем то, что сделали великие французские революционеры.

Они продержались у себя два года и погибли под ударами объединенной европейской реакции, погибли под ударами объединенных полчищ всего мира, которые сломили французских революционеров, восстановили легитимного, законного монарха во Франции, тогдашнего Романова, восстановили помещиков и на долгие десятилетия задушили всякое революционное движение во Франции. И тем не менее Великая Французская революция победила.

Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что Французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы.

Наша революция за полтора года дала для пролетариата, для того класса, которому мы служим, для той цели, для которой мы работаем, для свержения господства капитала, дала неизмеримо больше, чем Французская революция для своего класса. И потому мы говорим, что, если бы, даже беря возможный гипотетически, худший из возможных случаев, если бы завтра какой-нибудь счастливый Колчак перебил поголовно всех и каждого большевика, революция осталась бы непобедимой. И доказательство наших слов мы находим в том, что новая государственная организация, которая выдвинута этой революцией, морально уже победила в рабочем классе всего мира, уже сейчас пользуется поддержкой его. Когда погибли в борьбе великие французские

---

*) См. XXIII том Сочинений, стр. 394. *Ред.*

буржуазные революционеры, они погибли одинокими, у них не было поддержки в других странах. Против них ополчились все европейские государства и более всего передовая Англия. Наша революция теперь, всего через полтора года господства большевистской власти, добилась того, что новая государственная организация, которую она создала, советская организация, стала понятной, знакомой, популярной рабочим всего мира, стала своей для них.

Я доказывал вам, что диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация. Вот почему в моем кратком приветствии в начале съезда я подчеркнул эту основную, элементарную, простейшую задачу *организации* и вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким «пролетарским культурам». Этим выдумкам я противопоставляю азбуку организации. Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба, — вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась бы на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов. Эту элементарную, простейшую задачу организации решите, и мы победим. Ибо тогда пойдет вполне с нами крестьянин, который колеблется между рабочим и капиталистом, который не знает, идти ли ему к людям, которым он еще не верит, но не может отказать им в том, что они осуществляют порядок труда более справедливый, при котором эксплуатации не будет, при котором «свободная» торговля хлебом будет государственным преступлением, идти ли за ними, или за теми, которые по старинке обещают свободную торговлю хлебом, которая будто бы обозначает свободу труда. Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок, — а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав, хотя много смутного, много реакционного и много предрассудков связано с этим крестьянским стремлением к порядку, — то крестьянин в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочим. Крестьянин не может просто, легко, сразу выйти из старого общества к новому. Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценой разорения трудящихся, ценою превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок. С него, забитого, темного, распыленного, и спрашивать нельзя большего. Он не поверит никаким словам, никаким программам. И хорошо сделает, что не поверит словам, потому что иначе не было бы выхода из обманов. Он поверит только делу,

практическому опыту. Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете распределить хлеб и уголь так, чтобы спасти каждый пуд хлеба и каждый пуд угля, умеете добиться того, чтобы излишек каждого пуда хлеба и каждого пуда угля не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям Сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных рабочих, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача пролетарской культуры, пролетарской организации. Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. *И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно непобедимо.*

Если пролетарская организация покажет крестьянину, что порядок правилен, распределение труда и хлеба правильно, забота о каждом пуде хлеба и угля осуществлена, что мы, как рабочие, своей товарищеской, союзной дисциплиной можем это осуществить, что насилием мы боремся, только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика, и что мы идем на соглашение с середняком-крестьянином, крестьянином-тружеником, что мы готовы ему дать все, что мы можем дать сейчас, — если крестьянин увидит это, то его союз с рабочим классом, его союз с пролетариатом будет нерушим, — к этому мы и идем.

Я немного отвлекся, однако, от своей темы и должен вернуться к ней. Теперь во всех странах слово «большевик» и слово «Совет» перестало быть чудаческим выражением, каким было недавно, вроде слова «боксер», которое мы повторяли не понимая. Слово «большевик» и слово «Совет» повторяется теперь на всех языках мира. Сознательные рабочие видят, что буржуазия всех стран каждый день в миллионах экземпляров своих газет поливает клеветой Советскую власть, — они учатся из этой брани. Я недавно читал некоторые американские газеты. Я видел речь одного американского попа, который говорил, что большевики безнравственные люди, что они вводят национализацию женщин, что это разбойники, грабители. И я видел ответ американских социалистов: они распространяют по 5 центов конституцию Советской республики России, этой «диктатуры», не дающей «равенства трудовой демократии». Они отвечают, цитируя один параграф из этой конституции этих «узурпаторов», «разбойников», «насильников», нарушающих единство трудовой демократии. Между прочим, когда приветствовали Брешковскую, крупнейшая капиталистическая газета Нью-Йорка печатала аршинными буквами в день приезда Брешковской: «Добро пожаловать, бабушка!».

Американские социалисты перепечатали это и говорили: «Она за политическую демократию, — удивляться ли вам, американские рабочие, что ее хвалят капиталисты?». Она за политическую демократию. Почему они должны хвалить ее? Потому, что она против Советской конституции. «А вот вам, — говорят американские социалисты, — один параграф из конституции этих разбойников». Они цитируют всегда один и тот же параграф, который говорит: не может избирать и не имеет права быть избранным тот, кто эксплуатирует чужой труд. Этот параграф нашей конституции знают во всем мире. Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняется все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала себе сочувствие рабочих всего мира. Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, потому что победить свою дезорганизаторскую, мелко-буржуазную распущенность — это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это и в миллион раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации. Когда пролетарская организация разрешит эту задачу, тогда социализм окончательно победит. Этому надо посвятить всю свою деятельность и внешкольного и школьного образования. Несмотря на необычайно тяжелые условия, на то, что социалистический переворот впервые в мире происходит в стране с таким низким уровнем культуры, несмотря на это Советская власть уже добилась признания рабочих других стран. Слово «диктатура пролетариата» — слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и говорят: «Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации. Эта организация вся направлена к одной цели — к ниспровержению капитализма. Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами, вроде «свободы», «равенства», нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала». Это мы внесли в Советскую конституцию и привлекли к ней уже симпатии рабочих всего мира. Они знают, что, как бы трудно ни рождался новый порядок, какие бы тяжелые испытания и даже поражения ни пали на долю отдельных Советских республик, никакая сила в мире назад человечество не вернет. (Шумные аплодисменты.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ РЕЧИ: «ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА» *).

Вопрос, который я разбирал в своей речи 19 мая на съезде по внешкольному образованию, именно вопрос о равенстве вообще и о равенстве рабочего и крестьянина в особенности, есть, несомненно, один из самых острых и «больных» вопросов современности, затрагивающий наиболее закоренелые предрассудки мелкого буржуа, мелкого хозяйчика, мелкого товаровладельца, всякого обывателя и девяти десятых интеллигенции (в том числе меньшевистской и эс-эровской интеллигенции).

Отрицание равенства рабочего с крестьянином! Подумать только, какая чудовищная вещь! Конечно, за нее постараются ухватиться все друзья капиталистов, все прихвостни их, а меньшевики и эс-эры в первую голову, чтобы «поддразнить» крестьянина, «разжечь» его, натравить на рабочих, на коммунистов. Такие попытки неизбежны, но так как они основаны на лжи, то позорный провал их обеспечен.

Крестьяне — трезвые, деловые люди, люди практической жизни. Им надо разъяснять дело практически, на простых, житейских примерах. Справедливо ли, чтобы крестьянин, имеющий излишек хлеба, прятал этот излишек, дожидаясь повышения цены до спекулятивной, бешеной высоты и не считаясь с голодным рабочим? Или справедливо, чтобы государственная власть, которую держат в руках рабочие, брала все излишки хлеба не по спекулятивной, не по торгашеской, не по грабительской цене, а по твердой цене, установленной государством?

Вопрос стоит именно так. В этом вся суть. От этой сути дела хотят «отболтаться» всякими фразами о «равенстве» и о «единстве трудовой демократии» всякие обманщики, работающие, подобно меньшевикам и эс-эрам, на пользу капиталистов, на пользу возвращения всевластия капиталистов.

---

*) См. настоящий том, стр. 279—307. *Ред.*

Крестьянин должен выбирать:

за свободную торговлю хлебом, — это значит, за спекуляцию хлебом, это значит за свободу наживаться богатым, за свободу разоряться и голодать бедным, это значит, за возвращение всевластия помещиков и капиталистов, за разрыв союза крестьян с рабочими;

или за сдачу излишков хлеба по твердой цене государству, т. е. объединенной рабочей власти, — это значит, за союз крестьян с рабочими для полного уничтожения буржуазии, для устранения всякой возможности восстановления ее власти.

Так стоит выбор.

Богатенькие крестьяне, кулаки, выберут первое, захотят попробовать счастья в союзе с капиталистами и помещиками против рабочих, против бедноты, но таких крестьян в России будет меньшинство. А большинство крестьян пойдет за союз с рабочими против восстановления власти капиталистов, против «свободы наживаться богачу», против «свободы голодать бедняку», против того, чтобы обманно прикрывать эту проклятую капиталистическую «свободу» (свободу голодной смерти) пышными словами о «равенстве» (о равенстве сытого, имеющего излишки хлеба, с голодным).

Наша задача — бороться с хитрым капиталистическим обманом, который проводят меньшевики и эс-эры посредством звонких и пышных словечек о «свободе» и «равенстве».

Крестьяне! Срывайте личину с тех волков в овечьей шкуре, которые поют сладенькие песни о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», а на деле защищают этим «свободу» помещика угнетать крестьян, «равенство» богача-капиталиста с рабочим или с полуголодным крестьянином, «равенство» сытого человека, прячущего излишек хлеба, с рабочим, которого мучит голод и безработица из-за разорения страны войной. Такие волки в овечьей шкуре — худшие враги трудящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эс-эрами или беспартийными, друзья капиталистов.

«Рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику». «Мы боремся, только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика». «Мы идем на соглашение с середняком-крестьянином, с крестьянином-тружеником» — вот что я заявил в своей речи, вот в чем *суть* дела, вот какова настоящая правда, запутываемая звонкими фразами о «равенстве». И громадное большинство крестьян знает, что это правда, что *рабочее государство* борется с спекулянтами и с богачами, всячески помогая трудящимся и бедным, — тогда как *и помещичье государство* (при царе) *и капиталистическое государство* (при самой свободной и демократической республике) всегда и везде, во всех

странах *помогают богачам грабить тружеников, помогают спекулянтам и богачам наживаться на счет разоряющихся бедняков.*

Эту правду знает всякий крестьянин. И поэтому большинство крестьян, чем они будут сознательнее, тем скорее и тверже сделают свой выбор: за союз с рабочими, за соглашение с рабочим правительством, против государства помещичьего или капиталистического; за Советскую власть против «Учредительного Собрания» или «демократической республики»; за соглашение с большевиками-коммунистами, против поддержки капиталистов, меньшевиков и эс-эров!

* * *

А господам «образованным» демократам, социалистам, социал-демократам, социалистам-революционерам и т. п. мы скажем: на словах вы все признаете «классовую борьбу», на деле вы забываете о ней как раз тогда, когда она особенно обостряется. Забывать же о ней значит переходить на сторону капитала, на сторону буржуазии, против трудящихся. Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, «свобода» и «равенство» не могли быть и никогда не были ничем иным, как выражением равенства и свободы *товаровладельцев*, равенства и свободы *капитала.* Маркс тысячи раз, во всех своих произведениях и особенно в своем «Капитале» (который вы все *на словах* признаете), разъяснял это, издевался над абстрактным пониманием «свободы и равенства», над пошляками Бентамами, не видящими этого, вскрывал материальные корни этих абстракций.

«Свобода и равенство» в буржуазном строе (т.-е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле *наемное рабство* рабочих (формально свободных, формально равноправных) *и всевластие капитала*, гнет капитала над трудом. Это — азбука социализма, господа «образованные», — и вы эту азбуку забыли.

Из этой азбуки следует, что во время пролетарской революции, когда классовая борьба обострилась до гражданской войны, только дурачки и предатели могут отделываться фразами о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии». На деле все решает исход борьбы пролетариата с буржуазией, а промежуточные, средние классы (в том числе вся мелкая буржуазия, а значит и все «крестьянство») неизбежно колеблются между тем и другим лагерем.

Речь идет о присоединении этих промежуточных слоев к одной из главных сил, к пролетариату или к буржуазии. Ничего

иного *быть не может:* кто не понял этого, читая «Капитал» Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме, тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о «свободе» и «равенстве», тот будет думать и говорить *о деле,* т.-е. о конкретных условиях *сближения* крестьян с рабочими, *союза* их против капиталистов, *соглашения* их против эксплуататоров, богачей и спекулянтов.

Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т.-е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «Бернского» или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова и К°.

Н. Ленин.

23 июня 1919 г.

Впервые напечатано в 1919 г. в брошюре: «Две речи на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию». Госуд. Издательство. Москва.

Печатается по тексту брошюры.

РЕЧЬ НА ПРАЗДНИКЕ ВСЕВОБУЧА 25 МАЯ 1919 Г. [97]).

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Сегодня мы празднуем день всеобщего военного обучения трудящихся.

До сих пор военное дело было одним из орудий для эксплуатации пролетариата классом капиталистов и помещиков, и до сих пор во всей Европе власть капиталистов поддерживается остатками старой армии, которой руководят буржуазные офицеры. Но эта самая прочная опора буржуазии падет, когда рабочие возьмут в свои руки винтовку, когда они начнут создавать свою огромную армию пролетариата, начнут воспитывать солдат, которые будут знать, за что они воюют, будут защищать рабочих и крестьян, фабрики и заводы, чтобы помещики и капиталисты не могли вернуть своей власти.

Сегодняшний праздник показывает, каких успехов мы достигли, какая новая сила растет в недрах рабочего класса. Когда мы смотрим на этот парад, мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран, что вместо международной войны будет установлен братский союз международных Советских республик.

Я представляю вам венгерского товарища, Тибора Самуэли, комиссара по военным делам Венгерской Советской республики.

Да здравствует венгерский пролетариат!

Да здравствует интернациональная коммунистическая революция!

«Известия В.Ц.И.К.» № 113, 27 мая 1919 г.

ПРИВЕТ ВЕНГЕРСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью. Всего два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии, а в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас. Это понятно, ибо в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении (трехмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии), наконец, и переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более легким и мирным.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в предрассудках чисто-мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно «мирного» капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять Советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устраняя с своей дороги этих вождей, не удаляя их прочь. Эти люди верили, целиком или на половину, буржуазной лжи про Советскую власть в России и не сумели отличить сущности новой, пролетарской демократии, демократии для трудящихся, демократии социалистической, воплощенной в Советской власти, от буржуазной демократии, перед которой они рабски преклоняются, называя ее «чистой демократией» или «демократией» вообще.

Эти слепые, забитые буржуазными предрассудками, люди не поняли всемирно-исторического поворота от буржуазной к пролетарской демократии, от буржуазной к пролетарской диктатуре. Они смешивали ту или иную особенность русской Советской власти, русской истории, ее развитие с Советской властью в ее международном значении.

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии

совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма *на коммунистической программе.* Сущность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися с пролетариатом во главе их, теперь не возможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата.

Эта диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,— и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму [98]).

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелко-буржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин, как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин, как продавец хлеба, тянет к буржуазии, к свободной торговле, т.-е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог

вести за собой крестьянство и все мелко-буржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда» и так далее и тому подобное,—этим фразерством, на которое так склонны омещанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы, — фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться «нейтрализации» тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины «вольно»-наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством на счет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» *товаровладельцев*, «свободу и равенство» *капиталиста и рабочего*).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупно-капиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему, — только тот

класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции», — только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел — вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию.

Будьте тверды! Победа будет за вами!

Ленин.

27. V. 1919.

«Правда» № 115, 29 мая 1919 г.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

ГЕРОИ БЕРНСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В статье: «Третий Интернационал и его место в истории» *) («Коммунистический Интернационал», № 1, 1. V. 1919, стр. 38 русского издания) я указал на одно из выдающихся проявлений идейного краха представителей старого, гнилого «Бернского» Интернационала. Этот крах теоретиков реакционного, не понимающего диктатуры пролетариата, социализма выразился в предложении германских «независимых» социал-демократов сочетать, соединить, совместить буржуазный парламент с Советской властью.

Самые видные теоретики старого Интернационала, Каутский, Гильфердинг, Отто Бауэр и К°, не поняли, что они предлагают совместить диктатуру буржуазии и диктатуру пролетариата! Люди, составившие себе имя и завоевавшие сочувствие рабочих проповедью классовой борьбы, разъяснением ее необходимости, не поняли, — в самый решительный момент борьбы за социализм — что они целиком сдают все учение о классовой борьбе, целиком отрекаются от него и фактически переходят в лагерь буржуазии, пытаясь совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата.

Это звучит невероятно, но это факт.

В виде редкого исключения, нам удалось теперь в Москве получить довольно много, хотя и разрозненных, иностранных газет, так что является возможность несколько подробнее восстановить — хотя, конечно, далеко не полную — историю колебаний господ «независимых» в самом главном, теоретическом и практическом, вопросе современности. Это — вопрос об отношении диктатуры *(пролетариата)* к демократии *(буржуазной)* или Советской власти к буржуазному парламентаризму.

В своей брошюре «Диктатура пролетариата» (Wien. 1918) господин Каутский писал, что «советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести

---

*) См. настоящий том, стр. 246 — 252. *Ред.*

решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу» (стр. 33 брошюры Каутского). И он добавлял, что большевики сделали ошибку, превратив Советы из «*боевой организации* одного *класса*» в «*государственную организацию*» и тем «уничтожив демократию» (там же).

В своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» *) (Петроград и Москва. 1918) я подробно разобрал это рассуждение Каутского и показал, что оно содержит в себе полное забвение самых основ учения марксизма о государстве. Ибо государство (всякое, в том числе и самая демократическая республика) есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим. Называть Советы боевой организацией *класса* и отрицать за ними право превращаться в «государственную организацию» значит *на деле* отрекаться от азбуки социализма, объявлять или защищать неприкосновенность *буржуазной машины для подавления пролетариата (то-есть* буржуазно-демократической республики, буржуазного государства), значит фактически переходить в лагерь буржуазии.

Нелепость позиции Каутского так бьет в глаза, натиск рабочих масс, требующих Советской власти, так силен, что Каутскому и каутскианцам пришлось позорно отступать, путаться, ибо честно признаться в ошибке они оказались не в состоянии.

9 февраля 1919 г. в газете «Свобода» («Freiheit»), органе «независимых» (от марксизма, но вполне зависимых от мелкобуржуазной демократии) социал-демократов Германии, появляется статья господина Гильфердинга, который *уже* требует превращения Советов в государственные организации, но *на-ряду* с буржуазным парламентом, с «Национальным Собранием», вместе с ним. 11 февраля 1919 г. в воззвании к пролетариату Германии *вся* «независимая» партия принимает этот лозунг (следовательно, и господин Каутский, побивающий свои заявления, сделанные им осенью 1918 года).

Эта попытка совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата есть полное отречение и от марксизма, и от социализма вообще, есть забвение опыта русских меньшевиков и «социалистов-революционеров», которые с 6 мая 1917 г. до 25 октября 1917 г. (старого стиля) проделали «опыт» сочетания Советов как «государственной организации» с *буржуазной* государственностью и позорно провалились на этом опыте.

На партийном съезде «независимцев» (в начале марта 1919 г.) вся партия встала на эту позицию премудрого соединения Советов с буржуазным парламентаризмом [99]). Но вот № 178 «Свободы», от 13 апреля 1919 г. («Приложение»), сообщает,

---

*) См. XXIII том Сочинений, стр. 331—412. *Ред.*

что фракция «независимцев» на II съезде Советов [100]) предложила резолюцию:

«Второй съезд Советов становится на почву советской системы. Согласно этому, политическое и хозяйственное устройство Германии должно базироваться на организации Советов. Советы Рабочих Депутатов суть признанное представительство трудящегося населения во всех областях политической и хозяйственной жизни».

А на-ряду с этим та же фракция предложила съезду проект «директив» (Richtlinien), в которых читаем:

«Всю политическую власть имеет съезд Советов...». «Право избирать и быть избранным в Советы имеют, без различия пола, те, кто выполняет общественно необходимую и полезную работу без эксплуатации чужой рабочей силы...».

Мы видим, следовательно, как «независимые» вожди оказались жалкими мещанами, всецело зависимыми от филистерских предрассудков наиболее отсталой части пролетариата. Осенью 1918 г. эти вожди, устами Каутского, отрекаются от всякого превращения Советов в государственные организации. В марте 1919 г. они сдают эту позицию, плетясь в хвосте рабочей массы. В апреле 1919 г. они опрокидывают решение своего съезда, переходя целиком на позицию коммунистов: «Вся власть Советам».

Не многого стоят такие вожди. Быть показателем настроения наиболее отсталой части пролетариата, идущей позади, а не впереди авангарда, для этого вожди не нужны. И при такой бесхарактерности, с которой они меняют свои лозунги, эти вожди ничего не стоят. К ним нельзя питать доверия. Они будут *всегда* балластом, отрицательной величиной в рабочем движения.

Наиболее «левый» из них некий господин Деймиг (Däumig) рассуждал на съезде партии (см. «Свободу» от 9 марта) следующим образом:

«...Деймиг заявляет, что его ничто не отделяет от требования коммунистов: «Вся власть Советам Рабочих Депутатов». Но он должен обратиться против практически проводимого путчизма партии коммунистов, и против византинизма, который они проявляют по отношению к массам, вместо того, чтобы воспитывать их. Путчистское, раздробленное поведение не может довести вперед...».

Путчизмом немцы называют то, что старые революционеры в России лет 50 тому назад называли «вспышками», «вспышкопускательством», устройство мелких заговоров, покушений, восстаний и т. п.

Обвиняя коммунистов в «путчизме», господин Деймиг доказывает этим только свой «византинизм», свою лакейскую услужливость по отношению к филистерским предрассудкам мелкой

буржуазии. «Левизна» подобного господина, который повторяет «модный» лозунг из трусости перед массой, *не понимая массового революционного движения*, не стоит ломаного гроша.

В Германии идет могучая волна стихийного стачечного движения. Неслыханный подъем и рост пролетарской борьбы, превышающий, видимо, то, что было в России в 1905 г., когда стачечное движение достигло невиданной еще в мире высоты. Говорить о «вспышкопускательстве» пред лицом такого движения, значит быть безнадежным пошляком и лакеем филистерских предрассудков.

Господа филистеры, с Деймигом во главе, мечтают, вероятно, о такой революции (если вообще есть в их головах хоть какая-нибудь идея насчет революции), когда бы массы поднялись *сразу* и *вполне организованно*.

Таких революций не бывает и быть не может. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он не держал миллионные массы трудящихся, громадное большинство их в угнетении, забитости, нужде, темноте. Капитализм не может рухнуть иначе, как чрез посредство революции, поднимающей в ходе борьбы незатронутые раньше массы. Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может.

Что коммунисты потворствуют стихийности, это лганье господина Деймига, совершенно такого же сорта лганье, как то, которое мы слышали много раз от меньшевиков и эс-эров. Коммунисты *не* потворствуют стихийности, *не* стоят за разрозненные вспышки. Коммунисты учат массы организованному, цельному, дружному, своевременному, зрелому выступлению. Филистерским клеветам господ Деймига, Каутского и К° не опровергнуть этого факта.

Но филистеры не способны понять, что коммунисты считают — и вполне правильно — своим долгом *быть с борющимися массами* угнетенных, а не с стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая победу сознательности над стихийностью, *остаются с массами*. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентиками, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке «полной победы», — вот истина, которой господам Деймигам понять не дано.

Тем хуже для них. Они уже вошли в историю всемирной пролетарской революции, как трусливые мещане, реакционные нытики, вчерашние слуги Шейдеманов, сегодняшние проповедники «социального мира», все равно, прячется ли эта проповедь

под видом соединения учредилки с Советами или под видом глубокомысленного осуждения «путчизма».

Рекорд побил в деле замены марксизма реакционно-мещанским нытьем господин Каутский. Он тянет одну ноту: оплакивает происходящее, жалуется, плачет, ужасается, проповедует примирение! Всю жизнь сей печального образа рыцарь *писал* о классовой борьбе и о социализме, а когда дошло дело до максимального обострения классовой борьбы и до кануна социализма, наш мудрец растерялся, расплакался и оказался дюжинным филистером. В № 98 газеты венских предателей социализма, Аустерлицей, Реннеров, Бауэров («Рабочая Газета», 9 апреля 1919 г., Вена, утренний выпуск) Каутский в сотый, если не в тысячный, раз сводит вместе свои ламентации [101]:

«...Экономическое мышление и экономическое понимание — плачется он — выбито из голов у всех классов...». «Долгая война приучила широкие слои пролетариата к полному пренебрежению экономическими условиями и к твердой вере во всемогущество насилия...».

Это — два «пунктика» нашего «весьма ученого» человека! «Культ насилия» и крах производства — вот из-за чего он, вместо анализа *реальных* условий классовой борьбы, сбился на привычное, старинное, исконное мещанское нытье. «Мы ожидали, — пишет он — что революция придет как продукт пролетарской классовой борьбы...», «а революция пришла вследствие военного краха господствующей системы и в России, и в Германии...».

Другими словами: сей мудрец «ожидал» революции мирной! Это великолепно!

Но господин Каутский растерялся до того, что забыл, как он же сам писал раньше, когда был марксистом, о том, что война, весьма вероятно, будет поводом к революции [102]. Теперь, вместо спокойного анализа, какие изменения форм революции *неизбежны* вследствие войны, наш «теоретик» оплакивает свои разбитые «ожидания»!

«...Пренебрежение экономическими условиями со стороны широких слоев пролетариата!»

Какой жалкий вздор! Как хорошо знакома нам эта мещанская песенка по меньшевистским газетам эпохи Керенского!

Экономист Каутский забыл, что когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным «экономическим условием» является *спасение рабочего.* Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство. А чтобы спасти рабочий класс, нужна диктатура пролетариата, единственное средство помешать сваливанию тяжестей и последствий войны на плечи рабочих.

Экономист Каутский «забыл», что вопрос о распределении тягостей поражения решается *классовой борьбой*, и что классовая

борьба в обстановке совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны *неизбежно* меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи, машины изношены и прочее и так далее), а *за спасение от голода*. Только дурачки, хотя бы и весьма «ученые», могут при таком положении «осуждать» «потребительский, солдатский» коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства.

Надо сначала, прежде всего, в первую голову спасти рабочего. Буржуазия хочет сохранить свои привилегии, свалить все последствия войны на рабочего, а это значит уморить рабочих голодом.

Рабочий класс хочет спастись от голода, а для этого надо на-голову разбить буржуазию, обеспечить *сначала* потребление, хотя бы самое скудное, ибо иначе *не дотянуть* полуголодного существования, *не додержаться* до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство.

«Думай о производстве!» говорит сытый буржуа изголодавшемуся и обессиленному от голода рабочему, и Каутский, повторяя эти песни капиталистов якобы под видом «экономической науки», целиком превращается в лакея буржуазии.

А рабочий говорит: «Пусть буржуазия посидит тоже на полуголодном пайке, чтобы труженики могли оправиться, могли *не погибнуть*». «Потребительский коммунизм» есть условие спасения рабочего. Ни перед какими жертвами нельзя останавливаться для спасения рабочего! По полфунту капиталистам, по фунту рабочим — вот как надо выбираться из голодной полосы, из разорения. Потребление изголодавшегося рабочего есть основа и условие восстановления производства.

С полным правом Цеткина заявила Каутскому, что он «*скатывается к буржуазной политической экономии. Производство для человека, а не наоборот...*» [103]).

Совершенно такую же зависимость от мелко-буржуазных предрассудков обнаружил независимый господин Каутский, оплакивая «культ насилия». Когда большевики указывали еще в 1914 г., что империалистская война превратится в гражданскую войну, тогда господин Каутский молчал, сидя в одной партии с Давидом и К°, объявлявшими это предвидение (и этот лозунг) «безумием» [104]). Каутский абсолютно не понял неизбежности превращения империалистской войны в гражданскую, а теперь свое непонимание сваливает на обе борющиеся в гражданской войне стороны! Разве это не образец реакционного мещанского тупоумия?

Но если в 1914 г. непонимание того, что империалистская война неизбежно должна превратиться в гражданскую, было *только*

мещанским тупоумием, то теперь, в 1919 г., это уже нечто худшее. Это — измена рабочему классу. Ибо гражданская война и в России, и в Финляндии, и в Латвии, и в Германии, и в Венгрии есть *факт*. Сотни и сотни раз признавал Каутский в своих прежних произведениях, что бывают исторические периоды, когда классовая борьба неизбежно превращается в гражданскую войну. Это наступило, и Каутский оказался в лагере колеблющейся, трусливой мелкой буржуазии.

«...Дух, одушевляющий Спартака, есть в сущности дух Людендорфа... Спартак достигает не только гибели своего дела, но и усиления политики насилия со стороны социалистов большинства. Носке есть антипод Спартака...».

Эти слова Каутского (из его статьи в венской «Рабочей Газете») до того бесконечно тупы, низки и подлы, что достаточно указать на них пальцем. Партия, которая терпит у себя таких вождей, есть гнилая партия. Бернский Интернационал, к которому принадлежит господин Каутский, должен быть оценен нами по достоинству, с точки зрения этих слов Каутского, как желтый Интернационал.

Как курьез, приведем еще рассуждение господина Гаазе в статье об «Интернационале в Амстердаме» («Свобода», 4 мая 1919 года). Господин Гаазе хвастается тем, что по вопросу о колониях предложил резолюцию, по которой «союз народов, организованный по предложению Интернационала... имеет задачей, *до осуществления социализма...*» (это заметьте!)... «управлять колониями в первую голову в интересах туземцев, а затем в интересах всех народов, объединенных в союзе народов...».

Не правда ли, перл? *До* осуществления социализма *управлять колониями* будет, согласно резолюции сего мудреца, не буржуазия, а какой-то добренький, справедливенький, сладенький «союз народов»!! Чем это отличается практически от подкрашиванья самого гнусного капиталистического лицемерия? И это — «левые» члены Бернского Интернационала...

Чтобы читатель нагляднее мог сравнить всю тупость, низость и гнусность писаний Гаазе, Каутского и К° с реальной обстановкой в Германии, приведу еще одну небольшую цитату.

Известный капиталист Вальтер Ратенау опубликовал книжоночку: «Новое государство» (Der Neue Staat). Книжоночка помечена 24 марта 1919 года. Теоретическая ценность ее равна нулю. Но, как наблюдатель, Вальтер Ратенау вынужден признать следующее:

«...Мы, народ поэтов и мыслителей, по своему побочному занятию (im Nebenberuf) являемся филистерами...

«...Идеализм есть теперь только у крайних монархистов и у спартакистов...».

«Истина без прикрас такова: мы идем к диктатуре, пролетарской или преторианской...» (стр. 29, 52, 65).

Этот буржуа мнит себя, видимо, столь же «независимым» от буржуазии, как господа Каутский и Гаазе мнят себя «независимыми» от мещанства и филистерства.

Но Вальтер Ратенау на две головы выше Карла Каутского, ибо второй хныкает, трусливо прячась от «истины без прикрас», а первый признает ее прямо.

28. V. 1919.

«Коммунистический Интернационал» № 2, 1 июня 1919 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ.
ПО ПОВОДУ «КОММУНИСТИЧЕСКИХ
[redacted]

Написано 28 июня 1919 г.
Напечатано в июле 1919 г. отдельной брошюрой: Н. Ленин. «Великий почин». Госуд. Издательство. Москва

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Н. ЛЕНИН.

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ
ПО ПОВОДУ „КОММУНИСТИЧЕСКИХ
СУББОТНИКОВ“).

Цена 1 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва.—1919.

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Великий почин» — 1919 г.

Печать сообщает много примеров героизма красноармейцев. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, деникинцами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции. Медленно и трудно идет изживание партизанщины, преодоление усталости и распущенности, но оно идет вперед, несмотря ни на что. Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот что является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной армии, ее возрождения, укрепления, роста.

Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, *коммунистических субботников*. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелко-буржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым.

«Правда» от 17 мая поместила статью тов. А. Ж. «Работа по-революционному. (Коммунистическая суббота)». Эта статья так важна, что мы воспроизведем ее полностью:

РАБОТА ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ.

(КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУББОТА.)

Письмо Ц.К. Р.К.П. о работе *по-революционному* дало сильный толчок коммунистическим организациям и коммунистам. Общий подъем направил многих коммунистов-железнодорожников на фронт, но большинству их нельзя было оставить ответственные посты и отыскать новые

способы для работы по-революционному. Сведения с мест о медлительности работы по мобилизации и канцелярская волокита заставили подрайон Московско-Казанской железной дороги обратить внимание на механизм железно-дорожного хозяйства. Оказалось, что по недостатку рабочей силы и слабой интенсивности труда задерживаются срочные заказы и спешный ремонт паровозов. 7 мая на общем собрании коммунистов и сочувствующих подрайона Московско-Казанской дороги был поставлен вопрос о переходе от слов о содействии победе над Колчаком к делу. Вынесенное предложение гласило:

«Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т.-е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны щадить своего здоровья и жизни для завоеваний революции — работу производить бесплатно. *Коммунистическую субботу* ввесть во всем подрайоне до полной победы над Колчаком».

После некоторых колебаний это предложение было принято единогласно.

В субботу, 10 мая, в 6 часов вечера, как солдаты, явились коммунисты и сочувствующие на работу, построились в ряды и без толкотни были разведены мастерами по местам.

Результаты работы *по-революционному налицо*. Прилагаемая сводка указывает предприятия и характер работы (см. стр. 331. *Ред.*).

Общая стоимость работы по нормальной оплате 5.000 тыс. рублей, сверхурочной в $1^1/_2$ раза больше.

Интенсивность труда по нагрузке выше обыкновенных рабочих на 270%. Остальные работы приблизительно такой же интенсивности.

Устранена задерживаемость заказов (срочных) по недостатку рабочей силы и волоките от семи дней до трех месяцев.

Работа происходила при наличии неисправности (легко устранимой) приспособлений, задерживавших отдельные группы от 30 до 40 минут.

Администрация, оставленная для руководства работами, едва успевала подготовить новые, и, может быть, немного преувеличено выражение старика-мастера, что в *коммунистическую субботу* сделано работы за неделю, против работы несознательных и расхлябанных рабочих.

Ввиду того, что на работах присутствовали и просто искренние сторонники Советской власти и ожидают наплыва таковых на будущие субботы, а также желания других районов взять пример с коммунистов-железнодорожников Московско-Казанской дороги, я остановлюсь подробнее на организационной стороне по сообщениям с мест.

На работах было процентов 10 коммунистов, постоянно работающих на местах. Остальные — занимающие ответственные посты и выборные, от комиссара дороги до комиссара отдельного предприятия, а также профессионального союза, и работающих в управлении и Комиссариате Путей Сообщения.

Воодушевление и дружность работы небывалая. Когда без ругани и споров рабочие, конторщики, управленцы, охватив сорокапудовый бандаж колеса для пассажирского паровоза, перекатывали его на место, как трудолюбивые муравьи, на сердце рождалось горячее чувство радости от

Место работы	Наименование работ	Количество рабочих	Количество часов		Произведенная работа
			Един. времен.	Итого	
Москва. Главные паровозные мастерские.	Погрузка материалов для линии, приспособлений для ремонта паровозов и вагонных частей в Перово,—Муром,—Алатырь и Сызрань.	48 21 5	5 3 4	240 63 20	Погружено 7.500 п., разгружено 1.800 п.
Москва. Депо пассажирское.	Сложный текущий ремонт паровоза поезда Троцкого и других.	26	5	130	В общем сделано ремонта на 1½ паровоза.
Москва. Сортировочная.	Текущий ремонт паровозов.	24	6	144	Выпущено 2 паровоза и у 4-х разобраны ремонтируемые части.
Москва. Вагонный отдел.	Текущий ремонт классных вагонов.	12	6	72	2 вагона 3-го класса.
«Перово». Главные вагонные мастерские.	Ремонт вагонов и малый ремонт в субботу, воскресенье.	46 23	6 5	230 115	12 крытых товарных и 2 платформы.
	Итого	205	—	1.014	В общем выпущено 4 паровоза, 16 вагонов и разгружено и нагружено 9.300 пуд.

коллективного труда и крепла вера в непоколебимость победы рабочего класса. Мировым хищникам не задушить победителей-рабочих, внутреннему саботажу не дождаться Колчака.

По окончании работ присутствующие были свидетелями невиданной картины: сотня коммунистов, уставших, но с радостным огоньком в глазах, приветствовала успех дела торжественными звуками Интернационала — и казалось, что эти победные волны победного гимна перельются за стены по рабочей Москве и, как волны от брошенного камня, разойдутся по рабочей России и раскачают уставших и расхлябанных.

А. Ж.

Оценивая этот замечательнейший «пример, достойный подражания», «Правда» от 20 мая в статье тов. Н. Р. под этим заглавием писала:

«Случаи подобного рода работ коммунистов — не редкость. Я знаю о таких случаях на электрической станции и на различных железных дорогах. На Николаевской дороге коммунисты проработали несколько ночей сверхурочно, на подъемке свалившегося в круг паровоза; на Северной дороге, зимой, все коммунисты и сочувствующие проработали несколько воскресений, очищая пути от снега, ячейки многих товарных станций, в целях борьбы с хищениями грузов, совершают ночные обходы станций, — но эта работа была случайной, не систематической. Товарищи казанцы внесли то новое, что делает эту работу систематической, постоянной. «До полной победы над Колчаком», постановили товарищи казанцы, и в этом все значение их работы. Они удлиняют на один час рабочий день коммунистов и сочувствующих на все время военного положения; одновременно они показывают пример продуктивной работы.

Этот пример уже вызвал и *должен* вызвать дальнейшие подражания. Общее собрание коммунистов и сочувствующих Александровской железной дороги, обсудив военное положение и постановление товарищей казанцев, постановило: 1) Ввести «субботники» для коммунистов и сочувствующих Александровской железной дороги. Первый субботник назначается 17 мая. 2) Организовать коммунистов и сочувствующих в примерные, показательные бригады, которые должны будут показать рабочим, как надо работать и что в действительности можно сделать при нынешних материалах, инструментах и питании.

По словам товарищей казанцев, их пример произвел большое впечатление, и на ближайшую субботу они ожидают на работы значительное количество *беспартийных* рабочих. Когда пишутся эти строки, в мастерских Александровской дороги сверхурочная работа коммунистов еще не началась, лишь слух о предполагающихся работах прошел, а уже беспартийная масса всколыхнулась, заговорила. «Мы не знали вчера, а то бы мы приготовились и тоже поработали», «в будущую субботу обязательно приду» — раздается со всех сторон. Впечатление, производимое такого рода работами, очень велико.

Примеру товарищей казанцев должны последовать все коммунистические ячейки тыла. Не только коммунистические ячейки Московского узла, — вся партийная организация России должна последовать этому примеру. И в деревнях коммунистические ячейки должны взяться в первую голову за обработку полей красноармейцев, помогая их семьям.

Товарищи казанцы закончили свою работу в первую коммунистическую субботу пением Интернационала. Если коммунистическая организация всей России последует этому примеру, и будет неуклонно проводить его в жизнь, — ближайшие тяжелые месяцы будут пережиты Российской Советской республикой при громовых звуках Интернационала всех трудящихся республики...

За работу, товарищи-коммунисты!».

«Правда» от 23 мая 1919 г. сообщила, что

«17 мая на Александровской железной дороге состоялся первый коммунистический «субботник». 98 человек коммунистов и сочувствующих проработали, согласно постановления общего собрания, 5 часов сверхурочно, бесплатно, лишь получив право вторично пообедать за деньги, при чем к обеду за деньги же, как рабочим физического труда, было выдано по полфунта хлеба».

Несмотря на то, что работа быда слабо подготовлена и слабо организована, все же *производительность труда была выше обычной в 2—3 раза.*

Вот примеры:

5 токарей в 4 часа сделали 80 валиков. Производительность по сравнению с обычной 213%.

20 чернорабочих в 4 часа собрали старый материал, в количестве 600 пудов и 70 вагонных рессор, по $3^1/_2$ пуда весом каждая, всего 850 пудов. Производительность по сравнению с обычной 300%.

«Товарищи объясняют это тем, что в обычное время работа надоела, прискучила, а здесь работают с охотой, с воодушевлением. Но теперь стыдно будет в обычное время делать меньше, чем в коммунистический субботник».

«Теперь многие беспартийные рабочие заявляют о своем желании участвовать в субботниках. Паровозные бригады вызываются взять из «кладбища» паровоз в субботник, отремонтировать его и пустить в ход.

Получены сведения, что такие же субботники организуются на линии Вязьма».

О том, как идет работа в эти коммунистические субботники, пишет тов. А. Дьяченко в «Правде» от 7 июня. Приводим главную часть его статьи, озаглавленной: «Заметки субботника»:

«С большой радостью собрался я с товарищем отбыть субботний «стаж» по решению железнодорожного подрайона партии и временно, на несколько часов, дать отдых голове, доставив работу мышцам... Нам предстоит работа на деревообделочном заводе дороги. Пришли, увидели своих, поздоровались, пошутили, сосчитали силу — всего 30... А перед нами лежит «чудовище» — паровой котел довольно солидного веса, пудов 600 — 700, и его-то и нужно нам «переставить», т.-е. перекатить чуть ли не $^1/_4$ или $^1/_3$ версты к платформе. Сомнение закрадывается в наши мысли... Но вот мы уже стоим за делом: попросту товарищи подвели под котел деревянные катки, прикрепили две веревки, и работа началась... Подался котел не охотно, но все же пошел. Мы радуемся, нас ведь так мало... ведь этот самый котел тащили чуть ли не две недели рабочие-коммунисты, числом втрое больше, а он упирался, пока не дождался нас... Работаем час, сильно, дружно под мерные звуки команды: «Раз, два, три» нашего тов. закоперщика, и котел идет да идет. Вдруг, что за оказия? Внезапно, смешно покатился целый ряд товарищей, — это «изменила» веревка в руках наших... Но минутная задержка: на месте ее укрепляем канат... Вечер, уже заметно темнеет, но нам нужно еще одолеть небольшую горку, и тогда работа будет скоро сделана. Трещат руки, горят ладони, нагреваемся, прем во-всю, — и дело спорится. Стоит «администрация» и, смущенная успехом, невольно тоже берется за канат: помогай! давно пора! Вот на нашу работу засмотрелся красноармеец. В руках его гармоника. Что он думает? Что за люди? Что им надо в субботу, когда все сидят по домам? Я разрешаю его догадки и говорю: «Товарищ! Сыграй нам

веселую, мы ведь не какие-либо работнички, а настоящие коммунисты,— видишь, как у нас горит работа под руками, не ленимся, а прем». Красноармеец бережно кладет гармошку и скорей спешит к канату...

— «Англичанин мудрец!» — затягивает красивым тенором т. У. Мы вторим ему, и глухо раздаются слова рабочей песни: «Эй, дубинушка, ухнем, подернем, подернем...».

От непривычки мускулы устали, ломит плечи, спину, но... впереди свободный день — наш отдых, успеем выспаться. Цель близка, и после небольших колебаний наше «чудовище» уже почти у самой платформы: подкладывайте доски, ставьте на платформу! — и пусть этот котел даст работу, которой уже давно ждут от него. А мы гурьбой идем в комнату, «клуб» местной ячейки, обвешанную плакатами, уставленную винтовками, ярко освещенную, и после хорошо спетого «Интернационала» лакомимся чаем с «ромом» и даже хлебом. Такое угощение, устроенное местными товарищами, как нельзя более кстати после нашей тяжелой работы. Братски прощаемся с товарищами и строимся в колонки-ряды. Песни революции оглашают в ночной тишине сонную улицу, мерные звуки шагов вторят песне. «Смело, товарищи, в ногу», «Вставай, проклятьем заклейменный» — несется наша песня Интернационала и труда.

Прошла неделя. Руки и плечи у нас отдохнули, и мы едем на «субботник» теперь уже за 9 верст, делать вагоны. Это — в Перово. Товарищи взобрались на крышу «американца» и звучно и красиво поют «Интернационал». Поездная публика прислушивается и, видимо, удивлена. Мерно стучат колеса, и мы, не успев влезть наверх, висим вокруг «американца» на лестницах, изображая «отчаянных» пассажиров. Вот и остановка, мы уже у цели, проходим длинный двор и встречаем радушного тов. комиссара Г.

— Работа есть, людей-то мало! Всего 30, а выпустить за 6 часов из среднего ремонта нужно чортову дюжину вагонов! Вот стоят размеченные скаты колес, есть не только пустые вагоны, еще и полная цистерна... но ничего, «приспособимся», товарищи!

Работа кипит. Я с пятью товарищами работаю важками, т.-е. рычагами. Эти 60- и 70-пудовые колесные пары, под напором наших плеч, двумя важками, направляемые тов. «закоперщиком», живо и лихо перепрыгивают у нас с одних путей на другие. Одна пара убрана, — новая на ее месте. Вот уже всем им есть место, и мы это изношенное старье быстро-быстро по рельсам «сплавляем» в сарай... Раз, два, три, — подхвачены они на воздух железным вертящимся важком, и их уж нет на рельсах. Там, в темноте, идет стук молотков, то быстро, как пчелы, работают товарищи у своих «больных» вагонов. И столярят, и малярят, и крышу кроют, — работа кипит на радость нашу и тов. комиссара. А там понадобились наши руки и кузнецам. В переносном горне лежит раскаленное «правило», т.-е. вагонный стержень с крюком, изогнутым неловким толчком. Белый, с искрами он очутился на чугунной плите и ловкими нашими ударами, под глазомером опытного товарища, принимает свою нормальную форму. Он еще бело-красный, а уже на плечах наших быстро-быстро подается к своему месту и с искрами вставлен в железную дыру, — несколько ударов, и он на месте. Лезем под вагон. Там устройство этих сцепок и правил совсем не так просто, как кажется, там целая система с заклепками и спиральной пружиной... Кипит работа, темнеет ночь, ярче горят факелы. Скоро конец. Часть товарищей «приткнулась» у кучки ободьев и

«потягивает»» горячий чаек. Свежа майская ночь, и красив на небе серп молодого месяца. Шутки, смех, здоровый юмор.

— Товарищ Г., бросай работу, будет с тебя 13 вагонов!

Но тов. Г. этого мало.

Кончен чай, затянули свои победные песни, идем к выходу...».

Движение в пользу устройства «коммунистических субботников» не ограничивается Москвой. «Правда» от 6 июня сообщила:

«31 мая в Твери состоялся первый коммунистический субботник. На железной дороге работало 128 коммунистов. В $3^1/_2$ часа погружено и разгружено 14 вагонов, выпущено из ремонта 3 паровоза, распилено 10 саженей дров и произведены другие работы. Интенсивность работы квалифицированных рабочих-коммунистов превосходила обыкновенную производительность в 13 раз».

Затем в «Правде» от 8 июня читаем:

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ.

«Саратов, 5 июня. Железнодорожники-коммунисты, откликнувшись на призыв московских товарищей, на общем партийном собрании постановили: работать по субботам в течение пяти сверхурочных часов бесплатно для поддержания народного хозяйства».

* *
*

Я привел с наибольшей подробностью и полнотой сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каковом заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эс-эров включительно [105]). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, — как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим и в речи 12 мая на заседании Петроградского

Совдепа *), — не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его.)

Ошибка «Бернского», желтого, Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу

---

*) См. настоящий том, стр. 32—37. *Ред.*

и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть *тоже* период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, до-марксовского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает *только* из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, *только* пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ; во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения; в-третьих, потому, что в отсталых

капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к полупролетариям, т.-е. к людям, постоянно часть года проводившим по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, при чем эти отношения складываются не в фантастически-гармоничной, «идеальной», обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистская война, — т.-е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату, за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплуататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплуататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелко-буржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии, со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплуататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелко-буржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелко-буржуазного производства крупным социалистическим производством.

* *
*

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

Один из немногих — вернее даже будет сказать: один из исключительно редких буржуазных демократов Германии, перешедших после уроков 1870 — 1871 г.г. не к шовинизму и не к национал-либерализму, а к социализму, И. Якоби, сказал, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой [106]). Это справедливо. Сражение под Садовой решало вопрос о первенстве одной из двух буржуазных монархий, австрийской или прусской, в деле создания национального германского капиталистического государства. Основание одного рабочего союза было маленьким шагом к всемирной победе пролетариата над буржуазией. Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 г. железнодорожными рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фоша и англичан в империалистской войне 1914 — 1918 годов. Победы империалистов есть

бойня миллионов рабочих из-за прибылей англо-американских и французских миллиардеров, есть зверство гибнущего, обожравшегося, заживо гниющего капитализма. Коммунистический субботник железнодорожных рабочих Московско-Казанской дороги есть одна из ячеек нового, социалистического, общества, несущего всем народам земли избавление от ига капитала и от войн.

Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эс-эров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделия, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т. п. Мы ответим этим господам: если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и заграничным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, перевоспитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно завоевывая все большую часть их на свою сторону. Злорадство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять — все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции. Обмануть этим себя пролетариат не даст.

А если взять вопрос по существу, разве бывало в истории, чтобы новый способ производства привился сразу, без долгого ряда неудач, ошибок, рецидивов? Полвека после падения крепостного права, в русской деревне оставалось еще немало пережитков крепостничества. Полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским. Буржуазная интеллигенция, в том числе меньшевики и эс-эры, верны себе, служа капиталу и сохраняя насквозь лживую аргументацию: до революции пролетариата они упрекали нас в утопизме, а после нее они требуют от нас фантастически быстрого изживания следов прошлого!

Но мы не утописты и знаем истинную цену буржуазных «аргументов», знаем также, что следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, — все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капита-

лизма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие, вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в *обычные*, т.-е. *самые тяжелые* условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистской войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорожники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейщины), это — трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно *без всякой платы* и достигают *громадного повышения производительности труда*, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 г. голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало *коммунизма*, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки [107]). Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эс-эров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фра-

зах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаароднаго чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного*, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались *не торгашескими* сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем *чище* очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста?

Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к *росткам* коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину,* на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов,* людей, обладающих уменьем наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы *не ухаживаем,* как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что *ей* нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров *их* газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе,* может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала, — все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и *каждой* рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход

за этими ростками наша общая и первейшая обязанность. Как ни трудно наше продовольственное и производственное положение, все же за полтора года большевистской власти движение вперед *по всему фронту* несомненно: заготовки хлеба поднялись с 30 миллионов пудов (с 1. VIII. 1917 по 1. VIII. 1918) до 100 миллионов пудов (с 1. VIII. 1918 по 1. V. 1919); огородное хозяйство увеличено, недосев хлебов уменьшен, железнодорожный транспорт начал улучшаться, несмотря на гигантские трудности с топливом, и так далее. На этом общем фоне, и при поддержке пролетарской государственной власти, ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм.

* * *

Надо хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина все громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

Всесторонняя поддержка этого почина — первый и главный урок. Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже объявляется «коммуной», — и при этом нередко забывается, что *столь почетное название* надо *завоевать* долгим и упорным трудом, завоевать доказанным *практическим* успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Поэтому вполне правильно, по-моему, решение, созревшее у большинства Ц. И. К., *отменить* декрет Совнаркома в том, что касается *названия* «потребительских коммун» [108]). Пускай будет название попроще, — кстати, и недочеты, недостатки *первых* ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на «коммуны», а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на *плохих* коммунистов. Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из *ходячего* употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или *признавать это наименование лишь* за действительными коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, уменье поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность «работать по-революционному», способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»!

В этом отношении «коммунистические субботники» — самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги *сначала* показали

на деле, что они способны работать как *коммунисты*, а потом присвоили своему почину название «коммунистических субботников». Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так, чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, *не доказывая* тяжелым трудом и практическим *успехом долгого труда*, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля.

Великий почин «коммунистических субботников» должен быть использован также в другом отношении, именно: *для чистки* партии. Совершенно неизбежно, что в первое время после переворота, когда особенно боязливо относилась масса «честных» и обывательски настроенных людей, когда буржуазная интеллигенция, включая, разумеется, меньшевиков и эс-эров, поголовно саботировала, лакействуя перед буржуазией, совершенно неизбежно, что к партии правящей примазывались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов.

В этом отношении мы начали работу давно. Надо продолжать ее неуклонно и неустанно. Мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! *Такое* уменьшение числа членов партии есть *громадное увеличение* ее силы и веса. Надо продолжать чистку, используя почин «коммунистических субботников»: принимать в партию только после полугодового, скажем, «искуса» или «стажа», состоящего в «работе по-революционному». Такой же проверки потребовать от *всех* членов партии, вступивших позже 25 октября 1917 г. и не доказавших особыми трудами или заслугами своей безусловной надежности, верности и способности быть коммунистами.

Чистка партии, связанная с неуклонным *повышением ее требовательности* насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать *аппарат* государственной власти и гигантски приближать *окончательный переход* крестьян на сторону революционного пролетариата.

«Коммунистические субботники», между прочим, пролили необыкновенно яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата. Цека партии пишет письмо о «работе по-революционному» *). Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100—200 тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

---

*) См. настоящий том, стр. 224—226. *Ред.*

Много подкачала профессиональная организация рабочих. Их считается у нас, в России и на Украине, до 4-х миллионов человек. Они в главной массе поддерживают пролетарскую государственную власть, диктатуру пролетариата. 200.000 и 4.000.000 — вот соотношение „удельных весов", если позволено так выразиться, для сравнения с десятками миллионов крестьянства, которое распадается на три главные группы: самую многочисленную и самую близкую к пролетариату, полупролетарскую или бедноту; затем среднее крестьянство; наконец весьма немногочисленную — кулаков или деревенскую буржуазию.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутрудящимся, полуспекулянтом. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее верными лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эсера Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлебом. Но как трудящийся, крестьянин — друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещика и против капиталиста. Как трудящиеся, крестьяне, громадная, миллионная масса их, поддерживают ту государственную „машину", которая возглавляется сотней, двумя сотнями тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства <u>еще на свете не бывало</u>.

Именно такая пролетарская работа, которая воплощается в „коммунистических субботниках" и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа — и только она — окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

28 июня 1919 г.

Н. Ленин

Последняя страница рукописи В. И. Ленина: «Великий почин» — 1919 г.

Уменьшено

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России и на Украине, до 4 миллионов человек. Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200 тысяч и 4 миллиона — вот соотношение «зубчатых колес», если позволительно так выразиться. А дальше идут *десятки миллионов* крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату, полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец, весьма немногочисленная — кулаки или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянтом. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее верными лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эс-эра Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлебом. Но, *как труженик,* крестьянин — друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещика и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной, многомиллионной массой поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства *на свете еще не бывало.*

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа — и только она — окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником, а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

ТЕЛЕГРАММА РЕВВОЕНСОВЕТУ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТИЯ ПЕРМИ И КУНГУРА.

СИМБИРСК, РЕВВОЕНСОВЕТ ВОСТФРОНТА. КОПИЯ ШТАРМ 5.

1. VII. 1919 г.

Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов, надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпуска на юг. Первую часть телеграммы сообщите полкам.

Предсовобороны *Ленин.*

Впервые напечатано 21 января 1927 г. в «Правде» № 17.

Печатается по рукописи.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ И БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

ДОКЛАД НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д., МОСКОВСКОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ МОСКВЫ 4 ИЮЛЯ 1919 Г. [109]).

Товарищи, когда нам ставится задача оценить теперь наше общее положение, то невольно приходит в голову прежде всего сравнить июль 1919 г. с июлем 1918 года. Мне кажется, что такое сравнение, которое естественно напрашивается, легче всего даст нам правильное представление как о тех новых, а до известной степени опять-таки старых трудностях, здесь сейчас укрепившихся, сделавших положение тяжелым и требующим от нас нового напряжения, так, с другой стороны, это сравнение нам покажет, какой громадный шаг сделала мировая революция за этот год, и почему она дает нам при самом даже трезвом, при самом недоверчивом отношении к делу, почему она дает нам опять-таки полную уверенность в том, что мы идем к полной и окончательной победе.

Товарищи, припомните положение год назад. Как раз в июле 1918 г. тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики. Тогда, как и теперь, ухудшилось продовольственное положение именно перед новым урожаем, именно в конце старого продовольственного года, когда истекают запасы. В прошлом году положение было несравненно тяжелее. Как и теперь, к продовольственным трудностям прошлым летом прибавилось еще больше политических и военных трудностей внутри и вне. Когда летом прошлого года собрался съезд Советов, он совпал с восстанием левых эс-эров в Москве, он совпал с изменой тогдашнего командующего армией левого эс-эра Муравьева, который почти открыл у нас фронт. Лето 1918 г. совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся

в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы. С востока врагу в это время удалось захватить Самару, Казань, Симбирск, Сызрань, Саратов. С юга казацкие войска, подкрепляемые германским империализмом, — это установлено с полной точностью, — подкрепляемые германским империализмом, получали деньги и вооружение. Враги напали на нас, они окружили нас с двух сторон, они издевались над нами. Из немецких империалистских кругов говорили: «Если вы не можете сладить с чехо-словаками, то сладьте с нами». Вот какой нахальный тон позволяли себе немецкие империалисты!

Вот каково было тогдашнее, казалось бы, совершенно безвыходное окружение Советской республики, при неслыханных трудностях продовольственного положения, и когда наша армия едва начинала складываться. У нее не было организации, у нее не было опыта, мы должны были наспех, наскоро сбивать отряд за отрядом, — о цельной систематической работе нечего было и думать. И если мы пережили этот год, если, опираясь на этот опыт и твердо держа его в своем воспоминании, посмотрим на теперешнее положение, то мы с полным правом можем сказать: да, положение трудное, но сравнение того, что было пережито в прошлом году, с тем, каково положение сейчас, — это несомненно для всякого человека, который хочет внимательно изучать и наблюдать, а не поддаваться своему настроению, — это сравнение показывает даже со стороны внутреннего простого соотношения сил, даже со стороны сопоставления фактов, касающихся временных трудностей, что наше теперешнее положение несравненно более устойчиво, и поэтому тысячу раз было бы преступно поддаваться панике. Если год назад положение было несравненно тяжелее и все-таки трудности были преодолены, то мы с абсолютной уверенностью можем сказать, нисколько не преувеличивая сил и не преуменьшая трудностей, что и теперь мы их преодолеем. Я должен указать на главные сравнительные данные, потому что более подробно на этом вопросе остановятся следующие ораторы.

В прошлом году, когда к лету продовольственное положение обострилось, у нас дело доходило до того, что в июле и августе в организации, заведывающей нашим продовольственным делом, в Комиссариате Продовольствия, на складах не было ровно ничего, что бы можно было дать наиболее уставшему, наиболее измученному, наиболее изголодавшемуся населению городов и неземледельческих местностей. В этом году наш аппарат сделал громадный шаг вперед. За год с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. мы могли заготовить только 30 миллионов пудов, а с 1 августа 1918 г. по 1 мая 1919 г. заготовлено было уже 100 миллионов пудов. Это очень мало по сравнению с тем, что

нам нужно, но это доказывает, что в деле заготовления продовольствия требуются победы над миллионами организационных трудностей, которые противопоставляет нам всякий имеющий излишки хлеба крестьянин, привыкший к старой торговле хлебом на вольном рынке и считающий своим священным правом продавать хлеб по вольной цене, — крестьянин, не способный еще понять, что в такое время, когда страна борется с капиталом русским и всемирным, что в такое время торговля хлебом есть величайшее государственное преступление. Это есть надругательство над бедным и голодным, это есть лучшая услуга, которая оказывается капиталисту и спекулянту. Мы знаем, что всякий крестьянин, который трудом, потом, кровью и горбом добывал себе жизнь, знает, что̀ такое капитализм. Он сочувствует пролетарию, хотя туманно, инстинктивно, ибо он верит, что пролетариат всю свою жизнь посвящает и всю кровь отдает за то, чтобы свергнуть капитал. Но от этого, до умения отстаивать интересы социалистического государства, ставить эти интересы выше интересов торгаша, который желает нажиться сейчас, когда он может продать хлеб голодному по цене неслыханной и невиданной — до этого расстояние длительное и далекое. Мы теперь это расстояние начинаем измерять. Мы часть этого пути прошли и поэтому твердо знаем, что, как этот путь ни тяжел и ни труден, мы эти трудности преодолеть в состоянии. Мы сделали громадный шаг с тех пор по сравнению с прошлым годом, но мы далеко не все трудности решили. Мы не можем обещать немедленное улучшение, но мы знаем, что положение все же дает бо̀льшие надежды. Мы знаем, что наши ресурсы сейчас все же не так обрезаны, как обрезаны были в прошлом году казацкими бандами с юго-востока, немецким империализмом с юго-запада, чехо-словаками с хлебного востока. Дело обстоит гораздо лучше, и потому те ближайшие недели, которые, несомненно, несут с собой новые жертвы и тяготы, мы их переживем и преодолеем, зная, что мы уже раз сделали это в прошлом году, зная, что теперь положение наше лучше, зная, что это главная из главных трудностей всякого социалистического переворота. Трудность хлебная, она нами испытана на практике. И мы, на основании собственного практического опыта, говорим и утверждаем, что мы научились ее преодолевать и научимся преодолевать до конца.

Если возьмете военное положение теперь, когда союзники, захватив Украину после немцев, имевших Одессу, Севастополь, когда они провалились, — то мы видим, что та угроза, которая казалась массе мелкой буржуазии и запуганному обывателю непобедимой, оказалась пустой, — мы видим, что у этой угрозы, у этого великана ноги были глиняные... Они сделали все возможное, чтобы помочь белогвардейцам, помещикам и капиталистам оружием и снаряжением. Английские газеты открыто хвастали, —

и английские министры тоже, — что они дали помощь Деникину своим подкреплением. До нас доходили сведения, что они послали снаряжение для 250 тысяч человек и дали все вооружение. У нас были сведения, которые подтвердились, о том, что они послали десятки танков. Это способствовало тому, что в то время, когда нас теснили с востока, нам были нанесены самые тяжелые удары со стороны Деникина. Мы знаем, какое тяжелое время мы переживали в прошлом июле. Мы нисколько не преуменьшаем опасности и ни капли не закрываем глаза на то, что мы должны идти открыто в самые широкие массы, рассказать им положение, разъяснить им всю правду, открыть им глаза, потому что, чем больше рабочие и в особенности крестьяне, — очень трудно внушить правду крестьянам, — чем больше они эту правду знают, тем решительнее и прочнее и сознательнее они переходят на нашу сторону. (**Аплодисменты.**)

Товарищи, вчера мы решили в Центральном Комитете, что о военном положении здесь будет делать доклад тов. Троцкий. К сожалению, сегодня доктора решительно запретили ему делать доклад. Поэтому в немногих словах я скажу о положении, хотя я нисколько не могу претендовать на роль докладчика в этом деле, но я могу в самых кратких чертах пересказать вам, товарищи, то, что мы слышали вчера от тов. Троцкого[110]), который объехал Южный фронт...

Положение там действительно трудное, удары нанесены нам чрезвычайно тяжелые, и потери наши громадны. Причина всех наших неудач двоякая. Именно причин две: первая — это то, что нам пришлось убрать значительную часть войск для того, чтобы перебросить подкрепление на восток, в то самое время, когда нам наносились удары Колчаком. И как раз в это время Деникин перешел к поголовной мобилизации. Правда, один из членов Революционного Совета Южного фронта, который там давно работает, сообщил нам, что именно эта поголовная мобилизация погубит Деникина, как она погубила Колчака. Пока его армия была классовая, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал производить поголовный набор, — он, конечно, мог набрать армию быстро, — то здесь получилось обратное тому, что было при наборе против капиталистов и помещиков. Его армия, чем она больше, тем она будет менее классовой и тем самым более слабой, потому что она будет чужда тем, кто защищает помещиков и капиталистов, и крестьяне, набранные в армию Деникина, произведут в этой армии то же самое, что произвели сибирские крестьяне в армии Колчака, — они принесут ему полное разложение.

Другая причина неудач, кроме громадного усиления армии Деникина, — это развитие партизанщины на Южном фронте. Это тоже

вчера подробно нам описывал тов. Троцкий. Все вы знаете, что̀ пережили наши армии из-за авантюры Григорьева, явившейся следствием махновщины, и что̀ пережили украинские крестьяне и весь украинский пролетариат во время гетманщины. При крайне недостаточном пролетарском сознании на Украине, при слабости и неорганизованности, при петлюровской дезорганизации и давлении немецкого империализма, — на этой почве там стихийно вырастала вражда и партизанщина. В каждом отряде крестьяне хватались за оружие, выбирали своего атамана или своего «батьку», чтобы ввести, чтобы создать власть на месте. С центральной властью они совершенно не считались, и каждый батько думал, что он есть атаман на месте, воображал, что он сам может решать все украинские вопросы, не считаясь ни с чем, что предпринимается в центре. Теперь для нас совершенно ясно, что, при современном положении, одним энтузиазмом, одним увлечением крестьянство взять нельзя, — такой способ непрочен. Мы тысячу раз украинских товарищей предупреждали о том, что когда дело доходит до движения миллионных народных масс, то здесь мало слов, а нужен их собственный житейский опыт, чтобы люди сами проверили указания, чтобы они поверили своему собственному опыту. Этот опыт достался украинским крестьянам чрезвычайно тяжело. Во время немецкой оккупации они пережили неслыханные бедствия, неслыханные жертвы, во много раз больше того, что пережили мы, но все-таки они еще не знают, как нужно завоевать свою организованность, свою независимость и государственную самостоятельность. В первый момент, когда, после освобождения от германского империализма, банды Деникина стали усиливаться, наши войска далеко не всегда давали им надлежащий отпор, и когда после быстрого весеннего разлива рек наши войска были приостановлены, так как идти дальше было нельзя, а отсюда подкрепление не подходило, — наступила та катастрофическая минута, которая дала первый удар всему украинскому крестьянству и крестьянству полосы, примыкающей к Украине и Дону, но которая, к счастью, излечит их от этих недостатков партизанщины и хаоса. Мы прекрасно знаем, что сила украинского крестьянства свергнет силы Деникина, мы знаем, что те удары, которые им нанесены, чрезвычайно тяжелы, но они пробудят в них новое сознание и новые силы. И тов. Троцкий, который сам наблюдал там неслыханные потери, заявляет определенно, что этот опыт для украинцев бесследно пройти не может, что это без переделки всей психологии украинских крестьян не пройдет, а ведь мы это уже пережили. Мы знаем, что в прошлом году наше положение было не лучше. Мы знаем, что целый ряд стран с презрением смотрел на нас, на молодую русскую республику, а теперь во многих странах начинается то же самое, наблюдаются те же самые явления.

Украина вылечивается тяжелее, чем мы, но она вылечивается. Уроки распада партизанщины Украина осознает. Это будет эпохой перелома всей украинской революции, это отразится на всем развитии Украины. Этот перелом, который пережили и мы, перелом партизанщины и революционного швыряния фразами: мы все сделаем! — сменился сознанием необходимости длительной, прочной, упорной, тяжелой организационной работы, — тот вывод, на который мы много месяцев спустя после Октября вступили, и успеха в котором достигли значительного. Мы смотрим на будущее с большой уверенностью, что все трудности преодолеем.

Одно из тех обстоятельств, которые тов. Троцкий подчеркивал и которое наглядно указывало на этот перелом, это то, что он наблюдал в отношении дезертиров. Он проехал много губерний, куда мы посылали товарищей для борьбы с дезертирством и не достигали успеха. Он сам выступал на митингах и видел, как у нас десятки тысяч дезертиров были людьми, или поддающимися панике, или слишком легко плетущимися за буржуазией. А мы готовы делать выводы, равносильные отчаянию. Тов. Троцкий, проехавший сам через Курск и через Рязань, в нескольких городах убедился в этом и говорил о том переломе, который произошел в этом отношении и который не поддается описанию. Некоторые комиссары говорили, что мы теперь захлебываемся от притока дезертиров в Красную армию. Они идут в Красную армию в таком числе, что мы можем приостановить нашу мобилизацию настолько, что будем достаточно снабжены старыми, возвращающимися дезертирами.

Крестьяне видели, что значат казачий и деникинский походы, и крестьянская масса, которая стала относиться к делу вдвойне сознательно, которая желала, чтобы ей сразу дали мир, она не в состоянии понять, что гражданская война, которую мы готовы были смахнуть рукою, была нам навязана. Крестьяне делали все, чтобы спастись от набора, спрятаться в лесу и попасть в зеленые банды, а там — хоть трава не расти. Это то состояние, которое вылилось в развал на Украине, это то состояние, которое создало у нас положение, при котором число дезертиров достигло многих десятков тысяч. Тов. Троцкий, который сам посетил многие места, говорит о том переломе, который наступил, когда мы дали отсрочку дезертирам, более смело подойдя к этому делу. В Рязанской губернии явились сотни товарищей, чтобы работать, и наступил перелом. Они были на митинге, и дезертиры валили в Красную армию, местные комиссары говорят, что они не успевали их включать в красные ряды. Вот то обстоятельство, с которого началось укрепление позиций на Курск и Воронеж, связанное со взятием назад станции «Лиски», и которое дало возможность тов. Троцкому в заключение его выводов сказать, что положение на юге тяжелое, и что мы должны напрячь все силы.

Но я утверждаю, что это положение не катастрофическое. Вот тот вывод, который мы получили вчера. (Аплодисменты.)

Повторяю, товарищи, что я мог вам дать лишь скудное представление о том материале, который привел тов. Троцкий. Он сейчас болен, но, когда поправится, я не сомневаюсь, что он сделает доклад перед московскими рабочими. Но этот вывод не подлежит никакому сомнению, и мы сделаем все возможное, чтобы напрячь все силы, и мы уверены, что победит сознательность трудящихся масс, ибо опыт подтвердил на Украине, что, чем ближе подходит Деникин, чем яснее, что̀ несет Деникин, капиталисты и помещики, тем легче для нас борьба с дезертирством, тем смелее мы дальше отсрачиваем неделю для явки дезертиров. Третьего дня в Совете Обороны мы удлинили эту явку еще на одну неделю, потому что у нас явилась полная уверенность в том, что сознательность, которую несет Деникин, для них не проходит даром, и Красная армия будет расти, если мы будем помнить, что в ближайшие месяцы мы должны все силы отдать на военную работу. И мы должны сказать, что, как мы помогли на востоке, так и теперь мы наляжем, чтобы помочь югу и одержать победу там. Товарищи, здесь человек, поддающийся настроениям, наиболее паническим настроениям, может поставить вопрос: если мы наляжем на юг, то, — скажет он, — мы растеряем то, что завоевали на востоке. В этом отношении мы можем сказать, что завоевания, которые наши войска сделали на востоке, обещают слиться по всем данным с сибирской революцией. (Аплодисменты.)

Вчера в Москве был сделан доклад одним меньшевиком. Вы в газете «Известия» могли читать об этом докладе гражданина Голосова [111]), сообщившего, как меньшевики поехали в Сибирь, считая, что там Учредительное Собрание и народовластие и господство всеобщего избирательного права и воля народа, а не то, что какая-нибудь диктатура одного класса, узурпация, насильничество, как они величают Советскую власть. Опыт этих людей, которые в течение восьми месяцев имели роман с Керенским и отдали все Корнилову, которые не научились ничему и пошли к Колчаку, — теперь опыт их показал, что не какие-нибудь большевики, а враги большевиков, люди, которые отдавали всю свою деятельность враждебной борьбе с большевизмом, исходили пешком сотни верст и вынесли те выводы, о которых мы слышали, и о которых публика узнала из отчетов меньшевиков, — выводы, которые гласили, что они оттолкнули от себя не только рабочих, но и крестьян, не только крестьян, но и кулаков. Даже кулаки восстают против Колчака! (Аплодисменты.) Все те описания, которые давались о восстаниях против колчаковщины, они нисколько не преувеличены. И не только рабочих и крестьян, но и патриотически настроенную интеллигенцию, поголовно

саботировавшую в свое время, ту самую интеллигенцию, которая была в союзе с Антантой, — и ее оттолкнул Колчак. Теперь нам говорят, что идет восстание на Урале, и мы встречаем полосу настоящего рабочего восстания и снова говорим, что есть все шансы и все основания ожидать в ближайшие месяцы, что победа на Урале будет переломом к полной победе всей массы сибирского населения над колчаковщиной.

Товарищи! Вы вчера видели в газетах о взятии Мотовилихи,— это начинается заводский район на Урале. Подробности о взятии Перми, где несколько полков перешло на нашу сторону, подтверждают это, и каждый день мы получаем телеграмму за телеграммой, показывающие, что решительный перелом на Урале наступил. Сегодня я получил телеграмму из Уфы, от 2 июля, которая свидетельствует об этом. Мы имеем более подробные сведения, дающие полное основание утверждать, что решительный перелом наступил, и что мы победим на Урале. Взятием Перми, потом Мотовилихи, — этих центров крупнейших заводов, где рабочие организуются, сотнями переходя на нашу сторону и перерезывая железные дороги в тылу неприятеля,— мы достигли многого. Вероятно, немногие из вас имели возможность видеть колчаковцев—рабочих и крестьян, вышедших оттуда, но мы бы хотели, чтобы в Москве побольше могли повидать людей, пришедших оттуда. Ведь год тому назад крестьяне приуральские и сибирские готовы были отвернуться от большевиков. Они негодовали и возмущались, когда большевики требовали помощи в тяжелой войне, когда большевики говорили: «Победа над помещиками и капиталистами даром не дается, и если капиталисты и помещики идут войной, вы должны понести все жертвы, чтобы отстоять завоевания революции. Революция даром не дается, и, если вы согнетесь под этими жертвами, если у вас не хватит выдержки вынести эти жертвы, вы развалите революцию». Крестьяне не хотели этого слушать, им казалось это только революционным призывом. И когда там обещали мир и помощь Антанты, они переходили на ту сторону... Ведь вы знаете, что крестьяне в Сибири и на Волге, эти крестьяне крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели, и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от всех меньшевиков и эс-эров,— там их были сотни, тысячи. Например, в Омске теперь одни насчитывают 900 тысяч буржуазии, а другие — 500 тысяч. Вся буржуазия поголовно сошлась туда, все, что было претендующего на руководство народом, с точки зрения обладания знаниями и культурой и привычкой к управлению, все партии от меньшевиков до эс-эров сошлись туда. Они имели крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму, имели помощь от всех госу-

дарств Антанты, от государств всемогущих, которые держат во всем мире власть в своих руках. Они имели железно-дорожные пути со свободным доступом к морю, а это значит полное господство, потому что флаг союзников не имеет в мире никакого противника и господствует на всем земном шаре. Чего же еще не хватало? Почему эти люди, которые собрали все, что можно было собрать против большевиков: и край из крепких и сильных крестьян, и помощь Антанты, — почему они после двухгодового опыта так провалились, что вместо «народовластия» осталось дикое господство сынков-помещиков и капиталистов и получился полный развал Колчакии, который мы осязаем руками, когда наши красноармейцы подходят к Уралу, как освободители. А год тому назад крестьяне говорили: «Долой большевиков, потому что они возлагают тяжесть на крестьян» и переходили на сторону помещиков и капиталистов. Тогда они не верили тому, что мы говорили; они теперь сами это испытали, когда увидели, что большевики брали одну лошадь, а колчаковцы брали все, — и лошадей и все остальное, и вводили царскую дисциплину. И теперь крестьяне, видя опыт прошедшего, встречают Красную армию, как избавительницу, и говорят, что вместе с большевиками установится свобода Сибири прочная и полная. (Аплодисменты.)

Этот опыт Колчакии для нас самый ценный опыт, он нам в небольшом размере показывает то, что происходит во всем мире, он показывает нам настоящие источники, — и источники непобедимые, источники неискоренимые, — того, чем большевики сильны. Мы казались бессильными, когда Сибирь была в руках наших врагов. Теперь вся эта гигантская сила развалилась. Почему? Потому, что мы были правы в своей оценке империалистской войны и ее последствий, были правы, когда говорили, что из этой войны человечество по-старому не выйдет, — люди так исстрадались, измучились, озлобились на капитализм, что настанет господство рабочего класса и установится социализм. Тут говорили о «середине», и я прекрасно знаю, что об этой середине правые эс-эры и меньшевики мечтают, что лучшие люди из этих промежуточных партий мечтают совершенно искренне об этой середине, но мы на опыте целых стран, на опыте народов знаем, что это пустейшие мечты, потому что средины нет в этом царстве Учредительного Собрания, где Черновы и Майские начинали еще раз министерские каверзы и где получился полный развал. Что это — случайность или большевистский наговор? Но ведь этому никто не поверит! И если они начинали с такой веры в Учредительное Собрание и окончили таким развалом, то это еще раз подтверждает то, что большевики правы, когда говорят: либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и

кровавое господство буржуазии вплоть до монархии, которую Колчак установил, как это было в Сибири. И теперь я могу, переходя от уроков и выводов по отношению к Сибири, закончить небольшим указанием на международное положение.

Товарищи, во внутреннем положении мы теперь сделали тот громадный шаг вперед, что миллионы русских крестьян, которые год тому назад еще совершенно несознательно смотрели на мир божий, верили на слово всякому, кто красно говорил об Учредительном Собрании, падали духом от тягот большевизма, бежали прочь по первому призыву к борьбе, — крестьяне пережили с тех пор неслыханно тяжелый кровавый опыт господства немцев на юге, и они из этого опыта научились многому. Мы бесконечно сильными стали потому, что миллионы научились понимать, что̀ такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков, — не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта, из того, что они социалистов-революционеров звали, сажали, а из этого посаждения на власть эс-эров и меньшевиков вышла старая русская монархия, старая держиморда, которая во время «демократии» принесла неслыханное насилие стране. Но это излечение народа многого стоит. (**Аплодисменты.**)

Посмотрите на международное положение. Разве в этом отношении за пережитый год мы не сделали неслыханных шагов вперед, после того, что было год назад? Разве тогда от нас не отвернулись даже преданные революции люди, которые говорили, что большевики сдали Россию хищникам-немцам, и разве не считали они, что только союз демократической Франции и Англии спасет Россию? И что же? Через несколько месяцев после прошлогоднего кризиса Брестский мир распался. Прошло полгода после 9 ноября 1918 г., когда была разбита Германия, и после полугодовых усилий империалисты французские и английские заключили мир. И что же дал этот мир? Он дал то, что все рабочие, которые до сих пор стояли на стороне приверженцев французских и английских империалистов, проповедывавших войну до конца, — они все переходят теперь не по дням, а по часам на нашу сторону и говорят себе: «Нас четыре года обманывали, вели на войну. Во имя свободы нам обещали поражение Германии, победу свободы, равенства и победу демократии, а вместо этого нам преподнесли Версальский мир, — недостойный насильственный мир в интересах грабежа и наживы». Наше положение за этот год было положением тяжелой борьбы за победу международной революции. И наше положение, если сравнить его с положением врагов, было такое, что мы с каждым шагом приобретали себе во всем мире все больше союзников. И сейчас мы видим, что то, что немцы считают со своей империалистской точки зрения поражением, то, что французы и англичане считают полной по-

бедой, — это есть начало конца для английских и французских империалистов. Рабочее движение теперь не по дням, а по часам растет. Рабочие требуют удаления иностранных войск из России и свержения Версальского мира. Мы стояли перед Брестским миром одинокими, он распался, и на его место явился Версальский мир, который душит Германию.

Оценивая этот пережитый год, признавая открыто все трудности, мы можем спокойно, уверенно и твердо сказать вам: товарищи, мы еще и еще раз пришли изложить вам общее положение и описать передовым рабочим Москвы те трудности, на которые мы снова натолкнулись, и пригласить вас подумать над тем, какие уроки мы за этот тяжелый год вынесли, и на основании этого размышления и учета, на основании этого опыта, вместе с нами придти к непреодолимому и твердому убеждению, что победа будет за нами, и не только в русском, но и в международном масштабе. Еще и еще раз мы напряжем силы против тех поражений, которые понесли на юге. Мы выдвинем испытанные средства организованности, дисциплины и преданности и тогда, мы уверены, Деникин будет так же сломлен и так же раздавлен и так же развалится, как развалился Колчак и как разваливаются теперь французские и английские империалисты. (Бурные аплодисменты.)

В сокращенном виде напечатано в «Правде» № 145, 5 июля 1919 г.

Печатается по стенограмме.

О ГОСУДАРСТВЕ.

ЛЕКЦИЯ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 11 ИЮЛЯ 1919 г. [113]).

Товарищи, предметом сегодняшней нашей беседы по тому плану, который у вас принят и мне был сообщен, является вопрос о государстве. Я не знаю, насколько знакомы вы уже с этим вопросом. Если я не ошибаюсь, курсы ваши только что открыты, и вам приходится в первый раз систематически к этому вопросу подходить. Если это так, то очень может быть, что в первой лекции об этом трудном вопросе мне не удастся достигнуть достаточной ясности изложения и понимания для многих из слушателей. И если бы это оказалось так, то я прошу вас этим не смущаться, потому что вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами. Поэтому никогда не следует ждать, чтобы можно было в краткой беседе, за один раз достигнуть полного выяснения этого вопроса. Следует после первой беседы об этом отметить себе непонятные или неясные места, чтобы вернуться к ним второй, третий и четвертый раз, чтобы то, что осталось непонятным, дополнить и выяснить дальше, впоследствии, как из чтения, так и из отдельных лекций и бесед. Я надеюсь, что нам удастся собраться еще раз, и тогда по всем дополнительным вопросам можно будет обменяться мнениями и проверить, что осталось наиболее неясного. Я надеюсь также, что в дополнение к беседам и лекциям вы посвятите известное время чтению хотя бы некоторых из главнейших произведений Маркса и Энгельса. Нет сомнения, что в указателе литературы и в пособиях, которые учащимся советской и партийной школы предоставлены в библиотеке, которая у вас имеется, — несомненно, что вы эти главные произведения найдете, и хотя опять-таки сразу кое-кого может быть и отпугнет трудность изложения, — надо опять предупредить, что этим не следует смущаться, что непонятное на первый раз при чтении будет понятно при повторном чтении, или когда вы подойдете к вопросу впоследствии с несколько иной стороны, ибо еще раз

повторяю, что вопрос такой сложный и так запутан буржуазными учеными и писателями, что к этому вопросу каждому человеку, который хочет его серьезно продумать и самостоятельно усвоить, необходимо подходить несколько раз, возвращаться к нему опять и опять, обдумывать вопрос с разных сторон, чтобы добиться ясного и твердого понимания. А возвращаться вам к этому вопросу будет тем легче, что это такой основной, такой коренной вопрос всей политики, что не только в такое бурное, революционное время, как переживаемое теперь нами, но и в самое мирное время вы в любой газете по любому экономическому или политическому вопросу всегда наткнетесь на вопрос: что такое государство, в чем его сущность, в чем его значение и каково отношение нашей партии, партии, борющейся за свержение капитализма, партии коммунистов, каково отношение ее к государству, — каждый день вы к этому вопросу по тому или иному поводу вернетесь. И самое главное, чтобы в результате ваших чтений, бесед и лекций, которые вы услышите о государстве, вы вынесли уменье подходить к этому вопросу самостоятельно, так как этот вопрос будет вам встречаться по самым разнообразным поводам, по каждому мелкому вопросу, в самых неожиданных сочетаниях, в беседах и спорах с противниками. Только тогда, если вы научитесь самостоятельно разбираться по этому вопросу, — только тогда вы можете считать себя достаточно твердыми в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно.

После этих небольших замечаний я перейду к самому вопросу, что̀ такое государство, как оно возникло и каково в основном должно быть отношение к государству партии рабочего класса, борющейся за полное свержение капитализма, — партии коммунистов.

Я уже говорил о том, что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений (от них-то этого вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить, — очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием, — учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество, и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное, что это — сила божественного происхождения. И надо сказать, что это учение так тесно связано с интересами

эксплуататорских классов — помещиков и капиталистов, — так служит их интересам, так глубоко пропитало все привычки, все взгляды, всю науку господ буржуазных представителей, что с остатками его вы встретитесь на каждом шагу, вплоть до взгляда на государство у меньшевиков и эс-эров, которые с негодованием отрицают мысль, что они находятся в зависимости от религиозных предрассудков, и уверены, что могут трезво смотреть на государство. Вопрос этот так запутан и усложнен потому, что он (уступая в этом отношении только основаниям экономической науки) затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка. В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства.

Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.

Я надеюсь, что по вопросу о государстве вы ознакомитесь с сочинением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала. Нет сомнения, что в этом сочинении не все части одинаково доступно, понятно изложены: некоторые предполагают читателя, обладающего уже известными историческими и экономическими познаниями. Но опять скажу: не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято

сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком. Напоминаю об этой книге потому, что она дает правильный подход к вопросу в указанном отношении. Начинается она с исторического очерка, как государство возникло.

Чтобы правильно подойти к этому вопросу, как и ко всякому вопросу, например, к вопросу о возникновении капитализма, эксплуатации между людьми, к социализму, к тому, как появился социализм, какие условия его породили, — ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом. По этому вопросу прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.

До тех пор, как возникла первая форма эксплуатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов, — до тех пор существовала еще патриархальная, или — как ее иногда называют — клановая (клан — поколение, род, когда люди жили родами, поколениями) семья, и следы этих первобытных времен в быту многих первобытных народов остались достаточно определенно, и если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было. И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат и называется государством.

В первобытном обществе, когда люди еще жили небольшими родами, находясь на самых низких ступенях своего развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, — в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами, — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение, — но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, как вы все понимаете, вооруженные отряды

войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, — то, что составляет сущность государства.

Если от тех так называемых религиозных учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые, отвлечься и поискать настоящей сути дела, то увидим, что государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство.

Но было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, не было. История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление

общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.

Далее,—в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения мирового рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов. Из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникала власть капитала. В течение XVIII века, вернее — с конца XVIII века, и в течение XIX века произошли революции во всем мире. Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всего произошло это в России. В России в 1861 г. тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось, остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило иную форму.

Владельцы капитала, владельцы земли, владельцы фабрик и заводов представляли и представляют во всех капиталистических государствах ничтожное меньшинство населения, целиком распоряжающееся всем народным трудом и, значит, держащее в своем распоряжении, угнетении, эксплуатации всю массу трудящихся, из которых большинство является пролетариями, наемными рабочими, в процессе производства получающими средства к жизни только от продажи своих рабочих рук, рабочей силы. Крестьяне, разрозненные и придавленные еще в крепостное время, с переходом к капитализму превращались частью (в большинстве) в пролетариев, частью (в меньшинстве) в зажиточное крестьянство, которое само нанимало рабочих и представляло собою буржуазию деревенскую.

Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму—вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни

столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.

Если вы с точки зрения этого основного деления посмотрите на государство, то увидите, что до деления общества на классы, как я уже сказал, не существовало и государства. Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство. Мы имеем в истории человечества десятки и сотни стран, переживавших и переживающих сейчас рабство, крепостничество и капитализм. В каждой из них, несмотря на громадные исторические перемены, которые происходили, несмотря на все политические перипетии и все революции, которые были связаны с этим развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма, — вы всегда видите возникновение государства. Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства. Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы, — все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства — в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или, наконец, в современном, которое в XX веке достигло технических чудес и целиком основано на последних достижениях современной техники. Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи. И, всматриваясь в эти общие явления, задаваясь вопросом, почему не существовало государство, когда не было классов, когда не было эксплуататоров и эксплуатируемых, и почему оно возникло,

когда возникли классы, — мы только так находим определенный ответ на вопрос о сущности государства и его значении.

Государство—это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно бо̀льшими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий. Но был все же аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой. Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов — не было и этого аппарата. Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство. Формы государства были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия—как власть одного, республика—как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия—как власть народа (демократия

буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическими и республиканскими государствами, но основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия, это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма этой машины бывает различна. В рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей. То же самое мы видим и в крепостном государстве.

Перемена формы эксплуатации превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом — привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число

дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян, открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства. Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что̀ вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения. Вся история полна беспрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства. Между прочим, имя «спартаковцы», которое взято теперь коммунистами Германии, — этой единственной германской партией, действительно борющейся против ига капитализма, — это имя взято ими потому, что Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце концов, они были перебиты, схвачены, подвергнуты рабовладельцами пыткам. Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества. Я сейчас привел пример самой крупной из таких гражданских войн в эпоху рабовладения. Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян. В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между

двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России.

Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному—удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует — по форме оно отличалось — было или республиканское, или монархическое. Когда государство было монархическое—признавалась власть одного; когда оно было республиканское — признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества,—это в обществе крепостническом. Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство—крепостное крестьянство—находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства—помещиков, которые владели землей.

Развитие торговли, развитие товарообмена привело к выделению нового класса — капиталистов. Капитал возник в конце средних веков, когда мировая торговля после открытия Америки достигла громадного развития, когда увеличилось количество драгоценных металлов, когда серебро и золото стали орудием обмена, когда денежный оборот дал возможность держать громадные богатства в одних руках. Серебро и золото признавались как богатство во всем мире. Падали экономические силы помещичьего класса, и развивалась сила нового класса — представителей капитала. Перестройка общества происходила таким образом, чтобы все граждане стали как бы равными, чтобы отпало прежнее деление на рабовладельцев и рабов, чтобы все считались равными перед законом, независимо от того, кто каким капиталом владеет—землей ли на правах частной собственности, или это—голяк, у которого одни рабочие руки, — все равны перед законом. Закон одинаково охраняет всех, охраняет собственность, у кого она есть, от покушений против собственности со стороны той массы, которая, не имея собственности, не имея ничего, кроме своих рук, постепенно нищает, разоряется и превращается в пролетариев. Таково — капиталистическое общество.

Я не могу на нем останавливаться подробно. К этому вопросу вы еще вернетесь, когда будете беседовать о программе партии,—там вы услышите характеристику капиталистического общества. Это общество выступило против крепостничества, против старого крепостного права с лозунгом свободы. Но это была свобода для того, кто владеет собственностью. И когда крепостное право было разрушено, что̀ произошло к концу XVIII —

началу XIX века — в России это произошло позднее других стран в 1861 г. — тогда на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое, которое объявляет своим лозунгом свободу всенародную, говорит, что оно выражает волю всего народа, отрицает, что оно классовое государство, и тут между социалистами, которые борются за свободу всего народа, и капиталистическим государством развивается борьба, которая привела сейчас к созданию Советской социалистической республики и которая охватывает весь мир.

Чтобы понять борьбу, начатую с всемирным капиталом, чтобы понять сущность капиталистического государства, надо помнить, что капиталистическое государство, выступая против крепостнического, шло в бой с лозунгом свободы. Отмена крепостного права означала для представителей капиталистического государства свободу и оказывала им услугу постольку, поскольку крепостное право разрушалось, и крестьяне получили возможность владеть, как полной собственностью, той землей, которую они купили путем выкупа, или частицей — из оброка, — на это государство не обращало внимания: оно охраняло собственность, каким бы путем она ни возникла, так как оно покоилось на частной собственности. Крестьяне превращались в частных собственников во всех современных цивилизованных государствах. Государство охраняло частную собственность и, там, где помещик отдавал часть земли крестьянину, вознаграждало его посредством выкупа, продажи за деньги. Государство как бы заявляло: полную частную собственность мы сохраним, и оказывало ей всяческую поддержку и заступничество. Государство признавало эту собственность за каждым купцом, промышленником и фабрикантом. И это общество, основанное на частной собственности, на власти капитала, на полном подчинении всех неимущих рабочих и трудящихся масс крестьянства, — это общество объявляло себя господствующим на основании свободы. Борясь против крепостного права, оно объявило собственность свободной и особенно гордилось тем, будто государство перестало быть классовым.

Между тем, государство попрежнему оставалось машиной, которая помогает капиталистам держать в подчинении беднейшее крестьянство и рабочий класс, но по внешности оно было свободно. Оно объявляет всеобщее избирательное право, заявляет устами своих поборников, проповедников, ученых и философов, что оно государство не классовое. Даже теперь, когда против него началась борьба Советских социалистических республик, они обвиняют нас в том, будто мы — нарушители свободы, будто мы строим государство, основанное на принуждении, на подавлении одних другими, а они представляют государство всенародное, демократическое. Вот этот вопрос — о государстве — теперь, во время начала социалистической революции во всем мире, и как

раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба с всемирным капиталом, — вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности.

Какую бы партию мы ни взяли в России или в любой более цивилизованной стране, — почти все политические споры, расхождения, мнения вертятся сейчас около понятия о государстве. Является ли государство в капиталистической стране, в демократической республике, — особенно вроде такой, как Швейцария или Америка, — в самых свободных демократических республиках, является ли государство выражением народной воли, сводкой общенародного решения, выражением национальной воли и т. д., — или же государство есть машина для того, чтобы тамошние капиталисты могли держать свою власть над рабочим классом и крестьянством? Это — основной вопрос, около которого сейчас вертятся во всем мире политические споры. Что говорят о большевизме? Буржуазная пресса ругает большевиков. Вы не найдете ни одной газеты, которая бы не повторила ходячего обвинения против большевиков в том, что они являются нарушителями народовластия. Если наши меньшевики и социалисты-революционеры в простоте души (а, может быть, и не в простоте, или, может быть, это такая простота, о которой сказано, что она — хуже воровства) думают, что они являются открывателями и изобретателями обвинения против большевиков в том, что они нарушили свободу и народовластие, то они самым смешным образом заблуждаются. В настоящее время нет ни одной из богатейших газет богатейших стран, которые десятки миллионов употребляют на их распространение и в десятках миллионов экземпляров сеют буржуазную ложь и империалистическую политику, — нет ни одной из этих газет, которая не повторила бы этих основных доводов и обвинений против большевизма: что Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, что оно не знает свободы и что большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку. Эти страшные обвинения большевиков повторяются во всем мире. Обвинения эти подводят нас целиком к вопросу: что такое государство? Чтобы эти обвинения понять, чтобы в них разобраться и вполне сознательно к ним отнестись и разобраться не по слухам только, а имея твердое мнение, надо ясно понять, что такое государство. Здесь мы имеем всякие капиталистические государства и все те учения в защиту их, которые создались до войны. Чтобы правильно подойти к решению вопроса, нужно отнестись критически ко всем этим учениям и взглядам.

Я уже назвал вам в помощь сочинение Энгельса «Происхо-

ждение семьи, частной собственности и государства». Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, что, как бы демократично оно ни было, оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное Собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу.

Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. Одна из самых демократических республик в мире — Северо-Американские Соединенные Штаты — и нигде так, как в этой стране (кто там побывал после 1905 г., тот наверно имеет об этом представление), нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке. Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют.

Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право, — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, которые организованы по всему миру в партии, — те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно. Вот почему все это в глазах самых широких масс людей получило такое большое значение.

Вот почему перелом кажется таким трудным. Не только сознательные лицемеры, ученые и попы поддерживают и защищают эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех, но и массы людей, искренне повторяющих старые предрассудки и не могущих понять перехода от старого капиталистического общества к социализму. Не только люди, находящиеся в прямой зависимости от буржуазии, не только те, которые находятся под гнетом капитала, или которые подкуплены этим капиталом (на службе у капитала состоит масса всякого рода ученых, художников, попов и т. д.), но и люди, просто находящиеся под влиянием предрассудков буржуазной свободы, все это ополчилось против большевизма во всем мире за то, что при своем основании Советская республика отбросила эту буржуазную ложь и открыто заявила: вы называете свое государство свободным, а на самом деле, пока есть частная собственность, ваше государство, хотя бы оно было демократической республикой, есть не что иное, как машина в руках капиталистов для подавления рабочих, и чем свободнее государство, тем яснее это выражается. Пример этого — Швейцария в Европе, Северо-Американские Соединенные Штаты в Америке. Нигде капитал не господствует так цинично и беспощадно, и нигде это не видно с такой ясностью, как именно в этих странах, хотя это демократические республики, как бы ни были они изящно размалеваны, несмотря ни на какие слова о трудовой демократии, о равенстве всех граждан. На деле в Швейцарии и Америке господствует капитал, и всякие попытки рабочих добиться сколько-нибудь серьезного улучшения своего положения встречаются немедленной гражданской войной. В этих странах меньше солдат, постоянного войска, — в Швейцарии существует милиция, и каждый швейцарец имеет ружье у себя дома, в Америке до последнего времени не было постоянного войска, — и поэтому, когда случается стачка, буржуазия вооружается, нанимает солдат и подавляет стачку, и нигде это подавление рабочего движения не происходит с такой беспощадной свирепостью, как в Швейцарии и Америке, и нигде в парламенте не сказывается так сильно влияние капитала, как именно здесь. Сила капитала — все, биржа — все, а парламент, выборы, — это марионетки, куклы... Но чем дальше, тем больше проясняются глаза рабочих, и тем шире распространяется идея Советской власти, особенно после той кровавой бойни, которую мы только что пережили. Все яснее становится для рабочего класса необходимость беспощадной борьбы с капиталистами.

Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т.-е., если в ней не выполняется то, о

чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство—машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки о том, что государство есть всеобщее равенство, — это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный—сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть,—пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплуатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии. Надеюсь, что к этому вопросу мы в следующих лекциях вернемся — и неоднократно.

Впервые напечатано 18 января 1929 г. в «Правде» № 15.

Печатается по стенограмме.

ДОКЛАД О ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ РЕСПУБЛИКИ НА МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. К. П. (Б.) 12 ИЮЛЯ 1919 Г.[113]).

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

Предыдущий докладчик уже указывал, с каким тяжелым чувством нарушаем мы систему нашей продовольственной политики [114]). Это, конечно, не что иное, как непрочное штопанье дырявого платья, вместо того, чтобы приобрести новое. Но, поступая так, мы поступаем правильно. Вспомним прошлый год, когда продовольственное положение было гораздо хуже: у нас не было ровно никаких продовольственных ресурсов. И тогда то обстоятельство, что нам пришлось отступить от принципов нашей продовольственной политики, вносило большое смущение в наши ряды. Думали, что маленькие уступки повлекут за собой большие, что сделает невозможным возврат к социалистической политике. Но это оказалось неверно. Как ни тяжело было положение, мы его пережили. Надежды наших врагов не оправдались.

Теперь положение значительно лучше прошлого года: теперь у нас такие продовольственные ресурсы, о которых в прошлом году мы не смели и мечтать. В прошлом году занятая врагом территория была значительно больше. Теперь мы одержали крупные победы на востоке, где ожидается колоссальный урожай. Кроме того, у нас уже есть опыт. Это самое главное. На основании этого опыта мы говорим с большею уверенностью, что преодолеем трудности, стоящие на нашем пути. Июль — самый худой месяц не только в продовольственном отношении, но и в том смысле, что контр-революция поднимает выше голову.

Однако и контр-революционная волна внутри страны в прошлом году была сильнее, чем теперь. Деятельность левых эс-эров тогда достигла своего высшего пункта. Для нас была неожиданностью та вооруженная борьба, к которой они внезапно перешли от поддержки нас на словах. Трудности были необъятны. Момент был выбран очень удачно. Эс-эры хотели сыграть на настроении обывателя, впавшего в отчаяние от голода. В то же

время Муравьев предал нас на фронте. Восстание левых эс-эров было очень быстро ликвидировано, но в провинции все же несколько дней были серьезные колебания.

Теперь, благодаря годовому опыту, у нас установилось более правильное отношение к мелко-буржуазным партиям. Опыт махновщины, григорьевщины, колебания меньшевиков и эс-эров показали нам, что их влияние на рабочие и крестьянские массы — кажущееся. На самом деле их сила — пуф. Поэтому, когда нам сообщают о состоявшемся недавно совете партии правых эс-эров [115], когда Чернов заявляет: «Если не теперь и не нам, то кому же больше скинуть большевиков?» — то мы говорим: «Страшен сон, да милостив бог». Теперь мы только удивляемся, как им не наскучит повторять свои ошибки. В течение двух лет мы видели полный крах всех их мечтаний о «демократии вообще», и все же каждая из их групп считает своим долгом на свой лад проделать этот опыт. Развитие революции показывает, что их ошибки повторяются, и это повторение приносит нам неисчислимые бедствия. На востоке крестьяне поддерживали и эс-эров и меньшевиков, так как крестьяне не хотели войны и в то же время чувствовали, что большевики — твердая власть, которая потребует от них участия в войне. В результате явился Колчак, который принес им неисчислимые бедствия. Сейчас, при отступлении, он уничтожает все на своем пути, — страна совершенно разорена, мучения страны необъятны, гораздо больше, чем мы переживаем. Нужно все лицемерие буржуазных литераторов, чтобы перед лицом этих фактов говорить о зверствах большевиков.

В истории с Колчаком эс-эры и меньшевики снова проделали, как и в истории с Керенским, тот же кровавый политический путь, приведший их к старой исходной точке и показавший полный крах идеи коалиции.

Сейчас массы отшатнулись от них, и мы видим восстание в Сибири, в котором участвуют не только рабочие и крестьяне, а даже кулаки и интеллигенция. Мы видим полный развал колчаковщины. Очевидно, каждая их ошибка должна повторяться, чтобы раскрыть глаза несознательным массам. Массы, увидав на опыте, что коалиция приводит к реакции, идут к нам, хотя и разбитые и измученные, но закаленные и наученные опытом. То же самое можно сказать и о всех империалистах. Они затягивают войну, усиливают истощение, но этим самым только укрепляют в массах сознание необходимости революции. Как ни тяжел этот год, но в нем та польза, что не только верхи, но и широкие массы, вплоть до крестьян самых глухих уездов и окраин, получили опыт, который заставил их придти к тем же выводам, к которым пришли мы. Это дает нам твердость и уверенность в победе. Без Колчака сибирский крестьянин не пришел бы в

один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом.

Очень может быть, что литературные группы меньшевиков и эс-эров так и умрут, ничего не поняв в нашей революции, и долго еще, как попугаи, будут твердить, что у них была бы самая лучшая в мире власть — без гражданской войны, истинно социалистическая и истинно демократическая, если бы не Колчак и не большевики, но это не важно; такие упрямые чудаки бывали во всех революциях. Важно то, что массы которые за ними шли, от них отходят. Массы крестьянства перешли к большевикам — это факт. Это доказала лучше всего Сибирь. Пережитое под властью Колчака крестьяне не забудут. Чем тяжелее испытание, тем лучше усвоены уроки большевиков.

На Восточном фронте мы сейчас одерживаем крупные победы, которые позволяют нам надеяться, что на востоке в несколько недель мы ликвидируем Колчака. На юге — перелом на фронте и что еще важнее, перелом в настроении прифронтовых крестьян. А между тем, это — богатое крестьянство; там середняки похожи на кулаков. Но перелом в их настроении в нашу пользу произошел, это — факт, это доказывается и возвращением дезертиров и оказываемым нами военным сопротивлением. Рабочие, находящиеся в городах, в гуще жизни, воспринимают наши идеи скорее из заседаний, речей и газет. Крестьянин так не может, его убеждает только жизненный опыт. Крестьяне на юге на словах готовы были проклинать большевиков, но когда подошел Деникин, кричащий о демократии (так как не только меньшевики и эс-эры кричат о ней, — это слово встречается на каждой строчке газеты Деникина), крестьяне стали бороться с ним, увидев очень скоро на опыте, что под прекрасными словами кроются порка и грабеж. Муки и разорение в южной прифронтовой полосе ведут к тому же, что и на востоке, — несут нам более прочные завоевания. Мы не забывали ни на минуту тех трудностей, которые мы переживаем, того, что необходимо страшное напряжение и мобилизация наших сил, но мы говорим, что результатом будет более прочная победа. Опыт этого года показал массам, что сейчас возможна и нужна только одна власть: рабоче-крестьянская власть большевиков. Вот что дает нам уверенность говорить, что этот тяжелый июль есть последний тяжелый июль.

Если мы бросим взгляд на международное положение, то оно только укрепляет нашу уверенность в победе.

Во всех враждующих с нами государствах растут дружественные нам силы. Возьмем маленькие государства — Финляндию, Латвию, Польшу, Румынию. Все попытки создать там коалицию крупной и мелкой буржуазии для борьбы с нами кончились крахом, и никакая власть кроме нашей окажется там невозможной.

В крупных государствах то же самое. Возьмем Германию. Сразу же после подписания Версальского мира там началось огромное революционное движение. Пугало Антанты устранено, и рабочий встает, несмотря на все понесенные пролетариатом жертвы. За этот год Германия в несколько ином виде пережила тот же опыт, что и мы, что и Сибирь, — опыт, который приводит к коммунистической революции. А Антанта, победители? Они говорят, что победой обезопасили себя, но не успели они подписать мир, как стало ясно, что подписание мира есть подписание собственного приговора. Движение масс против них усиливается. Вот почему, учитывая все пережитое, весь опыт этого года, мы с уверенностью говорим, что трудности преодолеем, что этот июль — последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики, — и эта победа будет полная и неотъемлемая.

«Правда» № 154, 16 июля 1919 г.

О ЗАДАЧАХ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

РАМСЭЙ МАКДОНАЛЬД О III ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

В № 5475 французской социал-шовинистской газеты «L'Humanité» («Человечество»), от 14 апреля 1919 г., помещена передовая статья известного вождя британской так называемой «Независимой рабочей партии» — на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия — Рамсэя Макдональда. Статья эта так типична для позиции того *течения*, которое принято называть «центром» и которое назвал таким именем I конгресс Коммунистического Интернационала в Москве, что мы приводим ее *целиком* вместе с вступительными строками редакции «L'Humanité».

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Наш друг Рамсэй Макдональд до войны был популярным лидером Рабочей партии в Палате Общин. В качестве убежденного социалиста и убежденного человека он счел своей обязанностью осудить эту войну, как империалистскую, в противоположность тем, кто приветствовал ее, как войну за право. Вследствие этого он после 4-го августа отказался от роли руководителя «Рабочей партии» (Labour Party) и вместе со своими товарищами из «Independant» («Независимой рабочей партии»), вместе с Кейр Гарди, которым все мы восхищались, не побоялся объявить войну войне.

На это требовалось не мало изо дня в день повторяющегося героизма.

Макдональд на собственном примере показал, что мужество, говоря словами Жореса, «заключается в том, чтобы не подчиняться закону торжествующей лжи и не служить отголоском для аплодисментов дураков и шиканья фанатиков».

На выборах «по команде» *) в конце ноября Макдональд был побежден Ллойд-Джорджем. Мы можем быть спокойны, — Макдональд возьмет реванш, и в самом недалеком будущем.

---

*) Буквально «хаки»: так прозвали их солдаты, которым приказано было голосовать за правительственных кандидатов.

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «О задачах III Интернационала» — 1919 г.

Уменьшено

Возникновение сепаратистских тенденций в национальной и в интернациональной политике социализма было несчастьем для всего социалистического движения.

Нет, конечно, никакой беды в том, что внутри социализма имеются оттенки в мнениях и различия в методах. Наш социализм находится ведь еще в стадии экспериментов.

Его основные принципы установлены, но способ наилучшего их применения, комбинации, которые принесут торжество революции, организация социалистического государства — все это вопросы, которые подлежат обсуждению и относительно которых еще не сказано последнее слово. Только углубленное изучение всех этих вопросов может привести нас к более высокой истине.

Крайности могут сталкиваться друг с другом, и такая борьба может содействовать укреплению социалистических взглядов, но зло начинается, когда каждый смотрит на своего противника, как на предателя, как на верующего, который лишился благодати и пред которым должны быть захлопнуты врата партийного рая.

Когда социалистами овладевает дух догматизма, вроде того, какой некогда в христианстве разжигал гражданскую войну во славу божью и ради сокрушения дьявола, буржуазия может спать спокойно, ибо период ее господства еще не завершился, как бы велики ни были местные и интернациональные успехи, достигнутые социализмом.

В настоящий момент наше движение встречает на своем пути, к несчастью, новое препятствие. В Москве основан новый Интернационал.

Меня лично этот факт глубоко огорчает, — ведь социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу.

Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы правления, выросшие из политических и социальных опустошений, произведенных войной, еще не выдержали испытаний и не могут считаться установленными окончательно.

Новая метла сначала метет удивительно хорошо, но как она будет работать под конец — об этом нельзя с уверенностью судить заранее.

Россия — не Венгрия, Венгрия — не Франция и Франция — не Англия, и потому, кто вносит раскол в Интернационал, руководствуясь опытом какой-либо одной нации, обнаруживает преступную ограниченность ума.

Чего на самом деле стоит опыт России? Кто на это ответит? Союзные правительства боятся дать нам возможность полного осведомления? Но есть две вещи, которые мы знаем.

Прежде всего мы знаем, что революция совершена нынешним русским правительством не по заранее составленному плану. Она развернулась в связи с ходом событий. Начав борьбу с Керенским, Ленин требовал созыва Учредительного Собрания. События привели его к разгону этого Собрания. Когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они заняли.

Затем, Ленин совершенно справедливо убеждал венгерцев не копировать рабски Россию, а предоставить венгерской революции развиваться свободно, согласно ее собственному духу.

Развитие и колебания тех опытов, при которых мы присутствуем, ни в коем случае не должны были вызывать раскол внутри Интернационала.

Все социалистические правительства нуждаются в помощи и в советах Интернационала. Интернационалу надлежит следить за их опытами внимательным и критическим оком.

Я только что слышал от одного друга, недавно видевшего Ленина, что никто не подвергает советское правительство более свободной критике, чем сам Ленин.

* * *

Если послевоенные беспорядки и революции не оправдывают раскола, то не находит ли последний оправдания в той позиции, которую заняли некоторые социалистические фракции во время войны? Признаюсь откровенно, что тут можно было бы найти более разумную причину. Но если, действительно, и имеется кое-какой предлог для раскола в Интернационале, то во всяком случае на Московской конференции вопрос этот был поставлен самым неудачным образом.

Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции по вопросу об ответственности за войну *были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов.*

На Бернской конференции не только не было возможности вынести по этому вопросу такое решение, которое имело бы какую-нибудь историческую ценность (хотя оно могло иметь кое-какую ценность политическую), но и самый вопрос не был поставлен надлежащим образом.

Осуждение германского большинства (осуждение, которое было вполне заслужено германским большинством, и к которому я с удовольствием присоединился), не могло быть изложением причин войны.

Бернские дебаты не сопровождались откровенными обсуждениями той позиции, которую заняли другие социалисты по отношению к войне.

Они не дали никакой формулы поведения, обязательного для социалистов во время войны. Все, сказанное Интернационалом до того времени, заключалось в том, что, когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями.

Кого же при таких условиях станем мы осуждать?

Некоторые из нас знали, что эти решения Интернационала не имели значения и не годились для дела в качестве практического руководства.

Мы знали, что эта война должна закончиться победой империализма, и, не будучи в обычном смысле слова ни пацифистами, ни антипацифистами, мы примкнули к политике, по нашему мнению, единственно совместимой с интернационализмом. *Но Интернационал* никогда не предписывал нам подобной линии поведения.

Вот почему в момент, когда началась война, Интернационал потерпел крах. Он утратил свой авторитет и не издал ни одного постановления, на основании которого мы имели бы право ныне осуждать тех, кто честно выполнял резолюции международных съездов.

Ввиду этого в настоящее время нужно отстаивать такую точку зрения: вместо того, чтобы расходиться из-за разногласия по поводу событий прошлого, будем создавать Интернационал действительно активный и помогающий социалистическому движению в тот период революции и строительства, в который мы вступили.

Необходимо восстановить наши социалистические принципы. Необходимо положить прочные основы интернациональному социалистическому поведению.

Если же окажется, что мы существенно расходимся в этих принципах, если мы не придем к соглашению по вопросу о свободе и демократии, если наши взгляды насчет условий, при которых пролетариат может взять власть в свои руки, окончательно разойдутся, если, наконец, выяснится, что война отравила ядом империализма некоторые секции Интернационала, — тогда раскол возможен.

Но я не думаю, чтобы случилось такое несчастье.

И потому меня огорчил Московский манифест, как, по меньшей мере, преждевременный и, конечно, бесполезный; и я надеюсь, что мои французские товарищи, на которых в течение последних четырех злополучных лет сыпалось столько и клевет, и напастей, не поддадутся порыву нетерпения и не будут со своей стороны содействовать разрыву интернациональной солидарности.

Иначе их детям пришлось бы вновь восстанавливать эту солидарность, если пролетариату суждено когда-нибудь управлять миром.

Дж. Рамсэй Макдональд.

Автор этой статьи, как видит читатель, старается доказать ненадобность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, *как* рассуждает Рамсэй Макдональд, этот типичный представитель II Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельда и Брантинга и т. д. и т. п.

Статья Рамсэя Макдональда есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения.

I.

Начнем с наименее важного, но особенно характерного. Автор, подобно Каутскому (в его брошюре «Диктатура пролетариата»), повторяет буржуазную ложь, будто в России никто не предвидел заранее роли Советов, будто я и большевики начали борьбу с Керенским только во имя Учредительного Собрания [116]).

Это — буржуазная ложь. На самом деле я уже 4 апреля 1917 г., в первый же день своего приезда в Петроград, выставил «тезисы» с требованием *Советской* республики, а не *буржуазно-парламентарной* *). Я повторял это много раз при Керенском в печати и на собраниях. Партия большевиков торжественно и официально заявила это в решениях своей конференции 29 апреля 1917 года. Не знать этого — значит *не хотеть* знать правды о социалистической революции в России. Не хотеть понять, что

*) См. XX том Сочинений, стр. 87 — 90. *Ред.*

буржуазно-парламентарная республика с Учредительным Собранием есть шаг вперед против такой же республики *без* Учредительного Собрания, а *Советская* республика есть два шага вперед по сравнению с ней, значит закрывать глаза на разницу между буржуазией и пролетариатом.

Называть себя социалистом и не видеть этой разницы два года спустя после постановки вопроса в России, полтора года спустя после победы советской революции в России, это значит упорно оставаться в полном плену у «общественного мнения несоциалистических кругов», *т.-е.* у идей и политики буржуазии.

С такими людьми раскол необходим и неизбежен, ибо нельзя совершать социалистической революции рука об руку с теми, кто тянет сторону буржуазии.

И если люди, подобные Рамсэю Макдональду или Каутскому и т. п., не захотели преодолеть даже той совсем маленькой «трудности», которой было бы для этих «вождей» ознакомление с *документами* об отношении большевиков к Советской власти, о постановке этого вопроса до и после 25 октября (7 ноября) 1917 г., то не смешно ли было бы ждать от таких людей готовности и способности преодолеть несравненно бо́льшие трудности настоящей борьбы за социалистическую революцию?

Хуже всякого глухого тот, кто не хочет слышать.

II.

Перейдем ко второй неправде (из бесчисленных неправд, которыми полным полна вся статья Рамсэя Макдональда, ибо в этой статье, пожалуй, неправд больше, чем слов). Это — неправда едва ли не самая важная.

Дж. Р. Макдональд утверждает, будто Интернационал до войны 1914—1918 г.г. сказал только то, что «когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями».

Это чудовищное, вопиющее уклонение от истины.

Всем известно, что Базельский манифест 1912 г. единогласно принят всеми социалистами и что он один только из всех документов Интернационала относится как раз к той именно войне между английской и германской группой империалистских хищников, которая в 1912 г. явно для всех подготовлялась и которая в 1914 г. разразилась. Именно про эту войну Базельский манифест сказал три вещи, умалчивая о которых теперь, Макдональд совершает величайшее преступление против социализма и доказывает, что с людьми вроде Макдональда необходим раскол, ибо они служат на деле буржуазии, а не пролетариату.

Эти три вещи следующие:

война, которая грозит, не может быть оправдана ни тенью интересов национальной свободы;

со стороны рабочих было бы преступлением в этой войне стрелять друг в друга;

война ведет к пролетарской революции.

Вот — те три основные, коренные истины, «забывая» которые (хотя он подписал их до войны), Макдональд *на деле* переходит на сторону буржуазии против пролетариата и доказывает этим, что раскол необходим.

Коммунистический Интернационал не пойдет на единство с партиями, не желающими признать этой истины и не способными своими *делами* доказать свою решимость, готовность и уменье проводить в сознание масс эти истины.

Версальский мир доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грязным империалистским хищником, как и Германия. Не видеть этого могли либо лицемеры и лгуны, проводящие сознательно буржуазную политику в рабочем движении, прямые агенты и приказчики буржуазии (labor lieutenants of the capitalist class, рабочие офицера на службе у класса капиталистов, как говорят американские социалисты), либо настолько поддавшиеся буржуазным идеям и буржуазному влиянию люди, которые на словах только социалисты, а на деле мелкие буржуа, филистеры, подпевалы капиталистов. Разница между первой и второй категорией важна с точки зрения личностей, т.-е. для оценки Ивана или Петра из социал-шовинистов всех стран. Для политика, т.-е. с точки зрения отношений между миллионами людей, между классами, эта разница не существенна.

Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что это война преступная, реакционная, грабительская, империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи «своей» национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая «национальной», «освободительной», «оборонительной», «справедливой» и т. п. войну между английской и германской группой империалистов хищников, *равно* грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных.

Единство с социал-шовинистами есть предательство революции, предательство пролетариата, предательство социализма, переход на сторону буржуазии, ибо это есть «единство» с *национальной буржуазией* «своей» страны *против* единства интернационального революционного пролетариата, есть единство *с* буржуазией *против* пролетариата.

Война 1914—1918 г.г. окончательно доказала это. Кто этого не понял, тот пусть остается в желтом Бернском Интернационале социал-предателей.

III.

Рамсэй Макдональд с забавной наивностью «салонного» социалиста, который бросает слова на ветер, совершенно не понимая их серьезного значения, совершенно не думая о том, что *слова обязывают к делам*, заявляет: в Берне была сделана «уступка общественному мнению несоциалистических кругов».

Вот именно! Весь Бернский Интернационал мы считаем желтым, предательским, изменническим, ибо *вся* его политика есть «*уступка*» буржуазии.

Рамсэй Макдональд великолепно знает, что мы построили III Интернационал и безоговорочно порвали с II, ибо убедились в его безнадежности, в его неисправимости, в его роли слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении. Если Рамсэй Макдональд, желая рассуждать о III Интернационале, обходит суть дела, ходит кругом да около, говорит пустые фразы и не говорит о том, о чем надо говорить, это его вина и его преступление. Ибо пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь.

Вопрос об империализме и о *его связи* с оппортунизмом в рабочем движении, с предательством рабочего дела рабочими вождями, поставлен давно, очень давно.

Маркс и Энгельс в течение *сорока* лет, с 1852 по 1892 г., постоянно указывали на *обуржуазение* верхушек рабочего класса Англии вследствие ее экономических особенностей (колонии; монополия на всемирном рынке и т. д.) [117]). Маркс завоевал себе в 70-х годах прошлого века почетную ненависть подлых героев тогдашнего «Бернского» интернационального направления, оппортунистов и реформистов, за то, что заклеймил многих вождей английских трэд-юнионов, как людей, продавшихся буржуазии или оплачиваемых ею за услуги *ее* классу, оказываемые *извнутри* рабочего движения.

Во время англо-бурской войны англо-саксонская пресса поставила уже вполне ясно вопрос об империализме, как новейшей *(и последней)* стадии капитализма. Если память мне не изменяет, то не кто иной, как Рамсэй Макдональд, вышел тогда из «Фабианского общества», этого прообраза «Бернского» Интернационала, этого рассадника и образца оппортунизма, охарактеризованного Энгельсом с гениальной силой, яркостью и правдой в переписке с Зорге [118]). «Фабианский империализм» — таково было тогда ходячее выражение в английской социалистической литературе.

Если Рамсэй Макдональд забыл об этом, тем хуже для него.

«Фабианский империализм» и «социал-империализм», это одно и то же: социализм на словах, империализм на деле, *перерастание оппортунизма в империализм.* Это явление стало теперь, во время войны 1914—1918 г.г. и после нее, *всемирным* фактом. Непонимание его есть величайшая слепота «Бернского», желтого, Интернационала и величайшее преступление его. Оппортунизм или реформизм неизбежно должны были перерасти в имеющий всемирно-историческое значение *социалистический империализм* или социал-шовинизм, ибо империализм выделил горстку богатейших, передовых наций, грабящих весь мир, и тем самым позволил буржуазии этих стран *подкупать* на счет своей монополистической сверхприбыли (империализм есть монополистический капитализм) *верхушки рабочего класса* этих стран.

Не видеть экономической неизбежности этого факта при империализме могут либо круглые невежды, либо лицемеры, которые обманывают рабочих, повторяя *общие места* о капитализме и заслоняя таким образом горькую правду о переходе *целого течения в социализме* на сторону империалистской буржуазии.

А из этого факта вытекают два бесспорных вывода:

Вывод первый: «Бернский» Интернационал есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов, *организация агентов международного империализма,* действующих *внутри* рабочего движения, проводящих *в нем* буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат.

В странах с давней демократически-парламентской культурой буржуазия великолепно научилась действовать не только насилием, но и обманом, подкупом, лестью, вплоть до самых утонченных форм этих приемов. «Завтраки» английских «рабочих вождей» (т. е. приказчиков буржуазии по части надувания рабочих) не даром приобрели известность, и об них говорил еще Энгельс [119]). Того же порядка факт есть «обворожительный» прием господином Клемансо социал-предателя Мергейма, любезные приемы министрами Антанты вождей «Бернского» Интернационала и прочее и тому подобное. «Вы их обучите, а мы их купим»,— говорила одна умная английская капиталистка господину социал-империалисту Гайндману, который рассказал в своих мемуарах, как эта госпожа — более догадливая, чем все вожди «Бернского» Интернационала, вместе взятые, — оценивала «труды» социалистов-интеллигентов по обучению социалистических вождей из рабочих [120]).

Во время войны, когда Вандервельды, Брантинги и вся эта банда предателей устраивала «международные» конференции, французские буржуазные газеты смеялись очень ядовито и очень верно: «У этих Вандервельдов нечто вроде тика. Как люди, страдающие тиком, не могут сказать двух фраз без странного подергивания

мыщц лица, так Вандервельды не могут выступать политически, не повторяя попугайски слов: интернационализм, социализм, международная солидарность рабочих, революция пролетариата и т. п. Пускай повторяют какие-угодно сакраментальные формулы, лишь бы они помогали водить за нос рабочих и служили службу нам, капиталистам, при ведении империалистской войны и при закабалении рабочих».

Английские и французские буржуа бывают иногда очень умны и превосходно оценивают лакейскую роль «Бернского» Интернационала.

Мартов писал где-то: «Вы, большевики, поносите Бернский Интернационал, но в нем состоит «ваш» же друг, Лорио»[121]).

Это — довод мошенника. Ибо всем известно, что Лорио борется за III Интернационал открыто, честно, геройски. Когда Зубатов устраивал в Москве в 1902 г. собрания рабочих в целях одурачения их «полицейским социализмом», рабочий Бабушкин, которого я знал с 1894 г., когда он был в моем рабочем кружке в Питере, один из лучших, преданнейших рабочих-«искровцев», вождей революционного пролетариата, расстрелянный в 1906 г. Ренненкампфом в Сибири, *ходил на зубатовские собрания,* чтобы бороться с зубатовщиной и вылавливать рабочих из ее лап. Бабушкин так же мало был «зубатовцем», как Лорио «бернцем».

IV.

Вывод второй: III, Коммунистический, Интернационал для того и основан, чтобы не позволять «социалистам» отделываться тем *словесным* признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелко-буржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть.

Когда говорят: II Интернационал умер, потерпев позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, реформизм, мелко-буржуазный социализм. Ибо у II Интернационала есть историческая заслуга, есть завоевание εἰς ἀεί (на всегда), от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии и т. п.

Чтобы на деле победить оппортунизм, приведший к позорной смерти II Интернационала, чтобы на деле помогать революции, приближение которой вынужден признать *даже* Рамсэй Макдональд, надо:

Во-первых, всю пропаганду и агитацию вести с точки зрения революции, в противоположность реформам *), систематически разъясняя массам эту противоположность и теоретически, и практически, на каждом шагу парламентской, профессиональной, кооперативной и т. д. работы. Ни в каком случае не отказываться (за исключением особых случаев, в виде изъятия) от использования парламентаризма и всех «свобод» буржуазной демократии, не отказываться от реформ, но рассматривать их *только,* как *побочный результат* революционной классовой борьбы пролетариата. Ни одна из партий «Бернского» Интернационала не удовлетворяет этому требованию. Ни одна не обнаруживает даже понимания того, как надо вести *всю* пропаганду и агитацию, разъясняя *различие* реформ от революции, как надо *неуклонно* воспитывать и партию, и массы *к революции.*

Во-вторых, надо соединять легальную и *нелегальную* работу. Этому учили большевики всегда и особенно настойчиво во время войны 1914—1918 годов. Над этим смеялись герои подлого оппортунизма, самодовольно превознося «законность», «демократию», «свободу» западно-европейских стран, республик и пр. Теперь уже только прямые мошенники, обманывающие рабочих фразами, могут отрицать, что большевики оказались правы. Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой «свободной» из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доныне не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней *нелегальной* работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которая словесным признанием революции обманывает народ. Таким партиям место в желтом, «Бернском» Интернационале. В Коммунистическом Интернационале их не будет.

В-третьих, необходима неуклонная и беспощадная война за полное изгнание из рабочего движения тех оппортунистических вождей, которые зарекомендовали себя и до войны и особенно во время войны как в сфере политики, так и в особенности в профессиональных союзах и в кооперативах. Теория «нейтральности» есть лживая **) и подлая увертка, которая помогла буржуазии овладеть массами в 1914—1918 годах. Партии, которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей.

---

*) В печатном тексте: «реформизму». *Ред.*
**) В печатном тексте: «лицемерная». *Ред.*

В-четвертых, нельзя мириться *) с тем, что на словах осуждают империализм, а на деле не ведут революционной борьбы за освобождение колоний (и зависимых наций) от *своей* империалистской буржуазии. Это лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении (labor lieutenants of the capitalist class). Та английская, французская, голландская, бельгийская и т. п. партия, которая на словах враждебна империализму, а на деле не ведет революционной борьбы внутри «своих»**) колоний за *свержение* «своей» буржуазии, не помогает систематически повсюду начавшейся уже *революционной* работе в колониях, не ввозит в них оружия и литературы для революционных партий в колониях, есть партия негодяев и предателей.

В-пятых, величайшим лицемерием является типичное для партий «Бернского» Интернационала явление: на словах признавать революцию и щеголять перед рабочими пышными фразами насчет признания ими революции, на деле же относиться чисто-***) реформистски к тем начаткам, росткам, проявлениям роста революции, каковыми являются всякие выступления масс, ломающих буржуазные законы, выходящих из всякой легальности, например — массовые стачки, уличные демонстрации, протесты солдат, митинги в войске, распространение листков в казармах и в лагерях и т. п.

Если спросить любого героя «Бернского» Интернационала, ведет ли его партия такую систематическую работу, он ответит вам либо уклончивыми фразами, прикрывающими отсутствие такой работы: неимение организаций и аппарата для нее, неспособность его партии вести ее, либо декламацией против «путшизма» (вспышкопускательства), «анархизма» и т. п. А в этом и состоит измена рабочему классу со стороны Бернского Интернационала, его фактический переход в лагерь буржуазии.

Все негодяи-вожди Бернского Интернационала распинаются, заявляя о своем «сочувствии» к революции вообще, к русской революции в частности. Но только лицемеры или дурачки могут не понимать, что особенно быстрые успехи революции в России *связаны* с долголетней работой революционной партии в указанном направлении, когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально приемы, создавалась нелегальная литература, подводившая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, вырабатывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.

---

*) В печатном тексте: «примириться». *Ред.*
**) В печатном тексте слово «своих» опущено. *Ред.*
***) В печатном тексте слово «чисто» опущено. *Ред.*

V.

Самыми глубокими, коренными разногласиями, которые подытоживают все указанное выше и объясняют неизбежность непримиримой теоретической и практически-политической борьбы революционного пролетариата с «Бернским» Интернационалом, являются вопросы о превращении империалистской войны в гражданскую и о диктатуре пролетариата.

Пленение «Бернского» Интернационала буржуазной идеологией более всего обнаруживается в том, что, не поняв (или: не пожелав понять, или: прикидываясь непонимающим) империалистского характера войны 1914—1918 г.г., он не понял неотвратимости ее превращения в войну гражданскую между пролетариатом и буржуазией всех передовых стран.

Когда большевики еще в ноябре 1914 г. указали на эту неотвратимость, филистеры всех стран отвечали тупоумными насмешками, и к числу этих филистеров принадлежали все вожди «Бернского» Интернационала. Теперь превращение империалистской войны в войну гражданскую стало фактом в целом ряде стран, не только в России, но и в Финляндии, в Венгрии, в Германии, даже в нейтральной Швейцарии, а нарастание гражданской войны наблюдается, чувствуется, осязается во всех без исключения передовых странах.

Теперь обходить этот вопрос молчанием (как делает Рамсэй Макдональд) или *отговариваться* от неизбежной гражданской войны сладенькими примирительными фразами (как делают господа Каутский и К°) равносильно прямой измене пролетариату, равносильно фактическому переходу на сторону буржуазии. Ибо настоящие политические вожди буржуазии давно поняли неизбежность гражданской войны и великолепно, обдуманно, систематически проводят подготовку ее, укрепление своих позиций для нее.

Буржуазия всего мира изо всех сил, с громадной энергией, умом, решительностью, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, осуждая на голод и на поголовное истребление *) целые страны, готовит подавление пролетариата в надвигающейся гражданской войне. А герои «Бернского» Интернационала, как дурачки или лицемерные попики, или педанты профессора, тянут старую, избитую, истасканную реформистскую песенку! Нет зрелища более отвратительного, более омерзительного!

Каутские и Макдональды продолжают *пугать* капиталистов революцией, *стращать* буржуазию гражданской войной, чтобы

---

*) В печатном тексте слова: «и на поголовное истребление» опущены. *Ред.*

добиться от них уступок, согласия на реформистский путь. К этому сводятся все писания, вся философия, вся политика всего «Бернского» Интернационала.

Этот жалкий прием лакеев мы наблюдали в России в 1905 г. со стороны либералов (кадетов), в 1917—1919 г.г. со стороны меньшевиков и «социалистов-революционеров». О том, чтобы *воспитывать* массы в сознании неизбежности и необходимости *победить* буржуазию в гражданской войне, о том, чтобы всю политику вести под углом этой цели, все вопросы освещать, ставить и решать с этой и только с этой*) точки зрения,—об этом лакейские души Бернского Интернационала и не помышляют. И потому наша цель должна состоять только в том, чтобы окончательно столкнуть неисправимых реформистов, т.-е. девять десятых вождей Бернского Интернационала, в помойную яму прислужников буржуазии.

Буржуазии *нужны* такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса и которые бы прихорашивали, подкрашивали буржуазию разговорами о возможности реформистского пути, засоряли народу глаза этими разговорами, *отвлекали* народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути.

Все писания Каутских, как и наших меньшевиков и эс-эров, сводятся к такому размалевыванию, к хныканию трусливого мещанина, боящегося революции.

Здесь мы не имеем возможности подробно повторять, какие основные экономические причины сделали неизбежным именно революционный путь и только революционный путь, сделали невозможным иное решение вопросов, поставленных на очередь дня историей, кроме как гражданской войной. Об этом должно писать и об этом будут написаны томы. Если господа Каутские и прочие вожди «Бернского» Интернационала этого не поняли, то остается только сказать: невежество менее удалено от истины, чем предрассудок.

Ибо невежественные, но искренние люди труда и сторонники трудящихся легче понимают теперь, после войны, неизбежность революции, гражданской войны и диктатуры пролетариата, чем напичканные ученейшими реформистскими предрассудками господа Каутские, Макдональды, Вандервельды, Брантинги, Турати и tutti quanti**).

Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюсса: «Le feu» («В огне») и «Clarté» («Ясность»). Первый переведен уже на все языки и

---

*) В печатном тексте слова: «и только с этой» опущены. *Ред.*
**) — все прочие. *Ред.*

распространен во Франции в числе 230.000 экземпляров. Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво.

Массы пролетариев и полупролетариев за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. «Бернский» Интернационал — штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца.

Имя Карла Либкнехта во всей буржуазной прессе Антанты во время войны употреблялось для обмана масс: чтобы выставить разбойников и грабителей французского и английского империализма сочувствующими этому герою, этому «единственно честному немцу», как они говорили.

Теперь герои Бернского Интернационала сидят в одной организации с Шейдеманами, которые подстраивали убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, с Шейдеманами, которые исполняли роль палачей из рабочих, оказывающих палаческие услуги буржуазии. На словах — лицемерные попытки «осудить» Шейдеманов (точно от «осуждения» дело изменится!), на деле пребывание в одной организации с убийцами.

Покойный Харри Квелч в 1907 г. был выслан германским правительством из Штутгарта за то, что он назвал «собранием воров» заседание европейских дипломатов. Вожди «Бернского» Интернационала — не только собрание воров, они — собрание подлых убийц.

От суда революционных рабочих им не спастись.

VI.

От вопроса о диктатуре пролетариата Рамсэй Макдональд отделывается парой слов, как от предмета для дискуссии о свободе и демократии.

Нет. Пора действовать. Дискуссии опоздали.

Самое опасное со стороны «Бернского» Интернационала, это — словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата! Французские социал-шовинисты и «центристы» подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв *на деле* с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы.

Диктатуру пролетариата пытаются признать на словах, чтобы тайком протащить рядом с ней «волю большинства», «всеобщее голосование» (так именно делает Каутский), буржуазный парламентаризм, отказ от полного уничтожения, взрывания, сламывания до конца всего буржуазного государственного аппарата. Этих новых увертох, новых лазеек реформизма надо бояться больше всего.

Диктатура пролетариата была бы невозможна, если бы большинство населения не состояло из пролетариев и полупролетариев. Эту истину Каутский и К° пытаются фальсифицировать так, что де нужно «голосование большинства», дабы признать «правильною» диктатуру пролетариата.

Комичные педанты! Они не поняли, что голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть *часть* буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху донизу *для* осуществления диктатуры пролетариата, для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

Они не поняли, что вообще не голосованиями, а гражданской войной решаются *все* серьезные вопросы политики, когда в порядок дня поставлена историей диктатура пролетариата.

Они не поняли, что диктатура пролетариата есть власть *одного* класса, берущего в свои руки *весь* аппарат новой государственности, *побеждающего* буржуазию и *нейтрализующего* всю мелкую буржуазию, крестьянство, обывательщину, интеллигенцию.

Каутские и Макдональды признают на словах классовую борьбу, чтобы на деле забыть о ней в самый решительный момент истории — борьбы за освобождение пролетариата: в момент, когда, взяв государственную власть и поддерживаемый полупролетариатом, пролетариат при помощи этой власти *продолжает* классовую борьбу, доводя ее до *уничтожения классов*.

Как настоящие филистеры, вожди «Бернского» Интернационала повторяют буржуазно-демократические словечки о свободе и равенстве и демократии, не видя, что они повторяют обломки идей о свободном и равном *товаровладельце,* не понимая, что пролетариату нужно государство не для «свободы», а *для подавления* своего врага, эксплуататора, капиталиста.

Свобода и равенство *товаровладельца* умерли, как умер капитализм. Не Каутским и Макдональдам воскресить его.

Пролетариату нужно уничтожение классов — вот *реальное* содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы *от* капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства *классов* — на эту пошлость сбиваются Каутские и Вандервельды и Макдональды, — а равенства трудящихся, которые *свергают* капитал и капитализм).

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть бур-

жуазный обман. Пролетариат берет власть, становится *господствующим* классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет *все* попытки *всех* других классов вернуться к капитализму, дает *настоящую* свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при *отмене* частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а *реальное* пользование тем, *что отнято* у буржуазии.

Кто не понял *этого* содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, Советской власти или демократии пролетарской), тот всуе приемлет это слово.

Я не могу здесь развивать подробнее эти мысли, изложенные мною в «Государстве и революции»*) и в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»**). Я могу закончить, посвящая эти заметки делегатам на Люцернском конгрессе[122], 10 августа 1919 г., Бернского Интернационала.

14 июля 1919 г.

«Коммунистический Интернационал» № 4, 1 августа 1919 г.

Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) См. XXI том Сочинений, стр. 365 — 455. *Ред.*

**) См. XXIII том Сочинений, стр. 331 — 412. *Ред.*

РЕЧЬ О ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ХОДЫНСКИХ ЛАГЕРЕЙ 15 ИЮЛЯ 1919 Г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ.

— Товарищи, мы переживаем сейчас очень важный момент окончания империалистской войны. После победы над Германией, с ноября 1918 г., все союзники занялись выработкой условий мира, говоря при этом, что германский империализм погиб и народы освободились. Национальным Собранием мир ратифицирован, — утвержден мир после войны, в которой перебито 10 миллионов людей и 20 миллионов искалечено ради разбойничьих целей, ради добычи.

Сейчас, когда Версальский мир подписан, большевики оказались правы: мир этот хуже Брестского мира, заключенного в свое время нами с издыхающим германским империализмом. Теперь становится все яснее и яснее, что этот день Версальского мира будет поражением английского, американского и прочего империализма. Сейчас же после заключения мира империалисты занялись дележом колоний: Англия забрала Персию, делят Сирию, Турцию, — теперь для рабочих капиталистических стран открылись глаза, что это была война хищников. И как это ни курьезно, получены сведения, что князь Львов, бывший член Временного правительства Керенского, находящийся сейчас в Париже, потребовал от Антанты для России Константинополь и проливы, мотивируя тем, что Россия только ради них и воевала, — но на его наивное требование, конечно, ответили, что это было бы дано только старой сильной России.

На 14 июля, день взятия Бастилии, французские империалисты, чтобы обмануть народ, назначили праздник победы над Германией. Но французские рабочие не поддались на эту удочку, и 14 июля была объявлена забастовка служащих кафе и ресторанов — и в этот день, когда обычно вся публика гуляет и тан-

дует на улице, кафе и рестораны были закрыты и тем праздник был сорван. На 21 июля рабочие Англии, Франции и Италии объявили всеобщую стачку — и, можно сказать, что, как Брестский мир для Германии, так Версальский для Франции и Англии окончится поражением капиталистов и победой пролетариата. На то же движение пролетариата Запада указывают и неудачи первого нашествия Антанты на юг России и второго нашествия на Сибирь. Эти неудачи показали, что пролетариат Запада за нас.

Да и само крестьянство Сибири и Украины, ратовавшее раньше за Колчака и Деникина, после поборов, поголовного грабежа и насильничества повернуло против них. Теперь ясно, что Колчак погиб и что победа над Деникиным близка: эта победа завершится победой пролетариата на Западе, ибо на Западе движение рабочих всюду принимает большевистский характер, и если Россия со своей Советской властью вначале была в одиночестве, то впоследствии к ней присоединилась Советская Венгрия, идет дело к передаче власти Советам в Германии, и не далек день, когда вся Европа соединится в единую Советскую республику, которая уничтожит господство капиталистов во всем мире. (**Продолжительные аплодисменты.**)

«Вечерние Известия Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 293, 17 июля 1919 г.

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА [128]).

Отвечаю на поставленные мне пять вопросов, на условии исполнения письменно данного мне обещания, что мой ответ полностью будет напечатан в газетах, числом более ста, Соединенных Штатов Северной Америки.

1. Советское правительство имело не реформистскую правительственную программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства. Революция есть ниспровержение господствующего класса. Поэтому реформистские программы состоят обычно из многих частичных пунктов. Наша, революционная, программа состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров. Этой программы мы никогда не изменяли. Отдельные частичные мероприятия, направленные к осуществлению этой программы, нередко подвергались изменениям; перечень их занял бы целый том. Укажу только, что есть еще один общий пункт нашей правительственной программы, который вызывал, пожалуй, наибольшее число изменений отдельных мер. Этот пункт: подавление сопротивления эксплуататоров. После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г., мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехо-словаков, германскими и французскими — Маннергейма, Деникина и пр. и т. п. Один из последних заговоров, вызвавших «изменение», — именно усиление террора против буржуазии в Петрограде, — был

заговор буржуазии о сдаче Петрограда, захват офицерами-заговорщиками Красной Горки, подкуп английскими и французскими капиталистами служащих в швейцарском посольстве на-ряду со многими служащими русскими и пр.

2. Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других не-русских народностей внутри России. Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западно-европейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т.-е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.

3. По отношению к Соединенным Штатам и Японии мы преследуем прежде всего ту политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку, грабя Мурман и Архангельск, опустошая и разоряя особенно Восточную Сибирь, где русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки геройское сопротивление.

Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе и Соединенным Штатам и Японии, — одна: братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия.

4. Условия, на которых мы согласны заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом, мы вполне точно, ясно, письменно излагали много раз, например, Буллиту, который вел переговоры с нами (и со мной лично в Москве) от имени правительства Соединенных Штатов, в письме к Нансену [124]) и т. д. Не наша вина, если правительства Соединенных Штатов и других стран боятся напечатать полностью эти документы, скрывая от народа правду. Напомню лишь наше основное условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т.-е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии,

Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии, ибо Деникин, Колчак, Маннергейм и пр. — простые пешки в руках этих правительств.

5. Всего более я хотел бы сообщить общественному мнению Америки следующее:

По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути «свободы», «равенства», «демократии», «цивилизации». Но тем не менее капитализм был и остается системой *наемного рабства*, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («moderne») рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистская добыча, власть над колониями, финансовые «сферы влияния» или «мандаты на управление» и т. п.

Во время войны 1914—1918 г.г. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах, — и это тем более, что война вызвала повсюду неслыханное разорение, а за войну надо *везде*, в том числе и народам-«победителям», платить проценты по долгам. А что такое эти проценты? Это есть миллиардная дань господам миллионерам за то, что они были так любезны, что позволили десяткам миллионов рабочих и крестьян убивать и калечить друг друга для решения вопроса о дележе прибылей капиталистов.

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филистера: романы Анри Барбюсса («Le feu» и «Clarté»), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа, филистером, обывателем.

Капиталисты, буржуазия могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла *Совет-*

ская республика, которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов.

Победа международной Советской республики обеспечена.

Маленькая иллюстрация в заключение: американская буржуазия обманывает народ, хвалясь свободой, равенством, демократией в ее стране. Но ни эта, ни какая иная буржуазия, ни одно правительство в мире не сможет принять, побоится принять состязание с нашим правительством на началах действительной свободы, равенства, демократии; допустим, договор обеспечивает за нашим правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими.

Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами.

Почему? Потому, что все, кроме Советских правительств, держатся угнетением и обманом масс. Но великая война 1914—1918 г.г. разбила великий обман.

Ленин

20 июля 1919 г.

«Правда» № 162, 25 июля 1919 г.

РЕЧЬ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ И ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ НА МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФАБЗАВКОМОВ, ПРОФСОЮЗОВ И УПОЛНОМОЧЕННЫХ М. Ц. Р. К. 30 ИЮЛЯ 1919 Г.[135])

Товарищи, что касается нашего продовольственного и военного положения, то позвольте мне обратиться к вам с небольшим и коротким пояснением. Я надеюсь, что основные факты, касающиеся этих вопросов, вам всем известны, и моя задача состоит, пожалуй, только в том, чтобы несколько осветить значение этих фактов.

Как раз в то время, когда вам приходится решать кооперативные вопросы, мы переживаем острый момент, в особенности в отношении продовольствия. Вы знаете, что успех нашей продовольственной работы за последний год, по сравнению с предъидущим годом, был очень велик. Едва ли в других областях советской деятельности можно так точно измерить этот успех, как в работе продовольственной. За первый год Советской власти, частью захватывая и конец режима Керенского, государственная заготовка была сделана всего в 30 миллионов пудов. За следующий год мы заготовили свыше 107 миллионов пудов, несмотря на то, что, в отношении военном и в отношении свободного доступа к наиболее хлебным территориям, мы в этот второй год были в более тяжелых условиях, ибо нам была совершенно недоступна не только Сибирь, но и Украина и большая часть далекого юга. Несмотря на это, как вы видите, наши хлебные заготовки утроились. С точки зрения работ продовольственного аппарата, это — крупный успех, но, с точки зрения обеспечения хлебом неземледельческих местностей, это — очень немного, потому что, когда были произведены точные обследования условий питания неземледельческого населения и, в особенности, рабочего населения городов, то оказалось, что рабочий весной и летом нынешнего года в городах приблизительно только половину продовольствен-

ных продуктов получает от Компрода, а остальное вынужден добывать на вольном рынке, на Сухаревке и у спекулянтов, при чем за первую половину рабочий платит одну десятую долю всех своих расходов, а за вторую — девять десятых. Господа спекулянты, как и следовало ожидать, лупят с рабочего в 9 раз против той цены, которую берет государство за заготовленный хлеб. Если взять эти точные данные нашего продовольственного положения, то мы должны будем сказать, что наполовину, одной ногой, мы стоим в старом капитализме и только наполовину выкарабкались из этой трясины, из этого болота спекуляции и вышли на дорогу действительно социалистических заготовок хлеба, когда хлеб перестал быть товаром, перестал быть предметом спекуляции и предметом и поводом для грызни, для борьбы и для обнищания многих. Как видите, с точки зрения того, что необходимо для удовлетворения неземледельческого и рабочего населения, сделано немного, но если представить себе, в каких трудных условиях приходилось работать в обстановке гражданской войны, когда большая часть самых хлебных территорий не была в нашем обладании, — то быстрота постановки продовольственного аппарата была необыкновенно велика. Я думаю, что все согласятся со мной, что в этом отношении задача организационная, задача сбора хлеба от масс крестьянства не капиталистическим путем, задача неимоверно трудная, которую никакая смена учреждений — я не говорю уже о смене правительства — решить не может, потому что эта задача требует перестройки организационной, она требует перестройки устоев сельско-хозяйственной жизни, которые сложились веками, если не тысячелетиями. Если бы, скажем, при условии полного мира, нам было дано, положим, 5 лет на создание организационного аппарата, который целиком мог бы собрать в руках государства хлеб, отняв его из рук спекулянтов, то мы сказали бы, что такая быстрота общественно-хозяйственной перестройки — невиданная и неслыханная. И если нам меньше чем через два года удалось решить эту задачу наполовину, то это составляет очень многое. Это есть бесспорное доказательство того, что Советская власть в продовольственном вопросе, самом трудном и тяжелом, взяла правильную линию и стоит на верном пути. Во всяком случае, можно сказать, что Советская власть самым твердым образом решила только по этому пути идти дальше, не смущаясь теми колебаниями, сомнениями и критикой, а иногда и отчаянием, которые мы видим вокруг себя. Неудивительно, что со стороны тех или иных представителей голодных местностей мы видим иногда самое тяжелое и мучительное отчаяние. Это неудивительно, потому, что общие цифры, которые я привел и которые касаются питания рабочих неземледельческих местностей и городов, показывают, что наполовину им приходится зависеть от спекулянтов, от случая и прочего.

А вы знаете, что спекуляция у нас принимает характер самой бешеной борьбы и отчаянного обдирания со стороны тех, кто получил возможность доставлять продукты на этот рынок. Неудивительно, что мы встречаем отчаяние со стороны тех, кто в этой бешеной борьбе между спекулянтами и голодными потерпел крах. Понятно, что в условиях, когда железнодорожный транспорт ослаблен, когда в местностях наиболее хлебных мы видим то, что наблюдается на Украине, где никакого аппарата создать не удается, где до сих пор старые остатки партизанщины разрушают всякую возможность организационной работы, где население до сих пор не сумело победить партизанщины, — это целиком играет на руку Деникину, который одерживает там наиболее легкие победы, и это затрудняет для нас использование самых хлебных рынков, где есть запасы хлеба, которые нас могли бы легко вывести из затруднения. Я говорю, что при таком положении неудивительно, что встречаешь вокруг себя выражение отчаяния со стороны тех людей, которые особенно тяжело потерпели крах в этой борьбе за хлеб. Если мы возьмем в общем и целом развитие советской работы, не в отдельных случаях, а в итоге работы, если мы сравним, что̀ дала Советская власть и что̀ вольный рынок, то мы должны будем сказать, что та половина продовольственного дела, которая находится в руках спекулянтов, что она до сих пор является источником страшного угнетения и самой бешеной, безобразной, ничем не регулируемой наживы для спекулянтов, при чем в условиях, когда, с одной стороны, имеются голодные люди, а с другой — возможность для некоторых нажиться — источником самого отчаянного разврата.

И понятно, что люди, которые не умеют охватить этого процесса и связать концы с концами, что они сплошь и рядом вместо того, чтобы подумать, как в борьбе с капитализмом осиливать эту новую задачу — организацию сбора хлеба по твердым ценам из доверия к рабочему государству, — вместо того чтобы обдумать это, говорят нам: «Посмотрите, если рабочие девять десятых своих расходов тратят на Сухаревку, это доказывает, что вы существуете лишь благодаря мешечникам и спекулянтам. Поэтому вы должны сообразоваться с этим». Это мы слышим иногда от людей, которые воображают себя остроумными и глубоко понимающими события. На самом деле они являются представителями софизма. Опыт революции подтверждает, что смена форм правления — дело нетрудное, что устранение господствующего класса помещиков и капиталистов — вещь, возможная в короткий срок, при удачном развитии революции даже в несколько недель, но переделка коренных условий экономической жизни, борьба с теми привычками, которые столетиями и тысячелетиями впитывались в каждого мелкого хозяина, это — дело, которое, при условии полного свержения эксплуатирующих классов, требует долгих

лет настойчивой организационной работы. И когда нам указывают, вот, мол, посмотрите, как рядом с вами пышно процветает Сухаревка, как зависит от нее Советская власть, мы говорим: что же вы удивляетесь? Неужели эта задача могла быть решена менее чем в двухлетний срок и при отрезанности от России лучших земледельческих районов? Те люди, которые больше всего возражают с точки зрения принципиальной и даже иногда уверяют, что говорят с точки зрения социалистической, — но боже упаси от этого социализма! — они упрекают большевиков в утопизме и авантюризме за то, что большевики говорили: можно и должно революционным путем разбить не только монархию и помещичье землевладение, но разбить и смести класс капиталистов и остатки старой империалистской войны, чтобы расчистить почву для организационного строительства, которое неизбежно заставляет нас считаться с долгим периодом господства рабочей власти, одной только способной повести за собой широкие массы крестьянства. Эти люди, упрекающие нас в утопизме, за то, что мы признавали возможным революционным путем разбить класс помещиков и капиталистов, сами навязывают нам задачу утопическую, чтобы организационные вопросы нового социалистического строя и борьбы со старыми привычками, которые нельзя уничтожить никакой отменой учреждений, чтобы эти вопросы были решены — в обстановке, когда у нас связаны руки гражданской войной — в срок, в какой они никакими земными силами решены быть не могут.

Да, именно продовольственная политика особенно ясно показывает, что борьба социализма с капитализмом в его последней форме происходит именно здесь, когда нужно побороть не только старые учреждения и не только помещиков и капиталистов, а все воспитанные капитализмом привычки и условия хозяйства миллионов мелких хозяев. Нужно добиться того, чтобы их рассудок победил их предрассудок. Всякий сколько-нибудь сознательный крестьянин согласится с тем, что свободная торговля хлебом и продажа его на вольном рынке, когда народ голодает, что это означает войну между людьми и обогащение спекулянтов, а для масс народа означает голод. Но одного сознания мало, потому что все предрассудки и все привычки крестьянина говорят за то, что выгоднее продать хлеб спекулянту за несколько сот рублей, чем отдавать его государству за несколько десятков бумажных денег, за которые он сейчас товару получить не может. Мы говорим: если страна разорена, если нет топлива и фабрики встали, ты, крестьянин, должен оказывать помощь рабочему государству, должен дать хлеб в ссуду. Те бумажные деньги, которые дают тебе в обмен на хлеб, — это есть свидетельство того, что ты оказал государству ссуду. Если ты, крестьянин, окажешь государству ссуду и дашь хлеб, тогда рабочий может восстановить промышленность.

Другого способа к восстановлению промышленности в стране, разоренной четырьмя годами войны империалистской и двумя годами гражданской, — другого способа нет! Всякий крестьянин, который сколько-нибудь развит и из первобытной мужицкой темноты вышел, согласится, что другого выхода нет. Но одно дело — сознательный крестьянин, которого вы убедите, если по-человечески к нему обратитесь, а другое дело — предрассудки миллионов крестьян, которые считаются с фактом, что они всю жизнь при капитализме прожили, что они собственность на хлеб считают делом справедливым, что нового порядка они не испытали и не могут ему поверить. Вот почему мы говорим, что именно в этой, продовольственной, области идет самая глубокая война капитализма с социализмом уже на деле, а не на словах только, и не в области верхушек государственного строительства. Эти верхушки легко переделать, и не велико значение таких переделок. Здесь же сознание трудящихся и их авангарда — рабочего класса — вступает в решительный и последний бой с предрассудками, с раздробленностью и распыленностью крестьянских масс. Когда сторонники капитализма — все равно, называются ли они представителями буржуазных партий или меньшевиками или эс-эрами — когда они говорят: «Откажитесь от проведения государственной монополии, от взимания хлеба принудительным путем по твердым ценам», — мы отвечаем: «Вы, любезные меньшевики и эс-эры, вы, может быть, и искренние люди, но вы защищаете капитализм, вашими устами говорят не что иное, как предрассудки старой мелко-буржуазной демократии, которая ничего другого, кроме свободной торговли, не видела, которая стоит в стороне от бешеной борьбы с капитализмом и считает, что это можно примирить и согласовать». Мы имеем достаточно опыта и знаем, что представители действительно трудящихся масс, те, которые не выделились в верхушечные слои, которых помещики и капиталисты всю жизнь эксплуатировали, — они знают, что здесь дело идет о последней и решительной, никакого примирения не допускающей, борьбе с капитализмом. Они знают, что никакие уступки именно здесь, в этой области, не возможны. Если временно Советская власть говорит, как она говорила прошлым летом: отпустим полуторапудников на столько-то недель, — то после этого она пустила в ход свой аппарат, и он дал больше, чем раньше. Вы знаете, что и в настоящее время пришлось сделать такую уступку и такой перерыв: пускай рабочие снабдят себя при отпусках хлебом в одиночку[126]). Тем сильнее мы обеспечиваем себе возможность снова приняться за работу, обеспечиваем себе нашу работу социалистическую. Мы даем настоящий бой капитализму и говорим, что, какие бы уступки он ни заставлял нас делать, мы все-таки за борьбу против капитализма и против эксплуатации. Мы будем здесь бороться с такой же беспощадностью, как

мы боремся с Колчаком и Деникиным, потому что сила, откуда они берут себе подкрепление, это есть сила капитализма, а она, конечно, идет не из воздуха, она основана на свободной торговле хлебом и товарами. Мы знаем, что когда хлеб свободно продают в стране, то это обстоятельство и является главным источником капитализма, источником, который и был причиною гибели всех республик до сих пор. Теперь идет решительная и последняя борьба с капитализмом и со свободной торговлей, и для нас теперь происходит самый основной бой между капитализмом и социализмом. Если мы победим в этой борьбе, то возврата к капитализму и прежней власти, ко всему тому, что было раньше, уже не будет. Этот возврат будет невозможен, нужно только, чтобы была война против буржуазии, против спекуляции, против мелкого хозяйства, чтобы не был сохранен тот принцип, который существовал раньше: «Всяк за себя, а бог за всех». Нужно забыть принцип, когда всякий мужик был бы за себя, а Колчак был бы за всех. У нас теперь новая форма наших взаимоотношений и строительства. Нужно знать, что социализм идет, и, как бы мы себе ни навязывали наших старых пережитков, мы должны помнить, что они будут только старыми отрывками старых мыслей, потому что крестьянин должен совершенно иначе относиться к производимому им предмету потребления; в противном случае, если он продает по «вольной» цене хлеб рабочему, он, несомненно, становится буржуем и собственником, а мы говорим, чтобы хлеб продавался по твердой государственной цене, и это даст нам возможность отойти от капитализма. И вот, когда нам приходится переживать всю тяжесть нашего голодания и сравнивать наше настоящее положение с прошлым годом, то мы должны сказать, что наше настоящее положение несравненно лучше, чем оно было в прошлом году. Правда, нам приходится идти на некоторые уступки, но мы можем всегда дать ответ и объяснение этих уступок. Тем не менее, хотя мы за 20 месяцев Советской власти и сделали многое, мы еще не решили всех трудностей настоящего тяжкого положения.

Когда мы оторвем крестьян от собственности и когда мы повернем их к нашей государственной работе, тогда можно будет сказать, что мы сделали трудную часть нашего пути. Но мы не сойдем с этого пути, как не сойдем с пути борьбы с Деникиным и Колчаком. Мы слышим из лагеря людей, которые называют себя эс-эрами и меньшевиками, такие вещи, что война-де безысходна, что выхода из этой войны нет и что нужно принять все меры, чтобы она была закончена..., — эти речи вы услышите сплошь и рядом. Это говорят люди, которые не понимают истинного положения вещей. Они считают гражданскую войну безысходной, потому что она слишком тяжела, но разве они не понимают, что эту войну нам навязывают европейские империалисты,

потому что они боятся Советской России. В то же время они держат у себя во дворцах: сегодня Савинкова, завтра — Маклакова, затем — Брешковскую и разговаривают с ними не какие-нибудь милые речи, а ведут беседы о том, как рациональнее послать сюда, к нам солдат, артиллерию с пушками и другими орудиями смерти, как оказать Архангельскому фронту помощь, как прибавить к нему фронт Южный и Восточный и еще Петроградский. Вся Европа и вся европейская буржуазия ополчилась на Советскую Россию. Она дошла до такой наглости, что предлагает венгерскому правительству такие вещи: «Мы вам дадим хлеб, а вы откажитесь от Советской власти». Я думаю, какая же большая агитация будет для Венгрии в виде этого предложения, когда его прочтут в газетах Будапешта! Но это все-таки лучше, это более честный и открытый путь, чем все гадания о борьбе за свободную торговлю и т. д. Здесь ясно говорится: вам нужен хлеб, — откажитесь от того-то и того-то, что нам невыгодно, и мы дадим вам этот хлеб...

Поэтому, если бы любезные капиталисты обратились с этим предложением к русским крестьянам, мы были бы им очень благодарны. Мы сказали бы: у нас не хватало агитаторов, — теперь Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон пришли нам на помощь и оказались самыми лучшими агитаторами. Теперь не будет больше речи об Учредительном Собрании, о свободе собраний и т. д., а всё — на чистоту. Но мы спросим господ капиталистов — у вас так много военных долгов, у вас все чемоданы набиты долговыми обязательствами, столько-то и столько-то миллиардов военных долгов — и вы думаете, народ будет их платить? У вас столько снарядов, патронов, орудий, что их некуда девать, и вы нашли самым лучшим расстрелять их в русских рабочих? вы покупали Колчака... отчего же вы его не спасли? Вы же недавно вынесли резолюцию, что международная Лига Наций держав Согласия признает Колчака единым полноправным русским правительством [127]). А после того от Колчака остались только сверкающие пятки. Отчего же это так вышло? (*Аплодисменты.*) Вот на опыте Колчакии мы видим, чего стоят обещания эс-эровских и меньшевистских вождей. Ведь они начали колчаковщину, у них была Самарская власть. Чего же стоят эти обещания? И как быть, если собираются против нас силы, которые, конечно, с военной стороны невероятно превышают наши — мы не можем их даже приблизительно сравнивать. Конечно, буржуазия и крупная и мелкая делает отсюда соответствующий вывод и говорит усталым изголодавшимся массам: «Вас втянули в гражданскую войну, из которой нет исхода. Где же вам, усталой, отсталой стране, бороться с Англией, Францией, Америкой?». Этот мотив мы постоянно слышим вокруг себя и от буржуазной интеллигенции — ежедневно и ежечасно. Они стремятся доказать, что гражданская война дело без-

надежное. Но история дает нам ответ. Это — история власти в Сибири. Мы знаем, что там живут зажиточные крестьяне, которые не знали крепостного права, которые поэтому не могут быть благодарны большевикам за избавление от помещиков. Мы знаем, что там организовано было правительство и для начала туда были посланы прекрасные знамена, которые изготовляли эс-эр Чернов или меньшевик Майский, и на них были лозунги — Учредительное Собрание, свобода торговли — чего хочешь, серый мужичек, все тебе напишем, только помоги свалить большевиков! Что же вышло из этой власти? — Вышла вместо Учредительного Собрания Колчаковская диктатура, — самая бешеная, хуже всякой царской. Что же это — случайность? Нам отвечают — это была ошибка. Но, господа, ошибаться могут отдельные лица в том или ином акте своей жизни, но ведь здесь на помощь вам шли все ваши лучшие люди, все, что было лучшего в ваших партиях. Разве вам не шла на помощь интеллигенция? А если ее не было, — хотя мы знаем, что она была, — у вас была интеллигенция всех передовых стран — Франции, Америки и Японии. У вас была земля, у вас был флот, у вас были войска, у вас были деньги — почему же все развалилось? По ошибке, которую сделал какой-нибудь Чернов или Майский? Нет! Потому, что в этой отчаянной войне не может быть никакой середины, и для того, чтобы держаться, буржуазия должна расстреливать десятками и сотнями все, что есть творческого в рабочем классе. Это ясно видно на примере Финляндии, это показывает теперь пример Сибири. Чтобы доказать, что большевики несостоятельны, эс-эры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака. Нет, это не случайность, это происходит во всем мире, и если бы исчезли все речи большевиков, все их печатные произведения, на которые теперь идет травля в каждой стране, где выуживают большевистские брошюры, как какую-нибудь заразу, страшную для бедных Вильсонов, Клемансо и Ллойд-Джорджей, — если бы все это исчезло, мы бы указали на Сибирь, где только что действовали их приспешники, и сказали: вот это действует лучше всякой агитации! Это показывает, что между диктатурой буржуазии и диктатурой рабочего класса середины быть не может. Этот довод проникает не только в головы рабочих масс, он проникает даже в голову самого несознательного крестьянина. Вы знаете, крестьяне говорили: «Мы не хотим большевистского правительства, мы хотим свободной торговли хлебом». Вы знаете, что в Самаре крестьянство, среднее крестьянство, было на стороне буржуазии. Кто же теперь оттолкнул его от Колчака? Оказывается, что крестьянин один создавать свое ...*) не может. Это подтверждается всей историей революции,

*) Здесь в стенограмме искажено одно слово. *Ред.*

и каждый, кто знаком с ней и с историей социалистического движения, знает, что к этому приводит все развитие политических партий в XIX веке.

Крестьянин этого, конечно, не знал. Он ни историей социализма, ни историей революции не занимался, но он верит и признает выводы, которые складываются на его собственной спине. Когда он увидал, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами и что колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморд, он сказал сознательно: «Я выбираю диктатуру рабочих масс и я пойду на то, чтобы добить до конца диктатуру бюрократической буржуазии, — как он называет диктатуру Колчака, — чтобы была диктатура пролетариата, диктатура народа». Эта история с Колчаком показывает, что как гражданская война ни бесконечна, как ни тяжела, какой безысходной она ни кажется, но в тупик она не приводит. Она приводит народные массы, наиболее оторванные от большевиков, собственным опытом к убеждению в необходимости перехода на сторону этой власти...

Вот, товарищи, наше военное положение. Теперь вы позвольте мне закончить доклад указанием насчет кооперативной работы, которую нам предстоит выполнить. Многие товарищи уже высказались перед вами, будучи гораздо более компетентными, чем я, в оценке практических задач, какие стоят перед вами. Я позволю себе выразить пожелание, чтобы та задача, которая ложится на вас, — создание обнимающего трудящиеся массы кооперативного общества потребления, — дело громадной важности, — было выполнено с успехом. Кооперативы в обстановке капиталистического общества неизбежно выделяли верхушки, которые ими руководили, и эти верхушки сплошь были белогвардейскими. Это не только у нас оказалось, это доказали те верхи, которые заключают договор с Колчаком. Это было в Англии и Германии, — в капиталистических странах. Когда началась война, верхушки кооперативов, привыкшие жить капиталами, поголовно пошли на сторону империалистов...

Это не случайность, что во всем мире, во время империалистской войны верхушки парламентариев-социалистов, верхушки социалистического движения, ушли к империалистам целиком. Они разжигали ее, и они дошли до того, что их друзья стоят во главе правительства, убившего Либкнехта и Люксембург, и помогают расстреливать вождей рабочего класса. Это не вина отдельных людей. Это не преступление того или иного несчастного преступного человека. Это результат капитализма, который развращал их... Так было во всем мире, и Россия не святая страна, и нам из капиталистического общества нельзя было перейти иначе, нам тоже предстояло с этими верхушками пережить тяжелую войну. Она не закончена и теперь, когда она

охватывает народные массы, когда массы встают на борьбу против всякой спекуляции... Когда те, кто вынес эксплуатацию на собственной спине, и ее не забудут, когда они возьмутся за распределение продуктов, — мы тут, возможно, потерпим не малое поражение. Мы знаем, что тут много темноты и невежества, что тут будет прорываться то там, то здесь, — мы знаем, что одним ударом ничего не достигнешь. Но мы, сознательно ведущие советскую работу, сознательные крестьяне и рабочие которые устраивают социалистическую Россию, эту войну поведем. Эту войну вы поведете вместе с нами, и эту войну, как бы трудна и тяжела она ни была, мы закончим полной победой, товарищи. (Аплодисменты.)

В сокращенном виде напечатано в «Правде» № 167, 31 июля 1919 г.

Печатается по стенограмме.

В ЛАКЕЙСКОЙ [128]).

Товарищи привезли с юга несколько меньшевистских, эсэровских и т. п. изданий, позволяющих бросить взгляд на «идейную жизнь» по *ту* сторону баррикады, в *том* лагере. Харьковская «Мысль» Базарова и Мартова, «Грядущий День» Мякотина и Пешехонова, Бунакова и Вишняка, Потресова и Гроссмана, «Южное Дело», «Объединение» Балабанова и Ст. Ивановича, Мякотина и Пешехонова — таковы имена этих изданий [129]) и некоторых из выдающихся их сотрудников.

Даже немногие, разрозненные номера названных изданий дают такой цельный и сильный аромат, что сразу чувствуешь себя как в лакейской. Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией, — такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренно, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии.

I.

Лакею полагается по должности фрачный костюм, цивилизованная внешность и соответственные манеры, белые перчатки. Лакею разрешается известное народолюбие: с одной стороны, это неизбежно, ибо среда, поставляющая лакеев, должна быть сильно нуждающейся; с другой стороны, это даже выгодно для барина, ибо дает возможность ему «упражнять» свою благотворительность — в первую голову, разумеется, по отношению к «послушным» представителям тех слоев, из которых берутся прислуга, приказчики, рабочие. Чем умнее и образованнее те классы, которые держат лакеев, тем систематичнее и обдуманнее проводят они свою политику, используя лакеев для того, чтобы шпионить среди трудящихся, чтобы разъединить их уступками известной

их части, чтобы укрепить свое положение, заинтересовать «служащего» в увеличении богатства барина, в надежде получить подачку и прочее и тому подобное.

Народолюбие разрешается лакею, конечно, лишь в очень скромной мере и под обязательным условием выражения чувств покорности и послушания на-ряду с готовностью «утешать» трудящихся и эксплуатируемых. В скобках сказать, Фейербах очень метко ответил тем, кто защищает религию, как источник «утешения» для людей, что утешать раба есть занятие выгодное для рабовладельца, а настоящий сторонник рабов учит их возмущению, восстанию, свержению ига, а вовсе не «утешает» их [130]). Лакей прикрашивает, прихорашивает фальшивые цветы, служащие для «утешения» наемных рабов в том, что они скованы цепями наемного рабства. Сторонник освобождения людей от наемного рабства срывает с цепей фальшивые, украшающие их цветы, чтобы рабы научились сознательнее и сильнее ненавидеть свои цепи, скорее сбросили их и протянули руку за живыми цветами.

Свойственная лакейскому положению необходимость соединять очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина неизбежно порождает характерное для лакея, как социального типа, лицемерие. Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц. Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он «обязался» служить «верой и правдой», с интересами той среды, из которой рекрутируется прислуга. И поэтому, если рассматривать вопрос с точки зрения политика, т.-е. с точки зрения миллионов людей и отношений между миллионами, то нельзя не придти к выводу, что главные свойства лакея, как социального типа, суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия. Именно эти свойства являются самыми существенными, с точки зрения наемных рабов и всей массы трудящихся в любом капиталистическом обществе.

II.

Образованные интеллигенты, называющие себя меньшевиками, социал-демократами, социалистами-революционерами и т. п., хотят учить народ политике. Поэтому они не могли не затронуть и коренного вопроса всей переживаемой нами эпохи, превращения империалистской войны в войну гражданскую. Посмотрите, как они об этом вопросе рассуждают.

В «Объединении» господин П. Юшкевич посвящает целую статью «Революции и гражданской войне». К какого рода литературе —

с позволения сказать, литературе — относится эта статья, видно будет хотя бы из двух следующих рассуждений автора:

...«Ставя себе целью революцию, преследующую интересы большинства и осуществляемую этим большинством, социализм не имеет оснований (!!) обращаться к методам (!!!) гражданской войны, на которые бывают фатально обречены захватывающие власть меньшинства»... «И наиболее передовой класс современного общества, когда он созреет для полного понимания своей всемирно-освободительной миссии и связанных с нею задач, должен будет откинуть ее (гражданскую войну), вместе с прочим наследием исторического варварства»...

Не правда ли, перл?

Русская буржуазия, тотчас же после большевистского переворота, стала искать соглашения и заключать соглашения с буржуазией иностранной против рабочих и трудящихся своей страны. Поддерживали буржуазию меньшевики и эс-эры. Так было в Финляндии в начале 1918 года. Так было и на севере России и на юге в начале 1918 г., когда и кадеты и меньшевики и эс-эры в союзе с немцами душили большевиков. То же в Грузии. Немцы давали деньги и оружие Краснову. Потом буржуазия Антанты подкупала чехо-словаков, Деникина, высаживала войска на Мурмане, в Архангельске, в Сибири, в Баку, в Асхабаде.

Международная буржуазия, сначала германская, потом англо-французская (неоднократно и обе вместе), пошла войной на победивший в России пролетариат. И является человек, называющий себя социалистом, который, переходя на сторону буржуазии, советует рабочим «откинуть» «методы гражданской войны»! Разве это не Иудушка Головлев [131]) самой новейшей капиталистической формации?

Мне, может быть, скажут, что Юшкевич просто рядовой чернильный кули буржуазии, что для каких-либо партий он вовсе не характерен, и они за него не отвечают. Но это было бы неверно. Во-первых, состав сотрудников и все направление «Объединения» показывает нам типичность именно такого лакейства для всей меньшевистски-эс-эровской братии. А, во-вторых, возьмите Л. Мартова. Сей субъект — самый видный (и едва ли не самый «левый») меньшевик, притом же почтеннейший член Бернского Интернационала, солидарный с идейным его вождем, К. Каутским.

Посмотрите на рассуждения Мартова. Он пишет в апрельской, 1919 г., книжке «Мысли» про «мировой большевизм». Он знает литературу большевизма и о большевизме досконально. И этот писатель о гражданской войне пишет вот как:

...«В первые же недели войны мне приходилось писать о том, что вызванный ею кризис рабочего движения есть прежде всего «моральный кризис», кризис утраты взаимного доверия различными частями пролетариата и веры пролетарских масс в старые морально-политические ценности. Я не представлял себе еще тогда возможности, что эта утрата взаимного доверия, это уничтожение идейных скреп, которые в течение

последних десятилетий связывали между собой не только реформистов и революционеров, но в известные моменты объединяли и социалистов с анархистами, и тех и других с либеральными и христианскими рабочими, что это уничтожение приведет к *гражданской войне* среди пролетариев»...

Курсив принадлежит господину Мартову. Он сам подчеркивает, что дает здесь оценку именно гражданской войны. Может быть даже, он подчеркивает свое полнейшее согласие с Каутским, который во всяком случае именно так рассуждает о гражданской войне.

А в этом рассуждении столько самой утонченной подлости, такая бездна лжи и обмана рабочих, такое низкое предательство их интересов, такое лицемерие и ренегатство по отношению к социализму, что диву даешься, сколько лакейства накопили десятилетия «игры» с оппортунизмом в Каутских и Мартовых!

Во-первых, когда Каутский и Мартов фарисейски проливают слезы по поводу «гражданской войны *среди пролетариев*», то этим пытаются прикрыть свой переход на сторону буржуазии. Ибо на деле гражданская война идет между пролетариатом и буржуазией. Никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев. Всякий грамотный человек признает, что француз, который бы во время восстания крестьян в Вандее за монархию и за помещиков стал оплакивать «гражданскую войну *среди крестьян*», был бы отвратительным по своему лицемерию лакеем монархии. Такие же лакеи капиталистов господа Каутские и Мартовы.

Международная буржуазия, всемирно могущественная, душит победивших рабочих одной страны за свержение капитала, ведя за собой часть обманутых, неосведомленных, забитых рабочих, а мерзавцы Каутские и Мартовы проливают слезы по поводу «гражданской войны среди пролетариев». Этим субъектам приходится прибегать к этому омерзительному лицемерию, ибо нельзя же признаться открыто в том, что они в гражданской войне пролетариата с буржуазией оказались на стороне буржуазии!

Во-вторых, Мартов, как и Каутский, как и весь Бернский Интернационал, превосходно знают, что они пользовались среди рабочих сочувствием как социалисты, ибо проповедывали необходимость революции пролетариата. В 1902 г. Каутский писал о возможной связи революции с войной и о том, что грядущая революция пролетариата будет, вероятно, больше совпадать с гражданской войной, чем предыдущие. В 1912 г. в Базельском манифесте весь II Интернационал торжественно заявляет, что грядущая война связана с грядущей пролетарской революцией. А когда эта война разразилась, «революционеры» II Интернационала оказались лакеями буржуазии!

*

Большевики в ноябре 1914 г. заявили, что империалистская война несет с собой превращение в гражданскую войну *). Это оказалось правдой. Это теперь факт в мировом масштабе. Говоря о «мировом большевизме», Мартов вынужден признать этот факт. Но вместо того, чтобы честно признаться в своем полном идейном крахе, в провале взглядов всех тех, кто с пренебрежительной гримасой мещанина отвергал мысль о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вместо этого Мартов лицемерит и «кивает» на «пролетарские массы», что они де «утратили веру в старые морально-политические ценности»!!

Ренегаты сваливают свое ренегатство на массы. Массы сочувствуют большевикам, вступая повсюду на путь революции. В этом, оказывается, вина масс, по «теории» людей, которые всю жизнь расписались в верности революции, чтобы оказаться в лагере буржуазии против пролетариата, когда революция пришла.

В-третьих, две разные теории перед войной насчет внутренней борьбы в социализме были следующие. Каутский и Мартов, а равно большинство оппортунистов, видели в реформистах и революционерах два законных оттенка, необходимых крыла одного движения одного класса. Разрыв этих оттенков осуждался. Их сближение и слияние в каждый серьезный момент пролетарской классовой борьбы признавалось неизбежным. В близорукости обвиняли сторонников раскола.

Другой взгляд, большевистский, в реформистах видел проводников буржуазного влияния на пролетариат, союз с ними допускал как временное зло в обстановке заведомо не революционной, разрыв и раскол с ними считал неизбежным при всяком серьезном обострении борьбы, а тем более при начале революции.

Кто оказался прав?

Большевики.

Во всем мире война принесла раскол рабочего движения, переход социал-патриотов к буржуазии. После России всего нагляднее показала это передовая капиталистическая страна, Германия. И теперь защищать «идейные скрепы» реформистов и революционеров, это значит поддерживать тех палачей из рабочих, в роде Носке и Шейдемана, которые помогали буржуазии убивать Розу Люксембург и Карла Либкнехта, убивать тысячи рабочих за революционную борьбу их против буржуазии **).

Написано в июле — августе 1919 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в журнале «Большевик» № 23—24.

Печатается по рукописи.

---

*) См. XVIII том Сочинений, стр. 57—66. *Ред.*

**) Статья не закончена. *Ред.*

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1 АВГУСТА 1919 Г. [132])

Товарищи, я очень рад приветствовать от имени Совета Народных Комиссаров ваш съезд.

В области народного просвещения нам пришлось бороться в течение долгого времени с теми же трудностями, которые встречались все время у Советской власти во всех областях работы и во всех областях организации. Мы наблюдали, что во главе организаций, которые считались единственными массовыми организациями, оказались с самого начала люди, которые долго еще находились в плену у буржуазных предрассудков. Мы наблюдали даже в первое время Советской власти, как армия в октябре 1917 г. заваливала нас в Петрограде заявлениями о том, что Советская власть ею не признается, угрожая идти против Петрограда и выражая солидарность с буржуазными правительствами. Тогда еще мы убедились, что эти заявления исходили от тех верхушек этих организаций, от тогдашних армейских комитетов, которые целиком представляли из себя пошлое в развитии настроения, убеждений, взглядов нашей армии. С тех пор это явление повторялось в отношении всех массовых организаций: и в отношении железнодорожного пролетариата, оно повторялось и в отношении почтово-телеграфных служащих. Мы наблюдали всегда, что в первое время прошлое держит еще в своей власти силу и влияние на массовые организации. Поэтому нас нисколько не удивляла и та продолжительная упорная борьба, которая шла среди учительства, с самого начала представлявшего из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти. Мы наблюдали, как с постепенностью приходилось преодолевать старые буржуазные предрассудки, и как этому учительству, которое было тесно связано с рабочими и трудящимся крестьянством, как ему пришлось в борьбе против предыдущего буржуазного

строя отвоевывать себе права и пробивать себе дорогу к действительному сближению с трудящимися массами, к действительному пониманию характера происходящей социалистической революции. Вам до сих пор больше, чем кому бы то ни было другому, приходилось иметь дело со старыми предрассудками буржуазной интеллигенции, с ее обычными приемами и аргументациями, с ее защитой буржуазного или капиталистического общества, с ее борьбой, которая ведется обычно не прямо, а под прикрытием тех или других благозвучных по внешности лозунгов, которые на самом деле приводятся так или иначе в защиту капитализма.

Товарищи, вы помните, быть может, как Маркс описывает вступление рабочего на современную капиталистическую фабрику, как Маркс, анализируя рабство рабочего в дисциплинированном, культурном и «свободном» капиталистическом обществе, исследовал причины угнетения трудящихся капиталом, как он подходит к основам производственного процесса, как он описывает поступление рабочего на капиталистическую фабрику, где происходит ограбление прибавочной стоимости, где кладется основа всей капиталистической эксплуатации, где создается капиталистическое общество, дающее богатство в руки немногих и держащее в угнетении массы. Когда Маркс подходит к этому самому существенному и коренному месту в его произведении — к анализу капиталистической эксплуатации, он сопровождает это введение ироническим замечанием: «Здесь, куда я вас введу, в это место выжимания капиталистами прибыли, здесь господствует свобода, равенство и Бентам» [183]). Когда Маркс это говорил, он подчеркивал ту идеологию буржуазии, которую она проводит в капиталистическом обществе, которую она оправдывает, ибо с точки зрения буржуазии, преодолевшей борьбу против феодала, с точки зрения этой буржуазии, в капиталистическом обществе, основанном на господстве капитала, на господстве денег, на эксплуатации трудящихся, господствует именно «свобода, равенство и Бентам». Свобода, которой они называют свободу наживы, свободу обогащения для немногих, свободу торгового оборота; равенство, которым они называют равенство капиталистов и рабочих; господство Бентама, т.-е. мелко-буржуазных предрассудков относительно свободы и равенства.

Если мы бросим взгляд вокруг себя, если посмотрим на те доводы, с которыми боролись вчера против нас и борются сегодня представители старого учительского союза и которые мы до сих пор встречаем у наших идейных противников, называющих себя социалистами, у эс-эров и меньшевиков, те доводы, которые мы в малосознательной форме встречаем в ежедневных разговорах с крестьянской массой, еще не понявшей значения социализма,—если вы присмотритесь к этому и вдумаетесь в идейное

значение этих доводов, вы найдете тот же самый буржуазный мотив, который был подчеркнут Марксом в «Капитале». Все эти люди подтверждают это изречение, что в капиталистическом обществе господствует свобода, равенство и Бентам. И когда нам возражают с этой точки зрения и говорят, что мы, большевики и Советская власть, являемся нарушителями свободы и равенства, мы отсылаем тех, кто так говорит, к начаткам политической экономии, к основам учения Маркса. Мы говорим: та свобода, в нарушении которой вы большевиков упрекаете, есть свобода капитала, есть свобода владельца продавать хлеб на вольном рынке, т.-е. свобода наживы для немногих, которые имеют этот хлеб в излишке. Та свобода печати, в нарушении которой постоянно обвиняли большевиков, — что такое эта свобода печати в капиталистическом обществе? Всякий наблюдал, чем была печать у нас в «свободной» России. Еще больше это наблюдали люди, которые знакомились, непосредственно наблюдая или имея дело с постановкой печати в передовых капиталистических странах. Свобода печати в капиталистическом обществе — это значит свобода торговать печатью и воздействием на народные массы. Свобода печати — это содержание прессы, могущественнейшего орудия воздействия на народные массы, на счет капитала. Вот что такое свобода печати, которую большевики разрушили, и они гордятся тем, что дали впервые свободу печати от капиталистов, что они в первый раз в громадной стране создали печать, которая не зависит от горстки богатых и миллионеров, — печать, которая целиком посвящена задачам борьбы против капитала, и этой борьбе мы должны подчинить все. В этой борьбе передовой частью трудящихся и ее авангардом может явиться только рабочий пролетариат, могущий вести бессознательные крестьянские массы.

Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт[134]), мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата. Это та партия, которая еще до революции 1905 г. это положение завоевала. Это та партия, которая в 1905 г. оказалась во главе рабочих масс, которая с тех пор и во время реакции после 1905 г., когда, при существовании Столыпинской Думы, с таким трудом возобновилось рабочее движение, — эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла вести его на глубокое и коренное изменение старого общества». Когда нам предлагают единый социалистический фронт, мы говорим: это предлагают партии меньшевиков и эс-эров, которые проявляли в течение революции колебания в пользу буржуазии. Мы имеем

два опыта: керенщину, когда эс-эры составляли коалиционное правительство, которому помогала Антанта, т.-е. всемирная буржуазия, империалисты Франции, Америки и Англии. Что же мы видели в результате? Видели ли тот постепенный переход к социализму, который они обещали? Нет, мы видели крах, полное господство империалистов, господство буржуазии и полное банкротство всяких соглашательских иллюзий.

Если этого опыта мало, возьмите Сибирь. Там мы видели повторение этого опыта. В Сибири власть оказалась против большевиков. В первое время чехо-словацкому восстанию и восстанию меньшевиков и эс-эров против Советской власти на помощь пошла вся буржуазия, которая сбежала от Советской власти. На помощь им шла вся буржуазия и капиталисты самых могущественных стран Европы и Америки и шли не только с идейной помощью, а и с финансовой и военной. Что же в результате? К чему привело это господство якобы Учредительного Собрания, это якобы демократическое правительство, состоящее из эс-эров и меньшевиков? К колчаковской авантюре. Почему оно привело к провалу, который мы наблюдаем? Потому, что здесь сказалась та основная истина, которую якобы социалисты из лагеря наших противников не хотят понять, что в капиталистическом обществе, когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, все равно — может быть только одна из двух властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта, всякая попытка образовать что-то третье ведет к тому, что люди даже при полной искренности скатываются в ту или другую сторону. Только власть пролетариата, только господство рабочих может присоединить к себе все большинство, которое стоит на почве труда, ибо крестьянские массы, хотя и представляют собой массы трудящихся, однако являются в некоторой части и собственниками своего мелкого хозяйства, своего хлеба. Вот та борьба, которая развернулась перед нашими глазами, — борьба, которая показывает, как пролетариат постепенно отметает в ходе долгих политических испытаний, в ходе перемен правительств, которые мы наблюдаем на разных окраинах России, все, что служит эксплуатации; как он пробивает себе дорогу и все больше и больше становится настоящим и полным вождем трудящихся масс в деле подавления и уничтожения сопротивления капитала.

Те люди, которые говорят о нарушении свободы большевиками, которые предлагают единый социалистический фронт, т.-е. объединение с теми, кто колебался, кто сваливался уже два раза в истории русской революции на сторону буржуазии, — эти люди очень любят обвинять нас в применении террора. Они говорят, что большевики внесли систему террора в управление, они говорят, что для спасения России нужно, чтобы большевики

отказались от террора. Я вспоминаю одного остроумного буржуазного француза, который, стоя на буржуазной точке зрения, говорил об отмене смертной казни: «Пускай начинают отменять смертную казнь господа убийцы». Этот ответ вспоминается мне, когда говорят: «Пускай большевики откажутся от террора». Пускай отказываются от него господа русские капиталисты и их союзники, Америка, Франция и Англия, т.-е. те, кто навязал террор Советской России! Это те империалисты, которые обрушились на нас и до сих пор обрушиваются со всей своей военной мощью, в тысячу раз более могущественной, чем наша. Это не террор разве, когда все страны Согласия, все империалисты Англии, Франции и Америки имеют каждый в своих столицах слуг международного капитала, — все равно называются ли они Сазоновыми или Маклаковыми, — которые организовали сотни и десятки тысяч недовольных, разоренных, обиженных и возмущенных представителей буржуазии и капитала? Если вы слышали о заговорах в военной среде, если читали о последнем заговоре в Красной Горке, который чуть не отдал Петроград, что же это было, как не проявление террора со стороны буржуазии всего мира, идущей на какие угодно зверства, преступления и насилия с целью восстановить эксплуататоров в России и затушить тот пожар социалистической революции, который грозит теперь даже их собственным странам? Вот где источник террора, вот на ком лежит ответственность! И вот почему мы убеждены, что те, кто проповедует в России отказ от террора, являются не чем иным, как сознательным или бессознательным орудием, агентами в руках тех террористов-империалистов, которые душат Россию своими блокадами, своей помощью, которую они оказывают Колчаку и Деникину. Но их дело безнадежно.

Россия — первая страна, которой история дала роль зачинателя социалистической революции, и именно поэтому на нашу долю выпадает столько борьбы и страданий. Империалисты и капиталисты других стран понимают, что Россия стоит во всеоружии, что в России решается судьба не русского только, а и международного капитала. Вот почему они распространяют во всей своей прессе неслыханное количество лжи против большевиков, — во всемирной прессе буржуазии, которая вся куплена на миллионы и миллиарды.

Они восстают против России во имя тех же принципов «свободы, равенства и Бентама». Когда вы встретите у нас людей, которые думают, что они защищают нечто самостоятельное, принципы демократии вообще, когда они говорят о свободе, равенстве и о нарушении их большевиками, — попросите этих людей ознакомиться с прессой европейского капитализма. Под каким прикрытием идут Колчак и Деникин, под каким прикрытием душат Россию европейский капитал и буржуазия? Они все говорят

только об этом — о свободе и равенстве! Когда американцы, англичане и французы захватили Архангельск, когда они посылают свои войска на юг, — они защищают свободу и равенство. Вот каким лозунгом прикрываются они, и вот почему в обстановке этой бешеной борьбы восстает пролетариат России против капитала всего мира. Вот чему служат эти лозунги свободы и равенства, которыми обманывают народ все представители буржуазии и которые разбить до конца выпадает на долю интеллигенции, действительно стоящей с рабочими и крестьянством.

Мы видим, что попытки империалистов Согласия, чем более упорными и озлобленными становятся они, тем больше вызывают отпор и противодействие пролетариата в своих собственных странах. 21 июля была сделана первая попытка международной стачки рабочих Англии, Франции и Италии против правительств этих стран с лозунгом: прекратить всякое вмешательство в дела России и заключить честный мир с республикой. Это не удалось [185]). В целом ряде стран,—в Англии, Франции и Италии,— были взрывы отдельных стачек. В Америке и Канаде идет бешеная травля всего, что напоминает о большевизме. Мы пережили в последние годы историю двух великих революций. Мы знаем, с каким трудом в 1905 г. авангард русских трудящихся масс раскачался на борьбу с царизмом. С каким трудом после 9 января 1905 г., после первого кровавого урока, медленно и трудно шло развитие стачечного движения до октября 1905 г., когда в первый раз массовая стачка в России одержала успех. Мы знаем, как это было трудно. Это доказал опыт двух революций, хотя в России положение было более революционно, чем в других странах. Мы знаем, с каким трудом организуется в ряде стачек сила для борьбы с капитализмом. Поэтому нас не удивляет неудача этой первой международной стачки 21 июля. Мы знаем, что революция в европейских странах встречает несравненно большее сопротивление и противодействие, чем у нас. Мы знаем, что рабочие Англии, Франции и Италии, когда назначали на 21 июля международную стачку, преодолевали неслыханные трудности. Это был эксперимент, небывалый в истории. Не удивительно, что это не удалось. Зато мы знаем, что трудящиеся массы самых передовых и цивилизованных стран, несмотря на бешенство европейской буржуазии против нас, эти трудящиеся массы с нами, они наше дело понимают, и каковы бы ни были трудности революции и испытания, какие нас ожидают, и какова бы ни была атмосфера лжи и обмана во имя «свободы и равенства» капитала, равенства голодного и сытого, какова бы ни была эта атмосфера, мы знаем, что наше дело есть дело рабочих всех стран, и поэтому оно, это дело, неминуемо и неизбежно победит международный капитал.

«Правда» № 170, 3 августа 1919 г.

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 6 АВГУСТА 1919 Г.

ХРОНИКЕРСКАЯ ЗАПИСЬ.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ.

Товарищи, позвольте мне начать с тех событий, о которых вы вчера и сегодня читали на страницах газет. Это—события в Венгрии.

Вы знаете, что до конца марта в Венгрии господствовала «керенщина», и только в конце марта представители керенщины ушли, поняв, что они держаться не могут, а социал-соглашатели послали своих представителей в тюрьму, где в то время находился тов. Бела Кун, действовавший когда-то и в рядах нашей Красной армии. Они вступили с ним в переговоры, и тов. Бела Кун прямо из тюрьмы попал в правительство.

Но в последнее время получились известия, что внутри социалистической партии в Венгрии стало совершаться что-то неладное.

Далее Ленин говорит о том, как румынские войска вступили в Будапешт. Но на это особенно не стоит обращать внимание.

Так было и у нас,—говорит он,—на разных фронтах. Но мы имели достаточно сил в тылу так укрепиться, чтобы потом достойным образом ответить Колчаку, или как мы ответили Родзянко на Петроградском фронте. Вы знаете, наши войска взяли Ямбург.

Ленин говорит дальше о том политическом опыте, который мы проделали за это время. Такого опыта, конечно, не имеют венгры.

Но мы не позволим себе упасть духом, потому что знаем, к чему ведет временное торжество колчаковщины и корниловщины. Пусть сейчас румынская колчаковщина пляшет на трупах венгерских рабочих. Но мы знаем, что это торжество не долгое. Правда, выйти из этой тяжелой войны может только железная сила рабочих, которая дает всякому трудящемуся помощь и всякому спекулянту приносит наказание.

Затем Ленин говорит о действии соглашателей, меньшевиков и эс-эров, в Сибири, которые обвиняют теперь Советское правительство в неправильной тактике, но сами не могли дать образца такой тактики. В сущности, все то, что произошло в Сибири, все те обещания меньшевиков и эс-эров, которые давались ими, принесли только одно страдание как крестьянам, так и рабочим. Но с того момента, как Версальский мир был подписан, рабочие Франции, Англии и других стран все больше и больше начинают понимать положение.

Вот почему последние события в Венгрии, как они ни тяжелы, подобны тем событиям, которые происходили в стане Деникина и Колчака. Эти события раскроют глаза новым сотням тысяч рабочих и укажут им на то, что капитал простирает свою руку, чтобы получить по векселям то, что он потерял.

Далее Ленин говорит о заговорах, которые создают меньшевики, социалисты-революционеры и капиталисты, чтобы вернуть себе власть. Создавая заговоры, заговорщики внушают Советскому правительству отказаться от террора.

Но нет, мы не откажемся от террора потому, что мы знаем, что это приводит к временной победе Колчаков и Деникиных! В этой войне капитал убил самого себя. И этот издыхающий теперь зверь рычит на рабочих при своем издыхании. Но своего издыхания ему не удержать, он издохнет!

ВТОРОЙ ВАРИАНТ.

Товарищи, позвольте теперь вам изложить те события, которые на наших глазах произошли в Венгрии.

Как известно, до конца марта этого года там господствовала «керенщина» со всеми ее прелестями. Когда в то время, 21 марта, там вдруг образовалась власть Советов, при чем тамошние меньшевики согласились поддерживать эту власть, можно было думать, что в социализме наступила какая-то новая эра... Но вот последние события показали нам, что социал-соглашатели нисколько не изменились. Повидимому, то, что теперь произошло в Венгрии, повторяет в большом масштабе то, что произошло недавно на наших глазах в Баку [186]) *).

Ленин в ярких образах вспоминает трагическую историю бакинского пролетариата, когда его социал-предатели обратились за помощью к английскому командованию и за спиной рабочих вступили с западными империалистами в тайное соглашение. Оратор проводит аналогию между этой бакинской трагедией и теперешним переворотом в Венгрии, говорит о радио-телеграмме,

*) Далее в записи имеется фраза, которая не воспроизводится, так как смысл ее явно искажен. *Ред.*

из которой мы узнаем, что румыны уже вступили в красный Будапешт... Далее Ленин сравнивает положение Венгрии и Советской России и, напомнив вкратце все наши временные неудачи, говорит о том, что нас спасала и спасает громадность территории, между тем, как Венгрия слишком мала для того, чтобы дать отпор всем своим врагам. Переходя затем к вопросу о соглашателях вообще, оратор касается и наших русских соглашательских социалистических партий и заявляет:

— Если соглашателями России была совершена ошибка при Керенском, в продолжение шести месячных практических работ, почему же эта ошибка не была исправлена ими при колчаковщине в Сибири?

Но дело в том, что деникинцы тоже поют нам об Учредительном Собрании, нигде контр-революция не выступает открыто, и мы говорим поэтому: никакие временные неудачи, в роде последних событий в Венгрии, нас не смутят... Выхода из всех несчастий, кроме революции, нет никакого, и остается только одно верное средство — диктатура пролетариата... Мы говорим: каждое новое поражение Красной армии лишь закаляет ее, делает ее наиболее стойкой и сознательной, ибо рабочие и крестьяне теперь поняли на кровавом опыте, что̀ несет нам власть буржуазии и соглашателей. Издыхающий зверь всемирного капитала делает последние усилия, но он все-таки издохнет!

Напечатано: первый вариант 7 августа 1919 г. в «Известиях В.Ц.И.К.» № 173; второй вариант 8 августа 1919 г. в «Вечерних Известиях Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» № 312.

ТОВАРИЩАМ СЕРРАТИ И ЛАДЗАРИ.

Дорогие товарищи и друзья! спасибо за приветствия, присланные нам от имени вашей партии. Мы знаем очень мало о вашем движении; документов у нас нет никаких. Однако, то немногое, что мы знаем, доказывает нам, что мы с вами — против Бернского желтого Интернационала, обманывающего массы, и за Коммунистический Интернационал. Переговоры, которые руководители желтого Интернационала вели с вашей партией, доказывают, что они представляют собой лишь генеральный штаб без армии. Диктатура пролетариата и советская система морально уже победили во всем мире. Действительная и окончательная победа, несмотря на все затруднения, на реки крови, несмотря на белый террор буржуазии и т. д., неизбежно наступит во всех странах мира.

Долой капитализм! Долой лживую буржуазную демократию! Да здравствует всемирная республика Советов!

Всегда ваш

В. Ленин.

Москва, 19 августа 1919 г.

Впервые напечатано 2 сентября 1919 г. в газете «Avanti!» № 243.

Перевод с итальянского.

ПИСЬМО К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ПО ПОВОДУ ПОБЕДЫ НАД КОЛЧАКОМ.

Товарищи! Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают Советскую власть, ибо она выметает железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения.

Наш общий восторг, наша радость по поводу освобождения Урала и вступления красных войск в Сибирь не должны позволить нам успокоиться. Враг далеко еще не уничтожен. Он даже не сломлен окончательно.

Надо напрячь все силы, чтобы изгнать Колчака и японцев с другими иноземными разбойниками из Сибири, и еще большее напряжение сил необходимо, чтобы уничтожить врага, чтобы не дать ему снова и снова начинать своего разбойничьего дела.

Как добиться этого?

Тяжелый опыт, пережитый Уралом и Сибирью, так же как и опыт всех стран, измученных четырехлетней империалистской войной, не должны пройти для нас даром.

Вот главные пять уроков, которые все рабочие и крестьяне, все трудящиеся должны извлечь из этого опыта, чтобы застраховать себя от повторения бедствий колчаковщины.

Первый урок. Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, т.-е. от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов, несмотря на получаемую ими щедрую помощь оружием и снаряжением от богатейших стран мира. Большевики доказали это делом. Поверить им все рабочие и крестьяне,—если они сознательны,—должны не на слово (на слово верить глупо), а на основании опыта миллионов и миллионов людей на Урале и в Сибири. Задача соединить вооружение рабочих и крестьян с командованием бывших офицеров, которые большей частью сочувствуют помещикам и капиталистам, есть труднейшая задача. Ее можно

решить только при великолепном умении организовать, при строгой и сознательной дисциплине, при доверии широкой массы к руководящему слою рабочих комиссаров. Эту труднейшую задачу большевики решили: измен бывших офицеров у нас очень много, и тем не менее Красная армия не только в наших руках, но и научилась побеждать генералов царя и генералов Англии, Франции и Америки.

Поэтому всякий, кто серьезно хочет избавиться от колчаковщины, должен все силы, все средства, все умение целиком отдать делу создания и укрепления Красной армии. Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески, помогать Красной армии всем, чем только может помогать каждый, — таков первый, основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина, не желающего колчаковщины.

Как огня надо бояться партизанщины, своеволия отдельных отрядов, непослушания центральной власти, ибо это ведет к гибели: и Урал, и Сибирь, и Украина доказали это.

Кто не помогает всецело и беззаветно Красной армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, тот сторонник колчаковщины, того надо истреблять беспощадно.

С крепкой Красной армией мы непобедимы. Без крепкой армии мы — неминуемая жертва Колчака, Деникина, Юденича.

Второй урок. Красная армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует. Без этого нельзя содержать рабочих, работающих на армию.

Всякий сознательный рабочий и крестьянин должен знать и помнить, что главная причина недостаточно быстрых и прочных успехов нашей Красной армии состоит теперь именно в недостатке государственных запасов хлеба. Кто не сдает излишков хлеба государству, тот помогает Колчаку, тот изменник и предатель рабочих и крестьян, тот виновен в смерти и мучениях лишних десятков тысяч рабочих и крестьян в Красной армии.

Мошенники, спекулянты и совсем темные крестьяне рассуждают так: лучше, де, продам хлеб по вольной цене, я получу гораздо больше, чем по твердой цене, даваемой государством.

Но в том-то и дело, что от вольной продажи растет спекуляция, обогащаются немногие, насыщаются только богачи, а рабочая масса остается голодной. Это мы видели на деле в самых богатых хлебом местах Сибири и Украины.

При вольной продаже хлеба капитал торжествует, а труд голодает и бедствует.

При вольной продаже хлеба цена поднимается до тысяч рублей за пуд, деньги обесцениваются, выигрывает горстка спекулянтов, народ беднеет.

При вольной продаже хлеба государственные запасы пусты, армия бессильна, промышленность умирает, победа Колчака или Деникина неминуема.

За вольную продажу хлеба сознательно стоят только богачи, только злейшие враги рабочей и крестьянской власти. Кто по темноте своей стоит за вольную продажу хлеба, тот на примере Сибири и Украины должен научиться и понять, почему вольная продажа хлеба означает победу Колчака и Деникина.

Есть еще темные крестьяне, которые рассуждают так: пусть сначала государство даст мне в обмен на хлеб хорошие товары по довоенной цене, тогда я отдам излишки хлеба, иначе не отдам. И на таком рассуждении мошенники и сторонники помещиков часто «ловят» темных крестьян на удочку.

Нетрудно понять, что рабочее государство, которое капиталисты разорили до тла четырехлетней грабительской войной из-за Константинополя и которое потом еще из мести разоряют Колчаки, Деникины при помощи капиталистов всего мира,— нетрудно понять, что рабочее государство не может сейчас дать крестьянам товаров, ибо промышленность стоит. Нет хлеба, нет топлива, нет промышленности.

Всякий разумный крестьянин согласится, что голодному рабочему надо дать излишки хлеба в ссуду на условии получения продуктов промышленности.

Вот так и теперь. Все сознательные, разумные крестьяне, все, кроме мошенников и спекулянтов, согласятся, что надо отдать в ссуду рабочему государству *все излишки хлеба полностью*, ибо тогда государство восстановит промышленность и даст продукты промышленности крестьянам.

Поверят ли крестьяне рабочему государству, чтобы дать ему излишки хлеба в ссуду?—так могут спросить нас.

Мы ответим: Во-первых, государство дает удостоверение в ссуде, денежные знаки. Во-вторых, все крестьяне знают по опыту, что рабочее государство, т.-е. Советская власть, помогает трудящимся, борется с помещиками и капиталистами. Поэтому Советская власть и называется рабоче-крестьянской властью. В-третьих, иного выбора у крестьян нет: поверить либо рабочему, либо капиталисту; либо рабочему государству оказать доверие и ссуду, либо государству капиталистов. Иного выбора нет ни в России, ни в одной стране в мире. Чем сознательней становятся крестьяне, тем тверже стоят они за рабочих, тем крепче их решение всячески помочь рабочему государству, чтобы сделать невозможным возврат власти помещиков и капиталистов.

Третий урок. Чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми.

На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале мы все видели ясно, что малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам. Ибо помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрятались, попритаились, перерядились очень часто в «советский» «защитный» цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты — в разные «главки» и «центры», в советские служащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехо-словакам, завтра Деникину.

Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во *всех* их *прикрытиях* разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить «по старинке», и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти.

Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже *дыра,* которую немедленно используют враги трудящихся, — есть *зацепка* для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехо-словакам, с маленького неповиновения отдельных полков.

Четвертый урок. Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддержали меньшевики и эс-эры («социалисты-революционеры»). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам.

Называя себя социалистами, меньшевики и эс-эры на деле — *пособники белых,* пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эс-эры, на словах будучи «социалистами»

и «демократами», на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины.* Неужели мы окажемся так глупы, чтобы поверить им теперь, когда они предлагают нам еще раз позволить им «попробовать», называя это позволение «единым социалистическим (или демократическим) фронтом»? Неужели после колчаковщины останутся еще крестьяне, кроме одиночек, не понимающие, что «единый фронт» с меньшевиками и эс-эрами есть единение с пособниками Колчака?

Возразят: меньшевики и эс-эры увидели свою ошибку и отреклись от всякого союза с буржуазией. Но это неправда. Во-первых, правые меньшевики и эс-эры даже и не отреклись от такого союза, а грани с этими «правыми» определенной *нет,* и нет по вине «левых» меньшевиков и эс-эров; на словах «осуждая» своих «правых», даже лучшие из меньшевиков и эс-эров остаются на деле *бессильными* рядом с ними и вопреки всем их словам. Во-вторых, даже лучшие из меньшевиков и эс-эров защищают как раз *колчаковские* идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело. Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное Собрание, свобода печати и прочее. Во всем мире видим мы капиталистические республики, оправдывающие именно этой «демократической» ложью господство капиталистов и войны из-за порабощения колоний. У нас мы видим, как и Колчак, и Деникин, и Юденич, и любой генерал раздают охотно такие «демократические» обещания. Можно ли верить тому человеку, который из-за словесных обещаний помогает заведомому бандиту? Меньшевики и эс-эры, все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая лже-демократическими лозунгами *их* власть, *их* поход на Россию, *их* господство, *их* политику. Все меньшевики и эс-эры предлагают нам «союз» на условиях, чтобы мы делали уступки капиталистам и их вождям,— Колчаку и Деникину, например, «отказались от террора» (когда против нас стоит террор миллиардеров всей Антанты, всего союза богатейших стран, устраивающих заговоры в России), или чтобы мы открыли дорожку свободной торговле хлебом и т. п. Эти «условия» меньшевиков и эс-эров означают вот что: мы, меньшевики, эс-эры, колеблемся в сторону капиталистов, и мы хотим «единого фронта» с большевиками, против которых идут капиталисты, используя всякую уступку! Нет, господа меньшевики и эс-эры, ищите теперь уже не в России людей, способных вам поверить. В России сознательные рабочие и крестьяне поняли, что меньшевики и эс-эры суть пособники белогвардейцев, одни — сознательные и злостные, другие — по неразумию и по упорству в старых ошибках, но все — пособники белогвардейцев.

Пятый урок. Чтобы уничтожить Колчака и колчаковщину,

чтобы не дать им подняться вновь, надо всем крестьянам без колебаний сделать выбор в пользу рабочего государства. Крестьян пугают (особенно меньшевики и эс-эры, все, даже «левые» из них) пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов.

На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала.

Либо диктатура (т.-е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эс-эровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот. А в России мы все видели, как мечтали о середине меньшевики и эс-эры при керенщине и под Колчаком.

Кому послужили эти мечты? Кому помогли они? — Колчаку и Деникину. Мечтатели о середине — пособники Колчака.

На Урале и в Сибири рабочие и крестьяне сравнили на опыте диктатуру буржуазии и диктатуру рабочего класса. Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом.

Диктатура рабочего класса, это значит: рабочее государство без колебаний подавит помещиков и капиталистов, подавит изменников и предателей, помогающих этим эксплуататорам, победит их.

Рабочее государство — беспощадный враг помещика и капиталиста, спекулянта и мошенника, враг частной собственности на землю и на капитал, враг власти денег.

Рабочее государство — единственный верный друг и помощник трудящихся и крестьянства. Никаких колебаний в сторону капитала, союз трудящихся в борьбе с ним, *рабоче-крестьянская власть, Советская власть* — вот что значит *на деле* «диктатура рабочего класса».

Меньшевики и эс-эры хотят испугать крестьян этими словами. Не удастся. После Колчака рабочие и крестьяне даже в захолустьи поняли, что эти слова означают *как раз то, без чего от Колчака не спастись.*

Долой колеблющихся, бесхарактерных, сбивающихся на помощь капиталу, плененных лозунгами и обещаниями капитала! Беспощадная борьба капиталу и союз трудящихся, союз крестьян с рабочим классом — вот последний и самый важный урок колчаковщины.

Н. Ленин.

24 августа 1919 г.

«Правда» № 190, 28 августа 1919 г.

ПИСЬМО СИЛЬВИИ ПАНКХЕРСТ [137].

ТОВАРИЩУ СИЛЬВИИ ПАНКХЕРСТ В ЛОНДОНЕ.

28 августа 1919 г.

Дорогой товарищ! Ваше письмо от 16 июля 1919 г. я получил только вчера. Чрезвычайно благодарен Вам за информацию относительно Англии и постараюсь исполнить Вашу просьбу, т.-е. ответить на Ваш вопрос.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что многие рабочие, принадлежащие к лучшим, честнейшим, искренно-революционным представителям пролетариата, являются врагами парламентаризма и всякого участия в парламенте. Чем старше капиталистическая культура и буржуазная демократия в данной стране, тем более понятно это, ибо буржуазия в старых парламентских странах великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за «демократию вообще» или за «чистую демократию» и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и с капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми средствами пуская в ход силу денег, власть капитала.

Нет сомнения, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии отдельных стран сделали бы непоправимую ошибку, если бы оттолкнули от себя рабочих, стоящих за Советскую власть, но не согласных участвовать в парламентской борьбе. Если взять вопрос в его общей постановке, теоретически, то именно эта программа, т.-е. борьба за Советскую власть, за Советскую республику, способна объединить и должна объединить теперь безусловно всех искренних, честных революционеров из рабочей среды. Очень многие рабочие анархисты становятся теперь искреннейшими сторонниками Советской власти, а раз так, то это доказывает, что они наши лучшие товарищи и друзья, лучшие революционеры, которые были врагами марксизма лишь по недоразумению, или, вернее, не по недоразумению, а в силу того, что господствующий официальный социализм эпохи II Интернационала (1889—1914 г.г.) изменил

марксизму, впал в оппортунизм, исказил революционное учение Маркса вообще и его учение об уроках Парижской Коммуны 1871 г. в особенности. Я подробно писал об этом в своей книге «Государство и революция» *) и потому не останавливаюсь на этом вопросе больше.

Как быть, если в данной стране коммунисты по убеждениям и по готовности вести революционную работу, искренние сторонники Советской власти («советской системы», как иногда говорят нерусские), не могут объединиться из-за разногласий по вопросу об участии в парламенте?

Я бы считал такое разногласие несущественным в настоящее время, ибо борьба за Советскую власть есть политическая борьба пролетариата в ее самой высокой, самой сознательной, самой революционной форме. Лучше быть с революционными рабочими, когда они ошибаются по частному или второстепенному вопросу, чем с «официальными» социалистами или социал-демократами, если они не искренние, не твердые революционеры, не хотят или не умеют вести революционную работу среди рабочих масс, но разделяют правильную тактику по этому частному вопросу. А вопрос о парламентаризме есть теперь частный, второстепенный вопрос. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были, по-моему, правы, когда защищали участие в выборах в буржуазный немецкий парламент, в учредительное «Национальное Собрание» на январской конференции 1919 г. спартаковцев в Берлине *против* большинства этой конференции[138]). Но, разумеется, они были еще более правы, предпочитая остаться вместе с коммунистической партией, делающей частную ошибку, чем идти с прямыми предателями социализма, в роде Шейдемана и его партии, или с теми лакейскими душами, доктринерами, трусами, безвольными пособниками буржуазии и реформистами на деле, какими являются Каутский, Гаазе, Däumig и вся эта «партия» немецких «независимых».

Я лично убежден, что отказ от участия в парламентских выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии, но лучше пойти на эту ошибку, чем замедлить образование крупной рабочей коммунистической партии в Англии из всех перечисленных Вами, сочувствующих большевизму и искренне стоящих за Советскую республику направлений и элементов. Если бы, например, среди B. S. P. **) нашлись искренние большевики, которые отказались бы из-за расхождения по вопросу об участии в парламенте слиться тотчас в коммунистическую партию с течениями № 4, № 6, № 7, то эти большевики, по-моему, сделали бы ошибку в тысячу раз большую, чем ошибочный

*) См. XXI том Сочинений, стр. 393 — 408. *Ред.*
**) British Socialist Party (Британская Социалистическая Партия). *Ред.*

отказ от выборов в буржуазный английский парламент. Разумеется, говоря это, я предполагаю, что течения 4, 6, 7, вместе взятые, действительно связаны с *массой* рабочих, а не представляют из себя *только* небольшие интеллигентские группки, как это часто бывает в Англии. В этом отношении, вероятно, особенно важны Workers Committees и Shop Stewards, которые, надо думать, близко связаны с *массой*.

Неразрывная связь с массой рабочих, уменье постоянно агитировать в ней, участвовать в каждой стачке, откликаться на всякий запрос массы, это — главное для коммунистической партии, особенно в такой стране, как Англия, где до сих пор (как впрочем и во всех империалистских странах) участвовали в социалистическом и вообще рабочем движении преимущественно узенькие верхушки рабочих, представители рабочей аристократии, бо̀льшей частью насквозь и безнадежно испорченные реформизмом, плененные буржуазными и империалистскими предрассудками. Без борьбы против этого слоя, без разрушения всякого авторитета его среди рабочих, без убеждения масс в полной буржуазной испорченности этого слоя не может быть и речи о серьезном коммунистическом рабочем движении. Это относится и к Англии, и к Франции, и к Америке, и к Германии.

Те рабочие революционеры, которые центром своих нападений делают парламентаризм, вполне правы постольку, поскольку этими нападениями выражается принципиальное отрицание буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии. Советская власть, Советская республика — вот то, что рабочей революцией поставлено на место буржуазной демократии, вот форма перехода от капитализма к социализму, форма диктатуры пролетариата. И критика парламентаризма не только законна и необходима, как мотивирование перехода к Советской власти, но и вполне правильна, как сознание исторической условности и ограниченности парламентаризма, его связи с капитализмом и только капитализмом, его (парламентаризма) прогрессивности по отношению к средневековью и *реакционности по отношению к Советской власти*.

Но критики парламентаризма в Европе и Америке очень часто, когда они принадлежат к анархистам и анархо-синдикалистам, оказываются не правы, поскольку они отвергают *всякое участие* в выборах и в парламентской деятельности. Тут сказывается просто недостаток революционного опыта. Мы, русские, пережили две великие революции в XX веке и хорошо знаем, какое значение может иметь и фактически имеет парламентаризм в революционное время вообще и *непосредственно во время революции* особенно. Буржуазные парламенты должны быть устранены и заменены советскими учреждениями. Это несомненно. Несомненно теперь, после опыта России, Венгрии, Германии и

других стран, что это *безусловно произойдет* во время пролетарской революции. Поэтому систематическая подготовка к этому рабочей массы, разъяснение заранее для нее значения Советской власти, пропаганда и агитация за нее — все это *безусловная* обязанность рабочего, который хочет быть революционером на деле. Но мы, русские, выполняли *эту* задачу, действуя *и* на парламентской арене. В царской, поддельной, помещичьей Думе наши представители умели вести революционную и республиканскую пропаганду. Точно так же можно и должно в буржуазных парламентах, извнутри их, *вести советскую пропаганду.*

Может быть, этого не легко достигнуть сразу в той или другой парламентской стране. Но это — другой вопрос. Добиваться надо того, чтобы эта правильная тактика была усвоена революционными рабочими во всех странах. И если рабочая партия действительно *революционна*, если она действительно *рабочая* (т.-е. связана с массой, с большинством трудящихся, с *низами* пролетариата, а не с верхушечным только его слоем), если она действительно *партия*, т.-е. крепко, серьезно сплоченная *организация революционного авангарда*, умеющая всеми возможными способами вести революционную работу в массах, то тогда такая партия, наверное, сумеет держать в руках *своих* парламентариев, делать из них настоящих революционных пропагандистов, таких, как Карл Либкнехт, а не оппортунистов, не развратителей пролетариата буржуазными приемами, буржуазными привычками, буржуазными идеями, буржуазной безъидейностью.

Если бы этого не удалось добиться в Англии сразу, если бы, кроме того, никакое объединение в Англии сторонников Советской власти оказалось невозможным именно из-за расхождения о парламентаризме и только из-за этого, тогда я считал бы полезным шагом вперед, к полному единству, немедленное образование *двух* коммунистических партий, т.-е. двух партий*), стоящих за переход от буржуазного парламентаризма к Советской власти. Пусть одна из этих партий признает участие в буржуазном парламенте, другая отвергает; это разногласие теперь так несущественно, что разумнее всего было бы из-за него не раскалываться. Но и совместное существование двух таких партий было бы громадным прогрессом по сравнению с теперешним положением, было бы, по всей вероятности, переходом к полному единству и к быстрой победе коммунизма.

Советская власть не только показала в России на опыте почти уже двух лет, что диктатура пролетариата возможна *даже* в крестьянской стране и способна, создавая сильную армию (лучшее доказательство организованности и порядка), держаться при невероятно, неслыханно трудных условиях.

---

*) В печатном тексте слова: «т.-е. двух партий» опущены. *Ред.*

Советская власть осуществила большее: она уже морально победила *во всем* мире, ибо рабочая масса повсюду, хотя узнает только крохи истины о Советской власти, хотя слышит тысячи и миллионы лживых сообщений о Советской власти, рабочая масса *уже за Советскую власть.* Уже понято пролетариатом*) всего мира, что эта власть есть власть трудящихся, что она одна спасает от капитализма, от ига капитала, от войн между империалистами, ведет к прочному миру.

Именно поэтому возможны поражения империалистами отдельных Советских республик, но невозможно победить всемирное советское движение пролетариата.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин.

P. S. Следующая вырезка из русских газет дает Вам образец нашей информации об Англии:

«Лондон, 25 — VIII. (Через Белоостров.) Лондонский корреспондент копенгагенской газеты «Берлингске Тиденде» телеграфирует от 3 августа с. г. по поводу большевистского движения в Англии: «Забастовки, происшедшие в последние дни, и разоблачения, имевшие недавно место, поколебали уверенность англичан в невосприимчивости их страны к большевизму. В настоящее время газеты оживленно обсуждают этот вопрос, а администрация прилагает все усилия, чтобы установить, что «заговор» существовал довольно продолжительное время и имел своей целью ни более ни менее, как ниспровержение существующего строя. Английская полиция арестовала революционное бюро, в распоряжении которого, по уверениям газет, имелись и деньги и оружие. «Таймс» публикует содержание некоторых документов, найденных у арестованных. В них содержится полная революционная программа, согласно которой вся буржуазия должна быть обезоружена; для Советов Рабочих и Красноармейских Депутатов должны быть раздобыты оружие и военные припасы и сформирована Красная армия; все государственные посты должны быть замещены рабочими. Далее проектировалось создание революционного трибунала для политических преступников и лиц, провинившихся в жестоком обращении с заключенными. Все продовольствие предполагалось конфисковать. Парламент и другие органы общественного самоуправления должны быть распущены и на их место учреждены революционные Советы. Рабочее время ограничить шестью часами и низший недельный заработок повысить до 7 фунтов стерлингов. Государственные, как и все прочие долги должны быть аннулированы. Все банки, промышленные и торговые предприятия и транспортные средства объявлены национализированными».

Если это верно, то я должен принести английским империалистам и капиталистам в лице их органа, богатейшей в мире

---

*) В печатном тексте: «понятно пролетариату». *Ред.*

газете «Times» *), свою почтительнейшую признательность и благодарность за превосходную пропаганду в пользу большевизма. Продолжайте в том же духе, господа из «Times», вы превосходно ведете Англию к победе большевизма!

«Коммунистический Интернационал» № 5, сентябрь 1919 г.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

*) — «Время». *Ред.*

О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ХЛЕБОМ [139]).

Как закрепить победу над Колчаком? как довести ее до конца, уничтожая Деникина? как сделать невозможными дальнейшие попытки помещиков, капиталистов, кулаков вернуть себе власть, землю, капитал, господство над рабочими и крестьянами?

Этот вопрос равняется вопросу о судьбе всей социалистической революции в России. Всякий сознательный рабочий и крестьянин думает над этим вопросом. И нетрудно убедиться, что в основе всего строительства социализма лежит теперь продовольственный вопрос.

Собрать все излишки хлеба в руках центральной Советской власти, правильно распределить их, это значит сделать непобедимой нашу Красную армию, это значит окончательно раздавить Колчака и Деникина, это значит восстановить промышленность и обеспечить правильное социалистическое производство и распределение, обеспечить полный социалистический порядок.

У нас есть уже теперь достаточно опыта продовольственной работы и социалистического строительства, чтобы ясно представить себе и размеры этой задачи и способы решения ее. Мы знаем всю трудность задачи, но знаем также по опыту, что мы нашли верный путь для ее решения и что, сосредоточиваясь больше на этой задаче, усиливая энергию, напрягая силы, усовершенствуя аппарат, мы *можем* решить задачу до конца.

С 1 августа 1917 г. до 1 августа 1918 г. государство заготовило 30 миллионов пудов хлеба. С 1 августа 1918 г. по 1 августа 1919 г. около 105 миллионов, т.-е. в $3^1/_2$ раза больше, хотя за этот период мы вовсе не располагали Доном, Северным Кавказом и Западной Сибирью, почти не располагали Украиной, т.-е. самыми богатыми хлебом местами.

При хорошем урожае 1919 г. мы можем заготовить очень много, может быть 400 и больше миллионов пудов хлеба. Тогда мы чрезвычайно усилим добычу топлива, леса, угля и пр. Тогда мы восстановим промышленность и прочно, окончательно выйдем на широкую дорогу планомерного социалистического строительства.

Тогда мы победим полностью спекуляцию, уничтожим это отвратительное наследие капитализма, которое теперь так портит, везде и повсюду, ростки социализма.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ.

Приведенные цифры показывают серьезные успехи Советской власти в продовольственном деле, успехи, достигнутые в условиях неслыханных, необычайных трудностей. Но самые ясные цифры, самые бесспорные факты оспариваются или замалчиваются, когда дело касается корыстных интересов буржуазии, капиталистов, спекулянтов, кулаков.

Точные исследования о питании городского рабочего доказали, что он только половину (приблизительно) продуктов получает от государства, от Компрода, другую же на «вольном», «свободном» рынке, т.-е. от спекулянтов. При этом за первую половину рабочий платит *одну десятую* всех своих расходов на продовольствие, а за вторую — *девять десятых.*

Спекулянты сдирают с голодного рабочего по девять шкур.

Спекулянты неслыханно грабят его. И мы все знаем, какой разгул наживы, воровства, преступлений, голодных мук для массы рабочих, обогащения немногих пройдох связан с пресловутой *«свободой торговли»* хлебом.

Но тем не менее находятся защитники свободной торговли!

Наше рабоче-крестьянское правительство, вся Советская республика, все наше рождающееся социалистическое общество находится в состоянии самой тяжелой, отчаянной, бешеной, смертельной борьбы против капитализма, против спекуляции, против свободной торговли хлебом. Это — самая глубокая, самая коренная, самая повседневная, самая массовая борьба капитализма с социализмом. От этой борьбы зависит решение вопроса о всей судьбе нашей революции. А люди, которые называют себя «социалистами»: социал-демократы, меньшевики, «социалисты-революционеры», помогают в этой борьбе капитализму против социализма! Самые лучшие из этих людей, наиболее враждебные Колчаку, Деникину, капиталистам, постоянно в вопросе о продовольственной политике Советской власти становятся на сторону капитализма, требуя уступочек в пользу «частного торгового аппарата», «индивидуальной предприимчивости» и так далее и тому подобное.

В сущности, если присмотреться внимательно, если подумать хорошенько над тем, из-за чего идет борьба против Советской власти, то получится вывод: противники Советской власти делятся на две большие группы. Обе защищают капитализм против социализма. Одна делает это зверски и с самой грубой корыстью; это — помещики, капиталисты, кулаки, Деникины, Колчаки, черно-

сотенцы, кадеты. Другая группа защищает капитализм «идейно», т.-е. бескорыстно, или без прямой, личной корысти, из предрассудка, из трусости нового; это — меньшевики и эс-эры. Это — последние «идейные» защитники капитализма. И потому вовсе не случайность, что Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эс-эров, под *их* знаменем, под *их* флагом, повторяя *их* лозунги и фразы о «свободе» вообще, о «демократии» вообще, о «частной» (торговой, капиталистической) предприимчивости и т. д. и т. п.

Умные капиталисты понимают, что «идейная» позиция меньшевиков и эс-эров служит им, их классу, «*их*» капитализму, а меньшевики и эс-эры, как все, везде и всегда мелко-буржуазные социалисты, не понимают этого. Они боятся войны не на живот, а на смерть против свободной торговли хлебом, они хотят уступок ей, признания ее хотя бы отчасти, «мира» и соглашения с ней.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА ТОРГОВЛИ ХЛЕБОМ?

Свобода торговли хлебом есть возврат к капитализму, к всевластию помещиков и капиталистов, к бешеной борьбе между людьми из-за наживы, к «свободному» обогащению немногих, к нищете масс, к вечной кабале их, которую мы видим во всех буржуазных государствах, не исключая самых свободных и демократических республик.

Если спросить любого трудящегося человека, рабочего, крестьянина, даже интеллигента, хочет ли он таких «порядков», всякий ответит, что нет. Но в том-то и беда, в том-то и опасность, что очень большое число трудящихся, особенно большое число крестьян *не понимает* связи свободной торговли хлебом с всевластием помещиков и капиталистов *).

Написано в августе 1919 г.

Впервые напечатано в мае 1930 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5. — *Печатается по рукописи.*

---

*) Статья не закончена. *Ред.*

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ БАСМАННОГО, ЛЕФОРТОВСКОГО, АЛЕКСЕЕВСКОГО И СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНОВ 3 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

Товарищи! Позвольте мне приветствовать вашу беспартийную рабоче-красноармейскую конференцию, вместе с выпуском красных командиров артиллерийских курсов. Данное собрание созвано для обсуждения вопросов, связанных с укреплением нашего государственного строя и нашего государственного аппарата.

Во всех странах массы рабочих угнетены. Они не пользуются благами капиталистической культуры, а между тем именно трудящиеся массы должны быть основой всей государственной жизни. Товарищи, у нас трудящиеся массы составляют основу и почву Советской республики. После победы трудящихся в феврале 1917 г. по всей России сразу создались Советы. Идея Советов появилась впервые не в 1917 г., а родилась еще в 1905 году. Уже тогда существовали Советы Рабочих Депутатов. После Октябрьского переворота Советскую власть встретили сочувственно рабочие всех стран. Это объясняется глубокими внутренними причинами.

Позвольте мне, товарищи, остановиться на главных основах политической жизни Советской России. Я не имею точных материалов для освещения экономического положения нашей республики; на нем, по всей вероятности, остановятся другие докладчики, в особенности на продовольственной политике Рабоче-крестьянского правительства; я же коснусь только политической ее части.

Для того, чтобы лучше уяснить себе основное положение Советской власти, мы должны оглянуться назад, должны обратить внимание на ход нашей революции, начиная с 1917 года. В нашей революции было две полосы: одна полоса керенщины и калединщины, предшествовавшая Советской власти, и вторая —

корниловщины, колчаковщины и деникинщины, разрушающая Советскую власть. Перед рабочим не партийным, но трудящимся должен встать вопрос о том, почему у нас создались эти две полосы и почему они связаны между собою.

Товарищи! Всякий рабочий, всякий красноармеец, всякий трудящийся должен подумать над тем, почему нашу Советскую власть обвиняют в терроре, почему говорят, что большевики — диктаторы, что большевики — головорезы. С другой стороны, всякий трудящийся должен спросить себя, почему так легко пала власть Керенского, Каледина и Колчака. Вы все знаете, что во время власти Керенского вся Россия была покрыта сетью Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, и рядом с ними буржуазия держала всю власть в своих руках. Буржуазию поддерживали союзники, которые хотели, чтобы Россия продолжала войну, а сама русская буржуазия хотела продолжать войну для того, чтобы получить Дарданеллы. Поэтому-то буржуазное правительство Керенского, поддерживаемое меньшевиками и эс-эрами, не хотело и не могло опубликовать тайные договоры, заключенные правительством Николая Кровавого с союзниками. Этим буржуазия при помощи меньшевиков и эс-эров обманом держала под своей властью трудящиеся массы. Вы все помните, что в начале революции 1917 г. в Советах было мало большевиков. Я помню, что в июне, во время I съезда Советов, большевиков не было даже и одной седьмой части. Большевики могут действовать на трудящихся разлагающе, — говорили про нас буржуазия и так называемые социалистические партии меньшевиков и эс-эров. Но что же делало в это время буржуазное правительство Керенского? Оно кормило трудящиеся массы только обещаниями, которые в жизнь, однако, не проводились. Закон о земле не был издан. Когда же земельные комитеты пробовали брать помещичью землю для того, чтобы разделить ее между бедными крестьянами, то такие земельные комитеты арестовывались. Трудящимся становилось ясным, что эта власть им ничего не даст. Они начали понимать, что дать им что-нибудь может только своя власть, власть рабочих и беднейших крестьян. В это же время возник военный поход Корнилова на Петроград. Поход Корнилова не был случайностью: он создался в силу обманной политики правительства Керенского, которое все время стремилось примирить помещиков с крестьянами, трудящихся с эксплуататорами, труд с капиталом. И тогда-то помещики, офицеры, капиталисты захотели окончательно взять всю власть в свои руки. Поэтому-то и возник поход Корнилова. Советы поняли опасность, сплотились против Корнилова. Когда же и после этого буржуазное правительство Керенского продолжало свою политику обмана, сознание рабочих масс стало быстро расти, и, вместе с тем, начало быстро увеличиваться количество большевиков в Советах еще до Октябрьской революции

Когда же мы в Октябре взяли власть в свои руки, то меньшевики и эс-эры, разгуливая по Смольному, грозили нам, что придет фронт и сметет нас с лица земли. В ответ мы только усмехались им в лицо, ибо знали, что трудящиеся массы поймут наши разъяснения, что они стоят за власть трудящихся, а следовательно, за власть Советов. И действительно, когда в Петроград приезжали многочисленные делегации с фронта, и когда мы им разъясняли положение вещей, они все переходили на нашу сторону. Это для вас — трудящихся, беспартийных — наглядный урок. Всякий трудящийся, всякий рабочий, всякий красноармеец должен учиться на истории правительства Керенского, которое, повторяю, хотело согласовать интересы помещиков и крестьян, рабочих и хозяев, труда и капитала. Казалось, что правительство Керенского должно было быть сильным, потому что ему обещали поддержку буржуазные союзные правительства, но оно лопнуло. Правительство Керенского лопнуло потому, что держалось на обмане и не имело почвы под ногами. Правительство Керенского обещало трудящимся всенародные выборы, но только для того, чтобы этими выборами затемнить глаза трудящимся массам, чтобы отвлечь их внимание от истинного положения вещей. Поэтому после Октябрьского переворота, когда сам пролетариат взял власть в свои руки, он в первую очередь организовал свои органы управления — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Рабоче-крестьянское правительство сразу отбросило от себя лживую политику буржуазного правительства Керенского. Первым делом Совета Народных Комиссаров было опубликование тайных договоров, заключенных правительством Николая Кровавого с нашими бывшими союзниками. Рабоче-крестьянское правительство заявило прямо, что не желает больше вести войны за интересы буржуазии и, несмотря ни на какие клеветы, воздвигнутые наймитами, меньшевиками и эс-эрами, предложило всем воюющим странам начать мирные переговоры. Тогда рабочие всех стран увидели, что Советская власть не желает вести дальше войны. Был заключен грабительский Брестский мир, навязанный безоружной России германскими хищниками. В сознательных рабочих массах всех стран крепли и ширились симпатии к Советской власти. Когда же буржуазные правительства Антанты заставили германских грабителей подписать еще более тяжкий и более грабительский мир, то рабочие всех стран поняли, как их дурачили все время. Стали подниматься, расти и множиться голоса против тех, кто их все время обманывал. Рабочие стали требовать власти трудящихся масс — рабочих и крестьян, — власти Советов. Вот почему так скоро пала буржуазная власть Керенского, Колчака, которые поддерживались меньшевиками и эс-эрами. (Вы все знаете, что меньшевик Майский входил в Сибирское правительство.) И меньшевики, и эс-эры, и чехо-словаки,

поддерживаемые иностранной буржуазией, — все объединились сперва на борьбе против большевиков, затем на устройстве всенародной демократической власти. Что мы, однако, видим? Офицеры колчаковского типа разогнали Учредительное Собрание в Сибири и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков. Таким образом, трудящиеся массы Сибири на опыте увидели, что их обманывают, вот почему Красной армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне пришли на помощь Красной армии.

Товарищи, теперь нужно подумать о том, почему говорят, что большевики применяют насилие, что большевики — диктаторы. Почему все те, которые шли с меньшевиками, эс-эрами и чехословаками, скоро отшатнулись от них? Почему помещики, капиталисты и офицеры из Сибирского правительства, как только получили власть в свои руки в Сибири, выгнали меньшевиков и эс-эров и посадили вместо них Колчака? Почему же это правительство, поддерживаемое со всех сторон, так скоро развалилось? Потому, что все их слова, все их дела были только обманом и ложью. Потому, что они не сдержали своего слова, не дали народу ни Учредительного Собрания, ни народной власти, ни какой бы то ни было другой демократической власти; они учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров. Товарищи, в силу своих классовых интересов буржуазия должна была лгать и обманывать трудящихся. Все это поняли рабочие и крестьяне. Они поняли, что только тогда, когда власть будет принадлежать трудящимся, не будет лжи, не будет обмана и не будет также тех ужасов, которые пришлось и приходится теперь переживать пролетариату и беднейшему крестьянству после четырехлетней войны, когда у власти стояла буржуазия. Пролетариат понял, что есть только один выход — свержение власти капиталистов, что не может быть никакого примирения между трудом и капиталом, о чем все время говорят меньшевики и эс-эры. Действительно, тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне поплатились за свою доверчивость. Мы перенесли тяжкий опыт кровопускания сибирских рабочих и крестьян, но мы знаем, что этот опыт будет уроком для них. Этот опыт — лучший учитель большевизма для рабочих и крестьян. После него трудящиеся массы поймут, что середины нет. Нет иного выбора: либо власть рабочих и крестьян — власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков. Буржуазия силой и обманом старается затемнить сознание трудящихся, но все ее труды разлетаются, как карточный домик, перед растущим сознанием пролетариата и беднейшего крестьянства. Авантюра Деникина, который на Украине повторяет урок Колчака, заставит украинских рабочих и крестьян понять свою ошибку, которую они теперь

совершают, недостаточно энергично вступая в борьбу с ним. Мы знаем, что после хозяйничания Деникина на Украине украинские рабочие и крестьяне выйдут окрепшими и уже не на словах, а на деле будут защищать власть рабочих и крестьян, как это теперь делают сибирские наши братья. Рабоче-крестьянская власть говорит крестьянам и всем трудящимся: «Идите с нами, стройте ваше пролетарское государство. Посмотрите на опыт Колчака и Деникина, и вы увидите, какова жизнь не при Советской власти». Для нас этот опыт — самая лучшая агитация.

Сильная рабоче-крестьянская власть подавляет всякие белогвардейские заговоры, устроенные против нее. Железной метлой выгоняет она изменников из своих рядов. Рабоче-крестьянская власть построила Красную армию, посадила туда специалистов, окружив их целым рядом комиссаров-коммунистов. Десятки военных специалистов, оказавшихся изменниками, выброшены нами из рядов Красной армии, а тысячи, десятки тысяч военных специалистов, честно исполняющих свои обязанности, остаются в рядах рабоче-крестьянской Красной армии. Это — главный и основной опыт политического раскрепощения и освобождения трудящихся масс.

Все то, товарищи, о чем я говорил вам сегодня, уже становится ясным трудящимся других стран. Везде растет и ширится движение рабочих масс, требующих власти Советов. Вы знаете, что в Германии во главе правительства стоят теперь меньшевики, что они поддерживаются вооруженной силой Антанты, однако, несмотря на все это, германские рабочие требуют власти Советов. И правительство Германии вынуждено на-днях ввести в свою конституцию пункт, вводящий по всей Германии Советы Рабочих Депутатов. Однако Советы эти не имеют права обсуждать политические вопросы жизни страны. По конституции социал-предателей германские Советы имеют право обсуждать только экономическое положение страны[140]). К нам поступает очень мало сведений из других государств Западной Европы, так как мы со всех сторон окружены врагами, но те сведения, которые к нам попадают, говорят за то, что увеличивается и крепнет движение в пользу большевиков. Я расскажу вам маленький инцидент, который произошел во Франции и который красноречивее всяких слов доказывает правильность моих доводов и скажет вам об очень многом. Во Франции выходят две большевистские газеты. Одна из них хотела назвать себя «Большевик», но цензура (в демократической Франции существует цензура!) запретила это название, — тогда газета назвала себя «Запрещенное Название» [141]). Рабочий, покупая эту газету и видя это название, сам добавляет: «Большевик». (Бурные аплодисменты.)

В заключение, товарищи, позвольте мне поделиться с вами тем извещением, которое я получил сегодня от тов. Зиновьева,

председателя Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. Тов. Зиновьев сообщает мне, что в Петрограде было высажено сто пленных эстляндцев, которые передали ему следующее. В белогвардейской Эстляндии состоялась беспартийная конференция рабочих профессиональных союзов. На конференции присутствовало 417 делегатов, из них только 33 меньшевика, все остальные большевики!.. (Бурные аплодисменты.) Конференция потребовала заключения мира с Россией. Когда об этом узнали англичане, то представитель их явился на конференцию и предложил свергнуть белогвардейское правительство Эстляндии, но рабочие в ответ прогнали его и потребовали заключения мира с Россией и возвращения к мирной жизни. Тогда конференция была разогнана. Сто человек было отослано в Россию искать большевиков, 26 человек они задержали и намереваются их расстрелять. На такое действие белогвардейской Эстляндии мы ответили воззванием к рабочим и населению их страны, а их правительству мы заявили, что расстреляем всех заложников, которые находятся у нас [142])! (Аплодисменты.) А ведь там правительство поддерживалось меньшевиками и эс-эрами!

Маленькая Эстляндия на своей беспартийной конференции профессиональных союзов дала должный ответ сильной Англии,— Англии, которая грозила нам союзом четырнадцати государств.

Заканчивая свою речь, позвольте мне выразить уверенность, что Советская Россия, которая побеждала у себя внутри в течение двух лет, — вскоре победит власть буржуазии во всем мире. (Бурные аплодисменты.)

«Правда» № 201, 11 сентября 1919 г.

КАК БУРЖУАЗИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕНЕГАТОВ.

Наши радиостанции перехватывают радиотелеграммы Карнарвона (Англия), Парижа и других европейских центров. Париж теперь — центр всемирного союза империалистов, и его радио поэтому часто бывают особенно интересны. На-днях, 13 сентября, правительственное радио из этого центра всемирного империализма сообщило всем странам о выходе новой книги известного ренегата, вождя II Интернационала, Карла Каутского против большевизма.

Миллионеры и миллиардеры даром не пускают в ход свое правительственное радио. Им показалось необходимым оповестить всех о новом походе Каутского. Им приходится хвататься за все для борьбы с надвигающимся большевизмом, — за все, даже за соломинку, даже за книгу Каутского. От души благодарим господ французских миллионеров: они так хорошо помогают пропагандировать большевизм! они так помогают нам, выставляя на посмешище обывательские и филистерские громы Каутского против большевиков!

Сегодня, 18 сентября, мне доставили номер газеты германских социал-шовинистов, убийц К. Либкнехта и Р. Люксембург, «Vorwärts» *) от 7 сентября, с статьей Фридриха Штампфера об этой новой книге Каутского («Терроризм и коммунизм») и с рядом цитат из этой книги [143]). Сопоставляя статью Штампфера с парижским радио, мы видим, что последнее, по всей вероятности, составлено на основании первой. Господа Шейдеманы и Носке, телохранители германской буржуазии и палачи германских коммунистов, расхваливают книгу Каутского и объединяются с империалистами Антанты в борьбе с международным коммунизмом. Зрелище чрезвычайно поучительное! А наши меньшевики, эти типичнейшие представители Бернского, желтого, Интернационала, не находили слов для возмущения по поводу того, что я назвал Каутского (в своей книге: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» **)) лакеем буржуазии.

---

*) — «Вперед». *Ред.*

**) См. XXIII том Сочинений, стр. 331 — 412. *Ред.*

1

Как буржуазия использует ренегатов.

Наши радиостанции перехватывают радиотелеграммы Карнарвона (Англия), Парижа и других европейских центров. Париж теперь — центр всемирного союза империалистов, и его радио почти ежедневно полно интересного. На днях, 13.IX, правительственное радио этого центра всемирного империализма сообщило всем странам о выходе новой книги известного ренегата, вождя II-го Интернационала, Карла Каутского, против большевизма.

Миллионеры и миллиардеры недаром пустили в ход свое правительственное радио. Им показалось необходимым оповестить всех о новом походе Каутского. Им приходится хвататься за все в борьбе с надвигающимся большевизмом, — за все, вплоть до соломинки, вплоть до книжки Каутского. Он должен благодарить господ французских миллионеров: они так хорошо помогают пропагандировать большевизм! они так помогают выставлять на посмешище сентиментальные и филистерские доводы Каутского против большевиков!

Сегодня, 18.IX, мне доставили N газеты германских социал-шовинистов, убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, «Vorwärts» от 7.IX, с статьей Фридриха Штампфера о новой книжке Каутского («Терроризм и Коммунизм»)

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА: «КАК БУРЖУАЗИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕНЕГАТОВ» — 1919 г.

Это факт, господа, как бы вы ни сердились! Не по заговору же со мной шейдемановцы из «Vorwärts'а» и миллионеры Антанты принялись хвалить Каутского и выдвигать его как орудие борьбы с мировым большевизмом. Каутский оказался фактически, хотя бы он этого не сознавал и не желал, как раз тем,— по отношению к буржуазии,— о чем я говорил.

Чтобы показать, до какой степени дошло это, прикрывающееся именем марксизма, отречение от социализма и революции, приведем несколько наиболее «грозных» обвинений большевиков Каутским.

...«Каутский показывает подробно,— пишет Штампфер — как большевики всегда приходят в конце концов к противоположности того, что было их целью: они были противниками смертной казни и работают массовыми расстрелами»...

Во-первых, это прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции. На II съезде нашей партии, в 1903 г., когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: «И для Николая II?». Даже меньшевики в 1903 г. не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя. А в 1917 г., во время керенщины, я писал в «Правде», что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, *против какого класса* направляется данным правительством оружие смертной казни [144]). Каутский до такой степени разучился мыслить революционно, до такой степени погряз в обывательском оппортунизме, что он и представить себе не может, как могла революционная пролетарская партия задолго до своей победы открыто признавать необходимость смертной казни для контр-революционеров! «Честный» Каутский, будучи честным человеком и честным оппортунистом, не стесняясь, пишет поэтому ложь про своих противников.

Во-вторых, если бы у человека была хоть капелька понимания революции, он не мог бы забыть, что речь идет теперь не о революции вообще, а о революции, вырастающей из великой империалистской бойни народов. Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы

ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно. Но Каутский, прежде умевший ставить вопросы в их конкретной исторической обстановке, разучился этому.

В-третьих. Если Каутский не умеет изучать своего предмета и пишет о большевиках ложь, если Каутский не умеет мыслить и не в состоянии даже поставить вопроса об особенностях революции, вырастающей из четырехлетней войны, то Каутский мог бы хоть наблюдать вокруг себя. Что доказывает убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург офицерами в демократической республике германской? что доказывает побег осужденных потом за убийство на издевательски мягкое наказание офицеров? Господин Каутский и вся его «независимая» (от пролетариата, но очень зависимая от мелко-буржуазных предрассудков) партия отделывается хныканьем, осуждениями, филистерскими ламентациями от таких вопросов. Но именно поэтому все революционные рабочие во всем мире все больше отворачиваются от Каутских, Лонгэ, Макдональдов, Турати и переходят на сторону коммунистов, ибо революционному пролетариату нужна *победа* над контр-революцией, а не бессильное «осуждение» ее.

В-четвертых. Вопрос о «терроризме» есть, видимо, основной вопрос в книге Каутского. Это видно из ее заглавия. Это видно также из слов Штампфера: ...«Каутский, несомненно, прав, утверждая, что основным принципом Коммуны был не терроризм, а всеобщее избирательное право». Я привел в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» достаточно материала для доказательства того, какой издевкой над марксизмом является подобное рассуждение об «основном принципе». В настоящий момент моя задача иная. Чтобы показать, какую ценность имеют рассуждения Каутского о «терроризме», кому *служат* эти рассуждения, *какому классу*, я приведу полностью одну небольшую *либеральную* статейку. Эта статейка представляет из себя письмо в редакцию либерального американского журнала: «Новая Республика» («The new Republic», June 25-th 1919). Журнал этот, стоящий вообще на мелко-буржуазной точке зрения, тем выгодно отличается от писаний господ Каутских, что не называет этой точки зрения ни революционным социализмом, ни марксизмом.

Вот это письмо в редакцию полностью:

«МАННЕРГЕЙМ И КОЛЧАК.

Господин редактор! Союзные правительства отказались признать Советское правительство России по следующим, как они говорят, причинам:

1) Советское правительство есть — или было — германофильское (pro german, стоящее на стороне Германии).

2) Советское правительство держится на терроризме.

3) Советское правительство недемократично и не представляет русского народа.

Между тем, Союзные правительства давно уже признали теперешнее белогвардейское правительство Финляндии под диктаторством генерала Маннергейма, хотя очевидно следующее:

1) Германские войска помогали белогвардейцам раздавить социалистическую республику Финляндии, и генерал Маннергейм посылал неоднократные телеграммы кайзеру с выражением сочувствия и уважения. Между тем, Советское правительство энергично подкапывало германское правительство пропагандой среди войск на русском фронте. Финское правительство было бесконечно более германофильским, чем русское.

2) Теперешнее правительство Финляндии, при вступлении его во власть, казнило хладнокровно в течение нескольких дней 16.700 членов бывшей социалистической республики и заключило в концентрационных лагерях, обрекая на голодную смерть, еще 70.000. Между тем, все казни в России за год, кончающийся 1 ноября 1918 г., были, по официальным данным, числом 3.800, включая многих подкупных советских должностных лиц, как равно и контр-революционеров. Финское правительство было бесконечно более террористическим, чем русское.

3) Убив и заарестовав около 90.000 социалистов и отогнав еще около 50.000 за границу, в Россию, — Финляндия, страна маленькая, с числом избирателей только около 400.000 — белогвардейское правительство сочло достаточно безопасным произвести выборы. Несмотря на все предосторожности, было выбрано большинство социалистов, но генерал Маннергейм, подобно союзникам после выборов во Владивостоке, не утвердил мандата ни одного из них. Между тем, Советское правительство лишило избирательного права всех тех, кто не исполняет полезной работы для добывания себе средств к жизни. Финское правительство было значительно менее демократичным, чем русское.

И точно так же обстоит дело с великим чемпионом демократии и нового порядка, адмиралом Колчаком в Омске, а этого адмирала Союзные правительства поддерживали, снабжали, экипировали и теперь собираются признать официально.

Таким образом, всякий аргумент, который союзники выдвигали против признания Советов, может быть применен с большей силой и честностью против Маннергейма и Колчака. Однако, эти последние признаны, но блокада становится все строже вокруг умирающей с голода России.

Вашингтон. *Стьюарт Чэйс (Stuart Chase)*».

Эта маленькая статейка буржуазного либерала разоблачает превосходно всю подлость и измену социализму господ Каутских, Мартовых, Черновых, Брантингов и прочих героев желтого, Бернского Интернационала.

Каутский и все эти герои, во-первых, лгут про Советскую Россию по вопросу о терроризме и демократии. Во-вторых, они оценивают события не с точки зрения фактически идущей, в мировом масштабе и в самой острой форме, классовой борьбы, а с точки зрения мещанских, филистерских воздыханий о том, что могло бы быть, если бы не было связи буржуазной демократии с капитализмом, если бы не было на свете белогвардейцев, если

бы их не поддерживала всемирная буржуазия и т. д., и т. п. В-третьих, сопоставляя американскую статейку с рассуждениями Каутского и К°, мы ясно видим, что его *объективная* роль есть лакейство перед буржуазией.

Всемирная буржуазия поддерживает Маннергеймов и Колчаков, стремясь задушить Советскую власть, облыжно выставляя ее террористической и недемократической. Таковы факты. И только подпевалами буржуазии являются Каутский, Мартов, Чернов и К°, когда они тянут свою песенку о терроризме и демократизме. Всемирная буржуазия именно под звуки этой песенки, именно ею обманывая рабочих, душит рабочую революцию. Личная честность «социалистов», которые поют эту песенку «искренно», т.-е. по крайнему тупоумию, нисколько не меняет объективной роли этой песенки. «Честные оппортунисты», Каутские, Мартовы, Лонгэ и К°, стали «честными» (по беспредельной своей бесхарактерности) *контр-революционерами*.

Таков факт.

Американский либерал понял — не в силу своей теоретической подготовленности, а просто внимательно наблюдая события в достаточно широком, т.-е. именно мировом масштабе,— понял, что *буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата*, поддерживая для этого Колчака и Деникина в России, Маннергейма в Финляндии, лакеев буржуазии, грузинских меньшевиков на Кавказе, польских империалистов и польских Керенских в Польше, немецких шейдемановцев в Германии, контр-революционеров (меньшевиков и капиталистов) в Венгрии и так далее и так далее.

А Каутский, как настоящий реакционный мещанин, продолжает хныкать по поводу страхов и ужасов гражданской войны! Тут не только исчезает всякая тень революционного сознания, всякая тень исторического реализма (ибо не грех, наконец, понять неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую), тут получается прямо поднevание буржуазии, *помощь ей*, тут Каутский *фактически* оказывается *на стороне буржуазии* в той гражданской войне, которая во всем мире либо идет уже, либо готовится с полной ясностью.

Как теоретик, Каутский прикрывает шумом, криком, плачем, истерикой по поводу гражданской войны то обстоятельство, что он провалился. Правы оказались именно большевики, которые осенью 1914 г. заявили всему миру о *превращении империалистской войны в войну гражданскую*. Реакционеры всех оттенков негодовали или смеялись, но большевики оказались *правы*. Чтобы прикрыть свое полное поражение, свое недомыслие, свою близорукость, надо стараться запугать мелких буржуа ужасами гражданской войны. Это и делает Каутский, как политик.

До каких смехотворных нелепостей он договаривается при

этом, видно из следующего. Надежды на всемирную революцию неосновательны, утверждает Каутский, и — как бы вы думали, в чем его аргумент? Революция в Европе по типу России была бы, дескать, «*разжиганием* (Entfessellung, развязыванием) *гражданских войн во всем мире на целое поколение*» и притом не развязыванием настоящей классовой борьбы, а «*братоубийственной борьбы среди пролетариев*». Эти курсивом набранные цитаты приводит, именно как слова Каутского, Штампфер, разумеется, восторгаясь ими.

Еще бы негодяям и палачам Шейдемана не восторгаться этими словами! «Вождь социалистов» запугивает народ революцией и отпугивает от революции! Но Каутский забавно не заметил при этом одного: вот уже почти два года воюет всемирно могущественная Антанта с Россией и разжигает этим революцию у себя. Если бы революция хотя бы только началась теперь, хотя бы только в своей соглашательской стадии, хотя бы только в одной-двух из великих держав Антанты, это *сразу* прекращало бы гражданскую войну в России, это *сразу* освобождало бы *сотни миллионов* народа в колониях, ибо там негодование и возмущение кипит, сдерживает его только насилие Европы.

У Каутского, кроме того, что он в течение всей империалистской войны обнаружил прелести своей подло-лакейской души, действует теперь явно такой мотив: он *испугался* затяжного характера гражданской войны в России. С испугу он не подумал, что против России воюет *буржуазия всего мира*. Революция в одной-двух великих державах Европы подорвала бы *окончательно* силы буржуазии вообще, ее господство сломлено бы было *в корне*, у ней не осталось бы прибежища *нигде на земле*.

В действительности, двухлетняя война всемирной буржуазии против революционного пролетариата России *обнадеживает* революционеров всего мира, *доказывает* чрезвычайную близость и легкость победы *во всемирном масштабе*.

Что касается до гражданской войны «среди пролетариев», то эти доводы мы уже слыхали от Черновых и Мартовых. Чтобы оценить всю бездонную подлость этого довода, возьмем наглядный пример. Во время Великой Французской революции часть крестьян, именно вандейцы, воевали за короля против республики. В июне 1849 г. и в мае 1871 г. часть рабочих находилась в войсках Кавеньяка и Галлифе, душивших революцию. Что сказали бы вы о человеке, который бы заявил: я оплакиваю «гражданскую войну *среди крестьян* во Франции 1792 г.», — «среди рабочих 1849 и 1871 годов»? Вы сказали бы, что это лицемернейший защитник реакции, монархии, Кавеньяков.

И вы были бы правы.

Не понять даже теперь, что идет в России (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата

с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот. Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции. И то же относится к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает — на более или менее короткое время — буржуазии. *Этим* защищать *свой* переход на сторону буржуазии могут только мерзавцы.

Теоретически, мы видим здесь нежелание понять то, о чем с 1914 г. кричат, вопиют все факты всей истории всего рабочего движения во всем мире. Раскол между *верхушками* рабочего класса, испорченными мещанством, оппортунизмом, *подкупленными* «доходными местечками» и иными подачками буржуазии, наметился осенью 1914 г. в мировом масштабе, развился в 1915 — 1918 г.г. окончательно. Не видя этого исторического факта, обвиняя коммунистов в расколе, Каутский только в тысячный раз доказывает свою роль лакея буржуазии.

Маркс и Энгельс 40 лет, с 1852 по 1892 г., говорили об *обуржуазении* части (именно верхушек, вождей, «аристократии») рабочих в Англии *в связи* с ее колониальными преимуществами, монополиями. Ясно, как день, что империалистские монополии для целого ряда стран в XX веке должны были создать такое же явление, как в Англии. Во всех передовых странах видим мы развращение, подкупность, переход на сторону буржуазии *вождей рабочего класса* и *верхушек* его — в связи с подачками буржуазии, которая дает этим вождям «доходные местечки», дает крохи своих прибылей этим верхушкам, перекладывает тяжесть наихудшим образом оплачиваемой и самой черной работы на ввозимых отсталых рабочих, усиливает привилегии «аристократии рабочего класса» по сравнению с массой.

Война 1914 — 1918 г.г. окончательно доказала предательство социализма, переход на сторону буржуазии *вождей и верхушек* пролетариата, всех социал-шовинистов, Гомперсов, Брантингов, Реноделей, Макдональдов, Шейдеманов и т. д., при чем, разумеется, по косности часть рабочей массы идет некоторое время за этой буржуазной сволочью.

Бернский Интернационал Гюисмансов, Вандервельдов, Шейдеманов вполне конституировался теперь, как желтый Интернационал этих изменников социализма. Без борьбы с ними, без раскола с ними не может быть и речи ни о каком *действительном* социализме, ни о какой *искренней* работе на пользу социальной революции.

Пусть немецкие независимцы пробуют сидеть между двух стульев, такова уже их судьба. Каутского целуют и обнимают шейдемановцы, как «своего» человека, Штампфер вопит об этом, и действительно Каутский настоящий товарищ Шейдеманам. А Гильфердинг, тоже независимец и друг Каутского, предлагал в

Люцерне исключить из Интернационала Шейдеманов. Конечно, над Гильфердингом только посмеялись настоящие вожди желтого Интернационала. Предложение Гильфердинга было либо крайней глупостью, либо крайним лицемерием: прослыть «левым» среди рабочей массы и в то же время сохранить за собой местечко в Интернационале слуг буржуазии! Но как бы ни объяснять поведение одного из вождей, Гильфердинга, несомненно одно: среди массы пролетариата и бесхарактерность «независимцев», и подлость Шейдеманов, Брантингов, Вандервельдов неминуемо будет вызывать все более сильный *отход от изменников вождей.* Империализм может довольно долго раскалывать рабочих в некоторых странах, пример Англии доказал это, но *объединение* революционеров*), объединение масс с нами, изгнание желтых идет в мировом масштабе неуклонно вперед. Громадные успехи Коммунистического Интернационала доказывают это: в Америке образовалась уже коммунистическая партия [145]), в Париже Комитет восстановления интернациональных связей [146]) и Комитет синдикальной защиты [147]) встали на сторону III Интернационала. В Париже две газеты перешли на сторону III Интернационала: «Интернационал» [148]) Реймонда Перика и «Запрещенное Название» («Большевик»?) Жоржа Анкетиля. В Англии мы стоим накануне образования коммунистической партии, с которой солидарны и лучшие люди из Британской социалистической партии, из «Комитетов фабричных старост» (Shop Stewards Committees), из революционных индустриалистов и т. д. Шведские левые, норвежские социал-демократы, голландские коммунисты, швейцарская и итальянская социалистические партии стоят уже в одном ряду с немецкими спартаковцами и русскими большевиками.

Коммунистический Интернационал за несколько месяцев 1919 г. стал всемирным Интернационалом, ведущим массы и безоговорочно враждебным изменникам социализма в «желтом» Интернационале бернской и люцернской братии.

В заключение остановимся на одном особенно поучительном сообщении, проливающем свет на роль оппортунистических вождей. В Люцерне во время заседания там в августе текущего года конференции желтых социалистов выходило особое издание женевской газеты «La Feuille» [149]) («Листок») с отчетами и сообщениями на разных языках. В английском издании (№ 4, Wednesday, August 6-th) помещено интервью с Трульстра, известным вождем оппортунистической партии в Голландии.

Вот что рассказал Трульстра:

«Германская революция 9 ноября вызвала сильное возбуждение среди наших (голландских) политических и профессиональных вождей. Правящие

---

*) В печатном тексте слова «*объединение* революционеров» опущены. *Ред.*

группы в Голландии несколько дней были в панике, тем более, что в то же самое время почти всеобщее возмущение вспыхнуло в армии.

Бургомистры в Роттердаме и в Гааге постарались собрать свои собственные организации, как подсобные силы контр-революции. Комитет, образованный из бывших генералов, среди коих был один старый офицер, гордившийся подавлением восстания боксеров в Китае, попытался сбить с толку нескольких товарищей и вооружить их против революции. Их усилия имели, разумеется, обратное действие, и в Роттердаме один момент казалось, что будет создан Совет Рабочих. Но вожди политической и профессиональных организаций были того мнения, что не пришло еще время для таких методов, и ограничились выдвиганием программы-минимума рабочих требований и публикацией пламенного воззвания к массам».

Так говорил Трульстра. Он добавил еще много хвастливых заявлений: как он держал революционные речи, как он был даже за захват власти, как он понимает недостаточность парламентов и чисто-политической демократии, как он признает для переходного времени и «нелегальные способы» борьбы и «диктатуру пролетариата» и прочее и тому подобное.

Трульстра — образец продажного, оппортунистического вождя, служащего буржуазии и обманывающего рабочих. На словах он вам *все* признает, как видите: и Советы, и диктатуру пролетариата, и что хотите. На деле Трульстра — подлейший предатель рабочих, агент буржуазии. На деле он *вождь* тех самых «вождей политических и профессиональных рабочих организаций» в Голландии, которые *спасли буржуазию в Голландии*, перейдя на сторону буржуазии в решающий момент.

Ибо факты, сообщенные Трульстрой, вполне ясны и определенны. В Голландии была мобилизована армия. Пролетариат был вооружен и объединен в армию с беднейшими слоями всего народа. Германская революция вызвала подъем рабочих и «почти всеобщее возмущение в армии». Ясно, что обязанность революционных вождей была вести массы к революции, *не упускать* момента, когда вооружение рабочих и влияние германской революции могли сразу решить дело.

Предатели-вожди, с Трульстрой во главе, перешли на сторону буржуазии. Рабочих накормили реформами и еще больше обещаниями реформ, «пламенными воззваниями» и революционными фразами успокоили рабочих — и надули их. Помогли буржуазии демобилизовать армию, спасли капиталистов именно господа Трульстра и подобные ему «вожди», составляющие II Интернационал Берна и Люцерна.

Рабочее движение пойдет вперед, выкидывая вон предателей и изменников, Трульстра и Каутских, избавляясь от той обуржуазившейся верхушки, которая надувает массы, ведя на самом деле политику капиталистов.

Н. Ленин.

20 сентября 1919.

P. S. Судя по изложению Штампфера, Каутский насчет советской системы государства замолчал. Не сдал ли он в этом главном вопросе свою позицию? Не отказался ли от защиты тех пошлостей, которые писал об этом в своей брошюре *против* диктатуры пролетариата? Не предпочел ли от *главного* перейти к второстепенному? На эти вопросы мы увидим ответ, когда можно будет ознакомиться с самой брошюрой Каутского.

«Коммунистический Интернационал» № 5, сентябрь 1919 г.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Г. ЗИНОВЬЕВА: «О ЧИСЛЕННОМ СОСТАВЕ НАШЕЙ ПАРТИИ».

Тов. Зиновьев прислал мне эту статью с просьбой направить в московскую прессу. С большим удовольствием исполняю его просьбу. Статья, по моему мнению, заслуживает перепечатки во всех газетах. Надо, чтобы все партийные товарищи обратили на нее внимание, и чтобы повсюду, по примеру Петербурга, занялись одновременно и строжайшей чисткой нашей партии от «примазавшихся» и усиленным привлечением в партию всех лучших элементов массы рабочих и крестьян.

Н. Ленин.

«Правда» № 210, 21 сентября 1919 г.

АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ[150]).

Товарищи! Около года тому назад в «Письме к американским рабочим» (от 20 августа 1918 г.) *) я изложил вам положение дел в Советской России и ее задачи. Это было еще до германской революции. С тех пор мировые события подтвердили правильность данной большевиками оценки империалистской войны 1914—1918 г.г. вообще и империализма Антанты в особенности. А Советская власть с тех пор стала понятной и близкой уму и сердцу рабочих масс во всем мире. Везде рабочие массы, вопреки влиянию старых, пропитанных шовинизмом и оппортунизмом вождей, приходят к убеждению в гнилости буржуазных парламентов и в необходимости Советской власти, власти трудящихся, диктатуры пролетариата, для избавления человечества от ига капитала. И Советская власть победит во всем мире, как бы ни неистовствовала, ни бешенствовала буржуазия всех стран. Она заливает кровью Россию, ведя войну с нами, натравливая на нас контр-революционеров, сторонников восстановления ига капитала. Буржуазия причиняет неслыханные муки трудящимся массам России блокадой и поддержкой контр-революции, но мы разбили Колчака и с полной верой в победу ведем войну с Деникиным.

23 сентября 1919 г. ***Н. Ленин.***

* * *

Меня спрашивают нередко, правы ли те американцы, не рабочие только, но и, главным образом, буржуа, которые, относясь отрицательно к войне с Россией, ждут от нас, в случае заключения мира, не только возобновления торговых сношений с нами, но и возможности получения известных концессий в России. Я повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением положения трудящихся масс в России, что эти массы,

*) См. XXIII том Сочинений, стр. 176—189. *Ред.*

несомненно, согласились бы и на предоставление известных концессий. На разумных условиях предоставленные концессии желательны и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства.

Н. Ленин.

23. IX. 1919.

Напечатано: на английском языке 27 декабря 1919 г. в журнале: «Soviet Russia» [151] *№ 30; на русском 7 ноября 1930 г. в газете «Правда» № 308.*

Печатается по рукописи.

О ЗАДАЧАХ ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

РЕЧЬ НА IV МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ 23 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

Товарищи, я очень рад приветствовать конференцию женщин-работниц. Я позволю себе не касаться тех тем и тех вопросов, которые более всего, конечно, волнуют сейчас каждую женщину-работницу и каждого сознательного человека из трудящейся массы. Эти самые жгучие вопросы — вопрос о хлебе и о нашем военном положении. Но, как я знаю из газетных отчетов о ваших собраниях, эти вопросы исчерпывающим образом были здесь изложены тов. Троцким в отношении военного дела и товарищами Яковлевой и Свидерским — относительно вопроса о хлебе, и потому позвольте мне этих вопросов не касаться.

Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно общих задач женского рабочего движения в Советской республике, как тех задач, которые связаны с переходом к социализму вообще, так и тех, которые сейчас с особой настоятельностью выдвигаются на первый план. Товарищи, вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью. Мне кажется, задача всякого рабочего государства, переходящего к социализму, будет двоякого рода. И первая часть этой задачи сравнительно простая и легкая. Она касается тех старых законов, которые ставили женщину в положение не равноправное по отношению к мужчине.

Давным давно представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравнении женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии

останутся у мужчин. В России только потому это удалось провести, что с 25 октября 1917 г. здесь установилась власть рабочих. Советская власть с самого начала ставила себе задачу существовать, как власть трудящихся, враждебная всякой эксплуатации. Она ставила себе задачу уничтожения возможности эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, уничтожения господства капитала. Советская власть стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину — в положение двойного рабства.

Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования, был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне. Я говорю именно о тех законах, которые специально использовали более слабое положение женщины, поставив ее в положение неравноправное и часто даже унизительное, т.-е. о законах о разводе и внебрачном ребенке, о праве женщины на иск к отцу ребенка для его обеспечения.

Именно в этой области буржуазное законодательство, нужно сказать, даже в самых передовых странах, использует более слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее, и именно в этой области Советская власть из старых, несправедливых, невыносимых для представителей трудящейся массы законов и не оставила камня на камне. И мы можем теперь сказать с полной гордостью, без всякого преувеличения, что, кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин, и где бы женщина не была поставлена в унизительное положение, которое особенно чувствительно в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач.

Если вам приходится входить в соприкосновение с партиями, которые враждебны большевикам, или если вам попадают в руки газеты, которые издаются по-русски в областях, занятых Колчаком или Деникиным, или приходится говорить с людьми, стоящими на точке зрения этих газет, то от них вы часто можете слышать обвинение Советской власти в том, что она нарушила демократию.

Нас, представителей Советской власти, большевиков-коммунистов и сторонников Советской власти, постоянно упрекают в том, что мы нарушили демократию, и в доказательство этого обвинения выдвигают тот факт, что Советская власть разогнала учре-

дилку. Мы отвечаем на эти обвинения обыкновенно так: той демократии и той учредилки, которые возникли при существовании частной собственности на землю, когда люди не были равны между собою, когда имеющий собственный капитал был хозяином, а остальные, трудящиеся у него, были наемные рабы его, — такой демократии мы цены не придаем. Такая демократия покрывала собою рабство даже в самых передовых государствах. Мы, социалисты, являемся сторонниками демократии лишь постольку, поскольку она облегчает положение трудящихся и угнетенных. Социализм ставит своей задачей во всем мире борьбу против всякой эксплуатации человека человеком. Для нас имеет истинное значение та демократия, которая служит эксплуатируемым, тем, которые поставлены в положение неравноправное. Если нетрудящийся лишается избирательных прав, то это и есть настоящее равенство между людьми. Нетрудящийся не должен есть. Мы говорим в ответ на эти обвинения, что надо поставить вопрос о том, как осуществляется в том или ином государстве демократия. Мы видим во всех демократических республиках, что провозглашается равенство, а в законах гражданских и в законах о положении женщины в смысле положения ее в семье, в смысле развода, на каждом шагу мы видим неравенство и принижение женщины, и мы говорим, что это есть нарушение демократии и именно в отношении к угнетенным. Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования.

Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся тем, что говорим в области законодательства, но мы завершили все, что от нас требовалось для уравнения положения женщины, и мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство, и было участие женщин в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнять женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от

мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве своем является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким, которое осуществляет женщина. Это — труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины.

Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от этой мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Этой работы хватит нам на многие, многие годы. Работа эта не может дать таких быстрых результатов и не производит такого блестящего эффекта.

Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства. И здесь именно на женщин более всего и ложится эта работа по устройству всех этих учреждений. Нужно сказать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогали женщине выбраться из этого состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые поставлена сейчас Советская республика, — условия и военные, и продовольственные, о которых говорили здесь вам товарищи подробно, — препятствуют нам в этой работе. Но все же надо сказать, что учреждения эти, избавляющие женщину от этого положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность. Мы говорим, что освобождение рабочих должно производиться самими рабочими, и точно так же и освобождение женщин-работниц должно быть произведено самими женщинами-работницами. Сами женщины-работницы должны заботиться о развитии таких учреждений, и эта деятельность женщин приведет к полной перемене ее старого положения при капиталистическом обществе.

Чтобы заниматься политикой, при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и потому участие женщин в политике, даже в самых передовых и свободных капиталистических странах, было ничтожное. Наша задача состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины. С того момента, как уничтожена частная собственность на землю и фабрики и свергнута власть помещиков и капиталистов, задачи политики для трудящейся массы и трудящихся женщин становятся простыми, ясными и вполне для всех доступными. В капиталистическом обществе женщина поставлена в такое

бесправное положение, что участие ее в политике проявляется в ничтожной доле по сравнению с мужчиной. Для того, чтобы это положение переменилось, нужно, чтобы была власть трудящихся, и тогда главные задачи политики будут составлять всё то, что непосредственно касается судьбы самих трудящихся.

И здесь участие женщины-работницы, не только партийной и сознательной, но и беспартийной и наиболее бессознательной, необходимо. Здесь для женщины-работницы открывается Советской властью широкое поле деятельности.

Нам приходилось очень трудно в борьбе против сил, враждебных Советской России, которые идут на нее походом. Нам было трудно бороться и в области военной с теми силами, которые против власти трудящихся идут войной, и в области продовольственной против спекулянтов, потому что недостаточно велико число людей, число трудящихся, которые всецело шли бы к нам на помощь своим собственным трудом. И здесь Советская власть ничего не может так ценить, как помощь широкой массы беспартийных женщин-работниц. Пусть они знают, что может быть в старом буржуазном обществе для политической деятельности требовалась сложная подготовка, и это было недоступно женщине. Но политическая деятельность Советской республики главной своей задачей ставит борьбу с помещиками, капиталистами, борьбу за уничтожение эксплуатации, и поэтому в Советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским уменьем женщина помогала мужчине.

Нам нужна не только организаторская работа в миллионном масштабе. Нам нужна организаторская работа и в самом небольшом масштабе, которая дает возможность трудиться и женщинам. Женщина может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее. Женщина во всем этом должна принимать активное участие, чтобы Красная армия видела, что о ней заботятся, о ней пекутся. Женщина может трудиться также и в области продовольственной — по распределению продуктов и улучшению массового питания, развитию тех столовых, которые так широко теперь поставлены в Петрограде.

Вот в каких областях деятельность женщины-работницы приобретает настоящее организаторское значение. Участие женщины необходимо и в постановке крупных опытных хозяйств и наблюдении за ними, чтобы это дело не было у нас одиночным делом. Без участия в этом деле большого числа трудящихся женщин оно невыполнимо. И женщина-работница вполне может подойти к этому делу в смысле надзора за распределением продуктов и надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне посильна для беспартийной женщины-работницы, и между

тем осуществление этой задачи будет содействовать более всего упрочению социалистического общества.

Отменив частную собственность на землю и почти целиком отменив ее и на фабрики, и на заводы, Советская власть стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать и без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны.

«Правда» № 213, 25 сентября 1919 г.

ПРИМЕР ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ.

Газеты уже сообщили, что рабочие Петрограда начали усиленную мобилизацию и отправку лучших работников на Южный фронт.

Взятие Деникиным Курска и движение на Орел вполне объясняют этот подъем энергии петроградского пролетариата. Его примеру должны последовать рабочие и в других промышленных центрах. Деникинцы рассчитывают вызвать панику в наших рядах и заставить нас думать только об обороне, только о данном направлении. Иностранные радио показывают, с каким усердием империалисты Франции и Англии помогают Деникину и в этом, как они помогают ему вооружением и сотнями миллионов рублей. Иностранные радио кричат на весь мир об открытой дороге на Москву. Так хочется капиталистам запугать нас.

Но им не удастся запугать нас. Наши войска распределены согласно обдуманному и твердо проводимому плану. Наше наступление на главный источник сил неприятеля неуклонно продолжается. Победы, одержанные на-днях, — взятие 20 орудий в Богучарском районе, взятие станицы Вешенской, — показывают успешное продвижение наших войск к центру казачества, которое одно только давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу. Деникин будет сломлен, как сломлен Колчак. Нас не запугают, и мы доведем свое дело до победного конца.

Взятие Курска и движение врага на Орел ставят перед нами задачу: дать добавочные силы, чтобы отразить здесь неприятеля. И петроградские рабочие своим примером показали, что они правильно учли задачу. Не скрывая от себя опасности, нисколько не преуменьшая ее, мы говорим: пример Петрограда доказал, что у нас добавочные силы есть. Чтобы отразить наступление на Орел, чтобы перейти в наступление на Курск и Харьков, надо, сверх того, чем мы располагаем, мобилизовать лучших работников из пролетариата. Серьезна опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности, в добавление к прежним силам войска,

мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях.

Среди войск на юге видное место занимал у нас вернувшийся в ряды армии дезертир. Он вернулся большей частью добровольно, под влиянием агитации, разъяснившей ему его долг, разъяснившей ему всю серьезность угрозы восстановления власти помещиков и капиталистов. Но дезертир не устоял, у него не хватило выдержки, он стал сплошь да рядом отступать, не принимая боя.

Вот почему первостепенное значение получает поддержка армии новым притоком пролетарских сил. Неустойчивые элементы будут укреплены, настроение будет поднято, перелом будет достигнут. Пролетариат, как бывало постоянно в нашей революции, поддержит и направит колеблющиеся слои трудящегося населения.

В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод, и военная опасность, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России — от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест.

И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется.

Когда такие свежие силы идут для укрепления дрогнувших частей нашей армии, тогда трудящиеся массы, солдаты из крестьян, получают новых вождей из среды «своих» людей, из среды трудящихся же, более развитых, более сознательных, более твердых духом. Вот почему такая помощь в нашей крестьянской армии дает нам решающий перевес над врагом, ибо у врага для «поддержки» его крестьянской армии идут в ход только помещичьи сынки, а мы знаем, что эта «поддержка» погубила Колчака, погубит Деникина.

Товарищи-рабочие! Возьмемтесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей! Больше сил на деятельность в войске, больше почина и смелости, больше соревнования, чтобы сравняться с петроградцами, и победа будет за трудящимися, помещичья и капиталистическая контр-революция будет добита.

Н. Ленин.

P. S. Сейчас я узнал, что и из Москвы отправились на фронт несколько десятков преданнейших товарищей. За Питером тронулась Москва. За Москвой должны тронуться остальные.

3 октября 1919 г. *Н. Л.*

«Правда» № 221, 4 октября 1919 г.

ПРИВЕТ ИТАЛЬЯНСКИМ, ФРАНЦУЗСКИМ И НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ.

Необычайно скудны сведения, получаемые у нас из-за границы. Блокада империалистских зверей действует вовсю, насилие могущественнейших держав мира обрушивается на нас ради восстановления власти эксплуататоров. И вся эта звериная злоба капиталистов России и всего мира прикрывается, разумеется, фразеологией о высоком значении «демократии»! Лагерь эксплуататоров верен себе: он выдает буржуазную демократию за «демократию» вообще, и все филистеры, все мелкие буржуа подпевают этому лагерю, все вплоть до господ Фридриха Адлера, Карла Каутского и большинства вождей «независимой» (т.- е. не зависящей от революционного пролетариата, но зависящей от мелко-буржуазных предрассудков) социал-демократической партии Германии.

Но чем реже мы получаем в России вести из-за границы, тем с большей радостью наблюдаем мы гигантские, повсеместные успехи коммунизма среди рабочих во всех странах мира, успехи разрыва этих масс с гнилыми и предательскими вождями, перешедшими, от Шейдемана до Каутского, на сторону буржуазии.

Об итальянской партии мы узнали только, что конгресс ее громадным большинством принял присоединение к III Интернационалу и программу диктатуры пролетариата [152]). Таким образом, итальянская социалистическая партия присоединилась к коммунизму на деле, хотя и сохранила еще, к сожалению, старое название. Горячий привет итальянским рабочим и их партии!

О Франции мы знаем только, что в одном Париже есть уже две коммунистические газеты: «Интернационал» под редакцией Реймонда Перика и «Запрещенное Название» под редакцией Жоржа Анкетиля. К III Интернационалу примкнул уже ряд пролетарских организаций. Сочувствие рабочих масс безусловно на стороне коммунизма и Советской власти.

О германских коммунистах мы узнали только то, что в ряде городов существует коммунистическая пресса. Газеты эти часто носят название «Красное Знамя». Берлинское «Красное Знамя» выходит нелегально, ведя геройскую борьбу с палачами Шейдеманами-Носке, лакействующими перед буржуазией своими делами, как лакействуют перед ней «независимые» словами и «идейной» (мелко-буржуазно-идейной) своей пропагандой.

Геройская *) борьба берлинской газеты коммунистов «Красное Знамя» вызывает полный восторг. Наконец-то есть честные и искренние социалисты в Германии, оставшиеся твердыми и непреклонными, несмотря на все преследования, несмотря на подлые убийства лучших вождей! Наконец-то есть коммунисты-рабочие в Германии, ведущие геройскую борьбу, заслуживающую названия «революционной» на деле! Наконец-то из недр пролетарской массы **) выросла в Германии такая сила, для которой слова о «пролетарской революции» стали *правдой!*

Привет немецким коммунистам!

Шейдеманы и Каутские, Ренперы и Фридрихи Адлеры, как ни велико, может быть, различие между этими господами в смысле их личной честности, одинаково оказались мелкими буржуа, позорнейшими изменниками и предателями социализма, сторонниками буржуазии, ибо все они в 1912 г. писали и подписывали Базельский манифест об имеющей наступить империалистской войне, все они говорили тогда о «*пролетарской* революции», все они оказались на деле мелко-буржуазными демократами, рыцарями мещански-республиканских, буржуазно-демократических иллюзий, пособниками контр-революционной буржуазии.

Бешеные преследования, которые обрушились на головы немецких коммунистов, закалили их. Если теперь они до известной степени разрознены, это свидетельствует о широте и массовом характере их движения, о силе роста коммунизма из глубины рабочих масс. Разрозненность неизбежна для движения, которое так бешено преследуют контр-революционные буржуа и их слуги, Шейдеманы-Носке, и которое вынуждено организовываться нелегально.

Естественно также, что движение, столь быстро растущее, терпящее такие отчаянные преследования, порождает довольно острые разногласия. В этом нет ничего страшного. Это болезнь роста.

Пусть Шейдеманы и Каутские злорадствуют в своих газетах «Vorwärts» и «Freiheit» по поводу разногласий среди коммунистов [158]. Этим героям гнилого мещанства ничего ***) не оста-

*) В печатном тексте: «героическая». *Ред.*
**) В печатном тексте: «из недр пролетариата». *Ред.*
***) В печатном тексте: «ничего больше». *Ред.*

лось, как прикрывать свою гнилость кивками по адресу коммунистов. Но если говорить о существе дела, то только слепые могут теперь еще не видеть правды. И правда эта состоит в том, что шейдемановцы и каутскианцы позорнейшим образом *предали* пролетарскую революцию в Германии, *изменили ей*, оказались *фактически* на стороне контр-революционной буржуазии. Генрих Лауфенберг в своей превосходной брошюре «Между первой и второй революцией» с замечательной силой, наглядностью, ясностью, убедительностью показал и доказал это. Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армии. Масса покидает шейдемановцев и переходит к каутскианцам ради их левого крыла (это видно по любому отчету о массовом собрании), а это левое крыло соединяет — безыдейно, трусливо — старые предрассудки мелкой буржуазии насчет парламентарной демократии с коммунистическим признанием пролетарской революции, диктатуры пролетариата, Советской власти.

Гнилые вожди «независимых» *на словах* признают все это, под давлением масс, а на деле остаются мелко-буржуазными демократами, «социалистами» типа Луи Блана и других дурачков 1848 г., столь беспощадно осмеянных и заклейменных Марксом.

Вот *) эти разногласия действительно непримиримы. Между мещанами, которые, как и мещане 1848 г., молятся на буржуазную «демократию», не понимая ее буржуазного характера, и пролетарскими революционерами мира быть не может. Работать вместе они не могут. Гаазе и Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауэр могут сколько угодно вертеться и исписывать горы бумаги, говорить бесконечные речи — им не отговориться от того факта, что они *на деле* обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и Советской власти, что они *на деле* мещанские демократы, «социалисты» в роде Луи Блана и Ледрю-Роллена, что они *на деле* в лучшем случае игрушка в руках буржуазии, в худшем — прямые **) прислужники ее.

«Независимцы», каутскианцы, австрийские социал-демократы *кажутся* единой партией: на деле масса их членов партии *не* солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса *пойдет* на пролетарскую революционную борьбу за Советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а «вожди» останутся и тогда, как и теперь, контр-революционерами. Сидеть между двух стульев нетрудно на словах, и Гильфердинг в Германии, Фридрих Адлер в Австрии показывают высокие образчики этого благородного искусства.

---

*) В печатном тексте: «Все». *Ред.*

**) В печатном тексте: «даже прямые». *Ред.*

Но в огне революционной борьбы люди, занятые примирением непримиримого, окажутся мыльными пузырями. Это показали все «социалистические» герои 1848 г., это показали их родные братья, меньшевики и социалисты-революционеры в России 1917—1919 г.г., это показывают все рыцари Бернского или желтого II Интернационала.

Разногласия среди коммунистов иного рода. Разницы коренной может не видеть здесь только тот, кто не хочет видеть. Это—разногласия среди представителей невероятно быстро выросшего массового движения. Это — разногласия на одной общей, прочной как камень, основной базе: на базе признания пролетарской революции, борьбы с буржуазно-демократическими иллюзиями и буржуазно-демократическим парламентаризмом, признания диктатуры пролетариата и Советской власти.

На *такой* базе разногласия не страшны: это болезнь роста, а не старческая дряхлость. Разногласия такого рода переживал не раз и большевизм, переживал он и небольшие расколы из-за подобных разногласий, но в решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он объединил вокруг себя *весь* авангард пролетариата и *гигантское большинство* трудящихся.

Так будет и с германскими коммунистами

Шейдемановцы и каутскианцы ведут все еще разговоры о «демократии» вообще, они все еще живут в идеях 1848 г., они — марксисты на словах, Луи Бланы на деле. Они толкуют о «большинстве», думая, что равенство избирательных бюллетеней означает равенство эксплуатируемого с эксплуататором, рабочего с капиталистом, бедняка с богачом, голодного с сытым.

У шейдемановцев и каутскианцев выходит так, будто добренькие, честные, благородные, миролюбивые капиталисты никогда не применяли силы богатства, силы денег, власти капитала, гнета бюрократии и военной диктатуры, а решали дела истинно «по большинству»!

Шейдемановцы и каутскианцы (частью по лицемерию, частью по крайней тупости, воспитанной десятилетиями реформистской работы) *подкрашивают* буржуазную демократию, буржуазный парламентаризм, буржуазную республику, изображая дело так, будто капиталисты решают государственные дела волей большинства, а не волей капитала, средствами обмана, гнета, насилия богачей над бедняками.

Шейдемановцы и каутскианцы готовы «признать» пролетарскую революцию, но только так, чтобы сначала *при сохранении* силы, власти, гнета, привилегий капитала и богатства получилось голосование большинства (при буржуазном аппарате госу-

дарственной власти, производящей выборы) *«за революцию»*!! Трудно представить себе всю бездну мещанского тупоумия, которая обнаруживается таким воззрением, — всю бездну мещанской доверчивости (Vertrauensduselei) *) к капиталистам, к буржуазии, к генералам, к буржуазному аппарату государственной власти.

На деле именно буржуазия всегда лицемерила, называя «демократией» формальное равенство, на деле же насилуя бедноту, трудящихся, мелких крестьян и рабочих бесконечным числом приемов обмана, гнета и так далее. Империалистская война (которую постыдно подкрашивали Шейдеманы и Каутские) вскрыла это для миллионов людей. Диктатура пролетариата есть *единственное* средство защиты трудящихся от гнета капитала, от насилия военной диктатуры буржуазии, от империалистских войн. Диктатура пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии *на деле*, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности.

Не поняв этого, Шейдеманы и Каутские оказались презренными изменниками социализма и защитниками идей буржуазии.

* *
*

Каутскианская (или «независимая») партия гибнет и неминуемо, вскоре, погибнет и разложится от разногласий между революционными в массе ее членами и контр-революционными «вождями».

Коммунистическая партия окрепнет и закалится, переживая как раз такие (по существу дела) разногласия, которые переживал и большевизм.

Разногласия среди германских коммунистов сводятся, насколько я могу судить, к вопросу об «использовании легальных возможностей» (как говорили в 1910—1913 г.г. большевики), об использовании буржуазного парламента, реакционных профессиональных союзов, «закона о советах» (Betriebsratgesetz) **), изуродованных шейдемановцами и каутскианцами, об участии в подобных учреждениях, или о бойкоте их [154]).

Мы, русские большевики, пережили как раз такого рода разногласия в 1906 и 1910—1912 годах. И мы ясно видим, что у многих молодых германских коммунистов сказывается просто недостаток революционного опыта. Если бы они пережили парочку буржуазных революций (1905 и 1917), они бы не проповедывали так безусловно бойкота, не впадали бы временами в ошибки синдикализма.

Это — болезнь роста. Она пройдет с ростом движения, которое

*) В печатном тексте слово «Vertrauensduselei» опущено. *Ред.*
**) В печатном тексте слово «Betriebsratgesetz» опущено. *Ред.*

растет превосходно. И с этими очевидными ошибками надо бороться открыто, стараясь не преувеличить разногласий, ибо всем должно быть ясно, что в недалеком будущем борьба за диктатуру пролетариата, за Советскую власть устранит бо́льшую часть этих разногласий.

И с точки зрения марксистской теории, и с точки зрения опыта трех революций (1905, 1917 февраль, 1917 октябрь) я считаю безусловно ошибочным отказ от участия в буржуазном парламенте, в реакционном (Легиновском, Гомперсовском и т. п.) профессиональном союзе, в реакционнейшем рабочем «совете», изуродованном шейдемановцами, и т. п.

Иногда, в отдельном случае, в отдельной стране бойкот правилен, как был, например, правилен бойкот большевиками царской Думы в 1905 году. Но те же большевики участвовали в гораздо более реакционной и прямо контр-революционной Думе 1907 года. Большевики участвовали в выборах в буржуазное Учредительное Собрание в 1917 г., а в 1918 г. мы его разогнали, к ужасу мещанских демократов, Каутских и прочих ренегатов социализма. Мы участвовали в реакционнейших профессиональных союзах, чисто-меньшевистских, ничем (по контр-революционности) не уступающих Легиновским, подлейшим и реакционнейшим профессиональным союзам Германии. Мы даже теперь, два года спустя после завоевания государственной власти, не кончили еще борьбы с остатками меньшевистских (т.-е. Шейдемановских, Каутскианских, Гомперсовских и прочее) профессиональных союзов: настолько это длительный процесс! Настолько велико в отдельных местностях или в отдельных профессиях влияние мелко-буржуазных идей!

Мы были раньше меньшинством в Советах, меньшинством в профессиональных союзах, в кооперативах. Долгим трудом, долгой борьбой — и *до* завоевания политической власти *после* ее завоевания — мы приобрели большинство во *всех* рабочих организациях, потом и в нерабочих, потом и в мелко-крестьянских.

Только негодяи или дурачки могут думать, что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых *под гнетом буржуазии*, под *гнетом наемного рабства*, а потом должен завоевывать власть. Это верх тупоумия или лицемерия, это — замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти.

Пролетариат ведет свою классовую борьбу, не дожидаясь голосования для начала стачки, — хотя для полного успеха стачки нужно сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения). Пролетариат ведет свою классовую борьбу, свергая буржуазию, не дожидаясь при этом никакого предварительного (и буржуазией производимого, под ее гнетом идущего) голосования, при чем пролетариат прекрасно знает, что для успеха его революции, для успешного свержения буржуазии

безусловно необходимо сочувствие большинства трудящихся (а следовательно, и большинства населения).

Парламентские кретины и современные Луи Бланы «требуют» обязательно голосования и обязательно проводимого буржуазией голосования для определения этого сочувствия большинства трудящихся. Но это взгляд педантов, мертвецов или ловких обманщиков.

Живая *) жизнь, история действительных революций показывает, что «сочувствие большинства трудящихся» **) очень часто не может быть доказано никакими голосованиями (не говоря уже о голосованиях, производимых эксплуататорами, при «равенстве» эксплуататора с эксплуатируемым!). Очень часто «сочувствие большинства трудящихся» доказывается вообще *не* голосованиями, а ростом одной из партий, или ростом числа ее членов в Советах, или успехом отдельной, по почему-либо приобревшей громадное значение стачки, или успехом в гражданской войне и т. д. и т. п.

История нашей революции показала, например, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необъятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованиями, а опытом годичной власти царского генерала Колчака над Уралом и Сибирью. При чем власть Колчака также началась властью «коалиции» шейдемановцев и каутскианцев (по-русски: «меньшевиков» и «социалистов-революционеров», сторонников Учредительного Собрания), как в Германии теперь господа Гаазе и Шейдеманы своей «коалицией» прокладывают дорогу власти фон-Гольца или Люндендорфа и прикрывают, прикрашивают эту власть. В скобках заметить: коалиция Гаазе и Шейдемана в правительстве кончилась, но политическая коалиция этих предателей социализма осталась. Доказательство: книги Каутского, статьи Штампфера в «Vorwärts», статьи каутскианцев и шейдемановцев об их «объединении» и так далее.

Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду: к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованиями, а *завоевывается* длинной, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата *за* сочувствие, *за* поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. *После* завоевания власти эта борьба *продолжается* только в *иных* формах. В русской революции обстоятельства сложились для пролетариата (в его борьбе за его диктатуру) исключительно благоприятно, ибо пролетарская революция произошла, когда весь народ был вооружен и когда все крестьянство

*) В печатном тексте: «Новая». *Ред.*
**) В печатном тексте слово «трудящихся» опущено. *Ред.*

хотело свержения власти помещиков, все крестьянство возмущено было «каутскианской» политикой социал-предателей, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но даже в России, где в момент пролетарской революции дела сложились исключительно благоприятно, где сразу получилось выдающееся единение всего пролетариата, всей армии, всего крестьянства, даже в России борьба пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся заняла месяцы и годы. За два года эта борьба почти кончена *), но не совсем еще кончена в пользу пролетариата. Мы только в два года завоевали окончательно сочувствие и поддержку подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевания сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян-эксплуататоров) Украины. Нас *может* задавить (и все же-таки **) не задавит) военная мощь Антанты, но *внутри* России за нами *теперь* такое прочное сочувствие такого огромного большинства трудящихся, что мир еще не видал государства более демократического.

Если вдуматься в эту сложную, трудную, долгую, богатую чрезвычайным разнообразием форм, необыкновенным обилием резких изменений, переломов, переходов от одной формы борьбы к другой, историю борьбы пролетариата за власть, то ясной станет ошибка тех, кто хочет «запретить» участие в буржуазном парламенте, в реакционных профессиональных союзах, в царских или шейдемановских комитетах рабочих старост, или в заводских Советах и так далее и тому подобное. Эта ошибка вызвана революционной неопытностью искреннейших, убежденнейших, героических революционеров из рабочего класса. Поэтому Карл Либкнехт и Роза Люксембург были тысячу раз правы, когда они в январе 1919 г. видели эту ошибку, указывали на нее, но предпочитали остаться вместе с ошибающимися, по не очень важному вопросу, пролетарскими революционерами, чем с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, которые не ошибались по вопросу об участии в буржуазном парламенте, но перестали быть социалистами, сделались мещанскими демократами, пособниками буржуазии.

Но все же ошибка остается ошибкой, и ее надо критиковать, за ее исправление надо бороться.

Борьба с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, должна быть беспощадной, но она должна идти не по линии за участие или против участия в буржуазных парламентах, реакционных профессиональных союзах и т. п. Это

*) В печатном тексте: «закончена». *Ред.*
**) В печатном тексте слово «таки» опущено. *Ред.*

было бы безусловной ошибкой, и еще большей ошибкой было бы отступление от идей марксизма и от его практической линии (крепкая, централизованная политическая партия) к идеям и практике синдикализма. Надо стремиться к тому, чтобы партия участвовала и в буржуазных парламентах, и в реакционных профессиональных союзах, и в «заводских *) Советах», шейдемановски урезанных и кастрированных, участвовала везде, где есть рабочие, где можно говорить к рабочим, влиять на рабочую массу. Надо во что бы то ни стало соединять нелегальную работу с легальной, систематически и неуклонно осуществляя строжайший контроль нелегальной партии, ее *рабочих* организаций, над легальной деятельностью. Это нелегко, — но «легких» задач, «легких» средств борьбы у пролетарской революции**) вообще нет и быть не может.

Эту нелегкую задачу надо во что бы то ни стало решить. Наше отличие от шейдемановцев и каутскианцев не только в том (и не главным образом в том), что они не признают вооруженного восстания, а мы признаем. Главное и коренное отличие то, что они на *всех* поприщах работы (и в буржуазных парламентах, и в профессиональных союзах, и в кооперативах, и в журналистике и т. д.) ведут непоследовательную, оппортунистическую или даже прямо***) изменническую и предательскую политику.

Против социал-предателей, против реформизма и оппортунизма — эту политическую линию можно и должно вести на *всех* без изъятия поприщах борьбы. И тогда мы завоюем рабочую массу. А с рабочей массой авангард пролетариата, марксистская централизованная политическая партия верным путем поведет народ к победоносной диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии на место буржуазной, к Советской республике, к социалистическому строю.

Третий Интернационал одержал ряд блестящих, невиданных побед в несколько месяцев. Быстрота его роста удивительна. Частные ошибки и болезни роста не страшны. Прямо и открыто критикуя их, мы добьемся того, что марксистски воспитанная рабочая масса всех культурных стран скоро прогонит от себя предавших социализм шейдемановцев и каутскианцев *всех* наций (а эти типы есть во всех нациях).

Победа коммунизма неизбежна. Победа будет за ним.

10 октября 1919 г. *Н. Ленин.*

«Коммунистический Интернационал» № 6, октябрь 1919 г.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) В печатном тексте слово «заводских» опущено. *Ред.*

**) В печатном тексте: «у пролетариата». *Ред.*

***) В печатном тексте слово «прямо» опущено. *Ред.*

ГОСУДАРСТВО РАБОЧИХ И ПАРТИЙНАЯ НЕДЕЛЯ [155]).

Партийная неделя в Москве совпала с трудным временем для Советской власти. Успехи Деникина вызвали отчаянное усиление заговоров со стороны помещиков, капиталистов и их друзей, усиление потуг буржуазии посеять панику, подорвать всяческими средствами твердость Советской власти. Колеблющиеся, шаткие, несознательные обыватели, а с ними интеллигенты, эс-эры, меньшевики стали, как водится, еще более шаткими и первые дали себя напугать капиталистам.

Но я считаю, что совпадение партийной недели в Москве с трудным моментом скорее для нас выгодно, ибо для дела полезнее. Нам нужна партийная неделя не для парада. Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся», есть наша партия — партия революционного рабочего класса. Мы не раз проводили перерегистрацию членов партии, чтобы изгнать этих «примазавшихся», чтобы оставить в партии только сознательных и искренне преданных коммунизму. Мы пользовались и мобилизациями на фронт и субботниками, чтобы очистить партию от тех, кто хочет только «попользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма.

И теперь, когда производится усиленная мобилизация на фронт, партийная неделя хороша тем, что не дает соблазна желающим примазаться. В партию мы зовем в широком числе только рядовых рабочих и беднейших крестьян, крестьян-тружеников, *а не* крестьян-спекулянтов. Этим рядовым членам мы не сулим и не даем никаких выгод от включения в партию. Напротив, на членов партии ложится теперь более тяжелая, чем обычно, и более опасная работа. Тем лучше. Пойдут в партию только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики,

только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс. Только таких членов партии нам и надо.

Не для рекламы, а для серьезной работы нужны нам новые члены партии. Их мы зовем в партию. Трудящимся мы открываем широко ее двери.

Советская власть есть власть трудящихся, борющаяся за полное свержение ига капитала. На эту борьбу первым поднялся рабочий класс городов и фабричных центров. Он одержал первую победу и завоевал государственную власть.

Он присоединяет к себе большинство крестьян. Ибо на сторону капитала, на сторону буржуазии тянет только крестьянин-торгаш, крестьянин-спекулянт, а не крестьянин-труженик.

Самые развитые, самые сознательные рабочие, рабочие Питера, больше всего сил отдали для управления России. Но мы знаем, что преданных интересам трудящейся массы и способных на руководящую работу людей очень и очень много среди рядовых рабочих и крестьян. Среди них очень много организаторских и администраторских талантов, которым капитализм не давал ходу, которым мы всячески помогаем и должны помогать выдвинуться и взяться за работу строительства социализма. Найти эти новые, скромные, невидные таланты нелегко. Нелегко привлечь к государственной работе рядовых рабочих и крестьян, которых веками подавляли и запугивали помещики и капиталисты.

Но именно эту нелегкую работу нам надо, обязательно надо производить, чтобы глубже черпать новые силы из рабочего класса, из трудящегося крестьянства.

Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие и трудящиеся крестьяне! Мы не сулим вам выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства. Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа посильна только тем, кто превзошел казенное образование.

Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне-труженики.

Масса трудящихся за нас. В этом наша сила. В этом источник непобедимости всемирного коммунизма. Больше новых работников из массы в ряды партии, для самостоятельного участия в строительстве новой жизни, — таков наш прием борьбы со всеми трудностями, таков наш путь к победе.

11 октября 1919 г.

«Правда» № 228, 12 октября 1919 г.
Подпись: Н. Ленин.

ТЕЛЕГРАММА ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ НАСТУПЛЕНИЯ ЮДЕНИЧА 14 ОКТЯБРЯ 1919 Г.

Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять десятых отделов. Мобилизация всех сил на фронт у нас еще нигде не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановление Центрального Комитета и циркулярные письма [156]). Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь югу.

«Красная Газета» № 241, 21 октября 1924 г.

РЕЧЬ К МОБИЛИЗОВАННЫМ РАБОЧИМ С БАЛКОНА МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д. 16 ОКТЯБРЯ 1919 Г.

Хроникерская запись.

Товарищи! Позвольте мне приветствовать рабочих Ярославской и Владимирской губерний, которые еще раз откликнулись на наш зов и дали лучшие свои силы для защиты рабоче-крестьянской республики. Вы знаете из газет, в которых мы печатаем всю правду, не скрывая ничего, какую новую и грозную опасность несут царский генерал Деникин взятием Орла и Юденич — угрозой красному Питеру. Но мы смотрим на эту опасность и боремся с нею, как всегда: мы обращаемся к сознательному пролетариату и трудовому крестьянству с призывом стать грудью на защиту своих завоеваний.

Положение чрезвычайно тяжелое. Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам.

Мы знаем, что во всем мире, во всех странах без исключения, революционное движение, хотя и медленнее, чем мы хотели бы, но неуклонно растет. И мы знаем также, что победа рабочего класса во всем мире обеспечена.

Как ни тяжелы жертвы, приносимые Россией, как она ни измучена и ни истерзана, она упорно борется за дело всех рабочих. Империалисты могут раздавить еще одну — две республики, но они не могут спасти мирового империализма. Ибо он обречен, ибо он будет сметен грядущим социализмом.

Вот почему приветствую вас, рабочие Владимирской и Ярославской губерний, в твердой уверенности, что вы своим личным примером поддержите дух Красной армии и поведете ее к победе.

Да здравствуют рабочие и крестьяне!

Да здравствует всемирная рабочая республика!

«Правда» № 232, 17 октября 1919 г.

К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА.

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!

В. Ульянов-Ленин.

17 октября.

«Петроградская Правда» № 257, 19 октября 1919 г.

Печатается по рукописи.

К ТОВАРИЩАМ-КРАСНОАРМЕЙЦАМ.

Товарищи-красноармейцы! Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге — еще раз напрягают силы, чтобы победить Советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов.

Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Не на долго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидав обман, испытав бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной армии побить Колчака. Оренбургские казаки перешли прямо на сторону Советской власти.

Вот почему мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и англичан.

Будемте же тверды, товарищи-красноармейцы! Рабочие и крестьяне все более сплоченно, все с большим сознанием, все более решительно становятся на сторону Советской власти.

Вперед! товарищи-красноармейцы. На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!

Н. Ленин.

19. X. 1919.

«Красноармеец» [157] *№ 10—15, октябрь 1919 г.*

Печатается по рукописи.

ИЗВЕСТИЯ Центрального Комитета Российской Коммунистической ПАРТИИ (большевиков)

№ 7. Вторник 22-го октября ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ № 7.

ИТОГИ ПАРТИЙНОЙ НЕДЕЛИ В МОСКВЕ И НАШИ ЗАДАЧИ.

В Москве во время партийной недели записалось в партию 13.600 человек.

Это успех громадный, совершенно неожиданный. Вся буржуазия и особенно мелкая городская буржуазия, включая горюющих о потере своего привилегированного, «господского», положения специалистов, чиновников, служащих, — вся эта публика как раз в последнее время, как раз в течение партийной недели в Москве из кожи вон лезла, чтобы сеять панику, чтобы пророчить Советской власти близкую гибель, Деникину — близкую победу.

И с каким великолепным искусством умеет эта «интеллигентская» публика пользоваться этим оружием сеяния паники! Ибо это стало настоящим оружием в классовой борьбе буржуазии против пролетариата. Мелкая буржуазия сливается в такие моменты, как переживаемый нами, в «одну реакционную массу» с буржуазией и «со страстью» хватается за это оружие.

Именно в Москве, где особенно силен был торговый элемент, где больше всего было сосредоточено эксплуататоров, помещиков, капиталистов, рантье, где капиталистическое развитие собрало вместе массы буржуазной интеллигенции, где центральное государственное управление создало особенно большое скопление чиновников, — именно в Москве поприще для буржуазной сплетни, для буржуазного злословия, для буржуазного сеяния паники было исключительно удобное. «Момент» удачного наступления Деникина и Юденича благоприятствовал «успехам» этого буржуазного орудия до чрезвычайной степени.

И тем не менее, из пролетарской массы, которая видела «успехи» Деникина и знала все трудности, тяжести, опасности, связанные как раз теперь со званием и должностью коммунистов, поднялись тысячи и тысячи для подкрепления партии коммунистов, для взятия на себя столь невероятно трудного бремени государственного управления.

Успех Советской власти, успех нашей партии прямо-таки замечательный!

Этот успех доказал и наглядно показал столичному населению, а за ним и всей республике и всему миру, что именно в глубинах пролетариата, именно среди настоящих представителей трудящейся массы заключается самый надежный источник силы и крепости Советской власти. Диктатура пролетариата в этом успехе добровольной записи в партию, в момент наибольших трудностей и опасностей, показала себя на деле *с той стороны*, которую злостно не хотят видеть враги и которую выше всего ценят действительные друзья освобождения труда от ига капитала, именно со стороны особой силы *морального* (в лучшем смысле слова) влияния пролетариата (владеющего государственной властью) на массы, со стороны *способов* этого влияния.

Передовые слои пролетариата, держа в руках государственную власть, своим примером показали массе трудящихся, показали в течение целых двух лет (срок громадный для нашего, исключительно быстрого темпа политического развития) *образец* такой преданности интересам трудящихся, такой энергии в борьбе с врагами трудящихся (эксплуататорами вообще и, в частности, с «собственниками» и спекулянтами), такой твердости в тяжелые минуты, такой беззаветности отпора разбойникам всемирного империализма, что сила *сочувствия* рабочих и крестьян своему авангарду оказалась *одна* в состоянии *творить чудеса.*

Ибо это — чудо: рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы...

Такими чудесами полна история нашей пролетарской революции. Такие чудеса приведут, наверное и непременно, — каковы бы ни были отдельные тяжелые испытания, — к полной победе всемирной Советской республики.

Нам надо позаботиться теперь о том, чтобы *правильно* использовать новых членов партии. Этой задаче надо уделить особенно много внимания, ибо задача эта нелегкая, задача эта новая, и старыми шаблонами ее не решить.

Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе. Новые члены партии, вступившие во время партийной недели, несомненно, в большинстве своем неопытны и в деле государственного управления неумелы. Но так же несомненно, что это — преданнейшие, искреннейшие и способнейшие

люди из тех общественных слоев, которые капитализм искусственно держал *внизу*, делал «низшими» слоями, не давал им подняться вверх. А силы, свежести, непосредственности, закаленности, искренности в них *больше*, чем в других.

Отсюда вытекает, что все партийные организации должны особо обдумать использование этих новых членов партии. Надо *смелее* давать им как можно более разнообразную государственную работу, надо быстрее испытать их практически.

Конечно, смелость нельзя понимать так, чтобы *сразу* вручать новичкам ответственные посты, требующие знаний, которыми новички не обладают. Смелость нужна в смысле борьбы с бюрократизмом: недаром наша партийная программа со всей определенностью поставила вопрос о причинах некоторого возрождения бюрократизма и о мерах борьбы против этого. Смелость нужна в смысле установления, во-первых, *контроля* за служащими, за чиновниками, за специалистами со стороны новых членов партии, хорошо знающих положение народных масс, их нужды, их требования. Смелость нужна в смысле *немедленного* предоставления этим новичкам возможности развернуться и показать себя на *широкой* работе. Смелость нужна в смысле ломки обычных шаблонов (у нас тоже заметна — увы! нередко — чрезмерная боязнь посягнуть на установленные советские шаблоны, хотя «устанавливают» их иногда не сознательные коммунисты, а старые чиновники и служащие); смелость нужна в смысле готовности с революционной быстротой изменять вид работы для новых членов партии, чтобы скорее испытать их и скорее найти им надлежащее место.

Во многих случаях новые члены партии могут быт поставлены на такие должности, когда, контролируя добросовестность исполнения своих задач старыми чиновниками, эти члены партии быстро научатся делу и смогут самостоятельно перенять его. В других случаях они могут быть поставлены так, чтобы обновить, освежить посредствующую связь между рабочей и крестьянской массой, с одной стороны, государственным аппаратом — с другой. В наших промышленных «главках и центрах», в наших земледельческих «советских хозяйствах» много, слишком еще много осталось саботажников, запрятавшихся помещиков и капиталистов, всячески вредящих Советской власти. Искусство опытных партийных работников в центре и на местах должно проявиться в том, чтобы усиленно использовать новые свежие партийные силы для решительной борьбы с этим злом.

Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их, с наибольшим сокращением всякой волокиты, всякой ненужной формалистики, с наибольшим упрощением аппарата, с наибольшим приближением его не только к нуждам массы, но и к ее пониманию, к ее самостоятельному участию в этом аппарате.

Усиленно происходит мобилизация старых членов партии на военную работу. Надо никоим образом не ослаблять, а все усиливать и усиливать эту работу. Но, вместе с тем, и в целях достижения успеха на войне надо улучшать, упрощать, освежать наш гражданский аппарат управления.

Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще.

У нас всего этого больше, чем у белых, больше, чем у «всемирно-могущественного» англо-французского империализма, этого колосса на глиняных ногах. У нас этого больше, ибо мы можем черпать и долго еще будем черпать все более и более глубоко из среды рабочих и трудящихся крестьян, из среды тех классов, которые капитализмом были угнетены и которые составляют везде подавляющее большинство населения. Мы можем черпать из этого обширнейшего резервуара, ибо он дает нам самых искренних, самых закаленных тяготами жизни, самых близких к рабочим и крестьянам вождей их в деле строительства социализма.

У наших врагов, ни у русской буржуазии, ни у всемирной, нет ничего даже отдаленно похожего на этот резервуар, у них все больше колеблется почва под ногами, у них все больше уходят бывшие их сторонники из рабочих и крестьян.

Вот почему, в последнем счете, обеспечена и неизбежна победа всемирной Советской власти.

21 октября 1919 г.

«Известия Ц.К. Р.К.П.(б.)» [159]
№ 7, 22 октября 1919 г.
Подпись: Н. Ленин.

РЕЧЬ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ 24 ОКТЯБРЯ 1919 Г.

Товарищи! Вы знаете, что сегодня собрало нас вместе не только желание отпраздновать окончание большинством из вас курсов советской школы, но также то обстоятельство, что около половины всего вашего выпуска приняло решение отправиться на фронт для того, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войскам.

Товарищи! Мы прекрасно знаем, какие громадные трудности причиняет всему нашему управлению и в городе, и, в особенности, в деревнях недостаток опытных, осведомленных товарищей. Мы прекрасно знаем, что те передовые рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов, те передовые товарищи, которые до сих пор несли на своих плечах, можно сказать, главную тяжесть управления страной при неслыханно трудных условиях, главную тяжесть объединения рабочих и крестьян и руководства ими, мы прекрасно знаем, что они чрезвычайно истощены теми, иногда сверхчеловеческими требованиями, которые предъявляет к ним защита Советской республики. Поэтому возможность собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются, — эта возможность представляет для нас громадную ценность, и мы с чрезвычайным трудом, с чрезвычайной неохотой и после долгих колебаний решились на то, чтобы около половины настоящего выпуска отдать на фронтовую работу. Но условия, которые сложились на фронте, таковы, что выбора не оставалось. И мы думали, что решение, которое было принято добровольно, и целью которого является отправление на фронт еще ряда лучших представителей, которые были бы очень полезны во всей административно-строительной работе, это решение вызывается обстоятельствами безусловной необходимости.

Товарищи, вы мне позволите вкратце остановиться на том положении, которое сложилось теперь на разных фронтах, чтобы вы могли судить о том, насколько экстренна эта необходимость.

На очень многих фронтах, которые раньше были весьма существенными и на которые неприятель возлагал громадные надежды, как раз в последнее время дело подходит к полной и, по всем признакам, к окончательной победе в нашу пользу. На Северном фронте, где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было неимоверно трудно бороться, — там, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно. Англичанам пришлось вывезти назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и что даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы, они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения.

Возьмите другой фронт — колчаковский. Вы знаете, что, когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торопилась возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь, и вы знаете, что мы подходили к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал. Было время, когда нам пришлось отойти, потому что местные рабочие и крестьяне опоздали со своей мобилизацией. Но сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне. И мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сломлен, и этим мы закончим год революции, в течение которого вся Сибирь была под властью Колчака, когда ему помогали и эс-эры, и меньшевики, которыми еще раз была проделана история соглашения с буржуазным правительством. Вы знаете, что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло,

потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое *практическое* сравнение (а крестьяне любят сравнения практические!), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать. Вот чем кончилась власть Колчака, и вот почему на этом фронте мы чувствуем себя наиболее прочно.

На Западном фронте мы видим, что наступление поляков приходит к концу. Они получали помощь от Англии, Франции и Америки, которые стремились раздуть старую ненависть Польши к великорусским угнетателям, пытаясь перенести ненависть польских рабочих к помещикам и царям, сто крат заслуженную, на русских рабочих и крестьян, заставляя их думать, что большевики так же, как русские шовинисты, мечтают о завоевании Польши. И на время этот обман им удался. Но у нас есть определенные признаки того, что время, когда действовал этот обман, проходит, что среди польских войск начинается разложение. И американские известия, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии к коммунизму, подтверждают, что среди польских крестьян все более усиливались требования закончить войну к первому октября во что бы то ни стало, и что стремления эти поддерживают даже самые патриотические из польских социал-шовинистов (П. П. С.), которые занимают место наших меньшевиков и эс-эров, все более усиленно оказывая сопротивление своему правительству. За это время настроение поляков сильно изменилось.

Остается два фронта — Петроградский и Южный, где разъигрываются наиболее серьезные события. Но и здесь все признаки говорят за то, что враг собирает последние силы. Мы имеем точные сообщения о том, что в Англии военный министр Черчилль и партия капиталистов предприняли эту военную авантюру на Петроград, чтобы показать возможность быстро покончить с Советской Россией, и что там английская пресса рассматривает эту авантюру, как последнюю ставку шовинистов и министра Черчилля, вопреки несомненной воле большинства населения.

Мы можем рассматривать петроградское нашествие, как меру помощи Деникину. Об этом мы можем заключить из положения на Петроградском фронте.

Вы знаете, что нам и латышское, и литовское, и эстонское правительства ответили согласием на предложение начать переговоры о мире. И естественно, что эти последние известия вызвали колебания в наших войсках, вызвали в них надежду, что война оканчивается. Переговоры уже начались. А в это время Англия собрала остатки своих судов и высадила несколько тысяч белогвардейцев, которые были снабжены великолепными техни-

ческими средствами. Но они не могут ввозить их к нам, не усыпивши народ обманом, потому что в Англии и Франции были случаи, что попытки грузить военные припасы на пароходы оканчивались неудачей, ибо портовые рабочие устраивали стачки и говорили, что они пароходов, которые везут истребительное снаряжение в Советскую Россию, не допустят. И английским империалистам приходилось брать из других стран это снаряжение, обманывая свой народ. Неудивительно поэтому, что они пустили на Советскую Россию несколько сотен или тысяч русских белогвардейских офицеров. В Англии существуют лагеря, где держат этих белогвардейских офицеров, кормят их и обучают для нашествия на Россию, говоря затем, что это — внутренняя война, вызванная террором большевиков. Лагери, которые наполнялись раньше нашими пленными, полны теперь русскими белогвардейскими офицерами. Этим и вызвано то, что, когда мы со стороны Литвы и Латвии ожидали перемирия, неприятель одержал в первые дни такие громадные успехи, бросив эти силы на Петроградский фронт. Вы теперь знаете, что на Петроградском фронте наступил перелом. Вы знаете из сообщений Зиновьева и Троцкого, что убыль уже пополнена, что прежние колебания пришли к концу, что наши войска наступают и наступают успешно, преодолевая самое отчаянное сопротивление. Эти бои отличаются необыкновенным ожесточением. Мне сообщил по телефону тов. Троцкий из Петрограда, что в Детском Селе, которое недавно взято нами, из отдельных домов стреляли белогвардейцы и оставшаяся буржуазия, оказывая самое упорное сопротивление, большее, чем во всех предыдущих боях. Неприятель чувствует, что происходит перелом всей войны и что Деникин находится в таком положении, когда надо помочь ему и отвлечь наши силы, направленные против него. Это им не удалось, можно сказать определенно! Все, чем мы помогли Петрограду, было взято без малейшего ослабления Южного фронта. Ни одна часть на Петроградский фронт не была отвлечена с юга, и та победа, которую мы начали осуществлять и которую мы доведем до конца, будет осуществлена без малейшего ослабления Южного фронта, на котором решится исход войны с помещиками и империалистами. Исход будет там, на Южном фронте, в недалеком будущем.

Товарищи, вы знаете, что на Южном фронте, с одной стороны, неприятель больше всего опирался на казаков, которые боролись за свои привилегии, а, с другой стороны, там больше всего было образовано полков добровольческой армии, которые, полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов. Здесь, поэтому, нам предстоит дать решающий бой, и здесь мы видим то же, что мы видели на примере Колчака, одержавшего вначале огромные победы, но чем дальше шли бои, тем больше

редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которые составляли главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян. Они умеют воевать чужими руками, они сами не любят жертвовать собой и предпочитают, чтобы рабочие рисковали головой ради их интересов. И когда Колчаку пришлось расширять свою армию, это расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной армии. Так кончил Колчак, так кончит и Деникин. Сегодня вы могли прочитать в вечерних газетах о восстаниях в тылу у Деникина, — Украина загорается. Мы имеем сообщение о событиях на Кавказе, где горцы, доведенные до отчаяния, бросились в наступление и обобрали полки Шкуро, отняв у них винтовки и снаряжение. Мы получили вчера иностранное радио, которое вынуждено было признать, что положение Деникина трудное: ему приходится пускать лучшие свои силы в бой, ибо Украина горит и на Кавказе восстание. Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда не было еще таких кровопролитных ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контр-революционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте. Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца.

Вот почему, как ни тяжела для нас эта жертва, — посылка на фронт сотен курсантов, собранных здесь и заведомо необходимых для работы в России, — мы тем не менее согласились на ваше желание. Там, на Южном и Петроградском фронтах, в ближайшие, если не недели, то во всяком случае месяцы, решается судьба войны. В такой момент всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других на фронте, где дорог каждый сознательный коммунист, прошедший школу.

Если в войсках произошло колебание, то оно вызвано тем, что народ устал от войны. Вы прекрасно знаете, какой голод, разруху и муку вынес за эти два года рабочий и крестьянин в борьбе против империалистов всего мира. Вы знаете, что

наиболее уставшие не выдерживают долго напряжения, и этим моментом пользуется неприятель, у которого лучше связь, командный состав и нет изменников, — и ударяет со всей силой. Этим-то и были вызваны неудачи на Южном фронте. Потому-то теперь самые сознательные представители рабочих и крестьян, обученные на военных курсах и на курсах, подобных вашим, должны организованно, сплоченно, поделившись на большие или маленькие группы по соглашению с военными властями, распределив между собой обязанности, двинуться на фронт, чтобы помочь войскам, среди которых появилась некоторая неустойчивость, где сильнее натиск врагов. Всякий раз в течение двухлетнего существования Советской власти, когда замечалась некоторая неустойчивость среди крестьянской массы, которая не видела и не знает советской работы, мы обращались за помощью к наиболее организованной части городского пролетариата и получали от него поддержку самую героическую.

Сегодня я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих, и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся». Вот, когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности, и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и гибнуть в отчаянных боях, — число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса.

Вот, товарищи, та великая, тяжелая и трудная задача которая лежит на ваших плечах. Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться с многочисленными проявлениями саботажа, вялости, обмана или измены. Вы знаете, что еще много таких проявлений в наших рядах и в командном составе. Тут нужны те, кто прошел известный курс науки, понимает политическое положение и умеет оказать помощь широким массам рабочих и крестьян в их борьбе с изменой

или саботажем. Кроме личной смелости, Советская власть ждет от вас, чтобы вы оказали всестороннюю помощь этим массам, чтобы вы прекратили всякие колебания среди них и показали, что у Советской власти есть силы, к которым она прибегает во всякую трудную минуту. Этих сил имеется у нас достаточное количество.

Теперь, повторяю, нам приходится идти на эту большую жертву лишь потому, что это главный и последний фронт, где по всем признакам в ближайшие недели или месяцы решится судьба всей гражданской войны. Здесь мы можем раз-на-всегда нанести неприятелю такой удар, от которого он не оправится. И после кровавой борьбы с белогвардейцами, — борьбы, которую они нам навязали, — мы перейдем, наконец, к нашему делу, делу настоящего строительства, более свободные, с удесятеренной энергией. Вот почему, товарищи, я приветствую тех из вас, кто берет на себя сейчас эту труднейшую и величайшую задачу борьбы до конца в передовых рядах на фронте, и прощаюсь с ними в полной уверенности, что они принесут нам полную и окончательную победу.

«Правда» №№ 240 и 241, 26 и 28 октября 1919 г.

ТОВАРИЩУ ЛОРИО И ВСЕМ ФРАНЦУЗСКИМ ДРУЗЬЯМ, ПРИМКНУВШИМ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Дорогой друг,

от всего сердца благодарю за ваше письмо, тем более ценное для нас, что мы лишь очень редко получаем от вас новости.

Во Франции, как и в Англии, победивший империализм не только обогатил некоторое количество мелких буржуа, но он оказался также в состоянии бросить подачку верхнему слою рабочих, пролетарской аристократии, бросив ему несколько крох от своей империалистической добычи, от грабежа колоний и т. д.

Но кризис, вызванный войной, настолько серьезен, что даже в странах победительницах трудящиеся массы неизбежно осуждены на ужасающую нищету. Отсюда — быстрый рост коммунизма, растущая симпатия к Советской власти, к III Интернационалу.

Само собой разумеется, вам придется еще выдержать долгую борьбу особенно с утонченными оппортунистами типа Лонгэ; впрочем, «испытанные» парламентарии и политиканы будут еще неоднократно пытаться отделаться словами, когда речь идет о революционной тактике и о диктатуре пролетариата. На самом же деле они будут продолжать обманывать пролетариат новыми увертками, как это делали Лонгэ, Мергейм и К° 21 июля. Они будут продолжать свою старую оппортунистическую политику, которая заключается в том, чтобы мешать революции и вредить ей всеми способами. Во Франции и в Англии старые разложившиеся вожди рабочих будут делать тысячи попыток этого рода. Но мы вполне уверены в том, что коммунисты, работая в тесном контакте с массами пролетариата, смогут парализовать и разбить эти попытки. Чем более энергичны и тверды будут коммунисты в своей линии, тем скорее они одержат полную победу.

С коммунистическим приветом

Москва, 28 октября 1919 г. *Ленин.*

Впервые напечатано 9 января 1920 г. в газете «La Vie Ouvrière» [159]) *№ 56.*

Перевод с французского.

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ПО ПОВОДУ РАСКОЛА [160]).

ТОВАРИЩАМ ПАВЛУ ЛЕВИ, КЛАРЕ ЦЕТКИНОЙ, ЭБЕРЛЕЙНУ И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

28. X. 1919.

Дорогие друзья! Я послал Вам для печати помеченное 10. X. 1919 письмо: «Привет французским, итальянским и германским коммунистам» *) и в нем коснулся, между прочим, ваших разногласий с сторонниками бойкота, полусиндикалистами и т. п. Сегодня из правительственной германской радио (из Науэна) я узнаю о расколе Вашей партии: хотя источник и грязный, но вероятно в данном случае он прав, ибо письма наших друзей из Германии говорят о возможности раскола.

Не верится только тому сообщению этого радио, что вы, имея 25 голосов против 18, *исключили* из партии меньшинство, которое будто бы потом создало свою партию. Я очень мало знаю об этой отколовшейся оппозиции, видал только некоторые №№ берлинской «Rote Fahne». Очень талантливые агитаторы, неопытные, молодые в роде наших «левых коммунистов» (по неопытности и молодости) 1918 г., — таково мое впечатление. При наличности согласия *в основном* (за власть Советов против буржуазного парламентаризма), объединение, по-моему, возможно и необходимо — так же, как необходим раскол с каутскианцами. Если раскол оказался неизбежным, надо постараться не разжигать его, обратиться за посредничеством к Исполнительному Комитету III Интернационала, заставить «левых» формулировать, в тезисах и в брошюре, их разногласия. С точки зрения интернациональной, восстановление единства Коммунистической партии Германии и возможно и необходимо. Крайне рад был бы получить от Вас письмецо на эту тему. Прилагаю также письмо к отколовшимся [161]) — надеюсь, Вы передадите его одновременно с на-

*) См. настоящий том, стр. 475 — 483. *Ред.*

печатанием моей статьи, вполне признающей вашу правоту, статьи, написанной *до* получения вести о расколе.

Крепко жму руки и горячо желаю успехов в трудной работе. Во всем мире движение коммунистическое растет превосходно — медленнее, чем бы хотели, но широкое, мощное, глубокое и непобедимое. Как и в России, везде обрисовалась стадия господства «меньшевиков и социалистов-революционеров» («II Интернационала»). За этим господством придет господство коммунистов и победа диктатуры пролетариата и Советской власти.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин.

Публикуется впервые. *Печатается по рукописи.*

ТОВАРИЩУ СЕРРАТИ И ИТАЛЬЯНСКИМ КОММУНИСТАМ [162]).

Дорогой друг,

известия, получаемые нами из Италии, очень скудны и идут только из иностранных некоммунистических газет. Мы узнали о вашем съезде в Болонье и о блестящей победе коммунизма. От всей души поздравляю вас и других итальянских коммунистов и желаю вам еще большего и лучшего успеха.

Пример Итальянской социалистической партии окажет громадное влияние в целом мире. Особенно ваше решение об участии в выборах в буржуазный парламент кажется мне весьма правильным. Надеюсь, что оно посодействует изжитию разногласий, возникших в данное время среди немецких коммунистов по этому вопросу.

Не сомневайтесь, что явные или тайные оппортунисты — а их много в Итальянской социалистической парламентской группе! — попытаются аннулировать решения съезда в Болонье. Борьба с этими тенденциями еще не закончена, но победа в Болонье облегчит вам другие победы.

В связи с международным положением Италии, перед итальянским пролетариатом стоят еще очень трудные задачи. . . . . .
. . . .
. . . . *).

С коммунистическим приветом

Ленин.

Москва, 29 октября 1919.

Впервые напечатано 6 декабря 1919 г. в газете «Avanti!» № 338.

Перевод с итальянского.

---

*) Конец письма выброшен итальянской цензурой. *Ред.*

1

Экономика и политика
в эпоху диктатуры пролетариата

К двухлетнему юбилею советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удается пока дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать попытку краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но, может быть, для небольшой журнальной статьи окажется все же достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран.

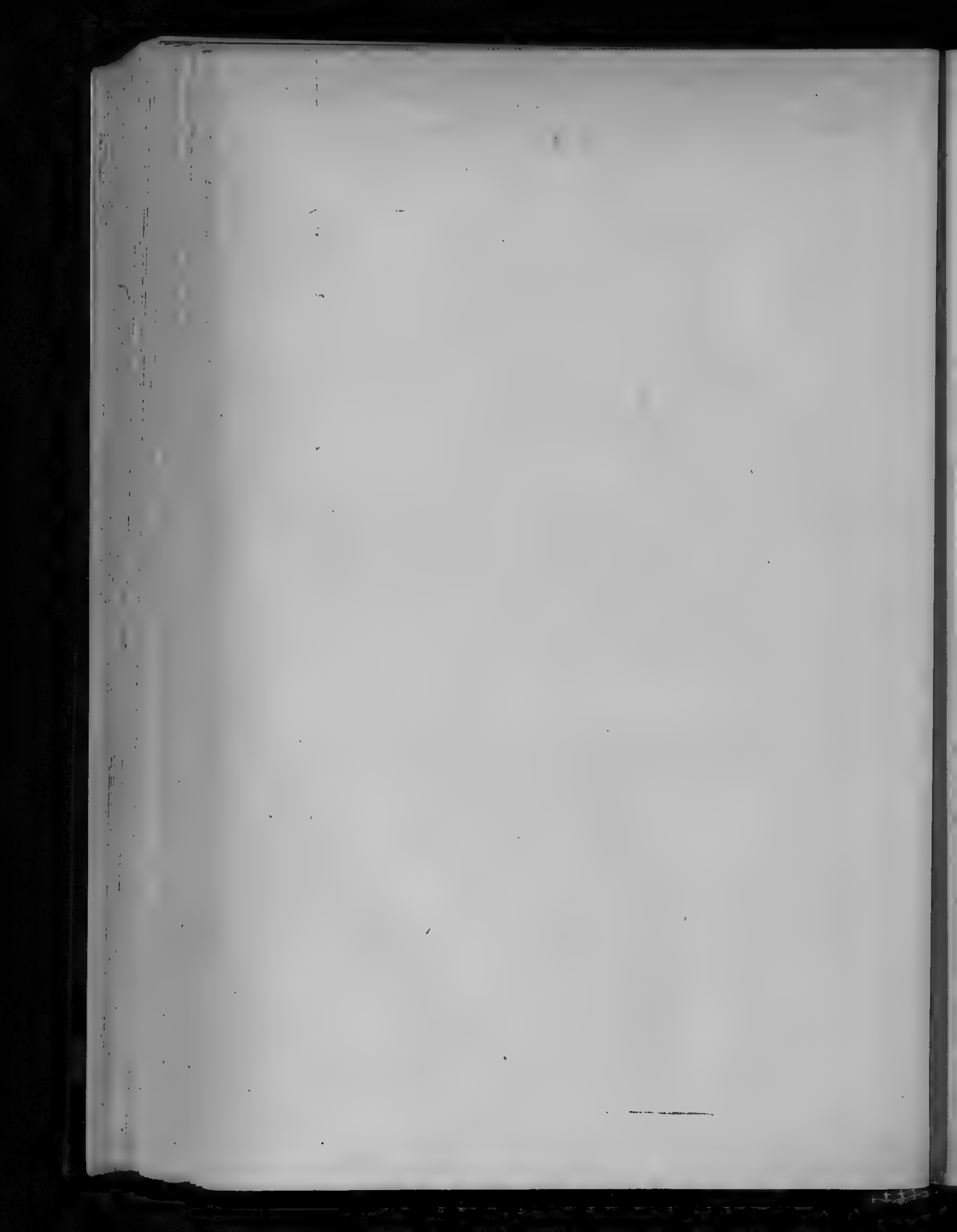
1.

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И однако все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему якобы

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» — 1919 г.

Уменьшено

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА [163]).

К двухлетнему юбилею Советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удалось до сих пор пойти дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать опыт краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но может быть для небольшой журнальной статьи окажется тем не менее достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран.

I.

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И однако все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелко-буржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему якобы социалистическому ярлычку, все представители II Интернационала, включая таких людей, как Макдональд и Жан Лонгэ, Каутский и Фридрих Адлер), отличаются полным забвением этой самоочевидной

истины. Мелко-буржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

II.

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелко-буржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного *).

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом.

Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в обще-национальном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о «первых шагах» коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 г.), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью, или иными словами: осуществление этих условий находится лишь в начальной стадии. Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября 1917 г.), отменена частная собственность на землю, без вознаграждения

*) В печатном тексте: «так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного». *Ред.*

крупных собственников, экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспроприированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и так далее. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами, — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено, но по отношению к земледелию это только-только начато («советские хозяйства», крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только-только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от мелкого товарного земледелия к коммунистическому *). То же самое надо сказать про государственную организацию распределения продуктов взамен частной торговли, т.-е. государственную заготовку и доставку хлеба в города, промышленных продуктов в деревню. Ниже будут приведены имеющиеся по этому вопросу статистические данные.

Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы: мешечничество и спекуляция **) против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), — вообще против государственного распределения продуктов.

III.

Чтобы иллюстрировать эти абстрактные теоретические положения, приведем конкретные данные.

Государственная заготовка хлеба в России, по данным Компрода (Народного Комиссариата Продовольствия), с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. дала около 30 миллионов пудов. За следующий год — около 110 миллионов пудов. За первые три месяца следующей (1919 — 1920) кампании заготовки, видимо, достигнут цифры около 45 миллионов пудов против 37 миллионов пудов за те же месяцы (август — октябрь) 1918 года.

Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это

*) Число советских хозяйств и земледельческих коммун в Советской России определяется приблизительно в 3.536 и 1.961, число земледельческих артелей в 3.696. Наше Центральное Статистическое Управление производит в настоящее время точную перепись всех советских хозяйств и коммун. Итоги начнут поступать в ноябре 1919 года.

**) В печатном тексте: «спекуляция, направленные». *Ред.*

улучшение достигается несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы, диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удается.

Насколько именно победили мы уже капитализм в тот краткий срок, который был нам дан, и при тех невиданных в мире трудностях, при которых пришлось действовать, видно из следующих итоговых цифр. Центральное Статистическое Управление только что приготовило для печати данные о производстве и потреблении хлебов не по всей Советской России, а по 26 губерниям ее.

Итоги получились такие:

26 губерний Советской России	Население (миллионы)	Производство хлеба (без семян и без кормов) (миллионы пудов)	Доставлено хлеба: Компродом (миллионы пудов)	Мешечниками	Все количество хлеба, коим располагало население (миллионы пудов)	Потребление хлеба на 1 душу (пудов)
Производящие губернии	Города 4,4	—	20,9	20,6	41,5	9,5
	Села 28,6	625,4	—	—	481,8	16,9
Потребляющие губернии	Города 5,9	—	20,0	20,0	40,0	6,8
	Села 13,8	114,0	12,1	27,8	151,4	11,0
Всего (26 губ.)	52,7	739,4	53,0	68,4	714,7	13,6

Итак, приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешечники. Точное обследование питания городских рабочих в 1918 г. дало именно эту пропорцию. При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит *в девять раз меньше*, чем мешечникам. Спекулятивная цена хлеба *вдесятеро* выше государственной цены. Так говорит точное изучение рабочих бюджетов.

IV.

Приведенные данные, если хорошенько вдуматься в них, дают точный материал, рисующий все основные черты современной экономики России.

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг, по величине его, по размерам, по быстроте невиданный в мире, не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелко-буржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно объявляя ее «демократией» вообще или «чистой демократией» (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина.* Впервые крестьянин увидал свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода. Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю «по едокам».

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и при том *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками.* Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую, часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,— крестьянина работника от крестьянина торгаша,— крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть* социализма.

И неудивительно, что социалисты на словах, мелко-буржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К°) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно, и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, торгаши, спекулянты и *их* государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного *) хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом.

Приведенные нами выше статистические данные показывают наглядно разницу между крестьянином трудящимся и крестьянином спекулянтом. Вот тот крестьянин, который дал в 1918—1919 г. голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным, ценам, в руки государственных органов, несмотря на все недостатки этих органов, прекрасно сознаваемые рабочим правительством, но не устранимые в первый период перехода к социализму, вот этот крестьянин есть крестьянин трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала. А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых

*) В печатном тексте: «экономическая обстановка товарного». *Ред.*

вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего и так далее *), иметь излишки хлеба и спекулировать ими, значит быть эксплуататором голодного рабочего.

Вы — нарушители свободы, равенства, демократии, — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин труженик. Но с крестьянином спекулянтом мы никогда не признаем равенства, как не признаем «равенства» эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, «свободы» первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми.

V.

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противопоставлен **) буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это — *особые* задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат ***) не ставил и не мог ставить.

*) В печатном тексте слова «и так далее» опущены. *Ред.*
**) В печатном тексте: «противоположен». *Ред.*
***) В печатном тексте: «пролетариат себе». *Ред.*

Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз. «Искусство» государственного, военного, экономического управления дает им перевес очень и очень большой, так что их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения. Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т.-е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменять этого понятия (как делают все герои II Интернационала) реформистскими иллюзиями.

Наконец, крестьянство, как и всякая *) мелкая буржуазия вообще, занимает *и* при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, объединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это — обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее, мелко-буржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания «демократии» — вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую

*) В печатном тексте: «вся». *Ред.*

фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.

Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле *уничтожения классов*. Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. А если не забывать ее, то становится очевидным, что пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и что для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

(Продолжение следует.) *)

30. X. 1919.

«Коммунистический Интернационал» № 6, 7 ноября 1919 г. Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) Статья не закончена. *Ред.*

ПРИВЕТ ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ.

В день двухлетней годовщины Советской республики первого привета заслуживают петроградские рабочие. Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма.

Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской республики удерживают победоносно это знамя вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения. Два года социалистического строительства дали нам, несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военное нашествие всемирного империализма, дали нам большой опыт, дали укрепление Советской власти.

Сочувствие рабочих всего мира на нашей стороне. Медленно и трудно, но неуклонно зреет во всех странах пролетарская революция, и зверские насилия буржуазии только обостряют борьбу, только ускоряют победу пролетариата.

Как раз в последние дни английские реакционеры империалисты поставили последнюю свою карту на взятие Петрограда. Буржуазия всего мира, и русская особенно, уже предвкушала победу. Но вместо победы они получили поражение под Петроградом.

Войска Юденича разбиты и отступают.

Товарищи-рабочие, товарищи-красноармейцы! Напрягите все силы! Во что бы то ни стало преследуйте отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить как можно сильнее, чтобы добить врага.

Да здравствует Красная армия, побеждающая царских генералов, белогвардейцев, капиталистов! Да здравствует международная Советская республика!

Н. Ленин.

5. XI. 1919.

«Петроградская Правда» № 255, 7 ноября 1919 г.

Печатается по рукописи.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Двухлетняя годовщина Советской власти заставляет нас бросить общий взгляд на осуществленное за это время и вдуматься в значение и цели совершенного переворота.

Буржуазия и ее сторонники обвиняют нас в нарушении демократии. Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и в глубь, и в ширь, при том демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс, — следовательно, демократии для громадного большинства народа, следовательно, демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых).

Кто прав?

Хорошенько вдуматься в этот вопрос, глубже понять его — значит учесть опыт двух лет и лучше приготовиться к его дальнейшему развитию.

Положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией, особенно наглядно отвечает на поставленный вопрос.

В буржуазной республике (т.-е. где есть частная собственность на землю, фабрики, заводы, акции и проч.), хотя бы это была самая демократическая республика, положение женщины *нигде в мире, ни в одной самой передовой стране* не стало вполне равноправным. И это несмотря на то, что со времени Великой Французской (буржуазно-демократической) революции прошло более $1^1/_4$ века.

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика *не дала* ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины.

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов *свободы и*

равенства, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

Советская или социалистическая демократия отметает прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную войну лицемерию «демократов», помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков хлеба голодным рабочим.

Долой эту гнусную ложь! Не может быть, нет и не будет «равенства» угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца.

Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— *Какого класса с каким классом?*

— Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не *ставя* этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов — тот худший враг трудящихся, тот волк в овечьей шкуре, тот злейший противник рабочих и крестьян, тот слуга помещиков, царей, капиталистов.

За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира.

Просвещение, культура, цивилизация, свобода, — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно подлыми, отвратительно грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелко-хозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

Долой эту ложь! Долой лжецов, говорящих о свободе и равенстве *для всех*, пока есть угнетенный пол, пока есть угнетающие классы, пока есть частная собственность на капитал, на акции, пока есть сытые своими излишками хлеба, кабалящие голодных. Не свобода *для* всех, не равенство *для* всех, а *борьба* с угнетателями и эксплуататорами, *уничтожение возможности* угнетать и эксплуатировать. Вот наш лозунг!

Свобода и равенство для угнетенного пола!

Свобода и равенство для рабочего, для трудящегося крестьянина!

Борьба с угнетателями, борьба с капиталистами, борьба со спекулянтом-кулаком!

Вот наш боевой лозунг, вот наша пролетарская правда, правда борьбы с капиталом, правда, которую мы бросили в лицо миру капитала с его слащавыми, лицемерными, напыщенными фразами о свободе и о равенстве *вообще*, о свободе и о равенстве *для всех*.

И именно потому, что мы сорвали маску этого лицемерия, что мы осуществляем с революционной энергией свободу и равенство для угнетенных и для трудящихся, против угнетателей, против капиталистов, против кулаков,— именно поэтому стала так дорога рабочим всего мира Советская власть.

Именно поэтому в день двухлетней годовщины Советской власти во всех странах мира сочувствие рабочих масс, сочувствие угнетенных и эксплуатируемых — на нашей стороне.

Именно поэтому в день двухлетней годовщины Советской власти, несмотря на голод и холод, несмотря на все наши бедствия, причиняемые нам нашествием империалистов на Российскую Советскую республику, мы полны твердой веры в правоту нашего дела, твердой веры в неминуемую победу всемирной Советской власти.

«Правда» № 249, 6 ноября 1919 г.
Подпись: Н. Ленин.

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Главную массу читателей «Бедноты» составляют крестьяне. И в день двухлетней годовщины Советской власти, приветствуя десятки миллионов трудящихся крестьян, освобожденных от ига помещиков и капиталистов, я скажу несколько слов по поводу этого освобождения.

Советская власть, власть трудящихся, власть, которая свергла иго капитала, борется в России с неслыханными, невероятными трудностями.

Помещики и капиталисты России, а затем и всего мира, с бешеной ненавистью воюют против Советской власти, боясь ее примера, боясь, что она привлечет на свою сторону сочувствие и поддержку рабочих всего мира.

Заговоры внутри страны, подкуп чехо-словаков, высадка иностранных войск в Сибири, в Архангельске, на Кавказе, на юге, под Петроградом, сотни миллионов рублей, выкидываемые на помощь Колчаку, Деникину, Юденичу и другим царским генералам, — все пускают в ход капиталисты всех стран, накопившие миллионы и миллиарды на военных поставках, все пускают в ход, чтобы свергнуть Советскую власть.

И все тщетно. Советская власть стоит твердо, побеждая эти невиданные и неслыханные трудности, преодолевая самые отчаянные страдания, причиняемые войной, блокадой, голодом, бестоварьем, разрушением транспорта, разорением всей страны.

Советская власть в России уже привлекла на свою сторону рабочих всего мира. Нет ни одной страны, где бы не говорили о большевизме и о Советской власти.

Капиталисты говорят о ней с ненавистью, с бешеной злобой, клевещут и лгут без конца. Но как раз злобой своей они выдают себя, и рабочие всего мира в массе своей отворачиваются от старых вождей и переходят на сторону Советской власти.

Советская власть задавлена и замучена натиском врагов на Россию. Но Советская власть тем не менее уже победила весь мир — победила в том смысле, что сочувствие масс трудящихся повсюду уже завоевано нами.

Победа во всем мире Советской власти дело обеспеченное. Вопрос только во времени.

Почему тверда Советская власть, несмотря на неслыханные тяжелые испытания и мучения голода и трудности, создаваемые войной и разрухой?

Потому, что она есть власть самих трудящихся, власть миллионов рабочих и крестьян.

Рабочие держат в руках государственную власть. Рабочие помогают миллионам крестьян-тружеников.

Советская власть свергла помещиков и капиталистов и твердо защищает народ от попыток восстановления их власти.

Советская власть всю силу своей помощи несет крестьянам-труженикам, беднейшим и средним крестьянам, которые составляют огромное большинство.

Советская власть не даст ходу кулаку, богатею, собственнику, спекулянту, тому, кто хочет наживаться не работая, тому, кто хочет разбогатеть на нужде и голоде народа.

Советская власть — *за* трудящихся, *против* спекулянтов, собственников, капиталистов, помещиков.

Вот в чем источник силы и твердости, источник непобедимости во всем мире Советской власти.

Десятки и сотни миллионов рабочих и крестьян во всем мире переносили гнет, надругательство, грабеж помещиков и капиталистов. А старое государство, и монархии и «демократические» (якобы демократические) республики помогали эксплуататорам, притесняли трудящихся.

Это знают, это видели, это испытали, это переживали и переживают десятки и сотни миллионов рабочих и крестьян всех стран.

Более четырех лет длилась империалистская война, десятки миллионов людей убиты и искалечены — из-за чего? Из-за дележа добычи капиталистов, из-за рынков, из-за прибыли, из-за колоний, из-за власти банков.

Хищники германского империализма побеждены хищниками англо-французского империализма, которые теперь с каждым днем разоблачают себя как разбойники и грабители, угнетатели трудящихся, богатеющие на народной нужде, притесняющие слабые народы.

Вот почему растет во всем мире сочувствие рабочих и крестьян к Советской власти.

Тяжелая, трудная борьба против капитала начата победоносно в России. Эта борьба ширится во всех странах.

Эта борьба кончится победой Всемирной Советской республики.

«Беднота» № 478, 7 ноября 1919 г.

Подпись: Ленин.

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ В.Ц.И.К., МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д., В.Ц.С.П.С. И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ, ПОСВЯЩЕННОМ ДВУХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 7 НОЯБРЯ 1919 Г.

Товарищи! Два года тому назад, когда еще кипела империалистская война, восстание русского пролетариата, завоевание им государственной власти казалось всем сторонникам буржуазии в России, казалось массам народным и, пожалуй, большинству рабочих остальных стран смелой, но безнадежной попыткой. Казалось тогда, что всемирный империализм — такая громадная, непобедимая сила, что рабочие отсталой страны, делая попытку восстать против него, поступают, как безумцы. А теперь, оглядываясь назад, на пройденные два года, мы видим, что правоту нашу начинают признавать все более и более и наши противники. Мы видим, что империализм, который казался таким непреодолимым колоссом, оказался на глазах у всех колоссом на глиняных ногах, и те два года, которые мы пережили и боролись, они знаменуют все яснее и яснее победу не только русского, но и международного пролетариата.

Товарищи, в первый год существования нашей власти нам приходилось наблюдать могущество германского империализма, страдать от насильнического и хищнического мира, который нам был навязан, нам приходилось в одиночку бросать свой призыв к революции, не встречая поддержки и отклика на наш призыв. И если первый год нашей власти был первым годом нашей борьбы с империализмом, то мы скоро могли убедиться в том, что борьба различных частей этого гигантского международного империализма есть не что иное, как только предсмертная судорога, и что в этой борьбе заинтересован и империализм Германии, и империализм англо-французской буржуазии. Мы выяснили за этот год, что данная борьба только укрепляет, только увеличивает и восстанавливает наши силы и обращает эти силы против всего империализма. И если мы такое положение создали в течение первого года, то в течение всего второго года мы стали

лицом к лицу с нашим врагом. Были пессимисты, которые еще в прошлом году сильно обрушивались на нас, говоря, что Англия, Франция и Америка — это такая огромная, такая гигантская сила, которая раздавит нашу страну. Прошел год, и вы видите, что если этот первый год можно назвать годом могущества международного империализма, то второй год будет назван годом нашествия англо-германского империализма и победы над этим нашествием, победы над Колчаком и Юденичем и началом победы над Деникиным.

А мы знаем прекрасно, что все те военные силы, которые были пущены на нас, были направлены из определенного источника. Мы знаем, что империалисты давали им все военное снабжение, все вооружение; мы знаем, что они всемирный военный свой флот передали частично нашим врагам, и теперь они всемерно помогают и подготовляют силы и на юге России, и в Архангельске. Но мы знаем прекрасно, что все эти, казалось, грандиозные и непобедимые силы международного империализма ненадежны, нестрашны для нас, что они гнилы внутри, что они все сильнее и сильнее укрепляют нас и что это укрепление даст нам возможность одержать победу на внешнем фронте и дойти в этой победе до конца. Я не буду останавливаться на этом, потому что эту задачу достаточно ясно обрисует тов. Троцкий.

Мне кажется, нам надо теперь попытаться извлечь общие уроки из двухлетнего героического строительства.

То, что, на мой взгляд, составляет самый важный вывод из двухлетнего строительства Советской республики, что, в моих глазах, является всего важнее для нас — это урок строительства рабочей власти. Мне кажется, что в этом отношении нам не надо ограничиваться теми конкретными, отдельными фактами, касающимися работы того или иного комиссариата и которые большинству из вас известны по собственному опыту. Мне кажется, нам надо теперь, бросая взгляд на пережитое, извлечь общий урок из этого строительства, урок, который мы усвоим и понесем более широко в трудящиеся массы. Это — тот урок, что только участие рабочих в общем управлении государством дало нам возможность устоять в таких неимоверных трудностях и что, только идя по этому пути, мы добьемся полной победы. Другой урок, который мы должны вывести, это — правильное отношение к крестьянам, к громадной массе многомиллионного крестьянства, ибо только оно позволило нам с успехом при всех трудностях жить, и только оно указывает путь, идя по которому мы переходим от успеха к успеху.

Если вы припомните прошедшее, если припомните первые шаги Советской власти, если припомните все строительство республики во всех отраслях управления, не исключая и военного

дела, вы увидите, что власть рабочего класса два года тому назад, в Октябре, была только началом, когда аппарат государственной власти в действительности еще в наших руках не был, и вы, бросая взгляд на пережитые два года, согласитесь со мной, что в каждой отрасли — военной, политической и экономической — приходилось завоевывать пядь за пядью каждую позицию для создания настоящего аппарата государственной власти, отметая с пути тех, которые до нас были еще во главе рабочих и трудящихся масс.

Нам особенно важно понять прошедшее за это время развитие, потому что во всех странах мира это развитие идет тем же путем. Рабочие и трудящиеся массы первые шаги делают не со своими настоящими руководителями, — теперь пролетариат сам берет в свои руки управление государством, политическую власть, во главе его мы видим повсюду вождей, которые уничтожают старые предрассудки мелко-буржуазной демократии, старые предрассудки, выразителями которых у нас являются меньшевики и эс-эры, а во всей Европе — представители буржуазных правительств. Прежде это было исключением, теперь это стало общим правилом. И если в Октябре, два года тому назад, буржуазное правительство в России — его союз, его коалиция с представителями меньшевиков и эс-эров — было сломлено, мы знаем, как нам, строя нашу работу, приходилось потом каждую отрасль управления переделывать таким образом, чтобы действительно настоящие представители, революционные рабочие, чтобы действительно авангард пролетариата взял в свои руки строительство власти. Это было в Октябре, два года тому назад, когда работа шла с чрезвычайным напряжением; тем не менее мы знаем и должны сказать, что эта работа и сейчас не закончена. Мы знаем, как старый аппарат государственной власти оказал нам сопротивление, как чиновники пытались сначала отказаться от управления, — этот самый грубый саботаж был сломлен в несколько недель пролетарской властью, когда она показала, что ни малейшего впечатления на нее этим отказом не произведешь; и после того, как мы сломали этот грубый саботаж, как тот же враг пошел другим путем...

Сплошь и рядом бывало, что даже рабочее управление строилось сторонниками буржуазии; нам пришлось войти в это дело так, чтобы целиком применить силу рабочих. Возьмем, например, ту эпоху, которую нам пришлось пережить во время железнодорожного управления, когда во главе железнодорожного пролетариата стояли люди, ведшие его не по пролетарскому, а по буржуазному пути [164]). Мы знаем, что во всех отраслях, где только мы могли покончить с буржуазией, мы это делали, но чего нам это стоило! В каждой области мы завоевывали пядь за пядью и выдвигали силы рабочих, ставя своих передовых людей,

которые прошли трудную школу организации управления государственной власти. Может быть, со стороны глядя, все это дело не представляет из себя большой трудности, но на самом деле, если вникнуть, то вы увидите, с каким трудом рабочие, пережившие все этапы борьбы, добились своих прав, как они поставили дело от рабочего контроля до рабочего управления промышленностью, или в железнодорожном деле, начиная с пресловутого Викжеля, поставили работоспособный аппарат; вы увидите, как представители рабочего класса понемногу входят во все наши организации, укрепляя их своей деятельностью. Возьмем, например, кооперацию, где мы видим громадные цифры рабочих представителей. Мы знаем, что она раньше состояла почти целиком из представителей нерабочего класса. И здесь, в старой кооперации, мы встречали людей, проникнутых взглядами и интерсами старого буржуазного общества. В этом отношении рабочим приходилось много бороться, чтобы взять власть в свои руки и подчинить кооперацию своим интересам, чтобы провести более плодотворную работу.

Но самую важную работу мы проделали в области перестройки старого государственного аппарата, и, хотя трудна была эта работа, но мы в течение двух лет видим результаты усилий рабочего класса и можем сказать, что мы в этой области имеем тысячи представителей рабочих, которые прошли весь огонь борьбы, шаг за шагом выталкивая представителей буржуазной власти. Мы видим рабочих не только у государственного аппарата, но мы видим представителей их в продовольственном деле, в той области, где были почти исключительно представители старого буржуазного правительства, старого буржуазного государства. Рабочими создан продовольственный аппарат, и если мы год тому назад не могли еще вполне справиться с этим аппаратом, если год тому назад представителей рабочих там было только 30%, то теперь во внутреннем строительстве продовольственного аппарата мы можем насчитать до 80% представителей рабочих. Этими простыми, наглядными цифрами мы можем выразить тот шаг, который сделала страна, и для нас важно, что мы добились больших результатов в построении пролетарской власти после политического переворота. Кроме того, рабочими проделана и проделывается самая важная работа — создание вождей пролетариата. Десятки и сотни тысяч отважных рабочих выделяются из вашей среды и бросаются против белогвардейских генералов. Шаг за шагом мы отвоевываем у нашего врага власть, и если раньше рабочие не вполне владели этим делом, то теперь мы постепенно завоевываем у нашего врага одну область за другой, и никакие трудности не остановят пролетариата. Каждую область постепенно, одну за другой, не взирая ни на какие трудности, пролетариат завоевывает и привлекает представителей пролетарских

масс для того, чтобы в каждой области управления, в каждой маленькой ячейке, снизу до верху — чтобы везде представители пролетариата сами прошли школу строительства, сами выработали десятки и сотни тысяч людей, способных все дела государственного управления, государственного строительства вести самостоятельно.

Товарищи! В последнее время мы наблюдали особенно блестящий пример того, каким успехом сопровождалась наша работа. Мы знаем, как широко распространились среди сознательных рабочих субботники. Мы знаем наиболее измученных голодом и холодом представителей коммунизма, которые в тылу приносят не меньшую пользу, чем Красная армия приносит на фронте; мы знаем, как в критический момент, когда неприятель наступал на Петроград, а Деникин взял Орел, когда буржуазия вдохновилась и прибегла к своему последнему излюбленному орудию — сеянию паники, мы об'явили тогда партийную неделю. В такой момент рабочие-коммунисты шли к рабочим и трудящимся, к тем, кто больше всего от тяжести империалистской войны страдал и от голода и холода мучился, к тем, на кого больше всего рассчитывали буржуазные сеятели паники, к тем, кто больше всего тяжести вынес на себе, — к ним во время партийной недели мы обращаемся и говорим: «Вас пугают тяжести рабочей власти, угрозы империалистов и капиталистов; вы видите нашу работу и трудности; мы зовем вас, и только вам, только представителям трудящихся широко открываем двери нашей партии. В трудный момент мы рассчитываем на вас и зовем в свои ряды, чтобы взять на себя всю тяжесть государственного строительства». Вы знаете, что это был страшно тяжелый момент и в смысле материальном, и в смысле внешне-политического и военного успеха противника. И вы знаете, каким невиданным, неожиданным и невероятным успехом кончилась эта партийная неделя в одной Москве, где мы получили свыше 14 тысяч человек новых членов партии. Вот итог той партийной недели, которая совершенно преобразует, переделывает рабочий класс, и из бездеятельного, безвольного орудия эксплуататоров буржуазной власти, буржуазного государства создает опытом работы настоящих творцов будущего коммунистического общества. Мы знаем, что есть десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые видели и знают весь старый гнет помещичьего и буржуазного общества, которые видели неслыханные трудности строительства, которые наблюдали, какими героями выступал первый призыв работников в 17-ом и 18-ом г.г., которые идут к нам тем более широко, с тем большим самоотвержением, чем нам труднее. Эти резервы дают полную уверенность, что мы за два года достигли прочного, неискоренимого укрепления и имеем источник, из которого долго можем

черпать в еще более широких размерах, чтобы сами представители трудящихся и учащегося крестьянства брались за дело государственного строительства. В этом отношении за два года мы имели такой опыт применения рабочего управления во всех областях, что мы здесь смело и без всякого увлечения можем сказать, что теперь остается только продолжать начатое, и дело пойдет так, как оно шло эти два года, и все более и более быстрым темпом.

В другой области, в области отношения рабочего класса к крестьянству, мы имели гораздо больше трудностей. В 17-ом году, два года тому назад, когда власть перешла в руки Советов, отношение было еще совершенно не ясно. Крестьянство все в целом повернуло против помещиков, поддержало рабочий класс, потому что увидело в нем исполнителей желаний крестьянской массы, настоящих рабочих борцов, а не тех, кто предавал крестьянство в союзе с помещиками. Но мы прекрасно знаем, что внутри крестьянства борьба тогда еще не развернулась. Первый год был годом, когда прочной позиции в деревне городской пролетариат еще не имел. Это мы особенно наглядно видим на тех окраинах, где на время укреплялась власть белогвардейцев. Это мы видели прошлым летом, в 18-ом году, когда ими были одержаны легкие победы на Урале. Мы видели, что пролетарская власть в самой деревне еще не образовалась, что недостаточно принести извне пролетарскую власть и дать ее деревне. Нужно, чтобы крестьянство своим опытом, своим строительством пришло к тем же выводам, и хотя эта работа неизмеримо более трудна, более медленна и тяжела, но она несравненно более плодотворна в смысле результатов. Это составляет главное наше завоевание в течение второго года Советской власти.

Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевиков, этой победы не было бы. А, ведь, диктаторы начали с коалиции, с Учредительного Собрания, в этой власти участвовали те же эсэры и меньшевики, которых мы встречаем на каждом шагу нашей работы, как людей вчерашнего дня, как строителей кооперации, профессиональных союзов, учительских организаций и массы других организаций, которые нам приходится переделывать. Колчак начал в союзе с ними, с людьми, которым оказалось мало опыта Керенского, и они проделали второй опыт. Он потребовался для того, чтобы против большевиков поднялись окраины, самые оторванные от центра. Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам. В эту борьбу были вовлечены все силы Антанты и той армии

империалистов, которая менее всего в войне пострадала, — армии японской. Мы знаем, что сотни миллионов рублей были употреблены на помощь Колчаку, что были использованы все средства для его поддержки. Чего же не было на его стороне? Все было. Все, что есть у могущественных держав мира, крестьянство и громадная территория, где промышленного пролетариата почти не было. Отчего же все это разбилось? Оттого, что опыт рабочих, солдат и крестьян еще раз показал, что большевики в своих предсказаниях, в своем учете соотношения общественных сил были правы, говоря, что союз рабочих и крестьян трудно осуществляется, но во всяком случае является единственным непобедимым союзом против капиталистов.

Это — наука, товарищи, если здесь можно говорить о науке. Этот опыт есть самый трудный, все учитывающий и все закрепляющий опыт коммунизма; мы можем построить коммунизм только в том случае, если крестьянство сознательно придет к определенному выводу. Мы можем это сделать только в том случае, когда мы войдем в союз с крестьянами. В этом мы могли убедиться на опыте Колчака. Эпопея Колчака была кровавым опытом, но виноваты в этом были не мы.

Вы знаете прекрасно теперь второй вид гнета, обрушившегося на наши головы, вы знаете, что голод и холод больше всего обрушились на нашу страну. Вы знаете, что причины этого взваливают на голову коммунизма, но вы прекрасно знаете и то, что коммунизм здесь не при чем. Мы видим в каждой стране расширение и углубление голодовки и холода, и скоро все убедятся в том, что такое положение в России не есть следствие коммунизма, а есть следствие четырехлетней международной войны. Эта война создала весь ужас, в котором мы живем, создала этот голод и холод. Но мы верим, что скоро выйдем из этого круга. Вопрос весь только в том, что рабочим нужно трудиться, но трудиться на себя, а не на тех, кто в течение четырех лет резал глотки. И борьба с голодом и холодом уже идет везде. Самые могущественные державы подвержены теперь этому гнету.

Нам пришлось путем государственного сбора взять хлеб у нашего многомиллионного крестьянства, и мы это сделали не тем путем, каким делали капиталисты, которые действовали наряду со спекулянтами. Мы в разрешении данного вопроса шли с рабочими, шли против спекулянтов. Мы шли по пути убеждений. Мы шли к крестьянину и говорили ему, что мы это делаем только для его и рабочих поддержки. Крестьянин, который имеет излишки хлеба и сдает их по твердой цене, есть наш соратник. Тот же, который не делает этого — есть наш враг, есть преступник, есть эксплуататор и спекулянт, и мы с ним не можем иметь ничего общего. Мы шли к крестьянину с проповедью, и эта проповедь все больше и больше привлекала к нам крестьянство. У нас полу-

чились в этом смысле вполне определенные результаты. Если в прошлом году в августе и сентябре у нас было заготовлено 37 миллионов пудов хлеба, то в этом году у нас заготовлено 45 миллионов пудов, без особой, тщательной проверки. Улучшение, как вы видите, идет, улучшение медленное, но улучшение несомненное. И если взять даже и те пробелы, которые произошли у нас вследствие занятия Деникиным нашего плодородного района, то все-таки дело идет к тому, что мы сможем провести наш план заготовок и план распределения по государственной цене. И в этом отношении наш аппарат создался в известном смысле, и сейчас мы становимся на социалистический путь.

Теперь перед нами стоит вопрос о топливном кризисе. Вопрос с хлебом у нас стоит уже не так остро; создалось положение, когда мы имеем хлеб, но не имеем топлива. Деникиным отнят у нас угольный район. Отнятие этого угольного района создало у нас небывалые затруднения, и мы в данном случае поступаем так же, как поступали в отношении хлеба. Мы обращаемся к рабочим так же, как обращались и раньше. Так же, как мы переделали наш продовольственный аппарат, который, укрепившись и наладившись, произвел вполне определенную, давшую свои блестящие результаты работу, точно так же и теперь мы изо дня в день улучшаем аппарат нашего топливоснабжения. Мы говорим рабочим, откуда надвигается на нас та или иная опасность, куда нужно и из какого района бросить новые силы, и мы уверены, что так же, как в прошлом году мы побеждали трудности с хлебом, так и теперь мы победим наши затруднения в топливном вопросе.

Позвольте мне пока ограничиться данным итогом нашей работы. Я позволю себе в заключение указать только в нескольких словах, как улучшается наше международное положение. После того, как мы проверили наш путь, результаты показали, что путь был прям и верен. Когда мы в 17-ом году взяли власть, мы были одиноки. В 17-ом году во всех странах говорили, что большевизм не может быть привит. Теперь в тех же странах существует уже могучее коммунистическое движение. На второй год после того, как мы завоевали власть, и полгода спустя после того, как мы основали III Интернационал, Интернационал коммунистов, этот Интернационал стал уже фактически самой главной силой в рабочем движении всех стран. В этом отношении опыт, который мы проделали, дал самые блестящие, невиданно быстрые результаты. Правда, движение к свободе идет в Европе не как у нас. Но если припомните два года борьбы, вы увидите, что и на Украине, даже в некоторых великорусских частях России, где было особенного состава население, например, в казачьих, сибирских частях, на Урале, там движение к победе шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в

Москве — в центре России. Понятно, нас не может удивлять движение в Европе, которое идет более медленно, где приходится преодолевать большее давление шовинизма, империализма, но тем не менее движение там идет неуклонно той же самой дорогой, на которую большевики указывают. Везде мы видим, как это движение идет, как наступает перелом движения. Глашатаи меньшевиков и эс-эров уступают дорогу представителям III Интернационала. Эти вожди падают, и везде поднялось коммунистическое движение, и поэтому теперь, после двух лет Советской власти, мы можем сказать, что не только в масштабе русского государства, мы имеем полное право, доказанное фактами, сказать, что и в международном масштабе мы имеем сейчас за собою все, что есть сознательного, все, что есть революционного в массах, в революционном мире. И мы можем сказать, что никакие трудности после того, что мы выдержали, нам не страшны, что мы все эти трудности вынесем, и после того мы все их победим. (Бурные аплодисменты.)

«Правда» № 251, 9 ноября 1919 г.

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом «Правды».

ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА[165]).

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от В.Ц.И.К. именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин).

Впервые напечатано 13 ноября 1919 г. в «Петроградской Правде» № 259.

Печатается по тексту сборника: «Мусбюро Р.К.П.(б.) в Туркестане». Ташкент. Турк. Гос. Изд. [1922].

НА БОРЬБУ С ТОПЛИВНЫМ КРИЗИСОМ.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Товарищи! На нашу партию, как на организованный авангард пролетариата, легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти. Победоносно проведя эту борьбу в течение двух лет, мы хорошо знаем теперь, какими средствами нам удавалось преодолевать неимоверные трудности, поставленные на нашем пути разорением страны от четырехлетней империалистской войны и сопротивлением всех эксплуататоров, как российских, так и международных.

Товарищи! Главный источник нашей силы: сознательность и героизм рабочих, которым не могли и не могут не сочувствовать, не оказывать поддержки трудящиеся крестьяне. Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; уменье объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; уменье поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно-напряженные усилия на важнейшей очередной задаче.

Товарищи! Наступило время, когда такой важнейшей очередной задачей стала борьба с топливным кризисом. Мы добиваем Колчака, мы победили Юденича, мы начали успешно наступать на Деникина. Мы улучшили значительно заготовку и ссыпку хлеба. Но топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу: разбегаются от холода и голода рабочие и служащие, останавливаются везущие хлеб поезда, надвигается именно из-за недостатка топлива настоящая катастрофа.

Топливный вопрос встал в центре всех остальных вопросов. Топливный кризис надо преодолеть во что бы то ни стало, иначе нельзя решить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общехозяйственной.

И преодолеть топливный кризис можно. Ибо, лишившись донецкого угля, не имея возможности быстро усилить добычу угля на Урале и в Сибири, мы имеем еще много лесов, мы можем нарубить и подвезти достаточное количество дров.

Преодолеть топливный кризис можно. И надо суметь теперь сосредоточить главные силы на нашем главном (в настоящую минуту) враге: на топливном голоде, надо суметь вызвать в трудящихся массах энтузиазм, надо добиться революционного напряжения энергии для самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества всяческого топлива, угля, сланца и торфа и так далее, а в первую очередь дров, дров и дров.

Ц.К. Р.К.П. уверен, что все партийные организации, все члены партии, доказавшие в течение двух лет способность и уменье решать революционным путем не менее, а более трудные задачи, решат и эту задачу.

Ц.К. Р.К.П. предлагает всем партийным организациям в особенности следующие меры:

1. Все партийные организации должны отныне постоянным пунктом порядка дня партийных собраний и, в первую очередь, собраний партийных комитетов ставить топливный вопрос и борьбу с топливным кризисом. Что можем мы еще сделать, что мы должны сделать для борьбы с топливным кризисом? как усилить эту работу? как сделать ее продуктивнее? — пусть эти вопросы займут сейчас все партийные организации.

2. То же самое должно относиться ко всем губисполкомам, горисполкомам, уездисполкомам, волисполкомам, — одним словом, ко всем руководящим советским учреждениям. Партийные люди должны взять на себя почин усиления, объединения, напряжения соответственной работы в общегосударственном масштабе.

3. Надо повести всюду самую широкую агитацию, главным образом, в деревне, по выяснению топливного вопроса для Советской власти. Надо в особенности бороться против господства местных и местнических, узко-эгоистических интересов в топливном деле. Надо разъяснить, что без самоотверженной работы на общегосударственные нужды нельзя спасти республики Советов, нельзя отстоять власть крестьян и рабочих.

4. Надо внимательнейшим образом проверять выполнение на деле заданий партии и поручений, требований, заданий Советской власти. Новые члены партии, вступившие во время последней партийной недели, должны быть все привлечены к делу проверки выполнения всеми своих обязанностей.

5. Трудовая повинность всего населения или мобилизация известных возрастов для работ по добыче и подвозу угля и сланца, для рубки и возки дров к станциям железных дорог должна быть осуществляема с наибольшей быстротой и самым

неукоснительным образом. Устанавливать трудовые нормы и во что бы то ни стало добиваться их выполнения. Карать с беспощадной суровостью тех, кто, вопреки повторным настояниям, требованиям и приказам, оказывается уклоняющимся от работ. Всякая поблажка, всякая слабость будут преступлением перед революцией.

Мы подняли дисциплину в войске. Мы должны поднять трудовую дисциплину.

6. Субботники должны проводиться чаще, энергичнее, систематичнее, более организованно и в первую очередь на топливные работы. Члены партии должны идти впереди всех по трудовой дисциплине и энергии. Постановления Совнаркома, Совобороны и других центральных, а равно и местных советских учреждений по топливному вопросу должны быть исполняемы не за страх, а за совесть.

7. Местные топливные учреждения должны быть усилены лучшими партийными работниками. Распределение сил надо пересмотреть и соответственно видоизменить в этих целях.

8. Товарищам, командируемым из центра, надо оказывать всемерную помощь, добиваясь обучения — и притом на практике — наибольшего числа молодых сил организации, постановке, ведению топливной работы. В местной печати надо уделять больше внимания этой работе, заботливо выдвигая, для общего сведения, образцы действительно хорошей работы и беспощадно борясь с отсталостью, нераденьем, или неуменьем какого-либо района, отдела, учреждения. Наша печать должна стать орудием подтягивания отсталых, воспитания к работе, к трудовой дисциплине, к организации.

9. Обеспечение продовольствием и фуражом занятых на топливной работе должно стать главнейшей задачей продовольственных органов. Всесторонняя помощь им, усиление их работы, контроль за ее выполнением.

10. Во всех топливных органах (как и во всех советских учреждениях) надо неустанно добиваться того, чтобы на деле обеспечивалась *личная* ответственность *каждого* за определенную, строго и точно означенную работу или часть работы. Коллегиальность обсуждения должна быть сведена до необходимого минимума и никогда не препятствовать быстроте и твердости решения, не погашать ответственности каждого отдельного работника.

11. В делопроизводстве по всем топливным вопросам необходима особенная точность и срочность. Малейшее проявление волокиты должно быть беспощадно караемо. Осведомление центра должно быть образцовое.

12. Вообще вся топливная работа должна быть поставлена по-военному: с такой же энергией, быстротой, строжайшей дис-

циплиной, которая требуется на войне. Без этого топливного голода не победить. Без этого из кризиса не выйти.

Ц.К. Р.К.П. уверен, что все товарищи напрягут все силы для энергичнейшего и точнейшего выполнения этих указаний.

На борьбу до победы над топливным голодом!

Ц. К. Р. К. П.

«Правда» № 254, 13 ноября 1919 г.

Печатается по тексту «Правды», сверенному с рукописью

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ 18 НОЯБРЯ 1919 Г.[166])

Товарищи! Мне не удалось, к сожалению, принять участие в работе того совещания, которое вы организовали, т.-е. в совещании по работе в деревне. Поэтому мне придется ограничиться только общими и основными соображениями, и я уверен, что вам удастся постепенно применить эти общие соображения и основные правила нашей политики к тем отдельным заданиям и практическим вопросам, которые встанут перед вами.

Вопрос о работе в деревне у нас сейчас является все-таки основным вопросом всего социалистического строительства, ибо в отношении работы среди пролетариата и вопроса об его объединении мы можем с уверенностью сказать, что за два года Советской власти политика коммунистов не только вполне определилась, но достигла безусловно прочных результатов. Вначале нам приходилось бороться с недостатком в рабочей среде сознания общности интересов, с отдельными проявлениями синдикализма, когда у рабочих отдельных фабрик или отдельных отраслей промышленности было стремление ставить свои интересы, интересы своей фабрики, своей промышленности, выше интересов общества. Нам приходилось и приходится теперь еще бороться с недостаточной дисциплинированностью в области новой организации труда. Вам всем памятны, я думаю, те крупные этапы, через которые наша политика проходила, когда мы, выдвигая все новых и новых рабочих на новые посты, давали им возможность ознакомиться с поставленными перед нами задачами, с общим механизмом государственного управления. Теперь организация коммунистической деятельности пролетариата и вся политика коммунистов приобрела вполне окончательную, прочную форму, и я уверен, что мы стоим на правильном пути, движение по которому вполне обеспечено.

Что же касается работы в деревне, то здесь трудность, несомненно, большая, и на VIII съезде партии этот вопрос, как один из самых главных, был нами поставлен полностью. Опорой

нашей в деревне, как и в городе, могут быть только представители трудящихся и эксплуатируемых масс, только те, кто при капитализме выносил на себе целиком гнет помещиков и капиталистов. Конечно, с того времени, когда завоевание власти рабочими позволило крестьянам сразу же смести власть помещиков, уничтожив частную собственность, они, приступая к разделу земли, осуществили наибольшее равенство, и таким образом значительно подняли эксплуатацию земли, доведя ее до уровня выше среднего. Но, разумеется, полностью это не могло нам удаться, потому что при одиночном хозяйстве для обеспечения каждого крестьянина достаточным количеством семян, скота, орудий требуется гигантское количество материальных средств. Мало того, даже если бы наша промышленность сделала необычайные успехи в развитии производства сельско-хозяйственных машин, даже если представить себе все наши желания исполненными, то и при этом условии мы легко поймем, что снабдить достаточными средствами производства каждого мелкого крестьянина — вещь невозможная и в высшей степени нерациональная, потому что это означало бы страшное распыление: только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война.

Крестьянская масса, которая при капитализме была более всего угнетена по сути своего хозяйственного положения, труднее всего верит в возможность крутых переломов и переходов. Опыты, проделанные над крестьянином Колчаком, Юденичем и Деникиным, заставляют его с особой осторожностью относиться к тому, что он завоевал. Каждый крестьянин знает, что прочность его завоеваний еще не окончательна, что его враг — помещик — еще не уничтожен, но, притаившись, ждет помощи от своих друзей, разбойников международного капитала. И хотя международный капитал с каждым днем все более и более ослабевает, а наше международное положение необычайно улучшилось за последнее время, но если трезво учитывать все обстоятельства дела, то мы должны сказать, что международный капитал еще несомненно сильнее нас. Он уже не может идти на нас прямой войной, — для этого у него уже подрезаны крылышки. Как раз в последние дни в европейской буржуазной прессе все эти господа начинают говорить: «Пожалуй, в России завязнешь, не лучше ли с ней мириться». Это всегда так бывает, что, когда противника побьешь, он начинает мириться. Мы господам европейским империалистам не раз говорили, что мы согласны на мир, но они мечтали Россию закабалить. Теперь же они поняли, что их мечтам не суждено сбыться.

Сейчас международные миллионеры и миллиардеры еще сильнее нас. И крестьяне прекрасно видят, что попытки восстания Юденича, Колчака и Деникина являются силой, организованной на

деньги империалистов Европы и Америки. И крестьянская масса отлично знает, что сулит ей малейшая слабость. Ясное воспоминание о том, чем грозит власть помещиков и капиталистов, делает из крестьян вернейших сторонников Советской власти. С каждым месяцем растет сознательность и прочность Советской власти в среде тех крестьян, которые раньше трудились и были эксплуатируемы и на своей шкуре испытали всю тяжесть гнета помещиков и капиталистов.

Но, конечно, иначе обстоит дело с кулаками, с теми, которые сами нанимали рабочих, пускали деньги в рост, наживались на счет чужого труда. Они в массе своей стоят на стороне капиталистов и недовольны происшедшим переворотом. И мы должны ясно себе представлять, что против этой группы крестьян нам придется вести еще долгую и упорную борьбу. А между теми крестьянами, которые на своих плечах вынесли весь гнет помещиков и капиталистов, и теми, которые сами эксплуатировали других, стоит масса среднего крестьянства. Тут наша самая трудная задача. Социалисты всегда указывали на то, что переход к социализму выдвигает тяжелую задачу — отношение рабочего класса к среднему крестьянству. Здесь от товарищей-коммунистов мы должны больше всего ожидать внимания, сознательного отношения и уменья подойти к этой сложной и трудной задаче, не решая вопроса одним ударом.

Среднее крестьянство, несомненно, привыкло к одиночному хозяйству. Это — крестьяне-собственники, и хотя земли у них пока нет, хотя частная собственность на землю уничтожена, но крестьянин остается собственником, главным образом, потому, что у этой группы крестьян остаются предметы продовольствия. Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом — основная задача и основное противоречие. Крестьянин, как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, — такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать. А продавать излишки хлеба в голодной стране, — значит превращаться в спекулянта, эксплуататора, потому что голодный человек за хлеб отдаст все, что у него есть. Тут развертывается самая большая и трудная борьба, которая от всех нас, представителей Советской власти, и особенно от коммунистов, работающих в деревне, требует самого большого внимания, самого вдумчивого отношения к вопросу и подхода к нему.

Мы всегда говорили, что мы не хотим навязывать среднему крестьянину социализм силком, и VIII съезд партии это всецело подтвердил. Выбор тов. Калинина председателем В. Ц. И. К.

исходил из того расчета, что мы должны непосредственно сблизить Советскую власть с крестьянством. И благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики. Таким образом, среднему крестьянину мы говорили: «Ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи». Но надо это дать ему понять, надо уметь это сказать на языке, наиболее крестьянину понятном. Здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства. А для того, чтобы показать пример артельного, товарищеского труда, нужно сначала самим удачно организовать такое хозяйство. Движение к устройству земледельческих коммун и артелей за эти два года было громадно. Но, смотря на вещи трезво, мы должны сказать, что масса товарищей, которые бросились на устройство коммун, шли в земледелие, в сельское хозяйство с недостаточными знаниями хозяйственных условий крестьянской жизни. Поэтому здесь надо было устранить громадную массу ошибок, последствий торопливых шагов, неправильного подхода к делу. Сплошь и рядом в советские хозяйства пролезали старые эксплуататоры, бывшие помещики. Власть их там сброшена, но сами они не уничтожены. Их надо оттуда выжить, или поставить под контроль пролетариата.

Эта задача стоит перед нами во всех областях жизни. Вы слышали о ряде блестящих побед Красной армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах. Это происходит потому, что благодаря существованию в Красной армии коммунистических ячеек, имеющих громадное пропагандистско-агитационное значение, небольшое число офицеров окружено такой обстановкой, таким громадным напором коммунистов, что большинство из них не в состоянии вырваться из той сети коммунистической организации и пропаганды, которою мы их окружаем.

Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем. Надо их окружить товарищеской обстановкой, духом коммунистической работы и добиться того, чтобы они шли в шеренге с рабоче-крестьянской властью.

Среди крестьянства очень часто проявляется чрезвычайное недоверие и возмущение, доходящее до полного отрицания советских хозяйств: не нужно советских хозяйств, там сидят старые

эксплуататоры. Мы говорили — нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти. Тех из них, которые будут нарушать постановления Советской власти, мы будем беспощадно вылавливать так же, как и в Красной армии; борьба продолжается, и борьба беспощадная. Но большинство из них мы заставим работать по-нашему.

Эта задача трудная, сложная, одним ударом ее не разрешить. Тут нужна сознательная рабочая дисциплина, сближение с крестьянами; необходимо показать им, что мы видим все злоупотребления в советских хозяйствах, но мы говорим, что люди науки и техники должны быть поставлены на службу общественному хозяйству, ибо мелким хозяйством из нужды не выйти. И мы будем действовать, как в Красной армии: нас сто раз побьют, а в сто первый раз мы победим всех. Но для этого нужно, чтобы работа в деревне велась дружно, стройно, в таком же строгом порядке, как велась работа в Красной армии и как ведется в других областях хозяйства. Мы медленно и неуклонно доказываем крестьянам преимущества общественного хозяйства.

Вот какую борьбу мы должны вести в советских хозяйствах, вот в чем состоит трудность перехода к социализму и в чем настоящее и окончательное упрочение Советской власти. Когда большинство средних крестьян увидит, что вне союза с рабочими они помогают Колчаку и Юденичу, что во всем мире с ними остались только капиталисты, которые ненавидят Советскую Россию и будут еще годами повторять свои попытки восстановить свою власть, то даже самый отсталый из них поймет, что можно либо идти в союзе с революционными рабочими к полному освобождению, либо допустить хоть малейшее колебание, и тогда враг, старый эксплуататор-капиталист, возьмет верх. Победа над Деникиным еще окончательно не уничтожит капиталистов. Это мы все должны понимать. Мы прекрасно знаем, что они еще и еще раз будут делать попытки накинуть петлю на Советскую Россию. Поэтому у крестьянина выбора нет, он должен помогать рабочим, ибо малейшее колебание отдает победу в руки помещиков и капиталистов. Развивать это сознание среди крестьян — наша первая и основная задача. Крестьянин, живущий своим трудом — верный союзник Советской власти, к такому крестьянину рабочий относится, как к равному, для него рабочая власть делает все, что она может сделать, и нет такой жертвы, перед которой рабоче-крестьянская власть остановилась бы ради удовлетворения нужд такого крестьянина.

Но крестьянин, который эксплуатирует, благодаря тому, что имеет излишки хлеба, — наш противник. Обязанность удовлетворить основные нужды голодной страны есть государственная обязанность. Но крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление. «Я хлеб

произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать», — так рассуждает крестьянин, по привычке, по старине. А мы говорим, *что это государственное преступление*. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу, — это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало.

В переходный период мы проводим государственную заготовку и разверстку хлеба. Мы знаем, что только это даст нам возможность избавиться от нужды и голода. Громадное большинство рабочих бедствует от того, что хлеб распределяется неправильно, а для того, чтобы его правильно распределить, нужно, чтобы государственная разверстка хлеба выполнялась крестьянами неукоснительно, добросовестно и безусловно. Тут никаких уступок со стороны Советской власти быть не может. Это не вопрос борьбы рабочей власти с крестьянами, но вопрос всего существования социализма, существования Советской власти. Дать крестьянину сейчас товар мы не можем, ибо нет топлива, останавливаются железные дороги. Надо сначала, чтобы крестьянин дал рабочему хлеб в ссуду, не по спекулятивной, а по твердой цене, для того, чтобы рабочие могли восстановить производство. Каждый крестьянин согласится с этим, когда речь идет об отдельном рабочем, который умирает рядом с ним от голода. Но когда речь идет о миллионах рабочих, тогда они этого не понимают, и старые привычки к спекуляции одерживают верх.

Длительная и упорная борьба с этими привычками, агитация и пропаганда, разъяснения, проверка того, что сделано, — вот в чем состоит наша политика по отношению к крестьянству.

Всяческая поддержка крестьянину-труженику, отношение к нему, как к равному, ни малейшей попытки навязывать ему что бы то ни было силою — первая наша задача. И вторая задача — неуклонная борьба со спекуляцией, торгашеством, разорением.

Когда мы начинали создавать Красную армию, это были отдельные, разрозненные группы партизан. Было много лишних жертв, благодаря отсутствию дисциплины и сплоченности, но мы эти трудности одолели и на место партизанских отрядов создали миллионную Красную армию. Если мы могли этого достигнуть за такой короткий срок, как два года, в таком трудном, тяжелом и опасном деле, как военное, то тем более мы уверены в том, что достигнем того же во всех остальных отраслях хозяйственной жизни.

Я уверен, что мы и эту, одну из самых трудных задач, — правильное отношение рабочих к крестьянству, правильную продовольственную политику, — разрешим, и здесь одержим такую же победу, какую мы одержали на фронте.

«Правда» № 259, 19 ноября 1919 г.

ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДОВ ВОСТОКА 22 НОЯБРЯ 1919 Г. [167]).

Товарищи! Я очень рад, что могу приветствовать съезд товарищей-коммунистов, представителей мусульманских организаций Востока и сказать несколько слов по вопросу о том, как сложилось теперь положение в России и во всем свете. Тема моего доклада — текущий момент, и мне кажется, что по этому вопросу самым существенным сейчас является отношение народов Востока к империализму и революционное движение среди этих народов. Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств, — между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, — нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма. Поэтому весь ход предстоящих в ближайшее время событий предвещает еще более широкую и упорную борьбу с международным империализмом и неминуемо будет связан с борьбой Советской республики против сил объединенного империализма: Германии, Франции, Англии и Америки.

Что касается военной стороны, то вы знаете, как благоприятно сложилось теперь для нас дело на всех фронтах. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что гражданская война, которую нам навязал международный империализм, за два года причинила Российской Социалистической Федеративной Советской Республике неисчислимые тягости, наложила на крестьян и рабочих такое непосильное бремя, которое, казалось часто, они не вынесут. Но, вместе с тем, эта война своим грубым насильничанием, беспощадно грубым натиском превратившихся в зверей, так называемых, наших «союз-

ников», которые грабили нас еще до начала социалистической революции, — эта война сделала чудо, превратив людей, уставших от войны и, казалось, не могущих перенести еще другую войну, в борцов, которые в течение двух лет не только выдержали войну, но победоносно кончают ее. Те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Деникиным, эти победы означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение. В этом отношении наша двухлетняя гражданская война не только подтвердила полностью давным давно историей сделанное наблюдение, что характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна ведет. Все это неизбежно отражается на ведении войны.

Вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является весьма важным вопросом. Только благодаря тому, что наша гражданская война ведется освободившими себя рабочими и крестьянами и является продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира, только потому в такой отсталой стране, как Россия, истомленной четырехлетней империалистской войной, нашлись сильные волей люди для того, чтобы в течение двух лет беспримерной, невероятной тяжести и трудности вести эту войну дальше.

История гражданской войны показала на примере Колчака особенно наглядно, что такой неприятель, как Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотнями тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империй, как, например, японскими войсками, которые готовились к империалистской войне, почти не участвовали в ней и потому мало пострадали, — Колчак, который опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права, и потому, естественно, бывших дальше чем кто-либо от коммунизма, — казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма. И до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехо-словацкие и ряд других войск империалистических наций. Тем не менее опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который был вначале поддержан социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эс-эрами, создавшими фронт Комитета Учредительного Собрания, и при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казался прочным и непобедимым, на самом деле показал следующее: чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он больше

истощался, и, в конце концов, мы видим полную победу Советской России над Колчаком. Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса.

Я думаю, что то, что проделала Красная армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма.

Кроме того, этот опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. В конце концов, после двух лет опыта, как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли, и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших объявить войну международному империализму. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили.

Таковы главные итоги, таково главное содержание переживаемого нами момента по отношению к республике. Мы подходим к решительным победам над Деникиным, последним врагом, который остался на нашей территории. Мы чувствуем себя сильными и тысячу раз можем повторить, что мы не ошибаемся, когда говорим, что внутреннее строительство республики окрепло и из войны с Деникиным мы выйдем во много раз крепче и подготовленнее для осуществления задачи строительства социалистического здания, — строительства, которому мы могли во время гражданской войны уделять слишком мало времени и сил и которому только теперь, выходя на свободную дорогу, нам несомненно удастся целиком отдаться.

Мы видим в Западной Европе разложение империализма. Вы знаете, что год тому назад даже германским социалистам казалось, — как и огромному большинству социалистов, которые не понимали положения вещей, — что происходит только борьба двух групп всемирного империализма, и они считали, что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное; им казалось, что даже социалистам ничего другого не остается, как примкнуть к одной из групп могущественных мировых хищников. Так казалось в конце октября 1918 года. Но мы видим, что с тех пор мировая история пережила за год невиданные явления, широкие и глубокие, которые открыли глаза многим из тех социалистов, которые были во время империалистской войны патриотами и оправдывали свое поведение тем, что перед ними стоял враг; оправдывали союз с английскими и французскими империалистами, которые будто бы несли освобождение от германского империализма. Посмотрите, сколько иллюзий было разрушено этой войной! Мы видим разложение германского империализма, которое привело не только к республиканской революции, но и к социалистической. Вы знаете, что в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма. Все знают, что социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, что то же происходит и в Америке, и в Англии — у этих якобы представителей культуры и цивилизации и победителей над гуннами — германскими империалистами, — а когда дело дошло до Версальского мира, то все увидели, что Версальский мир является в сто раз больше грабительским, чем Брестский, который нам был навязан германскими грабителями, и что этот Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты этих злополучных победивших стран. Версальский мир открыл глаза именно победившим нациям и доказал, что мы имеем

перед собой не представителей культуры и цивилизации, а имеем в лице Англии и Франции, хотя и демократические государства, но управляемые хищниками-империалистами. Внутренняя борьба у этих хищников развивается так быстро, что мы можем ликовать, зная, что Версальский мир является только внешней победой торжествующих империалистов, а на деле означает крах всего империалистического мира и решительный отход трудящихся масс от тех социалистов, которые были во время войны в союзе с представителями гнилого империализма и защищали одну из групп боровшихся хищников. Глаза открылись у трудящихся, потому что Версальский мир явился хищническим и показал, что Франция и Англия на самом деле боролись с Германией, чтобы закрепить свою власть над колониями и увеличить свою империалистическую мощь. Эта внутренняя борьба развивается чем дальше, тем шире. Сегодня мне пришлось видеть радиотелеграмму из Лондона от 21 ноября, в которой американские журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в симпатии к революционерам, — говорят, что во Франции наблюдается невиданная вспышка ненависти к американцам, потому что американцы отказываются утвердить Версальский мирный договор.

Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки, которая решила, что, сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получать проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а в обеспечение этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами английский. А что хищнический империализм американцев так грубо выступает, видно из того, что агенты Америки скупают живой товар, женщин и девушек, и везут в Америку, развивая проституцию. Свободная, культурная Америка снабжает публичные дома живым товаром! В Польше и Бельгии происходят конфликты с американскими агентами. Это — маленькая иллюстрация того, что происходит в громадных размерах в каждой маленькой стране, которая получила помощь от Антанты. Возьмем хотя бы Польшу. Вы видите, что туда американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что Польша существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает порабощать «великую свободную победительницу» Францию, которая являлась прежде страной ростовщиков, а теперь стала сплошь задолженной Америке, так как у нее не стало экономических сил и она не может обойтись ни своим хлебом, ни своим углем, не может в широких размерах развивать свои материальные силы, а Америка требует, чтобы вся дань была

неукоснительно уплачена. Таким образом, чем дальше, тем больше выясняется экономический крах Франции, Англии и других могущественных стран. Выборы во Франции дали перевес клерикалам. Французский народ, который был обманут тем, что должен был давать все силы во имя свободы и демократии против Германии, получил теперь в награду бесконечную задолженность, издевательство хищных американских империалистов, а затем клерикальное большинство из представителей самой дикой реакции.

Положение во всем мире стало неизмеримо запутаннее. Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше, хотя и не так ясна, победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей российской Советской конституцией, переведенной на их языки. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово «Совет» понятно теперь всем, а Советская конституция переведена на все языки, и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это конституция трудящихся, что это есть строй трудящихся, зовущих к победе над международным капиталом, знает, что это есть завоевание, которое мы сделали над международными империалистами. Эта наша победа отозвалась на каждой империалистской стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственные войска, отняли возможность двигать их против Советской России. Они пробовали воевать чужими войсками, войсками Финляндии, Польши, Латвии, но и из этого ничего не вышло. Английский министр Черчилль несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, — и об этом были посланы телеграммы всему миру, — что организован поход четырнадцати народов против Советской России и что к новому году это даст победу над Россией [168]). И правда, тут участвовало много народов — Финляндия, Украина, Польша, Грузия, чехо-словаки, японцы, французы, англичане, немцы. Но мы знаем, что из этого вышло! Мы знаем, что эстонцы оставили войска Юденича, и сейчас идет бешеная полемика в газетах из-за того, что эстонцы не хотят ему помогать, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу. Таким образом и вторая попытка натиска на нас провалилась. Первый этап — посылка собственных войск Антанты, которые были снабжены по всем правилам военной техники, так что казалось, что они победят Советскую республику. Они уже покинули Кавказ, Архангельск, Крым и остались еще на Мурмане, как чехо-словаки в Сибири, но остались как островки. Первая попытка победить нас своими

войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма. Но и эта попытка окончилась неудачей: оказалось, что ни одно из этих маленьких государств к такой войне не способно. И еще более — в каждом маленьком государстве укрепилась ненависть к Антанте. Если Финляндия не пошла брать Петроград, когда Юденич уже взял Красное Село, то потому, что она колебалась и видела, что рядом с Советской Россией она может жить самостоятельно, а с Антантой в мире жить не может. Это переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстляндия, Польша, где царит сплошной шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, развивающей там свою эксплуатацию. И теперь мы, без всякого преувеличения, точно учитывая ход событий, можем сказать, что не только первый, но и второй этап международной войны против Советской республики потерпел крах. Теперь остается нам только победить войска Деникина, которые уже наполовину разбиты.

Таково теперешнее русское и международное положение, которое я вкратце охарактеризовал в своем докладе. Позвольте в заключение остановиться на том, какое положение создается по отношению к национальностям Востока. Вы являетесь представителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам пришлось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благодарную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революция происходила легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены против своего внутреннего большевизма и думают только о том, как бы победить большевизм у себя дома. Поэтому в каждой стране нарождается гражданская война, к которой на стороне буржуазии привлечены старые социалисты-соглашатели. Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте прошлого года, мы, характеризуя приближение всемирной социальной революции, гово-

рили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международных империалистов. Это подтверждается ходом революции и будет все больше подтверждаться. То же будет и на Востоке. Мы знаем, что здесь поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, народные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения. И когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль. Мы знаем, что после 1905 г. последовали революции в Турции, Персии, Китае, что в Индии развилось революционное движение. Империалистская война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных народов в борьбу империалистов Европы. Империалистская война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов. За периодом пробуждения Востока, в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов, — вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам

удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие, и здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы,— не рабочими, прошедшими школу империалистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета. Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма. Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы. И эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеются связи и возможность дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда.

Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский или немецкий пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет в том, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудя-

щихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия. Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом. В этом вам поможет, с одной стороны, тесный союз с авангардом всех трудящихся других стран, а с другой — уменье подойти к народам Востока, которых вы здесь представляете. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции, и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока.

Вот задача необычайного размаха, которая стоит перед вами и которая, благодаря эпохе революции и росту революционного движения — в этом нельзя сомневаться — общими усилиями коммунистических организаций Востока будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом.

«Известия Ц.К. Р.К.П.(б.)» № 9, 20 декабря 1919 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ Ц. К. Р. К. П. (Б.) О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ [169]).

По вопросу об отношении к освобождающемуся от временного захвата деникинскими бандами трудовому народу Украины, Ц. К. Р. К. П. постановляет:

1. Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, Ц. К. считает необходимым еще раз подтвердить, что Р. К. П. стоит на точке зрения признания самостоятельности У. С. С. Р.

2. Считая бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех Советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, Р. К. П. стоит на той позиции, что определение форм этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами.

3. В настоящее же время отношения между У. С. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р. определяются федеративной связью на почве решений В. Ц. И. К. от 1 июня 1919 г. и Ц. И. К. У. от 18 мая 1919 г. (резолюция прилагается) [170]).

4. В виду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, Ц. К. Р. К. П. вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены Р. К. П. обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены Р. К. П. на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просве-

щения трудовых масс. Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке.

5. Необходимо обеспечить теснейшую связь советских учреждений с коренным крестьянским населением страны, для чего должно быть принято за правило, чтобы уже на первых порах, при самом введении ревкомов и Советов, в них было привлечено большинство из представителей трудового крестьянства при обеспечении решающего влияния за представителями крестьянской бедноты.

6. В виду того, что на Украине, еще в большей мере, чем в России, преобладающую массу населения составляет крестьянство, задачей Советской власти на Украине является завоевание к себе доверия со стороны не только крестьянской бедноты, но и широких слоев среднего крестьянства, которое своими подлинными интересами теснейшим образом связано с Советской властью. В частности, сохраняя основные принципы продовольственной политики (государственная заготовка хлеба по твердым ценам, принудительная разверстка), необходимо способы ее проведения внимательно сообразовать с условиями украинской деревни.

Ближайшей задачей продовольственной политики на Украине должно быть извлечение хлебных излишков *лишь в строго ограниченном размере,* необходимом для снабжения украинской бедноты, рабочих и Красной армии. При извлечении излишков особое внимание должно быть обращено на интересы среднего крестьянства, при строгом отделении его от кулаческих элементов. Необходимо на деле разоблачать перед украинским крестьянством контр-революционную демагогию, внушающую ему, будто задачей Советской России является выкачивание хлебных и других продовольственных продуктов из Украины в Россию.

Самое широкое привлечение бедного и среднего крестьянства к делу управления во всех областях должно быть вменено в обязанность агентам центральной власти, всем партийным работникам, инструкторам и т. п.

В тех же целях установления подлинной власти трудящихся должны быть немедленно приняты меры к тому, чтобы не допустить наводнения советских учреждений элементами украинского городского мещанства, чуждого понимания условий быта широких крестьянских масс и нередко прикрывающегося знаменем коммунизма.

Условием допущения такого рода элементов как в ряды партии, так и в советские учреждения должна быть предварительная проверка их трудоспособности и преданности интересам

трудящихся *на деле* и прежде всего на фронте, в рядах действующей армии. Везде и при всяких условиях подобные элементы должны быть поставлены под строгий классовый контроль пролетариата.

В виду того, что большое количество оружия, имеющегося на Украине в руках сельского населения, как показал опыт, неизбежно, при неорганизованности бедноты, сосредоточивается в руках кулацких и контр-революционных элементов, что приводит вместо диктатуры трудящихся к фактическому господству бандитского кулачества, первейшей задачей советского строительства на Украине является извлечение всего оружия и сосредоточение его в руках рабоче-крестьянской Красной армии.

7. Земельная политика должна проводиться с особым вниманием к интересам земельного хозяйства бедного и среднего крестьянства.

Задачей земельной политики на Украине должно явиться:

1) Полная ликвидация восстанавливаемого Деникиным помещичьего землевладения с передачей земель безземельным и малоземельным.

2) Советские хозяйства строить только в строго необходимых размерах, сообразуясь с жизненными интересами окружающего крестьянства.

3) В деле объединения крестьян в коммуны, артели и т. п. строго проводить политику партии, которая не допускает в этом отношении никакого принуждения, предоставляя это исключительно свободному решению самих крестьян и строго карая за всякие попытки внести в это дело начало принуждения.

«Известия Ц.К. Р.К.П. (б.)» № 8, 2 декабря 1919 г.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. К. П. (Б.)[171]

2 — 4 ДЕКАБРЯ 1919 г.

1.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 2 ДЕКАБРЯ.

Товарищи! Позвольте мне от имени Центрального Комитета Р. К. П. (большевиков) объявить Всероссийскую конференцию нашей партии открытой.

Товарищи! По уставу партии такого рода конференция должна созываться каждые 3 месяца, но то тяжелое положение, которое мы несколько месяцев тому назад переживали в связи с военным положением, заставило нас так напрягать свои силы и так сжимать все аппараты не только советской, но и партийной работы, что, к сожалению, выполнить в точности постановление устава нам не удалось, и конференция была отсрочена.

Товарищи! Мы созываем теперь конференцию в связи со съездом Советов в такой момент, когда нам удалось достигнуть гигантского улучшения на фронтах, и когда мы уверены, что стоим накануне крупнейшего перелома к лучшему как в международном положении, так и в отношении военном. Какие задачи развертываются перед нами, об этом не раз уже говорилось на партийных собраниях, в печати, и мы будем говорить о них при обсуждении отдельных, конкретных пунктов порядка дня. Поэтому я позволю себе прямо перейти к деловой стороне и предложить вам выбор президиума конференции.

Прошу указать, какие имеются по этому вопросу предложения.

«Известия В.Ц.И.К.» № 274, 3 декабря 1919 г.

Печатается по стенограмме, сверенной с текстом «Известий В.Ц.И.К.».

2.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 2 ДЕКАБРЯ.

Товарищи! Доклад Центрального Комитета с формальной стороны в данный момент должен был дать вам, главным образом, сводку опыта, за это время пройденного. Но я должен сказать, что такая задача — ограничиться историей, или хотя бы дать только отчет, обращающий главное внимание на историю, — слишком не соответствует духу времени, которое мы переживаем, и тем задачам, которые перед нами стоят. Я поэтому позволю себе перенести центр тяжести в настоящем докладе, который я хотел бы представить и съезду Советов, не столько на описание того, что мы пережили, сколько на те указания опыта, которые мы получаем и должны получать для нашей непосредственной практической деятельности.

Хотя за переживаемое время, можно сказать без всякого преувеличения, мы завоевали успехи громадные, хотя самая главная трудность у нас уже позади, все-таки нам предстоят трудности несомненно еще очень и очень большие. Естественно, внимание партии должно целиком сосредоточиться на решении этих задач, а в историю можно позволить себе углубиться лишь настолько, насколько это безусловно необходимо для разрешения задач, стоящих перед нами.

Конечно, за пережитое Советской властью время самым главным вопросом, который нас больше всего занимал, является неминуемо вопрос военный. Гражданская война, понятно, все заполнила, и само собой разумеется, что в этой борьбе за существование мы должны были лучшие силы партии отрывать от всех остальных отраслей работы и деятельности и переводить их на работу военную. Иначе и быть не могло в условиях войны. Но зато, как ни пострадала от этого отвлечения творческая работа во многих отраслях нашей советской и партийной деятельности, нам действительно удалось в области военной добиться такого сосредоточения сил и достигнуть таких успешных результатов, которые не только нашими противниками, не только колеблющимися, но и большинством в нашей собственной среде, раньше были бы вероятно признаны невозможными. Ибо держаться два года при прямой и косвенной поддержке сначала германским империализмом, а потом еще более сильным, безраздельно захватившим весь мир, империализмом Антанты всех наших врагов —

держаться два года в стране, настолько разоренной и настолько отсталой, это такая задача, решение которой было несомненно «чудом». Поэтому, мне кажется, нам надо присмотреться, каким же образом вышло так, что это «чудо» осуществилось, и какие вытекают отсюда практические выводы, на основании которых мы могли бы с твердостью сказать, — а мне кажется, мы и действительно можем с твердостью сказать, что, как ни велики трудности внутреннего строительства, мы их в ближайшее время преодолеем так же успешно, как успешно разрешили вопросы военной обороны.

Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании, потерпел за эти два года поражения, и нам надо поставить прежде всего вопрос: как могло случиться, что в борьбе с всемирным империализмом, который без всякого сомнения и по сейчас еще во много раз сильнее нас, мы достигли такого громадного успеха? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо бросить общий взгляд на историю гражданской войны в России, на историю вмешательства Антанты. Мы должны прежде всего установить наличие в этой войне двух, коренным образом расходящихся по приему деятельности Антанты, периодов или двух основных методов ее военных действий против России.

Прежде всего, Антанта, победив Германию, при своем плане удушить Советскую республику в России, естественное дело, опиралась на свои собственные войска. И, разумеется, если бы Антанта, хотя бы небольшую долю своих гигантских армий, которые освободились после поражения Германии, — если бы она хотя бы только одну десятую долю этих войск могла двинуть настоящим образом против Российской Советской республики, то, само собой понятно, нам бы тогда не удержаться. И первый период гражданской войны в России характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую республику потерпела крушение. Английские войска, которые действовали на Архангельском фронте, Антанте пришлось убрать. Высадка французских войск на юге России кончилась рядом восстаний французских матросов, и в настоящее время, как ни свирепо еще действует военная цензура,—хотя войны нет, но бывшая военная, теперь невоенная цензура продолжает существовать в якобы свободных странах Англии и Франции,—и как ни редки доходящие до нас экземпляры газет, мы все-таки имеем совершенно точные документальные данные из Англии и Франции, которые показывают, что сведения, например, о восстании матросов на французских военных судах в Черном море, во французскую прессу попали, что осуждение нескольких французских матросов на каторгу стало известно во Франции, что вся коммунистическая, вся революционная рабочая пресса Франции и Англии на эти факты ссылается, что, например,

имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла: даже такая газета, как «Юманите», которая, в сущности говоря, по основным своим принципам стоит ближе всего к точке зрения наших меньшевиков и эс-эров, даже эта газета имя Лябурб сделала лозунгом борьбы против французского империализма, за невмешательство в дела России. Точно также письма английских солдат, побывавших на Архангельском фронте, обсуждались в английской рабочей прессе. Об этом у нас есть совершенно точные документальные данные. Поэтому нам ясно, что здесь действительно произошел величайший сдвиг, на который мы раньше всегда указывали, на который глубоко надеялись, и который хотя и с необычайной медленностью, но несомненно стал за последнее время фактом.

Этот сдвиг неизбежно вызывался самим ходом вещей. Именно те страны, которые больше всего считались и считаются демократическими, цивилизованными и культурными, именно они вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности. Большевиков обвиняют в нарушении демократизма, — это ходячий довод против нас у меньшевиков и эс-эров и у всей европейской буржуазной печати. Но ни одно из этих демократических государств не решилось и не посмеет по законам своей собственной страны объявить войну Советской России. Рядом с этим идет внешне незаметный, но очень глубокий протест со стороны рабочей печати, которая заявляет: где в нашей конституции, в конституции Франции, Англии и Америки, те законы, которые позволяют вести войну, не объявляя ее и не спрашивая парламента? и в печати Англии, Франции и Америки делались предложения предать суду главы своих государств за государственные преступления, за объявление войны без разрешения парламента. Такие предложения делались. Правда, они делались в листках, выходящих не чаще раза в неделю, конфискуемых, вероятно, не реже раза в месяц, имеющих распространение в несколько сот или несколько тысяч экземпляров. Такими листками вожди ответственных правительственных партий могли и пренебрегать. Но тут нужно отметить две основные струи: господствующие классы во всем мире издают ежедневно миллионы экземпляров известных капиталистических газет, которые наполнены неслыханной ложью и клеветой против большевиков. Внизу же, в рабочих массах знают от тех солдат, которые вернулись из России, о лживости всей этой кампании. Таким образом создается необходимость для Антанты убрать свои войска из России.

Когда мы с самого начала говорили, что ставим ставку на всемирную революцию, над этим смеялись и сотни раз объ-

являли, и сейчас объявляют, это несбыточным. Но мы за два года получили точный материал для проверки. Мы знаем, что если говорить об этой ставке в смысле надежды на быстрое непосредственное восстание в Европе, то этого не было. Но что эта ставка оказалась в основе своей глубоко верной и что она вырвала с самого начала почву для вооруженного вмешательства Антанты, — после двух лет и особенно после поражения Колчака, после ухода английских войск из Архангельска и со всего Северного фронта, — это бесспорнейший исторический факт. Было достаточно самого небольшого количества из имевшихся армий Антанты, чтобы нас задавить. Но мы смогли победить врага, потому что в самый трудный момент сочувствие рабочих всего мира показало себя. И, таким образом, из этого первого периода нашествия Антанты на нас нам удалось выйти с честью. Мне припоминается, что в одной статье, кажется тов. Радека, говорилось, что соприкосновение войск Антанты с горячей почвой России, зажегшей пожар социалистической революции, зажжет и эти войска. Действительность показала, что так и произошло на самом деле. Нечего говорить о том, что процессы, происходящие среди английских и французских солдат и матросов, знающих имена тех, кто расстрелян за большевистскую агитацию, нечего говорить о том, что, как ни слабы эти процессы, как ни слабы там коммунистические организации, — они делают работу гигантскую. Результаты налицо: они заставили Антанту убрать свои войска назад. Только это дало нам первую крупнейшую победу.

Второй прием Антанты, вторая система ее борьбы состояла в том, чтобы использовать против нас маленькие государства. В конце августа этого года шведская газета сообщила, будто бы военный министр Англии Черчилль заявил, что на Россию будут наступать 14 государств и что, следовательно, в ближайший срок, во всяком случае в конце года, падение Петрограда и Москвы обеспечено. Кажется, Черчилль потом опроверг это заявление, сказав, что его выдумали большевики. Но мы имеем точные сведения о том, в какой шведской газете это сообщение было помещено. Поэтому мы утверждаем, что это сообщение исходит из европейских источников. Кроме того, оно подтверждается фактами. На примере Финляндии и Эстляндии мы с абсолютной точностью установили, что Антанта заключила обязательство, чтобы они наступали против России. Мне лично пришлось читать одну передовицу английской газеты «Таймс», посвященную вопросу о Финляндии [172]), в такое время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда и опасность для последнего была самая гигантская. Статья эта прямо кипела негодованием, возмущением и написана была с неслыханной, необычайной для газеты страстностью (обыкновенно подобные газеты пишутся дипломатически, как у

нас писалась милюковская «Речь»). Это была самая бешеная прокламация, обращенная к Финляндии и ставящая вопрос ребром: судьба мира зависит от Финляндии, на которую смотрят все цивилизованные капиталистические страны. Мы знаем, что момент, когда войска Юденича были в нескольких верстах от Петрограда, был момент решающий. Безразлично, говорил или не говорил вышеприведенные слова Черчилль, но такую политику он вел. Известно, какое давление оказывал империализм Антанты на эти маленькие страны, наскоро созданные, бессильные, целиком зависящие от Антанты даже в самых насущных вопросах, как вопрос продовольствия, и во всех других отношениях. Вырваться из этой зависимости они не могут. Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас. История последнего похода Юденича на Петроград показала окончательно, что этот второй метод ведения войны Антантой сорвался. Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или — немного более — помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда. Нет никакого сомнения, что, сознавая важность положения, Антанта сделала все усилия, чтобы добиться этой помощи, и тем не менее она потерпела крах.

Это — вторая гигантская международная победа, которую мы одержали, и победа более сложная, чем первая. Первая была одержана потому, что оказалось, что французские и английские войска действительно нельзя держать на территории России: они не воюют, а доставляют Англии и Франции бунтовщиков, поднимающих английских и французских рабочих против своих правительств. Но оказалось, что, хотя Россию и окружили и окружают умышленно кольцом маленьких государств, создаваемых и поддерживаемых, понятно, в целях борьбы против большевизма, и это оружие обращается против Антанты. Мы имеем во всех этих государствах буржуазные правительства, почти всегда имеющие в своем составе буржуазных соглашателей, людей, которые идут против большевиков в силу своего классового положения. Каждая из этих наций настроена безусловно решительно враждебно к большевикам, тем не менее нам удалось этих буржуа и соглашателей повернуть на свою сторону. Это кажется невероятным, но это именно так, потому что каждое из этих государств после пережитой империалистской войны не может не колебаться в вопросе о том, расчет ли им бороться сейчас против большевиков, когда другим претендентом на власть в России, претендентом, дающим основание считать его солидным, является только Колчак или Деникин, т.-е. представители старой империалистской России, потому что в этом для них со-

мнений нет. Следовательно, мы получили возможность опереться на другую трещину в лагере империализма. Если первые месяцы после нашей революции мы держались потому, что германский и английский империализм были в мертвой схватке друг с другом, если после этого полугодия мы держались еще больше полугода потому, что войска Антанты оказались неспособными бороться против нас, то следующий год, за который приходится преимущественно теперь отчитываться, мы продержались с успехом потому, что попытка великих держав, под влиянием которых безусловно и безоговорочно находятся все маленькие страны, попытка их мобилизовать маленькие страны против нас, потерпела крушение из-за противоречия интересов международного империализма и интересов этих стран. Каждая из этих маленьких стран уже испытала на себе лапы Антанты. Они знают, что когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость» — это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале. Кроме того, мы вас третируем с наглостью офицера, который приехал в чужую страну управлять и спекулировать и ни с кем не желает считаться». Они знают, что сплошь и рядом английский посол в такой стране значит больше, чем любой тамошний царь или парламент. И если этих истин мелко-буржуазные демократы до сих пор понять не могли, то теперь действительность заставляет их это понять. Оказывается, что по отношению к буржуазным и мелко-буржуазным элементам маленьких стран, которых грабят империалисты, мы представляем из себя если не союзников, то соседей более надежных и ценных, чем империалисты.

Это — вторая победа, которую мы одержали над международным империализмом.

Вот почему мы вправе теперь сказать, что главные трудности у нас позади. Нет никаких сомнений, что Антанта сделает еще очень много попыток военного вмешательства в наши дела. Если последние победы над Колчаком, над Юденичем заставили представителей всех этих держав говорить теперь о том, что поход на Россию безнадежен, и предлагать мир, то мы должны дать себе ясный отчет, какое значение имеют подобные выступления. Я бы просил тут не записывать...

Если мы у представителей буржуазной интеллигенции, у беспощадных врагов наших вырвали такие признания, мы вправе и тут сказать, что симпатии не только рабочего класса на стороне Советской власти, но и широких кругов буржуазной интеллигенции. Представители обывателей, мелкой буржуазии, тех, кто в бешеной схватке труда с капиталом колебались, стали решительно на нашу сторону, и на поддержку их мы можем теперь отчасти рассчитывать.

Эта победа должна нами учитываться, и если мы ее поставим

в связь с тем, каким образом, в конце концов, нам досталась победа над Колчаком, вывод получится еще более убедительный... и тут можно начать писать, потому что дипломатия тут кончилась.

Если мы поставим вопрос, какие силы обусловили нашу победу над Колчаком, то мы должны будем признать, что победа над Колчаком, несмотря на то, что он действовал на территории, где меньше всего пролетариата и где крестьянину мы не могли дать непосредственной реальной помощи для свержения помещичьей власти, какую мы ему дали в России, несмотря на то, что Колчак начинал с фронта, который был поддержан меньшевиками и эс-эрами, образовавшими фронт Учредительного Собрания, несмотря на то, что там были наилучшие условия для того, чтобы создать правительственную власть, опирающуюся на помощь всемирного империализма, — тем не менее этот эксперимент окончился полным поражением Колчака. Из этого мы имеем право сделать тот вывод, который является самым существенным для нас и во всей нашей деятельности должен нами руководить: исторически побеждает тот класс, который может вести за собой массу населения. Если меньшевики и эс-эры до сих пор говорят об Учредительном Собрании, о воле нации и т. д., то мы за это время убедились на опыте в том, что в революционное время классовая борьба ведется в формах самых ужасных и может привести к победе только тогда, когда класс, который ведет ее, способен вести за собой большинство населения. В этом отношении то сравнение, которое было произведено не голосованием билетиками, а более чем годичным опытом самой тяжелой, самой кровавой борьбы, которая требовала жертв во сто раз больше, чем та или другая политическая борьба, — этот опыт по отношению к Колчаку показал, что мы осуществляем господство того самого класса, большинство которого умеем вести за собой лучше, чем какая бы то ни было другая партия, присоединяя к себе в друзья и союзники крестьянство. Это доказал пример Колчака. Этот пример в отношении социальном является для нас самым последним нашим уроком. Он показывает, на кого мы можем рассчитывать, и кто идет против нас.

Рабочий класс, как он ни ослаблен империалистской войной и разрухой, осуществляет политическое господство, но он этого не мог бы сделать, если бы не привлек к себе в союзники и друзья большинство трудящегося населения, в русских условиях — крестьянство. Это осуществилось в Красной армии, где мы смогли использовать специалистов, в большинстве настроенных против нас, и создать ту армию, которая, по признанию наших врагов эс-эров в резолюции последнего совета их партии, представляет армию не наемников, а народную[173]). Рабочий класс смог создать эту армию, большинство которой принадлежит не

к его классу, смог использовать специалистов, настроенных против него, только потому, что он мог вести за собой, мог превратить в своих друзей и союзников ту массу трудящихся, которая связана с мелким хозяйством, которая связана с собственностью и которая поэтому стремится неуклонно к свободной торговле, т.-е. к капитализму, к возвращению власти денег. В этом—основа всего того, чего мы за два года добились. Во всей дальнейшей нашей работе, во всей дальнейшей нашей деятельности, в той деятельности, к которой нужно приступить в освобождаемой Украине, и в том строительстве, вся тяжесть и вся важность задач которого развернется после победы над Деникиным, этот основной урок мы должны больше всего зарубить себе на носу, больше всего должны его памятовать. Политические итоги нашей деятельности, мне кажется, больше всего к этому сводятся и в этом суммируются.

Товарищи! Было уже сказано, что война есть продолжение политики [171]). Мы это испытали на своей собственной войне. Война империалистская, которая была продолжением политики империалистов, господствующих классов, помещиков и капиталистов, вызывала в народных массах враждебное отношение и была лучшим средством революционизирования этих масс. Она у нас, в России, облегчила свержение монархии и свержение помещичьего землевладения и буржуазии, которое произошло с неслыханной легкостью только потому, что империалистская война была продолжением, обострением, обнаглением империалистской политики. А наша война была продолжением нашей коммунистической политики, политики пролетариата. До сих пор мы читаем у меньшевиков и эс-эров и слышим от беспартийных и колеблющихся людей: «Вы обещали мир, а дали войну, вы обманули трудящиеся массы». А мы говорим, что трудящиеся массы, хотя они и не учились марксизму, но тем не менее своим классовым инстинктом угнетенных людей, людей, которые десятки лет чувствовали на своей шкуре, что̀ такое помещики и капиталисты, — они разницу между войной империалистской и гражданской усвоили. Для всех тех, кто испытал на своей шкуре десятки лет угнетения, для всех тех эта разница между войнами понятна. Империалистская война была продолжением империалистской политики. Она восстанавливала массы против своих владык. Гражданская же война против помещиков и капиталистов была продолжением политики свержения этих помещиков и капиталистов, и с каждым месяцем развитие этой войны укрепляло связь трудящихся масс с пролетариатом, который руководит этой войной. Как ни много было испытаний, как ни часты были громадные поражения, как ни тяжелы были эти поражения, как ни часты бывали моменты, когда враг одерживал громаднейшие победы, и существование Советской власти

висело на волоске, — такие моменты бывали, — но мы должны сказать, что опыт, который мы пережили, — очень солидный опыт. Этот опыт показал, что война укрепляет сознание трудящихся масс и показывает им преимущество Советской власти. Люди наивные, или люди, целиком живущие предрассудками старого мещанства и старого буржуазно-демократического парламентаризма, ждут от крестьянина, чтобы он избирательным бюллетенем решил, идет ли он с большевиками-коммунистами, или с эс-эрами; иного решения они не желают признавать, потому что они сторонники народоправства, свободы, Учредительного Собрания и т. д. А жизнь решила так, что крестьянину пришлось этот вопрос проверять на деле. После того, как в Учредительном Собрании он дал большинство эс-эрам, после того, как политика эс-эров потерпела крах, и крестьянам пришлось практически иметь дело с большевиками, крестьянин убедился, что это власть твердая, власть, которая требует довольно многого, что это власть, которая умеет добиться исполнения этих требований во что бы то ни стало, что это власть, которая признает ссужение хлебом голодного безусловным долгом крестьянина, хотя бы это было без эквивалента, что это власть, которая добивается во что бы то ни стало передачи этого хлеба голодающим. Это крестьянин видел, он сравнил эту власть с властью Колчака и Деникина и сделал выбор не путем голосования, а путем решения вопроса на практике, когда ему пришлось испытать и ту и другую власть. Крестьянин решает и будет решать этот вопрос в нашу пользу.

Вот что нам доказала история поражения Колчака и что нам доказывают наши победы на юге. Вот почему мы говорим, что действительно массы миллионов людей, живущих в деревнях, миллионы крестьян окончательно становятся на нашу сторону. В этом, мне кажется, заключается главный политический урок, который мы вынесли за это время, и который мы должны применить к тем задачам внутреннего строительства, которые теперь, по завершении нашей победы над Деникиным, будут стоять на очереди дня, так как мы получили возможность сосредоточиться на внутреннем строительстве.

До сих пор больше всего мелкая буржуазия в Европе обвиняла нас в нашем терроризме, в нашем грубом подавлении интеллигенции и обывателя. На это мы скажем: «Все это навязали нам вы, ваши правительства». Когда нам кричат о терроре, мы отвечаем: «А когда державы, имеющие в руках всемирный флот, имеющие в руках военные силы в сто раз больше наших, обрушиваются на нас и заставляют воевать против нас все малые государства, — это не был террор?» — Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. Даже Германия помогала по-

стоянно Антанте еще с тех времен, когда она, не будучи побеждена, питала Краснова, и до последнего времени, когда та же Германия блокирует нас и оказывает прямое содействие нашим противникам. Этот поход всемирного империализма, этот военный поход против нас, этот подкуп заговорщиков внутри страны,— разве это не был террор? Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы. Нужно было действовать внутри страны со всей настойчивостью, нужно было собрать все силы. Здесь мы не хотели оказаться — и мы решили, что не окажемся — в том положении, в каком оказались соглашатели с Колчаком в Сибири, в каком завтра будут немецкие соглашатели, воображающие, будто они представляют правительство и опираются на Учредительное Собрание, а на деле сотня или тысяча офицеров в любой момент может дать такому правительству по шапке. И это понятно, потому что это офицерство представляет из себя массу обученную, организованную, великолепно знающую военное дело, имеющую в своих руках все нити, превосходно информированную насчет буржуазии и помещиков, обеспеченную их сочувствием.

Это показала история всех стран после империалистской войны, и теперь перед лицом такого террора со стороны Антанты мы имеем право прибегнуть к этому террору.

Из этого вытекает, что обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну.

И тут, говоря о терроризме, надо сказать и об отношении к тому среднему слою, к той интеллигенции, которая больше всего жалуется на грубость Советской власти, жалуется на то, что Советская власть ставит ее в положение худшее, чем прежде.

То, что мы можем при наших скудных средствах сделать по отношению к интеллигенции, мы делаем в ее пользу. Мы знаем, конечно, как мало значит бумажный рубль, но мы знаем также, что представляет собою частная спекуляция, которая дает известную подмогу тем, кто не может прокормиться при помощи наших продовольственных органов. Мы даем в этом отношении буржуазной интеллигенции преимущества. Мы знаем, что в момент, когда на нас обрушился мировой империализм, мы должны были провести строжайшую военную дисциплину и дать отпор всеми силами, которые были в нашем распоряжении. И, конечно, ведя революционную войну, мы не можем делать так, как делали все

буржуазные державы, свалившие всю тяжесть войны на трудящиеся массы. Нет, тяжесть гражданской войны должна быть и будет разделена и всей интеллигенцией, и всей мелкой буржуазией, и всеми средними элементами, — все они будут нести эту тяжесть. Конечно, им будет гораздо тяжелее нести эту тяжесть, потому что они десятки лет были привилегированными, но мы должны в интересах социальной революции эту тяжесть возложить и на них. Так мы рассуждаем и действуем, и мы иначе не можем.

Конец гражданской войны будет шагом к улучшению положения этих групп. Мы же и теперь нашей тарифной политикой доказываем и в нашей программе заявили, что признаем необходимость поставить эти группы в положение лучшее, потому что невозможен переход от капитализма к коммунизму без использования буржуазных специалистов, и все наши победы, все победы нашей Красной армии, руководимой пролетариатом, привлекшим на свою сторону полутрудовое, полусобственническое крестьянство, мы одерживали отчасти благодаря умению использовать буржуазных специалистов. Эта наша политика, выраженная в военном деле, должна стать политикой нашего внутреннего строительства.

Опыт, который мы проделали за это время, говорит нам, что мы очень часто рядом с постройкой фундамента здания брались за постройку купола, всяких украшений и т. д. Может быть, это было необходимо до известной меры для социалистической республики. Может быть, мы должны были строить во всех областях народной жизни. Вполне естественно это увлечение строительством во всех областях. Если посмотреть на опыт нашего государственного строительства, мы сплошь и рядом увидели бы много построек начатых, брошенных, таких, глядя на которые, можно сказать себе: может быть, надо было бы с этой постройкой подождать, а сначала сделать основное. Вполне понятно, что все деятели, естественно, увлекаются теми задачами, которые могут быть выполнены только после установки фундамента. Но мы из этого опыта можем теперь сказать, что в дальнейшем мы больше сосредоточим свои усилия на основном, на фундаменте, на тех простейших задачах, которые всего труднее решить, но которые мы все-таки решим. Это — задача о хлебе, задача о топливе, задача борьбы со вшами. Вот три простейших задачи, которые дадут нам возможность построить социалистическую республику, и тогда мы победим весь мир во сто раз более победоносно, торжественно и триумфально, чем отразим нападение Антанты.

По вопросу о хлебе: мы далеко пошли в применении разверстки. Наша продовольственная политика дала возможность за второй год собрать хлеба втрое больше, чем за первый. За три месяца последней кампании заготовлено хлеба больше, чем за

три месяца прошлого года, хотя, как вы услышите из доклада Наркомпрода, произошло это при трудностях, несомненно, больших. Один набег Мамонтова, который захватил южную часть центральной земледельческой полосы, обошелся нам очень дорого. Но мы научились применять разверстку, т.-е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба. Мы знаем, что крестьянин дает хлеб в ссуду; мы говорим ему: должен ли ты задерживать хлеб, дожидаясь эквивалента, чтобы рабочий умирал с голода? Хочешь ли ты торговать на вольном рынке, возвращая таким образом нас назад к капитализму? Многие интеллигенты, читавшие Маркса, не понимают, что свобода торговли есть возврат к капитализму, но крестьянин это понимает гораздо легче. Он понимает, что продавать хлеб по вольным ценам, когда голодный готов заплатить сколько угодно, готов отдать все, что у него есть, чтобы не умереть с голоду, что это есть возврат к эксплуатации, что это есть свобода наживы для богатых и разорения для бедных. И мы говорим, что это есть государственное преступление, и в борьбе с этим мы не уступим ни на йоту.

В этой борьбе за разверстку хлеба крестьянину приходится оказывать ссуду голодному рабочему — это есть единственный способ для того, чтобы начать правильное строительство, для того, чтобы восстановить промышленность и т. д. Если крестьянин этого не делает, это есть возвращение к капитализму. Если крестьянин чувствует свою связь с рабочими, он готов отдать излишки хлеба по твердым ценам, т.-е. за простую цветную бумажку, — это вещь необходимая, без этого нельзя спасти голодного рабочего от смерти, без этого нельзя восстановить промышленность. Эта задача неимоверно трудная. Нельзя решить эту задачу одним только насилием. Как бы ни кричали, что большевики есть партия насилия над крестьянами, мы говорим: господа, это — ложь!.. Если бы мы были партией насилия над крестьянами, то как бы мы могли удержаться против Колчака, как бы мы могли создать армию со всеобщей воинской повинностью, в которой восемь десятых — крестьяне, в которой все вооружены, в которой все на примере империалистской войны видели, что та же самая винтовка легко поворачивается в разные стороны? Как можем мы быть партией насилия над крестьянами, мы, — партия, которая осуществляет союз рабочих с крестьянами, которая говорит крестьянам, что переход к свободной торговле есть возврат к капитализму, и что наши насильственные изъятия излишков применяются к спекулянту, а не к трудящимся?

Разверстка хлеба должна лечь в основу нашей деятельности. Продовольственный вопрос лежит в основе всех вопросов. Мы

должны много сил отдать для борьбы против Деникина. Пока нет полной победы, всегда еще возможны повороты, и ни малейшего сомнения и легкомыслия быть не может. Но, при малейшем улучшении военного положения, мы должны как можно больше сил уделить на продовольственную работу, ибо это — основа всего. Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социалистическом фундаменте все то роскошное здание социализма, которое мы не раз начинали строить сверху и которое не раз разрушалось.

Другой основной вопрос — это вопрос о топливе, главном фундаменте нашего строительства. Это тот вопрос, на который натолкнулись мы теперь, когда не можем использовать наших продовольственных успехов, так как не можем подвезти хлеб, не можем использовать наших побед полностью, потому что нет топлива. У нас еще нет настоящего аппарата для того, чтобы сладить с топливным вопросом, но есть возможность сладить с ним.

Вся Европа испытывает теперь угольный голод. В самых богатых странах-победительницах, даже таких, как Америка, которая не испытала ни походов, ни вторжений, — если там так остро ставится вопрос о топливе, естественно, что он отражается и на нас. Угольную промышленность мы не можем восстановить даже при самых лучших условиях раньше, чем в несколько лет.

Нужно спасаться посредством дров. Для этого мы бросаем новые и новые партийные силы на эту работу. В Совете Народных Комиссаров и в Совете Обороны в течение последней недели главное внимание было уделено этому вопросу и проведен ряд мер, которые должны дать в этом отношении такой же перелом, какого мы добились по отношению к нашим армиям Южного фронта. Надо сказать, что нельзя ослаблять в этом отношении нашу деятельность, что каждый наш шаг должен быть шагом победы в борьбе против топливного голода. Средства материальные у нас есть. Пока мы не поставим как следует угольную промышленность, мы можем обойтись посредством дров и обеспечить топливом промышленность. На эту основную задачу, товарищи, мы должны дать все партийные силы.

Третья наша задача есть борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством.

Здесь первый шаг нашей борьбы за культуру и здесь борьба за существование.

Это основные задачи. К ним я хотел бы больше всего привлечь внимание товарищей, принадлежащих к партии. На эти

основные задачи до сих пор мы обращали внимания непропорционально мало. Девять десятых наших сил, что остались от военной работы, которую нельзя ослаблять ни на секунду, необходимо направить на эту первейшую задачу. Мы теперь ясно представляем себе остроту этого вопроса. Каждый в меру своих сил должен приложить свои усилия к этому делу. На это мы должны направить все наши силы.

Этим я кончаю политическую часть доклада. Что касается международной части, то тов. Чичерин осветит ее детально и прочтет то предложение, которое мы хотим сделать от имени съезда Советов воюющим державам *).

Я коснусь совсем коротко партийных задач. Наша партия в ходе революции стала перед одной из крупнейших задач. С одной стороны, естественно, что к правящей партии примыкают худшие элементы уже потому, что эта партия есть правящая. С другой стороны, рабочий класс истощен и в разоренной стране, естественно, ослаблен. Между тем только передовая часть рабочего класса, только его авангард в состоянии вести свою страну. Чтобы осуществить эту задачу в смысле общегосударственного строительства, мы применяли, как одно из средств, субботники. Мы выставили лозунг: в нашу партию идут те, которые прежде всего мобилизуются на фронт; те же, кто не может воевать, должны на месте доказать, что они понимают, что такое рабочая партия, должны показать применение принципов коммунизма на деле. А коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы, в размере платы и вообще принципа распределения всех продуктов. Это есть один из крупнейших залогов того, что не только в области военного, но и в области мирного строительства мы включаем рабочий класс и трудящихся. Дальнейшее развитие коммунистических субботников должно быть школой. Каждый шаг должен сопровождаться тем, что мы привлекаем в свою партию элементы рабочие и наиболее надежные элементы из других классов. Мы этого достигаем перерегистрацией. Мы не боимся приступать к изъятию тех, кто не вполне надежен. Мы достигает этого также тем, что доверяем члену партии, приходящему к нам в трудную минуту. Те члены партии, как показывает сегодняшний отчет Центрального Комитета, те тысячи и сотни тысяч, которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла, когда вся буржуазия уже ликовала, эти члены партии заслуживают нашего доверия. Такое расширение партии мы ценим.

*) См. настоящий том, стр. 576. *Ред.*

После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента. Мы должны создавать партию, которая будет партией рабочих, в которой нет места примазывающимся, но мы должны привлекать к работе и массы, стоящие вне ее. Как это сделать? Средство здесь — рабочие и крестьянские беспартийные конференции. Недавно в «Правде» была напечатана статья о беспартийных конференциях. Эта статья, статья тов. Ростопчина, заслуживает гигантского внимания [175]). Я не знаю иного средства, которое решало бы эту задачу глубочайшей исторической важности. Партия не может раскрывать широко своих ворот, так как в эпоху разложения капитализма абсолютно неизбежно, что она вберет в себя элементы худшие. Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью. Но у нас имеется несколько сот тысяч членов партии на страну, насчитывающую сотни миллионов населения. Как может такая партия управлять? Во-первых, у нее есть и должны быть помощником профессиональные союзы, которые охватывают миллионы, вторым помощником являются беспартийные конференции. К этим беспартийным конференциям мы должны относиться так: мы должны уметь подойти к их среде, среде непролетарской, должны преодолеть предрассудки и мелко-буржуазные колебания — это одна из самых коренных и основных задач. Мы должны учитывать успех наших партийных организаций не только тем, сколько членов партии работает на той или иной работе, не только тем, как успешно производится перерегистрация, но еще и тем, достаточно ли правильно и часто устраиваются эти беспартийные рабочие и крестьянские конференции, т.-е. уменьем подойти к той массе, которая не может сейчас войти в партию, но которую мы должны привлечь к работе. Если мы победили Антанту, так это может быть потому, что мы снискали симпатии среди рабочего класса, среди этой самой беспартийной массы. Если мы, в конце концов, победили Колчака, то, может быть, именно потому, что Колчак потерял возможность черпать дальнейшие силы из резервуара трудящихся масс. А у нас есть такой резервуар, какого нет ни у одного правительства в мире и которого не может быть ни у какого правительства в мире, кроме правительства рабочего класса, потому что только правительство рабочего класса может смело черпать, с абсолютной уверенностью в успехе, из среды трудящихся самых угнетенных, самых отсталых. Мы можем и должны черпать из среды беспартийных рабочих и

крестьян, потому что это наши вернейшие друзья. Для решения этих задач, задач обеспечения хлебом, топливом, победы над сыпным тифом, мы можем черпать силы именно из этих масс, больше всего угнетенных капиталистами и помещиками. И поддержка этих масс нам обеспечена. Мы будем продолжать все глубже и глубже черпать из этой среды, и мы можем сказать, что, в конце концов, победим всех наших противников. И в области мирного строительства, которое мы развернем после победы над Деникиным настоящим образом, мы сделаем еще гораздо больше чудес, чем сделали за эти два года в области военной.

«Известия Ц.К. Р.К.П. (б.)» № 9, 20 декабря 1919 г.

Печатается по тексту «Известий Ц.К. Р.К.П.(б.)», сверенному со стенограммой.

3.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДОКЛАДУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 2 ДЕКАБРЯ.

Я отказался бы от заключительного слова, если бы меня не подзадорил тов. Сапронов, и мне хочется с ним немножко пополемизировать. Нет сомнения, что к местным работникам, имеющим организационный опыт, нужно прислушиваться. Все их советы ценны для нас. Но я спрашиваю, что худого в том, что тут написано? Я не знаком был с этим пунктом, Сапронов дал мне его. Тут написано: «Проект инструкции губернским, уездным и волостным комитетам по работе в деревне» [176]). Значит, инструкция направлена к тем местным работникам, через которых ведется вся местная работа. Если говорят о посылке агитаторов, комиссаров, агентов или уполномоченных Центрального Комитета, то они всегда и безусловно получают инструкции. В 9 пункте здесь говорится: «Добиться от хозяйственных коммун непосредственной и реальной помощи окрестным крестьянам». Я все-таки полагал, что даже агент Центрального Комитета имеет голову на плечах. Если действительно утверждено положение, то как он может требовать, чтобы отдали телегу, лошадь и т. д.? У нас имеется на этот счет достаточно инструкций, некоторые даже говорят, что их излишне много. И агент Ц. К. может добиваться чего-либо только в пределах инструкции, и ни один заведующий коммуной не может допустить, чтобы отдавали телегу, лошадь или корову. Но это вопрос серьезный, ибо на этой почве у нас часто с крестьянами портятся отношения, а на Украине могут быть второй раз испорчены, если мы не сумеем провести своей политической линии в жизнь. А провести ее не трудно, и крестьяне будут рады помощи даже маленькой. Надо не только принять инструкцию, но и уметь ее провести. Если тов. Сапронов боится, что у советского хозяйства отнимут корову, лошадь, телегу, то пусть он поделится с нами своим великолепным опытом в этом пункте и скажет: давайте дадим крестьянам орудия даром или по дешевой цене; это я понимаю. Но во всяком случае 9 пункт не будет этим устранен, а подтвержден. Отношения коммун и советских хозяйств к окружающему крестьянству, это — один из самых больных вопросов всей нашей политики. Он будет таковым еще больше на Украине, завтра он станет таковым же и в Сибири. Сейчас мы идейно завоевали сибирского крестьянина и тем освободили его от Колчака. Но

это не будет прочно, если мы не сумеем поставить этого дела так, чтобы этому крестьянину оказывалась реальная помощь, и, конечно, всякий агент, работающий в деревне, должен такую инструкцию получить. И всякого агента при отчете надо спрашивать: где же и чем помогли крестьянину советские хозяйства? По этому пункту указания тов. Сапронова были неправильны. Использовать опыт местных работников — наша коренная, безусловная обязанность. (**Аплодисменты.**)

*«Известия Ц.К. Р.К.П. (б.)» № 9
20 декабря 1919 г.*

Печатается по тексту «Известий Ц.К. Р.К.П. (б.)», сверенному со стенограммой.

4.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. ЧИЧЕРИНА О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ 2 ДЕКАБРЯ[177]).

Российская Социалистическая Федеративная Советская республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, именно: 5 августа 1918 г. обращение Народного Комиссариата Иностранных Дел к американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — всем правительствам Согласия через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; затем обращения 12 января, 17 января, 4 февраля 1919 г. и проект договора с Буллитом 12 марта 1919 г.; 7 мая 1919 г. через Нансена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссариата Иностранных Дел, VII съезд Советов еще раз подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагая всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, Совету Народных Комиссаров и Народному Комиссариату Иностранных Дел систематически продолжать эту мирную политику (или: систематически продолжать эту мирную политику, принимая все необходимые для ее успеха меры).

Публикуется впервые. *Печатается по рукописи.*

5.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ВОПРОСУ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ 3 ДЕКАБРЯ [178]).

Товарищи! Мне немного придется говорить в заключительном слове, хотя, к сожалению, мне придется возражать больше не тов. Яковлеву, который говорил передо мной, а товарищам Бубнову и Дробнису, которые говорили после меня. Несмотря на это частное только замечание приходится сделать.

По поводу речи тов. Раковского приходится сказать, что когда он заявил, что советские хозяйства должны быть основанием нашего коммунистического строительства, то это неверно. Никоим образом так ставить дело мы не можем. Мы должны признать, что только весьма небольшую часть культурных хозяйств мы должны дать под советские хозяйства, иначе мы блока с мелким крестьянством не получим, а нам этот блок необходим. Когда некоторые товарищи говорили, что я рекомендую блок с боротьбистами [179]), то это недоразумение. Я здесь сравнивал политику, которую нужно вести по отношению к боротьбистам, с той политикой, которую мы вели по отношению к правым эс-эрам. Тогда нас обвиняли, в первую неделю после Октября, между прочим на крестьянских съездах,—за то, что мы, захватив власть, не хотим использовать сил крестьян. Я говорил: мы взяли вашу программу целиком для использования сил крестьян, мы этого хотим, но союза с эс-эрами мы не хотим. Поэтому тов. Мануильский находится в чрезвычайно странном заблуждении точно так же, как и товарищи Дробнис и Бубнов, заявляя, будто бы я рекомендую блок с боротьбистами. Мое мнение состоит именно в том, чтобы указать, что нам нужен блок с крестьянством Украины, и для того, чтобы этот блок осуществился, мы должны вести полемику с боротьбистами не так, как ее ведут. Все те, кто говорил о национальном вопросе, — это говорили и товарищи Дробнис и Бубнов и многие другие, — они в своей критике нашей цекистской резолюции *) показали, что они проявляют ту самую самостийность, в которой мы упрекали киевлян. Тов. Мануильский находится в чрезвычайном заблуждении, когда думает, что мы упрекали в самостийности в смысле национальном, в смысле независимости Украины. Мы упрекали в самостийности в смысле нежелания считаться с московскими взглядами,

*) См. настоящий том, стр. 552 — 554. *Ред.*

взглядами Центрального Комитета, находящегося в Москве. Это слово, которое употреблялось в шутку, имело совершенно иное значение.

Теперь вопрос стоит таким образом: нужен ли нам блок с украинским крестьянством, нужна ли нам такая же политика, какая нужна была в конце 17-го года и в течение многих месяцев 18-го? Я утверждаю, что нужна, и поэтому большую часть советских хозяйств нам нужно отдать для фактического раздела. Нам нужна борьба против крупных хозяйств, нам нужна борьба против мелко-буржуазных предрассудков, нам нужна борьба против партизанства. Боротьбисты говорят много о национальном вопросе, но не говорят о партизанстве. Мы должны требовать, чтобы боротьбисты разогнали спилку учителей, хотя бы на украинском языке, хотя бы с украинской государственной печатью, но во имя тех же принципов пролетарской коммунистической политики, во имя которых мы свой В. У. С., Всероссийский учительский союз, разогнали, ибо он не проводил принципов пролетарской диктатуры, а защищал интересы и проводил политику мелкой буржуазии.

Публикуется впервые. *Печатается по стенограмме*

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУН И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ АРТЕЛЕЙ 4 ДЕКАБРЯ 1919 Г. [180]).

Товарищи! Я очень рад приветствовать от имени правительства ваш первый съезд земледельческих коммун и сельско-хозяйственных артелей. Вы, конечно, все знаете из всей деятельности Советской власти, какое громадное значение придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное. Вы знаете, что Советская власть уже давно установила миллиардный фонд в помощь начинаниям такого рода [181]). В положении о социалистическом землеустройстве особенно подчеркнуто значение коммун, артелей и всех предприятий общественной обработки земли, и Советская власть направляет все свои усилия к тому, чтобы этот закон не оставался только на бумаге, но чтобы он действительно приносил пользу, которую он должен принести. Значение всех предприятий такого рода громадно, потому что, если бы прежнее, бедное, нищенское крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло бы быть и речи. Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу. Поэтому значение всякого рода предприятий по содействию товарищескому, артельному земледелию нельзя преувеличивать. Мы имеем миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств. Переделать эти хозяйства каким-нибудь быстрым способом, каким-нибудь приказом, воздействием извне, со

стороны, было бы мыслью совершенно нелепой. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне — люди слишком практичные, слишком крепко связаны со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения только на основании советов и указаний книжки. Этого быть не может, да это и было бы нелепостью. Лишь когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы вправе будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан серьезный шаг. Поэтому это громадное значение коммун, артелей и товариществ, возлагающее на всех вас громадные государственные и социалистические обязанности, естественным образом заставляет Советскую власть и ее представителей относиться к этому вопросу с особенным вниманием и осторожностью.

В нашем законе о социалистическом землеустройстве сказано, что мы считаем безусловной обязанностью всяких предприятий товарищеского, артельного земледелия не обособляться, не отстраняться от окрестного крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь. В законе это написано, в коммунальных уставах это повторено, в инструкциях нашего Комиссариата Земледелия это постоянно развивается — и это самое главное. Но все дело в том, чтобы найти действительно практический способ, как применить это к жизни. Здесь у меня нет еще уверенности в том, что мы эту главную трудность преодолели. И мне хотелось бы, чтобы ваш съезд, где вы имеете возможность поделиться друг с другом опытом собравшихся со всех концов России практических работников общественных хозяйств, положил конец всем сомнениям и доказал, что мы овладеваем, начинаем овладевать практически делом упрочения артелей, товариществ, коммун и вообще всякого рода коллективных, общественных земледельческих предприятий. Но чтобы это доказать, нужны, действительно, *практические* результаты.

Когда мы читаем уставы земледельческих коммун, или книги, посвященные этому вопросу, то кажется, что мы слишком много места в них уделяем пропаганде, теоретическому обоснованию необходимости организации коммун. Конечно, это вещь необходимая — без обстоятельной пропаганды, без разъяснения преимуществ товарищеского земледелия, без повторения этой мысли тысячи и тысячи раз, мы не можем рассчитывать, что в широких массах крестьянства поднимется интерес и начнется практическое испытание способов его проведения в жизнь. Конечно, пропаганда необходима, и повторений нам бояться нечего, потому что то, что для нас кажется повторением, для многих

сотен и тысяч крестьян будет, пожалуй, не повторением, а в первый раз открываемой ими истиной. И если у нас является мысль, что мы слишком много внимания уделяем пропаганде, то нужно сказать, что нам необходимо еще в сто раз больше это делать. Но если я это говорю, то говорю в том смысле, что если мы подходим к крестьянству с общим разъяснением полезности устройства земледельческих коммун и, на-ряду с этим, не умеем на деле показать ему практическую пользу, приносимую ему товарищескими, артельными хозяйствами, то оно не станет оказывать доверия нашей пропаганде.

Закон говорит, что коммуны, артели, товарищества должны помогать окрестному крестьянскому населению. Но государство, рабочая власть дает миллиардный фонд для того, чтобы оказывать помощь земледельческим коммунам и артелям. И, конечно, если та или иная коммуна будет оказывать крестьянам помощь из этого фонда, то я боюсь, что это вызовет со стороны крестьян только насмешки. И это будет вполне основательно. Всякий крестьянин скажет: «Разумеется, если вам миллиардный фонд дают, то вам, ведь, нетрудно кое-что из этого и нам бросить». Я боюсь, что крестьянин только посмеется над этим, ибо к этому вопросу он относится очень внимательно и очень недоверчиво. Крестьянин привык со стороны государственной власти в течение многих веков встречать лишь одно угнетение, поэтому он привык относиться недоверчиво ко всему, что идет от казны. И если помощь со стороны сельско-хозяйственных коммун крестьянам будет осуществляться только для того, чтобы исполнить слово закона, то такая помощь будет не только бесполезна, но из нее может получиться только вред. Ибо название сельско-хозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского. хозяйства — тогда, несомненно, поднимется авторитет и коммунистов и коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывало так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе и слово «коммуна» делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма. И так бывало не только тогда, когда делались нелепые попытки насильственным путем загнать крестьян в коммуны. Нелепость этого так резко бросалась всем в глаза, что Советская власть давным давно выступила против них. И я надеюсь, что если теперь и встречаются единичные примеры этого насилия, то их немного, и вы воспользуйтесь настоящим съездом для того, чтобы последние следы этого безобразия полностью стереть с лица Советской республики, и чтобы ни на один пример не могло сослаться окрестное крестьянское население для поддержки того старого мнения, будто бы вступление в коммуну связано с каким-либо насилием.

Но даже, если мы от этого старого недостатка отделаемся и полностью победим это безобразие, то все же это будет самой небольшой долей того, что нам следует сделать. Ибо необходимость помощи коммунам со стороны государства осталась, и мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется. Для того же, чтобы оно привилось, нам надо именно в виду того, что государство приходит к нему с денежной и со всякого рода иной помощью, добиться того, чтобы крестьяне не могли встретить это с насмешкой. Мы должны всегда опасаться того, чтобы крестьянин не сказал про коммунара и членов артелей и товариществ, что они — казенные нахлебники и отличаются от крестьян только тем, что им дают льготу. Если дать землю да пособие на постройку из миллиардного фонда, то всякий дурак будет жить немножко получше, чем простой крестьянин. Что же тут коммунистического и какое здесь улучшение — скажет крестьянин: — за что же мы их должны уважать? Конечно, если выбрать несколько десятков или сотен человек и дать им миллиарды, они будут работать.

Вот такое именно отношение со стороны крестьян больше всего внушает опасений, и я хотел бы обратить внимание товарищей, съехавшихся на этот съезд, на этот вопрос. Его необходимо практически решить так, чтобы мы могли сказать себе, что мы не только избежали этой опасности, но и нашли средства бороться за то, чтобы крестьянин так думать не мог, но, наоборот, чтобы он в каждой коммуне, в каждой артели увидал нечто такое, чему государственная власть помогает, и нашел бы в ней новые способы земледелия не в книгах и не в речах, — это очень дешево, — но в практической жизни, показывающие свои преимущества перед старым. Вот в чем трудность решения задачи, и вот почему и нам, имея перед глазами только сухие цифры, трудно судить о том, доказали ли мы на деле, что каждая коммуна, каждая артель есть действительно выше всех предприятий старого порядка, что рабочая власть здесь помогает крестьянину.

Я думаю, что практически для решения этого вопроса было бы очень желательным, чтобы вы, имея практическое знакомство с целым рядом окрестных коммун, артелей и товариществ, выработали бы приемы действительно фактического контроля над тем, как осуществляется закон, который требует помощи

окрестному населению со стороны сельско-хозяйственных коммун; как проводится в жизнь переход к социалистическому земледелию и в чем он выражается конкретно в каждой коммуне, артели, товариществе; как именно это проводится, сколько товариществ, коммун на деле проводят его, а сколько только собираются; сколько раз наблюдалось, что коммуны оказывают помощь, и какой характер носила эта помощь — филантропический или социалистический.

Если коммуны и артели из оказанной им государством помощи уделяют часть крестьянам, то это лишь даст повод каждому крестьянину думать, что здесь только добрые люди ему помогают, но вовсе не доказывает перехода к социалистическому порядку. Крестьяне же к таким «добрым людям» испокон веков привыкли относиться недоверчиво. Нужно суметь проверить, в чем действительно сказался этот новый общественный порядок, каким путем крестьянам доказывается, что товарищеская, артельная обработка земли лучше единоличной крестьянской обработки и лучше *не* благодаря казенной помощи; нужно добиться того, чтобы суметь крестьянам доказать и *без* казенной помощи практическое осуществление этого нового порядка.

К сожалению, мне не придется присутствовать на вашем съезде до конца, и я не смогу поэтому принять участие в выработке этих способов проверки. Но я уверен, что вместе с теми товарищами, которые руководят нашим Комиссариатом Земледелия, вы такие способы найдете. Я с удовольствием прочел статью народного комиссара земледелия тов. Середы, в которой он подчеркивает, что коммуны и товарищества должны не отрываться от окрестного крестьянского населения, а стараться улучшить его хозяйство [182]). Надо так поставить коммуну, чтобы она стала образцовой и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ней; надо суметь показать им практически пример, как надо помогать людям, ведущим хозяйство при таких тяжелых условиях бестоварья и всеобщей разрухи. Для того, чтобы определить практические способы проведения этого в жизнь, нужно выработать очень подробную инструкцию, которая должна перечислять все виды помощи окрестному крестьянскому населению, должна опрашивать каждую коммуну, что ею сделано для оказания поддержки крестьянам, должна указать способы, как достичь того, чтобы из существующих двух тысяч коммун и около четырех тысяч артелей каждая была ячейкой, способной на деле укрепить среди крестьян убеждение, что коллективное земледелие, как переход к социализму, есть вещь полезная, а не блажь, не простой бред.

Я уже говорил, что закон требует от коммун помощи окрестному крестьянскому населению. Выразиться как-либо иначе в законе, дать в нем какие-либо практические указания мы не могли. Нам надо было установить общие положения и рассчитывать

на то, что сознательные товарищи на местах будут добросовестно применять этот закон и сумеют найти тысячу способов, как его практически применить в конкретных хозяйственных условиях каждой местности. Но, разумеется, всякий закон можно обойти, даже под видом его исполнения. И закон о помощи крестьянам, при недобросовестном его применении, может превратиться в совершеннейшую игрушку и достичь совсем противоположных результатов.

Коммуны должны развиваться в том направлении, чтобы при соприкосновении с ними стали изменяться условия крестьянского хозяйства, встречая хозяйственную помощь, и чтобы каждая коммуна, артель или товарищество умели положить начало улучшению этих условий и практически его осуществить, доказав на деле крестьянам, что это изменение приносит им только пользу.

Вы можете, естественно, подумать, что нам скажут: для того, чтобы улучшить хозяйство, надо иметь условия, отличающиеся от условий теперешней разрухи, вызванной четырехлетней империалистской и двухлетней гражданской войной, которую нам навязали империалисты. При таких условиях, как у нас, где уж тут думать о широком распространении улучшений земледельческих хозяйств, — дай бог как-нибудь продержаться и не умереть с голоду.

Вполне естественно, что такого рода сомнения могут быть высказаны. Но если бы мне пришлось отвечать на подобные возражения, то я сказал бы следующее. Допустим, что, действительно, в силу расстроенного хозяйства, в силу разрухи, бестоварья, слабости транспорта, уничтожения скота и орудий, широкого улучшения хозяйства провести нельзя. Нет сомнения, однако, что в целом ряде отдельных случаев неширокое улучшение хозяйства осуществимо. Но допустим, что даже и этого нет. Значит ли это, что коммуны не могут внести изменений в окружающую жизнь крестьян и не могут доказать крестьянам, что коллективные земледельческие предприятия — не искусственно выращенное тепличное растение, но новая помощь рабочей власти трудящемуся крестьянству, содействие ему в его борьбе против кулачества? Я уверен, что если даже так поставить вопрос, если мы допустим невозможность осуществления улучшений в условиях теперешней разрухи, то, имея в коммунах и артелях добросовестных коммунистов, можно достичь очень и очень многого.

Чтобы не оставаться голословным, я сошлюсь на то, что у нас в городах назвали субботниками. Так назвали бесплатную работу городских рабочих сверх того, что требуется от каждого рабочего, посвященную в течение нескольких часов какой-нибудь общественной потребности. Они были введены впервые в Москве

железнодорожниками Московско-Казанской железной дороги. На один из призывов Советской власти, указывающий на то, что красноармейцы на фронтах приносят неслыханные жертвы и, несмотря на все бедствия, которые им приходится испытывать, одерживают невиданные победы над врагами, и говорящий вместе с тем, что довести эти победы до конца мы сможем лишь в том случае, если этот героизм, это самопожертвование будут иметь место не только на фронтах, но и в тылу [183]),—московские рабочие ответили устройством субботников. Несомненно, что московским рабочим приходится испытывать бедствий и нужды гораздо больше, чем крестьянам, и если вы с условиями их жизни ознакомитесь и подумаете над тем, что они смогли при этих неслыханно тяжелых условиях начать осуществление субботников, то вы согласитесь, что нельзя никакой тяжестью условий отговариваться от того, что можно сделать при всяких условиях, применяя тот же способ, какой применили московские рабочие. Ничто не помогло так повысить авторитет коммунистической партии в городе, так поднять уважение со стороны беспартийных рабочих к коммунистам, как эти субботники, когда они перестали быть единичным явлением и когда беспартийные рабочие на деле увидели, что члены господствующей коммунистической партии несут на себе обязанности, и коммунисты допускают новых членов в партию не для того, чтобы они пользовались выгодами, связанными с положением правительственной партии, а для того, чтобы они показывали пример действительно коммунистического труда, т. е. такого, который ведется бесплатно. Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, — дай бог, чтобы при наших детях, а, может быть, и внуках он был установлен у нас. Но мы говорим, что члены господствующей коммунистической партии берут на себя и большинство трудностей в борьбе с капитализмом, мобилизуя лучших коммунистов для отправки на фронт, а от тех, которые не могут быть для этого использованы, требуя выполнения субботников.

Применяя эти субботники, которые вошли в распространение в каждом крупном промышленном городе и участия в которых партия требует теперь от каждого своего члена, карая за неисполнение даже исключением из партии, применяя это средство в коммунах, артелях и товариществах, вы сможете и должны при самых худших условиях добиться того, чтобы крестьянин видел в каждой коммуне, артели, товариществе союз, отличающийся не тем, что он получает казенное пособие, а тем, что в нем собраны лучшие представители рабочего класса, не только проповедующие социализм для других, но и умеющие осуществлять его сами, умеющие показать, что они даже при худших

условиях умеют коммунистически хозяйничать и помогать, чем могут, окрестному крестьянскому населению. По этому пункту не может быть никаких отговорок, тут нельзя ссылаться на бестоварье, на отсутствие семян или на падеж скота. Здесь мы получаем проверку, которая, во всяком случае, позволит нам сказать определенно, насколько мы практически овладели той трудной задачей, которую мы перед собой поставили.

Я уверен, что общее собрание представителей коммун, товариществ и артелей обсудит это и поймет, что применение такого способа, действительно, послужит громадным средством в деле упрочения коммун и товариществ и добьется тех практических результатов, чтобы нигде в России не могло быть ни одного случая враждебного отношения к коммунам, артелям и товариществам со стороны крестьян. Но этого мало; надо, чтобы крестьянство относилось к ним сочувственно. Мы, представители Советской власти, со своей стороны все сделаем для того, чтобы этому помочь, и чтобы наша государственная помощь из миллиардного фонда или из других источников применялась только в тех случаях, когда действительно будет практически осуществляться сближение трудовых коммун и артелей с жизнью окрестных крестьян. Вне этих условий всякую помощь артелям или товариществам мы считаем не только бесполезной, но и безусловно вредной. Помощь коммун окрестным крестьянам нельзя считать помощью, которая происходит только от избытка, но нужно, чтобы эта помощь была социалистической, т. е. давала бы возможность крестьянам переходить от обособленного, единоличного хозяйства к товарищескому. А это можно сделать лишь тем способом субботников, о котором я здесь говорил.

Если вы учтете этот опыт городских рабочих, начавших движение в пользу субботников, живя в условиях неизмеримо более худших, чем крестьяне, то я уверен, что при вашей общей единодушной поддержке мы добьемся того, чтобы каждая из существующих теперь нескольких тысяч коммун и артелей стала настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя. Лишь тогда мы одержим прочную победу над старой темнотой, разорением и нуждой, лишь тогда нам не будут страшны никакие трудности на нашем дальнейшем пути.

«Правда» №№ 273 и 274, 5 и 6 декабря 1919 г.

VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ [184]

5—9 ДЕКАБРЯ 1919 г.

Напечатано в 1920 г. в книге: «7-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенографический отчет». Государственное Издательство

Печатается по тексту книги, сверенному и дополненному по стенограммам

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

7-й ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД

СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ и КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920

Обложка книги: «7-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов» — 1920 г.

Уменьшено

1.

ДОКЛАД В. Ц. И. К. И СОВНАРКОМА 5 ДЕКАБРЯ.

(Аплодисменты, члены съезда встают с мест и приветствуют Ленина.) Товарищи! Мне предстоит дать вам политический доклад, по решению президиума, соединенный из доклада В. Ц. И. К. и доклада Совнаркома. Я надеюсь, что вы не ждете от меня перечисления тех законов и административных мероприятий, которые мы провели за отчетный год. Нет сомнения, что с этим вы ознакомились по газетам. Кроме того, почти все наши комиссариаты издали коротенькие брошюрки, которые раздаются всем делегатам съезда и отмечают главное, сделанное каждым комиссариатом за отчетный период. Я бы хотел остановить ваше внимание на некоторых сводных результатах, которые на мой взгляд могут быть выведены из пережитого нами и могут послужить полезным указанием и материалом для той работы, которой все товарищи-делегаты будут теперь заняты на местах.

Прежде всего, когда говоришь о политических результатах нашей деятельности и о политических уроках из нее, на первое место ставится само собою международное положение Советской республики. Мы всегда говорили и перед Октябрем и во время Октябрьской революции, что рассматриваем себя и можем рассматривать только как один из отрядов международной армии пролетариата, при чем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России, и что поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по крайней мере, в нескольких передовых странах. И вот в этом отношении нам пришлось пережить больше всего трудностей.

Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом, но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжелое, мы испытали на себе, что развитие

революции в более передовых странах оказалось гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным. Это не может нас удивлять, потому что — естественное дело — для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это более медленное, более сложное, более зигзагообразное развитие социалистической революции в Западной Европе возложило на нас невероятнейшие трудности. И прежде всего задаешь себе вопрос, как могло совершиться такое чудо, что два года продержалась в отсталой, разоренной и уставшей от войны стране Советская власть, несмотря на упорную борьбу сначала германского империализма, который считался тогда всесильным, а затем империализма Антанты, который год тому назад разделался с Германией, не знал себе соперников и владычествовал над всеми странами земли, без малейшего изъятия. С точки зрения простого учета сил, с точки зрения военного взвешивания сил, это действительно чудо, потому что Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы. И тем не менее отчетный год знаменателен больше всего как раз тем, что мы одержали гигантскую победу, — настолько большую победу, что, пожалуй, не преувеличивая, можно сказать, что главные трудности уже позади. Как еще ни велики предстоящие нам опасности и трудности, все же главное, повидимому, осталось позади. Нужно уяснить себе причины этого и, главное, правильно определить свою политику в дальнейшем, ибо будущее почти наверное нам принесет не раз еще попытки Антанты повторить свое вмешательство, и, может быть, появится снова прежний разбойничий союз международных и русских капиталистов для восстановления власти помещиков и капиталистов, для свержения Советской власти в России, одним словом, преследующий ту же цель — затушить тот очаг всемирного социалистического пожара, которым сделалась Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Рассматривая с этой точки зрения историю вмешательства Антанты и полученный нами политический урок, я скажу, что эта история разделяется на три главных этапа, из которых каждый дает нам один за другим глубокую и прочную победу.

Первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск. Конечно, после того, как Антанта победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявлявшие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах. Конечно, в такое время с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики для Антанты ничего не стоило взять одну десятую долю своих армий и на-

править в Россию. Заметьте, что в ее руках было полное господство над морем, полное господство над флотом. Доставка войск и снабжение всегда были всецело в ее руках. Если бы в то время Антанта, ненавидя нас так, как только может ненавидеть социалистическую революцию буржуазия, — если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас, — нет ни малейшего сомнения, что судьба Советской России была бы решена, и ее постигла бы участь Венгрии.

Почему это не удалось Антанте? Она высадила войска в Мурманске. Поход на Сибирь был предпринят при помощи войск Антанты, и японские войска держат до сих пор отдаленный кусок Восточной Сибири, а во всей Западной Сибири были, хотя по числу и небольшие, но были отряды войск всех государств Антанты. Затем французские войска были высажены на юге России. Это — первый этап международного вмешательства в наши дела, первая попытка, так сказать, задушить Советскую власть войсками, которые Антанта взяла у себя, т.-е. рабочими и крестьянами более передовых стран, при чем они были снабжены великолепно, и вообще в смысле технических и материальных условий кампании не было ничего, чего бы Антанта не была в состоянии удовлетворить. Перед нею не было никаких препятствий. Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент. С самого начала революции мы говорили, что представляем из себя партию интернационального пролетариата, и, как бы ни велики были трудности революции, придет время, — и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным империализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что если не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать, то можно сказать, что за эти два года всемирной истории мы оказались тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию, попытка, которая обещала им наверняка самый легкий успех в кратчайшее время, — эта попытка кончилась крахом: английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, все были увезены на родину. И мы знаем теперь, — несмотря на блокаду, на окружающее нас кольцо, до нас все-таки доходят известия из Западной Европы, мы получаем, хотя и разрозненные, номера английских и французских газет, — мы знаем, что письма английских солдат из Архангельской области все-таки в Англию попадали и там печатались. Мы

знаем, что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма — все объединились для выступления против международного империализма. То, что писал однажды тов. Радек, — который, к счастью, как сегодня сообщают, освобожден Германией и которого мы, быть может, скоро увидим (аплодисменты), — что горящая революционным пожаром почва России окажется недоступной для войск Антанты, то, что казалось простым увлечением публициста, оказалось фактом, в точности осуществившимся на деле. Действительно, на нашей почве, несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, рабочие и крестьяне Англии и Франции оказались не в состоянии бороться против нас. Результат получился в нашу пользу. Когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы, — а без них победить нельзя, — это привело, благодаря правильному классовому инстинкту, только к тому, что французские и английские солдаты привезли из России ту самую язву большевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда высылали из Берлина наших послов[185]). Они думали этим забаррикадироваться от язвы большевизма, теперь целиком охватившей всю Германию усилением рабочего движения. Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств.

И тут обнаружилось, как поверхностно, как неясно суждение об этих якобы демократических странах, по тем признакам, по которым о них судить принято. В парламентах у них прочное буржуазное большинство. Это они называют «демократией». Что капитал господствует и давит все, прибегая до сих пор к военной цензуре, это они называют «демократией». Среди миллионов номеров газет и журналов у них едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя бы даже косноязычное, в пользу большевиков. Они поэтому говорят: «Мы защищены от большевиков, у нас господствует порядок», — который они называют «демократией». Как же могло случиться, что небольшая часть английских солдат и французских матросов могла заставить убрать войска Антанты из России? Что-то тут не так! Значит, народные массы за нас даже в Англии, Франции и Америке; значит, все эти верхушки есть обман, как это всегда

утверждали социалисты, не желавшие изменять социализму; значит, буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия, буржуазная свобода печати есть только свобода для капиталистов, свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег. Вот что говорили всегда социалисты, пока империалистская война не развела их по национальным лагерям и не превратила каждую национальную группу социалистов в лакеев своей буржуазии. Это говорили социалисты до войны, это всегда говорили интернационалисты и большевики во время войны, — все это оказалось полностью правдой. Все эти верхушки, вся эта показная сторона, это — обман, который становится массам все более и более очевидным. Они все кричат о демократизме, но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России. Поэтому в целом ряде буржуазных изданий: французских, английских, американских, которые появились у нас, мы читаем предложение: «Предать суду главы государств за то, что они нарушили конституцию, ведя войну с Россией без объявления войны». Когда, где, какой параграф конституции, какой парламент ее разрешил? Где они собрали представителей, хотя бы с предварительным засаживанием в тюрьму всех большевиков и большевиствующих, как выражается французская печать? Даже при этих условиях они не смогли сказать в своих парламентах, что они воюют с Россией. Вот, что было причиной того, что великолепно вооруженные, никогда не знавшие поражений войска Англии и Франции не смогли разбить нас и ушли с Архангельского севера и с юга.

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже вовсе не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую, мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось в том, что в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факторы, в военном деле, мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит группа политиков, у которых имеется великолепный опыт, и потому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром. Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и американский финансовый капитал. На этом была основана новая попытка, которую они сделали — заставить те

маленькие государства, которые окружают Россию и из которых немногие освободились и получили возможность объявить себя независимыми только во время войны — Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина и др., — попытаться заставить эти маленькие государства воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Вы, может быть, помните, товарищи, как наши газеты обошло известие про речь известного английского министра Черчилля, который сказал, что на Россию будут наступать 14 государств и что к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва. Я слышал, что Черчилль потом опровергал это известие, но оно было взято из шведской газеты «Фолькетс Дагблад Политикен» от 25 августа. Но если бы даже этот источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы. Мы прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России. Мне пришлось прочитать одну передовицу английской газеты «Таймс»,— самой влиятельной буржуазной газеты в Англии, — передовицу, написанную в то время, когда войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанты, стояли в нескольких верстах от Петрограда, и Детское Село было взято. Статья представляла из себя настоящий поход, где все силы давления были использованы — давления военного, дипломатического, исторического. Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: «Весь мир смотрит на Финляндию, — говорили английские капиталисты, — вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить грязную, мутную, кровавую волну большевизма и освободить Россию». И за это великое и нравственное дело, за это благородное, культурное дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов, такой-то кусок земли и такие-то блага. И какой получился результат? Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин стоял к северу от Орла, — тогда малейшая помощь им быстро решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов, в кратчайший срок и с ничтожными жертвами.

Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, а Финляндия у ней в долгу, как в шелку. И не только в долгу: она не может без помощи этих стран прожить месяца. Как же произошло такое «чудо», что мы выиграли тяжбу с таким противником? А мы ее выиграли: Финляндия в войну не вошла, и Юденич оказался разбитым, и Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу

международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом самом серьезном, отчаянном испытании. Как же мы ее выиграли? Как могло быть такое «чудо»? Оно было потому, что Антанта ставила ставку, какую ставят все капиталистические государства, действующие исключительно и всецело обманом, давлением, и потому она каждым своим действием возбуждала против себя такое противодействие, что получалась выгода для нас. Мы стояли слабо вооруженными, измученными и говорили финляндским рабочим, которых задавила финляндская буржуазия: «Вы не должны воевать против нас». Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было и она должна была действовать силою маленьких народов, а маленькие народы, — не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившей рабочий класс, — когда им говорили о демократии и независимости, думали (это может быть с нашей точки зрения глупость, но всякая глупость требует того, чтобы быть разоблаченной на собственном опыте), они имели дерзость — с точки зрения Антанты, глупость — с нашей точки зрения — брать эти обещания всерьез и понимать независимость так, что это и есть именно независимость, а не средство для обогащения французских и английских капиталистов. Они думали, что демократия — это значит жить свободными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить их страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. Вот чем мы победили! Антанта, давя на эти маленькие страны, на каждую из этих 14 стран, встречала противодействие. Финская буржуазия, которая подавила белым террором десятки тысяч финских рабочих и знает, что это ей не забудется, что нет уже немецкого штыка, который давал ей возможность это сделать, — эта финская буржуазия ненавидит большевиков всеми силами, какими может ненавидеть хищник рабочих, которые его скинули! Тем не менее эта финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 г., когда в Финляндии было буржуазное правительство. Таким образом, мнение широких кругов финляндской буржуазии оказалось колеблющимся. Мы выиграли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и, вместе с тем, от себя их оттолкнула.

На этом опыте, в громадном, всемирно-историческом масштабе подтверждается то, что мы всегда говорили. Есть две силы на земле, которые могут определить судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм, и раз он победит, он проявит эту силу бесконечными зверствами, — это видно из истории развития каждой маленькой нации. Другая сила — международный пролетариат, который борется за социалистическую революцию посредством диктатуры пролетариата, которую он называет демократией рабочих. Нам не верили ни колеблющиеся элементы у нас в России, ни буржуазия мелких стран, объявляя нас утопистами или разбойниками, а то — еще хуже, ибо нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы. И часть этой буржуазии, и мелкой и средней, когда встал вопрос ребром: идти ли с Антантой, помогать ли ей душить большевиков, или помочь большевикам своим нейтралитетом,— оказалось, что мы выиграли тяжбу и получили нейтралитет, хотя у нас не было никаких договоров, а у Англии, Франции и Америки были всякие векселя, всякие договоры, — все-таки маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазии польской, финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков, — это, конечно, чепуха, — а потому, что мы были правы в своем определении всемирно-исторических сил: что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика, он будет душить все малые народы мира, либо диктатура пролетариата, — и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забитых, слабых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, а и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, хотя они могли задавить нас ничтожными силами. Несмотря на то, что Антанта всю громадную силу и своего финансового давления, и военной мощи, и доставки продовольствия, — все бросила на чашку весов, чтобы заставить Финляндию выступить, — все же мы эту тяжбу выиграли.

Это, товарищи, второй этап международного вмешательства, это — наша вторая всемирно-историческая победа. Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них эти малые страны, которые все против нас, в которых везде господствует не Советская, а буржуазная власть. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и тем самым пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

Тут произошло в международном масштабе то же, что произошло с сибирским крестьянином, который верил в Учредительное Собрание, помогал эс-эрам и меньшевикам соединиться с

Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получаем точные донесения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири, — на этот раз сознательный. То, что было с сибирским мужичком, при всей его неразвитости и политической темноте, то же самое произошло теперь в масштабе более широком, в масштабе всемирно-историческом, со всеми маленькими нациями. Они ненавидели большевиков, некоторые из них кровавой рукой, бешеным белым террором подавляли большевиков, а когда увидели «освободителей», английских офицеров, то поняли, что̀ значит английская и американская «демократия». Когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большею, чем русские империалисты, — большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца.

Вот почему эта победа во втором этапе более прочна, чем сейчас кажется. Я вовсе не преувеличиваю и считаю преувеличения чрезвычайно опасными. Я нисколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут, потому что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому что все эти речи о свободе, независимости и демократии — одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас. Но если эта попытка сорвалась в такой удобный момент, когда так легко было вести борьбу против нас, то, мне кажется, можно сказать определенно: в этом отношении, несомненно, главная трудность осталась позади. Мы имеем право это сказать без малейшего преувеличения и сознавая, что гигантский перевес сил — на стороне Антанты. Мы победили прочно. Попытки будут, но их мы победим легче, потому что малые государства при всем их буржуазном строе убедились на опыте, не теоретически, — для теории эти господа не годятся, — что Антанта есть зверь более наглый и хищный, чем кажутся им большевики, которыми пугают детей и культурных мещан во всей Европе.

Но наши победы не ограничились этим. Во-первых, мы отвоевали у Антанты ее рабочих и крестьян, во-вторых, приобрели нейтралитет тех маленьких народов, которые являются ее рабами, и, в-третьих, начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были целиком против нас. Чтобы доказать это, я позволю себе сослаться на газету «Юманите» от 26 октября, которая у меня

в руках. Эта газета, которая принадлежала всегда ко II Интернационалу, была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эс-эры, и посейчас играет роль примирителя, — она заявляет, что убедилась в изменении настроения рабочих. Она увидела это не в Одессе, а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие на давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. И как политики, научившиеся коечему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть за вмешательство и все высказываются против. Но этого мало. Мало того, что это заявляют социалисты (они называют себя социалистами, хотя мы давно знаем, какие они социалисты), в том же номере «Юманите» от 26 октября, который я цитировал, помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 71 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого снести не могут. А известный французский историк Олар, насквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз, — враг большевиков, как француз — я сторонник демократии, меня смешно заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, — тогда я ощущаю краску стыда на лице» [186]). Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, давать показатель того, куда клонит мелкая буржуазия, давать показатель того, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное. Если мы внутри Франции, где все буржуазные газеты, иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, достигли такого результата, то мы говорим себе: похоже на то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса, только много покрупнее. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать

это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас? Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится от союза реакционнейшей Франции с реакционнейшей Германией с целью душить голодом рабочих и крестьян России, — то мы говорим себе: это, товарищи, третья и крупнейшая победа. И я желал бы посмотреть, как при таком положении внутри государства господа Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон осуществят свой план новых покушений на Россию, о которых они мечтают. Попробуйте, господа! (Аплодисменты.)

Товарищи, я повторяю, что было бы величайшей ошибкой делать из этого выводы слишком неосторожные. Нет сомнения, что они свои попытки возобновят. Но мы совершенно уверены в том, что эти попытки, какими бы крупными силами они ни были предприняты, потерпят крах. Мы можем сказать, что та гражданская война, которую мы вели с такими бесконечными жертвами, была победной. Она оказалась победной не только в русском масштабе, но и во всемирно-историческом. Каждый из тех выводов, которые я вам сделал, я делал на основании результатов военной кампании. Вот почему, повторяю, новые попытки будут осуждены на неуспех, — потому что они стали гораздо слабее, чем были, а мы стали гораздо сильнее после нашей победы над Колчаком, над Юденичем и начинающейся и становящейся, повидимому, полной победы над Деникиным. Разве Колчак не имел помощи этой всемирно-могущественной Антанты? Разве крестьяне Урала и Сибири, которые на выборах в Учредительное Собрание дали наименьший процент большевиков, не поддержали сплошь фронт Учредительного Собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эс-эров, разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов? Разве Сибирь не являлась страной, в которой не было помещичьего землевладения, и где мы не могли сразу помочь крестьянским массам так, как помогли всем русским крестьянам? Чего же не хватало Колчаку для победы над нами? Не хватало того, чего не хватает всем империалистам: он оставался эксплуататором, он должен был действовать в обстановке наследства мировой войны, в той обстановке, которая позволяла о демократии и свободе только болтать, которая давала возможность иметь либо одну, либо другую диктатуру: либо диктатуру эксплуататоров, которая бешено отстаивает свои привилегии и заявляет, что должна быть уплачена дань по тем векселям, по которым они хотят драть миллиарды со всех народов, либо диктатура рабочих, которая борется с властью капиталистов и желает твердо

обеспечить власть трудящихся. Только из-за этого слетел Колчак. Вот каким способом, не подачей избирательного бюллетеня, — и это способ, конечно, не дурной, при известных обстоятельствах, — а на деле сибирский и уральский крестьянин определил свою судьбу. Он был недоволен большевиками летом 1918 года. Он увидел, что большевики заставляют дать излишки хлеба не по спекулятивным ценам, и он повернул на сторону Колчака. Теперь он посмотрел, сравнил и пришел к иному выводу. Он это понял вопреки всей науке, которую ему преподавали, потому что на своей собственной шкуре он научился тому, чего из науки не хотят понять многие эс-эры и меньшевики (аплодисменты), — что может быть только две диктатуры, что нужно выбирать либо диктатуру рабочих, — и это значит помочь всем трудящимся сбросить иго эксплуататоров, — либо диктатуру эксплуататоров. Мы крестьянина себе завоевали, мы доказали на опыте, самом тяжелом, прошедшем через неслыханные трудности, что вести за собой крестьянство мы, как представители рабочего класса, сумеем лучше, с большим успехом, чем какая бы то ни было другая партия. Другие партии любят нас обвинять в том, что мы с крестьянством ведем борьбу и не умеем заключить правильного договора, и все предлагают свои добрые, благородные услуги помирить нас с крестьянами. Благодарим покорно, господа, но мы не думаем, что вы это сделаете. А мы-то, по крайней мере, доказали давно, что это сделать сумели. Мы не рисовали крестьянину сладеньких картин, что он может выйти из капиталистического общества без железной дисциплины и твердой власти рабочего класса, что простое собирание бюллетеней решит всемирно-исторический вопрос о борьбе с капиталом. Мы говорили прямо: диктатура — слово жестокое, тяжелое и даже кровавое, но мы говорили, что диктатура рабочих обеспечит ему свержение ига эксплуататоров, и мы оказались правы. Крестьянин, испытав на деле ту и другую диктатуру, выбрал диктатуру рабочего класса и с ней пойдет дальше до полной победы. (Аплодисменты.)

Товарищи, из того, что я сказал о наших международных победах, вытекает, — и, мне кажется, на этом не придется долго останавливаться, — что мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз. И каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали, и у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице. Так было, когда приехал сюда Буллит, когда он был принят тов. Чичериным, беседовал с ним и со мной и когда мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире. И он нас уверял (эти господа любят хвастаться), что

Америка — это все, а кто же считается с Францией при силах Америки? А когда мы подписали договор, так и французский и английский министры сделали такого рода жест. (Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех.) Буллит оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: «Кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!». А в результате в этом самом номере я читаю полный текст договора с Буллитом по-французски [187] (аплодисменты), — и это напечатано во всех английских и американских газетах. В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками, — пусть выбирают! А все сочувствие даже мещанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями — на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжкой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян». Поэтому я думаю, что нам нечего много разговаривать, и в конце я прочту проект резолюции, которая выразила бы от имени съезда Советов наше неуклонное желание проводить политику мира. (Аплодисменты.)

Теперь мне хотелось бы перейти от международной и военной части доклада к части политической.

Мы одержали три громадных победы над Антантой, и они далеко не были победами только военными. Они были победами, которые одерживала диктатура рабочего класса, и каждая такая победа укрепляла наше положение не только потому, что слабел и без войск оказывался наш противник, — наше международное положение укреплялось потому, что мы выигрывали в глазах всего трудящегося человечества и даже многих представителей буржуазии. И в этом отношении те победы, которые мы одержали над Колчаком, Юденичем и теперь одерживаем над Деникиным, дадут нам возможность и дальше мирным путем завоевывать сочувствие к себе в неизменно большем размере, чем до сих пор.

Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Это обвинение в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: «Вы сами не верите в такую клевету». Тот же историк Олар, который написал письмо в газету «Юманитэ», пишет: «Я учился истории, и когда я читаю, что у большевиков только уроды, монстры и пугала, я говорю: то же самое писали про Робеспьера и Дантона. Этим, — говорит он, — я вовсе не сравниваю с этими великими людьми нынешних русских. Ничего подобного, ничего сколько-нибудь похожего в них нет. Но я, как историк, говорю: нельзя

же каждому слуху верить». Когда буржуазный историк начинает говорить таким образом, мы видим, что и та ложь, которая про нас распространяется, начинает рассеиваться. Мы говорим: нам террор был навязан. Забывают о том, что терроризм был вызван нашествием всемирно-могущественной Антанты. Разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну? Разве это не террор, когда иностранные представители, опираясь на будто бы дипломатическую неприкосновенность, организовывают белогвардейские восстания? Надо, все-таки, смотреть на вещи хоть сколько-нибудь трезво. Ведь надо же понимать, что международный империализм для подавления революции поставил все на карту, что он не останавливается ни перед чем и говорит: «За одного офицера—одного коммуниста, и мы выиграем!». И они правы. Если бы мы попробовали на эти войска, созданные международным хищничеством, озверевшие от войны, действовать словами, убеждением, воздействовать как-нибудь иначе, не террором, мы бы не продержались и двух месяцев, мы бы были глупцами. Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душил, душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны. И всякий шаг в наших победах над этой первопричиной и причиной террора будет неизбежно и неизменно сопровождаться тем, что мы будем обходиться в своем управлении без этого средства убеждения и воздействия...

То, что мы говорим о терроризме, мы скажем и о нашем отношении ко всем колеблющимся элементам. Нас обвиняют в том, что мы создали невероятно тяжелые условия для средних людей, для буржуазной интеллигенции. Мы говорим: империалистская война была продолжением империалистской политики, поэтому она вызвала революцию. Все чувствовали во время империалистской войны, что она ведется буржуазией во имя ее хищнических интересов, что в этой войне народ гибнет, а буржуазия наживается. Это — основной мотив, которым проникнута вся ее политика во всех странах, и это ее губит и погубит до конца. А наша война есть продолжение политики революции, и каждый рабочий и крестьянин знает, а если не знает, то ощущает инстинктом и видит, что это — война, которая ведется во имя защиты от эксплуататоров, война, которая налагает больше всего жертв на рабочих и крестьян, но не останавливается ни перед чем, чтобы возложить эти жертвы и на другие классы. Мы знаем, что это для них тяжелее, чем для рабочих и крестьян, потому что они принадлежали к классу привилегированному. Но мы говорим, что когда дело идет о том, чтобы освободить от эксплуатации миллионы трудящихся, то правительство, которое остановилось бы перед возложением жертв на другие классы,

было бы правительством не социалистическим, а изменническим. Если тяжести возлагались нами на средние классы, то потому, что нас поставили в неслыханно-тяжелые условия правительства Антанты. И всякий шаг наших побед, — это мы видим из опыта нашей революции, я только не могу на этом детально останавливаться, — сопровождается тем, что через все колебания и многочисленные попытки вернуться назад, все большее и большее число представителей колеблющихся элементов убеждается в том, что действительно нет иного выбора, кроме как между диктатурой трудящихся и властью эксплуататоров. Если были тяжелые времена для этих элементов, то виновата в этом не большевистская власть, а виноваты белогвардейцы, виновата Антанта, и победа над ними будет действительным и прочным условием улучшения положения всех этих классов. В этом отношении, товарищи, я бы хотел, переходя к урокам политического опыта внутри страны, сказать несколько слов о том, какое значение имеет война.

Наша война является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Поэтому наша война, как она ни бесконечно тяжела, привлекает к нам симпатии рабочих и крестьян... Война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики, обучение политике в этой неслыханно-тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты. В этом огне рабочие и крестьяне многому научились. Рабочие научились, как использовать государственную власть и как сделать из каждого шага источник пропаганды и образования, как сделать из этой Красной армии, в которой большинство крестьян, орудие просвещения крестьянства, как сделать Красную армию орудием использования буржуазных специалистов. Мы знаем, что эти буржуазные специалисты в громадном большинстве против нас, — и должны быть в громадном большинстве против нас, — ибо здесь сказывается их природа, и на этот счет мы никаких сомнений иметь не можем. Нам изменяли сотни и тысячи этих специалистов, а служили все более и более верно десятки и десятки тысяч, потому, что в ходе самой борьбы они привлекались на нашу сторону, потому, что тот революционный энтузиазм, который совершал чудеса в Красной армии, проистекал от того, что мы обслуживали и удовлетворяли интересы рабочих и крестьян. Эта обстановка массы дружно действующих рабочих и крестьян, знающих, за что они борются, делала свое дело, и все бо̀льшая и бо̀льшая часть людей, которые переходили к нам из другого лагеря, иногда несознательно, превращалась и превращается в наших сознательных сторонников.

Товарищи, теперь перед нами стоит задача — тот опыт, который мы приобрели в нашей военной деятельности, перенести

в область мирного строительства. Ничто не наполняет нас такой радостью и не дает такой возможности приветствовать VII Всероссийский съезд Советов, как поворотный пункт в истории Советской России, как то, что позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, и впереди — главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которое мы должны творить и которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь. Теперь мы можем сказать на основании тяжелых испытаний войны, что в основном — в отношении военном и международном — мы оказались победителями. Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только смогут оказаться у него: насилием, обманом, подкупом, заговорами и т. д. Наша задача — весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на разрешение основных вопросов мирного строительства. Я назову эти главные вопросы. Прежде всего — это вопрос о продовольствии, вопрос о хлебе.

Мы вели самую тяжелую борьбу с предрассудками и привычками. Крестьянин, с одной стороны, есть труженик, который десятки лет испытывал гнет помещика и капиталиста и знает своим инстинктом угнетенного человека, что это зверь, который не остановится перед морями крови, чтобы вернуть свою власть. Но, с другой стороны, крестьянин есть собственник. Он желает продавать хлеб свободно, он хочет «свободы торговли», он не понимает, что свобода продажи хлеба в голодной стране есть свобода спекуляции, свобода наживы для богачей. И мы говорим: на это мы не пойдем никогда, скорее ляжем все костьми, чем сделаем в этом уступки.

Мы знаем, что тут мы проводим политику, когда рабочие убеждают крестьян отдавать хлеб в ссуду, ибо бумажка не есть эквивалент, не есть равноценность хлеба. Крестьянин дает нам хлеб по твердым ценам и не получает товаров, так как у нас их нет, а получает цветные бумажки. Он дает хлеб в ссуду, и мы говорим: «Если ты человек труда, можешь ли ты говорить против того, что это справедливо? Как можешь ты не согласиться с тем, что необходимо имеющиеся излишки хлеба отдать в ссуду по твердым ценам, а не сбывать путем спекуляции, ибо спекуляция есть возврат к капитализму, возврат к эксплуатации, к тому, против чего мы боролись?». Это — громадная трудность, это стоило нам больших колебаний. Мы многие шаги делали и делаем ощупью, но мы приобрели основной опыт. Когда вы услышите доклад тов. Цюрупы или других работников по продовольствию, вы увидите, что к разверстке, когда государство говорит крестьянам, что они должны давать хлеб в ссуду, как к этой разверстке кре-

стьяне привыкают, что мы имеем известия из ряда волостей о выполнении разверстки на все 100 процентов, что при всей ничтожности успехов успех все же есть, что наша продовольственная политика дает все более и более ясно понять крестьянину: если хочешь свободы торговли хлебом в разоренной стране, — тогда иди назад, пробуй Колчака, Деникина! Против этого мы будем бороться до последней капли крови. Здесь не может быть никаких уступок. В этом основном вопросе, в вопросе о хлебе, мы будем добиваться, чтобы не было спекуляции, чтобы продажа хлеба не обогащала богачей, а чтобы все излишки хлеба, получающиеся на общегосударственной земле усилиями целых поколений трудящихся, чтобы все эти излишки хлеба были достоянием государства, чтобы теперь, когда государство разорено, эти излишки хлеба были отданы крестьянами в ссуду рабочему государству. Если крестьянин это сделает, мы из всех трудностей вылезем, мы восстановим промышленность, и рабочий свой долг вернет крестьянину сторицей. Он обеспечит и ему и его детям возможность существования, не работая на помещика и капиталиста. Это мы говорим крестьянину, и он убеждается, что иного выбора нет. В этом убеждаем крестьянина даже не столько мы, сколько господа наши противники — Колчак и Деникин. Они больше всего дают крестьянину фактических уроков жизни, направляют его в нашу сторону.

Но, товарищи, за вопросом о хлебе идет второй вопрос — о топливе. Сейчас в местах заготовок собрано хлеба вполне достаточно для того, чтобы накормить голодных рабочих Питера и Москвы. А пройдитесь по рабочим кварталам Москвы, и вы увидите страшный холод, страшные бедствия, которые сейчас обострились из-за вопроса о топливе. Здесь мы переживаем отчаянный кризис, здесь мы отстали от потребности. В последнее время целый ряд заседаний Совета Обороны и Совнаркома был посвящен целиком выработке мер для выхода из топливного кризиса [188]). К моей речи тов. Ксандров доставил материал, который показывает, что мы из этого отчаянного кризиса вылезать начали. В начале октября за неделю было погружено вагонов 16 тысяч, к концу октября эта цифра дошла до 10 тысяч в неделю. Это был кризис, это была катастрофа, это был голод для рабочих целого ряда заводов и фабрик Москвы, Петрограда и целого ряда других мест. Результаты этой катастрофы сказываются до сих пор. Затем, мы налегли на это дело, напрягли все наши силы, сделали то, что делали по отношению к военному делу, мы сказали: все, что есть сознательного, все — на решение топливного вопроса не старым путем капитализма, когда спекулянтам давали премию и они наживались на этом деле, получая какие-нибудь заказы, — нет, мы сказали: решайте вопрос путем социалистическим, путем самопожертвования, решайте таким путем, каким мы спасли красный

Питер, освободили Сибирь, каким мы побеждали во все трудные минуты, при всех трудных задачах революции и каким будем побеждать всегда. И с 12 тысяч вагонов в последнюю неделю октября погрузка поднялась до 20 тысяч. Мы вылезаем из этой катастрофы, но еще далеко не вылезли. Нужно, чтобы все рабочие знали и помнили, что без хлеба для людей, без хлеба для промышленности, т.-е. без топлива, страна обрекается на бедствие. И не только наша страна. Сегодня газеты сообщают, что во Франции, стране-победительнице, останавливаются железные дороги. Что же говорить о России? Франция будет вылезать из кризиса путем капиталистическим, путем наживы для капиталистов и продолжающихся лишений для масс, — Советская Россия выйдет из кризиса путем дисциплины и самопожертвования рабочих, путем твердого обращения к крестьянам, того твердого обращения, которое, в конце концов, крестьянин всегда понимает. Крестьянин познает на опыте, что как ни тяжел переход, как ни тверда рука государственной власти рабочих, а это есть рука труженика, который борется во имя союза трудящихся масс, во имя полного уничтожения всякой эксплуатации.

И третий бич на нас еще надвигается — вошь, сыпной тиф, который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, — всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!». И в этом вопросе мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов. Конечно, есть еще такие врачи, которые относятся с предубеждением и недоверием к рабочей власти и предпочитают получать гонорар с богатых, чем идти на тяжелую борьбу с сыпным тифом. Но таких меньшинство, таких становится все меньше, а большинство — таких, которые видят, что народ борется за свое существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры, и эти врачи вкладывают в это тяжелое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем любой военный специалист. Они согласны дать свои силы на работу для трудящихся. Я должен сказать, что мы из этого кризиса также начинаем вылезать. Тов. Семашко дал мне справку относительно этой работы. К 1 октября, по сведениям с фронта, туда прибыло врачей 122, фельдшеров 467. Отправлено из Москвы врачей 150. Мы имеем основание ожидать, что к 15 декабря мы получим на фронт еще 800 врачей, которые помогут в борьбе с сыпным тифом. Мы должны обратить большое внимание на этот бич.

Главное наше внимание мы должны уделить тому, чтобы укрепить этот наш фундамент — хлеб, топливо, борьба с сыпня-

ком. Товарищи, я об этом тем более хотел бы сказать, что в нашем социалистическом строительстве была заметна некоторая разбросанность. Это понятно. Когда люди решили переделать весь мир, вполне естественно, что к этой работе привлекаются неопытные рабочие и неопытные крестьяне. Нет сомнения, что много пройдет времени прежде, чем мы правильно определим, на что надо больше всего обращать внимание. Неудивительно, что такие великие исторические задачи часто вызывали великие фантазии, а великие фантазии вырастают рядом со многими мелкими неудачными фантазиями. Было много случаев, когда мы брались за постройку с верхушек, с какого-нибудь флигелька, карниза, а на фундамент настоящего внимания не обращали. Я бы хотел вам сообщить, как результат моего опыта, моих наблюдений над работой, мое мнение, что насущная задача для нашей политики — дать этот фундамент. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждая организация, каждое учреждение говорили это себе на каждом заседании. Если мы снабдим хлебом, если мы добьемся того, чтобы увеличить количество топлива, если мы напряжем все свои силы для того, чтобы стереть с лица русской земли сыпной тиф, — результат некультурности, нищеты, темноты и невежества, — если мы все те силы, весь тот опыт, который мы приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, — мы можем быть уверены, что в этом деле, которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, что в этом деле мы завоюем себе успеха все больше и больше.

Военную мобилизацию мы осуществили. Партии, которые были самыми непримиримыми нашими противниками, которые дольше всего отстаивали и отстаивают идеи капитализма, как, например, эс-эры, должны были признать, вопреки всем обвинениям, сыпавшимся на нас со стороны буржуазных империалистов, что Красная армия стала народной. Это значит, что мы осуществили в этом самом трудном деле объединение рабочего класса с переходящей на его сторону громадной массой крестьянства, и тем показали ему, что такое руководство рабочего класса.

Слова «диктатура пролетариата» крестьян отпугивают. В России это пугало для крестьян. Они оборачиваются против тех, кто это пугало пускает в ход. Но крестьяне знают теперь, что диктатура пролетариата, может быть, и слишком мудреное латинское слово, но что оно на практике есть та Советская власть, которая передает государственный аппарат в руки рабочих. Таким образом, это — вернейший друг и союзник трудящихся и самый беспощадный враг всякой эксплуатации. Вот почему мы, в конце концов, победим всех империалистов. Потому, что у нас есть такой глубокий источник сил, такой широкий и глубокий резервуар человеческого материала, которого нет и нигде не будет ни у одного буржуазного правительства. У нас есть тот материал, из

которого мы можем черпать все дальше и все глубже, переходя не только от передовых рабочих к середнякам, но и ниже — к крестьянам трудящимся, бедным и беднейшим. Последнее время товарищи-петроградцы говорили, что Питер отдал всех своих работников и больше дать ничего не может. А когда наступил критический час, Питер оказался изумительным, как справедливо сказал тов. Зиновьев, оказался городом, который точно родил новые силы [189]). Те рабочие, которые считались ниже середняков, у которых не было никакого государственного и политического опыта, поднялись во весь рост, дали массу сил для пропаганды, агитации, организации, совершили новые и новые чудеса. Этого источника для новых и новых чудес у нас еще очень и очень много. Каждый новый слой еще не вовлеченных в работу рабочих и крестьян, это — наши вернейшие друзья и союзники. Нам приходится сейчас сплошь и рядом при управлении государством опираться на эти тонкие слои. Мы должны снова и снова обращаться к беспартийным и в нашей партийной работе и в нашей советской практике, смелее и смелее обращаться к беспартийным рабочим и крестьянам, не с целью сразу привлечь их на свою сторону, втянуть в свою партию, — нам это неважно, — а в целях пробудить в них сознание, что для спасения страны нужна их помощь. Вот когда у тех, кого меньше всего помещики и капиталисты допускали к государственному управлению, когда мы у них пробудим сознание того, что мы зовем их вместе с нами строить прочный фундамент социалистической республики, тогда наше дело будет окончательно непобедимо.

Вот почему на основании опыта двух лет мы можем сказать вам с абсолютной уверенностью, что всякий шаг в наших военных победах будет с громадной быстротой приближать то время, — теперь уже совсем близкое, — когда мы целиком посвятим свои силы мирному строительству. На основании опыта, который мы приобрели, мы можем ручаться, что в этом деле мирного строительства мы в ближайшие годы сотворим несравненно бо́льшие чудеса, чем мы совершили за эти два года победоносной войны против всемирно-могущественной Антанты. (**Аплодисменты.**)

Товарищи, позвольте в заключение огласить проект резолюции, которую я вам предлагаю:

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешал сперва — гнет германского империализма, затем — вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, именно: 5 августа 1918 г. обращение

Народного Комиссариата Иностранных Дел к американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — всем правительствам Согласия через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; затем обращения 12 января и 17 января, нота правительствам Антанты 4 февраля 1919 г. и проект договора, выработанный с Буллитом 12 марта 1919 г., заявление 7 мая 1919 г. через Нансена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссариата Иностранных Дел, VII съезд Советов еще раз подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагает всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, Совету Народных Комиссаров и Народному Комиссариату Иностранных Дел систематически продолжать эту мирную политику, принимая все необходимые для ее успеха меры».

2.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ В.Ц.И.К И СОВНАРКОМА 6 ДЕКАБРЯ.

(Голоса: «Да здравствует товарищ Ленин! Ура!». Аплодисменты.) Товарищи! Мне кажется, что своей речью и своей декларацией Мартову удалось дать нам чрезвычайно наглядный образец того, как относятся к Советской власти группы и партии, принадлежавшие раньше и принадлежащие и теперь ко II Интернационалу, против которого мы теперь основали Коммунистический Интернационал. Всякому из вас бросилась в глаза разница между речью Мартова и его декларацией,—разница, которую в своем замечании подчеркнул и тов. Сосновский, бросивший из президиума Мартову замечание: «Не прошлогодняя ли у вас декларация?». Действительно, речь Мартова, несомненно, относится к 1919 г., к концу его, а декларация составлена так, что мы в ней видим полное повторение того, что они говорили в 1918 году [19]). (Аплодисменты, смех.) И когда Мартов на это замечание Сосновского ответил, что декларация эта «на веки веков», то я бы тут все-таки позволил себе взять в защиту меньшевиков от Мартова. (Аплодисменты.) Ибо я, товарищи, наблюдал развитие и прохождение деятельности меньшевиков, пожалуй, больше и внимательнее,— что вовсе не было так приятно,— чем кто бы то ни было другой. И, на основании этого пятнадцатилетнего наблюдения, я утверждаю, что декларация эта не только «на веки веков», но и на один год не останется (аплодисменты), потому что все развитие меньшевиков, особенно в такой великий момент, который начался в истории русской революции, показывает нам величайшее колебание среди них, сводящееся в общем и целом к тому, что от буржуазии и ее предрассудков они с величайшим трудом, против своей воли отходят. Много раз упираясь, они начинают подходить — очень медленно, а все же начинают подходить — к диктатуре пролетариата, и через год они сделают еще несколько шагов,— в этом я совершенно уверен. И этой декларации повторить нельзя будет, ибо эта декларация, если вы снимете с нее оболочку общих демократических фраз и парламентарных выражений, которые сделали бы честь любому вождю парламентской оппозиции, если вы отбросите в сторону эти речи, которые многим нравятся, а нам кажутся скучными, и возьмете настоящую суть дела, то вся декларация насквозь говорит: назад, к буржуазной демократии и ничего больше. (Аплодисменты.) И вот когда

мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и Ч. К. — вещь абсолютно необходимая. (Аплодисменты.) Товарищи, чтобы вы не обвинили меня сейчас или чтобы кто-нибудь не мог меня обвинить, что я придираюсь к этой декларации, я, на основании политических фактов, утверждаю, что под такой декларацией и правый меньшевик и правый эс-эр подпишутся сейчас обеими руками. Я имею доказательство этому. Совет партии правых эс-эров, от которых вынужден был отколоться Вольский и его группа, — Вольский председатель комитета Учредительного Собрания, которого вы слышали на трибуне, — совет правых эс-эров, состоявшийся в этом году, постановляет, что с партией меньшевиков, которую они считают себе близкой, они желают слияния [191]). Почему? Потому, что за печатание тех вещей, какие есть в декларации и в меньшевистских изданиях (которые будто бы являются чисто-теоретическими и печатать которые мы напрасно не разрешали, как говорила представительница от Бунда, жалуясь, что у нас нет полной свободы печати), за печатание таких вещей стоят правые эс-эры, которые солидаризируются с меньшевиками, декларация которых насквозь построена на тех же принципах, как и у правых эс-эров. В то же время, после длительной борьбы, группа Вольского должна была отколоться. Вот та путаница, которая наглядно показывает, что тут не наша придирка к меньшевикам, а действительное положение вещей, — в чем дает нам пример группа эс-эров меньшинства. Меньшевики вспомнили меньшевика Розанова, которого наверное Мартов и партия исключили бы, а вот под этой декларацией и эс-эры и меньшевики подпишутся.

Значит, есть среди них до сих пор два разных течения, из которых одно сожалеет, плачет, соболезнует и желает теоретически вернуться к демократизму, а другое действует. И напрасно говорит Мартов, будто бы я оправдывался в вопросе о терроризме [192]). Уже одно это выражение показывает, как бесконечно далеки от нас воззрения мелко-буржуазной демократии и как близки они ко II Интернационалу. На деле ровно ничего социалистического в них нет, а как раз наоборот. Когда подошел социализм, нам опять проповедуют старые буржуазные взгляды. Не оправдывал себя я, а говорил о специальной партии, которая создана войной, партии офицеров, командовавших в течение империалистской войны, которые выдвинулись в этой войне, которые знают, что̀ такое практическая политика. Когда нам говорят: «Ваши Ч. К. либо надо убрать, либо лучше организовать», то, товарищи, мы отвечаем: мы не претендуем на то, что все, что мы делаем, это — лучшее, и учиться мы без малейшего предубеждения готовы и рады. Но если учить нас, как поставить охрану от помещичьих, белогвардейских сынков и офицеров, хотят те

люди, которые были в Учредительном Собрании, то мы им отвечаем: ведь вы были у власти и с Керенским боролись против Корнилова, и с Колчаком были, и вас оттуда без борьбы, как детей, выкидывали вон эти же самые белогвардейцы. И вы еще после этого говорите, что наши Ч. К. плохо организованы! (Аплодисменты.) Нет, Ч. К. у нас организованы великолепно. (Аплодисменты.) И господа заговорщики, которые теперь в Германии издеваются над рабочими, — когда там офицеры, во главе с фельдмаршалами, кричат «долой берлинское правительство!», когда там безнаказанно убивают вождей коммунистов и белогвардейская публика третирует вождей, представителей II Интернационала, как мальчишек, — они показывают, что это соглашательское правительство — ничто, что оно — игрушка в руках группы заговорщиков. И когда мы имеем такой опыт перед собой, когда мы только-только выходим на дорогу, тогда эти люди говорят: «У вас преувеличенный террор!». А сколько недель тому назад мы открыли заговор в Петрограде [193]? А сколько недель тому назад Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин от Орла? Нам говорят представители этих колеблющихся партий и колеблющейся демократии: «Мы рады, что Юденич и Колчак побеждены». Я совершенно верю тому, что они рады, ибо они знают, чем бы и им грозили Юденич и Колчак. (Аплодисменты.) Я не заподазриваю в неискренности этих людей. Но я спрошу их: когда Советская власть переживает трудные минуты, когда среди буржуазных элементов заговоры и когда в критический момент удается эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в своей деятельности, в конце концов, натыкаются на людей, которые идут в эти, как здесь говорят, плохо организованные Ч. К., и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры». (Аплодисменты.) Поэтому я говорю, что, когда через несколько времени после смертельной опасности, перед лицом заговора, который бросается всякому в глаза, приходят к нам и говорят, что у нас конституция не соблюдается, что Ч. К. скверно организованы, тут можно сказать, что эти люди политике в борьбе с белогвардейцами не научились, они своего опыта с Керенским, Юденичем и Колчаком не продумали и никаких практических результатов вывести из него не умеют. И поскольку вы, господа, начинаете понимать, что Колчак и Деникин представляют серьезную опасность, что нужно сделать выбор в пользу Советской власти, постольку вам пора оставить мартовскую декларацию «на веки веков». (Смех.) В конституции учтен весь опыт нашей двухлетней власти, без чего, как я заявил в своей речи, и чего не попробовали здесь даже опровергнуть, — без чего мы не продержались бы не только

двух лет, но и двух месяцев. Пусть попытается опровергнуть это всякий, кто пожелает сколько-нибудь объективно отнестись к Советской власти, хотя бы с точки зрения историка, а не политического деятеля, желающего говорить и действовать с рабочими массами и на них влиять. Нам говорят: Советы редко собираются, не перевыбираются достаточно часто. Мне кажется, что на такого рода упрек следовало бы ответить не речами и не резолюциями, а делом. По-моему, лучшим ответом будет то, если вы работу, которая Советской властью начата, по подсчету того, сколько у нас на местах было уездных и городских перевыборов Советов, сколько было съездов Советов и т. д. — если вы окончите эту работу. У нас тов. Владимирский, заместитель наркома внутренних дел, опубликовал материал по истории этих съездов [194]). Когда я увидел этот материал, я сказал: вот исторический материал, который доказывает, между прочим, что не было еще в истории цивилизованных народов ни одной страны, где была бы так широко применена пролетарская демократия, как у нас в России. Если говорят, что мы мало перевыбираем Советы, что мы редко созываем съезды, то я каждого делегата приглашаю ходатайствовать перед соответствующим органом о том, чтобы мы на этом съезде распространили еще дополнительный анкетный, опросный, листок, и чтобы на нем каждый делегат записал: какого месяца, числа и года и в каком уезде, городе и поселке собирались съезды Советов. Если вы эту нетрудную работу выполните, и каждый из вас такой опросный листок заполнит, вы получите материал, который наши неполные данные пополнит и который докажет, что в такое трудное время, как время войны, когда действие европейских конституций, веками установленных, вошедших в привычку западно-европейского человека, почти целиком было приостановлено, в это время Советская конституция в смысле участия народных масс в управлении и самостоятельном разрешении дел управления на съездах и в Советах и на перевыборах применялась на месте в таких размерах, как нигде в мире. А если говорят, что этого мало, если критикуют и утверждают, что «если ваш Ц. И. К. не собирался, это действительно ужасное преступление», то тов. Троцкий прекрасно ответил на это представительнице Бунда, сказав, что Ц. И. К. был на фронте. На это представительница Бунда, — того Бунда, который стал на советскую платформу [195]), и который поэтому, можно предполагать, действительно, понял, наконец, что такое основа Советской власти, — представительница Бунда — я записал ее ответ — сказала: «Это курьез, что Ц. И. К. был на фронте, он мог бы послать других».

Мы ведем борьбу с Колчаком, с Деникиным и с другими — их была не одна душа! Кончилось тем, что русские войска разогнали их как ребятишек. Мы ведем трудную победоносную войну.

Вы знаете, что при каждом набеге мы должны были всех членов Ц. И. К. гнать на фронт, а нам отвечают: «Это курьез, надо было найти других». Что же, мы действовали вне времени и пространства? Или же мы можем рожать коммунистов (аплодисменты) по несколько человек в неделю? Мы этого делать не можем: рабочих, которые закалены несколькими годами борьбы, которые приобрели опыт, которые могут руководить, — таких рабочих у нас, товарищи, меньше, чем в какой-либо другой стране. Для того, чтобы подготовить рабочую молодежь, курсантов, нам нужно будет принять все меры, и на это потребуется несколько месяцев, даже лет. И когда это протекает в крайне трудных условиях, нам на это отвечают усмешкой. Эта усмешка только доказывает полное непонимание этих условий. Это, действительно, смехотворное интеллигентское непонимание, когда нас заставляют в этих военных условиях действовать не так, как мы действовали до сих пор. Мы должны напрягать силы до последней степени, и мы поэтому должны отдавать всех лучших работников и членов Ц. И. К. и исполкомов на фронт. И я уверен, что ни один человек, сколько-нибудь практически-опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы максимум сделали для сведения коллегиальных учреждений при исполкомах к минимуму, потому что они сводились в один исполком под гнетом войны, потому что работники скакали на фронт, как они бросаются теперь сотнями и тысячами на топливную работу. Это тот фундамент, без которого Советская республика жить не может. Если это куплено ценою того, что в течение нескольких месяцев реже будут собираться Советы, то не найдется ни одного разумного рабочего или крестьянина, который не понял бы необходимости этого, который не одобрил бы этого.

Я говорю, что на счет демократии и демократизма нам продолжают подносить целиком предрассудки буржуазного демократизма. Здесь говорили из партии оппозиции, что надо приостановить подавление буржуазии. Надо все-таки думать над тем, что говоришь. Что такое подавление буржуазии? Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля роздана крестьянам. Но можно ли буржуазию подавить и уничтожить тем, что уничтожен крупный капитал? Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает, что так подавить буржуазию нельзя, что буржуазия рождается из товарного производства; в этих условиях товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов лишних, ненужных для его семьи, которых он не сдает рабочему государству в ссуду, для помощи голодному рабочему, и спекулирует, — это что такое? Это не буржуазия? Не здесь ли она рождается? В этом вопросе, в вопросе о хлебе, о тех муках голода, которые переживает вся

промышленная Россия, тут есть ли нам помощь со стороны тех, кто нас упрекает в несоблюдении конституции, в подавлении буржуазии? Нет! Помогают ли они нам в этом отношении? Они скрываются за словами «соглашение рабочих и крестьян». Да, конечно, это нужно. Мы показали, как мы это делаем, когда 26 октября 1917 г. взяли программу эс-эров в части поддержки крестьян и целиком ее провели. Этим мы тогда показали, что крестьянин, который подвергался эксплуатации помещиков, который живет своим трудом, который не спекулирует, — что такой крестьянин находит себе верного защитника в рабочем, посланном центральной государственной властью. Тут мы соглашение с крестьянином осуществили. Когда мы проводим продовольственную политику, требующую, чтобы избыток хлеба, не нужный крестьянской семье, отдавался рабочим в государственную ссуду, то возражения против этого есть поддержка спекуляции. Это еще есть в мелко-буржуазных массах, привыкших жить по-буржуазному. Вот что страшно, вот где опасность для социальной революции! Помогали ли нам когда-нибудь в этом отношении представители меньшевиков и эс-эров, хотя бы самых левых? Нет, никогда! Та их печать, которую мы должны будто бы во имя «принципов свободы» разрешить и образцы которой мы имеем, показывает, что ни одним словом, — я не говорю уже о деле, — они не помогают нам. Пока мы не победили полностью старую привычку, старый проклятый завет, что всякий за себя, один бог за всех, — единственный выход для нас — это взять излишки хлеба в ссуду голодному рабочему. Это сделать страшно трудно, — мы знаем. Здесь ничего не может быть сделано насилием. Но смехотворно говорить, что мы представляем собою меньшинство рабочего класса, — это вызывает только смех. Это можно говорить в Париже, да и там нынче не дают этого говорить на рабочих собраниях. В той стране, где правительство было свергнуто с небывалой легкостью, где рабочие и крестьяне с винтовкой в руках защищают свои интересы, где они применяют ее, как орудие своей воли, — в такой стране говорить, что мы представляем собою меньшинство рабочего класса, — смешно. Я понимаю, когда такие речи раздаются из уст Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона. Вот чьи это слова, вот чьи это идеи! Когда эти речи Вильсона, Клемансо, Ллойд-Джорджа, самых худших из хищников, зверей империализма, повторяет здесь Мартов от имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (**смех**), тогда я говорю себе, что надо быть на-чеку и знать, что тут Ч. К. необходима! (**Аплодисменты.**)

Нас упрекают все ораторы оппозиции, в том числе и представители Бунда, что мы не соблюдаем конституции. Я утверждаю, что мы конституцию соблюдаем строжайшим образом. (**Голос из ложи: «Ого!».**) И хотя из ложи, которая в прежние

времена была ложей царской, а теперь является ложей оппозиции (смех), я слышу иронический возглас «ого!»,— тем не менее я сейчас это докажу. (Аплодисменты.) Я прочту вам тот пункт конституции, который мы соблюдаем и который показывает, что мы во всей своей деятельности конституцию блюдем. Когда на собраниях, куда являлись сторонники меньшевиков и эс-эров, мне приходилось говорить о конституции, затруднение было в том, есть ли текст конституции, чтобы цитировать. Но собрания происходят большей частью в помещениях, где конституция висит на стене. В настоящем собрании этого нет, но меня выручил тов. Петровский, который дал мне экземпляр брошюры, озаглавленной «Конституция Р. С. Ф. С. Р.». Я читаю параграф 23: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Р. С. Ф. С. Р. лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Я, товарищи, еще раз повторяю, что никогда мы не рассматривали нашу деятельность вообще и свою конституцию в частности образцом совершенства. На этом съезде поставлен вопрос об изменениях конституции. Мы согласны изменять, и давайте рассматривать изменения, но мы не будем этого закреплять «на веки веков». Но все же, если вы хотите воевать, давайте воевать в чистую. Если вы хотите, чтобы мы соблюдали конституцию, то хотите ли вы, чтобы соблюдался и параграф 23-й? (Аплодисменты.) Если вы этого не хотите, тогда давайте спорить, нужно ли отменять или нет параграф, который говорит, чтобы мы с фразами об общей свободе и общем равенстве трудящихся не шли к народу. Вы учились конституционному праву великолепно, но по старым буржуазным учебникам. Вы вспоминаете слова о «свободе и демократии», вы ссылаетесь на конституцию и вспоминаете прежние слова, и обещаете народу все для того, чтобы этого не исполнять. А мы ничего такого не обещаем, мы не предлагаем равенства рабочих и крестьян. Вы предлагаете,— давайте спорить. С теми крестьянами, которых эксплуатировали помещики и капиталисты, которые трудятся на свою семью на земле, отнятой у помещиков,— с такими крестьянами полное равенство, дружба и братский союз. А тем крестьянам, которые по старой привычке, по темноте и корысти тянутся назад, к буржуазии,— мы не даем равенства. Вы говорите общие фразы о свободе и равенстве трудящихся, о демократии, о равенстве рабочих и крестьян. Мы не обещаем, что конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода,— но для какого класса и для какого употребления? Равенство,— но кого с кем? Тех, кто трудится, кого эксплуатировала десятки и сотни лет буржуазия, и кто сейчас борется против буржуазии? Это и сказано в конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления

буржуазии. Почему вы, когда разговариваете о конституции, не цитируете этих слов: для подавления буржуазии, для подавления спекулянтов? Покажите нам образец страны, образец вашей прекрасной меньшевистской конституции. Может быть, найдете такой образец хотя бы в истории Самары, где была меньшевистская власть? Может быть, вы найдете его в Грузии, где сейчас меньшевистская власть, где подавление буржуазии, т.-е. подавление спекулянтов, происходит на началах полной свободы и равенства, на началах последовательной демократии и без Ч. К.? Покажите такой пример, и мы поучимся. Но вы показать этого не можете, ибо вы знаете, что во всех местах, где держится соглашательская власть, меньшевистская или полуменьшевистская, там — бешеная, разнузданная спекуляция. И та Вена, о которой справедливо говорил в своей речи тов. Троцкий, где в правительстве участвуют люди, подобные Фридриху Адлеру, которая не знает «ужасов большевизма», голодает и мучается так же, как Петроград и Москва, но без сознания того, что венские рабочие ценою голода пробивают дорогу к победе над буржуазией. Вена голодает и мучается сильнее Петрограда и Москвы, и тут же австрийская и венская буржуазия на венских улицах, на Невском проспекте и Кузнецком мосту Вены, делает чудовищные вещи по части спекуляции и грабежа. Конституцию вы не соблюдаете, а мы ее соблюдаем, когда признаем свободу и равенство только для тех, кто помогает пролетариату побеждать буржуазию. И параграфом 23 мы говорим, что для переходного периода не рисуем молочных рек и кисельных берегов. Мы говорим, что нам нужно продержаться не месяцы, а годы, чтобы закончить этот переходный период. После двух лет мы можем сказать, и нам наверное поверят, что мы способны продержаться несколько лет, именно потому, что вписали в конституцию лишение прав отдельных лиц и групп. А кого мы лишаем прав, — мы этого не скрываем, мы говорим открыто, что группу меньшевиков и правых эс-эров. За это нас порицали деятели II Интернационала, но мы говорим прямо группе меньшевиков и эс-эров, что мы готовы на все, но что они должны помогать нам вести политику трудящихся против спекулянтов, против того, кто помогает продовольственной спекуляции, кто помогает буржуазии. По мере того, как вы докажете это на деле, мы снимем с вас то, что мы сделали по конституции, а до тех пор ваши бессодержательные слова, это — только увертка. Наша конституция не отличается краснобайством, она крестьянам говорит: раз ты крестьянин трудящийся, ты имеешь все права, но не может быть равных для всех прав в обществе, где рабочие голодают, где идет борьба с буржуазией. А рабочему она говорит: равенство с тем крестьянином, который помогает в борьбе с буржуазией и никаких обобщений! Тут трудная борьба. Кто

нам хочет помогать, того мы принимаем с величайшей радостью независимо от его прошлого, не считаясь ни с какими названиями. И мы знаем, что таких людей из других партий и беспартийных к нам идет все больше и больше, и этим обеспечивается наша победа. (Громкие аплодисменты, крики «браво».)

3.

РЕЧЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕКЦИИ 8 ДЕКАБРЯ[196].

Товарищи! Я получил несколько записок от делегатов с предложением высказаться по этому вопросу. Мне казалось, что надобности в этом нет, и я воздерживался до получения этих приглашений, потому что, к сожалению, с местной работой практически знакомиться не имел возможности, а то знакомство, которое получаешь при деятельности в Совнаркоме, само собой разумеется, недостаточно. Кроме того, я вполне согласен с тем, что сказал тов. Троцкий, и поэтому ограничусь небольшими замечаниями.

Когда в Совнаркоме перед нами ставился вопрос о советских хозяйствах и передаче их губземотделам [197]), когда ставился вопрос о главках и центрах, то для меня никогда не оставалось сомнения в том, что в учреждениях обоего рода имеется немало контр-революционных элементов. Но когда пытаются обвинять советские хозяйства в том, что эти учреждения особо контрреволюционны, то мне всегда казалось, и сейчас я так же думаю, что это значит стрелять мимо цели, потому что ни совхозы, ни главки и центры, ни какие бы то ни было крупные промышленные предприятия, вообще ни одна центральная или местная организация, ведающая сколько-нибудь значительной отраслью народного хозяйства, — не обойдется, не обходится и не может обойтись без решения вопроса об участии буржуазных специалистов. Мне кажется, что нападки на главки и центры, нападки вполне законные с той точки зрения, что здесь нужна тщательная чистка, являются все же ошибочными, потому что в данном случае этот тип учреждений вырывается из ряда других аналогичных учреждений. Между тем, из работы совнархоза яснее ясного видишь, что выделять по этому пункту главки, центры и совхозы никоим образом не допустимо, потому что вся наша советская работа и в области военной, и в области здравоохранения, и в области просвещения, везде и всегда сталкивалась и сталкивается с подобного рода вопросом. Мы не можем перестроить государственный аппарат и воспитать достаточное количество рабочих и крестьян, хорошо знакомых с делом государственного управления, без помощи старых специалистов. Это — основной урок, который мы выводим из всего нашего строительства,

и этот опыт нам говорит, что во всех областях, в том числе и военной, старые специалисты — они потому и старые — не могут быть взяты ни откуда иначе, как из общества капиталистического. Оно давало возможность превращать в специалистов слишком немногочисленные слои, принадлежавшие к семьям помещиков и капиталистов, и лишь самое ничтожное число выходцев из крестьян, притом только зажиточных. Поэтому, если принять во внимание ту обстановку, в которой эти люди выросли и в которой теперь действуют, то совершенно неизбежным окажется факт, что эти специалисты, т.-е. люди с навыком управления в широком государственном масштабе, на девять десятых проникнуты старыми буржуазными воззрениями и предрассудками, и что даже в тех случаях, когда они не являются прямыми изменниками, — а это явление не случайное, а постоянное, — даже в этих случаях они не в состоянии понять новых условий, новых задач, новых требований. На этой почве трения, неудачи и беспорядки замечаются всюду, во всех комиссариатах.

Мне казалось поэтому, что бьют мимо цели, когда кричат о реакционности именно совхозов, главков и центров, пытаясь этот вопрос выделить из общего нашего вопроса о том, каким образом приучить к управлению в широком государственном масштабе большое число рабочих и крестьян. Мы это делаем с быстротой, которая, если принять во внимание отсталость страны и трудность условий, является безусловно невиданной в мировой истории. Но, как бы она ни была велика, она нас не удовлетворяет, потому что потребность наша в умеющих управлять и знакомых со специальными отраслями управления рабочих и крестьянах — громадна и еще не удовлетворена и на одну десятую, на одну сотую долю. Поэтому, когда нам говорили, или когда в Совнаркоме бывали заседания, на которых доказывали, что совхозы сплошь и рядом являются местами, где прячутся чуточку перекрашенные, а иногда и не перекрашенные старые помещики, что там создаются гнезда бюрократизма, что подобные явления сплошь и рядом наблюдаются в главках и центрах, — я никогда не сомневался в правильности этого. Но я говорю, что если вы думаете устранить это зло тем, что вы подчините совхозы губземотделу, то вы ошибаетесь.

Почему в главках и центрах, в совхозах осталось больше контр-революционных элементов, больше бюрократизма, чем в области военной? Почему в военной области этих элементов меньше? Потому, что на эту область, в целом, было обращено больше внимания, в нее было направлено больше коммунистов, больше рабочих и крестьян, там более широко работали политические отделы, одним словом, воздействие передовых рабочих и передовых крестьян на весь военный аппарат было более широким, более глубоким и более систематичным. Благодаря этому

мы добились, что тут зло, если еще не искоренено, то все же мы ближе к его искоренению. Я говорю: на это нужно обратить больше всего внимания.

Мы делаем только первые шаги к тому, чтобы совхозы стояли в тесной связи и с крестьянским населением и с коммунистическими группами, чтобы везде, а не в одной лишь военной области, были комиссары и были не только на бумаге. Будут ли это члены коллегии, помощники заведующих или комиссары — нам необходима единоличная ответственность: как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности. Нам нужны такие люди, которые во всяком случае учились бы самостоятельному управлению. Если это будет сделано, тогда мы исправим зло наилучшим образом.

Я совершенно согласен, скажу в заключение, с тов. Троцким, когда он говорил о том, что здесь делались очень неправильные попытки представить наши споры, как спор между рабочими и крестьянами, и к вопросу о главках и центрах приплетался вопрос о диктатуре пролетариата. Это, по-моему, в корне неправильно. Вопрос о диктатуре пролетариата может подниматься тогда, когда речь идет о подавлении буржуазии. Тогда мыслим этот вопрос, тогда нам нужна эта диктатура, ибо только посредством ее мы можем подавить буржуазию и передать власть в руки той части трудящихся, которая способна неуклонно действовать и привлекать к себе все больше и больше колеблющихся. В данном случае мы ничего подобного не имеем перед собой. Мы имеем спор о том, насколько больше или меньше централизма нужно в данной области и в данный момент. Если товарищи с мест говорят, и тов. Троцкий и многие наркомы подтверждают, что за последнее время уровень работников губернских и, в значительной степени, уездных поднялся чрезвычайно (я такого рода подтверждения слышу постоянно и от тов. Калинина, много разъезжающего по местам, и от приезжающих с мест товарищей), то с этим приходится считаться, надо ставить вопрос, правильно ли понимается вопрос о централизме в данном случае. Я уверен, что такого рода исправлений работы советских учреждений нам придется делать еще очень и очень немало. В этом отношении только теперь мы начинаем приобретать строительский опыт. И поскольку смотришь на этот опыт изнутри Совета Обороны или Совнаркома, постольку ясно видишь, что нельзя этого выразить никакими цифрами, невозможно рассказать в краткой речи. Но мы уверены в том, что на местах работают по основным заданиям центральной власти. Это создалось только в последнее время.

Здесь вопрос вовсе не стоит о конфликте между диктатурой

пролетариата и другими общественными элементами. Здесь вопрос об опыте нашего советского строительства, об опыте, по-моему, даже не конституционном. Здесь много говорили об изменении конституции. Мне кажется, что вопрос не в этом. Конституция говорит об основных положениях централизма. Это основное положение настолько для нас всех бесспорно, — мы все научились ему на наглядном, внушительном и даже жестоком уроке Колчака, Юденича, Деникина и на партизанщине, — что об этом здесь не может быть и речи. От этого основного положения централизма не отказывается и тов. Сапронов, когда идет речь о том, чтобы предоставить право отвода наркому или Совнаркому. Это вопрос не конституционный, а вопрос практического удобства. Нам нужно нажать то на одну, то на другую сторону, чтобы добиться положительных результатов. Когда мы говорим о губсовхозах и губземотделах, центр тяжести в том, чтобы поставить их под контроль рабочих и окрестных крестьян. Это совершенно независимо от того, кому они подчиняются. Мне кажется, что никакими изменениями конституции вы никогда не вышибете ни спрятавшихся помещиков, ни перекрасившихся капиталистов и буржуа. Мы должны вводить в учреждения членами небольших коллегий, помощниками отдельных заведующих или в качестве комиссаров достаточное число практически опытных и безусловно преданных рабочих и крестьян. В этом гвоздь! Таким образом вы будете создавать все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, пройдя все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места, исполняют такие же задания и подготовляют в нашем гражданском деле, в деле управления промышленностью, в деле управления хозяйственной деятельностью такое же изменение командного состава, какое у нас происходит в военном ведомстве. Поэтому я думаю, что здесь нет никаких оснований исходить из тех принципиальных соображений, которые здесь иногда делались, а надо рассматривать этот вопрос не как конституционный, а как вопрос практического опыта. Если большинство местных работников, после всестороннего обсуждения найдет, что нужно подчинить губсовхозы губземотделам — хорошо, мы сделаем опыт в этом отношении, решим вопрос с точки зрения практического опыта. Но прежде всего мы должны решить, устраним ли мы таким образом спрятавшихся помещиков, поставим ли лучше дело использования специалистов? подготовим ли таким образом большее число рабочих и крестьян к тому, чтобы они управляли сами? вовлечем ли мы окрестных крестьян в проверку совхозов на деле? выработаем ли практические формы этой проверки? Вот в чем гвоздь! Если мы разрешим эти задачи, то я не могу считать, что было потеряно наше время и наш труд. Испробуем даже в различных комиссариатах

различные системы: создадим одну систему по отношению к совхозам, главкам и центрам, другую — по отношению к военному делу или Комиссариату Здравоохранения. Наша задача — путем опыта привлекать в широких размерах специалистов, заменять их, подготовляя новый командный состав, новый круг специалистов, которые должны научиться чрезвычайно трудному, новому и сложному делу управления. Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом. В этом отношении, мне кажется, мы должны этот опыт собирать и при практическом проведении его в жизнь проверять коммунистическое строительство, чтобы окончательно выяснить, как надо поступать по отношению к тем вопросам, которые стоят перед нами.

4.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 9 ДЕКАБРЯ.

(Продолжительные аплодисменты. Члены съезда и гости поднимаются с мест и бурно аплодируют в течение нескольких минут.) Товарищи! В нескольких словах я хотел бы остановиться на главном, что прошло перед нами на настоящем съезде.

Мы имели, товарищи, небольшую дискуссию по вопросу о демократии и о Советской власти. И как ни кажется на первый взгляд, что эта дискуссия была далека от практически насущных и злободневных задач Советской республики, мне сдается, все же, что она далеко не бесполезна. Товарищи! На всем свете идет теперь во всех рабочих организациях, а очень часто и в буржуазных парламентах и, во всяком случае, на выборах в буржуазные парламенты, та же самая основная дискуссия о демократии, старой буржуазной демократии, чего многие не понимают, и о новой Советской власти. Старая или буржуазная демократия объявляет свободу и равенство, равенство независимо от того, имеет ли человек собственность или нет, независимо от того, обладает ли он капиталом или нет, объявляет свободу распоряжаться частным собственникам землею, капиталом, а у кого этого нет — свободу продавать рабочие руки капиталисту.

Товарищи! Наша Советская власть решительно с этой свободой и с этим равенством, как с ложью, порвала (аплодисменты) и сказала всем трудящимся, что социалисты, так понимающие свободу и равенство, забыли начатки, азбуку и все содержание социализма. Ибо всегда разоблачали мы и социалисты, которые не изменили еще социализму, ложь, обман и лицемерие буржуазного общества, толкующего о свободе и равенстве, хотя бы о свободе и равенстве на выборах, когда на деле власть капиталистов, частная собственность на землю, на фабрики и на заводы определяет собой не свободу, а гнет и обман трудящихся при всяких и всяческих «демократических и республиканских» порядках.

Мы говорим: наша цель, как цель всемирного социализма, есть уничтожение классов, а классы — это такие группы, из которых одна может жить трудом другой, одна присваивает себе труд другой. И вот, если мы об этой свободе, об этом равен-

стве поговорим, то мы должны будем признать, как признает громадное большинство трудящихся в России, что ни одна страна еще не давала так много в такой короткий срок для действительной свободы и для действительного равенства, ни одна страна не давала трудящимся в такой короткий срок свободы от их главного эксплуататорского класса помещиков и капиталистов, ни одна страна не давала равенства в такой мере по отношению к главному источнику средств существования — земле. И на этом пути, на пути освобождения от эксплуатации буржуазных классов до полного уничтожения классов, мы начали решительно бороться и продолжим борьбу за полное уничтожение классов. Мы знаем прекрасно, что эти классы разбиты, но не уничтожены. Мы знаем прекрасно, что помещики и капиталисты разбиты, но не уничтожены. Классовая борьба продолжается, и пролетариат вместе с беднейшим крестьянством должен продолжать борьбу за полное уничтожение классов, привлекая к себе всех тех, кто стоял посредине, добиваясь всем своим опытом, примером борьбы, привлечения всех тех, кто стоял до сих пор в среде колеблющихся.

Товарищи, переходя к работам нашего съезда, я должен сказать, что первый раз VII съезду удалось посвятить так много времени деловым задачам строительства, первый раз нам удалось положить начало практическому, непосредственно из опыта почерпнутому, обсуждению тех задач, которые касаются лучшей организации советского хозяйства, лучшей организации советского управления.

Конечно, слишком мало времени было у нас, чтобы с большей детальностью остановиться на этом вопросе, но все же многое нами здесь сделано, и вся дальнейшая работа Центрального Исполнительного Комитета и товарищей на местах пойдет под знаком заложенного здесь фундамента.

Наконец, товарищи, мне хотелось бы особо остановиться на том, чем мы закрепляем настоящий съезд в отношении нашего международного положения.

Товарищи, мы повторили здесь мирное предложение всем державам и странам Согласия. Мы выразили здесь уверенность, основанную на опыте, который у нас уже очень богат и очень серьезен, — уверенность в том, что главные трудности остались позади и что из той войны, которую навязала нам Антанта, из той войны, которую мы ведем два года против неприятеля, во много раз более сильного, чем мы, мы несомненно выходим победоносными.

Но, товарищи, я думаю, что то обращение, которое мы сейчас слышали от представителя нашей Красной армии, было, тем не менее, вполне своевременным. Товарищи, если главные трудности остались позади, то надо сказать, что перед нами и задачи строительства развертываются в небывалой широте. Нет никакого сомнения, что есть еще очень влиятельные и очень

сильные, во многих странах безусловно господствующие капиталистические группы, которые решили во что бы то ни стало продолжать войну против Советской России до конца. Нет никакого сомнения, что теперь, когда мы одержали некоторую решающую победу, нужно еще и еще употребить добавочные усилия, напрячь еще раз усилия, чтобы воспользоваться этой победой и довести ее до конца. (Аплодисменты.)

Товарищи! Не забывайте двух вещей: во-первых, нашей общей слабости, может быть связанной с славянским характером, с тем, что мы недостаточно устойчивы, недостаточно выдерживаем до конца в преследовании намеченной цели, — и, во-вторых, что на опыте мы видали, как мы, одерживая победы, один раз на востоке, другой раз на юге, в решительную минуту не могли оказать достаточно сильного отпора врагу и давали ему возможность подняться снова. Нет ни тени сомнения, что сейчас правительства и военные классы Западной Европы готовят новые планы для того, чтобы спасти Деникина. Нет ни малейшего сомнения, что они попытаются сейчас вдесятеро усилить ту помощь, которую они ему оказывали, потому что они понимают, как велика опасность, грозящая ему от Советской России. И поэтому теперь, так же, как мы говорили во времена трудные, мы должны сказать себе и во время этих начавшихся побед: «Товарищи, помните, что в настоящее время может быть от нескольких недель, может быть от двух-трех месяцев зависит, кончим ли мы войну не только решающей победой, но и полным уничтожением противника, или мы снова обречем десятки и сотни тысяч людей на продолжительную и мучительную войну. Теперь, на основании пережитого нами опыта, мы можем сказать с полной уверенностью, что от нескольких недель или двух-трех месяцев, если мы сумеем утроить наши усилия, зависит возможность не только победить до конца, но и уничтожить врага и завоевать себе мир прочный и мир долгий».

Поэтому, товарищи, я больше всего хотел бы вас просить о том, чтобы каждый из вас, приехав на место, в каждой организации партии, в каждом советском учреждении, перед каждым собранием рабочих и крестьян ставил такой вопрос: товарищи, эта зимняя кампания наверняка может дать нам полное уничтожение неприятеля, если мы, ободренные успехом и открывающимися теперь с ясностью перспективами советского строительства, посмотрим на предстоящие нам недели и месяцы, как на ту страдную полосу, когда мы должны утроить силы, посвященные военной работе и работе, которая с ней связана, — и тогда мы в самый короткий срок добьемся такого уничтожения неприятеля, такого конца гражданской войны, который откроет нам для мирного социалистического строительства долгое и прочное время, товарищи. (Аплодисменты.)

Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата.

В сборнике социалистов-революционеров „Год русской революции. 1917-1918" (Москва. 1918. Московское издательство „Земля и Воля") помещена замечательно интересная статья Н. В. Святицкого: „Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (предисловие)". Автор дает цифры относительно 54 избирательных округов из общего числа 79.

Обследованием автора охвачены почти все губернии Евр. России и Сибири. Не взяты из общего числа губерний: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные данные, опубликованные Н. В. Святицким, а затем разберем политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I.

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36.262.560 голосов. Автор приводит цифру 36.257.960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог ~~приводимых~~ им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: Эсеры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эсеров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов т. е. 58%.

Меньшевики получили 668.064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы народных социа-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА: «ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА» — 1919 г.
Уменьшено

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

В сборнике социалистов-революционеров «Год русской революции. 1917 — 1918» (Москва. 1918. Московское Издательство «Земля и Воля») помещена замечательно интересная статья Н. В. Святицкого: «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание (предисловие)». Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Европейской России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н. В. Святицким, а затем рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I.

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 г. 36.262.560 голосов. Автор приводит цифру 36.257.960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эс-эры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эс-эров других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т.-е. 58%.

Меньшевики получили 668.064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы «народных социалистов» (312 тыс.), «Единства» (25 тыс.), кооператоров (51 тыс.), украинских социал-демократов (95 тыс.), украинских социалистов (507 тыс.), немецких социалистов (44 тыс.) и финских социалистов (14 тыс.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9.023.963 голоса.

Кадеты получили 1.856.639 голосов. Прибавляя к ним «союз земельных собственников и землевладельцев» (215 тыс.), «правые группы» (292 тыс.), старообрядцев (73 тыс.), националистов: еврейских (550 тыс.), мусульманских (576 тыс.), башкиров

(195 тыс.), латышей (67 тыс.), поляков (155 тыс.), казаков (79 тыс.), немцев (130 тыс.), белоруссов (12 тыс.) и «списки разных групп и организаций» (418 тыс.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий — 4,6 миллиона.

Известно, что эс-эры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того, все развитие событий и за это время и после него доказало определенно, что обе эти партии вместе представляют мелко-буржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистическою, как и все партии II Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учредительное Собрание, мы получаем такой итог:

Партия пролетариата (большевики)	9,02 миллиона	= 25%
Партии мелко-буржуазной демократии (социалисты-революционеры, меньшевики и т. п.)	22,62 »	= 62%
Партии помещиков и буржуазии (кадеты и т. п.)	4,62 »	= 13%
Всего	36,26 миллиона	= 100%

Приведем теперь данные, которые Н. В. Святицкий дает по областям:

Число поданных голосов в тысячах

Области *) (и армия отдельно)	За эс-эров (русских)	%		За большевиков	%	За кадетов	%	Всего
Северная	1.140,0	38		1.177,2	40	393,0	13	2.975,1
Центрально-Промышленная . . .	1.987,9	38		2.305,6	44	550,2	10	5.242,5
Поволжско-Черноземная	4.733,9	70		1.115,6	16	267,0	4	6.764,3
Западная	1.242,1	43		1.282,2	44	48,1	2	2.961,0
Восточно-Уральск.	1.547,7	43	(62% **)	443,9	12	181,3	5	3.583,5
Сибирская	2.094,8	75		273,9	10	87,5	3	2.786,7
Украина	1.878,1	25	(77% ***)	754,0	10	277,5	4	7.581,3
Армия и флот . . .	1.885,1	43		1.671,3	38	51,9	1	4.363,6

*) Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: *Северный*: Архангельская, Вологодская, Петроградская, Новгородская, Псковская, Лифляндская. — *Центрально-Промышленный:* Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Тверская, Ярославская. — *Поволжско-Черноземный:* Астраханская, Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская. — *Западный:* Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская. — *Верхне-Уральский:* Вятская, Казанская, Пермская, Уфимская. — *Сибирский:* Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Приамурская. — *Украина:* Волынская, Екатеринославская, Киевская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская.

**) Цифра в скобках, 62%, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эс-эров.

***) Цифру в скобках, 77%, даю я, добавляя украинских эс-эров.

Из этих данных видно, что большевики были, во время выборов в Учредительное Собрание, партией пролетариата, эс-эры — партией крестьянства. В чисто-крестьянских районах, великорусских (Поволжско-Черноземная, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском, эс-эры имели 62 — 77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эс-эрами. Это преобладание преуменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н. В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с малопромышленными и вовсе не промышленными. Погубернские данные, приводимые Святицким для партий эс-эров, большевиков, кадетов и затем «национальных и других групп», показывают, например, следующее:

В Северной области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40% против 38%. Но в этой области соединены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эс-эры, и промышленные: Петроград столичный — 45% большевиков (по числу голосов), 16% эс-эров; Петроградская губерния — 50% большевиков, 26% эс-эров; Лифляндская — 72% большевиков, 0 — эс-эров.

Из губерний Центрально-Промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% эс-эров; Московский столичный округ — 50% большевиков, 8% эс-эров; Тверская губерния — 54% большевиков, 39% эс-эров; Владимирская — 56% большевиков, 32% эс-эров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой «меньшинство» пролетариата! А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700 — 800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II Интернационала.

II.

Как же могло произойти такое чудо, как победа большевиков, имевших четверть голосов, против мелко-буржуазных демократов, шедших в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевших тремя четвертями голосов?

Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты — всемирно могущественной Антанты — всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы

большевиков. В том-то и дело, что «чудо» есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелко-буржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, покинутой *) II Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учредительное Собрание подано было в них 1.765,1 тысяч. Из них получили:

эс-эры	218,0	тысяч
большевики	837,0	»
кадеты	515,4	

Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонгэ, Макдональды и К⁰), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни.

Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 г. гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени на голову (9 миллионов голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700 — 800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903 — 1917), которая *закалила*, просветила, организовала авангард пролетариата, *выковав* из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905 г., подготовила дальнейшее развитие, определила *практически* взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917 — 1919 годов.

*) В печатном тексте: «с этой точки зрения, покинутой». *Ред.*

Мелко-буржуазные демократы, называющие себя «социалистами» II Интернационала, любят отделываться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе «единства» пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт *накопления оппортунизма* в рабочем движении 1871—1914 г.г., забывают (или не хотят) *подумать* о причинах краха оппортунизма в августе 1914 г., о причинах раскола международного социализма в 1914—1917 годах.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки *революционной* части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождей «независимой» германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом *революционный* авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа,— разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь *почти вчетверо* больше, чем эс-эры. Мы имели здесь *больше, чем эс-эры и кадеты, вместе взятые.* Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо «коалиция» кадетов с эс-эрами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком *действительном* единстве эс-эров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент *). Как известно **), даже вожди эс-эров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эс-эровские и

*) Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партии буржуазии.

**) В печатном тексте: «Как известно, в ноябре 1917 г.». *Ред.*

меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками *без* кадетов [198])!

Столицы мы завоевывали в октябре — ноябре 1917 г. *наверняка,* имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских «армий», так и в смысле разложения, обессиления, разъединения, деморализации «армий» «неприятеля».

А имея возможность наверняка быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботаж и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти *доказать делами* трудящимся *не*пролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

III.

Но прежде чем переходить к этому, самому важному, вопросу — вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам — следует еще остановиться на *армии.*

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистическая сволочь *) II Интернационала (не только социал-шовинисты, т.-е. прямо перешедшие на сторону «защиты отечества» Шейдеманы и Ренодели, но и «центровики») своими словами и своими делами укрепляла подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 г.: «Буржуазия научит пролетариат владеть оружием» [199])! О «защите отечества» в империалистской, т.-е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 г.) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии.

Предатели социализма *не подготовили* за 1914 — 1917 г.г. использование армий *против* империалистских правительств *каждой* нации.

*) В печатном тексте: «оппортунистические вожди». *Ред.*

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделывались по этому поводу фразами о *разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего*) классового врага, отвоевывая *у него* вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г., в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий:

Число голосов (в тысячах), поданных в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное Собрание

Части армии и флота	За эс-эров	За большевиков	За кадетов	За национальные и др. группы	Всего
Северный фронт . .	240,0	480,0	?	60,0***	780,0
Западный » . .	180,6	653,4	16,7	125,2	976,0
Юго-Западный » . .	402,9	300,1	13,7	290,6	1.007,4
Румынский » . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский » . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот . . .	—	(120,0)**	—	—	(120,0)**
Черноморский » . . .	22,2	10,8	—	19,5	52,5
Итого	1.885,1	1.671,3 + (120,0)** 1.791,3	51,8 + ?	756,0	4.364,5 + (120,0)** + ?

Итог дает: за эс-эров 1.885,1 тыс. голосов, за большевиков — 1.671,3 тысяч. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от Балтийского флота, то получаем за большевиков 1.791,3 тысячи голосов.

Следовательно, большевики получили *немногим менее*, чем эс-эры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю — ноябрю 1917 г. *на половину большевистской*.

Без этого мы не могли бы победить.

---

*) В печатном тексте: «разлагая сильнейшего». *Ред.*

**) Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святицкий считает по 60.000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я и беру цифру 120.000.

***) О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 социал-демократ (т.-е. меньшевик).

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, *ближайших к столицам* и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эс-эрами. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков получается *свыше 1 миллиона голосов* против 420 тысяч у эс-эров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 г. *политический «ударный кулак»*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эс-эровской партии*, о чем пойдет речь ниже

IV.

Мы изучили, на основании данных о выборах в Учредительное Собрание, три условия побед большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *не*пролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эс-эров и прочих мелко-буржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелко-буржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что

государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелко-буржуазных партий.

Полные мелко-буржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа «социалисты» II Интернационала смотрят на *государственную власть* как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолют «последовательной демократии» (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государ-

ственной власти просто *орудия*, которым *разные* классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) *в своих классовых целях*.

Буржуазия пользовалась государственной властью, как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма «забыли» это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные, политические и военные, «ударные кулаки») низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это *орудие* пустить в ход ради *своих* классовых целей.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

«Нейтрализация» крестьянства, а, по возможности, привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

* *
*

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе «последовательной» (иные говорят: «чистой») демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, т.-е. диктатуру пролетариата, использовать, как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

* *
*

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход *не* старый аппарат государственной власти, а *ломает* его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям

запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает *новый* государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии *за* непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а *вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *Советская власть.*

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, объявил старый государственный аппарат (веками приспособляемый, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя при самой демократической республике) распущенным и передал *всю власть Советам.* А в Советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно *после* завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат *отвоевывает* у буржуазии *громадную массу* ее сторонников из мелкобуржуазных и «социалистических» партий, ибо эта масса — трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе ее подпевалы, Черновы, Каутские, Мартовы и К°) обманывала и которые, *получив Советскую власть,* получают *впервые* орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелко-буржуазной демократии *«их» массы,* т.-е. массы, шедшие за ними, — отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии.*

Буржуазия этого сделать *не может,* хотя бы она обладала какой угодно «могучей» государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать *может,* ибо он имеет для этого и аппарат (Советы) и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат *отвоевал* у эс-эров *крестьянство* и отвоевал буквально *) *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо, через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал «декрет о земле», а в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприировал полностью и без выкупа помещиков.

---

*) В печатном тексте: «отвоевал в сущности». *Ред.*

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики *ни слова своего* не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы *эс-эрами* в *эс-эровской* газете.

Эс-эры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу» [200]), но над эс-эрами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!

Вот этой диалектики никогда не могли понять предатели, тупицы и педанты *) II Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обусловливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах *при господстве буржуазии* есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей среди *большинства* непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением *их* экономических нужд *на счет эксплуататоров*.

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той роли, экономической и политической, центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевиной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

*) В печатном тексте: «не могли понять представители». *Ред.*

V.

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся на счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?

Нет.

Только иллюзия мелко-буржуазных демократов, «социалистов» и «социал-демократов», как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, проницательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность *одним голосованием* решить или вообще как бы то ни было *наперед решить,* без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонгэ, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал *массы* на состояние забитости, задавленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты; — если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому *вывести трудящихся* из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелко-буржуазной или полумелко-буржуазной массы трудящихся сложнейшего политического вопроса: «Быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» нечего и думать. Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт,* позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники «последовательной демократии», воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает *гражданская война,* а в этой войне гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в Учредительное Собрание в России в ноябре 1917 г., сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917 — 1919 г.г., чрезвычайно поучительны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12% и

10% голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10% голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, по в нем за большевиков подано 16% голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 г. был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контр-революционных движений, восстаний, организации сил контр-революции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина.

Колебания мелко-буржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружились в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелко-буржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт Колчаковской и Деникинской «демократии», о которой любой газетчик в Колчакии и Деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учредиловке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелко-буржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака-Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут *окончательно* закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

Сторонники «последовательной» демократии не вдумывались в значение этого исторического факта. Они рисовали и рисуют себе детскую сказочку, будто пролетариат при капитализме может «убедить» *) большинство трудящихся и прочно завоевать их на свою сторону голосованиями. А действительность показывает,

*) В печатном тексте: «победить». *Ред.*

что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый *) опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее,* после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней.

Теоретически все социалисты, учившиеся марксизму и желающие учитывать опыт политической истории передовых стран в течение XIX века, признают неизбежность *колебаний* мелкой буржуазии между пролетариатом и классом капиталистов. Экономические корни этих колебаний с очевидностью вскрываются экономической наукой, истины которой миллионы раз повторялись в газетах, листках, брошюрах социалистов II Интернационала.

Но применить эти истины к своеобразной эпохе диктатуры пролетариата люди не умеют. Мелко-буржуазно-демократические предрассудки и иллюзии (насчет «равенства» классов, насчет «последовательной» или «чистой» демократии, насчет решения великих исторических вопросов голосованиями и т. п.) они ставят на место *классовой борьбы.* Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может.

Данные о выборах в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г. дают нам основной фон той картины, которую показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны *уже* на выборах в Учредительное Собрание: видна роль «ударного кулака» пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии. «Кадеты — пишет в своей статье Н. В. Святицкий — имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в Северной и Центрально-Промышленной» (стр. 116). Естественно, что в наиболее развитых капиталистических центрах всего слабее были промежуточные элементы, стоящие посредине между пролетариатом и буржуазией. Естественно, что в этих центрах всего резче была классовая борьба. Именно здесь были главные силы буржуазии, именно здесь, только здесь, пролетариат мог разбить буржуазию. И только пролетариат мог разбить ее на голову. И только разбив ее на голову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя та-

*) В печатном тексте слово «тяжелый» опущено. *Ред.*

кое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелко-буржуазных слоев населения.

Данные о выборах в Учредительное Собрание, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе.

Между прочим. Эти данные показывают также роль и значение национального вопроса. Возьмите Украину. Пишущего эти строки некоторые товарищи на последних совещаниях по украинскому вопросу обвиняли в чрезмерном «выпячивании» национального вопроса на Украине. Данные о выборах в Учредительное Собрание показывают, что еще в ноябре 1917 г. на Украине получили большинство *украинские* эс-эры и социалисты (3,4 милл. голосов + 0,5 = 3,9 милл. против 1,9 милл. за русских эс-эров, при общем числе голосов на всей Украине 7,6 миллионов). На Юго-Западном и Румынском фронтах в армии украинские социалисты получили 30% и 34% всех голосов, при 40% и 59% за русских эс-эров.

При таком положении дела игнорировать значение национального вопроса на Украине, — чем очень часто грешат великороссы (и, пожалуй, немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи) — значит совершать глубокую и опасную ошибку. Не может быть случайностью разделение русских и украинских эс-эров на Украине еще в 1917 году. И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков (иногда бессознательных) великорусского империализма и шовинизма у «русских» коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств вопрос второстепенный, если не десятистепенный), идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Деникиным Красной армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет. Нас нисколько не может удивить — и не должна пугать — даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с Р.С.Ф.С.Р., и отделение от нее в особую самостийную У.С.С.Р., и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.

Пытаться наперед, раз навсегда, «твердо» и «бесповоротно» решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, вовсе*)

*) В печатном тексте: «но вовсе». *Ред.*

для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата обязан *) относиться к *таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам *изжить* эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною [redacted]

VI.

Сопоставление выборов в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г. и развития пролетарской революции в России с октября 1917 г. по декабрь 1919 г. дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце, или хотя бы наметить, главные из этих выводов.

1. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как *склонны* решать свои задачи разные классы. Самое *решение* этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелко-буржуазной демократии, разделяя ее предрассудок, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

3. Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

4. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II Интернационала и все вожди германской так называемой «независимой» социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т.-е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

Все, исходящие из этой посылки, вопли германских «независимых» социал-демократов и т. п. вождей гнилого социализма против «диктатуры меньшинства» и тому подобное означают лишь

*) В печатном тексте: «должен». *Ред.*

непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит, в особенности, в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще самообман насчет сущности капитализма, самообман, более всего характерный для мелко-буржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

«Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т.-е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть» — так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами».

«Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их на счет эксплуататоров» — говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии [201]).

6. Или, иными словами:

«Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т.-е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе» — так говорит буржуазия и ее подпевалы, мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

«Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устои и основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к *уничтожению классов*, т.-е. к тому единственно социалистическому *равенству*, которое не является обманом» — говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, на-ряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая сознала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные несознательно пролетарские, полупролетарские, полумелко-буржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и за буржуазной демократией (в том числе за «социалистами» II Интернационала), будучи обмануты

ею, не веря в свои силы или в силы пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счет экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия как государственная власть, т.-е. лишь после низвержения буржуазии и разрушения ее государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры.

9. Наконец, в каждой капиталистической стране есть всегда очень широкие слои мелкой буржуазии, неизбежно колеблющиеся между капиталом и трудом. Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелко-буржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплуататоров, уметь продержаться известное время *вопреки ее шатаниям* и так далее, и тому подобное.

10. Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная, беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом *) в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в

*) В печатном тексте: «над оппортунизмом (а равно и анархизмом)». *Ред.*

1917—1919 г.г., если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 г.г., побеждать и беспощадно изгонять из партии пролетарского *) авангарда, меньшевиков, т.-е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов.

И опаснейшим самообманом — а иногда простым надувательством рабочих — являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких «независимых» или французскими лонгетистами и т. п., которые *на деле* продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства пред предрассудками буржуазной демократии («последовательной демократии» или «чистой демократии», как они говорят), буржуазного парламентаризма и так далее.

16. XII. 1919.

«Коммунистический Интернационал» № 7—8, ноябрь—декабрь 1919 г. Подпись: Н. Ленин.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) В печатном тексте: «революционного». *Ред.*

ДОКЛАД О СУББОТНИКАХ НА МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.К.П.(Б.) 20 ДЕКАБРЯ 1919 Г. [202]).

Товарищи, как мне сообщили устроители конференции, вы назначили доклад по вопросу о субботниках, разделив его на две части, чтобы иметь возможность обстоятельно обсудить самое главное в этом вопросе: во-первых, организацию субботников в Москве и их результаты и, во-вторых, практические выводы для дальнейшей их организации. Я хотел бы ограничиться только общими положениями, теми мыслями, которые вызывает организация субботников, как новое явление в нашем партийном и советском строительстве. Поэтому на стороне практической я остановлюсь лишь в самых кратких чертах.

Когда впервые только были организованы коммунистические субботники, трудно было еще судить о том, насколько подобное явление заслуживает внимания и может ли из него вырасти что-либо большое. Помню, когда первые известия об этом стали появляться в партийной печати, то отзывы товарищей, стоящих близко к делу профессионального строительства и Комиссариату Труда, вначале были чрезвычайно сдержанные, чтобы не сказать — пессимистические. Им казалось, что придавать большое значение этим субботникам нет никаких оснований. С тех пор субботники разрослись так широко, что важность их в нашем строительстве никем не может быть оспариваема.

В самом деле, мы очень часто употребляем слово «коммунизм», до такой степени часто, что даже включили его в название нашей партии. Но когда задумываешься над этим вопросом, то является мысль, что вместе с тем добром, которое отсюда воспоследовало, может быть создалась для нас и некоторая опасность. Главной причиной, заставившей нас переменить название партии, было желание как можно резче отмежеваться от господствующего социализма II Интернационала. После того как подавляющее большинство официальных партий социализма стало во время империалистской войны, в лице своих вождей, на

сторону буржуазии своей страны или «своего» правительства, с очевидностью выяснился для нас величайший кризис, крах старого социализма. И чтобы подчеркнуть самым резким образом, что мы не можем считать социалистами тех, кто во время империалистской войны шел вместе со «своими» правительствами; чтобы показать, что старый социализм сгнил, умер, для этого, главным образом, и была выдвинута мысль о переименовании нашей партии. Тем более, что с точки зрения чисто-теоретической название «социал-демократия» давно не является правильным. Еще с сороковых годов во Франции, когда оно впервые вошло в широкое политическое употребление, оно было присвоено партии мелко-буржуазного социалистического реформизма, а не партии революционного пролетариата. Таким образом, главным побудителем, двигателем при изменении названия партии, ставшего названием нового Интернационала, было желание решительно размежеваться со старым социализмом.

Если мы спросим себя, что представляет собою коммунизм в отличие от социализма, то мы должны будем сказать, что социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества, и он может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм. Социализм предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; при чем должны определяться и меры труда, и его вознаграждение. Это определение необходимо потому, что капиталистическое общество оставило нам такие следы и такие привычки, как труд враздробь, недоверие к общественному хозяйству, старые привычки мелкого хозяина, которые господствуют во всех крестьянских странах. Все это идет наперекор действительно коммунистическому хозяйству. Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением. Само собой понятно, что с точки зрения тех, кто делает первые шаги для полной победы над капитализмом, понятие «коммунизм» является слишком далеким. Поэтому, как ни правильно было изменение названия нашей партии, как ни громадна польза, которую оно принесло, как ни крупно сделанное дело, получившее громадный размах, — ибо коммунистические партии существуют теперь уже во всем мире, и хотя не прошло еще и года с основания Коммунистического Интернационала, но с точки зрения рабочего движения он несравненно сильнее умирающего старого II Интернационала, — все же, если название «коммунистическая партия» истолковать так, как будто коммунистический строй осуществляется сейчас, то

получится величайшее извращение и практический вред, сводящийся к пустейшему бахвальству.

Вот почему слово «коммунистический» требует к себе очень осторожного отношения, и вот почему коммунистические субботники получили особую ценность, когда стали входить в практику, ибо только в этом, чрезвычайно малом, явлении стало проявляться кое-что коммунистическое. От экспроприации помещиков и капиталистов мы получили только возможность строить самые первоначальные формы социализма, но коммунистического еще в этом ничего нет. Если мы возьмем наше настоящее хозяйство, то мы увидим в нем еще очень слабые зачатки социализма и громадное господство старых хозяйственных форм, выражающееся либо в преобладании мелкого хозяйничания, либо в самой дикой, безудержной спекуляции. Но когда в своих возражениях против нас наши противники, мелко-буржуазные демократы, меньшевики и эс-эры, говорят: вы разбили крупный капитализм, а вместо этого у вас прет изо всех пор самый худший спекулятивный, ростовщический капитализм, то на это мы им отвечаем: если вы воображали, что от крупного капитализма мы можем перейти прямо к коммунизму, то вы не революционеры, а реформисты или утописты.

Крупный капитализм подорван коренным образом везде, даже в тех странах, где никаких шагов к социализму еще не сделано. С этой точки зрения вся эта критика, все эти возражения, которые выдвигаются против нас нашими противниками, являются совершенно несерьезными. Конечно, после того как разбит крупный капитализм, то на его месте начинают появляться ростки нового, мелкого, спекулятивного капитализма. Мы переживаем бешеную борьбу с остатками крупного капитализма, бросившегося на всякую мелкую спекуляцию, где его труднее поймать и где он приобретает самую худшую, самую неорганизованную форму торговли.

Борьба, ставшая гораздо более ожесточенной в обстановке войны, вызвала самые зверские проявления спекуляции, в особенности там, где капитализм был организован в более крупном масштабе, и представлять себе революционный переход иначе было бы совершенно неправильным. Так обстоит дело с точки зрения теперешней экономики. Если мы поставим вопрос, что представляет собой современный экономический строй Советской России, то мы должны будем сказать, что он является закладыванием основ социализма в крупном производстве, переработкой старого капиталистического хозяйства при упорнейшем сопротивлении капитализма, проявляющемся в миллионах и миллионах форм. Страны западно-европейские, вышедшие из войны в такой же степени пострадавшими, как и наша, как, например, Австрия, отличаются от нас только тем, что там это разложение капи-

тализма, эта спекуляция проявляются с еще большей силой, а зачатков социалистического строительства, того, что оказывает отпор капитализму, там нет. Но коммунистического в нашем хозяйственном строе пока нет ничего. «Коммунистическое» начинается только тогда, когда появляются субботники, т. е. бесплатный, не нормированный никакой властью, никаким государством труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе. Это не помощь соседу, которая существовала в деревне всегда, но труд, производящий на общегосударственные потребности, организованный в широком масштабе и бесплатный. Поэтому было бы правильнее, если бы слово «коммунистический» применять не только к названию партии, но и исключительно к тем хозяйственным явлениям нашей жизни, которые осуществляют «коммунистическое» на деле. Если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники, а остальное есть лишь борьба против капитализма за упрочение социализма, из которого, после его полной победы, должен будет вырасти тот самый коммунизм, который мы на субботниках наблюдаем не из книг, а на живой действительности.

Таково принципиальное значение субботников, показывающих, что здесь создается и начинает возникать в виде бесплатного труда, широко организованного на потребности всего государства, нечто совершенно новое, идущее вразрез со всеми старыми капиталистическими правилами, нечто более высокое, чем побеждающее капитализм социалистическое общество. Поэтому, когда в этом году, после призыва Центрального Комитета партии придти на помощь стране *), откликнулись сначала железнодорожники Московско-Казанской железной дороги, живущие в условиях наибольшего голода и наибольшей нужды, и когда появились признаки того, что коммунистические субботники перестают быть единичным явлением, начинают распространяться и встречают сочувствие масс, — можно было сказать, что тут мы имеем громадной важности принципиальное явление, и что мы действительно должны оказать ему всестороннюю поддержку, если мы хотим быть коммунистами не только в смысле принципиальном, не только с точки зрения борьбы с капитализмом. С точки зрения практического строительства социалистического общества этого еще недостаточно. Надо сказать, что на деле движение можно осуществить в массовом размере. Доказали ли мы это, — я не возьмусь ответить, так как общих сводок размеров того движения, которое мы называем коммунистическими субботниками, еще не сделано. Я имею лишь отрывочные сведения и читал в партийной печати, что эти субботники получают все большее и большее развитие в целом ряде городов. Петроградские

*) См. настоящий том стр. 224—226. *Ред.*

товарищи говорили, что субботники в Петрограде распространены несравненно более широко, чем в Москве. Что касается провинции, то многие товарищи — из тех, которые с этим движением знакомы практически — говорили мне, что у них подбирается громадный материал об этой новой форме общественного труда. Но только после многократного обсуждения этого вопроса в печати и на партийных конференциях разных городов нам удастся получить те сводные данные, на основании которых мы сможем сказать, действительно ли субботники стали массовым явлением и действительно ли мы достигли в этой области серьезных успехов.

Как бы то ни было, скоро ли или еще не скоро мы получим такого рода полные и проверенные данные, для нас должно быть несомненным, что с точки зрения принципиальной мы другого явления, которое указывало бы на то, что мы не только называемся коммунистами и не только хотим ими быть, но на деле нечто коммунистическое — не только социалистическое — осуществляем, — другого явления, кроме субботников, нет. Поэтому каждый коммунист, всякий, кто хочет быть верен принципам коммунизма, должен все свои усилия, все свое внимание направить на то, чтобы помочь уяснению этого явления и его практическому применению. Таково принципиальное значение субботников. Поэтому на каждой партийной конференции надо неустанно вопрос этот ставить и обсуждать его и со стороны теоретической, и со стороны практической. Мы не должны ограничивать этого явления только теоретической, принципиальной стороной. Коммунистические субботники имеют для нас громадную ценность не только потому, что они на практике осуществляют коммунизм. Кроме этого, субботники имеют еще для нас двоякое значение: с точки зрения государственной — чисто-практическая помощь государству, и с точки зрения партийной, что для нас, как для членов партии, не должно оставаться в тени, это — то значение, которое они имеют для очистки партии от примазавшихся к ней элементов, для борьбы против тех воздействий, которые переживает партия в обстановке разлагающегося капитализма.

Впервые напечатано 26 октября 1927 г. в «Правде» № 245. *Печатается по стенограмме.*

ПИСЬМО К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ ПО ПОВОДУ ПОБЕД НАД ДЕНИКИНЫМ [203]).

Товарищи! Четыре месяца тому назад, в конце августа 1919 г., мне довелось обратиться с письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком *).

Теперь я перепечатываю это письмо полностью для рабочих и крестьян Украины по поводу побед над Деникиным.

Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно двигаются па Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия.

Рабочим и крестьянам Украины следует ознакомиться с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Колчаком и освобождения Сибири красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета.

На Украине господство Деникина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян — так же, как уральских и сибирских — к более ясному пониманию задач Советской власти и к более твердой защите ее.

В Великороссии помещичье землевладение уничтожено полностью. На Украине надо сделать то же самое, и Советская власть украинских рабочих и крестьян должна закрепить полное уничтожение помещичьего землевладения, полное освобождение украинских рабочих и крестьян от всякого гнета помещиков и от самих помещиков.

---

*) См. настоящий том, стр. 431 — 436. *Ред.*

Но кроме этой задачи и ряда других задач, которые одинаково стояли и стоят перед великорусскими и украинскими трудящимися массами, есть особые задачи Советской власти на Украине. Одна из таких особых задач заслуживает в настоящее время чрезвычайного внимания. Это — вопрос национальный или вопрос о том, быть ли Украине отдельной и независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, связанной в союз (федерацию) с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, или слиться Украине с Россией в единую Советскую республику. Все большевики, все сознательные рабочие и крестьяне должны внимательно подумать над этим вопросом.

Независимость Украины признана и Всецпком (Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом) Р. С. Ф. С. Р., Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и Российской Коммунистической Партией большевиков. Поэтому само собою очевидно и вполне общепризнано, что только сами украинские рабочие и крестьяне на своем Всеукраинском съезде Советов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и, в последнем случае, какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией.

Как же следует решать этот вопрос с точки зрения интересов трудящихся? с точки зрения успеха их борьбы за полное освобождение труда от ига капитала?

Во-первых, интересы труда требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций. Сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются разъединить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала.

Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику.

Во-вторых, трудящиеся не должны забывать, что капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций. Преступнейшая и реакционнейшая война 1914 — 1918 г.г. еще больше усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве. Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим, таких наций, как украинская, к таким, как великорусская.

Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что̀ разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всему тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала. А вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной, не важный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать, ибо национальное недоверие у широкой массы крестьян и мелких хозяйчиков держится часто крайне прочно, и торопливостью можно его усилить, т.-е. повредить делу полного и окончательного единства.

Опыт рабоче-крестьянской революции в России, Октябрьско-Ноябрьской революции 1917 г., опыт ее двухлетней победоносной борьбы против нашествия международных и русских капиталистов показал яснее ясного, что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия. Опыт показал, что это недоверие изживается и проходит только очень медленно, и чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие. Именно признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию, к будущей единой международной Советской республике.

Пока Украина не освобождена полностью от Деникина, ее правительством, до Всеукраинского съезда Советов, является Всеукраинский Революционный Комитет, Всеукраинский Ревком [204]). В этом Ревкоме, наряду с украинскими коммунистами-большевиками,

работают, как члены правительства, украинские коммунисты-боротьбисты. Боротьбисты отличаются от большевиков больше всего тем *), что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики *из-за этого* не делают предмета расхождения и разъединения, *в этом* не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией.

Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы будет решать Всеукраинский съезд Советов.

Если великорусский коммунист настаивает на слиянии Украины с Россией, его легко заподозрят украинцы в том, что он защищает такую политику не по соображениям единства пролетариев в борьбе с капиталом, а по предрассудкам старого великорусского национализма, империализма. Такое недоверие естественно, до известной степени неизбежно и законно, ибо веками великороссы впитывали в себя, под гнетом помещиков и капиталистов, позорные и поганые предрассудки великорусского шовинизма.

Если украинский коммунист настаивает на безусловной государственной независимости Украины, его можно заподозрить в том, что он защищает такую политику не с точки зрения временных интересов украинских рабочих и крестьян в их борьбе против ига капитала, а в силу мелко-буржуазных, мелко-хозяйских национальных предрассудков. Ибо опыт показывал нам сотни раз, как мелко-буржуазные «социалисты» разных стран — всякие якобы социалисты польские, латышские, литовские, грузинские меньшевики, эс-эры и прочие — перекрашивались в сторонников пролетариата с единственной целью протащить обманом политику соглашательства с «своей» национальной буржуазией против революционных рабочих. Это мы видели на примере керенщины в России в феврале — октябре 1917 г., это мы видели и видим во всех и всяческих странах.

Взаимное недоверие между великорусскими и украинскими коммунистами является **) таким образом очень легко. Как же бороться с этим недоверием? Как преодолеть его и завоевать взаимное доверие?

Лучшее средство к тому — совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти в борьбе против

*) В печатном тексте: «между прочим тем». *Ред.*
**) В печатном тексте: «возникает». *Ред.*

помещиков и капиталистов всех стран, против их попыток восстановить свое всевластие. Такая совместная борьба ясно покажет на практике, что при каком угодно решении вопроса о государственной независимости или о государственных границах великорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты «Антанты», «Согласия», т.-е. союза богатейших капиталистических стран, Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, задавят и задушат нас по одиночке. Пример борьбы нашей против Колчака и Деникина, которых снабжали деньгами и оружием эти капиталисты, ясно показал эту опасность.

Кто нарушает единство и теснейший союз великорусских и украинских рабочих и крестьян, тот помогает Колчакам, Деникиным, капиталистам, хищникам всех стран.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны с величайшей строгостью преследовать в своей среде малейшее проявление великорусского национализма, ибо эти проявления, будучи вообще изменой коммунизму, приносят величайший вред, разъединяя нас с украинскими товарищами и тем играя на-руку Деникину и деникинщине.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса. Неуступчивы и непримиримы мы все, и великорусские, и украинские, и какой-угодно другой нации коммунисты, должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры, недопущения соглашательства с буржуазией, недопущения раздробления сил, защищающих нас от Деникина.

Победить Деникина, уничтожить его, сделать невозможным повторение подобного нашествия — таков коренной интерес и великорусских и украинских рабочих и крестьян. Борьба долгая и трудная, ибо капиталисты всего мира помогают Деникину и будут помогать разного рода Деникиным.

В этой долгой и трудной борьбе мы, великорусские и украинские рабочие, должны идти теснейшим союзом, ибо по одиночке нам, наверное, не справиться. Каковы бы ни были границы Украины и России, каковы бы ни были формы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно идти на уступки, в этом можно перепробовать и то, и другое, и третье, — от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капитализмом не погибнет.

А вот если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собой, союза против Деникина, союза против капиталистов

и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда *смогут* задавить и задушить капиталисты.

И буржуазия всех стран и всяческие мелко-буржуазные партии, «соглашательские» *), допускающие союз с буржуазией против рабочих, больше всего старались разъединить рабочих разных национальностей, разжечь недоверие, нарушить тесный международный союз и международное братство рабочих. Когда буржуазии удастся это, дело рабочих проиграно. Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистские происки всякой буржуазии, националистские предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику.

Н. Ленин.

28. XII. 1919.

«Правда» № 5, 4 января 1920 г.

Печатается по рукописи, сверенной с печатным текстом.

---

*) В печатном тексте: «соглашательские партии». *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ДЖОНА РИДА: «10 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»[105]).

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но, прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин.

Написано в конце 1919 г.
Впервые напечатано в 1923 г.
в книге: Джон Рид. «10 дней,
которые потрясли мир». Москва.

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА [206]).

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ, Т.-Е. ПРИ СЛУШАНИИ РЕЧЕЙ НА СОБРАНИЯХ.

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а, во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

Н. Ленин.

Впервые напечатано 3 декабря 1924 г. в «Правде» № 275.

Печатается по рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ МАРТ—ДЕКАБРЬ 1919 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВЫПУСКЕ КРАСНЫХ АГИТАТОРШ ШЕСТИНЕДЕЛЬНЫХ КУРСОВ ОТДЕЛА ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА 8 МАРТА 1919 Г.

Сообщение об этой речи напечатано в брошюре: «Народный Комиссариат Социального Обеспечения. Отчет по Отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 г. по 1 мая 1919 г.». М. 1919 г., стр. 182.

В отчете говорится, что, по окончании курсов агитаторш по вопросам охраны материнства и младенчества, слушательницы обратились письменно к Ленину с просьбой напутственного слова. Свое письмо они закончили обещанием «заменить мужей, братьев и сыновей, ушедших в Красную армию и погибших за дело коммунизма».

«Тов. Ленин явился... и начал свою речь с конечной фразы письма слушательниц, говоря, чтобы они сдержали данное слово и создали крепкую армию тыла. Только с помощью женщины, ее вдумчивости и сознательности, можно укрепить строительство нового общества; при этом он указал на тормоз в предыдущих революциях со стороны несознательной массы женщин».

РЕЧЬ В ФОЙЕ НАРОДНОГО ДОМА В ПЕТРОГРАДЕ 13 МАРТА 1919 Г.

Об этой речи имеется следующее сообщение в газете «Северная Коммуна» № 58, 15 марта 1919 года:

«Тов. Ленин обратился к собранию с краткой речью: «Товарищи, я должен повиниться, я устал и скажу вам лишь краткое приветствие и в главных чертах обрисую работы как Совета Народных Комиссаров, так и Совета Обороны». Тов. Ленин обрисовал политическое положение страны и в общих чертах повторил ту же речь, которая была им произнесена в большом зале».

РЕЧЬ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 1 МАЯ 1919 Г.

Хроникерская запись этой речи (см. наст. том, стр. 270) напечатана в «Вечерних Известиях Московского Совета Р. и Кр. Д.» № 230, 3 мая 1919 года. В статье Ал. Рубина «Три первых мая», напечатанной в журнале

«Рабочий Мир» № 7—9, 1919 г., содержание этой же речи изложено следующим образом:

«На одну из трибун всходит Ленин и обращается с речью. Он говорит о том, что в этот день совершается древонасаждение. И это символ того, что наши дети увидят лучшее будущее. Мы, которым около пятидесяти лет, мы слишком скованы старыми привычками и предубеждениями. Но в будущем наступит время, когда людям будут казаться варварством такие вещи, как торговля предметами первой необходимости и эксплуатация человека человеком. Мы не увидим этого царства, как не увидим расцвета деревьев, которые сегодня будут посажены; но это время увидят те, которые теперь еще не вышли из детского возраста».

ДОКЛАД ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ АГИТАЦИОННЫХ КУРСОВ В. Ц. И. К. И ПРОЛЕТАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, НАПРАВЛЯЕМЫМИ В РАСПОРЯЖЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫХ Ц. К. Р. К. П.(Б.) НА МЕСТАХ 3 МАЯ 1919 Г.

Об этом докладе говорится в «Отчете о деятельности Ц. К. Р. К. П.(б.) от VIII съезда до 15 мая» (см. «Известия Ц. К. Р. К. П.(б.)» № 1 от 28 мая 1919 г.): «Вместе с тем Ц. К. постановил прекратить на май месяц занятия на агитационных курсах В. Ц. И. К. и в Пролетарском университете и всех слушателей (в количестве около 800 человек) направил в те же губернии в распоряжение своих уполномоченных. Перед отправкой эти молодые товарищи прослушали в течение 4—5 дней специальный курс лекций (т.т. Ленина, Бухарина, Смилги, Канатчикова, Невского и др.), подготовивших их к предстоящей работе». Не достаточно совершенная запись доклада Ленина, сделанная 3 мая 1919 г. слушателем этих курсов, т. С. Тубановым, хранится в архиве Института Ленина. Из записи видно, что доклад, продолжавшийся около часа, был посвящен полемике с эс-эрами и меньшевиками по крестьянскому вопросу, защите продовольственной политики Советской власти и характеристике отдельных групп крестьянства в их отношении к диктатуре пролетариата. После доклада Ленин отвечал на вопросы (о середняке, о свободе и пр.). (Архив Института Ленина, документ № 3272.)

РЕЧЬ ПЕРЕД ЮНЫМИ КОММУНИСТАМИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ВСЕВОБУЧА 25 МАЯ 1919 Г.

Сообщение об этой речи имеется в воспоминаниях т. Актана «Ильич перед ребятами», напечатанных в журнале «Барабан» № 1, январь 1926 г.

Ленин, выступивший по приглашению инструктора отряда перед юными коммунистами, говорил с грузовика, положив пальто на крыло машины. Его речь сводилась к тому, «что и дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции. Ильич говорил, что организация детей—это лучший путь воспитать коммунаров».

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВЫПУСКЕ КОМАНДИРОВ ПЕРВЫХ МОСКОВСКИХ ПУЛЕМЕТНЫХ КУРСОВ В КРЕМЛЕ 15 ИЮНЯ 1919 Г.

Об этом выступлении говорится в статье т. Хапрынова—«Воспоминания курсанта», напечатанной в «Правде» № 28, 5 февраля 1924 г., и в статье т. Н. Данилова—«Мои встречи с Ильичем», напечатанной в газете «Советская Степь» № 18, 21 января 1927 года. Кзыл-Орда. Н. Данилов пишет:

«Впервые я увидел Ильича в 1919 г. на 1 выпуске краскомов-пулеметчиков 1-х Московских пулеметных курсов в Кремле. По случаю

выпуска нами был устроен вечер. Мы пригласили Ильича, он сделал краткий доклад о международном положении, связав его с задачами Красной армии и ролью красного командира».

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 6 АВГУСТА 1919 Г.

Два значительно отличающихся друг от друга варианта хроникерской записи этой речи (см. наст. том, стр. 427—429) напечатаны: один в «Известиях В.Ц.И.К.» № 173, 7 августа 1919 г., другой в «Вечерних Известиях Московского Совета Р. и Кр. Д.» № 312, 8 августа 1919 года.

ЛЕКЦИЯ О ГОСУДАРСТВЕ В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 29 АВГУСТА 1919 Г.

Об этой лекции говорится в письме в Институт Ленина бывшего слушателя университета Я. Берзса от 9 марта 1929 года. Из приложенной к письму выписки из школьной тетради Я. Берзса видно, что вторая лекция Ленина «О государстве, его значении, возникновении и о возникновении классов» продолжалась с 2 до 4 часов дня 29 августа 1919 года.

РЕЧЬ ПЕРЕД МОБИЛИЗОВАННЫМИ РАБОЧИМИ-КОММУНИСТАМИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА В ДОМЕ СОЮЗОВ 24 ОКТЯБРЯ 1919 Г.

Об этой речи имеется следующее сообщение в «Правде» № 239, 25 октября 1919 года:

«С приветствиями к ним обратился прибывший в Дом Союзов т. Ленин, появление которого в Голубом Зале вызвало бурные аплодисменты всех присутствующих. В своей речи т. Ленин обрисовал общее положение на наших фронтах и указал, что задачею каждого сознательного рабочего должно быть оказание всякого содействия правильному снабжению наших фронтов боевым материалом, продовольствием, обмундированием и т. д. Он выразил уверенность, что Иваново-Вознесенские рабочие-коммунисты сумеют оказать благотворное влияние на крестьян в прифронтовой полосе и принесут большую пользу в деле политической работы среди казачества».

СТЕНОГРАММА РЕЧИ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.К.П.(Б.) 3 ДЕКАБРЯ 1919 Г.

Сообщение об этой речи напечатано в газете «Правда» № 272, 4 декабря 1919 года. «Затем, говорится в нем, по предложению председателя т. Каменева, прения (по докладам о Советском строительстве. *Ред.*) были отложены, и на очередь поставлен был вопрос о советской политике на Украине. По этому вопросу высказался целый ряд ораторов. Докладчиком был т. Яковлев. С блестящей речью выступил т. Ленин».

II. СПИСОК ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА МАРТ—ДЕКАБРЬ 1919 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ И СОСТАВЛЕНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ И В. И. ЛЕНИН.

За период с 1 марта по 31 декабря 1919 г. Ленин принимал участие в редактировании и составлении следующих документов:

1. Заявление участников Циммервальдской конференции, сделанное 4 марта 1919 г. на I конгрессе Коммунистического Интернационала. («Коммунистический Интернационал» № 1, 1 мая 1919 г., стр. 123—124.)

2. Декрет о прекращении пассажирского движения в целях подвоза к центрам продовольствия и угля. («Правда» № 54, 11 марта 1919 г.)

3. Официальный текст предложений Советского правительства, врученный Буллиту 14 марта 1919 г. («Правда» № 110, 23 мая 1919 г.)

4. Декрет Совета Народных Комиссаров о потребительских коммунах. («Известия В.Ц.И.К.» № 60. 20 марта 1919 г.)

5. Программа Р. К. П. (большевиков). (VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18—23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М. «Коммунист». 1919, стр. 337—355.)

6. О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне. (VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18—23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М. «Коммунист» 1919, стр. 372—375.)

7. Декрет о государственном контроле. («Известия В.Ц.И.К.» № 79, 12 апреля 1919 г.)

8. Постановление Совета Народных Комиссаров о продовольственных почтовых посылках. («Известия В.Ц.И.К.» № 85, 23 апреля 1919 г.)

9. Декрет Совета Обороны о призыве на военную службу рабочих и служащих в торговле, промышленности и транспорте. («Известия В.Ц.И.К.» № 128, 15 июня 1919 г.)

10. Постановление Совета Народных Комиссаров о самостоятельной заготовке хлеба на протяжении Симбирской губ. крупнейшими организациями рабочего и крестьянского населения голодающих районов. («Известия В.Ц.И.К.» № 141, 1 июля 1919 г.)

11. Воззвание С. Н. К. к калмыцкому трудовому народу. («Известия В.Ц.И К.» № 161, 24 июля 1919 г.)

12. Обращение Н. К. И. Д. к «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» с предложением вступить в официальные сношения с Р.С.Ф.С.Р., на основе отказа от всех привилегий и неравноправных договоров, заключенных царской Россией. («Известия В.Ц.И.К.» № 188, 26 августа 1919 г.)

13. Декрет Совета Народных Комиссаров об обязательном товарообмене. («Известия В.Ц.И.К.» № 175, 9 августа 1919 г.)

14. Декрет Совета Народных Комиссаров о заготовке ненормированных продуктов. («Известия В.Ц.И.К.» № 182, 17 августа 1919 г.)

15. Инструкция об управлении советскими хозяйствами. («Известия В.Ц.И.К.» № 199, 9 сентября 1919 г.)

16. Положение о высшей коллегии по постройке топливных веток. («Известия» В.Ц.И.К. № 263, 23 ноября 1919 г.)

17. Постановление Совета Народных Комиссаров о заготовке картофеля. («Известия В.Ц.И.К» № 266, 26 ноября 1919 г.)

18. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об упрощении гражданского аппарата Советской власти. («Известия В.Ц.И.К.» № 293, 28 декабря 1919 г.)

* * *

Несомненно участие В. И. Ленина в редактировании резолюций I конгресса Коммунистического Интернационала, VIII съезда Р.К.П.(б.), Всероссийской конференции Р.К.П. б.) и важнейших, особенно дипломатических, актов Советской власти за рассматриваемый период.

* * *

Периодических изданий, в редактировании которых принимал бы участие В. И. Ленин, а также переводных работ его за данный период не имеется.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XXIV ТОМА.

КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ И МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ» № 119, 12 июня 1918 г. Декрет В.Ц.И.К. об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельско-хозяйственными орудиями. — 125.

«ИЗВЕСТИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ, КАЗАЧЬИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ И МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ» № 178, 18 августа 1918 г. О союзе крестьян и рабочих. [Циркуляр С. Н. К. и Наркомпрода всем губсовдепам и продкомам.] — 175.

— № 240, 2 ноября 1918 г. Декрет В.Ц.И.К. о единовременном чрезвычайном десятимиллиардном революционном налоге. — 174.

— № 243, 6 ноября 1918 г. Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства. — 579.

— № 272, 12 декабря 1918 г. Декрет С. Н. К. о мобилизации грамотных и организации пропаганды Советского строя. — 277.

— № 34, 14 февраля 1919 г. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. — 42, 162, 579, 580.

№ 59, 18 марта 1919 г. Новая программа независимых. — 119.

— № 60, 20 марта 1919 г. Декрет Совета Народных Комиссаров о потребительских коммунах. — 140.

— № 68, 29 марта 1919 г. Пишон о России. — 218.

— № 71, 2 апреля 1919 г. Керженцев, В. — Хлебная кампания. — 210.

— № 72, 3 апреля 1919 г. Преступная работа левых эс-эров. — 215.

— № 78, 11 апреля 1919 г. Декрет С. Н. К. о мобилизации. — 224, 229, 232.

— № 93, 3 мая 1919 г. Ко всем членам партии социалистов-революционеров. От группы членов п. с.-р. — 284.

— № 143, 3 июля 1919 г. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о рабоче-крестьянских потребительских обществах. — 345.

— № 145, 4 июля 1919 г. А. Т.-Р. — Меньшевики о Колчаке. — 357.

— № 160, 30 июля 1919 г. Воззвание союзных империалистов к венгерскому народу. — 412.

— № 190, 28 августа 1919 г. Программа английских большевиков. (Телеграмма из Лондона от 25 августа.) — 441.

— № 191, 30 августа 1919 г. Союзники и Россия. Единственный выход. — 547, 561, 596.

— № 262, 22 ноября 1919 г. Лига Наций и мирный договор. — 546.

— № 271, 3 декабря 1919 г. Середа. С. — Союз земледельческих коммун и артелей. (К Всероссийскому съезду с.-х. коммун и артелей.) — 583.

— № 273, 5 декабря 1919 г. Накануне остановки железнодорожного движения. — 608.

«ИЗВЕСТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕ-

[ЛЕНИН, В. И.] — Война и российская социал-демократия. «Социал-Демократ» № 33, 1 ноября 1914 г. — 420.
— Государство и революция. См. ИЛЬИН, В.
ЛЕНИН, Н. — Две речи на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (6—19 мая 1919 года). М. Гиз. 1919 г. — 308.
— К пересмотру партийной программы. «Просвещение» № 1—2, 1917 г. — 135.
— О задачах пролетариата в данной революции. «Правда» № 26, 20 (7) апреля 1917 г. — 387.
— Письмо к американским рабочим. «Правда» № 178, 22 августа 1918 г. — 287, 465.
— Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком. «Правда» № 190, 28 августа 1919 г. — 655.
— Привет итальянским, французским и немецким коммунистам. «Коммунистический Интернационал» № 6, октябрь 1919 г. — 502.
ЛЕНИН, Н. (ВЛ. УЛЬЯНОВ.) — Пролетарская революция и ренегат Каутский. М. 1918 г. — 304, 318, 399, 452, 456.
[ЛЕНИН, В. И.] — Речь на собрании активных партийных работников 27 ноября 1918 г. «Правда» №№ 264 и 265, 5 и 6 декабря 1918 г. — 126.
— Тезисы Ц.К. Р.К.П. в связи с положением Восточного фронта. «Правда» № 79, 12 апреля 1919 г. — 346, 653.
ЛЕНИН, Н. — Третий Интернационал и его место в истории. «Коммунистический Интернационал» № 1, 1 мая 1919 г. — 317.
— Черновой набросок проекта программы. «Коммунист» № 5, 1918 г. — 87.
ЛИГА НАЦИЙ И МИРНЫЙ ДОГОВОР. «Известия В. Ц. И. К.» № 262, 22 ноября 1919 г. — 546.
МАКДОНАЛЬД, РАМСЕЙ — см. MAC DONALD, J. RAMSAY.
МАНИФЕСТ БАЗЕЛЬСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА. «Коммунист» № 1—2, сентябрь 1915 г. — 388, 419, 476.
МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕГО МИРА. «Правда» № 52, 7 марта 1919 г. — 153.
МАРКС, КАРЛ — см. MARX, KARL.
МАРТОВ, Л. — Мировой большевизм. «Мысль» №№ 10, 12, 13 и 15, 1919 г. — 418, 419.
МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ. Под редакцией и с предисловием Н. Ленина. П. «Прибой». 1917 г. — 87.
«МЫСЛЬ». Двухнедельный научный марксистский журнал. Харьков. №№ 1—15, 1919 г. — 416.
Н. Р. — Первый Коммунистический субботник на Александровской железной дороге. «Правда» № 110, 23 мая 1919 г. — 332.
— Пример, достойный подражания. («Работа по-революционному» — «Коммунистическая суббота».) «Правда» № 107, 20 мая 1919 г. — 331.
НАКАНУНЕ ОСТАНОВКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ. «Известия В. Ц. И. К.» № 273, 5 декабря 1919 г. — 608
НЕ ГОЛОСУЙТЕ ЗА БОЛЬШЕВИКОВ. «Дело Народа» № 207, 25 (12) ноября 1917 г. — 641.
НЕРАЗРЕШИМЫЕ ВОПРОСЫ. «Правда» № 72, 3 апреля 1919 г. — 217.
«НОВАЯ ЖИЗНЬ № 135, 6 октября (23 сентября) 1917 г. «В тисках власти». — 292.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883». Zweiter Band. S. 289—291. — 249.
— Brief an Sorge 7. Dezember 1889. «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und andere an J. A. Sorge und andere». S. 323—326. — 391.
ENGELS, FRIEDRICH. — Brief an Sorge 18. Januar 1893. «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und andere an J. A. Sorge und andere». S. 389—391. — 390.
— Einleitung zu K. Marx: «Der Bürgerkrieg in Frankreich». Dritte deutsche Auflage. Berlin, 1891. — 8, 121.
— Einleitung zu Sigismund Borkheim: «Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807». Hottingen-Zürich. Verlag der Volksbuchhandlung. 1888. — 131.
— Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. (Anti-Dühring.) Dritte durchgesehene und vermehrte Auflage. Stuttgart. 1894. S. XX + 354. — 294, 515.
— Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats. Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen. Sechste Auflage. Stuttgart. 1894. — 364, 375.
«LA FEUILLE» № 294, 7 août 1919. L. M. — Une conversation avec M. Troelstra. — 461.
FEUERBACH, LUDVIG. — Schriften zur Ethik und nachgelassene Aphorismen. Sämtliche Werke, neu herausgegeben von Wilhelm Bolin und Friedrich Jodl. X. Band. Stuttgart. 1911. — 417.
FINLAND AND THE BOLSHEVISTS. «The Times» № 42239, 24 octobre 1919. — 561, 596.
«FRANKFURTER ZEITUNG» № 222. 23 März 1919. Der Bolschewismus in Ungarn. — 238.
«DIE FREIHEIT» № 71, 9 Februar 1919. Hilferding, R. — Die Einigung des Proletariats. — 16, 318.
— № 74, 11 Februar 1919. An das revolutionäre Proletariat Deutschlands. — 15, 252, 318.
— № 75, 11 Februar 1919. Internationale Sozialistenkonferenz. Demokratie und Diktatur. — 121, 122.
— № 114, 9 März 1919. Beilage. «Der Revolutions-Parteitag». — 319, 322.
— № 178, 13 April 1919. Zweiter Räthekongress. — 318, 319.
— № 181, 15 April 1919. Zweiter Rätekongress. — 297.
— № 211, 4 Mai 1919. Haase, Hugo. — Die Internationale in Amsterdam. — 323.
— № 451, 18 September 1919. «Illusionspolitik». — 476.
UN GRAND CRIME SE COMMET. NOUS PROTESTONS. «L'Humanité» № 5669, 26 octobre 1919. — 600.
GUILBEAUX, HENRI. — Le mouvement socialiste et syndicaliste français pendant la guerre. (Esquisse historique.) 1914—1918. Préface de N. Lénine. Petrograd. Éditions de l'Internationale communiste. 1919. — 243.
HAASE, HUGO. — Die Internationale in Amsterdam. «Die Freiheit» № 211, 4 Mai 1919. — 323.
HILFERDING, RUDOLF. — Die Einigung des Proletariats. «Die Freiheit», № 71, 9 Februar 1919. — 16, 318.
«L'HUMANITÉ» № 5384, 13 janvier 1919. Le meeting de la fédération de la Seine. — 27, 49.
— № 5475, 14 avril 1919. J. Ramsay Mac Donald. — La troisième Internationale. — 382.

«DIE NEUE ZEIT» № 5, IX Jahrgang, 1890 — 1891, I Band. Marx, Karl. — Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms. (Randglossen zum Programm der deutschen Arbeiterpartei.). — 314.
— № 10, XIII Jahrgang, 1894 — 1895, I Band. Engels, Fr. — Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. — 126, 163.
«THE NEW REPUBLIC» June 25th 1919. Chase, Stuart. — Mannerheim and Kolchak. — 456.
RATENAU, WALTER. — Der neue Staat. Berlin. S. Fischer. 1919. — 323.
REED, JOHN. — Ten Days that shook the World. New York. Bony and Liveright. 1919. — 661.
DER REVOLUTIONS-PARTEITAG. Die Programm-Debatte. Zweiter Tag. 3 März. Das Wort Däumig. «Die Freiheit» № 114, 9 März 1919. Beilage. — 319, 322.
«DIE ROTE FAHNE» № 37, 18 November 1919. R. Luxemburg. — Der Anfang. — 19.
STAMPFER, FRIEDRICH. — Kautsky gegen Spartakus. «Vorwärts» № 451, 7 September 1919. — 452.
«LE TEMPS» № 21070, 15 mars 1919. L'Internationale communiste. — 246.
TEXTE INTÉGRAL DES PROPOSITIONS ACCEPTÉES PAR LÉNINE. — «L'Humanité» № 5669, 26 octobre 1919. — 603.
«THE TIMES» № 42239, 24 octobre 1919. Finland and the Bolshevists. — 561, 596.
«LE TITRE CENSURÉ!!!». Journal hebdomadaire et doctrinaire. Directeur-fondateur Georges Anquetil. № 1 — 10, 1919. — 450, 461, 475.
UNABHÄNGIGEN GEGEN KOMMUNISTEN. «Vorwärts» № 478, 18 September 1919. Abend-Ausgabe. — 476.
VITA DEL PARTITO. «Avanti!» № 12, 12 Gennaio 1919. — 29, 49.
«VORWÄRTS» № 313, 13 November 1918. Bildet unverzüglich Bauernräte! — 19.
— № 457, 7 September 1919. Stampfer, Friedrich. — Kautsky gegen Spartakus. — 452.
— № 478, 18 September 1919. Abend-Ausgabe. Unabhängigen gegen Kommunisten. — 476.
ZWEITER RÄTEKONGRESS. «Die Freiheit» № 178, 13 April 1919. Beilage. — 318, 319.
ZWEITER RÄTEKONGRESS. «Die Freiheit» № 181, 15 April 1919. Beilage. — 297.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 1—22).

ЗАЯВЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, СДЕЛАННОЕ 4 МАРТА 1919 Г. НА I КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Циммервальдская и Кинтальская конференции имели значение в то время, когда необходимо было объединить все те пролетарские элементы, которые готовы были, в той или иной форме, протестовать против империалистической бойни. Но в состав Циммервальдского объединения вошли наравне с вполне определенными коммунистическими элементами, также элементы «центра», пацифистские и колеблющиеся элементы. Элементы «центра», как это показала Бернская конференция, объединяются теперь с социал-патриотами для борьбы с революционным пролетариатом и используют, таким образом, Циммервальд в интересах реакции.

В то же самое время коммунистическое течение в целом ряде стран окрепло, и борьба с элементами из «центра», препятствующими развитию социальной революции, стала теперь важнейшей задачей революционного пролетариата.

Циммервальдское объединение изжило себя. Все, что было в Циммервальдском объединении действительно революционного, переходит и примыкает к Коммунистическому Интернационалу.

Нижеподписавшиеся участники Циммервальда заявляют, что они рассматривают Циммервальдскую организацию ликвидированной и предлагают Бюро Циммервальдской конференции передать все его документы Исполнительному комитету III Интернационала.

Х. Раковский, Н. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Фриц Платтен.

«Коммунистический Интернационал» № 1, 1 мая 1919 г.

№ 2 (к стр. 1—22).

РЕЗОЛЮЦИИ I КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 2—6 МАРТА 1919 ГОДА.

1. Платформа Коммунистического Интернационала.

Противоречия капиталистической мировой системы, которые были скрыты в ее недрах, проявились с колоссальной силой в одном гигантском взрыве—в великой империалистической мировой войне.

Капитализм пытался преодолеть свою собственную анархию организацией производства. Вместо многочисленных конкурирующих предпринимателей образовались могущественные союзы капиталистов (синдикаты, картели, тресты); банковый капитал соединился с капиталом промышленным; вся экономическая жизнь попала под власть финансово-капиталистической олигархии, которая на почве этой власти, путем своей организации, достигла исключительного господства. На место свободной конкуренции стала монополия. Отдельный капиталист превратился в капиталиста — члена капиталистических союзов. Безумная анархия стала замещаться организацией.

Но в той же самой мере, в какой анархия капиталистического способа производства замещалась капиталистической организацией в отдельных странах, все более и более обострялись противоречия, конкурентная борьба, анархия мирового хозяйства. Борьба между величайшими организованными разбойничьими государствами с железной необходимостью вела к чудовищной империалистической мировой войне. Жажда прибыли толкала мировой капитал к борьбе за новые рынки сбыта, за новые сферы приложения капитала, за новые источники сырья, за дешевую рабочую силу колониальных рабов. Империалистические государства, которые поделили между собою весь мир, которые превратили многие миллионы африканских, азиатских, австралийских, американских пролетариев и крестьян в рабочий скот, должны были рано или поздно обнаружить в гигантском столкновении действительную анархическую природу капитала. Так возникло величайшее преступление — разбойничья мировая война.

Капитализм пытался также преодолеть свою противоречивую социальную структуру. Буржуазное общество — классовое общество. Капитал великих «цивилизованных» держав хотел затушевать социальные противоречия. За счет ограбленных колониальных народов капитал подкупал своих наемных рабов, создавал общность интересов между эксплуататорами и эксплуатируемыми, интересов, направленных против угнетенных колоний — колониальных народов, желтых, черных, краснокожих; он приковывал европейский и американский рабочий класс к империалистскому «отечеству».

Но тот же самый метод постоянного подкупа, которым создавался патриотизм рабочего класса и его духовное порабощение, превратился благодаря войне в свою собственную противоположность. Физическое истребление, полное порабощение пролетариата, чудовищный гнет, обнищание и вырождение, мировой голод, — такова была последняя плата за гражданский мир. Он был взорван. *Империалистская война превратилась в войну гражданскую.*

Родилась новая эпоха. Эпоха разложения капитализма, его внутреннего распада. *Эпоха коммунистической революции пролетариата.*

Империалистическая система терпит крах. Брожение в колониях, брожение среди мелких народностей, до этого момента несамостоятельных, восстания пролетариата, победоносные пролетарские революции в неко-

торых странах, разложение империалистских армий, полная неспособность господствующих классов руководить дальше судьбами народов, — такова картина теперешнего положения во всем мире.

Человечеству, вся культура которого подверглась разрушению, угрожает опасность полного уничтожения. Есть лишь одна сила, способная его спасти, и эта сила — пролетариат. Старого капиталистического «порядка» уже нет, он не может более существовать. Конечным результатом существования капиталистического способа производства является хаос, этот хаос может преодолеть лишь самый большой производительный класс — рабочий класс. Он должен установить действительный порядок — коммунистический порядок. Он должен разрушить господство капитала, сделать невозможными войны, стереть границы между государствами, превратить весь мир в работающее само на себя сообщество, осуществить свободу и братство народов.

Между тем, мировой капитал готовится к последнему бою. Под прикрытием «Лиги Наций» и пацифистской болтовни делает он последние усилия склеить стихийно расклеивающиеся части капиталистической системы и направить свои силы против неудержимо разгорающейся пролетарской революции.

На этот новый грандиозный заговор капиталистических классов пролетариат должен ответить завоеванием политической власти, направить эту власть против своих классовых врагов и использовать в качестве рычага для экономического переустройства общества. Окончательная победа мирового пролетариата будет означать начало настоящей истории освобождения человечества.

Завоевание политической власти.

Завоевание политической власти пролетариатом означает уничтожение политической власти буржуазии. Сильнейшим орудием власти в руках буржуазии является буржуазный государственный аппарат с его капиталистической армией, находящейся под командованием буржуазно-юнкерского офицерства, его полиция и жандармерия, его тюремщики и судьи, его попы, чиновники и т. д. Завоевание государственной власти не может свестись лишь к перемене личного состава в министерствах, но должно означать уничтожение враждебного государственного аппарата, сосредоточение в руках реальной силы, обезоружение буржуазии, контр-революционного офицерства и белой гвардии и вооружение пролетариата, революционных солдат и красной рабочей гвардии; смещение всех буржуазных судей и организацию пролетарского суда; уничтожение господства реакционного чиновничества и создание новых пролетарских органов управления. Победа пролетариата обеспечивается дезорганизацией враждебной и организацией пролетарской власти, она должна означать разрушение буржуазного и постройку пролетарского государственного аппарата. Лишь после того как пролетариат победит, окончательно сломив сопротивление буржуазии, лишь тогда он сможет с пользой заставить служить себе своих прежних противников, постепенно привлекая их под своим контролем к работе коммунистического строительства.

Демократия и диктатура.

Как и всякое государство, пролетарское государство представляет из себя аппарат принуждения, но этот аппарат направляется теперь против врагов рабочего класса. Его назначение состоит в том, чтобы сломить и сделать невозможным сопротивление эксплуататоров, в безнадежной борьбе пускающих в ход все средства, чтобы задушить революцию в потоках крови. С другой стороны, диктатура пролетариата, официально

ставящая этот класс на положение господствующего в обществе, представляет из себя переходное состояние.

По мере того, как будет сломлено сопротивление буржуазии, она будет экспроприирована и постепенно превратится в работающий слой общества, исчезнет и диктатура пролетариата, умрет государство, а с ним и деление общества на классы.

Так называемая демократия, т.-е. буржуазная демократия, есть не что иное, как затушеванная диктатура буржуазии. Пресловутая всеобщая «воля народа» является такой же фикцией, как и единый народ. На деле существуют классы с противоположными, исключающими друг друга, стремлениями. А так как буржуазия представляет из себя незначительное меньшинство, то она пользуется этой фикцией, этой мнимой «народной волей», чтобы под прикрытием этого красивого словца утвердить свое господство над рабочим классом и навязать ему волю своего класса. Наоборот, пролетариат, составляющий огромное большинство населения, совершенно открыто использует классовую мощь своих массовых организаций, своих Советов, чтоб устранить привилегии буржуазии и обеспечить переход к внеклассовому коммунистическому обществу.

Сущность буржуазной демократии состоит в чисто-декларативном, формальном признании прав и свобод, недоступных как раз рабочему народу, пролетариату и полупролетарским элементам, ввиду недостатка материальных средств, в то время как буржуазия имела полную возможность использовать свои материальные средства, свою прессу и организации для лжи и обмана народа. Наоборот, сущность советской системы, этого нового типа государственной власти, состоит в том, что при ней пролетариат получает возможность на деле обеспечить себе свои права и свободу. Советская власть предоставляет народу лучшие дворцы, дома, типографии, запасы бумаги и пр. для его прессы, для его собраний, клубов. Только тогда и делается действительно возможной пролетарская демократия.

Буржуазная демократия с ее парламентской системой лишь на словах предоставляет массам участие в управлении государством. На деле же массы и их организации совершенно устраняются и от действительной власти, и от действительного управления государством. При системе Советов управляют массовые организации, а через них сами массы, поскольку Советы привлекают все более увеличивающееся количество рабочих к управлению государством, и только этим путем весь рабочий народ постепенно втягивается в действительную работу по управлению государством. Советская система опирается, таким образом, на массовые организации пролетариата, в лице самих Советов, революционных профессиональных союзов, кооперативов и т. д.

Буржуазная демократия и парламентаризм, благодаря разделению законодательной и исполнительной власти и отсутствию права отзыва депутатов, обостряют разобщенность масс от государства. Наоборот, советская система с ее правом отзыва, соединением законодательной и исполнительной власти и вследствие способности Советов быть работающими коллегиями, связывает массы с органами управления. Эта связь облегчается еще и благодаря тому, что при системе Советов выборы происходят не по искусственно созданным территориальным округам, а совпадают с производственными объединениями.

Таким путем советская система обеспечивает возможность действительной пролетарской демократии для пролетариата и внутри пролетариата, демократии, направленной против буржуазии. При этой системе промышленному пролетариату обеспечивается преимущественное положение в качестве руководящего, лучше организованного и политически наиболее зрелого класса, под гегемонией которого в состоянии постепенно подняться полупролетарские элементы и крестьянская беднота деревни. Эти временные преимущества промышленного пролетариата должны быть

использованы для того, чтобы вырвать неимущие мелко-буржуазные массы деревни из-под влияния деревенских кулаков и буржуазии, организовать и привлечь их в качестве сотрудников к делу коммунистического строительства.

Экспроприация буржуазии и социализация производства.

Разложение капиталистической системы и капиталистической трудовой дисциплины делает невозможным при данных междуклассовых отношениях восстановление производства на прежнем базисе. Борьба рабочих за повышение заработной платы, даже в случае ее успеха, не приводит к ожидаемому поднятию уровня жизни, потому что и рост цен на все продукты потребления неизменно сводит к нулю каждый успех. Жизненные условия рабочих могут быть улучшены лишь тогда, когда не буржуазия, а сам пролетариат будет управлять производством. Энергичная борьба рабочих за увеличение заработной платы в странах, положение которых явно безнадежно, благодаря своему стихийному ожесточению и тенденции к обобщению, делает невозможным дальнейшее продолжение капиталистического производства. Чтобы поднять производительные силы хозяйства, чтобы как можно скорей сломить сопротивление буржуазии, которая затягивает агонию старого общества и тем самым создает опасность полного разрушения хозяйственной жизни, пролетарская диктатура должна осуществить экспроприацию крупной буржуазии и дворянства и сделать средства производства и транспорта общественной собственностью пролетарского государства.

Коммунизм рождается теперь из развалин капиталистического строя, другого выхода история не дает человечеству. Оппортунисты, выставляющие утопическое требование восстановления капиталистической системы хозяйства, чтобы отодвинуть социализацию, лишь оттягивают разрешение кризиса и создают прямую угрозу полной гибели, в то время как коммунистическая революция является самым лучшим и единственно возможным средством, благодаря которому действительная производительная сила общества — пролетариат, а с ним и само общество, могут спасти себя.

Пролетарская диктатура отнюдь не ведет за собой какого бы то ни было дележа средств производства и транспорта. Наоборот, ее задачей является еще большая централизация производительных сил и подчинение всего производства единому плану.

В качестве первого шага по пути к социализации всего хозяйства необходимы: социализация аппарата крупных банков, которые руководят теперь промышленностью, овладение всеми хозяйственными государственно-капиталистическими органами путем передачи их пролетарской государственной власти, овладение всеми коммунальными предприятиями, социализирование синдицированных и трестированных отраслей производства, равно как и таких отраслей производства, степень концентрации и централизации капитала в которых делают социализацию технически возможной; социализация сельско-хозяйственных имений и превращение их в общественно управляемые земледельческие хозяйства.

Что касается более мелких предприятий, то пролетариат, смотря по их величине, должен постепенно объединять их.

При этом нужно особенно подчеркнуть, что мелкая собственность отнюдь не должна экспроприироваться, и мелкие владельцы, не эксплуатирующие чужого труда, не должны подвергаться никаким насильственным мерам. Этот слой будет втянут в сферу социалистической организации постепенно примером и практикой, которая покажет преимущества нового строя, который освободит мелкое крестьянство и мелкую буржуазию городов от экономического гнета кулачества и дворянства, от тяжести налогов (особенно в результате аннулирования государственных долгов) и т. д.

Задача пролетарской диктатуры в экономической области может быть выполнена лишь в той мере, в какой пролетариат будет в состоянии создать централизованные органы управления производством и осуществить рабочее управление. При этом он вынужден будет использовать те из своих массовых организаций, которые теснее всего связаны с процессом производства.

В области распределения пролетарская диктатура должна осуществить замену торговли правильным распределением продуктов; из необходимых для этой цели мероприятий нужно упомянуть: социализацию крупных торговых предприятий, передачу в руки пролетариата всех буржуазно-государственных, а также муниципальных органов распределения, контроль над крупными кооперативными объединениями, организационный аппарат которых еще будет иметь крупное хозяйственное значение в переходный период, постепенную централизацию всех этих органов и превращение их в единое целое для рационального распределения продуктов.

Как в области производства, так и в области распределения должны быть использованы все квалифицированные техники и специалисты, после того как будет сломлено их сопротивление в политической области, и они будут в состоянии служить, вместо капитала, новой системе производства.

Пролетариат не намерен их угнетать, наоборот, только он впервые даст им возможность развить самую энергичную творческую деятельность. Пролетарская диктатура заменит разделение физического и умственного труда, свойственное капитализму, объединением того и другого, и этим соединит труд и науку.

Вместе с экспроприацией фабрик, рудников, имений и т. д., пролетариат должен также положить конец эксплуатации населения со стороны капиталистических домовладельцев, передать большие дома в руки местных рабочих Советов, переселить рабочее население в буржуазные квартиры и т. д.

В ходе этого огромного переворота Советская власть, с одной стороны, должна неуклонно строить огромный аппарат управления во все более централизованной форме, с другой стороны, должна привлекать к непосредственной работе управления все большие и большие слои рабочего народа.

Путь к победе.

Революционная эпоха требует от пролетариата применения таких средств борьбы, которые концентрируют всю его энергию, прежде всего, методов массовой борьбы с ее логическим концом — прямым столкновением в открытом бою с буржуазной государственной машиной. Этой цели должны быть подчинены все другие средства, вроде, например, революционного использования буржуазного парламентаризма.

Необходимым предварительным условием такой победоносной борьбы является разрыв не только с прямыми лакеями капитала и палачами коммунистической революции, в каковой роли выступают правые социал-демократы, но и разрыв с «центром» (каутскианцы), который покидает в критический момент пролетариат и заигрывает с его открытыми врагами.

С другой стороны, необходимо осуществить блок с такими элементами революционного рабочего движения, которые, несмотря на то, что раньше не состояли в социалистической партии, теперь стали в общем и целом на почву пролетарской диктатуры в форме Советов, как, например, соответствующие элементы синдикализма.

Рост революционного движения во всех странах, опасность удушения этой революции со стороны союза капиталистических государств, попытки социал-предательских партий объединиться (образование желтого «Интернационала» в Берне), чтобы лакейски служить вильсоновской Лиге, наконец, абсолютная необходимость координировать пролетарские выступ-

ления — все это ведет неизбежно к основанию действительно революционного и действительно пролетарского Коммунистического Интернационала.

Интернационал, который окажется способен подчинить так называемые национальные интересы интересам интернациональной революции, осуществит тем взаимную помощь со стороны пролетариата различных стран, а без экономической и других видов взаимной поддержки пролетариат не в состоянии построить новое общество. С другой стороны, в противоположность желтому социалистическому Интернационалу, Интернационал коммунистического пролетариата будет поддерживать эксплуатируемые народы колоний в их борьбе с империализмом, чтобы способствовать окончательному краху системы мирового империализма.

Преступники капитализма утверждали в начале мировой войны, что все они защищают лишь свое отечество. Но скоро германский империализм выявил свою звериную натуру рядом кровавых деяний в России, Украине, Финляндии. Теперь, в свою очередь, разоблачают себя даже перед самыми отсталыми слоями населения державы Согласия, оказавшиеся мировыми грабителями и убийцами пролетариата. В согласии с немецкой буржуазией и социал-патриотами, с лицемерными фразами о мире на устах, пытаются они придавить к земле, при помощи танков и тупых варварских колониальных войск, революцию европейского пролетариата. Неописуемо жесток белый террор буржуазных каннибалов. Бесчисленны жертвы рабочего класса, — он потерял лучших своих борцов — Либкнехта, Люксембург.

Пролетариат должен защищаться, защищаться во что бы то ни стало. Коммунистический Интернационал зовет весь мировой пролетариат к этой последней борьбе. Оружие против оружия! Сила против силы!

Долой империалистический заговор капитала!

Да здравствует международная республика пролетарских Советов.

2. Об отношении к «социалистическим» течениям и к Бернской конференции.

ПРИНЯТА ПО ДОКЛАДАМ ТОВАРИЩЕЙ Г. ЗИНОВЬЕВА И Ф. ПЛАТТЕНА

I.

Уже в 1907 г. на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, когда II Интернационал коснулся вопроса о колониальной политике и империалистических войнах, обнаружилось, что большинство II Интернационала и его вождей в данных вопросах стоит гораздо ближе ко взглядам буржуазии, чем к коммунистической точке зрения Маркса и Энгельса.

Тем не менее, Штуттгартский конгресс принял следующую поправку, предложенную представителями революционного крыла, *Н. Лениным* и *Розой Люксембург*.

«В случае, если вспыхнет война, социалисты обязаны вмешаться в целях ее скорейшего прекращения и *использовать всеми средствами, вызванный войною, экономический и политический кризис, чтобы поднять массы и ускорить таким образом падение господства капитализма*».

На Базельском конгрессе в ноябре 1912 г., созванном во время Балканской войны, II Интернационал заявил:

— «Пусть буржуазные правительства не забывают, что франко-прусская война вызвала революционное восстание Коммуны и что русско-японская война привела в движение революционные силы России. Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга в интересах прибыли капиталистов, соревнования династий и расцвета дипломатических договоров».

* *
*

Еще в конце июля и в начале августа 1914 г. за 24 часа до начала мировой войны, ответственные органы и учреждения II Интернационала продолжали осуждать надвигающуюся войну как величайшее преступление буржуазии.

Относящиеся к указанным дням заявления руководящих партий II Интернационала являются самым красноречивым обвинительным актом против вождей II Интернационала.

* * *

С первым же выстрелом, раздавшимся на полях империалистской бойни, главные партии II Интернационала предали рабочий класс и перешли, прикрываясь «обороной отечества», на сторону «своей» буржуазии. Шейдеман и Эберт в Германии, Тома и Ренодель во Франции, Гендерсон и Гайндман в Англии, Вандервельд и де-Брукер в Бельгии, Реннер и Пернерсторфер в Австрии, Плеханов и Рубанович в России, Брантинг и его партия в Швеции, Гомперс с единомышленниками в Америке, Муссолини и К° в Италии призвали пролетариат заключить «гражданский мир» с буржуазией «своей» страны, отказаться от войны с войной и таким образом превратить пролетариат в пушечное мясо для империалистов.

Это был момент окончательного банкротства и гибели II Интернационала.

* * *

Буржуазия наиболее богатых стран получила возможность, благодаря общему ходу экономического развития, путем мелких подачек из своих гигантских прибылей, подкупить и соблазнить верхи рабочего класса — рабочую аристократию. Мелко-буржуазные «попутчики» социализма хлынули в ряды официальных социал-демократических партий и постепенно изменили курс их политики в сторону буржуазии.

Из руководителей мирного парламентского рабочего движения, вождей профессиональных союзов, секретарей, редакторов и служащих социал-демократии образовалась целая каста рабочей бюрократии, обладавшая собственными своекорыстными групповыми интересами и ставшая в действительности враждебной социализму.

Благодаря всем этим обстоятельствам, официальная социал-демократия выродилась в антисоциалистическую и шовинистскую партию.

Уже в лоне II Интернационала обнаружились *три основных течения*. В течение войны, еще до начала пролетарской революции в Европе, очертания этих трех направлений обрисовались с полнейшей ясностью:

1) *Социал-шовинистское течение* (направление «большинства»), типичнейшими представителями которого являются германские социал-демократы, разделяющие в настоящее время власть с буржуазией и сделавшиеся убийцами вождей Коммунистического Интернационала Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Социал-шовинисты в настоящее время показали себя заведомыми классовыми врагами пролетариата. Они следуют программе «ликвидации» войны, подсказанной им буржуазией: переложение львиной доли налогов на трудящиеся массы, неприкосновенность частной собственности, оставление армии в руках буржуазии, роспуск всюду образующихся Советов Рабочих Депутатов, оставление политической власти в руках буржуазии, — словом, буржуазная «демократия» против социализма.

Какие острые формы ни принимала до сих пор борьба коммунистов против социал-демократов большинства, рабочим все же еще не вполне ясна вся та опасность, которая угрожает международному пролетариату со стороны этих предателей.

Открыть глаза всем трудящимся на Иудино дело социал-шовинистов и вооруженной рукой обезвредить эту контр-революционную пар-

тию — в этом одна из важнейших задач международной пролетарской революции.

2) *Течение центра* (социал-пацифисты, каутскианцы, независимые). Это течение стало складываться еще до войны, главным образом в Германии.

В начале войны «центр» почти всюду совпадал в основных чертах с социал-шовинистами. Теоретический вождь «центра» Каутский выступил в защиту политики, которой следуют немецкие и французские социал-шовинисты. Интернационал, будто бы, является лишь «инструментом мирного времени». «Борьба за мир», «классовая борьба во время мира», — таков пароль Каутского.

С начала войны «центр» настаивает на «единении» с социал-шовинистами. После убийства Либкнехта и Розы Люксембург «центр» продолжает проповедывать то же самое «единство», т.-е. единство рабочих коммунистов с убийцами коммунистических вождей Либкнехта и Люксембург.

Уже в начале войны «центр» (Каутский, Виктор Адлер, Турати, Макдональд) начал проповедывать взаимную амнистию, которая должна была распространиться на вождей социалистических партий Германии и Австрии, с одной стороны, и Франции и Англии — с другой. «Центр» проповедует эту амнистию и ныне, по окончании войны, и препятствует таким образом выяснению рабочим причин крушения II Интернационала.

«Центр» отправил своих представителей в Берн на международную конференцию социал-предателей и облегчил, таким образом, обман рабочих Шейдеманами и Реноделями.

Безусловно необходимо отколоть от «центра» наиболее революционные элементы. Это достижимо лишь путем беспощадной критики и разоблачения вождей «центра». Организационный разрыв с центром является решительной исторической необходимостью. Задача коммунистов каждой отдельной страны заключается в том, чтобы определить момент этого разрыва в зависимости от стадии развития, достигнутой движением.

3) *Коммунисты.* Во II Интернационале, где направление это защищало коммунистическо-марксистские взгляды на войну и на задачи пролетариата (в Штуттгарте в 1907 г. резолюция Ленина — Люксембург), оно оставалось в меньшинстве.

«Лево-радикальная» группа (позднейшие спартаковцы) в Германии, партия большевиков — в России, «трибунисты» — в Голландии, группа молодых — в Швеции и левое крыло Интернационала молодежи в целом ряде стран образовали первое ядро нового Интернационала.

Оставаясь верным интересам пролетариата, направление это провозгласило с начала войны лозунг: «Превращение империалистской войны в войну гражданскую».

Это направление ныне сорганизовалось в III Интернационал.

II.

Бернская социалистическая конференция в феврале 1919 г. была попыткой гальванизировать труп II Интернационала.

Состав Бернской конференции с очевидностью показывает, что всемирный революционный пролетариат не имеет ничего общего с этой конференцией.

Победоносный пролетариат России, героический пролетариат Германии, итальянский пролетариат, коммунистическая часть рабочего класса Австрии и Венгрии, пролетариат Швейцарии, рабочий класс Болгарии, Румынии, Сербии, левые рабочие партии Швеции, Норвегии, Финляндии, украинский, латышский, польский пролетариат; лучшая часть организованного пролетариата Англии, интернационалистическая молодежь и женский

Интернационал демонстративно отказались от участия в Бернской конференции социал-патриотов.

Те из участников Бернской конференции, которые еще сохранили известный контакт с истинным рабочим движением нашего времени, образовали оппозиционную группу, которая выступила против политики социал-патриотов, по крайней мере, в главном вопросе: осуждение русской революции. Заявление французского товарища Лорио, бичующего большинство Бернской конференции, как приспешников буржуазии, является истинным мнением сознательных рабочих всего мира.

В так называемом «вопросе о виновниках» войны Бернская конференция все время вращалась в рамках буржуазной идеологии. Германские и французские социал-патриоты забрасывали друг друга теми же обвинениями, которые бросают друг другу германские и французские буржуа. Бернская конференция разменивалась на мелочи, обсуждая тот или иной шаг буржуазных министров до войны, и не хотела сознаться, что главным виновником войны является капитализм, финансовый капитал обеих коалиций и их социал-патриотические лакеи. Социал-патриоты бернского большинства хотели найти главного виновника войны. Им надо было только посмотреть в зеркало, и они увидели бы некоторых из главных виновников войны.

То, что Бернская конференция заявила по поводу вопроса о территориях, полно двусмысленностей. Эта двусмысленность как раз на-руку буржуазии. Реакционнейший представитель империалистской буржуазии, г. Клемансо признал заслуги Бернской социал-патриотической конференции перед империалистской реакцией, приняв делегацию Бернской конференции и предложив ей принять участие во всех соответствующих комиссиях Парижской империалистской конференции.

В колониальном вопросе ясно обнаружилось, что Бернская конференция плывет по руслу либерально-буржуазной колониальной политики, оправдывающей эксплуатацию и порабощение колоний империалистской буржуазией и лишь пытающейся прикрыть ее гуманитарно-филантропическими фразами. Германские социал-патриоты потребовали, чтобы немецкие колонии продолжали принадлежать германскому государству, т.-е. чтобы указанные колонии продолжали эксплуатироваться германским капиталом. Разногласия, проявившиеся по этому поводу, доказывают, что социал-патриоты Согласия стоят, в сущности, на рабовладельческой точке зрения и рассматривают дальнейшее порабощение французских и английских колоний отечественным капиталом как нечто само собою разумеющееся. Этим Бернская конференция показала, что она основательно позабыла пароль: «Вон из колоний!».

При обсуждении вопроса о «Лиге народов» Бернская конференция показала, что она пошла по стопам тех буржуазных элементов, которые не брезгают ничем, чтобы задушить пролетарскую революцию. Вместо того, чтобы разоблачить деяния межсоюзнической конференции в Париже, как разбойничьей шайки, Бернская конференция оказала ей поддержку, унизившись до уровня орудия в руках ее.

Раболепная позиция конференции, предоставившей решение вопроса о законах, касающихся охраны труда, Парижской конференции буржуазных правительств, показывает, что социал-патриоты сознательно высказались за сохранение капиталистического наемного рабства и готовы бросить рабочему классу только подачку, в виде ничтожных реформ.

Инспирированные политикой буржуазии попытки заставить Бернскую конференцию принять постановление, которым II Интернационал прикрыл бы вооруженное вмешательство в русские дела, потерпели крушение лишь благодаря стараниям оппозиции. В этой победе Бернской оппозиции над явно шовинистическими элементами мы видим косвенное доказательство того, что пролетариат Западной Европы симпатизирует

русской пролетарской революции и готов бороться против империалистской буржуазии.

Страх, проявляемый этими лакеями буржуазии перед неизбежным распространением Советов Рабочих Депутатов, обнаруживается в их трусливом стремлении уклониться от рассмотрения этих явлений всемирно-исторического значения.

Советы Рабочих Депутатов — это важнейшее явление со времени Парижской Коммуны. Тем, что Бернская конференция игнорировала этот вопрос, она открыто проявила свое духовное убожество, свое теоретическое банкротство.

Конгресс Коммунистического Интернационала считает тот «Интернационал», который пытается воскресить Бернская конференция, *желтым* Интернационалом штрейкбрехеров, являющимся лишь орудием в руках буржуазии.

Конгресс призывает рабочих всех стран начать самую решительную борьбу против желтого Интернационала и предостеречь широкие массы народа от этого «Интернационала» лжи и обмана.

«Коммунистический Интернационал»
№ 1, 1 мая 1919 г.

№ 3 (к стр. 109 — 179).

ПРОГРАММА Р. К. П. (БОЛЬШЕВИКОВ), ПРИНЯТАЯ VIII СЪЕЗДОМ Р. К. П. (БОЛЬШЕВИКОВ) 22 МАРТА 1919 ГОДА.

Октябрьская революция (25 октября — 7 ноября 1917 г.) в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата создать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.-е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции.

Эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма, господствующего пока в большинстве цивилизованных стран. Природу капитализма и буржуазного общества наша старая программа правильно, если не считать неточного названия партии социал-демократической, охарактеризовала в следующих положениях:

«Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов общества.

«Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее

полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

«Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

«Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

«Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

«Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обострется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной коммунистической партии, как сознательной выразительницы классового движения.

«Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

«Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров. Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной труда-

щейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, коммунистическая партия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата».

Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов, — синдикатов, картелей, трестов, — получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с промышленным капиталом громадной концентрации и к усиленному вывозу капитала в чужие страны. Тресты, охватывая целые группы капиталистических держав, начали экономический раздел мира, поделенного уже территориально между богатейшими странами. Эта эпоха финансового капитала, неизбежно обостряющая борьбу между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

Отсюда неизбежно вытекают империалистические войны, войны за рынки сбыта, за сферы приложения капитала, за сырье и за рабочую силу, т.-е. за мировое господство и за власть над малыми и слабыми народностями. Именно такова первая великая империалистическая война 1914 — 1918 годов.

И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистским государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата; и ужасы, бедствия, разорение, порождаемые империалистской войной — все это сделало неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства.

Империалистская война не могла кончиться не только справедливым миром, но и вообще заключением сколько-нибудь устойчивого мира буржуазными правительствами. Она, на достигнутой ступени развития капитализма, с неизбежностью превращалась и превращается на наших глазах в гражданскую войну эксплуатируемых трудящихся масс, с пролетариатом во главе их, против буржуазии.

Растущий натиск со стороны пролетариата и особенно его победы в отдельных странах усиливают сопротивление эксплуататоров и вызывают с их стороны создание новых форм международного объединения капиталистов (Лига Наций и т. п.), которые, организуя в мировом масштабе систематическую эксплуатацию всех народов земли, ближайшие свои усилия направляют на непосредственное подавление революционных движений пролетариата всех стран.

Все это с неизбежностью приводит к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав.

При этих условиях лозунги пацифизма, международного разоружения при капитализме, третейских судов и т. п. являются не только реакционной утопией, но и прямым обманом трудящихся, направленным к разоружению пролетариата и отвлечению его от задачи разоружения эксплуататоров.

Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные

временные неуспехи ее или волны контр-революции, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

Эта победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах.

Эти условия не осуществимы без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических и социалистических партий.

Таким извращением является, с одной стороны, течение оппортунизма и социал-шовинизма, социализма на словах, шовинизма на деле, прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества, как вообще, так в особенности во время империалистской войны 1914 — 1918 годов. Это течение создано тем, что передовые капиталистические государства, грабя колониальные и слабые народы, дают возможность буржуазии, за счет добытой этим грабежом сверхприбыли, ставить в привилегированное положение и таким образом подкупать верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах.

С другой стороны, буржуазным извращением социализма является течение «центра», наблюдаемое равным образом во всех капиталистических странах, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся II Интернационал. Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, III, Коммунистический Интернационал, одним из отрядов которого является Р. К. П. Этот Интернационал фактически создан образованием коммунистических партий из действительно пролетарских элементов прежних социалистических партий в ряде стран, а особенно в Германии, и формально основан в марте 1919 г. на его I съезде в Москве. Коммунистический Интернационал, приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран, не только в своем названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений.

Развивая конкретнее задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелко-буржуазных слоев населения, Р. К. П. определяет эти задачи следующим образом:

В области обще-политической.

1. Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле — в силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства, — диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян — полупролетариев, т.-е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного

аппарата, местного и центрального, снизу и доверху. Тем самым советское государство осуществило, между прочим в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей. Задачей партии является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самодеятельности масс.

2. В противоположность буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер ее государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства, пока совершенно не исчезло деление общества на классы и вместе с ним всякая государственная власть. Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплуататоров, и Советская Конституция, исходя из того, что всякая свобода является обманом, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, не останавливается перед отнятием у эксплуататоров политических прав. Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплуататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками на счет безусловного характера буржуазных прав и свобод, разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене.

3. Буржуазная демократия ограничивалась формальным распространением политических прав и свобод, как-то: права собраний, союзов, печати, одинаково на всех граждан. Но в действительности как административная практика, так и, главным образом, экономическое рабство трудящихся всегда ставило последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т.-е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприирует у буржуазии помещения, типографии, склады бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача Р. К. П. состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого.

4. Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей империалистической стадии привел нас к сильнейшему обострению расового и национального гнета. Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства.

Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия

стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.

5. Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, Советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и пр.

Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).

Задача партии заключается в том, чтобы, ведя всю работу в этом направлении, добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц.

6. В то время, как буржуазная демократия, вопреки ее декларациям, превращала войско в орудие имущих классов, отделяя его от трудящихся масс и противопоставляя его им, уничтожая или затрудняя для солдат возможность осуществлять политические права, Советское государство сливает в своих органах, в Советах Рабочих и Солдат на почве полного равенства их прав и единства их интересов. Задачей партии является отстаивать и развивать это единство рабочих и солдат в Советах, укрепляя неразрывную связь вооруженной силы с организациями пролетариата и полупролетариата.

7. Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении Советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша Советская Конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелко-буржуазными массами в деревне.

Р. К. П., разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства.

8. Только благодаря советской организации государства, революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, чиновничий и судейский государственный аппарат. Однако, недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу, привело к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя.

Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, Р.К.П. отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

1) Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2) Последовательную смену этих работ, с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти.

В области национальных отношений.

9. В национальном вопросе Р.К.П. руководствуется следующими положениями:

1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и равноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, Р.К.П. стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России.

В области военной.

10. В области военной задачи партии определяются следующими основными положениями:

1) В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто классовой характер, т.-е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию.

2) Необходимо самое широкое обучение всех пролетариев и полупролетариев военному делу и введение преподавания соответственных предметов в школе.

3) Работа военного обучения и воспитания Красной армии совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения. Поэтому необходимы политические комиссары из надежных и самоотвер-

женных коммунистов на ряду с боевыми начальниками, и создание в каждой части коммунистических ячеек для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины.

4) В противовес строю старой армии необходимы: возможно короткий срок чисто-казарменной выучки, приближение казарм к типу военных и военно-политических школ, возможно тесная связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты.

5) Необходимая организационная связь и устойчивость могут быть приданы молодой революционной армии только при помощи командного состава, на первых порах хотя бы низшего, из среды сознательных рабочих и крестьян. Подготовка наиболее способных и энергичных и преданных делу социализма солдат к командным должностям является, поэтому, одной из важнейших задач в деле создания армии.

6) Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны. В связи с этим необходимо широкое привлечение к делу организации армии и ее оперативного руководства военных специалистов, прошедших школу старой армии. В свою очередь, необходимым условием такого привлечения является сосредоточение политического руководства армией и всестороннего контроля над командным составом в руках рабочего класса.

7) Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался, как аппарат классового подчинения солдат, и, через посредство солдат, трудовых масс, теряет совершенно свое принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной классовой армии исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров и т. п.

В области судебной.

11. Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка органы буржуазного господства — суды прежнего устройства — пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии «выборность судей народом» выдвинула классовой лозунг «выборность судей из трудящихся только трудящимися» и провела его во всей организации суда, уравняв, вместе с тем, оба пола во всех правах как при выборе судей, так и отправлении обязанностей судей.

Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей — заседателей, с привлечением к составлению списков массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.

Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства, со множеством инстанций, Советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел.

Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а, в случае отсутствия таковых или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием.

В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания обществен-

ное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов.

Р.К.П., отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей, и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера.

В области народного просвещения.

12. В области народного просвещения Р.К.П. ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В период диктатуры пролетариата, т.-е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм. Ближайшей задачей на этом пути является в настоящее время дальнейшее развитие установленных уже Советской властью следующих основ школьного и просветительного дела:

1) Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет.

2) Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины.

3) Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т.-е. свободной от какого то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества.

4) Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства.

5) Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма.

6) Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие «советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.).

7) Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.).

8) Широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста, в связи с общими политехническими знаниями.

9) Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих; привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих искусственных преград между свежими научными силами и кафедрой; материальное обеспечение учащихся, с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

10) Равным образом необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров.

11) Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти.

В области религиозных отношений.

13. По отношению к религии Р.К.П. не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т.-е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

Р.К.П. руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма.

В области экономической.

1. Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т.-е. в общую собственность всех трудящихся.

2. Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны. Ввиду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели — немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов — должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого советского учреждения, связанного с народным хозяйством.

При этом необходимо в первую очередь обратить внимание на следующее:

3. Разложение империалистического хозяйства оставило в наследство первому периоду советского строительства известную хаотичность в организации производства и управлении им. Тем настоятельнее выдвигается — как одна из коренных задач — максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному обще-государственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий; наибольшая слаженность всего производственного аппарата, рациональное и экономное использование всех материальных рессурсов страны.

При этом необходимо заботиться о расширении экономического сотрудничества и политических связей с другими народами, стремясь одновременно к установлению единого хозяйственного плана с теми из них, которые перешли уже к советскому устройству.

4. По отношению к мелкой и кустарной промышленности необходимо широкое использование ее путем дачи государственных заказов кустарям;

включение кустарной и мелкой промышленности в общий план снабжения сырьем и топливом, а также ее финансовая поддержка, при условии объединения отдельных кустарей, кустарных артелей, производительных кооперативов и мелких предприятий в более крупные производственные и промышленные единицы; поощрение подобных объединений путем предоставления им экономических преимуществ, направленных на ряду с другими мерами к тому, чтобы парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников и создать безболезненный переход этих отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии.

5. Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно, трудящихся данной отрасли производства.

Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны придти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечении ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства.

6. Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, ее правильное распределение и перераспределение, как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства, должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена ею только в тесном единении с профессиональными союзами. Поголовная мобилизация всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире и систематичнее, чем это делалось до сих пор.

7. В обстановке распада капиталистической организации труда производительные силы страны могут быть восстановлены и развиты, а социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда.

Достижение этой цели требует упорной систематической работы над перевоспитанием масс, которое облегчено теперь именно в силу того, что массы видят на деле устранение капиталиста, помещика и купца и на собственном практическом опыте приходят к тому убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплинированности их собственного труда.

В этой работе создания новой социалистической дисциплины главнейшая роль выпадает на долю профессиональных союзов. Последние, порывая со старым шаблоном, должны для осуществления этой цели применять и испытывать на практике разнообразные мероприятия, как-то:

установление отчетности, нормы выработки, введение ответственности перед специальными товарищескими рабочими судами и т. п.

8. Та же задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками. Партия считает, что период резкой борьбы с этим слоем, вызванной организованным им саботажем, закончился, так как этот саботаж в общем сломлен. Партия должна, в тесном союзе с профессиональными объединениями, вести свою прежнюю линию: с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контр-революционное его поползновение, а с другой — так же беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними.

Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму. Поэтому необходимо еще сохранить на известное время более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде, и для той же цели нельзя отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно организаторскую работу.

Равным образом, необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и том способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда.

9. Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. Р. К. П., поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны.

В области сельского хозяйства.

10. Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются: 1) устройство советских хозяйств, т.-е. крупных социалистических экономий; 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель; 4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельско-хозяйственной культуры; 5) поддержка сельско-хозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства.

Рассматривая все эти меры, как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда, Р. К. П. стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении.

В особенности Р. К. П. отстаивает:

1) всемерную государственную поддержку сельско-хозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства;

2) широко проведенную систему мелиорации;

3) широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства.

Считаясь с тем, что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, направленных к поднятию производительности крестьянского хозяйства. Такими мерами являются: 1) упорядочение крестьянского землепользования (устранение чересполосицы, длинноземелья и пр.); 2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями; 3) улучшение породы крестьянского скота; 4) распространение агрономических знаний; 5) агрономическая помощь крестьянам; 6) ремонт в советских ремонтных мастерских сельско-хозяйственного крестьянского инвентаря; 7) устройство прокатных пунктов, опытных станций, показных полей и т. п.; 8) мелиорация крестьянских земель.

11. Ввиду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, Р. К. П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и наряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях обще-государственного «Рабочего Комитета Содействия» и тому подобное.

12. Во всей своей работе в деревне Р. К. П. попрежнему опирается на пролетарские и полупролетарские силы ее, организует, прежде всего, их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и т. д., сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов.

По отношению к кулачеству, к деревенской буржуазии, политика Р.К.П. состоит в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике.

По отношению к среднему крестьянству политика Р. К. П. состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований.

В области распределения.

13. В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в обще-государственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат.

В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая обще-гражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения.

Считая принципиально единственно правильным такого рода дальнейшее коммунистическое развитие кооперативного аппарата, а не его отбрасывание, Р. К. П. систематически должна продолжать свою политику: обязывать всех членов партии работать в кооперативах, направлять их, при помощи также профессиональных союзов, в коммунистическом духе, развивать самодеятельность и дисциплину трудящегося населения, объединяемого в кооперативы, добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику, кооператив, наконец, и самое главное, чтобы преобладающее влияние пролетариата на остальные слои трудящихся было постоянно обеспечено и чтобы повсюду испытывались на практике разнообразные меры, облегчающие и осуществляющие переход от мелко-буржуазных кооперативов старого, капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями.

В области денежного и банкового дела.

14. Избегнув ошибки Парижской Коммуны, Советская власть в России сразу захватила Государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая таким образом остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой Советской властью работы до конца, Р. К. П. выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банкового дела в руках Советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банкового аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества.

15. В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, Р. К. П. стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.

В области финансов.

16. В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства, государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом;

она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства в целом.

При этих условиях сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке планомерного государственного производства и распределения продуктов. Что же касается покрытия непосредственных государственных расходов в переходную эпоху, то Р. К. П. будет отстаивать переход от системы контрибуций с капиталистов, которая была исторически необходимой и законной в первое время социалистической революции, к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. А поскольку этот налог переживает самого себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов, покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства.

В области жилищного вопроса.

17. Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.

Задача Р. К. П. состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся.

В области охраны труда и социального обеспечения.

С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в «Кодексе Законов о Труде» закрепила: 8-часовой рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста в особо вредных отраслях производства, а равно для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 часов; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ, как общее правило; запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверхурочных работ, всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи и предоставлении работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдаче кормящим матерям дополнительного пособия; инспекцию труда и санитарную инспекцию, избираемую советами профессиональных союзов.

Советская власть провела в законодательном порядке полное социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплуатирующих чужого труда,

от всех видов потери трудоспособности и — впервые в мире — от безработицы, за счет нанимателей и государства, при полном самоуправлении обеспечиваемых и при широком участии профессиональных союзов.

Более того, Советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же «Кодексе Законов о Труде» участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и увольнении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной платы на основе тарифов, вырабатываемых профессиональными союзами; определенные органы, именно отделы распределения и учета рабочей силы при Советах и профессиональных союзах, обязанные предоставлять работу безработным.

Но крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма принудили Советскую власть сделать нижеследующие отступления: допустить применение в исключительных случаях сверхурочных работ, ограничив их 50 днями в году; разрешить труд подростков от 14 до 16 лет, ограничив их рабочий день 4 часами; временно предоставить взамен 1-месячного отпуска двухнедельный; увеличить продолжительность ночных работ до 7 часов.

Р. К. П. должна вести широкую пропаганду за активное участие самих трудящихся в энергичном проведении всех мероприятий в области охраны труда, для чего необходимо:

1) усилить работу по организации и расширению инспекции труда путем подбора и подготовки для этой цели активных работников из среды самих рабочих и по распространению ее на мелкую и домашнюю промышленность;

2) распространить охрану труда на все виды труда (строительных рабочих, сухопутно-водный транспорт, прислугу и сельско-хозяйственных рабочих);

3) окончательно снять с работ малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков.

Кроме того, Р. К. П. должна поставить себе задачей установить:

1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделить два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству;

2) введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда.

В области социального обеспечения Р. К. П. стремится организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальностей общественных отношений, ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи.

В области охраны народного здоровья.

В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья Р. К. П. полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний. Диктатура пролетариата уже дала возможность провести в жизнь целый ряд оздоровительных и лечебных мероприятий, неосуществимых в рамках буржуазного общества: национализацию аптечного дела, крупных частнопредпринимательских лечебных учреждений, курортов, трудовую повинность медицинских рабочих сил и т. п.

В соответствии с этим Р. К. П. ставит своей ближайшей задачей:

1) решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как-то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха),

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах,

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней,

г) создание санитарного законодательства;

2) борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т. д.);

3) обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

«VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков)». Стенографический отчет. М. «Коммунист». 1919.

№ 4 (к стр. 109 — 179).

РЕЗОЛЮЦИИ VIII СЪЕЗДА Р. К. П. (БОЛЬШЕВИКОВ) 18 — 23 МАРТА 1919 ГОДА.

1. О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне.

Принимая во внимание необходимость прочного и длительного соглашения пролетариата с беднейшим и средним крестьянством и то обстоятельство, что политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельско-хозяйственных знаний в деревне являются глубоким и серьезным препятствием и в то же время осуждают беднейшее и среднее крестьянство на нищету и косность, — коммунистическая партия не может не отнестись с самым серьезным вниманием к просвещению деревни в широком смысле слова.

В план просветительной деятельности в деревне должны входить в глубокой согласованности между собой:

1) Коммунистическая пропаганда.

2) Общее образование.

3) Агрикультурное образование.

1. Политическая пропаганда в деревне должна вестись как для грамотных, так и для неграмотных.

Для *грамотных* на первом месте должно стоять распространение общей политической и специально для крестьян издаваемой популярной литературы и газет в выдержанном коммунистическом духе. Литература такая должна продаваться по возможно низким ценам при школах, избах-читальнях и всех советских лавках.

Должно стремиться к тому, чтобы при каждой школе была организована библиотека-читальня с политическим отделом и чтобы такие же библиотечки-читальни имелись при каждом деревенском народном доме, а где таких домов нет, политически-популярная литература должна составлять необходимую часть книжного инвентаря изб-читален.

В курс школ для малолетних, а равным образом во всевозможные курсы для взрослых, как обще-образовательные, так и специально-технические (сельско-хозяйственные, например) должны быть введены: 1) популярные очерки истории культуры с научно-социалистической точкой

зрения и с особо разработанной частью, посвященной истории Российской Великой Революции; 2) разъяснение Советской Конституции. Для обоих этих курсов должны быть немедленно созданы образцовые учебники.

Учителя обязаны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения.

В этом отношении они должны быть подчинены не только контролю своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций.

Кинематограф, театр, концерты, выставки и т. п., поскольку они будут проникать в деревню, а к этому должны быть приложены всяческие усилия, необходимо использовать для коммунистической пропаганды как непосредственно, т.-е. через их содержание, так и путем сочетания их с лекциями и митингами.

Отделы народного образования губернские и уездные при содействии и под контролем местных партийных организаций создают коллегии пропагандистов, частью оседлых, т.-е. прикрепленных к своему месту жительства, частью странствующих, т.-е. объезжающих известный, более или менее широкий участок.

В крупных городских центрах должны быть создаваемы партийными организациями, согласно с местными органами Компроса, коллегии пропагандистов-инструкторов, занимающиеся непосредственно разъездной пропагандой среди масс, инструктированием своих менее опытных товарищей на местах.

При этом съезд обращает особое внимание на использование рабочих сил тех отрядов индустриальных рабочих, которыми руководит Всероссийский совет профессиональных союзов.

Для *неграмотных* должны быть устроены периодические чтения в школах, помещениях волостного Совдепа, избах-читальнях и т. п., для чего отделами народного образования при содействии местных партийных ячеек создаются особые кружки чтецов, включая, местное учительство, на началах особой повинности грамотных. Предметом чтения должны быть декреты и обязательные постановления с популярными, особо для того издаваемыми и рассылаемыми центром (партийным или советским) толкованиями, и статьи постоянно обновляемой и пополняемой народной хрестоматии. Такие чтения желательно сопровождать наглядными демонстрациями при помощи кинематографа или волшебного фонаря, беллетристическими чтениями и концертными номерами, для привлечения большего количества посетителей.

2. Общее образование — школьное и внешкольное (включая сюда и художественное: театры, концерты, кинематографы, выставки, картины и пр.), стремясь не только пролить свет разнообразных знаний в темную деревню, но, главным образом, способствовать выработке самосознания и ясного миросозерцания — должно тесно примыкать к коммунистической пропаганде. Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства.

Что касается школы, то вопрос об обновлении ее на началах единства и труда принципиально уже решен. Приходится обратить особое внимание на все виды внешкольного образования для взрослого населения. Партия должна всемерно способствовать Советской власти и местному населению в деле организации возможно более *богатой сети народных домов*, для чего в первую голову должны быть использованы советские имения. Народные дома должны быть крестьянскими клубами для отдыха, разумного развлечения и широкого просвещения, как общего, так и коммунистического.

Коммунистическая партия, допуская и поощряя повсюду использование сил всякого рода специалистов и просто образованных людей для чтений курсов и помощи в жизни народных домов, должна следить вме-

сте с тем, чтобы элементы, враждебные Советской власти, не воспользовались аппаратом общего образования и не проводили под видом литературы, науки и искусства тенденций общественно-вредных, контр-революционных и так или иначе парализующих усилия коммунистической пропаганды.

3. Крестьянство остро сознает нужду в *агрономическом* образовании.

Советские имения, равно как школы-фермы, должны стать маяками сельско-хозяйственного просвещения. Органы сельско-хозяйственного образования, устраиваемые и поддерживаемые Наркомпросом, должны находиться в самом тесном контакте с хозяйственными учреждениями Нар-[redacted]

Не должно быть школ, курсов и какой бы то ни было организации просветительной работы в деревне, которая не стремилась бы, согласно принципу соединенного обучения с производительным трудом, быть в то же время организацией образцового сельского хозяйства, полного или частичного.

Сельско-хозяйственное образование должно вестись таким образом, чтобы данные его связывались с коммунистическими выводами и служили опорой общему стремлению партии к перерождению частного крестьянского хозяйства в организованное социалистическое.

Пропаганда среди крестьян не должна быть оторванной от жизненных задач крестьянина-земледельца, но тесно связанной с вопросами агрономической экономии.

Государственная школа должна быть совершенно отделена от какой бы то ни было религии, и всякая попытка контр-революционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться.

Но Конституция Советской России признает полную свободу вероисповедания за всеми гражданами, и съезд обращает внимание на совершенную недопустимость каких бы то ни было ограничений этого права и даже тени насилия в вопросах религии. Лица, посягающие на свободу веры и богослужения для граждан всех вероисповеданий, должны быть подвергаемы строгому взысканию.

2. По военному вопросу.

А. Общие положения.

I.

Старая социал-демократическая программа требовала установления всенародной милиции на основе вне-казарменного, по возможности, военного обучения всех граждан, способных носить оружие. Это программное требование, противополагавшееся в эпоху II Интернационала империалистическим постоянным армиям с казарменным обучением, длительным сроком службы и кастовым офицерством, имело то же историческое значение, что и другие требования демократии: всеобщего равного избирательного права, однопалатной системы и пр. В условиях «мирного» капиталистического развития и вынужденного до поры до времени приспособления классовой борьбы пролетариата к рамкам буржуазной легальности, естественной задачей социал-демократии являлось требование наиболее демократических форм в организации капиталистического государства и капиталистической армии. Борьба на этой основе имела несомненно воспитательное значение, но, как показал величайший опыт последней войны, борьба за демократизацию буржуазного милитаризма дала еще меньшие результаты, чем борьба за демократизацию буржуазного парламентаризма. Ибо в области милитаризма буржуазия, не отрекаясь от самой себя, может допустить только такой «демократизм», который не задевает ее

классового господства, т.-е. демократизм призрачный, мнимый. Когда дело коснулось коренных интересов буржуазии в международной области, как и во внутренних отношениях, буржуазный милитаризм в Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Америке, несмотря на все различие государственных форм и структуры армии этих стран, обнаружил одни и те же черты беспощадного классового зверства.

II.

Когда классовая борьба превращается в открытую гражданскую войну, разрывая оболочку буржуазного права и буржуазно-демократических учреждений, лозунг «народной милиции» лишается смысла совершенно так же, как и лозунги демократического парламентаризма, и поэтому становится орудием реакции. Как лозунг «Учредительное Собрание» стал прикрытием для работы по восстановлению власти помещиков и капиталистов, точно так же лозунг «народной» или «всенародной» армии стал средством создания армии Краснова и Колчака.

После опыта русской революции нужна поистине презренная мещанская ослепленность Каутского, чтобы проповедывать формальную демократию в деле организации государственной власти и армии в то время, когда немецкое Учредительное Собрание скрывается в Веймар из Берлина, отдаваясь под защиту белогвардейских полков, когда генерал Гофман вербует свои железные батальоны из юнкерских, буржуазных и кулацких сынков, а спартаковцы вооружают революционных рабочих. Наступившая эпоха пролетарской революции есть эпоха открытой гражданской войны пролетариата против всякого буржуазного государства и всякой буржуазной армии независимо от того, прикрыта она или не прикрыта формами демократии. Победа пролетариата в этой гражданской войне неотвратимо ведет к установлению классового пролетарского государства и классовой армии.

III.

Отбрасывая на ближайший исторический период так называемый *всенародный* характер милиции, как он значился в нашей старой программе, мы отнюдь не порываем с программой милиции, как таковой. Политическую демократию мы ставим на классовые основы и превращаем ее в советскую демократию. Милицию мы переносим на классовые основы и превращаем ее в советскую милицию. Очередная программа работы состоит, следовательно, в создании армии рабочих и крестьянской бедноты на основе обязательного обучения военному делу вне-казарменным, по возможности, путем, т.-е. в условиях, близких к трудовой обстановке рабочего класса.

IV.

Фактический ход развития нашей Красной армии находится как бы в противоречии с указанными требованиями. Первоначально мы создавали армию на основе *добровольчества.* Введя далее обязательное военное обучение для рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, мы одновременно приступили к принудительному набору ряда возрастов трудящихся классов. Эти противоречия не были случайными блужданиями, а вытекали из обстановки и представляли собой совершенно неизбежные переходные формы в деле создания армии в тех конкретных условиях, какие нам завещала империалистическая война и буржуазная (Февральская) революция.

Добровольчество является единственно возможным средством создания сколько-нибудь боеспособных частей в условиях катастрофического развала старой армии и всех органов формирования и управления ею

Лучшим доказательством этого служит тот факт, что в нынешней Германии контр-революционные генералы оказываются в такой же мере, как и спартаковцы, вынужденными прибегать к созданию добровольческих батальонов. Переход от добровольчества к обязательности стал возможным в тот момент, когда главные массы старой армии рассосались по городам и деревням, и на местах успели создаться местные органы военного управления: учета, формирования и снабжения (волостные, уездные, губернские, окружные комиссариаты).

V

Противопоставление идеи партизанских отрядов планомерно организованной и централизованной армии (проповедь «левых» с.-р. и им подобных) представляет собой карикатурный продукт политической мысли или недомыслия мелко-буржуазной интеллигенции. Партизанские методы борьбы навязывались в первый период пролетариату его угнетенным положением в государстве, как ему же навязывалось пользование примитивными подпольными типографиями и тайными собраниями кружков. Завоевание политической власти дало пролетариату возможность использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии, единство организации и единство управления которой только и могут обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами. Проповедывать партизанство, как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу. Такая проповедь вполне отвечает природе интеллигентских групп, неспособных владеть государственною властью, неспособных даже серьезно ставить себе задачу овладения этой властью и изощряющихся в партизанских (полемических или террористических) набегах на рабочую власть.

VI.

Можно считать теоретически неопровержимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян *в условиях, близких к их повседневному труду.* Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельско-хозяйственного труда создавало бы самую здоровую основу для армии, роты, батальоны, полки, бригады, дивизии которой совпадали бы с мастерскими заводов, заводами, деревнями, волостями, уездами, губерниями и пр. Такая армия, формирование которой шло бы нога в ногу с хозяйственным подъемом страны и параллельным воспитанием командного состава, стала бы самой непобедимой армией в мире. К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем.

VII.

Необходимость непосредственного, немедленного отпора внутренним и внешним классовым врагам не позволила нам, однако, перейти таким «органическим» путем к рабоче-крестьянской милиции, для чего понадобилось бы несколько лет, во всяком случае долгий ряд месяцев. Как на второй день после Октябрьской революции мы оказались вынужденными прибегнуть к добровольческим формированиям, так на следующем этапе, именно летом прошлого года, когда кольцо империализма особенно тесно сжалось вокруг Советской России, мы оказались вынужденными форсировать нашу военную работу и, не дожидаясь милиционных, т.-е. вне-казарменных, формирований территориального типа, прибегнуть к принудительной повсеместной мобилизации определенных возрастов и к их ускоренному обучению и сплочению их в казармах. При этом все усилия

военного ведомства направлены на то, чтобы приблизить казарму к военной школе, сделать ее очагом не только чисто-военного обучения, но и общего образования и политического воспитания.

VIII

Нынешняя наша активная, т.-е. действующая или непосредственно подготовляющаяся к действию, армия представляет собой именно указанный переходный тип: будучи классовой по своему социальному составу, она является не милиционной, а «постоянной», «регулярной» по методам формирования и обучения. Если в этом последнем обстоятельстве заключается источник многих внутренних затруднений, особенно в условиях чрезвычайного истощения страны, то в то же время мы можем с удовлетворением сказать, что и эта переходного типа армия, созданная в самых неблагоприятных условиях, обнаружила способность бить своих врагов.

IX.

Одновременно с казарменными или чисто-полевыми формированиями, т.-е. формированиями в боевой обстановке, идет широкая работа всеобщего обучения рабочих и трудовых крестьян на местах. По отношению к нашим регулярным формированиям, работа всеобщего обучения на первых его ступенях рассматривалась, как элементарная подготовка, как привитие известных навыков индивидуальному борцу с целью ускорения его дальнейшей выучки в составе той боевой единицы, в которую он будет включен. Несомненно, что и под этим ограниченным углом зрения, всеобщее обучение служит уже сейчас важную службу делу создания армии.

X.

Но задача всеобщего обучения военному делу ни в каком случае не может ограничиваться указанной вспомогательной служебной ролью. Всеобщее обучение должно, путем ряда этапов, согласованных с более неотложной и острой работой по формированию регулярных частей, привести нас к созданию действительно милиционной армии.

XI.

Для указанной цели необходимо, чтобы всеобщее обучение не ограничивалось задачами индивидуального военного обучения, а перешло к формированиям сперва хотя бы самых мелких воинских единиц, по возможности не отрывая их составные элементы, т.-е. рабочих и крестьян, от нормальной трудовой обстановки. Всеобщее обучение должно перейти к формированию отдельных взводов, рот, в дальнейшем батальонов и полков, с более отдаленной перспективой формирования целых дивизий из местных рабочих и крестьян с местным командным составом, с местными запасами вооружения и всего вообще снабжения.

XII.

В предположении дальнейшей непрерывной и продолжительной борьбы с империалистическими войсками, постепенный переход к милиционной армии возможен только через посредство новой организации пополнения убыли в действующих войсках. В настоящее время пополнения формируются по тому же типу, что и основные единицы — через посредство так называемых запасных батальонов. В дальнейшем, притом в ближайшем будущем, пополнения должны формироваться в процессе и на

основе всеобщего обучения и направляться в действующие полки того же территориального происхождения с таким расчетом, чтобы при демобилизации составные элементы полка не рассыпались по всей стране, а сохранили местную трудовую земляческую связь. Разработка ряда мероприятий по постепенному переходу от нынешней нашей армии переходного типа к армии территориально-милиционной должна лечь на соответственные органы военного ведомства, которое уже сделало в этом направлении первые решительные шаги.

XIII.

Классовая милиционная армия, к которой мы идем, не означает, как ясно из всего предшествующего, импровизированной, т.-е. наспех созданной, мало обученной армии, со случайным подбором оружия и полуподготовленным командным составом. Наоборот, подготовка через всеобщее обучение должна быть поставлена так, чтобы в связи с маневрами, стрелковыми упражнениями и военными празднествами дать в результате более, чем ныне, квалифицированный тип отдельного бойца и целой части. Милиционная армия должна быть армией обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной науки.

XIV.

Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые, рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок создали боеспособную армию. Вместе с тем необходимо, чтобы политические отделы армии, под непосредственным руководством Ц. К., производили в дальнейшем отбор комиссаров, устраняя из их среды все сколько-нибудь случайные, неустойчивые, карьеристские элементы.

Работа комиссаров может дать полные результаты лишь в том случае, если она опирается в каждой части на непосредственную поддержку ячейки солдат-коммунистов. Быстрый численный рост коммунистических ячеек является важнейшей порукой тому, что армия все больше будет пропитываться идеями и дисциплиной коммунизма. Но, именно ввиду огромной роли коммунистических ячеек, комиссары и все вообще наиболее зрелые партийные работники в армии должны принимать меры к тому, чтобы в состав ячеек не попадали неустойчивые элементы в погоне за мнимыми правами и привилегиями. Уважение к коммунистическим ячейкам будет тем выше и незыблемее, чем яснее каждый солдат поймет и на опыте убедится, что принадлежность к коммунистической ячейке не дает солдату никаких особых прав, а лишь налагает на него обязанность быть наиболее самоотверженным и мужественным бойцом.

Одобряя в общем и целом выработанное Ц. К. положение о правах и обязанностях коммунистических ячеек, комиссаров и политических отделов, съезд вменяет в обязанность всем товарищам, работающим в армии, неуклонно сообразоваться с указанным положением.

XV.

Требование выборности командного состава, имевшее огромное принципиальное значение по отношению к армии буржуазной, где командный состав подбирался и воспитывался, как аппарат классового подчинения солдат и через посредство солдат трудовых масс, теряет совершенно свое

принципиальное значение по отношению к классовой рабочей и крестьянской Красной армии. Возможная комбинация выборности и назначения диктуется революционной и классовой армии исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей армии, наличия командных кадров. В общем можно установить, что, чем менее зрелы части армии, чем более случайным и преходящим является их состав, чем меньше проверен молодой командный состав на опыте, тем меньше целесообразного применения может найти начало выборности командиров, и, наоборот, рост внутренней спайки частей, выработка у солдат критического отношения к самим себе и к своим начальникам, создание значительных кадров низших и высших боевых начальников, показавших свои качества в условиях новой войны, создают благоприятные условия, в которых начало выборности лиц командного состава может получить все более и более широкое применение.

XVI.

Вопрос о командном составе, представляя большие практические трудности, не дает, по существу дела, никакой почвы *для принципиальных* разногласий.

Даже если бы наша армия получила возможность в течение нескольких лет планомерно формироваться и подготовлять для себя одновременно новый командный состав,— и в этом случае у нас не было бы никаких принципиальных оснований отказаться от привлечения к работе тех элементов старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей. Революционный характер армии определяется, прежде всего, характером того советского режима, который эту армию создает, который ставит ей цель и превращает ее таким образом в свое орудие. С другой стороны, соответствие этого орудия советскому режиму достигается классовым составом главной массы бойцов, организацией комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии.

Работа по обучению и воспитанию нового офицерства преимущественно из среды рабочих и передовых крестьян составляет одну из важнейших задач в деле создания армии. Непрерывный рост числа инструкторских курсов и их воспитанников свидетельствует о том, что военное ведомство уделяет этой задаче все внимание, какого она заслуживает. На ряду с высшей военной академией (генерального штаба) организуется 5 школ среднего типа — между инструкторскими курсами и высшей военной академией. Тем не менее в рядах нынешней Красной армии имеются очень многочисленные командиры из состава старой армии, которые с большой пользой для дела выполняют свою ответственную работу. Необходимость отбора и контроля с целью недопущения предательских, провокаторских элементов разумеется сама собой и — насколько свидетельствует опыт — практически разрешается более или менее благополучно нашей военной организацией. С этой точки зрения у партии не может быть никакого основания к пересмотру нашей военной политики.

XVII.

Изданные до сих пор уставы (внутренней службы, полевой, гарнизонной), внося твердость и оформленность во внутренние отношения армии, в права и обязанности ее составных элементов, и потому представляя собою крупный шаг вперед, отражают тем не менее переходный период формирования нашей армии и будут подлежать дальнейшей пе-

реработке по мере преодоления старых, «казарменных» черт в деле формирования армии и все большего ее превращения в классовую, милиционную.

XVIII.

Агитация, которая ведется из лагеря буржуазной демократии (эсеры, меньшевики) против Красной армии, как против проявления «милитаризма», как против основы грядущего бонапартизма, является лишь выражением политического невежества или шарлатанства или смесью того и другого. Бонапартизм не есть продукт военной организации, как таковой, но продукт определенных социальных отношений. Политическое господство мелкой буржуазии, стоящей между реакционными крупно-буржуазными элементами и революционными пролетарскими низами, еще неспособными к самостоятельной политической роли и к политическому господству, создало необходимую предпосылку возникновения бонапартизма, который нашел опору в крепком мужике и поднялся над классовыми противоречиями, не находившими решения в революционной программе мелко-буржуазной (якобинской) демократии. Поскольку коренной основой бонапартизма является кулаческий крестьянин, постольку уже самый социальный состав нашей армии, из которой исключается и изгоняется кулачество, дает серьезнейшую гарантию против бонапартистских тенденций. Российские пародии на бонапартизм, в виде красновщины, колчаковщины и пр., вырастали не из Красной армии, а в прямой и открытой борьбе против нее. Скоропадский — украинский Бонапарт на гогенцоллернских помочах — формировал армию на основе ценза, прямо противоположного цензу Красной армии, вербуя в свои полки крепких кулаков. При этих условиях видеть в армии пролетариев и деревенских бедняков оплот бонапартизма могут только те, которые еще вчера и прямо и косвенно поддерживали украинских, донских, архангельских и сибирских кандидатов в Бонапарты.

Так как сама Красная армия является только орудием определенного режима, то основную гарантию против бонапартизма, как и против всяких других видов контр-революции, надлежит искать в самом режиме. Контр-революция не может ни в каком смысле развиться из режима пролетарской диктатуры, — она может лишь установиться в результате прямой и открытой кровавой победы над этим режимом. Развитие и укрепление Красной армии необходимо именно для того, чтобы сделать такую победу невозможной. Таким образом, исторический смысл существования Красной армии состоит в том, что она является орудием социалистической самообороны пролетариата и деревенской бедноты, защитницей их против опасностей кулацко-буржуазного бонапартизма, поддерживаемого чужестранным империализмом.

XIX.

Классовая милиция не является последним словом коммунистического строительства, поскольку это последнее имеет своею целью упразднение классовой борьбы путем уничтожения самих классов, а стало быть и классовой армии. Советское классовое государство по мере организации социалистического хозяйства будет все более растворяться в руководящем аппарате производства и распределения и в культурно-административных органах. Освободившись от своего классового характера, государство перестанет быть государством и станет органом хозяйственно-культурного самоуправления. Одновременно с этим армия утратит свой классовый характер. Она станет *общенародной* армией в подлинном смысле слова, потому что в социалистической общине не останется паразитически-эксплуататорских, кулацких элементов. Формирование этой армии

будет непосредственно опираться на могущественные трудовые группировки граждан социалистической республики, как ее снабжение будет непосредственно питаться могущественно возросшим социалистическим производством. Такая армия, т.-е. хорошо обученный и вооруженный, социалистически-организованный народ, будет самой могущественной армией, какую знал мир. Она будет не только орудием обороны социалистического общежития против возможных нападений со стороны еще сохранившихся империалистических государств, но она позволит оказать решающую поддержку пролетариату этих государств в его борьбе с империализмом.

Б. Практические меры.

Исходя из этих основных положений, VIII съезд Р. К. П. считает необходимым проведение следующих очередных практических мер:

1) Неуклонное проведение в жизнь принципа классовой мобилизации только трудовых элементов с тщательным выделением в особые рабочие батальоны (роты) кулацких и паразитических элементов, — принципа, ныне не осуществляемого вопреки официальным постановлениям.

2) Продолжая привлечение военных специалистов на командные и административные должности и подбирая надежные элементы, установить над ними неослабный, осуществляемый через комиссаров, централизованный партийно-политический контроль, устраняя тех, кто окажется политически и технически непригодным.

3) Организовать систему аттестаций командного состава, возложив на комиссаров периодическое составление таких аттестаций.

4) Усилить формирование командного состава из пролетариев и полупролетариев и улучшить его со стороны как военной, так и политической подготовки, для чего создать в тылу и на фронте компетентные аттестационные комиссии, составленные с преобладанием партийного представительства для систематического направления в школы красных офицеров красноармейцев, наиболее подготовленных боевой практикой к роли красных офицеров.

Программу курсов пересмотреть сообразно духу Красной армии и обстановке гражданской войны.

Местным партийным организациям обратить особое внимание на надлежащую постановку политического воспитания на курсах.

5) Местным партийным организациям вменяется в обязанность ведение систематической и напряженной работы коммунистического воспитания красноармейцев в тыловых частях путем выделения специальных работников.

6) Ц. К. партии поручается организовать планомерное распределение по частям коммунистов армии и флота.

7) Перенести центр тяжести коммунистической работы на фронте из политотделов фронтов в политотделы армий и дивизий, дабы оживить и приблизить ее к действующим на фронте частям. Издать согласованное и точное положение о правах и обязанностях политкомов, политотделов и комячеек.

8) Упразднить Всебюровоенком. Создать Политический отдел Реввоенсовета республики, передав в этот отдел все функции Всебюровоенкома, поставив во главе его члена Ц. К. Р. К. П. на правах члена Реввоенсовета республики.

9) Переработать военные уставы, сократив их по возможности, устранив все архаизмы и постановления, устанавливающие ненужные привилегии для командного состава, отведя в распорядке занятий вопросам политического воспитания надлежащее место.

10) Спешно переработать положение о комиссарах и реввоенсоветах в смысле точного определения прав и обязанностей комиссаров и

командиров, при этом предоставив разрешение хозяйственно-административных вопросов командирам совместно с комиссарами и предоставив комиссарам право налагать дисциплинарные взыскания (в том числе и право ареста) и право предания суду.

11) Признать необходимым подчинение «особых отделов» армии и фронтов соответственно комиссарам армии и фронтов, оставив за «особым отделом» республики функции общего руководства и контроля над их деятельностью.

12) Признать необходимым в дальнейшем при выработке общеруководящих уставов, положений и инструкций ставить их по возможности на предварительное обсуждение политических работников армий.

3. По организационному вопросу.

Обсудив вопросы о необходимых реформах в области: 1) *партийного* строительства, 2) *советского* строительства и 3) взаимоотношений между партией и Советами, VIII съезд Р. К. П. постановляет:

А. Партийное строительство.

1. Рост партии.

Численный рост партии прогрессивен лишь постольку, поскольку в ряды партии вливаются здоровые пролетарские элементы города и деревни. Рабочим, рабочей и крестьянской молодежи следует широко открыть дверь партии. Но партия должна все время внимательно следить за происходящими изменениями социального ее состава. Все партийные организации обязаны вести точный учет своему составу и сообщать его периодически в Ц. К. партии. Расширение численного состава партийных организаций ни в коем случае не должно покупаться ценою ухудшения качественного состава их. К приему в партию нерабочих и некрестьянских элементов следует относиться с большим разбором.

Съезд постановляет к 1 мая провести по всей России общую регистрацию всех членов партии. Центральному Комитету партии поручается не позднее 10 апреля опубликовать подробную инструкцию для проведения этой перерегистрации с тем, чтобы особые меры контроля были применены по отношению к тем членам партии, которые вошли в ее ряды после октября 1917 года.

2. Связь с массами.

Российская Коммунистическая партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат, естественно должна была отдать десятки тысяч своих членов на дело управления страной. Одной из важнейших задач партии в данный момент является — включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления (железные дороги, продовольствие, контроль, армия, суд и пр.).

В связи с выполнением этой насущной задачи возникла, однако, серьезная опасность. Многие из членов партии, поставленные на эту государственную работу, в значительной степени отрываются от масс и заражаются бюрократизмом, что относится очень часто и ко многим рабочим, членам Советов. Против этого зла необходимо начать самую решительную борьбу немедленно же. Коммунистов, членов Советов, необходимо обязать во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Рабочих, пробывших на чисто-советской работе более трех месяцев под-ряд, следует возвращать на заводы по крайней мере на 1 месяц. Все советские работники, члены партии, обязаны нести

какую-либо партийную работу в своем районе. Все коммунисты обязаны состоять членами и посещать общие собрания своего профессионального союза.

3. Центральный Комитет и местные организации.

Центральный Комитет состоит из 19 членов (8 кандидатов). Не реже одного раза в три месяца Ц. К. созывает партийную конференцию из представителей губернских и столичных комитетов партии. На этих конференциях обсуждаются важнейшие очередные вопросы, стоящие перед партией.

Не реже одного раза в месяц Ц. К. рассылает губернским и столичным комитетам партии письменный отчет о своей деятельности. То, что подлежит широкому оглашению, печатается в газетах по возможности каждые две недели.

При Ц. К. должна состоять специальная разъездная коллегия партийных инструкторов из ответственных руководящих партийных работников.

Местные организации обязаны не реже одного раза в два месяца представлять письменные отчеты о своей деятельности: уездные комитеты в губернский, губернские в Ц. К. партии.

Во всех партийных и советских органах необходимо завести отдел «из партийной жизни».

Центральному Комитету партии поручается принять энергичные меры к тому, чтобы все партийные организации были в достаточной мере снабжены денежными средствами для необходимой партийной работы.

4. Внутренняя структура Центрального Комитета.

Центральный Комитет имеет не менее двух пленарных заседаний в месяц в заранее установленные дни. Все наиболее важные политические и организационные вопросы, не требующие самого спешного разрешения, обсуждаются на этих пленарных собраниях Центрального Комитета.

Центральный Комитет организует, во-первых, *Политическое Бюро*, во-вторых, *Организационное Бюро*, в-третьих — *Секретариат*.

Политическое Бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета. Все остальные члены Ц. К., имеющие возможность участвовать в том или ином заседании Политического Бюро, пользуются в заседании Политического Бюро совещательным голосом. Политическое Бюро принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства, и о всей своей работе за две недели делает отчет очередному пленарному собранию Центрального Комитета.

Организационное Бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета. Каждый из членов Организационного Бюро заведует соответствующим отделом работы. Организационное Бюро собирается не реже 3 раз в неделю. Организационное Бюро направляет всю организационную работу партии. Организационное Бюро отчитывается перед пленумом Ц. К. каждые две недели.

Секретариат Ц. К. состоит из одного ответственного секретаря, члена Организационного Бюро Ц. К., и 5 технических секретарей из числа опытных партийных работников. Секретариат организует ряд отделов. Секретариат отчитывается перед пленумом Ц. К. каждые две недели.

5. Национальные организации.

В настоящее время Украина, Латвия, Литва и Белоруссия существуют, как особые Советские республики. Так разрешен в данный момент вопрос о формах *государственного* существования.

Но это отнюдь не значит, что Р. К. П. должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий.

VIII съезд Р. К. П. постановляет: необходимо существование *единой* централизованной коммунистической партии с единым Ц. К., руководящим всей работой партии во всех частях Р. С. Ф. С. Р. Все решения Р. К. П. и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партий и целиком подчинены Ц. К. Р. К. П.

6. Существование специальных организаций.

Существование таких специальных партийных организаций, как железнодорожные, почтово-телеграфные, военные и т. д., излишне, и потому Ц. К., по соглашению с местными организациями, должен такие организации постепенно ликвидировать, растворив их в общей коммунистической организации.

7. Централизм и дисциплина

Партия находится в таком положении, когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина является абсолютной необходимостью. Все решения высшей инстанции абсолютно обязательны для низших. Каждое постановление должно быть прежде всего выполнено, и лишь после того допустима апелляция к соответствующему партийному органу. В этом смысле в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина. Все предприятия партии, поддающиеся централизации (издательство, пропаганда и пр.), должны быть в интересах дела централизованы.

Все конфликты разрешаются соответствующей высшей партийной инстанцией.

8. Распределение партийных сил.

Правильное распределение партийных сил в данное время является главным залогом успеха и одной из самых важных задач. Все дело распределения партийных работников находится в руках Ц. К. партии. Его решение обязательно для всех. В каждой губернии губернские силы распределяются губернским комитетом партии, в столицах — городскими комитетами, под общим руководством Центрального Комитета. Центральному Комитету поручается вести самую решительную борьбу против всякого местничества, сепаратизма в этих вопросах.

Центральному Комитету поручается систематически перемещать из одной отрасли работы в другую и из одного района в другой партийных работников в целях наиболее продуктивного использования их.

9. Подготовка партийных работников.

Центральному Комитету партии поручается: 1) организовать высшую партийную школу при Ц. К.; 2) выработать общую программу и план занятий в местных партийных школах; 3) помочь местным партийным школам присылкой соответствующих лекторов.

10. «Известия Центрального Комитета».

Центральному Комитету поручается наладить еженедельное издание «Известия Ц. К.», посвященное целиком партийной жизни.

11. Партийный устав.

Съезд поручает Ц. К. наметить на основании поступивших с мест материалов ряд необходимых изменений устава. Эти изменения должны быть утверждены ближайшей партийной конференцией, которую созовет Центральный Комитет.

Центральному Комитету передаются для разработки также все те материалы организационного характера, которые поступили в организационную секцию.

Б. Советское строительство.

1. Состав В. Ц. И. К.

Съезд полагает, что состав В. Ц. И. К. должен быть изменен в том смысле, что члены В. Ц. И. К. должны вербоваться главным образом из деятелей с мест, ведущих постоянную работу среди масс крестьян и рабочих.

2. Президиум В. Ц. И. К.

Функции Президиума В. Ц. И. К. не разработаны в Советской Конституции. На ближайшем съезде Советов необходимо, на основе всего практического опыта, срочно формулировать права и обязанности Президиума В. Ц. И. К. и разграничить круг его функций с кругом функций *Совнаркома*.

3. Советы и Исполкомы.

На общих собраниях Советов следует ставить и разрешать по возможности все основные вопросы местной и общей жизни. Необходимо бороться против тенденции передавать решение всех дел исключительно Исполкомам. Советы должны работать не только как аппарат агитации и осведомления, но и как урегулированный деловой механизм.

4. Привлечение в Советы всех трудящихся.

В Советы в городах следует привлекать не только представителей фабрично-заводского пролетариата, но и представителей всех трудящихся вообще (см. конституцию Советской власти). В этом смысле избирательное право в Советы должно постепенно расширяться в зависимости от местных условий. Инициатива в этом деле должна принадлежать Р. К. П.

5. Социалистический контроль.

Дело контроля в Советской республике должно быть радикально реорганизовано с тем, чтобы создать подлинный фактический контроль социалистического характера. Руководящая роль в деле осуществления социалистического контроля должна выпасть на партийные организации и профессиональные союзы. В ближайшее же время необходимо выделить с этой целью лучшие силы, которые должны научиться не только контролировать советскую работу, но и сами ее организовать.

В. Взаимоотношения между партией и Советами.

Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство.

Советы объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство.

Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства,— ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы.

Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы.

Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине. В эти фракции должны входить все члены Р. К. П., работающие в данной советской организации.

Практической, повседневной, самоотверженной работой в Советах, выдвиганием на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов, Р. К. П. должна завоевать для себя безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой.

Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции*. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их.

В советскую организацию проникло много чужеродных элементов. Советам приходится бороться с бюрократизмом, чиновничьей волокитой, халатностью, организационной расплывчатостью, узколобым местным «патриотизмом» и т. д.

Но и в партийной организации наблюдаются болезненные явления. С одной стороны, лучшие силы партии отливают из партийной организации в советскую, отдавая все свои силы и все свое время советской государственной работе. С другой стороны, в партию широкой волной приливают элементы, недостаточно коммунистические и даже прямо примазавшиеся. Р. К. П. стоит у власти, и это неизбежно притягивает к ней, наряду с лучшими элементами, и элементы карьеристские. Этим и вызвано вполне правильное ограничение избирательных прав членов партии на Всероссийский партийный съезд.

Необходима серьезная *чистка* и в советских и в партийных организациях. Необходима строжайшая дисциплина всех до единого членов партии. Все члены партии, какие бы важные государственные посты они ни занимали, безусловно подконтрольны партии. А вместе с тем партийные организации никогда не должны прибегать к мелкому опекунству над Советами, должны внушать своим членам, что принадлежность к Р. К. П. не дает никаких привилегий, а только возлагает более серьезную ответственность на них.

«VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков)». Стенографический отчет. М. «Коммунист». 1919.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *I Конгресс Коммунистического Интернационала* — происходил в Москве 2—6 марта 1919 года. Созданная в Циммервальде (сентябрь 1915 г.) по инициативе и под руководством Ленина «Циммервальдская левая» (см. XIX том, прим. 198) сыграла роль первой ячейки III Интернационала, идейно и организационно сплачивавшей революционно-интернационалистские элементы международного движения и боровшейся с непоследовательностью право-«центристского» большинства Циммервальдского объединения. На ряду с усиленной организационной работой по подготовке III Интернационала, которая велась Лениным и партией, огромное значение имела также теоретическая деятельность Ленина по созданию идейной базы нового Интернационала, данной в его произведениях периода войны. Считая, что «создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризированного марксизма» (XIX том, стр. 183), Ленин главные свои удары направляет против социал-шовинистов и «центристов», ведя в то же время непримиримую идейную борьбу против ошибочных «левых» взглядов Р. Люксембург и некоторых своих сторонников по «Циммервальдской левой» (Н. Бухарин, Г. Пятаков, К. Радек) в вопросе о праве наций на самоопределение, о возможности «демократии» в новую эпоху, о лозунге разоружения, об отношении к государству и др. В конце 1916 г. под влиянием поворота в мировой политике от империалистской войны к империалистскому миру виднейшие представители Циммервальдского большинства (Гримм, Мергейм и др.), на словах осудившие социал-пацифизм, на деле перешли на его позицию, вступая в соглашения с социал-шовинистами. «Циммервальд явно обанкротился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили», писал Ленин по этому поводу. Когда в апреле 1917 г. социал-шовинисты и «центристы» заговорили о созыве Стокгольмской конференции, Ленин со всей решительностью поставил перед партией вопрос о немедленном создании III Интернационала: «Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый* революционный, пролетарский Интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует» (XX том Сочинений, стр. 130).

Эту точку зрения Ленин защищал и на Всероссийской апрельской конференции. Последняя признала, что задачей партии является «взять на себя инициативу по созданию III Интернационала, окончательно разрывающего с «оборонцами» и решительно борющегося также против промежуточной политики «центра»». Как известно, большинство конференции, вопреки мнению Ленина, предлагавшего формально объявить, что большевики остаются в Циммервальде «только с информационной целью», стало на точку зрения Зиновьева, докладчика по вопросу о положении дел в Интернационале, и признало необходимым остаться в Циммервальдском блоке, ставя себе задачей отстаивать там тактику «Циммервальдской левой».

Конференция затем поручала Ц. К-ту «приступить немедленно к шагам по основанию III Интернационала», подчеркнув, что «новый социалистический Интернационал может быть создан только самими рабочими массами, их революционной борьбой в собственных странах». Вместе с тем конференция решительно протестовала «против попыток Бернской Международной Социалистической Комиссии войти в соглашение с организаторами Стокгольмской конференции» (XX том Сочинений, «Документы и материалы», стр. 621 — 622).

Эту линию большевики проводили и в Исполнительном Комитете Петроградского Совета, к которому перешла руководящая роль по созыву Стокгольмской конференции, и на совещании представителей всех русских социалистических партий совместно с секретарем Международной Социалистической Комиссии Р. Гриммом (28—29 мая). Большевики настаивали на том, чтобы Циммервальд решительно отмежевался от собирающихся на Стокгольмскую конференцию социал-патриотов. Линию партии в этом вопросе пытался сорвать Каменев, заявивший на заседании Ц. И. К. 19 (6) августа, что «над Стокгольмом начинает развеваться широкое революционное знамя». Ленин из подполья дал отпор Каменеву и настаивал на созыве конференции левых. Формально большевики не вышли из Циммервальда и после 3-й Циммервальдской конференции (5 — 12 сентября), что Ленин считал ошибкой. «Надо — писал он в это время — уйти из Циммервальда *тотчас*... Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 16 (3) сентября 1917 г.: *созываем конференцию левых*, поручаем это стокгольмским представителям» (XXI том Сочинений, стр. 130), т.-е. заграничному Бюро Ц. К. (Воровский, Ганецкий и Радек), которое находилось в Стокгольме и явилось по существу организационным центром по созыву конференции революционных марксистов, сторонников нового Интернационала.

Однако приступить к практическому осуществлению этой идеи большевики смогли лишь после Октябрьской революции, чрезвычайно усилившей международное влияние большевистской партии и облегчившей организационную работу по созданию III Интернационала. Уже 4 января 1918 г. В. Ц. И. К. принял постановление о посылке за границу особой делегации с целью «предпринять подготовительные шаги к созыву международной конференции представителей левого крыла Интернационала, стоящих на точке зрения Советской власти и необходимости борьбы против империалистических правительств внутри каждой из воюющих стран» («Известия Ц. И. К.» № 260, 6 января 1918 г. (24 декабря 1917 года)). В конце января в Петрограде состоялось совещание представителей левых социалистических партий, на котором присутствовали: И. Сталин (Ц. К. Р. К. П. (б.)), Хеглунд и Гримлунд (Шведская марксистская левая партия), Нссен (Норвежская с.-д. партия); Натансон и Устинов (левые эс-эры), Петров (Британская Социалистическая партия), Я. Долецкий (Ц. К. с.-д. Польши и Литвы), Бужор (румынские с.-д.), Радошевич (югославские с.-д.), Б. Рейнштейн (Американская Социалистическая Рабочая партия), Айкуни (Армянская с.-д.) и др. Совещание, обсудив вопрос о созыве левой интернационалистской конференции, пришло к выводу, что «Международная социалистическая конференция... должна быть созвана при следующих условиях: 1. Согласие партий и организаций стать на путь революционной борьбы против «своих» правительств за немедленный мир; 2. Поддержка Октябрьской российской революции и Советской власти («Правда» № 23, 6 февраля (24 января) 1918 года). Совещание кроме того избрало Интернациональное Бюро.

Делегации В. Ц. И. К., выехавшей в феврале за границу (Коллонтай и Берзин — от большевиков; Натансон и Устинов — от левых эс-эров), не удалось туда пробраться. Столь же безуспешными оказались вследствие блокады и другие попытки, предпринимавшиеся в 1918 г. Р. К. П. (б.) для

установления прочных организационных связей с революционными интернационалистами других стран.

Большое значение в деле распространения на Западе идей III Интернационала имела работа Федерации иностранных групп при Ц. К. Р. К. П. (б.) (см. прим. 41). Здесь — по словам Ленина — «замечается настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала»... «Сотни тысяч военнопленных» из иностранных армий, «передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком» (см. наст. том, стр. 128).

В радио-телеграмме, разосланной от имени Ц. К. Р. К. П. (б.) 24 декабря 1918 г. в связи с предложением Английской Рабочей партии о созыве на 6 января Международной социалистической конференции в Лозанне, «коммунисты всех стран» призывались к сплочению «вокруг фактически уже созданного Интернационала». Отказываясь от участия «в конференциях врагов рабочего класса, прикрывающихся именем социализма», Р. К. П. (б.) приглашала последовать своему примеру «всех тех, кто стоит на почве III, революционного Интернационала, ставящего перед пролетариатом всех стран задачу захвата власти» («Правда» № 281, 25 декабря 1918 года).

После образования коммунистических партий в Латвии, Финляндии, Польше, Австрии, Голландии, Венгрии, и особенно после образования Коммунистической партии Германии, объективные условия достаточно созрели для формального основания Коммунистического Интернационала. На совещании, состоявшемся в начале января 1919 г. с участием Ленина, Сиролы, Файнберга и др., были выработаны организационные основы нового Интернационала, и, по предложению Ленина, принято решение об обращении к заграничным партиям и группам с призывом принять участие в съезде нового Интернационала.

Это обращение — «К первому съезду Коммунистического Интернационала» — было опубликовано от имени 8 коммунистических и близких к ним партий 24 января 1919 года. Оно включено Л. Троцким в собрание его Сочинений (том XIII, стр. 33 — 37), хотя на самом деле оно составлено Лениным и Н. Бухариным. Обращение явилось практическим предложением о созыве первого съезда революционного Интернационала, контуры которого «сейчас совершенно определенно обрисовались», и намечало цели и тактику нового Интернационала, которые определялись убеждением, что «текущая эпоха есть эпоха разложения и краха всей мировой капиталистической системы» и что «задачей пролетариата является теперь немедленный захват государственной власти» для осуществления диктатуры рабочего класса на основе Советской власти. Основным методом борьбы провозглашались «массовые действия пролетариата вплоть до открытого столкновения с оружием в руках с государственной властью капитала». Определив далее свое отношение к «социалистическим» партиям, авторы обращения предлагали 39 подлинно левым партиям, группам и организациям принять участие в съезде, «который должен принять наименование I съезда Коммунистического Интернационала, причем отдельные партии станут его секциями». В заключение всем братским партиям и организациям предлагалось «поставить в порядок дня обсуждение вопроса о созыве интернационального коммунистического съезда» («Правда» № 16, 24 января 1919 года).

В связи с блокадой пробраться в Москву на съезд удалось далеко не всем делегатам. Отсутствовали представители Итальянской Социалистической партии и ряда оппозиционных групп Франции, Великобритании и Америки. Второй делегат от Германии Е. Левине был арестован на германской границе. С огромными лишениями, часто на буферах вагонов, добрались представители Германии, Финляндии и позднее, уже во время работ конгресса, представители Австрии.

1 марта 1919 г. состоялось предварительное совещание (Ленин

Зиновьев, Эберлейн (Альберт), Сирола, Рейнштейн, Клингер и др.), наметившее время открытия и порядок дня конференции. Германский делегат (Г. Эберлейн) высказался против немедленного основания Интернационала и настаивал на том, чтобы съезд конституировался лишь как «подготовительная конференция к учредительному конгрессу». Старания Ленина в личных беседах переубедить Эберлейна не увенчались успехом, так как он был связан данными ему членами Ц. К партии — Р. Люксембург и Л. Иогихесом (Тышко) — директивами поддерживать III Интернационал, но возражать против его немедленного основания. При таких условиях совещание, по предложению Ленина, сочло невозможным принять постановление об учреждении III Интернационала и решило объявить съезд конференцией, которая выработает платформу и изберет Бюро.

Всего на конгрессе присутствовал 51 делегат (с решающим голосом — 35). Были представлены следующие коммунистические и левосоциалистические партии, группы и организации: с решающим голосом — Российская Коммунистическая партия (большевиков) (5 голосов), Коммунистическая партия Германии (5 голосов), Американская Социалистическая Рабочая партия (5 голосов), Циммервальдское левое крыло Франции (5 голосов), Коммунистическая партия Немецкой Австрии (3 голоса), Коммунистическая партия Венгрии (3 голоса), Шведская левая с.-д. партия (3 голоса), Норвежская с.-д. партия (3 голоса), Швейцарская с.-д. партия (оппозиция) (3 голоса), Балканская Революционная Федерация (Болгарские тесняки и Румынская Коммунистическая партия) (3 голоса), Коммунистическая партия Польши (3 голоса), Коммунистическая партия Финляндии (3 голоса); Коммунистическая партия Украины (3 голоса), Коммунистическая партия Латвии (1 голос), Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (1 голос), Коммунистическая партия Эстляндии (1 голос), Армянская Коммунистическая партия (1 голос), Коммунистическая партия немецких колоний в России (1 голос), Объединенная группа восточных народов России (1 голос) и с совещательным голосом: Английская, Французская, Швейцарская, Чешская, Болгарская и Юго-Славянская коммунистические группы, Голландская с.-д. группа; Американская лига социалистической пропаганды, Туркестанская, Турецкая, Грузинская, Азербайджанская и Персидская секции Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока; Китайская Социалистическая Рабочая партия, Корейский рабочий союз и Циммервальдская комиссия. Представителями от Р. К. П. (б.) были: Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и Чичерин и с совещательным голосом — Воровский и Осинский.

Съезд открылся 2 марта в 5 час. вечера в Кремле вступительной речью Ленина. В президиум были избраны: Ленин, Эберлейн и Платтен. Платтен ознакомил делегатов с решением предварительного совещания по вопросу о характере съезда и огласил внесенное (германским делегатом) предложение считать собрание только конференцией, которая должна поставить себе задачей созвать в ближайший срок настоящий, более многочисленный конгресс, на котором должен окончательно конституироваться III Интернационал. Г. Зиновьев присоединился к этому предложению, подчеркнув в то же время, что Р. К. П. (б.) стоит на той точке зрения, что момент формального основания III Интернационала вполне созрел. После аналогичного заявления со стороны представителя Финляндской Коммунистической партии, съезд постановил заседать как международная конференция. Затем была избрана мандатная комиссия и утвержден следующий порядок дня: 1) Конституирование III Интернационала, 2) Доклады, 3) Платформа Международного Коммунистического конгресса — Эберлейн, Бухарин, 4) Буржуазная демократия и пролетарская диктатура — Ленин, Рахья, 5) Бернская конференция и отношение к социалистическим течениям — Платтен, Зиновьев, 6) Международное положение и политика Антанты — Осинский, Платтен, 7) Манифест — Троцкий, 8) Белый террор —

Сирола, 9) Выборы бюро и различные организационные вопросы. После этого были заслушаны доклады с мест: Эберлейна (Германия), Зиновьева, Сиролы (Финляндия), Штанге (Норвегия), Рейнштейна (Америка), Руднянского (Венгрия), Кашер (Швейцария), Троцкого и Ретгерса (Голландия) и принято приветствие Красной армии.

Второе заседание (3 марта) началось предварительным докладом мандатной комиссии, предложившей конференции принять в отношении представительства партий деление их на 3 категории: страны большие (5 голосов), средние (3 голоса) и малые (1 голос). Предложение было принято конференцией. После докладов с мест: Раковского (Балканская федерация), Скрыпника (Украина), Садуля (Франция) и Файнберга (Англия) было приступлено к обсуждению платформы Коммунистического Интернационала, с докладами о которой выступили Эберлейн и Бухарин. В прениях высказались: Ретгерс, Куусинен (Финляндия) и Грубер (Нижняя Австрия), после чего заседание было закрыто.

Третье заседание (4 марта) открылось выступлением Рейнштейна, поставившего вопрос о необходимости завоевания и революционизирования старых профсоюзов. В противоположность Бухарину, обошедшему этот вопрос, Рейнштейн предлагал конференции обратиться к пролетариям всех стран с призывом придать профессиональному движению революционный характер. После выступления Кашер, присоединившейся к точке зрения Рейнштейна, и заключительного слова т. Эберлейна тезисы докладчиков были приняты единогласно при 1 воздержавшемся (Штанге — Норвегия). Поправку Рейнштейна о профсоюзах, после обсуждения ее в комиссии резолюций, решено было передать в Бюро Исполнительного Комитета, для применения «в отдельных странах». В этом решении сказалась недооценка большинством конгресса значения необходимости завоевания старых организаций рабочего класса. Затем конференция перешла к основному вопросу — заслушанию тезисов и доклада Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Тезисы Ленина, с которыми конференция выражала свою полную солидарность, решено было передать Бюро для распространения их во всех странах. Кроме того, по предложению Ленина, было принято дополнение к тезисам (см. наст. том, стр. 21). После этого, в связи с прибытием на конгресс новых делегатов, от имени Коммунистической партии Немецкой Австрии, левой с.-д. партии Швеции, с.-д. революционной рабочей Балканской федерации и Коммунистической партии Венгрии поступило предложение об основании III, Коммунистического Интернационала. За исключением Эберлейна, все выступавшие делегаты (Зиновьев, Балабанова, Гримлунд, Рахья, Раковский, Садуль, Грубер и Файнберг) отстаивали своевременность и необходимость немедленного основания III Интернационала. Эберлейн, связанный соответствующим мандатом Ц. К. Коммунистической партии Германии, попрежнему ссылался на слабость мирового коммунистического движения и настоятельно предостерегал конференцию от немедленного основания III Интернационала. В результате прений предложение об основании Коммунистического Интернационала и о конституировании I конгресса Коммунистического Интернационала было принято всеми голосами при 5 воздержавшихся (голоса́ Коммунистической партии Германии, представленной Эберлейном). Конференция, таким образом, продолжала свою работу уже как I конгресс Коммунистического Интернационала. В этот же день, по заявлению участников Циммервальдского объединения, подписанного Раковским, Лениным, Зиновьевым, Троцким и Платтеном (см. «Документы и материалы», стр. 681), было единогласно принято решение «считать Циммервальдское объединение ликвидированным».

На четвертом заседании (5 марта) были заслушаны доклады Платтена и Зиновьева о Бернской конференции и об отношении к различным течениям в социализме. По предложению Ленина, резолюция по этому

вопросу, а также проекты резолюции о тактике и воззвания «К рабочим всех стран» с требованием невмешательства Антанты во внутренние дела России, были переданы в редакционную комиссию. В нее же были переданы для «точного рассмотрения» и тезисы доклада Осинского «О международном положении и политике Антанты». В конце заседания с небольшой речью выступил представитель Китайской Социалистической Рабочей партии.

На последнем, пятом, заседании конгресса (6 марта), после доклада мандатной комиссии, был оглашен текст «Манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», в котором давалась характеристика послевоенного кризиса капитализма и констатировалось, что «империалистическая война, противопоставлявшая нацию нации, перешла и переходит в гражданскую войну, противопоставляющую класс классу». Заканчивался манифест словами: «Под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, — пролетарии всех стран, соединяйтесь!». После зачтения резолюции о белом терроре в Финляндии конгресс, по предложению Ленина, почтил вставанием память жертв белого террора. Затем, по докладу Платтена о работе комиссии резолюций, конгресс утвердил платформу Коммунистического Интернационала, резолюцию об отношении к социалистическим течениям и к Бернской конференции (см. «Документы и материалы», стр. 682 — 691), тезисы о международном положении и политике Антанты и Манифест Коммунистического Интернационала. Конгресс кроме того присоединился к резолюции Японской Социалистической партии, протестовавшей против посылки японских войск в советскую Россию, к воззванию «К рабочим всех стран» и к предложению А. Коллонтай о необходимости привлечения пролетарских женских сил к коммунистической партии. По организационному вопросу конгресс, по предложению комиссии, высказался за создание двух руководящих органов — Исполнительного Комитета, который должен быть составлен из представителей России, Германии, Немецкой Австрии, Венгрии, Балканской Федерации, Швейцарии и Скандинавии, и Бюро, избираемого в количестве 5 человек из состава Исполнительного Комитета (см. «Первый конгресс Коммунистического Интернационала». Протоколы. П. 1921, стр. 189 — 190). Выработку устава нового Интернационала решено было отложить до следующего конгресса. Конгресс закрылся днем 6 марта заключительной речью Ленина.

Вечером того же дня в ознаменование основания Коммунистического Интернационала в Большом театре состоялось торжественное заседание В.Ц.И.К., Моссовета, М. К. Р. К. П. (б.) и В. Ц. С. П. С. совместно с делегатами конгресса и представителями рабочих организаций. На заседании с большой речью выступил Ленин (см. наст. том, стр. 27 — 31) и иностранные делегаты: Эберлейн, Гильбо, Платтен, Ретгерс, Гримлунд и Грубер. В принятой резолюции собрание полностью присоединилось к Манифесту Коммунистического Интернационала и призвало пролетариат всего мира к борьбе за социализм. Следующий день, 7 марта, был объявлен праздничным днем. В этот день на Красной площади состоялся парад Красной армии, а вечером во всех районах происходили митинги. 8 и 9 марта часть делегатов конгресса выступала на Ленинградской общегородской конференции Р.К.П. (б.) и на торжественном заседании Петроградского Совета, посвященном созыву I конгресса Коммунистического Интернационала (см. прим. 28). 13 марта в Народном Доме в Петрограде состоялся огромный митинг в честь III Интернационала, на котором выступал, находившийся в то время в Петрограде, Ленин (см. наст. том, стр. 45 — 50). — 1.

²) *Shop Stewards Committees (Комитеты фабричных старост) в Англии* — выборные рабочие организации, получившие особенное развитие во время войны, в противовес соглашательским трэд-юнионам, проводившим политику гражданского мира и отказа от стачечной борьбы. Институт

фабричных старост издавна существовал во многих производствах (у машиностроителей, печатников, углекопов). Обязанности старост сводились к поддержанию связи с профсоюзами, наблюдению за правильностью поступления членских взносов, проверке членских книжек у поступающих на работу, отчасти — к профессиональной пропаганде среди неорганизованных рабочих. В некоторых случаях, например, на предприятиях металлопромышленности, старосты образовывали рабочие комитеты, функции которых ограничивались производственными и культурными задачами. В годы войны, приведшей к еще большему отрыву профсоюзных верхушек от масс, старосты получили решающее значение, встав на защиту интересов и требований рабочих масс. Во время стачки машиностроителей округа Клайд, в январе 1915 г., во главе ее встали не «законные» профсоюзные организации, а местные фабричные старосты, объединившиеся в комитет старост или рабочий комитет округа Клайд. Комитет продолжал существовать и после стачки, объединяя около 45 тыс. рабочих и выдвинув затем лозунг рабочего контроля над промышленностью.

Клайдская стачка положила начало широкому движению рабочих комитетов, вскоре охватившему Шотландию и Англию. В это время комитеты не только руководили стачечной борьбой, но и вели пропаганду против войны. Особенно широко движение комитетов развернулось под влиянием известий о революции в России, усилившей его политический характер. В августе 1917 г. в Манчестере состоялась многолюдная общенациональная конференция рабочих комитетов, избравшая Национальный комитет для руководства работой всей сети сложившихся к тому времени комитетов. Конференция следующим образом определила задачи рабочих комитетов: «Борьба за социальную революцию и овладение средствами производства, контроль над производством и организация рабочих на чисто-классовых основах для борьбы до полной победы». В качестве организационного принципа выдвигался — в противоположность трэд-юнионистскому — принцип производственный, уничтожавший цеховые перегородки внутри мастерских. В дальнейшем деятельность комитетов и старост протекала в борьбе за заработную плату и рабочий день, в борьбе против увеличения налогов, в разрешении бытовых вопросов и — по политической линии — в установлении связи с политическими организациями, в первую очередь — с Британской Социалистической партией. В 1919 г. рабочие комитеты устраивали многолюдные митинги, на которых выносились резолюции с требованием увода английских войск и признания Советской России. В 1920 — 1921 г.г., вследствие ряда неудачных стачек (в том числе громадной стачки горняков в 1921 г.), руководимых рабочими комитетами, и безработице, авторитет рабочих комитетов стал падать, ряды активных рабочих редеть, и движение пошло на убыль. Рабочие комитеты и старосты стали на почву своей легализации, превратившись в простые придатки профсоюзного аппарата. — Б.

[8]) *Январская борьба в Германии* — стихийное выступление германского пролетариата в Берлине, Бремене, Куксгафене и др. городах в январе 1919 года. Особенно значительным было восстание берлинских рабочих (5 — 15 января), поводом к которому послужило смещение шейдемановским правительством начальника берлинской полиции левого независимца Э. Эйхгорна. Этот акт явился прямым вызовом берлинскому пролетариату, ответившему на него, по призыву революционных старост, Ц. К. союза избирателей независимых с.-д. Берлина и Ц. К. Коммунистической партии Германии, грандиозной демонстрацией 5 января. К вечеру демонстранты заняли редакции и типографии буржуазных газет, а также здание социал-демократического «Форвертса». Эйхгорн отказался повиноваться приказу правительства. Вечером собрание революционных старост, членов правления берлинской организации независимых и двух членов Ц. К. Коммунистической партии Германии — К. Либкнехта

и В. Пика, действовавших в силу недостаточной связи с Ц. К. против линии его большинства, — призвало берлинский пролетариат к всеобщей забастовке и свержению правительства. Во главе Временного Революционного Комитета стали К. Либкнехт, Г. Ледебур (независимый) и П. Шольце (независимый). Они же были намечены и в состав нового революционного правительства. Хотя подавляющий перевес сил был на стороне восставших, но им недоставало революционной партии, которая, опираясь на волю масс к бою, овладела бы «искусством восстания» и практически его провела. 6 января, в самый решительный момент восстания, Ц. К. Независимой социал-демократической партии, левые представители которой составляли подавляющее большинство среди революционных старост, призвавших 5 января рабочих к восстанию, стал на путь переговоров с правительством. Последнее пошло на них и, подготовив необходимую военную силу, оборвало их. 11 января Носке вступил в Берлин, применив против восставших все виды современного оружия и расстреливая сдавшихся в плен. 14-го кварталы Берлина были заняты дивизией генерала Гофмана. В разгар белого террора шейдемановским правительством были арестованы и убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург.

Разгромив январское выступление пролетариата и уничтожив лучших его вождей, шейдемановцы запугали мелкую буржуазию призраком «гражданской войны» и обеспечили победу буржуазных партий на выборах в Национальное Собрание. — *6*.

[4]) Повидимому, здесь имеет место не совсем правильная запись речи, и в действительности Ленин ссылался на следующую телеграмму, напечатанную в «Правде»: «Берлин, 24 февраля (через Вильну). Лондонская газета «Дейли Телеграф» сообщает, что английское правительство уведомило Совет Рабочих Депутатов в Бирмингаме о своей готовности признать Советы в качестве хозяйственных организаций и вступить с ними в переговоры» («Правда» № 48, 2 марта 1919 года). Возможно также, что в газете «Daily Telegraph» (комплекта ее за 1919 г. в распоряжении редакции Сочинений не оказалось) речь шла не о Бирмингамском Совете, а о комитете фабрично-заводских старост. По крайней мере Файнберг, делегат I конгресса Коммунистического Интернационала, в своем докладе говорил о Бирмингамском комитете фабрично-заводских старост. «То обстоятельство, — заявил он, — что Ллойд-Джордж выразил согласие признать Бирмингамский комитет как экономическую организацию, доказывает, что Shop Stewards Committees (комитеты фабричных старост. *Ред.*) сделались постоянным фактором британского рабочего движения. В Shop Stewards Committees, в рабочих комитетах и в национальных конференциях Shop Stewards Committees мы имеем уже организацию, сходную с теми, на которых базируется Советская республика» («Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы заседаний в Москве». П. 1921 г., стр. 69). — *6*.

[5]) *Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата* были написаны Лениным, вероятно, за несколько дней до открытия конгресса и по-русски, что видно из записки Ленина от 2 марта на имя И. Лоренца с просьбой «срочно перевести прилагаемые тезисы на немецкий язык» (архив Института Ленина, документ № 2474). По словам Лоренца, тезисы переводились в течение всей следующей ночи. Из протоколов конгресса видно, что они были розданы делегатам на русском и немецком языках. По желанию конгресса Ленин, выступая с докладом, предварительно зачитал свои тезисы. Так как заседания конгресса происходили на немецком языке, то зачитан им был немецкий перевод их, который затем был воспроизведен в вышедшем в 1920 г. первом издании протоколов конгресса на немецком языке. При переиздании в 1921 г. протоколов конгресса на русский язык были, повидимому, переведены обратно с немецкого языка на русский и тезисы, чем и объясняется стилистическое отличие текста их в этих протоколах от текста, напечатанного в «Правде» (№ 5,

6 марта 1919 г.) и в «Коммунистическом Интернационале» (№ 1, май 1919 г.). Оба последних текста, за исключением 2—3 несущественных мест, полностью совпадают. Следует отметить, что в 3-м издании первого № «Коммунистического Интернационала», вышедшего в том же году, в тезисы включен и текст резолюции, принятой конгрессом по предложению Ленина (см. наст. том, стр. 21), за исключением первого ее абзаца. В настоящем издании тезисы даются по «Правде», где они впервые были напечатаны, и, повидимому, с рукописи Ленина, до сих пор не обнаруженной. — 7.

[6]) *Бернская международная социалистическая конференция* — первая послевоенная конференция социал-шовинистических и центристских партий, происходившая с 3 по 10 февраля 1919 г. и явившаяся «первой попыткой гальванизировать труп II Интернационала». На конференции присутствовало 96 делегатов, в том числе представители Независимой с.-д. партии Германии с К. Каутским во главе. Все коммунистические партии, Итальянская, Швейцарская, Болгарская, Румынская и Сербская Социалистические партии, левые социалистические партии и группы Швеции, Норвегии и Финляндии, Латышская и Польская с.-д. партии, Интернационал Молодежи, Женский Интернационал и ряд других действительно революционных групп и организаций, для которых ясен был социал-патриотический характер конференции, отказались участвовать в ней. Итальянский представитель О. Моргари опубликовал письмо, в котором отмежевался от линии Бернской конференции и отказался участвовать на ней в качестве делегата. С не менее резким письмом обратился к конференции и участник ее французский делегат Ф. Лорио, обвинивший конференцию в желании присоединить волю «Интернационала» к буржуазной вильсоновской демократии, солидарной с политикой американских миллиардеров (см. «Коммунистический Интернационал» № 1, май 1919 г., стр. 71).

В порядке дня конференции стояли вопросы: 1) Лига Наций и общая политика, 2) Территориальный вопрос, 3) Международное рабочее законодательство и 4) Дальнейшее направление работ конференции.

Однако непосредственно после открытия конференции, по предложению французского социал-патриота Альбера Тома, на обсуждение конференции был поставлен вопрос о виновниках войны и об отношении к русской революции. Выступление Альбера Тома по первому вопросу имело в виду немецких социал-демократов большинства и ставило вопрос об их исключении из рядов Интернационала. После четырехдневных прений и бурных споров между французскими и немецкими делегатами, взаимно пытавшимися перенести ответственность за войну на правительство чужой страны и за распад II Интернационала — на социалистов враждебной страны, вопрос был передан в комиссию под председательством Брантинга, выработавшую компромиссную резолюцию в духе «взаимной амнистии». Принятая всеми против одного (Мильо — Франция) резолюция констатировала, что для «конференции вопрос о непосредственной ответственности за войну вполне выяснен как благодаря дебатам, так и вследствие декларации германского большинства, выявившего революционный дух новой Германии и полный разрыв последней с ответственным за войну старым режимом».

Не менее страстные прения вызвал также вопрос об отношении к русской революции, постановкой которого вожди II Интернационала пытались добиться осуждения большевизма и пролетарской революции в Советской России, чтобы тем самым развязать руки Антанте в подготовлявшейся ею интервенции. Брантинг сделал доклад о демократии и диктатуре и предложил от имени комиссии резолюцию, в которой после лицемерного приветствия русской, австро-венгерской и германской революциям, заявлялось, что «так как действительно социалистическое раз-

витие возможно лишь в полной связи с демократией, то уже с самого начала следует отказаться от методов обобществления, не имеющих шансов привлечь на свою сторону большинство народа. Еще опаснее была бы каждая попытка осуществления такой диктатуры, которая опирается только на часть пролетариата. Это может только привести к истреблению пролетариата в гражданской войне и, в заключение, к диктатуре реакции» (И. Браславский. «Материалы по истории I и II Интернационалов». Новая Москва. 1926 г., стр. 376). Резолюцией, направленной таким образом против Октябрьской революции, предлагалась кроме того посылка в Россию комиссии из представителей всех социалистических направлений для изучения на месте экономического и политического положения России и подготовки вопроса о большевизме к будущему конгрессу. С исключительно враждебными речами в прениях выступили П. Аксельрод и И. Рубанович (эс-эр), а также независимые Э. Бернштейн и К. Каутский, требовавшие немедленного осуждения большевизма. Однако на конференции образовалась из центристских элементов, сохранивших еще известную связь с рабочим движением, довольно сильная оппозиция (Фр. Адлер, Лонге, Лорио и др.), привлекшая на свою сторону почти половину делегаций и голосовавшая против предложенной резолюции, по существу оправдывавшей интервенцию. Выдвинутая этим меньшинством резолюция высказывалась «против какого бы то ни было отношения к положению дел в Советской России», из-за отсутствия достаточных данных для суждения об этом. «Мы достоверно знаем, — заявляло меньшинство, — лишь то, что позорная кампания лжи… продолжается и сейчас с неослабевающей силой по отношению к русской Советской республике. При суждении о политических движениях мы не желали быть жертвой официального клеветничества. Но мы также не можем, к сожалению, полагаться только на доклад присутствующих русских товарищей, которые представляют лишь меньшинство русского пролетариата» (И. Браславский. «Материалы», стр. 377). Но даже эта, стоявшая на чисто-формальной позиции резолюция, за которую голосовало большинство французской делегации, половина немецко-австрийской, голландская, испанская, норвежская, ирландская и один греческий делегат, была отклонена конференцией, большинство делегаций которой приняло оглашенную Брантингом резолюцию и посылку в Россию особой комиссии (о судьбе комиссии см. прим. 20).

По вопросу о Лиге Наций конференция признала образование Лиги Наций единственным выходом и предотвращением новых международных конфликтов. «Лига — говорилось в принятой резолюции — сможет сильнее развиваться и осуществлять великие задачи, стоящие перед ней, при условии, что международный пролетариат со всей своей силой станет на ее сторону и будет толкать ее вперед» (там же, стр. 378). Конференция устанавливала лишь представительство образованных на основе самоопределения государств не от правительств, а от всех партий, входящих в парламент.

По колониальному вопросу конференция приняла резолюцию Каутского, признававшую эксплуатацию колоний неизбежной и нуждающейся лишь в смягчении. Спорные вопросы территории конференция предлагала решать плебисцитом под контролем Лиги Наций, которой должно принадлежать право окончательного решения вопроса. Наконец, по вопросу о международном рабочем законодательстве была выработана программа международной охраны труда, которую конференция через особую делегацию представила мирной Парижской конференции. Делегация была торжественно принята самим Клемансо, предложившим ей принять участие в соответствующих комиссиях конференции, в результате чего Альбер Тома вошел в Международное Бюро Труда, созданное Лигой Наций по инициативе Вильсона.

Для контроля за исполнением принятых конференцией постановлений была избрана комиссия во главе с Исполнительным Комитетом

(Брантинг, Гендерсон и Гюисманс). Комиссия должна была предпринять все необходимые шаги для восстановления II Интернационала.

Бернская конференция, убийственная характеристика работ которой дана в резолюции I конгресса Коммунистического Интернационала (см. «Документы и материалы», стр. 689 — 691), носила ярко выраженный социал-шовинистический характер и целиком стояла на позиции служения интересам буржуазии и борьбы с пролетарской революцией. — 7.

[7]) Ленин имеет в виду следующее место из помеченного 18-м марта 1891 г. предисловия Энгельса к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» Маркса: «Государство есть не что иное, как орудие угнетения одного класса другим; это относится к демократической республике не менее, чем к монархии» (К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870 — 1871 г.г.).». С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург. 1917 г., стр. 12). — 8.

[8]) Эти слова взяты Лениным из следующего места посвященной анализу исторического значения Парижской Коммуны брошюры Маркса «Гражданская война во Франции»: «... Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю». Этот Ленинский перевод несколько отличается от его же перевода на стр. 41 в брошюре: К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870 — 1871 г.)». С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Изд. «Прибой». Петербург. 1917 г. — 8.

[9]) *Räte-System (Система Советов) в Германии* — возникла во время ноябрьской революции 1918 г. по образцу российских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Первый Солдатский Совет был организован 3 ноября в Киле восставшими матросами. 5 ноября организовались Советы Рабочих Депутатов в Киле, Гамбурге и Любеке. В течение ближайших дней вся Германия покрылась сетью Рабочих и Солдатских Советов. Массы стихийно строили свои революционные организации, но вследствие неправильной тактики спартаковцев и левых независимых, возлагавших все надежды на стихийную революционность масс и отказавшихся от борьбы за влияние внутри Советов, Берлинский Совет, как и значительное большинство местных Советов, с самого начала оказался в руках шейдемановцев. На первом же заседании Берлинского Совета, 10 ноября, было выбрано Временное Правительство (Совет Народных Уполномоченных) из с.-д. Эберта, Шейдемана и Ландсберга и независимых Гаазе, Дитмана и Барта. В избранный затем Исполнительный Комитет вошло 12 представителей от рабочей (6 социал-демократов и 6 независимых) и 12 от солдатской части Совета (от тех же двух партий); Либкнехт и Люксембург отказались войти в его состав.

16 — 25 декабря состоялся I Всегерманский съезд Советов, на котором большинство оказалось за социал-демократической партией (из 487 мест ей принадлежало 289). При обсуждении порядка дня было отклонено предложение о приглашении в качестве гостей Р. Люксембург и К. Либкнехта. В поименном голосовании Съезд отверг 344 голосами против 98 предложение левого независимого Деймига об установлении советской системы и постановил (19 декабря), что «впредь до созыва Национального Собрания законодательная и исполнительная власть передается Совету Народных Уполномоченных». За Центральным Комитетом Советов сохранялось право «парламентского контроля» (см. Р. Мюллер. «Мировая война и германская революция», изд. «Недра». М. 1925 г., т. II, стр. 296). Тем самым Советы, вопреки требованию рабочих делегаций, отказались

от власти, передав ее шейдемановцам. Кроме того съезд принял решение о назначении выборов в Национальное Собрание на 19 января 1919 г., что по существу было решением о самоликвидации Советов в пользу «регулярно действующего» Национального Собрания.

Во время январских боев 1919 г. (см. прим. 3) Советы проявили себя как революционная сила из крупных центров только в Бремене, где руководство принадлежало коммунистам во главе с Иоганном Книфом, и в немногих других городах (Куксгафен, Брауншвейг). В Берлине же коммунисты не имели даже своей фракции в Совете, и там революционной массовой организацией оставалось собрание революционных старост, возникшее еще во время войны.

С открытием в феврале 1919 г. Национального Собрания Советы, вследствие политики шейдемановцев и независимых, направленной против превращения их в органы государственной власти, начинают играть все меньшую роль. Происходивший в апреле II Всегерманский съезд Советов (см. прим. 100) представил собою картину глубокого их развала. Выдвинутая независимыми Г. Штребелем и Р. Гильфердингом идея соединения системы Советов с Национальным Собранием была скоро заимствована у них социал-демократами большинства. Насколько эта теория была выгодна в ту пору буржуазии, можно судить по статье барона фон-Швейнсберга, писавшего в с.-д. «Форвертсе»: «Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы «вся власть Советам», то нам остается только одно: мы должны сами дать германскому рабочему разумную советскую систему — такую систему, при которой Советы были бы второй палатой рядом с Национальным Собранием...» («Vorwärts» № 207, 24 апреля 1919 года). В соответствии с этой линией шейдемановцев и правых независимых в Веймарскую конституцию была введена 165 статья, являющаяся контр-революционной буржуазной карикатурой на систему Советов (см. прим. 140). «Узаконенные» таким образом шейдемановские рабочие Советы к концу 1919 г. мирно прекратили свое существование. — 13.

[10]) Это обращение независимых: «An das revolutionäre Proletariat Deutschlands» («К революционному пролетариату Германии») от имени партийного руководства и фракции независимых в Национальном Собрании подписали: Лоре Агнес, Бок, Брасс, Брюль, Оскар Кон, Диттман, Дювель, Эйхгорн, Фридрих Гейер и Курт Гейер, Гаазе, Генке, Гофер, Анна Гюблер, Кенен, Кюнерт, Лаукант, Мергес, Рауте, Сегер, Симон, Венгельс, Вурм, Луиза Циц и Цубейль.

В нем партия «независимых», представители которой до конца декабря входили в Совет Народных Уполномоченных, вся деятельность которого была направлена на подавление развивающейся пролетарской революции, должна была признать, что спустя 3 месяца после ноябрьской революции германский пролетариат отстоит от осуществления социалистического порядка дальше, чем раньше, что вожди правых социалистов, «никогда не обладавшие мужеством для ведения социалистической политики», полностью подчинились буржуазно-милитаристическому влиянию и тем сделали невозможной дальнейшую совместную работу с ними независимых, что во имя «порядка, спокойствия и безопасности» Эберт, Шейдеман, Носке и Ландсберг вооружают офицеров, студентов и буржуазию против рабочих. «Правительство, — заявляли независимые — из всех сил старается устранить носителей и хранителей революции: Рабочие и Солдатские Советы. В этом оно подчиняется приказу капиталистов и генералов. Еще 23 ноября правительство заключило соглашение с тогдашним Ц. К. Рабочих и Солдатских Советов, в котором торжественно провозглашалось: «Политическая власть находится в руках Рабочих и Солдатских Советов германской социалистической республики. Задачей их является удержание и дальнейшее развитие завоеваний

революции, также борьба с контр-революцией». Теперь же не должно больше ничего остаться от системы Рабочих и Солдатских Советов. Задача пролетариата — расстроить это наступление. Рабочие Советы хозяйственно необходимы для создания демократии в предприятиях. Они должны получить законные права, которые должны в будущем внедрить их в хозяйственную жизнь, как носителей социально-политических задач, как контрольную инстанцию в управлении предприятиями и как орган для осуществления социализации.

Рабочие Советы должны быть сохранены также для наблюдения за бюрократией и представительными органами в общине, государстве и стране. Точно также необходимы Солдатские и Матросские Советы для того, чтобы сдерживать дух милитаризма и обеспечить демократию в войске.

Нельзя допустить, чтобы рабочие были оставлены без защиты на произвол реакционных махинаций. Это тем менее возможно, что экономические привилегии класса капиталистов сохраняются и противодействуют демократизации и социализации. Мы требуем поэтому для носителей и хранителей революции — Рабочих и Солдатских Советов — закрепления политических гарантий в конституции. Центральный Комитет Рабочих и Солдатских Советов должен получить право протеста в отношении постановлений Национального Собрания, с тем, чтобы окончательное решение принималось общенародным голосованием. Дабы обеспечить продолжение революции вплоть до осуществления социализма, Ц. К. Рабочих и Солдатских Депутатов должен далее получить право самостоятельного внесения законопроектов в Национальное Собрание. Эти гарантии необходимы для того, чтобы окончательно передать в руки всего народа решение относительно его будущего...» («Die Freiheit» № 71, 11 февраля 1919 года).

Это обращение, названное Лениным в другом месте «комичнейшим» (см. наст. том, стр. 252), как нельзя более ярко характеризует бесхарактерную, трусливую и колеблющуюся позицию независимых, не переставших твердить об «углублении» революции, в действительности же боявшихся и не понимавших диктатуры пролетариата.

О Независимой с.-д. партии см. XIX том Сочинений, прим. 71.

«Die Freiheit» («Свобода») — ежедневная газета, центральный орган Независимой с.-д. партии Германии. Первый № вышел 15 ноября 1918 года; редактировалась Р. Гильфердингом. В числе сотрудников были: К. Каутский, А. Штейн, Луиза Циц, проф. К. Баллод (Атлантикус), Г. Штребель, Р. Брейтшейд, Э. Бернштейн, Э. Вурм, Г. Гаазе, Г. Ледебур и др. Газета выходила в двух изданиях — утреннем и вечернем и давала «приложения» с отчетами о заседаниях съездов Советов, партейтагов и пр. В октябре 1922 г., после слияния остатков Независимой с.-д. партии Германии с Объединенной с.-д. партией, газета прекратила свое существование. — **15.**

[11]) Ленин имеет в виду следующее место из названной брошюры Каутского: «...Советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решительных битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу.

Но вправе ли мы требовать от Советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской (по новому стилю. *Ред.)* революции 1917 г. приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах Рабочих Депутатов, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, который был до сих пор *боевой организацией* одного *класса*, сделать *государственную организацию*. Они уничтожили демократию, которую русский народ завоевал в мартовской (по новому стилю. *Ред.*) революции. Собственно поэтому большевики перестали называться *социал-демократами*. Они называют себя *коммунистами*.

(K. Kautsky. «Die Diktatur des Proletariats». Wien 1918. Ignaz Brand et C°, стр. 33; русский перевод (мало удовлетворительный): К. Каутский. «Диктатура пролетариата». Екатеринославское книгоиздательство «Наука». 1919 г., стр. 40). Приведенное рассуждение Каутского, содержащее в себе «полное забвение самых основ марксизма о государстве», разобрано Лениным в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (см. XXIII том Сочинений, стр. 357—362).

Что касается №№ газеты «Freiheit» от 11 ноября и 12 января со статьями Каутского, на которые ссылается Ленин, то здесь, очевидно, допущена ошибка в записи речи, так как «Freiheit» начала выходить лишь с 15 ноября 1918 г., в № же газеты от 12 января никакой статьи Каутского нет. Возможно, что Ленин говорил о длиннейшей статье Каутского «Nationalversammlung und Räteversammlung» («Национальное Собрание и Съезд Советов»), напечатанной в двух номерах «Freiheit» от 5 и 6 декабря. В ней Каутский доказывал, что и при строительстве нового порядка классовая борьба не прекращается, «и как необходим центральный парламент, который скрепляет государство, заботится о законодательстве и контролирует центральную исполнительную власть», так необходимы и рабочие Советы, которые «призваны охранять классовые интересы пролетариата» («Freiheit» №№ 35 и 37, 5 и 6 декабря 1918 г.).—16.

[12]) Статья Р. Гильфердинга «Die Einigung des Proletariats» («Единение пролетариата») была напечатана в № 71 «Freiheit». Констатируя в ней обострение противоречий между социалистическими партиями, восстановление низвергнутого милитаризма, буржуазный характер коалиции и все бо́льший отход с пути социализма «право-социалистического руководства, представители которого в действительности не верят в социализм», Гильфердинг, один из лидеров партии, которая разделяла власть с шейдемановцами, главную вину за создавшееся положение возлагал на социал-демократов большинства. Но часть вины, по его мнению, несет и рабочий класс, не «умевший взять в свои руки свою судьбу». Выход — только в объединении пролетариата, могущем создать почву «для иной, настоящей социалистической политики».

В заключение автор в качестве основы для такого движения к объединению намечал целую программу ближайших требований, в том числе:

«...Поддержание и развитие системы Советов, права которых должны быть определены Собранием. Наряду с хозяйственными функциями рабочие Советы получают нижеследующие политические задачи: делегаты рабочих Советов ежегодно собираются на конгресс, избирающий из своей среды Центральный Совет. Последний имеет право: рассматривать законопроекты до внесения их в Национальное Собрание, вносить самостоятельно законопроекты в Национальное Собрание, при отклонении Национальным Собранием внесенных законопроектов, побуждать правительство к проведению референдума. Центральный Совет получает далее право отсрочивающего «вето» в отношении постановлений Национального Собрания. В результате такого протеста закон должен быть подвергнут референдуму («Freiheit» № 71, 9 февраля 1919 года).—16.

[13]) Систематическая кампания развенчивания и травли Советов со стороны бывшего большинства их — меньшевиков и эс-эров — началась после того, как в течение сентября большевики получили большинство в Петроградском, Московском и в ряде провинциальных Советов. Так, московский меньшевистский «Вперед» в передовой «Вся власть Учредительному Собранию» писал: «Большевистский лозунг: «Вся власть Советам», вредный сам по себе, так как он основан на ложном преувеличении сил Советов, — становится вдвойне вредным и опасным сейчас, выдвигаемый накануне выборов в Учредительное Собрание... Хотят этого большевики или нет, но их лозунг «Вся власть Советам» поневоле превращается в лозунг, враждебный тому, за который десятилетиями боролась демократия

России. Вся власть Учредительному Собранию!» («Вперед» № 173, 17 (4) октября 1917 года).

Незадолго до Октябрьского переворота официальный орган Советов «Известия», выражавший тогда мнение меньшевиков и эс-эров, писал в статье «Кризис советской организации»: «...Сеть советских организаций во многих местах прорвалась, в других ослабела, в третьих — подгнила...» «Советы—временные бараки», которые пора покинуть, чтобы переселиться «в постоянное каменное здание нового строя» («Известия Ц. И. К.» № 195, 25(12) октября 1917 года). А вскоре после завоевания власти большевиками центральный орган Р. С.-Д. Р. П. (объединенной) в передовой «Власть Советов или власть народа» писал: «...Социал-демократия... всегда будет против насильнической власти меньшинства и за свободную власть *большинства;* против «власти Советов» и *за власть народа,* против военной диктатуры и *за полновластное Учредительное Собрание»* («Рабочая Газета» № 212, 27(14) ноября 1917 года).

Только меньшевики из «Новой Жизни», по примеру своих германских коллег боявшиеся и не понимавшие диктатуры пролетариата, высказывались за возможность мирного уживания системы Советов с Учредительным Собранием. Уже накануне разгона Учредилки они в передовой «Учредительное Собрание и Советы» писали: «...Отношение пролетариата к собирающемуся Учредительному Собранию должно быть самое предупредительное и бережное. Вся власть должна быть передана ему безусловно. Советы же должны всячески поддерживать это Учредительное Собрание, помня, что всякое последующее будет только умереннее, ибо Россия — страна крестьянская, а не пролетарская. В свою очередь Учредительное Собрание должно беречь Советы в качестве не органов власти или какого бы то ни было управления, а как боевые организации пролетариата и наименее обеспеченного крестьянства, которые в каждый нужный момент могли бы помочь ему укрепить завоевания революции. Другими словами, Советы должны быть для Учредительного Собрания тяжелой артиллерией на случай того, если бы организующаяся нетрудовая буржуазия попыталась сильно повернуть страну по пути социальной реакции вспять или если бы появилась опасность черносотенной монархической реакции, на которую усердно работает анархо-большевизм» («Новая Жизнь» № 2, 17(4) января 1918 года). — 17.

[14]) Имеется в виду резолюция об обеспечении партийного единства, принятая Всероссийским совещанием Р. С.-Д. Р. П. 31 декабря 1918 г. и опубликованная в № 11 «Газеты Печатников».

На этом совещании, состоявшемся 27 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. в Москве были заслушаны доклады: Л. Мартова, Ф. Дана, Ф. Череванина, С. Семковского, Б. Горева и содоклады меньшевика-«активиста» П. Колокольникова.

Совещание, занявшееся пересмотром «политической идеологии» и тактики меньшевизма, в принятых резолюциях признало начавшуюся пролетарскую революцию на Западе и постановило «выразить свою солидарность с направлением политики Германской Независимой рабочей партии» и добиваться «единого революционного фронта в России путем прекращения гражданской войны между различными частями демократии и пролетариата». Оно, далее, заверяло, что «партия решительно отвергает все планы насильственного низвержения Советской власти, которые, в данной исторической обстановке, неизбежно свелись бы либо к разжиганию междоусобной войны внутри трудящихся классов, либо к прямому содействию силам реакции. По той же причине партия самым категорическим образом отклоняет всякие блоки с партиями имущих классов, а также с теми партиями и группами, хотя бы и демократическими, которые не порвали решительно всякую связь с силами контр-революции и империализма». В вопросе об Учредительном Собрании признавалось, что «в на-

стоящее время лозунг Учредительного Собрания мог быть использован, как знамя и прикрытие прямой контр-революции, и что даже новые выборы, произведенные в такой обстановке, грозили бы сделать Учредительное Собрание не органом революции, а органом контр-революции», а потому партия должна принять «советский строй, как факт действительности, а не как принцип», лишь на время, оставаясь попрежнему сторонницей «демократии». Признавая возможным для членов партии участие в советской работе, но не занятие ими ответственных постов, совещание в то же время требовало: «отказа Советского правительства от борьбы с демократическими правительствами», «свободных выборов Советов», «восстановления свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек» и т. п. (см. «Партийное совещание Р. С.-Д. Р. П.». Резолюции. Москва. 1919, стр. 12 и следующие).

Наконец, в резолюции об обеспечении партийного единства, на которой останавливается в своей речи Ленин, совещание следующим образом характеризовало поведение крупнейших своих организаций в гражданской войне:

«1) Совещание констатирует, что партийные организации Волжско-Уральской области в явное нарушение обще-партийной воли и вопреки указаниям Ц. К. систематически поддерживали политику Комитета Учредительного Собрания, необходимо приведшую в борьбе против большевиков к союзу с явно контр-революционными элементами, что эти организации одобрили вступление бывшего члена Ц. К. т. Майского в состав опирающегося на иностранные штыки правительства, совершенное этим членом Ц. К. в прямое нарушение воли последнего, и что партийная организация приняла участие в деле создания на так называемом Государственном Совещании в Уфе коалиционного правительства (Директории). Совещание констатирует, что всеми этими действиями местные организации партии взяли на себя ответственность перед пролетариатом за всю волжско-сибирскую политику мелко-буржуазной демократии, приведшую в конечном счете к организации военной контр-революции в лице диктатуры Колчака...

Совещание отмечает, что непосредственная ответственность за совершенное в Симферополе падает на Всеукраинский областной центр, Донской и Крымский центры, которые должны были контролировать действия с.-д. фракции на Симферопольском съезде.

2) Совещание констатирует, что на южном земско-городском съезде в Симферополе большинство представленной там с.-д. фракции присоединилось к решению к.-д. и с.-р. большинства съезда, постановляющим организацию обще-государственной власти на основе коалиции с буржуазией и союза с империалистами Согласия.

3) Совещание констатирует, что политика грузинской с.-д., пытавшейся спасти демократический строй и самоуправление Грузии ценой ориентации на иностранную помощь и на отделение от России, поставила ее в противоречие с задачами, которые преследует партия в целом...

4) Совещание заявляет, что образовавшаяся внутри партии группа «активной борьбы за восстановление независимости и демократического строя в России» вела прямую борьбу против курса партийной политики, отстаивая союз с контр-революционной и либеральной буржуазией и с империалистскими правительствами Согласия...

Отмечая в заключение «случаи отклонения от указаний и директив Ц. К. как со стороны отдельных членов партии, принявших в разрез с резолюцией Ц.К. ответственные посты на советской службе, так и тех лиц и групп, отклонившихся в своей деятельности от партийной линии в сторону коммунизма и тем вносивших разброд и разложение в ряды партии», резолюция считала «необходимым, чтобы во всех случаях грубых нарушений партийной воли и партийной дисциплины как слева, так и справа Ц. К. имел

право объявлять исключенными из партии виновные в этом группы или отдельных товарищей»... («Газета Печатников» № 11, 6 января 1919 года).

Совещание, таким образом, пошло дальше решений, намеченных в ноябрьском воззвании и октябрьских тезисах Ц. К. меньшевиков (см. прим. 52). Оно вынуждено было, хотя и с оговорками, снять лозунг Учредительного Собрания и признать и осудить факт участия крупнейших своих организаций в поддержке контр-революции и ориентации на интервентов. Правда, оно при этом лицемерно пыталось оправдаться «явным нарушением общепартийной воли и указаний Ц. К.». В действительности, никакого постановления Ц. К., запрещающего членам партии участвовать во власти на территориях, отвоеванных контр-революцией у Советской власти, не было и эти организации действовали в духе решений майской меньшевистской конференции (21 — 27 мая 1918 г.), включившей в состав Ц. К. правых и сделавшей резкий поворот вправо (см. XXIII том Сочинений, прим. 11). Насколько словесным был новый поворот меньшевиков «налево», говорит тот факт, что совещание даже не пошло на решительный разрыв с контр-революционными элементами меньшевизма, путем раскола или исключения «активистов» из партии.

«Газета Печатников» — газета Московского профессионального союза рабочих печатного дела, находившегося в руках меньшевиков. Выходила по воскресеньям и понедельникам с 8 декабря 1918 г. по конец апреля 1919 года. Всего вышло 34 №№. В газете печатались статьи К. Каутского, Л. Мартова, Ф. Дана, Ал. Трояновского и др. Закрыта по предложению печатников-коммунистов, поставивших вопрос об этом во фракции М.Г.С.П.С., в связи с антисоветской агитацией, поднятой газетой в связи с обострением продовольственного положения. — 17.

[16]) 16 ноября 1918 г. Венгрия была объявлена народной республикой, конституцию которой должно было выработать Учредительное Собрание. Хотя срок созыва последнего не был установлен, но политические партии в начале 1919 г. развернули агитацию по его подготовке. Характерно, что левые социал-демократы опасались, что буржуазные партии могут получить в Учредительном Собрании большинство. Поэтому они заявляли рабочим, требовавшим «немедленного перехода к социализму», что не остановятся в таком случае перед его разгоном. Коммунистическая партия Венгрии, хотя и не решавшая специально вопроса о своем отношении к Учредительному Собранию, повела агитацию против его созыва под лозунгом: «Долой Учредительное Собрание! За Советскую республику!». Провозглашением 21 марта Венгерской Советской республики вопрос об Учредительном Собрании был снят с порядка дня.

Конец 1918 г. и начало 1919 г. в Швейцарии характеризуется резким обострением классовой борьбы. 11 — 14 ноября в стране разразилась всеобщая забастовка, подавленная вооруженной силой. В социалистической партии остро встал вопрос относительно участия в кантональных и национальных выборах. «Левые» коммунистической группы (во главе с т. Кашер), образовавшейся в Социалистической партии, заняли позицию принципиального антипарламентаризма. В своих листовках и брошюрах они призывали к бойкоту выборов и к созданию рабочих и крестьянских Советов. После того, как 8 декабря съезд металлистов высказался против образования Советов, цюрихская секция металлистов пошла против этого решения, и ее депутаты образовали Совет. Их примеру последовали рабочие других отраслей, и таким образом в начале января 1919 г. был создан Цюрихский Совет Рабочих Депутатов, признавший своей платформой манифест коммунистической группы (см. «Первый конгресс Коммунистического Интернационала». Протоколы. П. 1921, стр. 44 — 45). Даже буржуазная «Neue Züricher Zeitung» («Новая Цюрихская Газета») забила по этому поводу тревогу и вынуждена была признать, что «идея Советов, а с ней и мечты о пролетарской диктатуре по русскому образцу все более

проникают в рабочие массы, покидающие ряды старой социал-демократии» («Neue Züricher Zeitung» № 168, 4 февраля 1919 г.). — 19.

[16]) Ленин имеет в виду статью Р. Люксембург «Der Anfang» («Начало»), напечатанную в «Rote Fahne». В ней Р. Люксембург, в соответствии с защищавшейся ею на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии точкой зрения, требовала «немедленной организации не «крестьян», а сельского пролетариата и мелкого крестьянства, которые как слой до сих пор не затронуты революцией» («Rote Fahne» № 3, 18 ноября 1918 года).

Что касается лозунга крестьянских советов, выставленного буржуазией и шейдемановцами и о котором Ленин говорит ниже, то он был выдвинут тотчас же после революции в воззвании Совета Народных Уполномоченных: «Bildet unverzüglich Bauernräte!» («Организуйте немедленно крестьянские советы!»). В нем правительство шейдемановцев и независимых, обращаясь к «крестьянам, батракам и ремесленникам на селе», предлагало «всем категориям сельского населения, без различия партийной принадлежности, приступить к совместному свободному образованию крестьянских советов для обеспечения народного питания, спокойствия и порядка в деревне, а равно для беспрепятственного продолжения сельского производства» («Vorwärts» № 313, 18 ноября 1919 года).

«Die Rote Fahne» (*«Красное Знамя»*) — ежедневная газета, центральный орган Коммунистической партии Германии. Основана К. Либкнехтом и Р. Люксембург во время ноябрьской революции. № 1 вышел 9 ноября 1918 г. в Берлине в захваченной рабочими типографии правительственной газеты «Lokal Anzeiger» («Местный Справочник»). В январские дни тираж «Rote Fahne» достигал 200 тыс. экземпляров. В течение 1919 г. газета подвергалась неоднократным запрещениям. С 15 января по 3 февраля она не выходила, в связи с убийством К. Либкнехта и Р. Люксембург, и с 3 марта по 11 апреля, в виду осадного положения, после чего издание газеты было перенесено в Лейпциг. 9 мая газета была совсем запрещена распоряжением Носке. В это время в Берлине издавался под редакцией М. Брауна нелегальный журнал «Kommunistische Räte Korrespondenz» («Коммунистическая Советская Корреспонденция»). Выход «Die Rote Fahne» возобновился лишь 12 декабря 1919 года. — 19.

[17]) Дальше Ленин приводит содержание заметки: «Pour la démobilisation. Le meeting de la fédération de la Seine» («За демобилизацию. Митинг Сенской федерации»), напечатанной в «L'Humanité» № 5384 от 13 января 1919 года.

«L'Humanité» (*«Человечество»*) — ежедневная социалистическая газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году. Ближайшим помощником его в газете был Пьер Ренодель. Газета обнаруживала тяготение к реформизму. В 1914 г., после убийства Жореса, газета перешла в руки П. Ренodеля, превратившего ее в официальный орган воинствующего социал-шовинизма. На конгрессе Социалистической партии в октябре 1918 г. политическим редактором «L'Humanité» был избран представитель центра М. Кашен. В 1920 г., после Турского съезда Французской Социалистической партии, газета перешла в руки коммунистов. В настоящее время — является центральным органом Французской Коммунистической партии. Редактируется М. Кашеном. — 27.

[18]) Корреспонденция из партийной жизни Кавриаго («Vita del partito»), содержание которой Ленин ниже передает своими словами, напечатана в газете «Avanti!» № 12, 12 января 1919 года.

«Avanti!» (*«Вперед!»*) — ежедневная газета, центральный орган Итальянской Социалистической партии. Основана в 1897 году. Одним из первых редакторов ее был Серрати. Перед империалистической войной редактором стал Муссолини, а после его исключения в 1914 г. — Серрати. Во время войны газета вела резкую антивоенную кампанию и пользовалась

большим успехом среди рабочих. Выходила в трех изданиях (в Риме, Милане и Турине). «Avanti!» первая приветствовала победу русских рабочих в Октябре 1917 года. После раскола Итальянской Социалистической партии в октябре 1922 г. газета стала органом социалистов-максималистов, вновь примкнувших после исключения реформистов к Коммунистическому Интернационалу. С установлением в Италии фашистской диктатуры, газета подверглась суровым преследованиям и с 1927 г. стала выходить в Париже. — 29.

[19]) Говоря о широкой популярности, которую завоевала себе в Америке советская форма организации, Ленин имел в виду те Советы, которые возникали в 1918 — 1919 г.г. в Нью-Йорке, Детройте и др. местах и настоящий характер которых тогда не мог быть ясен из-за отсутствия вследствие блокады необходимой информации. В действительности, напр., Рабочий Совет г. Нью-Йорка, созданный в 1918 г., был не политической, а профессиональной организацией. В него входили делегаты от местных, главным образом, анархистских профессиональных союзов, состоявших из российских выходцев. Хотя в Совет входили и представители от большевистских организаций, но огромное большинство в нем принадлежало анархистам. Отсюда такие чисто анархистские лозунги этого Совета, как «безвластные Советы», «Советы без комиссаров» и т. д. Рабочий Совет Нью-Йорка прекратил свое существование в 1919 г., после того, как полиция совершила налет на его клуб. Равным образом и Совет в Детройте (Российский Социалистический большевистский Совет Рабочих Депутатов) и другие Советы организовывались почти исключительно анархистски настроенными выходцами из бывшей России. — 33.

[20]) Имеется в виду комиссия, намеченная на Бернской конференции для изучения экономического и политического положения Советской России, в составе: Фриц Адлер или Отто Бауэр, Каутский, Гильфердинг, Лонгэ, Гендерсон, Томазо (Аргентина), один представитель Финляндии и один Италии. Шейдемановское правительство взяло на себя посредничество в этом деле. 19 февраля германское Министерство Иностранных Дел обратилось по радио к правительству Р.С.Ф.С.Р. с просьбой о выдаче комиссии разрешения на въезд в Россию. Советское правительство в ответной радио-телеграмме, составленной Лениным, заявило: «хотя мы не считаем Бернскую конференцию ни социалистической, ни представляющей в какой бы то ни было степени рабочий класс, тем не менее мы разрешаем въезд в Россию названной вами комиссии и гарантируем ей возможность всестороннего ознакомления, как мы разрешаем въезд всякой буржуазной комиссии, имеющей целью осведомление, прямо или косвенно связанное с любым буржуазным правительством, даже производящим военные нападения на Советскую Республику». Одновременно Германское правительство запрашивалось о согласии на въезд комиссии от Советской России в те демократические страны, представители которых участвуют в комиссии («Правда» № 39, 20 февраля 1919 года). Радио-телеграмма осталась без ответа, и поездка «ревизоров» ввиду противодействия правительств Антанты не состоялась. — 33.

[21]) Речь идет о *Парижской мирной конференции*, закончившей мировую войну. На конференции участвовало 1.037 делегатов и 70 уполномоченных от 27 союзных стран. Главную роль на конференции играли: Клемансо (председатель), Ллойд-Джордж и Вильсон. Конференция, долженствовавшая разрешить вопросы о Лиге Наций, о репарациях, о новых государствах, о колониях и пр., фактически разбилась на ряд конференций, выработавших мирные договоры Антанты с Германией, Австрией, Болгарией и Турцией. Важнейшая из этих конференций открылась в Версале 18 января 1919 г. и закончилась 28 июня того же года подписанием грабительского Версальского договора (см. прим. 89). Работы Парижской конференции с самого начала были поставлены таким образом,

что подготовка вопросов и их окончательное решение находились в руках представителей «великих держав», образовавших так называемый «Совет десяти», в который вошли: от С.-А.С.Ш. президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Англии — премьер-министр Ллойд-Джордж и министр иностранных дел Артур Бальфур, от Франции — министр-президент Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Италии — премьер-министр Орландо и барон Соннино, от Японии — барон Макино и виконт Шинда. Позднее роль «Совета десяти» перешла к «Совету четырех», в составе Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и Орландо с привлечением в отдельных случаях представителя Японии. Заседания «Совета десяти», как и заседания «Совета четырех», происходили в величайшей тайне и без ведения протоколов. Общая конференция собиралась всего несколько раз для торжественных заседаний (открытие конференции и т. п.). Разногласия между представителями Антанты не раз ставили конференцию под угрозу срыва, но в отношении Германии они были единодушны. Такое же единодушие было проявлено ими после некоторых временных колебаний и в планах удушения Советской России («русский вопрос»). — 35.

²²) Ленин мог иметь в виду статью «Organized Bolshevism» («Организованный большевизм»), напечатанную в № 41994 «Times» 10 января 1919 г. и посвященную разбору помещенной в том же № корреспонденции стокгольмского корреспондента газеты о Красной армии. Но возможно, что Ленин основывался и на «Известиях В.Ц.И.К.», в которых эта корреспонденция была приведена в заметке: ««Таймс» о Ленине и Красной армии». Соответствующее место корреспонденции в «Известиях» изложено следующим образом: «В политическом отношении Советское правительство становится с каждой неделей все сильнее. В общем не замечается серьезной оппозиции против большевизма. Ленин сделал советское правительство настолько сильным, что всякое сопротивление против него становится тщетным. Офицеры старого режима примкнули к Красной армии... Нет никакого сомнения в том, что большевистская армия сделалась значительной силой, хорошо дисциплинированной и растущей с каждым днем» («Известия В.Ц.И.К.» № 46, 28 февраля 1919 года). — 35.

²³) *I съезд сельско-хозяйственных рабочих Петроградской губернии* — происходил 11 — 13 марта 1919 г. в Петрограде во Дворце Труда. Съезд явился практическим осуществлением мысли Ленина о необходимости организации профсоюза сельско-хозяйственных рабочих, высказанной им еще летом 1917 г. в статье «О необходимости основать союз сельских рабочих в России» (XX том Сочинений, стр. 557 — 563). На съезде присутствовало 177 делегатов от рабочих совхозов, садоводств и огородничеств Петроградской губернии. 12 марта съездом была отправлена приветственная телеграмма Ленину, находившемуся в то время в Петрограде. Ленин выступил на съезде вечером 13 марта во время заключительного слова по докладу о текущей земельной политике, вызвавшему большие споры, главным образом, по поводу § 46 «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», запрещавшего рабочим совхозов иметь своих животных и птиц. Представители с мест настаивали на необходимости отмены этого параграфа в виду тяжелого продовольственного положения. Выступление Ленина создало резкий перелом в настроении съезда, заставив отсталую часть его отрешиться от своей узко-потребительской точки зрения. В резолюции, принятой по докладу о текущей земельной политике, съезд констатировал «правильность земельной политики... рабоче-крестьянского правительства в смысле организации коллективного хозяйства на основах идей коммунизма» и выражал готовность всеми силами и средствами поддерживать эту политику («Северная Коммуна» № 60, 16 марта 1919 года).

Высказанное Лениным на съезде пожелание, чтобы новый союз «превратился в недалеком будущем в единый Всероссийский профессиональный

союз сельско-хозяйственных рабочих», в скором времени осуществилось: 15 — 20 июня 1919 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд работников земли, положивший начало Всероссийскому союзу земледельческих и сельско-хозяйственных рабочих. В 1920 г. в него вошел союз работников лесного хозяйства, после чего союз стал называться Всероссийским профессиональным союзом работников земли и леса (Всеработземлес). — 38.

[24]) Очевидно, Ленин имеет в виду здесь свою беседу с журналистом Филиппом Прайсом, состоявшуюся в октябре 1918 года. Прайс начал свою политическую деятельность либералом, затем стал членом Рабочей партии. Во время мировой войны он приехал в Россию в качестве корреспондента газеты «Manchester Guardian». По мере нарастания мирового революционного движения он все более левел, будучи одно время весьма близок к Коммунистической партии Германии. Перед своим отъездом из Советской России, в октябре 1918 г., Прайс беседовал с Лениным. Эта беседа изложена им в книге: «My Reminiscences of the Russian Revolution» («Мои воспоминания о русской революции»), вышедшей в 1919 году. Типичный мелкобуржуазный политик, Ф. Прайс вскоре отходит вправо, выступив в 1931 г с документом полу-фашистского характера. — 39.

[25]) Имеется в виду создание в 1872 г. сельским рабочим Джозефом Арчем (Arch), впоследствии вождем и организатором английских сельско-хозяйственных рабочих, по политическим воззрениям либерала, «Национального союза сельско-хозяйственных рабочих». Об Арче Ленин говорит также в своей статье 1912 года: «В Англии» (XVI том Сочинений, стр. 107 — 108). — 39.

[26]) «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» было принято В.Ц.И.К. в феврале 1919 года. Ближайшее и самое непосредственное участие в разработке и составлении его принимал Ленин. Он был докладчиком в комиссии, образованной В.Ц.И.К. по этому вопросу, и ему, несомненно, принадлежат наиболее принципиальные формулировки «Положения».

«Положением» отменялся декрет «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г., и на основе национализации земли (вся земля в пределах Р. С. Ф. С. Р. объявлялась «единым государственным фондом») намечался ряд мер для перехода к социалистическому земледелию. «Для окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, — говорится в общей части «Положения», — для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также для объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом, — необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшими средствами для достижения этой цели. Поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящие и отживающие» («Известия В.Ц.И.К» № 34, 14 февраля 1919 года). Ставя перед органами пролетарского государства задачу пропаганды и организации социалистических форм земледелия и обязывая их при этом оказывать преимущества коллективным хозяйствам перед единоличными, «Положение в то же время подчеркивало добровольный характер товарищеских объединений. Во II, III и IV главах «Положения» говорится о порядке распределения земель, в V и VI — о советских хозяйствах. Здесь, между прочим, в ст. 59 подчеркивалось, на что в другом месте ссылается Ленин, что «советские хозяйства не должны отгораживаться от местного земледельческого населения и обязаны войти в тесные сношения с ним и оказывать ему всяческую помощь в деле ведения хозяйства на правильных и лучших началах. Глава VII посвящена сельско-хозяйственным производственным коммунам, VIII — вопросу об общественной обра-

ботке земли и IX говорит о поощрении и содействии трудовым сельскохозяйственным объединениям.

Главные идеи, лежащие в основе этого «Положения», нашли свое отражение в наши дни в общесоюзном земельном кодексе — «Основные начала землепользования и землеустройства», — принятом на основе решений XV съезда В.К.П. (б.) сессией Ц.И.К. С.С.С.Р. 15 декабря 1928 года. — 42.

[27]) Настоящая речь была произнесена Лениным на десятитысячном митинге, посвященном III Интернационалу и состоявшемся в оперном зале Народного дома в Петрограде. Ленин выступил в 6 час. вечера после докладов А. Луначарского (о положении Советской России) и Г. Зиновьева. Так как не все желающие могли попасть в оперный зал, то Ленин выступил вторично с небольшой речью на ту же тему в фойе Народного дома. Запись этой речи, к сожалению, не сохранилась (см. Приложения, стр. 665). — 45.

[28]) Ленин имеет в виду речи делегатов I конгресса Коммунистического Интернационала, приехавших по окончании конгресса в Петроград и выступавших 8 марта на заседании IX общегородской конференции Р.К.П. (б.) и на международном женском митинге во Дворце Труда по случаю дня работниц и 9 марта на торжественном заседании Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, устроенном в ознаменование созыва I конгресса Коммунистического Интернационала. Среди делегатов находились: Эберлейн, Гильбо, Платтен, Грубер, Милкич, Куусинен и Гримлунд. — 49.

[29]) Первое издание настоящей брошюры вышло с подзаголовком: «Речь, сказанная на митинге в Петербурге 13 марта 1919 года». Однако сличение текста брошюры с газетными отчетами о докладе Ленина в Петроградском Совете 12 марта и об его речи на митинге в Народном доме 13 марта (см. наст. том, стр. 32 — 37, 40 — 50) приводит к убеждению, что текст брошюры является обработкой соединенных стенограмм его доклада в Петроградском Совете и речи на митинге, причем, так как стенографирование доклада было начато с некоторым запозданием, то в брошюру не попало его начало, говорящее о роли Советов и сохранившееся в газетном отчете. Ввиду этого редакция Сочинений сочла правильным снять с брошюры подзаголовок «речь, сказанная на митинге», как не соответствующий действительности. Текст брошюры, как видно из «послесловия» к ней, был послан на редакцию Ленину, который, «потратив не мало труда на исправление записи», направил его обратно в Петроград, где печаталась брошюра. Судя по несовершенству текста брошюры, изобилующему значительными ошибками, брошюра вышла из печати до получения от Ленина экземпляра с его правками, оставшегося не разысканным до настоящего времени. — 51.

[30]) Речь идет о разногласиях, имевших место в партии, главным образом по вопросу об использовании буржуазных специалистов. Взгляды Ленина на необходимость их привлечения к делу хозяйственного строительства и обороны страны встретили в начале 1918 г. резкое сопротивление со стороны «левых» коммунистов, писавших по этому поводу в своих тезисах по текущему моменту о «восстановлении руководительства специалистов в производстве» и о смене «ставки на самодеятельность рабочего класса... ставкой на помощь опытных капиталистических руководителей». Привлечение же буржуазных специалистов в армию «левые» коммунисты изображали как практическое «восстановление старого офицерского корпуса и командной власти царских генералов» (см. XXII том Сочинений, «Документы и материалы», стр. 568).

Серьезнее эти антиспецовские настроения дали себя знать после Брестского мира, в связи с переходом Советской власти к строительству регулярной и централизованной Красной армии. В этот период с последовательной

защитой партизанщины, вполне отвечавшей «природе мелко-буржуазных интеллигентских групп, неспособных владеть государственной властью», выступили левые эс-эры. Но не в столь откровенной форме проповедь партизанских методов борьбы велась и частью коммунистов, работавших в армии, в том числе некоторыми руководящими работниками (В. Антонов-Овсеенко, Г. Пятаков и др.), что крайне затрудняло создание боеспособной армии.

С новой силой разногласия по этому вопросу проявились в конце 1918 года, когда они нашли свое отражение и в печати, где появились статьи Вл. Сорина «Командиры и комиссары в действующей армии» («Правда» № 259, 29 ноября 1918 г.) и А. Каменского «Давно пора» («Правда» № 281, 25 декабря 1918 года). Как и Сорин, призывавший «решительно бороться... против попыток урезать диктатуру коммунистической партии в Красной армии», Каменский возражал против использования военных специалистов, заявляя: «Во многих местах военспецы изжиты, но... в Красной армии не должно остаться ни тени контр-революции, а тем более ярких фигур ее вдохновителей». В виду неправильного изображения в этой статье военной политики партии, Ц. К. в особом постановлении «О политике Военного Ведомства» подчеркнул, что «политика Военного ведомства... ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Ц. К. и под его непосредственным руководством» («Правда» № 282, 26 декабря 1918 года). Противоположная Сорину и Каменскому точка зрения была представлена в статье Л. Троцкого «Военные специалисты и Красная армия», в которой он полемизировал с Каменским («Известия В. Ц. И. К.» № 5, 10 января 1919 года), в «Письмах с фронта» Г. Сокольникова («Правда» № 22, 31 января 1919 г.), а также в появившихся вскоре в печати, как материал к VIII съезду Р.К.П.(б.), тезисах Троцкого «Наша политика в деле создания Красной армии» («Правда» № 43, 25 февраля 1919 года).

Особенно остро эти разногласия развернулись уже на самом съезде. Образовавшаяся на нем оппозиция (В. Смирнов, Ем. Ярославский, Г. Сафаров, Ф. Голощекин, С. Минин и др.), ссылаясь на ряд случаев измены крупных военных специалистов, возражала против привлечения их на командные должности в Красной армии и настаивала на расширении функций комиссаров за пределы политического контроля (право решающего голоса в оперативных вопросах). Кроме того, представители оппозиции обвиняли военный аппарат в бюрократизме, требовали расширения прав партийных организаций в армии и возражали как против формальной дисциплины, так и против внешних знаков отличия—«пережитков самодержавно-крепостнического порядка». Эти взгляды, явившиеся выражением протеста мелко-буржуазно-анархической расхлябанности против пролетарской дисциплины, разделялись на съезде значительным числом армейских делегатов, выступивших по военному вопросу со своими тезисами (тезисы В. Смирнова) и выставивших своего содокладчика (см. прим. 35). — 68.

[31]) Весною 1918 г. Советская власть приступила к проведению хлебной монополии на основе товарообмена с деревней. В этих целях Совет Народных Комиссаров принял 25 марта декрет об ассигновании 1160 милл. рублей (в товарах) для организации товарообмена. Следующий декрет, от 2 апреля 1918 г., конкретно указывал, какие товары предполагаются к обмену, и вместе с тем устанавливал принцип товарообмена, по которому к организации товарообмена привлекалась деревенская беднота и намечаемые к обмену товары передавались в распоряжение волостных и районных объединений для дальнейшего распределения их среди нуждающегося населения. Предполагаемое получение в обмен на товары 120 миллионов пудов хлеба не было выполнено, в силу, главным образом, сопротивления кулацких элементов деревни, отказывавшихся сдавать хлеб по твердым ценам и развившим бешеную спекуляцию. Сказалась также слабость и

засоренность чуждым элементом продовольственного и распределительного аппарата на местах. Открывшаяся же к лету 1918 г. по всем фронтам гражданская война окончательно сорвала товарообмен в этой первой его форме.

Ввиду угрожающего продовольственного положения страны, правительство стало на путь создания твердого централизованного продовольственного аппарата и проведения принципа обязательной хлебной повинности, обязательной сдачи хлебных излишков (продразверстка), призвав «всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаком» (декрет 9 мая 1918 года). Организация партией, Советами и профсоюзами «крестового похода» рабочих за хлебом и создание комитетов деревенской бедноты (см. XXIII том Сочинений, прим. 34) обеспечили успешное проведение этой политики и подрыв экономической мощи кулака. Реквизиция хлеба у кулацких элементов производилась комитетами и продотрядами, причем часть изъятого таким образом хлеба поступала в распоряжение бедноты.

В дальнейшем изъятие хлебных излишков по продразверстке в меру возможностей дополнялось товарообменом в отношении трудящейся части крестьянства (декреты «Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях» от 5 августа 1918 г. и «Об организации снабжения» от 21 ноября того же года). — 71.

[32]) Настоящее послесловие было послано Лениным в Петроград Г. Зиновьеву со следующей припиской: «Очень прошу питерских товарищей напечатать нижеследующее, как предисловие или как послесловие к моей речи, хотя бы самым мелким петитом. 17 IV. Ленин». Так как послесловие напечатано не было, то 7 августа Ленин послал т. Зиновьеву записку с просьбой назначить «следствие построже» и разыскать «непременно это послесловие» (архив Института Ленина, документ № 4388). Наконец, в 1921 г. в предисловии к своей брошюре «К вопросу о новой экономической политике», — предисловии, в которое Ленин целиком включил и настоящее «послесловие», — он еще раз возвращается к этому вопросу и говорит о том, как его «провели» «питерцы, во главе с Зиновьевым» (см. XXVII том Сочинений, стр. 88 — 91). — 78.

[33]) Вопрос о необходимости пересмотра партийной программы, принятой еще II съездом Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., был поднят Лениным в печати тотчас по его возвращении из эмиграции, в апреле 1917 года. В тезисах «О задачах пролетариата в данной революции» («Правда» № 26, 20 (7) апреля 1917 г.) он наряду с переменой названия партии намечал главное в перемене программы партии: «1) об империализме и империалистской войне, 2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны»... 3) исправление отсталой программы-минимум» (XX том Сочинений, стр. 87 — 90).

К Всероссийской апрельской конференции Р. С.-Д. Р. П. (б.) Ленин написал «Проект переработки теоретической, политической и некоторых других частей программы», содержащий ряд поправок к программе 1903 г. (XX том Сочинений, стр. 293 — 296). Проект в газетных гранках фигурировал на конференции, впервые практически поставившей вопрос о пересмотре программы и выделившей для этого специальную комиссию.

Программная секция, составившаяся на съезде, рассмотрела проект Ленина, причем по вопросу о пересмотре общей части программы наметились две точки зрения: с одной стороны, мнение Ленина, оставшегося в меньшинстве и отрицавшего необходимость переработки всей теоретической части старой программы, предлагая лишь дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени капитализма; с другой — мнение секции (А. Ломов, Г. Сокольников, М. Боголепов и др.), считавшей такое добавление якобы чисто-механическим и высказавшейся «за необходимость переработки всей общей части нашей программы сообразно с положениями, высказанными т. Лениным в его предварительном

проекте, и теми соображениями, которые были высказаны в заседаниях секции», в соответствии с чем избранная пленумом секции комиссия (А. Ломов, М. Боголепов, Г. Сокольников) и выработала ряд замечаний по общей части программы (XX том Сочинений, «Документы и материалы», стр. 626 — 627). Кроме того подсекцией по охране труда был разработан «Проект изменений экономической программы-минимум».

Однако конференции в условиях того времени не удалось закончить работу по пересмотру программы, и она ограничилась принятием по докладу Ленина о работе комиссии предложенной и комментированной им особой резолюции из 8 пунктов, на основе которых Ц. К. должен был в двухмесячный срок составить проект партийной программы для представления его на утверждение партийного съезда. Все организации и все члены партии призывались «к обсуждению проектов программы, к исправлению их и к выработке контр-проектов» (XX том Сочинений, «Документы и материалы», стр. 624 — 625).

Вскоре после конференции, в июне (мае) 1917 г. Ленин по поручению Ц. К. выпустил со своим предисловием брошюру «Материалы по пересмотру партийной программы». В основу брошюры лег его вышеупомянутый «Проект переработки теоретической, политической и некоторых других частей программы»; кроме того в нее вошли замечания программной секции на проект Ленина, соображения Ленина по поводу замечаний секции (XX том Сочинений, стр. 297 — 298), проект подсекции по охране труда и проект изменения пунктов программы, относящихся к народному образованию и выработанных Н. Крупской уже после конференции. Весь этот материал был снабжен Лениным краткими примечаниями, а в конце брошюры приведены оба текста программы — старый и новый, составленный из перечисленных проектов. Целью брошюры было возможно шире ознакомить партийные круги с имевшимся в Ц. К. программным материалом и привлечь как можно больше членов партии к выработке программы.

Почти одновременно с названной брошюрой вышли «Материалы по пересмотру партийной программы. Сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова, В. Смирнова, изд. Областного бюро Московского промышленного района Р. С.-Д. Р. П., Москва 1917 год». Этот сборник, в основу которого был положен проект В. Сокольникова, представлял изложенную выше точку зрения секции, составившейся на Всероссийской апрельской конференции.

Состоявшийся 8 — 16 августа (26 июля — 3 августа) 1917 г. VI съезд партии принял в качестве постановления по этому вопросу протокол секции по пересмотру программы, признававший невозможность выработки ее на данном съезде, ввиду недостаточности предварительной дискуссии и неблагоприятных объективных условий. В постановлении далее подтверждалось решение Всероссийской апрельской конференции о необходимости пересмотра программы в направлении, указанном в резолюции конференции, и предусматривался «созыв специального съезда» для выработки нового текста программы. Ц. К-ту поручалось тем временем «организовать возможно шире» программную дискуссию и выработать для целей практической работы особую платформу на основе резолюций VI съезда и апрельской конференции («Шестой съезд». Август 1917 г. Протоколы съездов и конференций В. К. П. (б.). Гиз. 1927, стр. 236 — 237).

Вскоре после съезда появилась статья Н. Бухарина «К пересмотру партийной программы» (журнал «Спартак» № 4, стр. 4, Москва 23 (10) августа 1917 г.) и позже Ю. Ларина «Рабочие требования нашей программы» («Рабочий Путь» № 31, 21 (8) октября 1917 года). На эти статьи, а также на московский сборник, Ленин ответил статьей «К пересмотру партийной программы» (XXI том Сочинений, стр. 295—318), в которой он в первую очередь подверг критике проект Сокольникова, перерабатывавший всю об-

щую часть программы, и «очень радикальное» предложение Н. Бухарина и В. Смирнова — вовсе устранить программу-минимум.

Решение VI съезда о созыве специального партийного съезда, посвященного выработке программы, не осуществилось: «Экстренный партийный съезд», первоначально назначенный на 30 (17) октября 1917 г., был постановлением Ц. К. от 18 (5) октября отложен. Тогда же Ц. К. избрал для подготовки проекта программы к предстоящему съезду специальную комиссию, в составе Ленина, Н. Бухарина, Л. Троцкого, Л. Каменева, Г. Сокольникова и А. Коллонтай («Протоколы Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., август 1917 — февраль 1918». Гиз. 1929, стр. 90). Наконец, постановлением Ц. К. от 6 февраля (24 января) 1918 г. выработка проекта программы была поручена новой комиссии из Ленина, Н. Бухарина и Г. Сокольникова (там же, стр. 225).

Вопрос о пересмотре программы вновь встал в марте 1918 г. на VII съезде Р. К. П. (б.). К этому съезду Ленин написал «Черновой набросок проекта программы» (XXII том Сочинений, стр. 368 — 374), дополняющий и несколько исправляющий «Проект переработки» 1917 года. Он был роздан делегатам VII съезда в качестве материала для дискуссии. Выступая на съезде докладчиком по вопросу об изменении программы и названия партии, Ленин еще раз изложил и обосновал свою точку зрения на характер переработки программы (там же, стр. 347 — 357). Н. Бухарин продолжал отстаивать необходимость коренного пересмотра теоретической части программы в сторону характеристики империализма и социалистического строя в его развернутом виде, т.-е. коммунизма, с тем, чтобы, исходя уже из этого, наметить систему переходных мероприятий, против чего возражал Ленин. Ленин внес предложение выработать на съезде только основные положения пересмотра программы, составление же окончательного проекта программы к следующему партийному съезду поручить особой комиссии или Центральному Комитету. Съезд согласился с этим предложением и избрал программную комиссию из 7 человек, в составе Ленина, И. Сталина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, В. Смирнова, Г. Сокольникова и Г. Зиновьева. В качестве основы для работы комиссии должна была послужить предложенная Лениным резолюция, формулирующая основные положения пересмотра программы, причем спорный вопрос (о пересмотре теоретической части) был оставлен открытым (там же, стр. 358).

Случайность материалов, сохранившихся в архиве программной комиссии, их неполнота, отсутствие поправок и проектов, вносившихся отдельными членами комиссии,— все это не позволяет дать цельной и законченной картины ее работ и тех разногласий, которые обнаружились в процессе работы между большинством комиссии и Н. Бухариным по вопросам о типе программы и национальному. Из печатаемых в настоящем томе ленинских документов, относящихся к выработке проекта, видно, что в основных своих частях комиссионный проект программы был составлен Лениным. Существовала написанная им не менее чем на 24 страницах рукопись всего проекта программы. К сожалению, эта рукопись сохранилась далеко не вся. В большей своей части формулировки Ленина приняты были комиссией без изменений. В остальном комиссионный проект составился частью из тех новых формулировок, которые давались Лениным прямо на комиссии и тут же ею принимались, частью из формулировок, предлагавшихся другими членами комиссии в согласии с основным проектом Ленина.

Приблизительно за месяц до открытия VIII съезда партии программная комиссия, фактически работавшая в составе Ленина, И. Сталина, Г. Зиновьева, Г. Сокольникова, Н. Бухарина, Л. Каменева и Л. Троцкого,— выполнила свое задание, выработав «Проект программы Р. К. П. (б.)», который был 25 — 27 февраля 1919 г. опубликован в трех номерах «Правды» (№№ 43 — 45). В предисловии к проекту комиссия отмечала,

«что самый характер программы должен был значительно измениться, что в нее должны были войти не только результаты марксистского изучения новейшей, империалистской фазы капитализма, но и опыт мировой войны и годовая практика пролетариата, завоевавшего государственную власть» (см. «VIII съезд Р. К. П. (б)». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 319). Для удобства обсуждения текст проекта программы был разбит на нумерованные абзацы (о дальнейшей судьбе его см. прим. 43).

В настоящем томе печатаются не все, сохранившиеся в архиве программной комиссии ленинские документы, а лишь наиболее законченные (по возможности окончательные варианты). Установить время написания каждого из них не представляется возможным. Можно лишь сказать, что раньше других были написаны «Черновой набросок» и «Основные задачи диктатуры пролетариата», т.-е. общая и обще-политическая части программы, составленные из проектов 1903, 1917 и 1918 г.г. и дошедшие до нас в экземплярах, отпечатанных на пишущей машине. Остальные материалы, написанные заново, относятся к более позднему времени и сохранились в рукописях. — 85.

[34]) *Рабочий Комитет Содействия* — был учрежден в виде органа, подчиненного Наркомзему, в конце февраля 1919 г. после издания «Положения о социалистическом землеустройстве». Статья 35 «Положения» следующим образом определяла его состав и задачи: «В целях применения к сельскому хозяйству организованного опыта промышленных рабочих, при Народном Комиссариате Земледелия учреждается, по соглашению с Всероссийским Советом Профессиональных Союзов, Рабочий Комитет Содействия, посылающий уполномоченных из числа наиболее надежных и опытных и сознательных промышленных рабочих в губернские и районные управления и отдельные хозяйства, согласно вырабатываемым Народным Комиссариатом Земледелия инструкциям». В Комитет входило 2 представителя от Наркомзема, в том числе нарком, и 7 представителей от В.Ц.С.П.С. По положению о Комитете, принятому 10 марта 1919 г., на него возлагалось: «а) содействие уничтожению противоречий между городом и деревней в деле коммунистического строительства в земледелии, путем непосредственного участия индустриального пролетариата в организации коллективных форм в сельском хозяйстве, как, например: советские хозяйства, коммуны, артели и т. п.; б) контроль своевременности снабжения как советских, так и других коллективных хозяйств средствами, семенами, орудиями, специальными агрономическими и вообще трудовыми силами». Кроме того, Комитет должен был рассматривать принципиальные вопросы, возникающие в связи с осуществлением намеченной декретами земельной политики, отвод земельных участков, контроль рабочих организаций и промышленных объединений в сельском хозяйстве по вопросам труда и пр. В конце 1921 г. Комитет был влит в организованный при Наркомземе Отдел обобществления сельского хозяйства. — 107.

[35]) *VIII съезд Р. К. П. (б.)* — происходил в Москве 18—23 марта 1919 года. По данным мандатной комиссии на нем присутствовало 386 делегатов, из них 286 с решающим голосом и 100 с совещательным, представлявших около 314 тысяч членов партии. (По позднейшим исчислениям Статотдела Ц. К. В. К. П. (б.) в тот период в партии насчитывалось всего 280 тысяч членов. См. Е. Смиттен. «Состав В. К. П. (б.)». М. — Л. 1927 г., стр. 6.)

Съезд открылся вечером 18 марта в Кремле краткой речью Ленина. После выборов президиума (Ленин, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Г. Пятаков, Г. Евдокимов, П. Смидович и Е. Преображенский), мандатной, ревизионной и редакционной комиссий, был принят следующий предложенный Ц. К. порядок дня: 1) Отчет Ц. К., 2) Программа партии, 3) Создание Коммунистического Интернационала, 4) Военное положение и военная политика, 5) Работа в деревне (организация пролетарских и полупролетарских слоев, 6) Организационные вопросы и 7) Выборы. Первым был за-

слушан отчет Ц. К., сделанный Лениным. После выступлений Александрова, Осинского и Варейкиса, остановившихся, главным образом, на организационном вопросе, дальнейшие прения по отчету были прекращены, с тем, чтобы перенесть их в организационную секцию. В принятой по отчету Ц. К. резолюции съезд выражал «полное одобрение политической деятельности Ц. К». В конце заседания, по предложению президиума, были намечены секции: военная, аграрная и организационная.

Второе и третье заседания (19 марта) были целиком посвящены основному вопросу съезда — программе партии (см. прим. 33). На утреннем заседании кроме того было принято «Обращение VIII съезда Р.К.П. (б.) к партийным организациям», в связи с наступлением союзников и заговорами внутри страны (см. прим. 50).

Четвертое заседание (утро 20 марта) началось докладом Г. Зиновьева о создании III, Коммунистического Интернационала. В принятой по докладу резолюции съезд приветствовал созд ние III Интернационала, присоединялся к его платформе, заявлял о борьбе «всеми силами и средствами» за осуществление его великих задач и поручал Ц. К. оказывать самую «мощную и всестороннюю» поддержку его организации и деятельности. Затем съезд перешел к обсуждению военного вопроса. В виду отъезда Л. Троцкого, Ц. К. выставил докладчиком Г. Сокольникова, который изложил в своем докладе историю создания Красной армии и остановился на основных спорных вопросах (военные специалисты, выборность командного состава, организация коммунистов в армии), защищая проводимые партией методы строительства централизованной регулярной Красной армии. Содокладчиком от оппозиции (см. прим. 30) выступил В. Смирнов, бывший «левый» коммунист. Ввиду большого числа желавших высказаться, прения по докладам были перенесены в военную секцию.

Вечером этого дня и утром 21 марта работа велась только в секциях.

Военная секция имела два заседания: вечером 19 и утром 20 марта. В ее работах принимало участие 85 чел., из них в голосовании с решающим голосом участвовало 57. Заседания секции происходили в чрезвычайно напряженной атмосфере. В результате бурного обмена мнений большинство секции высказалось за принятие в основу тезисов В. Смирнова. Во время голосования принятых тезисов по пунктам меньшинство секции во главе с т. Сокольниковым устроило отдельное совещание, после чего потребовало перенесения обсуждения вопроса на пленум съезда. После того, как большинством секции это требование было отклонено, меньшинство, заявив о своем несогласии с принципиальной установкой секции, покинуло заседание. При оставшихся членах секция закончила свою работу, приняв с некоторыми поправками тезисы В. Смирнова.

На двух заседаниях организационной секции (вечером 20 и утром 21 марта) были обсуждены вопросы: партийное строительство, советское строительство, взаимоотношения партии и Советов. И в обсуждении этих вопросов обнаружились отзвуки «левого» коммунизма. Доклад был сделан т. Зиновьевым, защищавшим тезисы Ц. К., содоклад — т. Осинским, стоявшим на точке зрения тезисов, принятых Московской губернской конференцией. В прениях высказалось около 20 ораторов, причем т.т. Осинский, Сапронов и Игнатов, прикрываясь защитой принципов демократического централизма, а по существу отражая протест мелко-буржуазных элементов против пролетарской диктатуры, обвиняли Ц. К. в недостатке руководства, в отсутствии политической линии и коллегиальности в работе. Они отмечали также замирание партийной жизни на местах, как результат решения вопросов в узких коллегиях и роста бюрократизма. В области советского строительства будущие «демократические централисты» высказывались за слияние Совнаркома с президиумом Ц. И. К. и возражали против роста вертикальной — по столбикам — централизации, защищая права местных исполкомов. Секция приняла за основу тезисы т. Зиновьева,

избрав для окончательного их редактирования комиссию (Зиновьев, Сосновский, Муранов, Егорова и Осинский).

О работах аграрной секции см. прим. 56.

Вечером 21 марта состоялось посвященное военному вопросу пятое заседание съезда (протоколы этого закрытого заседания не опубликованы). На нем, после доклада С. Аралова о военном положении, было заслушано сообщение Ем. Ярославского о работе военной секции. В прениях высказались представители как большинства секции (В. Смирнов, Г. Сафаров, К. Ворошилов и др.), так и меньшинства, в том числе Ленин и т. Сталин.

Возражая оппозиции, т. Сталин требовал создания «регулярной армии, проникнутой духом дисциплины». «Либо, — заявил он, — создадим настоящую рабоче-крестьянскую, по преимуществу крестьянскую, строго дисциплинированную армию и защитим республику, либо пропадем... Проект, представленный тов. Смирновым, имеет, делает все попытки, прикрытые, правда, и не очень ясные, но для меня ясные, все попытки к тому, чтобы подорвать дисциплину, дать облегчение крестьянским элементам, помешать сковать их в единую дисциплинированную массу» (см. И. Сталин. «Об оппозиции». Гиз. 1928, стр. 669).

С чрезвычайной силой выступил против взглядов оппозиции Ленин, о чем свидетельствуют опубликованные выдержки из его речи. «Когда вы предлагаете — заявил он — тезисы, которые целиком направлены против военспецов, вы нарушаете всю общепартийную тактику. Если вы пишете такие вещи (о «самодержавно-крепостнических порядках» в армии. *Ред.*) и вначале говорите, что мы имеем дело со средним крестьянином, — вы хотите иметь дело не со средним крестьянством, а хотите лить воду на мельницу эс-эров и меньшевиков... Конечно, политика идейного воздействия необходима, но оно не может быть достаточным, так как пролетарская часть армии не велика. Тут нужна железная дисциплина. А если вы будете говорить, что это самодержавно-крепостнический порядок и протестовать против отдавания чести начальникам, вы не получите армии, в которой среднее крестьянство будет бороться. Без дисциплины железа, без дисциплины, осуществляемой, между прочим, пролетариатом над средним крестьянством, ничего сделать нельзя... В чем тут дело? В чем вся подкладка? Подкладка в том, что старая партизанщина живет в вас... пора уже изжить эти остатки советской партизанщины, которые были необходимы в определенный период; вся ошибка оппозиции в том и состоит, что вы, будучи связаны с этой партизанщиной своим опытом, будучи связаны с этой партизанщиной теми традициями героизма, которые будут памятны, вы не хотите понять, что теперь период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная армия» (см. «История В.К.П. (б.)». Под редакцией Ем. Ярославского. 1929 г., т. IV, стр. 414).

После заключительных слов В. Смирнова и Г. Сокольникова съезд большинством голосов принял за основу тезисы Л. Троцкого. Произведенное затем поименное голосование дало оппозиции значительное меньшинство: за резолюцию Г. Сокольникова голосовало 174 делегата, за резолюцию В. Смирнова — 95. Такой исход голосования по актуальнейшему и важнейшему вопросу, естественно, не мог удовлетворить партию.

Поэтому на следующем, шестом, заседании съезда (утром 22 марта), по предложению президиума съезда и Бюро Ц. К. для разрешения спорных вопросов и выработки резолюции по военному вопросу, была избрана согласительная комиссия, в составе двух представителей оппозиции (Ярославский, Сафаров) и трех (Сталин, Позерн и Зиновьев) от большинства съезда. Затем, после доклада мандатной комиссии (Е. Стасова), съезд перешел к организационному вопросу, доклад по которому был сделан т. Зиновьевым. По докладу успели высказаться т.т. Сосновский, Коллонтай и Шацкий.

На седьмом заседании (вечером 22 марта) содоклад по организационному вопросу сделал т. Осинский. После выступлений одного предста-

вителя от большинства секции (А. Луначарский) и другого — от меньшинства (Т. Сапронов) съезд при одном воздержавшемся принял за основу тезисы т. Зиновьева. Кроме того были приняты предложенные секцией резолюции о партийной и советской печати, о работе среди женского пролетариата и о работе среди молодежи (см. «VIII съезд Р.К.П. (б.)». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 375 — 377). Во время вечернего заседания было получено радио о провозглашении Венгерской Советской республики, обратившейся к Российской Советской республике с предложением оборонительного и наступательного союза против мирового империализма (см. прим. 63), вызвавшее огромный энтузиазм съезда, поручившего Ленину послать по радио приветствие правительству новой Советской республики. Затем, после доклада ревизионной комиссии, сообщение о работе программной комиссии (см. прим. 43) сделал Л. Каменев, предложивший съезду санкционировать работу комиссии, не переходя к более детальным поправкам. Отклонив поправку Г. Пятакова по национальному вопросу (текст ее в материалах Съезда не сохранился), съезд единогласно утвердил предложенный комиссией текст программы Р.К.П. (б.) (см. «Документы и материалы», стр. 691 — 707).

На последнем, восьмом, заседании съезда (вечером 23 марта) Ем. Ярославский сделал сообщение о работе военной согласительной комиссии. Комиссия внесла некоторые редакционные поправки в тезисы Л. Троцкого, принятые съездом за основу, добавив к ним ряд практических предложений, взятых как из тезисов Г. Сокольникова, так и из предложений военной секции. Кроме того комиссия предложила съезду резолюцию, признававшую необходимость реорганизации работы штаба, устройства периодических совещаний партработников фронта и пересмотра вопроса о знаках отличия. Все предложения комиссии были единогласно утверждены съездом. Затем, после доклада Ленина о работе аграрной секции, А. Луначарский зачитал составленную Лениным и принятую комиссией секции резолюцию об отношении к среднему крестьянству (см. наст. том, стр. 173 — 176). После выступления Пахомова прения, несмотря на возражения докладчика, были прекращены, и А. Луначарский огласил принятую секцией резолюцию «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне». От заключительного слова Ленин отказался, после чего обе резолюции были единогласно приняты съездом, постановившим, кроме того, издать доклад Ленина отдельной листовкой для распространения в деревне.

После выборов членов Ц. К. (Белобородов, Бухарин, Дзержинский, Евдокимов, Зиновьев, Калинин, Каменев, Крестинский, Ленин, Муранов, Радек, Раковский, Серебряков, Смилга, Сталин, Стасова, Стучка, Томский, Троцкий) и кандидатов к ним (Артем, Бубнов, Владимирский, Данишевский, Мицкевич, И. Н. Смирнов, Шмидт, Ярославский), а также членов ревизионной комиссии, съезд закрылся заключительной речью Ленина около 12 часов ночи.

Съезд, несмотря на то, что по ряду основных вопросов — особенно по военному — у части делегатов выявились «лево»-коммунистические настроения, показал в целом идейную сплоченность своих рядов.

Принятые съездом резолюции и постановления см. «Документы и материалы», стр. 707 — 722. — 109.

[86]) В конце января 1919 г. среди союзников временно одержала верх точка зрения Ллойд-Джорджа и Вильсона, высказывавшихся в тот момент, под влиянием брожения в войсках и роста симпатий у трудящихся к Советской России, против вооруженной интервенции. 22 января, по поручению «Совета десяти» (см. прим. 21), Вильсон составил предложение о созыве на Принцевых островах (в Мраморном море) конференции из всех существующих на территории бывшей Российской империи фактических правительств, в том числе и Советского, для выработки совместно

с представителями держав Согласия мер к прекращению гражданской войны в России. Условием для начала переговоров ставилось прекращение военных действий и перемирие.

На это предложение, перехваченное 23 января советскими радиостанциями, Советское правительство ответило согласием. Стремясь к прекращению гражданской войны, оно готово было, как раньше в Бресте, идти на весьма серьезные уступки, размер и характер которых был сформулирован им в радио-телеграмме Н. К. И. Д. от 4 февраля 1919 года. Советское правительство соглашалось сделать уступку в вопросе о русских займах, не отказываясь от признания своих финансовых обязательств по отношению к державам Согласия; предлагало гарантировать уплату процентов по своим займам сырьем; готово было «предоставить подданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии на условиях, подлежащих еще точному определению, с тем, чтобы экономический и социальный строй Советской России не был затронут внутренними распорядками этих концессий». Наконец, оно заявляло, что «не имеет в виду, во что бы то ни стало, исключать из этих переговоров рассмотрение вопроса о каких-либо аннексиях державами Согласия русских территорий». Указывая в заключение на то, что внутреннее и внешнее положение Советской республики все улучшается и что это «не может не отразиться на размерах предполагаемых уступок», Советское правительство выражало свою готовность в любой момент начать переговоры и просило немедленно сообщить, куда, когда и каким образом оно должно направить своих представителей («Известия В. Ц. И. К.» № 26, 5 февраля 1919 года).

Как известно, несмотря на столь серьезные уступки, намеченные в ноте Советского правительства, Деникин, Колчак и др. белогвардейские правительства, поддержанные французским правительством, всячески саботировавшим возможность мирных переговоров, нотой от 16 февраля 1919 г. отказались от участия в конференции, которая тем самым была сорвана. — 116.

[37]) Ленин имеет в виду телеграмму «Новая программа независимых», напечатанную в газете «Известия В. Ц. И. К.» № 59 от 18 марта 1919 г. и излагающую «программное заявление», принятое Чрезвычайным съездом Независимой с.-д. партии (см. прим. 99). — 119.

[38]) Эта характеристика заслуги коммунаров принадлежит не Марксу, а Энгельсу, который в предисловии к 3-му изданию брошюры Маркса «Bürgerkrieg im Frankreich» («Гражданская война во Франции») писал: «Но еще более поразительно то обстоятельство, что Коммуна, состоявшая из бланкистов и прудонистов, часто поступала, несмотря на это, совершенно правильно. Понятно, что прежде всего прудонисты ответственны за экономические декреты Коммуны – как за их достоинства, так и за их недостатки. За политические же ее действия и ошибки — бланкисты. Как обыкновенно бывает, когда власть попадает к доктринерам, и те и другие делали, по иронии истории, как раз противоположное тому, что им предписывала их школьная доктрина» (К. Маркс. «Гражданская война во Франции (1870 — 1871 г.)». С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Изд. «Прибой». П. 1917 г., стр. 9 — 10). — 121.

[39]) В своем выступлении на Бернской конференции по вопросу о демократии и диктатуре Каутский, высказываясь против резолюции Адлера-Лонге, заявил: «Большевики хотели ввести социализм, но получили не что иное, как новую форму милитаризма» («Die Freiheit» № 75, 11 февраля 1919 г., вечернее издание). — 122.

[40]) Среди германских коммунистов на этой точке зрения тогда стояли Р. Люксембург, П. Фрелих и др. На Учредительном съезде Коммунистической партии Германии (30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.), где в связи с докладом П. Лянге «Об экономической борьбе», развернулась дискуссия о профессиональных союзах, этот вопрос не получил разре-

шения. Выступивший в прениях П. Фрелих (Гамбург) считал, что «необходимо покончить с прежним вынужденным разделением рабочих на политические и профессиональные организации». «Для нас, — утверждал он, — приемлем только один лозунг: «Вон из профсоюзов»... Мы должны образовать единые организации, и основу для этого образуют группы наших товарищей на предприятиях». Против этого лозунга возражал Фр. Геккерт. Выступление Р. Люксембург показало, что вопрос не был ясен и для самого партийного руководства. «Если немецкие профсоюзы, — заявила она, — не имеют за собой ничего, кроме того, что есть, то они заслуживают уничтожения. Из рабочих организаций они превратились в прочную опору буржуазного государства и буржуазного общества. Поэтому само собой понятно, что борьба за социализацию не может быть проведена без того, чтобы не поставить вопроса о ликвидации профсоюзов. В этом мы все едины». Р. Люксембург расходилась с П. Фрелихом лишь относительно путей этой ликвидации, считая, что «задачи профессиональных союзов должны быть переняты Советами Рабочих и Солдатских Депутатов и фабрично-заводскими комитетами». (См. Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) (Отчет об Учредительном съезде Коммунистической партии Германии Союз Спартака). Hrsg. von K. P. D. (S.), стр. 17 — 18). В результате прений вопрос был передан в программную комиссию съезда.

Об Учредительном съезде Коммунистической партии Германии см. XXIII том Сочинений, прим. 153. — 123.

[41]) *Федерация иностранных групп при Ц. К. Р. К. П. (б.)*—руководящий орган иностранных секций Р. К. П. (б.), ведших в 1918 — 1919 годах работу среди бывших военнопленных в России. Подпольные интернационалистские группы среди военнопленных начали возникать уже после Февральской революции, под влиянием пропаганды находившихся в России социалистов-военнопленных (Бела Кун, А. Руднянский и др.). После Октябрьской революции военнопленные начали открыто создавать свои революционные организации и в начале декабря приступили к выпуску газет на немецком, венгерском, румынском и других языках. Январь — февраль 1918 г. были месяцами развертывания под руководством Бела Куна, Т. Самуэли, Э. Пора и др. большевистской агитационно-пропагандистской работы в лагерях военнопленных и создания среди них большевистских групп. В марте 1918 г. из этих групп были организованы иностранные секции Р. К. П. (б.), а в мае того же года Ц. К. Р. К. П. (б.) утвердил в качестве их руководящего органа Федерацию иностранных групп при Ц. К. Р. К. П. (б.). Председателем федерации был Бела Кун.

Федерация ставила своей задачей «объединение всех коммунистов-военнопленных, состоящих в Р. К П. (б.), для общей борьбы против социал-демократов-соглашателей, объединение их в III, Коммунистический Интернационал» («VIII съезд Р. К. П. (б.)». Стенографический отчет. М. 1919 г., стр. 388). Каждая национальная группа имела в Федерации двух своих представителей и признавала руководство ее во всех принципиальных и тактических вопросах. Ко времени VIII съезда Р. К. П. (б.) в Федерацию входило 9 групп: немецкая, венгерская, чехо-словацкая, англо-американская, болгарская и др. Отделения Федерации имелись в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Казани, Курске, Орле, Перми и т. д. До прихода белых сильные организации существовали в Сибири (Томск, Омск, Красноярск, Иркутск) и в Туркестане.

Деятельность Федерации заключалась в руководстве работой своих местных групп, в создании после чехо-словацкого мятежа 1 московского коммунистического отряда интернационалистов для борьбы с белогвардейцами и контр-революцией и в регулярной посылке его частей на фронт. Кроме того Федерация вела широкую агитационно-пропагандистскую работу путем издания на разных языках воззваний, брошюр и газет

(на немецком языке издавалась газета «Мировая Революция», на венгерском — «Социальная Революция»). Литература распространялась не только среди военнопленных, но и среди немецких войск на Украине, а также посылалась в Германию, Австрию, Венгрию и т. д. Возвращавшиеся из Советской России эшелоны распропагандированных военнопленных сыграли огромную роль в деле распространения идей пролетарской революции и Советской власти на Западе.

На Всероссийской конференции иностранных групп, происходившей 3—4 марта 1919 г., решено было Федерацию ликвидировать и заменить ее Бюро иностранных коммунистов при Ц. К. Р. К. П. (б.), в которое должно было войти по одному представителю от каждой языковой группы. Но по ряду обстоятельств и особенно в связи с перенесением центра деятельности Федерации на Украину — в Киев, это решение в жизнь проведено не было. Деятельность Федерации протекала под руководством Бюро Коммунистического Интернационала, что привело к ослаблению связи групп с Р. К. П. (б.). Поэтому осенью 1919 г. снова был поставлен вопрос о переходе Федерации в ведение Ц. К. Р. К. П. (б.). В начале 1920 г. объединение иностранных групп в Федерацию было признано нецелесообразным, и отдельные национально-языковые группы были организованы как группы национальных меньшинств. — 128.

[42]) *Издательство «Коммунист»* — издательство Ц. К. Р. К. П. (б.), образовавшееся в 1918 г. из объединения нескольких до того времени существовавших партийных и советских издательств. В 1918 г. изд-во «Волна», основанное в конце августа 1917 г. по инициативе Областного Бюро и Московского Комитета большевиков, объединилось с кооперативным изд-вом «Жизнь и Знание», руководившимся В. Д. и В. М. Бонч-Бруевичами, и было переименовано в изд-во «Коммунист». Вскоре в него влилось изд-во «Прибой», возродившееся в самом начале Февральской революции. В марте 1919 г. заведывающим изд-вом «Коммунист» был назначен И. Скворцов-Степанов. Издательство выпускало по преимуществу популярную литературу. В мае 1919 г. оно было преобразовано в Госиздат. — 129.

[43]) В основу обсуждения программы партии на VIII съезде Р.К.П.(б.) был положен «Проект программы Р. К. П. (б.)», представленный съезду программной комиссией VII съезда (см. прим. 33).

С докладом о программе выступил Н. Бухарин, охарактеризовавший отличие ее от прежних програм как по форме, так и по содержанию (анализ империалистической эпохи, уничтожение деления на программу-минимум и программу-максимум). Докладчик остановился также на своих разногласиях с большинством комиссии относительно характера теоретического введения к программе и по национальному вопросу. Как и в комиссии (и еще раньше на VII съезде), Бухарин, исходя из антиленинского понимания империализма и социальной революции, продолжал в несколько измененном виде отстаивать свои ошибочные «левые» взгляды периода войны. В отношении теоретической части он предлагал «дать более сжатую характеристику новой эпохи, выбросить совершенно цитирование старой программы, но зато в гораздо большей степени остановиться на анализе как раз новейшей фазы капитализма, т.-е. империалистической эпохи». Необходимость такого введения, по его мнению, вытекала из того, что «у нас теперь существует финансовый капитализм, а не капитализм вообще». В отношении пункта программы по национальному вопросу Бухарин защищал лозунг «самоопределения трудящихся классов каждой национальности», соглашаясь с лозунгом самоопределения наций лишь в отношении тех стран, «где пролетариат не оформился в класс, где он не осознал противоположности своих интересов интересам буржуазии» («VIII съезд Р. К. П. (б.)». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 39—41).

Затем с печатаемым здесь докладом, выясняющим точку зрения

комиссии по ряду конкретных и наиболее спорных вопросов, выступил Ленин. В развернувшихся прениях, занявших и вечернее заседание, выступили т.т.: Подбельский, Рязанов, Красиков, Крыленко, Осинский, Юренев, Пятаков, Томский, Суница, Герман и Рыков, причем ряд делегатов (Подбельский, Крыленко, Суница, Пятаков) в той или иной степени поддерживал точку зрения Бухарина. Пятаков пошел даже дальше Бухарина. Считая, что лозунг права наций на самоопределение «показал себя на практике, во время социалистической революции как лозунг, объединяющий все контр-революционные силы», он предлагал отказаться как от него, так и от лозунга «самоопределение трудящихся» и «твердо стать на путь строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения» («VIII съезд Р. К. П. (б.)», стр. 67—70).

После заключительных слов Ленина и Бухарина, съезд признал «проект программы Р. К. П. (б.) как по форме построения (тип программы), так и в изложении основных принципов, задач, целей и тактики нашей партии, вполне отвечающим потребностям и задачам партии пролетарской революции», и постановил передать его для окончательного редактирования в комиссию, в составе Ленина, И. Сталина, Л. Каменева, Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Г. Сокольникова, Г. Пятакова, Е. Преображенского, М. Томского, П. Смидовича и А. Бубнова.

Комиссия имела 2 заседания 20 марта. Из трех имевшихся проектов,— Подбельского, Крыленко и программной комиссии VII съезда,— за основу был взят последний, в который комиссия внесла ряд изменений (между прочим, Лениным по предложению комиссии был написан особый пункт о реальных гарантиях свобод и прав, принятый комиссией) и дополнений (подробнее об этом см. «VIII съезд Р.К.П. (б.)», стр. 283—290).

При окончательном редактировании программы было достигнуто полное единогласие всех членов комиссии. 22 марта окончательный текст программы был представлен съезду и утвержден им единогласно (см. прим. 35). Он затем прошел собственноручную корректуру Ленина, о чем свидетельствует сохранившийся в архиве Ленина экземпляр ее.—131.

[44]) Ленин приводит здесь по памяти следующее место из написанного Энгельсом 15 декабря 1887 г. предисловия к брошюре Сигизмунда Боркгейма «На память немецким убийцам-патриотам 1806—1807 годов»: «Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени до чиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной,— сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент,— голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы, только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (Sigismund Borkheim. «Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807». Mit einer Einleitung von Fr. Engels. Hottingen-Zürich. 1888, стр. 7). Цитата дана по переводу Ленина в его статье «Пророческие слова» (XXIII том Сочинений, стр. 105—109), посвященной этому предисловию Энгельса.—131.

[45]) *«Мешечничество»* — одна из форм анархического самоснабжения продовольствием, чрезвычайно вредно отражавшаяся на государственной

хлебозаготовительной и всей продовольственной работе Советской власти. Возникнув еще во время империалистической войны на почве дороговизны, бестоварья и продовольственного кризиса, мешечничество в дальнейшем получило все большее развитие, особенно в 1918 — 1919 г.г., когда оно составляло до 50% всех хлебных заготовок. По данным Ц. С. У., напр., в 1918 г. в 26 губерниях было вывезено хлеба 146 милл. пудов, из них продорганами — 77 милл. пудов и мешечниками — 69 милл. Борьба с мешечничеством, особенно спекулятивным, получившим гораздо большее развитие, чем потребительское, была чрезвычайно трудным делом и продолжалась до самого конца существования продразверстки, сокращаясь по мере налаживания продовольственной работы Советской власти. — 132.

46) Ленин имеет в виду, повидимому, следующее место из «Капитала»: «Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунстштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности» (К. Маркс. «Капитал». Критика политической экономии, т. I, кн. 1. М. Гиз. 1923 г., стр. 279). — 133.

47) В ответ на требование финляндского буржуазного правительства немедленно признать независимость Финляндии, чего оно домогалось в целях получения юридического основания для приглашения в Финляндию германской военной силы, Совет Народных Комиссаров 31 (18) декабря 1917 г. утвердил декрет о признании государственной независимости Финляндской республики. Декрет в тот же день был вручен Лениным в Смольном финляндской делегации, в составе П. Свинхувуда — главы финляндского правительства, и К. Энкеля — государственного секретаря. 4 января 1918 г. декрет был утвержден В. Ц. И. К. по докладу И. Сталина, отметившего, между прочим, обстоятельство, «что финские с.-д. только из непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим вырвать из рук господствующей буржуазии свою независимость» («Известия В. Ц. И. К.» № 260, 6 января 1918 г. (24 декабря 1917 года). Для разрешения вопросов, вытекавших из отделения Финляндии от России, была создана на паритетных началах особая Российско-финляндская согласительная комиссия. Выработанный этой комиссией проект договора был утвержден Советом Народных Уполномоченных Финляндии и С. Н. К. Р. С. Ф. С. Р. и окончательно подписан сторонами 1 марта 1918 года. Ленин, как это видно из воспоминаний члена этой комиссии Э. Гюллинга, оказывал большое влияние на ее работу (см. «Красная Летопись» № 1, 1929 г., стр. 13). — 136.

48) Ленин имеет в виду переговоры об образовании Башкирской Советской республики, которые в то время велись И. Сталиным с башкирской делегацией. Открытию переговоров предшествовали следующие обстоятельства. После провозглашения в ноябре 1917 г. Башкирской Автономной республики руководство движением башкирских трудовых масс перешло в руки националистических элементов во главе с Заки Валидовым, представлявших интересы буржуазно-кулацкой части населения. Постепенно эта группа скатилась к прямой антисоветской деятельности и вошла в связь с Дутовым и Колчаком. Однако под давлением масс, среди которых вследствие ликвидации Колчаком башкирской автономии возросли симпатии к Советской власти, Валидов вынужден был начать переговоры с Советской властью. В феврале 1919 г. Башкирское правительство перешло на сторону Советской власти, и в конце того же месяца в Симбирске, в штабе Восточного фронта, было подписано делегацией Башкирского правительства предварительное соглашение, которое гарантировало башкирскому народу автономию при условии установления им власти на основе Советской конституции, открывало совместные дей-

ствия башкирских частей и Красной армии против белых и пр. В начале марта 1919 г. в Москве начались переговоры об окончательном соглашении и образовании Башкирской Советской республики, результатом которых явилось «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии», заключенное 20 марта 1919 г. и определявшее территорию республики и порядок ее управления («Известия В. Ц. И. К.» № 63, 23 марта 1919 года). — 136.

[40]) *Варшавский Совет Рабочих Депутатов* — был одним из первых Советов, созданных в бывшем Царстве Польском под влиянием победы Октябрьской революции в момент отступления германских оккупационных войск. Советы были организованы в главных центрах страны: в Домбровском бассейне (3 ноября), в Варшаве (11 ноября), в Лодзи, в Люблинском округе и др.

Для организации Варшавского Совета Рабочих Депутатов была создана объединенная комиссия из представителей Социал-демократии Польши и Литвы, П.П.С. левицы (объединившихся позднее в Коммунистическую партию Польши) и Варшавского совета профессиональных союзов. П.П.С., стоявшая тогда в лице Морачевского во главе правительства, организовывала свои самостоятельные Советы, чтобы противопоставить их революционным Советам Рабочих Депутатов; Бунд совместно с Поалей-Цион и социалистами-сионистами, с своей стороны, стал создавать отдельный Совет еврейских рабочих. Вскоре после своего конституирования Исполнительный Комитет Варшавского Совета Рабочих Депутатов обратился к пепээсовскому и бундовскому Советам с предложением образовать единый Совет Рабочих Депутатов г. Варшавы. Под давлением масс, требовавших единого Совета, П.П.С. и Бунд вынуждены были согласиться на это, и в конце декабря — начале января началась кампания перевыборов в единый Совет Рабочих Депутатов г. Варшавы.

14 января 1919 г., при выборах Исполнительного Комитета нового Совета, коммунисты имели 297 голосов, П. П. С. — 353, Бунд 125, Еврейская социалистическая партияФерейнште — 48, польские националисты («польские профсоюзы») — 62 и Поалей-Цион — 32. Совет охватывал более 300 предприятий и почти 50 тысяч рабочих. Сразу же между коммунистами и П. П. С. в Совете началась ожесточенная борьба, с особенной силой проявившаяся по следующим вопросам: в январе в связи с предложением коммунистов послать комиссию для расследования обстоятельств убийства членов Миссии Советского Красного Креста, организованного органами правительства Морачевского (член П. П. С.); в феврале — по вопросу о борьбе против войны с Р. С. Ф. С. Р., которую фактически начало вести буржуазное правительство Падеревского, пришедшее к власти 30 января 1919 года. Наконец, в марте — по вопросу о всеобщей забастовке против правительственных репрессий. Пепээсовцы решительно высказались против забастовки и сорвали ее. После этого они открыто выступили против Совета, выдвинув лозунг организации партийных пепээсовских Советов. К этому их побуждало, с одной стороны, укрепление буржуазного государства, а, с другой, все растущее влияние коммунистов в рабочих массах, благодаря революционной тактике коммунистов (в Варшавском Совете среди пепээсовцев образовалась оппозиция, примыкавшая по ряду вопросов к коммунистам). П. П. С. характеризовала Советы как органы, «враждебные польскому государству... с которыми надо решительно бороться», и предложила «перестроить» их в учреждения общественно-хозяйственные и культурные.

В конце апреля, когда пепээсовцы отказались устроить совместно с коммунистами демонстрацию под знаменем Совета, между ними и коммунистами произошло резкое столкновение, вскоре после чего пепээсовцы вышли из Варшавского Совета, организовав свой Совет Рабочих Депутатов из лиц, стоявших на позиции «независимой польской социалистической

республики». Это было маневром, направленным к окончательной ликвидации в Польше Советов Рабочих Депутатов.

Польские коммунисты, не имея еще подлинно-большевистской установки в программных и тактических вопросах, не сумели превратить Советы в органы вооруженного восстания. Советы, в которых коммунисты обладали либо значительным меньшинством, либо большинством (Домбровский бассейн, Люблинский округ), раскалываются пепеэсовцами и после нескольких месяцев борьбы падают под ударами правительства.

Цифры партийного состава Варшавского Совета, приведенные ниже Лениным, были опубликованы в органе Коммунистической Рабочей партии Польши «Sztandar Socjalismu» («Знамя Социализма») в № 13 от 16 января 1919 года. — 138.

[50]) Речь идет о проекте «Обращения VIII съезда Р. К. П. (б.) к партийным организациям», которое было опубликовано на другой день, 20 марта, в «Правде». «Ряд полученных и собранных данных, — говорилось в нем, — выяснил, что враги Советской власти напрягают все силы, чтобы нанести пролетариату решительный удар. Колчак, Деникин, петлюровцы и белогвардейцы на Западе готовили к марту общее наступление на всех фронтах. Их план заключался в том, чтобы одновременно с общим наступлением поднять ряд восстаний внутри страны, преимущественно в ближайшем тылу Красной армии, на узловых пунктах железных дорог и сорвать работу заводов, обслуживающих армию и транспорт... Использование тяжелого продовольственного положения прямо входит в ближайший план всех врагов пролетариата. Левые эс-эры в своих последних выступлениях были прямым орудием общего плана царских генералов Деникина и Колчака. Часть меньшевиков столь же усердно выступает в роли агентов белой гвардии». Указывая далее на то, что первый удар отбит, что общее наступление наткнулось на геройское сопротивление Красной армии, а попытки восстаний и агитация за стачки явно сорвались, «встретив беспощадное сопротивление и решительное осуждение со стороны всех сознательных рабочих», обращение призывало всех работников партии удвоить бдительность и энергию и дать решительный отпор всем проискам и попыткам белогвардейцев и их сознательных и бессознательных агентов и пособников. Заканчивалось обращение призывом к партийным и советским организациям «немедленно мобилизовать свои силы и быть готовыми ответить беспощадным ударом на всякую попытку использовать трудные месяцы для срыва государственного строительства пролетариата» («Правда» № 60, 20 марта 1919 года). — 139.

[51]) Декрет «О потребительских коммунах», который имеет здесь в виду Ленин, был опубликован 20 марта. Он явился завершением той борьбы, которую Советская власть вела с буржуазными кооператорами за превращение кооперации в орудие планового социалистического распределения продуктов, путем охвата ею всего трудящегося населения.

Идея создания единой кооперативной организации—потребительских коммун — была намечена Лениным уже в конце 1917 г. в написанном им «Проекте декрета о потребительных коммунах» (см. XXII том Сочинений, стр. 172—173). «Проект» с некоторыми поправками был опубликован в середине января 1918 г. и встретил ожесточенное сопротивление со стороны буржуазных кооператоров, усмотревших в нем «покушение на независимость кооперации», которую они стремились использовать в качестве орудия борьбы против Советской власти. В силу ряда обстоятельств (Брест и пр.) «Проект» временно не получил дальнейшего движения.

Считая необходимым сохранение и использование аппарата буржуазной кооперации, как аппарата распределения, связанного с широкими массами населения, Советская власть пошла на известные уступки кооператорам. Переговоры о соглашении, ведшиеся с ними в марте — апреле 1918 г., закончились принятием выработанного ими проекта соглашения,

который после соответствующих поправок Ленина был 11 апреля утвержден В. Ц. И. К. и опубликован в виде «Декрета о потребительских кооперативах». Характеристику Лениным этого декрета и уступок, сделанных кооператорам, см. XXII том Сочинений, стр. 452, и XXIII том, стр. 327 — 330.

Ввиду нарушения кооперацией этого декрета и проведения в конце 1918 г. национализации частной торговли, С. Н. К. в своем декрете от 21 ноября «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» наметил новый этап во взаимоотношениях с буржуазной кооперацией, установив контроль советских органов за ее деятельностью («Известия В. Ц. И. К.» № 257, 24 ноября 1918 года).

В начале 1919 г. Ленин вновь возвращается к намеченной им в конце 1917 г. идее организации потребительских коммун. Он составляет «Записку о мерах перехода от буржуазной кооперации к коммунистическому снабжению» (см. «Ленинский Сборник» XVIII, стр. 290 — 292). В течение января — марта вопрос о кооперации несколько раз обсуждался в С. Н. К.

7 марта С. Н. К. по вопросу о кооперации принял в основу тезисы Ленина и М. Фрумкина. Для выработки проекта декрета о потребительских коммунах и плана перехода от буржуазной кооперации к новым формам была избрана комиссия (Н. Крестинский, В. Ногин и М. Фрумкин). Выработанный комиссией проект декрета был 16 марта утвержден С. Н. К. и, после окончательного редактирования Лениным, опубликован 20 марта. Согласно декрету создавался единый распределительный аппарат, причем объединение существующих органов должно было быть произведено таким образом, «чтобы главный аппарат правильного массового распределения, именно кооперация, как единственный аппарат, созданный и проверенный многолетним развитием при капитализме и практическим опытом, был не разрушен и не отброшен, а положен в основу нового, сохранен, развит и усовершенствован». Исходя из этих положений и стремления «передать дело распределения в руки самого трудящегося населения и к уничтожению неравенства распределения через нынешние кооперативы», С. Н. К. постановлял во всех городах и сельских местностях объединить и реорганизовать потребительскую кооперацию в единый распределительный орган — потребительскую коммуну, включающую все население данной местности» (см. «Известия В. Ц. И. К.» № 60, 20 марта 1919 года). — 140.

[52]) Партии меньшевиков и эс-эров (правых и центра) были лишены легальности летом 1918 г. в результате их контр-революционной деятельности. 14 июня 1918 г. В. Ц. И. К., ввиду того, что представители этих партий «вплоть до самых ответственных, изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами, на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком, и, наконец, в последние дни с чехо-словаками и примкнувшими к ним черносотенцами», постановил «исключить из своего состава представителей партий эс-эров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам Р., К. и Кр. Депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды» («Известия В. Ц. И. К.» № 123, 18 июня 1918 года). (Подробнее об обстоятельствах принятия этого постановления см. XXIII том Сочинений, прим. 109.)

Это решение В. Ц. И. К. было пересмотрено им в связи с тем поворотом, который в конце 1918 — 1919 г.г. наметился в среде мелко-буржуазной демократии под влиянием Германской революции, ликвидации Брестского договора, опыта сотрудничества с иностранной и русской буржуазией и уроков колчаковщины. Этот поворот сказался на поведении соглашательских партий меньшевиков и эс-эров. Первыми на этот путь

стали меньшевики. В «Тезисах и резолюции Центрального комитета (17—21 октября 1918 г.)» они признали, что «совершенный в октябре 1917 г. большевистский переворот является исторически необходимым». Во изменение своей недавней позиции, они далее заявляли, что «отвергают всякое политическое сотрудничество с враждебными демократии классами и отказываются от участия во всех, хотя бы и демократическим флагом прикрываемых, правительственных комбинациях, которые основаны на «обще-национальных» коалициях демократии с капиталистической буржуазией или на зависимости от иностранного империализма и милитаризма». В то же время они считали единственным правомочным органом полновластное Учредительное Собрание и требовали отмены чрезвычайных комиссий и прекращения террора, обещая «прямую поддержку военных действий советского правительства». Наконец, в воззвании от 14 ноября Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) предлагал всем искренно-революционным элементам... решительно и бесповоротно порвать свой союз с имущими классами и их партиями, опирающимися на англо-американский империализм, встать в безоговорочно-враждебные отношения к вмешательству иностранных хищников» («Вечерние Известия Московского Совета Р. и Кр. Д.» № 105, 22 ноября 1918 года).

Ввиду этих заявлений меньшевиков, В. Ц. И. К. в своем заседании от 30 ноября 1918 г., исходя из того, что партия меньшевиков, «по крайней мере, в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами как российскими, так и иностранными», постановил считать недействительной свою резолюцию от 14 июня «в той ее части, которая касается партии меньшевиков». Вместе с тем, В. Ц. И. К. отмечал, что это решение «не относится к тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против Советской власти» («Правда» № 261, 1 декабря 1918 года).

Несколько позже процесс «полевения» начался и среди части эс-эров. Последний получил свое выражение в решениях конференции представителей организаций партии эс-эров на территории Советской России, состоявшейся 8 февраля 1919 г. в Петрограде. В принятой резолюции конференция 1) «решительно отвергла попытку свержения Советской власти путем вооруженной борьбы»; 2) заявляла, что «попытки империалистических стран Согласия под предлогом помощи России или борьбы с анархией захватить своими войсками часть территории России или вмешаться в ее внутренние дела являются гибелью для интересов трудящихся классов России и должны встретить решительный отпор» и 3) отвергала «самым решительным образом всякое блокирование и коалирование с буржуазными партиями» («Дело Народа» № 1, 20 марта 1919 года).

Почти одновременно и независимо от конференции состоялось соглашение между представителями Самарского Комитета членов Учредительного Собрания (Вольский, Святицкий, Ракитников и Буревой) и представителями Советского правительства об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью на всем протяжении Волжского фронта со стороны войск «народной армии» и об официальной амнистии со стороны правительства тем из них, которые немедленно прекратят борьбу на фронте.

В ответ на эти решения февральской конференции и соглашение «учредиловцев», В. Ц. И. К. 25 февраля 1919 г. постановил отменить свое постановление от 14 июня 1918 г. «по отношению ко всем группам партии эс-эров, считающим для себя обязательным указанное постановление конференции П. С.-Р. и Комитета членов Учредительного Собрания, предоставив им право наряду с другими партиями принимать участие в советской работе и предложить административным и судебным органам в Советской республике освободить из заключения тех членов П. С.-Р., которые разде-

ляют точку зрения, изложенную в вышеуказанных резолюциях и разъяснениях». Одновременно постановление В. Ц. И. К. гласило: «Продолжая попрежнему беспощадную борьбу со всеми группами, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю и внутреннюю контр-революцию, В. Ц. И. К. считает своим долгом предоставить партиям мелко-буржуазной демократии возможность на деле в открытой борьбе доказать свою готовность поддержать пролетариат и крестьянство в борьбе с внешней и внутренней буржуазной контр-революцией» («Обвинительное заключение по делу Ц. К. П. С.-Р.», М. 1922 г., стр. 36).

Как известно, достаточно было весною начаться кулацким восстаниям в ряде губерний и успешному наступлению Колчака, как эти партии, за исключением отдельных их представителей, действительно порвавших со своим контр-революционным прошлым, начали возвращаться на свои старые позиции — непримиримых врагов Советской власти. Ввиду этого Ц. К. Р. К. П.(б.) дал директиву «об аресте всех видных меньшевиков и эс-эров, относительно которых персонально не было известно, что они готовы активно помогать Советской власти в борьбе с Колчаком» («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 1, 28 мая 1919 года). — **144**.

[53]) Это преимущество нашло свое выражение в 25, 53 и 57 статьях конституции Р. С. Ф. С. Р. от 19 июля 1918 г., послужившей образцом для конституций остальных Советских республик. Согласно этим статьям, устанавливающим нормы представительства в Советы, депутаты при выборах на Всероссийский съезд Советов должны избираться из расчета: 1 депутат на 25 тыс. избирателей от городского населения и 1 депутат на 125 тыс. жителей от сельских местностей. Это, нашедшее свое выражение в конституции, преимущество пролетариата, являющегося руководящим классом пролетарского государства, над крестьянством сохраняет свою силу и в настоящее время. — **146**.

[54]) *Венгерская Советская республика* — существовала с 21 марта по 1 августа 1919 года. После крушения 31 октября 1918 г. монархии в Венгрии власть в ней перешла в руки радикальных партий мелкой буржуазии и с.-д., образовавших коалиционное правительство во главе с графом М. Карольи. Однако это правительство, объявившее Венгрию «Народной республикой», оказалось не в состоянии справиться с внешними и внутренними задачами. В стране вследствие бездействия фабрик началась страшная безработица, усугубленная демобилизацией. Разруха в промышленности сопровождалась не менее тяжелым финансовым кризисом. Образованная под руководством Бела Куна в ноябре 1918 г. Коммунистическая партия Венгрии развила энергичную деятельность. Рабочие в отдельных местах начали прибегать к захвату фабрик и заводов. По всей стране разлилось широкое аграрное движение. Тогда правительство Карольи, по инициативе социал-демократов, прибегло 21 февраля 1919 г. к аресту руководителей Компартии, ставшей во главе революционного движения масс и направившей его в русло сознательной борьбы за власть Советов. Но этот шаг правительства лишь еще больше увеличил симпатии рабочих к коммунистам. Столь же трудным было положение правительства и в области внешней политики: с согласия Антанты румынские, чехословацкие и юго-славские войска заняли две трети бывшей территории Венгрии. Кризис власти был завершен, с одной стороны, требованием рабочих крупных металлургических заводов Будапешта об освобождении арестованных руководителей Коммунистической партии (18 марта 1919 г.), движением безработных и демобилизованных и всеобщей забастовкой печатников, а с другой — новой нотой представителя Антанты, полковника Викса (19 марта), в которой от Венгрии требовались дополнительные уступки в пользу Румынии и Чехо-Словакии новых почти исключительно венгерцами населенных территорий. Тогда Карольи предложил с.-д. образовать однородное социал-демократическое правительство, которое бы

ориентировалось на Советскую Россию и оказало сопротивление требованиям Антанты. 20 марта правительство подало в отставку. Центральный Комитет с.-д. партии под давлением левеющих масс решил предложить коммунистам объединиться и объявить диктатуру пролетариата. 21 марта в будапештской тюрьме между лидерами с.-д. и арестованными вождями Коммунистической партии было заключено следующее соглашение: 1) обе партии полностью объединяются; 2) до решения Коммунистического Интернационала объединенная партия будет называться Социалистической партией Венгрии; 3) обе прежние партии будут совместно участвовать в руководстве новой партией и в правительственной власти. От имени пролетариата партия немедленно берет в свои руки полноту власти, и диктатура пролетариата осуществляется Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов; 4) партия немедленно разоружает буржуазию и создает классовую армию пролетариата; 5) для обеспечения власти пролетариата и для борьбы с антантовским империализмом заключается полный и тесный военный и духовный союз с Российской Советской республикой (см. «Коммунистический Интернационал» № 2, стр. 238).

В соответствии с этим, в ночь на 21 марта без всякого сопротивления со стороны буржуазии была провозглашена диктатура пролетариата и образован под председательством «левого» с.-д. А. Гарбая Революционный Правительственный Совет, состоявший из народных комиссаров — коммунистов и социал-демократов. Слияние коммунистов с социал-демократической партией явилось роковой ошибкой со стороны коммунистов, ибо оно на деле означало ликвидацию молодой Коммунистической партии. У Ленина тотчас по установлении диктатуры возникли серьезные опасения относительно участия социал-демократов в правительстве (см. наст. том, стр. 183).

На первом же своем заседании Революционный Правительственный Совет принял решение о разоружении полиции и создании на добровольческих началах Красной армии. В целях скорейшего осуществления социалистического строя была проведена (27 марта) широкая национализация всех промышленных предприятий, имеющих свыше 20 рабочих, во главе которых были поставлены рабочие-директора («производственные комиссары»). 28 марта издан декрет о национализации банков и конфискации вкладов. Декретом от 4 апреля все земельные владения свыше 100 иохов (около 55 га) передавались вместе с живым и мертвым инвентарем в руки пролетарского государства. На этих землях создавались «производственные кооперативы» из сельско-хозяйственных рабочих и батраков, причем в качестве «производственных комиссаров» в большинстве случаев «временно» были оставлены бывшие управляющие и даже бывшие владельцы имений. Сохраняя крупные сельскохозяйственные предприятия, как наиболее производительные, революционное правительство стремилось создать социалистические формы земледелия и таким образом разрешить продовольственный вопрос. Такая политика не могла не оттолкнуть от Советской власти бедняцкие и середняцкие массы, надежды которых на раздел земли были обмануты. Другая крупная ошибка, таким образом, была допущена в области крестьянского вопроса: не было дооценено революционное значение раздела земель для укрепления союза пролетариата с крестьянством. В этом сказалось непонимание венгерскими коммунистами того, что пролетарская революция должна попутно разрешить задачи буржуазно-демократической революции. Вследствие этого пролетарская диктатура не смогла опереться на крестьянские массы и не встретила их полной поддержки в своей вооруженной борьбе против всемирно-могущественных разбойников империализма. В первой половине апреля была введена государственная монополия внешней торговли. Кроме того многочисленные мероприятия революционного правительства обеспечивали трудящимся повышение заработной платы, улучшение жилищных условий

(переселение рабочих из подвалов в дворцы) и огромное расширение социального обеспечения. Культурному обслуживанию масс было посвящено особенное внимание.

Венгерскому пролетариату пришлось осуществлять строительство Советской власти не только в борьбе с внутренними затруднениями и контр-революцией (кулацкие восстания, скрытая предательская работа профсоюзной и с.-д. бюрократии и т. д.), но и в обстановке внешнего враждебного окружения. Первым шагом со стороны Антанты в отношении Венгерской Советской республики было установление полной экономической блокады, в чем Антанте содействовали социал-демократические правительства Реннера-Бауэра (Австрия) и Тусара (Чехо-Словакия). После того как 4 апреля Советское правительство отвергло ультиматум Антанты о перенесении демаркационной линии почти вплоть до Будапешта и реки Тиссы, румынское и чехо-словацкое командование предприняло наступление, закончившееся в начале мая полным разгромом Красной армии. Румынские войска находились всего в 80 километрах от Будапешта. Правые социал-демократы воспользовались моментом, чтобы выступить в Революционном Правительственном Совете с требованием отказа от диктатуры пролетариата. Республика переживала критические дни, и только революционный энтузиазм масс и решительная политика отдельных руководителей спасли положение. С целью выиграть время, правительство сделало предложение о перемирии. Рабочие Будапешта и его окрестностей были поставлены под ружье. В Красную армию, подчиненную теперь единому руководству, начали вливаться рабочие пополнения.

В то же время, при содействии контр-революционных эмигрантских центров и находившихся в Венгрии военных миссий Антанты, внутри страны организовалась контр-революционная буржуазия, реакционная интеллигенция и военщина. Вследствие недовольства крестьян политикой Советской власти и отказа их отдавать с.-х. продукты за выпущенные после революции бумажные знаки, снабжение городов почти совершенно прекратилось. На этой почве, а также под влиянием контр-революционной агитации социал-демократов, росло недовольство среди отдельных категорий рабочего класса, просачивавшееся и в Красную армию.

В этот трудный момент (в конец мая) Ленин писал венгерским рабочим: «Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно» (см. наст. том, стр. 316).

В этих исключительно трудных условиях Красная армия начала свое успешное продвижение вперед, заняв большую часть Словакии, где была провозглашена Словацкая Советская республика. 9 июня Клемансо от имени Антанты потребовал от Советского правительства прекращения военных действий и эвакуации Словакии, обещая последующее освобождение занятых румынами венгерских территорий. После длительного обсуждения этого ультиматума на I съезде Советов, на котором часть социал-демократов с Сигизмундом Кунфи во главе открыто выступила против режима диктатуры, условия Клемансо были приняты, и победоносная Красная армия начала очищать занятые ею территории. Контр-революция подняла голову. 24 июня в Будапеште вспыхнуло восстание, подавленное после кровавых боев. Борьба между коммунистами, с одной стороны, и социал-демократической партийной и профсоюзной бюрократией, с другой, начала принимать все более открытые формы.

10 июля Советское правительство объявило всеобщую мобилизацию и потребовало от Клемансо увода румынских войск. Во время подготовки военных операций была принята отставка главнокомандующего с.-д. Вильгельма Бема, который старался вытеснить коммунистов из армии, и на его место назначен Евгений Ландлер, командовавший до того армией,

осуществившей успешное наступление в Словакии. Ввиду отказа Клемансо выполнить условия перемирия, Красная армия 20 июля перешла в наступление, операционный план которого вследствие измены начальника штаба стал заранее известен румынскому командованию. Начавшись успешно, наступление вскоре потерпело полную неудачу, закончившись развалом Красной армии.

Под влиянием военных неудач, крайнего обострения продовольственных затруднений, а также пораженческой агитации социал-демократов, ведших непосредственные переговоры с Антантой о ликвидации Советской власти, — Советское правительство допустило новую ошибку и 1 августа вышло в отставку, передав власть «профсоюзному правительству», образованному под председательством Юлиуса Пейдля из лидеров профсоюзов и нескольких социал-демократов, бывших членов Советского правительства.

Значительная часть коммунистов, членов Советского правительства, бежала в Австрию, причем Тибор Самуэли был расстрелян на австрийской границе, а остальные интернированы Австрией. Социал-демократическое правительство Пейдля, не замедлившее восстановить частную собственность, уже 6 августа было арестовано при поддержке главного командования румынской армией, занявшей 4 августа Будапешт. Преследования коммунистов и рабочих, начатые еще правительством Пейдля, приняли массовый характер.

Одну из главных причин гибели Советской Республики в Венгрии Ленин усматривал в измене социал-демократов, которые на словах перешли на сторону диктатуры и «объявили себя коммунистами, а на деле не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничали, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее... Всемирно-могущественные разбойники империализма... сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей» (XXV том Сочинений, стр. 32 — 33).

Несмотря на допущенные руководством молодой компартии Венгрии ошибки, явившиеся результатом влияния социал-демократических и люксембургианских идей и отсутствия революционных традиций, венгерская пролетарская революция, впервые осуществившая пролетарскую диктатуру в средне-европейской стране, имела огромное международное значение. Она привела и к крайне важным положительным результатам, ослабив подготовлявшееся весной 1919 г. большое военное выступление Антанты против Советской России и дав толчок к образованию коммунистических партий на Балкане и в Чехо-словакии. Наконец, она создала революционные традиции, представляющие собой крупную движущую силу второй грядущей венгерской пролетарской революции. — 157.

[55]) *«Népszava» («Слово Народа»)* — ежедневная газета, основанная в 1880 г., центральный орган Венгерской Социал-демократической партии. После образования в ноябре 1918 г. Коммунистической партии Венгрии газета вела ожесточенную борьбу с ней. С 22 марта 1919 г. она становится органом объединенной Социалистической партии. Несмотря на это, за время Советской власти между газетой «Népszava» и газетой «Vörös Ujság» («Красная Газета»), большинство редакции которой составляли коммунисты, по вопросам текущей политики велась скрытая борьба. После крушения Советской власти выход газеты прекратился, возобновившись в октябре 1919 года. В настоящее время «Népszava», как и Венгерская с.-д. партия, органом которой она является, занимает самую яркую социал-фашистскую позицию. — 157.

[56]) *Секция по работе в деревне, или аграрная секция* — была намечена 18 марта на первом заседании съезда для проработки вопроса об организации пролетарских и полупролетарских слоев деревни и имела 3 заседа-

ния: 20 (вечером), 21 (утром) и 22 (вечером) марта. Секция, в которую вошло 66 делегатов, намеревалась обсудить два вопроса: о земельной политике и о партийной работе в деревне, причем по второму вопросу ожидался доклад Ленина (не состоявшийся).

На заседании секции 20 марта с докладом по первому вопросу выступил В. Кураев, остановившийся на коллективизации крестьянского хозяйства, как на основной задаче в период перехода к социалистическому земледелию. По докладу выступил ряд делегатов, главным образом, с мест, причем в речах некоторых из них сказывалось стремление насадить возможно быстрее социалистические формы землепользования, с чем не соглашался Ленин, который, хотя и не присутствовал на всех заседаниях секции, руководил ее работами. На заседании 21 марта, открывшемся как частное совещание, был сначала заслушан доклад т. Костеловской о работе рабочих продотрядов в деревне, после чего возобновились прения по докладу т. Кураева.

22 марта секция обсудила тезисы т.т. Кураева и Милютина и передала их в специальную комиссию для переработки в духе ленинской установки, которую председательствовавший в секции А. Луначарский изложил следующим образом: «Товарищ Ленин стоит на той точке зрения, что нужно подчеркнуть повсюду, во всех тех пунктах, которые до сих пор не прошли, что коммунистическая партия определенно стремится к защите среднего крестьянина, т.-е., не вычеркивая тех мест, в которых мы говорим о законах социалистического землеустройства, подчеркнуть, главным образом, все те меры, которые мы выдвигаем для того, чтобы поддержать среднего крестьянина, для того, чтобы не позволить насильственно вводить хозяйственные формы, на которые он не согласен, и не ускорять искусственно тот процесс, который мы приветствуем и которому мы будем всемерно содействовать» («VIII съезд Р. К. П. (б.)». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 223). В эту комиссию были переданы и принятые секцией за основу «Тезисы о политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», составленные А. Луначарским и просмотренные Лениным. В комиссию были избраны: Середа, Луначарский, Митрофанов, Милютин, Пахомов, Иванов, Кураев, Варейкис и Борисов.

Печатаемый здесь доклад был сделан Лениным на пленуме съезда от имени аграрной секции (см. прим. 35). Необходимо отметить, что относительно той части его, в которой Ленин касается «Инструкции для партийной работы в Нижегородской губ.» (см. стр. 165), в Стенографическом отчете имеется следующее примечание редакционной комиссии:

«По поводу этого места речи т. Ленина в президиум съезда поступило следующее заявление: «В цитируемом пункте циркуляра из брошюры, изданной Нижегородским губкомом партии, слова «вообще средних крестьян» являются досадной опечаткой. Свидетельством тому служит весь смысл циркуляра в целом, направленный полностью именно на проведение той политики, какую развивал т. Ленин. Мы заявляем, что Нижегородская губернская организация полностью стоит на точке зрения, выраженной т. Лениным в вопросе об отношении к среднему крестьянству, и проводит ее в жизнь». Подписано: председатель Нижегородского губкома партии Л. М. Каганович, секретарь М. Сергушов (делегаты съезда).

Позднее в Редакционную Комиссию доставлен отдельно изданный циркуляр, помещенный в вышеназванной брошюре. В нем цитированное место читается так: ...«декрет о чрезвычайном налоге должен всей своей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще *мародеров тыла и только в крайности, в небольших размерах можно облагать* средний элемент крестьянства. Ни в коем случае не делать раскладки по едокам» и т. д. Подчеркнутые слова не набраны в брошюре, отчего и получилось искажение смысла. *Редакционная Комиссия*» (VIII Съезд Р. К. П. (б.), Стенографический отчет. М. 1919, стр. 301). — 158.

[57]) Имеется в виду следующее место из книги Каутского: «Die Agrarfrage»: «Вряд ли с.-д. склонит когда-либо на свою сторону крестьянина, хозяйничающего по-старому; но она может поставить его в положение нейтральное, и это было бы уже крупным выигрышем. Экономическое развитие, конечно, перешагнет через него, и с.-д. справится с ним там, где он станет на ее пути; но пока он еще изображает собою силу, которою не следует пренебрегать, и если возможно устранить ее противодействие, то было бы заблуждением упустить это из виду» (K. Kautsky. «Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie». Stuttgart. Verl. Dietz. 1899, стр. 439; русский перевод: К. Каутский. «Аграрный вопрос». Харьков. «Пролетарий». 1926 г., стр. 381). — 163.

[58]) Статья Энгельса: «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии»), на которую здесь ссылается Ленин, появилась в момент горячих споров по аграрному вопросу, развернувшихся в Германской с.-д. партии после Франкфуртского партейтага (конец 1894 г.), на котором баварцы Фольмар и Шенланк, в погоне за крестьянскими голосами, доказывали необходимость завоевания социал-демократией зажиточного крестьянства. Как известно, не задолго до этого, Французская Рабочая партия в формулировке своих аграрных требований на Нантском съезде (сентябрь 1894 г.) стала на точку зрения защиты крестьянской собственности и эксплуатирующих слоев крестьянства. Своей статьей, впервые опубликованной в журнале «Neue Zeit», Энгельс имел в виду исправление оппортунистических ошибок французских и германских социалистов, допущенных последними в аграрном вопросе. Статья затем вышла отдельной брошюрой под тем же названием.

Ленин имеет в виду следующее место из этой статьи Энгельса: «Мы имеем твердое экономическое убеждение в том, что и крупный и средний крестьянин должен неминуемо погибнуть от конкуренции капиталистического хозяйства и дешевого заокеанского производства зерна, — как на это указывает все возрастающая задолженность и повсеместно очевидный упадок также и этих крестьян. Против этого упадка мы ничего не можем сделать, кроме разве того, чтобы рекомендовать и здесь соединение хозяйств в товарищества, в среде которых эксплуатация наемного труда могла бы все более и более уменьшаться и которые могли бы постепенно стать ветвями великого национального производительного товарищества с равными правами и обязанностями. Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их теперешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то пусть они идут к нам, и нашей обязанностью будет посильно облегчить также и им переход в новую форму производства. В противном случае мы должны их предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы уже найдем сочувствие. От насильственной экспроприации мы, по всей вероятности, удержимся и здесь, но, впрочем, будем надеяться на то, что экономическое развитие сделает более доступным благоразумию и эти крепкие головы» (Ф. Энгельс. «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Изд. Р.С.-Д.Р.П. Женева. 1904, стр. 36). — 163.

[59]) Имеется в виду политика Французского Конвента в период после изгнания из него жирондистов — представителей торгово-промышленной буржуазии — и господства якобинской диктатуры (2 июня 1793 г. — 28 июля 1794 г.). В борьбе с внешней и внутренней контр-революцией и в деле ликвидации феодализма якобинский Конвент проявил революционную твердость и последовательность, но его социально-экономическая политика отличалась присущими мелкой буржуазии колебаниями. В течение зимы 1793 — 1794 г. якобинцы твердо проводят политику максимума, запрещают рыночную торговлю, вводят чрезвычайный налог на буржуазию и пытаются

поставить определенные рамки капиталистическому накоплению. Весной 1794 г. они даже становятся на путь раздела имущества «подозрительных» между «нуждающимися патриотами», т. е. беднотой (декреты 8 — 13 вантоза). И одновременно, под давлением крупно-собственнических и кулацких элементов, они идут на известное смягчение продовольственной политики (уничтожение продармии, повышение твердых цен и пр.). В области рабочего вопроса политика якобинского Конвента носила антирабочий характер (сохранение закона Шапелье о запрещении стачек, введение недостаточно высокого максимума заработной платы). У якобинцев не хватало решимости порвать с собственническими элементами и опереться на городскую и деревенскую бедноту. В результате они своей непоследовательной политикой восстановили против себя как новую буржуазию, разбогатевшую во время войны и революции, так и беднейшее крестьянство, недовольное тем, что конфискованные церковные и эмигрантские земли достались, главным образом, сельской и городской буржуазии. Рабочие были недовольны установлением максимума заработной платы. Борьба в Конвенте справа и слева против Робеспьера привела к контр-революционному перевороту и казни Робеспьера 9 — 10 термидора (27 — 28 июля) 1794 года. — 164.

[60]) Налог, о котором здесь говорится, был введен 2 ноября 1918 г. декретом В. Ц. И. К. «О единовременном чрезвычайном десятимиллиардном революционном налоге» и предназначался «для укрепления и создания мощной Красной армии». Как и декрет об организации деревенской бедноты, он преследовал цель — усилить и ускорить классовое оформление деревни. Согласно ст. 6 декрета раскладка налога должна была производиться «таким образом, чтобы городская и деревенская беднота были совершенно освобождены от единовременного чрезвычайного налога, средние слои были обложены лишь небольшими ставками, а всей своей тяжестью налог пал бы на богатую часть городского населения и богатых крестьян» («Известия В. Ц. И. К.» № 240, 2 ноября 1918 года). — 174.

[61]) Этот циркуляр за подписью Ленина и А. Цюрупы был 17 августа 1918 г. разослан по телеграфу всем губернским совдепам и продкомам, ввиду очень частых нарушений ими при организации комитетов бедноты интересов «крестьян среднего достатка». На другой день он был опубликован в «Известиях В. Ц. И. К.» под заголовком: «О союзе рабочих и крестьян».

«Лозунг организации бедноты, — говорилось в циркуляре, — во многих местностях неправильно истолкован в том смысле, что беднота должна быть противопоставлена всему остальному крестьянскому населению, как заведомым кулакам и богатеям, так и многочисленному среднему слою крестьянства, который еще вчера голодал, который только при Советской власти свободно вздохнул. Советская власть никогда не вела борьбы со средним крестьянством. Советская власть всегда ставила своей целью объединение городского пролетария с сельским пролетарием и полупролетарием, а также и с трудовым крестьянством среднего достатка, не эксплуатирующим трудящихся. Поэтому в своей деятельности Советская власть стремилась и стремится к удовлетворению нужды среднего слоя крестьянства, наряду с нуждами городских рабочих и деревенской бедноты. Такой именно смысл имеет закон о социализации земли, проводимый руководящей политической партией — большевиками-коммунистами — с строгим соблюдением интересов среднего крестьянина». Останавливаясь затем на декрете от 11 июля «Об организации снабжения деревенской бедноты», циркуляр подчеркивал, что «некоторые параграфы его прямо говорят о среднем слое крестьянства. Так, примечание к параграфу 2 говорит о привлечении в комитеты бедноты, помимо бедняков, и крестьян, пользующихся наемным трудом, но не держащих в кабале своих односельчан; распределение хлеба и предметов первой необходимости, согласно

параграфам 4, 5, 6, 7 и 8, должно производиться среди всех нуждающихся крестьян, а не только среди одних сельских пролетариев и полупролетариев; параграфы 9, 10 и 11, устанавливающие снабжение крестьян сельско-хозяйственными орудиями на льготных условиях, имеют в виду как бедняков, так и средних крестьян, ибо, разумеется, орудия сельского хозяйства в большей мере нужны последним, чем первым». В заключение всем губсовдепам и губпродкомам на местах предписывалось «согласовать всю свою деятельность с общей политикой центральной власти и неуклонно стремиться к объединению деревенской бедноты и среднего крестьянства путем обеспечения того и другого» («Известия В. Ц. И. К.» № 178, 18 августа 1918 года). — 175.

[6г]) Имеется в виду резолюция VI съезда Советов (6—9 ноября 1918 г.), принятая по докладу о реорганизации комитетов бедноты и замене их волостными и сельскими советами (см. XXIII том Сочинений, «Документы и материалы», стр. 534 — 535). В резолюции, мотивировавшей необходимость создания «единой Советской организации в городе и деревне», предлагалось всем губернским и уездным Советам незамедлительно приступить к перевыборам волостных и сельских Советов, «превратив их по образцу городских Советов в истинные органы Советской власти и коммунистического строительства». «Только при этих условиях, — говорилось в резолюции, — «беднейшее и примыкающее к нему среднее трудовое крестьянство получит полную возможность окончательно закрепить за собой завоевания социалистической революции». В инструкции «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов», выработанной В. Ц. И. К. во исполнение этого постановления съезда и изданной 4 декабря 1918 г., также подчеркивалось, что «перевыборы будут иметь революционный смысл только тогда, если Советы будут избраны деревенской беднотой и средним трудовым крестьянством» («Известия В. Ц. И. К.» № 263, 4 декабря 1918 года). — 175.

[6д]) Посылке настоящей радио-телеграммы предшествовали следующие обстоятельства: 22 марта в 5 час. вечера С. Н. К. Венгерской Советской республики известил через Чепельскую радиостанцию Российскую Советскую республику о происшедших в Венгрии событиях и обратился к Москве со следующим призывом: «Венгерская Советская республика просит т. Ленина к радио-аппарату».

Через 20 минут Москва ответила: «Ленин у аппарата. Прошу к аппарату тов. Бела Куна».

На это Чепельская радиостанция сообщила: «Вместо Бела Куна, занятого на совещании, у аппарата Эрнст Пор. Товарищ Ленин, здесь Эрнст Пор, член Ц. К. Коммунистической партии Венгрии. Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, ввел диктатуру пролетариата и приветствует вас, как вождя международного пролетариата. Передайте наш привет и выражение нашей революционной солидарности русскому революционному пролетариату. Социал-демократическая партия приняла платформу коммунистов, обе партии объединились, и, пока Московский конгресс III Интернационала не установит окончательно наименования для новой партии, мы зовем себя Венгерской Социалистической партией. В этом отношении мы просим указаний. Сейчас заседает С. Н. К. Бела Кун — народный комиссар по иностранным делам. Венгерская Советская республика предлагает русскому Советскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата. Просим немедленного сообщения о военном положении».

В 8 час. вечера Московская радиостанция ответила, что вследствие атмосферных препятствий ей не удалось полностью записать телеграмму Венгерского Советского правительства, на что Чепельская радиостанция повторила недостающие части телеграммы. В 9 час. вечера Москва сообщила, что телеграмма разобрана, и в 9 час. 10 мин. Ленин обратился к правительству Венгерской Советской республики с печатаемым здесь при-

ветствием («Пролетарская Революция» № 5, 1927 г., стр. 149 — 150). — 180.

[64]) *«Кисейная барышня»* — литературный тип простой и наивной девушки, выведенный в повести Н. Помяловского «Мещанское счастье» и бывший в ходу у русских писателей середины и третьей четверти XIX века (у Боборыкина, Лескова и др.). Д. Писарев посвятил разбору повести Н. Помяловского статью «Роман кисейной барышни» (Сочинения, том IV, стр. 247 — 282). — 186.

[65]) Постановление VIII съезда о перерегистрации членов партии содержится в резолюции по организационному вопросу (см. «Документы и материалы», стр. 717). В инструкции по ее проведению, опубликованной Ц. К. только 24 апреля, организациям предлагалось при производстве перерегистрации руководствоваться следующими указаниями: «1. Перерегистрация всех членов партии должна состоять в основательной проверке всего личного состава партийных организаций, 2. Целью перерегистрации является очищение партии от некоммунистического элемента, главным образом, от лиц, примазавшихся к партии в виду ее господствующего положения и использующих в своих личных интересах звание члена партии». Все члены партии должны были возвратить свои членские билеты и вновь представить рекомендации 2 членов партии, состоящих в ней не менее 6 месяцев и известных местному комитету как надежные коммунисты. Непредставившие достаточных рекомендаций должны были перечисляться в кандидаты или в организацию сочувствующих. На время перерегистрации прием новых членов партии был прекращен («Правда» № 86, 24 апреля 1919 года).

Перерегистрация, которую предполагалось закончить к 1 июля, затянулась до конца сентября 1919 г., совпав с партийной мобилизацией, что чрезвычайно помогло организациям очиститься от случайных и негодных элементов, бежавших из партии. Точную цифру исключенных по перерегистрации установить трудно, но она была весьма значительна. Н. Крестинский на IX съезде партии в отчете Ц. К. заявил, что после перерегистрации число членов партии сократилось вдвое («IX съезд Р. К. П. (б.)». Стенографический отчет. 1921 г., стр. 29).

Таким образом, перерегистрация имела значение первой чистки партии, значительно снизившей ее численность. Эта убыль была вскоре пополнена за счет вступления в партию лучших элементов рабочего класса во время партийной недели в конце 1919 г. (см. прим. 155). — 187.

[66]) Запись речей Ленина на граммофонных пластинках была организована Центропечатью. В течение 3 лет (1919 — 1921) удалось записать 15 речей, из них две: «О новой экономической политике» и «О беспартийных» — погибли. По словам Б. Малкина, заведывающего Центропечатью, «с самого начала восстановления, единственной в России, Апрелевской фабрики (под Москвой) В. И. проявил очень большой интерес к делу граммофонной пропаганды и всячески помогал нам наладить это сложное, трудное дело, прося немедленно его известить, когда можно будет приступить к записи речей... В. И. настаивал, чтобы это дело было сразу широко поставлено» («Молодая Гвардия» № 2 — 3, 1924 год).

«Первое время, — говорит тот же автор в другой своей статье, — мы записывали речи В. И. в Кремле в специально изготовленном помещении, последняя запись происходила в Центропечати на Тверской. Сложность и трудность записи заключалась в том, что на каждую речь приходилось ровно три минуты, и первое время В. И. очень волновался, когда на предварительных черновых записях ему не удавалось «уложиться» в три минуты. Но вскоре В. И. поразил всех наших специалистов той исключительно тщательной и внимательной подготовкой к записям, которую он проявил. Владимир Ильич произвел точные подсчеты, сколько он слов в среднем произносит в минуту, добился нужной постановки голоса, и на все последующие записи являлся со специально составленными речами,

удовлетворявшими всем техническим требованиям» («Правда» № 18, 21 января 1928 года).

Установить более или менее точно время записи печатаемых здесь речей не удалось. Из «специально составленных речей», о которых говорит Б. Малкин, за 1919 г. сохранилась только одна — «Обращение к Красной армии», помеченная 31 марта 1919 года. Но в «Вечерних Известиях» от 2 апреля того же года имеется сообщение о том, что «третьего дня» «Советской пластинкой» (отдел Центропечати. *Ред.*) были записаны речи т. Ленина: 1) К середняку-крестьянину, 2) О погромной агитации, 3) Первое впечатление о переговорах по радио с Бела Куном, 4) О советской власти, 5) О III Интернационале, 6) Обращение к Красной армии и др. («Вечерние Известия Московского Совета Р. и Кр. Д.» № 208, 2 апреля 1919 года). Ввиду этого редакция Сочинений сочла целесообразным объединить эти речи под одним шмуц-титулом и поместить их в томе в конце марта месяца. — 191.

[67]) *Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 3 апреля* — состоялось совместно с представителями районных Советов, фабрично-заводских комитетов и правлений профессиональных союзов в связи с крайним обострением продовольственного положения в Москве и поднятой на этой почве среди железнодорожников агитации меньшевиков, правых и левых эс-эров, призывавших к забастовке и требовавших прекращения гражданской войны и уступок свободной торговле. На Александровской железной дороге эта контр-революционная агитация привела к забастовке, ввиду чего Наркомпуть вынужден был 31 марта закрыть главные александровские мастерские, работа в которых была возобновлена лишь 3 апреля.

В начале заседания с приветствием от революционной Латвии выступил Я. Берзин (на его речь ссылается в своем докладе Ленин), отметивший тяжелое положение Латвии, окруженной со всех сторон врагами, стремящимися отрезать ее от Советской России, союз с которой для Латвии являлся единственным выходом. Затем с большим докладом о внешнем и внутреннем положении (объединенным с военным) Советской республики выступил Ленин, с докладом о состоянии железнодорожного транспорта — вновь назначенный Нарком путей сообщения Л. Красин и с докладом о сущности продовольственной политики Советской власти — А. Свидерский. После прений, открытых сразу по всем докладам, с заключительным словом выступил А. Луначарский, предложивший составленную Лениным и единогласно принятую пленумом резолюцию о внешнем и внутреннем положении страны (см. наст. том, стр. 221 — 222 и прим. 73). В особой резолюции пленум, кроме того, заклеймил ведшуюся контр-революционную агитацию и одобрил меры, принятые Наркомпутем в отношении александровских железнодорожных мастерских. — 205.

[68]) О каком собрании идет здесь речь, установить не удалось. Возможно, что оно было созвано в связи с тем брожением в среде уставших и изголодавшихся рабочих масс, которое наблюдалось в то время и которое в отдельных местах, под влиянием злостной агитации меньшевиков, правых и левых эс-эров и других контр-революционных элементов, выливалось в форму забастовок. По крайней мере передовые статьи «Профессионального Движения» этих дней останавливаются на этом вопросе и указывают союзам на необходимость «точно учесть всех работников союзов, снимая ответственных работников с тех постов, которые могут быть заменены менее подготовленными», и «извлечь с заводов *середняка* и усилить им наши центральные и местные организации» («Профессиональное Движение» №№ 5 и 6, 4 и 11 апреля 1919 года). — 212.

[69]) Ленин имеет в виду проникнутую зоологической ненавистью к стране пролетарской диктатуры речь Пишона. Выступая 26 марта в палате депутатов по вопросу об отношении к России, он заявил: «Истинный мир станет возможным только тогда, когда будет разрешен русский вопрос и

окончательно потушен очаг заразы, распространяющийся из России. Это не правительство, это организация анархии путем террора. Его первым актом была измена нам, выразившаяся в подписании Брест-Литовского мира, которая могла повести к гибели Франции. Затем последовало подавление всякой свободы и выражения мнений, лишение народа права свободно выбирать своих представителей, захват всей власти группой лиц, желающих создать то, что они называют диктатурой пролетариата в стране, где рабочий элемент составляет ничтожное меньшинство населения. Результатом были нарушения всех обязательств по отношению к иностранным державам, постоянные тюремные заключения, грабежи, убийства и вообще такой порядок, который привел Россию к голоду. Вот против чего мы защищаемся». В заключение сподвижник Клемансо — вдохновителя интервенции и блокады советской России пытался утверждать, будто «речь идет не о том, чтобы вторгнуться в Россию, а лишь о том, чтобы протянуть санитарный кордон с целью воспрепятствовать дальнейшему распространению большевизма», и призывал все державы «столковаться между собой, чтобы преградить путь большевизму, который является бичом для всего человечества» («Известия В.Ц.И.К.» № 68, 29 марта 1919 года). — 218.

[70]) Настоящая резолюция была написана Лениным, повидимому, на самом заседании пленума Московского Совета. В архиве Института Ленина имеется рукопись первоначального наброска ее на 5 листиках маленького карманного блокнота, причем первый листик не сохранился. Рукопись носит явные следы спешки и отличается от печатаемого здесь текста резолюции, оглашенной А. Луначарским и принятой пленумом, главным образом своей меньшей стилистической законченностью. Кроме того набросок содержит в себе не 6 пунктов, как резолюция, а 5 (4 и 5 пункты резолюции в наброске составляют один 4-й пункт). Возможно, что резолюция была окончательно отредактирована самим Лениным. В прямые скобки взята часть текста, не сохранившаяся в рукописи. — 221.

[71]) *«Всегда Вперед!»* — орган Центрального и Московского Комитетов Р.С.-Д.Р.П. (меньшевиков), явившийся продолжением «Вперeда»,— центрального органа меньшевиков, закрытого 10 мая 1918 года. Первый № «Всегда Вперед!» вышел 14 мая 1918 г., но продолжения не имел. Выход газеты возобновился 22 января 1919 г. после легализации партии меньшевиков (см. прим. 52). Всего вышло 15 №№. Редактировалась Р. Абрамовичем, Ф. Даном и Л. Мартовым. На страницах газеты велась демагогическая агитация против Советской власти, защищалась буржуазная демократия, требовался роспуск Чрезвычайных Комиссий, упразднение красного террора и т. п. После того, как газета в ряде статей — «О Красной армии» (№ 9), «Прекратите гражданскую войну» (№ 11) — выступила с контр-революционным лозунгом «долой гражданскую войну» и возбуждением населения против Красной армии, Исполком Московского Совета вынес ей предупреждение, а 25 февраля 1919 г. она была постановлением президиума В.Ц.И.К. совсем закрыта. Меньшевики пытались продолжать «Всегда Вперед!» под названием «Рабочий Интернационал», первый и, повидимому, последний № которого вышел 11 марта 1919 года. — 221.

[72]) *«Дело Народа»* — ежедневная газета, выходившая с 20 по 28 марта 1919 г. и бывшая органом Московского Бюро партии социалистов-революционеров (последний № вышел с подзаголовком «Орган Центрального Комитета партии с.-р.»). Газета явилась продолжением центрального органа партии правых с.-р., выходившего под тем же названием в 1917—1918 гг. и закрытого в конце января 1918 года. Эс-эры пытались несколько раз возобновить издание газеты: в феврале под названием «Дела Народные» (вышел один № под редакцией В. Сухомлина), с марта 1918 г. как «Дело Народа», выходившего сперва под редакцией Ф. Малкина,

затем — Н. Смирнова. В конце июня газета была снова закрыта и возобновилась только 20 марта 1919 г. после легализации партии (см. прим. 52). В газете печатались статьи В. Чернова, Н. Ракитникова, К. Буревого, В. Агапова (отв. редактор) и др. В передовой № 1 газета демагогически требовала «во имя единства трудовой социалистической демократии» отказа большевиков от «политики насилия над деревней» и восстановления «всех демократических свобод». Статьи газеты, выходившей в напряженнейшей внешней и внутренней обстановке и выражавшей линию правых эс-эров, приобретали в этих условиях значение прямого призыва к выступлению. После того, как в № 8 газеты был выставлен лозунг: «Только всенародное голосование, только Учредительное Собрание может положить действительный конец гражданской войне», она была 28 марта окончательно закрыта. — 221.

[73]) Настоящие тезисы написаны Лениным в наиболее опасный момент на Восточном фронте, создавшийся в связи с продвижением Колчака к Волге, и сыграли исключительную роль в деле мобилизации активности пролетарских масс для борьбы с Колчаком. Тезисы с их призывом «взяться за работу по-революционному» послужили также толчком к организации 10 мая первого в Советской России «коммунистического субботника» на Московско-Казанской железной дороге. Без всяких к тому оснований, этот важнейший документ, как и некоторые другие (напр., воззвание «К первому съезду Коммунистического Интернационала») включены Л. Троцким в собрание его сочинений (Сочинения, т. XVII, ч. 2, стр. 135 — 138).

Написаны тезисы на двух листах небольшого формата, без всяких помарок и, повидимому, 11 апреля, в самый день выступления Ленина на пленуме В.Ц.С.П.С., где они были им зачитаны и приняты пленумом. — 224.

[74]) В повестке дня *пленума Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов*, происходившего 11 апреля 1919 г., стояли следующие вопросы: 1) Задачи профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт (Ленин), 2) Тарифная политика, 3) Военно-продовольственное бюро и продовольственный вопрос вообще и 4) О союзе служащих.

Центральным вопросом пленума, ввиду угрожающего положения на Восточном фронте, явился вопрос о задачах профессиональных союзов в связи с декретированной правительством 11 апреля мобилизацией. После доклада Ленина, меньшевик Р. Штульман задал докладчику вопрос, располагает ли он документальными сведениями относительно организации Ц.К. меньшевиков забастовки на заводах Тулы. После краткого ответа Ленина, по докладу развернулись горячие прения.

Меньшевики воспользовались моментом для того, чтобы возобновить свои нападки против политики партии и Советской власти. Они возражали против выдвинутых в докладе предложений и требовали освобождения арестованных меньшевиков, заявляя, что политика, проводимая Советской властью «идет в разрез с интересами пролетариата» и что «диктатура пролетариата все больше исчезает и уменьшается». Р. Штульман протестовал против обвинения Ц.К. меньшевиков в организации забастовки на Тульском оружейном заводе и обвинял Р.К.П. (б.) в том, что ее политика особенно по отношению к другим социалистическим партиям, приводит к поражению на фронтах. И. Юзефович (с.-д. интернационалист) требовал для успешного проведения мобилизации «смягчения линии поведения по отношению к противникам» и «создания единого фронта», так как «практика чрезвычаек убивает подъем рабочих». А. Лозовский (с.-д. интернационалист) в своем выступлении (в материалах пленума сохранилась только часть его речи) говорил о моральной мобилизации, необходимой для успешного выполнения военной мобилизации, а также о праве населения, переживающего очень тяжелый момент, выставить ряд требований Совет-

скому правительству. Особенной демагогией отличалась речь представителя союза печатников — меньшевика А. Романова, заявлявшего: «довольно наобещали, теперь пора исполнять!». После речей П. Глебова, И. Кутузова и др. большевиков, оказавших решительный отпор меньшевикам, М. Томский выступил против дезорганизаторской политики печатников, предложивших на собрании уполномоченных резолюцию, призывающую массы печатников к забастовке протеста против ареста нескольких злостных меньшевиков-печатников. Затем с заключительным словом выступил Ленин.

Единогласно при одном воздержавшемся пленум принял предложенные Лениным «Тезисы Ц.К. Р.К.П.(б.) в связи с положением Восточного фронта» (см. стр. 224—226). Резолюция меньшевиков, предложенная А. Романовым, с рядом условий относительно «гарантии свободы», «прекращения преследований инакомыслящих» и т. п., была отвергнута большинством собрания. Кроме того пленум избрал комиссию (президиум и три представителя крупнейших союзов — металлистов, текстильщиков и железнодорожников) для выработки подробного плана программы мобилизации профсоюзов в соответствии с принятыми тезисами. Этой же комиссии пленум поручил практическую разработку и проведение в жизнь мер по мобилизации. После доклада о тарифной политике заседание, за поздним временем, было закрыто (архив Института Ленина, документ № 10518). — 227.

[75]) Имеется в виду, повидимому, следующее место из статьи «Der Bolschewismus in Ungarn» («Большевизм в Венгрии»): «Произойдет ли переход Венгрии к большевистским формам таким же анархическим образом, какой мы видели в России, это покажут ближайшие недели. Из этого мы увидим также, что означает связь с сегодняшней Россией для остальной Европы. То, что сделала Венгрия, было, может быть, в целом актом политического отчаяния. Но элементы этого акта те же, что имели место и в Германии, как следствие поведения Антанты. Нельзя отрицать того, что искра может каждое мгновение перелететь из Будапешта в Вену и, может быть, даже в Прагу и дальше, — то, что сегодня выглядит как отчаяние, завтра может быть уже требованием политического разума» («Frankfurter Zeitung» № 222, 23 марта 1919 года).

«Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета») — влиятельная немецкая буржуазная газета, выходящая в Франкфурте на Майне. Основана в 1856 г. лидером южно-германских демократов Леопольдом Зеннеманом. — 238.

[76]) Перед самым оставлением Самары «учредиловцы» с неслыханной жестокостью подавили восстание рабочих Сергиевского артиллерийского завода и Томыловского артиллерийского склада на ст. Иващенково вблизи Самары. Рабочие решили не допустить эвакуации с завода станков чехословаками. После того, как ими был арестован при попытке скрыться начальник завода, эс-эровское военное командование послало в Иващенково карательный отряд, начавший вооруженную расправу над рабочими, закончившуюся, однако, победой последних. Но на другой день, 2 октября, восставшим пришлось снова вступить в бой с наступавшими чешскими войсками. После 36-часового сопротивления рабочие были разбиты, причем расстрелы и истязания их продолжались всю ночь до прихода Красной армии. Всего было расстреляно около 1.500 человек (Н. Троцкий. «Революция 1917 г. в Самарской губ.», т. II, стр. 254 — 256, Госиздат. 1929 год). — 239.

[77]) По словам А. Гильбо, настоящее предисловие было написано Лениным по-русски. Впервые оно было опубликовано на французском языке в 1919 г. в его брошюре: Henri Guilbeaux. «Le mouvement socialiste et syndicaliste français pendant la guerre» (Esquisse historique). 1914 — 1918. Pétrograd. Editions de l'Internationale communiste. В 1920 г. брошюра была

тем же издательством выпущена на русском языке, причем текст предисловия этого издания в одном месте не совпадает с французским: в этом последнем, в фразе «ясный и точный перечень фактов наглядно показывает читателю начало великого поворота, перелома в истории социализма» — слово «перелома» опущено. Так как предисловие в русском издании печаталось, повидимому, с рукописи Ленина, то в настоящем томе текст его воспроизводится по этому последнему изданию. — 243.

[78]) Это сообщение — информационная заметка под названием «L'Internationale communiste» («Коммунистический Интернационал») — напечатано в «Le Temps» № 21070 от 15 марта. В сообщении, появившемся вскоре после срыва конференции на Принцевых островах (см. прим. 36), особенно подчеркивался момент участия на конгрессе Ж. Садуля и «изменника, заочно присужденного к смертной казни», А. Гильбо. — 246.

[79]) В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» («Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883») («Переписка Фр. Энгельса и Карла Маркса с 1844 до 1883 г.»). Hrsg. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Zweiter Band. Stuttgart. 1921. Verl. von J.H.W. Dietz. S. 290). — 249.

[80]) Ленин имеет в виду следующее место из статьи «Славяне и революция», впервые напечатанной 10 марта 1902 г. в «Искре» № 18: «Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из рядов их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером и быть социалистом — с этих пор становится равнозначащим. Как раз в эту эпоху события, последовавшие за франко-прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе с тем и революционного движения в Европе, из Франции в Германию.

Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно передвижению в *Россию*». — 249.

[81]) Ленин имеет в виду следующее место из письма Маркса к Энгельсу от 16 апреля 1856 года: «Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно» ((«Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883». Hrsg. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Zweiter Band. Stuttgart. 1921. Verl. von J. H. W. Dietz. S. 108) это место находится на 78 странице книги: Маркс и Энгельс. «Письма». М. «Московский Рабочий». 1923 год). — 250.

[82]) «*Коммунистический Интернационал*» — Центральный орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, выходящий на русском, немецком, французском и английском языках. 1 № журнала вышел 1 мая 1919 года. В первые годы журнал издавался в Петрограде, в Смольном, и являлся единственным печатным органом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, будучи одновременно и теоретическим, боевым органом и органом для публикации документов Коммунистического Интернационала. В журнале был напечатан ряд статей Ленина. В 1921 г. на III конгрессе Коммунистического Интернационала было решено наряду с ежемесячным журналом «Коммунистический Интернационал», посвященным вопросам теории, тактики и организации, издавать специальный публикационный орган — «Internationale Pressekor-

respondenz» («Международные Корреспонденции для Печати»). Однако до конца 1924 г. журнал выходил нерегулярно, так как с выходом «Internationale Pressekorrespondenz» он был несколько отодвинут на второй план. С 1 января 1925 г., в связи с развернувшейся во всех компартиях дискуссией по вопросам троцкизма, журнал стал выходить ежемесячно. С 15 сентября 1926 г. он выходит на русском и немецком языках еженедельно, а на французском и английском — 2 раза в месяц. Издание и печатание журнала происходит одновременно в Москве, Берлине, Париже и Лондоне. — 252.

[83]) Говоря о прошлогоднем опыте с «полуторапудниками», Ленин имеет в виду разрешение свободного провоза рабочими и трудящимися в Москву и Петроград полутора пудов нормированных продовольственных продуктов для личного потребления. Впервые такое постановление было издано Московским Советом 24 августа 1918 г., ввиду крайне тяжелого продовольственного положения Москвы. 5 сентября на этот путь стал и Петроградский Совет. Вскоре последовали постановления и других местных Советов о самостоятельных заготовках и свободном провозе хлебных продуктов. В связи с этим, 5 сентября 1918 г. С.Н.К. отменил постановление местных органов и продлил действие постановлений Московского и Петроградского Советов только до 1 октября 1918 года.

Постановление о праве пересылки продовольственных продуктов для личного потребления в почтовых посылках было принято С.Н.К. в самый день выступления Ленина, 17 апреля. На основании его Наркомпрод и Наркомпочтель издали 22 апреля постановление о праве пересылки 2 продовольственных посылок весом не более 20 фун. каждая. Красноармейцам разрешалось «отправлять из прифронтовой полосы Восточного и Южного фронтов своим семьям и родным также 2 посылки, но каждая посылка могла быть весом до 1 пуда. Кроме того красноармейцы пользовались правом посылать не только печеный хлеб, но муку и зерно («Известия В.Ц.И.К.» № 87, 25 апреля 1919 года). — 261.

[84]) *I Всероссийский съезд учащихся-коммунистов*, созванный по инициативе Московского Комитета Всероссийского коммунистического союза учащихся школ 2-й ступени, происходил в Москве с 15 по 21 апреля 1919 года. На съезде присутствовало около 200 делегатов от 29 губерний, представлявших 8 тысяч организованных учащихся-коммунистов школ 2-й ступени. В центре внимания съезда стояли вопросы о реорганизации школы и всей системы народного образования, об отношении к Коммунистическому Союзу Молодежи и о формах организации учащихся-коммунистов. Ленин выступил на съезде с небольшой печатаемой здесь приветственной речью, стенограмма которой не сохранилась. В июне 1919 г. Всероссийский коммунистический союз учащихся школ 2-й ступени, как самостоятельная организация, был ликвидирован, и вся работа среди рабочей, крестьянской и учащейся молодежи была объединена в руках Российского Коммунистического Союза Молодежи. Последним был образован для работы среди учащихся единой трудовой школы 2-й ступени Школьный Отдел, включавший всех членов Р.К.С.М. учащихся. — 263.

[85]) Настоящее приветствие написано Лениным, повидимому, в ответ на радио-телеграмму Исполнительного Совета фабрично-заводских и солдатских комитетов Мюнхена от 14 апреля 1919 г., в которой последний «приветствовал российский и венгерский рабочий класс» и обещал «отдать все свои силы на службу великой исторической задаче, первыми застрельщиками которой явились храбрые российские и советские братья» (см. П. Вернер. «Баварская Советская республика». М. 1924, стр. 198).

Баварская Советская республика — существовала с 7 апреля по 1 мая 1919 г. и в момент своего наибольшего размаха охватывала часть Баварии к югу от Дуная и два больших города: Мюнхен и Аугсбург. В то время, однако, Коммунистическая партия, пользовавшаяся все

возраставшими симпатиями среди рабочих крупной промышленности и солдат, организационно была еще крайне слаба. Поэтому ноябрьская революция 1918 г., свергнувшая королевскую власть в Баварии и провозгласившая буржуазную республику, поставила у власти с.-д. правительство, во главе с «независимым» пацифистом К. Эйснером. Это правительство пыталось проводить политику сотрудничества с буржуазией. Убийство Эйснера 21 февраля 1919 г. монархистом графом Арко-Валлей привело к образованию 17 марта нового правительства из социал-демократов и независимых, во главе с шейдемановцем Гофманом. Политика этого открыто контрреволюционного правительства, пытавшегося путем организации контрреволюционных сил обеспечить режим буржуазного конституционализма, привела лишь к полевению рабочих масс и принятию ими лозунга Советской власти. Дабы не лишиться поддержки пролетариата, на тайном совещании с.-д. министров и независимых 4 апреля было решено провозгласить Советскую республику. Несмотря на решительные протесты и отказ коммунистов принять участие в образованной таким путем Советской республике, последняя все же была провозглашена в ночь на 7 апреля. Это мнимо-советское мелко-буржуазное правительство, возглавлявшееся «независимым» социалистом Толлером и анархистом Ландауэром, не имело определенной политической линии и не могло поэтому опереться на революционные массы, которые все больше переходили на сторону коммунистов, выдвинувших лозунг завоевания советской власти снизу, т. е. вооруженными рабочими и солдатами, и выборов действительно Революционного Совета, единственно могущего осуществить диктатуру пролетариата. В это же время с.-д. правительство Гофмана, бежавшее на север Баварии, в Бамберг, собирало военную силу, чтобы свергнуть правительство Толлера. 13 апреля последнее было свергнуто. Однако благодаря быстрому вооруженному отпору, который под руководством компартии революционные рабочие и солдаты оказали контр-революционерам, власть в ночь с 13 на 14 апреля перешла к образованному 9 апреля на собрании революционных представителей фабрик и казарм Комитету Действия. В Комитет вошло 15 представителей коммунистов, социал-демократов и независимых, во главе с Исполнительным Советом из 3 коммунистов — Евгения Левинэ, Макса Левина и Вилли Дитриха-Будиха — и 1 с.-д. рабочего Дуске. Мнимо-советская республика, таким образом, была заменена подлинной диктатурой пролетариата, опиравшейся на фабрично-заводские комитеты и революционных солдат Мюнхена.

Это правительство пролетарской диктатуры, руководимое Компартией и поддерживаемое широкими массами, провело вооружение пролетариата и разоружение буржуазии, создало Красную армию для защиты и расширения Советской республики, закрыло буржуазные газеты, организовало для борьбы с контр-революцией Чрезвычайную Комиссию, национализировало промышленность, банки и железные дороги, передало управление предприятиями фабзавкомам, все жилища рабочему классу и т. д. Вместе с тем была образована оборонительная линия вокруг Мюнхена и предпринято, вначале успешное, революционное наступление Красной армии.

Однако вследствие ряда политических ошибок, допущенных с самого начала руководством компартии Баварии, не освободившимся еще от люксембургианских установок, Баварская Советская республика оказалась под угрозой серьезной опасности, приведшей вскоре к ее падению. Коммунистическая партия не уделяла должного внимания внутреннему укреплению своих рядов и организационному закреплению своего влияния на фабриках, заводах и в Красной армии, слишком полагаясь на стихийное движение и самодеятельность масс. Серьезнейшей ошибкой явился также недоучет значения союза пролетариата и крестьянства в революции. Партия не выставила никакой конкретной программы в крестьянском вопросе,

ограничившись несколькими воззваниями с призывом не прекращать подвоза продуктов в города. Вследствие этого бедное и среднее крестьянство, ничего не получившее от Советской власти, стало орудием в руках контрреволюции. Наконец, самые пагубные последствия имела передача руководства главной, Дахауской группой Красной армии мелко-буржуазным пацифистам — Толлеру и Клингельгёферу, своей политикой колебаний и соглашательства предавших революцию.

Под влиянием начавшихся неудач — особенно после падения 22 апреля Аугсбурга — усилились колебания и противодействие коммунистической политике со стороны мелко-буржуазных элементов фабзавкомов, во главе которых стали независимые. На собрании фабзавкомов 27 апреля они предательски выступили против революционной политики коммунистов, изображая финансовое и продовольственное положение страны стоящим накануне катастрофы, и добились вотума недоверия коммунистам. По предложению Меннера и Толлера собрание произвело перевыборы Комитета Действия. В временную тройку были выделены Толлер, Меннер и Клингельгёфер. Хотя коммунисты и сдали свои полномочия, что было грубой ошибкой, ибо широкие пролетарские массы поддерживали Коммунистическую партию, власть фактически еще находилась в их руках, поскольку Красная гвардия осталась на своих позициях и на ее стороне были заставы, комендатура и президиум полиции.

29—30 апреля была провозглашена диктатура Красной армии, руководимой Коммунистической партией Баварии, что совпало с тяжелым положением на фронте, где происходили самые упорные бои. Против небольшой Мюнхенской армии были сосредоточены десятки тысяч белой армии. Окончательному поражению содействовало новое предательство независимых, начавших отступление и отозвавших с помощью подложного приказа лучшие части Красной армии в Мюнхен (см. Эрих Волленберг (Вальтер). «Бои баварской красной армии». Гвиз. М. 1925, стр. 69—72). 1 мая белая гвардия вошла в Мюнхен. Белый террор, свирепствовавший в течение двух недель, уничтожил свыше 1.000 рабочих (был приговорен к смерти и расстрелян вождь коммунистов Евгений Левинэ). После падения Баварской Советской республики, правые социал-демократы образовали совместно с буржуазией коалиционное правительство, явившееся, как и в Венгрии, лишь переходной ступенью к фашистскому режиму. — 264.

[86]) *I Всероссийский съезд по внешкольному образованию* — происходил в Москве с 6 по 19 мая 1919 года. На съезде присутствовало около 800 делегатов, среди которых было много сторонников меньшевиков и эс-эров, выступавших под флагом беспартийности. На первом же заседании с печатаемой здесь приветственной речью выступил Ленин. Работа съезда проходила под знаком необходимости тесной увязки работы по внешкольному образованию с текущей политической жизнью. На пленарных заседаниях (с 6 по 8 мая) были заслушаны: речь А. Луначарского, определявшая задачи внешкольного образования в системе пролетарского государства, доклад Н. Крупской — о текущем моменте и внешкольном образовании, доклад Гарденина — о положении внешкольного образования в республике, доклады внешкольного отдела и др. С 8 по 18 мая происходили заседания по отделам, на которые разбились делегаты съезда. Прения на съезде вращались, главным образом, вокруг вопроса, должно ли внешкольное образование быть вне политики. По инициативе делегатов-коммунистов к Ленину была направлена делегация из 4-х членов президиума с просьбой выступить на съезде. Ленин согласился и произнес на заключительном заседании съезда, 19 мая, большую речь — «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Съезд принял ряд важнейших резолюций, о необходимости издания специального декрета о ликвидации неграмотности, о создании основной государственной системы учреждений внешкольного образования

о включении работы Пролеткульта и отделов искусств в работу внешкольного отдела и др. В заключение была принята резолюция по текущему моменту, призывающая всех «на фронты — к Красной армии, для ее политической организации и просвещения». — 273.

[87]) Здесь Ленин имеет в виду «пролетарскую культуру», под видом которой А. Богданов «проводил буржуазные и реакционные взгляды» (XIII том Сочинений, стр. 15). Идея «пролетарской культуры» была выдвинута А. Богдановым еще в 1909 г. в организованной им совместно с группой «Вперед» (Н. Вилонов, М. Горький, А. Луначарский и др.) фракционной школе на Капри. Ленин тогда же выступил с резкой критикой платформы «впередовцев» и, в частности, их взгляда на пролетарскую культуру. В статье «О фракции впередовцев» (XIV том Сочинений, стр. 346—347) он подверг критике статью А. Богданова «Пролетариат в борьбе за социализм» и указал, что под формулами «пролетарская культура», «пролетарская философия» «скрывается... *махизм*, т.-е. защита философского идеализма под разными соусами и т. д.».

Исходя из своей субъективно-идеалистической философии, Богданов создал «организационную науку» («Тектологию»), которая должна была заменить марксизм. Рабочий класс, по Богданову, может придти к власти не через диктатуру пролетариата, а через овладение организационной наукой, организационным опытом, при помощи особой «пролетарской культуры», которую надо только еще создавать. На том основании, что пролетариат не овладел еще «организационной наукой», Богданов, между прочим, отрицал пролетарский характер Октябрьской революции.

После Октября идеи Богданова, враждебные марксизму, начали находить свое воплощение в создаваемых им особых пролетарских культурно-просветительных организациях («пролеткультах»), кружках и пр., в которых должно было происходить творчество новой классовой пролетарской культуры и притом вне всякой связи с классовой борьбой и социалистическим строительством и без овладения всем, что есть ценного в старой буржуазной культуре. Первую конференцию этих организаций (сентябрь 1918 г.) Богданов использовал для пропаганды и утверждения своих идеалистических взглядов.

Ленин решительно выступил против направления деятельности Пролеткульта, в котором «под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм), а в области искусства рабочим прививали нелепые, извращенные вкусы» (см. письмо Ц. К. Р. К. П. (б.) «О пролеткультах», опубликованное 1 декабря 1920 г. в «Правде»). Ленин считал бесплодными и вредными попытки Богданова и его сторонников (Бухарин, Плетнев) «лабораторным путем», в стороне от широких масс и революционной практики создать «пролетарскую» культуру, так как полагал, что «пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по «пролетарской культуре», а должна явиться «закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (см. XXV том Сочинений, стр. 387). Она должна быть перевоспитанием трудящихся масс в духе принципов диктатуры пролетариата на основе социалистического строительства. Отношение Ленина к понятию пролетарской культуры, понимаемой в этом смысле, особенно видно из проекта резолюции, написанного им 8 октября 1920 г. для I Всероссийского съезда Пролеткульта (см. XXV том Сочинений, стр. 409—410). — 276.

[88]) Имеется в виду декрет *«О мобилизации грамотных и организации пропаганды Советского строя»*, принятый С. Н. К. 10 ноября 1918 г. и опубликованный 12 декабря того же года.

Декрет предлагал «в целях самого широкого осведомления населе-

ния о сущности советского строя, о мероприятиях и политике Рабоче-Крестьянского Правительства» произвести: «а) учет всего грамотного населения, с выделением хорошо грамотных и способных к ясному и толковому чтению вслух; б) мобилизацию для выполнения обязанностей чтецов всех тех грамотных граждан, которые не заняты уже исчерпывающей их рабочее время советской работой; в) распределить мобилизованных таким образом грамотных граждан обоего пола в возрасте от 16 до 50 лет на группы под руководством местных учителей или других лиц, достаточно сведущих для технического руководства чтением вслух, и под контролем местных партийных организаций; г) поручить каждой такой группе определенную часть города или селения, обязав ее, во-первых, осведомлять о всех мероприятиях правительства неграмотное население, а, во-вторых, способствовать политическому развитию всего населения вообще, посредством чтения декретов и статей, газет Коммунистической партии, специально для того рекомендованных» («Известий В. Ц. И. К.» № 272, 12 декабря 1918 года). — 277.

[89]) *Версальский мирный договор* — договор, закончивший империалистическую войну 1914—1918 г.г. между Германией и ее противниками — «союзными (Соединенные Штаты Америки, Британская империя, Франция, Италия, Япония) и объединившимися (двадцатью двумя) державами». Представляет собой яркий документ империалистической политики буржуазных государств, служивший и служащий предметом сложных противоречий и столкновений в течение всех последующих лет. Характер и содержание Версальского договора были задолго предопределены крупнейшими странами-победительницами, что нашло свое выражение в целой сети тайных соглашений, заключенных во время войны. Когда для Германии окончательно выяснилась невозможность дальнейшего продолжения войны, германский рейхсканцлер принц Макс Баденский обратился в ночь с 4 на 5 октября к президенту Вильсону с просьбой взять в свои руки дело восстановления мира на основе предложенных им «14 пунктов». Предварительные переговоры между Германией и С.-А. С. Ш., нарочито затягивавшиеся последними, продолжались до 5 ноября 1918 г., причем со стороны С.-А.С.Ш. выставлялись все новые и новые требования. Нотой от 5 ноября 1918 г. правительство С.-А.С.Ш. известило Германию о согласии союзников заключить мир. Договор о перемирии был продлен сначала до 17 января 1919 г., а затем еще несколько раз вплоть до 18 апреля, когда немецкая делегация была приглашена в Версаль для получения текста предварительных мирных условий. Окончательное оформление текста Версальского договора произошло на мирной конференции в Париже (см. прим 21). 7 мая, после долгих закулисных переговоров германской делегации был вручен текст союзнических условий, на которые, ввиду их явно-насильнического характера, Германия выставила свои контр-возражения, решительно отвергнутые союзниками, ультимативно предложившими Германии в 5-дневный срок безоговорочно принять условия. Большинством голосов Веймарское Национальное Собрание постановило подписать продиктованный Германии мирный договор, не признавая, однако, виновности германского народа в возникновении войны. После нового ультиматума союзников, германское правительство 28 июня вынуждено было безоговорочно подписать договор, ратифицированный Национальным Собранием 9 июля 1919 года. По Версальскому договору Германия потеряла почти 7 милл. населения и приблизительно восьмую часть своей территории, причем часть, жизненно наиболее ей необходимую (уступка Эльзас-Лотарингии, напр., означала потерю 76% всей германской железной руды, отдача Польше Верхней Силезии — потерю 95% залежей силезского угля и 94% цинка, утрата Саарской области — потерю до 11 миллиардов тонн угольных запасов и т. д.). Она была лишена всех своих колоний, по территории в 6 раз превосходивших площадь всей Германии. Наконец, под лицемерным предлогом «сделать возможной

подготовку общего ограничения вооружений всех наций», Германия была почти совершенно разоружена. Колоссальные репарационные платежи, принимающие до настоящего момента разнообразные формы, основной своей тяжестью легли на плечи германских пролетариев. Советская Россия не признала Версальского договора; II Интернационал не только не выступил против него, но один из вождей его, Вандервельде, даже подписал договор от имени Бельгии. — 282.

[90]) Речь идет об обращении «Ко всем членам партии социалистов-революционеров», датированном 20 апреля и подписанном «уполномоченными группы членов партии социалистов-революционеров» В. Вольским и Н. Святицким — известными участниками переговоров представителей Советской власти с так называемыми «учредиловцами». Воззвание, с одной стороны, знаменовало собою тот поворот, который, под влиянием германской революции и Колчаковского опыта, происходил в известной части эс-эров, с другой — свидетельствовало о готовности этой части партии принять активное участие в борьбе против Колчака. Авторы обращения, констатируя растущее мировое революционное движение и влияние Советов на все более широкие массы, решительно отмежевывались от политики Ц. К. партии эс-эров и их центрального органа «Дело Народа» и выступили против тех эс-эров, «которые, прикрываясь именем партии, готовы продолжать злосчастные опыты коалирования с реакционной буржуазией, готовы обивать пороги у империалистов Антанты, душителей революции, а в Сибири — возлагают лавры на реакционного диктатора Колчака» («Известия В. Ц. И. К.» № 93, 3 мая 1919 года).

В том же № «Известий» авторы обращения, стремясь содействовать «выпрямлению политики партии и этим помочь и будущему съезду партии», опубликовали «Основные тезисы политики партии социалистов-революционеров, предлагаемые партии группой членов партии социалистов-революционеров». В вопросах международной политики тезисы объявляли решительную «борьбу с явным и скрытым вмешательством иноземных буржуазных правительств», в области внутренней политики признавали «категорическое отвержение всякой коалиции с буржуазными партиями или группами» и выражали готовность оказывать «активное противодействие всякой реставрации и всякой буржуазной диктатуре». Авторы тезисов признавали далее «историческую обоснованность временной диктатуры в форме Советов» и предлагали своим сторонникам вхождение в Советы со своей программой социально-политического строительства. В экономической части тезисы представляли сумбурную и реакционную мешанину (требование «прекращения покровительства городу и рабочему», наличие известной «крестьянской» демагогии и т. п.). — 284.

[91]) Имеются в виду следующие статьи: передовая, посвященная демократическому совещанию, в «Речи» № 218 от 29 (16) сентября 1917 г., передовая «Пути соглашения» в «Деле Народа» № 160 от 4 октября (21 сентября 1917 г.) и передовая «В тисках власти» в «Новой Жизни» № 135 от 6 октября (23 сентября) 1917 года. Все три статьи разобраны Лениным в брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» (XXI том Сочинений, стр. 243 — 284). — 292.

[92]) Ленин имеет в виду следующее место из книги Энгельса «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (Anti-Dühring)»: «...реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее далее этого, неизбежно приводит к нелепостям» (Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом». М.—Л. Гиз. 1928, стр. 97). — 294.

[93]) Статья Л. Германова «Назад от Керенского», посвященная разбору тезисов меньшевика В. Шера «Роль кооперации в деле снабжения в связи с продовольственным делом», была напечатана в «Правде» № 101.

13 мая 1919 года. Из статьи видно, что тезисы обсуждались на коллегии распорядителей Центросоюза, где они были отклонены голосами представителей рабочей кооперации, С. Н. К. и двух представителей из старого правления при 1 воздержавшемся. Остальные члены старого правления голосовали за тезисы. Затем эти тезисы были представлены предстоявшему 28 мая съезду представителей всех видов кооперации, созывавшемуся меньшевистским Советом съездов кооперативных организаций (Е. Кускова, С. Прокопович и др.).

Признавая, что «немедленный переход к вольной торговле» при разрушенности частного торгового и заготовительного аппарата невозможен и что «неизбежен более или менее длительный переходный период», в течение которого значительная роль должна выпасть на долю кооперации, Шер предлагал «в целях возможно быстрого изживания продовольственного кризиса» провести следующую *экономическую программу*, на оценке которой ниже останавливается Ленин: «Решительный переход к свободной торговле всеми нормированными продуктами; отказ *от системы монополий и последовательное расширение вольной торговли на все продукты продовольствия;* закрепление за крестьянством права свободного распоряжения продуктом его труда; прекращение реквизиций и конфискаций в деревне; замена твердых цен свободным соглашением крестьянских сельско-хозяйственных организаций с союзами и организациями рабочих и горожан; *немедленное сокращение и последующее упразднение всего заготовочного аппарата Компрода»* и т. д. — 295.

[94]) В газете «Freiheit», о которой, повидимому, говорит здесь Ленин, это место доклада К. Каутского на II съезде Советов изложено следующим образом: «*Социализм означает не только экспроприацию капиталистов, но и организацию производства и сбыта совместными усилиями рабочих и потребителей на основе научных знаний. Профессиональные союзы* были прежде важнейшим строительным камнем социализма. Они объединяли необходимые для социализма организованные массы. Но в Германии они *бездействовали. Пример этому дала Россия,* благодаря ее политической и хозяйственной отсталости» («Freiheit» № 181, 15 апреля 1919 года. Приложение). — 296.

[95]) Говоря о научно-статистических обследованиях того, как питается городское население и, в частности, рабочие, Ленин имел в виду обследование питания городского населения (около 25 тыс. хозяйств) Москвы, Петербурга, губернских и ряда уездных городов и поселений городского типа, произведенное в марте-апреле 1919 г. Центральным Статистическим Управлением. До опубликования результатов обследования Ленин неоднократно получал из Центрального Статистического Управления предварительные данные обследования. Первая статья с результатами обследования—«Обследование питания» («Бюллетень Ц. С. У.» № 10 от 17 мая 1919 г.) — указывает цифру получения по карточкам в г. Москве (0,38 фун. из общего количества хлеба — 1,02 фунт., т. е. 37%), вторая, П. И. Попова «Потребление городского населения Советской России» (журнал «Экономическая Жизнь» № 2 от 20 июля 1919 г., приложение к газете «Экономическая Жизнь»), дает уже сведения по городам 29 губерний, причем роль Компрода в снабжении хлебом составляет от 40 до 50% всего потребления хлеба.

Что касается данных о расходах на продовольствие, то скорее всего Ленин пользовался здесь данными Комиссариата Труда о бюджетах московских рабочих (2 173 бюджета), относящимися к октябрю-ноябрю 1918 г. (см. статью А. М. Стопани «Бюджет московского рабочего» в «Статистике Труда» № 1—4, 1919 г.), по которым стоимость всех продуктов питания, получаемых рабочими от Компрода, составляла 11,5%, а от свободного рынка — 88,5%. В этой работе есть лишь сведения о денежных расходах, но нет данных о снабжении продуктами в натуральном выражении, поэтому Ленин для своих выводов сопоставил данные двух источников. — 300.

[96]) В своей брошюре «Die Diktatur des Proletariats» («Диктатура пролетариата») Каутский писал: «В гражданской войне все происходит иначе, чем в демократии, где меньшинства пользуются защитой, где каждая партия, оставшаяся в меньшинстве и в силу этого утратившая власть, не отказывается и не ограничивает свою политическую деятельность, где за каждой партией признается право стремиться снова стать большинством и взять в свои руки управление.

В гражданской войне каждая партия борется за свое существование и грозит побежденному полным уничтожением. Сознание этого легко делает ее чрезвычайно жестокой.

Меньшинство, удерживая свою власть только военной силой, склонно кровавой бойней подавить и истребить своих противников, если восстание грозит его существованию. Парижские июньские дни 1848 г. и кровавая майская неделя 1871 г. дают страшный пример этому» (K. Kautsky. «Die Diktatur des Proletariats». 2 Auflage. Wien. 1918, стр. 24 — 25; русский перевод: К. Каутский. «Диктатура пролетариата». Екатеринославское книгоиздательство «Наука». 1919 г., стр. 30). — 303.

[97]) Праздник Всевобуча 24 мая 1919 г. был посвящен годовщине существования всеобщего военного обучения, введенного декретом В.Ц.И.К. от 22 апреля 1918 г. и распространявшегося «только на рабочих и на неэксплуатирующих чужого труда крестьян» (см. «Известия В.Ц.И.К.» № 83, 26 апреля 1928 года). К концу 1918 г. органы Всевобуча, выработав для военного обучения 96-часовую программу, успели обучить, сформировать в полки и послать на фронт гражданской войны несколько десятков тысяч трудящихся.

В день празднования на Красной площади состоялся парад рабочих полков и курсантов военных школ. Ленин, в сопровождении штаба Всевобуча, обошел фронт и обратился к рабочим батальонам с печатаемой здесь речью. После Ленина выступали: Тибор Самуэли — военный комиссар Венгерской Советской республики, прилетевший на аэроплане из Будапешта в Москву для совещания с Лениным, председатель Всевобуча и др. — 312.

[98]) Ленин имеет в виду следующее место из брошюры Маркса: «Zur Kritik des sozialdemokratischen Programms von Gotha» («К критике Готской социал-демократической программы»): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит *период революционного переустройства* одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме *революционной диктатуры пролетариата*» (Русский перевод: К. Маркс: «Критика Готской программы». II. Изд. Петросовета. 1919 г., стр. 32). — 314.

[99]) *Чрезвычайный съезд Независимой с.-д. партии Германии* — происходил 2—6 марта 1919 г. в Берлине. На съезде присутствовало 208 делегатов, из них с решающим голосом — 196. С отчетом о деятельности Ц.К. выступила Луиза Циц, с докладом по организационному вопросу — Вильг. Дитман, от контрольной комиссии — Вильг. Бок. По основному вопросу съезда — задачи партии: а) программа, б) тактика, в) единство пролетариата — был заслушан доклад Гуго Гаазе и содоклад «левого» независимца Эрнста Деймига.

Гаазе стоял на позиции необходимости соединения системы Советов с Национальным Собранием «Национальное Собрание — говорил он — факт, и нельзя требовать его устранения. Но оно требует дополнения в виде системы Советов. Не Национальное Собрание или Советы, а нужно ставить вопрос об их объединении. И развитие идет в этом направлении». В заключение Гаазе предложил резолюцию, долженствовавшую стать программой действий и намечавшую в числе ближайших требований партии развитие системы рабочих Советов и закрепление ее в конституции, обобществление капиталистических предприятий и т. д.

Выступивший содокладчиком «левый» Деймиг возражал Гаазе, заявляя, что думать «так, как это себе представляет Гаазе, нельзя. Дополнением к демократии система Советов не может быть. Может существовать или одно или другое». Солидаризируясь с требованием коммунистов «Вся власть Советам», он в то же время клеветнически обвинил их в «путчизме». В резолюции, внесенной по докладу, Деймиг писал: «Независимая с.-д. партия стоит на платформе системы Советов. Она противопоставляет пролетарскую демократию демократии либерально-буржуазной и поддерживает рабочие Советы в их стремлении объединить в своих руках политическую и хозяйственную жизнь». По обоим докладам развернулись горячие прения. Избранная по этому вопросу комиссия приняла компромиссную резолюцию, объединив резолюции Гаазе и Деймига с некоторыми добавлениями комиссии в одно так называемое «программное заявление», состоящее из принципиальной части, в основу которой в значительной степени легли предложения Деймига, и ближайших требований, имевшихся в предложении Гаазе. «Независимая с.-д. партия — говорилось в программном заявлении — стоит на почве системы Советов. Она поддерживает Советы в их борьбе за экономическую и политическую власть. Она добивается диктатуры пролетариата, представителя огромного большинства народа, как необходимого условия для осуществления социализма.

...Для достижения этой цели, Независимая с.-д. партия использует все политические и экономические средства борьбы, *включая и парламент*». Далее в заявлении выставлялся ряд практических требований: признание конституцией системы Советов, роспуск старой армии и добровольческих корпусов, разоружение буржуазии, создание народной милиции из революционных рабочих, самоуправление армии и уничтожение военных судов; в области экономической—немедленная социализация крупных предприятий, национализация крупной земельной собственности и муниципализация домов и др. (см. «Protokoll über Verhandlungen des ausserordentlichen Parteitages vom 2 bis 6 März 1919 in Berlin», стр. 3—4 («Протоколы заседаний Чрезвычайного съезда с 2 по 6 марта 1919 г. в Берлине»).

Затем съездом был заслушан доклад К. Каутского об интернациональной конференции в Берне, по которому с резкой критикой поведения делегации независимых в Берне выступила К. Цеткин, и доклад Р. Дисмана об отношении партии к профессиональным союзам. Последний вопрос, как и вопрос о роли Советов, вызвал большие разногласия. В противоположность точке зрения докладчика, считавшего необходимым участие членов партии в профсоюзах, оппозиция, придерживавшаяся господствовавшего тогда среди левых элементов взгляда о ненужности профсоюзов при наличии Советов, требовала включения их в Систему советов. Однако большинство съезда согласилось с точкой зрения Дисмана.

Съезд закончился выборами центральных Учреждений партии, в том числе ее председателей Г. Гаазе и А. Криспина. — 318.

[100]) *II Всегерманский съезд Советов* — был созван шейдемановским Центральным Советом и состоялся в Берлине 8 — 14 апреля 1919 года. В составе делегатов было 138 социал-демократов большинства, 55 независимых, 21 солдатской фракции, 28 представителей буржуазных партий и 1 коммунист (Ядаш). В начале занятий съезда, по предложению независимых, была принята 109 голосами против 82 резолюция с требованием освобождения Г. Ледебура, арестованного после январского восстания, и отклонено их же предложение о снятии осадного положения.

В порядке дня съезда стояли вопросы: 1) Отчет Центрального Совета, 2) Хозяйственное восстановление Германии и советская система, 3) Социализация хозяйственной жизни. По второму вопросу независимые, ставшие к тому времени, под давлением рабочих масс, требовавших Советской власти, на почву признания советской системы, предложили съезду резолюцию, основные моменты которой приводятся в настоящей статье

Ленина и которая была отвергнута съездом, принявшим резолюцию социалистов большинства, первые пункты которой гласили:

«Основой социалистической республики должна быть социалистическая демократия. Формально-демократическая буржуазная демократия расценивает население чисто-количественно. Социалистическая демократия должна дополнить ее, стремясь охватить население на основе его трудовой деятельности. Это может быть осуществлено лучше всего путем создания рабочих камер, к выборам в которые привлекаются все трудящиеся немцы, разделенные по профессиям. Для этой цели каждая отрасль организует производственный совет, на основе вовлечения всех действующих в ней групп (включая и руководителей предприятий)...

Доклад К. Каутского о социализации ввиду болезни докладчика был прочтен его женой. Все предложения по этому вопросу съезд передал для дальнейшего обсуждения Центральному Совету.

Перед окончанием съезда была принята резолюция о внешней политике: «Съезд Советов отклоняет внешнюю политику настоящего правительства и в особенности ведение переговоров о перемирии через Эрцбергера, что может обострить противоречия между народами, особенно между Германией и Францией, и сделать этим невозможным социалистический союз народов... он требует немедленного прекращения враждебных действий против правительства Советов и завязывания дружественных отношений со всеми державами и особенно с Россией».

При выборах нового Центрального Совета съезд отклонил предложение независимых о паритетном представительстве, и поэтому последние отказались войти в состав Центрального Совета, в который были избраны 16 социалистов большинства и 5 представителей мелких групп. — 319.

[101]) В № 98 утреннего выпуска газеты «Arbeiter Zeitung» от 9 апреля 1919 г. была помещена статья К. Каутского «Die Aussichten der Revolution» («Перспективы революции»), которую ниже и цитирует Ленин.

«Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета») — ежедневная газета, центральный орган Австрийской с.-д. партии. Основана в 1887 г. Виктором Адлером. Редактировалась: до 1915 г. Виктором Адлером, затем Фридрихом Аустерлицем. В числе сотрудников были: Фридрих Адлер, Отто Бауэр, К. Реннер и др. В годы войны газета занимала социал-шовинистическую позицию. В настоящее время ведет бешеную кампанию против С.С.С.Р. — 321.

[102]) Ленин имеет в виду реферат Каутского о социальной революции, прочитанный им 22 и 24 апреля 1902 г. в Амстердаме и Дельфте и изданный в 1903 г. отдельной брошюрой под названием: «Die Soziale Revolution. I. Sozialreform und soziale Revolution. II. Am Tage nach der soziale Revolution». Berlin. Vorwärts. В брошюре Каутский писал: «...Грядущая революция будет в меньшей степени походить на внезапное возмущение против властей и в большей степени на продолжительную *гражданскую войну,* — если бы с этим последним словом не соединялось представления о предстоящих войнах и побоищах». И в другом месте: «...Нам необходимо считаться с возможностью войны в более или менее близком будущем, а, следовательно, с возможностью таких политических потрясений, которые или прямо закончатся пролетарскими восстаниями, или, по крайней мере, расчистят дорогу для таковых» (Карл Каутский. «Социальный переворот. На другой день»... Перевод с немецкого Карпова, под редакцией Н. Ленина. С двумя приложениями. СПБ. Библиотека Марии Малых. 1905 г., стр. 71 и 78). — 321.

[103]) Имеется в виду речь Клары Цеткин на Чрезвычайном съезде Независимой с.-д. партии Германии (см. прим. 99) 4 марта 1919 года. Выступая по докладу Каутского о Бернской конференции, она заявила: «*Социализация* понята не как вопрос политической власти, но в первую очередь как вопрос преодоления хозяйственных и технических трудностей

подготовка ее передана в комиссию. Думали, что вначале надо в первую очередь поднять производство. Это *является* шагом назад к буржуазной экономии. Производство *для* человека, а не наоборот, и поэтому на первом плане стоит вопрос о том, *какой способ производства* должен быть выбран» («Freiheit» № 114, 9 марта 1919 года. Приложение). — **322.**

[104]) Имеется в виду следующее место из книги Э. Давида: «Die Sozialdemokratie im Weltkrieg» («Социал-демократия в мировой войне»): «Немецкая с.-д. ни одно мгновение не думала о том, чтобы требовать победы со стороны иностранного врага, чтобы с его помощью достичь внутренне-политических требований свободы. Желать превращения империалистической войны в гражданскую было бы безумием. Со всей решительностью она отклоняет подобные предложения, из каких бы мотивов они ни исходили» (E. David. «Die Sozialdemokratie im Weltkrieg» Vrlg «Vorwärts». Berlin. 1915, S. 171 — 172). — **322.**

[105]) Речь идет о *заговоре в Красной Горке* — форте на южном берегу Финского залива против Кронштадта — имевшем своей целью сдачу Петрограда. Во время летнего наступления Северо-западной армии на Петроград на Красной Горке, представляющей собою один из важнейших подступов к Петрограду, лежала задача препятствовать этому наступлению, угрожая левому флангу белых. Вследствие измены командного состава, Красная Горка 12 июня 1919 г. перешла на сторону белых. Восставшие, арестовав коммунистов, послали финскому военному командованию в Биорке радио-телеграмму о переходе форта в его распоряжение, ожидая от него помощи. Обстреляв затем Кронштадт, восставшие принудили некоторые форты его выкинуть белый флаг. Создалась реальная угроза Петрограду, вскоре ликвидированная энергичным вмешательством в оперативную работу военного командования т. Сталина, находившегося в тот момент по поручению Ц. К. под Петроградом. Вследствие стремительного наступления частей Красной армии восставшие не смогли войти в связь с главными частями белой армии, и 16 июня мятежный форт был взят при поддержке боевых судов Балтийского флота. «Быстрое взятие «Горки», — телеграфировал т. Сталин Ленину, — объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, не смотря на все мое благоговение перед наукой» (К. Ворошилов. «Сталин и Красная армия». Гиз. 1930 г., стр. 20). — **335.**

[106]) Здесь Ленин имеет в виду следующее место из речи Иоганна Якоби, произнесенной последним 20 января 1870 г. перед берлинскими избирателями и изданной затем отдельной брошюрой: «Основание самого небольшого рабочего союза будет иметь для будущего историка культуры большее значение, чем *день битвы* под Садовой» (Johann Jacoby: «Das Ziel der Arbeiterbewegung» («Цель рабочего движения»). Rede des Abgeordneten Dr. Johann Jacoby vor seinen Berliner Wählern am 20 Januar 1870. Berlin, стр. 11). — **339.**

[107]) Ленин имеет в виду следующее замечание Маркса: «Чтобы защитить себя от «змеи их мучений» (Генрих Гейне), рабочие должны объединиться и, как класс, вынудить государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta (основные права) ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, выясняет, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому». Quantum mutatus ab illo (Какая огромная дистанция!)» (К. Маркс. «Капитал. Критика политической экономии», т. I. М. Гиз. 1928 г., стр. 222 — 223). — **342.**

[108]) Это решение было 30 июня 1919 г. реализовано в виде постановления В.Ц.И.К. «О рабоче-крестьянских потребительских обществах». Постановление, одобряя декрет С.Н.К. от 20 марта 1919 г. (см. прим. 51), заменяло в нем название «потребительская коммуна» наименованием «потребительское общество», мотивируя необходимость такой замены тем, что наименование реорганизованных потребительских кооперативов «потребительскими коммунами» привело кое-где к неправильному пониманию декрета крестьянским населением и дало поборникам капитализма, справедливо видящим в декрете окончательную замену частной торговли организованным распределением силами самого населения, возможность использовать это неправильное понимание совершенно ложно, утверждая, что «потребительская коммуна» означает принудительное образование земельных коммун и уничтожение всякой частной собственности в деревне.

Стремясь к устранению всякого непонимания деятельности Советской власти со стороны крестьян и желая отнять у агитаторов возможность пользоваться в своей агитации новым названием, В.Ц.И.К. Советов решил вернуться к привычному для населения названию» («Известия В.Ц.И.К.» № 143, 3 июля 1919 года). — 345.

[109]) *Соединенное заседание В.Ц.И.К., Московского Совета Р. и Кр. Д., Московского Совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г.* — состоялось в Большом театре в один из самых критических моментов революции, когда Антанта предприняла решительную попытку задушить Советскую власть посредством поддержки наступления Деникина, которому она, как раньше Колчаку, оказала помощь офицерами, снабжением и пр. В порядке дня стоял только один вопрос: современное положение и ближайшие задачи Советской власти. Выступивший с докладом Ленин произнес с огромным подъемом одну из наиболее ярких своих речей, выслушанную переполненным до верху залом с напряженным вниманием и закончившуюся бурными аплодисментами. Затем с сообщением о положении в Петрограде выступил Г. Зиновьев, отметивший «несомненный перелом к лучшему на петроградском фронте». О продовольственном положении говорил А. Цюрупа, обрисовавший борьбу за хлеб с помощью продовольственных отрядов и призвавший рабочих стать в ряды продовольственной армии. После приветственной речи посла Венгерской Советской республики и выступления Н. Бухарина, собрание приняло обращение «Ко всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и матросам», призывавшее «всех трудящихся на борьбу для решительной победы, — борьбу за хлеб, за уголь, за мир, за свободу, за мировую революцию, за коммунизм» («Правда» № 145, 5 июля 1919 года). Заседание прошло с чрезвычайным воодушевлением и закончилось под мощное пение «Интернационала». — 351.

[110]) Ленин имеет в виду доклад Л. Троцкого, сделанный последним 3 июля на пленуме Ц.К., происходившем 3—4 июля 1919 года. На пленуме присутствовали все члены Ц.К., за исключением Раковского и Мануильского, находившихся на фронте. Центральное место в работах пленума заняло обсуждение военного положения и ряда мер по укреплению фронтов. Подтвердив еще раз правильность военной политики, проводившейся Советской властью со времени III съезда Советов и одобренной VIII съездом партии, пленум нашел необходимым произвести изменения в главном командовании военными силами республики (назначен С. Каменев) и в командовании некоторых фронтов и армий. Кроме того был принят ряд постановлений об общих и партийных организациях, о сокращении работ в комиссариатах, не обслуживающих непосредственно армию, и другие меры, изложенные затем в письме Ц.К. Р.К.П.(б.) к организациям партии — «Все на борьбу с Деникиным!» («Известия Ц.К. Р.К.П.(б.)» № 4, 9 июля 1919 года). — 354.

[111]) Имеется в виду заметка «Меньшевики о Колчаке», напечатанная в «Известиях В.Ц.И.К.» № 144 и посвященная докладу Б. Голосова на тему «Что такое колчаковщина?», который он прочитал 3 июля на митинге под председательством Ф. Дана в Политехническом Музее в Москве. Докладчик, посланный в 1918 г. Ц. К. меньшевиков в Сибирь для «координации политики сибирских с.-д. организаций с общей линией Ц.К.» и возвратившийся оттуда после почти годовой антисоветской деятельности, нарисовал отталкивающую картину колчаковщины, совершенно обойдя при этом роль меньшевиков в ее подготовке и лицемерно предлагая большевикам единый революционный фронт. «Мы, — заявил он, — политически не сливаясь с большевиками, готовы, однако, вместе с большевиками бить Колчака. Мы давно уже стоим на этой позиции» («Правда» № 145, 5 июля 1919 года). После «информационного» доклада Б. Голосова и демагогических выступлений Ф. Дана и Л. Мартова, должная отповедь попытке меньшевиков как снять с себя ответственность за подготовку колчаковщины, так и подладиться под нарастающее всюду настроение рабочих масс, была дана в выступлениях Л. Сосновского и Ил. Мгеладзе. — 357.

[112]) В 1919 г. Лениным были прочитаны в Свердловском университете две лекции, одна из которых печатается в настоящем томе. Запись второй лекции, явившейся продолжением первой и прочитанной 29 августа 1919 г., не сохранилась (см. «Приложения», стр. 667).

Коммунистический Университет имени Я. М. Свердлова — образовался из организованной в мае 1918 г. по инициативе Я. М. Свердлова двухнедельной школы агитаторов и инструкторов при В.Ц.И.К., переименованной в конце того же года в Школу советской работы, преобразованную в свою очередь, согласно постановлению VIII съезда Р. К. П.(б.), в Центральную школу советской и партийной работы. В середине 1919 г. из этой Школы и Пролетарского университета был образован Коммунистический Университет имени Я. М. Свердлова, который должен был выпускать теоретически подготовленных работников для руководящей работы в различных областях политической и хозяйственной деятельности. Ленин проявлял большой интерес к организации Свердловского Университета и к выработке его учебных программ. — 262.

[113]) *Московская Общегородская конференция Р. К. П. (б.)* — происходила 12 июля 1919 года. В порядке дня конференции стояли вопросы: 1) о последних мероприятиях Совета Обороны — т. Каменев; 2) продовольственный вопрос — т. Свидерский; 3) текущий момент — Ленин; 4) положение на фронтах — т. Гусев; 5) об отрядах особого назначения — т. Мясников; 6) доклады о положении на Дону и на Кавказе и 7) текущие дела. За поздним временем и сложностью вопроса об отрядах особого назначения, последние три вопроса были отложены до следующей конференции. Л. Каменев в своем докладе сообщил о последних мероприятиях Совета Обороны, предпринятых для облегчения тяжелого положения рабочих (освобождение от квартирной платы низших категорий рабочих; полная оплата за дни простоя, происшедшие не по вине рабочих; урегулирование вопроса об отпусках рабочим, упрощающее систему получения разрешений на выезд). Докладчик по продовольственному вопросу А. Свидерский, указал на зависимость продовольственного положения страны от успехов Красной армии и подчеркнул, что итоги истекшего года подтвердили правильность продовольственной политики Советской власти. Затем с большим докладом, печатаемым здесь, выступил Ленин. По всем трем докладам была принята общая резолюция, предложенная М. К. партии. «Наступление Деникина на юге, — говорилось в ней, — и попытки белогвардейцев наступать на Петроград обострили продовольственное положение. Агенты контр-революции пытаются использовать истощение и голод трудящихся, чтобы вызвать волнение, внести смуту и недоверие

в рабочую среду. Задача всех сознательных рабочих в эти трудные дни заключается в том, чтобы теснее сплотить ряды вокруг Р. К. П. и приложить всю энергию к основным главнейшим отраслям партийной и советской работы». И далее в качестве таких отраслей намечались: военная и продовольственная работа, работа социального обеспечения и, наконец, работа пропаганды и агитации среди малосознательных и неустойчивых слоев трудового народа. — 378.

[114]) Энергично борясь в течение 1918 — 1919 г.г. с частной торговлей, Советская власть вынуждена была в моменты особенного обострения продовольственного положения допускать некоторые отступления от принципов государственной монополии. Сюда относятся такие мероприятия, как допущение «полуторапудничества» (см. прим. 83), распоряжение Наркомпрода от 10 декабря 1918 г. о снятии заградительных отрядов на железных дорогах и свободном провозе некоторых ненормированных продуктов, декрет С. Н. К. от 21 января 1919 г. о свободной заготовке продовольственных продуктов, за исключением основных, подлежащих государственной заготовке, и, наконец, разрешение «двухпудничества» (см. прим. 126). А. Свидерский, выступавший до Ленина с докладом по продовольственному вопросу, говоря о нарушении системы продовольственной политики, мог иметь в виду эти вынужденные мероприятия Советской власти. — 378.

[115]) Речь идет о *IX Совете партии социалистов-революционеров*, происходившем под Москвой 18—20 июня 1919 года. Подготовка к Совету проходила под лозунгом «оздоровления» партии и борьбы с «соглашателями налево», т. е. с так наз. «Уфимской делегацией» (В. Вольский, Н. Святицкий и др.) и незадолго перед тем возникшей в Москве группой Н. П. Смирнова и Л. А. Либермана, разделявшей точку зрения «уфимцев».

На Совете присутствовало 33 делегата с решающим голосом и 14 — с совещательным. По основному вопросу, об отношении к большевизму и Советской власти, на Совете обнаружилась оппозиция политике Центрального Комитета. В. Вольский, представитель группы, опубликовавшей 3 мая 1919 г. обращение «Ко всем членам партии социалистов-революционеров» (см. прим. 90), был за соглашение с большевиками. Близко к его точке зрения стоял Н. Ракитников, предлагавший прекратить вооруженную борьбу с большевиками и войти со своей платформой в Советы. Однако Совет партии стал на сторону Ц. К., возглавлявшегося В. Черновым. Проект примиренческой резолюции В. Вольского был отклонен всеми против одного при одном воздержавшемся и принят проект Ц. К., после чего Н. Ракитников и М. Буревой сложили с себя полномочия членов Ц. К.

В принятой резолюции позиция IX Совета намечалась следующим образом: «В тупике гражданской войны... две основные силы борются друг с другом, взаимно друг друга питая: большевизм и реставрация... Из этого заколдованного круга Россию может вывести только третья сила, равно чуждая и большевизму и реставрации. Стать такой силой... может только трудовая демократия России, сознавшая себя именно как демократия». Так как возрождение этой «третьей силы», по мнению Совета, было неизбежно, то он считал «вредным и категорически недопустимым какое бы то ни было смягчение или затушевывание непримиримой позиции партии как по отношению к буржуазным и реставрационным партиям, так и по отношению к большевистской диктатуре». Объявляя далее задачей партии «слияние ее с трудовыми массами, чтобы объединить под своим руководством назревающее сопротивление в народных массах», IX Совет партии подчеркивал, что обусловливаемый в настоящее время всей политической ситуацией отказ партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой не должен истолковываться как принятие, хотя и временное и условное, большевистской диктатуры, а лишь как тактическое решение, продиктованное реальным положением вещей и расчетом наи-

более целесообразного употребления партийных и народных сил» (см. «Девятый Совет партии и его резолюции». Paris. Imprimerie «Union». 1920 г., стр. 9—12). Таким образом, в отличие от категорического характера резолюции февральской конференции 1919 г., решительно отвергнувшей политику свержения Советской власти путем вооруженной борьбы, IX Совет партии провозгласил отказ от вооруженной борьбы лишь условно. Это решение IX Совета вызвало протест со стороны группы «активистов», сторонников интервенции и поддержки Деникина: Авксентьева, Вишняка, Зензинова, Бунакова и др. Не согласилась с позицией политического двурушничества и «левая» группа Либермана и Смирнова, члены «Уфимской делегации» и ряд делегатов IX Совета, выступившие по окончании Совета с «Обращением», в котором содержалась оценка опыта Комуча и критиковалась тактика IX Совета партии (см. М. Буревой. «Распад». Новая Москва. 1923 г., стр. 75—82).

Партия эс-эров осталась на своих прежних позициях и уже вскоре после IX Совета активно выступила против Советской власти через организованные ею группы, существовавшие под различными названиями («беспартийный союз трудового крестьянства», «внепартийное объединение», «административный центр») и работавшие при поддержке иностранных, главным образом, английского и французского правительств. Конференция 1920 г. и происходивший в августе 1921 г. X Совет партии только подтвердили своими резолюциями возвращение партии на путь вооруженной борьбы с Советской властью. — 379.

116) Что большевики заговорили о Советах, как высшем типе государства, лишь после того, как они оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании, это Каутский пытался доказать в 6-й главе названной брошюры. Процитировав (и исказив) из ленинских «Тезисов об Учредительном Собрании» 3-й тезис, говорящий о том, что республика Советов для диктатуры пролетариата «является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с *обычной* буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму», Каутский замечает: «Жаль только, что к этому выводу пришли лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном Собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин» («Die Diktatur des Proletariats», Wien. 1918. S. 35; русский перевод: К. Каутский. «Диктатура пролетариата». Екатеринослав. 1919, стр. 38). Вся несостоятельность этого утверждения Каутского показана Лениным в его брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (см. XXIII том Сочинений, стр. 362—369). — 387.

117) В своих работах Ленин не раз останавливался на произведениях Маркса и Энгельса, в которых они разоблачали обуржуазение верхушек рабочего класса Англии. Особенно подробно он говорит об этом в статье: «Империализм и раскол социализма» (XIX том Сочинений, стр. 301—313), где им по этому вопросу приведены «довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли *в целом* изучить их». — 390.

118) Эта характеристика фабианцев дана Энгельсом в его письме к Ф. Зорге от 18 января 1893 г., в котором он писал: «Фабианцы здесь, в Лондоне, представляют из себя банду карьеристов, имеющих, однако, достаточно здравого смысла, чтобы понять неизбежность социального переворота; но, не доверяя эту гигантскую работу одному грубому пролетариату, они соблаговолили встать во главе его. Страх перед революцией — их основной принцип. Они «интеллигенты» par excellence (по преимуществу. *Ред.*). Их социализм есть муниципальный социализм: коммуна, а не нация должна, по крайней мере на первых порах, сделаться собственницей средств производства. Свой же социализм они рисуют крайним,

во неизбежным следствием буржуазного либерализма. Отсюда их тактика: не вести решительной борьбы с либералами как с противниками, а толкать их к социалистическим выводам, т.-е. надувать их, to permeate Liberalism with Socialism (пропитывать либерализм социализмом. *Ред.*); не противопоставлять либералам социалистических кандидатов, а подсовывать их либералам, т.-е. обманным путем проводить их... Но, что они при этом либо сами будут обмануты, либо надуют социализм, они, конечно, не понимают.

Фабианцы издали, наряду с разной дрянью, и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике: затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас.

Фабианцы насчитывают, конечно, много буржуазных сторонников, а потому они и располагают большими деньгами...» («Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und andere an F. A. Sorge und andere». Stuttgart. 1906, S. XX + 390; русский перевод: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Изд. П. Г. Дауге. Спб. 1907 г., стр. 440). — **390.**

[119]) Об этом Энгельс говорит в своем письме к Ф. Зорге от 7 декабря 1889 г. из Лондона: «Я, например, далеко не уверен, что John Burns гордится в душе более своею популярностью среди своего класса, чем своею популярностью у кардинала Manning'а, лорд-мэра и вообще у буржуазии. A. Champion — лейтенант в отставке — еще много лет тому назад имел какие-то делишки с буржуазными и, главным образом, консервативными элементами, а на поповском Church Congress проповедывал социализм и т. д. И даже сам Tom Mann, которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит рассказывать о том, как он будет завтракать у лорд-мэра! И лишь при сопоставлении их с французами убеждаешься, до чего в этом отношении благотворно влияет революция. Впрочем, буржуазия не много выиграет, если ей и удалось несколько вожаков заманить в свои сети. Движение к тому времени настолько окрепнет, что нечто подобное не оставит в партии никакого следа» («Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und andere an F. A. Sorge und andere». Stuttgart. 1906. S. 324 — 325; русский перевод: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Изд. П. Г. Дауге. Спб. 1907, стр. 357 — 358). — **391.**

[120]) Эта госпожа — Дороти Невиль (Dorothy Nevill) — в беседе с Гайндманом заявила последнему: «...Очередь народа придет когда-нибудь; я вижу это так же ясно, как и вы. Но не теперь, не теперь. Вы воспитаете часть рабочего класса, вот все, на что вы пока-что можете надеяться. А когда вы их воспитаете, мы их купим; а если не мы, то либералы их купят, что для вас представляет одно и то же» (Hyndman, Henry Mayers: «The Record of an adventurous life» («Записки о полной приключений жизни»). London. Macmillan C°. 1911, стр. 385). — **391.**

[121]) Ленин имеет в виду передовую статью «Конференция в Берне» в газете «Всегда Вперед!», одним из редакторов которой был Л. Мартов. В конце статьи автор ее, повидимому, Мартов, заявлял, что у Н. Осинского, назвавшего в «Правде» Гаазе и Каутского «социал-лакеями» за их участие в Бернской конференции, не хватило мужества сказать, «что в Берне присутствует в составе французской делегации сам Лорио, представитель французских большевиков...» («Всегда Вперед!» № 4, 11 февраля 1919 года). — **392.**

[122]) Речь идет об *Интернациональной социалистической конференции в Люцерне* — второй послевоенной конференции официальных партий II Интернационала, происходившей 2 — 9 августа 1919 года. Первона-

чально намечался созыв на 1 августа «всемирного конгресса», но эта затея провалилась, так как явилось всего около 40 делегатов. Главную роль на конференции играли Р. Макдональд, П. Ренодель и О. Вельс.

Конференция открылась вступительной речью Гендерсона, обрисовавшего политический, экономический и социальный мировой кризис и поставившего вопрос о созыве Лиги Наций для немедленного пересмотра главнейших пунктов Версальского мирного договора. В порядке дня конференции стояли вопросы: 1) восстановление Интернационала и 2) международное политическое положение. После образования комиссий по этим вопросам был заслушан отчет Секретариата о его деятельности со времени Бернской конференции, подвергшийся критике (Макдональд, Трульстра, Вельс, Кашен) за недостаточность работы по обеспечению прочного мира.

Доклад от имени комиссии по восстановлению Интернационала делал Влиген (Бельгия), высказавшийся за созыв всеобщего конгресса II Интернационала на 2 февраля 1920 г. в Женеве. Проект устава, предложенный Исполкомом и написанный, повидимому, Гюисмансом, явился как бы ответом на известное январское воззвание, посланное всем коммунистическим и лево-социалистическим партиям перед созывом I конгресса Коммунистического Интернационала (см. прим. 1), и на решения этого последнего. После обсуждения проект был в целом принят. Совершенно не давая анализа капиталистического общества и классовых отношений, введение к уставу ставило вопрос о сохранении всеобщего мира через организацию Лиги Наций.

7 августа конференция перешла к обсуждению вопроса об отношении Интернационала к общеполитическому положению. Докладчик комиссии П. Ренодель предложил резолюцию, которая признавала Версальский мирный договор надлежащей основой для международных отношений, призывала германских социал-демократов и независимых содействовать его выполнению и требовала немедленного созыва Лиги Наций. От меньшинства комиссии, явившегося как бы зародышем II½ Интернационала, выступил Ж. Лонге, защищавший подписанную Кашеном, Фроссаром, Гильфердингом и др. резолюцию, объявлявшую Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры насильническими и призывавшую к поддержке русской революции. В бурных прениях, продолжавшихся 3 дня, встал вопрос о германских социал-демократах большинства, участвовавших в коалиционном буржуазном правительстве. На заседании 8 августа с резкой критикой их политики выступил Р. Гильфердинг, на речь которого в другом месте ссылается Ленин (см. наст. том, стр. 460—461). Назвав шейдемановцев «контр-революционной партией, а их методы — подражанием методам Людендорфа», Гильфердинг предложил исключить их, так как «Интернационал не может допустить в своем составе контр-революционных партий» («La Feuille» № 296, 9 августа 1919 года). В результате горячих дебатов была принята вышеупомянутая резолюция П. Ренodеля. Однако под давлением огромного роста сочувствия пролетарских масс к русской революции, конференция вынуждена была сделать «левый» жест — выразить протест против интервенции и голодной блокады Советской России.

Конференция подтвердила решение Бернской конференции о посылке в Россию специальной комиссии (см. прим. 20) и приняла ряд других решений — по территориальному и колониальному вопросам, о возвращении странами Согласия 1½ милл. военнопленных, протест против занятия Латвии и Литвы немецкими войсками и т. п.

Истинный характер конференции особенно ярко выразил Р. Макдональд, заявивший, что «весь II Интернационал антибольшевистский. Он на деле является единственным средством защиты против большевизма, кроме военных репрессий». — 399.

[123]) В редакционной заметке, которой сопровождалось опубликование в «Правде» настоящей статьи Ленина, приведены следующие пять

вопросов, предложенные «недавно по радио» одним американским журналистом Ленину:

«1. Внесла ли Российская Советская республика какие-либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительственную программу внутренней и внешней политики и экономическую программу, когда и какие?

2. Какова тактика Российской Советской республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?

3. Какие политические и экономические цели преследуете вы по отношению к Соединенным Штатам и Японии?

4. На каких условиях готовы вы были бы заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом?

5. Что имели бы вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?»

Кем именно из американских журналистов были предложены эти вопросы, установить не удалось. В архиве Института Ленина сохранился лишь английский перевод «Ответа» Ленина для передачи по радио в Будапешт для американской печати. — 402.

[124]) Имеется в виду ответ Советского правительства на письмо Ф. Нансена, с которым последний обратился 3 апреля 1919 г. к «Совету четырех» в Версале, предлагая, основанный на чисто-гуманитарных, не политических началах, план организации снабжения России продовольствием и медикаментами, причем то и другое должно было распределяться комиссией из нейтральных членов. 17 апреля «Совет четырех» ответил согласием на это предложение, но с оговоркой, что этот план должен предполагать приостановку военных действий в областях, в которых начала бы функционировать нейтральная комиссия. Письмо Нансена и ответ на него «Совета четырех» были получены Советским правительством только 4 мая через норвежскую миссию в Берлине. 7 мая 1919 г. Народный Комиссариат по Иностранным Делам ответил Нансену радиотелеграммой, в которой принимал с благодарностью его план. Так как, однако, этот план не давал никаких гарантий того, что приостановление военных действий не будет использовано контр-революцией для своего укрепления и подготовки решительного удара против Советской России, то в радио-телеграмме далее указывалось, что «переговоры о приостановлении военных действий могут вестись лишь с самими правительствами Антанты», к каковым переговорам Советское правительство изъявляло готовность приступить. Нансен уведомил Н. К. И. Д., что заявление Советского правительства будет им сообщено правительствам Антанты, но никакого дальнейшего ответа не последовало, так как в виду временного успеха Колчака на Восточном фронте Антанта не была заинтересована в принятии плана Ф. Нансена и поэтому постаралась истолковать ответ Советского правительства как отказ его от предложения Нансена.

О переговорах с Буллитом см. XXIII том Сочинений, стр. 509—510 и прим. 159. Следует только иметь в виду, что Буллит находился в Советской России с 8 по 14 марта 1919 г., поэтому отнесение составления проекта договора с ним к февралю, как это сделано в томе, неправильно. — 403.

[125]) *Общегородская конференция фабрично-заводских комитетов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных М. Ц. Р. К. и совета о-ва «Кооперация»* — была созвана Московским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов и Московским Советом Профсоюзов для организации в Москве единого потребительского общества. Конференция происходила в Доме Союзов 29 — 30 июля 1919 года. В развернувшихся на второй день прениях по докладам об организации М. П. О. и его уставе выступили представители фракций меньшевиков и сторонников независимой кооперации, повторившие обычные выпады буржуазной кооперации и меньшевиков против стремления Советской власти создать подлинную рабочую

кооперацию. Во время обсуждения устава М. П. О. прибыл Ленин, произнесший печатаемую здесь речь. Конференция приняла устав М. П. О. и избрала временное правление. — 406.

[126]) Телеграммой Наркомпрода от 25 июля, адресованной всем губпродкомам и всем начальникам заградительных отрядов, «каждому рабочему, возвращающемуся из отпуска, предоставленного фабрично-заводскими комитетами, при предъявлении им особого отпускного удостоверения в установленной форме для проезда», разрешалось иметь при себе багаж весом до двух пудов, не подлежащий осмотру. Находящиеся в этом багаже продукты, в том числе и нормированные, реквизиции и конфискации не подлежали. Двухпудничество отпускников просуществовало до 1920 года. О полуторапудниках см. прим. 83. — 410.

[127]) 26 мая 1919 г. Верховный Союзный Совет обратился к Колчаку с нотой, подписанной Клемансо, Ллойд-Джорджем, Орландо, Вильсоном и Сайондзи, выражая «готовность продолжать свою помощь России». В силу этой ноты Колчак становился уполномоченным Антанты «по восстановлению порядка в России». Великие державы, представители которых подписали ноту, заявляли, что они «готовы оказать содействие правительству адмирала Колчака и тем, кто к нему присоединились, готовы помочь ему посылкой боевых припасов, продовольствия и снабжения, дабы оно могло утвердиться в качестве Всероссийского». Оказание этой помощи обусловливалось согласием Колчака соблюсти после своей победы известный декорум «демократизма» (созыв Учредительного Собрания, допущение свободного избрания земских и городских гласных, признание независимости Польши и Финляндии и т. п.). После того, как Колчак принял это условие, Верховный Совет в новой ноте от 12 июня 1919 г. выразил готовность «оказывать адмиралу Колчаку и тем, кто с ним объединился, помощь», указанную в ноте от 26 мая (см. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Часть II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. Издание Литиздата Н. К. И. Д. Москва. 1926 г., стр. 248 — 250). — 412.

[128]) Настоящая статья начата Лениным, повидимому, в июле 1919 г., по получении им упоминаемых в статье меньшевистско-эс-эровских изданий и резолюций IX Совета партии эс-эров, состоявшегося 18 — 20 июня 1919 года. Статья осталась незаконченной, но сохранившиеся план и набросок конца ее позволяют судить как о намечавшихся размерах ее, так и о приблизительном содержании ненаписанных глав. По плану статья должна была состоять из семи глав, из которых написаны только две, печатаемые здесь и озаглавленные в плане: «Лакеи» и «Гражданская война». Набросок конца статьи, опубликованный в «Большевике» (№ 23 — 24, 1925 г.) и не включенный в настоящее издание, направлен, главным образом, против решений IX Совета партии эс-эров. — 416.

[129]) Названные издания выходили в течение 1918 — 1919 г.г. на Украине, причем некоторые из них издавались под сенью деникинской «демократии».

«Мысль» — еженедельный научный журнал, издававшийся правыми меньшевиками в Харькове с января по июль 1919 г. при ближайшем участии В. Базарова, Л. Мартова, С. Девдариани (Сана) и М. Кричевского. Сотрудники: Н. Александров, Н. Рожков, Я. Пилецкий, В. Рожицын, Л. Любимов, М. Либер, Н. Колесников, П. Колокольников, М. Левидов, Д. Далин, М. Гинзбург, П. Шубин, Раф. Григорьев, Б. Авилов, М. Александровский, Ю. Владимиров, В. Коган, Б. Штейн и др. Всего вышло 15 номеров. Журнал приветствовал «смену власти», т. е. приход Деникина, и высказывался за интервенцию.

Статья Л. Мартова «Мировой большевизм», которую цитирует Ленин, напечатана в 10, 12, 13 и 15 №№ журнала за апрель — июль месяцы 1919 года.

«Грядущий День» — политический, экономический и литературно-критический двухнедельный журнал, издававшийся в Одессе группой правых

меньшевиков, при ближайшем участии С. Загорского, Д. Заславского, Ст. Ивановича, В. Канторовича, П. Юшкевича, М. Вишняка, Д. Пешехонова, Д. Овсянникова-Куликовского. № 1 вышел в марте, № 2 (очевидно, последний) — в апреле 1919 года. Журнал вел бешеную кампанию против большевиков и предсказывал неминуемое «падение комиссародержавия».

В каком № журнала была напечатана цитируемая Лениным статья П. Юшкевича, установить не удалось.

«Южное Дело» — периодические меньшевистские сборники, выходившие в 1918 г. в Киеве под редакцией М. Балабанова, Г. Наумова и С. Сумского. В числе постоянных сотрудников были: Л. Аптекарь, К. Василенко, Л. Войтоловский, Н. Гарви, И. Давидсон, А. Золотарев, Л. Любимов, М. Рафес, Сан (Девдариани), П. Тучапский, Л. Фрей, И. Ходоров, Д. Чижевский, Е. Шатан, П. Юшкевич и др. Всего вышло 2 сборника.

«Объединение» — ежемесячный литературно-научный и политический журнал, объединявший право-социалистические и лево-буржуазные группы. Издавался в Одессе под редакцией Н. Осиповича и П. Юшкевича. № 1 журнала вышел в сентябре 1918 г., № 2 — в ноябре, № 3 — 4 в декабре 1918 г., № 5 — вышел после продолжительного перерыва в начале 1920 года. — 416.

[180]) Возможно, что Ленин имеет в виду здесь следующее место из Л. Фейербаха: «Религия — говорят нам — есть наилучшее средство утешения в несчастии. Но наилучшее средство утешения в несчастьи является, пожалуй, наихудшим средством к достижению человеческого счастья. Ибо утешение помогает, правда, переносить бедствие, однако оно не домогается его устранения. Кто находит утешение в том, что он раб, у того не может быть искушения разбить цепи рабства» (Feuerbachs Sämmtliche Werke (Полное собрание сочинений Л. Фейербаха), hrsg. von Bolin und Jodl. X Band. Stuttgart. 1911. S. 327). — 417.

[181]) *Иудушка Головлев* — герой романа М. Е. Салтыкова (Щедрина) «Господа Головлевы». Головлев, прозванный Иудушкой, — тип двуличного, жестокого ханжи, прикрывающего свою сущность потоком сладеньких речей. — 418.

[182]) *I Съезд работников просвещения и социалистической культуры* — происходил в Москве с 28 июля по 1 августа 1919 года. Это был первый съезд, объединивший революционные элементы учительства, переживавшего процесс расслоения и внутренней борьбы. Основной задачей съезда являлась организация Всероссийского объединения работников просвещения, взамен распущенного реакционного Всероссийского Учительского Союза (В. У. С.), и установление связи со всем революционным профессиональным движением. Вначале предполагался созыв только конференции, но в виду достаточного количества делегатов (более 200 от 32 губерний) было решено конституироваться как съезд. После отчета оргбюро по созыву съезда и сообщений с мест был заслушан доклад представителя В.Ц.С.П.С. т. Ю. Лутовинова о задачах профессионального движения и содоклад т. Познера. В принятой резолюции съезд призвал всех интеллектуальных работников «примкнуть к пролетариату, строящему новую жизнь». Затем А. Луначарский сделал доклад об очередных задачах культурно-просветительного строительства, после чего съезд перешел к обсуждению организационных вопросов. В больших прениях об уставе союза наметились две точки зрения. Представители одной высказывались против принятия в союз лиц, хотя и признающих § 1 нормального устава, но по своим политическим взглядам не могущих быть терпимыми в союзе, представители другой, во главе с Лутовиновым, отстаивали общие для всех союзов принципы строительства. В принятой резолюции съезд высказался за то, чтобы взять в основу организации союза нормальный устав В.Ц.С.П.С., поручив Ц.К. союза внести в него, по соглашению с В.Ц.С.П.С., изменения в соответствии с характером союза и выработать к уставу дополни-

тельную инструкцию. Съезд оставлял за собой право отстаивать эти изменения в уставе на предстоящем III Всероссийском съезде профсоюзов. После доклада представителя Ц.К. Р.К.С.М. о юношеском движении на Западе и в России, съезд единогласно высказался за самую тесную, совместную работу с коммунистической молодежью. В последний день съезда с печатаемой здесь большой речью выступил Ленин. После докладов В. Невского о роли и задачах учителя в деревне и М. Покровского о политико-просветительной работе в Красной армии были произведены выборы Ц.К. союза и принята приветственная телеграмма венгерским товарищам-учителям и предложение Бюро III Интернационала обратиться с воззванием к учительству всего мира с призывом к просветительной работе по созданию социалистической культуры. — 421.

[133]) Ленин имеет в виду здесь следующее место из «Капитала» Маркса:

«... Вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: No admittance except on business («Вход разрешается только по делу»). Здесь мы знакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть истинный эдем прирожденных благ человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр., рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор, как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес» (К. Маркс. «Капитал», т. I. М. Гиз. 1928, стр. 117—118). — 422.

[134]) Повидимому, Ленин имеет в виду здесь предложение единого революционного фронта, с которым в этот чрезвычайно грозный политический момент (наступление Деникина, ухудшение продовольственного положения и пр.), вызвавший новый поворот мелко-буржуазной демократии вправо, выступили Ц.К. и М.К. меньшевиков, пытаясь использовать затруднения Советской власти и посеять недоверие к ней среди уставших масс.

Ц.К. меньшевиков в своем обращении — от 12 июля под названием: «Ко всем рабочим и работницам. Что делать?» — после лицемерных заявлений о необходимости покончить с военной контр-революцией выдвигал в области экономических и политических требований чисто колчаковскую программу (изменение системы продовольствия в сторону предоставления большей свободы действий крестьянству, допуск частного капитала в крупные промышленные предприятия, свобода торговли и отмена декрета о потребительских коммунах, расширение избирательного права в Советы, восстановление политических свобод, отказ от террора, отмена Чрезвычайных Комиссий и т. д.), подчеркивая, что только на основе этой программы «возможно единение между всеми сознательными рабочими и крестьянами, между всеми честными социалистами и искренними революционерами, установление прочного единого революционного фронта» («Сборник резолюций и тезисов Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и партийных совещаний», Харьков, 1920 г., стр. 33—34).

Через несколько дней с аналогичным же воззванием «по текущему моменту» выступил Московский Комитет меньшевиков. И в нем, после обычной меньшевистской критики политики Советской власти, указывался выход «в едином революционном фронте рабочих и крестьян, в соглашении всех социалистических партий», причем в целях скорейшего прекращения «гражданской войны внутри демократии» и создания «единого социалистического фронта» рабочие призывались оказывать давление на «верхи правящей партии» «собраниями, резолюциями, делегациями и петициями» («Вечерние Известия Московского Совета Р. и Кр. Д.» № 301, 26 июля 1919 года). — 423.

[135]) *Международная стачка 21 июля 1919 г.* — первое после Октябрьской революции единовременное политическое выступление европейских рабочих в защиту Советских республик России и Венгрии. Идея стачки исходила от Исполнительного комитета III Интернационала и была встречена горячим сочувствием пролетарских масс. Для практического осуществления стачки особенно много сделали итальянские социалисты, отправившиеся во Францию и добившиеся согласия на нее Генеральной Конфедерации Труда. 27 июня 1919 г. конгресс Рабочей партии в Саутпорте, в присутствии представителей Франции и Италии, принял постановление о международной стачке 21 июля под лозунгами поддержки русской и венгерской пролетарских революций и с требованием невмешательства империалистических правительств в венгерские и русские дела. Представители «центра» и профсоюзов, присоединившиеся под давлением масс к плану забастовки, в решительную минуту сделали все, чтобы помешать его осуществлению, причем особенно предательским было поведение французских социал-соглашателей во главе с Жуо. Когда французское правительство решило сорвать стачку, действуя, с одной стороны, обещаниями амнистии и ускорения демобилизации армии, а с другой — усилением репрессий, преследованием рабочих и угрозой предать военному суду железнодорожников, в случае их присоединения к стачке, Генеральная Конфедерация Труда обратилась 20 июля, накануне стачки, с воззванием к рабочим всех профессий, призывая их не прекращать работы 21 июля, а «с доверием и спокойствием ожидать решений национального комитета Генеральной Конфедерации Труда». В результате чего забастовка, блестяще удавшаяся в Италии, Австрии, Норвегии и отчасти в Германии, была сорвана в центре международной реакции, во Франции, что явилось сильнейшим ударом по Советской Венгрии, павшей 1 августа. — 426.

[136]) Здесь и ниже имеются в виду *события в Баку летом 1918 г.*, когда меньшевики, эс-эры и дашнаки, под предлогом якобы спасения города от германо-турецких империалистов, выставили в Совете требование пригласить в Баку англичан, ушедших из Северной Персии на южный берег Каспийского моря и предложивших им свою помощь против турок. Телеграмма И. Сталина с категорическим запрещением нарушать постановление V Всероссийского съезда Советов и требованием проводить в жизнь независимость международной политики и решительно бороться с агентами иноземного капитализма действия не имела. На расширенном заседании Бакинского Совета 25 июля, несмотря на призывы большевиков организовать сопротивление туркам собственными силами и продержаться таким образом до прихода Красной армии, меньшевикам и эс-эрам удалось незначительным большинством в 23 голоса провести постановление о приглашении англичан. Лишившись поддержки, Бакинский С.Н.К. во главе со Степаном Шаумяном 31 июля сложил с себя полномочия, и власть в городе перешла в руки соглашателей. Новое правительство «Диктатуры Центрокаспия и Временного Исполнительного Комитета», объединившее в борьбе с большевиками эс-эров, меньшевиков, дашнаков и офицерство, ликвидировало Советскую власть, загнало большевистскую партию в подполье и т. д.

Руководители старого Совета вместе с революционными войсками решили эвакуироваться в Астрахань, но по дороге были задержаны Центрокаспием. Войска были разоружены и как «неблагонадежные» отправлены в Астрахань, а часть видных работников Бакинской Коммуны посажена в тюрьму и приговорена к расстрелу, чему помешал приход турок. Оставшимся на свободе коммунистам удалось освободить арестованных, посадить их на пароход, чтобы пробраться в Астрахань. Из-за недостатка топлива пароход вынужден был зайти в Красноводск, где хозяйничали англичане и Временное Правительство — Комитет Закаспийской области во главе с эс-эром Фунтиковым. Вновь арестованные местными властями, действовавшими совместно с представителем английской военной миссии капитаном Тиг-Джонсом, 26 бакинских комиссаров в ночь с 19 на 20 сентября 1918 г. были посажены в вагон экстренного поезда и на 207-й версте между станциями Перевал и Ахча-Куйна без суда и следствия зверски убиты (подробнее о Бакинских событиях см. XXIII том Сочинений, прим. 43). — **428.**

[137]) Настоящее письмо написано в ответ на письмо С. Панкхерст (в то время коммунистки, противницы участия в парламенте), с которым она обратилась к Ленину, прося его «высказаться о парламентской работе». В своем письме С. Панкхерст следующим образом характеризовала партии и группы, существовавшие в Англии, давая им нумерацию, которой придерживается в своем ответе и Ленин:

«1) Трэд-юнионисты и рабочие политики устарелого типа, лишенные всякого идеализма и широкого кругозора, они — *не социалисты.*

2) Члены Независимой Рабочей партии (I. L. P.). Они зачастую буржуазны, зачастую крайне религиозны.

3) Члены Британской Социалистической партии (B. S. P.). Сами они считают себя более передовыми, чем «независимцы», но на деле этого не заметно, а с коммунистической точки зрения многие из них, пожалуй, даже безнадежнее «независимцев». Обе эти партии слишком заняты избирательными успехами, а после выборов их представители, выбранные рабочими, обыкновенно забывают рабочих с их интересами.

4) Революционные индустриалисты, признающие необходимость непосредственного действия. Это — самый многообещающий элемент; в этой среде встречаются замечательные люди, в характере которых, при всем их великодушии и гуманности, чувствуется некоторая беспощадность, которая окажется нам очень необходимой, когда наступит революция. Правда, многим из них, вне пределов их специальности, не хватает организаторских способностей.

Впечатление, произведенное русской революцией на все эти элементы, было различное. Вожаки первой группы перепугались, между тем как некоторые из рядовых рабочих этой группы под влиянием событий в России превратились в революционеров того типа, который мы упомянули в пункте 4-м. То же надо сказать и о Независимой Рабочей партии: большинство ее вождей также встревожились и перепугались, а некоторые из рядовых рабочих стали революционерами 4-го типа. Из приверженцев Британской Социалистической партии некоторые заколебались, настроение других стало довольно революционным. В среде революционных рабочих 4-й группы давно уже возникла мысль о переустройстве общества на советских началах, хотя они тогда еще не знали о Советах. Известия о событиях, происходящих в России, придали им еще больше мужества. В эту группу входят, главным образом, рабочие рудников и машиностроительных заводов, хотя за последнее время рабочие этого типа стали появляться и в других отраслях промышленности.

Рабочие этой революционно настроенной группы относятся с презрением к парламентской работе и ни за что не согласятся примкнуть к партии, которая гонится за мандатами на парламентских и муниципальных выборах. К этой же группе следует причислить членов рабочих комитетов

и фабричных старост (Workers Committees and Shop Stewards), хотя среди них есть довольно много и малосознательных элементов.

Кроме упомянутых выше 4-х групп, у нас есть еще (5) Социалистическая Рабочая партия (S.L.P.), бывшая раньше против парламентаризма, но на последних выборах выставившая также своих кандидатов, вследствие чего партия эта потеряла доверие рабочих 4-й группы, значительное число которых входит в эту партию.

6-ю группу составляет «Социалистическая Федерация Рабочих», которая значительно меньше и моложе всех остальных партий. Благодаря обстоятельствам своего возникновения, Федерация эта и сейчас еще в значительной степени состоит из женщин, но теперь большинство ее новых членов — мужчины; с бо́льшим правом, чем какая-либо другая организация, она может быть названа партией бедноты. Такой состав ее объясняется тем, что она ведет уличную агитацию, да и главная квартира ее находится в Истенде (один из беднейших кварталов Лондона. *Ред.*). Впрочем, в нее входит также некоторое количество конторщиков и квалифицированных рабочих. На конференции, состоявшейся на Троицу, Федерация объявила себя «Коммунистической партией», но по предложению нескольких товарищей было решено пока не переименовывать партию, а сначала приложить все старания к тому, чтобы организовать одну Коммунистическую партию, объединив группы 3-ю, 5-ю, 6-ю и 7-ю, при ближайшем участии группы 4-й; под 7-й группой мы разумеем Южно-Уэльское Социалистическое Общество. Многие утверждают, что Социалистическую Рабочую партию невозможно будет склонить к вступлению в Коммунистическую партию, хотя отдельные члены ее, пожалуй, и войдут в новую партию...

Слова ваши — писала в заключение С. Панкхерст — имеют у нас большой вес — по крайней мере, для тех, кто искренне желает революции. Мне думается, что, если бы вы были здесь, вы сказали бы: посвятите все свои силы непосредственному революционному выступлению и бросьте всю эту возню около политической машины...

Письмо С. Панкхерст было впервые напечатано в 1919 г. в № 5 «Коммунистического Интернационала», причем, очевидно, по конспиративным соображениям, без упоминания фамилии автора. — 437.

[138]) Январской конференцией спартаковцев Ленин называет здесь Учредительный съезд Коммунистической партии Германии (Союза Спартака), на котором 30 декабря 1918 г. обсуждался вопрос об участии в выборах в Национальное Собрание. Докладчик Пауль Леви защищал линию Ц. К., который после I Всегерманского съезда Советов, высказавшегося в пользу созыва Национального Собрания, признал необходимым участвовать в выборах. Большинством делегатов доклад был встречен явно неодобрительно. В последовавших затем прениях точку зрения Ц. К. защищали Роза Люксембург, Либкнехт, Дункер, Геккерт, Рогг, Киндль, Герке, Мейер, Видман и Минстер. Против участия в выборах высказались Отто Рюле, Гельвицкий, Левинэ, Бауман, Тетенс, Ригер, Шуберт, Роза Вольфштейн и Левин, полагавшие, что участие в выборах будет только «растратой сил», отклонением от актуальной задачи — достройки системы производственных Советов, и будет истолковано массами как признание коммунистами Национального Собрания.

Возражая противникам точки зрения Ц.К., Р. Люксембург и К. Либкнехт указывали на неподготовленность масс к лозунгу разгона Национального Собрания и на необходимость революционного использования парламентской трибуны для поддержки уличной борьбы. При этом Либкнехт ссылался на свою революционную деятельность в рейхстаге во время войны. Но позиция, занятая спартаковским руководством, настолько противоречила всей его линии до съезда, что оно осталось в меньшинстве: участие в выборах было отклонено 62 голосами против 23. — 438.

[139]) Настоящая статья, оставшаяся, повидимому, незаконченной, на-

писана в августе 1919 г., что можно установить по ее содержанию, а также потому, что в других августовских статьях Ленина («Речь на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры» — 1 августа и «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» — 24 августа) развиваются те же мысли, что и в печатаемой статье и в сохранившихся двух планах ее. — 443.

[140]) Идея Советов в Германии пользовалась настолько сильным признанием в массах, что шейдемановцы и правые независимые вынуждены были в борьбе с Советами стать на путь извращения идеи Советов, включив их в конституцию. Статья 165 Веймарской конституции, принятой Национальным Собранием 31 июля 1919 г., гласит:

«Рабочие и служащие призваны на равных правах, совместно с предпринимателями, участвовать в установлении условий заработной платы и труда, а также в общем хозяйственном развитии производительных сил. Обоюдные организации (предпринимателей и рабочих) и их соглашения пользуются признанием. Рабочие и служащие получают для защиты своих социальных и хозяйственных интересов законное представительство в виде Рабочих Советов предприятий, а также Окружных Рабочих Советов для отдельных хозяйственных областей и Рабочего Совета Державы.

Окружные Рабочие Советы и Рабочий Совет Державы для осуществления всех хозяйственных задач и для содействия проведению законов о социализации объединяются с представительными органами предпринимателей и иных заинтересованных кругов населения в Окружные Хозяйственные Советы и Хозяйственный Совет Державы. Окружные Хозяйственные Советы и Хозяйственный Совет Державы должны быть организованы таким образом, чтобы все важнейшие профессиональные группы были в них представлены сообразно их хозяйственному и социальному значению.

Социально-политические и хозяйственно-политические законопроекты крупного значения должны быть, до внесения их в рейхстаг, представлены правительством на заключение Хозяйственного Совета Державы. Этот Совет имеет право сам предлагать такие законопроекты. Если правительство Державы их не одобряет, то оно все-таки должно внести проект в рейхстаг с изложением своей точки зрения. Хозяйственный Совет Державы может защищать в рейхстаге проект через посредство одного из своих членов.

Рабочим и Хозяйственным Советам могут быть предоставлены в соответственных областях контрольные и административные полномочия.

Организация и задачи Рабочих и Хозяйственных Советов, равно как отношения их к другим социальным самоуправляющимся группам, входят в круг исключительного ведения Державы» (В. Н. Дурденевский. «Послевоенные конституции Запада». Вып. II. Гиз. 1924 г., стр. 38).

Откровенно смысл этой подделки формулировал в 1920 г. один из лидеров шейдемановцев, Роберт Шмидт, в сборнике предложений к пересмотру с.-д. программы: «Мы вышелушили здоровое ядро из неясной русской диктатуры Советов, возникшей из отрицания парламентской системы и синдикалистских профсоюзных теорий, мы требуем органического построения представительства социально- и хозяйственно-политических интересов» («Das Programm der Sozialdemokratie». Vorschläge für seine Erneuerung. Vorwärts. 1920. S. 125). — 450.

[141]) *«Запрещенное Название!!!» («Le Titre Censuré!!!»)* — небольшая еженедельная иллюстрированная газета, издававшаяся в Париже Жоржем Анкетилем с 19 апреля по 21 июня 1919 года. Всего вышло 10 номеров, причем 2 и 3 номера имели подзаголовок «Большевистская газета», а номера с 5 по 10 — «Французский коммунист». С 8 номера на 3 и 4 страницах ее начала печататься газета «Скованное Название» («Le Titre Enchaîné») с самостоятельной нумерацией и под редакцией Анкетиля же. В газетах печатались, главным образом, статьи самого Анкетиля, затем давались перепечатки из других, главным образом, русских советских газет. — 450.

142) Речь идет, с одной стороны, о воззвании «От Петроградского Совета к рабочим Эстляндии», опубликованном по случаю прибытия в Петроград высланных эстонских товарищей («Петроградская Правда» № 200, 6 сентября 1919 г.), а с другой — о радио-телеграмме Г. Зиновьева от 3 сентября, посланной последним, с согласия Н. К. И. Д., «Председателю министров Эстонской республики г. Штрандману». В телеграмме, после выражения уверенности в том, что начатые 31 августа нотой Чичерина переговоры о мире будут продолжаться, сообщалось об аресте 26 представителей эстонской буржуазии, которые, как и заложники из числа эстонской буржуазии и меньшевиков, находящихся в распоряжении Ц. К. Эстонской Коммунистической партии, будут освобождены лишь тогда, когда будут освобождены задержанные 26 представителей эстонского рабочего класса («Петроградская Правда» № 198, 4 сентября 1919 года). Как известно, в ночь с 5 на 6 сентября задержанные 26 эстонских коммунистов были расстреляны. — **451.**

143) Ленин имеет в виду статью Фр. Штампфера «Kautsky gegen Spartakus» («Каутский против Спартака»), напечатанную в газете «Vorwärts» № 457, 7 сентября 1919 года. — **452.**

144) В какой статье об этом писал Ленин, установить не удалось. Предложение же об отмене смертной казни на II съезде Р.С.-Д.Р.П. было сделано Брукер (Л. П. Махновец), сторонницей «экономизма». Во время голосования этого предложения «раздалось восклицание из среды делегатов: а для Николая II?». Предложение было отклонено большинством всех против десяти («Протоколы II съезда Р.С.-Д.Р.П.». Л. «Прибой». 1924 г., стр. 164—165). — **455.**

145) *Коммунистическая партия Америки* — образовалась 1 сентября 1919 г. на съезде в Чикаго. Основным ядром партии явилось левое крыло Американской Социалистической партии, сложившееся еще в 1918 г. под влиянием Октябрьской революции и опиравшееся, главным образом, на иностранные федерации партии (русскую, поляков, литовцев и др.). В начале 1919 г. это крыло издавало свой орган «Revolutionary Age» («Революционная Эпоха») и охватывало значительное количество организаций. Когда отдельные иностранные федерации стали принимать резолюции в пользу Советской власти и Коммунистического Интернационала, Ц. К. Социалистической партии во главе с Хилквитом, боясь утратить свое прежнее положение, исключил их из партии (русскую, литовскую, украинскую, латышскую, польскую, югославскую, венгерскую и вскоре еще организации штатов Мичиган, Массачузетс и Огайо). После этого левое крыло партии созвало 21 июня в Нью-Йорке конференцию, на которой присутствовало 92 делегата, представлявших 40 с лишним тысяч членов. На конференции выявилось, что в самом левом крыле существуют две фракции. Одна из них, состоявшая, главным образом, из иностранных федераций, с русскими товарищами во главе, отстаивала необходимость немедленного основания коммунистической партии, другая, возглавлявшаяся Джоном Ридом, объединяла американцев и настаивала на продолжении борьбы внутри Социалистической партии с тем, чтобы принять участие на съезде, назначенном партией на 1 сентября в Чикаго, и добиться на нем большинства. Так как на конференции победила вторая точка зрения, то иностранные федерации вместе с мичиганской группой ушли с конференции. В выпущенном воззвании они призывали к бойкоту съезда Социалистической партии и к участию в Учредительном съезде Коммунистической партии, назначенном ими также на 1 сентября в Чикаго.

Сторонники Джона Рида, явившиеся на съезд Социалистической партии, на съезд допущены не были. Так как попытка их договориться с Коммунистической партией, собравшейся на свой съезд, потерпела неудачу, то они в тот же день открыли Учредительный съезд Коммунистической Рабочей партии. Так, в один день и даже в одном и том же

помещении были образованы две коммунистические партии — Коммунистическая партия (Communist Party) во главе с К. Рутенбергом и Коммунистическая Рабочая партия (Communist Labour Party) во главе с Джоном Ридом и др. Хотя почти никаких принципиальных разногласий у обеих партий не было, между ними началась ожесточенная фракционная борьба, причинившая большой вред молодому коммунистическому движению в Америке.

В 1920 г. Коммунистический Интернационал предложил обеим партиям объединиться, что́ было встречено одобрением как со стороны рядовых членов этих партий, так и со стороны Ц. К. Коммунистической Рабочей партии. Что касается Ц. К. Коммунистической партии, то большинство членов его высказалось против объединения. Это привело к расколу в Коммунистической партии, меньшинство Ц. К. которой, во главе с К. Рутенбергом, представлявшее собою огромное большинство членов партии, объявило себя Центральным Комитетом и приступило к практическому разрешению вопроса об объединении. Большинство же прежнего Ц. К., опиравшееся только на русскую федерацию, продолжало существовать как самостоятельная партия. Объединение всех трех партий произошло на объединительном съезде Коммунистической партии, открывшемся нелегально в мае 1920 г. в одной из деревушек штата Мичиган и на котором была образована Объединенная Коммунистическая партия Америки (United Communist Party of America). — **461.**

[146]) *Комитет восстановления интернациональных связей (Comité pour la reprise des relations internationales)* — образовался в январе 1916 г. из слияния Комитета социалистического меньшинства, выступившего с особой резолюцией на декабрьском съезде Социалистической партии, и синдикалистского Комитета действия, причем каждая из этих организаций сохраняла известную свободу действия внутри общего Комитета, программой которого являлись решения, принятые большинством Циммервальда и Кинталя. В состав Комитета входили: от синдикалистов — Мергейм, Гасфельд, Гюбер, Лепети и Вебер, от социалистов — Бурдерон, Барри, Бювар, Картье и Дюлю. От большевиков в работах Комитета принимала участие И. Арманд, от газеты «Наше Слово» — Л. Троцкий, А. Лозовский и другие. В 1916 г. Комитетом была организована и проведена первомайская демонстрация. Осенью того же года выпущена брошюра «Les socialistes de Zimmerwald et la guerre» («Циммервальдские социалисты и война»), в которой Комитет заявлял о своем «несогласии с деятельностью центристского «меньшинства»» и недвусмысленно подчеркнул, что «*защита отечества не социалистическое дело*» (см. XIX том Сочинений, стр. 278). В сентябре 1916 г. из Комитета выделилась часть анархо-синдикалистских элементов, образовавших Комитет Синдикальной Защиты (см. следующее примечание). В дальнейшем Комитет стал центром интернационалистских элементов, особенно после того, как в начале 1917 г. во главе его, вместо Мергейма, пошедшего на союз с социал-патриотом Жуо, стал Лорио.

В мае 1919 г. интернационалистская группа во главе с Лорио и Монаттом решила преобразоваться в Комитет III Интернационала, поставив перед собой задачу привлечения «пролетарских, социалистических, коммунистических и революционных организаций к III Интернационалу и пропаганду среди масс и пролетарских организаций принципов коммунизма». В Исполком Комитета III Интернационала вошли: Лорио (секретарь), Монатт, Луиза Сомоно, Росмер, Картье, Ради. Перед Страсбургским конгрессом Социалистической партии Комитет III Интернационала развернул широкую агитацию за присоединение к III Интернационалу. После Турского конгресса (декабрь 1920 г.), вотировавшего присоединение, Комитет еще некоторое время продолжал существовать для борьбы с центристскими элементами (Фроссар, Верфейль и др.). Он был распущен по

постановлению Исполкома Коминтерна в конце 1921 г., а его орган «Коммунистический Бюллетень» передан французской компартии. — 461.

[147]) *Комитет Синдикальной Защиты (Comité de Défense Syndicaliste)* — образован в конце сентября 1916 г. анархо-синдикалистскими элементами, отрицавшими необходимость политической борьбы и вышедшими поэтому из Комитета восстановления интернациональных связей (см. предыдущее примечание). Комитет выпустил манифест с протестом против тактики представителей большинства Всеобщей Конфедерации Труда, «угодливо вступивших в сотрудничество, которого всегда добивались правительства», и «покинувших профессиональную борьбу, основанную на принципах классовой борьбы, с той целью, чтобы еще глубже проникнуть в правительственные комиссии под предлогом добиться осуществления некоторых требований» (А. Гильбо. «Социализм и синдикализм во Франции во время войны». П. 1920, стр. 46). Манифест подписали руководители ряда синдикатов: Бурдерон, Брутшу, Мильера, Перика и др. Кроме названных лиц в Комитет входили также синдикалисты революционного меньшинства: Мергейм, Монатт, Росмер, Лорио, Монмуссо и др.

В условиях военного времени деятельность Комитета ограничивалась критикой сотрудничества классов, проводимого вождями Всеобщей Конфедерации Труда, и пропагандой классовой борьбы и необходимости восстановления международных связей с профессиональными союзами других стран. По инициативе Комитета был организован ряд стачек, охвативших в 1916 г., и в особенности в 1917 г., крупнейшие промышленные районы Франции.

В мае 1918 г. Комитет, несмотря на противодействие реформистов, созвал в Сент-Этьене съезд революционных меньшинств синдикального движения, вынесший резолюцию с требованием немедленного перемирия, начала мирных переговоров и выражением солидарности с русской революцией. Съезд высказался также за поддержку стачечного движения и призвал пролетариат городов и деревень к всеобщей забастовке за прекращение войны. Мергейм, Дюмулен и др. попутчики циммервальдского движения в блоке с Жуо и К° предали стачечное движение. 16 июля 1918 г. на конфедеральном конгрессе в Париже они подвергли жестокой критике решения Сент-Этьенского съезда и с помощью «левых» фраз о заключении мира на условиях, определенных русской революцией, и осуждения вооруженной интервенции в России добились резолюции доверия Жуо и К°. Резолюция Монмуссо, осуждавшая руководство Всеобщей Конфедерации Труда, собрала только $^1/_5$ часть голосов. Благодаря возобновлению издания «La Vie Ouvrière» (см. прим. 159) и возвращению с фронта Монатта деятельность Комитета усилилась и в мае 1919 г. он постановил присоединиться к Коминтерну. К концу 1919 г. деятельность Комитета прекратилась, причем наиболее революционные элементы его влились в Комитет III Интернационала. — 461.

[148]) *«Интернационал» («L'Internationale»)* — еженедельная газета, орган Комитета Синдикальной Защиты, выходившая в Париже с 15 февраля по 15 июля 1919 г. под редакцией Реймонда Перика. В газете сотрудничали Монатт, Лорио, Монмуссо, Сомоно и др. В 16 № газеты группа опубликовала программу Французской Коммунистической партии, проникнутую анархо-синдикалистскими идеями. Эта партия не была признана И. К. К И., предложившим сторонникам ее влиться в Комитет III Интернационала (см. предыдущее примечание).— 461.

[149]) *«La Feuille» («Листок»)* — ежедневная газета, выходящая в Женеве с 28 августа 1918 года. Редактор и издатель — Жан Дебри. В августе 1919 г. газета, — «передовая и не примыкающая ни к какой партии», как значится в ее подзаголовке, — получила от Джона Кэя, капиталиста и публициста, большое денежное пожертвование и стала выходить в увеличенном размере, отведя специальную страницу отчетам о Люцернской кон-

ференции II Интернационала. Во время конференции Дебри кроме того выпускал в Люцерне особое издание своей газеты на немецком и английском языках с отчетами и сообщениями о конференции.

Так как в распоряжении редакции Сочинений 4 № английского издания газеты, в котором было напечатано цитируемое Лениным интервью с Трульстрой, не оказалось, то в указателе литературы дана ссылка на газету «La Feuille», где оно перепечатано. — 461.

[150]) Настоящая статья, судя по ее началу и названию, писалась Лениным как письмо к американским рабочим. Но затем она, повидимому, была использована им в беседе с американским журналистом Мак Брайдом (конец сентября 1919 года). Кроме рукописи статьи в архиве Института Ленина сохранился текст второй части ее (о концессиях), напечатанный на пишущей машине на куске материи и с подписью чернилами «Lenin». Этот текст был 20 октября 1919 г. опубликован в английской газете «Daily News» № 22965 под заглавием: «Lenin's ouvertures» («Откровения Ленина»). Вся же статья, за исключением первых 6 строк, была 17 декабря 1919 г. опубликована Мак Брайдом, как его интервью с Лениным, в американском журнале «Christian Science Monitor» («Христианский Научный Ежемесячник») (в распоряжении редакции Сочинений его не оказалось), откуда она 27 декабря того же года была перепечатана в журнале «Soviet Russia» («Советская Россия»), причем вторая часть статьи (о концессиях) помещена раньше первой. Наконец, в вышедшей в 1920 г. книге Мак Брайда «Barbarous Soviet Russia» («Варварства Советской России») его интервью с Лениным содержит в себе не только уже опубликованный им текст, но и следующий отсутствующий в рукописи ответ Ленина на вопрос о характере диктатуры пролетариата в Советской России:

«Пусть те, кто верит этим глупым выдумкам, придут сюда и, в соприкосновении с массами, узнают правду.

Значительное большинство промышленных рабочих и, по крайней мере, половина разбирающегося крестьянства стоят за Советскую власть и готовы защищать ее ценой своей жизни. Вы говорите, что вы побывали на Западном фронте,— продолжал он,— вы признаете, что вам было разрешено общаться с солдатами Советской России, что вам не препятствовали делать ваши обследования. Вы имели удобный случай узнать настроение масс. Вы видели тысячи людей, живущих изо дня в день на черном хлебе и чае. Вы, вероятно, видели в Советской России больше страданий, нежели вообще считали возможным. Все это происходит из-за несправедливой войны, которую с нами ведут, а также и из-за экономической блокады, — в чем в очень значительной степени повинна ваша страна. Теперь я спрашиваю вас, является ли все это диктатурой меньшинства?» («Bride J. «Barbarous Soviet Russia». N.Y.T. Seltzer. 1920, p. 66 — 67). — 465.

[151]) *«Soviet Russia» («Советская Россия»)* — еженедельный журнал, издававшийся в 1919 г. миссией Р.С.Ф.С.Р. в С.А.С.Ш. для пропаганды сближения между этими странами и правильной информации американцев о русской революции. 1 № журнала вышел 7 июня 1919 г. с подзаголовком «A Weekly Devoted to the Spread of Truth About Russia» («Еженедельник, посвященный распространению правды о России»). С № 13 журнал выходил с подзаголовком «Official organ of the Russian Soviet Government Bureau» («Официальный орган Российского Советского правительственного бюро»). Журнал являлся официальным органом Советской миссии до января 1921 г., когда последняя была выслана из Америки. Тираж журнала доходил до 40 тыс. экземпляров в неделю. В 1922 г. вышло несколько №№ «Soviet Russia» с подзаголовком «Semi-Monthly official organ of the friends of Soviet Russia» («Двухнедельный официальный орган друзей Советской России»). — 466.

[152]) Эти решения были приняты на XVI национальном конгрессе Итальянской Социалистической партии, состоявшемся 5 — 8 октября 1919 г.

*

в Болонье. На конгрессе боролись 4 группировки: максималисты-бойкотисты (группа Бордиги), максималисты-парламентаристы (группа Серрати), центристы (группа Ладзари) и реформисты (группа Турати и Дарагоны). Бордига, разошедшийся с группой Серрати по вопросу о бойкоте выборов в парламент, выступил на конгрессе со своей собственной бойкотистской программой. Центристы стояли за диктатуру пролетариата, но без применения насилия.

Конгресс, проходивший под знаком нарастающей революции, признал необходимым пересмотр программы партии, принятой в Генуе. Считая, что русская революция требует безусловного содействия ее распространению во всех цивилизованных капиталистических странах и что господствующий класс «нигде и никогда не отказывался от своей власти, не будучи вынужден к тому силой», конгресс выражал убеждение, «что *пролетариат должен прибегнуть к насилию*, чтобы захватить власть и закрепить завоевания революции». Конгресс подчеркивал далее необходимость «обратить особенное внимание на идейную и техническую подготовку революции», и в соответствии с изложенными взглядами постановил изменить программу партии, формулируя следующим образом основные ее положения: «Принимая во внимание, что при существующем общественном строе все человечество разделяется на два класса: на класс эксплуатируемых рабочих и на класс капиталистов...; что совершенно ясно обнаружившаяся *неспособность буржуазного класса* излечить вызванный им недуг, указывает на начало революционной эры..., ведущей к низвержению господства капиталистов и к *завоеванию политической и экономической власти пролетариатом;* «что насильственное завоевание политической власти рабочими должно означать переход этой власти от буржуазии к пролетариату и начало переходного периода диктатуры пролетариата; «что при этой диктатуре должен быть ускорен исторический период социального преобразования при посредстве коммунизма и что вслед за тем вместе с исчезновением классов исчезнет и всякое господство..., *съезд постановляет:*

1. перестроить организацию Социалистической партии Италии в соответствии с вышеизложенными основными положениями;

2. *примкнуть к III Интернационалу, органу мирового пролетариата, являющемуся выразителем и поборником этих основных принципов»;*

3. по отношению к профессиональным союзам, стоящим на почве классовой борьбы, приложить все усилия к тому, чтобы они направляли всю свою деятельность к достижению полной победы вышеизложенных принципов («Коммунистический Интернационал» № 6, октябрь 1919 г., стр. 915—916).

Решение об изменении программы партии было принято огромным большинством конгресса: 48.411 голосами против 14.880 голосов центристов и реформистов и 3.417 голосов сторонников Бордиги. Однако конгресс, решения которого в этой части означали первый шаг к образованию Коммунистической партии Италии, пошел в вопросе об исключении реформистов за Серрати, занимавшим компромиссную позицию. Реформисты не только не были исключены из партии, но им была предоставлена область профсоюзной работы, как наиболее для них подходящая. Это крайне задержало процесс образования Коммунистической партии Италии.

На этом же съезде была принята резолюция протеста против блокады Советской России — «In difesa republica dei Soviet» («В защиту Советской республики») («Avanti!» № 279, 8 октября 1919 года). — 475.

[153]) В названных газетах были помещены передовые статьи, посвященные полемике, которая возникла между органом Коммунистической партии Германии и органом оппозиции внутри партии (см. следующее примечание) по поводу решения собрания берлинского актива, состоявше-

гося 9 сентября. Собрание, несмотря на то, что представитель Ц.К. отстаивал на нем необходимость революционного парламентаризма, отвергло участие в буржуазном парламенте, «как непригодное средство для дальнейшего развития пролетарской освободительной борьбы». Нелегальный орган Коммунистической партии («Kommunistische Räte-Korrespondenz»), разъясняя ошибочность точки зрения оппозиции и решения актива, подчеркивал в то же время, что разногласия среди коммунистов по этому вопросу не являются коренными. Независимые попытались использовать эту полемику для оправдания своей беспринципной тактики. В статье «Illusionspolitik» («Политика иллюзий») они старались доказать, что Ц.К. Коммунистической партии, выступая против ошибок оппозиции, тем самым якобы подтверждает правильность тактики независимых, всегда стоявших за использование легальных возможностей, и гибельность «путчистской тактики коммунистов» («Freiheit» № 451, 18 сентября 1919 года). Равным образом и шейдемановцы, опираясь на эту статью «Freiheit» против «коммунистических путчистов», старались оправдаться в своей палаческой роли и союзе с монархическим офицерством. В передовице «Unabhängige gegen Kommunisten» («Независимые против коммунистов») центральный орган Носке и Шейдеманов писал: «Коммунисты добились возобновления осадного положения... Следствием этого было то, что монархические офицеры, чью помощь в решающий момент отчаянной борьбы нельзя было отвергнуть, теперь хвалятся, что они спасители государства, и что все враждебные рабочему классу элементы вновь почувствовали почву под ногами. Спартак ничего не добился для себя, но очень многого добился для реакции, к счастью не всего» («Vorwärts» № 478, 18 сентября 1919 года). — **476.**

[154]) Разногласия среди германских коммунистов наметились уже на Учредительном съезде партии и касались, главным образом, парламентской и профсоюзной тактики. По первому вопросу съезд решительно высказался против участия в выборах в Учредительное Собрание (см. прим. 138). За несколько дней до этого подобное же решение было принято берлинской конференцией немецких синдикалистов. По второму вопросу, профсоюзному, никакого решения на съезде принято не было, но даже Р. Люксембург, выступая в прениях, говорила о неизбежной ликвидации профсоюзов и переходе их функций к фабзавкомам и Советам (см. прим. 40). В организационных вопросах оппозиция выступала против централизма и за широкую «автономию» местных организаций.

Эти решения съезда по важнейшим вопросам, означавшие временную победу анархо-синдикалистской фразы, не могли не послужить в дальнейшем началом напряженной борьбы внутри молодой коммунистической партии. Синдикалистские элементы в партии, особенно сильные в гамбургской организации (их лидером был Вольфгейм, прошедший школу американского союза «Индустриальных Рабочих Мира»), с одной стороны, стремились перевести партию на рельсы принципиального антипарламентаризма, а с другой — повели агитацию за создание синдикалистского «Всеобщего Рабочего Союза», идя и в этом вопросе по сути дела на поводу у чистых синдикалистов. Последние уже в феврале, обращаясь в своем центральном органе к «коммунистам всех группировок», призывали «сейчас же, одним махом, сбросить с себя, как грязное белье, свое профсоюзное членство» («Syndikalist» № 9, 8 февраля 1919 года).

Рост синдикалистских тенденций в партии настолько усилился, что Ц.К. вынужден был вскоре принять специальное обращение «К синдикалистам в Коммунистической партии Германии». Признавая в нем, что рабочие, принадлежащие к синдикалистским профсоюзам, проникнуты честными революционными стремлениями», и что «невозможность организации будущего общества в той форме, как они ее себе представляют, обнаружится в свое время», Ц.К. партии вместе с тем заявлял, что партия «не может позволить членам синдикалистских профсоюзов пропагандировать средства

для осуществления социальной революции, которые несовместимы с воззрениями Коммунистической партии Германии, точно так же, как она не может позволить членам свободных профсоюзов пропагандировать в рядах коммунистической партии, например, идею социального мира путем заключения коллективных договоров.

Коммунистическая партия Германии считает необходимым для тактической борьбы в современный момент следующее:

a) пролетариат должен быть организован в политическую партию,

b) организация этой партии на данной стадии революционной борьбы должна быть строго централизованной,

c) современное развитие революционной борьбы перешло уже ту стадию, на которой пролетариат мог предпочитать частичные действия. Политические же пролетарские действия большого стиля, т.-е. всеобщая стачка или вооруженные восстания могли бы сегодня иметь успех только при условии охвата ими всего государства или больших хозяйственных областей. Действия этого рода в меньшем масштабе, направленные к завоеванию политической власти, являются путчами.

Коммунистическая партия Германии не может терпеть в своих рядах тех членов, которые в своей устной и печатной пропаганде или в своих действиях выступают против этих принципов. Она вынуждена исключить их» («Der Kämpfer» № 20 — 21, июнь 1919 г.).

На партийной конференции, состоявшейся 16 — 18 августа 1919 г., были сделаны попытки придти к известному компромиссу с оппозицией, не давшие, впрочем, определенных результатов, так как конференция признала себя не правомочной принимать обязательные решения. Нелегальный орган берлинской организации «Die Rote Fahne», поддерживавший гамбургскую оппозицию, истолковывал ход конференции в том смысле, что «по вопросу о парламентаризме решительно победила та точка зрения, что этот вопрос со времени январского съезда является для партии решенным». Гамбуржцы же писали в своих тезисах: «Партия, которая, решившись на борьбу за диктатуру пролетариата, снова обращается к парламентской деятельности, тем самым отказывается от борьбы за диктатуру». Полемика между Ц. К. партии и оппозицией снова вспыхнула в связи с решением берлинского актива 9 сентября 1919 г. (см. предыдущее примечание).

Необходимость преодоления синдикалистских тенденций становилась все более настоятельной. Однако само руководство коммунистической партии в то время еще не было большевистским. Во главе ее Ц. К. стоял Пауль Леви, — человек, через два года окончательно выявивший свое социал-демократическое лицо. На II съезде партии разногласия вылились в более острую форму и привели к расколу партии (см. прим. 160). — 479.

[155]) *Партийная неделя* — усиленная вербовка рабочих, рабочей и крестьянской молодежи в ряды Р. К. П. (б.). Впервые была проведена в Петроградской организации с 10 по 17 августа 1919 г. после окончания партийной перерегистрации (см. прим. 65), явившись первой попыткой осуществления решения VIII съезда Р. К. П. (б.) о росте партии, предложившего «широко открыть дверь партии» рабочим, рабочей и крестьянской молодежи (см. «Документы и материалы», стр. 717).

Примеру Петрограда последовал ряд других организаций. В частности с 20 по 28 сентября была проведена партийная неделя по Московской губернии. В конце сентября Ц. К. обратился ко всем партийным организациям с циркулярным письмом «О партийной неделе», в котором указывал, что «теперь, когда во исполнение решений VIII съезда нашей партии перерегистрация и чистка почти во всех партийных организациях закончена, Ц. К. считает своевременным приступить к усиленной вербовке новых членов партии. На своем заседании от 26 сентября пленум Ц. К. Р. К. П. (б.) постановил: *организовать в ближайшем будущем в городах*.

в деревне и в войсках партийную неделю. Центральный Комитет не определяет точно срока этой недели, предоставляя партийным организациям установить этот срок, считаясь с местными условиями. Но Ц. К. настаивает на том, *чтобы в течение октября месяца работа эта была закончена повсюду.* Главное требование, которое Ц. К. считает совершенно обязательным: в течение партийной недели в партию принимаются *только и исключительно рабочие и работницы, красноармейцы и матросы, крестьяне и крестьянки.* Для всех остальных в это время прием в партию прямо закрыт»... («Известия Ц. К. Р. К. П.(б.)» № 6, 30 сентября 1919 года).

Партийная неделя проводилась организациями в течение октября-декабря 1919 года. В Москве она состоялась с 8 по 15 октября и совпала с очень трудным положением на фронтах, в связи с наступлением Деникина и Юденича. Итогам партийной недели в Москве Ленин посвятил специальную статью (см. наст. том, стр. 490 — 493). Результатом проведения партийной недели явилось вовлечение в партию более 200 тысяч новых преданнейших членов. — 484.

[158]) Впервые такое циркулярное письмо Ц. К. Р. К. П. (б.) было разослано по радио и телеграфу 29 апреля 1919 г., в связи с опасностью, созданной продвижением Колчака. Письмо призывало все местные партийные организации «довести свою работу по обслуживанию армии до высшей степени напряжения», снять для военной работы максимум работников, не останавливаясь перед временным прекращением деятельности отдельных ведомств, ибо «было бы недостойным мировой революционной партии ребячеством расходовать сейчас свою силу на мирную общекультурную работу в то время, как самому существованию Советской республики грозит смертельная опасность» («Правда» № 92, 1 мая 1919 года).

Этому же вопросу в значительной степени было посвящено и письмо Ц. К. Р. К. П. (б.) к организациям партии: «Все на борьбу с Деникиным!», в связи с началом наступления Деникина. В качестве основной задачи момента письмо выдвигало необходимость того, чтобы все коммунисты прежде всего и больше всего, все сочувствующие им, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны *подтянуться по-военному,* переведя *максимум своей работы,* своих усилий и забот *на непосредственные задачи войны,* на быстрое отражение нашествия Деникина, сокращая и перестраивая, в подчинение этой задаче, всю свою остальную деятельность. Советская республика... должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле. Всю работу всех учреждений приспособить к войне и перестроить по-военному!». Письмо решительно ставило вопрос о максимальном сокращении невоенной работы. «Если каждый руководитель ведомства..., каждая ячейка коммунистов, не теряя ни минуты, поставят перед собой вопрос: безусловно ли необходимо такое-то учреждение? Такой-то отдел? Погибнем ли мы, если приостановим его, или сократим на $^{9}/_{10}$ его работу, оставив его вовсе без коммунистов?—Если за постановкой такого вопроса последует быстрое и решительное сокращение работы и изъятие коммунистов (с их безусловно надежными помощниками из сочувствующих или беспартийных), тогда мы сможем в самое короткое время получить сотни и сотни для работы в политотделах армии, на должностях комиссаров и проч. И тогда мы имеем серьезные шансы Деникина победить так же, как мы победили более сильного Колчака» («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 4, 9 июля 1919 года).

Наконец, в связи с обострением в конце сентября положения на Южном фронте, Ц. К. Р. К. П. (б.) обратился к организациям с новым циркулярным письмом, в котором требовал поставить весь государственный аппарат на службу задаче уничтожения Деникина. «Во имя этой задачи — говорилось в письме — должна быть нарушена и сломана вся старая рутина управления. Все коммунисты должны быть извлечены из тех учреждений,

где они могут и должны быть заменены беспартийными работниками, женщинами, инвалидами гражданской войны. Коммунисты же должны быть переданы в распоряжение военных властей. Всякая коллегиальность должна быть сокращена до минимума. Дискуссия и обсуждения должны быть заброшены. Партия должна как можно скорее перестроиться на военный лад: превратиться в точно действующий, без задержки работающий, крепко спаянный военно-революционный аппарат» («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 6, 30 сентября 1919 года). — 486.

157) *«Красноармеец»* — иллюстрированный двухнедельный литературный и политический журнал Политического Отдела Революционного Военного Совета Республики. Выходил в Москве с мая 1919 г.; в числе сотрудников были М. Ольминский, И. Смилга и др. В 1929 г. журнал был преобразован в двухнедельный массовый журнал ПУР'а и Осоавиахима под названием «Красноармеец и Краснофлотец». — 489.

158) *«Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков)»* — начали выходить во исполнение постановления VIII съезда Р. К. П.(б.), который в резолюции по организационному вопросу поручил Ц. К. «наладить еженедельное издание «Известия Ц. К.», посвященное целиком партийной жизни». В «Известиях» печатались все подлежащие опубликованию циркуляры, инструкции и объявления Ц. К., ежемесячные отчеты о работе Ц. К. и его важнейших органов — Политического и Организационного Бюро, дополненные сведениями о работе отделов Секретариата Центрального Комитета. В этом отношении «Известия» содержат богатый материал по вопросам партийного строительства в годы гражданской войны. № 1 «Известий» вышел 28 мая 1919 года. В 1919—1920 г. они печатались в виде приложения к газете «Правда», а с октября 1920 г. — как самостоятельный орган, выходивший сначала не регулярно, в 1922 г. — 2 раза в месяц, в 1923 г. и до 1 июня 1924 г. — ежемесячно, с 1 октября 1924 г. и до 1928 г. выходивший сначала еженедельно, а с 1928 г. (с № 20) — три раза в месяц. В октябре 1929 г. «Известия» были преобразованы в двухнедельный журнал «Партийное Строительство», посвященный вопросам теории и практики партийного строительства. — 493.

159) *«La Vie Ouvrière» («Рабочая Жизнь»)* — революционно-синдикалистский теоретический двухнедельный журнал, выходивший в Париже с октября 1909 г. под редакцией П. Монатта. В журнале сотрудничали наиболее видные деятели синдикалистского движения: П. Монатт, А. Росмер, А. Мергейм, Ж. Ивто, Ж. Дюмулен, Том Манн (Англия), В. Фостер (С.-А. С. Ш.) и др. В 1914 г., во время войны, журнал был закрыт, но вокруг его руководителей продолжали группироваться интернационалистски настроенные элементы, в том числе часть русских эмигрантов; группа издавала письма к подписчикам «La Vie Ouvrière»: о Циммервальдской конференции, о выходе П. Монатта из конфедерального бюро и др. и участвовала в создании Комитета восстановления интернациональных связей (см. прим. 146). В 1919 г. Монатт возобновил издание «La Vie Ouvrière», участники которого возглавляли движение революционного меньшинства Всеобщей Конфедерации Труда. В настоящее время «La Vie Ouvrière» является органом Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда. Выходит еженедельно форматом газеты, при участии Монмуссо, Клавери и др. — 501.

160) Раскол Коммунистической партии Германии произошел на II Гейдельбергском съезде партии (20 — 24 октября 1919 г.) в связи с имевшими в ней место разногласиями (см. прим. 154). Основным вопросом на съезде был вопрос о политическом положении, по которому Паулем Леви, стоявшим тогда во главе партии, были внесены «Тезисы о коммунистических принципах и тактике», несогласие с которыми, как гласил последний параграф их, влекло за собой исключение из партии. В основном тезисы были направлены против «лево»-коммунистической оппозиции, особенно сильной в гамбургской организации, вожди которой, Лауфенберг и Вольфгейм,

выступали с открытой защитой анархо-синдикалистских взглядов, считая тактику партии оппортунистической, отрицая не только участие коммунистов в профсоюзах и парламенте, но договариваясь даже (на съезде) до отрицания политической борьбы (демонстраций и т. д.) и превращая таким образом партию в чисто пропагандистское общество. Пропаганда ими «Всеобщего Рабочего Союза» означала на деле стремление растворить коммунистическую партию в общей массе революционных организаций.

На съезде были испытаны далеко не все возможные средства для того, чтобы изолировать от революционных рабочих мелко-буржуазных интеллигентов — вождей оппозиции (которые вскоре сами себя изолировали своей проповедью «национал-большевизма», а в настоящее время или совсем отошли от политической жизни или находятся в рядах социал-фашистов) и сохранить для партии здоровые пролетарские элементы.

На съезде оппозиция голосовала против пунктов тезисов, осуждавших анархо-синдикалистские воззрения на политическую борьбу и на роль партии. При окончательном голосовании тезисы были приняты большинством 31 голоса против 18. Делегаты ряда крупных организаций (Гамбург, Берлин, Бремен) были исключены, а так как они настаивали на своем праве принимать участие в дальнейших работах съезда, то последний был перенесен в другое место.

Настоящим письмом, к которому было приложено письмо к отколовшимся (см. следующее примечание), Ленин, осуждавший анархо-синдикалистские взгляды оппозиции, старался исправить ошибку, допущенную руководством Коммунистической партии Германии. Он был против исключения меньшинства, так как был уверен, что революционные пролетарские элементы, шедшие в то время за синдикалистами, изживут свои ошибки в процессе совместной борьбы «с действительно грозным врагом, с буржуазией», с ее прямыми и прикрытыми слугами. Однако предотвратить раскол уже не удалось. За исключением делегатов съезда последовало исключение ряда местных организаций, которые 4 апреля 1920 г., найдя уже себе к этому времени вместо Лауфенберга и Вольфгейма новых вождей в лице голландских ультра-левых (Паннекук и Гортер), организовались как Коммунистическая Рабочая партия Германии (K.A.P.D.). Впоследствии на II и III конгрессах Коммунистического Интернационала было употреблено не мало безрезультатных усилий для того, чтобы объединить обе партии. В настоящее время Коммунистическая Рабочая партия Германии является незначительной анархо-синдикалистской группой, не играющей никакой роли в политической жизни германского пролетариата (подробнее о ней см. XXVII том Сочинений, прим. 1). — 502.

[161]) В этом письме, адресованном «Товарищам коммунистам, входившим в общую «Коммунистическую партию Германии» и составившим теперь новую партию», Ленин снова подчеркивал, что «коммунисты, согласные в основном,—в борьбе за диктатуру пролетариата и за Советскую власть, непримиримо враждебные шейдемановцам и каутскианцам всех наций, — могли бы и должны бы были выступать едиными. Расхождения в менее важных вопросах... могут исчезнуть и непременно исчезнут: этот результат будет вызван логикой совместной борьбы с действительно грозным врагом, с буржуазией, с ее прямыми (шейдемановцы) и ее прикрытыми (каутскианцы) слугами» (архив Института Ленина, документ № 23227). — 502.

[162]) Конец настоящего письма выброшен итальянской цензурой. В декабре того же года он был напечатан в несколько сокращенном виде в ряде французских («Le Populaire», «L'Humanité» от 7 декабря), английских («The Call» от 18 декабря) и др. социалистических изданий. Полностью письмо впервые было опубликовано в январе 1920 г. в газете «Le Populaire», где не пропущенная итальянской цензурой в «Avanti!» часть письма изложена следующим образом (перевод): «Может случиться, что Англия

и Франция при поддержке итальянской буржуазии попытаются толкнуть итальянский пролетариат на преждевременное восстание, чтобы тем легче его раздавить. Но им не удастся осуществить свои планы. Прекрасная работа итальянских коммунистов служит порукой тому, что им удастся завоевать на сторону коммунизма весь промышленный и сельско-хозяйственный пролетариат, включая мелких собственников; тогда, если будет заранее выбран благоприятный по международной ситуации момент действия, — победа диктатуры пролетариата будет окончательной. Успехи коммунистов во Франции, Англии и во всем мире также обеспечивают нам эту победу! С коммунистическим приветом В. Ленин» («Le Populaire» № 634, 20 января 1920 года). — **504**.

[163]) В архиве Института Ленина сохранилось пять рукописей Ленина на тему о диктатуре пролетариата, представляющих собою тот предварительный материал, который частично использован Лениным в настоящей статье и который, повидимому, должен был лечь в основу задуманной им брошюры. Отсутствие на рукописях датировки не позволяет точно установить время их написания. Повидимому, три из них написаны до 30 октября (время написания настоящей статьи), и их имеет в виду Ленин, когда говорит о «предварительной подготовке отдельных частей» брошюры, а остальные две — в начале 1920 года. Впервые эти материалы были опубликованы в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» III, стр. 493 — 518. Четвертая рукопись, самая большая и вполне «отделанная», включена в XXV том Сочинений, стр. 1 — 12. — **507**.

[164]) Ленин имеет в виду позицию Исполнительного Комитета Всероссийского союза железнодорожников (Викжеля), состоявшего в подавляющем большинстве из представителей мелко-буржуазных партий (14 эс-эров, из них 9 левых, 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 от других партий и 11 беспартийных). В Октябрьские дни 1917 г. Викжель на словах занял «нейтральную» позицию, настаивая «на прекращении гражданской войны и создании однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов включительно», являясь фактически одним из центров мелкобуржуазной контр-революции. Занятая им позиция встретила резкое недовольство со стороны железнодорожного пролетариата, и на чрезвычайном съезде железнодорожных мастеровых и рабочих (25 (12) декабря 1917 г.) Викжелю было выражено недоверие. В начале января 1918 г., после Всероссийского железнодорожного съезда, Викжель был ликвидирован, и все его функции перешли к избранному на съезде Викжедору (подробнее об этом см. XXII том Сочинений, прим. 11, 12, 63 и 102). — **524**.

[165]) Настоящее письмо было написано Лениным в связи с посылкой в Туркестан, после ликвидации Оренбургского фронта и соединения в сентябре 1919 г. Туркестана с Советской Россией, комиссии В.Ц.И.К. и С.Н.К. по делам Туркестана (Турккомиссии). Комиссия была образована постановлением В.Ц.И.К. от 8 октября 1919 г. в составе Ш. Элиавы (председатель), М. Фрунзе, В. Куйбышева, Ф. Голощекина и Я. Рудзутака.

Посылка Комиссии была вызвана тем, что в Туркестане, отрезанном в продолжение почти двух лет от Советской России, со стороны руководящих русских работников были допущены грубые извращения в проведении национальной политики, являвшейся по существу продолжением политики колонизаторства, усиленно проводившегося царским правительством. Эти работники считали, что, поскольку в Туркестане нет своего пролетариата, русские рабочие являются единственным элементом, способным осуществить диктатуру пролетариата. Поэтому, несмотря на то, что в крае туземное население составляло 95% всего населения, они во всей своей деятельности опирались на русских рабочих (железнодорожников), на верхушки местного населения (чиновников), придерживавшихся русской ориентации, и на русских крестьян-переселенцев (в Семиречьи), являвшихся в большинстве своем кулацкими элементами.

Из этой основной ошибки — великодержавного зажима — проистек ряд других, производных ошибок, допущенных туркестанскими работниками и еще более оттолкнувших в первое время трудовое местное население от Советской власти. Сюда надо отнести: 1) смычку в Фергане с армянской националистической партией Дашнакцутюн, проводившей под видом борьбы с басмачеством при разгроме Кокандской автономии (где кучка буржуазных националистов захватила власть и требовала отделения и независимости Туркестана) вооруженную борьбу с мусульманами; 2) вооружение для борьбы с басмачеством русских крестьянских кулацких отрядов в Джелал-Абадском районе, поднявших потом восстание против Советской власти, и 3) недостаточное противодействие русским семиреченским и сыр-дарьинским кулакам, продолжавшим и при Советской власти захват земель киргизов, бежавших после подавления их восстания в 1916 г. в Китай и вернувшихся обратно после революции.

В партийной жизни Туркестана ко времени приезда комиссии также создалось ненормальное положение. Как реакция па политику великодержавного зажима, среди коммунистов из коренного населения возникло течение, объединившееся вокруг Мусбюро Р. К. П. (б.) Туркестана, являвшегося руководящим органом мусульманских организаций и представлявшего их интересы в Краевом комитете Р.К.П. (б.). Перед туркестанскими коммунистами, таким образом, стояла задача помимо выпрямления великодержавной политики руководящих коммунистов осуществить объединение Краевого Комитета Р.К.П. (б.), Мусбюро Р.К.П. (б.) и его организаций и коммунистической группы военнопленных в Туркестане в одну Коммунистическую партию Туркестана.

В постановлении В.Ц.И.К. и С.Н.К., определявшем задачи комиссии и составленном Лениным, подчеркивалось, «что самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой — составляют основу всей политики Советского правительства России и служат руководящим началом во всей работе ее органов и что только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России».

Следует отметить, что Ц. К. Р.К.П. (б.) еще до соединения Туркестана с Советской Россией принимал меры к выпрямлению политики туркестанских коммунистов в отношении местного населения. Этот вопрос был поставлен в 1918 г. в телеграмме т. Сталина на имя чрезвычайного комиссара Средней Азии т. Кобозева о необходимости предоставления автономии Туркестанскому краю. Затем в радиограмме Ц. К. Р.К.П. (б.) от 12 июля 1919 г. на имя Туркестанского правительства указывалось, «что на основании принятой VIII съездом программы коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями». В радиограмме предлагалось также «прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм». Эта радиограмма, имевшая большое значение в деле привлечения коренного населения Туркестана к государственной деятельности, легла в основу последующей деятельности туркестанских коммунистов. Окончательное же влияние на закрепление этого поворота в отношении местного населения и на установление действительно коммунистической политики в отношении коренного населения Туркестана имело печатаемое здесь письмо Ленина.

V общая краевая конференция объединенной Коммунистической партии Туркестана, происходившая 20 — 27 января 1920 г., обсудив письмо

Ленина, приняла обращение к нему, в котором признавала допущенные в работе ошибки и обязывалась их решительно исправить, работая совместно с Турккомиссией, твердо проводить в жизнь все резолюции, принятые на конференции, «в основу которых положено стремление вызвать к деятельности угнетенное местное население и дать ему полную возможность свободного развития и строительства своей жизни» (сборник «Мусбюро Р.К.П.(б.) в Туркестане». [1921], стр. 93). — 531.

[168]) *I Всероссийское совещание по работе в деревне* — происходило 16 — 20 ноября 1919 г. в Москве и было созвано Отделом по работе в деревне при Ц. К. Р. К. П. (б.) в целях обмена опытом партийной работы в деревне и выработки практических мер для ее усиления. Каждая губерния посылала на конференцию одного губернского организатора, двух уездных и одного районного или волостного. Всего на совещании присутствовало 99 делегатов, причем за исключением Оренбургской, Уральской и Донской областей и губерний Орловской, Воронежской, Астраханской и Архангельской были представлены все губернские, многие уездные и некоторые волостные комитеты партии.

Совещание началось докладами с мест (заслушано больше 20), выявившими неудовлетворительное состояние деревенской работы на местах: недостаток партийных кадров, специально занимающихся этой работой, не всегда правильное понимание партийными организациями решений VIII съезда партии и перегибы в насаждении новых форм крестьянского хозяйства и, наконец, отсутствие единого организационного плана работы и руководства со стороны центра. Наибольшие прения на совещании вызвал доклад по организационному вопросу В. Невского (от Отдела по работе в деревне при Ц.К. Р.К.П.(б.)), в прениях по которому выявились две точки зрения. Сторонники одной (в том числе докладчик) стояли за организацию особого деревенского отдела при Ц. К. и создание губернских, уездных и волостных организаторов деревенской работы, что предусматривалось в опубликованном Отделом проекте инструкции по работе в деревне. Представители же Московского и Петербургского губернских комитетов партии усматривали в проекте инструкции стремление, с одной стороны, подменить советские органы партийными, а с другой — создать в лице Отдела по работе в деревне особый партийный главк, стоящий над партийными организациями, и потому предлагали ограничиться созданием при инструкторско-организационном отделе Ц. К. Р. К. П.(б.) небольшой комиссии, на которую и возложить инструктирование губернских партийных комитетов относительно постановки работы в деревне. На местах же работа должна вестись партийными комитетами в целом, а не особыми деревенскими «спецами» в виде губернских, уездных и волостных организаторов. Большинство совещания, однако, согласилось с положением, выдвинутым Отделом по работе в деревне и признававшим необходимость для правильной постановки работы в деревне создания определенного кадра коммунистов, занятых специально работой среди крестьян (губернские, уездные и волостные организаторы). С небольшими поправками проект инструкции по работе в деревне, выработанный Отделом (см. прим. 176) был принят совещанием. Кроме того совещание заслушало и обсудило доклады: об организации сельско-хозяйственных рабочих, о земельной политике (С. Середа), о работе среди деревенской молодежи и крестьянок (А. Коллонтай), о крестьянской газете, о политико-просветительной работе в деревне (Н. Крупская, А. Луначарский), о мероприятиях Советской власти по охране народного здоровья, о связи партийной работы с народными комиссариатами, о снабжении деревни литературой и о партийной неделе. Ленин выступил на третий день совещания. Материалы совещания были впоследствии переданы в комиссию по уставу, образованную декабрьской Всероссийской конференцией Р. К. П. (б.). Принятые совещанием резолюции напечатаны в брошюре: «Резолюции I Всероссийского

совещания по работе в деревне». Изд. Губ. Ком. К. П. (б.) У. Одесса. 1920 год. — 536.

[167]) *II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока* — съезд представителей местных мусульман-коммунистов (татар, башкир, народов Туркестана и др.), происходивший с 22 ноября по 3 декабря 1919 г. в Москве. На съезде присутствовал 71 делегат с решающим голосом и 11 с совещательным. Съезд был открыт от имени Ц. К. Р. К. П. (б.) т. Сталиным, выразившим уверенность, что «съезд сумеет продолжить начатую работу по пробуждению народов Востока, по укреплению моста, перекинутого между Западом и Востоком, и по освобождению трудящихся масс от векового гнета, гнета империализма». Ленин, встреченный бурными овациями съезда, выступил с печатаемым здесь докладом о текущем моменте в первый же день съезда, 22 ноября. Резолюция, принятая по его докладу, была передана в президиум «для конкретизации и выработки главных тезисов, которые должны лечь в основу работы на Востоке». После этого был заслушан отчет Центрального Бюро коммунистических организаций Востока о работе за год. 23 ноября происходили прения по этому отчету и состоялся доклад мандатной комиссии. Следующие два дня были посвящены докладам с мест, выявившим отсутствие общего плана работы, оторванность местных секций от Центрального Бюро, недостаток партийных организаторов, литературы и т. д. 26 ноября, после докладов центральной мусульманской военной коллегии и центрального мусульманского комиссариата при Наркомнаце, съезд перешел к главному вопросу — восточному, занявшему и весь следующий день. В принятой по этому вопросу резолюции подчеркивалось значение Востока в разрешении проблемы международной социальной революции, указывались направления, в которых должна вестись революционная работа коммунистической партии на Востоке, и намечался целый ряд практических мер для революционизирования движения: подготовка партийно-советских кадров для работы на Востоке, создание восточной интернациональной Красной армии и подготовка красных командиров из среды пролетариата восточных народностей (см. «Жизнь Национальностей» № 47, 14 декабря 1919 года). 28 ноября обсуждался татаро-башкирский вопрос, вызвавший большие споры, особенно в отношении включения автономной советской Малой Башкирии в состав Татаро-Башкирской республики. 1 декабря были заслушаны доклады образованных на съезде секций: по государственно-организационному вопросу и по партийно-организационному, а также доклады о работе среди женщин Востока и среди молодежи. В резолюции, принятой по докладу о деятельности Центрального Бюро, констатировалась слабость его работы. После выборов нового Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока съезд закрылся. — 542.

[168]) Сообщение об этой речи Черчилля было приведено в статье «Imperialismens dröpslag mot Ryska revolutionen» («Смертоносный удар империализма по русской революции»), напечатанной в шведской газете «Folkets Dagblad Politiken» («Народный Политический Ежедневник») № 195, 25 августа 1919 года. «Газета «Politiken» — говорилось в этой статье — получила из вполне достоверного источника сообщение о том, что английский военный министр Черчилль несколько времени тому назад информировал партийный съезд о подготовляемом Антантой смертоносном ударе по русской революции. После сосредоточения всевозможных военных припасов вдоль всех границ Советской России, начнется наступление на Москву армий 14 государств. Это наступление должно начаться в конце августа или в начале сентября... По расчетам Черчилля, Петроград должен пасть в сентябре, а Москва — к Рождеству. Далее, впредь до окончания усмирительной работы в стране, Россией будет управлять смешанная комиссия под военной диктатурой. Если этот организованный в крупном масштабе концентрированный поход против Советской России потерпит

крушение, то останется лишь одно — признать Ленина и заключить мир, так как иначе Европа будет потрясена войной на протяжении многих лет».

Ленин, повидимому, пользовался не газетой, а информационной сводкой, один экземпляр которой, перепечатанный на машине и с пометкой Ленина «28 августа 1919», сохранился в архиве Института Ленина. Текст сводки, стилистически несколько отличающийся от приведенного выше, содержит ссылку на «Folkets Dagblad Politiken». На отдельном листке, приложенном к сводке, рукою Ленина сделан перечень следующих 14 государств: «Англия, С. Штаты Америки, Франция, Италия, Япония, Финляндия, Эстляндия, Латвия, Литва, Польша, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения» и сбоку, в скобках: «Колчакия, Деникия». — 547.

[169]) Проект настоящей резолюции, написанный Лениным, был 21 ноября 1919 г. обсужден Ц. К. Р. К. П. (б.), передавшим его для окончательного редактирования в комиссию. 29 ноября проект, в который комиссия внесла лишь незначительные чисто редакционные поправки, был принят Ц. К. и 2 декабря опубликован, как «Резолюция Ц. К. Р. К. П. (б.) о Советской власти на Украине». На Всероссийской Конференции Р. К. П. (б.) (см. прим. 171) резолюция была принята единогласно. Конференция кроме того поручила Ц. К. совместно с особой комиссией из украинских работников разработать и издать дополнительную резолюцию о Советской власти на Украине, в которой был бы «детально разработан вопрос о бандитизме и партизанщине, о деревенской бедноте и середняке, о помещичьей земле и ее ликвидации, а также о систематической борьбе с ядом антисемитизма, сеемом контр-революцией». Резолюция должна была также «разработать и ввести в жизнь особенно подробные инструкции контроля за партийными работниками на Украине с точки зрения фактического проведения директив Центрального Комитета» («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 11, 31 декабря 1919 г.). — 552.

[170]) Резолюция от 18 мая об объединении военных сил была принята на заседании Ц. И. К. Украины по докладу о военном положении и гласила: «Общность врага требует от всех Советских республик общности борьбы и единства руководства ею. Необходимость самого бережного отношения к материальным силам республик требует общего планомерного распоряжения ими. Поэтому Ц. И. К. С. У. вместе с Киевским Советом Рабочих Депутатов, Киевским уездным съездом крестьянских депутатов и представителями киевских профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов постановил:

1) Вся вооруженная борьба с врагами Советских республик должна быть объединена во всех существующих Советских республиках.

2) Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.

Исходя из этого, Ц. И. К. поручает своему президиуму обратиться в Ц. И. К. всех Советских республик с предложением выработать конкретные нормы организации единого фронта революционной борьбы» («Коммунист», орган Центрального и Киевского Городского Комитетов К. П. (б.) У. № 62, 20 мая 1919 года).

Декрет В. Ц. И. К. от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» также ставил вопрос о том, что военный союз всех упомянутых Советских социалистических республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии, — Всероссийский Центральный

Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение 1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда Советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых Коллегий («Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» № 21, 6 июня 1919 г., стр. 264). — 552.

[171]) *Всероссийская конференция Р. К. П. (б.)* — была созвана в связи с предстоявшим VII съездом Советов и происходила в Москве 2—4 декабря 1919 года. Конференция, на которой присутствовало 45 делегатов с решающим голосом и 73 с совещательным, проходила, с одной стороны, под знаком крупных успехов, достигнутых Советской властью на главнейших военных фронтах, а с другой — чрезвычайного обострения хозяйственного кризиса.

Открылась конференция днем 2 декабря вступительной речью Ленина. После выборов президиума, секретариата и комиссий — редакционной, мандатной, по выработке устава партии и о работе среди новых членов партии, был утвержден следующий порядок дня: 1) Доклад Ц. К., 2) Доклад о международной политике, 3) Вопросы порядка дня VII съезда Советов, 4) Устав партии и 5) Об организации Советской власти на Украине.

На втором заседании (вечером 2 декабря) был заслушан политический отчет Ц.К., сделанный Лениным, и доклад Н. Крестинского об организационной работе Ц. К. По докладам выступил ряд работников с мест, высказавших ряд пожеланий относительно различных сторон деятельности Центрального Комитета. Конференция постановила передать выработку инструкций по работе в деревне и по работе среди женщин в комиссию по уставу. После краткого заключительного слова Ленина, с докладом о международной политике выступил Г. Чичерин, по докладу которого конференция утвердила резолюцию о мире (см. следующее примечание), которая должна была быть предложена от имени коммунистической фракции VII съезду Советов.

Третье заседание (утром 3 декабря) было посвящено рассмотрению вопросов порядка дня VII съезда Советов. Из этих вопросов конференция обсудила только вопрос о советском строительстве в центре и на местах (дополнения к конституции 1918 г.), по которому с основным докладом выступил М. Владимирский. Доклад его был посвящен новообразованиям в области советского строительства со времени принятия конституции Р. С. Ф. С. Р., требовавшим своего конституционного закрепления. Докладчик ознакомил конференцию с работой в этой области административной комиссии, созданной постановлением С. Н. К. и президиума Ц. И. К. и остановился на необходимости организации Советов при фабрично-заводских поселках, на взаимоотношении отделов местных Советов с центральной властью, отстаивая в этом вопросе систему двойного подчинения местных учреждений губисполкомам и комиссариатам, наконец, на разграничении функций президиума В. Ц. И. К. и С. Н. К., и на изменении состава В. Ц. И. К. за счет местных советских работников, связанных с массами, и пр. Содокладчиком выступил Т. Сапронов, по существу продолжавший отстаивать «власть на местах». Он объявил систему «главков» основной причиной, мешающей осуществлению правильных взаимоотношений между исполкомами, главками и центрами. В области реформы центральной власти Сапронов предлагал уничтожение президиума В. Ц. И. К. и утверждение вместо него президиума С. Н. К., как органа, показавшего себя работоспособным. Кроме того он настаивал на «орабочении» состава В. Ц. И. К. за счет местных работников и необходимости созыва В. Ц. И. К. на сессии. В развернувшихся прениях выступил ряд товарищей: Ногин, Варейкис, Крестинский и др.

Так как дальнейшие прения по советскому строительству были перенесены на следующий день, то четвертое заседание (вечером 3 декабря) открылось докладом А. Рыкова о топливе, по которому, без прений, была принята предложенная им резолюция. После этого конференция перешла к вопросу об организации советской власти на Украине, постановка которого вызывалась необходимостью разрешения напряженной обстановки, создавшейся на Украине в результате ошибок второй украинской Советской власти (неправильная земельная политика, недоучет национального момента и недостаточно гибкая тактика в отношении национально-социалистических партий). Доклад был сделан Я. Яковлевым. В прениях дважды выступал Ленин (см. прим. 178). В результате прений предложенная Ц. К. резолюция о советской власти на Украине была единогласно принята, с тем, чтобы особая комиссия и Ц. К. Р. К. П. (б.) конкретизировали ее положения (см. прим. 169).

На четвертом заседании (утром 4 декабря) конференция возвратилась к обсуждению докладов Владимирского и Сапронова. После выступлений нескольких ораторов и заключительных слов докладчиков, было решено оба доклада, как и поступившие предложения, передать в качестве материала в комиссию, в составе Владимирского, Сапронова, Варейкиса, Мещерякова, Мгеладзе, Максимовского и Минкова. После чего конференция перешла к обсуждению устава партии. Г. Зиновьев в своем докладе осветил работу уставной комиссии, рассмотревшей кроме проекта устава еще 3 вопроса: о взаимоотношении местных партийных организаций и политотделов, о работе в деревне и о работе среди женщин. По первому вопросу докладчик предложил не выносить определенного решения, а избрать комиссию, предоставив Ц. К. принять решение на основе ее предложений. По второму вопросу уставная комиссия признала мнение не задолго до того состоявшегося совещания по работе в деревне (см. прим. 166) достаточно компетентным, чтобы Ц.К. на основе его материалов мог выработать окончательное решение. Наконец, по вопросу о работе среди женщин комиссия утвердила инструкцию, выработанную Отделом по работе среди женщин («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 6, 30 сентября 1919 года). Относительно проекта устава докладчик сообщил, что после решения об этом VIII съезда партии (см. «Документы и материалы», стр. 720), Организационный отдел Ц. К. выработал на основе материалов съезда первоначальный проект устава, который был опубликован и на который последовали многочисленные поправки. В представленном конференции проекте устава сохранялся институт кандидатов партии, и ликвидировался институт сочувствующих. Новым в уставе являлся параграф о фракциях партии во внепартийных учреждениях: там, где имелось хотя бы 3 коммуниста, должны были создаваться фракции, подчиняющиеся партии. В этом отношении проект лишь оформлял мнение, выраженное в упомянутом решении VIII съезда партии. К проекту устава делегатами был внесен ряд поправок, обсудив которые, конференция приняла устав с некоторыми поправками единогласно (см. «Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 12, 14 января 1920 года).

На последнем, шестом, заседании (вечером 4 декабря) после доклада мандатной комиссии, был заслушан доклад Н. Бухарина о работе среди новых членов партии, принятых в партийную неделю. Предложенные им по этому вопросу тезисы были единогласно утверждены конференцией (см. «Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 11, 31 декабря 1919 года). Для рассмотрения вопроса о взаимоотношениях политотделов и партийных комитетов была создана комиссия из 11 человек, которая должна была заняться этим вопросом уже после конференции. Последним было заслушано сообщение т. Владимирского о работах комиссии по организационному вопросу, выработавшей проект резолюции о Советском строительстве, который должен был быть предложен фракции VII съезда Советов и который

включал основные предложения докладчика. Конференция утвердила пункты проекта, единогласно принятые комиссией и устанавливавшие принцип двойного подчинения местных учреждений губисполкомам и наркоматам, и перешла к голосованию пунктов спорных. От меньшинства комиссии с предложением поправок выступили Мгеладзе и Сапронов. Их поправки, принятые конференцией, устанавливали, что заведующий отделом не должен быть обязательно членом исполкома и что право его отвода принадлежит только выше стоящим исполкомам или Ц. И. К. и С. Н. К. По третьему спорному пункту была принята поправка т. Владимирского, согласно которой городские исполкомы сливались с уездными. К этой поправке была принята также поправка т. Каменева о том, что объединение губернского и городского исполкомов допускается с особого на то разрешения Ц. И. К. Закрылась конференция речью Л. Каменева. — 555.

[172]) Передовая в газете «Times»: «Finland and Bolschevists» («Финляндия и большевики»), — о которой здесь говорит Ленин, — имела целью оказать политическое давление на финляндский сейм, на утверждение которого был передан вопрос об оказании помощи Юденичу. Учитывая, что в сейме оппозиция интервенции могла быть как со стороны социалистов, так и аграриев, считавших предстоящие военные издержки слишком дорогой ценой «за освобождение Петрограда и нанесение сокрушительного удара большевистскому правительству», английская газета внушала Финляндии необходимость этой жертвы, так как она «послужила бы для союзников осязательным доказательством того, что Финляндия заслуживает свое новое и независимое положение среди народов. Это показало бы, что она разделяет их идеалы и готова ради них нести жертвы; эти жертвы доставят ей в глазах всех уважение, которого у нее еще нет. Благоприятный случай для нее настал. Весь мир следит за тем, как она воспользуется им, и соответственно весь мир будет судить об ее политических дарованиях и характере». Статья заканчивалась прямым призывом к выступлению: «Теперь не время спорам и обсуждениям и обмену депешами. Финляндия должна действовать, иначе она упустит благоприятный случай. Мы надеемся, что она будет действовать» («Times» № 42239, 24 октября 1919 года). — 561.

[173]) Приведенная характеристика Красной армии дана не в решениях IX Совета эс-эровской партии, а в письме ее Ц. К. от 30 октября 1919 г., явившемся ответом группе «Народ», которая 15 октября, в момент наибольшего продвижения Деникина к Москве, направила в Совет Обороны список мобилизованных ею 12 ответственных членов группы и через 2 дня обратилась с ультиматумом к Ц. К. эс-эровской партии, требуя, чтобы последний «определенно и категорически встал на путь активной борьбы за революцию» и призвал всю партию к всемерной, деятельной поддержке Красной армии. В своем ответе Ц. К. писал, что он «не препятствует отдельным лицам идти добровольцами в Красную армию, тем более, что она из *наемнической* превратилась, правда, лишь по личному составу — а не по применению — в *народную* армию, где всякий эс-эр, руководясь партийными решениями, сумеет найти свое призвание» (см. «Народ», орган Центрального Организационного Бюро меньшинства П. С.-Р., № 1, 6 декабря 1919 года). — 564.

[174]) Имеются в виду высказывания о войне К. Клаузевица. В своих работах Ленин чаще всего цитирует следующие места из его трехтомного труда «Über Krieg und Kriegführung». Berlin. Bd. I — III. 1832 — 1834 («О войне и ведении войны». Берлин. Т.т. I — III): «Война есть просто продолжение политики другими средствами» (т. I, стр. 28). «...Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств» (т. III, стр. 139 — 140). О замечаниях Ленина на книгу Клаузевица см. «Ленинский Сборник» XII, стр. 387—443. — 565.

[175]) Статья Н. Растопчина: «Беспартийные крестьянские конференции» напечатана в № 260 «Правды» от 20 ноября 1919 года. В статье говорится о положительном опыте проведения крестьянских беспартийных конференций в Ярославской губ., которые автор статьи выдвигал как одну из форм связи партии с широкими массами трудящихся. — 572.

[176]) Проект «Инструкции губернским, уездным и волостным комитетам Р. К. П. (б.) о работе в деревне» был выработан Отделом по работе в деревне при Ц. К. Р. К. П. (б.) и опубликован 20 сентября в целях обсуждения его в «Известиях Ц. К. Р. К. П. (б.)». В проекте самым обстоятельным образом определялись обязанности губернских, уездных и волостных организаторов, предусмотренных «Положением о работе в деревне». Между прочим, в обязанности всех организаторов входило добиваться от советских хозяйств и коммун реальной помощи окрестным крестьянам (пункты 8 и 9) («Известия Ц. К. Р. К. П. (б.)» № 5, 20 сентября 1919 года). Проект был с небольшими поправками (организаторы не назначаются сверху, а выбираются на местах соответствующими учреждениями партии) принят I Всероссийским совещанием по работе в деревне (см. прим. 166) и окончательно утвержден уставной комиссией, образованной на декабрьской Всероссийской конференции Р. К. П. (б.). — 574.

[177]) Настоящий проект резолюции был составлен Лениным, повидимому, во время самого доклада Г. Чичерина. В сохранившейся рукописи рукою последнего исправлены некоторые неточные даты, в каком виде текст проекта и воспроизводится здесь. С самыми незначительными поправками проект резолюции был принят декабрьской Всероссийской конференцией Р. К. П. (б.) в качестве проекта того мирного предложения, с которым VII съезд Советов должен был обратиться к странам Согласия. В таком виде проект был оглашен Лениным 5 декабря в его докладе на VII съезде Советов (см. наст. том, стр. 610 — 611) и принят последним единогласно.

10 декабря 1919 г. мирное предложение съезда было разослано М. Литвиновым, прибывшим в Копенгаген для участия на конференции по вопросу об обмене военнопленными, представителям держав Согласия вместе с заявлением, что он уполномочен вступить с ними в мирные переговоры. На другой день великобританский, французский и итальянский посланники прислали Литвинову обратно его заявление с указанием на то, что они не уполномочены принимать от него каких-либо заявлений. Несколько дней спустя то же самое было сделано и американским посланником. — 576.

[178]) После доклада т. Яковлева о Советской власти на Украине с большой речью, вызвавшей громадный интерес делегатов, выступил Ленин. Речь его была посвящена, главным образом, национальной политике Советской власти и вопросу об отношении к крестьянству. Стенограмма речи не сохранилась. В развернувшихся горячих прениях выступил ряд украинских работников, подвергших критике политику Ц. К. Р. К. П. (б.) в украинском вопросе и опубликованную «Резолюцию о советской власти на Украине» (см. наст. том, стр. 552 — 554 и прим. 169). Х. Раковский заявил, что т. Яковлев, предлагая в своем докладе вместе с ликвидацией помещичьего землевладения ликвидировать и советские хозяйства, «поскользнулся по направлению крестьянской стихии». Раковский считал, что опорой в деревне должен быть не бедный и средний крестьянин, а советские хозяйства; с другой стороны, он высказывался против якобы предложенного Лениным блока с боротьбистами, рассматривая его как реакцию против «неосторожной политики», которая велась на Украине.

А. Бубнов находил, что, хотя «резолюция Ц. К. чрезвычайно много места уделяет национальному вопросу», она все же не дает ничего нового и практического, так как «все то, что здесь указано, в сущности говоря, нами на Украине в первый период проводилось». Указание на необходимость обучения украинскому языку советских служащих он считал

переоценкой национального движения на Украине и высказывался против уступок боротьбистам, которых он не признавал представителями украинского национализма.

Д. Мануильский выступал против обвинения украинских работников в самостийности, говоря, что сам «Ц. К. в вопросе национальном занял такую позицию, которой ни один украинский работник, которого упрекали в самостийности, никогда не занимал». Оратор упрекал Ц. К. в отсутствии определенной политической линии. Как и Дробнис, он высказывался против блока с боротьбистами, считая, что «недалек тот момент, когда мы увидим, что украинские боротьбисты станут типичной контр-революционной партией» (архив Института Ленина, документ № 8136).

Ответом на выступления этих товарищей явилось печатаемое здесь заключительное слово Ленина — 577.

[179]) *Боротьбисты* — левая часть Украинской партии Социалистов-революционеров (У.П.С.-Р.), исключившая на съезде партии в мае 1918 г. правых и организовавшая самостоятельную партию, под тем же названием. В дальнейшем они стали называться боротьбистами, по названию центрального органа партии — «Боротьба». Директория окончательно толкнула боротьбистов на путь Советской власти и советской ориентации, хотя среди них было значительное число сторонников с сильным националистическим уклоном. На своем съезде в марте 1919 г. боротьбисты приняли название «Украинской партии социалистов-революционеров коммунистов» и стали на путь сотрудничества с большевистским правительством второй Советской власти. В августе 1919 г. они вместе с группой так называемых «левых незалежников» образовали «Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов)» и пытались добиться принятия в Коммунистический Интернационал и признания партии основной секцией последнего на Украине. После образования в декабре 1919 г. Всеукраинского Ревкома (см. прим. 204) боротьбисты вошли в последний, но развили агитацию за создание формально обособленного от Советской России украинского Советского государства, с особой Красной армией и т. п., став центром притяжения националистических элементов, враждебных диктатуре пролетариата. В начале 1920 г. боротьбисты вновь обратились в Коминтерн с требованием признания, но получили предложение ликвидировать свою партию и влиться в К. П. (б.) У., на что они после ожесточенной борьбы внутри своего Ц. К. согласились. IV съезд К. П. (б.) У. принял боротьбистов в партию, при чем все вновь принятые члены были подвергнуты перерегистрации. Принятие боротьбистов в К. П. (б.) У. значительно усилило ее украинское ядро. — 577.

[180]) *I Всероссийский съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей* — состоялся 3 — 4 декабря 1919 г. в Москве и был созван Наркомземом в целях организации Всероссийского союза сельско-хозяйственных коммун и артелей. Решение о создании такого союза было принято еще в 1918 г. на I съезде земотделов, комбедов и коммун (см. XXIII том Сочинений, прим. 135), на котором для этой цели было избрано Организационное бюро, выработавшее затем устав союза. На съезде присутствовало 140 делегатов, из них 93 коммуниста. На второй день съезда был заслушан доклад наркомзема С. Середы, в котором он указал на неизбежность объединения коммун в единый производственный союз и на необходимость «во что бы то ни стало организовать всероссийский и местные союзы коммун и артелей». Затем с печатаемой здесь речью выступил Ленин. Съезд принял выработанный Организационным бюро и утвержденный Наркомземом устав Всероссийского союза сел.-хоз. коммун и артелей. Основной задачей союза в уставе признавалось объединение всех сел.-хоз. коллективов единым производственным планом, пропаганда идеи общественной обработки земли и практическая помощь окружающему крестьянству. В связи с предложением Ленина найти формы

«социалистической» помощи со стороны коммун и артелей сельскому населению, съезд принял специальную «Инструкцию коллективам и союзам коллективов для оказания помощи сельскому населению», намечавшую по примеру субботников в городах трудовую помощь со стороны коллективов семьям красноармейцев и деревенской бедноте. Особое внимание съезд уделил постановке культурно-просветительной работы в коллективах, признав необходимым самое деятельное участие последних в организации и просвещении деревни, при чем работа по просвещению должна была вестись в контакте с Отделом по работе в деревне при Ц. К. Р. К. П. (б.), а также с органами Наркомпроса, с Р. К. С. М., Отделом работниц и пр. В целях усиления пропаганды решено было издавать печатный орган союза и популярную сельско-хозяйственную литературу. — 579.

[181]) Этот фонд был установлен декретом С. Н. К. от 2 ноября 1918 г. «в целях улучшения и развития сельского хозяйства и скорейшего переустройства его на социалистических началах».

Пособия и ссуды из фонда выдавались: «а) сельско-хозяйственным коммунам и трудовым товариществам; б) сельским обществам или группам при условии перехода их от единоличной к общей обработке и уборке полей» («Известия В. Ц. И. К.» № 243, 6 ноября 1918 года). В развитие декрета наркомами земледелия и финансов были изданы 23 февраля 1919 г. детальные правила «о выдаче ссуд и пособий на мероприятия по развитию сельского хозяйства». Согласно этим правилам в организационном отношении все дело в центре передавалось Главному миллиардному комитету под председательством члена коллегии Наркомзема, в составе 6 представителей от соответствующих наркоматов, Совета кооперативных съездов и Всероссийского союза коммун и артелей. На местах при губземотделах создавались губернские миллиардные комитеты. Средства миллиардного фонда явились тем источником, из которого производилось финансирование коллективизирующегося сельского хозяйства. В конце 1921 г. Главный и губернские комитеты были ликвидированы, и вся их работа передана в глав- и губсовхозы. — 579.

[182]) В своей статье «Союз земледельческих коммун и артелей» С. Середа писал: «Коммуны и артели не должны замыкаться в себе, обособляться от деревни. Наоборот, они и союзы их должны проводить ряд практических мероприятий (ремонтные мастерские, прокатные и случные пункты, семенные рассадники и т. п.) для совместного пользования ими с окрестными крестьянами. Коммуны и артели должны всячески помогать деревенской бедноте, семьям красноармейцев» («Известия В. Ц. И. К.» № 271, 3 декабря 1919 года). — 583.

[183]) О каком призыве Советской власти говорит здесь Ленин, установить не удалось. Возможно, что, как и на стр. 346 настоящего тома, он имеет в виду «Тезисы Ц. К. Р. К. П. (б.) в связи с положением Восточного фронта» (см. наст. том, стр. 224—226 и прим. 73). — 585.

[184]) *VII съезд Советов* — происходил 5—9 декабря 1919 г. в Москве. Хотя на военных фронтах обстановка к этому времени сложилась благоприятно (разбит Юденич, преследовался Колчак, на юге успешно наступала Красная армия), тем не менее внутреннее положение страны, истощенной гражданской войной и стянутой кольцом блокады, было чрезвычайно тяжелым. На съезде присутствовало 1.366 делегатов, из них 1.011 с решающим голосом (коммунистов — 970) и 355 с совещательным. Решением президиума В. Ц. И. К. от 27 ноября 1919 г., к участию в работах съезда, были допущены с совещательным голосом представители центральных учреждений всех оппозиционных партий, принявших решение о мобилизации своих членов для защиты Советской республики: от Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) — 3 от социалистов-революционеров — 2, от максималистов — 6, от Бунда — 3. В порядке дня съезда стояли вопросы: 1) Доклад В. Ц. И. К. и С. Н. К., 2) Военное положение, 3) О Коммунистическом Интернационале, 4) Про-

довольственное положение, 5) Топливный вопрос, 6) Советское строительство в центре и на местах (дополнения к некоторым статьям конституции).

Съезд открылся вечером 5 декабря приветственной речью М. Калинина. После приветствий от Красной армии, Украинской республики, Латвии, Польши, Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока, Башкирской Советской республики, с приветствиями выступили представители оппозиционных партий: от меньшевиков — Ф. Дан, от интернационалистов — А. Лозовский, от Центрального Бюро организаций меньшинства партии эс-эров — Н. Буревой, от Бунда — А. Вайнштейн, от боротьбистов — Г. Гринько, от союза максималистов — Ю. Светлов и др. Затем единогласно было принято решение об исключении из числа почетных членов В. Ц. И. К. Фр. Адлера — «защитника коалиции с буржуазией, противника завоевания власти австрийским пролетариатом». В 9 час. вечера с докладом В. Ц. И. К. и С. Н. К. выступил Ленин, огласивший в конце доклада проект мирного обращения съезда к державам Согласия, принятый съездом без прений.

Второе заседание (утром 6 декабря) открылось приветствием представителей 5-й армии, преследовавшей Колчака. Выступивший затем т. Полуян от имени казачьей секции заверил съезд о полной поддержке трудовым казачеством советской политики, клонящейся «к беспощадному подавлению контр-революционных казачьих верхов». После этого съезд единогласно принял обращение к казакам Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири и Оренбурга, обещая прощение тем из них, которые перейдут на сторону Советской власти. В открывшихся затем прениях по докладу В.Ц.И.К. и С.Н.К. первым выступил представитель меньшевиков Л. Мартов. Тонко и дипломатично построенная речь Мартова давала повод считать его солидарным с внешней политикой, проводимой Советским правительством и направленной на достижение всеобщего мира, но оглашенная затем им, при всеобщем возмущении, от имени фракции меньшевиков декларация была проникнута непримиримой враждебностью к Советской власти (см. прим. 190). Представительница Бунда М. Фрумкина равным образом выступила с обвинениями правительства в несоблюдении им конституции и даже в вырождении Советской власти, вследствие отсутствия демократизма, сменяемости и выборности руководства, особенно во время мобилизации. При шумных протестах с мест она заявила о вытравливании всякого духа свободы, запрещении свободы печати, подмене власти народа властью Чрезвычайных Комиссий и т. п. («7-й Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. Гиз. 1920, стр. 64—66). Резко выступил против позиции меньшевиков представитель союза максималистов Ю. Светлов, подчеркнувший, что если Советская власть имеет возможность заявить перед всем миром о своих успехах в борьбе с контр-революцией и в деле укрепления Советской власти, то это благодаря «тем революционным способам борьбы, против которых меньшевики вместе с эс-эрами боролись всячески до самого последнего времени, частью борются и теперь» (там же, стр. 66). Выступивший от имени меньшинства партии эс-эров В. Вольский, вынужден был признать, что, «несмотря на те дефекты, которые были и есть в росте русской революции, Советская власть является по существу властью, осуществляющей самую революцию». Вместе с тем он считал необходимым подвергнуть пересмотру «самое существо Советской конституции», в смысле установления трудового избирательного права, пересмотра сферы компетенции Чрезвычайных комиссий и т. п. После отповеди меньшевикам со стороны представителя Красного флота Баранова и выступления А. Лозовского (с.-д. интернационалист), произнес заключительное слово Ленин. По докладу В. Ц. И. К. и С. Н. К. съезд принял резолюцию, которая «всецело одобряла деятельность рабоче-крестьянского правительства и выражала ему полное одобрение».

На третьем заседании (вечером 6 декабря) были образованы секции — топливная, продовольственная и по советскому строительству и заслушаны доклады — о военном положении (Л. Троцкий) и об организации и работе Коммунистического Интернационала (Г. Зиновьев). Съезд полностью одобрил деятельность Народного Комиссариата по военным делам и признал образование III, Коммунистического Интернационала «величайшим событием в мировой истории», выразив уверенность, что «Советы всего мира будут видеть в Коммунистическом Интернационале своего идейного вождя». В заключение была принята резолюция по поводу белого террора в Венгрии, ответственность за который возлагалась «на правящие круги Антанты, которая в палаческом правительстве венгерской контр-революции имеет лишь наемного исполнителя своих указаний».

На четвертом заседании (утром 7 декабря) доклад о продовольственном положении сделал А. Цюрупа, прения по докладу которого были перенесены в секцию, после чего с докладом о топливе выступил А. Рыков. Прения по его докладу и доклад о транспорте также были перенесены в соответствующие секции. В конце заседания был заслушан доклад Н. Семашко о здравоохранении, принятый съездом к сведению.

Вечером 7 декабря работа велась только в секциях (продовольственной и топливной). 8 марта состоялось два заседания организационной секции (см. прим. 193).

9 декабря вечером состоялось последнее (пятое) заседание съезда, на котором были заслушаны доклады секций. По докладу продовольственной секции была принята резолюция, одобрявшая продовольственную политику правительства и установление монополии на главнейшие продукты питания, и воззвание «Ко всему трудовому крестьянству», в котором крестьяне призывались к выполнению в срок разверстки, а укрыватели излишков и спекулирующие ими объявлялись врагами народа. В принятой по докладу топливной секции резолюции одобрялась топливная политика правительства, в частности проведение трудовой повинности для заготовок и вывозки дров и признавалась необходимость объединения всех лесозаготовительных органов в один и подчинение железкомов гублескомам. По докладу комиссии организационной секции без прений были приняты резолюции, детально определявшие функции президиума В. Ц. И. К., на необходимость чего указал еще в своих постановлениях VIII съезд Р. К. П. (б.). В духе этих постановлений разрешался также вопрос о порядке работ В. Ц. И. К., о его большей связи с массами, большем вовлечении трудящихся в работу управления государством, путем регулярного созыва сессий и устройства чрезвычайных заседаний В. Ц. И. К. В вопросе о взаимоотношении центра и мест проводился принцип двойной подчиненности местных учреждений губернским исполкомам (по «горизонтальной» линии) и наркоматам (по «вертикальной» линии). После выборов В. Ц. И. К., т. Смилга от имени армейской делегации огласил заявление, в котором, на ряду с желанием скорейшего заключения мира, выражалось убеждение в том, что «предстоит еще период величайших усилий, сосредоточения сил и средств, напряжения энергии для полного и окончательного разгрома контр-революции». На это заявление ссылается Ленин в своей заключительной речи, которой закончился съезд.— 587.

[185]) Дипломатический разрыв с Германией произошел 5 ноября 1918 г., за 8 дня до революции. «Демократическое» правительство принца Баденского, высылая Советское посольство из Берлина, надеялось, что эта мера, с одной стороны, ослабит революционное движение в стране, а с другой — обеспечит бóльшую сговорчивость Антанты в вопросе о мире. Воспользовавшись советом Ф. Шейдемана (см. об этом его «Memoiren eines Sozialdemokraten» («Мемуары социал-демократа»), II Band. Dresden. 1928, SS. 251 — 253), оно решило вскрыть ящики с советской дипломатической почтой, но так как желательных улик в них не оказалось, то в ящики

были подброшены спартаковские воззвания, якобы напечатанные в Москве. На этом основании, ввиду якобы нарушения статьи 2 Брестского договора о запрещении договаривающимся правительствам агитировать против учреждений другой страны, а также на основании того, что убийцы графа Мирбаха не были обнаружены и преданы суду, германское правительство в ноте от 5 ноября потребовало от Советского правительства отзыва дипломатических и официальных представителей не позднее вечера 6 ноября. Однако из боязни скопления рабочих на вокзале, оно затем предложило Иоффе, Раковскому и др. сотрудникам посольства выехать в 6 часов утра.

После революции, несмотря на требование революционных масс о восстановлении нормальных сношений с Советской Россией, Совет Народных Уполномоченных, состоявший из шейдемановцев и независимых, по совету Каутского, рассчитывавшего, что Антанта покончит с Советской Россией, всячески тормозил их возобновление. Правительство Шейдемана-Гаазе отказалось принять 25 вагонов хлеба, подарок русских рабочих германским, и 28 декабря заявило, что не допустит никакого представительства Советской России в Германии. Дипломатические отношения между обоими государствами возобновились лишь через два года, уже после снятия блокады Антантой. — 594.

[186]) Здесь и дальше на стр. 603 Ленин излагает своими словами содержание части письма А. Олара, напечатанного в том же номере «L'Humanité», что и заявление «Nous protestons!» («Мы протестуем!») представителей французской интеллигенции, о котором Ленин говорит выше. Свое письмо А. Олар напечатал вместо подписи под этим заявлением, форма которого не вязалась с его «навыками историка». В письме А. Олар, между прочим, писал: «Когда я услышал, что к участию в этом зверском предприятии (т.-е. в блокаде. *Ред.*) мы стараемся привлечь — кого? — немцев, — краска стыда бросилась мне в лицо. Разумеется, я — противник большевиков, потому что я — демократ и вдобавок — француз... Но предоставим русским устанавливать у них большевистский или царский строй, по их собственному усмотрению, и отнесемся критически к обвинениям, возводимым на Ленина и Троцкого. Робеспьера и Дантона тоже рисовали чудовищами в образе людей; монархическая Европа клеймила французскую революцию как варварские сатурналии. Это отнюдь не значит, что... большевизм есть революция творческая, наподобие революции французской, но это значит, что надо относиться скептически к официальной правде и что французский народ не должен третировать народ русский как разбойничью банду» («L'Humanité» № 5669, 26 октября 1919 года). — 600.

[187]) Имеется в виду текст, опубликованный 26 октября 1919 г. под названием: «Texte intégral des propositions acceptées par Lénine («Полный текст предложений, принятых Лениным») в газете «Humanité» («Человечество») № 5669. — 603.

[188]) Эти меры С. Т. О. следующие: постановление от 29 октября, коим вывоз дров и других видов топлива с мест заготовок и со складов к погрузочным пунктам железных дорог, погрузка в вагоны, перевозка дров по железной дороге до места назначения, выгрузка на станциях назначения и доставка их к месту потребления приравнивалась к военно-оперативным заданиям; постановление от 8 ноября о призыве на военную службу всех рабочих и служащих учреждений, ведающих заготовкой дров; постановление от 12 ноября о создании Особого Комитета по проведению в жизнь военного положения на железных дорогах и от 20 ноября — о введении: 1) натуральной дровяной повинности, 2) трудовой повинности по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива и 3) гужевой повинности для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов в города, к железным дорогам, пристаням и другим пунктам. Для выполнения этого постановления

мобилизовались все граждане непризывных еще возрастов от 35 до 50 лет и женщины от 18 до 40 лет. Для быстрейшего подвоза дров к станциям железных дорог была применена система передачи дров в лесу заводам, различным учреждениям и организациям, чтобы привлечь к делу извлечения дров из лесу заинтересованную потребительскую инициативу. Всеми этими мерами удалось добиться перелома в топливном кризисе и обеспечить топливом в первую очередь потребность железных дорог. — 607.

[189]) Имеется в виду статья Г. Зиновьева «Петроград», напечатанная в «Петроградской Правде» № 255, 7 ноября 1919 года. — 610.

[190]) В зачитанной Л. Мартовым от имени фракции Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) декларации, стоявшей целиком на почве буржуазного демократизма, давалась самая злостная критика политики Советской власти. В декларации констатировалось возрождение на почве бюрократизма и вырождения власти «апатии масс, паралич гражданского сознания». Необходимые репрессии против врагов пролетарской диктатуры квалифицировались, как «чудовищное развитие террора, упразднение всякого подобия суда и страшное господство произвола». Декларация заканчивалась 5-ю пунктами, в которых меньшевики требовали «восстановления действия Советской конституции», равенства прав всех трудящихся города и деревни, свободы печати, союзов и собраний, неприкосновенности личности и отмены арестов и прекращения террора… В этом отношении декларация повторяла требования, которые меньшевики выставляли в своих резолюциях и тезисах осенью 1918 года (см. прим. 52). — 612.

[191]) «… IX Совет партии социалистов-революционеров — говорилось в резолюции Совета — поручает Ц. К. приложить все усилия к тому, чтобы связать с партией социалистов-революционеров все подлинные социалистические организации и группы России и в первую очередь Р. С.-Д. Р. П., совместная работа которой с партией социалистов-революционеров во всей русской революции на основе последовательного демократизма дает основание думать, что создались условия, когда можно реально ставить вопрос об образовании в России единой социалистической партии» («Девятый Совет партии и его резолюции». Paris. «Union», стр. 23). — 613.

[192]) В своем выступлении по докладу В. Ц. И. К. и С. Н. К. Л. Мартов следующим образом реагировал на ту часть его, в которой Ленин дал объяснение причин, вызывающих необходимость применения террора (см. стр. 604): «Председатель С. Н. К. впервые, насколько помнится, оправдывался, или от имени Советского правительства приводил оправдание, по тому вопросу, по которому Советская Россия и в печати, в речах ее врагов подвергается наиболее ядовитым нападкам; когда он давал объяснения по поводу терроризма русской революции и доказывал, что этот терроризм всецело навязан терроризмом наших врагов, белогвардейской контрреволюции, и что поскольку этот нажим европейской империалистской реакции на Россию прекратится, постольку, с точки зрения правящих партий, смысла и оправдания для терроризма не будет» (см. «7-й Всероссийский съезд Советов», Стенографический отчет. Гиз. 1920 г., стр. 59).—613.

[193]) Имеется в виду заговор, раскрытый в ноябре 1919 г. в Петрограде. Во главе заговора стояла организация, связанная с Юденичем и субсидировавшаяся Антантой, представителем которой в Петрограде был английский шпион Поль Дьюкс. Цель организации заключалась в подготовке восстания в Петрограде в момент приближения к нему Юденича и в образовании правительства, формирование которого взял на себя проф. А. Быков, тесно связанный с крупной белогвардейской шпионской организацией «Национальный центр». По мысли Юденича, новое правительство должно было заменить собою образованное 10 августа одним из руководителей британской военной миссии в Прибалтике Северо-западное правительство Лианозова и Маргулиуса. Оно намечалось в следующем составе: председатель — А. Быков, министр финансов — С. Вебер, б. тов.

министра при самодержавии; министр путей сообщения — инж. М. Альбрехт, министр культа — Карташев, б. тов. министра при А. Керенском; министр морских дел — адмирал Развозов, заместитель — адмирал Бяхирев, министр просвещения — Воронцов, министр внутренних дел — Завойко, Петроградский градоначальник — Люндеквист, б. полковник генерального штаба. В организацию, кроме кадетов, входили крупные военные специалисты, находившиеся на службе в Красной армии. Заговорщики имели связи во всех штабах, военных и других учреждениях и систематически снабжали Юденича сведениями военно-оперативного характера. Так, Люндеквистом, бывшим начальником штаба VII армии, был разработан и передан Юденичу план наступления на Петроград. — 614.

[194]) Ленин имеет в виду статью М. Владимирского «Два года Советского строительства», напечатанную в октябре 1919 г. в № 11 журнала «Власть Советов». В этой статье были приведены данные за 1917—1919 г.г. о количестве съездов Советов, о числе и партийном составе их участников, взятые из отчетов исполкомов, посылавшихся в первые годы революции в Н. К. В. Д. Приступая к разработке этого вопроса, Владимирский получил руководящие указания непосредственно от Ленина, который и в дальнейшем продолжал интересоваться этой работой. Когда в 1919 г. вышла брошюра М. Владимирского «Советы, Исполкомы и съезды Советов», то Ленин, ознакомившись с ней, особой запиской указал Владимирскому на большую ценность этих материалов для практической работы и поручил Ц. С. У. принять меры к организации собирания статистики всех съездов и совещаний. В результате этого появился декрет С. Н. К. от 2 ноября 1920 г. «Об организации текущего статистического наблюдения за деятельностью наркоматов». — 615.

[195]) Говоря о советском Бунде, Ленин имеет в виду ту часть его, которая после мировой войны находилась на территории Р.С.Ф.С.Р.

После Октябрьской революции Бунд занял контр-революционную позицию. Видные представители его: Рафес, Золотарев и др. входили в Петлюровскую Раду, Либер активно организовывал восстания против Советов и т. д. В 1918 г. в Бунде фактически существовало 2 организационных центра: Ц. К. в Москве (Вайнштейн, Фрумкина, Левин и др.) и действовавший самостоятельно на Украине Главный Комитет (Рафес, Золотарев и др.). Вскоре пролетарские элементы Бунда, недовольные его антисоветской политикой, начинают уходить из организации. Под влиянием Комиссариата по еврейским делам и Евсекции в нем происходят расколы, впервые имевшие место в Центральной России. В середине 1918 г. то же самое произошло в ряде городов на Украине и в Белоруссии. В Бунде образовались группы «левых бундистов», а также «центристские» группы, высказывавшиеся за поддержку Советской власти и за совместную работу с коммунистами.

Под влиянием ухода из организации пролетарских элементов и укрепления Советской власти, в январе 1919 г. в Белоруссии создается так называемая «Еврейская Коммунистическая Партия» (Танин, Свердлов, Кроль, Абрам), переименованная в марте того же года в «Еврейский Коммунистический Союз». На Украине после объединения Бунда с Еврейской объединенной партией, составившейся из Сионистско-социалистической и Еврейской социалистической партий, образовался «Еврейский Коммунистический Союз на Украйне» (Рафес, Новаковский, Левитан и др.). В июле 1919 г. оба Союза ликвидировались, и их руководители стали работать в рядах Евсекции при Ц.К. Р.К.П.(б.).

В марте 1919 г. состоялась XI конференция Бунда в Минске, принявшая платформу, в которой намечался известный поворот в сторону Советской власти (официальное ее признание, согласие участвовать в военной защите и пр.).

Осенью 1919 г. в остатках Бундовской организации образовалось более левое крыло (Вайнштейн, Фрумкина, Левин и др.), отстаивавшее

необходимость сближения с большевиками. В апреле 1920 г. на XII Всеобщей конференции Бунда в Минске этому крылу удалось провести принятие конференцией программы Р.К.П.(б.). После чего правое меньшинство конференции во главе с Абрамовичем (Рейном) ушло с конференции и продолжало свою антисоветскую деятельность. Большинство же предприняло переговоры с Коминтерном о принятии в ряды Р.К.П.(б.), в качестве отдельной организации еврейского пролетариата, на основе сохранения некоторых форм самостоятельности. Коминтерн и В.К.П.(б.) отклонили эти притязания Бунда, предложив членам его вступить в ряды Р.К.П.(б.) на общих основаниях, что и было принято после ожесточенных споров внутри Бунда на ликвидационной Всероссийской конференции последнего в марте 1921 г. в Москве. — 615.

[188]) *Организационная секция*, или *секция по советскому строительству* — была создана для рассмотрения тех новообразований в советском строительстве, которые произошли со времени принятия V съездом Советов конституции Р. С. Ф. С. Р. Интерес к вопросам советского строительства среди делегатов был настолько велик, что на организационной секции участвовали почти все делегаты съезда. Секция имела 2 заседания 8 декабря. Докладчик по организационному строительству Т. Сапронов, выступавший на основе принятых по этому вопросу решений Всероссийской конференции Р. К. П. (б.) (см. прим. 171), решительно высказывался против системы главков и центров, иллюстрируя на целом ряде примеров те отрицательные последствия, к которым приводила организация советской работы «по столбикам», т.-е. по отдельным отраслям, подчиняющимся только своей вышестоящей организации, а не губисполкому. Кроме того он отстаивал необходимость такого порядка, при котором заведующие отделами выбирались бы Советами и их съездами и Исполкомом, а также сохранялась бы коллегиальность управления. В вопросе о слиянии губернских и городских Советов докладчик стоял на точке зрения тезисов, принятых Московской губ. конференцией Р. К. П. (б.) и губернским съездом Советов и предусматривавших слияние Советов в промышленных губернских городах с губисполкомами, в то время как по проекту Всероссийской конференции Р. К. П. (б.) они должны были сливаться с уисполкомами.

В качестве содокладчика выступил М. Владимирский. В своем содокладе, который он считал дополнением к докладу Т. Сапронова, Владимирский ознакомил конференцию с работами административной комиссии при президиуме В. Ц. И. К. и с теми пунктами расхождений, которые имелись между резолюцией о Советском строительстве Всероссийской конференции Р. К. П. (б.) и проектом, составленным на основании постановлений административной комиссии и основных положений, защищавшихся Владимирским на Всероссийской конференции Р. К. П. (б.), и подписанным им и Крестинским (см. «7-й Всероссийский съезд Советов Р., К. и К. Д.». Стенографический отчет. Гиз. 1920, стр. 247 — 253). Постановления административной комиссии касались определения функций президиума В.Ц.И.К., созыва В. Ц. И. К. на периодические сессии, участия фабрично-заводских поселков в выборах, административного деления республики, слияния губернских и городских Советов (в чем т. Владимирский стоял на точке зрения Всероссийской конференции, предлагая слияние городских Советов с уездными), взаимоотношений главков и центров и пр. Наиболее существенные расхождения с резолюцией Всероссийской конференции Р. К. П. (б.) у тт. Владимирского и Крестинского были по вопросу о порядке отвода заведующих отделами и о коллегиальном управлении. По первому вопросу они считали, что утверждение заведующих необходимо не только В. Ц. И. К., но и соответствующими наркомами. В вопросе же о коллегиальности управления они выступали против обязательности организации при каждом отделе коллегии.

По докладам развернулись горячие прения, главным образом, вокруг

вопросов о взаимоотношении центров и мест, о коллегиальности управления, о разграничении функций президиума В. Ц. И. К. и С. Н. К., о слиянии губ-, гор- и уисполкомов. Всего высказалось около 25 человек. Последним, по просьбе делегатов, выступил Ленин, после доклада которого т. Владимирский предложил взять за основу резолюцию, принятую Всероссийской партийной конференцией и внесенную Сапроновым, и снял проект, подписанный им и т. Крестинским. Секция приняла за основу резолюцию Сапронова, передав ее для проработки в комиссию, в составе Каменева, Крестинского, Сапронова, Осинского, Мгеладзе, Максимовского, Зиновьева, Кагановича и Владимирского.

Комиссия после горячих прений единодушно приняла в основном положения Всероссийской конференции Р. К. П. (б.), внеся в них две поправки. Первая предоставляла местным органам решение вопроса о порядке слияния городских, уездных и губернских исполкомов, но с окончательного утверждения в каждом отдельном случае В. Ц. И. К., другая разрешала исполкомам в определенных случаях не создавать коллегий при отделах. Предложения комиссии, доложенные Каменевым на пятом заседании съезда (см. прим. 184), были приняты последним единогласно. — 621.

[197]) Вопрос о передаче советских хозяйств губернским земотделам явился частью общего вопроса о взаимоотношении центров и мест, приобретшего в 1919 г. большую остроту.

Для управления советскими хозяйствами Наркомземом был создан по образцу других главков и центров особый главк — Главсовхоз, причем, согласно «Положению о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», губсовхозы и райсовхозы организовывались совершенно обособленно от земотделов и исполкомов, подчиняясь только центру. На деле такое положение нередко приводило к тому, что руководство совхозами попадало в руки бывших помещиков или управляющих и старых агрономов, проводивших антисоветскую линию. Ввиду этого рядом губисполкомов, особенно Московским, была начата резкая кампания против Главсовхоза. Всероссийское совещание представителей губземотделов, губсовхозов и губрабочкомов, происходившее летом 1919 г., встало в этом вопросе на точку зрения необходимости подчинения губсовхозов губземотделам.

В дальнейшем этот вопрос был перенесен в С. Н. К., где на заседании 5 августа доклад об отношении губсовхозов и губземотделов делал С. Середа. Совнарком принял составленную Лениным резолюцию, предлагавшую видоизменить инструкцию Наркомзема об организации и деятельности губернских районных управлений советскими хозяйствами и «через все органы Советской власти добиться реального проведения контроля в духе следующих положений: 1) безусловное запрещение помещикам или управляющим занимать места в совхозах того же или соседнего уезда, где эти лица были при помещичьей власти; 2) ведение списков управляющих и служащих в совхозах с таким же строгим надзором за ними, как и за военспецами, с точки зрения их контр-революционности; 3) усилить число представителей у- и губземотделов в совхозах и контроль у- и губземотделов за ними». Далее резолюция предлагала ряд конкретных мероприятий по улучшению работы совхозов и поручала комиссии, в составе Середы, Сапронова, Владимирского, Цюрупы, Милютина и Голубева представить в С. Н. К. инструкцию о работе совхозов.

Как известно, решения VII съезда Советов устанавливали двойную подчиненность местных учреждений губернским исполкомам и наркоматам, в частности губсовхозы были объединены с губземотделами под общим руководством губернских исполнительных комитетов. — 621.

[198]) Имеются в виду переговоры о составе правительства, которые в ноябре (октябре) 1917 г. велись большевиками с Викжелем (см. прим. 164). О ходе этих переговоров и о соглашательском поведении в связи

с этим меньшинства Ц. К. большевиков (Л. Каменева, Г. Зиновьева, А. Рыкова и др.) см. «Протоколы Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. Август 1917 — февраль 1918 г.». Гиз. 1929 г., стр. 144 — 177. — 636.

[199]) Ленин имеет в виду следующее место из письма Маркса к Л. Кугельману от 13 декабря 1870 г.: «Но, как бы ни окончилась война (речь идет о франко-прусской войне 1870 г. *Ред.*), она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего» (К. Маркс. Письма к Л. Кугельману. С предисловием редакции «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Гиз. П. 1920 г., стр. 106). — 636.

[200]) Центральный орган эс-эровской партии, напр., писал в статье «Не голосуйте за большевиков»: «Большевики издали «декрет» о земле. Но трудовому крестьянству большевики не верят; как догматики-марксисты, большевики уверены, что у крестьян особый «антиколлективистический» череп. И своей одной аграрной программы у них нет, — она менялась от случая к случаю. И когда пришел случай, чтобы «подловить» мужика, чтобы увлечь его большевистской авантюрой, — большевики выкинули голодному крестьянству кость, — украденный у социал-революционеров наказ о социализации земли» («Дело Народа» № 207, 25 (12) ноября 1917 года). Говоря выше о крестьянских наказах, опубликованных в эс-эровской газете, Ленин имеет в виду статью «Крестьянский наказ о земле», напечатанную в «Известиях В. С. Кр. Д.» № 88, 1 сентября (19 августа) 1917 г. и которой он тогда же посвятил специальную статью «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» (XXI том Сочинений, стр. 107 — 113). — 641.

[201]) Имеется в виду опыт пролетарской революции 1918 г. в Финляндии. Ей предшествовала ноябрьская всеобщая политическая забастовка (объявлена 26 (13) ноября 1917 г.), продолжавшаяся неделю и возглавлявшаяся Центральным Рабочим Революционным Советом.

Накануне этих решающих дней, 24 (11) ноября, Ленин обратился к финским коммунистам с письмом, в котором выражал уверенность в том, что «большой организаторский талант финских рабочих, их высокое развитие и длительная политическая школа демократических учреждений поможет им успешно осуществить социалистическую реорганизацию». «Мы рассчитываем, — писал в заключение Ленин, — на братскую помощь революционной социал-демократии Финляндии. Да здравствует международная социалистическая революция!» («Правда» № 22, 22 января 1931 года). Забастовка, явившаяся первой революционной пробой сил рабочего класса, приостановила всю хозяйственную жизнь страны. Рабочими были захвачены железные дороги, телефон и ряд других важнейших учреждений. Но вследствие оппортунистического руководства с.-д. партии, давшей сигнал к ее прекращению, был упущен момент, обеспечивавший пролетариату наиболее верную победу. Буржуазия смогла уклониться от решающего боя в невыгодной для нее обстановке, чтобы начать затем энергично готовиться к контр-наступлению. Она превратила север страны с кулацким и зажиточным крестьянством в плацдарм контрреволюции. Создав армию, во главе которой были поставлены финские егеря, обученные во время империалистической войны в германской армии, правительство Свинхувуда в подходящий момент само вызвало гражданскую войну, предприняв в разных местах страны нападения на отряды Красной гвардии. Финляндский пролетариат вынужден был перейти к самозащите.

Революция началась в южной промышленной части страны, охватив Гельсингфорс, Выборг и др. города. 27 января в Гельсингфорсе отрядами Красной гвардии были заняты правительственные учреждения, а 28 января Рабочий Исполнительный Комитет объявил о переходе власти в стране в руки организованного пролетариата. Буржуазное правительство Свинхувуда бежало на север, в Николайштадт — будущую

базу операций белых. Рабочий Исполнительный Комитет выделил революционное правительство — Совет Народных Уполномоченных. На местах представительства рабочих организаций с их исполнительными комитетами стали органами власти, назначавшими революционные суды, органы управления коммунальным хозяйством и пр. Ни ремесленники, ни трудящиеся крестьяне в эти органы не входили.

Революция, руководимая финляндской социал-демократией, стоявшей еще на почве буржуазной демократии, с самого начала проходила под лозунгами не установления пролетарской диктатуры, уничтожения буржуазного государства и частной собственности, а осуществления «наилучшего демократизма». «Руководство надеялось на этом пути избежать социалистической революции и обойти ту переходную ступень от капитализма к социализму, — диктатуру пролетариата, — которая является «неизбежным этапом исторического развития» (О. Куусинен. «Финляндская революция» (самокритика). Изд. Коминтерна. 1919 г., стр. 34). До какой степени социал-демократия находилась во власти демократических иллюзий, видно из выработанного Советом Народных Уполномоченных проекта конституции, который должен был по окончании гражданской войны подвергнуться всенародному голосованию. Согласно проекту Финляндия объявлялась республикой. Высшая власть в стране передавалась в руки демократически избранного народного представительства, избиравшего правительство, действующее под его контролем. Всем гражданам гарантировалась полная неприкосновенность и демократические свободы: свобода слова, собраний и пр. Избирательные права предоставлялись всем финляндским гражданам (включая и буржуазию), достигшим 20-летнего возраста. В проекте ничего не говорилось о национализации промышленности, банков, земель, а лишь упоминалось об общественном контроле и о неопределенном, лишь в исключительных случаях, переходе к обобществлению крупных промышленных предприятий (сб. «Финляндская революция», Гиз, М. 1920 г., стр. 63).

Таким же реформистским характером отличалась и вся обширная, но для развития пролетарской революции почти не имевшая никакого значения, законодательная деятельность революционного правительства. В области аграрного вопроса декретом 31 января ликвидировалась полукрепостническая зависимость торпарей от своих хозяев. 11 марта было декретировано безусловное соблюдение 8-часового рабочего дня, отменен средневековый закон о найме прислуги в деревне. 2 февраля была отменена смертная казнь. В области налогового обложения правительство не пошло дальше некоторого увеличения минимума доходов, подлежащего обложению. Революционное правительство даже не приняло мер к своевременному военному обучению и вооружению рабочих.

Соглашательская политика и тактика финской социал-демократии связывала и ослабляла революционную решимость пролетариата, стремившегося к установлению своей диктатуры и к свержению буржуазии. Уже в самом ходе борьбы, под влиянием сопротивления и саботажа промышленников и интеллигенции, он изживал свои демократические иллюзии, переходя к национализации фабрик, организации Красной гвардии, к закрытию буржуазных газет.

В разгоревшейся гражданской войне необученные отряды рабочих в короткое время превратились в 70-тысячную Красную армию, но, несмотря на геройскую борьбу финского пролетариата, перевес оказался на стороне буржуазии, разгромившей в северной Финляндии рабочие организации и приступившей к всеобщей мобилизации. Перешедшая 10 марта в наступление Красная армия встретила упорное сопротивление белых, вскоре предпринявших контр-наступление. 6 апреля пал Таммерфорс, 14 апреля — Гельсингфорс, а в конце апреля — Выборг. Фронт Красной армии был окончательно разгромлен. Финской буржуазии при помощи

немецкого экспедиционного корпуса, а также шведов и русского белогвардейского офицерства удалось подавить пролетарскую революцию и восстановить свою диктатуру. Белый террор, воцарившийся в стране после подавления революции, унес десятки тысяч жертв, превратившись в физическое истребление рабочего класса.

Причины поражения финляндской пролетарской революции кроются, помимо неблагоприятной обстановки, в отсутствии революционной пролетарской партии, которая могла бы своей решительной классовой политикой после захвата власти развязать внутренние силы революции и укрепить диктатуру пролетариата, обеспечив ей поддержку широких трудящихся масс города и деревни.

Опыт финляндской революции полностью подтвердил правильность стратегии и тактики большевистской партии в революции. Выделившееся на конференции Финляндской социал-демократической партии Учредительное собрание Финляндской Коммунистической партии обратилось 3 сентября 1918 г. к Ленину с открытым письмом, в котором признавало, что не последовав в ноябре его совету финские коммунисты допустили «историческую ошибку» (сб. «Финляндская революция», стр. 26). — **647**.

[202]) *Московская общегородская конференция Р. К. П. (б.)* — происходила 20 — 21 декабря 1919 года. По вопросу о субботниках на конференции было сделано два доклада: Лениным — о принципиальном значении субботников и т. Жуком — об организационной стороне дела. По докладу Ленина была принята резолюция, отмечавшая «огромное значение субботников, как первых шагов к практическому осуществлению коммунизма», и признававшая их крупное значение в смысле реальных результатов в деле поднятия производительности труда и для смягчения переживаемых Советской республикой транспортного, топливного, продовольственного и других кризисов. Конференция призывала «всех членов партии к обязательному участию в субботниках и к приложению на них самого напряженного производительного труда». По докладу т. Жука была принята зачитанная им инструкция по организации субботников, выработанная Московским комитетом. Кроме того конференцией были обсуждены доклады: о Всероссийской партийной конференции, о топливном вопросе, о сыпно-тифозной эпидемии и о мерах борьбы с нею, о продовольственном положении Москвы, о Всевобуче и об отрядах особого назначения. — **650**.

[203]) В организации разгрома Деникина решающая роль принадлежит Ц. К. Р. К. П. (б.), в особенности Ленину и т. Сталину. В критический момент гражданской войны, когда Деникин подходил к Орлу, Ц. К. партии направил на Южный фронт в качестве члена Р. В. С. т. Сталина. Перед своим назначением т. Сталин выдвинул перед Ц. К. ряд мероприятий, в том числе невмешательство Л. Троцкого в дела Южного фронта. Ознакомившись на месте с чрезвычайно тяжелым положением на фронте, т. Сталин отверг предлагавшийся ему главным командованием старый план (сентябрьский) нанесения главного удара левым флангом, от Царицына на Новороссийск, через Донские степи, и выдвинул в записке на имя Ленина новые предложения. Отметив в ней коренное изменение обстановки за последние два месяца и связанной с ней группировки сил, т. Сталин писал: «Что же заставляет главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно, — фракционность, самая тупая и самая опасная для республики, культивируемая в главкоме состоящим при нем «стратегическим» петушком... На-днях главком дал Шорину (командующий особой группой, имевшей своей задачей уничтожение врага на Дону и Кубани. *Ред.*) директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый)

поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т.-е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов...; в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет...; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить.. Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, — это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену»...

«В этой оценке направлений, — говорит К. Ворошилов по поводу приведенной записки, — сказались основные качества т. Сталина, как пролетарского революционера, как настоящего стратега гражданской войны.

План т. Сталина был принят Центральным Комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Главный удар был нанесен Южфронтом в направлении на Харьков — Донбасс — Ростов. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море, Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев» (К. Ворошилов. «Сталин и Красная армия». Гиз. 1930. стр. 23 — 25). — 655.

[304]) *Всеукраинский Военно-Революционный Комитет* — временный орган революционной власти на Украине, образованный постановлением Ц. И. К. и С. Н. К. Украины от 11 декабря 1919 г. в составе Г. Петровского (председатель), Д. Мануильского, В. Затонского, одного представителя от украинских коммунистов (боротьбистов) (см. прим. 179) и одного — от украинских левых эс-эров меньшинства (борьбистов). В задачи Ревкома, которому передавались функции Ц. И. К. и С. Н. К. Украины, входило: «а) организация всемерного содействия войскам до окончательного разгрома белогвардейцев; б) революционная окончательная ликвидация помещиков и помещичьего землевладения; в) установление твердой крестьянской и рабочей власти на территории свободной Советской Украины». Наконец, Ревком должен был «немедленно по освобождении большей части украинской земли» созвать IV Всеукраинский съезд Советов. («Правда» № 283, 17 декабря 1919 года). — 657.

[305]) Настоящее предисловие было написано Лениным после ознакомления его с американским изданием книги Рида, пользовавшейся в Америке огромным успехом (в 1919 г. она выдержала 3 издания). Экземпляр книги Ленин получил от самого Рида во время второго приезда последнего в Советскую Россию, в ноябре-декабре 1919 года. Так как предисловие предназначалось для американского издания книги, то написано оно было по всей вероятности по-английски. Однако это издание книги с предисловием Ленина появилось лишь в 1926 году. А в 1923 г. она

вышла в России в издательстве «Красная Новь», где предисловие Ленина и было впервые напечатано. — 661.

[208]) Установить более или менее точно время писания Лениным настоящей заметки не удалось. По словам Н. Бухарина, она была передана ему Лениным на одном из заседаний Ц. К. Р. К. П. (б.) в 1919 или в 1920 году. — 662.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

А. Ж. — автор статьи «Работа по-революционному (Коммунистическая суббота)» — не установлен. — 329.

АВКСЕНТЬЕВ, Н. Д. (р. 1878) — один из лидеров партии социалистов-революционеров. В 1905 г. — член Исполнительного Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов; был сослан в Обдорск, откуда бежал за границу. С 1907 г. член Ц. К. П. С.-Р., возглавлял правое крыло партии, защищавшее в своем органе «Почин» легальность и отказ от террора. В годы войны — крайний социал-шовинист, один из редакторов социал-патриотического журнала «Призыв» (Плеханов, Бунаков и др.). В 1917 г. член И. К. Петроградского Совета, председатель Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, потом министр внутренних дел (июль — август) в коалиционном кабинете Керенского, председатель Высшего Совета Республики (предпарламента). В 1918 г. был председателем Самарского комитета членов Учредительного Собрания и позже — членом Уфимской директории. После колчаковского переворота, с разрешения и на средства Колчака, уехал за границу. В 1919 г. протестовал против решения IX Совета партии эс-эров о временном прекращении вооруженной борьбы с большевиками. В настоящее время — в эмиграции, является одним из наиболее яростных врагов Советской России. — 286.

АДЛЕР, ФРИДРИХ (р. 1879) — один из вождей австрийской социал-демократии и генеральный секретарь II Интернационала. В 1907 — 1911 г.г. состоял приват-доцентом по кафедре теоретической физики в Цюрихском университете, будучи в то же время редактором швейцарской соц.-дем. газеты «Volksrecht» («Народное Право»), позже был избран секретарем Австрийской социал-демократической партии. Во время войны занимал пацифистскую позицию. В октябре 1916 г. совершает террористический акт (убийство австрийского министра-президента графа Штюргка); приговаривается к смертной казни, замененной затем 18 годами каторжных работ. По выходе из тюрьмы во время австрийской революции 1918 г., выступил против Октябрьского переворота в России. Участвовал в Бернской конференции II Интернационала. На VII съезде Советов Р. С. Ф. С. Р. исключен из числа почетных членов В. Ц. И. К. «как защитник коалиции с буржуазией, противник завоевания власти пролетариатом». В 1919 — 1921 г.г. делал все, чтобы подавить развивавшуюся пролетарскую революцию в Австрии — якобы невозможную и бесцельную в условиях разоренного войной народного хозяйства. В 1920 г. участвует в создании «центристского» так наз. Венского ($II^1/_2$) Интернационала, в 1922 г., по инициативе самого же А., объединившегося со II Интернационалом. Является видным представителем «левой» социал-демократии, прикрывающей революционной фразой буржуазную сущность политики социал-демократии и тем

задерживающей переход рабочих к коммунизму; в философии примыкает к махистам. — 475 — 478, 507, 619.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — один из идеологов и лидеров меньшевизма и II Интернационала. В 70-х годах принимал участие в народническом движении, примыкая к бакунистам; после раскола «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым и другими основал Группу «Освобождение Труда». С 1900 г. был одним из редакторов «Искры» и «Зари». В 1903 г. на II съезде партии один из лидеров меньшинства, которому дал принципиальное обоснование в своих статьях в новой «Искре», выступая с тех пор в качестве одного из самых непримиримых противников большевизма. Ему принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за время существования меньшевистской партии. Осенью 1905 г. выдвигает оппортунистическую идею «рабочего съезда». На IV Объединительном съезде (1906 г.) защищает тактику «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». В годы реакции возглавляет ликвидаторство. Был представителем О.К. (меньшевиков) на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, где стоял на крайне-правом крыле. К Октябрьской революции отнесся чрезвычайно враждебно, заняв позицию весьма близкую к взглядам «активистов» (Либер и др.). В 1920 г. выступает с резкой критикой меньшевистского Ц.К., считая борьбу последнего с большевизмом недостаточно решительной. Участвует в создании Венского Интернационала. Был членом Международного Социалистического Бюро. Один из вдохновителей вооруженной интервенции С. С. С. Р. — 286.

АЛЬБЕРТ, МАКС — см. ЭБЕРЛЕЙН, ГУГО.

АНКЕТИЛЬ, ЖОРЖ (ANQUETIL) — французский журналист. В 1919 г. был редактором газеты «Le Titre Censuré!!!» («Запрещенное Название!!!»). Впоследствии оказался провокатором. С 1920 г. редактирует бульварный журнал «Grand Guignol». — 461, 475.

АУСТЕРЛИЦ, ФРИДРИХ (1862 — 1931) — один из вождей Австрийской социал-демократической партии, принадлежавший к ее правому крылу, депутат парламента от Вены, главный редактор центрального органа партии «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета»). В годы войны занимал ярко шовинистическую позицию. — 321.

Б.

БАБУШКИН, И. В. (1873 — 1906) — рабочий-искровец, один из первых организаторов Р.С.-Д.Р.П. С 1895 г. активный член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», написавший одну из первых его прокламаций. В 1896 — 1897 г.г. отбывает тюремное заключение; в апреле 1900 г. переходит на нелегальное положение, работая в Московско-Владимирском округе. С основания «Искры» (в декабре 1900 г.) принимал в ней близкое участие посылкой рабочих корреспонденций. В декабре 1901 г. вторично арестовывается, но в июле 1902 г. бежит из тюрьмы за границу, в Лондон, где находилась редакция «Искры». С поручением от Ленина вскоре вернулся в Россию, но в январе 1903 г. был снова арестован и после годичного заключения сослан в Верхоянск. Амнистия 1905 г. освободила Б., и он снова ушел в активную партийную работу сначала в Иркутске, затем в Чите. В начале 1906 г. при перевозке большого транспорта оружия был на станции Слюдянка настигнут карательной экспедицией и вместе с 5-ю товарищами расстрелян. О Б. см. некролог Ленина (XIV том Сочинений, стр. 396 — 399). — 392.

БАЗАРОВ, В. (псевдоним В. А. РУДНЕВА) (р. 1874) — социал-демократ, философ и экономист. Активное участие в революционном движении начал принимать с 1896 года. После раскола Р.С.-Д.Р.П. — большевик, в 1905 г. член Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р.П. В 1908 — 1909 г.г. один

из видных главных представителей философии махизма. В политике — сторонник отзовистов и группы «Вперед». Отойдя в эпоху реакции от большевиков, в годы войны сотрудничал в журналах «Современник» и «Летопись». После Февральской революции — «новожизненец». Противник Октябрьской революции, Б. в 1919 г., в период деникинщины, принимал ближайшее участие в право-меньшевистском журнале «Мысль». В последние годы работал в Госплане С.С.С.Р.; один из авторов вредительской теории так наз. «потухающей кривой». Принимал ближайшее участие в контр-революционной деятельности «Союзного Бюро Р.С.-Д.Р.П.». — **416.**

БАЛАБАНОВ, М. С. (р. 1873) — социал-демократ, меньшевик. В революционном движении участвует с 1894 года. В 1903 — 1904 г.г. был членом с.-д. комитета в Ростове на Дону. С 1905 г. сотрудничает в ряде меньшевистских органов: «Начало», «Наша Заря», «Дело». В 1909 г. делается постоянным сотрудником прогрессивной газеты «Киевская Мысль». В 1918 г. был членом Украинской Центральной Рады. В период деникинщины был членом Киевского Комитета меньшевиков; редактировал киевскую областную меньшевистскую газету «Искра», решительно стоявшую за интервенцию. Привлеченный в 1920 г. по делу киевской меньшевистской организации, был приговорен к лишению политических прав на все время гражданской войны. — **416.**

БАРБЮСС, АНРИ (р. 1873) — французский писатель. Война 1914 — 1918 г.г., в которой Б. участвовал добровольцем, сделала его революционным борцом и писателем-антимилитаристом. (Произведения: «Le Feu» («В огне») (1916) и «Clarté» («Свет») (1919).) После войны Б. — генеральный секретарь антимилитаристической «Республиканской ассоциации бывших участников войны». С 1919 г. по апрель 1924 г. редактировал антимилитаристский журнал «Clarté» («Свет»), группируя вокруг него революционных писателей и публицистов, сочувствующих Советской республике. Одно время примыкал к коммунистической партии. В настоящее время — активный участник «Общества друзей Советской России» и редактор издающегося во Франции журнала «Monde» («Мир»), проводящего литературно-политическую линию Международного Бюро Революционной литературы, членом которого Б. состоит. — **396, 404.**

БАУЭР, ОТТО (р. 1882) — вождь австрийской «левой» социал-демократии и один из теоретиков II Интернационала, глава так наз. «австромарксизма». В основной своей работе по национальному вопросу («Национальный вопрос и социал-демократия») отстаивает мелко-буржуазную теорию «культурно-национальной автономии». В годы войны — каутскианец. Находясь в плену в России, был отправлен в Сибирь, откуда был освобожден по требованию Петроградского Совета. За время своего кратковременного пребывания в Петрограде поддерживал русских меньшевиков-интернационалистов. После ноябрьской революции 1918 г. в Австрии — министр иностранных дел в коалиционном правительстве социал-демократа К. Реннера, удерживавшего восставших рабочих от захвата власти и помогавшего Антанте блокировать Венгерскую Советскую республику. Один из основателей Венского, II½, Интернационала. Написал ряд книг против коммунизма и советской системы: «Мировая революция» (1919), «Большевизм и соц.-демократия» (1920) «Новый курс в Советской России» (1921). В 1922 г. участвовал в конференции трех Интернационалов, которые безуспешно пытался объединить. В 1925 г. вынужден был открыто признать, что «на основе новой экономической политики в С.С.С.Р. происходит борьба социалистических элементов с капиталистическими, которая позволяет надеяться на победу социализма», что не помешало ему утверждать, что В.К.П.(б.) ведет к реставрации капитализма. Автор принятой в 1921 г. на съезде в Линце новой программы австрийской социал-демократии. В июле 1927 г., стоя во главе австрийской социал-демократии, употребил все свое партийное влияние на подавление восстания венских рабочих. В настоящее

время — депутат австрийского парламента и член Исполкома II Интернационала. — **317, 321, 477.**

БЕНТАМ, ИЕРЕМИЯ (1748 — 1832) — английский публицист и философ, давший теоретическое обоснование моральным воззрениям промышленной буржуазии (теория «утилитаризма»). Общество, по Бентаму, совокупность индивидуумов, преследующих личную выгоду и тем создающих общее благо. Маркс называл Бентама «болтливым оракулом здравого буржуазного рассудка». — **289, 310, 422, 423, 425.**

БЛАН, ЛУИ (1811 — 1882) — французский социалист-утопист, историк. В своей книге «Организация труда» (1840) развил теорию постепенного перехода к социалистическому обществу путем организации общественных мастерских и земледельческих коммун при содействии государства. Из исторических работ Б. наиболее известны «История 10 лет. 1830 — 1840» и особенно «История французской революции». Б. категорически отрицал классовую борьбу и революционное насилие. Во время февральской революции 1848 г. вошел от рабочих в состав Временного Правительства и был председателем так наз. Люксембургской комиссии по рабочему вопросу. Уговаривая рабочих ждать и предоставить действовать их представителям, Б. мечтал о создании «социальной республики», которая должна была создать кооперацию классов, уничтожив классовые противоречия, но которая, по выражению Маркса, на деле оказалась «социальным порабощением рабочих республикой». Пытаясь примирить непримиримое, Б. оказался игрушкой в руках буржуазии. После подавления июньского восстания парижских рабочих Б. эмигрировал в Англию. После падения империи вернулся во Францию, был выбран в Национальное Собрание (1871); во время Парижской Коммуны остался в рядах ее противников. С 1876 г. был членом палаты, где примкнул к радикалам. Деятельность его в этот период лишена социалистических мотивов. — **477, 478, 481.**

БРАКК (псевдоним АЛЕКСАНДРА ДЕРУССО) — (р. 1861) один из лидеров левого крыла Французской Социалистической партии. В течение ряда лет был членом административной комиссии партии. Во время войны — социал-шовинист; член палаты депутатов в 1912 — 1914 — 1919 годах. Известен своими выступлениями против участия социалистов в правительстве (1919 — 1920 г.г.). В настоящее время представитель Французской Социалистической партии во II Интернационале. — **28.**

БРАНТИНГ, КАРЛ ЯЛЬМАР (1860 — 1925) — лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала; ревизионист, сын профессора. Политическую деятельность начал сотрудничеством в либеральной газете «Tiden» («Время»); с 1887 г. редактирует партийный орган «Sozial-Demokraten» («Социал-Демократ»). В 1889 г., после образования Шведской социал-демократической партии, избирается в правление партии. С 1907 г. становится официальным вождем партии, проявляя себя в политике крайним соглашателем и сторонником министериализма. В годы войны — социал-шовинист англо-французской ориентации. Враг Октябрьской революции и соучастник вооруженной борьбы империалистов против Советской России. В 1917 г. был министром финансов в либерально-социалистическом кабинете Эдена, оказавшего в 1918 г. поддержку правительству Свинхувуда в подавлении пролетарской революции в Финляндии. В 1919 г. участвует в Бернской конференции. Трижды (1920 — 1921 — 1924 г.г.) формирует социал-демократическое министерство. В 1920 г. был назначен представителем Швеции в Совет Лиги Наций. — **14, 26, 387, 391, 396, 457, 460, 461.**

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ, Е. К. (р. 1844) — видная эс-эрка. Революционную деятельность начала в 1873 г. хождением в народ. По возвращении с Карийской каторги (присуждена по процессу 193-х), сделалась деятельным организатором и работником партии эс-эров. Будучи сторон-

ницей террора, стояла на крайне-правом крыле партии, отстаивая союз с либеральной интеллигенцией. После Февральской революции вела борьбу как с левыми, так и с черновским Ц. К., являясь сторонницей войны до победного конца. После Октября заняла резко враждебную позицию по отношению к Советской власти. В 1919 г. была послана партией социалистов-революционеров в С.-А. С. Ш. для агитации против большевиков и пролетарской революции, поддерживая оттуда контр-революционную деятельность партии эс-эров. С 1927 г. живет в Париже, сотрудничая в эсэровском органе «Дни». — 286, 307, 412.

БРЕШКОВСКАЯ — см. **БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ, Е. К.**

БРЮХАНОВ, Н. П. (р. 1878) — большевик, с 1902 г. член Р.С.-Д.Р.П. После II съезда партии примкнул к большевикам, участник Лондонского съезда (1907 г.). После Февральской революции 1917 г. — председатель Уфимского Совета Рабочих Депутатов. В 1919 г. был членом коллегии, а с 1921 г. — народным комиссаром по продовольствию. В 1924 — 1926 г.г. — заместитель народного комиссара финансов. В 1926 — 1930 г.г. — народный комиссар финансов С.С.С.Р. С 1931 г. зам. наркомснаба. — 47, 75.

БУБНОВ, А. С. (р. 1883) — старый большевик, профессиональный революционер. В 1909 г. вел работу в качестве агента Ц. К. партии. В 1910 г. кооптируется в состав «большевистского центра» в России. На партийной конференции 1912 г. избирается кандидатом в Ц. К. Во время войны занимал последовательную интернационалистскую позицию. Неоднократно подвергался арестам. После Февральской революции состоял членом Московского Областного Бюро, членом Петербургского Комитета и членом Ц. К. партии. На заседании Ц. К. 23 (10) октября был избран в Политическое Бюро Ц.К. и на заседании 29 (16) октября в военно-революционный центр по руководству восстанием. Во время Октябрьского переворота входил в Петербургский Военно-Революционный Комитет. В период разногласий по вопросу о Брестском мире и последующей внутри-партийной борьбы — «левый» коммунист; позднее — сторонник группы «демократического централизма»; с марта 1918 г. работает на Украине, член Украинского рабоче-крестьянского правительства и Совета Обороны У.С.С.Р., Ц.К. К.П. (б.) У., член Р.В.С. XV армии. В 1922 — 1923 г.г. заведывающий агитпропом Ц. К. Р.К.П. (б.), 1925 г. — секретарь Ц. К. Р. К. П. (б.). С 1924 г. — начальник Пура и член Революционно-Военного Совета С. С. С. Р. С 1929 г. — народный комиссар по просвещению Р.С.Ф.С.Р., член Оргбюро Ц.К. В.К.П. (б.). — 577.

БУЛЛИТ, ВИЛЬЯМ (р. 1873) — американский журналист. Во время войны служил чиновником в Государственном Департаменте С.-А.С.Ш. После заключения перемирия отправился на Парижскую мирную конференцию с американской делегацией в качестве начальника подотдела сводки в отделе текущей информации. 22 февраля 1919 г. был послан Вильсоном, с ведома Ллойд-Джорджа, в Советскую Россию с секретной миссией — позондировать почву относительно условий, на которых Советское правительство согласилось бы заключить мир с союзниками, а также с белогвардейскими правительствами, образовавшимися на территории бывшей России. Пробыв в России с 8 по 14 марта, привез в Париж официальный проект мирных предложений Советского правительства, который, вследствие начавшегося вскоре успешного продвижения Колчака, дальнейшего хода не получил. В мае 1919 г. вышел в отставку. — 403, 576, 602, 603, 611.

БУНАКОВ, И. И. (псевдоним **ФУНДАМИНСКОГО**) (р. 1881) — видный эс-эр. В годы войны — социал-шовинист, сотрудник оборонческого журнала «Призыв» и народническо-волонтерского органа «За рубежом». Член Учредительного Собрания. В 1918 г. входит представителем партии эс-эров в контр-революционный «Союз Возрождения» и ведет с союзническими миссиями переговоры о помощи антибольшевистским выступлениям. После

разгрома белых эмигрирует за границу, где совместно с М. Вишняком издает журнал «Современные Записки». — 416.

БУХАРИН, Н. И. (р. 1888) — видный большевик, литератор, экономист. В 1906 г. работал пропагандистом, организатором и агитатором в различных районах Москвы; в 1908 г. был кооптирован в Московский Комитет партии. В 1911 г., после третьего ареста, был судим Московской судебной палатой; выпущенный под залог, бежал за границу. Жил в Кракове, откуда незадолго до войны был выслан в Швейцарию. Принимал участие в Бернской конференции заграничных секций большевиков. Летом 1915 г. перебирается в Швецию и принимает участие в работе шведских левых социал-демократов. Был привлечен вместе с Хеглундом за антимилитаристскую пропаганду и выслан. В Нью-Иорке участвовал вместе с Л. Троцким в редактировании «Нового Мира». В период войны отстаивал антиленинские «левые» взгляды в национальном вопросе, о государстве, о программе-минимум и пр. После Февральской революции, вернувшись в Россию, вошел в М. К. и Областное Бюро партии и в редакцию «Социал-Демократа». На VI съезде партии в июле 1917 г. избирается в Ц. К., в котором состоит до настоящего времени. После Октябрьской революции — редактор «Правды». Во время разногласий по вопросу о Брестском мире и последующей внутри-партийной борьбы стоял во главе «левых» коммунистов и издавал журнал «Коммунист» (уйдя из «Правды»). После ноябрьской революции в Германии признал свою ошибку. На VIII съезде Р.К.П. (б.) по вопросу о программе отстаивал в несколько измененном виде свои ошибочные взгляды периода войны. В дискуссии 1920 — 1921 г. занимал сначала «буферную» позицию, а затем объединился с группой Троцкого. Разделял взгляды А. Богданова на пролетарскую культуру; в 1923 — 1927 г.г. участвовал в борьбе партии с троцкизмом и «новой» (объединенной) оппозицией (Троцкий, Каменев, Зиновьев). В 1928 г. намечаются расхождения его с генеральной линией партии, вскоре оформляющиеся в оппортунистическую платформу правого уклона, в связи с чем апрельский пленум Ц. К. (1929 г.) снимает Б. с поста ответственного редактора Ц. О. «Правды» и с работы в Коминтерне, а X расширенный пленум И.К.К.И. вывел из состава президиума Коминтерна. Ноябрьский пленум Ц. К. (1929) вывел Б., как идеолога правого уклона, и из Политбюро Ц. К. В.К.П. (б.). По окончании пленума подал вместе с А. Рыковым и М. Томским заявление в Политбюро с признанием своих ошибок. С 1930 г. — начальник сектора планирования научно-исследовательской работы (быв. Н. Т. У.) В.С.Н.Х. С.С.С.Р. — 131 — 133, 135, 136, 148, 154.

БЮИССОН, ФЕРДИНАНД (р. 1841) — французский политический деятель, видный член партии радикал-социалистов, с 1907 г. — профессор педагогики в Сорбонне. За время своей депутатской деятельности (1902 — 1914, 1919 — 1924) внес ряд законопроектов по вопросам народного образования. Является руководителем Лиги Прав Человека и политическим редактором органа левого блока — газеты «Quotidien». — 600.

В.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ЭМИЛЬ (р. 1866) — вождь Бельгийской Социалистической партии и председатель Исполкома II Интернационала, адвокат и профессор. С 1894 г. — член палаты депутатов; в 1900—1914 г.г. — председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала. Еще до войны — один из ярких представителей европейского реформизма и оппортунизма, противник революционных методов борьбы. Во время войны был первым из лидеров II Интернационала, вошедшим в коалиционное министерство. В сентябре 1914 г., будучи министром, обратился с письмом, составленным с русским послом князем Кудашевым, к социал-демокра-

тической фракции IV Думы с призывом прекратить борьбу с царизмом и поддержать войну против «прусского юнкерства». В 1917 г. вместе с А. Тома и др. социал-патриотами приезжал в Россию для агитации за продолжение войны. В 1919 г. подписал в качестве представителя Бельгии Версальский договор. В 1922 г. стоял во главе защиты членов Ц.К. правых эс-эров на процессе последних в Москве. В 1925 г. — член коалиционного клерикально-социалистического кабинета. В 1926 — 1927 г г. член министерства Жаспара. — 387, 391, 392, 393, 398, 460, 461.

ВИЛЬГЕЛЬМ II ГОГЕНЦОЛЛЕРН (р. 1859) — германский император (1888 — 1918); свергнут революцией 9 ноября 1918 г. В настоящее время находится в Голландии. — 34, 256, 285, 287.

ВИЛЬСОН, ВУДРО (1856 — 1924) — член демократической партии, профессор-юрист; с 1913 г. по 1921 г. — президент Северо-Американских Соединенных Штатов. В январе 1918 г. выдвинул известные «14 пунктов» мирных условий (отказ от тайных договоров, обеспечение прав малых и колониальных народов и т. д.), от которых позднее сам отказался (Версальский мир). Инициатор Лиги Наций, явившейся на деле союзом держав-победительниц и ширмой для ограбления побежденной Германии. — 20, 65, 137, 155, 217, 231, 246, 247, 280, 412, 413, 576, 601, 611, 617.

ВИШНЯК, М. В. (р. 1883) — правый эс-эр, юрист и журналист. В 1905 г., будучи членом партии эс-эров, Вишняк участвовал в редакции «Известий» Московского Совета Рабочих Депутатов. Во время войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции — член Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов, гласный Московской городской думы, член московского Государственного совещания, секретарь Временного совета Российской республики («предпарламента»). Противник Октябрьского переворота; в начале 1918 г. входил в «Союз Возрождения» и редактировал эс-эровский журнал «Возрождение», финансировавшийся из союзнических источников. В 1919 г. эмигрировал во Францию, где явился одним из основателей и редакторов бело-эс-эровского журнала «Современные Записки». — 416.

ВЛАДИМИРСКИЙ, М. Ф. (р. 1874) — старый большевик, по образованию врач; в 1894 г. работал в московской социал-демократической организации пропагандистом и организатором революционных кружков; в 1896 г. был арестован и выслан из Москвы. В 1898 г. возвращается в Москву и входит в М.К. социал-демократической организации. В 1904 г. — член Нижегородского Комитета большевиков, в 1905 г. — член Московского Комитета; участвует в декабрьском вооруженном восстании. В 1906 г. был арестован, до суда эмигрировал за границу, где пробыл до 1917 г., состоя членом Парижской большевистской группы; был членом Комитета заграничных большевистских организаций. Летом 1917 г. — член Московского Комитета большевиков, в Октябрьские дни — член «партийной пятерки». На VII съезде партии избран членом Ц.К. Р.К.П. (б.). С 1918 г. — член президиума В.Ц.И.К., замнаркомвнудел, затем зампред С.Н.К. Украинской С.С.Р. и секретарь Ц.К. компартии Украины; председатель Ц.К.К. компартии Украины и член президиума Ц.К.К. В.К.П. (б.), зампред Госплана С.С.С.Р. С 1930 г. — народный комиссар здравоохранения. — 615.

ВОЛЬСКИЙ, В. К. (р. 1877)—видный эс-эр, член Учредительного Собрания, председатель Комитета членов Учредительного Собрания в Самаре (Комуча), установившего летом 1918 г. при помощи чехо-словацких войск власть в Поволжье и Приуралье. Был также председателем образовавшегося после избрания директории Съезда членов Учредительного Собрания. После Колчаковского переворота и ареста многих членов Учредительного Собрания, когда наступление Красной армии почти лишило Комуч территории, В. с небольшой группой эс-эров (Буревой, Ракитников, Святицкий и др.) решил прекратить борьбу с Советской властью. По возвращении в Советскую Россию, вошел в центральное организационное бюро меньшинства

партии эс-эров, издававшее свой орган — журнал «Народ». В 1922 г. эта группа, запутавшись в противоречиях и внутренней склоке, распалась. — 284, 613.

Г.

ГААЗЕ, ГУГО (1863 — 1919) — один из вождей Германской социал-демократии. После смерти Бебеля (1913 г.) член президиума Правления партии и председатель ее парламентской фракции, член Международного Социалистического Бюро. До войны примыкал к «центру», во время войны занял позицию оправдания войны, заявляя на словах о верности принципам интернационализма. 4 августа 1914 г. по поручению социал-демократической фракции выступил в рейхстаге с декларацией о поддержке германского правительства. Во время раскола социал-демократической фракции 24 марта 1916 г. стал во главе оппозиционного меньшинства («Arbeitsgemeinschaft»). С марта 1917 г. — председатель Ц.К. Независимой социал-демократической партии Германии. После ноябрьской революции — член Совета Народных Уполномоченных (до 28 декабря 1918 г.), в котором поддерживал политику шейдемановцев, направленную против Советской России. Во время январских боев в 1919 г. играл жалкую роль «примирителя», разоружая тем самым восставших рабочих. В октябре того же года убит при входе в рейхстаг офицером-монархистом. — 323, 324, 438, 477, 481.

ГАЙНДМАН, ГЕНРИ МЕЙЕР (1842 — 1921) — видный английский социалист, адвокат и журналист. Был лично знаком с Марксом и Энгельсом. В 1883 г. основал Социал-демократическую федерацию, впоследствии переименованную в Социал-демократическую партию, которая, в свою очередь, была в 1911 г. преобразована в Британскую Социалистическую партию. В 1900 — 1910 г.г. был председателем Международного Социалистического Бюро. Перед войной повернул к защите империализма, став во время войны крайним социал-шовинистом. В апреле 1916 г. на Салфордском съезде Британской Социалистической партии, большинство которой вело борьбу против войны, был вместе с группой своих последователей исключен из партии. После этого основал Национально-социалистическую партию, принявшую в 1921 г. старое название Социал-демократической федерации. Выступал против советской системы и был сторонником интервенции и блокады Советской России. Характеристику Г., никогда не бывшего марксистом, см. в статье Ленина «Гайндман о Марксе» (XV том Сочинений. стр. 267 — 271). — 361.

ГАЛЛИФЕ, ГАСТОН АЛЕКСАНДР, маркиз (1830 — 1909) — французский генерал, один из главнейших участников подавления Парижской Коммуны 1871 г., отличившийся особенной жестокостью. В 1899 — 1900 г.г. вместе с «социалистом» Мильераном состоял военным министром в кабинете Вальдека Руссо. — 459.

ГЕНДЕРСОН, АРТУР (р. 1863) — один из влиятельнейших лидеров английского профдвижения и Английской рабочей партии, по профессии — литейщик. До войны проводил политику соглашения с либеральным правительством. После ухода Кейр-Гарди с поста председателя партии (1908) в течение двух лет занимал этот пост и затем вторично в 1914 — 1917 г.г., после того как Макдональд должен был из-за своего пацифизма оставить этот пост. В начале войны вместе с Кейр-Гарди подписал обращение к английским рабочим от имени британской секции II Интернационала с призывом бороться против войны, но после вступления Англии в войну занял социал-шовинистскую позицию, ведя кампанию за вербовку добровольцев в армию. В 1915 г. был министром просвещения в первом коалиционном правительстве, в 1916 г. — министром без портфеля в военном кабинете Ллойд-Джорджа. В 1917 г. был принужден, однако, выйти в отставку, так как сочувственно отнесся к мысли о созыве международной

социалистической конференции в Стокгольме, вызвав тем самым раздражение английской буржуазии, жаждавшей «победы до конца». В первом кабинете Макдональда (1924) был министром внутренних дел, во втором (1929—1931)—министром иностранных дел. После перехода Макдональда в лагерь консерваторов возглавил лицемерную «оппозицию» в партии. — 26.

ГЕРМАНОВ, Л. — см. **ФРУМКИН, М. И.**

ГИЛЬБО, АНРИ (р. 1885) — французский поэт и публицист, коммунист. До войны был известен как анархо-синдикалист; в июле 1914 г. резко разошелся со своими соратниками и эмигрировал в Швейцарию, где издавал пацифистский журнал «Demain» («Завтра»), вокруг которого группировались писатели-эмигранты, антимилитаристы, пацифисты (Ромэн-Роллан, Роланд-Гольст и др.). В годы войны сблизился с большевистской группой циммервальдцев, участвовал на конференции в Кинтале и позднее в своем журнале поддерживал Октябрьскую революцию. 23 февраля 1919 г., во время пребывания в России, был по обвинению в государственной измене заочно приговорен французским судом к смертной казни; в 1924 г. амнистирован. Участвовал на I конгрессе Коминтерна от левого циммервальдского крыла Франции и был вскоре введен в Исполком Коминтерна. После почти 2-летнего пребывания в Советской России, уехал в Германию, где до последнего времени состоял парижским корреспондентом газеты «L'Humanité». Еще при жизни Ленина написал одну из первых его биографий. — 28, 243.

ГИЛЬФЕРДИНГ, РУДОЛЬФ (р. 1878) — один из вождей германской социал-демократии, виднейший теоретик и представитель так наз. «австромарксизма». Будучи студентом Медицинского факультета в Вене, стал членом австрийской социал-демократической партии. В 1906 г. переехал в Германию, где принял деятельное участие в руководстве социал-демократической партийной школой, сотрудничал в теоретическом органе Германской социал-демократии «Neue Zeit» и редактировал «Vorwärts» (1907 — 1915 г.г.). В 1910 г. выпустил свой главный труд «Finanzkapital» («Финансовый капитал»), в котором проявил склонность к примирению марксизма с оппортунизмом. Будучи всегда близок к Каутскому, в годы войны — центрист. В 1917 г. вошел в Независимую социал-демократическую партию Германии (U. S. P. D.) и становится в качестве редактора ее центрального органа «Die Freiheit» («Свобода») и члена Ц. К. главным представителем буржуазной, реформистской политики партии. После ноябрьской революции 1918 г.— член правительственной комиссии по социализации. В 1919 — 1920 г.г. выступает против вхождения независимых в Коминтерн. В 1923 г. — министр финансов в коалиционном кабинете Штреземана, в 1928 — 1929 г.г. — в коалиционном кабинете с.-д. Мюллера. На Кильском съезде социал-демократии (1927) защищал теорию «организованного капитализма». В настоящее время один из идеологов социал-фашизма. Издает журнал «Die Gesellschaft» («Общество»), являющийся продолжением «Die Neue Zeit». — 16, 19, 119, 251, 252, 317, 318, 460, 461, 473.

ГИНДЕНБУРГ (фон **БЕНКЕНДОРФ**), **ПАУЛЬ** (р. 1847) — немецкий генерал, бывший главнокомандующий немецкой армией, в 1916 — 1917 г.г. В 1917 — 1918 г.г. возглавлял военную партию, стремившуюся к полному разгрому и расчленению Советской России. С апреля 1925 г. — президент Германской республики. — 208, 339.

ГОЛОСОВ — см. **НИКОЛАЕВСКИЙ, Б. И.**

ГОЛЬЦ, РЮДИГЕР, граф (р. 1865) — германский генерал, видный представитель юнкерской реакции в Германии. В 1918 г. был послан с германскими частями в Финляндию для поддержки Маннергейма против финской Красной армии; в 1919 г. командовал в Латвии остатками 8-й германской армии и руководил белыми частями Бермонт-Авалова, сражавшимися против Красной армии. В октябре 1919 г. был отозван из Балтийского края, после чего занялся военной подготовкой молодежи.

С 1924 г. состоит председателем объединенных фашистских союзов. — 481.

ГОМПЕРС, САМУЭЛЬ (1850 — 1924) — один из руководителей профессионального движения С.-А.С.Ш., решительный противник социализма; рабочий-сигарщик. В 1887 — 1896 г.г.—товарищ председателя Международного союза сигарщиков, с 1882 г. в течение почти 40 лет был председателем Американской Федерации Труда, защищающей узко-профессиональные интересы привилегированной рабочей аристократии, проповедующей «гармонию классовых интересов» и жестоко борющейся с революционными тенденциями в среде пролетариата. Во время войны, опираясь на правые элементы рабочего класса, активно поддерживал правительство С.-А.С.Ш., принимая участие в разнообразных военных организациях и правительственных комиссиях. После Октябрьской революции отстаивал политику изоляции Советской России, ярым врагом которой был. В 1919 г. участвовал в Парижской мирной конференции и был председателем Международной комиссии по рабочему законодательству. Находя Амстердамский Интернационал слишком революционным, в 1920 г. добивается ухода из него Американской Федерации Труда. В 1922 г. входит в состав американской делегации на Вашингтонской конференции. Г. был вице-президентом Национальной Гражданской Федерации (National Civil Federation) — организации, созданной под председательством известного миллиардера Моргана из представителей «капитала, труда и других граждан». — 460.

ГРИГОРЬЕВ, «атаман» — штабс-капитан царской армии, участник империалистической войны. После Октября 1917 г. активно поддерживал гетманский строй, в декабре перешел на сторону Петлюры и выступил против немцев. Весной 1919 г. перешел со своими партизанскими отрядами на сторону Советской власти, продолжая борьбу с интервентами, принимая участие в очищении Таврической и Херсонской губ. и во взятии Одессы у французов. Когда кулацкая часть украинской деревни, опираясь на недовольство известных слоев крестьянства земельной и продовольственной политикой Советской власти, подняла восстание, охватившее степную часть Украины, Г. отказался выступить на Румынский фронт и в мае 1919 г. ударил в тыл Красной армии. Вследствие небоеспособности некоторых частей Красной армии, восстание быстро расширилось, сопровождаясь разгромом советских учреждений и волной еврейских погромов. Хотя оно и было быстро ликвидировано (конец мая), тем не менее Красная армия не смогла уже оказать поддержку Венгерской Советской республике. Г. бежал в ставку Махно, где был убит последним в июне 1919 года. — 355.

ГРОССМАН, Г. А. (псевдоним КОВРОВ) (р. 1862) — социал-демократ, меньшевик; журналист. После Октябрьской революции противник Советской власти; в 1919 г. вместе с Бунаковым, Вишняком, Мякотиным и Пешехоновым участвовал в издании журнала «Грядущий День». В настоящее время — в эмиграции. — 416.

ГЮИСМАНС, КАМИЛЛ (р. 1871) — бельгийский социалист, один из видных деятелей II Интернационала, профессор философии. До войны с 1905 г. — секретарь Брюссельского Международного Социалистического Бюро; входил в одно из буржуазных министерств Бельгии. В 1914 г. на Брюссельском объединительном совещании русских социал-демократов содействовал созданию антибольшевистского блока. В годы войны — социал-патриот, соратник Вандервельде. Противник циммервальдского движения, которое он считал «русской интригой». В 1919 г. — инициатор Бернской конференции II Интернационала. — 460.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863) — крайний правый германский социал-демократ, бернштейнианец, экономист; сын протестантского священника. Предпринял «ревизию» марксизма в области аграрного вопроса. В выпущен-

ной им в 1903 г. книге «Социализм и сельское хозяйство» пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. В годы империалистической войны был крайним социал-шовинистом. После ноябрьской революции 1918 г. занимал ряд государственных постов, отстаивая интересы буржуазии против рабочих. В 1919 г. был некоторое время председателем Национального Собрания, затем — министром без портфеля. После Капповского путча вышел в отставку. С 1921 г. — представитель центрального правительства в Гессене. Блестящую критику воззрений Д. см. в статье Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (XI том Сочинений, стр. 291 — 300). — **249, 322.**

ДЕЙМИГ (DÄUMIG), ЭРНСТ (1866 — 1922) — германский социал-демократ, журналист. С 1900 г. редактор ряда социал-демократических газет; в 1911 — 1916 г.г. был одним из редакторов Ц. О. партии «Vorwärts» («Вперед»). Одно время возглавлял совет революционных старост. В 1918 г руководил Независимой социал-демократической партией. В 1919 г. возглавлял ее левое крыло. С 1920 г. — депутат рейхстага, после партейтага независимых в Галле был членом К.П.Г., но в 1922 г. возвратился в социал-демократическую партию. — **319, 320, 438.**

ДЕНИКИН, А. И. (р. 1872) — генерал, во время гражданской войны один из наиболее видных вождей белогвардейского движения. После Февральской революции — помощник начальника штаба при верховном главнокомандующем, затем — главнокомандующий Западным, а позднее и Юго-Западным фронтом. В 1917 г. участвовал в организации контр-революционных групп офицерства и оказал решительную поддержку Корнилову, вместе с которым был заключен в Быхове, откуда после Октябрьского переворота бежал на Дон. Вместе с Алексеевым и Корниловым участвовал в формировании Добровольческой армии. После смерти Корнилова занял пост главнокомандующего вооруженными силами юга России. В течение лета и осени 1918 г., опираясь на зажиточное казачество и финансовую и военную поддержку Англии, широко развернул военные операции и занял весь Северный Кавказ. В начале 1919 г. подчинил своему командованию Донскую армию генерала Краснова. Летом, благодаря решению Антанты о преимущественной его поддержке, предпринял наступление на Москву под лозунгом «единой и неделимой России», постепенно заняв всю Украину, а в октябре 1919 г. — Орел. В своей деятельности пытался опереться на «живые силы» русской общественности, для чего к участию в правительстве (так наз. Особом совещании) им были привлечены наряду с крайними монархистами и кадеты, вдохновлявшие в основном всю его политику В занимаемых Добрармией областях устанавливался режим буржуазно-помещичьей диктатуры, вскоре приведший к массовым рабочим и крестьянским выступлениям в тылу. Попытка Д. привлечь на свою сторону крестьянство путем «аграрной реформы» тоже не удалась, вызвав сопротивление со стороны крайней правой части офицерства и «русской общественности» и положив начало открытой оппозиции против Д. Поражение Добровольческой армии в октябре-ноябре 1919 г. окончательно лишило его опоры в генеральской и помещичьей среде. Д. вынужден был подать в отставку, передав 26 марта 1920 г. главное командование генералу Врангелю, державшемуся еще в Крыму, и эмигрировал в Англию. Автор ряда книг по истории гражданской войны, в том числе многотомных «Очерков русской смуты». — **204, 281, 296, 302, 354, 355, 357, 361, 380, 401 — 404, 410, 411, 418, 425, 428, 432 — 436, 443 — 445, 449, 450, 458, 465, 468, 473, 474, 484, 487, 489, 490, 496 — 498, 520, 523, 526, 529, 532, 537, 540, 543, 545, 548, 562, 565, 566, 570, 571, 573, 596, 601, 603, 607, 614, 616, 624, 628, 643, 645, 655, 657, 659.**

ДЗЕРЖИНСКИЙ, Ф. Э. (1877 — 1926) — выдающийся деятель Октябрьской революции; один из старейших работников польской социал-демократии, член Главного правления С.-Д. Польши и Литвы. В социал-

демократическом движении участвует с начала 90-х годов. После Стокгольмского съезда Р.С.-Д.Р.П. (1906) вошел членом в общерусский Ц.К. Неоднократно арестовывался, последний раз в 1912 г., когда был приговорен к 9 годам каторги, которую отбывал в Орловском и Московском централах, откуда был освобожден Февральской революцией. На апрельской конференции 1917 г. вошел в состав большевистского Ц.К., членом которого состоял до конца жизни. В Октябрьские дни член Военно-Революционного Комитета, после роспуска которого организовал орган борьбы с контр-революцией — В.Ч.К. (7 ноября 1917 г.), первым председателем которой он был. Позднее — народный комиссар внутренних дел, путей сообщения и с 1924 г. председатель В.С.Н.Х., оставаясь в то же время председателем О.Г.П.У. С.С.С.Р. — 120.

ДРЕЙФУС, АЛЬФРЕД (1859 — 1927) — офицер французского генерального штаба, еврей. В 1894 г. был по ложному обвинению в государственной измене приговорен военным судом к разжалованию и вечному одиночному заключению. Приговор был вынесен под давлением генерального штаба, руководимого монархистами и клерикалами, заинтересованными в том, чтобы скрыть действительных виновников выдачи военных тайн Германии — офицеров, принадлежащих к наиболее реакционным слоям французской армии, и нанести заодно моральный удар республиканскому режиму, дающему евреям право занимать офицерские посты во французской армии. В 1897 г. радикальная партия во главе с Ж. Клемансо подняла при поддержке Э. Золя, А. Франса и Ж. Жореса кампанию за пересмотр дела, сразу получившую ярко политический характер, поскольку под лозунгом «за и против пересмотра» шла на самом деле борьба сторонников республики с монархистами, предпринявшими несколько попыток военного переворота. «Дело Дрейфуса» вызвало громадное возбуждение в стране, сопровождавшееся ожесточенной полемикой в прессе, массовыми демонстрациями и т. д. Тем не менее при пересмотре дела в 1899 г. ему был вынесен новый обвинительный приговор. Лишь под давлением общественного мнения Д. был помилован и в 1906 г. освобожден. Высший кассационный суд окончательно реабилитировал Д. — 10, 600.

ДРОБНИС, Я. Н. (р. 1890) — коммунист. В революционном движении участвует с 1905 года. Несколько раз арестовывался. В январе 1915 г. был по подозрению в антивоенной пропаганде выслан из Вильны в Полтаву, где работал в организации Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). После Октябрьской революции был членом Ц.К. К.П.(б.)У. В 1918 г. был командирован на Украину для подпольной работы и организации партизанских отрядов для борьбы с гетманско-петлюровским режимом. В 1919 — 1920 г.г. был мобилизован на Деникинский фронт. Принадлежал к группе «демократического централизма». С 1922 г. был членом Малого Совнаркома Р.С.Ф.С.Р., а с 1923 г. — членом административно-финансовой комиссии при С.Н.К. На XV съезде В.К.П. (б.) за принадлежность к троцкистской оппозиции исключен из партии. В 1929 г. восстановлен в рядах В.К.П.(б.). С 1931 г. работает в Н.К.П.С. — 577.

ДЬЯЧЕНКО, А. — автор статьи «Заметки субботника». — 333.

Е.

ЕМЕЛЬЯНОВ, Н. А. (р. 1871) — коммунист, рабочий Сестрорецкого завода. В 1904 г. входил в социал-демократическую группу заводских рабочих, в 1905 г. вел социал-демократическую пропаганду на заводе и в кружках, перевозил нелегальную литературу и оружие из Финляндии. Был выслан на 3 года в Новгород, бежал и в течение 1906 — 1909 г.г. работал в партийных организациях. В 1915 г. был выбран от рабочих Сестрорецкого завода в Военно-промышленный Комитет, откуда ушел с протестом.

В 1917 г. устроил после июльских дней нелегальное убежище для Ленина и Зиновьева, был депутатом Петроградского Совета, где работал до 1919 года. Был председателем Сестрорецкого Совета; работал в Авто-Гуже начальником авто-части, затем организатором заводского коллектива. В 1924 г. в Эстонии заведывал снабжением русских судов. — 267.

З.

ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ), Г. Е. (р. 1883) — вступил в социал-демократическую организацию в Елисаветграде в 1901 г.; после II съезда и раскола партии присоединился к большевикам. Во время революции 1905 г. был членом Петербургского Комитета. После ареста эмигрировал за границу. На V (Лондонском) съезде Р.С.-Д.Р.П. был избран членом Ц.К. В 1908 г. после нового ареста вынужден был эмигрировать за границу, где вошел в состав редакции «Пролетария», центрального органа большевиков, и участвовал в «Социал-Демократе». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. Член Бюро Циммервальдской левой. В апреле 1917 г. вместе с Лениным и другими возвратился в Петербург. После Октября был председателем Петроградского Совета. В 1919 — 1926 г.г. — председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. В период подготовки Октябрьского восстания и позднее неоднократно обнаруживал колебания: осенью 1917 г. выступал против восстания; его поведение в этот период заклеймено Лениным, как штрейкбрехерство; после Октябрьского переворота отстаивал необходимость немедленного соглашения и образования советского правительства совместно с меньшевиками и эс-эрами. Расходясь с основной линией партии в этом вопросе, 17(4) ноября вышел из Ц.К. Решительно выступая в 1923 — 1924 г.г. против «троцкизма», в 1925 г. стал во главе «новой оппозиции» и в 1926 г. вступил в «оппозиционный блок», возглавлявшийся Троцким. В своей книге «Ленинизм» (конец 1925 г.) подверг ревизии основные положения ленинизма. В ноябре 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. признал свои ошибки и восстановлен в качестве члена В.К.П.(б.). — 128, 267, 450, 451, 464, 497, 610.

ЗОРГЕ, Ф. А. (1828 — 1906) — немецкий социалист и выдающийся деятель американского рабочего движения; друг Маркса и Энгельса; за участие в Баденском восстании 1849 г. был приговорен к смерти. Секретарь I Интернационала после перенесения местопребывания Совета Интернационала в Америку, куда З. эмигрировал. Оказал много ценных услуг международному рабочему движению. Находясь в длительной переписке с Марксом и Энгельсом, подготовил к изданию свою переписку с ними. — 390.

ЗУБАТОВ, С. В. (1864 — 1917) — вдохновитель и организатор «зубатовщины», или «полицейского социализма». С 1889 г. — помощник начальника, а потом и начальник Московского охранного отделения; развил широкую полицейскую деятельность во многих городах России (Вильно, Минск и др.); в 1902 г. организовал рабочие союзы («Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских» в Москве, «Общество взаимопомощи фабрично-заводских рабочих» в Петербурге), с целью отвлечения рабочих от революционной деятельности. В 1903 г. получил отставку, а потом был административно выслан во Владимир. В 1905 г. при Трепове состоял в департаменте полиции. Застрелился в Февральские дни 1917 г. — 392.

И.

ИВАНОВИЧ, СТ. — см. ПОРТУГЕЙС, С. И.

К.

КАВЕНЬЯК, ЛУИ-ЭЖЕН (1802 — 1857) — генерал, военный министр Временного Правительства Французской республики после Февральской

революции 1848 г.; в июньские дни, обладая диктаторскими полномочиями, разгромил восстание парижских рабочих. Член Учредительного Собрания и президент совета министров в 1849 году. Кандидат в президенты Второй республики, забаллотированный в пользу принца Луи-Наполеона (Наполеона III), как умеренный республиканец; после переворота Луи Бонапарта удалился от дел. — 459.

КАЛЕДИН, А. М. (1861 — 1918) — казачий генерал; в июне 1917 г. был избран атаманом Донского казачьего войска. Опираясь на казаков-кулаков, создал на Дону контр-революционное гнездо. После московского Государственного Совещания, на котором К. была устроена овация, его имя, наряду с именем Корнилова, стало знаменем монархической контрреволюции. После Октябрьской революции заявил о непризнании «власти большевиков», провозгласил независимость Донской области и начал борьбу против Советской власти. Рабочие восстания и поддержка, оказанная красногвардейским отрядам со стороны фронтовиков-казаков, привели в январе 1918 г. к разгрому калединцев. 29 января 1918 г. войсковое правительство в Новочеркасске постановило сложить свои полномочия. В тот же день К. застрелился. — 447.

КАЛИНИН, М. И. (р. 1875) — старый большевик, председатель Ц.И.К. С.С.С.Р.; по профессии — токарь по металлу. Сын крестьянина Тверской губ. Впервые был арестован по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вел партийную работу в Петербурге, Ревеле, Тифлисе и Москве. В 1906 г. был выбран Петербургским Комитетом, членом которого он состоял, делегатом на Стокгольмский съезд Р.С.-Д.Р.П. В годы войны, до своего ареста (1916 г.), работал на заводе «Айваз» в Петербурге, принимая деятельное участие в партийной работе. В дни Февральской революции был членом первого легального Петроградского Комитета большевиков. Активный участник Октябрьского переворота. В 1919 г. после смерти Я. Свердлова был избран председателем В.Ц.И.К. и членом Ц.К. Р.К.П.(б.), с 1924 г. — председателем Ц.И.К. С.С.С.Р. Член Политбюро Ц.К. В.К.П.(б.). — 189, 190, 215, 216, 538, 539, 623.

КАЛИНИН, Я. А. — рабочий фабрики «Скороход», коммунист. Убит в Петрограде 1 апреля 1919 г. при попытке задержать разбрасывателя левоэс-эровских прокламаций, призывавших к выступлению против Советской власти. — 215.

КАМЕНЕВ (РОЗЕНФЕЛЬД), Л. Б. (р. 1883) — в социал-демократическую организацию вошел в 1901 году. После раскола партии в 1903 г. примкнул к большевикам. После ареста в 1908 г. в Петербурге уехал за границу, где входил в редакцию «Пролетария» и сотрудничал в «Социал-Демократе». В начале 1914 г. был командирован Ц. К. партии в Россию для руководства работой с.-д. фракции Государственной Думы и редакцией «Правды». Был арестован на совещании большевистской с.-д. фракции с представителями партийных организаций и вместе с 5 депутатами в 1915 г. сослан в Сибирь, откуда возвратился в Петроград после Февральской революции и вошел в редакцию «Правды», где пытался, расходясь с большинством партии, проводить оппортунистическую линию (оборончество, ограничение задач рабочего класса рамками буржуазно-демократической революции). На Всероссийской апрельской конференции выступил против «тезисов» Ленина, был избран членом Ц.К. Осенью 1917 г. выступал против восстания, его поведение в этот период заклеймено Лениным, как штрейкбрехерство; после победы Октябрьской революции отстаивал необходимость немедленного соглашения и образования советского правительства совместно с меньшевиками и эс-эрами. Расходясь с основной линией партии в этом вопросе, 17 (4) ноября вышел из Ц.К. Весной 1919 г., будучи председателем Московского Совета, работал на Украине по налаживанию продовольственного и военного аппаратов. Энергично борясь в 1923—24 г.г.

с «троцкизмом», в 1925 г. вместе с Зиновьевым возглавил «новую оппозицию», в 1926 г. вступил в «оппозиционный блок», возглавлявшийся Троцким. В ноябре 1927 г. исключен из Ц. К. и в декабре на XV съезде из партии, в 1928 г. признал свои ошибки, восстановлен в рядах В. К. П. (б.). С 1929 г. — председатель Главконцескома. — 268.

КАРОЛЬИ, МИХАИЛ, граф (р. 1875) — венгерский политический деятель. В начале своей деятельности был председателем реакционного союза аграриев, затем стал вождем венгерской независимой партии, выступал против германской ориентации и стоял за проведение радикальных реформ. Во время мировой войны возглавлял парламентскую оппозицию. Против К. начато было следствие по обвинению в измене. После победы буржуазно-демократической революции в Венгрии (октябрь 1918 г.), был премьером первого Временного Правительства и затем президентом республики. Отказался от выполнения требований Антанты и, под напором развивающейся пролетарской революции, в марте 1919 г. подал в отставку. После падения Советской власти эмигрировал. В 1929 г. был делегатом от Венгрии на антифашистском конгрессе. В настоящее время живет в Берлине, являясь членом Исполкома Лиги против фашизма. — 218.

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854) — германский социал-демократ, крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. Вступил в австрийскую с.-д. в 1874 г., примкнув к ее полуанархическому крылу, руководимому Шеем и Мостом. Марксистом стал под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса. В эпоху исключительного закона (1878—1890 г.г.) сотрудничал в цюрихском нелегальном органе германской с.-д. — «Социал-Демократ». В 1883 г. основал научно-литературный журнал «Die Neue Zeit», редактором которого оставался до 1917 года. В 90-х годах написал ряд марксистских работ («Аграрный вопрос» и др.). В 1898 г., после больших колебаний, выступает против ревизионизма Эд. Бернштейна («Анти-Бернштейн»). Однако уже в произведениях К. этого периода имеется много недомолвок и отступлений от марксизма (вопрос о диалектике, о пролетарской диктатуре, примиренческое отношение к философии Маха и т. п.). В оценке революции 1905 г. стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам. В начале 1909 г. в своей работе «Путь к власти» К. в общем выражал еще марксистские взгляды, но с этого времени оппортунистические, центристские тенденции, которые всегда были сильны у К., берут решительный перевес во всей его политической и теоретической деятельности. Он становится наиболее видным представителем «центра» на Западе, являющегося одной из разновидностей оппортунизма. Во время войны К. окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. Он был одним из основателей Независимой социал-демократической партии Германии, стоя затем на ее правом крыле. После Октябрьской революции выступил против советской системы, отстаивая «чистую» демократию и парламентаризм. После ноябрьской революции в Германии вошел товарищем министра иностранных дел в первое правительство Эберта — Шейдемана, где проводил политику рабских услуг Антанте, всячески тормозя возобновление сношений с Советской Россией. На Бернской конференции выступал самым враждебным образом против Советской России. Был одним из основателей Венского (II½) Интернационала. В 1922 г. содействовал его возвращению в ряды II Интернационала. В последних работах К. и особенно в его двухтомном «Материалистическом понимании истории» (1927 г.) проституирование марксизма доведено до крайних пределов. Будучи одним из самых озлобленнейших врагов С.С.С.Р, открыто проповедует против него войну и интервенцию (особенно в бр. «Большевизм в тупике», 1930 г.). О К. см. брошюру Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (XXIII том Сочинений). — **16, 19, 119, 121, 163, 249, 251, 252, 288, 295 — 311, 317 — 324, 338, 342, 387, 388, 395 —**

398, 419, 420, 438, 452, 455 — 460, 462, 463, 475—477, 479 — 481, 507, 511 — 513, 634, 637, 640, 642.

КВЕЛЧ, ГАРРИ (1856 — 1913) — один из крупнейших вождей английского пролетариата и организаторов Социал-демократической федерации; наборщик. С 1892 г.—несменяемый редактор старейшего социалистического журнала «Justice» («Справедливость»). В своем выступлении на Штутгартском Международном Социалистическом конгрессе в 1907 г. характеризовал II Международную Гаагскую конференцию, как «собрание воров», за что на другой же день был выслан Вюртембергским правительством из Штутгарта. Был членом Международного Социалистического Бюро. Стойко боролся против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении и вел систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе. См. о нем некролог Ленина «Гарри Квелч» (XVI том Сочинений, стр. 607 — 609). — 397.

КЕРЕНСКИЙ, А. Ф. (р. 1881) — виднейший из мелко-буржуазных вождей Февральской революции; присяжный поверенный. Приобрел известность в качестве защитника в политических процессах; с 1912 г. — член Государственной Думы, где примкнул к фракции трудовиков. С начала мировой войны социал-патриот. После революции вступил в П.С.-Р.; состоя товарищем председателя Петроградского Совета, вопреки решению его Исполкома не давать министров во Временное Правительство, вошел в него в качестве министра юстиции. После отставки А. Гучкова — военный и морской министр. По требованию союзников двинул русскую армию в июньское наступление, кончившееся полным поражением. После подавления июльского движения петроградского пролетариата становится в качестве премьера во главе ряда коалиционных министерств, быстро сменявших друг друга. После корниловщины — премьер и верховный главнокомандующий. В качестве главы государственной власти проводил соглашательскую политику, скатываясь к контр-революции и бонапартизму. В Октябре пытался опереться на фронт и организовать поход на Петроград. Разбитый под Гатчиной бежал за границу, где некоторое время читал перед буржуазной публикой лекции о русской революции; в последнее время сотрудничает в эмигрантских эс-эровских газетах. — 20, 34, 47, 48, 57, 117, 218, 219, 252, 282, 321, 357, 379, 387, 400, 402, 406, 429, 447, 448, 458, 527, 614.

КЛЕМАНСО, ЖОРЖ (1841 — 1929) — французский политический деятель, сначала радикал, затем «герой» буржуазной Франции. Во время Парижской Коммуны, не поняв ее социального смысла, хотел примирить парижский пролетариат с буржуазией во имя продолжения борьбы с победителями. В 1876 г. избирается в палату депутатов и примыкает к крайней левой республиканцев. Будучи выдающимся оратором и ловким политиком, он скоро стяжал себе славу «сокрушителя министерств». В 1887 г. поддерживает генерала Буланже, вдохновителя ожесточеннейшей шовинистической кампании против Германии. С 1902 г. — сенатор, один из вождей радикал-социалистов; в 1906 г. министр внутренних дел, в 1906 — 1909 г.г. премьер (применяет войска против стачечников). Ярый империалист, шовинист и враг Германии, К. во время мировой войны призывает к полному уничтожению «исторического врага». С беспощадной жестокостью расправляется он с проявлениями анти-империалистического движения среди пролетариата и в армии. В 1917 г. становится премьером и военным министром (до 1920 г.). В 1919 г. организует оккупацию Черноморского побережья. Председатель Парижской мирной конференции, вдохновитель Версальского договора, вооруженной интервенции и блокады Советской России. В 1920 г. терпит поражение на президентских выборах. — 217, 231, 246. 280, 341, 412, 413, 601, 617.

КОЛЧАК, А. В. (1873 — 1920) — адмирал, затем глава одного из сибирских контр-революционных правительств. Во время империалистической войны (с 1916 г.) был командующим Черноморским флотом. После

Февральской революции вынужден был выйти в отставку и уехать за границу. В 1918 г. по предложению англичан и русских контр-революционных деятелей возвратился в Харбин, где занялся объединением белогвардейских сил. Осенью приехал в Омск и здесь получил от эс-эровской Директории назначение на пост военно-морского министра. 18 ноября 1918 г., при поддержке военщины, крупной буржуазии и англичан произвел государственный переворот в Омске, арестовав эс-эровских членов Директории (Авксентьева, Зензинова и др.) и провозгласив себя «Верховным правителем России». В декабре того же года арестовал в Уфе членов Комитета Учредительного Собрания и при поддержке английского и французского правительств, уполномоченным которых он фактически стал, начал вооруженную борьбу против Советской власти. Программа К. сводилась к реставрации монархии путем военной диктатуры и физического истребления рабочего класса. Для достижения этой цели он не останавливался перед превращением России в колонию империалистов. Летом 1919 г. Верховный Союзный Совет обещал К. и «его союзникам» военно-техническую помощь при выполнении им ряда условий (ноты от 26 V и 12 VI). Однако к этому времени Красная армия, после первоначальных неудач, нанесла К. поражение, от которого он уже не мог оправиться, что заставило союзников воздержаться от формального его признания. Удары Красной армии и рост революционно-партизанского движения вскоре привели к гибели колчаковщины. Сам К. был взят в плен и в январе 1920 г. с согласия французского генерала Жанена, командующего союзными силами, был выдан Политическому Центру в Иркутске. 7 февраля К. по постановлению Иркутского Ревкома был расстрелян вместе со своим последним премьером Пепеляевым. — 161, 204, 208, 209, 213, 214, 223, 224, 226, 229—231, 237—239, 245, 256—258, 260—262, 269, 276, 283—285, 287—289, 295, 296, 302, 305, 354, 355, 357, 358, 360, 361, 379, 380, 401—403, 404, 410—414, 425, 427, 428, 431—436, 443—445, 447—450, 458, 465, 468, 473, 474, 481, 489, 495—498, 520, 523, 527, 528, 532, 537, 539, 540, 543, 544, 547, 561—564, 566, 567, 569, 575, 599, 601—603, 607, 614, 616, 624, 643, 655, 659.

КОРНИЛОВ, Л. Г. (1870—1918) — генерал, один из вождей контр-революции во время гражданской войны. Участник русско-японской и империалистической войн, в 1915 г. командовал дивизией в Галиции; во время отступления попал в австрийский плен, откуда бежал. В апреле 1917 г., будучи командующим войсками Петроградского военного округа, отдал приказ двинуть артиллерию против рабочих демонстраций; по требованию Петроградского Совета вынужден был выйти в отставку. После июльских дней был назначен верховным главнокомандующим. Добился от Временного Правительства восстановления смертной казни на фронте, свел на-нет права выборных солдатских комитетов и предпринял жестокую борьбу с большевистскими настроениями в армии. В период московского Государственного Совещания стал кумиром всей буржуазии в качестве единственного человека, способного водворить «порядок». В августе 1917 г., при поддержке ставки и сочувствии контр-революционного офицерства, пытался установить военную диктатуру, предприняв с этой целью поход на Петроград, окончившийся для него полной неудачей. После Октябрьского переворота бежал из Быховской тюрьмы на Дон, где вместе с генералом Алексеевым стал во главе Добровольческой армии, но был разбит Красной гвардией, отступил в степи и в апреле 1918 г. убит в бою под Екатеринодаром. — 357, 447, 614.

КРАСНОВ, П. Н. (р. 1869) — генерал, участник мировой войны. В августе 1917 г. был назначен командиром III конного корпуса, двинутого Корниловым на Петроград. В Октябрьские дни командовал единственным отрядом, выступившим вместе с Керенским на Петроград. Под Гатчиной был разбит и взят в плен; оставлен на честное слово под домашним

арестом, но вскоре бежал на Дон, где после антисоветского восстания казаков был избран атаманом «Всевеликого войска Донского» (6 мая 1918 г.). Установил на Дону монархический режим и вошел в переговоры с Германией и Скоропадским об организации единого антисоветского фронта. Создав при поддержке Германии почти стотысячную армию, повел наступление против Советской России и к ноябрю 1918 г. достиг линии Воронеж — Камышин, став опаснейшим врагом. Пытался создать Доно-Кавказский Союз, в качестве самостоятельного государства под протекторатом Германии. После германской революции, лишившей его поддержки, изъявил покорность Антанте. В феврале 1919 г., потеряв поддержку казачьего круга, вынужден был выйти в отставку и, передав армию Деникину, уехать за границу. — **47, 76, 208, 257, 402, 418, 567.**

КСАНДРОВ, В. Н. (р. 1876) — инженер, коммунист; в 1918 г. — председатель Главтопа и член коллегии Н. К. П. С., в 1919 г. — чрезвычайный уполномоченный Главпути и по снабжению на Восточном, Ленинградском и Южном фронтах. В настоящее время — член президиума Госплана С. С. С. Р. — **607.**

КУН, БЕЛА (р. 1886) — венгерский коммунист; один из организаторов и руководителей Советской власти в Венгрии. Революционную деятельность начал среди пролетариата Трансильвании. Во время империалистической войны попал в русский плен (1916 г.), был направлен в Томск, где вел среди военнопленных революционную пропаганду. После Февральской революции вошел в Томский губком Р.С.-Д.Р.П.(б.). В конце 1918 г. вернулся в Венгрию и приступил к организации коммунистической партии и изданию большевистской газеты «Vörös Ujság» («Красная Газета»). Арестованный 20 февраля 1919 г. был освобожден 21 марта, после соглашения о взятии власти, состоявшегося в тюрьме, между лидерами Коммунистической и Социал-демократической партиями. В образованном Советском правительстве К. занял пост народного комиссара по иностранным делам и позже — члена коллегии Народного комиссариата по военным делам. После свержения Венгерской Советской республики эмигрировал в Австрию, где был арестован и освобожден лишь по настоянию Советского правительства. По возвращении в Россию принимал участие в борьбе против Врангеля. После ликвидации фронтов гражданской войны работал в Коминтерне. В настоящее время — член Ц. К. Коммунистической партии Венгрии и президиума Коминтерна. — **180, 183, 195, 218, 261, 427.**

Л.

ЛАВАЛЬ, ПЬЕР (р. 1883) — французский социалист правого крыла, адвокат. Неоднократно выступал защитником в политических процессах. Во время войны — депутат и социал-патриот. В 1923 г. был избран мэром Добервилье. С января 1931 г. — премьер и министр внутренних дел, проводящий империалистическую политику французской финансовой олигархии. — **28.**

ЛАДЗАРИ, КОНСТАНТИНО (1857 — 1927) — итальянский социалист, в молодости был торговым служащим. В 1886 г. основал рабочую партию в Милане, позже вместе с Турати руководил Социалистической Лигой в Милане. На объединенном Генуэзском съезде был избран в Ц. К. социалистической партии и в последующие годы примыкал к ее левому, пролетарскому крылу, выступая против реформистов. В 1904 — 1906 г.г. был синдикалистом, но после неудачи всеобщих стачек, руководимых им и А. Лабриолой, отошел от синдикализма. В 1912—1919 г.г. — секретарь социалистической партии. Во время войны был центристом, выступив с формулой: «Ни саботажа, ни сотрудничества по отношению к войне», которую отстаивал в Кинтале против Ленина. В 1918 г. был приговорен к 3 годам тюрьмы «за ослабление силы нации к сопротивлению». Был сторонником

присоединения к Коммунистическому Интернационалу, присутствовал на II конгрессе Коминтерна, но не решился порвать с реформистами и примкнуть к коммунистическому движению. В 1926 г. в последний раз выступал на съезде «максималистов» с дружественными заявлениями по отношению к Коминтерну и С.С.С.Р. В 1927 г. при попытке нелегально покинуть Италию был арестован фашистами на границе и посажен в тюрьму, из которой вышел совершенно больным и вскоре умер. — 430.

ЛАУФЕНБЕРГ, ГЕНРИХ (р. 1872) — социал-демократ, одно время примыкал к К.П.Г. На Гейдельбергском съезде К.П.Г. в октябре 1919 г. вместе с Фритцем Вольфгеймом возглавлял анархо-синдикалистскую группу «левых». После раскола Коммунистической партии Германии был одним из организаторов Коммунистической Рабочей партии (Kommunistische Arbeiter Partei). В начале 1920 г. вместе с Вольфгеймом образовал так наз. «гамбургское направление» («Hamburger Richtung»), имевшее целью привлечь на сторону коммунистов «все национальные элементы», включая и буржуазию, для борьбы с Францией. «Национальный большевизм» Л. успеха не имел. Впоследствии отошел от рабочего движения. — 477.

ЛЕВИ, ПАУЛЬ (1883 — 1930) — германский социал-демократ, юрист. Во время войны — интернационалист, присутствовал на Циммервальдской конференции, примкнув к «Циммервальдской левой» (его псевдоним — Хартштейн); активный деятель «Союза Спартак». С образованием Коммунистической партии Германии вошел в состав ее Ц.К. Член президиума II конгресса Коминтерна. В феврале 1921 г. вышел из Ц.К. К.П.Г., а после мартовского выступления, решительным противником которого он был, обвинил Ц.К. в бакунизме (брошюра «Die Lehren der Märzaktion» — «Уроки мартовского выступления»), за что в апреле был исключен из партии. После III конгресса Коминтерна и Иенского партейтага К.П.Г. (август 1921 г.), окончательно осудивших поведение Л., он со своими сторонниками организовал «Коммунистический блок» в рейхстаге, но вскоре примкнул к независимым и вместе с ними вернулся в социал-демократическую партию, в рядах которой он сохранил свою левую группировку, и издавал собственный еженедельник «Sozialistische Politik und Wirtschaft» («Социалистическая Политика и Хозяйство»). В 1928 г. журнал этот объединился с органом «левых» социал-демократов (Фр. Адлер и др.) — «Der Klassenkampf» («Классовая Борьба»), вторым редактором которого Л. состоял. — 502.

ЛЕГИН, КАРЛ (1861 — 1920) — виднейший представитель германского и международного профессионального движения, один из наиболее правых социал-демократов; по профессии — токарь по металлу. С 1893 г. — член рейхстага (с перерывом в 1898 — 1903 г.г.), с 1890 г. — председатель Генеральной комиссии германских профессиональных союзов, с 1903 г. — секретарь и с 1913 г. председатель Международного объединения профессиональных союзов, существовавшего до мировой войны. В годы войны — крайний социал-шовинист, употребивший весь свой авторитет на подчинение профессиональных союзов интересам военщины. После ноябрьской революции 1918 г. явился организатором так наз. «делового сотрудничества» предпринимателей с профсоюзами. В 1919 г. — член Национального Собрания. — 249.

ЛЕДРЮ-РОЛЛЕН, АЛЕКСАНДР ОГЮСТ (1807 — 1874) — французский политический деятель, радикальный демократ. В 1841 г. — член палаты депутатов, где был вождем демократической и республиканской партий. Издавал газету «La Réforme» («Реформа»), в которой участвовал и Луи Блан. В революции 1848 г. был провозглашен членом Временного Правительства. В 1849 г. возбудил вначале против себя недовольство буржуазии, но своей деятельностью после событий 13 апреля, когда он открыто выступил против рабочего социалистического движения, вернул себе ее доверие и был избран Учредительным Собранием в члены Исполнительной комиссии. Был членом Законодательного Собрания и стоял во главе

*

революционного движения мелкой буржуазии 13 июня 1849 г., после неудачи которого бежал в Англию. Возвратился во Францию в 1870 г.; в 1871 и 1874 г.г. избирался в палату депутатов. — **477.**

ЛЕНИН, В. И. (1870 — 1924). — **28, 66, 133, 180.**

ЛИБКНЕХТ, КАРЛ (1871—1919) — вождь германского революционного рабочего движения и один из основателей Коммунистической партии Германии, основоположник коммунистического движения молодежи. Еще до войны заслужил себе репутацию революционера своей решительной борьбой против милитаризма, выразившейся в организации в целях анти-милитаристической пропаганды союзов рабочей молодежи и в опубликовании анти-военной литературы (за брошюру «Милитаризм и анти-милитаризм» приговорен к $1^1/_2$ годам тюремного заключения). Во время мировой войны имя Л. стало символом революционного интернационализма. 3 августа 1914 г. на заседании социал-демократической фракции рейхстага выступил против голосования военных кредитов, но 4 августа на заседании рейхстага под давлением партийной дисциплины голосовал вместе со всей фракцией за кредиты. При следующем голосовании, 2 декабря 1914 г., был единственным депутатом, голосовавшим в рейхстаге против военных кредитов. В октябре того же года вместе с Ф. Мерингом, Р. Люксембург и К. Цеткин поместил в швейцарской социал-демократической печати заявление о несогласии с официальной позицией германской социал-демократии. В марте 1915 г. во время голосования в рейхстаге военных кредитов, когда 30 социал-демократов оставили перед голосованием зал заседания, только Л. вместе с Отто Рюле голосовал против. В течение 1915 г. Л. своими выступлениями в рейхстаге разоблачает германский империализм, принимает активное участие в организации «Союза Спартака» и в «Письмах Спартака» («Spartakusbriefe») и ведет борьбу с социал-шовинизмом. Будучи мобилизован, посылает Циммервальдской конференции письмо, заканчивающееся словами: «Не гражданский мир, а гражданская война — вот наш лозунг». 12 января 1916 г. исключается социал-демократической фракцией рейхстага из ее рядов. Выступление Л. на демонстрации 1 мая 1916 г. в Берлине на Потсдамской площади, где он разбрасывал листовки против войны, превратилось в демонстрацию революционных рабочих. Л. был арестован и приговорен к каторжной тюрьме, откуда приветствовал победу Октябрьской революции, призывая германских рабочих организовать Советы по русскому образцу. В период Бреста солидаризировался с тактикой большевиков. Освобожденный после ноябрьской революции 1918 г. из тюрьмы, начал борьбу против предательской политики шейдемановцев и независимых. Вместе с Р. Люксембург и Л. Тышко основывает Коммунистическую партию Германии, порывающую в декабре 1918 г. союз с Гаазе, Каутским и К°. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стоял во главе движения, будучи членом Революционного Комитета; после подавления восстания был арестован правительством Шейдемана и 15 января вместе с Р. Люксембург предательски убит. — **5, 11, 30, 66, 77, 238, 297, 397, 414, 420, 438, 440, 452, 456, 482.**

ЛИТВИНОВ, М. М. (р. 1876) — старый большевик, профессиональный революционер. В 1901 г. в тюрьме примкнул к искровцам. Бежав из тюрьмы, эмигрировал в Швейцарию и был членом «Заграничной Лиги революционной социал-демократии». После раскола Р.С.-Д.Р.П. в 1903 г. примкнул к большевикам. Член Бюро Комитетов Большинства, делегат III съезда партии. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международном конгрессе в Штутгарте. Состоял секретарем Лондонской группы большевиков; в 1912 г. участвовал в Бернской конференции заграничных групп. Состоял делегатом от большевистской секции при Международном Социалистическом Бюро. На конференции социалистов Антанты (1915 г.) от имени Ц.К. протестовал против поддержки социалистами войны и ушел с конференции. После Октябрьской револю-

ции — первый полпред в Англии, в 1918 г. был арестован в качестве заложника и обменен на Локкарта. В 1918—1930 г.г. — член коллегии Н. К. И. Д. и зам. наркома. Состоял председателем делегации в Гааге (1922 г.). С 1930 г. — народный комиссар по иностранным делам. Член Ц. И. К. С. С. С. Р. — 576, 611.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ, ДЭВИД (р. 1863) — английский политический деятель, вождь либеральной партии. Крупную политическую роль начал играть с 1908 г., став во главе того течения английского либерализма, которое, ввиду роста рабочего движения и опасности отхода от либералов мелко-буржуазных масс, старалось помешать этому путем проведения ряда социально-экономических реформ. В 1908 г. провел закон о 8-часовом рабочем дне для горняков, в 1909 г. создал комиссии из представителей рабочих, предпринимателей и государства для регулирования заработной платы в наиболее отсталых отраслях промышленности, в 1911 г. провел законы о государственном страховании от безработицы и болезни и т. п. Обложение земельной собственности и «незаработанного» прироста ценности земли вызвало в 1909—1911 г.г. конфликт Л.-Д. с палатой лордов, закончившийся некоторым ограничением прав последней. Во время мировой войны был министром снабжения (1915 г.), затем военным министром коалиционного кабинета (1916 г.). В том же году стал премьером «военного кабинета». Пропагандируя войну как «войну демократии», как «защиту справедливости», Л.-Д. в блоке с консерваторами проводил диктатуру империалистических кругов, ликвидировал завоевания рабочего класса и основные начала английской конституции, провел обязательную воинскую повинность, усмирил Ирландию и т. д. В 1919 г. участвовал в Парижской мирной конференции и был одним из авторов Версальского договора. В январе этого года вместе с Вильсоном добился от Совета десяти решения о конференции на Принцевых островах. Был также инициатором посылки в Россию секретной миссии Буллита. В 1920 г. вел агитацию за поддержку Польши против Советской России. После разгрома контрреволюции в России — сторонник возобновления экономических связей между Англией и С. С. С. Р. В сотрудничестве с консерваторами стоял во главе правительства до 1922 г., когда должен был уйти в отставку, уступив место консерваторам. — 26, 217, 246, 280, 412, 413, 601, 617.

ЛОЗОВСКИЙ А. С. (р. 1878) — старый социал-демократ, участник Таммерфорсской конференции 1905 года. Несколько раз арестовывался; в 1908 г. бежал за границу. С 1909 г. жил в Париже, работая по линии французского профессионального движения. Принадлежал к группе большевиков-примиренцев (Владимиров, Сокольников и др.). Во время войны участвовал в организации интернационалистских групп во французской партии и в профессиональных союзах, сотрудничал в парижском «Нашем Слове». По возвращении в 1917 г. в Россию принял деятельное участие в профессиональном движении. На III Всероссийской конференции профсоюзов был избран секретарем В. Ц. С. П. С. В 1918—1919 г.г. возглавлял правое крыло социал-демократов-интернационалистов. Вместе с последними в декабре 1919 г. снова вступил в Р. К. П. (б.). В 1920—1921 г.г., в период профдискуссии, состоял председателем Московского Губернского Совета профессиональных союзов; выступал против тезисов Л. Троцкого. С 1922 г. — генеральный секретарь Профинтерна. Кандидат в члены Ц. К. В. К. П. (б.). — 240.

ЛОНГЭ, ЖАН (р. 1876) — один из лидеров Французской Социалистической партии, основатель и редактор газеты «Populaire» («Народник»); адвокат. Член центральных учреждений партии и конгрессов II Интернационала, член палаты депутатов (1914—1919 и с 1924 г.г.). В годы войны занимал пацифистскую позицию, однако неизменно голосовал за военные кредиты; вождь центристской оппозиции (так наз. «миноритэров») внутри партии. Сторонник идеи восстановления Интернационала путем созыва

конференции социалистов стран Антанты. В 1918 г. после Страсбургского конгресса, на котором большинство Социалистической партии перешло на его позицию, стал ее идеологом. Под давлением левых настроений в массах высказывался против интервенции в России и признавал даже словесно принцип диктатуры пролетариата и советскую систему. После Турского конгресса (1920 г.), на котором большинство Социалистической партии образовало компартию Франции, Л. остался с отколовшимся меньшинством, руководимым Реноделем, против которого он на словах до того выступал; вместе со своими сторонниками входил в Венский ($II^{1}/_{2}$) Интернационал, возвратившись потом во II Интернационал. В настоящее время — ярый противник большевизма. — 456, 458, 501, 507, 634, 642.

ЛОРИО, ФЕРНАНД (р. 1870) — деятель французского рабочего движения, по профессии учитель. С 1901 г. — член Социалистической партии. Во время войны занимал интернационалистскую позицию, участник конференции в Кинтале; примыкал к «Циммервальдской левой», хотя и не разделял основных ленинских лозунгов. В 1917 г. был секретарем Комитета восстановления интернациональных связей; в 1919 г. — секретарем Комитета III Интернационала. Участвовал в Бернской конференции, хотя заклеймил ее социал-шовинистский характер. Участвовал в создании Французской Коммунистической партии и был одним из ее руководителей. В 1920 г. около года просидел в тюрьме по обвинению в государственной измене, но судом присяжных был оправдан. Делегат II, III и IV конгрессов Коминтерна. С 1923 г. стал расходиться с партией по вопросам о производственных ячейках, об антимилитаристской пропаганде во время войны в Марокко и о троцкистской оппозиции. В 1927 г. окончательно порвал с партией и примкнул к троцкистской группе Монатта. — 392.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (р. 1875) — видный социал-демократ, с 1917 г. — коммунист; драматург, литератор. После раскола Р.С.-Д.Р.П. в 1903 г. примкнул к большевикам. Находясь с конца 1904 г. в Женеве, входил в редакционную работу большевистских «Вперед» и «Пролетария». Участвовал на III, IV и V (Лондонском) съездах Р.С.-Д.Р.П., а также в русской делегации на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте (1907 г.). В годы реакции вместе с А. Богдановым, Ст. Вольским, Г. Алексинским и другими вошел в основное ядро группы «впередовцев» («богдановцы»), разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов, так и философских (эмпириокритицизм и «богостроительство»). Во время войны — интернационалист. После Февральской революции был межрайонцем. С VI съезда член В.К.П.(б.). С Октябрьской революции и до 1929 г. — народный комиссар просвещения Р.С.Ф.С.Р. С 1929 г. председатель Ученого Комитета при В.Ц.И.К., член президиума Ц.И.К. С.С.С.Р. — 275.

ЛЬВОВ, Г. Е., князь (1861 — 1925) — бывший крупный помещик, председатель Тульской губ. земской управы, член кадетской партии. Во время войны — председатель крупнейшей организации буржуазии «Союза земств и городов» (Земгор). Премьер-министр в первом и втором кабинетах Временного Правительства (март — июль 1917 г.). 7 июля вышел в отставку из-за несогласия с принятой Временным Правительством программой. После Октября — эмигрировал. — 400.

ЛЮДЕНДОРФ, ЭРИХ (р. 1865) — германский генерал, видный участник мировой войны, один из организаторов и вдохновителей фашистского движения в Германии. Будучи одним из столпов Германской империи, после ноябрьской революции 1918 г. бежал в Швецию, откуда вернулся весной 1919 г. и стал во главе германского фашизма. За организацию в 1923 г. мюнхенского путча был привлечен к суду, но оправдан. С 1924 г. — депутат рейхстага от Тевтонской национальной социалистической партии свободы. С 1925 г. отказался от руководства фашистским движением и с тех пор не примыкает ни к одной из фракций рейхстага. — 481.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1871 — 1919) — лидер левых в германской социал-демократии и один из основателей Коммунистической партии Германии, участница германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда теоретических работ по экономическим и др. вопросам. Родилась в Польше; в 1889 г. эмигрирует в Цюрих. В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-Демократии Царства Польского» (позже «Социал-демократии Польши и Литвы»). С 1897 г. почти непрерывно работает в рядах германской социал-демократии, заняв выдающееся положение в ней, как и во II Интернационале, после блестяще проведенной борьбы с бернштейнианством и мильеранизмом. В 1904 г. в организационном вопросе отстаивает точку зрения меньшевиков; впоследствии отходит от них. В 1907 г. на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. вместе с большевиками выступает против них. В том же году, осенью, на Штутгартском конгрессе вместе с Лениным вносит революционно-марксистские поправки в резолюцию о войне. Задолго до войны выступила против Каутского и других представителей «центра», возглавляя лево-радикальную оппозицию в партии, но не ставя вопроса о разрыве с ними. В борьбе большевиков с ликвидаторством занимала примиренческую позицию, поддерживая в ряде принципиальных вопросов меньшевиков. С начала войны заняла интернационалистскую позицию, не решаясь, однако, организационно порвать с социал-демократией. Почти в течение всей войны (с февраля 1915 г.) находилась в тюрьме, сотрудничая в нелегальных «Письмах Спартака», составляя «руководящие положения» — платформу интернационалистов — принятые в январе 1916 г. на Всегерманском совещании группы «Интернационал» (К. Либкнехт, Меринг и др.). Весной того же года (в тюрьме) написала под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», в которой указала на необходимость основания III Интернационала. В тюремной брошюре «Русская революция» (сентябрь 1918 г.) допустила ряд ошибочных положений в оценке Октябрьской революции, бо́льшую часть которых впоследствии исправила. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии порывает с социал-демократией, основывает и редактирует «Rote Fahne» и принимает руководящее участие на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии. После подавления январского восстания 1919 г. была арестована шейдемановским правительством и убита. Имея огромные революционные заслуги перед всемирным рабочим движением, Л. в то же время допустила в своих теоретических и тактических взглядах («люксембургианство») ряд крупных ошибок полу-меньшевистского характера (в вопросе о роли партии, об империализме, в национально-колониальном и крестьянском вопросах, в вопросе о перманентной революции и др.). Характеристику Л. Лениным см. в статье «Заметки публициста» (XXVII том Сочинений, стр. 196 — 205). — **5, 11, 30, 66, 77, 123, 238, 297, 397, 414, 420, 438, 452, 456, 482.**

ЛЯБУРБ, ЖАННА (1879 — 1919) — коммунистка, дочь французского крестьянина, участника Парижской Коммуны. В 1896 г. переехала в Польшу, где была сначала гувернанткой, а затем учительницей. В 1905 г. участвовала в революции и в конце года была выслана из Польши, но вскоре возвратилась обратно. После Октябрьской революции целиком отдается партийной работе: организует «Клуб III Интернационала», создает «группу французских коммунистов» в Москве, секретарем которой она затем состояла. С февраля 1919 г. ведет в Одессе подпольную работу среди французских солдат и моряков, избирается членом бюро районного комитета большевиков и участвует в литературно-издательской работе «Иностранной коллегии», — органе пропаганды среди союзных войск. Накануне подготовлявшегося восстания в Одессе была арестована французской контр-разведкой и вместе с другими 10 членами «Иностранной коллегии» после страшных истязаний была расстреляна 2 марта. — **560, 594.**

М.

МАЙСКИЙ, В. (ЛЯХОВЕЦКИЙ, И. М.) (р. 1884) — социал-демократ, меньшевик; автор ряда работ по истории профессионального движения на Западе. В годы войны — сторонник О.К., один из делегатов последнего на конференцию социалистов союзных стран в Лондоне (1915 г.); сотрудник журналов «Современный Мир» и «Летопись». После Февральской революции — член меньшевистского Ц.К. Будучи противником Октябрьского переворота, вступил на путь борьбы с Советской властью. В 1918 г., с согласия областного комитета меньшевиков, занял пост министра труда в правительстве Комитета членов Учредительного Собрания; в дальнейшем порвал с меньшевиками, вступив в 1921 г. в В.К.П.(б.). Работал в Наркоминделе; с 1929 г. — полпред в Финляндии. — **360, 413, 448.**

МАКДОНАЛЬД, РАМСЕЙ (р. 1866) — вождь Английской Рабочей партии и один из лидеров II Интернационала, теоретик так наз. «конструктивного социализма». Один из основателей и секретарь Рабочей партии («Labour Party») и Комитета рабочего представительства (1900 — 1912), депутат с 1906 г.; в 1912 — 1914 г.г. — лидер рабочей парламентской фракции. Во время войны занимал пацифистскую позицию. В 1922 г. снова стал лидером парламентской фракции Рабочей партии и лидером официальной оппозиции. С 1924 г., после некоторого периода «левизны», когда он входил в $II^1/_2$ Интернационал, М., вернувшись в лоно II Интернационала, окончательно примкнул к правому крылу Рабочей партии, лидером которой он был до и во время войны. Премьер и министр иностранных дел в первом «рабочем» правительстве (1924 г.), проводившем умеренно-либеральную политику. С июня 1929 г. премьер второго «рабочего» правительства, по существу продолжавшего анти-рабочую и империалистическую политику консерваторов. После отставки этого правительства осенью 1931 г., переходит в лагерь консерваторов, возглавив коалиционное «национальное» правительство (лейбористы, консерваторы и либералы), задачей которого является спасение английского капитализма. — **382, 387 — 390, 392, 395 — 398, 456, 460, 507, 634, 642.**

МАКЛАКОВ, В. А. (р. 1870) — видный московский адвокат, член II, III и IV Гос. Дум от г. Москвы, член партии к.-д., примыкавший к ее правому крылу. После Февральской революции был послом правительства Керенского, а позднее — Колчака и Врангеля в Париже. Ныне находится в эмиграции. — **412, 425.**

МАМОНТОВ, К. К. (р. 1869) — полковник царской армии, затем генерал Добровольческой армии, командир конницы. В 1919 г. прославился захватом Тамбова и налетом в тыл Красной армии (так называемый «рейд Мамонтова»), где его конница произвела большие опустошения, уничтожая склады, штабы, обозы, совершая грабежи и насилия в городах и селах. Рейд М., хотя и внес некоторое расстройство в ряды Красной армии, не имел решающего значения для военных операций Деникинской армии. — **569.**

МАННЕРГЕЙМ, КАРЛ ГУСТАВ (р. 1867) — финский политический деятель, до 1917 г. генерал русской службы. В 1918 г. во главе финских белогвардейцев и с помощью Швеции и германского оккупационного корпуса подавил пролетарскую революцию в Финляндии. В 1918 — 1919 г.г. был регентом Финляндии и с тех пор состоит почетным членом финского фашистского корпуса в Гельсингфорсе. — **402, 404.**

МАНУИЛЬСКИЙ, Д. З. (БЕЗРАБОТНЫЙ) (р. 1883) — коммунист, революционную работу начал в 1903 г. в студенческих кружках петербургской с.-д. организации. В 1905 г. был агитатором при Петербургском Комитете Р.С.-Д.Р.П. Участник Кронштадтского восстания в июне 1906 г., после которого вскоре был арестован. В 1907 г. эмигрировал, был отзовистом и входил в группу «Вперед». В годы империалистской войны был одним из редакторов троцкистской газеты «Наше Слово», занимая в ней

наиболее близкую к большевикам позицию. В 1917 г. возвратился в Россию, войдя в «межрайонку»; с августа 1917 г. — член Р.С.-Д.Р.П.(б.). — После Октябрьской революции член коллегии Наркомпрода. В апреле 1918 г. был направлен вместе с Х. Раковским на Украину для мирных переговоров. В январе 1919 г. возглавлял миссию «Красного Креста» во Францию, где был интернирован. После обмена был направлен для работы на Украину, где был: в начале 1920 г. членом Всеукраинского ревкома, в 1920 — 1921 г.г. — наркомом земледелия, в 1921 г. — секретарем Ц. К. К. П. (б.) У. С 1924 г. — член президиума И. К. К. И. член Ц. К. В. К. П. (б.). — 577.

МАРКС, КАРЛ (1818 — 1883) — см., его биографию, написанную Лениным в 1914 г. (XVIII том Сочинений). — 8, 14, 121, 133, 159, 161, 163, 194, 248, 250, 282 289, 294, 295, 301, 310, 311, 314, 315, 342, 362, 390, 422, 423, 438, 460, 477, 569, 636, 638, 639, 640.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из виднейших лидеров и публицистов меньшевизма. Революционную деятельность начал в 1895 году. Участник Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», член редакции «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. стал во главе меньшинства и с тех пор оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма. Будучи арестован и выслан в 1906 г. за границу, руководил меньшевистской фракцией во время выборов во II Думу, отстаивая блок с кадетами. В эпоху реакции становится одним из лидеров ликвидаторства и редактирует ликвидаторский «Голос Социал-Демократа». Возвратившись в конце 1913 г. в Россию, руководил в качестве редактора «Рабочей Газеты» борьбой правого крыла социал-демократии против большевиков. В первые дни войны, будучи вновь за границей, занимал интернационалистскую позицию, но затем скатывается к центризму, прикрывая социал-шовинизм революционной фразой. Член Заграничного секретариата О.К., сотрудник его «Известий» и сборника «Интернационал и война». Участник Циммервальдской конференции (центр), февральского расширенного совещания И.С.К. и Кинтальской конференции. После Февральской революции, вернувшись через Германию в Россию, стал в оппозиции к официальному меньшевизму, поддерживая группу «Новая Жизнь», но не порывая с меньшевизмом. На II съезде Советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, занял непримиримо враждебную позицию по отношению к Советской власти. В 1920 г. эмигрировал в Берлин, где основал и редактировал «Социалистический Вестник», центральный орган меньшевиков. — 239, 311, 338, 392, 416, 418, 419, 420, 457 — 459, 512, 513, 612, 613, 617, 634, 640.

МЕРГЕЙМ, АРТУР (1881 — 1925) — французский синдикалист, организатор синдиката котельщиков, затем руководитель биржи труда в Рубе. С 1905 г. — руководитель федерации металлистов. Один из авторов принятой в 1906 г. на Амьенском съезде Всеобщей Конфедерации Труда декларации, ставшей программой всего довоенного синдикализма. В 1915 г. вместе с Бурдероном выступает как один из вождей левого крыла синдикалистского движения. Участник Циммервальдской конференции. Был первым секретарем «Комитета восстановления интернациональных связей», занимая в нем колеблющуюся позицию. В декабре 1916 г. на конференции синдикалистских организаций голосует вместе с Жуо за пацифистскую резолюцию, приветствующую Вильсона. Все более расходясь с левыми, вскоре окончательно порывает с ними и выходит из редакции лево-синдикалистской «La Vie Ouvrière» («Рабочая Жизнь»). В дальнейшем целиком переходит на сторону Жуо и поддерживает его политику в Амстердамском Интернационале профсоюзов. Противник Советской России. — 391, 501.

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859) — лидер кадетской партии, историк. В 1905 г. возглавлял кадетскую оппозицию, но подъем революции толкнул

-его в лагерь реакции. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции и пр. В первые дни Февральской революции стремился сохранить конституционную монархию, но под давлением роста революционного движения объявил себя республиканцем. В качестве министра иностранных дел Временного Правительства первого состава пытался проводить политику верности союзникам в войне «до победного конца». Явился идеологом корниловщины в августе 1917 г., а после Октябрьской революции активно участвовал в контр-революционном движении юга. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую. В эмиграции возглавлял левое крыло кадетской партии, стремившееся путем блока с эс-эрами найти смычку между буржуазией и «крепким мужиком». В настоящее время редактирует лево-кадетские «Последние Новости»; сторонник интервенции. — **57, 292.**

МОРГАРИ, ОДДИНО (р. 1860) — итальянский социалист, журналист. В 1897 — 1923 г.г. — депутат, в 1906 — 1908 г.г. руководил газетой «Avanti!» («Вперед!»). Вождь центристского, так наз. интегралистского течения в итальянском социализме. Во время мировой войны был интернационалистом; участвовал в созыве Циммервальдской конференции, на которой, как и все итальянские социалисты, занимал центристскую позицию. Был выбран в члены И.С.К. (Интернациональной Социалистической Комиссии). В начале 1919 г. опубликовал письмо в газете «Tagwacht» с отказом участвовать в Бернской конференции. Впоследствии становится противником коммунизма и диктатуры пролетариата. В 1919 — 1921 г.г. был секретарем парламентской социалистической фракции. В настоящее время — в эмиграции в Париже; занимает крайне-правую реформистскую позицию. — **261.**

МУРАВЬЕВ, М. А. (1880 — 1918) — полковник царской армии. В первый период Февральской революции был организатором ударных батальонов; во время корниловщины сблизился с левыми эс-эрами. После Октября перешел на сторону Советской власти и в качестве главнокомандующего Петроградским военным округом участвовал в защите Петрограда от наступления Керенского. В начале 1918 г. командовал войсками, действовавшими против Украинской Центральной Рады и Каледина. Во время чехо-словацкого восстания 1918 г. был назначен командующим войсками Восточного фронта. В июле 1918 г. предпринял в Симбирске попытку мятежа против Советской власти под лозунгом «мир с чехами, война с Германией». Отдал распоряжение снять войска с фронта и послал телеграмму германскому посольству с объявлением войны. Провокация М. была во-время раскрыта и ликвидирована. М. был убит, отстреливаясь при своем аресте. — **45, 73, 351, 379.**

МЯКОТИН, В. А. (р. 1867) — народник, публицист и историк. Сотрудник и член редакции «Русского Богатства». В 1906 г. вместе с А. Пешехоновым основал право-народническую партию народных социалистов. Во время империалистической войны — оборонец. После Февральской революции поддерживал политику правых эс-эров, отстаивая идею объединения «живых сил» страны. После Октябрьской революции противник Советской власти. Играл руководящую роль в контр-революционной организации «Союз Возрождения России». Находится в эмиграции. — **416.**

Н.

Н. Р. — автор статьи «Пример, достойный подражания» — не установлен. — **331.**

НАНСЕН, ФРИТЬОФ (1861 — 1930) — выдающийся норвежский ученый, отважный исследователь полярных стран и общественный деятель. В 1893 — 1896 г.г. совершил на корабле «Фрам» знаменитое путешествие к Северному полюсу, дойдя до 86°39′ с. ш. Принимал участие в движении, приведшем к отделению Норвегии от Швеции, и в 1906 —

1908 г.г. был первым норвежским послом в Англии. Пацифист и филантроп, Н. во время войны работал по улучшению положения военно-пленных в разных странах. После заключения мира состоял верховным комиссаром Лиги Наций по репатриации военнопленных. Симпатизировал Октябрьской революции. 3 апреля 1919 г. предложил Совету четырех план организации в России снабжения населения продовольствием и медикаментами; в 1921 — 1922 г.г. организовал помощь голодающему населению Советской России. Был избран почетным членом Моссовета; в 1922 г. получил Нобелевскую премию мира. С 1927 г. входил в качестве представителя Норвегии в комиссию по разоружению при Лиге Наций. — 403, 576, 611.

НИКОЛАЕВСКИЙ, Б. И. (псевдоним **ГР. ГОЛОСОВ**) (р. 1887) — социал-демократ, меньшевик. Начал работу в 1905 г. в Самаре, затем работал в Уфе и в Сибири; сотрудничал в меньшевистских газетах. После Октябрьской революции — правый меньшевик. В 1918 г. был послан в Сибирь для «координации политики Сибирских организаций с общей линией Ц. К.». В 1921 г. эмигрировал в Берлин. В настоящее время — член Ц. К. Р.С-Д. Р.П. (меньшевиков) и сотрудник зарубежной меньшевистской печати. — 357.

НИКОЛАЙ II РОМАНОВ (1868 — 1918) — последний русский император (1894 — 1917), свергнутый Февральской революцией. Казнен в Екатеринбурге летом 1918 года. — 65, 304, 447, 448.

НИКОЛАЙ КРОВАВЫЙ — см. НИКОЛАЙ II РОМАНОВ.

НОСКЕ, ГУСТАВ (р. 1868) — германский правый социал-демократ, рабочий-деревообделочник; долго работал в профессиональных союзах, занимая в них руководящие должности. В 1897 — 1902 г.г. был редактором с.-д. газет в Кенигсберге, Хемнице и Бранденбурге. В 1906 г. избран в рейхстаг. Еще до войны защищал колониальную политику германской буржуазии. В годы войны примкнул к позиции Шейдемана и вместе с большинством с.-д. партии поддерживал правительство и голосовал за военные кредиты. В ноябре 1918 г. подавил восстание моряков в Киле, после чего был назначен кильским генерал-губернатором. С усилением революционного движения Н., зарекомендовавший себя в качестве жестокого усмирителя моряков, был вызван в Берлин и вошел в Совет Народных Уполномоченных. Опираясь на контр-революционных генералов — Люттвица и др. — жестоко подавил январское восстание берлинских рабочих в 1919 году. В качестве министра национальной обороны в кабинете Шейдемана, Н. с помощью монархического офицерства и путем массового террора подавлял революционное рабочее движение. Германская буржуазия использовала Н. как орудие для подавления развивавшейся пролетарской революции и при его содействии подготовила почву для Капповского восстания, положившего конец его министерской карьере. В настоящее время состоит обер-президентом Ганноверской провинции и политической роли не играет. — 249, 297, 420, 452, 476.

НУЛАНС, ЖОЗЕФ (р. 1864) — французский политический деятель, адвокат. В 1902 — 1919 г.г. — член палаты депутатов. В 1913 — 1914 г.г. — военный министр, в 1914 — 1915 г.г. министр финансов. В 1917 — 1918 г.г. — посол в России. Вместе с Бьюкененом оказывал давление на политику Временного Правительства. После Октябрьского переворота — один из вдохновителей и организаторов контр-революционных заговоров и восстаний: чехо-словацкого мятежа, ярославского восстания и др. В 1919 г. участвовал в создании национального блока. С 1920 г. — сенатор; возглавляет «Комитет русских кредиторов». — 351.

О.

ОЛАР, АЛЬФОНС (1849 — 1928) — крупнейший французский историк. Известен многочисленными исследовательскими работами и публикацией

богатых архивных материалов по истории Великой Французской революции. С 1887 г. и до конца жизни — главный редактор основанного им журнала «La Révolution Française» («Французская Революция»). Важнейшая работа О. — «Политическая история Французской Революции» (1900 г.) пропитана духом буржуазного радикализма, который не идет дальше восхваления умеренного крыла якобинцев. Будучи пацифистом, он во время мировой войны становится ярым шовинистом, сторонником полного разгрома Германии. После Февральской революции 1917 г. призывал русскую республику объединиться с французской для разгрома прусского милитаризма. В 1919 г. выступил в печати против блокады Советской России, но в общем оставался до конца жизни враждебным С.С.С.Р. — 600, 603.

ОРЛАНДО, ВИКТОРИО (р. 1860) — итальянский политический деятель. С марта 1914 г. по июль 1916 г. — министр внутренних дел в кабинете Саландра. Во время империалистической войны, вопреки большинству политических деятелей Италии, стоявших за сохранение нейтралитета, был решительным сторонником участия Италии в войне на стороне Антанты. В 1919 г., вместе с Вильсоном, Клемансо и Ллойд-Джорджем, входил в «Совет четырех» и возглавлял итальянскую делегацию на Версальской конференции. После подписания Версальского договора министерство О. пало, а сам он был избран председателем итальянского парламента. Поддерживал фашизм при его зарождении, но впоследствии перешел в оппозицию. В 1925 г. отошел от политической деятельности. — 217.

ОСИНСКИЙ, Н. (В. В. ОБОЛЕНСКИЙ) (р. 1885) — коммунист, экономист и литератор. Деятельный участник Октябрьской революции. В 1917 — 1918 г.г. состоял председателем В.С.Н.Х. Во время Бреста один из лидеров «левых» коммунистов; член редакции «Коммуниста» — органа «левых коммунистов». Делегат (с совещательным голосом) I конгресса Коммунистического Интернационала. В 1920 — 1921 г.г. один из лидеров «Группы демократического централизма». В 1930 г. — заместитель председателя В.С.Н.Х. С.С.С.Р. и председатель Всесоюзного авто-тракторного объединения. Кандидат в члены Ц.К. В.К.П. (б.). — 17.

П.

ПАНКХЕРСТ, СИЛЬВИЯ (1882 — 1928) — английская социалистка, до империалистической войны одна из руководительниц суффражистского движения в Англии. Во время войны вела открытую антимилитаристскую пропаганду, подвергаясь преследованиям со стороны правительства. После Октябрьской революции участвовала в организации крайней левой «Социалистической федерации рабочих» (W.S.F.), отрицательно относившейся к парламентской деятельности и к вхождению в рабочую партию. Была редактором органа федерации «Workers Dreadnought» («Дредноут Рабочих»). В 1920 г. участвовала во II конгрессе Коминтерна. Впоследствии была исключена из коммунистической партии за отказ подчинить газету «Workers Dreadnought» партийному контролю. — 437.

ПЕРИКА, РАЙМОНД — французский анархо-синдикалист; во время мировой войны входил в «Комитет восстановления интернациональных связей» (1915 г.). В 1917 г. принадлежал к революционному меньшинству Всеобщей Конфедерации Труда. После Октябрьской революции входил в Комитет III Интернационала, издавал в Париже газету «L'Internationale» («Интернационал») и содействовал основанию Французской Коммунистической партии. Впоследствии снова вернулся к анархизму. — 28, 461, 475.

ПЕТРОВСКИЙ, Г. И. (р. 1877) — старый большевик, рабочий, активный участник рабочего движения на Украине. Был председателем большевистской фракции IV Думы после ухода Малиновского. В ноябре 1914 г. был арестован вместе с другими депутатами-большевиками и в 1915 г. сослан в Сибирь. После Октябрьской революции был народным комис-

саром внутренних дел Р.С.Ф.С.Р. С 1919 г. — председатель Всеукраинского Ц.И.К., с 1922 г.— одновременно председатель Ц.И.К. С.С.С.Р. и В.У.Ц. И.К.; кандидат в члены Политбюро В. К. П. (б.). — 618.

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867) — народник, статистик и публицист. В 1903—1905 г.г. входил в «Союз Освобождения», будучи лидером его левого крыла. Один из организаторов и руководителей партии народных социалистов (1906), ее теоретик по аграрному вопросу. С 1909 г. вел отдел «Внутреннее обозрение» в журнале «Русское Богатство». В 1917 г. — министр продовольствия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. В 1919 г. сотрудничает в журнале «Грядущий День», издававшемся в Харькове. В 1922 г. выслан за границу. В последнее время сторонник возвращения эмигрантов в С.С.С.Р., возглавляя вместе с Е. Кусковой так называемое «возвращенство». — 416.

ПИШОН, СТЕФАН (р. 1857) — французский политический деятель, радикал. Начал политическую деятельность в качестве журналиста-демократа. С 1885 г. депутат. Потерпев поражение на выборах в 1893 г., перешел к дипломатической деятельности. Был послом в Китае (1897 г.) во время боксерского восстания. С 1906 г. — сенатор. Министр иностранных дел в 1906 — 1911, 1913 и 1917 — 1920 г.г. в кабинете Клемансо, после падения которого отошел от политической деятельности. — 218.

ПЛАТТЕН, ФРИЦ (р. 1883) — швейцарский социалист, а затем коммунист. В 1905 г. участвовал в революции в Риге, был арестован и бежал за границу. В 1912 — 1918 г.г. был секретарем Швейцарской Социалистической партии. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций; примыкал к «Циммервальдской левой». Был одним из главных организаторов переезда Ленина и других русских эмигрантов, возвратившихся в апреле 1917 г. из Швейцарии через Германию в Россию. Временным Правительством ему был запрещен въезд в Россию. Принимал участие в организации Коммунистического Интернационала. Член президиума I конгресса и Бюро III Интернационала. При попытке перелететь на аэроплане из России в Советскую Венгрию был арестован румынским правительством и только как швейцарский гражданин избежал расстрела. С 1923 г. живет в С.С.С.Р., руководит совхозом. — 19.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — основоположник и крупнейший представитель марксизма в России до Ленина. Принимал вначале участие в партии «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде (1879) стал во главе «Черного Передела». Эмигрировав за границу, порвал с народничеством и основал в 1883 г. совместно с П. Аксельродом, В. Засулич и др. первую русскую социал-демократическую организацию — Группу «Освобождение Труда». В 90-х годах вел энергичную борьбу с народничеством, «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х годах становится одним из редакторов «Искры» и «Зари», по поручению которых составил проект партийной программы, подвергнутый резкой критике со стороны Ленина и легший, после его исправления Плехановым, в основу принципиальной или теоретической части искровского проекта программы (аграрная часть в основном написана Лениным), который с небольшими изменениями и был принят II съездом партии. После раскола партии в 1903 г. примыкал первое время к большевикам, а затем к меньшевикам, но спустя некоторое время организационно отходит и от них, оставаясь все время идейно близок к меньшевикам. С нарождением ликвидаторства, в борьбе с ним, снова ненадолго сближается с большевиками. Во время империалистической войны становится во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжая ту же линию после Февральской революции («Единство») и являясь в то же время решительным сторонником поддержки Временного Правительства. После июльских дней занял совершенно контр-революционную позицию, отстаивая идею «твердой власти». К Октябрьской

революции отнесся враждебно. Ленин высоко ценил теоретические и философские работы Плеханова, отмечая в то же время ряд крупных его ошибок (признание теории иероглифов, неправильное понимание существа диалектики и др.). — 87.

ПОДБЕЛЬСКИЙ, В. Н. (1887—1920) — коммунист, член Р.С.-Д.Р.П. (б.) с 1906 г. Несколько раз арестовывался. Во время войны работал в Земском союзе в Москве, не порывая с партией. После Февральской революции — член Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.), сотрудник «Социал-Демократа». В Октябрьские дни входил в состав «партийной пятерки», руководившей московским восстанием. После Октябрьского переворота был комиссаром почт и телеграфа Москвы, а с мая 1918 г. народным комиссаром почт и телеграфов Р.С.Ф.С.Р.; сыграл важную роль в восстановлении почтово-телеграфной связи в Р.С.Ф.С.Р. — 148, 153.

ПОРТУГЕЙС, С. И. (СТ. ИВАНОВИЧ) — социал-демократ, меньшевик. В начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В эпоху империалистической войны был оборонцем. После Октябрьской революции перешел в ряды открытых врагов Советской власти. В 1919 — 1920 г.г. на юге сотрудничал в белогвардейской прессе. Участвовал в Мякотинском «Объединении». Позже был одним из руководителей крайней правой меньшевистской группы «Борьба», стоявшей за свержение Советской власти и издававшей в Берлине журнал «Заря» (1922 г.). В настоящее время — сотрудник белогвардейских «Последних Новостей» и «Современных Записок». — 416.

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (р. 1869) — один из лидеров меньшевизма. В 1900 г., по отбытии ссылки, эмигрировал за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д.Р.П. (1903) примкнул к меньшевикам. В 1905 г. и в период реакции возглавлял правое течение в меньшевизме. Один из теоретиков ликвидаторства. В годы войны—один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. Участник сборника «Самозащита». Идейный руководитель «гвоздевцев». В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. После Октябрьской революции одно время работал в Главархиве. С 1926 г. находится в эмиграции, где стоит на крайнем правом фланге меньшевизма. Ближайший сотрудник еженедельника А. Керенского «Дни» и редактор «Библиотеки демократического социализма». — 416.

ПУЛЬ, ДЕВИТТ (р. 1885) — американский дипломат; с июля 1917 г. был консулом в Москве, с ноября 1918 г. по июнь 1919 г.—американским поверенным в делах в России. С 1 октября 1919 г. заведывал в Вашингтоне в Государственном департаменте (министерство иностранных дел) отделом по русским делам; затем, с октября 1923 г. — генеральный консул в Африке, а с января 1926 г. — советник американского посольства в Берлине. — 576, 611.

ПЯТАКОВ, Г. Л. (р. 1890) — коммунист (с 1910 г.), первоначально примыкал к анархистам. Во время войны принимал ближайшее участие в журнале «Коммунист». В этот период, как и после Февральской революции, отстаивал в ряде вопросов (о праве наций на самоопределение и др.) антиленинскую точку зрения. После Октября — один из первых руководителей Государственного банка. В период споров о Брестском мире был одним из лидеров «левых» коммунистов на Украине. В 1918 г. председатель первого Украинского Советского правительства. В 1919 г. — член Р.В.С. XIII армии. На VIII съезде Р.К.П. (б.) продолжал отстаивать антиленинскую позицию в национальном вопросе. В период дискуссии о профсоюзах — сторонник Троцкого. С 1923 г. — один из лидеров троцкистской оппозиции. На XV съезде В.К.П. (б.) был исключен из партии. В сентябре 1928 г. вновь восстановлен в рядах В. К. П. (б.). До 1930 г. был председателем правления Госбанка С. С. С. Р.; с 1930 г. — председатель Всехимпрома и член президиума В.С.Н.Х. — 149, 153 — 155.

Р.

РАДЕК, К. Б. (р. 1883) — левый социал-демократ, затем коммунист; видный публицист. С 1901 г. — активный деятель социал-демократии Галиции. В 1904 — 1908 г.г. работал в польской социал-демократии, затем переехал в Германию, где стоял на левом крыле германской с.-д. Будучи одним из учеников Р. Люксембург разделял ряд ее ошибок (в национальном и др. вопросах). Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, член бюро «Циммервальдской левой». Идейный руководитель так наз. «левых радикалов» (Бремен). В 1917 г. работал в Стокгольме по установлению связей Ц. К. большевиков с иностранными революционными интернационалистами. В октябре 1917 г. приехал в Петроград и вступил в большевистскую партию. В 1918 г. был «левым коммунистом». После заключения Брестского мира руководил отделом Центральной Европы Н.К.И.Д. В ноябре 1918 г. нелегально поехал в Германию в качестве члена советской делегации на I Всегерманский съезд Советов. Участвовал на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии и был арестован правительством Шейдемана. По освобождении в декабре того же года из тюрьмы, возвратился в Россию. В 1922 г. — член делегации Коминтерна на съезде трех Интернационалов. В 1924 г. примкнул к троцкистской оппозиции, став одним из ее лидеров. XV съездом В.К.П. (б.) исключен из партии. В 1929 г. признал свои ошибки и восстановлен в рядах В.К.П. (б.). С 1931 г. — член редакции «Известий В.Ц.И.К.». — 561, 594.

РАЗИН, С. Т. (казнен 1671) — донской казак, вождь крестьянско-казацкой революции второй половины XVII века, направленной против крепостнического порядка, увенчанного царским самодержавием, и за установление «казацкого» строя, который сторонники Р. рисовали себе без помещиков и имущественного раздела. Основной движущей силой, объединявшей крестьянство и руководившей революцией, было беднядкое донское казачество, «голытьба», составлявшееся главным образом из беглых крепостных крестьян. Восстание началось в 1667 г. под руководством Р., проявившего железную волю и талант организатора. В 1670 — 1671 г.г. пламя крестьянского восстания, влившегося в разинщину, охватило все Поволжье, найдя огромный отклик также в движении национальных меньшинств (башкиры, татары, мордва и пр.), восставших против царизма. Разбитый царскими войсками, Р. бежал на Дон и был выдан зажиточным казачеством правительству. В клетке был привезен в Москву, подвергнут нечеловеческим пыткам и в июле 1671 г. четвертован на Красной площади. — 271.

РАКОВСКИЙ, ХРИСТИАН (р. 1873) — румынский социалист. С 1889 г. — участник социал-демократического движения в Болгарии. В 1890 — 1903 г.г. принимал участие в рабочем движении Швейцарии, Германии, Франции, Румынии и России. В 1904 г. вернулся в Румынию, где участвовал в 1907 г. в крестьянском восстании; был арестован и выслан. Во время Балканской и мировой войн подвергался многократным арестам. До войны был близок к меньшевикам, во время войны — сторонник Троцкого, участник Циммервальда (центр); в 1917 г. был освобожден русскими солдатами из Ясской тюрьмы, после чего работал в Одессе и Петрограде. В январе — марте 1918 г. был председателем Верховной коллегии по борьбе с контр-революцией на Украине. в мае — сентябре председателем мирной делегации в Киеве. Участник I конгресса Коммунистического Интернационала. С 1919 г. — председатель Совнаркома У. С. С. Р. С 1923 г. — полпред в Англии, в 1925 — 1927 г.г. — во Франции. Один из лидеров троцкистской оппозиции, исключен XV съездом В. К. П. (б.) из партии. — 48, 577.

РАСТОПЧИН, Н. П. (р. 1884) — коммунист, член партии с 1903 г., до революции подвергался неоднократно арестам и ссылке. После Октябрьской революции работал во многих организациях (Кострома, Ярославль и пр.). Член Ц.К.К. В.К.П. (б.) нескольких созывов. — 572.

РАТЕНАУ, ВАЛЬТЕР (1867—1922) — германский политический деятель, крупный капиталист, приверженец идеи рационализации капиталистического хозяйства и «хозяйственной демократии». Во время мировой войны организовал при германском военном министерстве отдел снабжения страны сырьем. В 1915 г. становится директором «Всеобщей компании электричества» (A. E. G.). После ноябрьской революции в Германии возглавлял демократическую партию, в 1920 г. был членом комиссии по социализации. В 1921 г., в качестве министра по восстановлению страны в первом кабинете Вирта, заключил с Францией Висбаденское соглашение. Будучи в 1922 г. министром иностранных дел, явился инициатором и последовательным проводником политики сближения с Советской Россией, участвовал вместе с Виртом в Генуэзской конференции и заключил Рапалльский договор с Советской Россией. Убит в июне 1922 г. националистами. Автор ряда книг по хозяйственным, политическим и философским вопросам. — **323, 324.**

РЕННЕНКАМПФ, П. К. (1854—1919) — генерал. В 1900 г. во время похода на Пекин приобрел известность зверской расправой над китайцами; «герой» русско-японской войны; после декабрьского восстания 1905 г. прошел от Харбина до Читы во главе карательной экспедиции; проявил необычайную жестокость при «усмирении» Забайкалья. Во время империалистической войны — командующий первой армией, разгромленной после неудачного наступления на Восточную Пруссию. — **392.**

РЕННЕР, К. (р. 1870) — виднейший представитель ревизионизма в австрийской социал-демократической партии. В своих работах по национальному вопросу дал одно из первых обоснований мелко-буржуазной теории «культурно-национальной автономии». Во время империалистской войны — ярый социал-оборонец. После австрийской революции 1918 г., будучи первым канцлером Австрийской республики и министром иностранных дел (1919—1920), боролся против пролетарской революции и диктатуры, отстаивая классовое сотрудничество с буржуазией. С 1920 г. — депутат Национального Совета. В 1925 г. выпустил книгу: «Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализации», в которой пытается дать «теоретическое» обоснование соглашательской политике партии, защищая идею хозяйственной демократии и врастания в социализм. — **321, 476.**

РЕНОДЕЛЬ, ПЬЕР (р. 1871) — один из лидеров Французской Социалистической партии, журналист. После убийства Жореса — редактор «L'Humanité», которую превратил в орган социал-патриотизма и борьбы с интернационализмом. На Турском конгрессе партии (1920 г.) остался в меньшинстве; вместе со своими сторонниками ушел с конгресса и с частью центристов (Лонге и др.) сохранил оппортунистическую Социалистическую партию Франции, ныне скатившуюся к социал-фашизму. Ярый враг коммунизма и С. С. С. Р. — **26, 28, 460.**

РИД, ДЖОН (1887—1920) — выдающийся революционный журналист, один из основателей Коммунистической партии Америки. К социалистическому движению примкнул, будучи студентом. Быстро выдвинулся в качестве талантливого журналиста. Работая во время мировой войны корреспондентом на театре военных действий, стал убежденным интернационалистом. Во время Октябрьской революции, находясь в России, примкнул к большевикам и участвовал в перевороте в качестве бойца, пропагандиста и организатора. Изданная им в 1918 г. в С.-А. С. Ш. книга: «10 дней, которые потрясли мир» пользовалась огромным успехом. Был судим за антимилитаристскую пропаганду. Борясь на левом крыле Социалистической партии, участвовал в ее расколе, затем стал во главе Коммунистической Рабочей партии. С октября 1919 г. — член Исполкома Коминтерна. В это время был заочно присужден в С.-А. С. Ш. к 5 годам каторги. В 1920 г. — делегат на II конгрессе Коминтерна. Умер в Москве и похоронен на Красной площади. — **661.**

РОДЗЯНКО, А. П. (р. 1879)—полковник царской армии, после революции 1917 г. — белый генерал. Командовал «Северо-западной армией» во время первого ее наступления на Петроград в мае 1919 года. В эмиграции написал «Воспоминания о Северо-западной армии». — 427.

РОЗАНОВ, В. Н. (литературный псевдоним ЭНЗИС) (р. 1876) — социал-демократ, меньшевик. В конце 1904 г. был кооптирован в состав примиренческого Ц. К. На меньшевистской конференции в мае 1905 г. был избран в члены Организационной Комиссии; на Стокгольмском (Объединительном) съезде Р. С.-Д. Р. П. вошел в Ц. К. Во время империалистической войны — интернационалист; после Февральской революции — оборонец. Летом 1917 г. входил в заграничную делегацию В. Ц. И. К. первого созыва. Накануне Октябрьского переворота сменил Ф. Дана на посту редактора «Известий В. Ц. И. К.». Противник Октябрьской революции; в период напряженнейшей борьбы с Деникиным и Юденичем был привлечен по делу «Национального центра» в Москве; дал показания относительно участия меньшевиков в заговорщическом Союзе Освобождения. В последние годы работает в Тубсекции Наркомздрава. — 613.

РОМАНОВ — см. НИКОЛАЙ II.

РОМАНОВ, А. Б. (р. 1885) — меньшевик, по профессии — печатник. В 1914 г. входил в редакцию «Рабочей Газеты» и был кооптирован в Ц. К. меньшевиков. После Февральской революции — член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (м.); с 1917 г. по 1919 г. — член московского комитета меньшевиков. В 1923 г. за антисоветскую деятельность выслан из Москвы. — 241.

РЫКОВ, А. И. (р. 1881) — один из крупных работников большевистской партии, участник ряда партийных съездов и конференций. В 1910 г. был арестован и сослан в Архангельскую губ., откуда вскоре бежал за границу, где участвовал в пленарном заседании Ц. К. летом 1911 г.; был большевиком-примиренцем. Вследствие решения созвать общепартийную конференцию, вновь отправился в Россию с целью объезда организаций; был арестован в Москве. Осенью 1914 г. вторично бежал из ссылки. Февральская революция застает его в Нарымской ссылке, по возвращении откуда он вскоре избирается в члены президиума Московского Совета. На Всероссийской апрельской конференции, примыкая к группе москвичей, отстаивал ее взгляды, расходившиеся с «тезисами» Ленина. После Октябрьской революции — народный комиссар по внутренним делам. 17 (4) ноября 1917 г. вместе с Каменевым, Зиновьевым и другими правыми большевиками вышел из Совнаркома и Ц. К. В 1918 — 1921 г.г. руководил В. С. Н. Х., затем был заместителем председателя С. Н. К. и С. Т. О. В 1924 г.— 1930 г.г. — председатель Совета Народных Комиссаров С. С. С. Р. С 1928 г. вместе с Бухариным и Томским возглавлял правый уклон в В. К. П. (б.). После ноябрьского Пленума Ц. К. 1929 г., а затем на XVI съезде В. К. П. (б.), признал ошибочность своих взглядов. С 1931 г. — народный комиссар почт и телеграфов. — 150.

С.

САВИНКОВ, Б. В. (литературный псевдоним РОПШИН, В.) (1879 — 1925) — видный эс-эр, активный враг Советской власти. Находясь в ссылке по делу Петербургского «Союза борьбы», стал народником и примкнул к эс-эрам. В 1903 г. вступил в «Боевую организацию» П. С.-Р. и принимал ближайшее участие в крупнейших террористических актах (убийство Плеве и др.). Деятельность его даже в пору искреннего увлечения революцией, носила в себе много элементов авантюризма. В годы реакции фактически прекратил партийную деятельность, написал несколько романов (особенно нашумел — «Конь бледный»), проникнутых мистицизмом и отразивших разочарование интеллигенции в революции. Во время войны — социал-патриот, доброволец французской армии. Летом 1917 г. — комиссар при ставке, помощник военного министра (Керенского). Был

посредником между Керенским и Корниловым по подготовке контр-революционного переворота. После Октябрьской революции организует при поддержке иностранных представителей ярославское (6—21 июля 1918 г.) и другие белогвардейские восстания и заговоры. В 1924 г. был арестован при переходе границы С.С.С.Р. На суде сделал заявление об отказе от борьбы с Советской властью. В 1925 г. покончил с собой в тюрьме. — 286, 351, 412.

САЗОНОВ, С. Д. (1861 — 1927) — царский дипломат, в 1910 — 1916 г.г. — министр иностранных дел. Вдохновитель царской империалистической политики, вовлекшей Россию в мировую войну. В 1917 г. — посол в Лондоне, в 1918 г. — представитель правительства Деникина в Париже. Умер в эмиграции. — 415.

САМУЭЛИ, ТИБОР (1890 — 1919) — венгерский коммунист, журналист. Вначале примыкал к социал-демократии Венгрии. Находясь в качестве военнопленного в России, вступил в партию большевиков. Вместе с Бела Куном организовал интернациональные части из бывших военнопленных, сильно содействуя росту большевистских настроений в их среде. В ноябре 1918 г. возвратился в Венгрию; был арестован соц.-дем. полицией «народного» правительства. После освобождения и до провозглашения Советской власти — член Ц.К. и редактор Ц.О. Коммунистической партии Венгрии — «Vörös Ujság» («Красная Газета»). В начале Советской власти — заместитель наркомвоена, затем председатель Ревтрибунала прифронтовых областей, беспощадно подавлявший кулацкие восстания. После свержения Советской власти расстрелян на австрийской границе. — 312.

САПРОНОВ, Т. В. (р. 1887) — рабочий-маляр, примкнул к революционному движению в 1911 г. После Октябрьской революции — председатель Московского Совета Р. и Кр. Депутатов. Во время Бреста — «левый» коммунист. В 1919 г. — председатель Харьковского Революционного Комитета. Секретарь В.Ц.И.К. и председатель Малого Совнаркома. В 1920 г. возглавлял в партии оппозиционную «Группу демократического централизма»; в 1925 — 1927 г.г. — один из лидеров правой оппозиционной группы «15». По постановлению Ц.К. К.В.К.П. (б.) исключен из партии. — 574, 575, 624.

СВЕРДЛОВ, Я. М. (1885 — 1919) — старый большевик, один из крупнейших строителей Коммунистической партии и Советской власти. Сын ремесленника-гравера. Будучи учеником канавинской аптеки, связался с сормовскими рабочими. С организацией в 1901 г. Нижегородского партийного комитета, целиком отдается партийной работе. С 1902 г. работает как профессиональный революционер. Вел работу почти во всех районах России (Нижний, Кострома, Казань, Урал), много лет пробыл в тюрьмах и ссылке (в самых отдаленных местах Нарымского края и в Туруханске), совершил несколько побегов. В конце 1912 г. в Петербурге руководил работой думской фракции. В 1913 г., будучи в ссылке, заочно кооптируется на Поронинском совещании ответственных работников большевистской партии в Ц.К. Во время войны, не колеблясь, стал на пораженческую точку зрения. На Всероссийской апрельской конференции 1917 г. избирается в члены Ц.К. и становится активнейшим организатором партии, ведя огромную работу по ее сплочению и по подготовке Октябрьского переворота. После Октября — председатель В.Ц.И.К., руководитель съездов Советов, секретарь Ц.К. партии.—79 — 84, 113, 124, 127, 128, 188, 193, 215.

СВИДЕРСКИЙ, А. И. (р. 1878) — коммунист, в революционном движении участвует с 1899 года. За время своей партийной деятельности не раз подвергался арестам и ссылке. После Октябрьской революции, с 1918 г. по 1922 г., состоял членом коллегии Народного Комиссариата по Продовольствию. С 1929 г. — полномочный представитель С.С.С.Р. в Латвии. — 378, 467.

СВИНХУВУД, ПЕР ЭВИНД (р. 1861) — финский политический деятель, юрист. Был судьей в Або, затем членом Финляндского сейма нескольких созывов. В 1907 — 1912 г.г. — председатель сейма. В 1914 г., в качестве активного буржуазного националиста, был сослан царским правительством в Сибирь. В 1917 — 1918 г.г. — глава буржуазного правительства, подавившего с помощью германских войск финляндскую пролетарскую революцию. Стремился к установлению в Финляндии монархии. В декабре 1918 г., после поражения Германии, вышел в отставку, скомпрометировав себя явно выраженными германофильскими симпатиями. В июле 1930 г. возглавил фашистское правительство; в 1931 г. избран президентом Финляндской республики. — 136.

СВЯТИЦКИЙ, Н. В. (р. 1887) — член партии эс-эров с 1905 г., член Учредительного Собрания, затем член Самарского Комитета членов Учредительного Собрания и его секретарь. После ареста Колчаком членов Учредительного Собрания возвратился в Советскую Россию. Один из основателей эс-эровской группы «Народ» (1919 г.), отказавшейся от вооруженной борьбы с Советами. С 1923 г.—на советской работе. — 284, 631, 633, 637, 644.

СЕМАШКО, Н. А. (р. 1874) — старый большевик, врач. В революционном движении участвует с 1892 года. В 1905 г. эмигрировал за границу, где под ближайшим руководством Ленина работал в большевистских организациях Парижа и Женевы. С самого основания Наркомздрава (июль 1918 г.) и по 1930 г. — народный комиссар здравоохранения. В настоящее время — член президиума В. Ц. И. К. — 608.

СЕРЕДА, С. П. (р. 1871) — старый большевик, статистик-экономист. В партии с 1903 года. После Февральской революции — член Рязанского Исполкома. В 1918 — 1921 г.г.—народный комиссар земледелия. С 1921 г. — член президиума В.С.Н.Х. и Госплана. С 1926 г. — зам. управляющего, а с 1927 г. управляющий Ц.С.У. Р.С.Ф.С.Р.; с 1930 г. — заместитель председателя Госплана Р. С. Ф. С. Р. — 583.

СЕРРАТИ, ДЖИАЧИНТО МЕНОТТИ (1872 — 1926) — виднейший представитель итальянского социалистического движения, организатор и вождь левого, «максималистского» крыла Итальянской Социалистической партии, редактор (с 1915 г.) ее центрального органа «Avanti!» («Вперед!»). Во время войны — интернационалист, принял деятельное участие в создании Циммервальдского объединения, поддерживая в Кинтале по отдельным вопросам «циммервальдскую левую». После образования Коммунистического Интернационала стоял за вхождение в него Итальянской Социалистической партии. На II конгрессе III Интернационала возглавлял итальянскую делегацию и был членом президиума конгресса. Но через полгода, на конгрессе партии в Ливорно, отказался подчиниться одному из «московских» условий, требовавших безоговорочного разрыва с реформистами (Турати, Модильяни и др.). За С. пошел весь центр. Исполком Коминтерна исключил Итальянскую Социалистическую партию из Коминтерна. После образования Грамши, Дженари, Бордига и другими Итальянской Коммунистической партии С. и его группа продолжали оставаться с ревизионистами, однако, под давлением рабочих низов и фашистского контр-революционного движения, постепенно эволюционировали влево, войдя осенью 1924 г. в Итальянскую Коммунистическую партию. — 430, 504.

СОСНОВСКИЙ, Л. С. (р. 1886) — журналист; социал-демократическую деятельность начал в 1904 году. Работал в большевистских организациях Урала, Баку и Москвы. В 1912 — 1913 г. сотрудничал в «Правде». После Октябрьской революции был членом президиума В.Ц.И.К. (до 1924 г.). С весны 1918 г. работал в «Правде», «Бедноте». Во время профсоюзной дискуссии 1920 — 1921 г. был троцкистом. В 1925 г. примкнул к троцкистской оппозиции и на XV съезде партии исключен из В.К.П.(б.). — 612.

СПАРТАК (113 — 71 до нашей эры) — выдающийся вождь самого крупного восстания римских рабов в эпоху Цезаря и Помпея; по происхождению

фракиец. Обращенный в рабство, бежал из школы гладиаторов в Капуе, подняв знамя восстания среди рабов. Благодаря исключительным талантам организатора и полководца, вскоре создал многотысячную армию рабов, нанесшую ряд поражений римским легионам и в течение 73 — 71 г.г. державшую под угрозой столицу империи. Вследствие отсутствия в древнем мире необходимых экономических предпосылок для захвата власти рабами, восстание в дальнейшем потерпело неудачу. В 71 г. С. был разбит полководцем Крассом. 60 тысяч рабов было убито и 6 тысяч пленных распято между Римом и Капуей. Сам С. пал в сражении. «С. является одной из самых замечательных личностей, какие знал древний мир. Великий полководец, благородный характер, он был подлинным представителем пролетариата того времени» (К. Маркс). — 371.

СТУЧКА, П. И. (ВЕТЕРАН) (р. 1865) — старый большевик, один из организаторов Коммунистической партии в Латвии, автор ряда марксистских работ по теории права и государства. После Октябрьской революции — народный комиссар юстиции (1917 — 1918), затем член коллегии Н.К.И.Д. В 1918 — 1919 г.г. — председатель Советского правительства Латвии и в то же время член Ц.К. В.К.П.(б.). С 1921 г. — замнаркомюста Р.С.Ф.С.Р., с 1923 г. — председатель Верховного суда Р.С.Ф.С.Р. и член Исполкома Коминтерна от Компартии Латвии. — 260.

СУНИЦА, Л. Б. (р. 1887) — коммунист. В 1914 — 1918 г.г. находился в эмиграции в Вене, где примыкал к группе Троцкого. Во время войны поддерживал связь с левыми австрийской социал-демократии. В конце 1917 г. организовал большевистскую группу из русских социал-демократов-эмигрантов, а в 1918 г. участвовал в организации немецко-австрийской коммунистической партии и ее органа «Weckruf» («Призыв»). В ноябре 1918 г. был выслан из Австрии правительством Реннера. В 1919 г. вел политработу в 1-й армии. На VIII съезде партии по вопросу о программе отстаивал точку зрения Бухарина и Пятакова. В последние годы — член правления Донского политехнического института. — 149.

Т.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (БРОНШТЕЙН) (р. 1879) — Социал-демократ, возглавлявший в рядах русской социал-демократии «центристское» течение (троцкизм), докатившееся впоследствии до роли «передового отряда контрреволюционной буржуазии». Участвовал в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан; в 1902 г. бежал за границу, был «искровцем». Участник II съезда Р.С.-Д.Р.П., после раскола становится ярым меньшевиком; провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». Председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 года. Сторонник полуменьшевистской парвусовской теории перманентной революции. Проживая в Вене, образовал собственную группу, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им «нефракционная» газета «Правда» (1908 — 1912). В 1912 г. после долгих «нефракционных» колебаний организует для борьбы с большевиками так наз. «августовский блок». Во время войны входил в редакцию парижского «Нашего Слова», участвовал на Циммервальдской конференции (центр). Отвергал лозунг гражданской войны, пораженчества и необходимость организационного разрыва с социал-шовинистами. Его лозунг «ни побед, ни поражений» являлся перефразировкой лозунга «защиты отечества». В 1916 г. был выслан из Франции в Испанию, а оттуда в Америку, где противодействовал присоединению интернационалистских элементов к «Циммервальдской левой». В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к «межрайонцам» и вместе с последними на VI съезде Р.С.-Д.Р.П.(б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц.К. По завоевании большевиками в сентябре 1917 г. Петроградского Совета становится его председателем. После

Октября — народный комиссар иностранных дел. В вопросе о Брестском мире высказывался сначала за тактику «ни мир, ни война», а после возобновления наступления — за революционную войну. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики (до 1924 г.). В 1920 — 1921 г.г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовав на этой платформе фракцию. В 1923 — 1924 г.г. возглавил оппозицию; с 1926 г. — лидер «оппозиционного блока» (Троцкий, Каменев, Зиновьев). Вел против В.К.П.(б.) и Коминтерна резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. вместе со своими сторонниками пытался устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде. Защищал взгляды о невозможности построения социализма в С. С. С. Р., о неизбежности перерождения большевистской партии и советской власти и вероятности возврата к капитализму. На XV съезде В. К. П (б.) исключен из партии. В 1929 г. за подпольную антисоветскую деятельность выслан за границу, где стал, на ряду с белогвардейцами, одним из центров притяжения контр-революционных сил внутри и вне С.С.С.Р. — 66, 121, 354 — 357, 467, 497, 523, 615, 619, 621, 623, 625.

ТРУЛЬСТРА, ПИТЕР (р. 1860) — один из основателей и лидер Голландской Рабочей социал-демократической партии (S.-D.A.P.). Председатель парламентской фракции партии. Вел резкую борьбу с возникшей в партии лево-радикальной оппозицией во главе с Г. Гортером (впоследствии «трибунисты»), добившись в 1907 г. их исключения из партии. Политику откровенного оппортунизма проводил также и во II Интернационале, где он был членом Международного Социалистического Бюро. Во время мировой войны — шовинист германофильской ориентации; вел в нейтральных странах пропаганду в пользу поддержки политики германских социал-демократов. В последние годы, вследствие болезни, отошел от политической деятельности. — 461, 462.

ТУРАТИ, ФИЛИПП (р. 1857) — итальянский социал-реформист, адвокат и литератор. После окончательного размежевания в 1892 г. анархистов и социалистов стал одним из лидеров Итальянской Социалистической партии. Основатель (1891) и редактор ее теоретического органа — «Critica Sociale» («Социальная Критика»). С 1896 г. — член палаты депутатов. В 1898 г. в связи с демонстрациями против вздорожания хлеба был приговорен к 12 годам тюрьмы, но через год освобожден правительством, предложившим ему министерский пост. Вскоре становится вождем правого крыла партии, одержавшего в 1902 г. победу на конгрессе в Имоле. На конгрессе партии в Реджио-Эмилия высказался против группы Биссолати, голосовавшей в парламенте за военные кредиты на Итало-турецкую войну. После вступления Италии в войну, против чего он выступал вначале, отстаивал «демократическую» программу мира в духе Вильсона. По окончании войны руководил правым крылом партии, отвергая диктатуру пролетариата и сближение с Коминтерном. После раскола партии (1922) стал вождем реформистской Унитарной Социалистической партии. — 396, 456.

У.

УЛЬЯНОВ, В. — см. ЛЕНИН, В. И.

Ф.

ФЕЙЕРБАХ, ЛЮДВИГ (1804 — 1872) — виднейший немецкий философ-материалист, оказавший в 40-х годах большое влияние на Маркса и Энгельса. В начале своей философской деятельности был учеником Гегеля. Затем начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который берет у него верх в 1841 г. («Сущность христианства»). Недостатком Фейербаховского материализма являлся его абстрактный

характер и отсутствие историко-материалистической точки зрения в общественных науках. На склоне своей жизни Ф. вступил в социал-демократическую партию и изучал «Капитал». — 417.

ФОШ, ФЕРДИНАНД (1851 — 1929) — маршал, яркий представитель французского империализма и военной реакции. Во время мировой войны сыграл большую роль в руководстве военными операциями во Фландрии (1914 г.), на Марне и Сомме (1916 г.). В апреле 1918 г. был назначен верховным начальником военных сил Антанты во Франции. В 1919 г. принадлежал к числу наиболее открытых врагов большевизма и был решительным сторонником военной интервенции и разгрома Советской России. Эту точку зрения отстаивал и после прекращения интервенции, в последний раз — в августе 1927 г. в интервью с представителем английского журнала «Рефери». — 339.

ФРАНС, АНАТОЛЬ (псевдоним АНАТОЛЯ ТИБО) (1844 — 1924) — один из крупнейших французских писателей; поэт, романист, критик и журналист. По своим воззрениям — атеист, скептик, непримиримый враг мещанства и милитаризма. Во время дела Дрейфуса принял горячее участие в борьбе против националистической и клерикальной реакции и примкнул к социалистам (жоресистам). Приветствовал первую русскую революцию. В годы империалистической войны, после некоторых колебаний, сделался открытым противником французского шовинизма и милитаризма. Один из первых среди писателей Запада приветствовал Октябрьскую революцию. В 1919 г. выступил в печати против разгула белого террора в Венгрии и против блокады Советской России и входил в левую группу писателей «Clarté», организованную Анри Барбюссом. Одно время был близок к коммунистам. Как писатель, Ф. — несравненный мастер слова, тонкий скептик, бичующий сатирик. — 600.

ФРУМКИН, М. И. (псевдоним Л. ГЕРМАНОВ) (р. 1878) — старый социал-демократ. В рабочем движении участвует с конца 90-х годов. Работал в Тамбове, Москве, Петрограде и др. городах; неоднократно арестовывался. После Февральской революции работал членом губкома в Красноярске, затем в Омске; в 1920 г. был заместителем председателя Сибревкома. С 1922 г. занимал ряд ответственных хозяйственных постов (член коллегии Наркомфина, зам. наркома Н. К. В. Т., зам. наркомфина С. С. С. Р.). В 1928 г. выступил с право-оппортунистическими заявлениями, рассчитанными на развязывание капиталистических элементов в стране. С 1931 г. — член коллегии Н. К. П. С. — 295.

Ц.

ЦЕТКИН, КЛАРА (р. 1857) — германская революционная социал-демократка, позже коммунистка; основоположница международного пролетарского женского движения. В социал-демократическую партию вступила в годы исключительного закона против социалистов. С 1892 г. — редактор социал-демократической женской газеты «Gleichheit» («Равенство»). Принимала участие в борьбе с Э. Бернштейном. В последние годы перед войной находилась на левом крыле партии, борясь с оппортунизмом каутскианского «центра». В начале войны вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Либкнехтом выступила против социал-шовинизма. Активно участвовала в подготовке и проведении Международной женской социалистической конференции в Берне (март 1915 года). В этом же году приняла участие в журнале «Интернационал». В 1916 г. была снята шейдемановцами с редактирования «Gleichheit». Участвовала в революционной работе «Союза Спартака». После образования Коммунистической партии Германии по решению Ц. К. некоторое время оставалась в рядах независимых. На Чрезвычайном съезде Независимой с.-д. партии в марте 1919 г. выступила с резкой критикой поведения делегации независимых на Бернской конференции. В том же году — член Ц. К. Коммунистической партии

Германии. Со времени III конгресса Коминтерна — член Исполкома Коминтерна, генеральный секретарь Международного Женского Секретариата. — 322, 502.

ЦЮРУПА, А. Д. (1870 — 1928) — выдающийся деятель Октябрьской революции, коммунист, по образованию агроном. За время своей революционной деятельности неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Октябрьской революции, в самые тяжелые годы гражданской войны, в качестве народного комиссара по продовольствию, руководил продовольственной политикой Республики. С конца 1921 г. — заместитель председателя Совнаркома и С.Т.О., член В.Ц.И.К. и Ц.К. В.К.П.(б.). — 125, 606.

Ч.

ЧЕРНЕНКОВ, Б. Н. (р. 1883) — референт-статистик, член партии эс-эров с 1903 г.; член Учредительного Собрания, участник Государственного Совещания в Уфе в сентябре 1918 г. и министр земледелия Уфимской директории. В 1919 г. входил в эс-эровскую группу «Народ», отколовшуюся после IX Совета партии и отказавшуюся от вооруженной борьбы с Советской властью. В последние годы работал в Одесском госплане.—349.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1873) — идеолог и вождь партии социалистов-революционеров. Бессменный член Ц.К. и редактор Ц.О. партии «Революционная Россия». Неоднократно выступал с «критикой» марксизма, в частности пытался доказать несостоятельность его в применении к сельскому хозяйству. В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством; участник Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста). После Февральской революции — ярый социал-оборонец. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного Правительства. Вышел в отставку после июльских дней. Председатель Учредительного Собрания. Принимал деятельное участие в чехо-эс-эровском восстании на Волге в 1918 г. и возглавлял съезд членов Учредительного Собрания в Уфе. В январе 1921 г. участвовал в совещании бывших членов Учредительного Собрания в Париже, образовавшем комитет, составленный из эс-эров и кадетов. Пытался оказать содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. В последние годы является одним из представителей так называемого «конструктивного социализма» — разновидности мелко-буржуазного реформизма. — 292, 359, 379, 413, 457 — 459, 512, 513, 634, 640.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828 — 1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономики» (Маркс), один из основоположников народничества — русского крестьянского социализма, гегельянец и материалист, последователь Фейербаха. Как экономист известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д.-С. Милля, которые снабжены им примечаниями в духе утопического социализма, а также рядом работ, посвященных популяризации идей социализма и резкой критике «крестьянской» реформы 1861 года. Как литературный критик дал ряд блестящих статей («Очерки гоголевского периода», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. В 1862 г. был арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В 1864 г. приговорен к 14 годам каторги и вечному поселению в Сибири за «злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания «К барским крестьянам» и передачу оного для напечатания в видах распространения». После совершения обряда гражданской казни на Мытнинской площади в Петербурге

с выставлением у позорного столба и с преломлением шпаги над головой был отправлен в Сибирь, где пробыл почти до самой смерти, лишенный возможности непосредственного участия в общественной и публицистической работе. Оказал огромное влияние на развитие русской общественной мысли; его произведения, в частности роман «Что делать?», были настольными книгами русской революционной молодежи. — 281.

ЧЕРЧИЛЛЬ, УИНСТОН (р. 1874) — английский политический деятель, один из вдохновителей вооруженной интервенции Советской России. В молодости принимал участие в колониальных войнах. Не раз менял свои политические убеждения. В 1900 — 1906 г.г. был членом парламента от консервативной партии, в 1906 — 1922 г.г. — от либералов, позднее перешел в лагерь консерваторов, занимая ряд министерских постов. В 1910 — 1911 г.г., будучи министром внутренних дел, применил войска против бастующих рабочих в Ливерпуле и др. местах. В 1918 — 1921 г.г. — военный министр в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа, в 1921 г. — министр колоний. Крайний империалист и ярый враг С.С.С.Р. Автор 5-томника воспоминаний — «The world crisis» («Мировой кризис»). — 496, 547, 561, 562, 596.

ЧИЧЕРИН, Г. В. (р. 1872) — коммунист, видный дипломат С. С. С. Р. Работая в архиве министерства иностранных дел, принимал участие в революционном движении, в связи с чем в 1904 г. вынужден был эмигрировать за границу. В 1905 г. примкнул к Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. был секретарем Заграничного бюро Ц.К., участник V (Лондонского) съезда, после которого примкнул к меньшевикам-«голосовцам» и был сторонником так наз. «августовского блока». С наступлением войны — сотрудник парижского «Нашего Слова». Во время войны жил в Англии, участвуя в английском рабочем движении. После Февральской революции, будучи секретарем организации возвращения политических эмигрантов в Россию, был арестован. Обменен в 1918 году. С марта 1918 г. — народный комиссар по иностранным делам (до 1930 г.); в 1920 г. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. — 571, 602, 603.

Ш.

ШЕЙДЕМАН, ФИЛИПП (р. 1865) — один из правых вождей германской социал-демократии, в молодости — наборщик. Избранный в 1903 г. в рейхстаг, занимает в нем вскоре выдающееся положение. Был ближайшим сотрудником А. Бебеля. В 1912 г. избирается в Ц. К. партии и в том же году, после крупной победы социал-демократии на парламентских выборах, членом президиума фракции и вице-президентом рейхстага. После смерти Бебеля вместе с Эбертом становится главным руководителем социал-демократической партии, вся предательская деятельность которой в годы войны проходила под его руководством. Перед ноябрьской революцией 1918 г. пытался спасти монархию, войдя в кабинет принца Максимилиана Баденского. После революции избирается в Совет Народных Уполномоченных — Временное Правительство «Германской Социалистической Республики». Всеми мерами подавлял развертывавшееся революционное движение пролетариата. В 1919 г. буржуазия ставит Ш. во главе коалиционного правительства, составленного Национальным Собранием. Скомпрометировав себя в глазах рабочих и все же не завоевав доверия монархического юнкерства, Ш. отошел от активной политической жизни, занимая до последнего времени должность обер-бургомистра небольшого города Касселя. Автор «Воспоминаний социал-демократа». — 15, 19, 240, 249, 252, 264, 297, 320, 387, 397. 420, 438, 452, 459 — 461, 475, 476, 479, 481, 637.

ШЕР, В. В. (р. 1883) — социал-демократ, меньшевик. В октябре 1905 г. был секретарем Московского Совета Рабочих Депутатов и редактором его «Известий». В годы реакции — ликвидатор, один из организаторов

Всероссийского съезда деятелей легального движения (1911 г.). После Февральской революции был секретарем Московского Совета Солдатских Депутатов, а с июля — помощником командующего войсками Московского Военного Округа. Во время Октябрьского восстания находился в штабе полковника Рябцева. После Октябрьской революции работал в Центросоюзе, Сельскосоюзе, В.С.Н.Х. и Госбанке. С 1928 г. принимал руководящее участие в контр-революционной оранизации «Союзное Бюро Р.С.-Д. Р.П.». В 1931 г. Верховным Судом СССР приговорен к 10 годам лишения свободы. — 295, 296, 302, 349.

ШКУРО, А. Г. (р. 1886) — войсковой старшина Кубанского казачьего войска; после Октябрьской революции — генерал Добровольческой армии, командовавший 3-м конным корпусом, приобрел известность своим бандитизмом. Находится в эмиграции. — 498.

ШМИДТ, В. В. (р. 1886) — большевик, по профессии — токарь. В партии с 1905 г.; с 1907 г. по 1911 г. находился в эмиграции. Вернувшись в 1912 г. в Петербург, был избран секретарем районного отделения союза металлистов и членом исполнительной комиссии Петербургского Комитета партии. Перед войной был арестован. Летом 1915 г. нелегально вернулся в Петроград и до апреля 1917 г. работал секретарем Петербургского Комитета партии. После Февральской революции был секретарем Петроградского совета профессиональных союзов, затем — секретарем и членом президиума В.Ц.С.П.С. С 1918 г. по 1927 г. — народный комиссар труда. С 1928 г. — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров С.С.С.Р. С 1931 г. — главный арбитр при С.Т.О. Член Ц.К. В.К.П.(б.). — 38, 87, 143.

ШТАМПФЕР, ФРИДРИХ (р. 1874) — германский правый социал-демократ, журналист. В 1900 — 1902 г.г. редактор социал-демократической газеты «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»). В годы войны — социал-патриот. С 1916 г. — главный редактор центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). С 1920 г. — депутат рейхстага. — 452, 456, 459, 460, 463, 481.

Э.

ЭБЕРЛЕЙН, ГУГО (псевдоним АЛЬБЕРТ, МАКС) (р. 1887) — германский коммунист, по профессии — чертежник. В рабочем движении участвует с 1906 года. Во время войны был членом «Союза Спартака». Представитель Коммунистической партии Германии на I конгрессе Коммунистического Интернационала и член его президиума. В 1920 г. — член прусского ландтага; в 1922 г. — один из секретарей И.К.К.И. Делегат на IV и VI конгрессах Коминтерна. — 19. 502.

ЭНГЕЛЬС, ФРИДРИХ (1820 — 1895) — см. очерк его жизни, написанный Лениным (I том Сочинений). — 8, 123, 131, 163, 249, 294, 362, 364, 375, 390, 391, 460, 515.

Ю.

ЮДЕНИЧ, Н. Н. (р. 1862) — генерал; во время империалистической войны командовал Кавказской армией (1915), отличился погромами и насилиями над турецким населением. В 1917 г. — главнокомандующий Кавказским фронтом. После Октябрьской революции бежал в Финляндию; в 1919 г. стал во главе армии Северо-Западного правительства, организованного англичанами в Эстонии. Эта армия, при поддержке белой Эстонии и союзников, дважды пыталась взять Петроград — в мае 1919 г. под командой ген. Родзянко и в октябре того же года под командой Юденича, предпринявшего наступление в момент наибольших успехов Деникина (взятие Орла) и контр-удара Колчака на реке Тобол. Благодаря организованным усилиям рабочих масс под руководством партийных организаций Юденич был разгромлен, отступил в Эстонию, где его армия была интернирована, а сам Юденич бежал в Англию. — 432, 435, 487, 490, 516,

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Март — декабрь 1919 г.)

1 марта. Председательствование на предварительном совещании I конгресса Коммунистического Интернационала.

2—6 марта. Руководство работой I конгресса Коммунистического Интернационала.

2 марта. Речь при открытии конгресса. Ленин избирается в президиум и председательствует на всех заседаниях конгресса.

4 марта. Доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на 3-м заседании конгресса.

5 марта. Статья «Завоеванное и записанное».

6 марта. Днем — заключительная речь при закрытии конгресса, вечером — речь об основании III, Коммунистического Интернационала на торжественном заседании В.Ц.И.К., Московского Совета Р. и Кр. Д., Московского Комитета Р.К.П.(б.), В.Ц.С.П.С. и Фабрично-заводских комитетов в день чествования открытия Коммунистического Интернационала.

8 марта. Беседа с английским журналистом Артуром Рансомом о перспективах революции в Англии.

Выступление на 1-м выпуске 6-недельных курсов Отдела охраны материнства и младенчества.

12—13 марта. Пребывание Ленина в Петрограде.

12 марта. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров в Петроградском Совете.

13 марта. Участие в похоронах М. Елизарова.

Днем осмотр Дворца Труда в Петрограде.

В 4 час. 50 мин. выступление на I съезде сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии в актовом зале Дворца Труда.

Вечером две речи на десятитысячном митинге в оперном зале Народного дома и в фойе Народного дома.

Отъезд в Москву.

14 марта. Обсуждение с Буллитом проекта мирного договора.

16 марта. В 3 часа дня посещение больного Я. Свердлова.

18 марта. Речь на экстренном заседании В.Ц.И.К., посвященном памяти Я. М. Свердлова. По окончании заседания, Ленин с похоронной процессией направляется на Красную площадь, где произносит краткую речь над могилой Свердлова.

18 — 23 марта. Руководство работой VIII съезда Р.К.П.(б.).

18 марта. Вечером речь при открытии съезда. Ленин избирается в президиум и выступает с отчетом Ц.К. Р.К.П.(б.).

19 марта. Доклад о партийной программе на утреннем заседании съезда. На вечернем — заключительное слово по докладу.

20 марта. Ленин председательствует на заседаниях (двух) программной комиссии съезда.

21 марта. Речь по военному вопросу на вечернем заседании съезда.

22 марта. Приветствие по радио правительству Венгерской Советской республики.

23 марта. Доклад о работе в деревне на вечернем заседании съезда. В 11-м часу ночи — заключительная речь при закрытии съезда.

Радио-телеграмма Бела Куну в Будапешт.

27 марта. Статья «Ответ на открытое письмо специалиста».

29 марта. Произнесение в Центропечати речей для записи на граммофонные пластинки.

30 марта. Речь о кандидатуре М. И. Калинина на 12-м заседании В.Ц.И.К.

1 апреля. Телефонограмма во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию о принятии срочных мер для подавления всяких попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам.

3 апреля. В 3 час. дня доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики на чрезвычайном заседании Московского Совета Р. и Кр. Д.

Записка И. В. Сталину с замечаниями на проект декрета о реорганизации государственного контроля.

10 апреля. Письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту.

11 апреля. Проект тезисов Ц.К. Р.К.П.(б.) в связи с положением Восточного фронта.

Выступление на пленуме В.Ц.С.П.С. с докладом и заключительным словом о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт.

13 апреля Предисловие к брошюре Анри Гильбо «Социализм и синдикализм во Франции во время войны».

15 апреля Речь на выпуске первых командных курсов тяжелой артиллерии при вручении им знамени Рогожским районным комитетом Р.К.П.(б.).

Статья «III Интернационал и его место в истории».

16 апреля. Речь о необходимости покончить с Колчаком на конференции железнодорожников Московского узла.

17 апреля. Речь о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы.

Выступления на заседании С.Н.К. по вопросу о помощи кустарям.

Речь на I Всероссийском съезде коммунистов-учащихся.

27 апреля Составление приветствия Баварской Советской республике.

1 мая. Три выступления на Красной площади: утром с двумя речами, посвященными 1 мая, днем — с речью с Лобного места на открытии временного памятника Степану Разину.

3 мая.	Доклад перед слушателями агитационных курсов В.Ц.И.К. и Пролетарского университета, направляемыми в распоряжение уполномоченных Ц.К. Р.К.П.(б.) на местах.
6 мая.	Приветственная речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию.
19 мая.	Речь «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» на том же съезде.
25 мая.	Ленин в сопровождении штаба Всевобуча принимает парад красных резервных полков Всевобуча на Красной площади и обращается с речью к рабочим батальонам.
	Там же — выступление перед юками (юными коммунистами).
27 мая.	Статья «Привет венгерским рабочим».
28 мая.	Статья «Герои Бернского Интернационала».
6 июня.	Телеграмма члену Реввоенсовета А. Ефремову о необходимых мерах по обороне Царицына.
	Телеграмма в Реввоенсовет Востфронта С. Гусеву и М. Лашевичу о необходимости поголовной мобилизации в прифронтовой полосе в связи с возможным прорывом Колчака на Вятку.
11 июня.	Телеграмма С. Гусеву и М. Лашевичу о катастрофическом положении под Петроградом и о необходимости переброски туда войск.
15 июня.	Речь на 1-м выпуске командиров первых московских пулеметных курсов в Кремле.
23 июня.	Предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».
28 июня.	Закончена брошюра «Великий почин».
4 июля.	Речь о современном положении и ближайших задачах Советской власти на соединенном заседании В.Ц.И.К., Московского Совета и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы.
11 июля.	Лекция о государстве в Свердловском университете.
12 июля.	Доклад о внутреннем и внешнем положении на Московской общегородской конференции Р.К.П.(б.).
14 июля.	Статья «О задачах III Интернационала».
15 июля.	Речь о внешнем и внутреннем положении на конференции красноармейцев Ходынских лагерей.
20 июля.	Статья «Ответ на вопросы американского журналиста».
30 июля.	Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавкомов, профсоюзов и уполномоченных М.Ц.Р.К.
4 августа.	Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры.
6 августа.	Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции.
19 августа.	Письмо Серрати и Ладзари в ответ на их приветствие.
20 августа.	Беседа с английским профессором В. Гудом.
24 августа.	«Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком».
28 августа.	Письмо Сильвии Панкхерст.
29 августа.	С 2 до 4 часов дня лекция о государстве в Свердловском университете

3 сентября. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов.

20 сентября. Статья «Как буржуазия использует ренегатов».

23 сентября. Речь о задачах женского рабочего движения в Советской России на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц.

Статья «Американским рабочим».

3 октября. Статья «Пример петроградских рабочих» по поводу успешно проводимой рабочими Петрограда мобилизации лучших работников на Южный фронт.

4 октября. Выступление на заседании С.Н.К. по вопросу о введении в Центротекстиле единоличного управления взамен коллегиального.

10 октября. Статья «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам».

11 октября. Статья «Государство рабочих и партийная неделя».

14 октября. Телеграмма Исполнительному комитету Петроградского Совета по поводу наступления Юденича.

16 октября. Речь с балкона Московского Совета к мобилизованным рабочим.

17 октября. Воззвание «К рабочим и красноармейцам Петрограда» с призывом биться «до последней капли крови».

19 октября. Воззвание «К товарищам-красноармейцам» о неизбежности победы над Юденичем и Деникиным и необходимости «быть твердыми» в этой борьбе.

21 октября. Статья «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи».

Выступление перед мобилизованными коммунистами Иваново-Вознесенска в Доме Союзов.

24 октября. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт.

28 октября. Письмо Лорио и два письма по поводу раскола Коммунистической партии Германии: одно на имя Ц.К. партии, другое — отколовшимся.

30 октября. Статья «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».

5 ноября. «Привет петроградским рабочим» ко дню двухлетней годовщины Советской республики с призывом напрячь все силы для окончательной победы над Юденичем.

Ноябрь, ранее 6. Статья «Советская власть и положение женщины».

Ноябрь, ранее 7. Статья «Два года Советской власти».

7 ноября. Речь о двухлетней годовщине Октябрьской революции на торжественном заседании В.Ц.И.К., Московского Совета Р. и Кр. Д., В.Ц.С.П.С. и фабрично-заводских комитетов.

12 ноября. Письмо «Товарищам коммунистам Туркестана».

13 ноября. Проект циркулярного письма Ц.К. Р.К.П.(б.) «На борьбу с топливным кризисом».

18 ноября. Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне.

Ноябрь, ранее 21. Проект резолюции Ц.К. Р.К.П.(б.) о Советской власти на Украине.

22 ноября. Доклад о текущем моменте на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока.

2 — 4 декабря. Руководство работой Всероссийской конференции Р.К.П.(б.).

2 декабря.	В $2^1/_2$ часа дня речь при открытии конференции. Ленин избирается председателем конференции. На вечернем заседании выступление с политическим докладом Ц.К. Р.К.П.(б.) и с заключительным словом по докладу.
3 декабря.	На утреннем заседании конференции речь по вопросу о Советской власти на Украине, на вечернем — заключительное слово по этому вопросу.
4 декабря.	Речь на I Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей.
5—9 декабря.	Руководство работой VII Всероссийского съезда Советов.
5 декабря.	Ленин избирается в президиум съезда и в 9 час. вечера выступает с докладом от имени В.Ц.И.К. и С.Н.К.
6 декабря.	На утреннем заседании съезда заключительное слово по докладу В.Ц.И.К. и С.Н.К.
8 декабря.	Речь на вечернем заседании организационной секции съезда.
9 декабря.	В 12-м часу ночи заключительная речь при закрытии съезда.
16 декабря.	Статья «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».
20 декабря.	Доклад о субботниках на Московской общегородской конференции Р.К.П.(б.).
26 декабря.	Письмо Г. Кржижановскому по вопросу о разработке торфа, как базы для электрификации и восстановления промышленности.
28 декабря.	«Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным».

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1919 г.

1—6. III. III съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины в Харькове.

2. III. Всеобщая забастовка в Лейпциге.

2—6. III. I конгресс Коммунистического Интернационала в Москве.

Чрезвычайный съезд Независимой с.-д. партии Германии в Берлине.

3—13. III. Всеобщая забастовка в Берлине. Политические требования: признание Советов, освобождение политических заключенных, организация рабочей гвардии, возобновление отношений с Советской Россией. Введение Носке осадного положения в Берлине. Бои правительственных войск с морской народной дивизией и роспуск последней.

4. III. Основание III, Коммунистического Интернационала.

6. III. Переход Колчака в общее наступление на Восточном фронте.

6—10. III. III Всеукраинский съезд Советов в Харькове.

7. III. Всеобщая забастовка в Галле.

8. III.—10. IV. Временное прекращение пассажирского движения в целях подвоза к центрам продовольствия и угля. — Занятие Колчаком Оханска.

Оставление Бирска советскими войсками.

10. III. Массовые расстрелы Носке революционных рабочих в Берлине. Убийство члена Ц. К. Коммунистической партии Германии Л. Тышко (Иогихеса).

12. III. Занятие Херсона войсками атамана Григорьева. Открытие Учредительного собрания Грузии.

13. III. Занятие Колчаком Уфы.

13—17. III. Контр-революционная агитация левых эс-эров и попытки их вызвать забастовки на заводах в Петрограде.

Восстания в Орле, Брянске, Самаре, Симбирске и на Северном Кавказе.

14. III. Вручение Буллиту официального текста предложений Советского правительства по вопросу о заключении мира с союзниками и правительствами, образовавшимися на территории бывшей России.

Эвакуация Николаева французскими войсками. Переход власти в городе в руки Советов. — Рабочие демонстрации в Лодзи, Радоме, Ченстохове и других крупных центрах Польши против Пилсудского и союзников.

15. III. Объявление французским командованием Одессы на военном положении. — Занятие Умани, Христиновки и Житомира украинскими советскими войсками.

16. III. Смерть председателя В.Ц.И.К. Я. Свердлова. — Взятие Барановичей польскими войсками. — Занятие Бердянска и ст. Дебальцево отрядом Махно.

17. III. Взятие Мелитополя советскими войсками.

18. III. Атаки Колчака в Уфимском и Пермском районах.

Оставление красными латышскими частями Митавы.

18—23. III. VIII съезд Р. К. П. (б.).

19. III. Решение Ц. К. Итальянской Социалистической партии о присоединении к III Интернационалу.— Нота представителя Антанты полковника Викса венгерскому правительству М. Карольи с требованием дальнейших территориальных уступок.

20. III. Обращение VIII съезда Р.К.П.(б.) к партийным организациям с призывом «мобилизовать свои силы и быть готовыми ответить беспощадным ударом на всякую попытку срыва государственного строительства пролетариата».

Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской автономной Башкирии.

Декрет С. Н. К. о потребительских коммунах.

Отставка правительства М. Карольи.

21. III. Провозглашение Венгерской Советской республики.

21. III—1. VIII. Советская власть в Венгрии.

24. III. Взятие Барановичей советскими войсками.—Оставление Поневежа латышскими красными частями.

24—28. III. Белогвардейский мятеж Стрекопытова в Гомеле.

26. III. Восстание рабочих в Одессе. Начало эвакуации союзниками Одессы.

29. III. Взятие Мариуполя советскими войсками.

30. III. Избрание М. Калинина председателем В. Ц. И. К. — Попытка контр-революционных элементов взорвать центральную станцию водопровода в Петрограде.

31. III—28. IV. Всеобщая забастовка в Руре с требованием социализации угольной промышленности.

2. IV. Сообщение В. Ч. К. о раскрытии заговора, ставившего своей целью посредством взрывов, порчи железных дорог и пожаров вызвать вооруженное выступление против Советской власти.

3. IV. Письмо Ф. Нансена «Совету четырех» с предложением организовать благотворительную помощь России продовольствием и медикаментами. — Взятие нами Юзова и Великокняжеской.

4. IV. Взятие Перекопа и Джанкоя красными частями.

6. IV. Занятие Одессы советскими войсками. Ликвидация союзной интервенции на юге России. — Прорыв красных частей у Перекопа в Крым.

7. IV. Восстание рабочих в Мюнхене.

7. IV—1. V. Баварская Советская республика.

Занятие Колчаком Стерлитамака, Белебея и Мензелинска.

8—14. IV. II Всегерманский съезд Советов в Берлине. Отказ шейдемановского большинства его стать на почву признания системы Советов.

9. IV. Упорное наступление Колчака по всему Восточному фронту. Взятие им Воткинского завода. Отход наших частей на новые позиции.

Взятие Волочиска советскими войсками.

10. IV. Декрет С. Н. К. о призыве на действительную военную службу в Красную армию в городах: Петрограде, Москве и в губерниях: Петроградской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Рязанской всех рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, родившихся в 1890—1899 годах.

Декрет В. Ц. И. К. о льготах среднему крестьянству по чрезвычайному налогу.

Занятие советскими войсками Симферополя и Евпатории.

Всеобщая забастовка в Брауншвейге с требованием роспуска ландтага, перехода власти в руки рабочих, вооружения пролетариата и заключения союза с Российской Советской республикой.

11. IV. Тезисы Ц. К. Р. К. П. (б.) в связи с положением Восточного фронта.

Постановление пленума В.Ц.С.П.С. об организации немедленной энергичной помощи объявленной 10 апреля декретом С. Н. К. мобилизации.

Декрет В. Ц. И. К. о реорганизации государственного контроля.

Декрет В. Ц. И. К. о Туркестанской автономной республике.

Занятие Колчаком Бугульмы, Сарапуля и Орска.

12. IV. Занятие украинскими советскими частями Ялты, Бахчисарая и Житомира.

13. IV. Постановление экстренного заседания Президиума В. Ц. С. П. С. о массовой мобилизации членов профессиональных союзов на Восточный фронт.

Постановление Голландской Коммунистической партии о присоединении к III Интернационалу.

14. IV. Воззвание В. Ц. С. П. С. «К рабочим Советской России» с призывом об «организации немедленной обороны страны, энергичной поддержке объявленной 10 апреля декретом С. Н. К. мобилизации и усилению организационной дисциплины в рядах пролетариата».

Занятие Колчаком Ижевска.

14. IV.— 1. V. Диктатура пролетариата в Баварии.

15. IV. Приветствие В. Ц. И. К. Советским республикам Венгрии и Баварии.— Оставление Бугуруслана Красной армией.

17. IV. Начало успешного наступления Красной армии на Восточном фронте.

18. IV. Обращение Н.К.И.Д. «К трудящимся стран Согласия» с призывом к бдительности и неослабному сопротивлению мероприятиям их правительств, направленным на осуществление блокады и интервенции.

20. IV. Восстание на крупнейших французских судах Севастопольской эскадры. Матросы демонстрируют в городе вместе с рабочими. Красные части подходят к Севастополю.

20 — 22. IV. Чрезвычайный Национальный съезд Французской социалистической партии в Париже. Отклонена резолюция о присоединении к III Интернационалу.

21. IV. Взятие Гусятина (Галиция) украинскими советскими войсками.— Бои с поляками на улицах Вильно.

23. IV. Приостановка наступления Колчака на Восточном фронте. Упорные бои Красной армии в Бузулук-Бугурусланском районе.

Провозглашение Советской власти в Галиции.

Мобилизация коммунистов Петрограда на Восточный фронт и Дон.— Оставление Вильно нашими войсками.— Начало эвакуации Севастополя союзниками.

24. IV. Инструкция Ц. К. Р. К. П. (б.) партийным организациям о перерегистрации.

25 IV. Декреты В. Ц. И. К.: 1) о призыве среднего и беднейшего крестьянства на борьбу с контр-революцией (каждая волость мобилизует 10 — 20 человек «стойких и надежных защитников Советской республики»); 2) о льготах по взысканию натурального налога и 3) об освобождении из заключения рабочих и крестьян, примкнувших вследствие малой сознательности к выступлениям против Советской власти.

Циркуляр Ц. К. Р. К. П. (б.) всем партийным организациям о немедленном создании частей особого назначения.

26. IV. Перелом на Восточном фронте. Красная армия наносит сильное поражение Колчаку в Бузулук-Бугурусланском направлении.

27 IV. Мятеж на французском крейсере «Вальдек Руссо» в Одесском порту.

29. IV. Обращение Ц. К. Р. К. П. (б.) ко всем партийным организациям с призывом довести работу по мобилизации и обслуживанию армии до высшей степени напряжения.

Занятие Севастополя украинскими советскими войсками.

1. V. Падение Баварской Советской республики.

Всеобщая забастовка в крупных промышленных городах Франции. Грандиозные первомайские демонстрации в Париже. Кровавые столкновения с войсками. Объявление Парижа на военном положении.

Выход 1 № журнала «Коммунистический Интернационал».

2. V. Вторжение финской добровольческой армии в пределы Советской России, с целью присоединения к Финляндии Восточной Карелии.

3. V. Введение осадного положения в Петрограде, Петроградской, Олонецкой и Череповецкой губерниях, в связи с опасностью объявления войны со стороны Финляндского правительства.

Взятие Красной армией Бугуруслана.

Опубликование обращения «Ко всем членам партии социалистов-революционеров» от «уполномоченных группы членов партии с.-р.» за подписью В. Вольского и Н. Святицкого.

4. V. Наступление Деникина на Южном фронте. Взятие им Луганска

6 — 19. V. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию в Москве.

7. V. Радио-телеграмма Н. К. И. Д. Нансену с выражением согласия на его предложение от 3 апреля.

7 — 23. V. Мятеж атамана Григорьева против Советской власти на Украине.

10. V. Первый исторический «коммунистический субботник» на Московско-Казанской железной дороге.

13. V. Занятие Красной армией Бугульмы.—Вступление советских войск в пределы Бессарабии.

14. V. Наступление армии Северо-Западного правительства под командой ген. Родзянко на Петроград. Бои в районе Нарва—Гдов.

15. V. Обращение Коммунистического Интернационала «К трудящимся всего мира» с призывом бороться против грабительских условий Версальского мира. — Занятие ген. Родзянко Гдова. — Взятие Луганска советскими войсками.

17. V. Взятие Белебея красными частями. — Декрет С. Н. К. о бесплатном детском питании.

18. V. Морской бой нашего миноносца с четырьмя неприятельскими в Копорской губе, где последние производили высадку белогвардейских, финских и эстонских войск.

21. V. Воззвание Ц. К. Р. К. П. (б.) — «На защиту Петрограда».

22. V. Занятие Деникиным ст. Великокняжеской. — Оставление Латышской Красной армией Риги.

25. V. Отступление Колчаковской южной армии на восточный берег реки Белой. — Взятие Стерлитамака Красной армией. — Занятие Эстонской армией Пскова.

26. V. Нота Верховного Союзного Совета на имя Колчака с изложением условий, на которых он и «те, кто с ним объединился», могли бы получать постоянную помощь от союзников.

Радио-телеграмма правительства Р. С. Ф. С. Р. и Украинского Советского правительства министру иностранных дел Румынии по поводу захвата Бессарабии.—Занятие Красными войсками Ровно и Дубно.

30. V. Приказ Деникина о своем подчинении Колчаку и признании последнего «Верховным правителем России» и Верховным главнокомандующим русскими армиями.

1. VI. Декрет В. Ц. И. К. об объединении Советских республик: России,

Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом.

Взятие Деникиным Бахмута.

4. VI. Ответ Колчака Верховному Союзному Совету о принятии им условий, перечисленных в ноте последнего от 26 мая 1919 года.

Постановление В. Ц. И. К. о рабочих потребительских обществах.

7—9. VI. Съезд Норвежской с.-д. партии. Принято решение о присоединении к III Интернационалу.

8. VI. Занятие красными частями Теджена в Закаспийской области.

9. VI. Взятие нами Уфы.

Нота Клемансо Венгерскому Советскому правительству с требованием прекращения военных действий и очищения Словакии венгерской Красной армией.

10. VI. Занятие Деникиным Бердянска, Красной армией — Александрова-Гая и Бирска. — Занятие повстанцами Тургая в тылу у Колчака.

11. VI. Отказ французского адмиралтейского крейсера «Прованс» в Тулоне выйти в Черное море.

12. VI. Нота Верховного Союзного Совета с выражением удовлетворения ответом Колчака и готовности «оказывать адмиралу Колчаку и тем, кто с ним объединился, помощь», указанную в ноте от 26 мая 1919 года.

12—16. VI. Контр-революционное восстание на форте «Красная Горка».

12—17. VI. III съезд левой шведской с.-д. партии в Стокгольме. Принято решение о присоединении к III Интернационалу.

14. VI. Взятие Деникиным Купянска. — Взятие нами Екатеринбурга.

14—23. VI. Всевенгерский съезд Советов.

16. VI. Раскрытие в Петрограде контр-революционной организации «Национальный центр».

18—20. VI. IX Совет партии эс-эров.

20. VI. Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к рабочим всех стран по поводу признания Колчака «законным правительством России». — Отставка кабинета Шейдемана и образование кабинета Бауэра (с.-д.).

21. VI. Занятие Деникиным Павлограда.

Раскол левого крыла Американской Социалистической партии на конференции в Нью-Йорке.

23. VI. Занятие Деникиным ст. Синельниково. — Принятие Германским Национальным Собранием условий Версальского мира.

24. VI. Занятие Деникиным Белгорода.

25. VI. Занятие Деникиным Харькова.

25—27. VI. Съезд Английской Рабочей партии в Саутпорте. Принято решение об организации 21 июля в ряде стран всеобщей политической забастовки в защиту России и Венгрии.

28. VI. Подписание германской делегацией продиктованного ей союзниками мирного договора в Версале.

29. VI. Занятие Деникиным Екатеринослава и Новохоперска. — Стачечное движение в Германии и Италии.

29. VI — 1. VII. Крупные волнения в Берлине: забастовка железнодорожных рабочих, попытка взрыва здания министерства общественных работ. — Введение осадного положения во Франкфурте и в Бреславле.

30. VI — 3. VII. II съезд Советов Немецкой Австрии в Вене. Отклонено предложение коммунистов о предоставлении Советам всей полноты политической и экономической власти.

1. VII. Оставление нами Царицына. — Взятие Красной армией Перми и Кунгура.

Назначение Северо-Западным правительством ген. Юденича командующим войсками, действующими против Петрограда.

4. VII. Оставление нами Борисоглебска.

5. VII. Взятие красными войсками Красноуфимска и Николаевска.

9. VII. Письмо Ц.К. Р.К.П.(б.) к организациям партии — «Все на борьбу с Деникиным!». — Обращение Президиума В.Ц.С.П.С. «К рабочим стран Согласия» с призывом «оказать помощь русскому пролетариату и Советской России в борьбе с интервенцией».

Ратификация Германским Национальным Собранием Версальского договора.

13. VII. Взятие Красной армией Златоуста.

14. VII. Занятие нами Екатеринбурга.

15. VII. Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к рабочим всех стран с призывом бойкотировать конференцию желтого Интернационала в Люцерне.

16. VII. Занятие Борисоглебска красными войсками.

Всеобщая забастовка портовых рабочих во Франции.

17. VII. Обращение Советского правительства «К классовым рабочим организациям Франции, Англии и Италии» с подтверждением стремления Советского правительства добиться мира. — Забастовка сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии.

19. VII. Постановление Исполнительного Комитета Швейцарской социалистической партии о присоединении к III Интернационалу.

20. VII. Взятие нами Новохоперска и Балашова.

Переход венгерской Красной армии в наступление.

21. VII. Взятие Константинограда Красной армией.

Во многих городах Италии, Австрии, Норвегии и Германии происходят забастовки и демонстрации в защиту России и Венгрии.

22. VII. Воззвание С.Н.К. к калмыцкому трудовому народу с призывом оказать помощь Красной армии в ее борьбе с белогвардейскими и казацкими бандами Деникина.

23. VII. Постановление Ц.К. Коммунистической партии Польши о присоединении к III Интернационалу.

24. VII. Обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала «К рабочим стран Согласия» по поводу срыва социал-предателями международной политической забастовки 21 июля. — Взятие Ирбита и Верхне-Уральска советскими войсками.

Постановление С.Н.К. «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа».

25. VII. Обращение Н.К.И.Д. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая с предложением вступить в официальные сношения с Р.С.Ф.С.Р., на основе отказа от всех привилегий и неравноправных договоров, заключенных царской Россией.

Взятие Челябинска советскими войсками.

25. VII — 2. VIII. Амстердамский конгресс Международной федерации профессиональных союзов. По русскому вопросу принята формальная резолюция, предлагающая профсоюзам «стремиться к снятию блокады с Р.С.Ф.С.Р.».

30. VII. Воззвание Верховного Союзного Совета к венгерскому народу с предложением снять блокаду и снабдить население продовольствием, при условии свержения им Будапештского правительства с Бела Куном во главе.

31. VII. Принятие Германским Национальным Собранием конституции Германской республики.

1. VIII. Падение Венгерской Советской республики.

Оставление Полтавы советскими войсками.

2. VIII. Во многих городах Болгарии демонстрации с требованием провозглашения Советской власти.

2—9. VIII. Интернациональная социалистическая конференция II Интернационала в Люцерне.

3. VIII. Взятие Ямбурга советскими войсками. — Поражение англичан под Онегой.

4. VIII. Признание Англией по мирному договору в Равальпинди независимости Афганистана.

Занятие Красной армией Троицка и Шадринска.

8. VIII. Оставление Минска советскими войсками.

9. VIII. Занятие нами Тюмени.

10. VIII — 20. IX. Рейд Мамонтова в тылу Красной армии.

10 — 17. VIII. Партийная неделя в Петрограде.

11. VIII. Взятие Асхабада советскими войсками.

12. VIII. Открытие в Москве I Всероссийского съезда национальных меньшинств. — Оставление Игумена, Сарн и Ровно советскими войсками.

16. VIII. Обращение В. Ц. И. К. и С. Н. К. «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» с извещением о восстановлении органов советского самоуправления трудящихся на всей территории освобожденной Сибири. — Занятие Кургана Красной армией.

17. VIII. Обращение В. Ц. И. К. и С. Н. К. «К казакам Дона, Кубани, Терека и других казачьих войск» с призывом стать в ряды Красной армии для борьбы с Деникиным.

18. VIII. Занятие Деникиным Херсона, Николаева и Воронежа. — Захват Тамбова конницей Мамонтова. — Взятие нами Кургана, Нового Оскола и Бирюча.

22. VIII. Оставление Житомира и Бердичева Красной армией. — Набег конницы Мамонтова на Козлов. — Восстания в тылу у Деникина. — Взятие Валуек, Камышина и Поворина советскими войсками.

23. VIII. Занятие Деникиным Одессы.

23. VIII — 14. IX. Мятеж против Советской власти командующего Донским казачьим корпусом Миронова под лозунгами борьбы против Деникина и большевиков.

24. VIII. Письмо Ленина к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком.

26. VIII. Взятие Красной армией Пскова и Купянска.

27. VIII. Эвакуация английских войск из Архангельска.

28. VIII. Оставление Бобруйска Красной армией.

29. VIII. Занятие Киева петлюровскими войсками.

30. VIII. Взятие Орска Красной армией.

30 — 31. VIII. Съезд представителей профессиональных союзов Эстляндии в Ревеле.

31. VIII. Мирные предложения Р.С.Ф.С.Р. Эстонскому правительству. — Занятие Деникиным Киева.

1. IX. Образование Коммунистической партии (Communist Party) и Коммунистической рабочей партии (Communist Labour Party) на съездах в Чикаго.

3. IX. Организация Сибирского Военно-Революционного Комитета.

4. IX. Согласие Эстонского правительства приступить к мирным переговорам с Р.С.Ф.С.Р.

6. IX. Занятие Нового Оскола и Тобольска Красной армией.

8 — 11. IX. Конгресс трэд-юнионов в Глазго. Требование отзыва английских войск из Советской России.

10. IX. Занятие Деникиным Валуек.

11. IX. Мирные предложения Советского правительства Латвии, литовской Тарибе и Финляндии.

12. IX. Приказ Деникина о переходе в наступление всем фронтом.

13. IX. Взятие нами ст. Мугаджерской. — Соединение Красной армии с войсками Советского Туркестана.

17. IX. Начало мирных переговоров советской делегации с Эстонией в Пскове. — Захват Томска красными партизанами

21. IX. Взятие Деникиным Курска.

22. IX. Обращение правительства Р.С.Ф.С.Р. с мирным предложением к правительствам Финляндии, Латвии и Литвы.

25. IX. Взрыв в помещении М. К. Р. К.П. (б.) в Леонтьевском переулке, организованный «анархистами подполья» и левыми эс-эрами.

Забастовка портовых рабочих в Бремене и Гамбурге.

Всеобщая забастовка судостроительных рабочих в Марселе.

26. IX — 5. X. Всеобщая железнодорожная забастовка в Англии.

27. IX. Обращение Н.К.И.Д. к рабочим Англии и Франции за содействием в осуществлении мирных предложений, сделанных Советским правительством прибалтийским государствам.

28. IX. Занятие Деникиным Глухова и ст. Касторной.

Военное положение в Мюнхене. — Локаут деревообделочников Швеции.

29. IX. Занятие Деникиным ст. Мало-Архангельск.

30. IX. Циркулярное письмо Ц.К. Р.К.П.(б.) к организациям партии с требованием поставить весь государственный аппарат на службу задаче уничтожения Деникина.

Оставление Тобольска Красной армией. — Забастовка горнорабочих в Эльзас-Лотарингии.

1. X. Отход преследующей Колчака V армии обратно за реку Тобол.

2—12. X. Мобилизация коммунистов Петрограда, Москвы и других городов на Южный фронт.

5—8. X. XVI съезд Итальянской Социалистической партии в Болонье. Принято решение о присоединении к III Интернационалу.

5—8. X. II съезд Р. К. С. М. в Москве. Принято постановление о мобилизации членов Союза от 16 лет для защиты республики и обслуживания фронта и тыла Красной армии.

6. X. Занятие Деникиным Воронежа.

8—15. X. Партийная неделя в Москве.

10. X. Переход Красной армии в наступление на Южном фронте, с целью решительного поражения армии Деникина. Начало боев на линии Дмитровск — Кромы.

11. X. Наступление Юденича на Петроград. Занятие им Ямбурга.

12. X. Занятие Деникиным Чернигова.

13. X. Занятие Деникиным Орла, Юденичем — Луги.

14. X. V армия вновь переправляется через реку Тобол.

15. X. Объявление Петрограда на осадном положении. — Взятие Киева советскими войсками.

16. X. Мобилизация петроградских рабочих «на защиту красного Петрограда». — Взятие Юденичем Гатчины, Красного Села и Вырицы.

17. X. Занятие Деникиным Новосиля (Тульской губ.). Момент наибольшего продвижения Деникина к Москве. — Восстание крестьян в местностях, занятых Добровольческой армией. — Взятие нами Гатчины.

19. X. Начало общего перелома на Южном фронте. Поражение Мамонтова и Шкуро под Воронежем.

20. X. Занятие нами Орла. — Бои Красной армии с Юденичем в районе: Павловск, Детское Село, Пулковские высоты.

Массовые демонстрации в Стокгольме против блокады Советской России.

20—24. X. II съезд Коммунистической партии Германии в Гейдельберге. Исключение «левых» и раскол партии.

21. X. Бои под Пулковом. Поражение Юденича.

22. X. Перелом на Петроградском фронте. — Партизанское движение крестьян в районе базы деникинцев: Ромодан — Лохвица. — Начало недели обороны в Москве. — Организация рабочих дружин обороны Москвы.

23. X. Занятие Красной армией Павловска и Детского Села.

24. X. Занятие нами Воронежа. — Восстание крестьян в тылу у Деникина (Полтавская, Харьковская и Екатеринославская губ.).

Обсуждение в Финляндском сейме вопроса о мирных переговорах с Россией.

25. X. Занятие Красной армией Новосиля (Тульской губ.) и Тобольска.

26. X. Взятие нами Красного Села.

27. X. Постановление Британской Социалистической партии о присоединении к III Интернационалу. — Забастовочное движение в Америке.

29. X. Взятие Красной армией Петропавловска.

30. X. Обращение Н.К.И.Д. к трудящимся Англии, Франции и Эстонии по поводу участия эстонских войск в наступлении Юденича на Петроград и с указанием на происки Антанты, как на единственное препятствие к заключению мира между Советской Россией и Прибалтийскими государствами.

Отказ Финляндии от содействия Юденичу.

31. X. Взятие Красной армией Луги.

3. XI. Взятие нами Гатчины и Преображенского. — Восстание в тылу у Деникина.

5. XI. Взятие советскими войсками Чернигова.

Постановление В.Ц.И.К. об амнистии всех членов тех политических партий и групп, которые объявили мобилизацию своих членов на защиту Советской республики.

7. XI. Взятие Гдова, Севска и Мало-Архангельска Красной армией.

12. XI. Циркулярное письмо Ц.К. Р.К.П. (б.) к партийным организациям о борьбе с топливным кризисом. — Образование Всесибирским совещанием земств и городов Политического Центра в Иркутске.

13. XI. Меморандум чехо-словаков союзникам с требованием своего возвращения на родину.

14. XI. Взятие нами Ямбурга. Ликвидация наступления Юденича. — Занятие Омска, «столицы» Колчака, Красной армией, поддержанной рабочим восстанием в городе.

16. XI. Парламентские выборы во Франции. Победа национального блока. — Выборы в итальянский парламент. Блестящая победа Итальянской Социалистической партии.

16—19. XI. I Всероссийское совещание по работе в деревне.

17. XI. Взятие нами Курска.

19. XI. Восстание крестьян в меньшевистской Грузии.

20. XI. Опубликование обращения Центрального Организационного Бюро меньшинства партии эс-эров «Ко всем социалистам-революционерам».

20—26. XI. Основание Коммунистического Интернационала Молодежи на Учредительном конгрессе в Берлине.

22. XI—3. XII. II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока в Москве.

23. XI. Раскрытие в Петрограде белогвардейского военного заговора, во главе которого стояла организация, связанная с Юденичем и субсидировавшаяся Антантой.

30. XI. Взятие Яренска и Павлодара Красной армией.

30. XI—6. XII. Чрезвычайный съезд Независимой с.-д. партии Германии в Лейпциге. Принято решение о выходе из II Интернационала и вступлении в переговоры с Коммунистическим Интернационалом и другими социально-революционными организациями в целях создания нового Интернационала.

1. XII. Занятие Красной армией Сум.

2. XII. Занятие Ромн красной конницей.

2—4. XII. Всероссийская конференция Р.К.П. (б.) в Москве.

3—5. XII. I Всероссийский съезд земельных коммун и сельскохозяйственных артелей.

4. XII. Взятие нами Лохвицы, Гадяча и Павловска. — Взятие Акмолинска красными войсками.

Всеобщая забастовка в Италии.

5. XII. Открытие в Юрьеве мирной советско-эстонской конференции. От имени Верховного Союзного Совета представитель французского мининдела предостерегает Эстонию от заключения мира с Советской Россией.

5 — 9. XII. VII Всероссийский съезд Советов. Обращение ко всем державам с предложением мира.

7. XII. Взятие Красной армией Белгорода.

8. XII. Решение Гельсингфорсской с.-д. организации о присоединении к III Интернационалу.

10. XII. Занятие Волчанска Красной армией. — Отказ союзников Юденичу в помощи снаряжением.

11. XII. Занятие Красной армией Харькова. — Образование Всеукраинского Революционного Комитета.

Возвращение великобританским, французским и итальянским посланниками Литвинову его сообщения о мирном предложении Советской России.

Взятие Семипалатинска советскими войсками.

12. XII. Взятие Полтавы Красной армией. — Захват Минусинска и Красноярска повстанцами.

14. XII. Взятие нами Ново-Николаевска и Барнаула.

16. XII. Взятие Красной армией Киева и Переяславля.

Предложение Итальянского парламента правительству возобновить сношения с Советской Россией и сделать предложение союзным державам о снятии блокады с Советской России, прекращении военной интервенции и возобновлении сношений со всеми правительствами, существующими на территории России.

21. XII. Восстание рабочих в Черемхове против Колчака.

22. XII. Нота Н.К.И.Д. польскому правительству с предложением начать мирные переговоры.

22. XII. Взятие Томска Красной армией.

24. XII. Восстание в Иркутске вынуждает Колчаковское правительство к бегству. — Взятие Кременчуга и Фастова красными частями.

26. XII. Взятие Славянска, Славяносербска, Луганска и Золотоноши советскими войсками.

27. XII. Арест Колчака и его министра Пепеляева в Нижнеудинске.

Постановление С. Н. К. об образовании комиссии по вопросу о всеобщей трудовой повинности.

28. XII. Письмо Ленина к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным.

29. XII. Взятие Красной армией Бахмута.

30. XII. Взятие нами Екатеринослава. — Декрет С. Н. К. о ликвидации безграмотности среди населения Р. С. Ф. С. Р.

31. XII. Заключение Р.С.Ф.С.Р. договора о перемирии с Эстонией.

Нота Н.К.И.Д. Итальянскому правительству с предложением возобновления дипломатических сношений.

СОДЕРЖАНИЕ *)

---

*) Одной звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений, двумя — публикуемые впервые.

стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

стр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

XXIV ТОМ
СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
подготовлен к печати
Е. И. КОРОТКИМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
Е. И. КОРОТКИЙ, В. Г. СОРИН

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:
И. Д. ГАЛАКТИОНОВ, С. И. ГЕОРГИЕВСКИЙ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ПОМ. ДИРЕКТОРА ПО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
П. Ф. ГЕРАСИМОВА,
ТЕХНОРУКА ВЕЧЕРНЕЙ СМЕНЫ
П. А. КУЗЬМИНА,
ЗАВЕДУЮЩЕГО НАБОРНЫМ ЦЕХОМ
К. В. ГРОШЕВА,
БРИГАДИРОВ:
Г. Л. ГОРОДКО, И. А. СЕЙЛЮСА, В. А. УГОДНИКОВА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА, В. П. ФЕДОРОВА,
ЗАВЕДУЮЩЕГО КОРРЕКТОРСКИМ ЦЕХОМ
Н. Н. ШТУРЦА,
КОРРЕКТОРА
Е. А. ГУРЕВИЧ,
ЗАВЕДУЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ЦЕХОМ
Ф. И. НИКАНДРОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
А. И. ИВАНОВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ТЕХНИЧ. РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРЕПЛЕТНОГО ЦЕХА
А. П. РЕЙМАНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
И. С. БУХАРИНА И Р. Д. РОЖКИНОЙ

Книга сдана в печать с матриц 3/II 1932 г. Партиздат № 552/м. С, 70, тираж 40 000. Ленгорлит № 32 505. Зак. № 505. Бумага 62×94 см., $56^3/_4$ п. л. (88 320 тип. знак. на 1 бум. л.). Бум. лист. $28^3/_8$.

ЛЕНИН

